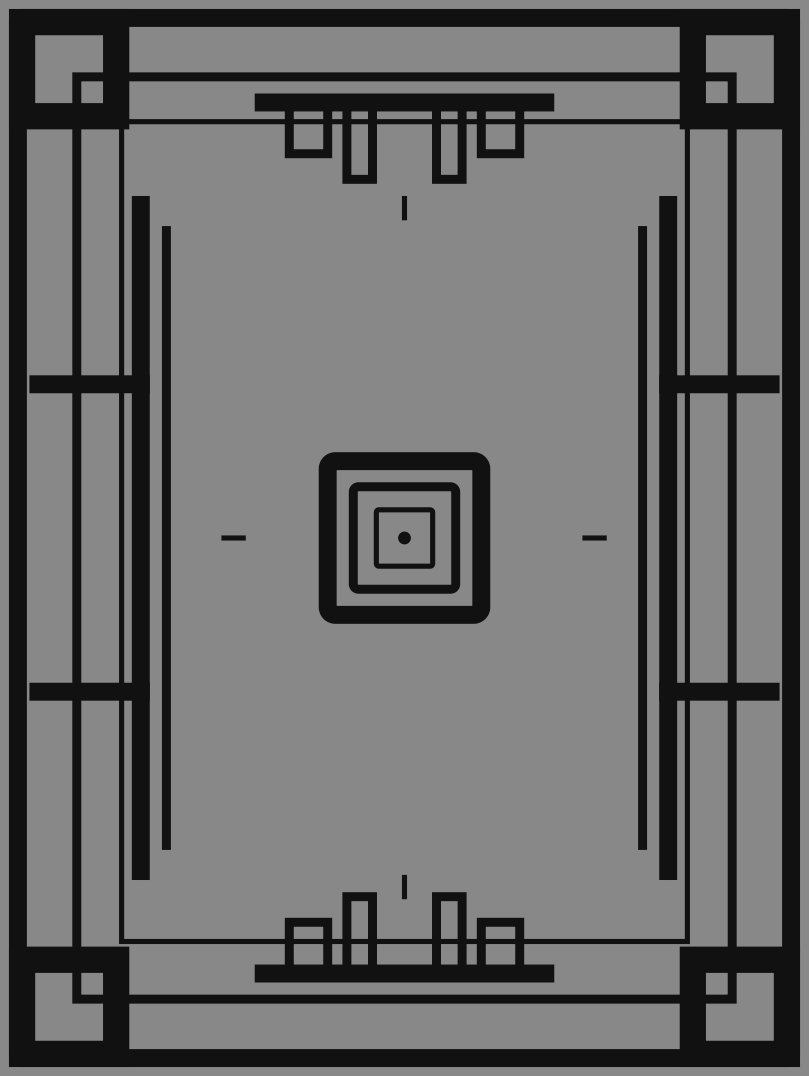

Унесенные ветром. Том 1 - английский и русский параллельные тексты

Маргарет Митчелл

Аннотация

Аннотация

«Унесенные ветром» — единственный роман Маргарет Митчелл (1900—1949). Ее жизнь рано оборвалась из-за трагической случайности, но образам Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера, рожденным воображением «маленькой смелой женщины» — как называли писательницу американские критики, — суждено жить вечно.

Это книга о любви и о войне, о предательстве и верности, о жестокости и о красоте самой жизни. Это одна из тех книг, к которым возвращаешься снова спустя годы и испытываешь радость от встречи...

Gone with the Wind Margaret Mitchell	Маргарет Митчелл УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ Том 1
PART ONE	ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
CHAPTER I	Глава 1
Scarlett O'Hara was not beautiful, but men seldom realized it when caught by her charm as the Tarleton twins were.	Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар.

In her face were too sharply blended the delicate features of her mother, a Coast aristocrat of French descent, and the heavy ones of her florid Irish father.	Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери - местной аристократки французского происхождения - и крупные, выразительные черты отца - пышущего здоровьем ирландца.
But it was an arresting face, pointed of chin, square of jaw.	Широкоскулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд.
Her eyes were pale green without a touch of hazel, starred with bristly black lashes and slightly tilted at the ends.	Особенно глаза - чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц.

Above them, her thick black brows slanted upward, cutting a startling oblique line in her magnolia-white skin- that skin so prized by Southern women and so carefully guarded with bonnets, veils and mittens against hot Georgia suns.	На белом, как лепесток магнолии, лбу - ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! - две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх -от переносицы к вискам.
Seated with Stuart and Brent Tarleton in the cool shade of the porch of Tara, her father's plantation, that bright April afternoon of 1861, she made a pretty picture.	Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары - обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру.

Her new green flowered-muslin dress spread its twelve yards of billowing material over her hoops and exactly matched the flat-heeled green morocco slippers her father had recently brought her from Atlanta.	Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками бел каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты.
The dress set off to perfection the seventeen-inch waist, the smallest in three counties, and the tightly fitting basque showed breasts well matured for her sixteen years.	Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст.

But for all the modesty of her spreading skirts, the demureness of hair netted smoothly into a chignon and the quietness of small white hands folded in her lap, her true self was poorly concealed. The green eyes in the carefully sweet face were turbulent, willful, lusty with life, distinctly at variance with her decorous demeanor.	Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически - стянутых тугим узлом и запрятанных в сетку волос, - ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зеленые глаза - беспокойные, яркие (о сколько в них было своенравия и огня!) - вступали в спор с учтивой светской сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой натуры.

Her manners had been imposed upon her by her mother's gentle admonitions and the sterner discipline of her mammy; her eyes were her own.	Манеры были результатом нежных наставлений матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала ей природа.
On either side of her, the twins lounged easily in their chairs, squinting at the sunlight through tall mint-garnished glasses as they laughed and talked, their long legs, booted to the knee and thick with saddle muscles, crossed negligently.	По обе стороны от нее, небрежно развалившись в креслах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников, близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла, заставляя жмуриться.

Nineteen years old, six feet two inches tall, long of bone and hard of muscle, with sunburned faces and deep auburn hair, their eyes merry and arrogant, their bodies clothed in identical blue coats and mustard-colored breeches, they were as much alike as two bolls of cotton.	Высокие, крепкотелые и узкобедрые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в одинаковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

Outside, the late afternoon sun slanted down in the yard, throwing into gleaming brightness the dogwood trees that were solid masses of white blossoms against the background of new green.	На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны цветущих кизиловых деревьев мерцали в косых лучах закатного солнца.

The twins' horses were hitched in the driveway, big animals, red as their masters' hair; and around the horses' legs quarreled the pack of lean, nervous possum hounds that accompanied Stuart and Brent wherever they went. A little aloof, as became an aristocrat, lay a black-spotted carriage dog, muzzle on paws, patiently waiting for the boys to go home to supper.	Лошади близнецов, крупные животные, золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, стояли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей переругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу, возлежал, опустив морду на лапы, пятнистый далматский дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся домой ужинать.

Between the hounds and the horses and the twins there was a kinship deeper than that of their constant companionship.	Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлучными товарищами - их роднили более крепкие узы.
They were all healthy, thoughtless young animals, sleek, graceful, high-spirited, the boys as mettlesome as the horses they rode, mettlesome and dangerous but, withal, sweet-tempered to those who knew how to handle them.	Молодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под стать друг другу одинаково жизнерадостны и беззаботны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, - горячи, а подчас и опасны, - но при всем том кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими нужно управлять.

Although born to the ease of plantation life, waited on hand and foot since infancy, the faces of the three on the porch were neither slack nor soft.	И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспитывались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица их не казались ни безвольными, ни изнеженными.
They had the vigor and alertness of country people who have spent all their lives in the open and troubled their heads very little with dull things in books.	В этих мальчиках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями.

Life in the north Georgia county of Clayton was still new and, according to the standards of Augusta, Savannah and Charleston, a little crude.	Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасты, пока что не утратила некоторого налета грубости.
The more sedate and older sections of the South looked down their noses at the up-country Georgians, but here in north Georgia, a lack of the niceties of classical education carried no shame, provided a man was smart in the things that mattered.	Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену.

And raising good cotton, riding well, shooting straight, dancing lightly, squiring the ladies with elegance and carrying one's liquor like a gentleman were the things that mattered.	А цену имело уменье вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.
In these accomplishments the twins excelled, and they were equally outstanding in their notorious inability to learn anything contained between the covers of books.	Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг.

Their family had more money, more horses, more slaves than any one else in the County, but the boys had less grammar than most of their poor Cracker neighbors.	Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей - "голодранцев", как называли белых бедняков на Юге.
It was for this precise reason that Stuart and Brent were idling on the porch of Tara this April afternoon.	Как раз но этой причине Стюарт и Брент и бездельничали в эти апрельские послеполуденные часы на крыльце Тары.

They had just been expelled from the University of Georgia, the fourth university that had thrown them out in two years; and their older brothers, Tom and Boyd, had come home with them, because they refused to remain at an institution where the twins were not welcome.	Их только что исключили из университета Джорджии - четвертого за последние два года университета, указавшего им на дверь, и их старшие братья. Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришлись не ко двору.

Stuart and Brent considered their latest expulsion a fine joke, and Scarlett, who had not willingly opened a book since leaving the Fayetteville Female Academy the year before, thought it just as amusing as they did.	Стюарт и Брент рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год - после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, - не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.
"I know you two don't care about being expelled, or Tom either," she said. "But what about Boyd?	- Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, - сказала она, - А вот как же Бойд?

He's kind of set on getting an education, and you two have pulled him out of the University of Virginia and Alabama and South Carolina and now Georgia.	Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы вытащили его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии.

He'll never get finished at this rate."	Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.
"Oh, he can read law in Judge Parmalee's office over in Fayetteville," answered Brent carelessly.	- Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, - беспечно отвечал Брент.
"Besides, it don't matter much.	- К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет.

We'd have had to come home before the term was out anyway."	Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.
"Why?"	- Почему?
"The war, goose!	- Так ведь война, глупышка!
The war's going to start any day, and you don't suppose any of us would stay in college with a war going on, do you?"	Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?
"You know there isn't going to be any war," said Scarlett, bored.	- Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, - досадливо отмахнулась Скарлетт.
"It's all just talk.	- Все это одни разговоры.

Why, Ashley Wilkes and his father told Pa just last week that our commissioners in Washington would come to-to-an-amicable agreement with Mr. Lincoln about the Confederacy.	Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... к обоюдоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации.
And anyway, the Yankees are too scared of us to fight.	Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать.
There won't be any war, and I'm tired of hearing about it."	Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.
"Not going to be any war!" cried the twins indignantly, as though they had been defrauded.	- Как это не будет войны! - возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессовестный обман.

"Why, honey, of course there's going to be a war," said Stuart.	- Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, - сказал Стюарт.
"The Yankees may be scared of us, but after the way General Beauregard shelled them out of Fort Sumter day before yesterday, they'll have to fight or stand branded as cowards before the whole world.	- Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегард выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет.
Why, the Confederacy-"	Ну, а Конфедерация...
Scarlett made a mouth of bored impatience.	Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

"If you say 'war' just once more, I'll go in the house and shut the door.	- Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово "война", я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом.
I've never gotten so tired of any one word in my life as 'war,' unless it's 'secession.'	Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот -"отделение от Союза".

Pa talks war morning, noon and night, and all the gentlemen who come to see him shout about Fort Sumter and States' Rights and Abe Lincoln till I get so bored I could scream!	Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: "форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!", и я прямо-таки готова визжать от скуки!

And that's all the boys talk about, too, that and their old Troop.	Ну, и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах.
There hasn't been any fun at any party this spring because the boys can't talk about anything else.	Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо другом.
I'm mighty glad Georgia waited till after Christmas before it seceded or it would have ruined the Christmas parties, too.	Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться от святок, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы.
If you say 'war' again, I'll go in the house."	Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

She meant what she said, for she could never long endure any conversation of which she was not the chief subject.	И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама.
But she smiled when she spoke, consciously deepening her dimple and fluttering her bristly black lashes as swiftly as butterflies' wings.	Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой, - памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, - и, словно бабочка крылышками, взмахнула длинными темными ресницами.
The boys were enchanted, as she had intended them to be, and they hastened to apologize for boring her.	Мальчики были очарованы - а только этого она и стремилась достичь - и поспешили принести извинения.

They thought none the less of her for her lack of interest.	Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах.
Indeed, they thought more.	По правде говоря, даже наоборот.
War was men's business, not ladies', and they took her attitude as evidence of her femininity.	Война - занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.
Having maneuvered them away from the boring subject of war, she went back with interest to their immediate situation.	Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

"What did your mother say about you two being expelled again?"	- А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?
The boys looked uncomfortable, recalling their mother's conduct three months ago when they had come home, by request, from the University of Virginia.	Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.
"Well," said Stuart, "she hasn't had a chance to say anything yet.	- Да, видишь ли, - сказал Стюарт, - она пока еще не имела возможности ничего сказать.
Tom and us left home early this morning before she got up, and Tom's laying out over at the Fontaines' while we came over here."	Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

"Didn't she say anything when you got home last night?"	- А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

"We were in luck last night.	- Вчера вечером нам повезло.
Just before we got home that new stallion Ma got in Kentucky last month was brought in, and the place was in a stew.	Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном.

The big brute-he's a grand horse, Scarlett; you must tell your pa to come over and see him right away-he'd already bitten a hunk out of his groom on the way down here and he'd trampled two of Ma's darkies who met the train at Jonesboro.	Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо.

And just before we got home, he'd about kicked the stable down and half-killed Strawberry, Ma's old stallion. When we got home, Ma was out in the stable with a sackful of sugar smoothing him down and doing it mighty well, too.	А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва но убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках -пыталась его улестить, и, надо сказать, не без успеха.
The darkies were hanging from the rafters, popeyed, they were so scared, but Ma was talking to the horse like he was folks and he was eating out of her hand.	Чернокожие повисли от страха на стропилах и таращили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук.

There ain't nobody like Ma with a horse.	Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма.
And when she saw us she said:	Тут она увидела нас и говорит:
'In Heaven's name, what are you four doing home again?	"Боже милостивый, что это вас опять принесло домой?
You're worse than the plagues of Egypt!'	Это же не дети, а чума египетская!"
And then the horse began snorting and rearing and she said:	Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала:
' Get out of here!	"Пошли вон отсюда!
Can't you see he's nervous, the big darling?	Не видите, что ли, - он же нервничает, мой голубок!

I'll tend to you four in the morning!'	А с вами я утром потолкую!"
So we went to bed, and this morning we got away before she could catch us and left Boyd to handle her."	Ну, мы легли спать и поутру ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался ее умасливать.
"Do you suppose she'll hit Boyd?"	- Как вы думаете, она вздует Бойда?
Scarlett, like the rest of the County, could never get used to the way small Mrs. Tarleton bullied her grown sons and laid her riding crop on their backs if the occasion seemed to warrant it.	- Скарлетт, как и все жители графств, просто не могла освоиться с мыслью, что "крошка" миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и прохаживается по их спинам хлыстом.

Beatrice Tarleton was a busy woman, having on her hands not only a large cotton plantation, a hundred negroes and eight children, but the largest horse-breeding farm in the state as well.	Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но вдобавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате.

She was hot-tempered and easily plagued by the frequent scrapes of her four sons, and while no one was permitted to whip a horse or a slave, she felt that a lick now and then didn't do the boys any harm.	Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.
"Of course she won't hit Boyd.	- Нет, конечно, Бойда она не тронет.

She never did beat Boyd much because he's the oldest and besides he's the runt of the litter," said Stuart, proud of his six feet two.	С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, - сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма.
"That's why we left him at home to explain things to her.	- Мы потому и оставили его дома объясняться с ней.
God'lmighty, Ma ought to stop licking us!	Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку!
We're nineteen and Tom's twenty-one, and she acts like we're six years old."	Нам же по девятнадцати, а Тому двадцать один, а она обращается с нами, как с шестилетними.

"Will your mother ride the new horse to the Wilkes barbecue tomorrow?"	- Ваша мама поедет завтра на барбекю note 1 к Уилксам на этой новой лошади?
"She wants to, but Pa says he's too dangerous.	- Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадь слишком горяча.
And, anyway, the girls won't let her.	Ну и девчонки ей не дадут.
They said they were going to have her go to one party at least like a lady, riding in the carriage."	Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме - в экипаже.
"I hope it doesn't rain tomorrow," said Scarlett.	- Лишь бы завтра не было дождя, - сказала Скарлетт.
"It's rained nearly every day for a week.	- Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя.

There's nothing worse than a barbecue turned into an indoor picnic."	Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.
"Oh, it'll be clear tomorrow and hot as June," said Stuart.	- Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, - сказал Стюарт.
"Look at that sunset. I never saw one redder.	- Погляди, какой закат - я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца!
You can always tell weather by sunsets."	Погоду всегда можно предсказать по закату.

They looked out across the endless acres of Gerald O'Hara's newly plowed cotton fields toward the red horizon.	Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханными безбрежными хлопковыми полями Джералда О'Хара пламенел закат.
Now that the sun was setting in a welter of crimson behind the hills across the Flint River, the warmth of the April day was ebbing into a faint but balmy chill.	Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло прохладой.

Spring had come early that year, with warm quick rains and sudden frothing of pink peach blossoms and dogwood dappling with white stars the dark river swamp and far-off hills.	Весна рано пришла в этом году - с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизиловых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов.
Already the plowing was nearly finished, and the bloody glory of the sunset colored the fresh-cut furrows of red Georgia clay to even redder hues.	Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багрецом.

The moist hungry earth, waiting upturned for the cotton seeds, showed pinkish on the sandy tops of furrows, vermilion and scarlet and maroon where shadows lay along the sides of the trenches.	Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лилово-пунцовые и бурые в густой тони, лежали, алкая хлопковых зерен посева.
The whitewashed brick plantation house seemed an island set in a wild red sea, a sea of spiraling, curving, crescent billows petrified suddenly at the moment when the pink-tipped waves were breaking into surf.	Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибоя.

For here were no long, straight furrows, such as could be seen in the yellow clay fields of the flat middle Georgia country or in the lush black earth of the coastal plantations.	Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель.
The rolling foothill country of north Georgia was plowed in a million curves to keep the rich earth from washing down into the river bottoms.	Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечное количество спиралей, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

It was a savagely red land, blood-colored after rains, brick dust in droughts, the best cotton land in the world.	Это была девственная красная земля -кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в засуху, - лучшая в мире для выращивания хлопка.
It was a pleasant land of white houses, peaceful plowed fields and sluggish yellow rivers, but a land of contrasts, of brightest sun glare and densest shade.	Это был приятный для глаз край белых особняков, мирных пашен и неторопливых, мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов - яркого солнца и глубоких теней.

The plantation clearings and miles of cotton fields smiled up to a warm sun, placid, complacent. At their edges rose the virgin forests, dark and cool even in the hottest noons, mysterious, a little sinister, the soughing pines seeming to wait with an age-old patience, to threaten with soft sighs:	Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся миля за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, -сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу:
"Be careful!	"Берегись!
Be careful!	Берегись!
We had you once.	Ты уже зарастало однажды, поле.

We can take you back again."	Мы можем завладеть тобою снова!"
To the ears of the three on the porch came the sounds of hooves, the jingling of harness chains and the shrill careless laughter of negro voices, as the field hands and mules came in from the fields.	До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, позвякивание упряжки, смех и перекличка резких негритянских голосов - работники и мулы возвращались с поля.
From within the house floated the soft voice of Scarlett's mother, Ellen O'Hara, as she called to the little black girl who carried her basket of keys.	И тут же из дома долетел нежный голос Эллин О'Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девчонку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

The high-pitched, childish voice answered "Yas'm," and there were sounds of footsteps going out the back way toward the smokehouse where Ellen would ration out the food to the home-coming hands.	- Да, мэм, - прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону коптильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых работ раздавала пищу неграм.
There was the click of china and the rattle of silver as Pork, the valet-butler of Tara, laid the table for supper.	Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

At these last sounds, the twins realized it was time they were starting home.	Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой.
But they were loath to face their mother and they lingered on the porch of Tara, momentarily expecting Scarlett to give them an invitation to supper.	Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.
"Look, Scarlett. About tomorrow," said Brent.	- Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? - сказал Брепт.

"Just because we've been away and didn't know about the barbecue and the ball, that's no reason why we shouldn't get plenty of dances tomorrow night.	- Мы тоже хотим потанцевать с тобой - ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал.
You haven't promised them all, have you?"	Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?
"Well, I have!	- Разумеется, вес!
How did I know you all would be home?	А отдула мне было знать, что вы прискачете домой?

I couldn't risk being a wallflower just waiting on you two."	Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

"You a wallflower!"	- Это ты-то?
The boys laughed uproariously.	- Близнецы оглушительно расхохотались.
"Look, honey. You've got to give me the first waltz and Stu the last one and you've got to eat supper with us.	- Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Сью - последний и за ужином сесть с нами.
We'll sit on the stair landing like we did at the last ball and get Mammy Jincy to come tell our fortunes again."	Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

"I don't like Mammy Jincy's fortunes.	- Мне не нравится, как она гадает.
You know she said I was going to marry a gentleman with jet-black hair and a long black mustache, and I don't like black-haired gentlemen."	Вы же слышали - она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов.
"You like 'em red-headed, don't you, honey?" grinned Brent.	- Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? -ухмыльнулся Брент.
"Now, come on, promise us all the waltzes and the supper."	- В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.
"If you'll promise, we'll tell you a secret," said Stuart.	- Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет,- сказал Стюарт.

"What?" cried Scarlett, alert as a child at the word.	- Вот как? - воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.
"Is it what we heard yesterday in Atlanta, Stu?	- Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте. Сью?
If it is, you know we promised not to tell."	Но ты помнишь - мы дали слово молчать.
"Well, Miss Pitty told us."	- Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.
"Miss Who?"	- Мисс - кто?
"You know, Ashley Wilkes' cousin who lives in Atlanta, Miss Pittypat Hamilton- Charles and Melanie Hamilton's aunt."	- Да эта, ты ее знаешь, кузина Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, - мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов.

"I do, and a sillier old lady I never met in all my life."	- Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.
"Well, when we were in Atlanta yesterday, waiting for the home train, her carriage went by the depot and she stopped and talked to us, and she told us there was going to be an engagement announced tomorrow night at the Wilkes ball."	- Так вот, когда мы вчера в Атланте дожидались своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.
"Oh. I know about that," said Scarlett in disappointment.	- Ну, это для меня не новость, - разочарованно протянул Скарлетт.

"That silly nephew of hers, Charlie Hamilton, and Honey Wilkes.	- Этот дурачок, Чарли Гамильтон, ее племянник, обручился с Милочкой Уилкс.
Everybody's known for years that they'd get married some time, even if he did seem kind of lukewarm about it."	Всем уже давным-давно известно что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.
"Do you think he's silly?" questioned Brent.	- Ты считаешь его дурачком? - спросил Брент.

"Last Christmas you sure let him buzz round you plenty."	- Однако па святках ты позволяла ему вовсю увиваться за тобой.
"I couldn't help him buzzing," Scarlett shrugged negligently.	- А как я могла ему запретить? - Скарлетт небрежно пожала плечами.

"I think he's an awful sissy."	- Все равно, по-моему, он ужасная размазня.
"Besides, it isn't his engagement that's going to be announced," said Stuart triumphantly. "It's Ashley's to Charlie's sister, Miss Melanie!"	- И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! - торжествующе выпалил Стюарт.
Scarlett's face did not change but her lips went white-like a person who has received a stunning blow without warning and who, in the first moments of shock, does not realize what has happened.	Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло.

So still was her face as she stared at Stuart that he, never analytic, took it for granted that she was merely surprised and very interested.	Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.
"Miss Pitty told us they hadn't intended announcing it till next year, because Miss Melly hasn't been very well; but with all the war talk going around, everybody in both families thought it would be better to get married soon.	- Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой.

So it's to be announced tomorrow night at the supper intermission.	Помолвка будет оглашена завтра за ужином.
Now, Scarlett, we've told you the secret, so you've got to promise to eat supper with us."	Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что сядешь ужинать с нами.
"Of course I will," Scarlett said automatically.	- Ну конечно, с вами, - машинально пробормотала Скарлетт.
"And all the waltzes?"	- И обещаешь отдать нам все вальсы?
"All."	- Обещаю.
"You're sweet!	- Ну, ты - прелесть.
I'll bet the other boys will be hopping mad."	Воображаю, как все мальчишки взбесятся!
"Let 'em be mad," said Brent.	- А пускай себе бесятся, - сказал Брент.

"We two can handle 'em.	- Мы вдвоем легко с ними управимся.
Look, Scarlett. Sit with us at the barbecue in the morning."	Послушай, Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.
"What?"	- Что ты сказал?
Stuart repeated his request.	Стюарт повторил свою просьбу.
"Of course."	- Ладно.
The twins looked at each other jubilantly but with some surprise.	Близнецы переглянулись - торжествующе, но не без удивления.

Although they considered themselves Scarlett's favored suitors, they had never before gained tokens of this favor so easily.	Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими.
Usually she made them beg and plead, while she put them off, refusing to give a Yes or No answer, laughing if they sulked, growing cool if they became angry.	Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила за нос, не говоря ни "да", ни "нет", высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться.

And here she had practically promised them the whole of tomorrow-seats by her at the barbecue, all the waltzes (and they'd see to it that the dances were all waltzes!) and the supper intermission.	А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день - сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе.
This was worth getting expelled from the university.	Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Filled with new enthusiasm by their success, they lingered on, talking about the barbecue and the ball and Ashley Wilkes and Melanie Hamilton, interrupting each other, making jokes and laughing at them, hinting broadly for invitations to supper.	Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина.
Some time had passed before they realized that Scarlett was having very little to say.	Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова.
The atmosphere had somehow changed.	Наконец и они ощутили какую-то перемену.

Just how, the twins did not know, but the fine glow had gone out of the afternoon.	Сияющий вечер словно бы потускнел - только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло.
Scarlett seemed to be paying little attention to what they said, although she made the correct answers.	Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад.
Sensing something they could not understand, baffled and annoyed by it, the twins struggled along for a while, and then rose reluctantly, looking at their watches.	Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

The sun was low across the new-plowed fields and the tall woods across the river were looming blackly in silhouette.	Солнце стояло уже совсем низко над свежевспаханным полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес.
Chimney swallows were darting swiftly across the yard, and chickens, ducks and turkeys were waddling and strutting and straggling in from the fields.	Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой проносились над двором, а куры, утки и индюки, одни - важно вышагивая, другие - переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.
Stuart bellowed:	Стюарт громко крикнул:
"Jeems!"	- Джимс!

And after an interval a tall black boy of their own age ran breathlessly around the house and out toward the tethered horses.	И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи.

Jeems was their body servant and, like the dogs, accompanied them everywhere.	Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду.
He had been their childhood playmate and had been given to the twins for their own on their tenth birthday.	Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения.

At the sight of him, the Tarleton hounds rose up out of the red dust and stood waiting expectantly for their masters.	Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев.
The boys bowed, shook hands and told Scarlett they'd be over at the Wilkeses' early in the morning, waiting for her.	Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там.
Then they were off down the walk at a rush, mounted their horses and, followed by Jeems, went down the avenue of cedars at a gallop, waving their hats and yelling back to her.	Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощание и размахивая шляпами.

When they had rounded the curve of the dusty road that hid them from Tara, Brent drew his horse to a stop under a clump of dogwood.	За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Брент остановил лошадь в тени кизиловых деревьев.
Stuart halted, too, and the darky boy pulled up a few paces behind them.	Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении.
The horses, feeling slack reins, stretched down their necks to crop the tender spring grass, and the patient hounds lay down again in the soft red dust and looked up longingly at the chimney swallows circling in the gathering dusk.	Лошади, почувствовав ослабевшие поводья, принялись пощипывать нежную весеннюю траву, а терпеливые собаки снова улеглись в мягкую красную пыль, с вожделением поглядывая на круживших в сгущающихся сумерках ласточек.

Brent's wide ingenuous face was puzzled and mildly indignant.	На широком простодушном лице Брента было написано недоумение и легкая обида.
"Look," he said.	- Послушай, - сказал он.
"Don't it look to you like she would of asked us to stay for supper?"	- Не кажется ли тебе, что она могла бы пригласить нас поужинать?
"I thought she would," said Stuart. "I kept waiting for her to do it, but she didn't.	- Я, признаться, тоже этого ждал, да так и не дождался, - отвечал Стюарт.
What do you make of it?"	- Что ты скажешь, а?
"I don't make anything of it.	- Не знаю, что и сказать.

But it just looks to me like she might of.	Странно как-то.
After all, it's our first day home and she hasn't seen us in quite a spell.	В конце концов, мы ведь давно не виделись и, как приехали, - прямо к ней.
And we had lots more things to tell her."	И даже почти ничего еще не успели и рассказать.
"It looked to me like she was mighty glad to see us when we came."	- Мне показалось, что она поначалу здорово обрадовалась, увидав нас.
"I thought so, too."	- Да, мне тоже так подумалось.
"And then, about a half-hour ago, she got kind of quiet, like she had a headache."	- А потом вдруг как-то притихла, словно у нее голова разболелась.

"I noticed that but I didn't pay it any mind then.	- Да, я заметил, но не придал этому значения.
What do you suppose ailed her?"	Что это с ней, как ты думаешь?
"I dunno.	- Не пойму.
Do you suppose we said something that made her mad?"	Может, мы сказали что-нибудь такое, что ее рассердило?
They both thought for a minute.	На минуту оба погрузились в размышления.
"I can't think of anything.	- Ничего такого не могу припомнить.
Besides, when Scarlett gets mad, everybody knows it.	И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно.

She don't hold herself in like some girls do."	Она не то что другие девчонки - у нее тут же все вырывается наружу.
"Yes, that's what I like about her.	- Да, это мне как раз в ней и нравится.
She don't go around being cold and hateful when she's mad-she tells you about it.	Она, когда сердится, не превращается в ледышку и не обливает тебя презрением, а просто выкладывает все начистоту.
But it was something we did or said that made her shut up talking and look sort of sick.	И все-таки, видно, мы что-то не то сказали или сделали - почему она вдруг примолкла и стала какая-то скучная.
I could swear she was glad to see us when we came and was aiming to ask us to supper."	Могу поклясться, что она обрадовалась, увидав нас, и, похоже, хотела пригласить поужинать.

"You don't suppose it's because we got expelled?"	- Может, это потому, что нас опять вышвырнули из университета?
"Hell, no!	- Ну да, черта с два!
Don't be a fool.	Не будь идиотом.
She laughed like everything when we told her about it.	Она же хохотала как чумовая, когда мы ей об этом рассказывали.
And besides Scarlett don't set any more store by book learning than we do."	Да она не больше нашего уважает всю эту книжную премудрость.
Brent turned in the saddle and called to the negro groom.	Брент, повернувшись в седле, кликнул своего негра-грума.
"Jeems!"	- Джимс!
"Suh?"	- Да, сэр!

"You heard what we were talking to Miss Scarlett about?"	- Ты слышал наш разговор с мисс Скарлетт?
"Nawsuh, Mist' Brent!	- Не-е, сэр, мистер Брент!
Huccome you think Ah be spyin' on w'ite folks?"	Вы уж скажете! Да чтоб я стал подслушивать за белыми господами!
"Spying, my God!	- А то нет, черт побери!
You darkies know everything that goes on.	У вас, черномазых, всегда ушки на макушке!

Why, you liar, I saw you with my own eyes sidle round the corner of the porch and squat in the cape jessamine bush by the wall.	Я же видел, как ты, врунишка, слонялся вокруг крыльца и прятался за жасминовым кустом у стены.

Now, did you hear us say anything that might have made Miss Scarlett mad-or hurt her feelings?"	Ну-ка, вспомни, не сказали ли мы чего-нибудь такого, что могло бы рассердить или обидеть мисс Скарлетт?
Thus appealed to, Jeems gave up further pretense of not having overheard the conversation and furrowed his black brow.	После такого призыва к его сообразительности Джимс бросил притворство и сосредоточенно сдвинул черные брови.
"Nawsuh, Ah din' notice y'all say anything ter mek her mad.	- Не-е, сэр, такого я не заметил, она вроде не сердилась.

Look ter me lak she sho glad ter see you an' sho had missed you, an' she cheep along happy as a bird, tell 'bout de time y'all got ter talkin' 'bout Mist' Ashley an' Miss Melly Hamilton gittin' mah'ied. Den she quiet down lak a bird w'en de hawk fly ober."	Она вроде очень обрадовалась, похоже, сильно без вас скучала и, покамест вы не сказали про мистера Эшли и мисс Мелли Г амильтон - про то, что они поженятся, - все щебетала как птичка, а тут вдруг вся съежилась, будто ястреба увидела.
The twins looked at each other and nodded, but without comprehension.	Близнецы переглянулись и кивнули, но на их лицах все еще было написано недоумение.
"Jeems is right.	- Джимс прав, - сказал Стюарт.
But I don't see why," said Stuart.	- Но в чем тут дело, в толк не возьму.

"My Lord! Ashley don't mean anything to her, 'cept a friend.	Черт подери, она же никогда не интересовалась Эшли - он для нее просто друг.
She's not crazy about him.	Она нисколько им не увлечена.
It's us she's crazy about."	Во всяком случае, не так, как нами.
Brent nodded an agreement.	Брент утвердительно кивнул.
"But do you suppose," he said, "that maybe Ashley hadn't told her he was going to announce it tomorrow night and she was mad at him for not telling her, an old friend, before he told everybody else?	- А может, ей обидно, что Эшли ничего не сказал ей про завтрашнее оглашение - они же как-никак друзья детства?

Girls set a big store on knowing such things first."	Девчонки любят узнавать такие новости первыми - это для них почему-то важно.
"Well, maybe.	- Может, и так.
But what if he hadn't told her it was tomorrow?	Да только... ну, что с того, что не сказал?
It was supposed to be a secret and a surprise, and a man's got a right to keep his own engagement quiet, hasn't he?	Это ведь держалось от всех в тайне, потому что было задумано как сюрприз. И в конце концов, разве человек не имеет права молчать о своей помолвке?
We wouldn't have known it if Miss Melly's aunt hadn't let it out.	Мы бы ведь тоже ничего бы не узнали, не проболтайся нам тетушка мисс Мелли.

But Scarlett must have known he was going to marry Miss Melly sometime.	К тому же Скарлетт не могла не знать, что Эшли рано или поздно женится на мисс Мелли.
Why, we've known it for years.	Мы-то знаем про это давным-давно.
The Wilkes and Hamiltons always marry their own cousins.	Так уж у них повелось - у Гамильтонов и Уилксов: жениться на кузинах.

Everybody knew he'd probably marry her some day, just like Honey Wilkes is going to marry Miss Melly's brother, Charles."	Всем было известно, что Эшли когда-нибудь женится на мисс Мелли, а Милочка У илкс выйдет замуж за ее брата Чарльза.
"Well, I give it up.	- Ладно, не желаю больше ломать себе над этим голову.

But I'm sorry she didn't ask us to supper.	Жаль только, что она не пригласила нас поужинать.
I swear I don't want to go home and listen to Ma take on about us being expelled.	Признаться, мне страсть как неохота домой и выслушивать маменькины вопли по поводу нашего исключения из университета.
It isn't as if this was the first time."	А ведь пора бы ей и привыкнуть.
"Maybe Boyd will have smoothed her down by now.	- Будем надеяться, что Бойду уже удалось ее умаслить.
You know what a slick talker that little varmint is.	Ты же знаешь, как у этого хитреца ловко подвешен язык.
You know he always can smooth her down."	Он всегда умеет ее задобрить.

"Yes, he can do it, but it takes Boyd time.	- Да, конечно, но па это ему нужно время.
He has to talk around in circles till Ma gets so confused that she gives up and tells him to save his voice for his law practice.	Он будет кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы и она не сложит оружие и не велит ему приберечь свое красноречие для адвокатской практики.
But he ain't had time to get good started yet.	А Бойду небось даже не удалось пока что и подступиться к ма.
Why, I'll bet you Ma is still so excited about the new horse that she'll never even realize we're home again till she sits down to supper tonight and sees Boyd.	Бьюсь об заклад, что она все еще в таком упоении от своего нового жеребца, что о нас и думать забыла и вспомнит про наше исключение, только когда сядет ужинать и увидит за столом Бойда.

And before supper is over she'll be going strong and breathing fire.	Ну, а к концу ужина она уже распалится вовсю и будет метать громы и молнии.
And it'll be ten o'clock before Boyd gets a chance to tell her that it wouldn't have been honorable for any of us to stay in college after the way the Chancellor talked to you and me.	А часам к десяти, и никак не раньше, Бойду удастся втолковать ей, что было бы унизительно для любого из ее сыновей оставаться в учебном заведении, где ректор позволил себе разговаривать с нами в таком тоне.
And it'll be midnight before he gets her turned around to where she's so mad at the Chancellor she'll be asking Boyd why he didn't shoot him.	И лишь к полуночи Бойд наконец так заморочит ей голову, что она взбесится и будет кричать на него - почему он не пристрелил ректора.

No, we can't go home till after midnight."	Нет, раньше, как к ночи, нам домой лучше не соваться.
The twins looked at each other glumly.	Близнецы хмуро поглядели друг на друга.

They were completely fearless of wild horses, shooting affrays and the indignation of their neighbors, but they had a wholesome fear of their red-haired mother's outspoken remarks and the riding crop that she did not scruple to lay across their breeches.	Они, никогда не робевшие ни в драке, ни перед необъезженным скакуном, ни перед разгневанными соседями-плантаторами, испытывали священный трепет перед беспощадным языком своей рыжеволосой матушки и ее хлыстом, который она без стеснения пускала прогуляться по их задам.

"Well, look," said Brent.	- Знаешь что, - сказал Брент.
"Let's go over to the Wilkes.	- Давай поедем к Уилксам.
Ashley and the girls'll be glad to have us for supper."	Эшли и барышни будут рады, если мы поужинаем с ними.
Stuart looked a little discomforted.	Но Стюарт, казалось, смутился.
"No, don't let's go there.	- Нет, не стоит к ним ехать.
They'll be in a stew getting ready for the barbecue tomorrow and besides-"	У них там небось дым коромыслом - готовятся к завтрашнему барбекю, и притом...

"Oh, I forgot about that," said Brent hastily.	- Ах да, я и забыл, - поспешно перебил его Брент.
"No, don't let's go there."	- Нет, туда мы не поедем.
They clucked to their horses and rode along in silence for a while, a flush of embarrassment on Stuart's brown cheeks.	Они прищелкнули языком, трогая лошадей с места, и некоторое время ехали в полном молчании. Смуглые щеки Стюарта порозовели от смущения.
Until the previous summer, Stuart had courted India Wilkes with the approbation of both families and the entire County.	До прошлого лета он усиленно ухаживал за Индией Уилкс с молчаливого одобрения своих и ее родителей и всей округи.

The County felt that perhaps the cool and contained India Wilkes would have a quieting effect on him.	Все жители графства полагали, что спокойная, уравновешенная Индия Уилкс может оказать благотворное влияние на этого малого.
They fervently hoped so, at any rate.	Во всяком случае, они горячо на нее уповали.
And Stuart might have made the match, but Brent had not been satisfied.	И Стюарт мог бы заключить этот брачный союз, но Бренту это было не по душе.

Brent liked India but he thought her mighty plain and tame, and he simply could not fall in love with her himself to keep Stuart company.	Нельзя сказать, чтобы Индия совсем не нравилась Бренту, но он все же находил ее слишком простенькой и скучной и никакими силами не мог заставить себя влюбиться в нее, чтобы составить Стюарту компанию.
That was the first time the twins' interest had ever diverged, and Brent was resentful of his brother's attentions to a girl who seemed to him not at all remarkable.	Впервые за всю жизнь близнецы разошлись во вкусах, и Брента злило, что его брат оказывает внимание девушке, ничем, по его мнению, не примечательной.

Then, last summer at a political speaking in a grove of oak trees at Jonesboro, they both suddenly became aware of Scarlett O'Hara.	А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара.

They had known her for years, and, since their childhood, she had been a favorite playmate, for she could ride horses and climb trees almost as well as they.	Они дружили с ней не первый год, и еще со школьных лет она была неизменной участницей всех их детских проказ, так как скакала верхом и лазила по деревьям почти столь же ловко, как они.

But now to their amazement she had become a grown-up young lady and quite the most charming one in all the world.	А теперь, к полному их изумлению, внезапно превратилась в настоящую молодую леди, и притом прелестнейшую из всех живущих на земле.
They noticed for the first time how her green eyes danced, how deep her dimples were when she laughed, how tiny her hands and feet and what a small waist she had.	Они впервые заметили, какие искорки пляшут в ее зеленых глазах, какие ямочки играют на щеках, когда она улыбается, какие у нее изящные ручки и маленькие ножки и какая тонкая талия.

Their clever remarks sent her into merry peals of laughter and, inspired by the thought that she considered them a remarkable pair, they fairly outdid themselves.	Близнецы отпускали шутки, острили, а она заливалась серебристым смехом, и, видя, что она отдает им должное, они лезли из кожи вон.
It was a memorable day in the life of the twins.	Это был памятный в их жизни день.
Thereafter, when they talked it over, they always wondered just why they had failed to notice Scarlett's charms before.	Впоследствии, не раз возвращаясь к нему в воспоминаниях, близнецы только диву давались, как это могло случиться, что они столь долго оставались нечувствительными к чарам Скарлетт О'Хара.

They never arrived at the correct answer, which was that Scarlett on that day had decided to make them notice.	Они так и не нашли ответа на этот вопрос, а секрет состоял в том, что в тот день Скарлетт сама решила привлечь к себе их внимание.
She was constitutionally unable to endure any man being in love with any woman not herself, and the sight of India Wilkes and Stuart at the speaking had been too much for her predatory nature.	Знать, что кто-то влюблен не в нее, а в другую девушку, всегда было для Скарлетт сущей мукой, и видеть Стюарта возле Индии Уилкс оказалось для этой маленькой хищницы совершенно непереносимым.

Not content with Stuart alone, she had set her cap for Brent as well, and with a thoroughness that overwhelmed the two of them.	Не удовольствовавшись одним Стюартом, она решила заодно пленить и Брента и проделала это с таким искусством, что ошеломила обоих.
Now they were both in love with her, and India Wilkes and Letty Munroe, from Lovejoy, whom Brent had been half-heartedly courting, were far in the back of their minds.	Теперь они оба были влюблены в нее по уши, а Индия У илкс и Летти Манро из имения Отрада, за которой от нечего делать волочился Брент, отступили на задний план.
Just what the loser would do, should Scarlett accept either one of them, the twins did not ask.	Каково будет оставшемуся с носом, если Скарлетт отдаст предпочтение одному из них, - над этим близнецы не задумывались.

They would cross that bridge when they came to it.	Когда придет срок решать, как тут быть, тогда они и решат.
For the present they were quite satisfied to be in accord again about one girl, for they had no jealousies between them.	А пока что оба были очень довольны гармонией, наступившей в их сердечных делах, ибо ревности не было места в отношениях братьев.
It was a situation which interested the neighbors and annoyed their mother, who had no liking for Scarlett.	Такое положение вещей чрезвычайно возбуждало любопытство соседей и раздражало их мать, недолюбливавшую Скарлетт.

"It will serve you right if that sly piece does accept one of you," she said.	- Поделом вам обоим будет, если эта продувная девчонка надумает заарканить одного из вас, -сказала маменька.

"Or maybe she'll accept both of you, and then you'll have to move to Utah, if the Mormons'll have you-which I doubt...	- А может, она решит, что двое лучше одного, и тогда вам придется переселиться в Юту, к мормонам... если только они вас примут, в чем я сильно сомневаюсь.
All that bothers me is that some one of these days you're both going to get lickered up and jealous of each other about that two-faced, little, green-eyed baggage, and you'll shoot each other.	Боюсь, что в один прекрасный день вы просто-напросто напьетесь и перестреляете друг друга из-за этой двуличной зеленоглазой вертушки.
But that might not be a bad idea either."	А впрочем, может, оно бы и к лучшему.

Since the day of the speaking, Stuart had been uncomfortable in India's presence.	С того дня - после митинга - Стюарт в обществе Индии чувствовал себя не в своей тарелке.
Not that India ever reproached him or even indicated by look or gesture that she was aware of his abruptly changed allegiance.	Ни словом, ни взглядом, ни намеком не дала ему Индия понять, что заметила резкую перемену в его отношении к ней.
She was too much of a lady.	Она была слишком хорошо для этого воспитана.
But Stuart felt guilty and ill at ease with her.	Но Стюарт не мог избавиться от чувства вины и испытывал поэтому неловкость.

He knew he had made India love him and he knew that she still loved him and, deep in his heart, he had the feeling that he had not played the gentleman.	Он понимал, что вскружил Индии голову, понимал, что она и сейчас все еще любит его, а он - в глубине души нельзя было в этом не признаться - поступает с ней не по-джентльменски.
He still liked her tremendously and respected her for her cool good breeding, her book learning and all the sterling qualities she possessed.	Он по-прежнему восхищался ею и безмерно уважал ее за воспитанность, благородство манер, начитанность и прочие драгоценные качества, коими она обладала.

But, damn it, she was just so pallid and uninteresting and always the same, beside Scarlett's bright and changeable charm.	Но, черт подери, она была так бесцветна, так тоскливо-однообразна по сравнению с яркой, изменчивой, очаровательно-капризной Скарлетт.
You always knew where you stood with India and you never had the slightest notion with Scarlett.	С Индией всегда все было ясно, а Скарлетт была полна неожиданностей.
That was enough to drive a man to distraction, but it had its charm.	Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была ее своеобразная прелесть.

"Well, let's go over to Cade Calvert's and have supper.	- Ну, давай поедем к Кэйду Калверту и поужинаем у него.
Scarlett said Cathleen was home from Charleston.	Скарлетт говорила, что Кэтлин вернулась домой из Чарльстона.
Maybe she'll have some news about Fort Sumter that we haven't heard."	Быть может, она знает какие-нибудь подробности про битву за форт Самтер.
"Not Cathleen.	- Это Кэтлин-то?

I'll lay you two to one she didn't even know the fort was out there in the harbor, much less that it was full of Yankees until we shelled them out.	Держу пари, она не знает даже, что этот форт стоит у входа в гавань, и уж по-давно ей не известно, что там было полным-полно янки, пока мы не выбили их оттуда.
All she'll know about is the balls she went to and the beaux she collected."	У нее на уме одни балы и поклонники, которых она, по-моему, коллекци-онирует.
"Well, it's fun to hear her gabble.	- Ну и что? Ее болтовню все равно забавно слу-шать.
And it'll be somewhere to hide out till Ma has gone to bed."	И во всяком случае, мы можем переждать там, пока ма не уляжется спать.
"Well, hell!	- Ладно, черт побери!

I like Cathleen and she is fun and I'd like to hear about Caro Rhett and the rest of the Charleston folks; but I'm damned if I can stand sitting through another meal with that Yankee stepmother of hers."	Я ничего не имею против Кэтлин, она действительно забавная, и всегда интересно послушать, как она рассказывает про Кэро Ретта и всех прочих, кто там в Чарльстоне. Но будь я проклят, если усижу за столом с этой янки - ее мачехой.
"Don't be too hard on her, Stuart.	- Ну, чего ты так на нее взъелся, Стюарт?
She means well."	Она же полна самых лучших побуждений.
"I'm not being hard on her. I feel sorry for her, but I don't like people I've got to feel sorry for.	- Я на нее не взъелся - мне ее жалко, а я не люблю людей, которые вызывают во мне жалость.

And she fusses around so much, trying to do the right thing and make you feel at home, that she always manages to say and do just exactly the wrong thing.	А она уж так хлопочет, так старается, чтобы все было как можно лучше и все чувствовали себя как дома, что непременно сказанет что-нибудь невпопад.
She gives me the fidgets!	Она действует мне на нервы!
And she thinks Southerners are wild barbarians.	И при этом она ведь считает всех нас, южан, дикарями.
She even told Ma so.	Даже прямо так и сказала ма.
She's afraid of Southerners.	Она, видите ли, боится южан.

Whenever we're there she always looks scared to death.	Белеет как мел всякий раз при нашем появлении.
She reminds me of a skinny hen perched on a chair, her eyes kind of bright and blank and scared, all ready to flap and squawk at the slightest move anybody makes."	Ей-богу, она похожа на испуганную курицу, когда сидит на стуле, прямая как палка, моргает блестящими, круглыми от страха глазами, и так и кажется, что вот-вот захлопает крыльями и закудахчет, стоит кому-нибудь пошевелиться.
"Well, you can't blame her.	- Так и не удивительно.
You did shoot Cade in the leg."	Ты же прострелил Кэйду ногу.
"Well, I was lickered up or I wouldn't have done it," said Stuart.	- Я был пьян, иначе не стал бы стрелять, -возразил Стюарт.

"And Cade never had any hard feelings.	- И Кэйд не держит на меня зла.
Neither did Cathleen or Raiford or Mr. Calvert.	Да и Кэтлин, и Рейфорд, и мистер Калверт.

It was just that Yankee stepmother who squalled and said I was a wild barbarian and decent people weren't safe around uncivilized Southerners."	Одна только эта их мачеха-северянка подняла крик, что я, дескать, варвар и порядочным людям небезопасно жить среди этих нецивилизованных дикарей-южан.
"Well, you can't blame her.	- Что ж, она по-своему права.

She's a Yankee and ain't got very good manners; and, after all, you did shoot him and he is her stepson."	Она ведь янки, откуда ей набраться хороших манер. И в конце-то концов, ты же все-таки стрелял в него, а он ее пасынок.
"Well, hell! That's no excuse for insulting me!	- Да черт подери, разве это причина, чтобы оскорблять меня!
You are Ma's own blood son, but did she take on that time Tony Fontaine shot you in the leg?	А когда Тони Фонтейн всадил пулю тебе в ногу, разве ма поднимала вокруг этого шум? А ведь ты ей не пасынок, как-никак - родной сын.
No, she just sent for old Doc Fontaine to dress it and asked the doctor what ailed Tony's aim.	Однако она просто послала за доктором Фонтейном, чтобы он перевязал рану, и спросила - как это Тони угораздило так промахнуться.

Said she guessed licker was spoiling his marksmanship.	Верно, он был пьян, сказала она.
Remember how mad that made Tony?"	Помнишь, как взбесился тогда Тони?
Both boys yelled with laughter.	И при этом воспоминании оба так и покатились со смеху.
"Ma's a card!" said Brent with loving approval.	- Да, мать у нас что надо! - с нежностью в голосе заметил Брент.
"You can always count on her to do the right thing and not embarrass you in front of folks."	- На нее всегда можно положиться - уж она-то поступит как нужно и не оконфузит тебя в глазах друзей.

"Yes, but she's mighty liable to talk embarrassing in front of Father and the girls when we get home tonight," said Stuart gloomily.	- Но похоже, она может здорово оконфузить нас в глазах отца и девчонок, когда мы заявимся сегодня вечером домой, - угрюмо изрек Стюарт.
"Look, Brent. I guess this means we don't go to Europe.	- Знаешь, Брент, сдается мне, ухнула теперь наша поездка в Европу.
You know Mother said if we got expelled from another college we couldn't have our Grand Tour."	Ты помнишь, ма сказала: если нас снова вышибут из университета, не видать нам большого турне как своих ушей.
"Well, hell! We don't care, do we?	- Ну и черт с ним, верно?
What is there to see in Europe?	Чего мы не видали в Европе?

I'll bet those foreigners can't show us a thing we haven't got right here in Georgia.	Чем, скажи на милость, могут эти иностранцы похвалиться перед нами, что у них там такое есть, чего нет у нас в Джорджии?
I'll bet their horses aren't as fast or their girls as pretty, and I know damn well they haven't got any rye whisky that can touch Father's."	Держу пари, что девушки у них не красивее наших и лошади не быстрее, и могу поклясться, что их кукурузному виски далеко до отцовского.
"Ashley Wilkes said they had an awful lot of scenery and music.	- Эшли Уилкс говорит, что у них потрясающая природа и замечательная музыка.
Ashley liked Europe.	Эшли очень нравится Европа.

He's always talking about it."	Он вечно про нее рассказывает.

"Well-you know how the Wilkes are.	- Ты же знаешь, что за народ эти Уилксы.
They are kind of queer about music and books and scenery.	Они ведь все прямо помешаны на музыке, на книгах и на красивых пейзажах.
Mother says it's because their grandfather came from Virginia.	Мать говорит - это потому, что их дедушка родом из Виргинии.
She says Virginians set quite a store by such things."	Она утверждает, что они все там только этим и интересуются.
"They can have 'em.	- Ну и пусть забирают себе все это.

Give me a good horse to ride and some good licker to drink and a good girl to court and a bad girl to have fun with and anybody can have their Europe... What do we care about missing the Tour?	А мне дайте резвую лошадь, стакан хорошего вина, порядочную девушку, за которой можно приволокнуться, и не очень порядочную, с которой можно поразвлечься, и забирайте себе вашу Европу, нужна она мне очень... Не пустят нас в это турне - ну и наплевать!
Suppose we were in Europe now, with the war coming on?	Представь себе, что мы сейчас были бы в Европе, а тут, того и гляди, начнется война?
We couldn't get home soon enough.	Нам бы нипочем не поспеть назад!
I'd heap rather go to a war than go to Europe."	Чем ехать в Европу, я лучше пойду воевать.

"So would I, any day... Look, Brent! I know where we can go for supper. Let's ride across the swamp to Abel Wynder's place and tell him we're all four home again and ready for drill."	- Да и я, в любую минуту... Слушай, Брент, я знаю, куда нам можно поехать поужинать: дернем-ка прямо через болота к Эйблу Уиндеру и скажем ему, что мы опять дома, все четверо, и в любую минуту готовы стать под ружье.
"That's an idea!" cried Brent with enthusiasm.	- Правильно! - с жаром поддержал его Брент.
"And we can hear all the news of the Troop and find out what color they finally decided on for the uniforms."	- И там мы уж наверняка узнаем все последние новости об Эскадроне и что они в конце концов решили насчет цвета мундиров.

"If it's Zouave, I'm damned if I'll go in the troop.	- А вдруг они подумают нарядить нас, как зуавов? Будь я проклят, если запишусь тогда в их войско!
I'd feel like a sissy in those baggy red pants.	Я же буду чувствовать себя девчонкой в этих широких красных штанах!
They look like ladies' red flannel drawers to me."	Они, ей-богу, как две капли воды похожи на женские фланелевые панталоны.
"Is y'all aimin' ter go ter Mist' Wynder's?	- Да вы никак собрались ехать к мистеру Уиндеру? - вмешался Джимс.
'Cause ef you is, you ain' gwine git much supper," said Jeems.	- Что ж, езжайте, только не ждите, что вам там добрый ужин подадут.
"Dey cook done died, an' dey ain' bought a new one.	У них кухарка померла, а новой они еще не купили.

Dey got a fe'el han' cookin', an' de niggers tells me she is de wustest cook in de state."	Стряпает пока одна негритянка с плантации, и мне тамошние негры сказывали, что такой поганой стряпни не видано нигде во всем белом свете.

"Good God!	- Вот черт!
Why don't they buy another cook?"	А чего ж они не купят новой поварихи!
"Huccome po' w'ite trash buy any niggers?	- Да откуда у такой нищей белой швали возьмутся деньги покупать себе негров?
Dey ain' never owned mo'n fo' at de mostes'."	У них сроду больше четырех рабов не было.
There was frank contempt in Jeems' voice.	В голосе Джимса звучало нескрываемое презрение.

His own social status was assured because the Tarletons owned a hundred negroes and, like all slaves of large planters, he looked down on small farmers whose slaves were few.	Ведь его хозяевами были Тарлтоны - владельцы сотни негров, и это возвышало его в собственных глазах; подобно многим неграм с крупных плантаций, он смотрел свысока на мелких фермеров, у которых рабов было раз-два и обчелся.
"I'm going to beat your hide off for that," cried Stuart fiercely.	- Я с тебя сейчас шкуру за эти слова спущу! -вскричал взбешенный Стюарт.
Don't you call Abel Wynder 'po' white.'	- Да как ты смеешь называть Эйбла Уивдера "нищей белой швалью"!

Sure he's poor, but he ain't trash; and I'm damned if I'll have any man, darky or white, throwing off on him.	Конечно, он беден, но вовсе не шваль, и я, черт побери, не позволю никому, ни черному, ни белому, отвиваться о нем дурно.
There ain't a better man in this County, or why else did the Troop elect him lieutenant?"	Он - лучший человек в графстве, иначе его не произвели бы в лейтенанты.
"Ah ain' never figgered dat out, mahseff," replied Jeems, undisturbed by his master's scowl.	- Во-во, я и сам диву даюсь, - совершенно невозмутимо ответствовал Джимс.
"Look ter me lak dey'd 'lect all de awficers frum rich gempmum, 'stead of swamp trash."	- По мне, так им бы надоть избрать себе офицеров из тех, кто побогаче, а не какую попало шваль.
"He ain't trash!	- Он не шваль.

Do you mean to compare him with real white trash like the Slatterys?	Ты не равняй его с такой, к примеру, швалью, как Слэттери.
Able just ain't rich.	Эйбл, правда, не богат.
He's a small farmer, not a big planter, and if the boys thought enough of him to elect him lieutenant, then it's not for any darky to talk impudent about him.	Он не крупный плантатор, просто маленький фермер, и если ребята сочли его достойным чина лейтенанта, не твоего ума дело судить об этом, черномазый.
The Troop knows what it's doing."	В Эскадроне знают что делают.

The troop of cavalry had been organized three months before, the very day that Georgia seceded from the Union, and since then the recruits had been whistling for war.	Кавалерийский Эскадрон был создан три месяца назад, в тот самый день, когда Джорджия откололась от Союза Штатов, и сразу же начался призыв волонтеров.
The outfit was as yet unnamed, though not for want of suggestions.	Новая войсковая часть еще не получила никакого наименования, но отнюдь не из-за отсутствия предложений.

Everyone had his own idea on that subject and was loath to relinquish it, just as everyone had ideas about the color and cut of the uniforms.	У каждого было наготове свое, я никто не желал от него отказываться. Точно такие же споры разгорелись и по вопросу о цвете и форме обмундирования.

"Clayton Wild Cats,"	"Клейтонские тигры",
"Fire Eaters,"	"Пожиратели огня",
"North Georgia Hussars,"	"Гусары Северной Джорджии",
"Zouaves,"	"Зуавы",
"The Inland Rifles" (although the Troop was to be armed with pistols, sabers and bowie knives, and not with rifles),	"Территориальные винтовки" (последнее -невзирая на то, что кавалерию предполагалось вооружить пистолетами, саблями и охотничьими ножами, а вовсе не винтовками),
"The Clayton Grays,"	"Клейтонские драгуны",
"The Blood and Thunderers,"	"Кровавые громовержцы",

"The Rough and Readys," all had their adherents.	"Молниеносные и беспощадные" - каждое из этих наименований имело своих приверженцев.
Until matters were settled, everyone referred to the organization as the Troop and, despite the high-sounding name finally adopted, they were known to the end of their usefulness simply as "The Troop."	А пока вопрос оставался открытым, все называли повое формирование просто Эскадроном, и так оно и просуществовало до самого конца, хотя впоследствии ему и было присвоено некое весьма пышное наименование.

The officers were elected by the members, for no one in the County had had any military experience except a few veterans of the Mexican and Seminole wars and, besides, the Troop would have scorned a veteran as a leader if they had not personally liked him and trusted him.	Офицеры избирались самими волонтерами, ибо, кроме некоторых ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, никто во всем графстве не обладал ни малейшим военным опытом, а подчиняться приказам ветеранов, если они не вызывали к себе личной симпатии и доверия, ни у кого не было охоты.

Everyone liked the four Tarleton boys and the three Fontaines, but regretfully refused to elect them, because the Tarletons got lickered up too quickly and liked to skylark, and the Fontaines had such quick, murderous tempers.	Четверо тарлтонских юношей были всем очень по сердцу, так же как и трое молодых Фонтейнов, но, к общему прискорбию, за них не пожелали голосовать, ибо Тарлтоны легко напивались и были буйны во хмелю, а Фонтейны вообще, отличались вспыльчивым нравом и слыли отчаянными головорезами.

Ashley Wilkes was elected captain, because he was the best rider in the County and because his cool head was counted on to keep some semblance of order. Raiford Calvert was made first lieutenant, because everybody liked Raif, and Able Wynder, son of a swamp trapper, himself a small farmer, was elected second lieutenant.	Эшли Уилксу присвоили звание капитана, поскольку он был лучшим наездником графства, а его хладнокровие и выдержка могли обеспечить некое подобие порядка в рядах Эскадрона, Рейфорд Калверт был назначен старшим лейтенантом, потому что Рейфа любили все, а звание лейтенанта получил Эйбл Уиндер, сын старого траппера и сам владелец небольшой фермы.

Abel was a shrewd, grave giant, illiterate, kind of heart, older than the other boys and with as good or better manners in the presence of ladies.	Эйбл был огромный здоровяк, старше всех в Эскадроне но возрасту, добросердечный, не, шибко образованный, но умный, смекалистый и весьма галантный в обхождении с дамами.

There was little snobbery in the Troop.	Дух снобизма был Эскадрону чужд.
Too many of their fathers and grandfathers had come up to wealth from the small farmer class for that.	Ведь в его составе насчитывалось немало таких, чьи отцы и деды нажили свое состояние, начав с обработки небольшого фермерского участка.

Moreover, Able was the best shot in the Troop, a real sharpshooter who could pick out the eye of a squirrel at seventy-five yards, and, too, he knew all about living outdoors, building fires in the rain, tracking animals and finding water.	А Эйбл был лучшим стрелком в Эскадроне, непревзойденно метким стрелком попадал в глаз белке с расстояния в семьдесят пять ярдов - и к тому же знал толк в бивачной жизни: был отличным следопытом, умел разжечь костер под проливным дождем и найти ключевую году.
The Troop bowed to real worth and moreover, because they liked him, they made him an officer.	Эскадрон оценил его по заслугам, он пришелся всем по душе, и его сделали офицером.

He bore the honor gravely and with no untoward conceit, as though it were only his due.	Он принял оказанную ему честь с достоинством и без излишнего зазнайства - просто как положенное.
But the planters' ladies and the planters' slaves could not overlook the fact that he was not born a gentleman, even if their men folks could.	Однако жены и рабы плантаторов, в отличие от своих мужей и хозяев, не могли забыть, что Эйбл Уиндер выходец из низов.
In the beginning, the Troop had been recruited exclusively from the sons of planters, a gentleman's outfit, each man supplying his own horse, arms, equipment, uniform and body servant.	На первых порах в Эскадрон набирали только сыновей плантаторов, это было подразделение джентльменов, и каждый вступал в него со своим конем, собственным оружием, обмундированием, прочей, экипировкой и слугой-рабом.

But rich planters were few in the young county of Clayton, and, in order to muster a full-strength troop, it had been necessary to raise more recruits among the sons of small farmers, hunters in the backwoods, swamp trappers, Crackers and, in a very few cases, even poor whites, if they were above the average of their class.	Но в молодом графстве Клейтон богатых плантаторов было не так-то много, и для того, чтобы сформировать полноценную войсковую единицу, возникла необходимость набирать волонтеров среди сыновей мелких фермеров, трапперов, охотников за пушным зверем и болотной дичью, а в отдельных редких случаях -даже из числа белых бедняков, если они по личным достоинствам несколько возвышались над своим сословием.

These latter young men were as anxious to fight the Yankees, should war come, as were their richer neighbors; but the delicate question of money arose.	Эти молодые люди, так же как и их богатые соотечественники, горели желанием сразиться с янки, если война все же начнется, - но тут возникал деликатный вопрос денежных расходов.
Few small farmers owned horses.	Редко кто из мелких фермеров имел лошадей.
They carried on their farm operations with mules and they had no surplus of these, seldom more than four.	Они возделывали свою землю на мулах, да и в этих животных у них не было излишка, - в лучшем случае две-три пары.

The mules could not be spared to go off to war, even if they had been acceptable for the Troop, which they emphatically were not.	Пожертвовать своими мулами для военных нужд они не могли, даже если бы в Эскадроне возникла потребность в мулах, чего, разумеется, никак не могло произойти.
As for the poor whites, they considered themselves well off if they owned one mule.	А белые бедняки почитали себя на вершине благоденствия, если имели хотя бы одного мула.

The backwoods folks and the swamp dwellers owned neither horses nor mules.	Что же до охотников и трапперов, то у тех и подавно не было ни лошадей, ни мулов.

They lived entirely off the produce of their lands and the game in the swamp, conducting their business generally by the barter system and seldom seeing five dollars in cash a year, and horses and uniforms were out of their reach.	Они питались тем, что приносил им их клочок земли, или подстреленной дичью, а также за счет простого товарообмена: пятидолларовая бумажка раз в году являлась большой редкостью в их руках, и ни о каких лошадях и мундирах им не приходилось и помышлять.
But they were as fiercely proud in their poverty as the planters were in their wealth, and they would accept nothing that smacked of charity from their rich neighbors.	Однако они в своей бедности были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никогда не приняли бы от богатых соседей никакой подачки, ничего, хотя бы отдаленно смахивающего на милостыню.

So, to save the feelings of all and to bring the Troop up to full strength, Scarlett's father, John Wilkes, Buck Munroe, Jim Tarleton, Hugh Calvert, in fact every large planter in the County with the one exception of Angus MacIntosh, had contributed money to completely outfit the Troop, horse and man.	А посему, дабы сформировать Эскадрон, не уязвляя при этом ничьего самолюбия, отец Скарлетт, Джон Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт и другие, а в сущности, каждый крупный плантатор графства, за исключением одного только Энгуса Макинтоша, выложили денежки на экипировку и лошадей для Эскадрона.

The upshot of the matter was that every planter agreed to pay for equipping his own sons and a certain number of the others, but the manner of handling the arrangements was such that the less wealthy members of the outfit could accept horses and uniforms without offense to their honor.	В конечном счете каждый плантатор согласился внести деньги на экипировку своих сыновей и еще некоторого количества чужих молодцов, но все это было облечено в такую форму, что менее имущие члены Эскадрона могли получить обмундирование и лошадь без малейшего ущемления своей гордости.
The Troop met twice a week in Jonesboro to drill and to pray for the war to begin.	Дважды в неделю Эскадрон собирался в Джонсборо - проходить строевую подготовку и молить бога, чтобы поскорее началась война.

Arrangements had not yet been completed for obtaining the full quota of horses, but those who had horses performed what they imagined to be cavalry maneuvers in the field behind the courthouse, kicked up a great deal of dust, yelled themselves hoarse and waved the Revolutionary-war swords that had been taken down from parlor walls.	Нехватка в лошадях еще была, но те, кто уже сидел в седле, проводил - как это им представлялось - кавалерийские маневры в поле позади здания суда, поднимая облака пыли, надрывая глотки до хрипоты и размахивая саблями времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных или кабинетов.

Those who, as yet, had no horses sat on the curb in front of Bullard's store and watched their mounted comrades, chewed tobacco and told yarns.	Те же, кто еще не обзавелся конем, сидели на приступочке перед лавкой Булларда, наблюдали за своими гарцующими на лошадях товарищами по оружию, жевали табак и делились слухами.
Or else engaged in shooting matches.	А порой состязались в стрельбе.
There was no need to teach any of the men to shoot.	Особой нужды в обучении этих парней стрельбе не возникало.

Most Southerners were born with guns in their hands, and lives spent in hunting had made marksmen of them all.	Большинство южан приобщались к огнестрельному оружию чуть не с колыбели, а повседневная охота на всевозможную дичь сделала каждою из них метким стрелком.

From planters' homes and swamp cabins, a varied array of firearms came to each muster.	Самые разнообразные виды огнестрельного оружия поступали из домов плантаторов и хижин трапперов всякий раз, как Эскадрон объявлял сбор.

There were long squirrel guns that had been new when first the Alleghenies were crossed, old muzzle-loaders that had claimed many an Indian when Georgia was new, horse pistols that had seen service in 1812, in the Seminole wars and in Mexico, silver-mounted dueling pistols, pocket derringers, doublebarreled hunting pieces and handsome new rifles of English make with shining stocks of fine wood.	Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу еще в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы: старые, заряжающиеся с дула мушкеты, имевшие на своем счету немало индейских душ во времена освоения Джорджии: кавалерийские пистолеты, сослужившие службу в 1812 году в стычках с индейским племенем семинолов и в Мексиканской войне; дуэльные пистолеты с серебряной насечкой: коротконствольные крупнокалиберные пистолеты; охотничьи двустволки и красивые новые винтовки английской выделки с блестящими отполированными ложами из благородных пород дерева.

Drill always ended in the saloons of Jonesboro, and by nightfall so many fights had broken out that the officers were hard put to ward off casualties until the Yankees could inflict them.	Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу увечья - подождать, пока это сделают янки.
It was during one of these brawls that Stuart Tarleton had shot Cade Calvert and Tony Fontaine had shot Brent.	В одной из таких стычек и всадил Стюарт Тарлтон пулю в Кэйда Калверта, а Тони Фонтейн - в Брента.

The twins had been at home, freshly expelled from the University of Virginia, at the time the Troop was organized and they had joined enthusiastically; but after the shooting episode, two months ago, their mother had packed them off to the state university, with orders to stay there.	В те дни, когда формировался Эскадрон, близнецы, только что изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой и с воодушевлением завербовались в его ряды. Однако после упомянутой перестрелки, два месяца назад, их матушка снова отправила своих молодцов в университет - на этот роз в Джорджии, - с приказом: оттуда ни шагу.

They had sorely missed the excitement of the drills while away, and they counted education well lost if only they could ride and yell and shoot off rifles in the company of their friends.	Пребывая там, они, к великому огорчению, пропустили радости и волнения учебных сборов и теперь сочли, что университетским образованием вполне можно пожертвовать ради удовольствия скакать верхом, стрелять и драть глотку в компании приятелей.
"Well, let's cut across country to Abel's," suggested Brent.	- Ладно, поехали к Эйблу, - решил Брент.
"We can go through Mr. O'Hara's river bottom and the Fontaine's pasture and get there in no time."	- Мы можем переправиться через реку вброд во владениях мистера О'Хара, а потом в два счета доберемся туда через фонтейновские луга.

"We ain' gwine git nothin' ter eat 'cept possum an' greens," argued Jeems.	- Только не ждите, что вас там чем-нибудь накормят, окромя жаркого из опоссума и бобов, - бубнил свое Джимс.
"You ain't going to get anything," grinned Stuart.	- А ты вообще не получишь ничего, - усмехнулся Стюарт.

"Because you are going home and tell Ma that we won't be home for supper."	- Потому как ты сейчас отправишься к ма и скажешь ей, чтоб нас но ждали к ужину.
"No, Ah ain'!" cried Jeems in alarm.	- Ой нет, не поеду! - в ужасе вскричал Джимс.
"No, Ah ain'!	- Не поеду, нет!
Ah doan git no mo' fun outer havin' Miss Beetriss lay me out dan y'all does.	Больно-то мне надо, чтоб хозяйка с меня, заместо вас, шкуру спустила!

Fust place she'll ast me huccome Ah let y'all git expelled agin.	Перво-наперво она спросит, как это я недоглядел, что вас опять из ученья выперли.
An' nex' thing, huccome Ah din' bring y'all home ternight so she could lay you out.	А потом я буду виноват, что вы сейчас из дома улизнули и она не может дать вам взбучку.
An' den she'll light on me lak a duck on a June bug, an' fust thing Ah know Ah'll be ter blame fer it all.	Йот тут она и начнет меня трепать, как утка дождевого червя, и н один стану за все в ответе.

Ef y'all doan tek me ter Mist' Wynder's, Ah'll lay out in de woods all night an' maybe de patterollers git me, 'cause Ah heap ruther de patterollers git me dan Miss Beetriss when she in a state."	Нет уж, ежели вы не возьмете меня с собой к мистеру Уиндеру, я убегу в лес, схоронюсь там на всю ночь, и пущай меня забирает патруль - все лучше, чем попасться хозяйке под горячую руку.
The twins looked at the determined black boy in perplexity and indignation.	Близнецы негодующе и растерянно поглядели на исполненного решимости чернокожего мальчишку.
"He'd be just fool enough to let the patterollers get him and that would give Ma something else to talk about for weeks.	- С этого идиота и вправду хватит нарваться на патруль, и тогда ма не успокоится еще неделю.

I swear, darkies are more trouble.	Честное слово, с этими черномазыми одна морока.
Sometimes I think the Abolitionists have got the right idea."	Иной раз мне кажется, что аболиционисты не так-то уж и плохо придумали.
"Well, it wouldn't be right to make Jeems face what we don't want to face.	- Нечестно, если на то пошло, заставлять Джимса расплачиваться за нас.
We'll have to take him.	Придется взять его с собой.

But, look, you impudent black fool, if you put on any airs in front of the Wynder darkies and hint that we all the time have fried chicken and ham, while they don't have nothing but rabbit and possum, I'll-I'll tell Ma.	Но слушай ты, черномазый негодник, посмей только задирать нос перед тамошними неграми и хвалиться, что у нас жарят цыплят и запекают окорока, в то время как они питаются только кроликами да опоссумами, и я... я, пожалуюсь на тебя ма.
And we won't let you go to the war with us, either."	И мы не возьмем тебя с собой на войну.
"Airs?	- Задирать нос?
Me put on airs fo' dem cheap niggers?	Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми?
Nawsuh, Ah got better manners.	Нет, сэр, я не так воспитан.

Ain' Miss Beetriss taught me manners same as she taught y'all?"	Миссис Беатриса научила меня по части хороших манер, почитай что не хуже вас умею.
"She didn't do a very good job on any of the three of us," said Stuart. "Come on, let's get going."	- Ну, в этом деле она не слишком-то преуспела -что с нами, что с тобой, - сказал Стюарт, - Ладно, поехали.

He backed his big red horse and then, putting spurs to his side, lifted him easily over the split rail fence into the soft field of Gerald O'Hara's plantation.	Он осадил своего крупного гнедого жеребца, а затем, дав ему шпоры, легко поднял над редкой изгородью из жердей и пустил по вспаханному полю Джералда О'Хара.

Brent's horse followed and then Jeems', with Jeems clinging to pommel and mane.	Брент послал свою лошадь за гнедым жеребцом, а следом за юношами перемахнул через изгородь и Джимс, прильнув к луке и вцепившись в гриву.
Jeems did not like to jump fences, but he had jumped higher ones than this in order to keep up with his masters.	Джимс не испытывал ни малейшей охоты перепрыгивать через изгороди, но ему приходилось брать и более высокие препятствия, дабы не отставать от своих хозяев.
As they picked their way across the red furrows and down the hill to the river bottom in the deepening dusk, Brent yelled to his brother:	В сгущавшихся сумерках они поскакали по красным бороздам пашни и, спустившись с холма, уже приближались к реке, когда Брент крикнул брату:

"Look, Stu! Don't it seem like to you that Scarlett WOULD have asked us to supper?"	- Послушай, Сью, а ведь, что ни говори, Скарлетт должна была бы пригласить нас поужинать?
"I kept thinking she would," yelled Stuart.	- Да я все время об этом думаю, - крикнул в ответ Стюарт.
"Why do you suppose..."	- Ну а почему, как ты полагаешь...
CHAPTER II	Глава 2
When the twins left Scarlett standing on the porch of Tara and the last sound of flying hooves had died away, she went back to her chair like a sleepwalker.	Когда близнецы ускакали и стук копыт замер вдали, Скарлетт, в оцепенении стоявшая на крыльце, повернулась и, словно сомнамбула, направилась обратно к покинутому креслу.

Her face felt stiff as from pain and her mouth actually hurt from having stretched it, unwillingly, in smiles to prevent the twins from learning her secret.	Она так старалась ничем не выдать своих чувств, что лицо у нее от напряжения странно онемело, а на губах еще дрожала вымученная улыбка.
She sat down wearily, tucking one foot under her, and her heart swelled up with misery, until it felt too large for her bosom.	Она тяжело опустилась в кресло, поджав под себя одну ногу и чувствуя, как сердцу становится тесно в груди от раздиравшего его горя.
It beat with odd little jerks; her hands were cold, and a feeling of disaster oppressed her.	Она болезненно ощущала его короткие частые толчки и свои странно заледеневшие ладони, и чувство ужасного, непоправимого несчастья овладело всем ее существом.

There were pain and bewilderment in her face, the bewilderment of a pampered child who has always had her own way for the asking and who now, for the first time, was in contact with the unpleasantness of life.	Боль и растерянность были написаны на ее лице -растерянность избалованного ребенка, привыкшего немедленно получать все, чего ни попросит, и теперь впервые столкнувшегося с неведомой еще теневой стороной жизни.
Ashley to marry Melanie Hamilton!	Эшли женится на Мелани Гамильтон!
Oh, it couldn't be true!	Нет, это неправда!
The twins were mistaken.	Близнецы что-то напутали.
They were playing one of their jokes on her.	Или, как всегда, разыгрывают ее.

Ashley couldn't, couldn't be in love with her. Nobody could, not with a mousy little person like Melanie.	Не может, не может Эшли любить Мелани Да и кто полюбит этого бесцветного мышонка!

Scarlett recalled with contempt Melanie's thin childish figure, her serious heart-shaped face that was plain almost to homeliness.	Скарлетт с инстинктивным презрением и сознанием своего превосходства воскресила в памяти тоненькую детскую фигурку Мелани, ее серьезное личико, напоминающее своим овалом сердечко - такое простенькое, что его можно было даже назвать некрасивым.
And Ashley couldn't have seen her in months.	К тому же Эшли не виделся с ней месяцами.

He hadn't been in Atlanta more than twice since the house party he gave last year at Twelve Oaks.	После тех танцев в прошлом году в Две-надцати Дубах он был в Атланте не более двух раз.
No, Ashley couldn't be in love with Melanie, because-oh, she couldn't be mistaken!-because he was in love with her!	Нет, Эшли не любит Мелани, потому что... - вот тут уж она никак не может ошибаться - потому что он влюб-лен в нее, в Скарлетт!
She, Scarlett, was the one he loved-she knew it!	Он любит ее - это-то она знает твердо!

Scarlett heard Mammy's lumbering tread shaking the floor of the hall and she hastily untucked her foot and tried to rearrange her face in more placid lines.	Скарлетт услышала, как под тяжелой поступью Мамушки в холле задрожал пол, и, поспешно выбросив из-под себя ногу, постаралась придать лицу настолько возможно безмятежное выражение.
It would never do for Mammy to suspect that anything was wrong.	Ни под каким видом нельзя допустить, чтобы Мамушка заподозрила что-то неладное.

Mammy felt that she owned the O'Haras, body and soul, that their secrets were her secrets; and even a hint of a mystery was enough to set her upon the trail as relentlessly as a bloodhound.	Мамушка считала всех О'Хара во ей непререкаемой собственностью, принадлежащей ей со всеми потрохами, со всеми мыслями, чувствами, и полагала, что у них не может быть от нее секретов, а потому малейшего намека на какую-либо тайну достаточно было, чтобы пустить ее по следу, неутомимую и беспощадную, словно гончая.

Scarlett knew from experience that, if Mammy's curiosity were not immediately satisfied, she would take up the matter with Ellen, and then Scarlett would be forced to reveal everything to her mother, or think up some plausible lie.	Скарлетт по опыту знала: если только любопытство Мамушки не будет немедленно удовлетворено, она тут же побежит к хозяйке, и тогда, хочешь не хочешь, придется во всем признаваться или придумывать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю.

Mammy emerged from the hall, a huge old woman with the small, shrewd eyes of an elephant. She was shining black, pure African, devoted to her last drop of blood to the O'Haras, Ellen's mainstay, the despair of her three daughters, the terror of the other house servants.	Мамушка всплыла из холла. Эта пожилая негритянка необъятных размеров с маленькими, умными, как у слона, глазками и черной лоснящейся кожей чистокровной африканки была душой и телом предана семейству О'Хара и являлась главным оплотом хозяйки дома, грозой всех слуг и нередко причиной слез трех хозяйских дочек.
Mammy was black, but her code of conduct and her sense of pride were as high as or higher than those of her owners.	Да, кожа у Мамушки была черная, но по части понятия о хороших манерах и чувства собственного достоинства она ничуть не уступала белым господам.

She had been raised in the bedroom of Solange Robillard, Ellen O'Hara's mother, a dainty, cold, high-nosed French- woman, who spared neither her children nor her servants their just punishment for any infringement of decorum.	Она росла и воспитывалась в спальне Соланж Робийяр, матери Эллин О'Хара, изящной и невозмутимой, высокомерной француженки, одинаково жестко каравшей как детей своих, так и слуг за малейшее нарушение приличий.
She had been Ellen's mammy and had come with her from Savannah to the up-country when she married.	Будучи приставлена к Эллин, Мамушка, когда Эллин вышла замуж, прибыла вместе с ней из Саванны в Северную Джорджию.

Whom Mammy loved, she chastened. And, as her love for Scarlett and her pride in her were enormous, the chastening process was practically continuous.	Кого люблю, того уму-разуму учу - было для Мамушки законом, а поскольку она и любила Скарлетт, и гордилась ею безмерно, то и учить ее, уму-разуму не уставала никогда.
"Is de gempmum gone?	- А где ж жентмуны - никак уехали?
Huccome you din' ast dem ter stay fer supper, Miss Scarlett?	Как жо вы не пригласили их отужинать, мисс Скарлетт?
Ah done tole Poke ter lay two extry plates fer dem.	Я уже велела Порку поставить два лишних прибора.
Whar's yo' manners?"	Где ваши майеры, Мисс?

"Oh, I was so tired of hearing them talk about the war that I couldn't have endured it through supper, especially with Pa joining in and shouting about Mr. Lincoln."	- Ах, мне так надоело слушать про войну, что и просто была не в состоянии терпеть эту пытку еще и за ужином. А там, глядишь, и папа присоединился бы к ним и ну Громить Линкольна.
"You ain' got no mo' manners dan a fe'el han', an' after Miss Ellen an' me done labored wid you.	- Вы ведете себя не лучше любой негритянки с плантация, мисс, и это после всех-то наших с вашей маменькой трудов!
An' hyah you is widout yo' shawl!	Да еще сидите тут на ветру без шали!
An' de night air fixin' ter set in! Ah done tole you an' tole you 'bout gittin' fever frum settin' in de night air wid nuthin' on yo' shoulders.	Сколько раз я вам толковала - попомните мое слово, схватите лихорадку, ежели будете сидеть ввечеру с голыми плечами.

Come on in de house, Miss Scarlett."	Марш в дом, мисс Скарлетт!
Scarlett turned away from Mammy with studied nonchalance, thankful that her face had been unnoticed in Mammy's preoccupation with the matter of the shawl.	Скарлетт с деланным безразличием отвернулась от Мамушки, радуясь, что та, озабоченная отсутствием шали, не заметила ее расстроенного лица.
"No, I want to sit here and watch the sunset.	- Не хочу. Я посижу здесь, полюбуюсь на закат.
It's so pretty.	Он так красив.
You run get my shawl. Please, Mammy, and I'll sit here till Pa comes home."	Пожалуйста, Мамушка, принеси мне шаль, а я подожду здесь папу.

"Yo' voice soun' lak you catchin' a cole," said Mammy suspiciously.	- Да вы, похоже, уже простыли - голос-то какой хриплый, - еще пуще забеспокоилась Мамушка.
"Well, I'm not," said Scarlett impatiently.	- Вовсе нет, - досадливо промолвила Скарлетт.
"You fetch me my shawl."	- Принеси мне шаль.

Mammy waddled back into the hall and Scarlett heard her call softly up the stairwell to the upstairs maid. "You, Rosa!	Мамушка заковыляла обратно в холл, и до Скарлетт долетел ее густой голос - звавший одну из горничных, прислуживавших на верхнем этаже, - Эй, Роза!
Drap me Miss Scarlett's shawl."	Сбрось-ка мне сюда шаль мисс Скарлетт!

Then, more loudly: "Wuthless nigger!	- Затем последовал еще более громкий возглас: -Вот безмозглое созданье!
She ain' never whar she does nobody no good.	Ну, чтоб хоть был от нее какой-то прок!
Now, Ah got ter climb up an' git it mahseff."	Нет, видать, придется самой лезть наверх!
Scarlett heard the stairs groan and she got softly to her feet.	Скарлетт услышала, как застонали ступеньки лестницы, и тихонько поднялась с кресла.

When Mammy returned she would resume her lecture on Scarlett's breach of hospitality, and Scarlett felt that she could not endure prating about such a trivial matter when her heart was breaking.	Сейчас вернется Мамушка и снова примется отчитывать ее за нарушение правил гостеприимства, а Скарлетт чувствовала, что не в силах выслушивать весь этот вздор, когда сердце у нее рвется на, части.

As she stood, hesitant, wondering where she could hide until the ache in her breast subsided a little, a thought came to her, bringing a small ray of hope.	Она стояла в нерешительности, раздумывая, куда бы ей укрыться, пока не утихнет немного боль в груди, и тут ее осенила неожиданная мысль, и впереди сразу забрезжил луч надежды.
Her father had ridden over to Twelve Oaks, the Wilkes plantation, that afternoon to offer to buy Dilcey, the broad wife of his valet, Pork.	Отец уехал после обеда в Двенадцать Дубов с намерением откупить у них Дилси - жену Порка, его лакея.

Dilcey was head woman and midwife at Twelve Oaks, and, since the marriage six months ago, Pork had deviled his master night and day to buy Dilcey, so the two could live on the same plantation.	Дилси была повивальной бабкой в Двенадцати Дубах и старшей над прислугой, и Порк денно и нощно изводил хозяина просьбами откупить Дилси, чтобы они могли жить вместе на одной плантации.
That afternoon, Gerald, his resistance worn thin, had set out to make an offer for Dilcey.	Сегодня Джералд, сдавшись на его мольбы, отправился предлагать выкуп за Дилси.

Surely, thought Scarlett, Pa will know whether this awful story is true.	"Ну конечно же, - думала Скарлетт, - если это ужасное известие - правда, то папа уж непременно должен знать.
Even if he hasn't actually heard anything this afternoon, perhaps he's noticed something, sensed some excitement in the Wilkes family.	Ему, разумеется, могут ничего и не сказать, но он сам заметит, если там, у Уилксов, происходит что-то необычное и все чем-то взволнованы.

If I can just see him privately before supper, perhaps I'll find out the truth-that it's just one of the twins' nasty practical jokes.	Мне бы только увидеться с ним с глазу на глаз до ужина, и я все разузнаю - быть может, просто эти паршивцы-близнецы снова меня разыгрывают".
It was time for Gerald's return and, if she expected to see him alone, there was nothing for her to do except meet him where the driveway entered the road.	Джералд с минуты на минуту должен был возвратиться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей, надо перехватить его, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею.

She went quietly down the front steps, looking carefully over her shoulder to make sure Mammy was not observing her from the upstairs windows.	Скарлетт неслышно спустилась по ступенькам крыльца, оглядываясь через плечо - не следит ли за ней Мамушка из верхних окон.

Seeing no broad black face, turbaned in snowy white, peering disapprovingly from between fluttering curtains, she boldly snatched up her green flowered skirts and sped down the path toward the driveway as fast as her small ribbon-laced slippers would carry her.	Не обнаружив за колеблемыми ветром занавесками широкого черного лица в белоснежном чепце и укоряющих глаз, Скарлетт решительным жестом подобрала подол своей цветастой зеленой юбки, и ее маленькие ножки в туфлях без каблуков, перехваченные крест-накрест лентами, быстро замелькали по тропинке, ведущей к подъездной аллее.
The dark cedars on either side of the graveled drive met in an arch overhead, turning the long avenue into a dim tunnel.	Темноголовые кедры, сплетаясь ветвями, превратили длинную, посыпанную гравием аллею в Некое подобие сумрачного туннеля.

As soon as she was beneath the gnarled arms of the cedars, she knew she was safe from observation from the house and she slowed her swift pace.	Укрывшись от глаз под надежной защитой их узловатых рук, Скарлетт умерила шаг.
She was panting, for her stays were laced too tightly to permit much running, but she walked on as rapidly as she could. Soon she was at the end of the driveway and out on the main road, but she did not stop until she had rounded a curve that put a large clump of trees between her and the house.	Она с трудом переводила дыхание из-за туго затянутого корсета: бежать она не могла, но шла все же очень быстрое Вскоре она достигла конца подъездной аллеи и вышла на дорогу, но продолжала идти вперед, пока за поворотом высокие Деревья не скрыли из виду усадебного дома.

Flushed and breathing hard, she sat down on a stump to wait for her father.	Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она присела на поваленное дерево и стала ждать отца.
It was past time for him to come home, but she was glad that he was late.	Он запаздывал, но Она была этому даже рада.
The delay would give her time to quiet her breathing and calm her face so that his suspicions would not be aroused.	Есть время успокоиться, отдышаться и встретит его с безмятежным видом, не возбуждая подозрений.
Every moment she expected to hear the pounding of his horse's hooves and see him come charging up the hill at his usual breakneck speed.	Еще минута, и до них долетит стук подков и она увидит: вот он бешеным, как всегда, галопом гонит коня вверх по крутому откосу.

But the minutes slipped by and Gerald did not come.	Но минуты бежали од-на за другой, а Джералд не появлялся.
She looked down the road for him, the pain in her heart swelling up again.	В ожидании его она смотрела вниз с холма, и сердцем у нее снова заныло.
"Oh, it can't be true!" she thought.	"Нет, неправда это! - убеждала себя дна.
"Why doesn't he come?"	- Но почему он не едет?"

Her eyes followed the winding road, blood-red now after the morning rain. In her thought she traced its course as it ran down the hill to the sluggish Flint River, through the tangled swampy bottoms and up the next hill to Twelve Oaks where Ashley lived.	Она смотрела на вьющуюся по склону холма дорогу, багрово-красную после утреннего дождя, и мысленно прослеживала ее всю, вплоть до илистой поймы ленивой реки Флинт, и дальше вверх по холму до Двенадцати Дубов - усадьбы Эшли.
That was all the road meant now- a road to Ashley and the beautiful white-columned house that crowned the hill like a Greek Temple.	Теперь в ее глазах эта дорога имела только одно значение - она вела к Эшли, к красивому дому с белыми колоннами, венчавшему холм наподобие греческого храма.

"Oh, Ashley! Ashley!" she thought, and her heart beat faster.	"Ах, Эшли, Эшли!" - беззвучно воскликнула она, и сердце ее заколотилось еще сильнее.
Some of the cold sense of bewilderment and disaster that had weighted her down since the Tarleton boys told her their gossip was pushed into the background of her mind, and in its place crept the fever that had possessed her for two years.	Холодное, тревожное предчувствие беды, не переставшее терзать ее с той минуты, как близнецы принесли страшную весть, вдруг ушло куда-то в глубь сознания, будучи вытеснено уже знакомы лихорадочным жаром, томившим ее на протяжении последних дух лет.
It seemed strange now that when she was growing up Ashley had never seemed so very attractive to her.	Теперь ей казалось странным, что Эшли, вместе с которым она росла, никогда Прежде не привлекал к себе ее внимания.

In childhood days, she had seen him come and go and never given him a thought.	Он появлялся и исчезал, ни на минуту не занимая собой ее мыслей.
But since that day two years ago when Ashley, newly home from his three years' Grand Tour in Europe, had called to pay his respects, she had loved him.	И так было до того памятного дня, два года назад, когда он, возвратясь домой пойле своего трехгодичного путешествия по Европе, приехал к ним с визитом, и она полюбила его.
It was as simple as that.	Вот так вдруг полюбила, и все!

She had been on the front porch and he had ridden up the long avenue, dressed in gray broadcloth with a wide black cravat setting off his frilled shirt to perfection.	Она стояла на ступеньках крыльца, а он - в сером костюме из тонкого блестящего сукна, с широким черным галстуком, подчеркивавшим белизну его плоеной сорочки, - внезапно появился на подъездной аллее верхом на лошади.
Even now, she could recall each detail of his dress, how brightly his boots shone, the head of a Medusa in cameo on his cravat pin, the wide Panama hat that was instantly in his hand when he saw her.	Она помнила все до мельчайших деталей: блеск его сапог, камею с головой медузы в булавке, которой был заколот галстук, широкополую панаму, стремительным жестом снятую с головы, как только он увидел ее, Скарлетт.

He had alighted and tossed his bridle reins to a pickaninny and stood looking up at her, his drowsy gray eyes wide with a smile and the sun so bright on his blond hair that it seemed like a cap of shining silver.	Он спешился, бросил поводья негритенку и стал, глядя на нее; солнце играло в его белокурых волосах, превращая их в серебряный шлем, и его мечтательные серые глаза улыбались ей.
And he said,	Он сказал:
"So you've grown up, Scarlett."	"О, вы стали совсем взрослой, Скарлетт!"
And, coming lightly up the steps, he had kissed her hand.	И, легко взбежав по ступенькам, поцеловал ей ру[к]у.
And his voice!	Ах, этот голос!

She would never forget the leap of her heart as she heard it, as if for the first time, drawling, resonant, musical.	Никогда не забыть ей, как забилось ее сердце при звуках этого медлительного, глубокого, певучего, как музыка, голоса.
She had wanted him, in that first instant, wanted him as simply and unreasoningly as she wanted food to eat, horses to ride and a soft bed on which to lay herself.	Так забилось" словно она слышала его впервые. И в этот самый миг в ней вспыхнуло желание. Она захотела, чтобы он принадлежал ей, захотела не рассуждая, так же естественно и просто, как хотела иметь еду, чтобы утолять голод, лошадь, чтобы скакать верхом, мягкую постель, чтобы на ней покоиться.

For two years he had squired her about the County, to balls, fish fries, picnics and court days, never so often as the Tarleton twins or Cade Calvert, never so importunate as the younger Fontaine boys, but, still, never the week went by that Ashley did not come calling at Tara.	Два года он сопровождал ее на балы и на теннисные матчи, на рыбную ловлю и на пикники, разъезжал с ней по всей округе, хотя и не столь часто, как братья-близнецы Тарлтоны или Кейд Калверт, и не был столь назойлив, как братья Фонтейны, и все же ни одна неделя не проходила без того, чтобы Эшли Уилкс не появился в поместье Тара.
True, he never made love to her, nor did the clear gray eyes ever glow with that hot light Scarlett knew so well in other men.	Правда, он никогда не домогался ее любви и в его ясном сером взоре никогда не вспыхивало того пламени, которое она привыкла подмечать в обращенных на нее взглядах других мужчин.

And yet-and yet-she knew he loved her.	И все же.. все же.., она знала, что он любит ее.
She could not be mistaken about it.	Тут она ошибиться не могла.
Instinct stronger than reason and knowledge born of experience told her that he loved her.	Ей говорил это ее инстинкт - тот, что проницательнее рассудка и мудрее жизненного опыта.
Too often she had surprised him when his eyes were neither drowsy nor remote, when he looked at her with a yearning and a sadness which puzzled her.	Часто она исподтишка ловила на себе его взгляд, в котором не было присущей ему отрешенности, а какая-то неутоленность и загадочная для нее печаль.
She KNEW he loved her.	Она знала, что Эшли любит ее.

Why did he not tell her so?	Так почему же он молчал?
That she could not understand.	Этого она понять не могла.
But there were so many things about him that she did not understand.	Впрочем, она многого в нем не понимала.
He was courteous always, but aloof, remote.	Он всегда был безупречно внимателен к ней - но как-то сдержанно, как-то отчужденно.
No one could ever tell what he was thinking about, Scarlett least of all.	Никто, казалось, не мог проникнуть в его мысли, а уж Скарлетт и подавно.

In a neighborhood where everyone said exactly what he thought as soon as he thought it, Ashley's quality of reserve was exasperating.	Эта его сдержанность всех выводила из себя - ведь здесь все привыкли сразу выпаливать первое, что приходило на ум.
He was as proficient as any of the other young men in the usual County diversions, hunting, gambling, dancing and politics, and was the best rider of them all; but he differed from all the rest in that these pleasant activities were not the end and aim of life to him.	В любых традиционных развлечениях местной молодежи Эшли никому не уступал ни в чем: он был одинаково ловок и искусен и на охоте, и на балу, и за карточным столом, и в политическом споре и считался, притом бесспорно, первым наездником графства. Но одна особенность отличала Эшли от всех его сверстников: эти приятные занятия не были смыслом и содержанием его жизни.

And he stood alone in his interest in books and music and his fondness for writing poetry.	А в своем увлечении книгами, музыкой и писанием стихов он был совершенно одинок.

Oh, why was he so handsomely blond, so courteously aloof, so maddeningly boring with his talk about Europe and books and music and poetry and things that interested her not at all-and yet so desirable?	О боже, почему же этот красивый белокурый юноша, такой изысканно, но холодно учтивый, такой нестерпимо скучный со своими вечными разглагольствованиями о европейских странах, о книгах, о музыке, о поэзии и прочих совершенно неинтересных вещах, был столь притягателен для нее?

Night after night, when Scarlett went to bed after sitting on the front porch in the semi-darkness with him, she tossed restlessly for hours and comforted herself only with the thought that the very next time he saw her he certainly would propose.	Вечер за вечером Скарлетт, просидев с Эшли в сумерках на крыльце допоздна, долго не могла потом сомкнуть глаз и находила успокоение лишь при мысли о том, что в следующий вечер он несомненно сделает ей предложение.

But the next time came and went, and the result was nothing-nothing except that the fever possessing her rose higher and hotter.	Но вот наступал следующий вечер, а за ним еще следующий, и все оставалось по-прежнему. А сжигавшее ее пламя разгоралось все жарче.
She loved him and she wanted him and she did not understand him.	Она любила его и желала, но он был для нее загадкой.

She was as forthright and simple as the winds that blew over Tara and the yellow river that wound about it, and to the end of her days she would never be able to understand a complexity.	Все в жизни представля-лось ей непреложным и простым - как ветры, дую-щие над плантацией, как желтая река, омывающая холм. Все сложное было ей чуждо и непонятно, и такой суждено ей было оставаться до конца дней своих.
And now, for the first time in her life, she was facing a complex nature.	А сейчас впервые судьба столкнула ее лицом к ли-цу с натурой несравненно более сложной, чем она.

For Ashley was born of a line of men who used their leisure for thinking, not doing, for spinning brightly colored dreams that had in them no touch of reality.	Ибо Эшли был из рода мечтателей - потомок людей, из поколения в поколение посвящавших свой досуг раздумьям, а не действиям, упивавшихся радужными грезами, не имевшими ничего общего с действительность".
He moved in an inner world that was more beautiful than Georgia and came back to reality with reluctance.	Он жил, довольствуясь своим внутренним миром, еще более прекрасным, на его взгляд, чем Джорджия, и лишь нехотя возвращался к реальной действительности.
He looked on people, and he neither liked nor disliked them.	Взирая на людей, он не испытывал к ним ни влечения, ни антипатии.

He looked on life and was neither heartened nor saddened.	Взирая на жизнь, он не омрачался и не ликовал.
He accepted the universe and his place in it for what they were and, shrugging, turned to his music and books and his better world.	Он принимал существующий миропорядок и свое место в нем как нечто данное, раз и навсегда установленное, пожимал плечами и возвращало" в другой, лучший мир - к своим книгам и музыке.
Why he should have captivated Scarlett when his mind was a stranger to hers she did not know.	Скарлетт не понимала, как мог он, чья душа была для нее потемки, околдовать ее.

The very mystery of him excited her curiosity like a door that had neither lock nor key.	Окружавший его ореол тайны возбуждал ее любопытство, как дверь, к которой нет ключа.

The things about him which she could not understand only made her love him more, and his odd, restrained courtship only served to increase her determination to have him for her own.	Все, что было в нем загадочно, заставляло ее лишь упорнее тянуться к нему, а его необычная сдержанная обходительность лишь укрепляла ее решимость полностью им завладеть.

That he would propose some day she had never doubted, for she was too young and too spoiled ever to have known defeat.	Она была молода, избалованна, она еще не знала поражений и ни секунды не сомневалась в том, что рано или поздно Эшли попросит ее стать его женой.
And now, like a thunderclap, had come this horrible news.	И вдруг как гром среди ясного неба - эта ужасная весть.
Ashley to marry Melanie!	Эшли сделал предложение Мелани!
It couldn't be true!	Да нет, не может быть!
Why, only last week, when they were riding home at twilight from Fairhill, he had said:	Как же тай! Веди не далее как на прошлой неделе, когда они в сумерках возвращались верхом с прогулки, он неожиданно произнес:

"Scarlett, I have something so important to tell you that I hardly know how to say it."	"Мне нужно сказать вам нечто очень важное, Скарлетт, но я просто не знаю, с чего начать".
She had cast down her eyes demurely, her heart beating with wild pleasure, thinking the happy moment had come. Then he had said:	У нее бешено заколотилось сердце от сладкого предчувствия, и, понимая, что желанный миг наконец настал, она скромно опустила глаза, но тут Эшли прибавил:
"Not now!	"Впрочем, нет, не сейчас.
We're nearly home and there isn't time.	Мы уже почти дома, у нас не будет времени на разговор.
Oh, Scarlett, what a coward I am!"	Ах, какой же я трус, Скарлетт!"

And putting spurs to his horse, he had raced her up the hill to Tara.	И, пришпорив коня, он следом за ней взлетел на холм, к усадьбе.
Scarlett, sitting on the stump, thought of those words which had made her so happy, and suddenly they took on another meaning, a hideous meaning.	Сидя на поваленном дереве, Скарлетт вспомнила эти слова, переполнившие ее тогда такой радостью, и внезапно они обрели для нее совсем иной, ужасный смысл.
Suppose it was the news of his engagement he had intended to tell her!	А может быть, он просто хотел сообщить, что обручен с другой?
Oh, if Pa would only come home!	Господи! Хоть бы папа вернулся!

She could not endure the suspense another moment.	Она не в силах была больше выносить это состояние неизвестности.
She looked impatiently down the road again, and again she was disappointed.	Снова и снова нетерпеливо вглядывалась она в даль, но все было напрасно.

The sun was now below the horizon and the red glow at the rim of the world faded into pink. The sky above turned slowly from azure to the delicate blue-green of a robin's egg, and the unearthly stillness of rural twilight came stealthily down about her.	Солнце уже закатилось, и багряный край небес поблек, став тускло-розовым: лазурь над головой постепенно окрашивалась в нежные, зеленовато-голубые, как яйцо зорянки, тона, и таинственная сумеречная тишь природы неслышно обступала Скарлетт со всех сторон.
Shadowy dimness crept over the countryside.	Призрачный полумрак окутывал землю.

The red furrows and the gashed red road lost their magical blood color and became plain brown earth.	Красные борозды пахоты и красная лента дороги, утратив свой зловеще-кровавый оттенок, превратились в обыкновенную бурую землю.
Across the road, in the pasture, the horses, mules and cows stood quietly with heads over the split-rail fence, waiting to be driven to the stables and supper.	На выгоне, по ту сторону дороги, лошади, коровы и мулы тихо стояли возле изгороди в ожидании, когда их погонят к конюшням, коровникам и к ужину.

They did not like the dark shade of the thickets hedging the pasture creek, and they twitched their ears at Scarlett as if appreciative of human companionship.	Их пугал темный силуэт зарослей вдоль реки, и они прядали ушами в сторону Скарлетт, словно радуясь соседству человека.
In the strange half-light, the tall pines of the river swamp, so warmly green in the sunshine, were black against the pastel sky, an impenetrable row of black giants hiding the slow yellow water at their feet.	В этом призрачном полумраке высокие сосны в пойме реки, такие сочно-зеленые при свете дня, казались совершенно черными на блеклой пастели неба, - могучие, величественные гиганты, они стояли сомкнутым строем, преграждая доступ к неспешно бегущей желтой воде.

On the hill across the river, the tall white chimneys of the Wilkes' home faded gradually into the darkness of the thick oaks surrounding them, and only far-off pin points of supper lamps showed that a house was here.	Белые трубы усадьбы Уилксов на том берегу реки, на холме, меркли все больше среди густой темной зелени дубов, и только мерцавшие кое-где огоньки зажженных к ужину ламп манили на ночлег.
The warm damp balminess of spring encompassed her sweetly with the moist smells of new-plowed earth and all the fresh green things pushing up to the air.	Влажное, теплое дыхание весны, напоенное запахом свежевспаханной земли и молодых, рвущихся к небу побегов, сладко обволакивало Скарлетт.

Sunset and spring and new-fledged greenery were no miracle to Scarlett.	Весна, закаты, нежно-зеленая поросль никогда не пробуждали в душе Скарлетт ощущения чуда.
Their beauty she accepted as casually as the air she breathed and the water she drank, for she had never consciously seen beauty in anything but women's faces, horses, silk dresses and like tangible things. Yet the serene half-light over Tara's well-kept acres brought a measure of quiet to her disturbed mind.	Прекрасное было повседневностью, частицей жизни, как воздух, как вода. Ее сознание было восприимчиво к красоте лишь вполне конкретных, осязаемых предметов - породистых лошадей, женских лиц, нарядных одеяний... И все же торжественная тишина этих сумерек, спустившихся на возделанные земли Тары, принесла успокоение ее взбаламученной душе.

She loved this land so much, without even knowing she loved it, loved it as she loved her mother's face under the lamp at prayer time.	Она любила эту землю - любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампады.
Still there was no sign of Gerald on the quiet winding road.	А Джералда все еще не было видно на безлюдной извилистой дороге.
If she had to wait much longer, Mammy would certainly come in search of her and bully her into the house.	Если сидеть здесь и ждать, Мамушка, без сомнения, отыщет ее и прогонит в дом.

But even as she strained her eyes down the darkening road, she heard a pounding of hooves at the bottom of the pasture hill and saw the horses and cows scatter in fright.	Продолжая вглядываться в уходящую во мрак дорогу, она вдруг услышала стук копыт, долетевший от подножия холма со стороны выгона, и увидела разбегающихся в страхе коров и лошадей.

Gerald O'Hara was coming home across country and at top speed.	Джералд О'Хара возвращался домой напрямик через поля и гнал коня во весь опор.
He came up the hill at a gallop on his thick-barreled, long-legged hunter, appearing in the distance like a boy on a too large horse.	Он взлетел на холм на своем плотном, длинноногом гунтере, похожий издали на мальчишку, оседлавшего коня себе не по росту.

His long white hair standing out behind him, he urged the horse forward with crop and loud cries.	Седые волосы его стлались на скаку по ветру, он стегал лошадь хлыстом и понукал криком.
Filled with her own anxieties, she nevertheless watched him with affectionate pride, for Gerald was an excellent horseman.	Забыв на мгновение а снедавшей ее тревоге, Скарлетт с гордостью и нежностью любовалась отцом, ибо, что ни говори, а Джералд О'Хара был лихим наездником.
"I wonder why he always wants to jump fences when he's had a few drinks," she thought.	"Стоит ему выпить, и его тут же понесет махать через изгороди, - подумала Скарлетт.
"And after that fall he had right here last year when he broke his knee.	- А ведь как раз на этом месте в прошлом году он вылетел из седла и сломал ногу.

You'd think he'd learn.	Хороший вроде бы получил урок.
Especially when he promised Mother on oath he'd never jump again."	Да еще клятвенно пообещал маме прекратить эти штуки".
Scarlett had no awe of her father and felt him more her contemporary than her sisters, for jumping fences and keeping it a secret from his wife gave him a boyish pride and guilty glee that matched her own pleasure in outwitting Mammy.	Скарлетт не испытывала ни малейшего страха перед отцом. Он был как бы ее сверстником -даже больше, чем сестры, - ведь Джералд, словно мальчишка, любил втайне от жены скакать по полям напрямик, а Скарлетт - тоже большая охотница до всяких эскапад - была его верной союзницей против Мамушки.

She rose from her seat to watch him.	Она поднялась с дерева - поглядеть, как он будет прыгать.
The big horse reached the fence, gathered himself and soared over as effortlessly as a bird, his rider yelling enthusiastically, his crop beating the air, his white curls jerking out behind him.	Высокий жеребец приблизился к ограде и, подобравшись, без малейшего, казалось, усилия взял препятствие под ликующие возгласы седовласого всадника, махавшего в воздухе хлыстом.
Gerald did not see his daughter in the shadow of the trees, and he drew rein in the road, patting his horse's neck with approbation.	Не замечая дочери, стоявшей в тени под деревьями, Джералд одобрительно потрепал лошадь по холке и свернул на дорогу.

"There's none in the County can touch you, nor in the state," he informed his mount, with pride, the brogue of County Meath still heavy on his tongue in spite of thirty-nine years in America.	- Любому коню в округе дашь сто очков, а может, и во всем штате, - гордо поведал он своему жеребцу, и ирландский акцент, от которого ему так и не удалось избавиться за все тридцать девять лет жизни в Америке, отчетливо прозвучал в его речи.
Then he hastily set about smoothing his hair and settling his ruffled shirt and his cravat which had slipped awry behind one ear.	Затем он поспешно принялся приглаживать волосы и оправлять мятую, выбившуюся из-за пояса сорочку и съехавший набок галстук.

Scarlett knew these hurried preenings were being made with an eye toward meeting his wife with the appearance of a gentleman who had ridden sedately home from a call on a neighbor.	Скарлетт понимала, что эти прихорашиваний нужны для того, чтобы предстать перед женой в таком виде, какой подобает джентльмену, степенно возвратившемуся домой верхом после визита к соседям.
She knew also that he was presenting her with just the opportunity she wanted for opening the conversation without revealing her true purpose.	И тут же она сообразила, что это дает ей повод начать разговор, не открывая истинной цели своего появления здесь.
She laughed aloud.	Она звонко рассмеялась.

As she had intended, Gerald was startled by the sound; then he recognized her, and a look both sheepish and defiant came over his florid face.	Джералд, как она и ожидала, вздрогнул от неожиданности, затем увидел ее и придержал жеребца; вид у него сделался сконфуженный и вместе с тем вызывающий.
He dismounted with difficulty, because his knee was stiff, and, slipping the reins over his arm, stumped toward her.	Он спешился с трудом - поврежденное колено еще давало о себе знать - и, ведя лошадь в поводу, направился к дочери.
"Well, Missy," he said, pinching her cheek, "so, you've been spying on me and, like your sister Suellen last week, you'll be telling your mother on me?"	- Так-так, мисс, - сказал он и ущипнул ее за щеку,- вы, значит, взялись шпионить за мной и, совсем как ваша сестрица Сьюлин на прошлой неделе, побежите жаловаться маменьке?

There was indignation in his hoarse bass voice but also a wheedling note, and Scarlett teasingly clicked her tongue against her teeth as she reached out to pull his cravat into place.	Голос его звучал негодующе и в то же время жалобно, и Скарлетт, желая немного подразнить его, насмешливо прищелкнула языком и потянулась поправить ему галстук.
His breath in her face was strong with Bourbon whisky mingled with a faint fragrance of mint.	На нее пахнуло крепким запахом виски и более слабым - свежей мяты.

Accompanying him also were the smells of chewing tobacco, well-oiled leather and horses-a combination of odors that she always associated with her father and instinctively liked in other men.	И еще пахло жевательным табаком, кожей и лошадьми. Этот с детства любимый запах был всегда связан в ее представлении с отцом, но безотчетно нравился ей и как принадлежность других мужчин.
"No, Pa, I'm no tattletale like Suellen," she assured him, standing off to view his rearranged attire with a judicious air.	- Пет, па, я же не ябеда, вроде Сьюлин, - заверила она отца и, отступив на шаг, окинула его оценивающим взглядом, дабы удостовериться, что все в порядке.

Gerald was a small man, little more than five feet tall, but so heavy of barrel and thick of neck that his appearance, when seated, led strangers to think him a larger man.	Джералд был невысок ростом - чуть больше пяти футов, - по обладал таким массивным торсом и могучей шеей, что, сидя, производил впечатление крупного мужчины.
His thickset torso was supported by short sturdy legs, always incased in the finest leather boots procurable and always planted wide apart like a swaggering small boy's.	Этот могучий торс держался на двух коротких, но чрезвычайно крепких ногах, неизменно обутых в сапоги из самой лучшей кожи и столь же неизменно широко расставленных, как у задиристого мальчишки.

Most small people who take themselves seriously are a little ridiculous; but the bantam cock is respected in the barnyard, and so it was with Gerald.	Низкорослые мужчины обычно кажутся немного смешными, если начинают пыжиться и напускать на себя важность, но бойцовский петух, даже если он мал, всегда пользуется уважением на птичьем дворе, и то же самое можно было сказать о Джералде О'Хара.
No one would ever have the temerity to think of Gerald O'Hara as a ridiculous little figure.	Ни одному самому отчаянному смельчаку не пришло бы и голову отозваться о Джералде О'Хара как о смешном маленьком коротышке.

He was sixty years old and his crisp curly hair was silver-white, but his shrewd face was unlined and his hard little blue eyes were young with the unworried youthfulness of one who has never taxed his brain with problems more abstract than how many cards to draw in a poker game.	Ему уже стукнуло шестьдесят, и его жесткие курчавые волосы выбелила и посеребрила седина, но на лукавом лице этого жизнелюбца еще не обозначилось морщин, а небольшие голубые глаза были по-прежнему молоды и взгляд юношески безмятежен и тверд, ибо Джералд О'Хара не привык терзать свой мозг отвлеченными проблемами, выходящими за пределы целесообразности прикупа или блефа при игре в покер.

His was as Irish a face as could be found in the length and breadth of the homeland he had left so long ago- round, high colored, short nosed, wide mouthed and belligerent.	И более, типичную ирландскую физиономию -широкоскулую, красношекую, боль, шеротую, курносую и воинственную - не так-то легко было бы сыскать на всем пространстве его далекой, давно покинутой родины.
Beneath his choleric exterior Gerald O'Hara had the tenderest of hearts.	А под этой холерической внешностью скрывалось нежнейшее из сердец.

He could not bear to see a slave pouting under a reprimand, no matter how well deserved, or hear a kitten mewing or a child crying; but he had a horror of having this weakness discovered.	Вопли раба, получавшего, быть может, и заслуженную порку, детский плач или жалобное мяуканье котенка были невыносимы для его ушей.

That everyone who met him did discover his kindly heart within five minutes was unknown to him; and his vanity would have suffered tremendously if he had found it out, for he liked to think that when he bawled orders at the top of his voice everyone trembled and obeyed.	Но пуще всего на свете он страшился, как бы эта его слабость не была кем-нибудь подмечена, и даже не подозревал, что через пять минут знакомства с ним его доброта бросалась в глаза каждому: такое открытие нанесло бы самолюбию Джералда чувствительнейший удар. Ведь ему казалось, что, заслышав громовые раскаты голоса хозяина, все, трясясь от страха, опрометью бросаются исполнять его волю.
It had never occurred to him that only one voice was obeyed on the plantation-the soft voice of his wife Ellen.	Он был далек от мысли о том, что только одному голосу - негромкому голосу его жены -повиновалось все в поместье.

It was a secret he would never learn, for everyone from Ellen down to the stupidest field hand was in a tacit and kindly conspiracy to keep him believing that his word was law.	Это должно было навеки остаться для него тайной, ибо все, начиная с Эллин и кончая самым тупым негритенком, были участниками безмолвного деликатного заговора: хозяин должен считать, что здесь его слово - закон.
Scarlett was impressed less than anyone else by his tempers and his roarings.	А уж Скарлетт бурные вспышки его гнева не пугали и подавно.

She was his oldest child and, now that Gerald knew there would be no more sons to follow the three who lay in the family burying ground, he had drifted into a habit of treating her in a man-to-man manner which she found most pleasant.	Она была старшей из детей Джералда, и теперь, когда двое его сыновей лежали в могилах на семейном кладбище и стало очевидно, что он уже не будет иметь наследника, у него мало-помалу образовалась привычка беседовать со Скарлетт как мужчина с мужчиной, что весьма льстило ее тщеславию, и она полюбила эти беседы.

She was more like her father than her younger sisters, for Carreen, who had been born Caroline Irene, was delicate and dreamy, and Suellen, christened Susan Elinor, prided herself on her elegance and ladylike deportment.	Скарлетт больше походила характером на отца, чем ее сетры - мечтательная, хрупкая Кэррин, в крещении Кэролайн-Айрин, и изящная Сьюлин, крещенная Сьюзин-Элинор, чрезвычайно гордившаяся своими аристократическими манерами.
Moreover, Scarlett and her father were bound together by a mutual suppression agreement.	Более того - Джералда и Скарлетт связывали узы взаимного укрывательства.

If Gerald caught her climbing a fence instead of walking half a mile to a gate, or sitting too late on the front steps with a beau, he castigated her personally and with vehemence, but he did not mention the fact to Ellen or to Mammy.	Если Джералд ловил Скарлетт на месте преступления, когда она, ленясь прогуляться полмили до ворот, перелезала через ограду или засиживалась допоздна на ступеньках крыльца с очередным поклонником, он самолично яростно отчитывал ее, но никогда не сообщал об этом ни Эллин, ни Мамушке.

And when Scarlett discovered him jumping fences after his solemn promise to his wife, or learned the exact amount of his losses at poker, as she always did from County gossip, she refrained from mentioning the fact at the supper table in the artfully artless manner Suellen had.	Если же Скарлетт видела, что отец, невзирая на данное жене обещание, скачет верхом через изгороди, или ненароком узнавала от местных кумушек подлинную сумму его карточного проигрыша, она, в свою очередь, тоже воздерживалась за ужином от упоминания об этих его провинностях, не в пример Сьюлин, выдававшей его секреты с деланно невинным видом.

Scarlett and her father each assured the other solemnly that to bring such matters to the ears of Ellen would only hurt her, and nothing would induce them to wound her gentleness.	Джералд и Скарлетт торжественно заверяли друг друга, что все эти мелочи только зря взволновали бы Эллин и посему никакая сила на свете не заставит их ранить ее нежные чувства.
Scarlett looked at her father in the fading light, and, without knowing why, she found it comforting to be in his presence.	Скарлетт, вглядываясь в смутно различимое в меркнущем свете лицо отца, безотчетно почувствовала себя увереннее от его близости.

There was something vital and earthy and coarse about him that appealed to her.	Его грубоватая простота, исходившая от него жизненная сила находили в ней живой отклик.
Being the least analytic of people, she did not realize that this was because she possessed in some degree these same qualities, despite sixteen years of effort on the part of Ellen and Mammy to obliterate them.	Будучи от природы совершенно неспособной к самоанализу, она не отдавала себе отчета в том, что те же свойства присущи и ей, несмотря на все усилия Эллин и Мамушки, пытавшихся на протяжении шестнадцати лет перекроить ее на свой лад.

"You look very presentable now," she said, "and I don't think anyone will suspect you've been up to your tricks unless you brag about them.	- Ну, теперь у вас вполне благопристойный вид, - сказала она, - и если вы будете держать язык за зубами, никто не заподозрит, что вы опять откалывали свои номера.

But it does seem to me that after you broke your knee last year, jumping that same fence-"	Хотя, после того как вы в прошлом году сломали ногу, прыгая через эту самую изгородь, мне кажется...
"Well, may I be damned if I'll have me own daughter telling me what I shall jump and not jump," he shouted, giving her cheek another pinch.	- Не хватало еще, черт побери, чтобы я получал указания от дочери, через что мне дозволено прыгать - загремел Джералд, снова ущипнув ее за щеку.

"It's me own neck, so it is.	- Моя шея, надо полагать, это моя шея, и только моя.
And besides, Missy, what are you doing out here without your shawl?"	А вот что вы, мисс, делаете здесь, да еще в таком виде, без шали?
Seeing that he was employing familiar maneuvers to extricate himself from unpleasant conversation, she slipped her arm through his and said:	Понимая, что отец пользуется своим излюбленным способом, чтобы увильнуть от неприятного разговора, Скарлетт сказала, беря его под руку:
"I was waiting for you.	- Я дожидалась вас.
I didn't know you would be so late.	Я же не знала, что вы так задержитесь.
I just wondered if you had bought Dilcey."	Мне хотелось узнать, удалось ли вам купить Дилси.

"Bought her I did, and the price has ruined me.	- Купил, купил. Отвалили за нее больше денег, чем мне по карману.
Bought her and her little wench, Prissy.	И ее купил, и эту ее девчонку, Присси.
John Wilkes was for almost giving them away, but never will I have it said that Gerald O'Hara used friendship in a trade.	Джон Уилкс хотел мне их подарить, но Джералд О'Хара никогда не допустит, чтобы про него говорили, будто он способен использовать дружбу в корыстных целях при заключении торговой сделки.
I made him take three thousand for the two of them."	Я заставил Джона взять с меня за них три тысячи.
"In the name of Heaven, Pa, three thousand!	- Боже милостивый, неужели три тысячи, папа!

And you didn't need to buy Prissy!"	И совершенно ни к чему было покупать еще и Присси!
"Has the time come when me own daughters sit in judgment on me?" shouted Gerald rhetorically.	- Вот как! Оказывается, я уже дожил до того, что моя поступки выносятся теперь на суд моей дочери? - высокопарно изрек Джералд.
"Prissy is a likely little wench and so-"	- Присси - славная девчушка, и посему...
"I know her.	- Я прекрасно ее знаю.
She's a sly, stupid creature," Scarlett rejoined calmly, unimpressed by his uproar.	Хитрое, глупое создание, - спокойно стояла на своем Скарлетт, нимало не испугавшись взрыва его негодования.

"And the only reason you bought her was because Dilcey asked you to buy her."	- И купили вы ее только потому, что об этом просила Дилси.
Gerald looked crestfallen and embarrassed, as always when caught in a kind deed, and Scarlett laughed outright at his transparency.	Очередной раз уличенный в добром поступке, Джералд, как всегда, смутился и обескураженно умолк, а Скарлетт откровенно рассмеялась над его бесхитростной ложью.

"Well, what if I did?	- Ну и что с того?
Was there any use buying Dilcey if she was going to mope about the child?	А какой был бы толк покупать Дилси, если бы она все время убивалась из-за дочки?

Well, never again will I let a darky on this place marry off it.	Ладно, больше ни одному своему негру не позволю жениться на негритянке с чужой плантации.
It's too expensive.	Слишком дорого обходится.
Well, come on, Puss, let's go in to supper."	Однако пора, пошли ужинать, малышка.
The shadows were falling thicker now, the last greenish tinge had left the sky and a slight chill was displacing the balminess of spring.	Сумрак сгущался, последние отблески заката догорели на небе, и в теплом, напоенном весенними ароматами воздухе ужо ощущалась ночная прохлада.

But Scarlett loitered, wondering how to bring up the subject of Ashley without permitting Gerald to suspect her motive.	Но Скарлетт медлила, не зная, как навести разговор на Эшли так, чтобы отец не разгадал ее мыслей.
This was difficult, for Scarlett had not a subtle bone in her body; and Gerald was so much like her he never failed to penetrate her weak subterfuges, even as she penetrated his. And he was seldom tactful in doing it.	Это было непросто, ибо Скарлетт отнюдь не отличалась изворотливостью ума, и Джеральд столь же легко распознавал ее уловки, как она - его, и не проявлял при этом особого такта.
"How are they all over at Twelve Oaks?"	- Как они там все в Двенадцати Дубах?
"About as usual.	- Да как обычно.

Cade Calvert was there and, after I settled about Dilcey, we all set on the gallery and had several toddies.	Заезжал Кэйд Калверт, и, покончив насчет Дилси, мы посидели на веранде, выпили пунша.
Cade has just come from Atlanta, and it's all upset they are there and talking war and-"	Кэйд только что вернулся из Атланты, а там все очень взволнованы слухами о войне, только и разговору что об этом...
Scarlett sighed.	Скарлетт вздохнула.
If Gerald once got on the subject of war and secession, it would be hours before he relinquished it.	Если Джералд пустился рассуждать о войне и выходе Джорджии из Союза Штатов, этого хватит на целый час.

She broke in with another line.	Она прервала его, направив разговор в другое русло:
"Did they say anything about the barbecue tomorrow?"	- А о завтрашнем барбекю разговора не было?
"Now that I think of it they did.	- Говорили, припоминаю.
Miss-what's-her-name-the sweet little thing who was here last year, you know, Ashley's cousin-oh, yes, Miss Melanie Hamilton, that's the name-she and her brother Charles have already come from Atlanta and-"	Мисс... постой, как же ее звать-то, ну, ты знаешь, славная такая малютка, двоюродная сестричка Эшли, та, что была у нас в прошлом году... Вспомнил - мисс Мелани Гамильтон! Она только что приехала из Атланты со своим братом Чарльзом и...

"Oh, so she did come?"	- О, вот как! Уже приехала?..

"She did, and a sweet quiet thing she is, with never a word to say for herself, like a woman should be.	- Да, да, приехала. Очень милое создание, держится так скромно, как и подобает девушке.
Come now, daughter, don't lag. Your mother will be hunting for us."	Ну, пошли же, чего ты опять стала, твоя маменька хватится нас.

Scarlett's heart sank at the news. She had hoped against hope that something would keep Melanie Hamilton in Atlanta where she belonged, and the knowledge that even her father approved of her sweet quiet nature, so different from her own, forced her into the open.	Сердце Скарлетт упало, Она еще витала безрассудную надежду, что какие-нибудь обстоятельства Помешают Мелани Гамильтон покинуть родную Атланту, но похвалы отца, расточаемые всюду, что в этой: девушке было так чуждо ей самой, заставили ее пойти напролом!
"Was Ashley there, too?"	- А Эшли тоже был там?
"He was." Gerald let go of his daughter's arm and turned, peering sharply into her face.	- И Эшли был, - Джералд выпустил руку дочери и, повернувшись, пытливо На нее поглядел.

"And if that's why you came out here to wait for me, why didn't you say so without beating around the bush?"	- За этим ты сюда и пришла? К чему же ходить вокруг да около?
Scarlett could think of nothing to say, and she felt her face growing red with annoyance.	Скарлетт растерялась и с досадой почувствовала, что краснеет.
"Well, speak up."	- Ну, что ж ты молчишь?
Still she said nothing, wishing that it was permissible to shake one's father and tell him to hush his mouth.	Ода по-прежнему не проронила ни звука, сожалея в душе, что отца нельзя схватить за плечи, тряхнуть, заставить замолчать.

"He was there and he asked most kindly after you, as did his sisters, and said they hoped nothing would keep you from the barbecue tomorrow.	- Он был там и очень ласково расспрашивал о тебе, так же как и его сестры, и все выражали надежду, что ты непременно побываешь у них завтра на барбекю.
I'll warrant nothing will," he said shrewdly.	И я, - не без лукавства добавил он, - заверяя их, что, конечно, ничто не может тебе помешать.
"And now, daughter, what's all this about you and Ashley?"	Ну, а теперь выкладывай, что у тебя с Эшли?
"There is nothing," she said shortly, tugging at his arm.	- Ничего, - сказала Скарлетт и потянула его за рукав.
"Let's go in, Pa."	- Пошли домой, папа.

"So now 'tis you wanting to go in," he observed.	- Так. Теперь ты заторопилась домой, -промолвил он.
"But here I'm going to stand till I'm understanding you.	- Ну, а я намерен теперь стоять здесь, пока ты мне все не объяснишь.
Now that I think of it, 'tis strange you've been recently.	Последнее время с тобой похоже, творится что-то неладное.
Has he been trifling with you?	Он что, заигрывал с тобой?
Has he asked to marry you?"	Может, делал тебе предложение?
"No," she said shortly.	- Нет! - отрезала Скарлетт.
"Nor will he," said Gerald.	- И не сделает, - сказал Джералд.

Fury flamed in her, but Gerald waved her quiet with a hand.	Скарлетт вспыхнула, но Джералд властным жестом не дал ей заговорить.
"Hold your tongue, Miss!	- Помолчите, мисс!
I had it from John Wilkes this afternoon in the strictest confidence that Ashley's to marry Miss Melanie.	Сегодня Джон Уилкс сообщил мне под большим секретом, что Эшли женится на мисс Мелани.
It's to be announced tomorrow."	И завтра будет объявлена их помолвка.
Scarlett's hand fell from his arm.	Рука Скарлетт, вцепившаяся в его рукав, безжизненно повисла.
So it was true!	Значит, это все-таки правда!

A pain slashed at her heart as savagely as a wild animal's fangs.	Боль, словно хищный зверь, вонзила когти в ее сердце.
Through it all, she felt her father's eyes on her, a little pitying, a little annoyed at being faced with a problem for which he knew no answer.	Она перехватила взгляд отца - и уловила в нем и сострадание и досаду: эта проблема была совсем не по его части, и он не знал, как к ней подступиться.
He loved Scarlett, but it made him uncomfortable to have her forcing her childish problems on him for a solution.	Любя дочь, он вместе с тем чувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что Скарлетт вынуждала его улаживать ее детские беды.
Ellen knew all the answers.	Эллин - та знает, как в таких случаях надлежит поступать.

Scarlett should have taken her troubles to her.	Скарлетт следовало бы обратиться к матери.
"Is it a spectacle you've been making of yourself-of all of us?" he bawled, his voice rising as always in moments of excitement.	- Зачем ты выставляешь себя на посмешище -позоришь и себя и всех нас? - заговорил он, как всегда в минуты волнения повышая голос.
"Have you been running after a man who's not in love with you, when you could have any of the bucks in the County?"	- Вешаешься на шею парню, который тебя знать не хочет? А ведь к тебе готов посвататься любой самый видный жених в графстве.
Anger and hurt pride drove out some of the pain.	Гнев и оскорбленная гордость заглушили на мгновение боль.
"I haven't been running after him.	- Я не вешалась ему на шею.

It-it just surprised me."	Просто эта новость удивила меня.
"It's lying you are!" said Gerald, and then, peering at her stricken face, he added in a burst of kindliness: "I'm sorry, daughter.	- А ведь ты врешь. - сказал Джералд и, вглядевшись в ее убитое горем лицо, добавил в порыве доброты и жалости: - Прости меня, доченька.
But after all, you are nothing but a child and there's lots of other beaux."	Но ведь ты же еще ребенок, и поклонников у тебя хоть пруд пруди.
"Mother was only fifteen when she married you, and I'm sixteen," said Scarlett, her voice muffled.	- Маме было пятнадцать лет, когда она выходила за вас замуж, а мне уже шестнадцать, - глухо пробормотала Скарлетт.
"Your mother was different," said Gerald.	- Твоя мать другое дело, - сказал Джералд.

"She was never flighty like you.	- Она никогда не была такой вертихвосткой, как ты.

Now come, daughter, cheer up, and I'll take you to Charleston next week to visit your Aunt Eulalie and, what with all the hullabaloo they are having over there about Fort Sumter, you'll be forgetting about Ashley in a week."	Ну, ну, дочка, голову выше! На будущей неделе мы с тобой поедем в Чарльстон к твоей тетушке Евлалии, и ты как послушаешь, что они там рассказывают про форт Самтер, так тут же и думать перестанешь о своем Эшли.

"He thinks I'm a child," thought Scarlett, grief and anger choking utterance, "and he's only got to dangle a new toy and I'll forget my bumps." "Now, don't be jerking your chin at me," warned Gerald. "If you had any sense you'd have married Stuart or Brent Tarleton long ago.	"Он считает меня ребенком, - подумала Скарлетт. Горе и досада на отца сковали ей язык. - Куплю ей, дескать, новую погремушку, и она забудет, что набила себе на лбу шишку! " - И нечего смотреть на меня бешеными глазами, - Оказал Джералд, -Будь у тебя в голове побольше мозгов, давно смогла бы выйти замуж хоть за Брента, хоть за Стюарта Тарлтона.
Think it over, daughter.	Подумай-ка над этим, дочка.

Marry one of the twins and then the plantations will run together and Jim Tarleton and I will build you a fine house, right where they join, in that big pine grove and-"	Выходи замуж за одного из близнецов, и мы с, Джимом Тарлтоном соединим наши плантации, а Для тебя построим красивый дом как раз посередине, на границе между ними, там, где большая сосновая роща, и...
"Will you stop treating me like a child!" cried Scarlett.	- Да перестаньте вы разговаривать со мной, как с ребенком! - не выдержала Скарлетт.
"I don't want to go to Charleston or have a house or marry the twins.	- Не хочу я ехать ни в какой Чарльстон, и не нужен мне ваш дом, и не желаю я выходить замуж ни за одного из близнецов!
I only want-" She caught herself but not in time.	Никто мне не нужен... - Она прикусила язык, но, увы, слишком поздно.

Gerald's voice was strangely quiet and he spoke slowly as if drawing his words from a store of thought seldom used.	Голос Джералда звучал на этот раз странно спокойно, и слова падали медленно, словно он раздумчиво выбирал их из того запаса, к которому редко приходилось прибегать:
"It's only Ashley you're wanting, and you'll not be having him.	- Никто, значит, тебе не нужен, кроме Эшли, а его-то ты получить и не можешь.
And if he wanted to marry you, 'twould be with misgivings that I'd say Yes, for all the fine friendship that's between me and John Wilkes."	И если бы даже он захотел жениться на тебе, я бы с большой неохотой дал свое согласие, хотя Джон Уилкс и лучший мой друг.

And, seeing her startled look, he continued: "I want my girl to be happy and you wouldn't be happy with him."	- И, видя, что его слова поразили Скарлетт, он добавил: - Я хочу видеть мою дочь счастливой, а ты никогда не была бы счастлива с ним.
"Oh, I would!	- О да, да, я была бы счастлива!
I would!"	Очень!
"That you would not, daughter.	- Нет, дочка, никогда.
Only when like marries like can there be any happiness."	Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста.
Scarlett had a sudden treacherous desire to cry out,	У Скарлетт едва не слетели с языка неосторожные слова:

"But you've been happy, and you and Mother aren't alike," but she repressed it, fearing that he would box her ears for her impertinence.	"Но вы же счастливы, хотя совсем не из одного теста с мамой", - однако она вовремя удержалась, понимая, что за подобную наглость может заработать пощечину.
"Our people and the Wilkes are different," he went on slowly, fumbling for words.	- Уилксы совсем другого сорта люди, не такие, как мы, - продолжал Джералд, все так же медленно подбирая слова.
"The Wilkes are different from any of our neighbors- different from any family I ever knew.	- Да они и ни на кого во всей нашей округе не похожи, я таких, как они, больше и не встречал нигде.

They are queer folk, and it's best that they marry their cousins and keep their queerness to themselves."	Они - странный народ, и это хорошо, что в их роду так повелось - жениться на своих двоюродных сестрах и оставлять, так сказать, все свои странности при себе.
"Why, Pa, Ashley is not-"	- Да нет же, папа, Эшли вовсе не...
"Hold your whist, Puss!	- Придержи язык, котенок!
I said nothing against the lad, for I like him.	Ничего плохого я про этого малого сказать не хочу, он мне нравится.
And when I say queer, it's not crazy I'm meaning.	Я говорю "странный" не в смысле поврежденный в уме.

He's not queer like the Calverts who'd gamble everything they have on a horse, or the Tarletons who turn out a drunkard or two in every litter, or the Fontaines who are hot-headed little brutes and after murdering a man for a fancied slight.	И таких подвигов, как за Калвертами, которые могут просадить на скачках все состояние, или как за Тарлтонами, у которых один-два пьяницы в каждом поколении, или как за Фонтейнами, которые все отпетые буяны и готовы пристрелить человека за любую безделицу, - таких подвигов за ним, конечно, не водится.
That kind of queerness is easy to understand, for sure, and but for the grace of God Gerald O'Hara would be having all those faults!	Но только это все обычные дела, каждому понятные, и если бог уберег от такого Джералда О'Хара, так это ему просто повезло!

And I don't mean that Ashley would run off with another woman, if you were his wife, or beat you.	И опять же я вовсе не считаю, что Эшли стал бы тебя поколачивать или наставлять тебе рога.
You'd be happier if he did, for at least you'd be understanding that.	Впрочем, это бы еще полбеды, потому что тут ты, может, сумела бы его понять.
But he's queer in other ways, and there's no understanding him at all.	Но он совсем по-особому странный человек, и понять его невозможно.
I like him, but it's neither heads nor tails I can make of most he says.	Я его люблю, но зарежь меня, если я понимаю хоть половину из того, что он говорит.

Now, Puss, tell me true, do you understand his folderol about books and poetry and music and oil paintings and such foolishness?"	Ну, скажи мне, доченька, скажи положа руку на сердце, ты, что-нибудь понимаешь во всей этой галиматье, которую он несет про книжки, музыку, стихи, картины и прочую чепуховину?
"Oh, Pa," cried Scarlett impatiently, "if I married him, I'd change all that!"	- Ах, папа, - нетерпеливо вскричала Скарлетт, -будь я его женой, со мной он стал бы совсем иным!

"Oh, you would, would you now?" said Gerald testily, shooting a sharp look at her.	- Вот оно что, ты так полагаешь? - язвительно промолвил Джералд, бросив на нее испытующий взгляд.

"Then it's little enough you are knowing of any man living, let alone Ashley.	- Плохо же ты знаешь мужчин, не говоря уже об Эшли.
No wife has ever changed a husband one whit, and don't you be forgetting that.	Ни одна жена на всем свете не сумела еще переделать мужа, и советую тебе зарубить это себе на носу.
And as for changing a Wilkes-God's nightgown, daughter!	А уж чтоб переделать кого-нибудь из Уилксов - да тут сам всемогущий бог тебе не поможет, дочка!
The whole family is that way, and they've always been that way.	Весь род у них такой, такими они были испокон веков.
And probably always will.	И такими, верно, и останутся.

I tell you they're born queer.	Говорю тебе - это у них в крови.
Look at the way they go tearing up to New York and Boston to hear operas and see oil paintings.	Ты что, не видишь, как они носятся то в Нью-Йорк, то в Бостон - послушать оперу или поглядеть на какие-то там масляные полотна.
And ordering French and German books by the crate from the Yankees!	И целыми ящиками заказывают себе, у янки французские и немецкие книжки.
And there they sit reading and dreaming the dear God knows what, when they'd be better spending their time hunting and playing poker as proper men should."	А потом дни и ночи просиживают за этими книжками или раздумывают бог весть о чем, вместо того чтобы поехать на охоту или составить партию в покер, как подобает настоящим мужчинам.

"There's nobody in the County sits a horse better than Ashley," said Scarlett, furious at the slur of effeminacy flung on Ashley, "nobody except maybe his father.	- Во всем графстве никто лучше не сидит в седле, чем Эшли! - вне себя воскликнула Скарлетт, глубоко задетая тем, что ее любимого заподозрили в недостатке мужественности. -Никто, разве что его отец.
And as for poker, didn't Ashley take two hundred dollars away from you just last week in Jonesboro?"	И кто, как не Эшли, всего на прошлой неделе выставил вас в Джонсборо на двести долларов в покер?
"The Calvert boys have been blabbing again," Gerald said resignedly, "else you'd not be knowing the amount.	- Откуда тебе известно, что на двести, -калвертские мальчишки опять распустили язык? -сердито пробормотал Джералд.

Ashley can ride with the best and play poker with the best-that's me, Puss!	- Эшли никому не уступит ни в седле, ни за карточным столом - разве я против этого спорю, дочка?
And I'm not denying that when he sets out to drink he can put even the Tarletons under the table.	Да и во хмелю он крепок и любого из тарлтонских мальчишек свалит под стол.
He can do all those things, but his heart's not in it.	Это все так, да только у него к этому вовсе не Лежит душа.
That's why I say he's queer."	Вот почему я говорю, что странный он человек.
Scarlett was silent and her heart sank.	Скарлетт молчала. У нее стало еще тяжелее на сердце.

She could think of no defense for this last, for she knew Gerald was right.	Ей нечего было возразить отцу, она понимала, что он прав.
Ashley's heart was in none of the pleasant things he did so well.	Эшли нисколько не тянуло ко всем этим лихим забавам, в которых он принимал участие с таким блеском.
He was never more than politely interested in any of the things that vitally interested every one else.	Он просто проявлял вежливый интерес к тому, чему другие отдавали душу.
Rightly interpreting her silence, Gerald patted her arm and said triumphantly:	Правильно разгадав причину ее молчания, Джералд потрепал ее по плечу и торжествующе произнес:
"There now, Scarlett!	- Вот видишь, Скарлетт.

You admit 'tis true.	Ты сама понимаешь, что я нрав.
What would you be doing with a husband like Ashley? 'tis moonstruck they all are, all the Wilkes."	Ну, на что тебе такой муж, как Эшли? У всех у них мозги набекрень, у этих Уилксов.
And then, in a wheedling tone: "When I was mentioning the Tarletons the while ago, I wasn't pushing them.	- И, помолчав, прибавил вкрадчиво: - А Тарлтонов я просто так помянул, не нравятся - не надо.
They're fine lads, but if it's Cade Calvert you're setting your cap after, why, 'tis the same with me.	Они славные парни, но если тебе больше по сердцу Кейд Калверт, то, по мне, и он хорош.

The Calverts are good folk, all of them, for all the old man marrying a Yankee.	Калверты все - добрый народ, хоть старик и взял себе в жены янки.
And when I'm gone-Whist, darlin', listen to me!	А когда пробьет мой час... Слушай, детка!
I'll leave Tara to you and Cade-"	Я завещаю Тару тебе и Кэйду...
"I wouldn't have Cade on a silver tray," cried Scarlett in fury.	- Не пойду я за Кэйда, хоть меня озолоти! - со злостью выкрикнула Скарлетт.
"And I wish you'd quit pushing him at me!	- И перестаньте же навязывать его мне, слышите!
I don't want Tara or any old plantation.	И не нужна мне ваша Тара и ваши дурацкие плантации.

Plantations don't amount to anything when-"	К чему все это, если...
She was going to say "when you haven't the man you want," but Gerald, incensed by the cavalier way in which she treated his proffered gift, the thing which, next to Ellen, he loved best in the whole world uttered a roar.	Она хотела сказать: "если я не могу иметь того, кого хочу", но Джералд, ужаленный в самое сердце пренебрежением, с Каким был отвергнут его великодушный дар - его Тара, которая, не считая, разумеется, Эллин, была ему дороже всего на свете, не дал ей договорить:
"Do you stand there, Scarlett O'Hara, and tell me that Tara-that land-doesn't amount to anything?"	- От вас ли я это слышу, Скарлетт О'Хара! По-вашему, значит, Тара - ничего не стоящий клочок земли?..
Scarlett nodded obstinately.	Скарлетт упрямо мотнула головой.

Her heart was too sore to care whether or not she put her father in a temper.	Она была так несчастна, что ей уже было все равно - отец рассвирепеет, ну и пусть...

"Land is the only thing in the world that amounts to anything," he shouted, his thick, short arms making wide gestures of indignation, "for 'tis the only thing in this world that lasts, and don't you be forgetting it! 'tis the only thing worth working for, worth fighting for-worth dying for."	- Земля - единственное на свете, что имеет ценность, - воскликнул Джералд, вне себя от возмущения воздев над головой свои короткие руки, словно призывая небо в свидетели, - потому что она - единственное, что вечно, и не мешало бы тебе зарубить себе это на носу! Единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться... и умереть!

"Oh, Pa," she said disgustedly, "you talk like an Irishman!"	- Ах, папа, - презрительно молвила Скарлетт, - вы рассуждаете, как настоящий ирландец!
"Have I ever been ashamed of it?	- А разве я когда-нибудь этого стыдился?
No, 'tis proud I am.	Напротив, я этим горжусь.
And don't be forgetting that you are half Irish, Miss!	И вы тоже наполовину ирландка, не забывайте, мисс!
And to anyone with a drop of Irish blood in them the land they live on is like their mother. 'tis ashamed of you I am this minute.	А для того, у кого есть хоть капля ирландской крови в жилах, его земля - это то же, что родная мать. И мне сейчас стыдно за тебя.

I offer you the most beautiful land in the world-saving County Meath in the Old Country-and what do you do?	Я предложил тебе в дар прекраснейшую из всех земель, не считая, конечно, графства Мит в Старом Свете, а ты что?
You sniff!"	Презрительно фыркнула!
Gerald had begun to work himself up into a pleasurable shouting rage when something in Scarlett's woebegone face stopped him.	Джеральд в своем праведном гневе распалялся вое больше и больше, но что-то в потухшем лице Скарлетт заставило его изменить тон:
"But there, you're young.	- Впрочем, ты еще молода.
'Twill come to you, this love of land.	Она еще пробудится в тебе - любовь к своей земле.

There's no getting away from it, if you're Irish.	Иначе и быть не может, ведь ты тоже ирландка.
You're just a child and bothered about your beaux.	А сейчас ты еще ребенок, и у тебя одни мальчишки на уме.
When you're older, you'll be seeing how 'tis... Now, do you be making up your mind about Cade or the twins or one of Evan Munroe's young bucks, and see how fine I turn you out!"	Станешь постарше, сама все поймешь... А пока подумай насчет Кэйда, или одного из близнецов, или кого-нибудь из сынков Эвана Манро, и ты увидишь, какую шикарную я тебе закачу свадьбу!
"Oh, Pa!"	- Ах, папа!

By this time, Gerald was thoroughly tired of the conversation and thoroughly annoyed that the problem should be upon his shoulders.	Но разговор этот уже донельзя утомил Джералда, и терпение его истощалось - надо же, чтобы все это свалилось именно на его плечи!
He felt aggrieved, moreover, that Scarlett should still look desolate after being offered the best of the County boys and Tara, too.	И особенно досадно было то, что Скарлетт все еще казалась удрученной, после того как он предложил ей на выбор лучших женихов графства и Тару в придачу.
Gerald liked his gifts to be received with clapping of hands and kisses.	Джералд привык, чтобы его дары принимались с благодарными поцелуями и аплодисментами.
"Now, none of your pouts, Miss.	- Ну, хватит дуться, мисс.

It doesn't matter who you marry, as long as he thinks like you and is a gentleman and a Southerner and prideful.	Кого ты изберешь себе в мужья - не имеет большого значения, если это будет джентльмен, южанин и человек достойный.
For a woman, love comes after marriage."	А любовь приходит к женщине уже в браке.
"Oh, Pa, that's such an Old Country notion!"	- Ах, папа, какие у вас старомодные взгляды!
"And a good notion it is!	- И очень правильные, кстати!
All this American business of running around marrying for love, like servants, like Yankees!	На что нам вся эта любовная чепуха на новомодный манер, все эти браки по любви, как у слуг или как у явки!

The best marriages are when the parents choose for the girl.	Лучшие браки - это те, когда родители сами выбирают супруга для своей дочери.
For how can a silly piece like yourself tell a good man from a scoundrel?	Ну разве может такая глупышка, как ты, разобраться, где хороший человек, а где негодяй?
Now, look at the Wilkes.	Погляди хоть на Уилксов.
What's kept them prideful and strong all these generations?	Откуда в них такая сила, такое достоинство - у всех, из поколения в поколение?
Why, marrying the likes of themselves, marrying the cousins their family always expects them to marry."	Да потому, что они заключают браки среди своей родни, женятся на двоюродных сестрах - так уж у них заведено.

"Oh," cried Scarlett, fresh pain striking her as Gerald's words brought home the terrible inevitability of the truth.	- Ах, боже мой! - вскрича-ла Скарлетт. Слова отца снова разбередили рану, напомнив, ей о неотвра-тимости предстоящего союза.
Gerald looked at her bowed head and shuffled his feet uneasily.	Джералд беспомощно потоптался на месте, глядя на ее понурую го-лову.
"It's not crying you are?" he questioned, fumbling clumsily at her chin, trying to turn her face upward, his own face furrowed with pity.	- Да ты никак ревешь? - спросил он, неуклюже взяв ее за подбородок и стараясь запрокинуть ей голову и сам уже чуть не плача от жалости.
"No," she cried vehemently, jerking away.	- Нет! - выкрикнула она, резко отстраняясь от него.
"It's lying you are, and I'm proud of it.	- Ты лжешь, и за это я то-бой горжусь.

I'm glad there's pride in you, Puss.	Я рад, что в тебе есть гордость, котенок.
And I want to see pride in you tomorrow at the barbecue.	И завтра на этом барбекю ты должна держаться гордо.
I'll not be having the County gossiping and laughing at you for mooning your heart out about a man who never gave you a thought beyond friendship."	Не хватает только, чтобы тебя подняли на смех и по всей округе пошли сплетни, что ты бегаешь за парнем, который никогда не предлагал тебе ничего, кроме дружбы.
"He did give me a thought," thought Scarlett, sorrowfully in her heart.	"И вовсе это не так, - с грустью думала Скарлетт.
"Oh, a lot of thoughts! I know he did.	- Я для него не просто друг, я же знаю.
I could tell.	Я чувствую это.

If I'd just had a little longer, I know I could have made him say- Oh, if it only wasn't that the Wilkes always feel that they have to marry their cousins!"	Будь у меня еще хоть немножко времени, я бы заставила его заговорить... Все ведь это только потому, что у этих Уилксов принято жениться на кузинах!"
Gerald took her arm and passed it through his.	Джералд взял ее руку и продел под свой локоть.
"We'll be going in to supper now, and all this is between us.	- А теперь мы пойдем ужинать, и весь этот разговор останется между нами.
I'll not be worrying your mother with this- nor do you do it either.	Я не хочу расстраивать твою мать и тебе не советую.
Blow your nose, daughter."	А ну-ка, давай, дочка, высморкайся.

Scarlett blew her nose on her torn handkerchief, and they started up the dark drive arm in arm, the horse following slowly.	Скарлетт высморкалась в свой истерзанный носовой платок, и они рука об руку зашагали по темной аллее, а лошадь медленно пошла за ними.
Near the house, Scarlett was at the point of speaking again when she saw her mother in the dim shadows of the porch.	Возле дома Скарлетт хотела было снова что-то сказать, но тут на ступеньках крыльца она различила фигуру матери.

She had on her bonnet, shawl and mittens, and behind her was Mammy, her face like a thundercloud, holding in her hand the black leather bag in which Ellen O'Hara always carried the bandages and medicines she used in doctoring the slaves.	Эллин была в шляпе, шали и митенках, а за ее спиной, с лицом мрачнее тучи, держа в руках черную кожаную сумку с бинтами и лекарствами, стояла Мамушка. Эту сумку Эллин О'Хара всегда брала с собой, когда на плантации кто-нибудь заболевал и она шла оказать больному помощь.

Mammy's lips were large and pendulous and, when indignant, she could push out her lower one to twice its normal length. It was pushed out now, and Scarlett knew that Mammy was seething over something of which she did not approve.	В минуты возмущения и без того оттопыренная нижняя губа Мамушки выпячивалась еще дальше, и Скарлетт с одного взгляда поняла: что-то вызвало неодобрение Мамушки и она вся кипит.

"Mr. O'Hara," called Ellen as she saw the two coming up the driveway- Ellen belonged to a generation that was formal even after seventeen years of wedlock and the bearing of six children- "Mr. O'Hara, there is illness at the Slattery house. Emmie's baby has been born and is dying and must be baptized.	- Мистер О'Хара! - заметив их приближение, окликнула мужа Эллин. Мать Скарлетт принадлежала к тому поколению, которое считало необходимым соблюдать известный декорум в отношениях между супругами, даже после семнадцати лет брака, увенчавшегося появлением на свет шестерых детей. - Мистер О'Хара, у Слэттери беда: Эмми разрешилась от бремени, но ребенок умирает, и его надо окрестить.
I am going there with Mammy to see what I can do."	Мы с Мамушкой хотим пойти туда, поглядеть, чем можно помочь.

Her voice was raised questioningly, as though she hung on Gerald's assent to her plan, a mere formality but one dear to the heart of Gerald.	В голосе ее звучала вопросительная интонация, словно она испрашивала у Джералда согласия, что, разумеется, было простой формальностью, но чрезвычайно льстило Джералду.
"In the name of God!" blustered Gerald.	- Час от часу не легче! - сразу вспылил Джералд.
"Why should those white trash take you away just at your supper hour and just when I'm wanting to tell you about the war talk that's going on in Atlanta!	- Неужели эта белая рвань не может дать нам спокойно поужинать! А мне как раз не терпится рассказать вам, что говорят в Атланте о войне!

Go, Mrs. O'Hara. You'd not rest easy on your pillow the night if there was trouble abroad and you not there to help."	Что ж, ступайте, миссис О'Хара, вы же иначе не сомкнете глаз до утра - все будете терзаться, что у кого-то беда, а вас там не было.
"She doan never git no res' on her piller fer hoppin' up at night time nursin' niggers an po' w'ite trash dat could ten' to deyseff," grumbled Mammy in a monotone as she went down the stairs toward the carriage which was waiting in the side drive.	- Да она только голову на подушку и тут же опять вскочит и бежать. То надо какого-то негра полечить, то кого-то из этих белых бедняков, будто уж они сами о себе позаботиться не могут! -глухо проворчала Мамушка, спускаясь с крыльца и направляясь к стоявшей в боковой аллее коляске.

"Take my place at the table, dear," said Ellen, patting Scarlett's cheek softly with a mittened hand.	- Замени меня за столом, дорогая, - сказала Эллин, и ее обтянутая митенкой рука нежно коснулась щеки Скарлетт.
In spite of her choked-back tears, Scarlett thrilled to the neverfailing magic of her mother's touch, to the faint fragrance of lemon verbena sachet that came from her rustling silk dress.	Немеркнущая магия этого прикосновения, тонкий аромат сухих духов лимонной вербены и легкий шелест шелкового платья, как всегда, трепетом отозвались в сердце Скарлетт, несмотря на душившие ее слезы.

To Scarlett, there was something breath-taking about Ellen O'Hara, a miracle that lived in the house with her and awed her and charmed and soothed her.	В присутствии Эллин у Скарлетт захватывало дух - мать была неким чудом, по странному волшебству обитающим под одной с ней кровлей, неотразимо прекрасным, внушающим благоговейный трепет и неизменно приносящим утешение во всех горестях.
Gerald helped his wife into the carriage and gave orders to the coachman to drive carefully.	Джералд помог жене сесть в коляску и дал кучеру наставление не гнать лошадей и ехать с осторожностью.

Toby, who had handled Gerald's horses for twenty years, pushed out his lips in mute indignation at being told how to conduct his own business.	Тоби, двадцать лет ходивший за лошадьми Джералда, негодующе скривил губы - хозяин мог бы и не совать нос в его дела.
Driving off, with Mammy beside him, each was a perfect picture of pouting African disapproval.	Мамушка восседала рядом с ним, дополняя собой картину нескрываемого африканского недовольства поведением хозяев.

"If I didn't do so much for those trashy Slatterys that they'd have to pay money for elsewhere," fumed Gerald, "they'd be willing to sell me their miserable few acres of swamp bottom, and the County would be well rid of them."	"Если бы мы поменьше помогали этим несчастным Слэттери, - хмуро раздумывал Джералд, - они бы с охотой продали мне свои жалкие несколько акров болотистой низины и освободили бы графство от своего присутствия".
Then, brightening, in anticipation of one of his practical jokes:	Но тут в мозгу у него привычно мелькнула мысль о хорошей шутке, и, повеселев, он сказал:
"Come daughter, let's go tell Pork that instead of buying Dilcey, I've sold him to John Wilkes."	- Давай-ка, дочка, скажем Порку, что я решил не покупать Дилси, а вместо этого продал его самого Джону Уилксу.

He tossed the reins of his horse to a small pickaninny standing near and started up the steps.	Бросив поводья болтавшемуся поблизости негритенку, Джералд поднялся на крыльцо.
He had already forgotten Scarlett's heartbreak and his mind was only on plaguing his valet.	Горести Скарлетт были им уже позабыты, а мысли полны одним: как получше разыграть своего черного лакея.

Scarlett slowly climbed the steps after him, her feet leaden.	Скарлетт медленно, чувствуя холодную тяжесть в ногах, последовала за отцом.
She thought that, after all, a mating between herself and Ashley could be no queerer than that of her father and Ellen Robillard O'Hara.	Ее брак с Эшли выглядел бы в конце концов ничуть не более странным, чем союз ее отца с Эллин Робийяр, в супружестве Эллин О'Хара.

As always, she wondered how her loud, insensitive father had managed to marry a woman like her mother, for never were two people further apart in birth, breeding and habits of mind.	И в который уж раз она с недоумением спросила себя, как это могло произойти, что ее недалекий, грубоватый папаша ухитрился взять себе в жены такую женщину, как ее мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.
CHAPTER III	Глава 3
Ellen O'Hara was thirty-two years old, and, according to the standards of her day, she was a middle-aged woman, one who had borne six children and buried three.	Эллин О'Хара исполнилось тридцать два года, она уже была матерью шестерых детей, из коих схоронила троих, и по существовавшим в те времена понятиям считалась женщиной среднего возраста.

She was a tall woman, standing a head higher than her fiery little husband, but she moved with such quiet grace in her swaying hoops that the height attracted no attention to itself.	Она была почти на голову выше своего горячего, вспыльчивого коротышки-супруга, но спокойная грация движении, приковывая к себе внимание, заставляла забывать про ее высокий рост.

Her neck, rising from the black taffeta sheath of her basque, was creamy- skinned, rounded and slender, and it seemed always tilted slightly backward by the weight of her luxuriant hair in its net at the back of her head.	Стоячий воротничок черного шелкового платья туго обтягивал округлую, тонкую, чуть смуглую шею. Голова была слегка откинута назад, словно под тяжестью густых темных волос, стянутых на затылке тугим узлом и уложенных в сетку.

From her French mother, whose parents had fled Haiti in the Revolution of 1791, had come her slanting dark eyes, shadowed by inky lashes, and her black hair; and from her father, a soldier of Napoleon, she had her long straight nose and her square-cut jaw that was softened by the gentle curving of her cheeks.	От своей француженки-матери, родители которой в 1791 году бежали на Гаити от революции, она унаследовала и эти темные волосы, и темные, с узким разрезом глаза, и иссиня-черные ресницы; от отца - офицера наполеоновской армии - прямой удлиненный нос и чуть заметную широкоскулость, смягченную нежной линией подбородка и щек.

But only from life could Ellen's face have acquired its look of pride that had no haughtiness, its graciousness, its melancholy and its utter lack of humor.	И уж верно, сама жизнь наградила Эллин и горделивой, без высокомерия осанкой, и изысканной грацией, и этой меланхоличностью взгляда без малейшей искорки веселья.
She would have been a strikingly beautiful woman had there been any glow in her eyes, any responsive warmth in her smile or any spontaneity in her voice that fell with gentle melody on the ears of her family and her servants.	Чуть больше блеска в глазах, тепла в улыбке, живости в мелодично-нежном голосе, звучавшем музыкой в ушах ее близких и слуг, и красота Эллин О'Хара была бы неотразимой.

She spoke in the soft slurring voice of the coastal Georgian, liquid of vowels, kind to consonants and with the barest trace of French accent.	В напевности ее говора была протяжность гласных, характерная для жителей прибрежной Джорджии, и легкий французский акцент.

It was a voice never raised in command to a servant or reproof to a child but a voice that was obeyed instantly at Tara, where her husband's blustering and roaring were quietly disregarded.	Голое Эллин никогда не повышался до крика -отдавала ли она приказания слугам или пробирала за шалости детей, - но все обитатели Тары повиновались ему беспрекословно и мгновенно, преспокойно игнорируя громы и молнии, которые привык метать ее супруг.

As far back as Scarlett could remember, her mother had always been the same, her voice soft and sweet whether in praising or in reproving, her manner efficient and unruffled despite the daily emergencies of Gerald's turbulent household, her spirit always calm and her back unbowed, even in the deaths of her three baby sons.	И всегда, с тех пор как помнила себя Скарлетт, ее мать была такой - деятельной и невозмутимой среди всех ежедневных треволнений усадебной жизни; укоряла она или поощряла, голос ее был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух несгибаем: она осталась такой даже после потери трех малюток-сыновей.
Scarlett had never seen her mother's back touch the back of any chair on which she sat.	Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать, сидя в кресле, позволила себе откинуться на спинку.

Nor had she ever seen her sit down without a bit of needlework in her hands, except at mealtime, while attending the sick or while working at the bookkeeping of the plantation.	И руки у нее всегда были заняты рукоделием, если только она не сидела за обеденным столом, или за усадебными счетоводными книгами, или у постели больного.
It was delicate embroidery if company were present, but at other times her hands were occupied with Gerald's ruffled shirts, the girls' dresses or garments for the slaves.	Иногда (в присутствии гостей) это могла быть изящная вышивка, в другой раз - просто рубашка Джералда или детское платьице, требующее починки. А не то, так она шила одежду для слуг.

Scarlett could not imagine her mother's hands without her gold thimble or her rustling figure unaccompanied by the small negro girl whose sole function in life was to remove basting threads and carry the rosewood sewing box from room to room, as Ellen moved about the house superintending the cooking, the cleaning and the wholesale clothes-making for the plantation.	И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку.

She had never seen her mother stirred from her austere placidity, nor her personal appointments anything but perfect, no matter what the hour of day or night.	Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы ее туалет, независимо от времени суток, не был в безупречном состоянии.
When Ellen was dressing for a ball or for guests or even to go to Jonesboro for Court Day, it frequently required two hours, two maids and Mammy to turn her out to her own satisfaction; but her swift toilets in times of emergency were amazing.	Если Эллин О'Хара собиралась на бал, или в гости, или в Джонсборо для присутствия на сессии суда, ее туалет обычно занимал не менее двух часов и требовал услуг двух горничных и Мамушки, но если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех.

Scarlett, whose room lay across the hall from her mother's, knew from babyhood the soft sound of scurrying bare black feet on the hardwood floor in the hours of dawn, the urgent tappings on her mother's door, and the muffled, frightened negro voices that whispered of sickness and birth and death in the long row of whitewashed cabins in the quarters.	Скарлетт в своей спальне, расположенной напротив материнской, с младенчества привыкла слышать на заре легкий торопливый топот босых ног по деревянному полу, тревожный стук в дверь к хозяйке, испуганные, приглушенные голоса, сообщавшие о начавшихся родах, или о чьей-то болезни, или смерти, приключившихся в одной из беленных известкой хижин.

As a child, she often had crept to the door and, peeping through the tiniest crack, had seen Ellen emerge from the dark room, where Gerald's snores were rhythmic and untroubled, into the flickering light of an upheld candle, her medicine case under her arm, her hair smoothed neatly place, and no button on her basque unlooped.	Не раз, подкравшись к своей двери, Скарлетт смотрела в щелку и видела, как мать, аккуратно причесанная, с медицинской сумкой в одной руке и высоко поднятой свечой в другой появляется на пороге темной спальни, откуда доносится мерное похрапывание отца;
It had always been so soothing to Scarlett to hear her mother whisper, firmly but compassionately, as she tiptoed down the hall:	И на ее детскую душу сразу нисходило успокоение, когда она слышала сочувственный, но твердый шепот матери:

"Hush, not so loudly.	- Тише, не так громко.
You will wake Mr. O'Hara.	Вы разбудите мистера О'Хара.
They are not sick enough to die."	Никто не умрет, это не такая опасная болезнь.
Yes, it was good to creep back into bed and know that Ellen was abroad in the night and everything was right.	Приятно было снова забраться в постель и уснуть, сознавая, что мать ушла туда, в ночь, и ничего страшного не случится.

In the mornings, after all-night sessions at births and deaths, when old Dr. Fontaine and young Dr. Fontaine were both out on calls and could not be found to help her, Ellen presided at the breakfast table as usual, her dark eyes circled with weariness but her voice and manner revealing none of the strain.	А утром, не дождавшись помощи ни от старого доктора Фонтейна, ни от молодого, вызванных куда-то еще, и проведя у постели роженицы или у смертного одра всю ночь. Эллин О'Хара спускалась, как обычно, в столовую к завтраку. И если под глазами у нее залегли глубокие тени, то голос звучал бодро, как всегда, и ничто не выдавало пережитого напряжения.

There was a steely quality under her stately gentleness that awed the whole household, Gerald as well as the girls, though he would have died rather than admit it.	За величавой женственностью Эллин скрывались стальная выдержка и воля, державшие в почтительном трепете весь дом - и не только слуг и дочерей, но и самого Джералда, хотя он даже под страхом смерти никогда бы в этом не признался.

Sometimes when Scarlett tiptoed at night to kiss her tall mother's cheek, she looked up at the mouth with its too short, too tender upper lip, a mouth too easily hurt by the world, and wondered if it had ever curved in silly girlish giggling or whispered secrets through long nights to intimate girl friends.	Порой, перед отходом ко сну, Скарлетт, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до материнской щеки, смотрела на нежный рот Эллин, казавшийся таким беззащитным, на ее тонкую верхнюю губу и невольно спрашивала себя: неужели этот рот тоже когда-нибудь беспечно улыбался и в ночной тишине шепотом поверял свои девичьи секреты на ухо подружке?
But no, that wasn't possible.	Это казалось невообразимым.

Mother had always been just as she was, a pillar of strength, a fount of wisdom, the one person who knew the answers to everything.	Для Скарлетт Эллин всегда была такой, как сейчас, - сильной, мудрой опорой для всех, единственным человеком на свете, знающим ответ на все вопросы.
But Scarlett was wrong, for, years before, Ellen Robillard of Savannah had giggled as inexplicably as any fifteen-year-old in that charming coastal city and whispered the long nights through with friends, exchanging confidences, telling all secrets but one.	По конечно, Скарлетт была не права. Эллин Робийяр из Саванны умела беззаботно улыбаться и заливаться беспричинным смехом, как любая пятнадцатилетняя девчонка этого живописного городка на берегу Атлантики, и, как все девчонки, поверяла по ночам свои секреты подружкам - все секреты, кроме одного.

That was the year when Gerald O'Hara, twenty-eight years older than she, came into her life-the year, too, when youth and her black-eyed cousin, Philippe Robillard, went out of it. For when Philippe, with his snapping eyes and his wild ways, left Savannah forever, he took with him the glow that was in Ellen's heart and left for the bandy-legged little Irishman who married her only a gentle shell.	Так было вплоть до того дня, пока некий Джералд О'Хара, двадцатью восемью годами старше Эллин, не вошел в ее жизнь. И случилось это в тот самый год, когда Филипп Робийяр, ее беспутный черноглазый кузен с дерзким взглядом и отчаянными повадками, навсегда покинул город и унес с собой весь молодой жар ее сердца, оставив маленькому кривоногому коротышке-ирландцу только восхитительно женственную оболочку.

But that was enough for Gerald, overwhelmed at his unbelievable luck in actually marrying her.	Но Джералду, который, женившись на Эллин, не помнил себя от счастья, и этого было довольно.
And if anything was gone from her, he never missed it.	И если какая-то частица ее души была мертва для него, он никогда от этого не страдал.

Shrewd man that he was, he knew that it was no less than a miracle that he, an Irishman with nothing of family and wealth to recommend him, should win the daughter of one of the wealthiest and proudest families on the Coast.	Джералд был достаточно умен, чтобы понимать: если он, небогатый ирландец, без роду без племени, взял в жены девушку из самого богатого и родовитого семейства на всем побережье, - это почти что равносильно чуду.
For Gerald was a self-made man.	Ведь он был никто, человек, выбившийся из низов.
Gerald had come to America from Ireland when he was twenty-one.	Джералд О'Хара эмигрировал из Ирландии в Америку, когда ему едва исполнился двадцать один год.

He had come hastily, as many a better and worse Irishman before and since, with the clothes he had on his back, two shillings above his passage money and a price on his head that he felt was larger than his misdeed warranted.	Отъезд был скоропалительным, как случалось не раз и с другими добрыми ирландцами и до него и после. Он уехал, без багажа, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися после оплаты проезда, и крупной суммой, в которую была оценена его голова, более крупной, на его взгляд, чем совершенное им нарушение закона.

There was no Orangeman this side of hell worth a hundred pounds to the British government or to the devil himself; but if the government felt so strongly about the death of an English absentee landlord's rent agent, it was time for Gerald O'Hara to be leaving and leaving suddenly.	Ни один оранжист, еще не отправленный в ад, не стоил в глазах британского правительства, да и самого сатаны, ста фунтов стерлингов; но если тем не менее правительство приняло так близко к сердцу смерть земельного агента какого-то английского помещика, давно покинувшего свое поместье, это значило, чти Джералду О'Хара надлежало бежать, и притом побыстрее.

True, he had called the rent agent "a bastard of an Orangeman," but that, according to Gerald's way of looking at it, did not give the man any right to insult him by whistling the opening bars of	Правда, он обозвал земельного агента "оранжистским ублюдком", но это, по мнению Джералда, еще не давало тому права оскорбительно насвистывать ему в лицо
"The Boyne Water."	"Воды Война".

The Battle of the Boyne had been fought more than a hundred years before, but, to the O'Haras and their neighbors, it might have been yesterday when their hopes and their dreams, as well as their lands and wealth, went off in the same cloud of dust that enveloped a frightened and fleeing Stuart prince, leaving William of Orange and his hated troops with	Битва на реке Войн произошла более ста лет тому назад, но для всех О'Хара и любого из их соседей этого промежутка времени как бы не существовало, словно только вчера их мечты и надежды, вместе с их землями и состоянием, были развеяны по ветру в облаках пыли, поднятых копытами коня трусливого Стюарта, бежавшего с поля боя, оставив своих ирландских приверженцев на расправу Вилли Оранскому и его оголтелым наемникам с оранжевыми кокардами.

For this and other reasons, Gerald's family was not inclined to view the fatal outcome of this quarrel as anything very serious, except for the fact that it was charged with serious consequences.	По этой и многим другим причинам семья Джеральда не почла нужным рассматривать трагический исход вышеупомянутой ссоры как нечто заслуживающее серьезного внимания -помимо, разумеется, того, что он мог повлечь за собой серьезные последствия для них.

For years, the O'Haras had been in bad odor with the English constabulary on account of suspected activities against the government, and Gerald was not the first O'Hara to take his foot in his hand and quit Ireland between dawn and morning.	На протяжении многих лет семья О'Хара, подозреваемая в тайных антиправительственных действиях, была на дурном счету у английских констеблей, и Джералд был не первым О'Хара, спешно покинувшим родину под покровом предрассветных сумерек.

His two oldest brothers, James and Andrew, he hardly remembered, save as close-lipped youths who came and went at odd hours of the night on mysterious errands or disappeared for weeks at a time, to their mother's gnawing anxiety. They had come to America years before, after the discovery of a small arsenal of rifles buried under the O'Hara pigsty.	Он смутно помнил своих двух старших братьев Джеймса и Эндрю, молчаливых юношей, порой неожиданно появлявшихся ночью с какими-то таинственными поручениями, порой исчезавших на целые недели - к неизбывной тревоге матери -и сбежавших в Америку много лет назад, после того как на скотном дворе О'Хара под полом хлева был обнаружен небольшой склад огнестрельного оружия.

Now they were successful merchants in Savannah, "though the dear God alone knows where that may be," as their mother always interpolated when mentioning the two oldest of her male brood, and it was to them that young Gerald was sent.	Теперь оба они стали преуспевающими торговцами в Саванне ("Одному господу известно, что это за город такой", - со вздохом говаривала их мать, вспоминая своих старших отпрысков мужского пола), и молодого Джералда отослали к ним.

He left home with his mother's hasty kiss on his cheek and her fervent Catholic blessing in his ears, and his father's parting admonition,	Мать наскоро поцеловала его в щеку, жарко прошептав на ухо слова католической молитвы, отец же напутствовал его так:
"Remember who ye are and don't be taking nothing off no man."	"Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задирать перед тобой нос". И с этим Джералд покинул родной кров.

His five tall brothers gave him good-by with admiring but slightly patronizing smiles, for Gerald was the baby and the little one of a brawny family.	Пятеро высоченных братцев одарили его на прощание одобрительно-покровительственными улыбками, ибо он был в их глазах еще ребенком, да к тому же единственным недомерком в этом племени рослых здоровяков.

His five brothers and their father stood six feet and over and broad in proportion, but little Gerald, at twenty-one, knew that five feet four and a half inches was as much as the Lord in His wisdom was going to allow him.	Отец и все пять братьев были крепкого сложения и более шести футов росту, а коротышка Джеральд в двадцать один год уже знал, что господь бог в своей неизреченной мудрости отпустил ему всего пять футов и четыре с половиной дюйма в длину.

It was like Gerald that he never wasted regrets on his lack of height and never found it an obstacle to his acquisition of anything he wanted.	Но Джералд никогда не позволял себе на это сетовать и - такой уж у него был характер -отнюдь не считал, что низкий рост может быть для него в чем-либо помехой.
Rather, it was Gerald's compact smallness that made him what he was, for he had learned early that little people must be hardy to survive among large ones.	Скорее, даже особенности телосложения и сделали его тем, чем он стал, ибо еще на пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших.
And Gerald was hardy.	И в этом качестве Джералду отказать было нельзя.

His tall brothers were a grim, quiet lot, in whom the family tradition of past glories, lost forever, rankled in unspoken hate and crackled out in bitter humor.	Его рослые братья были немногословными, мрачноватыми парнями. Утрата былого величия их славного рода подспудной злобой жгла их души и прорывалась наружу язвительными дауточками.
Had Gerald been brawny, he would have gone the way of the other O'Haras and moved quietly and darkly among the rebels against the government.	Будь Джералд таким же здоровенным верзилой, как они, он тоже пошел бы по темному извилистому пути всех О'Хара, примкнув к тайным мятежникам.

But Gerald was "loud-mouthed and bullheaded," as his mother fondly phrased it, hair trigger of temper, quick with his fists and possessed of a chip on his shoulder so large as to be almost visible to the naked eye.	Но Джералд был горячая голова, "задира и горло-пан", по выражению его нежной матушки, чуть что - лез с кулаками, и его буйный нрав каждому мгновенно бросался в глаза.

He swaggered among the tall O'Haras like a strutting bantam in a barnyard of giant Cochin roosters, and they loved him, baited him affectionately to hear him roar and hammered on him with their large fists no more than was necessary to keep a baby brother in his proper place.	Он держался со своими могучими братьями как маленький, но храбрый бойцовый петух среди крупнопородистых представителей птичьего двора, и братья любили его и добродушно подразнивали, забавляясь его яростью, а иной раз и поколачивали, чтобы он не слишком все же забывался и знал свое место.
If the educational equipment which Gerald brought to America was scant, he did not even know it.	Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал.
Nor would he have cared if he had been told.	Да и не придал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза.

His mother had taught him to read and to write a clear hand.	Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк.
He was adept at ciphering.	Арифметика далась ему легко.
And there his book knowledge stopped.	И на этом его образование оборвалось.

The only Latin he knew was the responses of the Mass and the only history the manifold wrongs of Ireland.	Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии.

He knew no poetry save that of Moore and no music except the songs of Ireland that had come down through the years.	Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным знанием старинных ирландских песен.
While he entertained the liveliest respect for those who had more book learning than he, he never felt his own lack.	Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного.
And what need had he of these things in a new country where the most ignorant of bogtrotters had made great fortunes? in this country which asked only that a man be strong and unafraid of work?	Да и на что оно ему было в этой новой, стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовалась только сила, выносливость и любовь к труду.

Nor did James and Andrew, who took him into their store in Savannah, regret his lack of education.	Джеймсу и Эндрю, пристроившим его у себя в лавке в Саванне, тоже не приходилось сокрушаться по поводу его необразованности.
His clear hand, his accurate figures and his shrewd ability in bargaining won their respect, where a knowledge of literature and a fine appreciation of music, had young Gerald possessed them, would have moved them to snorts of contempt.	Его четкий почерк, точность в подсчетах и хорошая торговая сметка вызывали к нему уважение, в то время как вздумай он похвалиться какими-либо познаниями по части литературы или музыки, его подняли бы на смех.
America, in the early years of the century, had been kind to the Irish.	Америка в те годы была еще гостеприимна к ирландцам.

James and Andrew, who had begun by hauling goods in covered wagons from Savannah to Georgia's inland towns, had prospered into a store of their own, and Gerald prospered with them.	Джеймс и Эндрю, поначалу гонявшие фургоны с чужими товарами из Саванны в глубь Джорджии, преуспев, обзавелись собственной торговлей, и Джеральд преуспевал вместе с ними.
He liked the South, and he soon became, in his own opinion, a Southerner.	Американский Юг пришелся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах.

There was much about the South-and Southerners- that he would never comprehend: but, with the wholeheartedness that was his nature, he adopted its ideas and customs, as he understood them, for his own-poker and horse racing, red-hot politics and the code duello, States' Rights and damnation to all Yankees, slavery and King Cotton, contempt for white trash and exaggerated courtesy to women.	Кое в чем Юг и южане оставались для него загадкой, но он со свойственной ему цельностью и широтой натуры принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи: скачки, покер, дуэльный кодекс, страсть к политике, ненависть к янки, Права Юга, рабство и власть Короля Хлопка, презрение к "белой рвани" - к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди, -и подчеркнуто рыцарское отношение к женщинам.
He even learned to chew tobacco.	Он даже научился жевать табак.

There was no need for him to acquire a good head for whisky, he had been born with one.	Учиться поглощать виски в неумеренных количествах не хмелея ему не было нужды - он владел этим даром от природы.
But Gerald remained Gerald.	И все же Джералд оставался Джералдом.

His habits of living and his ideas changed, but his manners he would not change, even had he been able to change them.	Образ его жизни и взгляды претерпели изменение, но менять свою манеру поведения он не стремился, даже если бы это было ему под силу.

He admired the drawling elegance of the wealthy rice and cotton planters, who rode into Savannah from their moss-hung kingdoms, mounted on thoroughbred horses and followed by the carriages of their equally elegant ladies and the wagons of their slaves.	Он отдавал должное томной элегантности богатых хлопковых и рисовых плантаторов, приезжавших в Саванну из своих увитых плющом резиденций, гарцевавших по улицам на породистых лошадях, эскортируя экипажи не менее элегантных дам, за которыми катили фургоны с черной челядью.
But Gerald could never attain elegance.	Однако самому Джералду элегантность не давалась, хоть умри.

Their lazy, blurred voices fell pleasantly on his ears, but his own brisk brogue clung to his tongue.	Протяжный ленивый говор приятно ласкал ему слух, но его собственный язык не был для этого приспособлен, и речь Джералда по-прежнему звучала резко и грубовато.
He liked the casual grace with which they conducted affairs of importance, risking a fortune, a plantation or a slave on the turn of a card and writing off their losses with careless good humor and no more ado than when they scattered pennies to pickaninnies.	Ему нравилась небрежная грация, с какой богатые южане заключали крупные сделки или ставили на карту раба, плантацию, целое состояние и расплачивались за проигрыш, ни на секунду не теряя хорошего расположения духа, так же легко и беспечно, как швыряли мелкую монетку негритенку.

But Gerald had known poverty, and he could never learn to lose money with good humor or good grace.	Но Джералд, знавший в жизни нужду, не мог невозмутимо и благодушно относиться к денежным потерям.
They were a pleasant race, these coastal Georgians, with their soft-voiced, quick rages and their charming inconsistencies, and Gerald liked them.	Они были славный народ, эти южане с прибрежных плантаций - нежноголосы, горячие, забавные в своих непостижимых прихотях: они нравились Джералду.

But there was a brisk and restless vitality about the young Irishman, fresh from a country where winds blew wet and chill, where misty swamps held no fevers, that set him apart from these indolent gentlefolk of semi-tropical weather and malarial marshes.	Но молодого ирландца, явившегося сюда из страны холодных влажных ветров. Дующих над повитыми туманом топями, не таящими в себе тлетворных миазмов, отличала такая крепкая жизненная хватка, какая и не снилась высокомерным отпрыскам благородных семей из края тропического солнца и малярийных болот.
From them he learned what he found useful, and the rest he dismissed.	Он перенимал у них то, что считал для себя полезным, и отбрасывал остальное.

He found poker the most useful of all Southern customs, poker and a steady head for whisky; and it was his natural aptitude for cards and amber liquor that brought to Gerald two of his three most prized possessions, his valet and his plantation.	Он открывал, что покер и ясная голова во хмелю могут сослужить неплохую службу, и пришел к заключению, что покер - одно из самых полезных изобретений южан. Вот эта его врожденная смекалка в карточных играх и способность легко поглощать золотистое питье и принесли Джералду два самых драгоценных приобретения - его плантацию и его черного лакея.
The other was his wife, and he could only attribute her to the mysterious kindness of God.	Третьим драгоценным приобретением была его жена, но за нее он мог благодарить лишь непостижимую милость господа бога.

The valet, Pork by name, shining black, dignified and trained in all the arts of sartorial elegance, was the result of an all-night poker game with a planter from St. Simons Island, whose courage in a bluff equaled Gerald's but whose head for New Orleans rum did not.	Лакей по имени Порк, ослепительно черный, вышколенный, исполненный чувства собственного достоинства, знающий толк во всех тонкостях портняжного искусства и элегантности, перешел во владение Джералда в результате затянувшейся до утра партии в покер с плантатором с острова Сент-Саймон, умевшим не менее стойко блефовать, чем Джералд, по проявившим меньшую стойкость по части новоорлеанского рома.

Though Pork's former owner later offered to buy him back at twice his value, Gerald obstinately refused, for the possession of his first slave, and that slave the "best damn valet on the Coast," was the first step upward toward his heart's desire, Gerald wanted to be a slave owner and a landed gentleman.	И хотя прежний владелец Порка хотел потом откупить его обратно и предлагал двойную цену, Джералд отказался наотрез, ибо обладание первым в его жизни рабом, да к тому же еще "лучшим, черт подери, лакеем на всем побережье", явилось важным шагом на пути к исполнению его заветной мечты - стать и землевладельцем и рабовладельцем.

His mind was made up that he was not going to spend all of his days, like James and Andrew, in bargaining, or all his nights, by candlelight, over long columns of figures.	Он уже давно пришел к решению, что не будет, как Джеймс И Эндрю, всю жизнь заниматься торговлей и просиживать ночи при свечах, подбивая итог под колонками цифр.
He felt keenly, as his brothers did not, the social stigma attached to those "in trade."	Не в пример братьям, он остро чувствовал своего рода социальное клеймо на тех, кого именовали здесь "торговым людом".
Gerald wanted to be a planter.	Джералд хотел стать плантатором.

With the deep hunger of an Irishman who has been a tenant on the lands his people once had owned and hunted, he wanted to see his own acres stretching green before his eyes.	Выходец из семьи ирландских арендаторов, некогда владевшей пахотными землями и охотничьими угодьями, он страстно желал насладиться видом зеленеющих акров собственных возделанных полей.
With a ruthless singleness of purpose, he desired his own house, his own plantation, his own horse, his own slaves.	Целеустремленно и безоглядно он мечтал о собственном Доме, собственной плантации, собственных лошадях, собственных рабах.

And here in this new country, safe from the twin perils of the land he had left-taxation that ate up crops and barns and the ever-present threat of sudden confiscation-he intended to have them.	И здесь, в этой новой стране, не ведающей двух главных опасностей, которые подстерегают землевладельца у него на родине, - налогов, пожирающих весь доход от урожая, и неизбывной угрозы конфискации, - он намерен был воплотить в жизнь свою мечту.
But having that ambition and bringing it to realization were two different matters, he discovered as time went by.	Но шли годы, и он понял, что честолюбивые замыслы - одно, а осуществление их - нечто другое.

Coastal Georgia was too firmly held by an entrenched aristocracy for him ever to hope to win the place he intended to have.	Местная земельная знать оказалась крепостью, проникнуть внутрь которой у него не было никакой надежды.

Then the hand of Fate and a hand of poker combined to give him the plantation which he afterwards called Tara, and at the same time moved him out of the Coast into the upland country of north Georgia.	И тут рука Судьбы и рука карточного игрока преподнесли ему кусок земли, который он впоследствии нарек Тарой, и подвигли его тем самым перебраться с побережья в глубь Северной Джорджии.

It was in a saloon in Savannah, on a hot night in spring, when the chance conversation of a stranger sitting near by made Gerald prick up his ears.	Однажды теплой весенней ночью в одном из салунов Саванны до ушей его случайно долетели слова какого-то незнакомца, заставившие его сразу обратиться в слух.
The stranger, a native of Savannah, had just returned after twelve years in the inland country.	Незнакомец, уроженец Саванны, только что возвратился в родной город после двенадцати лет; проведенных в глубине штата.

He had been one of the winners in the land lottery conducted by the State to divide up the vast area in middle Georgia, ceded by the Indians the year before Gerald came to America.	Он был участником земельной лотереи, организованной штатом с целью поделить на участки обширную территорию Центральной Джорджии, уже очищенной от индейских племен за год до того, как Джералд прибыл в Америку.
He had gone up there and established a plantation; but, now the house had burned down, he was tired of the "accursed place" and would be most happy to get it off his hands.	Человек этот отправился туда и основал плантацию, но дом, который он себе построил, сгорел, "проклятое это место" ему осточертело, и он был бы рад поскорее сбыть его с рук.

Gerald, his mind never free of the thought of owning a plantation of his own, arranged an introduction, and his interest grew as the stranger told how the northern section of the state was filling up with newcomers from the Carolinas and Virginia.	Джералд, никогда не расстававшийся с мечтой приобрести собственную плантацию, представился незнакомцу и с возрастающим интересом стал слушать его рассказ о том, что на север штата хлынули переселенцы из обеих Каролин и Виргинии.
Gerald had lived in Savannah long enough to acquire a viewpoint of the Coast-that all of the rest of the state was backwoods, with an Indian lurking in every thicket.	Джералд уже достаточно давно жил на побережье, чтобы усвоить характерный для местных жителей взгляд на остальную часть штата как на непроходимую лесную чащу, где за каждым деревом прячется индеец.

In transacting business for O'Hara Brothers, he had visited Augusta, a hundred miles up the Savannah River, and he had traveled inland far enough to visit the old towns westward from that city.	Правда, по делам своих братьев он поднимался на сотню миль вверх по реке Саванне, побывал в Огасте и в старых городах еще дальше к западу.
He knew that section to be as well settled as the Coast, but from the stranger's description, his plantation was more than two hundred and fifty miles inland from Savannah to the north and west, and not many miles south of the Chattahoochee River.	Он знал, что эта часть штата не менее заселена, чем побережье, но по рассказам незнакомца выходило, что его плантация расположена более чем в двухстах пятидесяти милях к северо-западу от Саванны, немного южнее реки Чаттахучи.

Gerald knew that northward beyond that stream the land was still held by the Cherokees, so it was with amazement that he heard the stranger jeer at suggestions of trouble with the Indians and narrate how thriving towns were growing up and plantations prospering in the new country.	Джералд считал, что земли к северу от этой реки еще заселены индейцами племени чероки, и поэтому был очень удивлен, когда незнакомец стал рассказывать, какие на этих новых землях возникли процветающие города и поместья, и посмеялся его вопросу - не тревожат ли их индейцы?

An hour later when the conversation began to lag, Gerald, with a guile that belied the wide innocence of his bright blue eyes, proposed a game.	Через час беседа начала увядать, и тогда Джералд, уставив на незнакомца невиннейший взгляд ярко-голубых глаз и затаив на дне души коварнейший умысел, предложил составить партию в покер.
As the night wore on and the drinks went round, there came a time when all the others in the game laid down their hands and Gerald and the stranger were battling alone.	Текли ночные часы, и стаканы бессчетно наполнялись и опустошались, остальные игроки мало-помалу выходили из игры, и лишь Джералд продолжал сражаться с незнакомцем уже один на один.
The stranger shoved in all his chips and followed with the deed to his plantation.	Незнакомец двинул на середину стола все свои фишки и прикрыл их сверху купчей на плантацию.

Gerald shoved in all his chips and laid on top of them his wallet.	Джералд тоже двинул все свои фишки, а поверх них бросил бумажник.
If the money it contained happened to belong to the firm of O'Hara Brothers, Gerald's conscience was not sufficiently troubled to confess it before Mass the following morning.	Тот факт, что содержимое бумажника являлось собственностью фирмы братьев О'Хара, не слишком обременял совесть Джералда, и каяться в своем грехе завтра перед утренней мессой он не собирался.
He knew what he wanted, and when Gerald wanted something he gained it by taking the most direct route.	Джералд знал, чего хочет, а в этих случаях он всегда шел к цели напролом.

Moreover, such was his faith in his destiny and four dueces that he never for a moment wondered just how the money would be paid back should a higher hand be laid down across the table.	К тому же он крепко верил в свою звезду и в то, что кривая вывезет, а потому даже не задумывался над тем, чем он будет отвечать, если партнер еще повысит ставку.
"It's no bargain you're getting and I am glad not to have to pay more taxes on the place," sighed the possessor of an "ace full," as he called for pen and ink.	- Не стану утверждать, будто вам достался в руки клад, а как подумаю, что мне не надо больше платить налогов, так прямо гора с плеч, - сказал обладатель каре в тузах и крикнул, чтобы подали перо и чернила.

"The big house burned a year ago and the fields are growing up in brush and seedling pine. But it's yours."	- Дом сгорел год назад, поля заросли кустарником и молодой сосновой порослью, но, так или иначе, теперь это ваше.
"Never mix cards and whisky unless you were weaned on Irish poteen," Gerald told Pork gravely the same evening, as Pork assisted him to bed.	- Никогда не мешай карты с виски, если ты не всосал ирландский самогон с материнским молоком, - наставительно сказал Джеральд Порку в то утро, когда лакей помогал ему отойти ко сну.

And the valet, who had begun to attempt a brogue out of admiration for his new master, made requisite answer in a combination of Geechee and County Meath that would have puzzled anyone except those two alone.	И слуга, исполненный восхищения своим новым хозяином и уже начавший даже перенимать его ирландский акцент, ответствовал, как положено, на такой смеси местного наречия с говором графства Мит, что это озадачило бы любого, кроме них двоих.

The muddy Flint River, running silently between walls of pine and water oak covered with tangled vines, wrapped about Gerald's new land like a curving arm and embraced it on two sides.	Илистая река Флинт, молчаливо проложившая себе путь между высокими темными стенами сосен и черных дубов, оплетенных диким виноградом, принимала в свои объятия новоприобретенных владения Джералда, омывая их с двух сторон.
To Gerald, standing on the small knoll where the house had been, this tall barrier of green was as visible and pleasing an evidence of ownership as though it were a fence that he himself had built to mark his own.	Глядя с невысокого холма, где когда-то стоял дом, на живую темно-зеленую стену, Джералд испытывал приятное чувство собственничества, словно он сам возвел эту ограду вокруг своих владений.

He stood on the blackened foundation stones of the burned building, looked down the long avenue of trees leading toward the road and swore lustily, with a joy too deep for thankful prayer.	Он стоял на почерневшем каменном фундаменте сгоревшего дома, скользил взглядом по длинной аллее, тянувшейся от дома к проселочной дороге, и про себя чертыхался от радости, слишком глубокой, чтобы он мог выразить ее словами благодарственной молитвы.
These twin lines of somber trees were his, his the abandoned lawn, waist high in weeds under white-starred young magnolia trees.	Эти два ряда величественных деревьев принадлежали ему, и эта заброшенная лужайка, заросшая сорной травой по пояс, и эти еще молоденькие магнолии, осыпанные крупными белыми звездами цветов.

The uncultivated fields, studded with tiny pines and underbrush, that stretched their rolling red-clay surface away into the distance on four sides belonged to Gerald O'Hara-were all his because he had an unbefuddled Irish head and the courage to stake everything on a hand of cards.	Невозделанные поля с порослью кустарников и проклюнувшимися из красной глины молоденькими сосенками, раскинувшиеся во все четыре стороны от этого холма, принадлежали ему, Джералду О'Хара, который, как истинный ирландец, умел пить не хмелея и не боялся, когда надо все поставить на карту.
Gerald closed his eyes and, in the stillness of the unworked acres, he felt that he had come home.	Закрыв глаза, Джералд вслушивался в тишину этих еще не разбуженных к жизни полей: о" знал, что обрел свое гнездо.

Here under his feet would rise a house of whitewashed brick.	Здесь, на этом месте, где он стоит, подымутся кирпичные, беленные известкой стены его дома.
Across the road would be new rail fences, inclosing fat cattle and blooded horses, and the red earth that rolled down the hillside to the rich river bottom land would gleam white as eiderdown in the sun-cotton, acres and acres of cotton!	Там, по ту сторону дороги, возникнет ограда, за которой будет пастись хорошо откормленный скот и чистокровные лошади, а красная земля, покато спускающаяся к влажной пойме реки, засверкает на солнце белым лебяжьим пухом хлопка - акрами хлопка!
The fortunes of the O'Haras would rise again.	И слава рода О'Хара заблистает снова!

With his own small stake, what he could borrow from his unenthusiastic brothers and a neat sum from mortgaging the land, Gerald bought his first field hands and came to Tara to live in bachelor solitude in the four-room overseer's house, till such a time as the white walls of Tara should rise.	Одолжив у скептически настроенных братьев денег, забрав свою крохотную долю из их предприятия и раздобыв еще изрядную сумму под залог земли, Джералд получил возможность купить рабов для обработки полей, прибыл в Тару и поселился в четырехкомнатном домике управляющего в холостяцком одиночестве и сладком предвкушении последующего переселения в новый белостенный дом на холме.

He cleared the fields and planted cotton and borrowed more money from James and Andrew to buy more slaves.	Он возделал землю и посадил хлопок и занял еще денег у Джеймса и Эндрю, чтобы прикупить еще рабов.

The O'Haras were a clannish tribe, clinging to one another in prosperity as well as in adversity, not for any overweening family affection but because they had learned through grim years that to survive a family must present an unbroken front to the world.	Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга, как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом.
They lent Gerald the money and, in the years that followed, the money came back to them with interest.	Они одолжили Джералду денег, и по прошествии нескольких лет он возвратил им эти деньги с лихвой.

Gradually the plantation widened out, as Gerald bought more acres lying near him, and in time the white house became a reality instead of a dream.	Плантация расширялась: Джералд акр за акром прикупал соседние участки, и настал день, когда белый дом на холме из мечты превратился в реальность.
It was built by slave labor, a clumsy sprawling building that crowned the rise of ground overlooking the green incline of pasture land running down to the river; and it pleased Gerald greatly, for, even when new, it wore a look of mellowed years.	Дом был построен рабами: довольно неуклюжее, приземистое строение это глядело окнами на зеленый выгон, сбегавший вниз, к реке, но Джералд не уставал им любоваться, находя, что дом хотя и новый, а от него веет добротной стариной.

The old oaks, which had seen Indians pass under their limbs, hugged the house closely with their great trunks and towered their branches over the roof in dense shade.	Древние дубы, еще видавшие пробиравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей.
The lawn, reclaimed from weeds, grew thick with clover and Bermuda grass, and Gerald saw to it that it was well kept.	На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свинорой, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход.

From the avenue of cedars to the row of white cabins in the slave quarters, there was an air of solidness, of stability and permanence about Tara, and whenever Gerald galloped around the bend in the road and saw his own roof rising through green branches, his heart swelled with pride as though each sight of it were the first sight.	Все в Таре - от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, -выглядело солидным, прочным, сделанным на века. И всякий раз, когда Джералд возвращался верхом домой и за поворотом дороги его глазам открывалась крыша дома, выглядывавшая из-за зеленых крои деревьев, сердце его преисполнялось гордостью, словно он видел эту картину впервые.
He had done it all, little, hard-headed, blustering Gerald.	Это дело его рук - этого крепколобого, задиристого коротышки Джералда!

Gerald was on excellent terms with all his neighbors in the County, except the MacIntoshes whose land adjoined his on the left and the Slatterys whose meager three acres stretched on his right along the swamp bottoms between the river and John Wilkes' plantation.	Со всеми соседями у Джералда сразу уста- новились самые дру- жеские отношения. Ис- ключение составляли только Макинтоши, чья земля примыкала к его плантации слева, и Сл- эттери, чьи жалкие три акра тянулись справа -вдоль поймы реки, за которой находились владения Джона Уилк- са.

The MacIntoshes were Scotch-Irish and Orangemen and, had they possessed all the saintly qualities of the Catholic calendar, this ancestry would have damned them forever in Gerald's eyes.	Макинтоши были полукровками, смешанного шотландско-ирландского происхождения, а вдобавок еще оранжистами, и последнее обстоятельство - будь они даже причислены католической церковью к лику святых - наложило на них в глазах Джералда каинову печать.

True, they had lived in Georgia for seventy years and, before that, had spent a generation in the Carolinas; but the first of the family who set foot on American shores had come from Ulster, and that was enough for Gerald.	Правда, они переселились в Джорджию семьдесят лет назад, а до этого их предки жили в Каролине, но тем не менее глава их клана, первым ступивший на американскую землю, прибыл сюда из Ольстера, и для Джералда этого было достаточно.

They were a close-mouthed and stiff-necked family, who kept strictly to themselves and intermarried with their Carolina relatives, and Gerald was not alone in disliking them, for the County people were neighborly and sociable and none too tolerant of anyone lacking in those same qualities.	Это была молчаливая угрюмая семейка, державшаяся замкнуто, особняком: браки они заключали только со своими Каролинскими родственниками, и Джералд оказался не единственным человеком в графстве, кому Макинтоши пришлись не по душе, ибо здешние поселенцы - народ общительный и дружелюбный - не отличались терпимостью по отношению к тем, кому этих качеств не хватало.
Rumors of Abolitionist sympathies did not enhance the popularity of the MacIntoshes.	А слухи об аболиционистских симпатиях Макинтошей никак не способствовали их популярности.

Old Angus had never manumitted a single slave and had committed the unpardonable social breach of selling some of his negroes to passing slave traders en route to the cane fields of Louisiana, but the rumors persisted.	Правда, старик Энгус за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы, но слухи тем не менее продолжали держаться.
"He's an Abolitionist, no doubt," observed Gerald to John Wilkes. "But, in an Orangeman, when a principle comes up against Scotch tightness, the principle fares ill."	- Он аболиционист, это точно, - сказал Джералд Джону Уилксу, - но у оранжиста шотландская скупость всегда возьмет верх над убеждениями.

The Slatterys were another affair.	Несколько иначе обстояло дело со Слэттери.
Being poor white, they were not even accorded the grudging respect that Angus MacIntosh's dour independence wrung from neighboring families.	Будучи бедняками, они не могли рассчитывать даже на ту крупицу невольного уважения, которая доставалась на долю угрюмых и независимых Макинтошей.
Old Slattery, who clung persistently to his few acres, in spite of repeated offers from Gerald and John Wilkes, was shiftless and whining.	Старик Слэттери, упрямо державшийся за свои несколько акров, несмотря на неоднократные предложения о продаже со стороны Джералда О'Хара и Джона Уилкса, был жалкий, вечно хнычущий неудачник.

His wife was a snarly-haired woman, sickly and washed-out of appearance, the mother of a brood of sullen and rabbity-looking children- a brood which was increased regularly every year.	Жена его, блеклая, неопрятная, болезненного вида женщина, произвела на свет кучу угрюмых, пугливых, как кролики, ребятишек и продолжала регулярно из года в год увеличивать их число.

Tom Slattery owned no slaves, and he and his two oldest boys spasmodically worked their few acres of cotton, while the wife and younger children tended what was supposed to be a vegetable garden.	Том Слэттери не имел рабов и вместе с двумя старшими сыновьями судорожно пытался обработать свой хлопковый участок, в то время как его жена с остальными ребятишками возилась в некоем подобии огородика.
But, somehow, the cotton always failed, and the garden, due to Mrs. Slattery's constant childbearing, seldom furnished enough to feed her flock.	Но хлопок почему-то никак не желал уродиться, а овощей с огорода, благодаря плодовитости миссис Слэттери, никогда не хватало, чтобы накормить все рты.

The sight of Tom Slattery dawdling on his neighbors' porches, begging cotton seed for planting or a side of bacon to "tide him over," was a familiar one.	Вид Тома Слэттери, обивающего пороги соседей, выклянчивая хлопковых семян для посева или кусок свиного окорока, "чтобы перебиться", стал уже привычным для глаз.
Slattery hated his neighbors with what little energy he possessed, sensing their contempt beneath their courtesy, and especially did he hate "rich folks' uppity niggers."	Слэттери, угадывая плохо скрытое за вежливым обхождением презрение, ненавидел соседей со всем пылом своей немощной души: однако самую лютую ненависть вызывали в нем эти "нахальные черномазые - челядь богачей.

The house negroes of the County considered themselves superior to white trash, and their unconcealed scorn stung him, while their more secure position in life stirred his envy.	Черные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на "белых голодранцев", и это уязвляло Слэттери, а надежно обеспеченный слугам кусок хлеба порождал в нем зависть.
By contrast with his own miserable existence, they were well-fed, well-clothed and looked after in sickness and old age.	Его собственное существование рядом с этой одетой, обутой, сытой и даже не лишенной ухода в старости или на одре болезни челядью казалось ему еще более жалким.

They were proud of the good names of their owners and, for the most part, proud to belong to people who were quality, while he was despised by all.	Слуги по большей части бахвалились положением своих господ и своей принадлежностью к хорошему дому, в то время как сам он был окружен презрением.
Tom Slattery could have sold his farm for three times its value to any of the planters in the County.	Том Слэттери мог бы продать свою ферму любому плантатору за тройную против ее истинной стоимости цену.

They would have considered it money well spent to rid the community of an eyesore, but he was well satisfied to remain and to subsist miserably on the proceeds of a bale of cotton a year and the charity of his neighbors.	Каждый посчитал бы, что его денежки не пропали даром, ибо Том был у всех как бельмо на глазу, однако сам он не находил нужным сниматься с места, довольствуясь тем, что ему удавалось выручить за тюк хлопка в год или выклянчить у соседей.
With all the rest of the County, Gerald was on terms of amity and some intimacy.	Со всеми прочими плантаторами графства Джеральд был на дружеской и даже короткой ноге.

The Wilkeses, the Calverts, the Tarletons, the Fontaines, all smiled when the small figure on the big white horse galloped up their driveways, smiled and signaled for tall glasses in which a pony of Bourbon had been poured over a teaspoon of sugar and a sprig of crushed mint.	Все лица - Уилксов, Калвертов, Тарлтонов, Фонтейнов - расплывались в улыбке, как только возникала на подъездной аллее невысокая фигура на большой белой лошади. Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне.

Gerald was likable, and the neighbors learned in time what the children, negroes and dogs discovered at first sight, that a kind heart, a ready and sympathetic ear and an open pocketbook lurked just behind his bawling voice and his truculent manner.	Джералд всем внушал симпатию, и соседям мало-помалу открылось то, что дети, негры и собаки поняли с первого взгляда: за громоподобным голосом и грубоватыми манерами скрывались отзывчивое сердце и широкая натура, а кошелек Джералда был так же открыт для друзей, как и его душа.

His arrival was always amid a bedlam of hounds barking and small black children shouting as they raced to meet him, quarreling for the privilege of holding his horse and squirming and grinning under his good-natured insults.	Появление Джералда всегда сопровождалось неистовым лаем собак и радостными криками негритят, кидавшихся ему навстречу, отталкивая друг друга, корча хитрые рожи и улыбаясь во весь рот в ответ на его добродушную брань, причем каждый норовил первым завладеть брошенными им поводьями.

The white children clamored to sit on his knee and be trotted, while he denounced to their elders the infamy of Yankee politicians; the daughters of his friends took him into their confidence about their love affairs, and the youths of the neighborhood, fearful of confessing debts of honor upon the carpets of their fathers, found him a friend in need.	Ребятишки плантаторов забирались к нему на колени и, пока он громил на чем свет стоит бесстыдство политиквв-янки, требовали, чтобы их "покатали". Дочери его приятелей поверяли ему свои сердечные тайны, а сыновья, страшась признаться родителям в карточных Долгах, знали, что могут рассчитывать на его дружбу в трудную минуту.
"So, you've been owning this for a month, you young rascal!" he would shout.	- Как же ты, шалопай эдакий, уже целый месяц не оплачиваешь долга чести! - гремел он.

"And, in God's name, why haven't you been asking me for the money before this?"	- Почему, черт побери, ты не попросил у меня денег раньше?
His rough manner of speech was too well known to give offense, and it only made the young men grin sheepishly and reply:	Давно привыкнув к его манере изъясняться, никто не был на него в обиде, и молодой человек смущенно улыбался и бормотал в ответ:
"Well, sir, I hated to trouble you, and my father-"	- Да видите ли, сэр, мне не хотелось обременять вас этой просьбой, а мой отец...
"Your father's a good man, and no denying it, but strict, and so take this and let's be hearing no more of it."	- Твой отец прекрасный человек, спору нет, но очень уж строг, так что вот, бери, и чтоб больше мы с тобой к этому разговору не возвращались.

The planters' ladies were the last to capitulate.	Жены плантаторов капитулировали последними.
But, when Mrs. Wilkes, "a great lady and with a rare gift for silence," as Gerald characterized her, told her husband one evening, after Gerald's horse had pounded down the driveway.	Но после того, как миссис Уилкс, "настоящая, - по словам Джералда, - леди, иной раз просто ни словечка не проронит", сказала как-то вечером своему мужу, заслышав знакомый стук копыт по аллее:
"He has a rough tongue, but he is a gentleman," Gerald had definitely arrived.	"Язык у него ужасный, но тем не менее он джентльмен", - можно было считать, что Джералд занял подобающее место в обществе.

He did not know that he had taken nearly ten years to arrive, for it never occurred to him that his neighbors had eyed him askance at first.	Сам же он даже не подозревал, что ему понадобилось на это почти десять лет, поскольку попросту не замечал косых взглядов соседей.
In his own mind, there had never been any doubt that he belonged, from the moment he first set foot on Tara.	С той минуты, как его нога ступила на землю Тары, он ни на секунду не усомнился в своей принадлежности к верхам местного общества.

When Gerald was forty-three, so thickset of body and florid of face that he looked like a hunting squire out of a sporting print, it came to him that Tara, dear though it was, and the County folk, with their open hearts and open houses, were not enough.	Когда Джералду стукнуло сорок три и он стал еще румянее и смуглее и так раздался в плечах, что имел уже вид завзятого сквайра-охотника, прямо с обложки цветного иллюстрированного журнала, у него возникло решение: его бесценное поместье и распахнутые настежь сердца и двери местных плантаторов - это еще не все.
He wanted a wife.	Ему нужна жена.
Tara cried out for a mistress.	Имению настоятельно требовалась хозяйка.

The fat cook, a yard negro elevated by necessity to the kitchen, never had the meals on time, and the chambermaid, formerly a field hand, let dust accumulate on the furniture and never seemed to have clean linen on hand, so that the arrival of guests was always the occasion of much stirring and to-do.	Толстой повар ихе-негритянке, переброшенной по необходимости со двора на кухню, никак не удавалось вовремя управиться с обедом, а негритянке-горничной, снятой с полевых работ, сменить в срок постельное белье и смести с мебели пыль, вследствие чего при появлении гостей в доме поднималась дикая суматоха.

Pork, the only trained house negro on the place, had general supervision over the other servants, but even he had grown slack and careless after several years of exposure to Gerald's happy-go-lucky mode of living.	На Порка, единственного в Таре вышколенного слугу, было возложено общее наблюдение за челядью, но и он, при попустительстве не привыкшего к упорядоченной жизни Джералда, стал с годами небрежен и ленив.
As valet, he kept Gerald's bedroom in order, and, as butler, he served the meals with dignity and style, but otherwise he pretty well let matters follow their own course.	Своими обязанностями лакея он, правда, не пренебрегал, содержал комнату Джералда в порядке и прислуживал за столом умело и с достоинством, как заправский дворецкий, но в остальном предоставлял всему идти своим ходом.

With unerring African instinct, the negroes had all discovered that Gerald had a loud bark and no bite at all, and they took shameless advantage of him.	С безошибочным природным инстинктом слуги-негры очень скоро раскусили нрав хозяина и, зная, что собака, которая громко брешет, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались.
The air was always thick with threats of selling slaves south and of direful whippings, but there never had been a slave sold from Tara and only one whipping, and that administered for not grooming down Gerald's pet horse after a long day's hunting.	Воздух то и дело сотрясали угрозы распродать рабов с торгов или спустить с них шкуру, но с плантаций Тары еще не было продано ни одного раба, и только один получил порку - за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной.

Gerald's sharp blue eyes noticed how efficiently his neighbors' houses were run and with what ease the smooth-haired wives in rustling skirts managed their servants.	От строгого взгляда голубых глаз Джералда не укрылось, как хорошо налажено хозяйство у его соседей и как умело управляются со своими слугами аккуратно причесанные, шуршащие шелковыми юбками хозяйки дома.
He had no knowledge of the dawn-till-midnight activities of these women, chained to supervision of cooking, nursing, sewing and laundering.	Ну, а то, что они от зари до зари хлопочут то в детской, то на кухне, то в прачечной, то в бельевой, - это ему как-то не приходило на ум.

He only saw the outward results, and those results impressed him.	Он видел только результаты этих хлопот, и они производили на неге неотразимое впечатление.

The urgent need of a wife became clear to him one morning when he was dressing to ride to town for Court Day. Pork brought forth his favorite ruffled shirt, so inexpertly mended by the chambermaid as to be unwearable by anyone except his valet.	Неотложная необходимость обзавестись женой стала ему окончательно ясна однажды утром, когда он переодевался, чтобы отправиться верхом на заседание суда, и Порк подал ему любимую плоеную рубашку, приведенную в столь плачевное состояние неумелой починкой служанки, что Джералду не оставалось ничего другого, как отдать ее лакею.

"Mist' Gerald," said Pork, gratefully rolling up the shirt as Gerald fumed, "whut you needs is a wife, and a wife whut has got plen'y of house niggers."	- Мистер Джералд, - сказал расстроенному хозяину Порк, благодарно складывая рубашку, -вам нужна супруга. Да такая, у которое в дому полным-полно слуг.
Gerald upbraided Pork for his impertinence, but he knew that he was right.	Джералд не преминул отчитать Порка за нахальство, но в глубине души знал, что тот прав.
He wanted a wife and he wanted children and, if he did not acquire them soon, it would be too late.	Джералд хотел иметь жену и детей и понимал, что долго тянуть с этим делом нельзя, иначе будет поздно.

But he was not going to marry just anyone, as Mr. Calvert had done, taking to wife the Yankee governess of his motherless children.	Но он не собирался жениться на ком попало, подобно мистеру Калверту, обвенчавшемуся с гувернанткой-янки, пестовавшей его оставшихся без матери детей.
His wife must be a lady and a lady of blood, with as many airs and graces as Mrs. Wilkes and the ability to manage Tara as well as Mrs. Wilkes ordered her own domain.	Его жена должна быть леди, благородная леди, с такими же изящными манерами, как и миссис Уилкс, и с таким же умением управлять большим хозяйством.
But there were two difficulties in the way of marriage into the County families.	Но на пути к браку вставали два препятствия.

The first was the scarcity of girls of marriageable age.	Первое: все невесты в графстве были наперечет.
The second, and more serious one, was that Gerald was a "new man," despite his nearly ten years' residence, and a foreigner.	И второе, более серьезное: Джералд был чужеземец и в какой-то мере "пришлый", хотя и обосновался тут десять лет назад.
No one knew anything about his family.	О его семье никому ничего не было известно.

While the society of up-country Georgia was not so impregnable as that of the Coast aristocrats, no family wanted a daughter to wed a man about whose grandfather nothing was known.	Правда, плантаторы Центральной Джорджии не держались столь обособленно и замкнуто, как аристократы побережья, однако и здесь ни одна семья не пожелала бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.
Gerald knew that despite the genuine liking of the County men with whom he hunted, drank and talked politics there was hardly one whose daughter he could marry.	Джералд знал, что, несмотря на искреннее к нему расположение всех, кто с ним охотился, выпивал и толковал о политике, ни один из них не просватает за него свою дочь.

And he did not intend to have it gossiped about over supper tables that this, that or the other father had regretfully refused to let Gerald O'Hara pay court to his daughter.	А ему отнюдь не улыбалось, чтобы пошли слухи о том, что, дескать, такой-то или такой-то плантатор должен был, к своему прискорбию, отказать Джералду О'Хара, добивавшемуся руки его дочери.
This knowledge did not make Gerald feel inferior to his neighbors.	Но, понимая это, он вовсе не чувствовал себя униженным.

Nothing could ever make Gerald feel that he was inferior in any way to anyone.	Чтобы Джералд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя - такого еще не бывало да и быть не могло ни при каких обстоятельствах.

It was merely a quaint custom of the County that daughters only married into families who had lived in the South much longer than twenty-two years, had owned land and slaves and been addicted only to the fashionable vices during that time.	Просто в этом графстве были свои чудные обычаи, согласно которым девушек выдавали замуж лишь за тех, чьи семьи прожили на Юге не каких-то двадцать два года, а много больше, владели землей, рабами и предавались только тем порокам, которые вошли здесь в моду в эти годы.
"Pack up.	- Укладывай пожитки.
We're going to Savannah," he told Pork. "And if I hear you say	Мы едем в Саванну, - сказал Джералд Порку, - И если там у тебя хоть раз сорвется с языка:
' Whist!' or	"Язви его душу!" или

'Faith!' but once, it's selling you I'll be doing, for they are words I seldom say meself."	"Дуй его горой!", я тут же продам тебя с торгов. Ты видишь, я сам воздерживаюсь, теперь от таких выражений.
James and Andrew might have some advice to offer on this subject of marriage, and there might be daughters among their old friends who would both meet his requirements and find him acceptable as a husband.	Джеймс и Эндрю, думал Джералд, глядишь, что-нибудь да присоветуют ему по части женитьбы. Быть может, у кого-нибудь из их приятелей есть дочь на выданье, отвечающая его требованиям, и он составит подходящую для нее партию.
James and Andrew listened to his story patiently but they gave him little encouragement.	Джеймс и Эндрю выслушали его терпеливо, но ничего утешительного предложить не сумели.

They had no Savannah relatives to whom they might look for assistance, for they had been married when they came to America.	Родственников, которые могли бы посодействовать сватовству, у них в Саванне не было, так как оба брата прибыли сюда уже женатыми людьми.
And the daughters of their old friends had long since married and were raising small children of their own.	Л дочери их друзей все успели выйти замуж и обзавестись детьми.
"You're not a rich man and you haven't a great family," said James.	- Ты человек небогатый и незнатный, - сказал Джеймс.
"I've made me money and I can make a great family.	- Кой-какое состояние я себе сделал и сумею прокормить большую семью.
And I won't be marrying just anyone."	А на ком попало я и сам не женюсь.

"You fly high," observed Andrew, dryly.	- Хочешь высоко залететь? - сухо заметил Эндрю.
But they did their best for Gerald.	Все же они сделали для Джералда что могли.
James and Andrew were old men and they stood well in Savannah.	Джеймс и Эндрю были уже в преклонных летах и на хорошем счету в Саванне.
They had many friends, and for a month they carried Gerald from home to home, to suppers, dances and picnics.	Друзей у них было много, и они целый месяц возили Джералда из дома в дома на ужины, на танцы, на пикники.
"There's only one who takes me eye," Gerald said finally.	- Есть тут одна, - признался в конце концов Джералд. - Очень она мне приглянулась.

"And she not even born when I landed here."	Ее, признаться, еще на свете не было, когда я здесь причалил.
"And who is it takes your eye?"	- Кто же эта особа?
"Miss Ellen Robillard," said Gerald, trying to speak casually, for the slightly tilting dark eyes of Ellen Robillard had taken more than his eye.	- Мисс Эллин Робийяр, - с деланной небрежностью отвечал Джералд, ибо взгляд темных миндалевидных глаз этой девушки проник ему в самое сердце.
Despite a mystifying listlessness of manner, so strange in a girl of fifteen, she charmed him.	Она очаровала его сразу, несмотря на странное, казалось бы, для пятнадцатилетней девушки отсутствие резвости и молчаливость.

Moreover, there was a haunting look of despair about her that went to his heart and made him more gentle with her than he had ever been with any person in all the world.	И была в ее лице какая-то затаенная боль, так разбередившая ему душу, что ни к одному живому существу на свете он еще не проявлял столь участливого внимания.
"And you old enough to be her father!"	- Да ты же ей в отцы годишься!
"And me in me prime!" cried Gerald stung.	- Ну и что, я еще мужчина хоть куда! - воскликнул чрезвычайно задетый этими словами Джеральд.
James spoke gently.	Джеймс спокойно разъяснил ему:
"Jerry, there's no girl in Savannah you'd have less chance of marrying.	- Послушай, Джерри. Во всей Саванне не сыщется более неподходящей для тебя невесты.

Her father is a Robillard, and those French are proud as Lucifer.	Ведь этот Робийяр, ее отец, - он француз, а они все гордые, как сатана.
And her mother- God rest her soul- was a very great lady."	И ее мать - упокой, господи, ее душу - была очень важная дама.
"I care not," said Gerald heatedly.	- А мне наплевать, - сказал Джералд.
"Besides, her mother is dead, and old man Robillard likes me."	- Мать ее, кстати, уже в могиле, а старику Робийяру я пришелся по душе.
"As a man, yes, but as a son-in-law, no."	- Как мужчина мужчине - может быть, но только не как зять.

"The girl wouldn't have you anyway," interposed Andrew.	- Да и девушка никогда за тебя не пойдет, -вмешался Эндрю.
"She's been in love with that wild buck of a cousin of hers, Philippe Robillard, for a year now, despite her family being at her morning and night to give him up."	- Она вот уже год как сохнет по этому повесе, Филиппу Робийяру, ее кузену, хотя вся семья денно и нощно уговаривает ее перестать о нем думать.
"He's been gone to Louisiana this month now," said Gerald.	- Он уже месяц как уехал в Луизиану, - сказал Джералд.
"And how do you know?"	- Как ты это узнал?

"I know," answered Gerald, who did not care to disclose that Pork had supplied this valuable bit of information, or that Philippe had departed for the West at the express desire of his family.	- Узнал, - коротко ответил Джералд, не желая признаваться, что источником этих ценных сведений был Пори, и умолчав также о том, что Филипп уехал лишь по настоянию родителей.
"And I do not think she's been so much in love with him that she won't forget him.	- Не думаю, чтобы она так уж была в него влюблена - это у нее пройдет.

Fifteen is too young to know much about love."	Какая там может быть любовь в пятнадцать лет.
"They'd rather have that breakneck cousin for her than you."	- Все равно они скорее согласятся выдать ее за этого головореза-кузена, чем за тебя.

So, James and Andrew were as startled as anyone when the news came out that the daughter of Pierre Robillard was to marry the little Irishman from up the country.	Словом, Джеймс и Эндрю были поражены не менее всех других, когда стало известно, что дочь Пьера Робийяра выходит замуж за того маленького ирландца из Северной Джорджии.
Savannah buzzed behind its doors and speculated about Philippe Robillard, who had gone West, but the gossiping brought no answer. Why the loveliest of the Robillard daughters should marry a loud-voiced, red-faced little man who came hardly up to her ears remained a mystery to all.	В домах Саванны шептались и судачили по адресу Филиппа Робийяра, отбывшего на Запад, но пересуды пересудами, а толком никто ничего не знал, и для всех оставалось загадкой, почему самая красивая из девочек Робийяр решилась выйти замуж за шумного краснолицего ирландца, ростом едва-едва ей по плечо.

Gerald himself never quite knew how it all came about.	Да и сам Джералд не очень-то хорошо был осведомлен о том, как все это произошло.
He only knew that a miracle had happened.	Он понимал одно: чудо все-таки свершилось.
And, for once in his life, he was utterly humble when Ellen, very white but very calm, put a light hand on his arm and said:	И впервые в жизни ощутил совершенно несвойственные ему робость и смирение, когда Эллин, очень бледная, очень спокойная, легко прикоснувшись рукой к его руке, произнесла:
"I will marry you, Mr. O'Hara."	- Я согласна стать вашей женой, мистер О'Хара.

The thunderstruck Robillards knew the answer in part, but only Ellen and her mammy ever knew the whole story of the night when the girl sobbed till the dawn like a broken-hearted child and rose up in the morning a woman with her mind made up.	Пораженное как громом этой вестью, все семейство лишь отчасти прозревало истинную подоплеку случившегося, и только Мамушка знала о том, как Эллин, проплакав всю ночь навзрыд, словно ребенок, наутро с твердостью внезапно повзрослевшей женщины объявила о своем решении.

With foreboding, Mammy had brought her young mistress a small package, addressed in a strange hand from New Orleans, a package containing a miniature of Ellen, which she flung to the floor with a cry, four letters in her own handwriting to Philippe Robillard, and a brief letter from a New Orleans priest, announcing the death of her cousin in a barroom brawl.	Исполненная мрачных предчувствий Мамушка передала ей в тот вечер небольшой сверток, присланный из Нового Орлеана, с адресом, написанным незнакомой рукой. Эллин развернула сверток, вскрикнула и выронила из рук медальон со своим портретом на эмали. К медальону были приложены четыре письма Эллин к ее кузену и краткое послание нью-орлеанского священника, извещавшее о смерти Филиппа Робийяра, последовавшей в результате драки в одном из городских баров.

"They drove him away, Father and Pauline and Eulalie.	- Это они заставили его уехать - отец, Полин и Евлалия.
They drove him away.	Я ненавижу их.
I hate them.	Всех ненавижу.
I hate them all.	Видеть их не могу.
I never want to see them again.	Я уеду отсюда.
I want to get away.	Уеду, чтобы никогда больше их не видеть!

I will go away where I'll never see them again, or this town, or anyone who reminds me of- of-him."	Уеду из этого города, где все будет вечно напоминать мне о... о нем!

And when the night was nearly spent, Mammy, who had cried herself out over her mistress' dark head, protested,	Ночь уже близилась к рассвету, когда Мамушка, тоже проливавшая горючие слезы, гладя темноволосую головку хозяйки, сделала робкую попытку возразить: - Бог с вами, голубка!
"But, honey, you kain do dat!"	Негоже это!
"I will do it.	- Я уже решила!
He is a kind man.	Он хороший, добрый человек!
I will do it or go into the convent at Charleston."	Я выйду за него замуж или приму постриг в чарльстонском монастыре.

It was the threat of the convent that finally won the assent of bewildered and heartstricken Pierre Robillard.	Именно эта угроза и вынудила в конце концов растерянного, убитого горем Пьера Робийяра дать согласие на брак.
He was staunchly Presbyterian, even though his family were Catholic, and the thought of his daughter becoming a nun was even worse than that of her marrying Gerald O'Hara.	Для убежденного пресвитерианина, хотя и происходившего из католической семьи, брак дочери с Джералдом О'Хара представлялся все же менее страшным, чем принятие ею монашеского обета.
After all, the man had nothing against him but a lack of family.	Если не считать того, что жених - человек без роду без племени, во всем остальном он был не так уж плох.

So, Ellen, no longer Robillard, turned her back on Savannah, never to see it again, and with a middle-aged husband, Mammy, and twenty "house niggers" journeyed toward Tara.	И вот Эллин, теперь уже Эллин О'Хара, покинула Саванну, чтобы никогда сюда более не возвращаться, и в сопровождении своего немолодого мужа. Мамушки и двадцати слуг-негров прибыла в Тару.
The next year, their first child was born and they named her Katie Scarlett, after Gerald's mother.	На следующий год родился их первый ребенок, и они окрестили девочку Кэти-Скарлетт - в честь матери Джералда.

Gerald was disappointed, for he had wanted a son, but he nevertheless was pleased enough over his small black- haired daughter to serve rum to every slave at Tara and to get roaringly, happily drunk himself.	Сам Джералд был слегка разочарован, ибо ждал наследника, но тем не менее появление на свет темноголовой малютки доставило ему такую радость, что он выставил бочку рома для всех рабов Тары, да и сам был шумно и безудержно пьян.
If Ellen had ever regretted her sudden decision to marry him, no one ever knew it, certainly not Gerald, who almost burst with pride whenever he looked at her.	Если Эллин в какую-нибудь горькую минуту и пожалела о своем скоропалительном решении выйти замуж за Джералда, то никто, а тем более Джералд, никогда об этом не узнал. И Джералда прямо распирало от гордости, когда он глядел на свою жену.

She had put Savannah and its memories behind her when she left that gently mannered city by the sea, and, from the moment of her arrival in the County, north Georgia was her home.	А Эллин навсегда вычеркнула из памяти маленький приморский городок вместе со всем, что было с ним связано, и, ступив на землю Северной Джорджии, обрела там новую родину.

When she departed from her father's house forever, she had left a home whose lines were as beautiful and flowing as a woman's body, as a ship in full sail; a pale pink stucco house built in the French colonial style, set high from the ground in a dainty manner, approached by swirling stairs, banistered with wrought iron as delicate as lace; a dim, rich house, gracious but aloof.	В памяти остался величавый и горделивый, как плывущий под всеми парусами корабль, дом ее отца - изящное здание во французском колониальном стиле: мягкие, женственно округлые линии, бледно-розовые оштукатуренные стены, высокий портал, плавно сбегающие вниз широкие ступени парадной лестницы, окаймленные тонким кружевом чугунных перил... Богатый, изысканный и надменный дом.

She had left not only that graceful dwelling but also the entire civilization that was behind the building of it, and she found herself in a world that was as strange and different as if she had crossed a continent. Here in north Georgia was a rugged section held by a hardy people.	Здесь, в Северной Джорджии, ее встретил суровый край и закаленные в лишениях люди.

High up on the plateau at the foot of the Blue Ridge Mountains, she saw rolling red hills wherever she looked, with huge outcroppings of the underlying granite and gaunt pines towering somberly everywhere.	Вдали, куда бы ни устремляла она взор с плато, раскинувшегося у подножия Голубого хребта, повсюду были красноватые пологие холмы с массивными выходами гранита и высокие мрачные сосны.

It all seemed wild and untamed to her coastbred eyes accustomed to the quiet jungle beauty of the sea islands draped in their gray moss and tangled green, the white stretches of beach hot beneath a semitropic sun, the long flat vistas of sandy land studded with palmetto and palm.	Дикой, неукрощенной представлялась ей эта природа после привычной для глаз мягкой красоты прибрежных островов, поросших серым мягким мхом и темно-зеленой чащей кустарников, после белых лент пляжей, прогретых лучами субтропического солнца, и просторных, плоских песчаных равнин, зеленеющих пальмами и молодой нежной порослью.
This was a section that knew the chill of winter, as well as the heat of summer, and there was a vigor and energy in the people that was strange to her.	Здесь же вслед за жарким летом наступила студеная зима, а в людях бурлила невиданная энергия и сила.

They were a kindly people, courteous, generous, filled with abounding good nature, but sturdy, virile, easy to anger.	Они отличались легким и веселым нравом, были добры, великодушны, любезны и в то же время необычайно упрямы, вспыльчивы и жизнестойки.
The people of the Coast which she had left might pride themselves on taking all their affairs, even their duels and their feuds, with a careless air but these north Georgia people had a streak of violence in them.	На побережье мужчины гордились умением не утрачивать самообладания и хороших манер в любых обстоятельствах - будь то поединок или кровная месть, - тогда как здесь все проявляли необузданность и склонность к бешеным выходкам.
On the coast, life had mellowed-here it was young and lusty and new.	Жизнь на побережье была окрашена в мягкие, ровные тона. Здесь она бурлила - молодая, неукрощенная, жадная.

All the people Ellen had known in Savannah might have been cast from the same mold, so similar were their view points and traditions, but here was a variety of people.	Все, кого знала Эллин в Саванне, казалось, были отлиты по одному образцу, столь мало различались их взгляды и привычки, теперь же она столкнулась с разными, непохожими друг на друга людьми.

North Georgia's settlers were coming in from many different places, from other parts of Georgia, from the Carolinas and Virginia, from Europe and the North.	Поселенцы Северной Джорджии перекочевали сюда из самых разных уголков земного шара - из Каролины и Виргинии, из Европы и с далекого Севера - и из других частей Джорджии.

Some of them, like Gerald, were new people seeking their fortunes.	Некоторые из них, подобно Джералду, были новопришельцами, искателями счастья.
Some, like Ellen, were members of old families who had found life intolerable in their former homes and sought haven in a distant land.	Другие, подобно Эллин, принадлежали к старинным родам, дальние отпрыски которых, не удовлетворенные жизнью на родине, решили обрести рай на чужбине.
Many had moved for no reason at all, except that the restless blood of pioneering fathers still quickened in their veins.	А немало было и тех, кого занесло в эти края случайным ветром или пригнало извечное беспокойство, бурлившее в крови и унаследованное от отцов-пионеров.

These people, drawn from many different places and with many different backgrounds, gave the whole life of the County an informality that was new to Ellen, an informality to which she never quite accustomed herself.	Весь этот разношерстный люд, с очень несхожим прошлым, вел весьма непринужденный образ жизни, лишенный каких-либо стеснительных правил, с чем Эллин так никогда и не смогла до конца свыкнуться.
She instinctively knew how Coast people would act in any circumstance.	На побережье она интуитивно знала, как поведут себя люди в тех или иных обстоятельствах.
There was never any telling what north Georgians would do.	Как поступят житель Северной Джорджии -предугадать было невозможно.

And, quickening all of the affairs of the section, was the high tide of prosperity then rolling over the South.	А Юг в те дни процветал, и это убыстряло темп жизни.
All of the world was crying out for cotton, and the new land of the County, unworn and fertile, produced it abundantly.	Весь мир требовал хлопка, и девственная, плодородная земля графства рождала его в изобилии.
Cotton was the heartbeat of the section, the planting and the picking were the diastole and systole of the red earth.	Он был ее дыханием, биением ее сердца, его посевы и сборы - пульсацией крови в ее жилах.

Wealth came out of the curving furrows, and arrogance came too-arrogance built on green bushes and the acres of fleecy white.	В бороздах, пахоты произрастало богатство, а вместе с ним - самонадеянность и спесь: они росли вместе с зелеными кустами и акрами пушистых белых коробочек.
If cotton could make them rich in one generation, how much richer they would be in the next!	Если хлопок может принести богатство нынешнему поколению, как же приумножат его последующие!
This certainty of the morrow gave zest and enthusiasm to life, and the County people enjoyed life with a heartiness that Ellen could never understand.	Эта уверенность в завтрашнем дне порождала неуемную жажду жизни, алчную тягу ко всем ее благам, и жители графства со страстью, изумлявшей Эллин, предавались радостям бытия.

They had money enough and slaves enough to give them time to play, and they liked to play.	У них было уже достаточно денег и рабов, чтобы хватило времени и на развлечения, а развлекаться они любили.

They seemed never too busy to drop work for a fish fry, a hunt or a horse race, and scarcely a week went by without its barbecue or ball.	Дело всегда, по-видимому, можно было бросить ради охоты, рыбалки и скачек, и не проходило недели, чтобы кто-нибудь не устроил пикника или не закатил бала.

Ellen never would, or could, quite become one of them-she had left too much of herself in Savannah-but she respected them and, in time, learned to admire the frankness and forthrightness of these people, who had few reticences and who valued a man for what he was.	Эллин так и не сумела, вернее, не смогла до конца слиться с новой жизнью - слишком большая часть ее души осталась в Саванне, - но она отдавала должное этим людям, и со временем их открытость и прямота, свобода от многих условностей и умение ценить человека по его заслугам стали вызывать в ней уважение.
She became the best-loved neighbor in the County. She was a thrifty and kind mistress, a good mother and a devoted wife.	Сама же она заслужила любовь всех соседей в графстве: добрая, но бережливая хозяйка, отличная мать, преданная жена.

The heartbreak and selflessness that she would have dedicated to the Church were devoted instead to the service of her child, her household and the man who had taken her out of Savannah and its memories and had never asked any questions.	Разбитое сердце и отказ от личного счастья, не приведя ее в монастырь, дали ей возможность целиком посвятить себя детям, дому и тому человеку, который увез ее из Саванны, увез от всех воспоминаний и ни разу не задал ни одного вопроса.

When Scarlett was a year old, and more healthy and vigorous than a girl baby had any right to be, in Mammy's opinion, Ellen's second child, named Susan Elinor, but always called Suellen, was born, and in due time came Carreen, listed in the family Bible as Caroline Irene.	Когда Скарлетт - здоровой и чрезмерно озорной, по мнению Мамушки, девочке - пошел второй год, у Эллин снова родилась дочь, Сьюзен-Элинор, сокращенно и навечно переименованная в Сьюлин, а затем настал черед и для Каррин, записанной в семейных святцах как Кэролайн-Айрин.

Then followed three little boys, each of whom died before he had learned to walk-three little boys who now lay under the twisted cedars in the burying ground a hundred yards from the house, beneath three stones, each bearing the name of	После них один за другим на свет появились три мальчика, но все трое умерли, еще не научившись ходить, и были похоронены на семейном кладбище в ста ярдах от дома, под сенью узловатых кедров, под тремя каменными плитами с одинаковой на всех трех надписью:
"Gerald O'Hara, Jr."	"Джералд О'Хара, младший".
From the day when Ellen first came to Tara, the place had been transformed.	Многое изменилось в Таре с тех пор, как здесь впервые появилась Эллин.

If she was only fifteen years old, she was nevertheless ready for the responsibilities of the mistress of a plantation.	Пятнадцатилетняя девочка не убоялась ответственности, налагаемой на нее званием хозяйки большого поместья.
Before marriage, young girls must be, above all other things, sweet, gentle, beautiful and ornamental, but, after marriage, they were expected to manage households that numbered a hundred people or more, white and black, and they were trained with that in view.	По тогдашним понятиям, до брака от девушки требовалось прежде всего быть красивой, приятной в обхождении, иметь хорошие манеры и служить украшением любой гостиной. А вступив в брак, она должна была уметь вести хозяйство и управляться с сотней, а то и больше, черных и белых слуг.

Ellen had been given this preparation for marriage which any well-brought-up young lady received, and she also had Mammy, who could galvanize the most shiftless negro into energy.	И Эллин, как всякая девушка из хорошей семьи, была воспитана в этих понятиях, а помимо того, при ней была Мамушка, умевшая вдохнуть энергию в самого непутевого из слуг.

She quickly brought order, dignity and grace into Gerald's household, and she gave Tara a beauty it had never had before.	И Эллин быстро навела порядок в хозяйстве Джералда, придав поместью на диво элегантный и респектабельный вид.

The house had been built according to no architectural plan whatever, with extra rooms added where and when it seemed convenient, but, with Ellen's care and attention, it gained a charm that made up for its lack of design.	Господский дом был построен без малейшего представления о каком-либо архитектурном замысле, а впоследствии к нему, по мере того как в этом возникала нужда, то там, то здесь делались новые пристройки. И все же, невзирая на это, усилиями Эллин дому был придан уютный вид, возместивший отсутствие гармонии.

The avenue of cedars leading from the main road to the house-that avenue of cedars without which no Georgia planter's home could be complete-had a cool dark shadiness that gave a brighter tinge, by contrast, to the green of the other trees.	Тенистая темно-зеленая кедровая аллея, ведущая от дороги к дому, - обязательная принадлежность каждого плантаторского особняка в Джорджии, -создавала приятный для глаз контраст с яркой зеленью остальных деревьев, окружавших, дом.

The wistaria tumbling over the verandas showed bright against the whitewashed brick, and it joined with the pink crepe myrtle bushes by the door and the white-blossomed magnolias in the yard to disguise some of the awkward lines of the house.	Оплетавшая веранды глициния красиво выделялась на белой известке стен, а курчаво-розовые кусты мирта возле крыльца и белоснежные цветы магнолий в саду хорошо маскировали угловатые линии дома.

In spring time and summer, the Bermuda grass and clover on the lawn became emerald, so enticing an emerald that it presented an irresistible temptation to the flocks of turkeys and white geese that were supposed to roam only the regions in the rear of the house.	Весной и летом изумрудная зелень клевера и свинороя на газоне становилась слишком притягательной для индюков и белых гусей, коим надлежало держаться в отведенной для них части двора за домом.

The elders of the flocks continually led stealthy advances into the front yard, lured on by the green of the grass and the luscious promise of the cape jessamine buds and the zinnia beds.	Предводители их стай то и дело, совершали украдкой набеги на запретную зону перед домом, привлекаемые не только зеленью газона, но и сочными бутонами жасмина и пестрыми цинниями цветочных клумб.
Against their depredations, a small black sentinel was stationed on the front porch.	Дабы воспрепятствовать их вторжению, на крыльце постоянно дежурил маленький черный страж с рваным полотенцем в руках.

Armed with a ragged towel, the little negro boy sitting on the steps was part of the picture of Tara-and an unhappy one, for he was forbidden to chunk the fowls and could only flap the towel at them and shoo them.	Сидящая на ступеньках несчастная фигура негритенка была неотъемлемой частью общей картины поместья - несчастен же он был потому, что ему строго-то настрого было наказано лишь отпугивать птиц, махая полотенцем, но ни под каким видом не стегать их.
Ellen set dozens of little black boys to this task, the first position of responsibility a male slave had at Tara.	Через руки Эллин прошли десятки маленьких черных мальчишек, которых она обучала этой нехитрой премудрости - первой ответственной обязанности, возлагавшейся на мужскую половину черной детворы в Таре.

After they had passed their tenth year, they were sent to old Daddy the plantation cobbler to learn his trade, or to Amos the wheelwright and carpenter, or Philip the cow man, or Cuffee the mule boy.	Потом, когда им исполнялось десять лет, их отдавали в обучение Папаше-сапожнику, или Эмосу - плотнику и колесных дел мастеру, или скотнику Филиппу, или погонщику мулов Кафф и.

If they showed no aptitude for any of these trades, they became field hands and, in the opinion of the negroes, they had lost their claim to any social standing at all.	Если мальчишка не проявлял способностей ни в одном из этих ремесел, его посылали работать в поле, и он в глазах негров-слуг терял всякое право на привилегированное положение и Попадал в разряд обыкновенных рабов.

Ellen's life was not easy, nor was it happy, but she did not expect life to be easy, and, if it was not happy, that was woman's lot.	Никто не назвал бы жизнь Эллин легкой или счастливой, но легкой жизни она и не ждала, а если на ее долю не выпало счастья, то таков, казалось ей, женский удел.
It was a man's world, and she accepted it as such. The man owned the property, and the woman managed it.	Мир принадлежал мужчинам, и она принимала его таким, собственность принадлежала мужчине, а женщине - обязанность ею управлять.
The man took the credit for the management, and the woman praised his cleverness.	Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом.

The man roared like a bull when a splinter was in his finger, and the woman muffled the moans of childbirth, lest she disturb him.	Мужчина ревел как бык, если загонял себе под ноготь занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покоя мужа.
Men were rough of speech and often drunk.	Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны.
Women ignored the lapses of speech and put the drunkards to bed without bitter words.	Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель.
Men were rude and outspoken, women were always kind, gracious and forgiving.	Мужчины, не стесняясь в выражениях, могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными.

She had been reared in the tradition of great ladies, which had taught her how to carry her burden and still retain her charm, and she intended that her three daughters should be great ladies also.	Полученное Эллин светское воспитание требовало, чтобы женщина среди всех тягот и забот не теряла женственности, и Эллин хотелось воспитать трех своих дочерей настоящими леди.
With her younger daughters, she had success, for Suellen was so anxious to be attractive she lent an attentive and obedient ear to her mother's teachings, and Carreen was shy and easily led.	Со средней дочерью она легко добивалась успеха, ибо Сьюлин так хотелось всем нравиться, что она с величайшей готовностью внимала материнским наставлениям, а младшая, Кэррин, была кротка и послушна от природы.

But Scarlett, child of Gerald, found the road to ladyhood hard.	Но Скарлетт, плоть от плоти своего отца, усваивала светские манеры с большим трудом.
To Mammy's indignation, her preferred playmates were not her demure sisters or the well-brought-up Wilkes girls but the negro children on the plantation and the boys of the neighborhood, and she could climb a tree or throw a rock as well as any of them.	К вящему негодованию Мамушки, Скарлетт предпочитала играть не со своими тихими сестричками и не с благовоспитанными барышнями Уилкс, а с черными ребятишками с плантации и с соседскими, мальчишками, не уступая им в искусстве лазать по деревьям или швырять камнями.

Mammy was greatly perturbed that Ellen's daughter should display such traits and frequently adjured her to "ack lak a lil lady."	Мамушка была не на шутку обескуражена, видя, как у дочери Эллин проявляются такие замашки, и то и дело старалась внушить Скарлетт, что она должна вести себя "как маленькая леди".
But Ellen took a more tolerant and long-sighted view of the matter.	Однако Эллин оказалась в этом вопросе более терпимой и дальновидной.
She knew that from childhood playmates grew beaux in later years, and the first duty of a girl was to get married.	Она считала, что всему своя пора, товарищи детских игр превратятся со временем в юношей и кавалеров, и Скарлетт поймет, что главная жизненная задача каждой девушки - выйти замуж.

She told herself that the child was merely full of life and there was still time in which to teach her the arts and graces of being attractive to men.	Скарлетт просто очень живой ребенок, говорила себе Эллин, она еще успеет постичь науку быть привлекательной для мужчин.
To this end, Ellen and Mammy bent their efforts, and as Scarlett grew older she became an apt pupil in this subject, even though she learned little else.	И Скарлетт превзошла все ожидания в достижении той цели, к которой были направлены совместные усилия Эллин и Мамушки. Подрастая, она постигала вышеупомянутую науку в совершенстве, хотя и не слишком преуспевала во всех остальных.

Despite a succession of governesses and two years at the near-by Fayetteville Female Academy, her education was sketchy, but no girl in the County danced more gracefully than she.	Гувернантки менялись одна за другой, после чего Скарлетт на два года была заточена в стенах частного пансиона для молодых девиц в Фейетвилле, и если полученные ею знания были несколько хаотичны, то танцевала она бесспорно лучше всех девушек графства.

She knew how to smile so that her dimples leaped, how to walk pigeon-toed so that her wide hoop skirts swayed entrancingly, how to look up into a man's face and then drop her eyes and bat the lids rapidly so that she seemed atremble with gentle emotion.	И она знала цену своей улыбке и игре ямочек на щеках, умела пройтись на цыпочках так, чтобы кринолин соблазнительно заколыхался, и, поглядев в лицо мужчине, быстро опустить затрепетавшие ресницы, как бы невольно выдавая охватившее ее волнение.

Most of all she learned how to conceal from men a sharp intelligence beneath a face as sweet and bland as a baby's.	- А превыше всего познала она искусство таить от мужчин острый и наблюдательный ум, маскируя его невинно-простодушным, как у ребенка, выражением лица.
Ellen, by soft-voiced admonition, and Mammy, by constant carping, labored to inculcate in her the qualities that would make her truly desirable as a wife.	Мягкие наставления Эллин и неустанные укоры Мамушки сделали все же свое дело, внедрив в нее некоторые качества, безусловно ценные в будущей супруге.

"You must be more gentle, dear, more sedate," Ellen told her daughter. "You must not interrupt gentlemen when they are speaking, even if you do think you know more about matters than they do.	- Ты должна быть мягче, скромнее, моя дорогая, -говорила Эллин дочери, - Нельзя вмешиваться в разговор джентльменов, даже если знаешь, что они не правы и ты лучше, осведомлена, чем они.
Gentlemen do not like forward girls."	Джентльмены не любят чересчур самостоятельно мыслящих женщин.
"Young misses whut frowns an pushes out dey chins an' says	- Попомните мое слово: барышни, которые все хмурятся да задирают нос -

' Ah will' and	"Нет, не хочу!" да

'Ah woan' mos' gener'ly doan ketch husbands," prophesied Mammy gloomily.	"Нет, не желаю!" - всегда засиживаются в старых девах, - мрачно пророчествовала Мамушка.
"Young misses should cas' down dey eyes an' say,	- Молодые леди должны опускать глаза и говорить:
'Well, suh, Ah mout' an' 'Jes' as you say, suh."	"Конечно, сэр, да, сэр, как вы скажете, сэр!"
Between them, they taught her all that a gentlewoman should know, but she learned only the outward signs of gentility.	Они старались сделать из нее по-настоящему благородную даму, на Скарлетт усваивала лишь внешнюю сторону преподаваемых ей уроков.

The inner grace from which these signs should spring, she never learned nor did she see any reason for learning it.	Внутреннее благородство, коим должна подкрепляться внешняя благопристойность, оставалось для нее недостижимым, да она и не видела нужды его достигать.
Appearances were enough, for the appearances of ladyhood won her popularity and that was all she wanted.	Достаточно было научиться производить нужное впечатление - воплощенной женственности и хороших манер, - ведь этим завоевывалась популярность, а ни к чему другому Скарлетт и не стремилась.

Gerald bragged that she was the belle of five counties, and with some truth, for she had received proposals from nearly all the young men in the neighborhood and many from places as far away as Atlanta and Savannah.	Джералд хвастливо утверждал, что она - первая красавица в пяти графствах, и, надо сказать, утверждал не без оснований, ибо ей уже сделали предложение руки и сердца почти все молодые люди из соседних поместий, а помимо них и кое-кто еще из таких отдаленных городов, как Атланта и Саванна.
At sixteen, thanks to Mammy and Ellen, she looked sweet, charming and giddy, but she was, in reality, self-willed, vain and obstinate.	К шестнадцати годам Скарлетт, следуя наставлениям Эллин и Мамушки, приобрела репутацию очаровательного, кроткого, беспечного создания, будучи в действительности своенравна, тщеславна и крайне упряма.

She had the easily stirred passions of her Irish father and nothing except the thinnest veneer of her mother's unselfish and forbearing nature.	От своего отца-ирландца она унаследовала горячий, вспыльчивый нрав и от своей великодушной и самоотверженной матери -ничего, кроме внешнего лоска.

Ellen never fully realized that it was only a veneer, for Scarlett always showed her best face to her mother, concealing her escapades, curbing her temper and appearing as sweet-natured as she could in Ellen's presence, for her mother could shame her to tears with a reproachful glance.	Эллин никогда не догадывалась о том, в какой мере кротость дочери была показной, ибо в отношениях с матерью Скарлетт всегда проявляла себя с лучшей стороны: она ловко скрывала от Эллин кое-какие выходки и умела обуздать свой нрав и казаться воплощением кротости, ибо одного укоряющего взгляда матери было достаточно, чтобы пристыдить ее до слез.
But Mammy was under no illusions about her and was constantly alert for breaks in the veneer.	И только Мамушка не питала особых иллюзий насчет своей питомицы и была всегда начеку, зная, что природа может взять верх над притворством.

Mammy's eyes were sharper than Ellen's, and Scarlett could never recall in all her life having fooled Mammy for long.	Глаз Мамушки был куда более зорок, чем глаза Эллин, и Скарлетт не могла припомнить, чтобы ей хоть раз удалось всерьез ее одурачить.

It was not that these two loving mentors deplored Scarlett's high spirits, vivacity and charm.	Само собой разумеется, обе строгие наставницы вовсе не сокрушались по поводу того, что Скарлетт очаровательна и жизнь в ней бьет ключом.
These were traits of which Southern women were proud.	Этими качествами женщины-южанки привыкли даже гордиться.

It was Gerald's headstrong and impetuous nature in her that gave them concern, and they sometimes feared they would not be able to conceal her damaging qualities until she had made a good match.	Упрямство и своеволие Скарлетт, унаследованные от Джералда, - вот что повергло Эллин и Мамушку в смущение: а ну, как не удастся скрыть от посторонних глаз эти ужасные пороки и они помешают ей сделать хорошую партию!
But Scarlett intended to marry-and marry Ashley- and she was willing to appear demure, pliable and scatterbrained, if those were the qualities that attracted men.	Но Скарлетт, твердо решив про себя, что выйдет замуж за Эшли, и только за Эшли, готова была всегда казаться скромной, уступчивой и беспечной, раз эти качества столь привлекательны л глазах мужчин.

Just why men should be this way, she did not know.	Что мужчины находят в них ценного, она не понимала.
She only knew that such methods worked.	Знала одно: это способ проверенный и оправдывает себя.
It never interested her enough to try to think out the reason for it, for she knew nothing of the inner workings of any human being's mind, not even her own.	Вдумываться в причину этого ей не хотелось, ибо у нее никогда не возникало потребности разобраться во внутренних движениях чьей-то или хотя бы собственной души.
She knew only that if she did or said thus-and-so, men would unerringly respond with the complementary thus-and-so.	Она просто знала: если она поступит так-то и так-то или скажет то-то и то-то, мужчины неминуемо отзовутся на это таким-то или таким-то весьма для нее лестным образом.

It was like a mathematical formula and no more difficult, for mathematics was the one subject that had come easy to Scarlett in her schooldays.	Это было как решение простенькой арифметической задачки, а арифметика была единственной наукой, которая еще в школьные годы давалась Скарлетт без труда.
If she knew little about men's minds, she knew even less about the minds of women, for they interested her less.	И если оно не очень-то разбиралась в душах мужчин, то еще того меньше - в душах женщин, ибо они и интересовали ее куда меньше.
She had never had a girl friend, and she never felt any lack on that account.	У нее никогда не было закадычной подружки, но она никогда от этого не страдала.

To her, all women, including her two sisters, were natural enemies in pursuit of the same prey-man.	Все женщины, включая собственных сестер, были для нее потенциальными врагами, ибо все охотились на одну и ту же дичь - все стремились поймать в свои сети мужчину.
All women with the one exception of her mother.	Все женщины. Единственным исключением являлась ее мать.
Ellen O'Hara was different, and Scarlett regarded her as something holy and apart from all the rest of humankind.	Эллин О'Хара была не такая, как все. Она казалась Скарлетт почти святой, стоявшей особняком от всего человечества.

When Scarlett was a child, she had confused her mother with the Virgin Mary, and now that she was older she saw no reason for changing her opinion.	Когда Скарлетт была ребенком, мать часто представлялась ей в образе пресвятой Девы Марии, но и подрастая, она не захотела отказаться от этого представления.
To her, Ellen represented the utter security that only Heaven or a mother can give.	Только Эллин и небеса могли дать ей ощущение незыблемости ее мира.

She knew that her mother was the embodiment of justice, truth, loving tenderness and profound wisdom- a great lady.	Для Скарлетт мать была воплощением правды, справедливости, нежности, любви и глубочайшей мудрости. И она была настоящая леди.
Scarlett wanted very much to be like her mother.	Скарлетт очень хотелось быть похожей на мать.
The only difficulty was that by being just and truthful and tender and unselfish, one missed most of the joys of life, and certainly many beaux.	Беда заключалась лишь в том, что, оставаясь всегда правдивой, честной, справедливой, любящей и готовой на самопожертвование, невозможно наслаждаться всеми радостями жизни и наверняка упустишь очень многое, в первую очередь - поклонников.

And life was too short to miss such pleasant things.	А жизнь так коротка.
Some day when she was married to Ashley and old, some day when she had time for it, she intended to be like Ellen.	Она еще успеет потом, когда выйдет замуж за Эшли, и состарится, и у нее будет много свободного времени, стать такой, как Эллин.
But, until then...	А пока что...
CHAPTER IV	Глава 4

That night at supper, Scarlett went through the motions of presiding over the table in her mother's absence, but her mind was in a ferment over the dreadful news she had heard about Ashley and Melanie.	В этот вечер за ужином Скарлетт машинально исполняла роль хозяйки, заменяя отсутствующую мать, но мысли ее неотступно возвращались к страшной вести о браке Эшли и Мелани.
Desperately she longed for her mother's return from the Slatterys', for, without her, she felt lost and alone.	В отчаянии она молила бога, чтобы Эллин поскорее возвратилась от Слэттери: без нее она чувствовала себя совсем потерянной и одинокой.

What right had the Slatterys and their everlasting sickness to take Ellen away from home just at this time when she, Scarlett, needed her so much?	Что за свинство со стороны этих Слэттери вечно навязываться Эллин со своими нескончаемыми болезнями; в то время как она так нужна ей самой!
Throughout the dismal meal, Gerald's booming voice battered against her ears until she thought she could endure it no longer.	На протяжении всего этого унылого ужина громкий голос Джералда бил в ее барабанные перепалки, и минутами ей казалось, что она этого не выдержит.

He had forgotten completely about his conversation with her that afternoon and was carrying on a monologue about the latest news from Fort Sumter, which he punctuated by hammering his fist on the table and waving his arms in the air.	Недавний разговор с дочерью уже вылетел у Джералда из головы, и он теперь произносил длинный монолог о последних сообщениях, поступивших из форта Самтер, подкрепляя свои слова взмахом руки и ударом кулака по столу.

Gerald made a habit of dominating the conversation at mealtimes, and usually Scarlett, occupied with her own thoughts, scarcely heard him; but tonight she could not shut out his voice, no matter how much she strained to listen for the sound of carriage wheels that would herald Ellen's return.	У Джералда вошло в привычку разглагольствовать при всеобщем молчании за столом, и обычно Скарлетт, погруженная в свои мысли, попросту его не слушала. Но сегодня, напряженно ожидая, когда наконец подкатит к крыльцу коляска с Эллин, она не могла отгородиться от звуков этого громкого голоса.

Of course, she did not intend to tell her mother what was so heavy on her heart, for Ellen would be shocked and grieved to know that a daughter of hers wanted a man who was engaged to another girl.	Конечно, она не собиралась открывать матери, какая тяжесть лежит у нее на сердце. Ведь Эллин пришла бы в ужас, узнай она, что ее дочь убивается по человеку, помолвленному с другой: ее огорчение было бы беспредельным.
But, in the depths of the first tragedy she had ever known, she wanted the very comfort of her mother's presence.	Но Скарлетт просто хотелось, чтобы в эти минуты ее первого большого горя мать была рядом.
She always felt secure when Ellen was by her, for there was nothing so bad that Ellen could not better it, simply by being there.	Возле матери она всегда чувствовала себя как-то надежней: любая беда была не так страшна, когда Эллин рядом.

She rose suddenly from her chair at the sound of creaking wheels in the driveway and then sank down again as they went on around the house to the back yard.	Заслышав стук копыт на аллее, она вскочила, но тут же снова опустилась на стул; коляска завернула за угол, к заднему крыльцу.
It could not be Ellen, for she would alight at the front steps.	Значит, это не Эллин - она бы поднялась по парадной лестнице.
Then there was an excited babble of negro voices in the darkness of the yard and high-pitched negro laughter.	С окутанного мраком двора донесся нестройный гомон взволнованных негритянских голосов и заливистый смех.

Looking out the window, Scarlett saw Pork, who had left the room a moment before, holding high a flaring pine knot, while indistinguishable figures descended from a wagon.	Бросив взгляд в окно, Скарлетт увидела Порка, который только что покинул столовую: он держал в руке смолистый факел, а из повозки спускались на землю какие-то неразличимые в темноте фигуры.
The laughter and talking rose and fell in the dark night air, pleasant, homely, carefree sounds, gutturally soft, musically shrill.	Мягкие, гортанные и звонкие, мелодичные голоса долетали из мрака, сливаясь в радостный, беззаботный гомон.

Then feet shuffled up the back-porch stairs and into the passageway leading to the main house, stopping in the hall just outside the dining room.	Затем на заднем крыльце и в коридоре, ведущем в холл, послышался шум шагов. Шаги замерли за дверью столовой.
There was a brief interval of whispering, and Pork entered, his usual dignity gone, his eyes rolling and his teeth a-gleam.	С минуту оттуда доносилось перешептывание, после чего на Пороге появился Порк: глаза его округлились от радостного волнения, зубы сверкали, он даже позабыл принять свою величественную осанку.
"Mist' Gerald," he announced, breathing hard, the pride of a bridegroom all over his shining face, "you' new 'oman done come."	- Мистер Джералд! - провозгласил он, с трудом переводя дыхание от распиравшей его гордости. -Ваша новая служанка прибыла!

"New woman?	- Новая служанка?

I didn't buy any new woman," declared Gerald, pretending to glare.	Я не покупал никаких служанок! - отвечал Джеральд, уставя притворно гневный взгляд на своего лакея.
"Yassah, you did, Mist' Gerald!	- Да, да, сэр, мистер Джеральд, купили!
Yassah!	Да, сэр!
An' she out hyah now wanting ter speak wid you," answered Pork, giggling and twisting his hands in excitement.	И она там, за дверью, и очень хочет поговорить с вами! - Порк хихикнул и хрустнул пальцами от волнения.

"Well, bring in the bride," said Gerald, and Pork, turning, beckoned into the hall to his wife, newly arrived from the Wilkes plantation to become part of the household of Tara.	- Ладно, тащи сюда свою женушку, - сказал Джералд, и Порк, обернувшись, поманил жену, только что прибывшую из Двенадцати Дубов, чтобы стать принадлежностью Тары.
She entered, and behind her, almost hidden by her voluminous calico skirts, came her twelve-year-old daughter, squirming against her mother's legs.	Она вступила в столовую, а следом за ней, прижимаясь к матери, полускрытая ее накрахмаленными ситцевыми юбками, появилась двенадцатилетняя дочь.
Dilcey was tall and bore herself erectly.	Дилси была высокая женщина, державшаяся очень прямо.

She might have been any age from thirty to sixty, so unlined was her immobile bronze face.	Определить ее возраст было невозможно -тридцать лет, шестьдесят? На спокойном бронзовом лице не было ни морщинки.
Indian blood was plain in her features, overbalancing the negroid characteristics.	Перевес индейской крови над негритянской сразу бросался в глаза.
The red color of her skin, narrow high forehead, prominent cheek bones and the hawk-bridged nose which flattened at the end above thick negro lips, all showed the mixture of two races.	Красноватый оттенок кожи, высокий, сдавленный у висков лоб, широкие скулы и нос с горбинкой, неожиданно расплющенный книзу, над толстыми негроидными губами, ясно указывали на смешение двух рас.

She was self-possessed and walked with a dignity that surpassed even Mammy's, for Mammy had acquired her dignity and Dilcey's was in her blood.	Держалась Дилси уверенно и с таким чувством собственного достоинства, до которого далеко было даже Мамушке, ибо у Мамушки оно было благоприобретенным, а у Дилси - в крови.
When she spoke, her voice was not so slurred as most negroes' and she chose her words more carefully.	И она не так коверкала слова, как большинство негров, речь ее была правильнее.
"Good evenin', young Misses.	- Добрый вечер вам, мисс, и вам, мисс. И вам, мистер Джералд.

Mist' Gerald, I is sorry to 'sturb you, but I wanted to come here and thank you agin fo' buyin' me and my chile.	Извините за беспокойство, да уж больно мне хотелось поблагодарить вас, что вы купили меня и мою дочку.
Lots of gentlemens might a' bought me but they wouldn't a' bought my Prissy, too, jes' to keep me frum grievin' and I thanks you.	Меня-то кто хошь купит, а вот чтоб Присси, чтоб мне не тосковать по ней, - таких нет, и я благодарствую вас.
I'm gwine do my bes' fo' you and show you I ain't forgettin'."	Уж я буду стараться служить вам и никогда не позабуду, что вы для меня сделали.

"Hum-hurrump," said Gerald, clearing his throat in embarrassment at being caught openly in an act of kindness.	- Хм-хм... - Джералд откашлялся и пробормотал что-то невнятное, чрезвычайно смущенный тем, что его так явно уличили в содеянном добре.

Dilcey turned to Scarlett and something like a smile wrinkled the corners of her eyes.	Дилси повернулась к Скарлетт, и затаенная улыбка собрала морщинки в уголках ее глаз.
"Miss Scarlett, Poke done tole me how you ast Mist Gerald to buy me.	- Мисс Скарлетт, Порк сказывал мне, как вы просили мистера Джералда купить меня.
And so I'm gwine give you my Prissy fo' yo' own maid."	И я хочу отдать вам мою Присси в служанки.

She reached behind her and jerked the little girl forward. She was a brown little creature, with skinny legs like a bird and a myriad of pigtails carefully wrapped with twine sticking stiffly out from her head.	Пошарив позади себя рукой, она вытолкнула вперед дочь - маленькое коричневое создание с тоненькими птичьими ножками и бесчисленным множеством торчащих в разные стороны косичек, аккуратно перевязанных веревочками.
She had sharp, knowing eyes that missed nothing and a studiedly stupid look on her face.	У девочки был умный наблюдательный взгляд, зорко подмечавший все вокруг, в тщательно усвоенное глуповатое выражение лица.
"Thank you, Dilcey," Scarlett replied, "but I'm afraid Mammy will have something to say about that.	- Спасибо, Дилси, - сказала Скарлетт, - но боюсь. Мамушка станет возражать.

She's been my maid ever since I was born."	Ведь она мне прислуживает с того дня, как я появилась на свет.
"Mammy getting ole," said Dilcey, with a calmness that would have enraged Mammy.	- Мамушка-то уж совсем старенькая, -невозмутимо возразила Дилси с такой уверенностью, которая несомненно привела бы Мамушку в ярость.
"She a good mammy, but you a young lady now and needs a good maid, and my Prissy been maidin' fo' Miss India fo' a year now.	- Она - хорошая няня, да только ведь вы-то теперь уже леди и вам нужна умелая горничная, а моя Присси целый год прислуживала мисс Индии.
She kin sew and fix hair good as a grown pusson."	Она и шить может, и не хуже всякой взрослой вас причешет.

Prodded by her mother, Prissy bobbed a sudden curtsy and grinned at Scarlett, who could not help grinning back.	Дилси подтолкнула дочь; Присси присела и широко улыбнулась Скарлетт, и та невольно улыбнулась в ответ.
"A sharp little wench," she thought, and said aloud:	"Шустрая девчонка", - подумала Скарлетт и сказала:
"Thank you, Dilcey, we'll see about it when Mother comes home."	- Ладно, Дилси, спасибо, когда мама вернется, я поговорю с ней. - И вам спасибо, мэм.
"Thankee, Ma'm. I gives you a good night," said Dilcey and, turning, left the room with her child, Pork dancing attendance.	Пожелаю вам спокойной ночи, - сказала Дилси и покинула столовую вместе с дочкой, а Порк поспешил за ними.

The supper things cleared away, Gerald resumed his oration, but with little satisfaction to himself and none at all to his audience.	Со стола убрали, и Джеральд снова принялся ораторствовать, без всякого, впрочем, успеха у своей аудитории и потому без особого удовольствия для себя.
His thunderous predictions of immediate war and his rhetorical questions as to whether the South would stand for further insults from the Yankees only produced faintly bored,	Его грозные предсказания близкой войны и риторические возгласы: "Доколе же Юг будет сносить наглость янки!" - порождали у скучающих слушательниц лишь односложные:
"Yes, Papas" and	"Да, папа" и

"No, Pas."	"Нет, папа".

Carreen, sitting on a hassock under the big lamp, was deep in the romance of a girl who had taken the veil after her lover's death and, with silent tears of enjoyment oozing from her eyes, was pleasurably picturing herself in a white coif.	Кэррин, сидя на подушке, брошенной на пол под большой лампой, была погружена в романтическую историю некой девицы, постригшейся в монахини после смерти своего возлюбленного: слезы восторга приятно щекотали ей глаза, и она упоенно воображала себя в белом монашеском чепце.

Suellen, embroidering on what she gigglingly called her "hope chest," was wondering if she could possibly detach Stuart Tarleton from her sister's side at the barbecue tomorrow and fascinate him with the sweet womanly qualities which she possessed and Scarlett did not.	Сьюлин что-то вышивала - "для своего приданого", как она объяснила, стыдливо хихикнув, - и прикидывала в уме, удастся ли ей на завтрашнем барбекю отбить Стюарта Тарлтона у Скарлетт, очаровав его своей женственной мягкостью и кротостью, которыми Скарлетт не обладала.
And Scarlett was in a tumult about Ashley.	А Скарлетт была в смятении чувств из-за Эшли.

How could Pa talk on and on about Fort Sumter and the Yankees when he knew her heart was breaking?	Как может папа без конца толковать о форте Самтер и об этих янки, когда у нее сердце рвется на части и он это знает?
As usual in the very young, she marveled that people could be so selfishly oblivious to her pain and the world rock along just the same, in spite of her heartbreak.	Будучи еще очень юной, она находила непостижимым, что люди могут быть так эгоистично равнодушны к ее страданиям и в мире все продолжает идти своим путем, в то время как ее сердце разбито.

Her mind was as if a cyclone had gone through it, and it seemed strange that the dining room where they sat should be so placid, so unchanged from what it had always been.	В душе ее бушевала буря, а все вокруг выглядело таким спокойным, таким безмятежным, и это казалось ей странным.
The heavy mahogany table and sideboards, the massive silver, the bright rag rugs on the shining floor were all in their accustomed places, just as if nothing had happened.	Тяжелый буфет и стол красного дерева, массивное серебро, пестрые лоскутные ковры на натертом до блеска полу - все оставалось ни своих местах, словно ничего не произошло.

It was a friendly and comfortable room and, ordinarily, Scarlett loved the quiet hours which the family spent there after supper; but tonight she hated the sight of it and, if she had not feared her father's loudly bawled questions, she would have slipped away, down the dark hall to Ellen's little office and cried out her sorrow on the old sofa.	Это была уютная, располагающая к дружеской беседе комната, и обычно Скарлетт любила тихие вечерние часы, которые семья проводила здесь после ужина, но сегодня вид этой комнаты стал ей ненавистен, и если бы не страх перед резким окриком отца, она выскользнула бы за дверь и, стремительно прокравшись через темный холл, наплакалась бы вволю на старой софе в маленьком кабинетике Эллин.
That was the room that Scarlett liked the best in all the house.	Это была самая любимая комната Скарлетт.

There, Ellen sat before her tall secretary each morning, keeping the accounts of the plantation and listening to the reports of Jonas Wilkerson, the overseer.	Здесь Эллин каждое утро сидела за высоким секретером, проверяя счета и выслушивая доклады Джонаса Уилкерсона, управляющего имением.

There also the family idled while Ellen's quill scratched across her ledgers. Gerald in the old rocker, the girls on the sagging cushions of the sofa that was too battered and worn for the front of the house.	Здесь нередко собиралось и все семейство: Эллин что-то записывала в тяжелые гроссбухи, Джеральд дремал в старой качалке, дочки примостились на продавленных подушках софы, тоже уже слишком ветхой, чтобы украшать собой парадные покои.

Scarlett longed to be there now, alone with Ellen, so she could put her head in her mother's lap and cry in peace.	И Скарлетт сейчас хотелось только одного: остаться там вдвоем с Эллин и выплакаться, уткнувшись головой ей в колени.
Wouldn't Mother ever come home?	Когда же наконец вернется мама?
Then, wheels ground sharply on the graveled driveway, and the soft murmur of Ellen's voice dismissing the coachman floated into the room.	Но вот на аллее заскрипел гравий под колесами и негромкий голос Эллин, отпускавшей кучера, донесся в столовую.
The whole group looked up eagerly as she entered rapidly, her hoops swaying, her face tired and sad.	Взгляды всех устремились к двери. Шурша кринолином, она быстро вошла в комнату - лицо ее было усталым и грустным.

There entered with her the faint fragrance of lemon verbena sachet, which seemed always to creep from the folds of her dresses, a fragrance that was always linked in Scarlett's mind with her mother.	Повеяло легким аромат- том вербены, навечно, казалось, угнездившим- ся в складках ее платья, -ароматом, который для Скарлетт был неотторж- им от образа матери.
Mammy followed at a few paces, the leather bag in her hand, her underlip pushed out and her brow lowering.	Мамушка - хмурая, с недовольно выпячен- ной нижней губой и ко- жаной сумкой в руках -следовала за хозяйкой чуть поодаль.

Mammy muttered darkly to herself as she waddled, taking care that her remarks were pitched too low to be understood but loud enough to register her unqualified disapproval.	Она что-то нечленораздельно бормотала себе под нос - достаточно тихо, чтобы нельзя было разобрать слов, и достаточно громко, чтобы ее неодобрение не осталось незамеченным.
"I am sorry I am so late," said Ellen, slipping her plaid shawl from drooping shoulders and handing it to Scarlett, whose cheek she patted in passing.	- Извините, что задержалась, - сказала Эллин, сбрасывай шотландскую шаль со своих усталых плеч на руки Скарлетт, и, проходя, погладила дочь по щеке.
Gerald's face had brightened as if by magic at her entrance.	При появлении жены лицо Джералда мгновенно просияло.

"Is the brat baptized?" he questioned.	- Ну что - окрестили это отродье? - спросил он.
"Yes, and dead, poor thing," said Ellen.	- Да, окрестили бедняжку и оплакали, - сказала Эллин.
"I feared Emmie would die too, but I think she will live."	- Я боялась, что Эмми тоже отдаст богу душу, но, мне кажется, она оправится.
The girls' faces turned to her, startled and questioning, and Gerald wagged his head philosophically.	Дочери обратили к ней исполненные любопытства вопрошающие взгляды, а Джералд философически покачал головой:
"Well, 'tis better so that the brat is dead, no doubt, poor fatherle-"	- Ну, может, это и к лучшему, что он помер, несчастный ублю...
"It is late.	- Ой, как поздно!

We had better have prayers now," interrupted Ellen so smoothly that, if Scarlett had not known her mother well, the interruption would have passed unnoticed.	Пора прочесть молитву, - как бы невзначай перебила его Эллин, и если бы Скарлетт хуже знала мать, она бы даже не заподозрила, что Эллин перебила Джералда намеренно.

It would be interesting to know who was the father of Emmie Slattery's baby, but Scarlett knew she would never learn the truth of the matter if she waited to hear it from her mother.	А было бы все же любопытно узнать, кто отец ребенка Эмми Слэттери, но Скарлетт понимала, что у матери про это не дознаешься.

Scarlett suspected Jonas Wilkerson, for she had frequently seen him walking down the road with Emmie at nightfall.	Сама Скарлетт подозревала, что это Джонас Уилкерсон - она не раз видела, как он прогуливался по вечерам с Эмми.
Jonas was a Yankee and a bachelor, and the fact that he was an overseer forever barred him from any contact with the County social life.	Джонас был янки и холостяк, а должность управляющего, которую он занимал, отрезала ему все пути в дома богатых плантаторов.

There was no family of any standing into which he could marry, no people with whom he could associate except the Slatterys and riffraff like them.	Он не мог бы посвататься ни к одной из их дочерей и был лишен возможности водить компанию с кем-либо, кроме таких бедняков, как Слэттери, и им подобных отщепенцев.
As he was several cuts above the Slatterys in education, it was only natural that he should not want to marry Emmie, no matter how often he might walk with her in the twilight.	Вместе с тем по своему образованию он был на голову выше этих Слэттери, и Скарлетт казалось вполне естественным, что он и не подумает жениться на Эмми, хотя частенько гулял с ней в сумерках..
Scarlett sighed, for her curiosity was sharp.	Скарлетт вздохнула - любопытство ее было задето.

Things were always happening under her mother's eyes which she noticed no more than if they had not happened at all.	На глазах у ее матери происходило многое, но она этого как бы не замечала.
Ellen ignored all things contrary to her ideas of propriety and tried to teach Scarlett to do the same, but with poor success.	Эллин умела проходить мимо всего, что противоречило ее понятиям о благопристойности, и старалась научить этому и Скарлетт - впрочем, без особого успеха.

Ellen had stepped to the mantel to take her rosary beads from the small inlaid casket in which they always reposed when Mammy spoke up with firmness.	Эллин шагнула к камину, где в маленькой инкрустированной шкатулке, стоявшей на полке, хранились ее четки, во решительный голос Мамушки заставил ее остановиться:
"Miss Ellen, you gwine eat some supper befo' you does any prayin'."	- Миссис Эллин, вам бы надо поесть хоть малость, прежде чем читать молитву.
"Thank you.	- Спасибо, Мамушка, я не голодна.
Mammy, but I am not hungry."	- Я сейчас подам вам ужин, и чтоб вы поели, - с хмурым упрямством заявила Мамушка и возмущенно зашагала на кухню.

"Ah gwine fix yo' supper mahseff an' you eats it," said Mammy, her brow furrowed with indignation as she started down the hall for the kitchen. "Poke!" she called, "tell Cookie stir up de fiah.	- Порк! - крикнула она, - Скажи кухарке, чтобы раз-вела огонь.
Miss Ellen home."	Мисс Эллин вернулась.

As the boards shuddered under her weight, the soliloquy she had been muttering in the front hall grew louder and louder, coming clearly to the ears of the family in the dining room.	В холле заскрипели половицы под тяжелой ступней, и до ушей сидевших в столовой донеслось бормотание, звучавшее все явственней по мере того, как Мамушка удалялась:

"Ah has said time an' again, it doan do no good doin' nuthin' fer w'ite trash.	- Твердишь, твердишь - все понапрасну... Не стоят они того, чтобы так для них стараться.
Dey is de shiflesses, mos' ungrateful passel of nocounts livin'.	Никчемный, неблагодарный народ, хуже нет во всем графстве, чем эта белая рвань.

An' Miss Ellen got no bizness weahin' herseff out waitin' on folks dat did dey be wuth shootin' dey'd have niggers ter wait on dem.	И нечего мисс Эллин утруждать себя. Будь у них голова на плечах, имели бы, как другие, своих ниггеров.
An' Ah has said-"	Да разве ей втолкуешь...
Her voice trailed off as she went down the long open passageway, covered only by a roof, that led into the kitchen.	Воркотня замерла, когда Мамушка скрылась с глаз в крытой галерее, соединявшей холл с кухней.
Mammy had her own method of letting her owners know exactly where she stood on all matters.	У старой служанки был особый способ доводить до сведения господ свою точку зрения по тому или иному вопросу.

She knew it was beneath the dignity of quality white folks to pay the slightest attention to what a darky said when she was just grumbling to herself. She knew that to uphold this dignity, they must ignore what she said, even if she stood in the next room and almost shouted.	Она знала, что достоинство не позволяет белым господам обращать хоть малейшее внимание на воркотню черных слуг, и чтобы не уронить своего достоинства, они должны делать вид, будто ничего не слышат, как бы громко она ни разворчалась, едва ступив за порог.
It protected her from reproof, and it left no doubt in anyone's mind as to her exact views on any subject.	Это спасало ее от возможности получить нагоняй и в то же время позволяло вполне недвусмысленно высказывать свое мнение.
Pork entered the room, bearing a plate, silver and a napkin.	Вошел Порк с тарелками, прибором и салфеткой.

He was followed closely by Jack, a black little boy of ten, hastily buttoning a white linen jacket with one hand and bearing in the other a fly-swisher, made of thin strips of newspaper tied to a reed longer than he was.	Следом за ним, застегивая на ходу белую полотняную куртку, спешил Джек, маленький десятилетний негритенок. Он держал в руке самодельное орудие для отпугивания мух в виде тонкой жерди длиной в два его роста, с привязанными к ней узкими подосками газетной бумаги.
Ellen had a beautiful peacock-feather fly-brusher, but it was used only on very special occasions and then only after domestic struggle, due to the obstinate conviction of Pork, Cookie and Mammy that peacock feathers were bad luck.	У Эллин имелось очень красивое опахало из павлиньих перьев, но им пользовались лишь в особо торжественных случаях, и то лишь после небольшой домашней междоусобицы, ибо Порк, кухарка и Мамушка считали, что перья павлина приносят несчастье.

Ellen sat down in the chair which Gerald pulled out for her and four voices attacked her.	Эллин опустилась на стул, который поспешил пододвинуть ей Джералд, и четыре голоса атаковали ее разом:
"Mother, the lace is loose on my new ball dress and I want to wear it tomorrow night at Twelve Oaks.	- Мама, у меня на бальном платье отпоролись кружева, а я хотела надеть его завтра, когда мы поедем в Двенадцать Дубов.
Won't you please fix it?"	Может быть, ты починишь?
"Mother, Scarlett's new dress is prettier than mine and I look like a fright in pink.	- Мама, новое платье Скарлетт гораздо красивее моего, и вообще я выгляжу ужасно в розовом.

Why can't she wear my pink and let me wear her green?	Почему бы ей не надеть мое розовое, а я надену ее зеленое.
She looks all right in pink."	Ей розовый цвет к лицу.
"Mother, can I stay up for the ball tomorrow night?	- Мама, можно, я завтра тоже останусь на танцы?
I'm thirteen now-"	Мне ведь уже тринадцать...
"Mrs. O'Hara, would you believe it-Hush, you girls, before I take me crop to you!	- Ну, доложу я вам, миссис О'Хара... Тише вы, трещотки, пока я не надрал вам уши!..

Cade Calvert was in Atlanta this morning and he says-will you be quiet and let me be hearing me own voice?-and he says it's all upset they are there and talking nothing but war, militia drilling, troops forming.	Кэйд Калверт был сегодня утром в Атланте... Вы дадите мне слово сказать или нет?.. И говорит, что все там в страшном волнении и только и разговору что о войне, военных учениях и формировании войсковых частей.
And he says the news from Charleston is that they will be putting up with no more Yankee insults."	И вроде бы, если верить слухам, в Чарльстоне решили не давать больше спуску янки.
Ellen's tired mouth smiled into the tumult as she addressed herself first to her husband, as a wife should.	Эллин устало улыбнулась, слушая эту разноголосицу, и, как подобает почтительной супруге, первому ответила Джералду.

"If the nice people of Charleston feel that way, I'm sure we will all feel the same way soon," she said, for she had a deeply rooted belief that, excepting only Savannah, most of the gentle blood of the whole continent could be found in that small seaport city, a belief shared largely by Charlestonians.	- Если наиболее достойные люди Чарльстона придерживаются такого мнения, то я полагаю, что и мы не заставим себя ждать и присоединимся к ним, - сказала она, ибо была воспитана в убеждении, что, за исключением Саванны, самая лучшая и самая родовитая часть населения континента сосредоточена в этом маленьком портовом городке, и убеждение это, кстати сказать, полностью разделялось самими чарльстонцами.
"No, Carreen, next year, dear.	- Нет, Кэррин, пока нельзя, моя дорогая.

Then you can stay up for balls and wear grown-up dresses, and what a good time my little pink cheeks will have!	В будущем году ты будешь носить длинные платья и танцевать на балах, и эти розовые щечки еще ярче разрумянятся от удовольствия.
Don't pout, dear.	Ну, не надувай губок, детка!
You can go to the barbecue, remember that, and stay up through supper, but no balls until you are fourteen.	Ты же можешь поехать на барбекю и даже остаться на ужин, понимаешь? Но никаких балов, пока тебе не сравнялось четырнадцати.
"Give me your gown, Scarlett, I will whip the lace for you after prayers.	- Принеси мне твое платье, Скарлетт. Я пришью кружева, когда мы встанем из-за стола.
"Suellen, I do not like your tone, dear.	- Мне не нравится твой тон, Сьюлин.

Your pink gown is lovely and suitable to your complexion, Scarlett's is to hers.	Твое розовое платье очень красиво, и цвет этот ничуть не меньше идет тебе, чем зеленый -Скарлетт.
But you may wear my garnet necklace tomorrow night."	Но я разрешаю тебе надеть завтра мое гранатовое колье.
Suellen, behind her mother's hack, wrinkled her nose triumphantly at Scarlett, who had been planning to beg the necklace for herself.	Сьюлин за спиной матери торжествующе показала Скарлетт нос, ибо та собиралась выпросить колье для себя.

Scarlett put out her tongue at her.	Скарлетт в ответ высунула язык.

Suellen was an annoying sister with her whining and selfishness, and had it not been for Ellen's restraining hand, Scarlett would frequently have boxed her ears.	Сьюлин страшно злила Скарлетт своим постоянным хныканьем и эгоизмом и не, раз получала бы от Скарлетт затрещину, не будь умиротворяющая рука Эллин всегда начеку.
"Now, Mr. O'Hara, tell me more about what Mr. Calvert said about Charleston," said Ellen.	- А теперь, мистер О'Хара, я хотела бы узнать подробнее, что, по словам мистера Калверта, происходит в Чарльстоне, - сказала Эллин.

Scarlett knew her mother cared nothing at all about war and politics and thought them masculine matters about which no lady could intelligently concern herself.	Скарлетт прекрасно понимала, что мать нисколько не интересуется ни войной, ни политикой, считая их чисто мужским делом, в которое ни одна умная женщина не должна: совать нос.
But it gave Gerald pleasure to air his views, and Ellen was unfailingly thoughtful of her husband's pleasure.	Но Джералд любил порассуждать на эти темы, а Эллин была неизменно внимательна к мужу и готова сделать ему приятное, г Пока Джералд выкладывал свои новости.

While Gerald launched forth on his news, Mammy set the plates before her mistress, golden-topped biscuits, breast of fried chicken and a yellow yam open and steaming, with melted butter dripping from it.	Мамушка поставила перед хозяйкой прибор, подала золотистые гренки, грудку жареного цыпленка и желтый яме, от которого поднимался в воздух пар, а из разреза капало растопленное масло.
Mammy pinched small Jack, and he hastened to his business of slowly swishing the paper ribbons back and forth behind Ellen.	Мамушка ущипнула Джека, и он поспешно принялся за дело - бумажные ленты медленно поплыли вверх и вниз за спиной Эллин.

Mammy stood beside the table, watching every forkful that traveled from plate to mouth, as though she intended to force the food down Ellen's throat should she see signs of flagging.	Мамушка стояла: возле хозяйки, пристально следя за каждым подцепленным на вилку и отправленным в рот куском, словно вознамерившись силой своего взгляда пропихнуть еду в пищевод, если Эллин вздумает отлынивать.
Ellen ate diligently, but Scarlett could see that she was too tired to know what she was eating.	Эллин прилежно поглощала пищу, но Скарлетт видела, что мать от усталости даже не замечает, что она ест.
Only Mammy's implacable face forced her to it.	И только непреклонное выражение лица Мамушки заставляло ее не бросать вилку.

When the dish was empty and Gerald only midway in his remarks on the thievishness of Yankees who wanted to free darkies and yet offered no penny to pay for their freedom, Ellen rose.	Но вот с едой было покончено, и хотя Джералд еще не перестал громить этих жуликовянки, требующих освобождения негров и не желающих ни единого пенни заплатить за их свободу, Эллин поднялась из-за стола.
"We'll be having prayers?" he questioned, reluctantly.	- Будем читать молитву? - без особого энтузиазма спросил Джералд.
"Yes.	- Да, час поздний.

It is so late-why, it is actually ten o'clock," as the clock with coughing and tinny thumps marked the hour. "Carreen should have been asleep long ago.	Уже десять бьет. - Часы, немного похрипев, пробили десять, - Кэррин давно пора в постель.
The lamp, please, Pork, and my prayer book, Mammy."	Порк, пожалуйста, лампу пониже. Мамушка, мой молитвенник.

Prompted by Mammy's hoarse whisper, Jack set his fly-brush in the corner and removed the dishes, while Mammy fumbled in the sideboard drawer for Ellen's worn prayer book.	Повинуясь сердитому шепоту Мамушки, Джек поставил свое опахало в угол и принялся убирать посуду, а Мамушка извлекла из ящика буфета старенький молитвенник Эллин.
Pork, tiptoeing, reached the ring in the chain and drew the lamp slowly down until the table top was brightly bathed in light and the ceiling receded into shadows.	Порк, став на цыпочки, немного отпустил цепочку лампы, чтобы свет переместился с потолка на стол.

Ellen arranged her skirts and sank to the floor on her knees, laying the open prayer book on the table before her and clasping her hands upon it.	Эллин, расправив юбку, опустилась на колени, положила раскрытый молитвенник на край стола, и сложенные для молитвы руки ее легли поверх молитвенника.

Gerald knelt beside her, and Scarlett and Suellen took their accustomed places on the opposite side of the table, folding their voluminous petticoats in pads under their knees, so they would ache less from contact with the hard floor.	Джералд стал на колени рядом с ней, а Скарлетт и Сьюлин заняли свои места по другую сторону стола, подоткнув пышные юбки под колени, чтобы не так больно было стоять на твердом полу.
Carreen, who was small for her age, could not kneel comfortably at the table and so knelt facing a chair, her elbows on the seat.	Кэррин из-за ее маленького роста трудно было дотягиваться до стола, и она стала на колени возле стула, положив руки на сиденье.

She liked this position, for she seldom failed to go to sleep during prayers and, in this postures it escaped her mother's notice.	Эта поза вполне ее устраивала, давая возможность незаметно для материнского глаза вздремнуть во время чтения молитвы.

The house servants shuffled and rustled in the hall to kneel by the doorway, Mammy groaning aloud as she sank down, Pork straight as a ramrod, Rosa and Teena, the maids, graceful in their spreading bright calicoes, Cookie gaunt and yellow beneath her snowy head rag, and Jack, stupid with sleep, as far away from Mammy's pinching fingers as possible.	Шелест и шорохи в холле возвестили о том, что слуги преклонили колени за раскрытыми дверями столовой. Слышно было, как Мамушка громко кряхтит, опускаясь на колени. Порк, и коленопреклоненный, держался прямо, словно шест проглотил: горничные Роза и Тина опустились на колени очень грациозно, широко раскинув по полу пестрые ситцевые юбки. Лицо кухарки под белоснежной повязкой казалось еще более темным и худым. Джек, у которого уже слипались глаза, все же нашел в себе достаточно соображения, чтобы устроиться подальше от Мамушкиных щипков.

Their dark eyes gleamed expectantly, for praying with their white folks was one of the events of the day.	Черные глаза слуг выжидательно блестели, так как ежевечерняя молитва вместе с белыми господами всегда была для них главным событием дня.
The old and colorful phrases of the litany with its Oriental imagery meant little to them but it satisfied something in their hearts, and they always swayed when they chanted the responses:	Древние образы литании с их восточной красочностью оставались для них малопонятными, но они задевали какие-то струны в их душе, заставляя покачиваться в такт, когда они повторяли следом за Эллин:
"Lord, have mercy on us,"	"Помилуй нас, господи!",

"Christ, have mercy on us."	"Боже, милостив буди к нам, грешным!"
Ellen closed her eyes and began praying, her voice rising and falling, lulling and soothing.	Эллин, закрыв глаза, читала молитву. Голос ее то креп, то замирал, убаюкивая, утешая.

Heads bowed in the circle of yellow light as Ellen thanked God for the health and happiness of her home, her family and her negroes.	В желтом кругу света видны были склоненные головы, когда она произносила благодарственные слова за благополучие своего дома, семьи, слуг.

When she had finished her prayers for those beneath the roof of Tara, her father, mother, sisters, three dead babies and "all the poor souls in Purgatory," she clasped her white beads between long fingers and began the Rosary. Like the rushing of a soft wind, the responses from black throats and white throats rolled back:	Помолившись за всех обитателей Тары, за своего отца, мать, сестер, трех своих покойных младенцев и за всех "страдальцев доли земной", Эллин, перебирая в длинных пальцах белые четки, начала читать молитву божьей матери - и словно шелест ветра пронесся по комнате, когда губы белых и черных зашевелились, повторяя следом за ней:

"Holy Mary, Mother of God, pray for us sinners, now, and at the hour of our death."	- Пресвятая Дева Мария, моли бога за нас, грешных, и ныне и присно и во веки веков.
Despite her heartache and the pain of unshed tears, a deep sense of quiet and peace fell upon Scarlett as it always did at this hour.	И как всегда в эти минуты, Скарлетт почувствовала, что к ней приходит успокоение, хотя невыплаканные слезы еще жгли ей глаза.
Some of the disappointment of the day and the dread of the morrow departed from her, leaving a feeling of hope.	Горечь пережитого разочарования и страх перед завтрашним днем отступили, дав место надежде.

It was not the lifting up of her heart to God that brought this balm, for religion went no more than lip deep with her. It was the sight of her mother's serene face upturned to the throne of God and His saints and angels, praying for blessings on those whom she loved.	Но губы ее лишь машинально повторяли слова молитвы, и не вера в бога принесла ей облегчение, а торжественно-спокойное лицо матери и ее взор, обращенный к престолу господа, испрашивающий благословения всем дорогим для нее существам.
When Ellen intervened with Heaven, Scarlett felt certain that Heaven heard.	Скарлетт была твердо убеждена, что небеса не могут оставаться глухи к мольбе Эллин, когда она прибегает к ним за помощью.

Ellen finished and Gerald, who could never find his beads at prayer time, began furtively counting his decade on his fingers.	Голос Эллин умолк, и настала очередь Джералда, а поскольку он никогда не успевал вовремя найти свои четки, то ему пришлось, читая молитву, украдкой загибать пальцы.

As his voice droned on, Scarlett's thoughts strayed, in spite of herself. She knew she should be examining her conscience. Ellen had taught her that at the end of each day it was her duty to examine her conscience thoroughly, to admit her numerous faults and pray to God for forgiveness and strength never to repeat them.	Под его монотонное, чтение Скарлетт невольно отвлеклась, хотя она знала, что ей сейчас надлежит, как учила ее Эллин, углубиться в себя, допросить свою совесть, вспомнить все проступки, совершенные за день, раскаяться в них и испросить у бога прощения, дабы он даровал ей силы никогда их больше не повторять.

But Scarlett was examining her heart.	Но сердце Скарлетт брало верх над ее совестью.
She dropped her head upon her folded hands so that her mother could not see her face, and her thoughts went sadly back to Ashley.	Уронив голову на скрещенные на столе руки, чтобы мать не могла видеть ее лица, она устремилась своими печальными мыслями к Эшли.
How could he be planning to marry Melanie when he really loved her, Scarlett?	Как может он думать о женитьбе на Мелани, когда на самом-то деле любит ее, Скарлетт?
And when he knew how much she loved him?	И знает, что и она любит его.

How could he deliberately break her heart?	Как может он по собственной воле делать ее несчастной?
Then, suddenly, an idea, shining and new, flashed like a comet through her brain.	И тут внезапно совершенно новая, ослепительная мысль сверкнула в ее мозгу:
"Why, Ashley hasn't an idea that I'm in love with him!"	"Да ведь Эшли и не подозревает, что я влюблена в него!"
She almost gasped aloud in the shock of its unexpectedness.	Эта мысль так поразила ее, что она едва не вскрикнула от неожиданности.
Her mind stood still as if paralyzed for a long, breathless instant, and then raced forward.	На мгновение ее мозг словно застыл, а затем заработал с лихорадочной быстротой.
"How could he know?	"Откуда ему знать?

I've always acted so prissy and ladylike and touch-me-not around him he probably thinks I don't care a thing about him except as a friend.	Я всегда держалась с ним такой недотрогой, изображала из себя такую кисейную барышню... Он, верно, думает, что я не питаю к нему ничего, кроме дружеских чувств.
Yes, that's why he's never spoken!	Ну, ясно! Поэтому он и не признался мне до сих пор!
He thinks his love is hopeless.	Он думает, что его любовь безответна.
And that's why he's looked so-"	Вот почему он так странно смотрит на меня порой..." Ей сразу вспомнилось.

Her mind went swiftly back to those times when she had caught him looking at her in that strange manner, when the gray eyes that were such perfect curtains for his thoughts had been wide and naked and had in them a look of torment and despair.	Как она не раз ловила на себе этот взгляд, когда в серых глазах Эшли, таких непроницаемых обычно, ей вдруг словно бы открывалось что-то, и она, казалось, читала в них безнадежность и боль.
"He's been broken hearted because he thinks I'm in love with Brent or Stuart or Cade.	"Он убивается по мне, думает, что я увлечена Брентом, или, может, Стюартом, или Кэйдом.
And probably he thinks that if he can't have me, he might as well please his family and marry Melanie.	И наверно, решил, что раз я все равно ему не достанусь, почему бы не пойти навстречу желанию семьи и не жениться на Мелани.

But if he knew I did love him-" Her volatile spirits shot up from deepest depression to excited happiness.	А знай он, что я люблю его..." И воскресшая душа ее, только что погруженная в бездну отчаяния, воспарила на вершину блаженства.
This was the answer to Ashley's reticence, to his strange conduct.	Вот и решение этой загадки - почему Эшли так странно ведет себя, почему он молчит!
He didn't know!	Он ни о чем не догадывается!
Her vanity leaped to the aid of her desire to believe, making belief a certainty.	Тщеславие подхлестнуло желание поверить в то, во что так хотелось верить, желание поверить превратилось в уверенность.
If he knew she loved him, he would hasten to her side.	Знай Эшли, что она любит его, он был бы у ее ног.

She had only to-	Ей нужно только...
"Oh!" she thought rapturously, digging her fingers into her lowered brow.	"Ах! - подумала она, сжимая пальцами пы- лающий лоб.

"What a fool I've been not to think of this till now!	- Какая же я была идиотка, как не подумала об этом!
I must think of some way to let him know.	Надо найти какой-то спо- соб открыть ему глаза.
He wouldn't marry her if he knew I loved him!	Он не женится на ней, если узнает, что я люблю его!
How could he?"	Никогда не женится!"

With a start, she realized that Gerald had finished and her mother's eyes were on her.	Внезапно она опомнилась, заметив, что Джералд кончил читать молитву и мать смотрит на нее.
Hastily she began her decade, telling off the beads automatically but with a depth of emotion in her voice that caused Mammy to open her eyes and shoot a searching glance at her.	Перебирая четки, она стала произносить привычные слова, но в голосе ее звучало такое глубокое волнение, что Мамушка от удивления открыла глаза и бросила на нее испытующий взгляд.

As she finished her prayers and Suellen, then Carreen, began their decades, her mind was still speeding onward with her entrancing new thought.	За ней прочитала молитву Сьюлин, затем Кэррин, но Скарлетт, окрыленная сделанным ею открытием, все еще парила мыслями в облаках...
Even now, it wasn't too late!	Конечно, и сейчас еще не поздно!
Too often the County had been scandalized by elopements when one or the other of the participating parties was practically at the altar with a third.	Бывали ведь случаи, когда графство потрясала весть о том, что жених (а иной раз невеста) бежали с кем-то прямо из-под венца.

And Ashley's engagement had not even been announced yet!	А помолвка Эшли пока даже не была объявлена!
Yes, there was plenty of time!	О нет, еще не поздно!
If no love lay between Ashley and Melanie but only a promise given long ago, then why wasn't it possible for him to break that promise and marry her?	Если Эшли связан с Мелани не любовными узами, а всего лишь словом, данным бог весть когда, что может помешать ему взять свое слово обратно и жениться на ней, на Скарлетт?

Surely he would do it, if he knew that she, Scarlett, loved him.	Конечно, Эшли так бы и поступил, знай он, что она его любит.
She must find some way to let him know.	Значит, надо, чтобы он об этом узнал.
She would find some way!	Она должна зайти способ открыть ему глаза!
And then-	А тогда...
Scarlett came abruptly out of her dream of delight, for she had neglected to make the responses and her mother was looking at her reprovingly.	Перестав повторять респонсорий note 2, Скарлетт была сброшена с облаков на землю укоряющим взором матери.

As she resumed the ritual, she opened her eyes briefly and cast a quick glance around the room.	Спохватившись, она начала произносить молитвенные слова, украдкой оглядывая комнату.
The kneeling figures, the soft glow of the lamp, the dim shadows where the negroes swayed, even the familiar objects that had been so hateful to her sight an hour ago, in an instant took on the color of her own emotions, and the room seemed once more a lovely place.	Коленопреклоненные фигуры в мягком свете лампы, покачивающиеся тени в глубине, там, где стояли негры, все знакомые предметы, вызывавшие в ней глухое раздражение час назад, теперь окрасились в радужные тона ее возрожденных надежд, и комната снова показалась ей привлекательной и уютной.

She would never forget this moment or this scene!	Это мгновение, вся эта сцена навсегда останутся в ее памяти!
"Virgin most faithful," her mother intoned. The Litany of the Virgin was beginning, and obediently Scarlett responded:	- Матерь божия, - нараспев произносила Эллин слова молитвы, и, вторя ее мягкому контральто, Скарлетт послушно подхватывала:
"Pray for us," as Ellen praised in soft contralto the attributes of the Mother of God.	- Моли бога о нас.
As always since childhood, this was, for Scarlett, a moment for adoration of Ellen, rather than the Virgin.	С самого раннего детства для Скарлетт это были минуты поклонения не столько божьей матери, сколько Эллин, которую она обожествляла.

Sacrilegious though it might be, Scarlett always saw, through her closed eyes, the upturned face of Ellen and not the Blessed Virgin, as the ancient phrases were repeated.	Повторяя древние слова Священного писания, Скарлетт кощунственно видела перед собой сквозь смеженные веки не образ Девы Марии, а обращенное к небесам лицо Эллин, и слова эти -
"Health of the Sick,"	"Исцеление болящих",
"Seat of Wisdom,"	"Грешников прибежище",
"Refuge of Sinners,"	"Престол мудрости",
"Mystical Rose"- they were beautiful because they were the attributes of Ellen.	"Врата вечного блаженства" - казались ей прекрасными, ибо они сливались для нее с образом матери.

But tonight, because of the exaltation of her own spirit, Scarlett found in the whole ceremonial, the softly spoken words, the murmur of the responses, a surpassing beauty beyond any that she had ever experienced before.	Но в этот вечер в приглушенных голосах, в повторяемых шепотом словах респонсория ее взволнованной душе открылась какая-то новая, необычная красота.
And her heart went up to God in sincere thankfulness that a pathway for her feet had been opened-out of her misery and straight to the arms of Ashley.	И она от всего сердца возблагодарила господа за то, что он указал ей путь из глубины отчаяния... прямо в объятия Эшли.

When the last "Amen" sounded, they all rose, somewhat stiffly, Mammy being hauled to her feet by the combined efforts of Teena and Rosa.	Прозвучало последнее "аминь", и все - кое-кто с трудом, Мамушка - с помощью Тины и Розы, -поднялись, с колеи.
Pork took a long spiller from the mantelpiece, lit it from the lamp flame and went into the hall.	Порк взял с каминной полки длинный жгут из бумаги, зажег его от лампы и вышел в холл.
Opposite the winding stair stood a walnut sideboard, too large for use in the dining room, bearing on its wide top several lamps and a long row of candles in candlesticks.	Там, напротив полукружия лестницы, стоял огромный, не поместившийся в столовой буфет орехового дерева, а на его широкой доске вытянулись в ряд несколько ламп и с десяток свечей в подсвечниках.

Pork lit one lamp and three candles and, with the pompous dignity of a first chamberlain of the royal bedchamber lighting a king and queen to their rooms, he led the procession up the stairs, holding the light high above his head.	Порк зажег лампу и три свечи и с важным видом первого камергера двора, провожающего королевскую чету в опочивальню, начал подниматься по лестнице, держа лампу высоко над головой.
Ellen, on Gerald's arm, followed him, and the girls, each taking her own candlestick, mounted after them.	Эллин под руку с Джеральдом следовала за ним, а девочки - каждая со свечой в руке - замыкали шествие.

Scarlett entered her room, set the candle on the tall chest of drawers and fumbled in the dark closet for the dancing dress that needed stitching.	Скарлетт вошла к себе в спальню, поставила свечу на высокий комод и принялась шарить в платяном шкафу, разыскивая нуждавшееся в починке бальное платье.
Throwing it across her arm, she crossed the hall quietly.	Перекинув его через руку, она по галерее, окружавшей холл, направилась к спальне родителей.
The door of her parents' bedroom was slightly ajar and, before she could knock, Ellen's voice, low but stern, came to her ears.	Дверь в спальню была приотворена, и прежде, чем Скарлетт успела постучать, до нее долетел тихий, но твердый голос Эллин:
"Mr. O'Hara, you must dismiss Jonas Wilkerson."	- Мистер О'Хара, вы должны рассчитать Джонаса Уилкерсона.

Gerald exploded.	Джералд мгновенно вскипел:
"And where will I be getting another overseer who wouldn't be cheating me out of my eyeteeth?"	- А где прикажете мне достать другого управляющего, который не обирал бы меня до последней нитки?
"He must be dismissed, immediately, tomorrow morning.	- Он должен быть уволен немедленно, завтра же утром.
Big Sam is a good foreman and he can take over the duties until you can hire another overseer."	Большой Сэм хороший надсмотрщик и может заменить Джонаса, пока вы не наймете другого управляющего.
"Ah, ha!" came Gerald's voice.	- А, вот оно что!

"So, I understand! Then the worthy Jonas sired the-"	Понятно, Уважаемый Джонас дабрюхатил...
"He must be dismissed."	- Его надо уволить.
"So, he is the father of Emmie Slattery's baby," thought Scarlett.	"Так, значит, это он - отец ребенка Эмми Слэттери, - подумала Скарлетт.
"Oh, well, what else can you expect from a Yankee man and a whitetrash girl?"	- Прекрасно. Чего еще можно ожидать от янки и от девчонки из такой семьи, как эта белая рвань!"
Then, after a discreet pause which gave Gerald's splutterings time to die away, she knocked on the door and handed the dress to her mother.	Скромно выждав за дверью, чтобы дать Джералду время утихомириться, Скарлетт постучалась, вошла и протянула матери платье.

By the time Scarlett had undressed and blown out the candle, her plan for tomorrow had worked itself out in every detail.	Пока Скарлетт раздевалась и, задув свечу, укладывалась в постель, в голове ее уже полностью созрел план завтрашних действий.
It was a simple plan, for, with Gerald's single-mindedness of purpose, her eyes were centered on the goal and she thought only of the most direct steps by which to reach it.	План был крайне прост, ибо с унаследованной от Джералда целеустремленностью она ясно видела перед собой только то, чего хотела достичь, и шла к этой цели наикратчайшим путем.
First, she would be "prideful," as Gerald had commanded.	Прежде всего надо быть гордой, как наставлял Джералд.

From the moment she arrived at Twelve Oaks, she would be her gayest, most spirited self.	Появиться в Двенадцати Дубах веселой и оживленной, как никогда.
No one would suspect that she had ever been downhearted because of Ashley and Melanie.	Ни одна душа не должна заподозрить, что она убита союзом Эшли с Мелани.

And she would flirt with every man there.	Она будет кокетничать напропалую со всеми мужчинами подряд..
That would be cruel to Ashley, but it would make him yearn for her all the more.	Это, конечно, жестоко но отношению к Эшли, но зато его еще сильнее потянет к ней.

She wouldn't overlook a man of marriageable age, from ginger-whiskered old Frank Kennedy, who was Suellen's beau, on down to shy, quiet, blushing Charles Hamilton, Melanie's brother.	Она не оставит без внимания ни одного из возможных претендентов на ее руку, начиная от рыжеусого перестарка Фрэнка Кеннеди, ухажера Сьюлин, и кончая тихим, скромным, застенчивым, как девушка, Чарльзом Гамильтоном, братом Мелани.
They would swarm around her like bees around a hive, and certainly Ashley would be drawn from Melanie to join the circle of her admirers.	Все они будут виться вокруг нее, как пчелы вокруг цветка, и, само собой разумеется, Эшли покинет Мелани и присоединится к свите ее поклонников.

Then somehow she would maneuver to get a few minutes alone with him, away from the crowd.	Тогда она как-нибудь улучит минутку, чтобы остаться с ним наедине.
She hoped everything would work out that way, because it would be more difficult otherwise.	Она надеялась, что все произойдет именно так, -ведь иначе привести ее план в исполнение будет нелегко.
But if Ashley didn't make the first move, she would simply have to do it herself.	Ну, а уж если Эшли не сделает первого шага, ей просто придется сделать его самой.

When they were finally alone, he would have fresh in his mind the picture of the other men thronging about her, he would be newly impressed with the fact that every one of them wanted her, and that look of sadness and despair would be in his eyes.	А когда они наконец останутся вдвоем, он мысленно все еще будет видеть ее, окруженную роем поклонников, стремящихся добиться ее расположения, и в глазах его снова появится знакомое ей выражение обреченности и боли.
Then she would make him happy again by letting him discover that, popular though she was, she preferred him above any other man in all the world.	И тогда она осчастливит его. Она откроет ему, что для нее, столь для всех желанной, всех на свете желанней он.

And when she admitted it, modestly and sweetly, she would look a thousand things more.	И когда она сделает ему свое признание, он увидит, как она мила и скромна и сколько в ней других бесценных качеств.
Of course, she would do it all in a ladylike way.	Конечно, она сделает это с достоинством, как настоящая леди.
She wouldn't even dream of saying to him boldly that she loved him-that would never do.	Она не собирается бросаться ему на шею с криком: "Я люблю вас!" Это не годится.
But the manner of telling him was a detail that troubled her not at all.	Впрочем, вопрос о том, в какой форме признаться ему в своем чувстве, не слишком ее тревожил.

She had managed such situations before and she could do it again.	Она уже бывала в такого рода положениях не раз, сумеет и теперь.
Lying in the bed with the moonlight streaming dimly over her, she pictured the whole scene in her mind.	Лежа в постели, вся залитая лунным светом, она мысленно рисовала себе эту сцену.
She saw the look of surprise and happiness that would come over his face when he realized that she really loved him, and she heard the words he would say asking her to be his wife.	Перед ней возникало изумленное и счастливое лицо Эшли, внимающего ее любовному признанию, и она слышала его голос, произносящей заветные слова: "Я прошу вас стать моей женой".

Naturally, she would have to say then that she simply couldn't think of marrying a man when he was engaged to another girl, but he would insist and finally she would let herself be persuaded.	Конечно, она ответит, что не может принять предложение человека, помолвленного с другой, но он будет настаивать, и она в конце концов уступит.
Then they would decide to run off to Jonesboro that very afternoon and-	И тогда они примут решение в этот же вечер бежать из дому, добраться до Джонсборо и...
Why, by this time tomorrow night, she might be Mrs. Ashley Wilkes!	Да, завтра в этот час она, быть может, уже станет миссис Эшли Уилкс!

She sat up in bed, hugging her knees, and for a long happy moment she WAS Mrs. Ashley Wilkes-Ashley's bride!	Скарлетт села в постели, обхватив колени руками, и на несколько счастливейших в ее жизни минут почувствовала себя миссис Эшли Уилкс, женой Эшли!
Then a slight chill entered her heart.	А потом легкий холодок сомнения закрался в ее сердце.
Suppose it didn't work out this way?	А что, если не получится так, как она задумала?
Suppose Ashley didn't beg her to run away with him?	Что, если Эшли не предложит ей бежать с ним?
Resolutely she pushed the thought from her mind.	Но она тут же прогнала прочь эту мысль.

"I won't think of that now," she said firmly.	"Не стану думать об этом сейчас, - твердо сказала себе она.
"If I think of it now, it will upset me.	- Начну думать - только еще больше расстроюсь.
There's no reason why things won't come out the way I want them-if he loves me.	Все должно получиться так, как я хочу... если он меня любит.
And I know he does!"	А он любит меня, я это знаю!"
She raised her chin and her pale, black-fringed eyes sparkled in the moonlight.	Она закинула голову, и в ее светлых, в темной оправе ресниц глазах сверкнули отблески луны.

Ellen had never told her that desire and attainment were two different matters; life had not taught her that the race was not to the swift.	Эллин не открыла ей одной простой истины: желать - это еще не значит получить. А жизнь еще не научила тому, что победа не всегда достается тем, кто идет напролом.
She lay in the silvery shadows with courage rising and made the plans that a sixteenyear-old makes when life has been so pleasant that defeat is an impossibility and a pretty dress and a clear complexion are weapons to vanquish fate.	Она лежала в пронизанном лунным сиянием полумраке, и в ней росла уверенность, что все будет хорошо, и она строила смелые планы - как строят их в шестнадцать лет, когда жизнь так прекрасна, что возможность поражения кажется невозможной, а красивое платье в сочетании с нежным цветом лица - залогом победы над судьбой.

CHAPTER V	Глава 5
It was ten o'clock in the morning.	Было десять часов утра.
The day was warm for April and the golden sunlight streamed brilliantly into Scarlett's room through the blue curtains of the wide windows.	На редкость горячее апрельское солнце струило сквозь голубые занавески в спальне Скарлетт золо-тистый поток лучей.

The cream-colored walls glowed with light and the depths of the mahogany furniture gleamed deep red like wine, while the floor glistened as if it were glass, except where the rag rugs covered it and they were spots of gay color.	Солнечные блики играли на кремовых стенах, отражались в темно-красной, как вино, глуби старинной мебели и заставляли пол сверкать точно зеркало там, где их не поглощали пестрые пятна ковров.
Already summer was in the air, the first hint of Georgia summer when the high tide of spring gives way reluctantly before a fiercer heat.	Дыхание лета уже чувствовалось в воздухе - первое дуновение зноя, который придет на смену весне, начинавшей мало-помалу сдавать свои позиции.

A balmy, soft warmth poured into the room, heavy with velvety smells, redolent of many blossoms, of newly fledged trees and of the moist, freshly turned red earth.	В теплых струях, проникавших из сада в комнату, был разлит бархатистый аромат молодой листвы, цветов и влажной, свежевспаханной земли.
Through the window Scarlett could see the bright riot of the twin lanes of daffodils bordering the graveled driveway and the golden masses of yellow jessamine spreading flowery sprangles modestly to the earth like crinolines.	За окнами поражало глаз белоснежное буйство нарциссов, распустившихся по обеим сторонам усыпанной гравием подъездной аллеи, а позади них - пышные, округлые, похожие на юбки с кринолином кусты желтого жасмина склоняли до земли свои отягощенные золотыми цветами ветви.

The mockingbirds and the jays, engaged in their old feud for possession of the magnolia tree beneath her window, were bickering, the jays strident, acrimonious, the mockers sweet voiced and plaintive.	Пересмешники и сойки, занятые извечной борьбой за обладание растущей под окном магнолией, затеяли очередную перебранку: крики соек звучали язвительно и резко, голоса пересмешников - жалобно и певуче.
Such a glowing morning usually called Scarlett to the window, to lean arms on the broad sill and drink in the scents and sounds of Tara.	В такое ослепительное утро Скарлетт обычно сразу подбегала к окну и, положив локти на подоконник, впивала в себя ароматы и звуки Тары.
But, today she had no eye for sun or azure sky beyond a hasty thought,	Но сегодня сияние солнца и лазурь небес пробудили в ней только одну мысль:

"Thank God, it isn't raining."	"Слава богу, дождя не будет!"
On the bed lay the apple-green, watered-silk ball dress with its festoons of ecru lace, neatly packed in a large cardboard box. It was ready to be carried to Twelve Oaks to be donned before the dancing began, but Scarlett shrugged at the sight of it.	На постели стояла картонная коробка с бережно уложенным в нее светло-зеленым муаровым платьем с воланами из кремовых кружев, приготовленным для отправки в Двенадцать Дубов, дабы Скарлетт могла сменить там свой туалет перед балом, но она, скользнув по платью взглядом, лишь пожала плечами.
If her plans were successful, she would not wear that dress tonight.	Если все пойдет так, как она задумала, это платье не понадобится ей сегодня вечером.

Long before the ball began, she and Ashley would be on their way to Jonesboro to be married.	Задолго до начала бала они с Эшли будут уже на пути к Джонсборо, к венцу.
The troublesome question was-what dress should she wear to the barbecue?	Сейчас ее волновал совсем другой вопрос: какое платье надеть на барбекю?
What dress would best set off her charms and make her most irresistible to Ashley?	Какое платье сделает ее особенно неотразимой в глазах Эшли?

Since eight o'clock she had been trying on and rejecting dresses, and now she stood dejected and irritable in lace pantalets, linen corset cover and three billowing lace and linen petticoats.	С восьми часов утра она примеряла то одно, то другое и теперь стояла расстроенная, подавленная, в кружевных панталонах, корсете и в трех пышных полотняных, отделанных кружевом нижних юбках.
Discarded garments lay about her on the floor, the bed, the chairs, in bright heaps of color and straying ribbons.	А отвергнутые платья пестрыми грудами шелка, оборок и лент громоздились вокруг нее на полу, на постели, на стульях.

The rose organdie with long pink sash was becoming, but she had worn it last summer when Melanie visited Twelve Oaks and she'd be sure to remember it.	Розовое платье из оргаиди с длинным ярко-красным поясом, несомненно было ей к лицу, но она надевала его прошлым летом, когда Мелани приезжала в Двенадцать Дубов, и та, конечно, могла его запомнить.
And might be catty enough to mention it.	А значит, ничто не помешает ей съязвить на этот счет.
The black bombazine, with its puffed sleeves and princess lace collar, set off her white skin superbly, but it did make her look a trifle elderly.	Черное бомбазиновое с буфами на рукавах и большим стоячим кружевным воротником выгодно оттеняет ее ослепительную кожу, но нельзя не признаться, что оно ее чуточку старит.

Scarlett peered anxiously in the mirror at her sixteen-year-old face as if expecting to see wrinkles and sagging chin muscles.	Скарлетт озабоченно шагнула к зеркалу и вгляделась в свою шестнадцатилетнюю мордашку, словно боясь увидеть морщины или дряблый подбородок.
It would never do to appear sedate and elderly before Melanie's sweet youthfulness.	Но Мелани так юна и свежа - ни в коем случае нельзя казаться возле нее старше своих лет.
The lavender barred muslin was beautiful with those wide insets of lace and net about the hem, but it had never suited her type.	Сиреневое в полоску муслиновое платье с большими кружевными медальонами и тюлевым воланом красиво, но не в ее стиле.

It would suit Carreen's delicate profile and wishy-washy expression perfectly, but Scarlett felt that it made her look like a schoolgirl. It would never do to appear schoolgirlish beside Melanie's poised self.	Кэррин с ее тонким профилем и бесцветным личиком выглядела бы в нем недурно, сама же она в этом платье будет похожа на школьницу, а это уж никак не годится - походить на школьницу рядом со спокойной, исполненной достоинства Мелани.

The green plaid taffeta, frothing with flounces and each flounce edged in green velvet ribbon, was most becoming, in fact her favorite dress, for it darkened her eyes to emerald. But there was unmistakably a grease spot on the front of the basque.	Клетчатое платье из зеленой тафты, все в мелких оборочках, обшитых по краю зеленой бархатной лентой, шло ей бесподобно, и вообще это было ее любимое платье - когда она его надевала, глаза ее приобретали совсем изумрудный оттенок, - но, увы, спереди на лифе отчетливо виднелось жирное пятно.
Of course, her brooch could be pinned over the spot, but perhaps Melanie had sharp eyes.	Конечно, можно было бы замаскировать пятно, приколов брошь, но как знать, может быть, у Мелани очень зоркий глаз.

There remained varicolored cotton dresses which Scarlett felt were not festive enough for the occasion, ball dresses and the green sprigged muslin she had worn yesterday.	Значит, оставались пестрые ситцевые платья, недостаточно нарядные для такого случая, либо бальные платья, либо зеленое муслиновое в цветочек, которое она надевала вчера.

But it was an afternoon dress. It was not suitable for a barbecue, for it had only tiny puffed sleeves and the neck was low enough for a dancing dress.	Но это было скорее вечернее платье, не слишком подходящее для барбекю, с глубоким вырезом, почти как у бального платья, и крошечными буфами вместо рукавов.

But there was nothing else to do but wear it.	И все же она не видела другого выхода, как оста- новить свой выбор на нем.
After all she was not ashamed of her neck and arms and bosom, even if it was not correct to show them in the morning.	В конце концов, ей не приходится стыдиться своей шеи, плеч и рук, да- же если и не очень при- стало обнажать их с утра.
As she stood before the mirror and twisted herself about to get a side view, she thought that there was absolutely nothing about her figure to cause her shame.	Стоя перед зеркалом, она изогнулась в талии, что- бы оглядеть себя сбоку, и не обнаружила в сво- ей фигуре ни малейшего изъяна.

Her neck was short but rounded and her arms plump and enticing. Her breasts, pushed high by her stays, were very nice breasts.	Не слишком длинная шея была приятно округлой и соблазнительной, как и руки, да и выглядывавшие из корсета груди были очень милы.
She had never had to sew tiny rows of silk ruffles in the lining of her basques, as most sixteen-yearold girls did, to give their figures the desired curves and fullness.	Не в пример многим шестнадцатилетним девчонкам, ей никогда не приходилось пришивать крошечные шелковые оборочки к подкладке лифа, чтобы придать фигуре более пышные формы.

She was glad she had inherited Ellen's slender white hands and tiny feet, and she wished she had Ellen's height, too, but her own height pleased her very well.	Ее радовало, что у нее, как у Эллин, тонкие, длинные кисти рук и маленькие ступни, и, конечно, ей хотелось бы стать такой же высокой, как Эллин, но в общем Скарлетт была вполне довольна своим ростом.
What a pity legs could not be shown, she thought, pulling up her petticoats and regretfully viewing them, plump and neat under pantalets.	Обидно, что платье закрывает ноги, подумала она, приподняв нижние юбки и окидывая взглядом округлые стройные ножки, выглядывавшие из-под панталон.
She had such nice legs.	Что говорить, у нее очень хорошенькие ножки.

Even the girls at the Fayetteville Academy had admitted as much.	Даже девочки в фейетвиллском пансионе всегда ими восхищались.
And as for her waist-there was no one in Fayetteville, Jonesboro or in three counties, for that matter, who had so small a waist.	И уж конечно, такой тонкой талии, как у нее, нет ни у кого, не только в Фейетвилле и Джонсборо, а, пожалуй, и во всех трех графствах, если на то пошло.
The thought of her waist brought her back to practical matters.	Мысль о талии заставила ее вернуться к практическим делам.
The green muslin measured seventeen inches about the waist, and Mammy had laced her for the eighteen-inch bombazine.	Мамушка затянула ее корсет в талии до восемнадцати дюймов - для бомбазинового платья, а зеленое муслиновое требует, чтобы было не больше семнадцати.

Mammy would have to lace her tighter.	Надо велеть ей затянуть потуже.
She pushed open the door, listened and heard Mammy's heavy tread in the downstairs hall.	Скарлетт приотворила дверь, прислушалась: на холла доносилась тяжелая поступь Мамушки.

She shouted for her impatiently, knowing she could raise her voice with impunity, as Ellen was in the smokehouse, measuring out the day's food to Cookie.	Скарлетт нетерпеливо окликнула ее, зная, что в этот час она может как угодно покрикивать на слуг, потому что Эллин сейчас в коптильне -выдает кухарке продукты.
"Some folks thinks as how Ah kin fly," grumbled Mammy, shuffling up the stairs.	- Похоже, кому-то кажется, что у меня за спиной крылья, - проворчала Мамушка, поднимаясь по лестнице.

She entered puffing, with the expression of one who expects battle and welcomes it.	Она с трудом переводила дух, и лицо ее выражало неприкрытую готовность к битве.
In her large black hands was a tray upon which food smoked, two large yams covered with butter, a pile of buckwheat cakes dripping syrup, and a large slice of ham swimming in gravy.	В больших черных руках покачивался поднос, над которым поднимался пар от двух крупных, политых маслом ямсов, груды гречишных оладий в сиропе и большого куска ветчины, плавающего в подливке.
Catching sight of Mammy's burden, Scarlett's expression changed from one of minor irritation to obstinate belligerency.	При виде этой ноши легкое раздражение, написанное на лице Скарлетт, сменилось выражением воинственного упрямства.

In the excitement of trying on dresses she had forgotten Mammy's ironclad rule that, before going to any party, the O'Hara girls must be crammed so full of food at home they would be unable to eat any refreshments at the party.	Волнение, связанное с выбором платья, заставило ее забыть установленное Мамушкой железное правило: прежде чем девочки отправятся в гости, их следует так напичкать едой дома, чтобы там они уже не могли проглотить ни кусочка.
"It's no use.	- Зря притащила.
I won't eat it.	Я не стану есть.
You can just take it back to the kitchen."	Унеси обратно на кухню.
Mammy set the tray on the table and squared herself, hands on hips.	Мамушка поставила поднос на стол, выпрямилась, уперла руки в бока.

"Yas'm, you is!	- Нет, мисс, кушать вы будете!
Ah ain' figgerin' on havin' happen whut happen at dat las' barbecue w'en Ah wuz too sick frum dem chittlins Ah et ter fetch you no tray befo' you went.	Нужно мне больно, чтоб опять трепали языком, как в тот раз: видать, нянька ее дома не покормила!
You is gwine eat eve'y bite of dis."	Все скушайте до последнего кусочка!
"I am not!	- Нет, не стану!
Now, come here and lace me tighter because we are late already.	Поди сюда, затяни мне корсет потуже, я и так опаздываю.
I heard the carriage come round to the front of the house."	Экипаж уже подан - я слышала, как он подъехал.

Mammy's tone became wheedling.	Теперь Мамушка заговорила вкрадчиво:
"Now, Miss Scarlett, you be good an' come eat jes'a lil.	- Ну же, мисс Скарлетт, будьте умницей, поешьте немножко.
Miss Carreen an' Miss Suellen done eat all dey'n."	Кэррин и мисс Сьюлин скушали все до капельки.
"They would," said Scarlett contemptuously. "They haven't any more spirit than a rabbit.	- Еще бы им не скушать, они же трусливые, как Кролики, - презрительно сказала Скарлетт.
But I won't!	- А я не стану.

I'm through with trays.	Убери поднос!

I'm not forgetting the time I ate a whole tray and went to the Calverts' and they had ice cream out of ice they'd brought all the way from Savannah, and I couldn't eat but a spoonful.	Я прекрасно помню, как я уплела все, что ты притащила, а потом у Калвертов было мороженое, для которого они получили лед из самой Саванны, а я не смогла съесть ни ложечки.
I'm going to have a good time today and eat as much as I please."	А сегодня я буду есть в свое удовольствие все, что захочу.
At this defiant heresy, Mammy's brow lowered with indignation.	Такой открытый бунт заставил Мамушку грозно сдвинуть брови.

What a young miss could do and what she could not do were as different as black and white in Mammy's mind; there was no middle ground of deportment between.	Что положено делать воспитанной барышне и чего не положено, было в ее глазах непререкаемо и так же отличалось одно от другого, как белое от черного. Никакой середины тут быть не могло.
Suellen and Carreen were clay in her powerful hands and harkened respectfully to her warning.	Сьюлин и Кэррин были воском в ее мощных руках и внимательно прислушивались к ее наставлениям.
But it had always been a struggle to teach Scarlett that most of her natural impulses were unladylike.	А бот внушить Скарлетт, что почти все ее естественные природные наклонности противоречат требованиям хорошего тона, было нелегко.

Mammy's victories over Scarlett were hard-won and represented guile unknown to the white mind.	Каждая победа, одержанная Мамушкой над Скарлетт, завоевывалась с великим трудом и с помощью различных коварных уловок, недоступных белому уму.
"Ef you doan care 'bout how folks talks 'bout dis fainbly, Ah does," she rumbled.	- Ну, может, вам наплевать, как судачат про вашу семейку, а мне это ни к чему, - ворчала она.
"Ah ain' gwine stand by an' have eve'ybody at de pahty sayin' how you ain' fotched up right.	- Не больно-то приятно слушать, когда про вас, мисс Скарлетт, говорят, что у вас воспитание хромает.
Ah has tole you an' tole you dat you kin allus tell a lady by dat she eat lak a bird.	А уж я ли вам не толковала, что настоящую-то леди всегда видать по тому, как она ест, - клюнет, словно птичка, и все.

An' Ah ain' aimin' ter have you go ter Mist' Wilkes' an' eat lak a fe'el han' an' gobble lak a hawg."	Прямо сказать, не по нутру мне это, не допущу я, чтобы вы у господ Уилксов набросились, как ястреб, на еду и начали хватать с тарелок что ни попадя.
"Mother is a lady and she eats," countered Scarlett.	- Но ведь мама же - леди, а она ест в гостях, -возразила Скарлетт.
"W'en you is mahied, you kin eat, too," retorted Mammy.	- Вот станете замужней дамой и ешьте себе на здоровье, - решительно заявила Мамушка.
"W'en Miss Ellen yo' age, she never et nuthin' w'en she went out, an' needer yo' Aunt Pauline nor yo' Aunt Eulalie.	- А когда мисс Эллин была, как вы, барышней, она ничего не ела в гостях, и ваша тетушка Полин, и тетушка Евлалия - тоже.
An' dey all done mahied.	И все они вышли замуж.

Young misses whut eats heavy mos' gener'ly doan never ketch husbands."	А кто много ест в гостях, тому не видать женихов как своих ушей.

"I don't believe it.	- Неправда!
At that barbecue when you were sick and I didn't eat beforehand, Ashley Wilkes told me he LIKED to see a girl with a healthy appetite."	Как раз на том пикнике, когда ты меня не напичкала заранее, потому что была больна, Эшли Уилкс сказал мне, что ему нравится, если у девушки хороший аппетит.
Mammy shook her head ominously.	Мамушка зловеще покачала головой.
"Whut gempmums says an' whut dey thinks is two diffunt things.	- Одно дело, что жентмуны говорят, а другое - что у них на уме.

An' Ah ain' noticed Mist' Ashley axing fer ter mahy you."	Я что-то не слыхала, чтоб мистер Эшли хотел На вас жениться.
Scarlett scowled, started to speak sharply and then caught herself.	Скарлетт нахмурилась, резкий ответ готов был слететь у нее с языка, но она сдержалась.
Mammy had her there and there was no argument.	Слова Мамушки попали в точку, возразить было нечего.
Seeing the obdurate look on Scarlett's face, Mammy picked up the tray and, with the bland guile of her race, changed her tactics. As she started for the door, she sighed.	Мамушка же, заметив смятенное выражение ее лица, коварно переменила тактику: она взяла поднос и, направляясь к двери, испустила тяжелый вздох.
"Well'm, awright.	- Что ж, будь по-вашему.

Ah wuz tellin' Cookie w'ile she wuz a-fixin' dis tray.	А я-то еще говорила кухарке, когда она собирала поднос:
'You kin sho tell a lady by whut she DOAN eat,' an' Ah say ter Cookie.	"Настоящую леди всегда видать по тому, как она ничего не ест в гостях.
'Ah ain' seed no w'ite lady who et less'n Miss Melly Hamilton did las' time she wuz visitin' Mist' Ashley'- Ah means, visitin' Miss India."	Взять, к примеру, сказала я, мисс Мелли Гамильтон, что приезжала в гости к мистеру Эшли... то бишь - к мисс Индии. Никто не ест меньше ее даже среди самых благородных белых леди".

Scarlett shot a look of sharp suspicion at her, but Mammy's broad face carried only a look of innocence and of regret that Scarlett was not the lady Melanie Hamilton was.	Скарлетт бросила на нее исполненный подозрения взгляд, но широкое лицо Мамушки выражало только искреннее сожаление по поводу того, что Скарлетт далеко до такой настоящей леди, как мисс Мелани Гамильтон.
"Put down that tray and come lace me tighter," said Scarlett irritably.	- Поставь поднос и зашнуруй мне корсет потуже, -с досадой молвила Скарлетт.
"And I'll try to eat a little afterwards.	- Может быть, я перекушу немного потом.
If I ate now I couldn't lace tight enough."	Если я поем сейчас, корсет не затянется.

Cloaking her triumph, Mammy set down the tray.	Не подавая виду, что победа осталась за ней, Мамушка поставила поднос.
"Whut mah lamb gwine wear?"	- А какое платье наденет мой ягненочек?
"That," answered Scarlett, pointing at the fluffy mass of green flowered muslin.	- А вот это, - сказала Скарлетт, указывая на пену зеленого муслина в цветочек.
Instantly Mammy was in arms.	В мгновение ока Мамушка изготовилась к новой схватке.

"No, you ain'.	- Ну уж нет!
It ain' fittin' fer mawnin'.	Совсем негоже этак обряжаться с утра.

You kain show yo' buzzum befo' three o'clock an' dat dress ain' got no neck an' no sleeves.	Кто это выставляет груди напоказ до обеда, а у этого платья ни воротника, ни рукавчиков!
An' you'll git freckled sho as you born, an' Ah ain' figgerin' on you gittin' freckled affer all de buttermilk Ah been puttin' on you all dis winter, bleachin' dem freckles you got at Savannah settin' on de beach.	И веснушки, ей-же-ей, опять высыпят. Вы что, позабыли уж, на что стали похожи летом, как посидели в Саванне на бережку, и сколько я на вас за зиму пахтанья извела?
Ah sho gwine speak ter yo' Ma 'bout you."	Пойду спрошу мисс Эллин, чего она велит вам надеть.

"If you say one word to her before I'm dressed I won't eat a bite," said Scarlett coolly.	- Если ты скажешь ей хоть слово, прежде чем меня оденешь, я не проглочу ни кусочка, -холодно произнесла Скарлетт.
"Mother won't have time to send me back to change once I'm dressed."	- Потом она уже не пошлет меня переодеваться, времени не хватит.
Mammy sighed resignedly, beholding herself outguessed. Between the two evils, it was better to have Scarlett wear an afternoon dress at a morning barbecue than to have her gobble like a hog.	Мамушка снова вздохнула - на этот раз признавая себя побежденной, и выбрала из двух зол меньшее: пусть уж вырядится в вечернее платье с утра - все лучше, чем уплетать за обе щеки за чужим столом.

"Hole onter sumpin' an' suck in yo' breaf," she commanded.	- Ухватитесь за что-нибудь покрепче и втяните живот, - распорядилась она.
Scarlett obeyed, bracing herself and catching firm hold of one of the bedposts.	Скарлетт послушно выполнила приказ, вцепившись обеими руками в спинку кровати.
Mammy pulled and jerked vigorously and, as the tiny circumference of whalebone-girdled waist grew smaller, a proud, fond look came into her eyes.	Мамушка, поднатужившись, затянула шнуровку, и когда тоненькая, зажатая между пластинок из китового уса талия стала еще тоньше, взгляд ее выразил восхищение и гордость.

"Ain' nobody got a wais' lak mah lamb," she said approvingly. "Eve'y time Ah pulls Miss Suellen littler dan twenty inches, she up an' faint."	- Да уж, такой талии, как у моего ягненочка, поискать! - одобрительно промолвила она, -Попробуй затяни так мисс Сьюлин, она тут же -хлоп в обморок!
"Pooh!" gasped Scarlctt, speaking with difficulty.	- Ух! - выдохнула Скарлетт.
"I never fainted in my life."	- Я еще ни разу в жизни не падала в обморок, - с трудом вымолвила она.
"Well, 'twouldn' do no hahm ef you wuz ter faint now an' den," advised Mammy.	- А другой раз не мешает и упасть, -наставительно сказала Мамушка.
"You is so brash sometimes, Miss Scarlett.	- Уж больно-то вы храбрая, мисс Скарлетт.

Ah been aimin' ter tell you, it jes' doan look good de way you doan faint 'bout snakes an' mouses an' sech.	Я давно хотела вам сказать: хорошего мало, ежели вот так-то, как вы, ничего не пугаться - ни тебе змей, ни мышей, ни Чего другого, и не уметь падать в обморок.
Ah doan mean round home but w'en you is out in comp'ny. An' Ah has tole you an'-"	Дома, понятно, оно ни к чему, а вот ежели на людях... Сколько уж я вам толковала...
"Oh, hurry!	- Давай скорей.

Don't talk so much.	Не болтай так много.
I'll catch a husband. See if I don't, even if I don't scream and faint.	Вот посмотришь, я выйду замуж, даже если не буду взвизгивать и лишаться чувств.
Goodness, but my stays are tight!	Господи, до чего ж туго ты меня зашнуровала!

Put on the dress."	Давай сюда платье.
Mammy carefully dropped the twelve yards of green sprigged muslin over the mountainous petticoats and hooked up the back of the tight, low-cut basque.	Мамушка аккуратно расправила двенадцать ярдов зеленого в цветочек муслина поверх торчащих накрахмаленных юбок и принялась застегивать на спине низко вырезанный лиф платья.
"You keep yo' shawl on yo' shoulders w'en you is in de sun, an' doan you go takin' off yo' hat w'en you is wahm," she commanded.	- Упаси вас бог скидать шарф али шляпу, ежели солнце станет припекать, - наказывала она.
"Elsewise you be comin' home lookin' brown lak Ole Miz Slattery.	- Не то вернетесь черная, как старуха Слэттери.

Now, you come eat, honey, but doan eat too fas'.	Ну, теперь поешьте, голубка, только не торопясь.
No use havin' it come right back up agin."	Мало толку, если все пойдет обратно.
Scarlett obediently sat down before the tray, wondering if she would be able to get any food into her stomach and still have room to breathe.	Скарлетт покорно присела к столу, исполненная сомнений: сможет ли она дышать, если проглотит хоть кусочек?
Mammy plucked a large towel from the washstand and carefully tied it around Scarlett's neck, spreading the white folds over her lap.	Мамушка сняла с вешалки большое полотенце, осторожно повязала его Скарлетт на шею и расправила белые складки у нее на коленях.

Scarlett began on the ham, because she liked ham, and forced it down.	Скарлетт принялась сначала за свою любимую ветчину и, хотя и не без труда, проглотила первый кусок.
"I wish to Heaven I was married," she said resentfully as she attacked the yams with loathing. "I'm tired of everlastingly being unnatural and never doing anything I want to do.	- Боже милостивый, поскорее бы уж выйти замуж!- возмущенно заявила она, с отвращением втыкая вилку в яме, - Просто невыносимо вечно придуриваться и никогда не делать того, что хочешь.
I'm tired of acting like I don't eat more than a bird, and walking when I want to run and saying I feel faint after a waltz, when I could dance for two days and never get tired.	Надоело мне притворяться, будто я ем мало, как птичка, надоело степенно выступать, когда хочется побегать, и делать вид, будто у меня кружится голова после тура вальса, когда я легко могу протанцевать двое суток подряд.

I'm tired of saying,	Надоело восклицать:
'How wonderful you are!' to fool men who haven't got one-half the sense I've got, and I'm tired of pretending I don't know anything, so men can tell me things and feel important while they're doing it... I can't eat another bite."	"Как это изумительно!", слушая всякую ерунду, что несет какой-нибудь олух, у которого мозгов вдвое меньше, чем у меня, и изображать из себя круглую дуру, чтобы мужчинам было приятно меня просвещать и мнить о себе невесть что... Не могу я больше съесть ни крошки!
"Try a hot cake," said Mammy inexorably.	- Одну оладушку, пока не простыли, -непреклонно произнесла Мамушка.
"Why is it a girl has to be so silly to catch a husband?"	- Почему девушка непременно должна казаться дурой, чтобы поймать жениха?

"Ah specs it's kase gempmums doan know whut dey wants.	- Да думается мне, это оттого, что жентмуны сами не знают, чего им нужно.
Dey jes' knows whut dey thinks dey wants.	Они только думают, что знают.
An' givin' dem whut dey thinks dey wants saves a pile of mizry an' bein' a ole maid.	Ну, а чтоб не горевать целый век в старых девах, надо делать так, как они хотят.
An' dey thinks dey wants mousy lil gals wid bird's tastes an' no sense at all.	А жентмунам-то кажется, что им нужны тихие маленькие дурочки, у которых и аппетиту и мозгов не больше, чем у птичек.

It doan make a gempmum feel lak mahyin' a lady ef he suspicions she got mo' sense dan he has."	Сдается мне, ни один жентмун не сделает предложения девушке, ежели заметит, что она кое в чем смыслит больше него.
"Don't you suppose men get surprised after they're married to find that their wives do have sense?"	- Значит, для них большая неожиданность, когда они после свадьбы обнаруживают, что их супруги не полные идиотки?
"Well, it's too late den.	- Ну, тогда уж все равно Поздно.
Dey's already mahied. 'sides, gempmums specs dey wives ter have sense."	Они ведь женились уже. Да, сдается мне, жентмуны догадываются малость, что у их жен есть кой-что в голове.

"Some day I'm going to do and say everything I want to do and say, and if people don't like it I don't care."	- Когда-нибудь я стану говорить и делать все, что мне вздумается, и плевать я хотела, если это кому-то придется не по нраву.
"No, you ain'," said Mammy grimly.	- Не бывать этому, - угрюмо сказала Мамушка.
"Not while Ah got breaf.	- Нет, пока я жива.
You eat dem cakes.	Ну, ешьте оладьи.
Sop dem in de gravy, honey."	Да обмакните их в соус, моя ласточка.
"I don't think Yankee girls have to act like such fools.	- Не думаю, чтобы все девушки-янки разыгрывали из себя таких дурочек.

When we were at Saratoga last year, I noticed plenty of them acting like they had right good sense and in front of men, too."	Когда в прошлом году мы были в Саратоге, я заметила, что многие из них проявляли здравый смысл, и притом в присутствии мужчин тоже.
Mammy snorted.	Мамушка фыркнула.
"Yankee gals!	- Янки!
Yas'm, Ah guess dey speaks dey minds awright, but Ah ain' noticed many of dem gittin' proposed ter at Saratoga."	Да уж, мэм, эти янки говорят все, что им взбредет на ум, только что-то я не приметила, чтобы к ним много сватались.
"But Yankees must get married," argued Scarlett.	- Но ведь рано или поздно они все равно выходят замуж, - возразила Скарлетт.
"They don't just grow.	- Янки же не вырастают просто так из-под земли.

They must get married and have children. There's too many of them."	Значит, они выходят за- муж и рожают детей, и притом их там очень много.
"Men mahys dem fer dey money," said Mammy firmly.	- Мужчины женятся на них ради денег, -убеж- денно заявила Мамушка.

Scarlett sopped the wheat cake in the gravy and put it in her mouth.	Скарлетт окунула ку- сок оладьи в соус и от- правила в рот.
Perhaps there was something to what Mammy said.	Может, Мамушка и знает, о чем толкует.

There must be something in it, for Ellen said the same things, in different and more delicate words.	Может, в этом и вправду что-то есть, ведь Эллин в общем-то говорит то же самое, только выражается по-другому, более деликатно.
In fact, the mothers of all her girl friends impressed on their daughters the necessity of being helpless, clinging, doe-eyed creatures.	Да в сущности, матери всех ее подруг внушают своим дочерям, что они должны казаться беспомощными, беззащитными, кроткими, как голубки, неземными существами.
Really, it took a lot of sense to cultivate and hold such a pose.	Ведь не зря же было выработано и так прочно внедряется это притворство!
Perhaps she had been too brash.	Может, она к впрямь вела себя слишком смело?

Occasionally she had argued with Ashley and frankly aired her opinions.	Иной раз она спорила с Эшли и позволяла себе открыто высказывать свое мнение.
Perhaps this and her healthy enjoyment of walking and riding had turned him from her to the frail Melanie.	Что, если это, а также и пристрастие к далеким прогулкам пешком или верхом, оттолкнуло от нее Эшли и заставило обратить внимание на хрупкую Мелани?
Perhaps if she changed her tactics-But she felt that if Ashley succumbed to premeditated feminine tricks, she could never respect him as she now did.	Быть может, поведи она себя по-другому... Однако она чувствовала, что перестанет уважать Эшли, если окажется, что он способен попасться на крючок таких обдуманных женских уловок.

Any man who was fool enough to fall for a simper, a faint and an	Ни один мужчина, который настолько глуп, чтобы приходить в восторг от этого жеманства, притворных обмороков и лицемерных
"Oh, how wonderful you are!" wasn't worth having.	"О, какой вы замечательный!", не стоит того, чтобы за него бороться.
But they all seemed to like it.	И тем не менее, по-видимому, всем мужчинам это нравится.
If she had used the wrong tactics with Ashley in the past-well, that was the past and done with.	Если до сих пор она неправильно вела себя с Эшли... Ну что ж, что было, то было, ничего тут не поделаешь.

Today she would use different ones, the right ones.	С этого дня она попробует по-другому, применит более правильную тактику.
She wanted him and she had only a few hours in which to get him. If fainting, or pretending to faint, would do the trick, then she would faint.	Но в ее распоряжении всего несколько часов, чтобы заполучить его, и если для этого нужно падать в обморок или делать вид, что падаешь, так она это сумеет.
If simpering, coquetry or empty-headedness would attract him, she would gladly play the flirt and be more empty-headed than even Cathleen Calvert.	Если жеманством и наивно-глупым кокетством можно его привлечь, что ж, пожалуйста, она прикинется такой пустоголовой кокеткой, что даст сто очков вперед даже этой безмозглой Кэтлин Калверт.

And if bolder measures were necessary, she would take them.	А если понадобится действовать более смело, она готова и к этому.

Today was the day!	Сегодня или никогда!
There was no one to tell Scarlett that her own personality, frighteningly vital though it was, was more attractive than any masquerade she might adopt.	И, увы, не нашлось человека, который помог бы Скарлетт понять, что все, заложенное в ней от природы, даже ее беспощадная жизненная хватка, куда привлекательнее, чем любая личина, которую она сумеет на себя нацепить.
Had she been told, she would have been pleased but unbelieving.	Впрочем, хотя ей и было бы приятно это услышать, она бы все равно не поверила.

And the civilization of which she was a part would have been unbelieving too, for at no time, before or since, had so low a premium been placed on feminine naturalness.	Да и весь тот мир, плотью от плоти которого она была, тоже не принял бы такого воззрения, ибо простота и непосредственность в женщине никогда не имели большой цены в глазах этих людей.
As the carriage bore her down the red road toward the Wilkes plantation, Scarlett had a feeling of guilty pleasure that neither her mother nor Mammy was with the party.	Пока коляска, поднимая красную пыль, катилась по дороге к Двенадцати Дубам, Скарлетт, не без некоторых угрызений совести, радовалась тому, что ни Эллин, ни" Мамушка не будут присутствовать на барбекю.

There would be no one at the barbecue who, by delicately lifted brows or outthrust underlip, could interfere with her plan of action.	Не будет никого, чьи чуть заметно приподнятые брови или невольно выпяченная нижняя губа могли бы помешать ей привести в исполнение свой план.
Of course, Suellen would be certain to tell tales tomorrow, but if all went as Scarlett hoped, the excitement of the family over her engagement to Ashley or her elopement would more than overbalance their displeasure.	Конечно, Сьюлин наябедничает им завтра, но если осуществится, как задумано, семья будет слишком взволнована ее обручением с Эшли и их бегством, чтобы выражать недовольство ее поведением на барбекю.
Yes, she was very glad Ellen had been forced to stay at home.	И Скарлетт радовало, что Эллин была вынуждена остаться дома.

Gerald, primed with brandy, had given Jonas Wilkerson his dismissal that morning, and Ellen had remained at Tara to go over the accounts of the plantation before he took his departure.	Джералд, с утра подкрепившись бренди, дал Джонасу Уилкерсону расчет, и Эллин осталась дома, чтобы принять у него дела и проверить отчетность.
Scarlett had kissed her mother good-by in the little office where she sat before the tall secretary with its paper-stuffed pigeonholes.	Скарлетт поцеловала мать на прощание в маленьком кабинетике, где Эллин сидела перед высоким, набитым всяческими бумагами секретером.

Jonas Wilkerson, hat in hand, stood beside her, his sallow tight-skinned face hardly concealing the fury of hate that possessed him at being so unceremoniously turned out of the best overseer's job in the County.	Джонас Уилкерсон со шляпой в руке и плохо скрытым выражени-ем бешенства на худом смуглом лице стоял пе-ред нею: шутка ли - так бесцеремонно лишить его столь выгод-ной должности, какой не сыщешь больше во всем графстве!
And all because of a bit of minor philandering.	И все из-за такого пустя-ка, как маленькая ша-лость на стороне.

He had told Gerald over and over that Emmie Slattery's baby might have been fathered by any one of a dozen men as easily as himself-an idea in which Gerald concurred-but that had not altered his case so far as Ellen was concerned.	Сколько он ни старался вдолбить Джералду -который, впрочем, с ним и не спорил, вполне разделяя его точку зрения, - что отцом ребенка Эмми Слэттери с такой же долей вероятия может оказаться любой другой мужчина, это никак не меняло дела в глазах Эллин.
Jonas hated all Southerners.	Джонас пылал ненавистью ко всем южанам.
He hated their cool courtesy to him and their contempt for his social status, so inadequately covered by their courtesy.	Он ненавидел их холодную учтивость и их высокомерное презрение к людям его круга, отчетливо проступавшее сквозь эту учтивость.

He hated Ellen O'Hara above anyone else, for she was the epitome of all that he hated in Southerners.	И с особенной силой ненавидел он Эллин О'Хара, ибо она была олицетворением всего, столь ненавистного ему в южанах.
Mammy, as head woman of the plantation, had remained to help Ellen, and it was Dilcey who rode on the driver's seat beside Toby, the girls' dancing dresses in a long box across her lap.	Мамушка, как главная над всей дворовой челядью тоже осталась, чтобы помогать Эллин, и на козлах, рядом с Тоби, держа на коленях длинную картонку с бальными платьями, восседала Дилси.

Gerald rode beside the carriage on his big hunter, warm with brandy and pleased with himself for having gotten through with the unpleasant business of Wilkerson so speedily.	Джералд верхом на своем могучем гунтере ехал рядом с коляской, разогретый бренди и очень довольный собой: это неприятное дело с увольнением было позади и управился он с ним неожиданно быстро.

He had shoved the responsibility onto Ellen, and her disappointment at missing the barbecue and the gathering of her friends did not enter his mind; for it was a fine spring day and his fields were beautiful and the birds were singing and he felt too young and frolicsome to think of anyone else.	Просто предоставил Эллин довести все до конца, ни на секунду даже не подумав о том, каким", это будет для нее разочарованием - не побывать на барбекю и не повидаться с друзьями. Был прекрасный весенний день, щебетали птицы, вокруг, лаская взор, расстилались земли Тары, и настроение у Джералда было самое игривое: он чувствовал себя молодым, и серьезные мысли не шли ему на ум.
Occasionally he burst out with	Временами его вдруг прорывало какой-нибудь веселой ирландской песенкой, вроде

"Peg in a Lowbacked Car" and other Irish ditties or the more lugubrious lament for Robert Emmet,	"В повозке с верхом откидным" или же меланхолической элегией в честь Роберта Эммета note 3
"She is far from the land where her young hero sleeps."	"На чужой стороне пал бесстрашный герой"...
He was happy, pleasantly excited over the prospect of spending the day shouting about the Yankees and the war, and proud of his three pretty daughters in their bright spreading hoop skirts beneath foolish little lace parasols.	Он был счастлив, с удовольствием предвкушая веселый денек с друзьями, возможность вволю подрать глотку, проклиная янки и призывая на их голову войну, а когда он взгляды-вал на своих трех прелестных дочек в ярких платьях с кринолинами и с этими крошечными дурацкими зонтиками в руках, сердце его преисполнялось гордостью.

He gave no thought to his conversation of the day before with Scarlett, for it had completely slipped his mind.	Вчерашний разговор со Скарлетт нимало его не тревожил, ибо начисто испарился из его памяти.

He only thought that she was pretty and a great credit to him and that, today, her eyes were as green as the hills of Ireland. The last thought made him think better of himself, for it had a certain poetic ring to it, and so he favored the girls with a loud and slightly off-key rendition of	Он просто думал о том, какая она хорошенькая, и как все будут ему завидовать, и что глаза у нее сегодня кажутся такими ярко-зелеными, как холмы Ирландии... И, ощутив в душе поэтическую жилку, он, окончательно возгордившись, осчастливил дочерей громким, хотя и несколько фальшивым исполнением

"The Wearin' o' the Green."	"Увенчав себя зеленым клевером".
Scarlett, looking at him with the affectionate contempt that mothers feel for small swaggering sons, knew that he would be very drunk by sundown.	Скарлетт поглядывала на него снисходительно-насмешливым оком, как мать на маленького хвастунишку-сына. Она знала наперед, что к вечеру он будет мертвецки пьян.

Coming home in the dark, he would try, as usual, to jump every fence between Twelve Oaks and Tara and, she hoped, by the mercy of Providence and the good sense of his horse, would escape breaking his neck.	Возвращаясь домой в полном мраке, он, как всегда, будет пытаться перемахнуть через все изгороди на пути от Двенадцати Дубов к Таре, а ей останется только полагаться на милость Провидения и на здравый смысл лошади и надеяться, что он не свернет себе шеи.

He would disdain the bridge and swim his horse through the river and come home roaring, to be put to bed on the sofa in the office by Pork who always waited up with a lamp in the front hall on such occasions.	Презрев все мосты на свете, он, разумеется, пустит лошадь вплавь через реку и, возвратясь домой, будет орать во всю глотку, требуя, чтобы Порк уложил его спать в кабинете на диване, а Порк, как всегда в этих случаях, уже будет дожидаться его в холле с зажженной лампой в руке.

He would ruin his new gray broadcloth suit, which would cause him to swear horribly in the morning and tell Ellen at great length how his horse fell off the bridge in the darkness- a palpable lie which would fool no one but which would be accepted by all and make him feel very clever.	Он, конечно, приведет в негодность свой новый серый поплиновый костюм и будет страшно чертыхаться поутру, во всех подробностях описывая Эллин, как лошадь угораздило свалиться в темноте с моста в реку, и эта явная ложь будет принята всеми как должное, хотя никто, разумеется, ей не поверит, а он будет чувствовать себя при этом великим хитрецом.

Pa is a sweet, selfish, irresponsible darling, Scarlett thought, with a surge of affection for him.	"Какой же он славный, безответственный, эгоистичный ребенок", - с внезапным приливом нежности подумала Скарлетт.
She felt so excited and happy this morning that she included the whole world, as well as Gerald, in her affection.	Она чувствовала себя такой приятно взволнованной и счастливой сегодня, что ей хотелось обнять и Джералда, и весь мир.

She was pretty and she knew it; she would have Ashley for her own before the day was over; the sun was warm and tender and the glory of the Georgia spring was spread before her eyes.	Она была красива и сознавала это. Нежно пригревало солнце, вокруг во всем своем великолепии блистала весна, и Скарлетт знала, что еще до заката Эшли будет у ее ног.

Along the roadside the blackberry brambles were concealing with softest green the savage red gulches cut by the winter's rains, and the bare granite boulders pushing up through the red earth were being draped with sprangles of Cherokee roses and compassed about by wild violets	Сочно-красная земля в глубоких, размытых зимними дождями придорожных канавах просвечивала сквозь нежную зеленую поросль куманики. Голые глыбы гранитных валунов, разбросанные по красной глине, уже оплетались стеблями, диких роз, а полчища нежно-лиловых фиалок шли в наступление со всех сторон.

Upon the wooded hills above the river, the dogwood blossoms lay glistening and white, as if snow still lingered among the greenery.	Осыпанные белым цветом кизиловые леса на холмах за рекой блистали на солнце, подобно вершинам снежных гор.
The flowering crab trees were bursting their buds and rioting from delicate white to deepest pink and, beneath the trees where the sunshine dappled the pine straw, the wild honeysuckle made a varicolored carpet of scarlet and orange and rose.	Бело-розовое буйство весны увенчало цветами ветви яблонь, а под деревьями, там, куда проникали солнечные лучи, испещренный бликами многоцветный пестрый ковер жимолости отливал пурпурным, оранжевым и алым.

There was a faint wild fragrance of sweet shrub on the breeze and the world smelled good enough to eat.	Легкий ветерок приносил откуда-то тонкий аромат цветущих кустарников, и воздух был так насыщен благоуханием, что его приятный привкус, казалось, можно было ощутить на языке.
"I'll remember how beautiful this day is till I die," thought Scarlett.	"До конца жизни я буду помнить, как прекрасен был этот день! - подумала Скарлетт.
"Perhaps it will be my wedding day!"	- И быть может, он станет днем моего венчанья с Эшли".

And she thought with a tingling in her heart how she and Ashley might ride swiftly through this beauty of blossom and greenery this very afternoon, or tonight by moonlight, toward Jonesboro and a preacher.	И у нее сладко замерло сердце при мысли о том, что сегодня на закате дня она будет скакать верхом бок о бок с Эшли среди этой зеленой многоцветной красы, спеша в Джонсборо, под венец. Или ночью, при луне.
Of course, she would have to be remarried by a priest from Atlanta, but that would be something for Ellen and Gerald to worry about.	Конечно, потом они сыграют настоящую свадьбу в Атланте, но об этом уж позаботятся Эллин и Джералд.

She quailed a little as she thought how white with mortification Ellen would be at hearing that her daughter had eloped with another girl's fiance, but she knew Ellen would forgive her when she saw her happiness.	На мгновение ей стало не по себе, когда перед ней вдруг возникло лицо Эллин, побелевшее от ужаса и стыда при вести о том, что ее дочь бежала с чужим женихом, уведя его из-под венца. Впрочем, Скарлетт не сомневалась, что Эллин простит ее, когда увидит, как она счастлива.
And Gerald would scold and bawl but, for all his remarks of yesterday about not wanting her to marry Ashley, he would be pleased beyond words at an alliance between his family and the Wilkes.	И Джералд, конечно, будет рыдать и браниться на чем свет стоит. Но какие бы он ни приводил вчера доводы против ее брака с Эшли, в душе-то он будет рад-радешенек породниться с Уилксами.

"But that'll be something to worry about after I'm married," she thought, tossing the worry from her.	"И вообще, я успею обо всем этом подумать, когда уже стану его женой", - сказала она себе, отгоняя тревогу прочь.
It was impossible to feel anything but palpitating joy in this warm sun, in this spring, with the chimneys of Twelve Oaks just beginning to show on the hill across the river.	Под этим теплым солнцем, в этот яркий весенний день, когда вдали на холме за рекой уже показались печные трубы Двенадцати Дубов, таким трепетным предвкушением счастья была полна ее душа, что в ней не оставалось места для других чувств.

"I'll live there all my life and I'll see fifty springs like this and maybe more, and I'll tell my children and my grandchildren how beautiful this spring was, lovelier than any they'll ever see."	"Здесь я буду жить весь остаток моих дней, и пятьдесят, а может, и больше весен будут приходить одна на смену другой, и я расскажу моим детям и внукам, как прекрасна была эта весна - прекрасней всех, какие были и будут на земле".

She was so happy at this thought that she joined in the last chorus of	И мысль эта переполнила ее такой радостью, что она невольно подхватила припев
"The Wearin' o' the Green" and won Gerald's shouted approval.	"Зеленого клевера", заслужив этим шумное одобрение Джералда.

"I don't know why you're so happy this morning," said Suellen crossly, for the thought still rankled in her mind that she would look far better in Scarlett's green silk dancing frock than its rightful owner would.	- Чему это ты так радуешься сегодня с утра? -сварливо заметила Сьюлин, которая все еще злилась из-за того, что зеленое шелковое бальное платье Скарлетт было бы куда больше к лицу ей, чем его законной обладательнице.
And why was Scarlett always so selfish about lending her clothes and bonnets?	И почему Скарлетт всегда такая жадная - ни-почем не даст поносить ни платья, ни шляпки?
And why did Mother always back her up, declaring green was not Suellen's color?	И почему мама всегда берет сторону Скарлетт и утверждает, что ей, Сьюлин, не идет зеленый цвет?

"You know as well as I do that Ashley's engagement is going to be announced tonight.	- Тебе ведь не хуже моего известно, что сегодня будет "оглашена помолвка Эшли.
Pa said so this morning.	Папа мне с утра сказал.
And I know you've been sweet on him for months."	А я-то знаю, что ты уже не первый месяц сохнешь по нему.
"That's all you know," said Scarlett, putting out her tongue and refusing to lose her good humor.	- А больше, ты ничего не знаешь? - отпарировала Скарлетт и показала ей язык. Она не даст испортить себе настроение в такой день.
How surprised Miss Sue would be by this time tomorrow morning!	Интересно, что скажет мисс Сьюлин в это время завтра!

"Susie, you know that's not so," protested Carreen, shocked.	- Это же неправда, Сьюзи! - возразила шокированная ее словами Кэррин.
"It's Brent that Scarlett cares about."	- Скарлетт нравится не он, а Брент.
Scarlett turned smiling green eyes upon her younger sister, wondering how anyone could be so sweet.	Смеющиеся зеленые глаза Скарлетт скользнули по лицу младшей сестренки: эта ангельская доброта была для нее просто непостижима.
The whole family knew that Carreen's thirteen- year-old heart was set upon Brent Tarleton, who never gave her a thought except as Scarlett's baby sister.	Каждому человеку в доме было известно, что тринадцатилетняя Кэрри отдала свое сердце Бренту Тарлтону, хотя для него она всего-навсего младшая сестренка Скарлетт, и только.

When Ellen was not present, the O'Haras teased her to tears about him.	И за спиной Эллин все остальные члены семьи постоянно дразнили ее этим, доводя до слез.
"Darling, I don't care a thing about Brent," declared Scarlett, happy enough to be generous.	- Я и думать забыла о Брейте, моя дорогая, - заявила Скарлетт, от полноты своего счастья проявляя великодушие.
"And he doesn't care a thing about me.	- А он я думать забыл обо мне.
Why, he's waiting for you to grow up!"	Он ждет, когда ты подрастешь.
Carreen's round little face became pink, as pleasure struggled with incredulity.	Круглое личико Кэррин порозовело: радость боролась в ней с недоверием.
"Oh, Scarlett, really?"	- Что ты, Скарлетт! Неужели правда!

"Scarlett, you know Mother said Carreen was too young to think about beaux yet, and there you go putting ideas in her head."	- Ты же знаешь, Скарлетт, что говорит мама? Кэррин еще слишком мала, чтобы думать о поклонниках. Зачем ты морочишь ей голову?
"Well, go and tattle and see if I care," replied Scarlett.	- Ну и ступай, наябедничай, мне наплевать.
"You want to hold Sissy back, because you know she's going to be prettier than you in a year or so."	Ты хочешь, чтобы она всегда ходила в малышках, потому что знаешь: через год-два она, как подрастет станет красивее тебя.
"You'll be keeping civil tongues in your heads this day, or I'll be taking me crop to you," warned Gerald.	- Придержи-ка хоть сегодня свой язык, не то отведаешь у меня хлыста; - предостерег Скарлетт отец.

"Now whist!	- Тихо мне!
Is it wheels I'm hearing?	Слышите - колеса гремят?
That'll be the Tarletons or the Fontaines."	Верно. Тарлтоны или Фонтейны.
As they neared the intersecting road that came down the thickly wooded hill from Mimosa and Fairhill, the sound of hooves and carriage wheels became plainer and clamorous feminine voices raised in pleasant dispute sounded from behind the screen of trees.	Они приближались к пересечению с дорогой, спускавшейся по лесистому склону от Мимозы и Прекрасных Холмов, и из-за высокой, плотной стены деревьев стал отчетливее доноситься стук копыт, скрип колес и веселый гомон женских голосов.

Gerald, riding ahead, pulled up his horse and signed to Toby to stop the carriage where the two roads met.	Джералд, ехавший чуть впереди, натянул поводья и сделал Тоби знак остановить коляску у перекрестка.
"'Tis the Tarleton ladies," he announced to his daughters, his florid face abeam, for excepting Ellen there was no lady in the County he liked more than the red-haired Mrs. Tarleton.	- Это Тарлтонские дамы, - сообщил он дочери, и его румяное лицо расцвело в улыбке, так как из всех женщин в округе рыжеволосая миссис Тарлтон пользовалась у него наибольшей симпатией, не считая, разумеется, Эллин.
"And 'tis herself at the reins.	- И небось сама хозяйка на козлах.
Ah, there's a woman with fine hands for a horse!	Да уж, эта женщина умеет править лошадьми!

Feather light and strong as rawhide, and pretty enough to kiss for all that.	Легкая, как перышко, а крепка, что твоя сыромятная плеть, и чертовски недурна к тому же.
More's the pity none of you have such hands," he added, casting fond but reproving glances at his girls. "With Carreen afraid of the poor beasts and Sue with hands like sadirons when it comes to reins and you, Puss-"	Можно только пожалеть, что всем вам, с вашими нежными ручками, далеко до нее, - добавил он, окинув неодобрительным взглядом дочерей, -Кэррин - та вообще боится бедных лошадок, словно диких зверей, у Сью руки делаются как крюки, стоит ей взяться за вожжи, да и ты, к кошечка...
"Well, at any rate I've never been thrown," cried Scarlett indignantly.	- Ну, меня-то, по крайней мере, еще ни одна лошадь не сбросила, - возмущенно воскликнула Скарлетт.

"And Mrs. Tarleton takes a toss at every hunt."	- А миссис Тарлтон на каждой охоте вылетает из седла.
"And breaks a collar bone like a man," said Gerald.	- И, сломав ключицу, держится как настоящий мужчина, - сказал Джералд.
"No fainting, no fussing.	- Ни обмороков, ни ахов-охов.

Now, no more of it, for here she comes."	Ладно, хватит, вот она едет.

He stood up in his stirrups and took off his hat with a sweep, as the Tarleton carriage, overflowing with girls in bright dresses and parasols and fluttering veils, came into view, with Mrs. Tarleton on the box as Gerald had said.	Приподнявшись на стременах, он снял шляпу и приветственно взмахнул ею над головой, когда коляска Тарлтонов - все девушки в ярких платьях, с развевающимися вуалями, с зонтиками от солнца, миссис Тарлтон, как и предрекал Джералд, на козлах - показалась из-за поворота.
With her four daughters, their mammy and their ball dresses in long cardboard boxes crowding the carriage, there was no room for the coachman.	Да для кучера и не хватило бы места: четыре дочки, мать, няня и куча длинных картонок с бальными платьями заполняли всю коляску.

And, besides, Beatrice Tarleton never willingly permitted anyone, black or white, to hold reins when her arms were out of slings.	К тому же Беатриса Тарлтон с неохотой отдавала вожжи в чужие - будь то белые, будь то черные -руки, если ее собственные не были в лубках.
Frail, fine-boned, so white of skin that her flaming hair seemed to have drawn all the color from her face into its vital burnished mass, she was nevertheless possessed of exuberant health and untiring energy.	Хрупкая, узкобедрая и такая белокожая, словно ее огненно-рыжие волосы впитали в себя все краски, отпущенные ей природой, она обладала цветущим здоровьем и неутомимой энергией.

She had borne eight children, as red of hair and as full of life as she, and had raised them most successfully, so the County said, because she gave them all the loving neglect and the stern discipline she gave the colts she bred.	Родив восьмерых детей, таких же огненно-рыжих и жизнестойких, как она сама, миссис Тарлтон, по мнению графства, неплохо сумела их воспитать, дрессируя совершенно так же, как своих любимых жеребят, - строго, любовно и не слишком стесняя их свободу.
"Curb them but don't break their spirits," was Mrs. Tarleton's motto.	"Держи в узде, но не превращай в слюнтяев" -таков был ее девиз.
She loved horses and talked horses constantly.	Лошади были ее страстью, и о них она могла говорить не умолкая.
She understood them and handled them better than any man in the County.	Она знала в них толк и умела с ними обходиться не хуже любого мужчины в графстве.

Colts overflowed the paddock onto the front lawn, even as her eight children overflowed the rambling house on the hill, and colts and sons and daughters and hunting dogs tagged after her as she went about the plantation.	Жеребята резвились на выгоне, и на газоне перед домом, а восемь ее отпрысков носились по всему звеневшему от их криков дому на холме, и в каком бы уголке плантации ни показалась миссис Тарлтон, за ней неизменно следовала целая свита мальчишек, девчонок, жеребят и гончих.

She credited her horses, especially her red mare, Nellie, with human intelligence; and if the cares of the house kept her busy beyond the time when she expected to take her daily ride, she put the sugar bowl in the hands of some small pickaninny and said:	Все лошади, а в особенности гнедая кобыла Нелли, обладали, по ее словам, недюжинным умом, и если какие-либо хлопоты по дому задерживали хозяйку позже установленного для верховой прогулки часа, она говорила, вручая одному из негритят сахарницу:
"Give Nellie a handful and tell her I'll be out terrectly."	- Ступай, отнеси Нелли и скажи ей, что я буду, как только управлюсь.

Except on rare occasions she always wore her riding habit, for whether she rode or not she always expected to ride and in that expectation put on her habit upon arising.	Почти всегда, за редчайшим исключением, она носила амазонку, ибо если не сидела верхом, то в любую минуту готова была вскочить в седло и потому, встав со сна, сразу же приводила себя в боевую готовность.

Each morning, rain or shine, Nellie was saddled and walked up and down in front of the house, waiting for the time when Mrs. Tarleton could spare an hour away from her duties.	Каждое утро, хоть в ведро, хоть в ненастье, Нелли седлали и прогуливали перед домом, ожидая, когда миссис Тарлтон улучит часок для верховой езды.

But Fairhill was a difficult plantation to manage and spare time hard to get, and more often than not Nellie walked up and down riderless hour after hour, while Beatrice Tarleton went through the day with the skirt of her habit absently looped over her arm and six inches of shining boot showing below it.	Но управлять плантацией Прекрасные Холмы было делом нешуточным, урвать свободную минуту тоже не так-то легко, так что Беатриса Тарлтон, небрежно перекинув шлейф амазонки через руку и сверкая начищенными сапогами, мелькала по дому.

Today, dressed in dull black silk over unfashionably narrow hoops, she still looked as though in her habit, for the dress was as severely tailored as her riding costume and the small black hat with its long black plume perched over one warm, twinkling, brown eye was a replica of the battered old hat she used for hunting.	И сегодня в темном шелковом платье с небольшим не по моде, кринолином она выглядела так, словно и на этот раз надела амазонку, ибо платье было, в сущности, такого же строгого покроя а маленькая черная шляпка с длинным черным пером, слегка сдвинутая набок над карим смеющимся глазом, казалась точной копией потрепанного старого котелка, в котором миссис Тарлтон обычно выезжала на охоту.

She waved her whip when she saw Gerald and drew her dancing pair of red horses to a halt, and the four girls in the back of the carriage leaned out and gave such vociferous cries of greeting that the team pranced in alarm.	Увидав Джералда, она помахала ему хлыстом и осадила пару своих игривых гнедых лошадок, а четыре девушки, перегнувшись через борт коляски, огласили воздух такими громкими приветственными кликами, что испуганная упряжка затанцевала на месте.
To a casual observer it would seem that years had passed since the Tarletons had seen the O'Haras, instead of only two days.	Стороннему наблюдателю могло показаться, что Тарлтоны встретились с О'Хара никак не после двухдневной, а по меньшей мере после многолетней разлуки.

But they were a sociable family and liked their neighbors, especially the O'Hara girls.	Это была приветливая, общительная семья, очень расположенная к своим соседям и особенно к девочкам О'Хара.
That is, they liked Suellen and Carreen.	Точнее говоря - к Сьюлин и Кэррин.
No girl in the County, with the possible exception of the empty-headed Cathleen Calvert, really liked Scarlett.	Ни одна девушка во всей округе - разве что за исключением глупышки Кэтлин Калверт не испытывала симпатии к Скарлетт О'Хара.

In summers, the County averaged a barbecue and ball nearly every week, but to the red-haired Tarletons with their enormous capacity for enjoying themselves, each barbecue and each ball was as exciting as if it were the first they had ever attended.	Летом пикники и балы устраивались в округе почти каждую неделю, но рыжеволосые Тарлтоны, с их непревзойденной способностью веселиться от души, радовались любому балу и любому пикнику так, словно он был первым в их жизни.

They were a pretty, buxom quartette, so crammed into the carriage that their hoops and flounces overlapped and their parasols nudged and bumped together above their wide leghorn sun hats, crowned with roses and dangling with black velvet chin ribbons. All shades of red hair were represented beneath these hats, Hetty's plain red hair, Camilla's strawberry blonde, Randa's coppery auburn and small Betsy's carrot top	Они с трудом разместились в коляске - эти четыре миловидные цветущие девушки в пышных платьях с кринолинами и воланами, никак не вмещавшимися в экипаж и торчащими над колесами, в больших соломенных шляпах, украшенных розами и завязанных под подбородком черными бархатными лентами, с зонтиками в руках то и дело приходившими в столкновение из-за недостатка места Все оттенка рыжих кудрей выглядывали из-под шляп: ярко-рыжие - у Хэтти, светлые, рыжевато-золотистые - у Камиллы каштановые, отливающие бронзой, у Рэнды и почти морковной, красные у маленькой Бетси.

"That's a fine bevy, Ma'm," said Gerald gallantly, reining his horse alongside the carriage.	- Какой прелестный рой бабочек, мэм, - галантно произнес Джералд, поравнявшись с коляской.
"But it's far they'll go to beat their mother."	- Но всем им далеко до их матушки.
Mrs. Tarleton rolled her red-brown eyes and sucked in her lower lip in burlesqued appreciation, and the girls cried, "Ma, stop making eyes or we'll tell Pa!"	Золотисто-карие глаза миссис Тарлтон насмешливо округлились но она так задорно закусила нижнюю губу, что это можно было принять за поощрение, и дочки закричали хором, перебивая - Ма, перестань строить глазки мистеру О'Хара, не то мы все расскажем папе!

"I vow, Mr. O'Hara, she never gives us a chance when there's a handsome man like you around!"	- Право же, мистер О'Хара, стоит появиться интересному мужчине, вроде вас, как она тут же старается его у нас отбить!
Scarlett laughed with the rest at these sallies but, as always, the freedom with which the Tarletons treated their mother came as a shock.	Скарлетт смеялась их шуткам вместе со всеми, но, как всегда фамильярное обращение тарлтонских барышень со своей матерью шокировало ее.
They acted as if she were one of themselves and not a day over sixteen.	Они держали себя с ней, как с ровней, словно ей тоже было от силы шестнадцать лет.

To Scarlett, the very idea of saying such things to her own mother was almost sacrilegious.	Одна мысль о том, что можно разговаривать в таком тоне с Эллин, казалась Скарлетт кощунственной.
And yet-and yet-there was something very pleasant about the Tarleton girls' relations with their mother, and they adored her for all that they criticized and scolded and teased her.	И все же... и все же было что-то необыкновенно притягательное в отношениях, существовавших между миссис Тарлтон и ее дочками: они ведь боготворили мать, хотя и позволяли себе подтрунивать над ней и критиковать ее и дразнить.

Not, Scarlett loyally hastened to tell herself, that she would prefer a mother like Mrs. Tarleton to Ellen, but still it would be fun to romp with a mother.	Нет, конечно, - заговорило в Скарлетт тотчас пробудившееся чувство привязанности, - это вовсе не значит, что такая мать, как миссис Тарлтон, кажется ей чем-то лучше Эллин... Просто забавно было бы пошалить и порезвиться с мамой.
She knew that even that thought was disrespectful to Ellen and felt ashamed of it.	Но она устыдилась такой мысли, почувствовав даже в этом какое-то неуважение к Эллин.

She knew no such troublesome thoughts ever disturbed the brains under the four flaming thatches in the carriage and, as always when she felt herself different from her neighbors, an irritated confusion fell upon her.	Она знала, что ни под одну из этих соломен- ных шляпок, колыхав- шихся там, над коляс- кой, подобные мысли никогда не заполза- ют, и чувство досады и неясного беспокой- ства охватило ее, как бывало всякий раз, ко- гда она замечала свою несхожесть с други- ми.

Quick though her brain was, it was not made for analysis, but she half-consciously realized that, for all the Tarleton girls were as unruly as colts and wild as March hares, there was an unworried single-mindedness about them that was part of their inheritance.	Наделенная от природы живым, но неспособным к анализу умом, она все же подсознательно чувствовала, что взбалмошные, как дикие кошки, и своевольные, как необъезженные кобылицы, девочки Тарлтон отличаются вместе с тем какой-то необычайной цельностью.
On both their mother's and their father's side they were Georgians, north Georgians, only a generation away from pioneers.	И отец и мать их были уроженцами Джорджии, Северной Джорджии, прямыми потомками пионеров этого края.
They were sure of themselves and of their environment.	Это придавало им уверенность в себе и устойчивость их образу жизни.

They knew instinctively what they were about, as did the Wilkeses, though in widely divergent ways, and in them there was no such conflict as frequently raged in Scarlett's bosom where the blood of a softvoiced, overbred Coast aristocrat mingled with the shrewd, earthy blood of an Irish peasant.	Они инстинктивно, но так же отчетливо, как Уилксы, знали, к чему стремятся, только стремления их были направлены совсем на другое. Их никогда не раздирали противоречия, так часто терзавшие Скарлетт, в жилах которой кровь сдержанной, утонченной аристократки восточного побережья Атлантики смешалась с кровью жизнелюбивого, смышленого ирландского земледельца.

Scarlett wanted to respect and adore her mother like an idol and to rumple her hair and tease her too.	Скарлетт, преклонявшейся перед матерью и обожествлявшей ее, хотелось порой растрепать ей прическу и какой-нибудь дерзостью вывести ее из себя.
And she knew she should be altogether one way or the other.	И вместе с тем она понимала, что одно несовместимо с другим.

It was the same conflicting emotion that made her desire to appear a delicate and high-bred lady with boys and to be, as well, a hoyden who was not above a few kisses.	Двойственность ее проявлялась также и в том, что ей хотелось казаться своим поклонникам хорошо воспитанной, утонченной молодой леди и в то же время - этаким задорным бесенком, который не прочь позволить поцеловать себя разок-другой.
"Where's Ellen this morning?" asked Mrs. Tarleton.	- А где же Эллин? - спросила миссис Тарлтон.
"She's after discharging our overseer and stayed home to go over the accounts with him.	- Ей надо уволить нашего управляющего, и она осталась дома, чтобы принять у него отчет.
Where's himself and the lads?"	А где сам и мальчики?

"Oh, they rode over to Twelve Oaks hours ago- to sample the punch and see if it was strong enough, I dare say, as if they wouldn't have from now till tomorrow morning to do it!	- Они уже давно ускакали в Двенадцать Дубов -дегустировать пунш, достаточно ли он, видите ли, крепок.
I'm going to ask John Wilkes to keep them overnight, even if he has to bed them down in the stable.	Можно подумать, что до завтрашнего утра у них не хватит на это времени. Придется попросить Джона Уилкса, чтобы он пристроил их куда-нибудь на ночь, хоть в конюшню.

Five men in their cups are just too much for me.	Пять пьяных мужчин в доме - это, знаете ли, тяжеловато для меня.
Up to three, I do very well but-"	С тремя я еще могу управиться, но уж...

Gerald hastily interrupted to change the subject.	Джералд поспешил переменить предмет разговора.
He could feel his own daughters snickering behind his back as they remembered in what condition he had come home from the Wilkeses' last barbecue the autumn before.	Он чувствовал, как дочки хихикают у него за спиной, вспоминая, в каком состоянии возвратился домой их отец от Уилксов с последнего пикника прошлой осенью.
"And why aren't you riding today, Mrs. Tarleton?	- А почему вы сегодня не в седле, миссис Тарлтон?
Sure, you don't look yourself at all without Nellie.	Я вас как-то не привык видеть без вашей Нелли.
It's a stentor, you are."	Вы же настоящая Бавкирия.

"A stentor, me ignorant broth of a boy!" cried Mrs. Tarleton, aping his brogue.	- Валькирия вы, может быть, хотели сказать, мой дорогой неуч, - воскликнула миссис Тарлтон, ловко подражая его ирландскому говору.
"You mean a centaur.	- Так как на Бавкиду-то я уж никак не похожа, разумеется.
Stentor was a man with a voice like a brass gong."	Это была не женщина, а цветочек.
"Stentor or centaur, 'tis no matter," answered Gerald, unruffled by his error.	- Ну, Валькирия так Валькирия, какая разница, -ничуть не смутившись своей ошибки, отвечал Джералд.

"And 'tis a voice like brass you have, Ma'm, when you're urging on the hounds, so it is."	- Я хочу сказать, что когда вы на охоте и гоните собак, так любой мужчина позавидует вашей посадке и вашему голосу.
"That's one on you, Ma," said Betty.	- Ну, что, мама, получила? - сказала Хэтти.
"I told you you yelled like a Comanche whenever you saw a fox."	- Сколько раз я тебе говорила, что ты дерешь глотку, как команч, стоит тебе завидеть лисицу.
"But not as loud as you yell when Mammy washes your ears," returned Mrs. Tarleton.	- Да ты визжишь еще громче, когда няня моет тебе уши, - не осталась в долгу миссис Тарлтон.
"And you sixteen!	- А ведь тебе шестнадцать стукнуло!

Well, as to why I'm not riding today, Nellie foaled early this morning."	Ну, а не в седле я потому, что Нелли сегодня утром, ожеребилась.
"Did she now!" cried Gerald with real interest, his Irishman's passion for horses shining in his eyes, and Scarlett again felt the sense of shock in comparing her mother with Mrs. Tarleton.	- Вот как! - с неподдельным интересом воскликнул Джералд - страстный, как все ирландцы, лошадник, и у него заблестели глаза, а Скарлетт снова была шокирована, невольно сравнив миссис Тарлтон со своей матерью.
To Ellen, mares never foaled nor cows calved. In fact, hens almost didn't lay eggs.	Ведь для Эллин кобылы никогда не жеребятся, а коровы не телятся, да, в сущности, и куры едва ли несут яйца.
Ellen ignored these matters completely.	Эллин полностью игнорировала эти факты жизни.

But Mrs. Tarleton had no such reticences.	Ну, а миссис Тарлтон вовсе не свойственна была такая стыдливость.

"A little filly, was it?"	- И кто у нее - кобылка?
"No, a fine little stallion with legs two yards long.	- Нет, чудесный жеребеночек, ноги в два ярда длиной.
You must ride over and see him, Mr. O'Hara.	Непременно приезжайте поглядеть на него, мистер О'Хара.
He's a real Tarleton horse.	Это настоящий племенной тарлтоновский жеребец.
He's as red as Hetty's curls."	Рыжий, совсем как кудри у нашей Хэтти.

"And looks a lot like Betty, too," said Camilla, and then disappeared shrieking amid a welter of skirts and pantalets and bobbing hats, as Betty, who did have a long face, began pinching her.	- Да он и вообще вылитая Хэтти, - сказала Камилла и тут же с визгом исчезла в каскаде юбок, панталон и слетевших на сторону шляп, так как Хэтти, удлиненным овалом лица и впрямь напоминавшая лошадку, бросилась на нее, пытаясь ущипнуть.
"My fillies are feeling their oats this morning," said Mrs. Tarleton.	- Мои девочки так расшалились с утра, что их просто не унять, - сказала миссис Тарлтон.
"They've been kicking up their heels ever since we heard the news this morning about Ashley and that little cousin of his from Atlanta.	- Это известие о помолвке Эшли с его кузиночкой из Атланты почему-то привело их в телячий восторг.
What's her name?	Как, кстати, ее зовут?

Melanie?	Мелани?
Bless the child, she's a sweet little thing, but I can never remember either her name or her face.	Славная крошка, но, хоть убей, не могу запомнить ни имени ее, ни лица.
Our cook is the broad wife of the Wilkes butler, and he was over last night with the news that the engagement would be announced tonight and Cookie told us this morning.	Наша кухарка замужем за их дворецким, и он вчера сообщил ей, что помолвка будет оглашена сегодня вечером, ну, а кухарка утром сказала об этом нам.
The girls are all excited about it, though I can't see why.	Девчонок это страшно разволновало, хотя совершенно непонятно - почему.

Everybody's known for years that Ashley would marry her, that is, if he didn't marry one of his Burr cousins from Macon.	Всем давным-давно было известно, что Эшли женится на ней, если, конечно, не выберет себе в жены какую-нибудь другую из своих кузин, дочек Бэрра из Мейкона.
Just like Honey Wilkes is going to marry Melanie's brother, Charles.	А Милочка Уилкс выйдет замуж за брата Мелани - Чарльза.
Now, tell me, Mr. O'Hara, is it illegal for the Wilkes to marry outside of their family?	Объясните мне, мистер О'Хара, что им мешает жениться на ком-нибудь, кроме своих родственников?
Because if-"	Потому как...
Scarlett did not hear the rest of the laughing words.	Скарлетт уже не слышала конца этой со смехом произнесенной фразы.

For one short instant, it was as though the sun had ducked behind a cool cloud, leaving the world in shadow, taking the color out of things.	На мгновение солнце, казалось, скрылось за тучей, все вокруг потемнело, и мир утратил краски.

The freshly green foliage looked sickly, the dogwood pallid, and the flowering crab, so beautifully pink a moment ago, faded and dreary.	Молодая листва приобрела какой-то зловещий оттенок, кизиловые деревья поблекли, и дикая яблоня, вся в цвету, такая нежно-розовая минуту назад, уныло поникла.
Scarlett dug her fingers into the upholstery of the carriage and for a moment her parasol wavered.	Скарлетт вонзила ногти в обивку сиденья, и зонтик, который она держала над головой, задрожал в ее руке.

It was one thing to know that Ashley was engaged but it was another to hear people talk about it so casually.	Одно дело - знать, что Эшли помолвлен, и совсем другое дело - слышать, как кто-то так небрежно, вскользь, упоминает об этом.
Then her courage flowed strongly back and the sun came out again and the landscape glowed anew.	Но усилием воли она не позволила себе пасть духом, и снова весело заблистало солнце, возродив к жизни окружающую природу.
She knew Ashley loved her.	Она ведь знает, что Эшли любит ее.
That was certain.	В этом не может быть сомнения.

And she smiled as she thought how surprised Mrs. Tarleton would be when no engagement was announced that night-how surprised if there were an elopement. And she'd tell neighbors what a sly boots Scarlett was to sit there and listen to her talk about Melanie when all the time she and Ashley- She dimpled at her own thoughts and Betty, who had been watching sharply the effect of her mother's words, sank back with a small puzzled frown.	И она улыбнулась при мысли о том, как изумится миссис Тарлтон, когда оглашение помолвки не состоится, и как еще больше изумится, узнав об их с Эшли тайном побеге, и будет говорить всем, какая это продувная девчонка, Скарлетт, - сидела и словно ни в чем не бывало слушала про помолвку Мелани, в то время как они с Эшли уже давно... При этой мысли ямочки на ее щеках заиграли, и Хэтти, внимательно следившая, какое впечатление произведут на Скарлетт слова матери, откинулась на спинку сиденья, недоуменно наморщив лоб.

"I don't care what you say, Mr. O'Hara," Mrs. Tarleton was saying emphatically. "It's all wrong, this marrying of cousins.	- Нет, что вы ни говорите, мистер О'Хара, -настойчиво продолжала миссис Тарлтон, - а все эти браки между двоюродными братьями и сестрами совершеннейшая нелепость.
It's bad enough for Ashley to be marrying the Hamilton child, but for Honey to be marrying that pale-looking Charles Hamilton-"	Мало того, что Эшли женится на этой малютке Г амильтон, но чтоб еще и Милочка вышла замуж за этого худосочного Чарльза Гамильтона...
"Honey'll never catch anybody else if she doesn't marry Charlie," said Randa, cruel and secure in her own popularity.	- Да если она не выйдет за Чарльза, то так и останется старой девой, - безжалостно сказала Рэнда, исполненная спокойного сознания, что ей-то уж такая участь никак не грозит.

"She's never had another beau except him.	- За ней же никогда никто не ухаживал, кроме него.
And he's never acted very sweet on her, for all that they're engaged.	И он-то - не похоже, чтобы был в нее влюблен, хоть они и помолвлены.
Scarlett, you remember how he ran after you last Christmas-"	Ты помнишь, Скарлетт, как он приударял за тобой на прошлых рождественских праздниках?
"Don't be a cat, Miss," said her mother.	- Придержите свой скверный язык, мисс, - осадила ее мать.
"Cousins shouldn't marry, even second cousins.	- И все же не следует жениться на двоюродных и даже троюродных сестрах.

It weakens the strain.	Это приводит к вырождению.

It isn't like horses.	Люди не лошади.
You can breed a mare to a brother or a sire to a daughter and get good results if you know your blood strains, but in people it just doesn't work.	Можно вывести породу, повязав кобылу с ее братом, если он хороший производитель, или с отцом, но с людьми это дело не пройдет.
You get good lines, perhaps, but no stamina.	Экстерьер, может, будет и неплох, но ни силы, ни выносливости не жди.
You-"	Вы...
"Now, Ma'm, I'm taking issue with you on that!	- Тут мы с вами, пожалуй, поспорим, мэм.
Can you name me better people than the Wilkes?	Много ли можете вы назвать мне людей лучше Уилксов?

And they've been intermarrying since Brian Boru was a boy."	А они заключают внутрисемейные браки с тех пор, как Брайан Бору был еще совсем мальчишкой.
"And high time they stopped it, for it's beginning to show.	- Вот и пора это прекратить: результаты-то начинают сказываться.
Oh, not Ashley so much, for he's a good-looking devil, though even he- But look at those two washed-out- looking Wilkes girls, poor things!	На Эшли это еще не так заметно - он, конечно, чертовски привлекательный малый, хотя, впрочем, и он... Но вы поглядите на этих двух бедных девочек Уилкс - что за бесцветные, малокровные создания!
Nice girls, of course, but washed out.	Они славные девчушки, спору нет, но какие же безжизненные!

And look at little Miss Melanie.	А эта малютка мисс Мелани!
Thin as a rail and delicate enough for the wind to blow away and no spirit at all.	Тоненькая, как былиночка, - ветер дунет, и нет ее. И никакого темперамента.
Not a notion of her own.	И ни малейшего проявления личности.
'No, Ma'm!' 'Yes, Ma'm!' That's all she has to say.	"Да, мэм! Нет, мэм!" Ни слова от нее больше не добьешься.
You see what I mean?	Вы понимаете, что я хочу сказать?

That family needs new blood, fine vigorous blood like my red heads or your Scarlett.	В эту семью нужно влить новую кровь - хорошую, сильную кровь для потомства. Такую, как у моих рыжеволосых сорванцов или у вашей Скарлетт.
Now, don't misunderstand me.	Только не поймите меня неправильно.
The Wilkes are fine folks in their way, and you know I'm fond of them all, but be frank!	Уилксы по-своему очень славные люди, и я их всех люблю, но будем откровенны!
They are overbred and inbred too, aren't they?	Слишком уж они утонченные, они вырождаются. Разве не так?

They'll do fine on a dry track, a fast track, but mark my words, I don't believe the Wilkes can run on a mud track.	На добром ипподроме в солнечный день они могут показать неплохую резвость, но на трудной дороге я на Уилксов не поставлю.

I believe the stamina has been bred out of them, and when the emergency arises I don't believe they can run against odds.	Вырождение обескровило их, лишило стойкости, и случись какая-нибудь катастрофа, им не выстоять в неравной борьбе.
Dry-weather stock.	Это изнеженное племя.
Give me a big horse who can run in any weather!	А мне подавай такую лошадь, которая вынесет меня в любую погоду!

And their intermarrying has made them different from other folks around here.	И смотрите, как они не похожи на весь здешний народ, - это все результат их родственных союзов.
Always fiddling with the piano or sticking their heads in a book.	Вечно сидят, уткнувшись в книгу, или бренчат на рояле.
I do believe Ashley would rather read than hunt!	Ручаюсь, Эшли всегда предпочтет книгу охоте!
Yes, I honestly believe that, Mr. O'Hara!	Ей-богу! Хотите поспорим, мистер О'Хара?
And just look at the bones on them. Too slender.	И поглядите, какие они все узкоплечие, узкобедрые.

They need dams and sires with strength-"	Им нужны хорошие производители и женщины с горячей кровью.
"Ah-ah-hum," said Gerald, suddenly and guiltily aware that the conversation, a most interesting and entirely proper one to him, would seem quite otherwise to Ellen.	- Хм, да, да, - смущенно пробормотал Джеральд, до сознания которого вдруг дошло, что этот чрезвычайно интересный и вполне, на его взгляд, приличный разговор, вероятно, показался бы совсем неуместным его жене.
In fact, he knew she would never recover should she learn that her daughters had been exposed to so frank a conversation.	Да, узнай Эллин, что в присутствии ее дочерей шла беседа на столь откровенную тему, она не оправилась бы от этого Потрясения до конца своей жизни.

But Mrs. Tarleton was, as usual, deaf to all other ideas when pursuing her favorite topic, breeding, whether it be horses or humans.	Но миссис Тарлтон, как обычно, не было дела до чужих взглядов, Тем более что она уже се-ла на своего любимого конька - выведение хо-рошей породы. Людей ли, лошадей ли - все едино.
"I know what I'm talking about because I had some cousins who married each other and I give you my word their children all turned out as popeyed as bullfrogs, poor things.	- Поверьте, я знаю, что говорю. У меня тоже есть кузен, который женился на своей ку-зине, так поглядели бы вы на их детей! Все как один пучеглазые, что твои лягушки, бедные крошки!

And when my family wanted me to marry a second cousin, I bucked like a colt.	И когда мои родители вздумали выдать меня за моего троюродного братца, я брыкалась и лягалась, как молодая кобыла.
I said,	Я сказала:
'No, Ma. Not for me.	"Нет, мама, это не для меня.
My children will all have spavins and heaves.'	Не хочу, чтобы у моих детей были ветры и вздутые животы или костный шпат".
Well, Ma fainted when I said that about spavins, but I stood firm and Grandma backed me up.	Мать лишилась чувств, когда я сказала про ветры, но я стояла насмерть, и бабушка меня поддержала.

She knew a lot about horse breeding too, you see, and said I was right.	Она, понимаете, тоже знала толк в лошадях и в выведении породы и заявила, что я права.

And she helped me run away with Mr. Tarleton.	И помогла мне бежать с мистером Тарлтоном.
And look at my children!	А теперь поглядите на моих детей!
Big and healthy and not a sickly one or a runt among them, though Boyd is only five feet ten.	Все здоровые, крепкие, ни одного заморыша или недомерка, хотя в Бойде, правду сказать, только пять футов десять дюй-мов.
Now, the Wilkes-"	А вот Уилксы...

"Not meaning to change the subject, Ma'm," broke in Gerald hurriedly, for he had noticed Carreen's bewildered look and the avid curiosity on Suellen's face and feared lest they might ask Ellen embarrassing questions which would reveal how inadequate a chaperon he was.	- Да бог с ними, мэм! - торопливо перебил ее Джералд, перехватив растерянный взгляд Кэррин и заметив, с каким жадным любопытством прислушивается к их разговору Сьюлин. Чего доброго, начнут еще приставать к Эллин с глупыми вопросами, и тогда сразу вскроется, какой никудышной оказался он дуэньей.
Puss, he was glad to notice, appeared to be thinking of other matters as a lady should.	Одна только Скарлетт, - с удовлетворением отметил он про себя, - казалось, витала мыслями где-то далеко, как и подобает благовоспитанной леди.

Betty Tarleton rescued him from his predicament.	Хэтти Тарлтон неожиданно пришла к нему на выручку:
"Good Heavens, Ma, do let's get on!" she cried impatiently.	- Ну, поехали же, ма! Сколько мы будем тут стоять! - нетерпеливо воскликнула она.
"This sun is broiling me and I can just hear freckles popping out on my neck."	- Я уже совсем испеклась на солнце, просто чувствую, как на шее проступают веснушки.
"Just a minute, Ma'm, before you go," said Gerald.	- Одну минуточку, пока вы не уехали, мэм, -сказал Джералд.
"But what have you decided to do about selling us the horses for the Troop?	- Что вы решили насчет продажи лошадей для нашего Эскадрона?

War may break any day now and the boys want the matter settled.	Война может начаться со дня на день, и ребята хотят, чтобы этот вопрос был решен.
It's a Clayton County troop and it's Clayton County horses we want for them.	Это же Эскадрон графства Клейтон, и, значит, лошади для него тоже должны быть из графства Клейтон.
But you, obstinate creature that you are, are still refusing to sell us your fine beasts."	Но вас, упрямица вы этакая, мы все никак не можем уломать: продайте же нам ваших красавцев.
"Maybe there won't be any war," Mrs. Tarleton temporized, her mind diverted completely from the Wilkeses' odd marriage habits.	- Да, может, еще и не будет никакой войны, -старалась выиграть время миссис Тарлтон, сразу позабыв о странных матримониальных обычаях семейства Уилксов.

"Why, Ma'm, you can't-"	- Нет, мэм, вы уж не...
"Ma," Betty interrupted again, "can't you and Mr. O'Hara talk about the horses at Twelve Oaks as well as here?"	- Ма, - снова вмешалась Хэтти, - разве нельзя поговорить с мистером О'Хара о лошадях не на дороге, а в Двенадцати Дубах?
"That's just it, Miss Betty," said Gerald.	- В этом-то все и дело, мисс Хэтти, что нельзя, -сказал Джералд.

"And I won't be keeping you but one minute by the clock.	- Но я задержу вас лишь на минуту.
We'll be getting to Twelve Oaks in a little bit, and every man there, old and young, wanting to know about the horses.	Сейчас мы приедем в Двенадцать Дубов, и все мужчины там, от мала до велика, первым делом, спросят про лошадей.

Ah, but it's breaking me heart to see such a fine pretty lady as your mother so stingy with her beasts!	А у меня просто сердце кровью обливается, когда я вижу, что столь прелестная благородная дама, как ваша матушка, и вдруг так держится за своих лошадок!
Now, where's your patriotism, Mrs. Tarleton?	Да где же ваш патриотизм, миссис Тарлтон!
Does the Confederacy mean nothing to you at all?"	Или уж Конфедерация пустой для вас звук?
"Ma," cried small Betsy,	- Ма! - закричала вдруг Бетси, младшая из дочерей.
"Randa's sitting on my dress and I'm getting all wrinkled."	- Рэнда села мне на платье, оно теперь будет все мятое!

"Well, push Randa off you, Betsy, and hush.	- Вытащи его из-под Рэнды и перестань голосить!
Now, listen to me, Gerald O'Hara," she retorted, her eyes beginning to snap.	А вы, Джералд О'Хара, послушайте, что я вам скажу! - Глаза миссис Тарлтон сверкнули.
"Don't you go throwing the Confederacy in my face!	- Может быть, вы не будете указывать мне мой долг перед Конфедерацией?
I reckon the Confederacy means as much to me as it does to you, me with four boys in the Troop and you with none.	У меня четверо сыновей стали под ружье, а у вас ни одного, так что, думается мне, Конфедерация для меня не меньше значит, чем для вас.

But my boys can take care of themselves and my horses can't.	Но мои мальчики могут сами постоять за себя, а мои лошади не могут.
I'd gladly give the horses free of charge if I knew they were going to be ridden by boys I know, gentlemen used to thoroughbreds.	Я бы с радостью отдала вам своих лошадей даже бесплатно, если бы знала тех, кто будет сидеть на них в седле, если бы знала, что это джентльмены, понимающие толк в чистокровных скакунах.
No, I wouldn't hesitate a minute.	Да я бы ни минуты тогда не колебалась!
But let my beauties be at the mercy of backwoodsmen and Crackers who are used to riding mules!	Но чтоб мои красавцы попали в руки каких-то дикарей, каких-то голодранцев, умеющих обращаться только с мулами?

No, sir!	Нет, сэр, этому не бывать!
I'd have nightmares thinking they were being ridden with saddle galls and not groomed properly.	Да меня всю ночь будут мучить кошмары при мысли, что за ними плохо ходят и седлают их, невзирая на нагнеты.
Do you think I'd let ignorant fools ride my tender-mouthed darlings and saw their mouths to pieces and beat them till their spirits were broken?	И вы могли подумать, что я позволю каким-то невежественным мужланам скакать на моих красавцах, стегать их хлыстом и раздирать им рот удилами до тех пор, пока их гордый дух не будет сломлен?
Why, I've got goose flesh this minute, just thinking about it!	Господи, да у меня при одной мысли об этом мурашки по спине бегут!

No, Mr. O'Hara, you're mighty nice to want my horses, but you'd better go to Atlanta and buy some old plugs for your clodhoppers.	Нет, мистер О'Хара, я, конечно, польщена, что вам пришлись по вкусу мои лошадки, но придется вам поехать в Атланту и купить там каких-нибудь старых одров для ваших деревенских пахарей.
They'll never know the difference."	Они все равно не заметят разницы.
"Ma, can't we please go on?" asked Camilla, joining the impatient chorus.	- Ма, может быть, поедем, наконец? -присоединилась на сей раз и Камилла к хору нетерпеливых голосов.
"You know mighty well you're going to end up giving them your darlings anyhow.	- Ты же прекрасно знаешь, чем это кончится. Ты все равно рано или поздно отдашь им своих любимцев.

When Pa and the boys get through talking about the Confederacy needing them and so on, you'll cry and let them go."	Когда па и мальчишки прожужжат тебе все уши о том, как у них там в Конфедерации не хватает лошадей, ты заплачешь и отдашь.
Mrs. Tarleton grinned and shook the lines.	Миссис Тарлтон усмехнулась и шевельнула вожжи.
"I'll do no such thing," she said, touching the horses lightly with the whip.	- Никогда этому не бывать, - сказала она и легонько пощекотала лошадь кнутом.
The carriage went off swiftly.	Коляска резво покатила по дороге.
"That's a fine woman," said Gerald, putting on his hat and taking his place beside his own carriage.	- Чудо что за женщина! - сказал Джералд, надел шляпу и вернулся к своему экипажу.

"Drive on, Toby.	- Ну, поехали, Тоби!
We'll wear her down and get the horses yet.	Я ее еще доконаю и раздобуду-таки лошадей.
Of course, she's right.	Конечно, она права.
She's right.	Права.
If a man's not a gentleman, he's no business on a horse.	Если человек не джентльмен, нечего ему лезть в седло.
The infantry is the place for him.	Его место на пашне.
But more's the pity, there's not enough planters' sons in this County to make up a full troop.	Тем более обидно, что из одних только сыновей плантаторов никак не сколотишь в этом графстве Эскадрона.

What did you say, Puss?"	Что ты сказала, котенок?
"Pa, please ride behind us or in front of us.	- Па, будь добр, поезжай либо позади нас, либо впереди.
You kick up such a heap of dust that we're choking," said Scarlett, who felt that she could endure conversation no longer.	Мы просто задыхаемся, такую ты поднимаешь пыль! - сказала Скарлетт, чувствуя, что она не в силах больше поддерживать разговор.
It distracted her from her thoughts and she was very anxious to arrange both her thoughts and her face in attractive lines before reaching Twelve Oaks.	Это отвлекало ее, а ей надо было собраться с мыслями и придать нужное выражение своему лицу, прежде чем коляска подъедет к Двенадцати Дубам.

Gerald obediently put spurs to his horse and was off in a red cloud after the Tarleton carriage where he could continue his horsy conversation.	Джералд послушно дал шпоры коню и скрылся в облаках красной пыли, устремясь следом за тарлтоновским экипажем, чтобы продолжить разговор о лошадях.
CHAPTER VI	Глава 6
They crossed the river and the carriage mounted the hill.	Они переправились по мосту на тот берег и стали Подниматься в гору.

Even before Twelve Oaks came into view Scarlett saw a haze of smoke hanging lazily in the tops of the tall trees and smelled the mingled savory odors of burning hickory logs and roasting pork and mutton.	Дом еще не был виден, но Скарлетт заметила голубоватый дымок, лениво стлавшийся над кронами высоких деревьев, и вдохнула аппетитный пряный запах жарящихся на вертеле бараньих и свиных туш и горящих пекановых поленьев.
The barbecue pits, which had been slowly burning since last night, would now be long troughs of rose-red embers, with the meats turning on spits above them and the juices trickling down and hissing into the coals.	Ямы для барбекю были вырыты еще с вечера, и в них медленно тлели багрово-алые поленья, над которыми на длинных вертелах висели туши, и жир с шипеньем капал на раскаленные угли.

Scarlett knew that the fragrance carried on the faint breeze came from the grove of great oaks in the rear of the big house.	Скарлетт знала, что ароматы, приносимые легким ветерком, долетают сюда из старой дубовой рощи за домом.
John Wilkes always held his barbecues there, on the gentle slope leading down to the rose garden, a pleasant shady place and a far pleasanter place, for instance, than that used by the Calverts.	Там, на невысоком пригорке, полого спускавшемся к розарию, Джон Уилкс обычно устраивал свои барбекю. Это было приятное тенистое местечко, куда более уютное, чем то, что облюбовали для своих пикников Калверты.

Mrs. Calvert did not like barbecue food and declared that the smells remained in the house for days, so her guests always sweltered on a flat unshaded spot a quarter of a mile from the house.	Миссис Калверт не любила приготовленного на вертелах мяса и утверждала, что запах его не выветривается из комнат сутками, и ее гости обычно пеклись на солнце на небольшой открытой лужайке в четверти мили от дома.
But John Wilkes, famed throughout the state for his hospitality, really knew how to give a barbecue.	Но Джон Уилкс, славящийся на весь штат своим гостеприимством, по-настоящему знал толк в таких вещах.

The long trestled picnic tables, covered with the finest of the Wilkeses' linen, always stood under the thickest shade, with backless benches on either side; and chairs, hassocks and cushions from the house were scattered about the glade for those who did not fancy the benches.	Длинные столы - доски, положенные на козлы и покрытые тончайшими полотняными скатертями из уилксовских кладовых, - всегда устанавливались в густой тени. Вдоль столов -простые скамейки без спинок, а для тех, кому скамейки могли оказаться не по вкусу, по всей поляне были разбросаны принесенные из дома стулья, пуфики и подушки.

At a distance great enough to keep the smoke away from the guests were the long pits where the meats cooked and the huge iron wash-pots from which the succulent odors of barbecue sauce and Brunswick stew floated.	Туши жарились на вертелах в отдалении - так, чтобы дым не обеспокоил гостей, - и там же стояли огромные чугунные котлы, над которыми плавал сочный аромат соусов для мяса и подливки по-брауншвейгски.
Mr. Wilkes always had at least a dozen darkies busy running back and forth with trays to serve the guests.	Не меньше дюжины негров бегали с подносами туда и сюда, обслуживая гостей.

Over behind the barns there was always another barbecue pit, where the house servants and the coachmen and maids of the guests had their own feast of hoecakes and yams and chitterlings, that dish of hog entrails so dear to negro hearts, and, in season, watermelons enough to satiate.	А за амбарами была вырыта еще одна яма, для другого барбекю - там обычно пировала домашняя прислуга, кучера и служанки гостей, наедаясь до отвала кукурузными лепешками, ямсом и свиными рубцами, столь дорогими сердцу каждого негра, а в сезон сбора овощей - и арбузами.

As the smell of crisp fresh pork came to her, Scarlett wrinkled her nose appreciatively, hoping that by the time it was cooked she would feel some appetite.	Почуяв вкусный запах свежих свиных шкварок, Скарлетт чуть сморщила носик, теша себя надеждой, что к тому времени, когда мясо будет готово, у нее уже разыграется аппетит.
As it was she was so full of food and so tightly laced that she feared every moment she was going to belch.	А пока что она была напичкана едой до отвала и притом так затянута в корсет, что ежеминутно боялась, как бы не рыгнуть.
That would be fatal, as only old men and very old ladies could belch without fear of social disapproval.	Этим можно погубить все - ведь лишь очень пожилые мужчины и дамы могли себе позволить такое, не упав в глазах общества.

They topped the rise and the white house reared its perfect symmetry before her, tall of columns, wide of verandas, flat of roof, beautiful as a woman is beautiful who is so sure of her charm that she can be generous and gracious to all.	Подъем закончился, и белое здание открылось их глазам во всей гармонии своих безукоризненных пропорций - с высокими колоннами, широкими верандами и плоской кровлей, - горделивое и равнодушное, как женщина, которая, зная силу своих чар, щедра и приветлива ко всем.
Scarlett loved Twelve Oaks even more than Tara, for it had a stately beauty, a mellowed dignity that Gerald's house did not possess.	Скарлетт любила Двенадцать Дубов за величавую, спокойную красу, любила, казалось ей, сильнее даже, чем отчий дом.

The wide curving driveway was full of saddle horses and carriages and guests alighting and calling greetings to friends.	На полукружии широкой подъездной аллеи было уже тесно от экипажей и верховых лошадей. Г ости громко приветствовали друг друга, спускаясь на землю из коляски или спрыгивая с седла.
Grinning negroes, excited as always at a party, were leading the animals to the barnyard to be unharnessed and unsaddled for the day.	Черные слуги, взбудораженные, как всегда, приездом гостей, уводили лошадей на скотный двор, чтобы выпрячь их и расседлать.

Swarms of children, black and white, ran yelling about the newly green lawn, playing hopscotch and tag and boasting how much they were going to eat.	Тучи ребятишек, белых и черных, носились по свежей зелени газона - кто играл в чехарду, кто в пятнашки, и каждый хвалился перед другими, сколько и чего сможет съесть.

The wide hall which ran from front to back of the house was swarming with people, and as the O'Hara carriage drew up at the front steps, Scarlett saw girls in crinolines, bright as butterflies, going up and coming down the stairs from the second floor, arms about each other's waists, stopping to lean over the delicate handrail of the banisters, laughing and calling to young men in the hall below them.	Просторный, во всю ширину дома, холл был уже полон гостей, и когда коляска О'Хара остановилась у парадного входа, у Скарлетт зарябило в глазах: девушки в ярких платьях с кринолинами, словно пестрый рой мотыльков, заполняли лестницу, ведущую на второй этаж, -одни поднимались, другие спускались по ней, обняв друг друга за талию, или, перегнувшись через резные перила, со смехом кричали что-то молодым людям, стоявшим внизу, в холле.

Through the open French windows, she caught glimpses of the older women seated in the drawing room, sedate in dark silks as they sat fanning themselves and talking of babies and sicknesses and who had married whom and why.	В распахнутые настежь высокие стеклянные двери видны были женщины постарше, в темных платьях, степенно сидевшие в гостиной, обмахиваясь веерами; они вели неспешную беседу о детях, о болезнях, о том, кто, когда и за кого вышел замуж и почему.

The Wilkes butler, Tom, was hurrying through the halls, a silver tray in his hands, bowing and grinning, as he offered tall glasses to young men in fawn and gray trousers and fine ruffled linen shirts.	В холле дворецкий Уилксов Тос с серебряным подносом в руках, уставленным высокими бокалами, учтиво улыбаясь и кланяясь, обносил напитками молодых людей в светло-серых и светло-коричневых бриджах и тонких с гофрированными манишками рубашках.
The sunny front veranda was thronged with guests.	Залитая солнцем веранда перед домом была заполнена гостями.
Yes, the whole County was here, thought Scarlett.	Похоже, съехались со всей округи, подумала Скарлетт.

The four Tarleton boys and their father leaned against the tall columns, the twins, Stuart and Brent, side by side inseparable as usual, Boyd and Tom with their father, James Tarleton.	Все четверо братьев Тарлтонов вместе с отцом стояли, прислонясь к высоким колоннам: близнецы, Стюарт и Брент, поодаль, неразлучные как всегда; Бойд и Том - возле отца.
Mr. Calvert was standing close by the side of his Yankee wife, who even after fifteen years in Georgia never seemed to quite belong anywhere.	Мистер Калверт стоял подле своей жены-янки, у которой даже теперь, после пятнадцати лет, прожитых в Джорджии, по-прежнему был какой-то неприкаянный вид.

Everyone was very polite and kind to her because he felt sorry for her, but no one could forget that she had compounded her initial error of birth by being the governess of Mr. Calvert's children.	Ему было неловко за нее, и потому все старались быть с ней как можно любезнее и предупредительнее, и все же никто не мог забыть, что, помимо изначальной, совершенной ею в момент появления на свет ошибки, она была еще и гувернанткой детей мистера Калверта.
The two Calvert boys, Raiford and Cade, were there with their dashing blonde sister, Cathleen, teasing the dark-faced Joe Fontaine and Sally Munroe, his pretty bride-to-be.	Сыновья Калверта, Рейфорд и Кейд, тоже были здесь со своей шальной белокурой сестрицей Кэтлин, уже принявшейся поддразнивать смуглолицего Джо Фонтейна очаровательную Салли Маяро, которую прочили ему в жены.

Alex and Tony Fontaine were whispering in the ears of Dimity Munroe and sending her into gales of giggles.	Алекс и Тони Фонтейны что-то нашептывали в уши Димити Манро, и она то и дело прыскала со сме- ху.
There were families from as far as Lovejoy, ten miles away, and from Fayetteville and Jonesboro, a few even from Atlanta and Macon.	Здесь были и семьи, при- бывшие издалека - из Лавджоя, за десять миль отсюда, и из Фейетвил- ла и Джонсборо, и даже несколько семейств из Ат- ланты и Мейкона.

The house seemed bursting with the crowd, and a ceaseless babble of talking and laughter and giggles and shrill feminine squeaks and screams rose and fell.	Толпа гостей, казалось, заполнила дом до отказу, и над ней - то чуть затихая, то усиливаясь - звучал неумолчный гул голосов, пронзительные женские возгласы, смех.
On the porch steps stood John Wilkes, silver-haired, erect, radiating the quiet charm and hospitality that was as warm and never failing as the sun of Georgia summer.	На Ступеньках веранды стоял Джон Уилкс, стройный, седовласый, излучая радушие, столь же неизменно теплое, как летнее солнце Джорджии.

Beside him Honey Wilkes, so called because she indiscriminately addressed everyone from her father to the field hands by that endearment, fidgeted and giggled as she called greetings to the arriving guests.	Рядом с ним Милочка Уилкс, получившая это прозвище из-за своей неискоренимой привычки ко всем, начиная с отца и кончая последним негром на плантации, обращаться не иначе как с присовокуплением этого ласкового словечка, вертелась от волнения во все стороны, улыбалась и нервно хихикала, принимая гостей.

Honey's nervously obvious desire to be attractive to every man in sight contrasted sharply with her father's poise, and Scarlett had the thought that perhaps there was something in what Mrs. Tarleton said, after all.	Суетливое, неприкрытое стремление Милочки понравиться каждому мужчине, попавшему в поле ее зрения, особенно бросалось в глаза по сравнению с исполненными достоинства манерами ее отца, и у Скарлетт мелькнула мысль, что, пожалуй, в словах миссис Тарлтон есть все же какая-то доля правды.
Certainly the Wilkes men got the family looks.	В этом семействе красота досталась в удел только мужчинам.

The thick deep-gold lashes that set off the gray eyes of John Wilkes and Ashley were sparse and colorless in the faces of Honey and her sister India.	Густые золотисто-бронзовые ресницы, так красиво обрамлявшие светло-серые глаза Джона Уилкса и Эшли, выродились в редкие бесцветные волоски, украшавшие веки Милочки и ее сестры Индии.
Honey had the odd lashless look of a rabbit, and India could be described by no other word than plain.	Это почти полное отсутствие ресниц придавало глазам Милочки какое-то сходство с кроличьими. А про Индию и говорить нечего, она была просто некрасива, и все тут.
India was nowhere to be seen, but Scarlett knew she probably was in the kitchen giving final instructions to the servants.	Индии нигде не было видно, но Скарлетт знала, что она скорее всего на кухне - отдает последние распоряжения по хозяйству.

Poor India, thought Scarlett, she's had so much trouble keeping house since her mother died that she's never had the chance to catch any beau except Stuart Tarleton, and it certainly wasn't my fault if he thought I was prettier than she.	"Бедняжка Индия, - подумала Скарлетт, - после смерти матери на нее обрушилось столько дел по дому, что, конечно, где уж ей было поймать жениха; хорошо хоть, что Стюарт Тарлтон подвернулся, а если он находит меня красивее ее, я-то здесь при чем?"
John Wilkes came down the steps to offer his arm to Scarlett.	Джон Уилкс спустился с веранды, чтобы предложить Скарлетт руку.

As she descended from the carriage, she saw Suellen smirk and knew that she must have picked out Frank Kennedy in the crowd.	Выходя из коляски, Скарлетт видела, как Сьюлин расцвела улыбкой. "Верно, заприметила среди гостей Франка Кеннеди", - подумала Скарлетт.
If I couldn't catch a better beau than that old maid in britches! she thought contemptuously, as she stepped to the ground and smiled her thanks to John Wilkes.	"Нет уж, у меня будет жених получше этой старой девы в штанах", - высокомерно решила она, не забыв при этом поблагодарить Джона Уилкса улыбкой.

Frank Kennedy was hurrying to the carriage to assist Suellen, and Suellen was bridling in a way that made Scarlett want to slap her.	А Франк Кеннеди уже спешил к коляске, чтобы помочь Сьюлин, и Скарлетт захотелось дать сестре пинка в зад, потому что Сьюлин загораживала ей дорогу.

Frank Kennedy might own more land than anyone in the County and he might have a very kind heart, but these things counted for nothing against the fact that he was forty, slight and nervous and had a thin ginger-colored beard and an old-maidish, fussy way about him.	Конечно, у Франка Кеннеди столько земли, как ни у кого в графстве, и очень может быть, что у него доброе сердце, но какое все это имеет значение, когда ему уже стукнуло сорок и у него жидкая рыжеватая бороденка, хилый вид и какая-то странная, суетливая, как у старой девы, манера держать себя.

However, remembering her plan, Scarlett smothered her contempt and cast such a flashing smile of greeting at him that he stopped short, his arm outheld to Suellen and goggled at Scarlett in pleased bewilderment.	Тем не менее, вспомнив выработанный ею план действий, Скарлетт подавила в себе чувство брезгливого презрения и одарила Франка такой ослепительной улыбкой, что он на мгновение застыл на месте с протянутой к Сьюлин рукой, обрадованно и оторопело глядя на Скарлетт.
Scarlett's eyes searched the crowd for Ashley, even while she made pleasant small talk with John Wilkes, but he was not on the porch.	Скарлетт, продолжая мило болтать с Джоном Уилксом, окинула взглядом толпу гостей в надежде увидеть среди них Эшли, но его на веранде не было.

There were cries of greeting from a dozen voices and Stuart and Brent Tarleton moved toward her.	Со всех сторон раздались приветствия, а Стюарт и Брент тотчас направились к ней.
The Munroe girls rushed up to exclaim over her dress, and she was speedily the center of a circle of voices that rose higher and higher in efforts to be heard above the din.	Барышни Манро начали ахать и охать, разглядывая ее платье, и вскоре она уже была окружена, и все что-то восклицали, стараясь перекричать друг друга, и шум все рос и рос.
But where was Ashley?	Но где же Эшли?
And Melanie and Charles?	И Мелани? И Чарльз?

She tried not to be obvious as she looked about and peered down the hall into the laughing group inside.	Она посматривала украдкой по сторонам и старалась незаметно заглянуть в холл, откуда доносились взрывы смеха.

As she chattered and laughed and cast quick glances into the house and the yard, her eyes fell on a stranger, standing alone in the hall, staring at her in a cool impertinent way that brought her up sharply with a mingled feeling of feminine pleasure that she had attracted a man and an embarrassed sensation that her dress was too low in the bosom.	Смеясь, болтая и время от времени бросая взгляд то, в сад, то в холл, она заметила, что какой-то незнакомый мужчина, стоя несколько поодаль от остальных гостей, не сводит с нее глаз и так холодно-беззастенчиво ее разглядывает, что это невольно заставляло насторожиться. Она испытала странное смешанное чувство: ее женское тщеславие было польщено - ведь она явно привлекла к себе внимание незнакомца, - но к этому примешивалось смущение, так как она вдруг отчетливо осознала, что лиф ее платья вырезан слишком глубоко.

He looked quite old, at least thirty-five. He was a tall man and powerfully built.	Незнакомец был уже не юноша - высокий, атлетически сложенный мужчина на вид лет тридцати пяти, не меньше.
Scarlett thought she had never seen a man with such wide shoulders, so heavy with muscles, almost too heavy for gentility.	Скарлетт подумала, что ни у кого не видела таких широких плеч, такой мускулистой фигуры -пожалуй, даже слишком мускулистой для человека из общества.
When her eye caught his, he smiled, showing animal-white teeth below a close-clipped black mustache.	Когда глаза их встретились, незнакомец улыбнулся, и в его белозубой улыбке под темной ниточкой усов ей почудилось что-то хищное.

He was dark of face, swarthy as a pirate, and his eyes were as bold and black as any pirate's appraising a galleon to be scuttled or a maiden to be ravished.	Он был смугл, как пират, и в его темных глазах она прочла откровенный вызов, словно его пиратский взгляд видел перед собой судно, которое надо взять на абордаж, или женщину, которой надо овладеть.
There was a cool recklessness in his face and a cynical humor in his mouth as he smiled at her, and Scarlett caught her breath.	Взгляд был спокойный и дерзкий, и когда незнакомец насмешливо и нагло улыбнулся ей, у нее перехватило дыхание.
She felt that she should be insulted by such a look and was annoyed with herself because she did not feel insulted.	Она понимала, что такой взгляд оскорбителен для женщины, и была раздосадована тем, что не чувствовала себя оскорбленной.

She did not know who he could be, but there was undeniably a look of good blood in his dark face. It showed in the thin hawk nose over the full red lips, the high forehead and the wide-set eyes.	Она не знала, кто он, но одно было бесспорно: этот высокий лоб, тонкий орлиный нос над крупным ярким ртом, широко расставленные глаза... да, несомненно, в чертах его смуглого лица чувствовалась порода.
She dragged her eyes away from his without smiling back, and he turned as someone called:	Она отвела взгляд, не ответив на его улыбку, и в тот же миг отвернулся и он, услышав, как кто-то его окликнул:
"Rhett!	- Ретт!
Rhett Butler!	Ретт Батлер!
Come here!	Идите сюда!

I want you to meet the most hardhearted girl in Georgia."	Я хочу представить вас самой жестокосердной девушке в Джорджии.
Rhett Butler?	Ретт Батлер?
The name had a familiar sound, somehow connected with something pleasantly scandalous, but her mind was on Ashley and she dismissed the thought.	Что-то знакомое прозвучало в этом имени, что-то приятно щекочущее любопытство и смутно связанное с чем-то скандальным, но мысли ее были полны Эшли, и она тотчас выбросила все это из головы.
"I must run upstairs and smooth my hair," she told Stuart and Brent, who were trying to get her cornered from the crowd.	- Мне надо подняться наверх, поправить прическу, - сказала она Стюарту и Бренту, которые старались оттеснить ее от толпы гостей и увлечь в сторону.

"You boys wait for me and don't run off with any other girl or I'll be furious."	- А вы, мальчики, ждите меня здесь и не вздумайте скрыться куда-нибудь с другой девушкой, не то я рассержусь.
She could see that Stuart was going to be difficult to handle today if she flirted with anyone else.	Скарлетт видела, что со Стюартом сегодня не оберешься хлопот, если она вздумает пофлиртовать с кем-нибудь другим.
He had been drinking and wore the arrogant looking-for-a-fight expression that she knew from experience meant trouble.	Он был уже изрядно пьян, и на лице его появилось не раз виденное его нахальное выражение, не предвещавшее добра: ясно - он будет нарываться на драку.

She paused in the hall to speak to friends and to greet India who was emerging from the back of the house, her hair untidy and tiny beads of perspiration on her forehead.	Она немного постояла в холле, поболтала со знакомыми, поздоровалась с Индией, которая появилась наконец из задних комнат, вся встрепанная, с капельками пота на лбу.
Poor India!	Бедняжка!
It would be bad enough to have pale hair and eyelashes and a jutting chin that meant a stubborn disposition, without being twenty years old and an old maid in the bargain.	Как это ужасно - иметь такие бесцветные волосы и ресницы, такой тяжелый упрямый подбородок, да еще двадцать лет за плечами и перспективу остаться в старых девах в придачу!
She wondered if India resented very much her taking Stuart away from her.	Интересно, очень ли задело Индию то, что она увела у нее Стюарта?

Lots of people said she was still in love with him, but then you could never tell what a Wilkes was thinking about.	Все говорят, будто она до сих пор любит его, но разве можно знать наверняка, что у этих Уилксов на уме.
If she did resent it, she never gave any sign of it, treating Scarlett with the same slightly aloof, kindly courtesy she had always shown her.	Во всяком случае, Индия ничем не дала Скарлетт понять, насколько ей это больно, и держала себя с ней совершенно так же, как всегда, - любезно и чуточку отчужденно.
Scarlett spoke pleasantly to her and started up the wide stairs. As she did, a shy voice behind her called her name and, turning, she saw Charles Hamilton.	Приветливо поздоровавшись с Индией, Скарлетт стала подниматься по широкой лестнице и услышала, как кто-то робко ее окликает. Обернувшись, она увидела Чарльза Гамильтона.

He was a nice-looking boy with a riot of soft brown curls on his white forehead and eyes as deep brown, as clean and as gentle as a collie dog's.	Это был очень миловидный юноша: небрежные завитки каштановых кудрей над высоким белым лбом и темно-карие глаза, нежные и чистые, как у шотландской овчарки.
He was well turned out in mustard-colored trousers and black coat and his pleated shirt was topped by the widest and most fashionable of black cravats.	Одет он был элегантно - в черный сюртук и горчичного цвета брюки: поверх белой рубашки с плоеной грудью был повязан широкий модный черный галстук.
A faint blush was creeping over his face as she turned for he was timid with girls.	Когда Скарлетт обернулась к нему, щеки его слегка зарделись - Чарльз Гамильтон был всегда застенчив с девушками.

Like most shy men he greatly admired airy, vivacious, always-at-ease girls like Scarlett.	И как всех застенчивых мужчин, его особенно влекли к себе живые, задорные девушки, всегда и везде чувствующие себя непринужденно, - такие, как Скарлетт.
She had never given him more than perfunctory courtesy before, and so the beaming smile of pleasure with which she greeted him and the two hands outstretched to his almost took his breath away.	Обычно она не уделяла ему внимания, ограничиваясь какой-нибудь вскользь брошенной вежливой фразой, и он был ошеломлен, когда, сияя обворожительной улыбкой, она протянула ему обе руки.
"Why Charles Hamilton, you handsome old thing, you!	- О, Чарльз Гамильтон, вы убийственно хороши сегодня, мой дорогой.

I'll bet you came all the way down here from Atlanta just to break my poor heart!"	Ручаюсь, вы нарочно приехали из Атланты, чтобы разбить мое бедное сердечко!

Charles almost stuttered with excitement, holding her warm little hands in his and looking into the dancing green eyes.	Сжимая ее горячие маленькие ручки, глядя в беспокойные зеленые глаза, Чарльз пробормотал что-то, заикаясь от волнения.
This was the way girls talked to other boys but never to him.	Никто еще не обращался к нему с такими речами. Правда, ему случалось слышать, как девушки говорили такое другим мужчинам, однако ему -никогда.

He never knew why but girls always treated him like a younger brother and were very kind, but never bothered to tease him.	Почему-то все они относились к нему, как к младшему брату - были всегда приветливы с ним, но не давали себе труда хотя бы подразнить его.
He had always wanted girls to flirt and frolic with him as they did with boys much less handsome and less endowed with this world's goods than he.	Ему ужасно хотелось, чтобы девушки шутили и кокетничали с ним, как с другими юношами, зачастую менее красивыми и обладающими меньшими достоинствами, нежели он.

But on the few occasions when this had happened he could never think of anything to say and he suffered agonies of embarrassment at his dumbness.	Бывало, правда нечасто, что они снисходили и до него, но в этих случаях на него нападала странная немота, он не знал, о чем с ними говорить, не мог подобрать слов, смущался и мучительно страдал.
Then he lay awake at night thinking of all the charming gallantries he might have employed; but he rarely got a second chance, for the girls left him alone after a trial or two.	А потом, лежа ночью без сна, перебирал в уме всевозможные галантные шутки и различные подходящие к случаю комплименты. Но ему редко удавалось употребить их, так как девушки обычно после двух-трех неудачных попыток оставляли его в покое.

Even with Honey, with whom he had an unspoken understanding of marriage when he came into his property next fall, he was diffident and silent.	И даже с Милочкой, которая знала, что им предстоит пожениться, после того как он будущей осенью вступит во владение своей долей имения, Чарльз был робок и молчалив.
At times, he had an ungallant feeling that Honey's coquetries and proprietary airs were no credit to him, for she was so boy-crazy he imagined she would use them on any man who gave her the opportunity.	Временами у него возникало не слишком окрыляющее ощущение, что ее откровенное кокетство и собственническая манера держаться с ним вовсе не делают ему чести. Она так помешана на мальчишках, думал он, что вела бы себя точно так же с любым, кто дал бы ей для этого повод.

Charles was not excited over the prospect of marrying her, for she stirred in him none of the emotions of wild romance that his beloved books had assured him were proper for a lover.	Мысль, что Милочка станет его женой, совсем не приводила его в восторг: эта девушка отнюдь не пробуждала в нем тех страстных романтических порывов, которые, если верить его любимым романам, должен испытывать влюбленный жених.
He had always yearned to be loved by some beautiful, dashing creature full of fire and mischief.	Чарльзу всегда рисовалось в мечтах, что его полюбит какая-нибудь полная жизни, огня и задорного лукавства красотка.
And here was Scarlett O'Hara teasing him about breaking her heart!	И вот перед ним стоит смеющаяся Скарлетт О'Хара и утверждает, что он разбил ей сердце!

He tried to think of something to say and couldn't, and silently he blessed her because she kept up a steady chatter which relieved him of any necessity for conversation.	Он мучительно старался придумать что-нибудь в ответ и не мог и был молча благодарен ей за то, что она продолжала болтать, освобождая его от необходимости поддерживать разговор.

It was too good to be true.	Это походило на сон или на сказку.
"Now, you wait right here till I come back, for I want to eat barbecue with you.	- А теперь ждите меня здесь, потому что я хочу, чтобы на барбекю вы были возле меня.

And don't you go off philandering with those other girls, because I'm mighty jealous," came the incredible words from red lips with a dimple on each side; and briskly black lashes swept demurely over green eyes.	- Тут она, взмахнув темными ресницами, опустила зеленые глаза долу, на щеках ее заиграли ямочки, а с ярких губ слетели совершенно уж непостижимые слова: - И не вздумайте волочиться за другими девушками, не то я стану жутко вас ревновать.
"I won't," he finally managed to breathe, never dreaming that she was thinking he looked like a calf waiting for the butcher.	- Не буду, - едва нашел Он в себе силы пробормотать, никак не подозревая, что в эту минуту казался ей похожим на теленка, которого ведут на заклание.

Tapping him lightly on the arm with her folded fan, she turned to start up the stairs and her eyes again fell on the man called Rhett Butler who stood alone a few feet away from Charles.	Легонько стукнув его сложенным веером по плечу, она отвернулась, и взгляд ее снова задержался на человеке по имени Ретт Батлер, стоявшем позади Чарльза, в стороне от всех.
Evidently he had overheard the whole conversation, for he grinned up at her as maliciously as a tomcat, and again his eyes went over her, in a gaze totally devoid of the deference she was accustomed to.	По-видимому, он слышал их разговор от слова до слова, потому что насмешливо улыбнулся, снова окинув ее взглядом всю, с головы до пят, и притом так нахально, как никто не позволял себе ее разглядывать.

"God's nightgown!" said Scarlett to herself in indignation, using Gerald's favorite oath.	"Пропади ты пропадом! - возмущенно ругнулась про себя Скарлетт, прибегнув к излюбленному выражению Джералда.
"He looks as if-as if he knew what I looked like without my shimmy," and, tossing her head, she went up the steps.	- Смотрит так, словно... словно я стою перед ним нагишом". И, тряхнув локонами, она стала подниматься по лестнице.
In the bedroom where the wraps were laid, she found Cathleen Calvert preening before the mirror and biting her lips to make them look redder.	В спальне, где все побросали свои накидки и шали, она увидела Кэтлин, которая охорашивалась перед зеркалом и покусывала губы, чтобы они порозовели.

There were fresh roses in her sash that matched her cheeks, and her cornflower-blue eyes were dancing with excitement.	К поясу у нее были приколоты розы - в тон ее румяным щечкам, васильковые глаза лихорадочно блестели от возбуждения.
"Cathleen," said Scarlett, trying to pull the corsage of her dress higher, "who is that nasty man downstairs named Butler?"	- Кэтлин, кто этот гадкий тип по фамилии Батлер?- спросила Скарлетт, безуспешно стараясь подтянуть край лифа повыше.

"My dear, don't you know?" whispered Cathleen excitedly, a weather eye on the next room where Dilcey and the Wilkes girls' mammy were gossiping. "I can't imagine how Mr. Wilkes must feel having him here, but he was visiting Mr. Kennedy in Jonesboro-something about buying cotton-and, of course, Mr. Kennedy had to bring him along with him.	- Как, разве ты не знаешь? - Покосившись на дверь в соседнюю комнату, где Дилси и нянька Уилксов чесали языки, она зашептала возбужденно: - Мистер Уилкс, верно, чувствует себя ужасно, принимая его в своем доме, но получилось так, что он гостил у мистера Кеннеди в Джонсборо - что-то насчет покупки хлопка, и мистеру Кеннеди ничего не оставалось, как взять его с собой.
He couldn't just go off and leave him."	Не мог же он уехать и бросить гостя.

"What is the matter with him?"	- А чем он, собственно, пришелся не ко двору?
"My dear, he isn't received!"	- Дорогая, его же не принимают!
"Not really!"	- Ах, вот как!
"No."	- Конечно.
Scarlett digested this in silence, for she had never before been under the same roof with anyone who was not received.	Скарлетт, никогда еще не бывавшая под одной крышей с чело-, веком, которого не принимают в обществе, промолчала, стараясь определить свое к нему отношение.
It was very exciting.	Ощущение было волнующее.
"What did he do?"	- А что он такое натворил?
"Oh, Scarlett, he has the most terrible reputation.	- Ах, у него совершенно чудовищная репутация.

His name is Rhett Butler and he's from Charleston and his folks are some of the nicest people there, but they won't even speak to him.	Его зовут Ретт Батлер, он из Чарльстона и принадлежит к одному из лучших семейств города, но никто из его близких с ним даже не разговаривает.
Caro Rhett told me about him last summer.	Кэро Ретт рассказывала мне о нем прошлым летом.
He isn't any kin to her family, but she knows all about him, everybody does.	Он с ней не в родстве, но ей все о нем известно, как, впрочем, и всем другим.
He was expelled from West Point. Imagine!	Его выгнали из Вест-Пойнта, можешь себе представить?
And for things too bad for Caro to know.	И за такие проделки, которые просто не для ее ушей.

And then there was that business about the girl he didn't marry."	Ну, а потом произошла эта история с девчонкой, на которой он не пожелал жениться.
"Do tell me!"	- Какая история, расскажи!
"Darling, don't you know anything?	- Дорогая, да неужто ты ничего не знаешь?
Caro told me all about it last summer and her mama would die if she thought Caro even knew about it.	Кэро все рассказала мне еще в прошлом году. Ее маму хватил бы удар, узнай она, что Кэро посвящена в эти сплетни.
Well, this Mr. Butler took a Charleston girl out buggy riding.	Понимаешь, этот мистер Батлер как-то раз под вечер повез одну чарльстонскую девицу кататься в кабриолете.
I never did know who she was, but I've got my suspicions.	Кто эта девица - не говорят, но я кое о чем догадываюсь.

She couldn't have been very nice or she wouldn't have gone out with him in the late afternoon without a chaperon.	Она, конечно, не из очень хорошего общества, иначе не поехала бы с ним кататься в такой поздний час без провожатой.
And, my dear, they stayed out nearly all night and walked home finally, saying the horse had run away and smashed the buggy and they had gotten lost in the woods.	И вообрази, моя дорогая, они пропадали где-то почти всю ночь, до утра, потом возвратились домой пешком и объяснили, что лошадь понесла, разбила кабриолет, а они заблудились в лесу.
And guess what-"	И как ты думаешь, что?

"I can't guess. Tell me," said Scarlett enthusiastically, hoping for the worst.	- Ничего не думаю, продолжай! - нетерпеливо потребовала Скарлетт, ожидая услышать самое ужасное.

"He refused to marry her the next day!"	- На следующий день он отказался на ней жениться!
"Oh," said Scarlett, her hopes dashed.	- А-а, - разочарованно протянула Скарлетт.
"He said he hadn't-er-done anything to her and he didn't see why he should marry her.	- Заявил, мм... что он ее и пальцем не тронул и не понимает, почему должен на ней жениться.
And, of course, her brother called him out, and Mr. Butler said he'd rather be shot than marry a stupid fool.	Ну, и ее брат, понятно, вызвал его на дуэль, а он сказал, что предпочитает получить пулю в лоб, чем дуру в жены.

And so they fought a duel and Mr. Butler shot the girl's brother and he died, and Mr. Butler had to leave Charleston and now nobody receives him," finished Cathleen triumphantly, and just in time, for Dilcey came back into the room to oversee the toilet of her charge.	Словом, они стрелялись, и мистер Батлер ранил брата этой девицы, и тот умер, а мистеру Батлеру пришлось покинуть Чарльстон, и его теперь не принимают в домах! - торжественно и как раз вовремя закончила Кэтлин, так как в дверях уже появилась Дилси - поглядеть, в порядке ли туалет ее госпожи.
"Did she have a baby?" whispered Scarlett in Cathleen's ear.	- У нее был ребенок? - прошептала Скарлетт на ухо Кэтлин.
Cathleen shook her head violently.	Эту мысль Кэтлин отвергла, очень решительно помотав головой.

"But she was ruined just the same," she hissed back.	- Но тем не менее ее репутация погибла, - так же шепотом ответила она.
I wish I had gotten Ashley to compromise me, thought Scarlett suddenly.	"Хорошо бы сделать так, чтобы Эшли скомпрометировал меня! - неожиданно мелькнуло у Скарлетт в голове.
He'd be too much of a gentleman not to marry me.	- Он-то слишком джентльмен, чтобы не жениться".
But somehow, unbidden, she had a feeling of respect for Rhett Butler for refusing to marry a girl who was a fool.	Но против воли она почувствовала в душе нечто вроде уважения к мистеру Батлеру, оттого что он отказался жениться на дуре.

Scarlett sat on a high rosewood ottoman, under the shade of a huge oak in the rear of the house, her flounces and ruffles billowing about her and two inches of green morocco slippers- all that a lady could show and still remain a lady-peeping from beneath them.	Скарлетт сидела на высоком пуфике розового дерева в тени старого дуба за домом; кончик зеленой сафьяновой туфельки на два дюйма - ровно на столько, сколько допускали правила приличия, - высовывался из-под зеленой пены воланов и оборочек.
She had scarcely touched plate in her hands and seven cavaliers about her.	В руке у нее была тарелка с едой, к которой она почти не притронулась; семеро кавалеров окружали ее плотным кольцом.

The barbecue had reached its peak and the warm air was full of laughter and talk, the click of silver on porcelain and the rich heavy smells of roasting meats and redolent gravies.	Прием гостей был в самом разгаре, в весеннем воздухе стоял гомон веселых голосов, смех, звон серебра, фарфора, густой, крепкий запах жареного мяса и душистых подливок.

Occasionally when the slight breeze veered, puffs of smoke from the long barbecue pits floated over the crowd and were greeted with squeals of mock dismay from the ladies and violent flappings of palmetto fans.	Временами легкий ветерок, изменив направление, приносил струйки дыма от длинных, полных углей ям и производил среди дам шутливый переполох, всякий раз сопровождавшийся энергичной работой пальмовых вееров.

Most of the young ladies were seated with partners on the long benches that faced the tables, but Scarlett, realizing that a girl has only two sides and only one man can sit on each of these sides, had elected to sit apart so she could gather about her as many men as possible.	Большинство девушек разместились вместе со своими кавалерами на длинных скамейках за столами, но Скарлетт, рассудив, что у каждой девушки только две руки и она может посадить на скамейку только двух кавалеров - по одну руку и по другую, - решила сесть поодаль и собрать вокруг себя столько кавалеров, сколько удастся.
Under the arbor sat the married women, their dark dresses decorous notes in the surrounding color and gaiety.	Увитая зеленью беседка была отведена для замужних дам, чьи темные платья чинно оттеняли царившую вокруг пестроту и веселье.

Matrons, regardless of their ages, always grouped together apart from the bright-eyed girls, beaux and laughter, for there were no married belles in the South.	Замужние женщины, независимо от возраста, всегда, по обычаю Юга, держались особняком - в стороне от шустроглазых девиц, их поклонников и неумолчного смеха.

From Grandma Fontaine, who was belching frankly with the privilege of her age, to seventeen- year-old Alice Munroe, struggling against the nausea of a first pregnancy, they had their heads together in the endless genealogical and obstetrical discussions that made such gatherings very pleasant and instructive affairs.	Все - от бабули Фонтейн, страдавшей отрыжкой и не скрывавшей этого, пользуясь привилегией своего возраста, до семнадцатилетней Элис Манро, носившей своего первого ребенка и подверженной приступам тошноты, - сблизив головы, оживленно обсуждали чьи-то родословные и делились акушерскими советами, и это придавало таким собраниям познавательный интерес и увлекательность.
Casting contemptuous glances at them, Scarlett thought that they looked like a clump of fat crows.	Мельком взглянув в их сторону, Скарлетт презрительно подумала, что они похожи на стаю жирных ворон.

Married women never had any fun.	Жизнь замужней женщины лишена развлечений.
It did not occur to her that if she married Ashley she would automatically be relegated to arbors and front parlors with staid matrons in dull silks, as staid and dull as they and not a part of the fun and frolicking.	У Скарлетт не возникло даже мысли о том, что, выйдя замуж за Эшли, она механически переместится в общество степенных матрон в тусклых шелках и сама в таком же тусклом шелковом платье будет так же степенно восседать в беседках и гостиных, не принимая участия в играх и развлечениях.
Like most girls, her imagination carried her just as far as the altar and no further.	Подобно большинству своих сверстниц, она не уносилась мечтами дальше алтаря.

Besides, she was too unhappy now to pursue an abstraction.	К тому же в эту минуту она чувствовала себя слишком несчастной, чтобы предаваться отвлеченным рассуждениям.
She dropped her eyes to her plate and nibbled daintily on a beaten biscuit with an elegance and an utter lack of appetite that would have won Mammy's approval.	Опустив глаза в тарелку, она привередливо ковыряла ложечкой воздушный пирог, проделывая это с таким изяществом и полным отсутствием аппетита, что бесспорно заслужила бы одобрение Мамушки.

For all that she had a superfluity of beaux, she had never been more miserable in her life.	Да, она чувствовала себя глубоко несчастной, невзирая на небывалое изобилие поклонников.

In some way that she could not understand, her plans of last night had failed utterly so far as Ashley was concerned.	По какой-то непонятной ей причине выработанный накануне ночью план во всем, что касалось Эшли, потерпел полный крах.
She had attracted other beaux by the dozens, but not Ashley, and all the fears of yesterday afternoon were sweeping back upon her, making her heart beat fast and then slow, and color flame and whiten in her cheeks.	Ей удалось окружить себя толпой поклонников, но Эшли не было в их числе, и страхи, терзавшие ее вчера, ожили вновь, заставляя сердце то бешено колотиться, то мучительно замирать, а кровь то отливать от щек, то обжигать их румянцем.

Ashley had made no attempt to join the circle about her, in fact she had not had a word alone with him since arriving, or even spoken to him since their first greeting.	Эшли не сделал ни малейшей попытки присоединиться к ее свите; она не имела возможности ни секунды побыть с ним наедине, да, в сущности, после первых приветствий они не перемолвились ни единым словом.
He had come forward to welcome her when she came into the back garden, but Melanie had been on his arm then, Melanie who hardly came up to his shoulder.	Он подошел поздороваться с ней, когда она спустилась в сад за домом, но подошел под руку с Мелани, чья голова едва достигала ему до плеча.

She was a tiny, frailly built girl, who gave the appearance of a child masquerading in her mother's enormous hoop skirts-an illusion that was heightened by the shy, almost frightened look in her too large brown eyes.	Это было крохотное хрупкое существо, производившее впечатление ребенка, нарядившегося для маскарада в огромный кринолин своей матери: застенчивое, почти испуганное выражение огромных карих глаз еще усиливало эту иллюзию.

She had a cloud of curly dark hair which was so sternly repressed beneath its net that no vagrant tendrils escaped, and this dark mass, with its long widow's peak, accentuated the heart shape of her face.	Пушистая масса курчавых темных волос была безжалостно упрятана на затылке в сетку, а спереди разделена на прямой пробор, так что две гладкие пряди, обрамлявшие лоб, сходились над ним под острым углом, подчеркивали своеобразный овал ее чуточку слишком широкоскулого, чуточку слишком заостренного к подбородку лица, что придавало ему сходство с сердечком.

Too wide across the cheek bones, too pointed at the chin, it was a sweet, timid face but a plain face, and she had no feminine tricks of allure to make observers forget its plainness.	Застенчивое это лицо было по-своему мило, хотя никто не назвал бы его красивым, к тому же ни одна из обычных женских уловок не была пущена в ход, чтобы сделать его привлекательней.
She looked-and was-as simple as earth, as good as bread, as transparent as spring water.	Мелани казалась - да такой она и была - простой, как земля, надежной, как хлеб, чистой, как вода ручья.

But for all her plainness of feature and smallness of stature, there was a sedate dignity about her movements that was oddly touching and far older than her seventeen years.	Но эта миниатюрная, неприметная с виду семнадцатилетняя девочка держалась с таким спокойным достоинством, что выглядела старше своих лет, и было в этом что-то странно трогательное.

Her gray organdie dress, with its cherry-colored satin sash, disguised with its billows and ruffles how childishly undeveloped her body was, and the yellow hat with long cherry streamers made her creamy skin glow.	Пышные оборки светло-серого платья из органди, перетянутого вишневым атласным поясом, скрывали еще по-детски не оформившуюся фигурку, а желтая шляпа с длинными вишневыми лентами отбрасывала золотистый отблеск на нежное, чуть тронутое загаром лицо.

Her heavy earbobs with their long gold fringe hung down from loops of tidily netted hair, swinging close to her brown eyes, eyes that had the still gleam of a forest pool in winter when brown leaves shine up through quiet water.	На висках, возле самых глаз, тяжелые подвески с золотой бахромой были пропущены сквозь ячейки стягивавшей волосы сетки, и золотые блики играли в карих глазах, ясных, как гладь лесного озера, когда сквозь воду просвечивает желтизна упавших на дно осенних листьев.
She had smiled with timid liking when she greeted Scarlett and told her how pretty her green dress was, and Scarlett had been hard put to be even civil in reply, so violently did she want to speak alone with Ashley.	Мелани застенчиво-ласково улыбнулась Скарлетт и похвалила ее зеленое платье, а Скарлетт едва нашла в себе силы что-то учтиво проговорить в ответ, так страстно хотелось ей остаться наедине с Эшли.

Since then, Ashley had sat on a stool at Melanie's feet, apart from the other guests, and talked quietly with her, smiling the slow drowsy smile that Scarlett loved.	И с этой минуты Эшли сидел на скамеечке у ног Мелани в стороне от остальных и улыбался ей своей тихой мечтательной улыбкой, которую так любила Скарлетт.
What made matters worse was that under his smile a little sparkle had come into Melanie's eyes, so that even Scarlett had to admit that she looked almost pretty.	И в довершение всего, улыбка эта зажигала искорки в глазах Мелани, отчего она становилась почти хорошенькой, и даже Скарлетт не могла этого не признать.

As Melanie looked at Ashley, her plain face lit up as with an inner fire, for if ever a loving heart showed itself upon a face, it was showing now on Melanie Hamilton's.	Когда Мелани смотрела на Эшли, ее простенькое личико светилось таким внутренним огнем, какой порождается только любовью, и если глаза -зеркало Души, то Мелани Г амильтон являла тому самый яркий пример.

Scarlett tried to keep her eyes from these two but could not, and after each glance she redoubled her gaiety with her cavaliers, laughing, saying daring things, teasing, tossing her head at their compliments until her earrings danced.	Скарлетт старалась не глядеть на этих двух и все же не могла удержаться, и всякий раз, посмотрев в их сторону, она удваивала свои старания казаться веселой, и заливалась смехом, и дразнила своих кавалеров, и отпускала смелые шутки, и в ответ на их комплименты так задорно трясла головой, что серьги у нее в ушах отплясывали какой-то буйный танец.
She said "fiddle-dee-dee" many times, declared that the truth wasn't in any of them, and vowed that she'd never believe anything any man told her.	- Вздор, вздор! - твердила она и заявляла, что ни один из ее поклонников не говорит ни слова правды, и клялась, что никогда не поверит ни единому слову, сказанному мужчиной.

But Ashley did not seem to notice her at all.	Но Эшли, казалось, просто не замечал ее присутствия.
He only looked up at Melanie and talked on, and Melanie looked down at him with an expression that radiated the fact that she belonged to him.	Он видел только Мелани, разговаривал только с ней, сидя на скамеечке и глядя на нее снизу вверх, а Мелани, опустив глаза, смотрела на него и, не таясь, лучилась счастьем оттого, что она - его избранница.
So, Scarlett was miserable.	И Скарлетт была несчастна.

To the outward eye, never had a girl less cause to be miserable.	Со стороны же все выглядело так, словно на свете не могло быть девушки счастливее ее.

She was undoubtedly the belle of the barbecue, the center of attention.	Она бесспорно была царицей этого сборища, центром всеобщего внимания.
The furore she was causing among the men, coupled with the heart burnings of the other girls, would have pleased her enormously at any other time.	Успех, которым она пользовалась у мужчин, и зависть, снедавшая девушек, в любое другое время доставили бы ей несказанную радость.
Charles Hamilton, emboldened by her notice, was firmly planted on her right, refusing to be dislodged by the combined efforts of the Tarleton twins.	Чарльз Г амильтон, окрыленный ее вниманием, занял твердую позицию по правую ее руку, и даже объединенных усилий близнецов оказалось недостаточно, чтобы вытеснить его оттуда.

He held her fan in one hand and his untouched plate of barbecue in the other and stubbornly refused to meet the eyes of Honey, who seemed on the verge of an outburst of tears.	В одной руке он держал веер Скарлетт, в другой -свою тарелку с куском жаркого, к которому он даже не притронулся, и его глаза упорно избегали взгляда готовой расплакаться от обиды Милочки.
Cade lounged gracefully on her left, plucking at her skirt to attract her attention and staring up with smoldering eyes at Stuart.	Кэйд небрежно развалился на траве слева от Скарлетт, время от времени дергая ее за юбку, чтобы привлечь к себе внимание, и бросая испепеляющие взгляды на Стюарта.
Already the air was electric between him and the twins and rude words had passed.	Он успел обменяться с близнецами довольно грубыми эпитетами, и атмосфера становилась все более накаленной.

Frank Kennedy fussed about like a hen with one chick, running back and forth from the shade of the oak to the tables to fetch dainties to tempt Scarlett, as if there were not a dozen servants there for that purpose. As a result, Suellen's sullen resentment had passed beyond the point of ladylike concealment and she glowered at Scarlett.	Фрэнк Кеннеди суетился вокруг Скарлетт, словно наседка вокруг своего единственного цыпленка, и то и дело бегал от дуба к столу и обратно, притаскивая различные деликатесы, будто для этого мало было дюжины сновавших туда и сюда слуг, в результате чего выдержка и хорошее воспитание изменили Сьюлин, и она, не скрывая своего возмущения, в бешенстве смотрела на Скарлетт..

Small Carreen could have cried because, for all Scarlett's encouraging words that morning, Brent had done no more than say	У малютки Кэррин глаза были полны слез, ибо, вопреки утренним заверениям Скарлетт, Брент ограничился тем, что воскликнул:
"Hello, Sis" and jerk her hair ribbon before turning his full attention to Scarlett.	"Хэлло, малышка!", дернул ее за ленточку в волосах и перенес все свое внимание на Скарлетт.

Usually he was so kind and treated her with a careless deference that made her feel grown up, and Carreen secretly dreamed of the day when she would put her hair up and her skirts down and receive him as a real beau.	Обычно он бывал очень внимателен к Кэррин и держался с такой шутливой почтительностью, что она втайне предавалась мечтам о том дне, когда ей позволено будет сделать парадную прическу, надеть длинную юбку и причислить Брента к разряду своих поклонников.
And now it seemed that Scarlett had him.	А теперь похоже было, что им полностью завладела Скарлетт.

The Munroe girls were concealing their chagrin at the defection of the swarthy Fontaine boys, but they were annoyed at the way Tony and Alex stood about the circle, jockeying for a position near Scarlett should any of the others arise from their places.	Барышни Манро, умело скрывая свою обиду на изменивших им смуглых братьев Фонтейнов, все же были явно раздражены тем, что Тони и Алекс торчат под дубом и всячески норовят протиснуться поближе к Скарлетт, как только кто-нибудь покинет свой пост возле нее.
They telegraphed their disapproval of Scarlett's conduct to Hetty Tarleton by delicately raised eyebrows.	Свое возмущение поведением Скарлетт девицы Манро протелеграфировали Хэтти Тарлтон, слегка, но выразительно подняв брови,
"Fast" was the only word for Scarlett.	"Бесстыдница!" - был единодушный молчаливый приговор.

Simultaneously, the three young ladies raised lacy parasols, said they had had quite enough to eat, thank you, and, laying light fingers on the arms of the men nearest them, clamored sweetly to see the rose garden, the spring and the summerhouse.	Все три юные леди раскрыли как по команде свои кружевные зонтики, заявили, что они уже вполне сыты, спасибо за угощение, и, взяв под руку находившихся поблизости молодых людей, громко прощебетали о своем желании прогуляться к ручью и к оранжерее полюбоваться розами.
This strategic retreat in good order was not lost on a woman present or observed by a man.	Этот стратегический демарш по всем правилам военного искусства не прошел незамеченным ни для одной из присутствующих дам, но не привлек к себе внимания ни одного из мужчин.

Scarlett giggled as she saw three men dragged out of the line of her charms to investigate landmarks familiar to the girls from childhood, and cut her eye sharply to see if Ashley had taken note.	Скарлетт усмехнулась, увидев, как под предлогом обозрения предметов, знакомых всем с детских лет, трое мужчин были насильно выведены из-под огня ее чар, и быстро скосила глаза в сторону Эшли - заметил ли он, что произошло.
But he was playing with the ends of Melanie's sash and smiling up at her.	Но он, закинув голову и играя концом вишневого пояса, смотрел на Мелани и улыбался ей.
Pain twisted Scarlett's heart.	Сердце Скарлетт болезненно сжалось.
She felt that she could claw Melanie's ivory skin till the blood ran and take pleasure in doing it.	Она почувствовала, что с удовольствием вонзила бы свои ноготки в это бледное личико и расцарапала бы его в кровь.

As her eyes wandered from Melanie, she caught the gaze of Rhett Butler, who was not mixing with the crowd but standing apart talking to John Wilkes.	Оторвав взгляд от Мелани, она увидела Ретта Батлера. Он стоял в стороне и разговаривал с Джоном Уилксом.
He had been watching her and when she looked at him he laughed outright.	Он, должно быть, наблюдал за ней и, когда их глаза встретились, откровенно рассмеялся ей в лицо.

Scarlett had an uneasy feeling that this man who was not received was the only one present who knew what lay behind her wild gaiety and that it was affording him sardonic amusement.	У Скарлетт возникло странное, тягостное ощущение, что этот человек, для которого закрыты двери хороших домов, - единственный из всех присутствующих догадывается о том, что кроется под ее отчаянной напускной веселостью, и забавляется, словно получает от этого какое-то желчное удовольствие.
She could have clawed him with pleasure too.	Она была бы не прочь расцарапать физиономию и ему.

"If I can just live through this barbecue till this afternoon," she thought, "all the girls will go upstairs to take naps to be fresh for tonight and I'll stay downstairs and get to talk to Ashley.	"Скорей бы уж все это кончилось, - подумала Скарлетт. - Когда девчонки подымутся наверх и лягут вздремнуть перед балом, я останусь внизу и подкараулю Эшли.
Surely he must have noticed how popular I am."	Конечно же, он не мог не заметить, каким я пользуюсь сегодня успехом".
She soothed her heart with another hope:	И она, снова стала утешать себя, снова возрождать в себе надежды.

"Of course, he has to be attentive to Melanie because, after all, she is his cousin and she isn't popular at all, and if he didn't look out for her she'd just be a wallflower."	В конце концов, Эшли не мог не оказывать внимания Мелани, ведь она же его кузина, а поскольку на нее никто смотреть не хочет, ей бы пришлось просидеть все время одной, не приди он ей на выручку.
She took new courage at this thought and redoubled her efforts in the direction of Charles, whose brown eyes glowed down eagerly at her.	Эта мысль помогла ей воспрянуть духом, и она с удвоенным усердием принялась обольщать Чарльза, который не сводил с нее загоревшегося взора своих карих глаз.
It was a wonderful day for Charles, a dream day, and he had fallen in love with Scarlett with no effort at all.	Это был фантастический, сказочный день в жизни Чарльза, и он, сам еще того не понимая, мгновенно влюбился в Скарлетт по уши.

Before this new emotion, Honey receded into a dim haze.	Это новое чувство так захватило его, что образ Милочки растаял где-то в туманной дали.
Honey was a shrillvoiced sparrow and Scarlett a gleaming hummingbird.	Милочка была серень-ким воробышком, а Скарлетт многоцветной колибри.
She teased him and favored him and asked him questions and answered them herself, so that he appeared very clever without having to say a word.	Она поддразнивала его и поощряла, задавала ему вопросы и отвеча-ла на них сама, так что он казался себе умным и находчивым, хотя не произнес почти ни сло-ва.

The other boys were puzzled and annoyed by her obvious interest in him, for they knew Charles was too shy to hitch two consecutive words together, and politeness was being severely strained to conceal their growing rage.	Видя ее нескрываемый интерес к Чарльзу, остальные юноши были раздосадованы и озадачены, ибо они знали, что он от застенчивости не в силах связать двух слов, и клокотавшее в них раздражение подвергало их вежливость суровому испытанию.
Everyone was smoldering, and it would have been a positive triumph for Scarlett, except for Ashley.	Они были просто вне себя, и Скарлетт вполне могла бы насладиться своим триумфом, если бы не мысль об Эшли.

When the last forkful of pork and chicken and mutton had been eaten, Scarlett hoped the time had come when India would rise and suggest that the ladies retire to the house.	Но вот уже с тарелок исчезли последние кусочки свинины, баранины и цыплят, и Скарлетт пришла к выводу, что пора бы Индии подняться из-за стола и предложить дамам пройти в дом и отдохнуть.
It was two o'clock and the sun was warm overhead, but India, wearied with the threeday preparations for the barbecue, was only too glad to remain sitting beneath the arbor, shouting remarks to a deaf old gentleman from Fayetteville.	Было уже два часа пополудни, солнце стояло высоко над головой, но Индия, замученная трехдневными приготовлениями к приему гостей, рада была посидеть еще немного в беседке, громко крича что-то на ухо старому глухому джентльмену из Фейетвилла.

A lazy somnolence descended on the crowd.	Всех мало-помалу охватывала ленивая дремота.
The negroes idled about, clearing the long tables on which the food had been laid.	Негры не спеша убирали со столов.
The laughter and talking became less animated and groups here and there fell silent.	Оживление спадало, смех затихал, и то в одной группе гостей, то в другой разговор понемногу замирал совсем.
All were waiting for their hostess to signal the end of the morning's festivities.	Все ждали, чтобы хозяева подали знак к окончанию утренней части празднества.

Palmetto fans were wagging more slowly, and several gentlemen were nodding from the heat and overloaded stomachs.	Медленнее колыхались в воздухе пальмовые веера, и иные из джентльменов, разморенные жарой и перевариванием неумеренного количества пищи, начинали клевать носом.
The barbecue was over and all were content to take their ease while sun was at its height.	Барбекю подошел к концу, и всех тянуло на покой, пока солнце было еще в зените.
In this interval between the morning party and the evening's ball, they seemed a placid, peaceful lot.	В этом промежутке между барбекю и балом все обычно бывали безмятежно и миролюбиво настроены.

Only the young men retained the restless energy which had filled the whole throng a short while before.	Только молодые люди оставались по-прежнему неугомонны и полны задора.
Moving from group to group, drawling in their soft voices, they were as handsome as blooded stallions and as dangerous.	Переходя с места на место, перебрасываясь фразами, они напоминали красивых породистых жеребцов и порой были не менее опасны.
The languor of midday had taken hold of the gathering, but underneath lurked tempers that could rise to killing heights in a second and flare out as quickly.	Полуденная истома овладевала всеми, но тлевший в глубине жар в любую секунду грозил дать вспышку, и тогда страсти разгорались мгновенно и кого-то могли недосчитаться в живых.

Men and women, they were beautiful and wild, all a little violent under their pleasant ways and only a little tamed.	Все эти люди - мужчины и женщины равно, -такие красивые, такие учтиво любезные, обладали довольно бешеным и не до конца еще укрощенным нравом.
Some time dragged by while the sun grew hotter, and Scarlett and others looked again toward India.	Солнце припекало все сильнее, и Скарлетт - да и не она одна - снова поглядели на Индию.
Conversation was dying out when, in the lull, everyone in the grove heard Gerald's voice raised in furious accents. Standing some little distance away from the barbecue tables, he was at the peak of an argument with John Wilkes.	Разговоры замерли совсем, и в наступившей тишине все услышали сердитый голос Джералда -он стоял в отдалении у праздничных столов и пререкался с Джоном Уилксом.

"God's nightgown, man!	- Да чтоб мне пропасть!
Pray for a peaceable settlement with the Yankees after we've fired on the rascals at Fort Sumter?	Стараться миром уладить дело с янки? После того, как мы выбили этих негодяев из форта Самтер?
Peaceable?	Миром?
The South should show by arms that she cannot be insulted and that she is not leaving the Union by the Union's kindness but by her own strength!"	Нет, Юг должен с оружием в руках показать, что он не позволят над собой издеваться и что мы не с милостивого соизволения Союза вышли из него, а по своей воле, и за нами сила!

"Oh, my God!" thought Scarlett.	"О боже! - подумала Скарлетт.

"He's done it! Now, we'll all sit here till midnight."	- Ну вот, теперь он сел на своего конька, и мы проторчим тут до ночи!"
In an instant, the somnolence had fled from the lounging throng and something electric went snapping through the air.	И в то же мгновение словно искра пробежала по рядам лениво-апатичных людей и их сонливость как ветром сдуло.
The men sprang from benches and chairs, arms in wide gestures, voices clashing for the right to be heard above other voices.	Мужчины повскакали со стульев и скамеек и, размахивая руками, старались перекричать друг друга.

There had been no talk of politics or impending war all during the morning, because of Mr. Wilkes' request that the ladies should not be bored.	Исполняя просьбу мистера Уилкса, считавшего, что нельзя заставлять дам скучать, мужчины за все утро не проронили ни слова о войне или о политике.
But now Gerald had bawled the words "Fort Sumter," and every man present forgot his host's admonition.	Но вот у Джералда громко вырвалось "форт Самтер", и все мужчины как один забыли предостережения хозяина.
"Of course we'll fight-"	- Само собой разумеется, мы будем драться...
"Yankee thieves-"	- Янки мошенники...
"We could lick them in a month-"	- Мы разобьем их за один месяц...

"Why, one Southerner can lick twenty Yankees-"	- Да один южанин стоит двадцати янки...
"Teach them a lesson they won't soon forget-"	- Мы их так проучим, они нас, долго не забудут...
"Peaceably?	- Мирным путем?
They won't let us go in peace-"	А они-то разве мирным путем?
"No, look how Mr. Lincoln insulted our Commissioners!"	- А вы помните, как мистер Линкольн оскорбил наших уполномоченных?..
"Yes, kept them hanging around for weeks- swearing he'd have Sumter evacuated!"	- Ну да - заставил их торчать там неделями и все уверял, что эвакуирует Самтер...

"They want war; we'll make them sick of war-" And above all the voices, Gerald's boomed.	- Они хотят войны?.. - Ну, мы так накормим их войной - будут сыты по горло... И, заглушая весь этот галдеж, гремел зычный голос Джералда.
All Scarlett could hear was "States' rights, by God!" shouted over and over.	- Права Юга, черт побери! - снова и снова долетало до Скарлетт.
Gerald was having an excellent time, but not his daughter.	Джералд, в отличие от дочери, наслаждался - он был в своей стихии.

Secession, war-these words long since had become acutely boring to Scarlett from much repetition, but now she hated the sound of them, for they meant that the men would stand there for hours haranguing one another and she would have no chance to corner Ashley.	Выход из Союза, война - все эти слова давно набили у Скарлетт оскомину, но сейчас она начинала испытывать к ним даже острую ненависть, потому что для нее они значили только одно - теперь мужчины будут часами торчать там и держать друг перед другом воинственные речи, и ей не удастся завладеть Эшли.
Of course there would be no war and the men all knew it.	И ни какой к тому же не будет войны, и все они прекрасно это знают.

They just loved to talk and hear themselves talk.	Им просто нравится ораторствовать и слушать самих себя.

Charles Hamilton had not risen with the others and, finding himself comparatively alone with Scarlett, he leaned closer and, with the daring born of new love, whispered a confession.	Чарльз Гамильтон не встал, когда все поднялись: новое чувство придало ему смелости, и, оказавшись в какой-то мере наедине со Скарлетт, он придвинулся к ней ближе и прошептал:
"Miss O'Hara-I-I had already decided that if we did fight, I'd go over to South Carolina and join a troop there.	- Мисс О'Хара, я... я уже принял решение: если и в самом деле начнется война, я отправлюсь в Южную Каролину и вступлю в их войска.
It's said that Mr. Wade Hampton is organizing a cavalry troop, and of course I would want to go with him.	Говорят, что мистер Уэйд Хэмптон создает там кавалерийский отряд, и я хочу служить под его началом.

He's a splendid person and was my father's best friend."	Он замечательный человек и был лучшим другом моего покойного отца.
Scarlett thought, "What am I supposed to do- give three cheers?" for Charles' expression showed that he was baring his heart's secrets to her.	"Что, по его мнению, должна я теперь сделать -трижды прокричать ура?" - подумала Скарлетт, так как Чарльз шептал все это с таким заговорщическим видом, словно открывал ей свою самую сокровенную тайну.
She could think of nothing to say and so merely looked at him, wondering why men were such fools as to think women interested in such matters.	Не находя слов для ответа, она просто смотрела на него, изумляясь глупости мужчин, которые думают, что такие вещи Могут представлять интерес для женщин.

He took her expression to mean stunned approbation and went on rapidly, daringly-	Он же решил, что она ошеломлена, но одобряет его, И, осмелев еще больше, продолжал скороговоркой:
"If I went-would-would you be sorry, Miss O'Hara?"	- Если я так поступлю, вы... вы будете огорчены, мисс О'Хара?
"I should cry into my pillow every night," said Scarlett, meaning to be flippant, but he took the statement at face value and went red with pleasure.	- Я буду каждую ночь орошать слезами мою подушку, - сказала Скарлетт, желая пошутить, но он принял ее слова всерьез и покраснел от удовольствия.

Her hand was concealed in the folds of her dress and he cautiously wormed his hand to it and squeezed it, overwhelmed at his own boldness and at her acquiescence.	Сам поражаясь своей смелости и неожиданной благосклонности Скарлетт, он нащупал ее руку меж складками платья и пожал.
"Would you pray for me?"	- Вы будете молиться за меня?
"What a fool!" thought Scarlett bitterly, casting a surreptitious glance about her in the hope of being rescued from the conversation.	"Боже, какой дурак!" - со злостью подумала Скарлетт и украдкой скосила глаза в надежде, что кто-нибудь избавит ее от продолжения этой беседы.
"Would you?"	- Будете?
"Oh-yes, indeed, Mr. Hamilton.	- Ну как же, конечно, мистер Гамильтон!

Three Rosaries a night, at least!"	Трижды переберу четки, отходя ко сну!
Charles gave a swift look about him, drew in his breath, stiffened the muscles of his stomach.	Чарльз быстро поглядел по сторонам, почувствовал, как напряглись у него мускулы, и затаил дыхание.

They were practically alone and he might never get another such opportunity.	Они, в сущности, были одни, и такого случая могло больше не представиться.
And, even given another such Godsent occasion, his courage might fail him.	И даже если судьба будет снова так же к нему благосклонна, в другой раз у него может не хватить духу.
"Miss O'Hara-I must tell you something. I-I love you!"	- Мисс О'Хара... Я должен вам что-то сказать... Я люблю вас.

"Um?" said Scarlett absently, trying to peer through the crowd of arguing men to where Ashley still sat talking at Melanie's feet.	- Что? - машинально переспросила Скарлетт, стараясь за группой громко разговаривавших мужчин разглядеть Эшли, все еще сидевшего у ног Мелани.
"Yes!" whispered Charles, in a rapture that she had neither laughed, screamed nor fainted, as he had always imagined young girls did under such circumstances.	- О да, люблю! - восторженно прошептал Чарльз, окрыленный тем, что Скарлетт не расхохоталась, не взвизгнула и не упала в обморок, что, по его мнению, обязательно происходит с девушками при подобных обстоятельствах.
"I love you!	- Я люблю вас!

You are the most-the most-" and he found his tongue for the first time in his life. "The most beautiful girl I've ever known and the sweetest and the kindest, and you have the dearest ways and I love you with all my heart.	Вы самая... самая... - И тут впервые в жизни у него вдруг развязался язык: - Вы самая красивая, самая добрая, самая очаровательная девушка на свете! Вы обворожительны, и я люблю вас всем сердцем.
I cannot hope that you could love anyone like me but, my dear Miss O'Hara, if you can give me any encouragement, I will do anything in the world to make you love me.	Я не смею и помыслить о том, чтобы вы могли полюбить такого, ничем не замечательного человека, как я, но если вы, дорогая мисс О'Хара, подадите мне хоть искру надежды, я сделаю все, чтобы заслужить вашу любовь.
I will-"	Я...

Charles stopped, for he couldn't think of anything difficult enough of accomplishment to really prove to Scarlett the depth of his feeling, so he said simply:	Чарльз умолк, будучи не в состоянии придумать никакого подвига, достаточно трудного, чтобы он мог послужить доказательством глубины его чувства, и сказал просто:
"I want to marry you."	- Я прошу вас стать моей женой.
Scarlett came back to earth with a jerk, at the sound of the word "marry."	При слове "женой" Скарлетт показалось, что ее внезапно сбросили с облаков на землю.
She had been thinking of marriage and of Ashley, and she looked at Charles with poorly concealed irritation.	В эту минуту она в мечтах уже видела себя женой Эшли и потому с плохо скрытым раздражением взглянула на Чарльза.

Why must this calf-like fool intrude his feelings on this particular day when she was so worried she was about to lose her mind?	Нужно же, чтобы этот глупый теленок навязывался ей со своими чувствами именно в этот день, когда у нее ум за разум заходит от тревоги!
She looked into the pleading brown eyes and she saw none of the beauty of a shy boy's first love, of the adoration of an ideal come true or the wild happiness and tenderness that were sweeping through him like a flame.	Она взглянула в карие, полные мольбы глаза и не сумела прочесть в них ни первой робкой любви, делавшей их прекрасными, ни преклонения перед нашедшим свое живое воплощение идеалом, ни нежности, ни восторженной надежды па счастье, горевшей как пламя.

Scarlett was used to men asking her to marry them, men much more attractive than Charles Hamilton, and men who had more finesse than to propose at a barbecue when she had more important matters on her mind.	Для Скарлетт было не внове выслушивать предложения руки и сердца, притом от куда более привлекательных, на ее взгляд, мужчин, чем этот Чарльз Г амильтон, и у каждого из них хватило бы деликатности не заниматься этим на барбекю, когда голова у нее была забита своими, несравненно более важными проблемами.
She only saw a boy of twenty, red as a beet and looking very silly.	Она видела перед собой просто двадцатилетнего мальчишку, заливавшегося краской от смущения и выглядевшего крайне глупо.
She wished that she could tell him how silly he looked.	Ее так и подмывало сказать ему, какой у него нелепый вид.

But automatically, the words Ellen had taught her to say in such emergencies rose to her lips and casting down her eyes, from force of long habit, she murmured:	Но наставления Эллин невольно сделали свое дело, и она, по привычке скромно опустив глаза, машинально пробормотала подобающие Для такого случая слова:
"Mr. Hamilton, I am not unaware of the honor you have bestowed on me in wanting me to become your wife, but this is all so sudden that I do not know what to say."	- Мистер Гамильтон, я, разумеется, высоко ценю честь, которую вы оказали мне, прося стать вашей женой, но это такая для меня неожиданность, что, право, я не знаю, что вам ответить.

That was a neat way of smoothing a man's vanity and yet keeping him on the string, and Charles rose to it as though such bait were new and he the first to swallow it.	Это был изящный способ, не задевая самолюбия поклонника, не дать ему сорваться с крючка, и Чарльз проглотил приманку с ретивостью неофита.
"I would wait forever!	- Я готов ждать вечность!
I wouldn't want you unless you were quite sure.	Пусть это будет лишь тогда, когда у вас не останется сомнений.
Please, Miss O'Hara, tell me that I may hope!"	О мисс О'Хара, могу ли я надеяться!

"Um," said Scarlett, her sharp eyes noting that Ashley, who had not risen to take part in the war talk, was smiling up at Melanie.	- Хм, - произнесла Скарлетт, чей острый взгляд приметил, что Эшли не присоединился к мужчинам, чтобы принять участие в разговоре о войне, и все так же продолжает с улыбкой глядеть снизу вверх на Мелани.
If this fool who was grappling for her hand would only keep quiet for a moment, perhaps she could hear what they were saying.	Если бы этот домогающийся ее руки дурачок помолчал с минуту, может быть, ей удалось бы услышать, о чем они там беседуют.
She must hear what they said.	Ей это просто необходимо.
What did Melanie say to him that brought that look of interest to his eyes?	Почему с таким интересом смотрит сейчас Эшли на Мелани, что могла она сообщить ему особенного?

Charles' words blurred the voices she strained to hear.	Восторженное бормотание Чарльза заглушало их голоса.
"Oh, hush!" she hissed at him, pinching his hand and not even looking at him. Startled, at first abashed, Charles blushed at the rebuff and then, seeing how her eyes were fastened on his sister, he smiled.	- Ах, помолчите! - прошипела Скарлетт, машинально сжав его руку и даже не поглядев на него, Обиженный, ошеломленный Чарльз покраснел еще сильнее, но тут он заметил, что взгляд Скарлетт прикован к его сестре, и облегченно вздохнул.

Scarlett was afraid someone might hear his words.	Скарлетт, конечно, просто боится, как бы его слова не долетели до чьих-нибудь ушей.

She was naturally embarrassed and shy, and in agony lest they be overheard.	Она, естественно, смущена, ее природная стыдливость задета, и она в ужасе, что их разговор может быть услышан.
Charles felt a surge of masculinity such as he had never experienced, for this was the first time in his life that he had ever embarrassed any girl.	Мужская гордость взыграла в Чарльзе с небывалой дотоле силой - ведь впервые в жизни он сумел смутить девушку.
The thrill was intoxicating.	Ощущение было захватывающим.

He arranged his face in what he fancied was an expression of careless unconcern and cautiously returned Scarlett's pinch to show that he was man of the world enough to understand and accept her reproof.	Он постарался придать лицу выражение небрежного безразличия и украдкой сжал в свою очередь руку Скарлетт, показывая, что он человек светский, все понимает и не в обиде на нее.
She did not even feel his pinch, for she could hear clearly the sweet voice that was Melanie's chief charm:	А она даже не заметила его пожатия, так как в эту минуту до нее отчетливо долетел нежный голосок Мелани - бесспорно главное орудие ее чар:
"I fear I cannot agree with you about Mr. Thackeray's works.	- Боюсь, я никак не могу согласиться с вами.
He is a cynic.	Мистер Теккерей - циник.

I fear he is not the gentleman Mr. Dickens is."	Мне кажется, ему далеко до мистера Диккенса -вот тот уж истинный джентльмен.
What a silly thing to say to a man, thought Scarlett, ready to giggle with relief.	"Господи, о какой чепухе она разговаривает с мужчиной! - подумала, едва не фыркнув, Скарлетт, у которой сразу отлегло от сердца.
Why, she's no more than a bluestocking and everyone knows what men think of bluestockings... The way to get a man interested and to hold his interest was to talk about him, and then gradually lead the conversation around to yourself-and keep it there.	- Да она же просто синий чулок, а ведь общеизвестно, как относятся мужчины к таким девушкам... Чтобы заинтересовать мужчину и удержать его при себе, нужно сначала вести разговор о нем самом, а потом постепенно, незаметно перевести на себя и дальше уже придерживаться этой темы".

Scarlett would have felt some cause for alarm if Melanie had been saying:	Скарлетт, несомненно, забеспокоилась бы, скажи Мелани примерно следующее:
"How wonderful you are!" or	"Как это замечательно, то, что вы сказали!" или:
"How do you ever think of such things?	"Какие необычные мысли родятся у вас в голове!
My little ole brain would bust if I even tried to think about them!"	Мой бедный умишко лопнет от натуги, если я стану думать о таких серьезных вещах!"
But here she was, with a man at her feet, talking as seriously as if she were in church.	А Мелани вместо этого, глядя на мужчину у своих ног, разговаривает с таким постным лицом, словно сидит в церкви.

The prospect looked brighter to Scarlett, so bright in fact that she turned beaming eyes on Charles and smiled from pure joy.	Будущее снова предстало перед Скарлетт в розовом свете, и она опять настолько воспряла духом, что глаза ее сияли, а на губах играла радостная улыбка, когда она повернулась, наконец, к Чарльзу.

Enraptured at this evidence of her affection, he grabbed up her fan and plied it so enthusiastically her hair began to blow about untidily.	Вдохновленный этим доказательством расположения, он схватил ее веер и с таким усердием принялся им махать, что у нее растрепалась прическа.

"Ashley, you have not favored us with your opinion," said Jim Tarleton, turning from the group of shouting men, and with an apology Ashley excused himself and rose.	- А вашего мнения мы еще не удостоились услышать, - сказал, обращаясь к Эшли, Джим Тарлтон. Он стоял поодаль, в группе громко споривших о чем-то мужчин, и Эшли, извинившись перед Мелани, встал.
There was no one there so handsome, thought Scarlett, as she marked how graceful was his negligent pose and how the sun gleamed on his gold hair and mustache.	"Он самый красивый мужчина здесь", - подумала Скарлетт, любуясь непринужденной грацией его движений и игрой солнца в белокурых волосах.
Even the older men stopped to listen to his words.	Даже мужчины постарше умолкли, прислушиваясь к его словам.

"Why, gentlemen, if Georgia fights, I'll go with her.	- Что ж, господа, если Джорджия будет сражаться, я встану под ее знамена.
Why else would I have joined the Troop?" he said.	Для чего бы иначе вступил я в Эскадрон?
His gray eyes opened wide and their drowsiness disappeared in an intensity that Scarlett had never seen before.	- Всякий налет мечтательности исчез из его широко раскрытых серых глаз, уступив место выражению такой решимости, что Скарлетт была поражена.
"But, like Father, I hope the Yankees will let us go in peace and that there will be no fighting-" He held up his hand with a smile, as a babel of voices from the Fontaine and Tarleton boys began.	- Но я разделяю надежду отца, что янки не станут вторгаться в нашу жизнь и нам не придется воевать. - Он, улыбаясь, поднял руку, когда братья Фонтейны и Тарлтоны что-то загалдели наперебой.

"Yes, yes, I know we've been insulted and lied to-but if we'd been in the Yankees' shoes and they were trying to leave the Union, how would we have acted?	- Да, да, я знаю, мы подвергались оскорблениям, нас обманывали... но будь мы на месте янки и захоти они выйти из Союза, как бы поступили мы?
Pretty much the same.	Да примерно так же.
We wouldn't have liked it."	Нам бы это не понравилось.
"There he goes again," thought Scarlett.	"Ну конечно, как всегда, - подумала Скарлетт.
"Always putting himself in the other fellow's shoes."	- Вечно-то он старается поставить себя на место другого".
To her, there was never but one fair side to an argument.	Она не считала, что в споре каждая сторона может быть по-своему права.

Sometimes, there was no understanding Ashley.	Порой она просто не понимала Эшли.
"Let's don't be too hot headed and let's don't have any war.	- Не будем слишком горячиться и очертя голову лезть в драку.
Most of the misery of the world has been caused by wars.	Многие бедствия мира проистекали от войн.
And when the wars were over, no one ever knew what they were all about."	А потом, когда война кончалась, никто, в сущности, не мог толком объяснить, к чему все это было.

Scarlett sniffed.	Скарлетт даже фыркнула.

Lucky for Ashley that he had an unassailable reputation for courage, or else there'd be trouble.	Счастье для Эшли, что у него такая неуязвимая репутация - никому даже в голову не придет усомниться в его храбрости, не то он мог бы нарваться на оскорбление.
As she thought this, the clamor of dissenting voices rose up about Ashley, indignant, fiery.	И не успела она это подумать, как шум в группе молодежи, окружавшей Эшли, усилился, послышались гневные возгласы.
Under the arbor, the deaf old gentleman from Fayetteville punched India.	В беседке старый глухой джентльмен из Фейетвилла дернул Индию за рукав:
"What's it all about?	- О чем это они?
What are they saying?"	Что случилось?

"War!" shouted India, cupping her hand to his ear.	- Война! - крикнула Индия, приставив руку к его у^{x}у.
"They want to fight the Yankees!"	- Они хотят воевать с янки.
"War, is it?" he cried, fumbling about him for his cane and heaving himself out of his chair with more energy than he had shown in years.	- Война? Вон оно что! - воскликнул старик, нашарил свою палку и так резко вскочил со стула, что удивил всех, знавших его много лет.
"I'll tell 'um about war.	- Я могу им кое-что порассказать на этот счет.
I've been there."	Я был на войне.

It was not often that Mr. McRae had the opportunity to talk about war, the way his women folks shushed him.	- Мистеру Макра нечасто выпадала такая возможность поговорить о войне - чаще всего женская половина его семейства успевала заткнуть ему рот.
He stumped rapidly to the group, waving his cane and shouting and, because he could not hear the voices about him, he soon had undisputed possession of the field.	Размахивая палкой и что-то восклицая, мистер Макра поспешно зашагал к стоявшей поодаль группе мужчин, а поскольку он был глух как пробка и не мог слышать своих оппонентов, те вынуждены были вскоре сложить оружие.
"You fire-eating young bucks, listen to me.	- Эй вы, отчаянные молодые головы, послушайте меня - старика.
You don't want to fight.	Не нужна вам эта война.

I fought and I know.	Я-то воевал и знаю.
Went out in the Seminole War and was a big enough fool to go to the Mexican War, too.	Участвовал и в Семинольской кампании, был, как дурак, и на Мексиканской войне.
You all don't know what war is.	Никто из вас не знает, что такое война.
You think it's riding a pretty horse and having the girls throw flowers at you and coming home a hero.	Вы думаете, это - скакать верхом на красавце коне, улыбаться девушкам, которые будут бросать вам цветы, и возвратиться домой героем.
Well, it ain't.	Так это совсем не то.
No, sir!	Да, сэр!

It's going hungry, and getting the measles and pneumonia from sleeping in the wet.	Это - ходить не жравши, спать на сырой земле и болеть лихорадкой и воспалением легких.

And if it ain't measles and pneumonia, it's your bowels.	А не лихорадкой, так поносом.
Yes sir, what war does to a man's bowels- dysentery and things like that-"	Да, сэр, война не щадит кишок - тут тебе и дизентерия, и...
The ladies were pink with blushes.	Щеки дам порозовели от смущения.

Mr. McRae was a reminder of a cruder era, like Grandma Fontaine and her embarrassingly loud belches, an era everyone would like to forget.	Мистер Макра, подобно бабуле Фонтейн с ее ужасно громкой отрыжкой, был живым напоминанием об ушедшей в прошлое более грубой эпохе, которую все стремились забыть.
"Run get your grandpa," hissed one of the old gentleman's daughters to a young girl standing near [b]y.	- Ступай, уведи оттуда дедушку, - прошипела одна из дочерей старика на ухо стоявшей рядом дочке.
"I declare," she whispered to the fluttering matrons about her, "he gets worse every day.	- Право же, он день ото дня становится все невыносимей, - шепотом призналась она окружавшим ее раскудахтавшимся матронам.

Would you believe it, this very morning he said to Mary-and she's only sixteen: 'Now, Missy..." And the voice went off into a whisper as the granddaughter slipped out to try to induce Mr. McRae to return to his seat in the shade.	- Вообразите, не далее как сегодня утром он сказал Мэри - а ей всего шестнадцать... - Дальше шепот стал еле слышным, и внучка выскользнула из беседки, чтобы сделать попытку увести мистера Макра обратно на его место в тень.
Of all the group that milled about under the trees, girls smiling excitedly, men talking impassionedly, there was only one who seemed calm.	Среди всей этой разгуливающей под деревьями толпы - оживленно разговаривающих мужчин и взволнованно улыбающихся девушек - только один человек оставался, казалось, совершенно невозмутимым.

Scarlett's eyes turned to Rhett Butler, who leaned against a tree, his hands shoved deep in his trouser pockets. He stood alone, since Mr. Wilkes had left his side, and had uttered no word as the conversation grew hotter.	Скарлетт снова поглядела на Ретта Батлера: он стоял, прислонясь к дереву, засунув руки в карманы брюк, стоял совсем один - с той минуты, как мистер Уилкс отошел от него, - и не проронил ни слова, в то время как среди мужчин спор разгорался все жарче.
The red lips under the close-clipped black mustache curled down and there was a glint of amused contempt in his black eyes-contempt, as if he listened to the braggings of children.	По его губам, под тонкими темными усиками скользила едва заметная улыбка, и в темных глазах поблескивала снисходительная усмешка, словно он слушал забавлявшую его похвальбу раззадорившихся ребятишек.

A very disagreeable smile, Scarlett thought.	"Какая неприятная у него улыбка", - подумалось Скарлетт.
He listened quietly until Stuart Tarleton, his red hair tousled and his eyes gleaming, repeated:	Он молча прислушивался к спору, пока Стюарт Тарлтон, рыжий, взлохмаченный, с горящим взором, не выкрикнул в который уже раз:
"Why, we could lick them in a month!	- Мы разобьем их в один месяц!
Gentlemen always fight better than rabble.	Что может этот сброд против истинных джентльменов!
A month-why, one battle-"	Да какое там в месяц - в одном сражении...

"Gentlemen," said Rhett Butler, in a flat drawl that bespoke his Charleston birth, not moving from his position against the tree or taking his hands from his pockets, "may I say a word?"	- Джентльмены, позволено ли мне будет вставить слово? - сказал Ретт Батлер, не изменив позы, не вынув рук из карманов и лениво, на чарльстонский лад растягивая слова.
There was contempt in his manner as in his eyes, contempt overlaid with an air of courtesy that somehow burlesqued their own manners.	В голосе его и во взгляде сквозило презрение, замаскированное изысканной вежливостью, которая в свою очередь смахивала на издевку.
The group turned toward him and accorded him the politeness always due an outsider.	Все мужчины обернулись к нему и замолчали, преувеличенной любезностью подчеркивая, что он не принадлежит к их кругу.

"Has any one of you gentlemen ever thought that there's not a cannon factory south of the Mason-Dixon Line?	- Задумывался ли кто-нибудь из вас, джентльмены, над тем, что к югу от железнодорожной линии Мейкон - Диксон нет ни одного оружейного завода?
Or how few iron foundries there are in the South?	Или над тем, как вообще мало литейных заводов на Юге?
Or woolen mills or cotton factories or tanneries?	Так же как и ткацких фабрик, и шерстопрядильных и кожевенных предприятий?

Have you thought that we would not have a single warship and that the Yankee fleet could bottle up our harbors in a week, so that we could not sell our cotton abroad?	Задумывались вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка?
But-of course-you gentlemen have thought of these things."	Впрочем, само собой разумеется, вы задумывались над этим, джентльмены.
"Why, he means the boys are a passel of fools!" thought Scarlett indignantly, the hot blood coming to her cheeks.	"Да он, кажется, считает наших мальчиков просто кучей идиотов!" - возмущенно подумала Скарлетт, и кровь прилила к ее щекам.

Evidently, she was not the only one to whom this idea occurred, for several of the boys were beginning to stick out their chins.	По-видимому, такая мысль пришла в голову не ей одной, так как кое-кто из юношей с вызовом поглядел на говорившего.
John Wilkes casually but swiftly came back to his place beside the speaker, as if to impress on all present that this man was his guest and that, moreover, there were ladies present.	Но Джон Уилкс тут же как бы случайно оказался возле Ретт" Батлера, словно желая напомнить всем, что это его гость и к тому же здесь присутствуют дамы.

"The trouble with most of us Southerners," continued Rhett Butler, "is that we either don't travel enough or we don't profit enough by our travels.	- Вся беда у нас, южан, в том, что мы мало разъезжаем по свету или мало наблюдений выносим из наших путешествий.
Now, of course, all you gentlemen are well traveled.	Ну, конечно, все вы, джентльмены, много путешествовали.
But what have you seen?	Но что вы видели?
Europe and New York and Philadelphia and, of course, the ladies have been to Saratoga" (he bowed slightly to the group under the arbor).	Европу, Нью-Йорк и Филадельфию, и дамы, - он сделал легкий поклон в сторону беседки, - без сомнения, побывали в Саратоге.

"You've seen the hotels and the museums and the balls and the gambling houses.	Вы видели отели и музеи, посещали балы и игорные дома.

And you've come home believing that there's no place like the South.	И возвратились домой, исполненные уверенности в том, что нет на земле места лучше нашего Юга.
As for me, I was Charleston born, but I have spent the last few years in the North."	Что до меня, то я родился в Чарльстоне, но последние несколько лет провел на Севере.

His white teeth showed in a grin, as though he realized that everyone present knew just why he no longer lived in Charleston, and cared not at all if they did know.	- Он усмехнулся, сверкнув белыми зубами, словно давая понять, что ни для кого из присутствующих, конечно, не секрет, почему он больше не живет в Чарльстоне, только ему на это наплевать.
"I have seen many things that you all have not seen.	И я видел многое, чего никто из вас не видел.
The thousands of immigrants who'd be glad to fight for the Yankees for food and a few dollars, the factories, the foundries, the shipyards, the iron and coal mines-all the things we haven't got.	Я видел тысячи иммигрантов, готовых за кусок хлеба и несколько долларов сражаться на стороне янки, я видел заводы, фабрики, верфи, рудники и угольные копи - все то, чего у нас нет.

Why, all we have is cotton and slaves and arrogance.	А у нас есть только хлопок, рабы и спесь.
They'd lick us in a month."	Это не мы их, а они нас разобьют в один месяц.
For a tense moment, there was silence.	На мгновение воцарилась мертвая тишина.
Rhett Butler removed a fine linen handkerchief from his coat pocket and idly flicked dust from his sleeve.	Ретт Батлер достал из кармана тонкий полотняный носовой платок и небрежно смахнул пыль с рукава.
Then an ominous murmuring arose in the crowd and from under the arbor came a humming as unmistakable as that of a hive of newly disturbed bees.	Затем зловещий шепот пронесся над толпой гостей, а беседка загудела, как потревоженный улей.

Even while she felt the hot blood of wrath still in her cheeks, something in Scarlett's practical mind prompted the thought that what this man said was right, and it sounded like common sense.	И хотя щеки Скарлетт еще пылали от гнева, в практичном уме ее промелькнула мысль, что человек этот прав - слова его не лишены здравого смысла.
Why, she'd never even seen a factory, or known anyone who had seen a factory.	И в самом деле, она в жизни не видала ни одного завода или хотя бы человека, который бы своими глазами видел завод.

But, even if it were true, he was no gentleman to make such a statement-and at a party, too, where everyone was having a good time.	Но все равно этот Батлер не джентльмен, он проявил дурное воспитание, позволив себе такое утверждение, да еще на пикнике, где люди собрались, чтобы повеселиться.
Stuart Tarleton, brows lowering, came forward with Brent close at his heels.	Стюарт Тарлтон, сдвинув брови, шагнул вперед, -Брент - за ним.

Of course, the Tarleton twins had nice manners and they wouldn't make a scene at a barbecue, even though tremendously provoked.	Конечно, близнецы слишком хорошо воспитаны -они не затеют драки прямо на барбекю, как бы ни чесались у них кулаки.
Just the same, all the ladies felt pleasantly excited, for it was so seldom that they actually saw a scene or a quarrel.	Тем не менее все дамы были приятно возбуждены - ведь им так редко выпадала удача быть свидетельницами публичных ссор.
Usually they had to hear of it third-hand.	Обычно все приходилось узнавать от третьих лиц.
"Sir," said Stuart heavily, "what do you mean?"	- Сэр, - угрожающе начал Стюарт, - что вы хотели этим сказать?

Rhett looked at him with polite but mocking eyes.	Ретт ответил вежливо, но в глазах его мелькнула насмешка:
"I mean," he answered, "what Napoleon-perhaps you've heard of him?- remarked once,	- Я хотел сказать, что Наполеон - вы, вероятно, слышали о нем - заметил как-то раз:
'God is on the side of the strongest battalion!'" and, turning to John Wilkes, he said with courtesy that was unfeigned: "You promised to show me your library, sir.	"Бог всегда на стороне более сильной армии!" - И, обращаясь к Джону Уилксу, произнес с почтительностью, в которой не было ничего наигранного: - Вы обещали показать мне вашу библиотеку, сэр.
Would it be too great a favor to ask to see it now?	Не слишком ли я злоупотреблю вашей любезностью, если попрошу вас сделать это сейчас?

I fear I must go back to Jonesboro early this afternoon where a bit of business calls me."	Боюсь, мне скоро придется отбыть в Джонсборо -там у меня маленькое, но неотложное дело.
He swung about, facing the crowd, clicked his heels together and bowed like a dancing master, a bow that was graceful for so powerful a man, and as full of impertinence as a slap in the face. Then he walked across the lawn with John Wilkes, his black head in the air, and the sound of his discomforting laughter floated back to the group about the tables.	Повернувшись к остальным гостям, он щелкнул каблуком, отвесил низкий, как в танце, поклон -неожиданно легкий и грациозный для такого атлетически сложенного мужчины и одновременно вызывающий, как пощечина, - и последовал за Джоном Уилксом к дому, высоко неся свою темноволосую голову. До оставшихся на лужайке долетел его раздражающе саркастический смех.

There was a startled silence and then the buzzing broke out again.	На мгновение наступило растерянное молчание, а затем голоса загудели вновь.
India rose tiredly from her seat beneath the arbor and went toward the angry Stuart Tarleton.	Индия устало поднялась со стула возле беседки и направилась к рассвирепевшему Стюарту Тарлтону.
Scarlett could not hear what she said, but the look in her eyes as she gazed up into his lowering face gave Scarlett something like a twinge of conscience.	Слов Индии Скарлетт не слышала, но то, что она прочла в устремленном на Стюарта взгляде, заставило ее испытать нечто похожее на укол совести.
It was the same look of belonging that Melanie wore when she looked at Ashley, only Stuart did not see it.	Это был тот же отрешенный от себя взгляд, какой был у Мелани, когда она смотрела на Эшли, только Стюарт этого не видел.

So India did love him.	Так, значит, Индия любит его!
Scarlett thought for an instant that if she had not flirted so blatantly with Stuart at that political speaking a year ago, he might have married India long ere this.	Невольно у Скарлетт мелькнула мысль, что не начни она тогда, на этом политическом сборище, так отчаянно кокетничать со Стюартом, может быть, он давно женился бы на Индии.
But then the twinge passed with the comforting thought that it wasn't her fault if other girls couldn't keep their men.	Но она тут же успокоилась, сказав себе: не ее это вина, если некоторые девушки не умеют удержать возле себя мужчину.
Finally Stuart smiled down at India, an unwilling smile, and nodded his head.	Но вот Стюарт явно принужденно улыбнулся Индия и кивнул.

Probably India had been pleading with him not to follow Mr. Butler and make trouble.	Должно быть, Индия уговорила его оставить мистера Батлера в покое и не затевать ссоры.

A polite tumult broke out under the trees as the guests arose, shaking crumbs from laps. The married women called to nurses and small children and gathered their broods together to take their departure, and groups of girls started off, laughing and talking, toward the house to exchange gossip in the upstairs bedrooms and to take their naps.	Под деревьями все пришло в движение, гости поднимались, стряхивая с платья крошки, замужние женщины окликали ребятишек и нянек и собирали под крылышко своих птенцов, дабы отправиться восвояси, а девушки небольшими группками, болтая я смеясь, направились к дому, чтобы там, в верхних комнатах, вволю посплетничать и вздремнуть.

All the ladies except Mrs. Tarleton moved out of the back yard, leaving the shade of oaks and arbor to the men. She was detained by Gerald, Mr. Calvert and the others who wanted an answer from her about the horses for the Troop.	Все дамы покинули тень дубов и беседку, предоставив их в распоряжение мужчин, и только миссис Тарлтон пришлось задержаться - Джералд, мистер Калверт и кто-то еще хотели получить у нее ответ: даст она лошадей для Эскадрона или нет.
Ashley strolled over to where Scarlett and Charles sat, a thoughtful and amused smile on his face.	Эшли, задумчиво и чуточку насмешливо улыбаясь, направился туда, где сидели Скарлетт и Чарльз.
"Arrogant devil, isn't he?" he observed, looking after Butler.	- Дерзкий малый, что вы скажете? - заметил он, глядя вслед удалившемуся Ретту Батлеру.

"He looks like one of the Borgias."	- Ну прямо герцог Борджиа.
Scarlett thought quickly but could remember no family in the County or Atlanta or Savannah by that name.	Скарлетт постаралась напрячь память, перебирая в уме все знатные семейства графства и даже Атланты и Саванны, но решительно не могла припомнить такой фамилии.
"I don't know them.	- Кто они? Я таких что-то не знаю.
Is he kin to them? Who are they?"	Он их родственник?
An odd look came over Charles' face, incredulity and shame struggling with love.	Чарльз как-то странно посмотрел на нее -недоумевающе и смущенно, но любовь тут же превозмогла все.

Love triumphed as he realized that it was enough for a girl to be sweet and gentle and beautiful, without having an education to hamper her charms, and he made swift answer:	Любовь подсказала ему, что для девушки достаточно быть красивой, доброй и обаятельной, а образованность может только нанести ущерб ее чарам, и сказал поспешно:
"The Borgias were Italians."	Борджиа были итальянцами.
"Oh," said Scarlett, losing interest, "foreigners."	- А, иностранцы, - протянула Скарлетт, сразу потеряв к ним всякий интерес.
She turned her prettiest smile on Ashley, but for some reason he was not looking at her.	Она подарила Эшли самую чарующую из своих улыбок, но он почему-то избегал ее взгляда.

He was looking at Charles, and there was understanding in his face and a little pity.	Он смотрел на Чарльза с каким-то странным выражением сочувствия и понимания.
Scarlett stood on the landing and peered cautiously over the banisters into the hall below.	Скарлетт стояла на площадке лестницы и украдкой поглядывала вниз.
It was empty.	Холл был пуст.
From the bedrooms on the floor above came an unending hum of low voices, rising and falling, punctuated with squeaks of laughter and,	Из спален наверху, то замирая, то вновь набирая силу, доносился неумолчный гул голосов, взрывы смеха, отрывочные восклицания:

"Now, you didn't, really!" and	"Неужели! Не может быть!",

"What did he say then?"	"И что же он тогда сказал?".
On the beds and couches of the six great bedrooms, the girls were resting, their dresses off, their stays loosed, their hair flowing down their backs.	В шести просторных спальнях девушки, скинув платья, расшнуровав корсеты, распустив по плечам волосы, отдыхали - кто на кроватях, кто на кушетках.
Afternoon naps were a custom of the country and never were they so necessary as on the all-day parties, beginning early in the morning and culminating in a ball.	Обычай спать после обеда неукоснительно соблюдался в этих краях, а в такие дни, когда празднество начиналось с утра и заканчивалось балом, отдых был просто необходим.

For half an hour, the girls would chatter and laugh, and then servants would pull the shutters and in the warm half-gloom the talk would die to whispers and finally expire in silence broken only by soft regular breathing.	Полчаса девушки будут болтать и смеяться, а затем придут слуги и закроют ставни, и в теплом полумраке громкая перекличка голосов перейдет в шепот, потом замрет совсем, и только тихий, равномерный звук дыхания будет нарушать тишину.
Scarlett had made certain that Melanie was lying down on the bed with Honey and Hetty Tarleton before she slipped into the hall and started down the stairs.	Убедившись, что Мелани уже улеглась в постель вместе с Милочкой и Хэтти Тарлтон, Скарлетт выскользнула из спальни и стала спускаться в холл.

From the window on the landing, she could see the group of men sitting under the arbor, drinking from tall glasses, and she knew they would remain there until late afternoon.	В окно на площадке лестницы ей была видна беседка и фигуры сидевших там мужчин. Все пили вино из высоких бокалов, и Скарлетт знала, что это занятие продлится у них до вечера.
Her eyes searched the group but Ashley was not among them.	Она пригляделась внимательно, но не обнаружила среди них Эшли.
Then she listened and she heard his voice.	И вдруг услышала его голос.
As she had hoped, he was still in the front driveway bidding good-by to departing matrons and children.	Ее надежды оправдались: он был во дворе перед домом - провожал отъезжавших матрон с детьми.

Her heart in her throat, she went swiftly down the stairs.	Чувствуя, как колотится у нее сердце, Скарлетт поспешила вниз.
What if she should meet Mr. Wilkes?	А что, если она столкнется с мистером Уилксом?
What excuse could she give for prowling about the house when all the other girls were getting their beauty naps?	Какую придумать отговорку, как объяснить ему, почему она бродит по дому, а не легла вздремнуть по примеру всех остальных девушек?
Well, that had to be risked.	Делать нечего, придется рискнуть.

As she reached the bottom step, she heard the servants moving about in the dining room under the butler's orders, lifting out the table and chairs in preparation for the dancing.	Спускаясь по лестнице, она услышала, как слуги под руководством дворецкого выносят из столовой столы и стулья, освобождая место для танцев.
Across the wide hall was the open door of the library and she sped into it noiselessly.	Дверь в глубине холла, ведущая в библиотеку, была приотворена, и она бесшумно проскользнула туда.
She could wait there until Ashley finished his adieux and then call to him when he came into the house.	Она подождет здесь, пока Эшли проводит гостей, и окликнет его, когда он будет проходить через холл.

The library was in semidarkness, for the blinds had been drawn against the sun.	В библиотеке царил полумрак, жалюзи на окнах были спущены.
The dim room with towering walls completely filled with dark books depressed her.	Скарлетт почувствовала себя неуютно среди этих высоких стен, среди смотревших на нее отовсюду темных корешков книг.
It was not the place which she would have chosen for a tryst such as she hoped this one would be.	Будь на то ее воля, совсем другое место выбрала бы она для такого свидания, какое, по ее расчетам, должно было здесь состояться.
Large numbers of books always depressed her, as did people who liked to read large numbers of books.	Вид множества книг всегда нагонял на нее тоску -совершенно, так же, впрочем, как и люди, поглощавшие книги в таком количестве.

That is-all people except Ashley.	Все, за исключением, конечно, Эшли.
The heavy furniture rose up at her in the halflight, high-backed chairs with deep seats and wide arms, made for the tall Wilkes men, squatty soft chairs of velvet with velvet hassocks before them for the girls.	Она различала неясные очертания старинной мебели: глубоких кресел с высокой спинкой, с широкими подлокотниками - для рослого мужского племени Уилксов, и низеньких, мягких, обитых бархатом кресел с брошенными перед ними на пол подушками - для дам.
Far across the long room before the hearth, the seven-foot sofa, Ashley's favorite seat, reared its high back, like some huge sleeping animal.	Стоявший в дальнем углу комнаты перед камином длинный диван с высокой спинкой - излюбленное место отдыха Эшли - был; похож на большое спящее животное.

She closed the door except for a crack and tried to make her heart beat more slowly.	Скарлетт притворила дверь, оставив небольшую щелку, и замерла, стараясь унять сердцебиение.
She tried to remember just exactly what she had planned last night to say to Ashley, but she couldn't recall anything.	Она обнаружила, что не может припомнить ни единого слова из того, что еще ночью приготовилась сказать Эшли.
Had she thought up something and forgotten it-or had she only planned that Ashley should say something to her?	То ли все это вылетело у нее из головы, то ли она больше думала тогда о том, что он скажет ей?
She couldn't remember, and a sudden cold fright fell upon her.	Теперь она не могла вспомнить ничего и внезапно похолодела от страха.

If her heart would only stop pounding in her ears, perhaps she could think of what to say.	Если бы хоть сердце перестало так бешено колотиться, может быть, она еще чего-нибудь и придумала бы.
But the quick thudding only increased as she heard him call a final farewell and walk into the front hall.	Но глухие удары только участились, когда она услышала, как Эшли, еще раз крикнув что-то на прощание, вошел в холл.
All she could think of was that she loved him-everything about him, from the proud lift of his gold head to his slender dark boots, loved his laughter even when it mystified her, loved his bewildering silences.	Все мысли исчезли, осталось только одно: она любит его. Любит гордую посадку его белокурой головы, все, все в нем любит, даже блеск его узких черных сапог, и его смех, так часто ставивший ее в тупик, и его загадочную, повергавшую ее в смущение молчаливость.

Oh, if only he would walk in on her now and take her in his arms, so she would be spared the need of saying anything.	Ах, если бы он просто вошел сюда, заключил ее в объятия и избавил от необходимости что-то говорить.

He must love her- "Perhaps if I prayed-" She squeezed her eyes tightly and began gabbling to herself	Ведь он же любит ее... "Может, если помолиться?.." Она крепко зажмурилась и зашептала скороговоркой:
"Hail Mary, full of grace-"	- Пресвятая матерь божия, владычица...

"Why, Scarlett!" said Ashley's voice, breaking in through the roaring in her ears and throwing her into utter confusion.	- Как? Это вы, Скарлетт? - услышала она голос Эшли сквозь бешеный стук сердца, отдававшийся у нее в ушах, и, открыв глаза, замерла в страшной растерянности.
He stood in the hall peering at her through the partly opened door, a quizzical smile on his face.	Он стоял за приотворенной дверью и смотрел на нее; шутливо-вопросительная улыбка играла на его губах.
"Who are you hiding from-Charles or the Tarletons?"	- От кого вы тут прячетесь - от Чарльза или от Тарлтонов?
She gulped.	От радости у нее перехватило дыхание.

So he had noticed how the men had swarmed about her!	Значит, он заметил, как они все вертелись вокруг нее!
How unutterably dear he was standing there with his eyes twinkling, all unaware of her excitement.	Она взглянула в его смеющиеся глаза и снова почувствовала, как он бесконечно дорог ей. А он стоял, не замечая охватившего ее волнения.
She could not speak, but she put out a hand and drew him into the room.	Она не могла произнести ни слова и молча, вцепилась в его рукав, потянула за собой в библиотеку.

He entered, puzzled but interested. There was a tenseness about her, a glow in her eyes that he had never seen before, and even in the dim light he could see the rosy flush on her cheeks.	Удивленный, заинтригованный, он видел, что она вся словно натянутая струна, видел, как странно, лихорадочно блестят в полумраке ее глаза и пылают щеки.
Automatically he closed the door behind him and took her hand.	Почти бессознательно он притворил за собой дверь и взял ее за руку.
"What is it?" he said, almost in a whisper.	- Что случилось? - спросил он, невольно понизив голос до шепота.

At the touch of his hand, she began to tremble.	При его прикосновении она задрожала.
It was going to happen now, just as she had dreamed it.	Вот! Это произойдет сейчас - все будет так, как она мечтала!
A thousand incoherent thoughts shot through her mind, and she could not catch a single one to mold into a word.	Беспорядочные мысли кружились в ее мозгу, но ни одна из них не находила выражения в словах.
She could only shake and look up into his face.	Вся дрожа, она смотрела ему в глаза.

Why didn't he speak?	Почему он молчит?
"What is it?" he repeated.	- Так что же случилось? - повторил он.
"A secret to tell me?"	- Вы хотите поведать мне какой-то секрет?
Suddenly she found her tongue and just as suddenly all the years of Ellen's teachings fell away, and the forthright Irish blood of Gerald spoke from his daughter's lips.	Внезапно она обрела дар речи, и в тот же миг все наставлений Эллин улетучились из ее сознания, и ирландская кровь Джералда необуздано заговорила в ней.

"Yes-a secret. I love you."	- Да, хочу... Я люблю вас.

For an instance there was a silence so acute it seemed that neither of them even breathed.	В воцарившейся на мгновение тишине не слышно было, казалось, даже ее дыхания.
Then the trembling fell away from her, as happiness and pride surged through her. Why hadn't she done this before?	И охватившая ее дрожь тут же унялась -счастливая и гордая, она подумала: почему не призналась она ему раньше?
How much simpler than all the ladylike maneuverings she had been taught.	Насколько это проще, чем всевозможные женские уловки, которым ее учили!
And then her eyes sought his.	И она посмотрела ему в глаза.

There was a look of consternation in them, of incredulity and something more-what was it? Yes, Gerald had looked that way the day his pet hunter had broken his leg and he had had to shoot him.	Она прочла в них испуг, недоверие и что-то еще, другое... Да, такой же взгляд был у Джеральда, когда он смотрел на свою любимую лошадь, которую должен был пристрелить, потому что она сломала ногу.
Why did she have to think of that now?	Почему вспомнилось ей это сейчас?
Such a silly thought.	Что за идиотская мысль!
And why did Ashley look so oddly and say nothing?	И почему Эшли смотрит на нее так странно и молчит?
Then something like a well-trained mask came down over his face and he smiled gallantly.	Но тут лицо его приняло обыденное выражение -он словно бы надел свою привычную маску и улыбнулся.

"Isn't it enough that you've collected every other man's heart here today?" he said, with the old, teasing, caressing note in his voice.	- Разве вам мало того, что вы покорили здесь сегодня все сердца? - спросил он с прежней ласково-насмешливой ноткой в голосе.
"Do you want to make it unanimous?	- Вам нужна еще одна, завершающая победа?
Well, you've always had my heart, you know.	Но мое сердце всегда принадлежало вам, вы же это знаете.
You cut your teeth on it."	Вы можете терзать его, рвать на части.
Something was wrong-all wrong!	Что-то было не так.

This was not the way she had planned it.	Все получалось совсем, совсем не так. Не так, как она это себе представляла.
Through the mad tearing of ideas round and round in her brain, one was beginning to take form. Somehow-for some reason-Ashley was acting as if he thought she was just flirting with him.	Среди сумбура мыслей, вихрем проносившихся в ее голове, одна мысль приобрела отчетливость, неоспоримость: почему-то, по какой-то непонятной причине Эшли ведет себя так, словно думает, что она просто решила пофлиртовать с ним.
But he knew differently.	Но в глубине души он знает, что это не так.
She knew he did.	Она чувствовала, что он это знает.

"Ashley-Ashley-tell me-you must-oh, don't tease me now!	- Эшли, Эшли... скажите мне... вы должны сказать... Ах, перестаньте дразнить меня!
Have I your heart?	Ведь ваше сердце принадлежит мне?
Oh, my dear, I lo-"	О, мой дорогой, я люб...

His hand went across her lips, swiftly.	Его рука мягко зажала ей рот.
The mask was gone.	Маска слетела с его лица.
"You must not say these things, Scarlett!	- Вы не должны говорить так, Скарлетт!
You mustn't.	Не должны!
You don't mean them.	Вы этого не думаете.

You'll hate yourself for saying them, and you'll hate me for hearing them!"	И вы возненавидите себя за эти слова и меня за то, что я их слушал!
She jerked her head away.	Она тряхнула головой.
A hot swift current was running through her.	Почувствовала, как жаркой волной обдало ее всю с головы до пят.
"I couldn't ever hate you.	- Никогда, никогда!
I tell you I love you and I know you must care about me because-" She stopped. Never before had she seen so much misery in anyone's face.	Я люблю вас, и я знаю, что и вы тоже... Потому что... - Внезапно она умолкла, пораженная глубиной страдания, написанного на его лице.

"Ashley, do you care- you do, don't you?"	- Эшли, но вы же любите меня, любите, правда?
"Yes," he said dully.	- Да, - проговорил он глухо.
"I care."	- Да, люблю.
If he had said he loathed her, she could not have been more frightened.	Скажи он, что она ему ненавистна, и даже эти слова, верно, не испугали бы ее так.
She plucked at his sleeve, speechless.	Она, онемев, вцепилась в его рукав.
"Scarlett," he said, "can't we go away and forget that we have ever said these things?"	- Скарлетт, - сказал он, - расстанемся и забудем, навсегда то, что мы сейчас сказали друг другу.
"No," she whispered. "I can't.	- Нет, - прошептала она, - я не могу.
What do you mean?	Зачем же так?

Don't you want to-to marry me?"	Разве вы... разве вы не хотите жениться на мне?
He replied, "I'm going to marry Melanie."	- Я женюсь на Мелани, - ответил он.
Somehow she found that she was sitting on the low velvet chair and Ashley, on the hassock at her feet, was holding both her hands in his, in a hard grip.	Как в тумане вспомина-ла она потом, что сиде-ла на низеньком, оби-том бархатом кресле, а Эшли - на подушке у ее ног.
He was saying things-things that made no sense.	И он крепко-крепко сжимал ее руки и гово-рил что-то, звучавшее для нее совершенно бес-смысленно.

Her mind was quite blank, quite empty of all the thoughts that had surged through it only a moment before, and his words made no more impression than rain on glass.	Она ощущала странную пустоту в голове, все мысли, владевшие ею минуту назад, куда-то исчезли, и слова Эшли не проникали в ее сознание - Они были как капли дождя, которые скатываются со стекол, не оставляя на них следа.
They fell on unhearing ears, words that were swift and tender and full of pity, like a father speaking to a hurt child.	Он говорил с ней, словно отец с обиженным ребенком, но этот быстрый, нежный, полный сострадания шепот падал в пустоту.

The sound of Melanie's name caught in her consciousness and she looked into his crystal-gray eyes.	Имя Мелани вернуло ее к действительности, и она взглянула в его прозрачно-серые глаза.
She saw in them the old remoteness that had always baffled her-and a look of self-hatred.	В них снова была та отчужденность, которая всегда озадачивала ее, и - как ей показалось - словно бы презрение к самому себе.
"Father is to announce the engagement tonight.	- Сегодня отец должен объявить о нашей помолвке.
We are to be married soon.	Мы скоро поженимся.
I should have told you, but I thought you knew.	Мне следовало сказать это вам, но я думал, что вы уже знаете.

I thought everyone knew-had known for years.	Я полагал - это известно всем... не первый год известно.
I never dreamed that you-You've so many beaux.	Я никогда не думал, что вы... У вас столько поклонников.
I thought Stuart-"	Мне казалось, Стюарт...
Life and feeling and comprehension were beginning to flow back into her.	Жизнь понемногу возвращалась к ней, чувства оживали, и его слова стали проникать в ее сознание.
"But you just said you cared for me."	- Но вы же сейчас, минуту назад, сказали, что любите меня?
His warm hands hurt hers.	Он с силой сжал ее руки в своих горячих ладонях...

"My dear, must you make me say things that will hurt you?"	- Дорогая, не вынуждайте меня говорить то, что может причинить вам боль.
Her silence pressed him on.	Но она молчала, и он сказал:
"How can I make you see these things, my dear.	- Ну как могу я заставить вас посмотреть на вещи моими глазами, дорогая?
You who are so young and unthinking that you do not know what marriage means."	Вы так молоды, так беспечны, вы не знаете, что такое брак.
"I know I love you."	- Я знаю, что люблю вас.
"Love isn't enough to make a successful marriage when two people are as different as we are.	- Мы с вами слишком разные люди, Скарлетт, а для счастья в браке одной любви недостаточно.

You would want all of a man, Scarlett, his body, his heart, his soul, his thoughts. And if you did not have them, you would be miserable.	Ведь вы же захотите, чтобы мужчина принадлежал вам весь, без остатка - душой и телом, всеми своими помыслами, - иначе вы будете несчастны.
And I couldn't give you all of me.	Ля вам этого дать не могу.
I couldn't give all of me to anyone.	Никому не могу я отдать всего себя.
And I would not want all of your mind and your soul.	И от вас я не могу потребовать того же.
And you would be hurt, and then you would come to hate me-how bitterly!	И это будет вас оскорблять, и в конце концов вы возненавидите меня... О, как жестоко вы меня возненавидите!

You would hate the books I read and the music I loved, because they took me away from you even for a moment.	Вы возненавидите книги, что я читаю, и музыку, которую я люблю, - ведь они будут отнимать меня у вас.
And I-perhaps I-"	И я... быть может, я...
"Do you love her?"	- Вы любите ее?
"She is like me, part of my blood, and we understand each other.	- Мы с ней одна плоть и кровь, мы понимаем друг друга с полуслова.
Scarlett! Scarlett!	Ах, Скарлетт, Скарлетт!
Can't I make you see that a marriage can't go on in any sort of peace unless the two people are alike?"	Как мне убедить вас, что брак не может принести счастья, если муж и жена, совсем разные люди!

Some one else had said that:	Кто-то уже сказал это однажды:
"Like must marry like or there'll be no happiness."	"Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста".
Who was it?	Чьи это слова?
It seemed a million years since she had heard that, but it still did not make sense.	Они принеслись к ней откуда-то из дальней дали, словно с тех пор, как она их услышала, протекли столетия. Но все равно она не могла уразуметь их смысл.
"But you said you cared."	- Но вы сказали, что любите меня.
"I shouldn't have said it."	- Я не должен был этого говорить.

Somewhere in her brain, a slow fire rose and rage began to blot out everything else.	Где-то в глубине ее души медленно разгоралось пламя, и вот гнев вспыхнул, затемнив рассудок.
"Well, having been cad enough to say it-" His face went white.	- Но раз уж у вас хватило низости сказать это... Лицо Эшли побелело.
"I was a cad to say it, as I'm going to marry Melanie.	- Да, это было низко, потому что я женюсь на Мелани.
I did you a wrong and Melanie a greater one.	Я дурно поступил с вами и еще хуже с Мелани.
I should not have said it, for I knew you wouldn't understand.	Я не должен был этого говорить, зная наперед, что вы не поймете меня.
How could I help caring for you-you who have all the passion for life that I have not?	Как могу я не любить вас с вашей неуемной жаждой жизни, которой я обделен?

You who can love and hate with a violence impossible to me?	Вас, умеющую любить и ненавидеть с такой страстью, которая мне недоступна!
Why you are as elemental as fire and wind and wild things and I-"	Вы как огонь, как ветер, как что-то дикое, и я...
She thought of Melanie and saw suddenly her quiet brown eyes with their far-off look, her placid little hands in their black lace mitts, her gentle silences. And then her rage broke, the same rage that drove Gerald to murder and other Irish ancestors to misdeeds that cost them their necks.	Скарлетт вдруг вспомнила Мелани - ее кроткие карие глаза и мечтательный взгляд, ее хрупкие маленькие ручки в черных кружевных митенках, ее вежливую молчаливость... Ярость закипела в ее крови - все то неистовое, что толкнуло Джералда на убийство, что толкало его предков на преступления, приводившие их в петлю.

There was nothing in her now of the well-bred Robillards who could bear with white silence anything the world might cast.	Ничего не осталось в ней от воспитанных, невозмутимых Робийяров, умевших в холодном спокойствии принимать любые удары судьбы.
"Why don't you say it, you coward!	- Да бросьте вы мне зубы заговаривать, вы просто трус!
You're afraid to marry me!	Вы боитесь жениться на мне!
You'd rather live with that stupid little fool who can't open her mouth except to say 'Yes' or 'No' and raise a passel of mealymouthed brats just like her!	И со страху женитесь на этой маленькой жалкой дурочке, которая кроме "да" и "нет" слова произнести не может и нарожает вам таких же трусливых, безъязыких котят, как она сама!

Why-"	И...
"You must not say these things about Melanie!"	- Вы не должны так говорить о Мелани!
"'I mustn't' be damned to you!	- Да пошли вы к черту с вашей Мелани!
Who are you to tell me I mustn't?	Кто вы такой - указывать мне, что я должна и чего не должна говорить!
You coward, you cad, you-You made me believe you were going to marry me-"	Вы трус, вы низкий человек, вы... Вы заставили меня поверить, что женитесь на мне...
"Be fair," his voice pleaded.	- Ну, будьте же справедливы! - взмолился Эшли.
"Did I ever-"	- Разве я когда-нибудь...

She did not want to be fair, although she knew what he said was true.	Но она не желала быть справедливой, хотя и понимала, что он прав.
He had never once crossed the borders of friendliness with her and, when she thought of this fresh anger rose, the anger of hurt pride and feminine vanity.	Его поведение всегда было чисто дружеским, и только, и при мысли об этом ее гнев запылал с удвоенной силой, подогретый уязвленной женской гордостью и самолюбием.
She had run after him and he would have none of her.	Она вешается ему на шею, а он ее знать не хочет!
He preferred a whey-faced little fool like Melanie to her.	Он предпочел ей эту бесцветную дурочку!

Oh, far better that she had followed Ellen and Mammy's precepts and never, never revealed that she even liked him-better anything than to be faced with this scorching shame!	Ах, почему она не послушалась наставлений Эллин и Мамушки! Он не должен был даже подозревать о ее чувстве! Пусть бы он никогда-никогда не узнал об этом - все лучше, чем так сгорать со стыда!
She sprang to her feet, her hands clenched and he rose towering over her, his face full of the mute misery of one forced to face realities when realities are agonies.	Она вскочила на ноги, сжав кулаки. Он тоже поднялся и стоял, глядя на нее сверху вниз с выражением обреченности и страдания.

"I shall hate you till I die, you cad-you lowdown-lowdown-" What was the word she wanted? She could not think of any word bad enough.	- Я буду ненавидеть вас всегда, до самой смерти! Вы низкий, бесчестный... - Она никак не могла припомнить нужное, достаточно оскорбительное слово.
"Scarlett-please-"	- Скарлетт... поймите...
He put out his hand toward her and, as he did, she slapped him across the face with all the strength she had.	Он протянул к ней руку, и она с размаху, изо всей силы ударила его по лицу.

The noise cracked like a whip in the still room and suddenly her rage was gone, and there was desolation in her heart.	Звук пощечины, нарушивший тишину комнаты, был похож на звонкий удар бича, и внезапно вся ее ярость куда-то ушла и в сердце закралось отчаяние.
The red mark of her hand showed plainly on his white tired face.	Красное пятно от пощечины отчетливо проступило на его бледном усталом лице.
He said nothing but lifted her limp hand to his lips and kissed it.	Он молча взял ее безжизненно повисшую руку, поднес к губам и поцеловал.
Then he was gone before she could speak again, closing the door softly behind him.	И прежде чем она успела промолвить хоть слово, вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

She sat down again very suddenly, the reaction from her rage making her knees feel weak.	У нее подкосились ноги, и она упала в кресло.
He was gone and the memory of his stricken face would haunt her till she died.	Он ушел, и его бледное лицо с красным пятном от пощечины будет преследовать ее до могилы.
She heard the soft muffled sound of his footsteps dying away down the long hall, and the complete enormity of her actions came over her.	Она слышала его затихающие шаги в холле, и чудовищность всего, что она натворила, постепенно все глубже и глубже проникала в ее сознание.
She had lost him forever.	Она потеряла его навсегда.

Now he would hate her and every time he looked at her he would remember how she threw herself at him when he had given her no encouragement at all.	Теперь он возненавидит ее и всякий раз, глядя на нее, будет вспоминать, как она навязывалась ему без всякого с его стороны повода.
"I'm as bad as Honey Wilkes," she thought suddenly, and remembered how everyone, and she more than anyone else, had laughed contemptuously at Honey's forward conduct.	"Я не лучше Милочки", - внезапно подумала она, припомнив вдруг, как все - а сама она еще пуще других - высмеивали развязное поведение Милочки.

She saw Honey's awkward wigglings and heard her silly titters as she hung onto boys' arms, and the thought stung her to new rage, rage at herself, at Ashley, at the world.	Ей живо представилось глупое хихиканье Милочки, повисшей на руке у какого-нибудь очередного кавалера, припомнились ее неуклюжие ужимки, и она почувствовала, как в ней снова закипает злоба - злоба на себя, на Эшли, на весь мир.
Because she hated herself, she hated them all with the fury of the thwarted and humiliated love of sixteen.	Она ненавидела себя и ненавидела всех за свою первую детскую отвергнутую любовь и за свое унижение.

Only a little true tenderness had been mixed into her love. Mostly it had been compounded out of vanity and complacent confidence in her own charms.	В ее чувствах к Эшли немного подлинной нежности сплелось с большой долей тщеславия и самодовольной уверенности в силе своих чар.
Now she had lost and, greater than her sense of loss, was the fear that she had made a public spectacle of herself.	Она потерпела поражение, но сильнее, чем горечь этого поражения, был страх: что, если она сделалась теперь всеобщим посмешищем?
Had she been as obvious as Honey?	Может быть, она своим поведением так же привлекала к себе внимание, как Милочка?
Was everyone laughing at her?	Может быть, все смеются над ней?

She began to shake at the thought.	При этой мысли по спине у нее пробежала дрожь.

Her hand dropped to a little table beside her, fingering a tiny china rose-bowl on which two china cherubs smirked.	Рука ее упала на маленький столик, стоявший возле кресла, пальцы машинально сжали вазу для цветов, на которой резвились два фарфоровых купидона.
The room was so still she almost screamed to break the silence. She must do something or go mad.	В комнате было так тихо, что ей захотелось закричать, сделать что-то, чтобы нарушить эту тишину: ей казалось - еще мгновение, и она сойдет с ума.
She picked up the bowl and hurled it viciously across the room toward the fireplace.	Она схватила вазу и что было сил запустила ею в камин.

It barely cleared the tall back of the sofa and splintered with a little crash against the marble mantelpiece.	Пролетев над диваном, ваза ударилась о мраморную каминную полку и разбилась на мелкие осколки.
"This," said a voice from the depths of the sofa, "is too much."	- Ну, это уж слишком, - прозвучало из-за спинки; дивана.
Nothing had ever startled or frightened her so much, and her mouth went too dry for her to utter a sound. She caught hold of the back of the chair, her knees going weak under her, as Rhett Butler rose from the sofa where he had been lying and made her a bow of exaggerated politeness.	От неожиданности и испуга Скарлетт на миг лишилась дара речи я ухватилась за кресло, чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, а с дивана поднялся Ретт Батлер и отвесил ей преувеличенно почтительный поклон.

"It is bad enough to have an afternoon nap disturbed by such a passage as I've been forced to hear, but why should my life be endangered?"	- Уж? достаточно неприятно, когда твой послеобеденный сон нарушают таким обменом любезностей, какой я вынужден был услышать, но зачем же еще подвергать мою жизнь опасности?
He was real.	Это было не привидение.
He wasn't a ghost.	Это в самом деле был он.
But, saints preserve us, he had heard everything!	Но боже милостивый, он же все слышал!
She rallied her forces into a semblance of dignity.	Призвав на помощь все свое самообладание, Скарлетт постаралась произнести с видом оскорбленного достоинства:

"Sir, you should have made known your presence."	- Сэр, вы должны были оповестить о своем присутствии!
"Indeed?"	- В самом деле?
His white teeth gleamed and his bold dark eyes laughed at her.	- Белые зубы сверкнули, темные глаза открыто смеялись над ней.
"But you were the intruder.	- Но ведь это вы вторглись в мою обитель.
I was forced to wait for Mr. Kennedy, and feeling that I was perhaps persona non grata in the back yard, I was thoughtful enough to remove my unwelcome presence here where I thought I would be undisturbed.	Будучи принужден дожидаться мистера Кеннеди и чувствуя, что я, по-видимому, персона нон грата среди собравшихся здесь, я благоразумно освободил их, от своей нежелательной особы и удалялся сюда, полагая, что тут меня не потревожат.

But, alas!" he shrugged and laughed softly.	Но, увы! - Он пожал плечами и негромко рассмеялся.

Her temper was beginning to rise again at the thought that this rude and impertinent man had heard everything- heard things she now wished she had died before she ever uttered.	А в ней снова начинало закипать бешенство при мысли о том, что этот грубый, наглый человек мог слышать все - все ее слова, которые она теперь ценой жизни хотела бы вернуть назад.
"Eavesdroppers-" she began furiously.	- Подслушивать! - возмущенно начала она.
"Eavesdroppers often hear highly entertaining and instructive things," he grinned.	- Подслушивая, можно порой узнать немало интересного и поучительного, - ухмыляясь, перебил он ее.

"From a long experience in eavesdropping, I-"	Имея большой опыт по части подслушивания, я...
"Sir," she said, "you are no gentleman!"	- Сэр, вы не джентльмен, - отрезала она.
"An apt observation," he answered airily.	- Очень, тонкое наблюдение, - весело, заметил он.
"And, you, Miss, are no lady." He seemed to find her very amusing, for he laughed softly again.	- Так же, как и; вы, мисс, - не леди, -По-видимому, он находил ее крайне забавной, так как снова негромко рассмеялся.
"No one can remain a lady after saying and doing what I have just overheard.	- Разве, леди может так поступать и говорить то, что мне довелось здесь услышать?

However, ladies have seldom held any charms for me.	Впрочем, настоящие леди редко, на мой взгляд, бывают привлекательными.
I know what they are thinking, but they never have the courage or lack of breeding to say what they think.	Я легко угадываю их мысли, но у них не хватает смелости или недостатка воспитанности сказать то, что они думают.
And that, in time, becomes a bore.	И это временами становится скучным.
But you, my dear Miss O'Hara, are a girl of rare spirit, very admirable spirit, and I take off my hat to you.	Но вы, дорогая мисс О'Хара, вы - женщина редкого темперамента, восхитительного темперамента, в я снимаю вереd вами шляпу.

I fail to understand what charms the elegant Mr. Wilkes can hold for a girl of your tempestuous nature.	Я отказываюсь понимать, чем элегантный мистер Уилкс мог обворожить девушку столь пылкого нрава, как вы.
He should thank God on bended knee for a girl with your-how did he put it?-'passion for living,' but being a poor-spirited wretch-"	Он должен был бы коленопреклоненно благодарить небо за то, что девушка, обладающая такой - как это; он изволил выразиться? -"неуемной жаждой жизни", потянулась к нему, а этот малодушный бедняга...
"You aren't fit to wipe his boots!" she shouted in rage.	- Да вы не достойны смахнуть пыль с его сапог! -в ярости выкрикнула она.
"And you were going to hate him all your life!"	- А вы будете ненавидеть его до самой смерти!

He sank down on the sofa and she heard him laughing.	- Он снова опустился на диван, и до нее долетел его смех.
If she could have killed him, she would have done it.	Она убила бы его, если бы могла.
Instead, she walked out of the room with such dignity as she could summon and banged the heavy door behind her.	Но ей оставалось только уйти, что она, и сделала, изо всех сил стараясь сохранить достоинство и с шумом захлопнув за собой тяжелую дверь.
She went up the stairs so swiftly that when she reached the landing, she thought she was going to faint.	Скарлетт так быстро взлетела вверх по лестнице, что на площадке едва не потеряла сознание.

She stopped, clutching the banisters, her heart hammering so hard from anger, insult and exertion that it seemed about to burst through her basque.	Она стала, ухватившись за перила, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть у нее из груди: боль, гнев, обида раздирали ее душу.
She tried to draw deep breaths but Mammy's lacings were too tight.	Она старалась вздохнуть поглубже, но Мамушка, слишком добросовестно затянула на ней корсет.
If she should faint and they should find her here on the landing, what would they think?	Что будет, если она сейчас лишится чувств и ее найдут здесь, на лестнице?
Oh, they'd think everything.	Что все подумают?

Ashley and that vile Butler man and those nasty girls who were so jealous!	О, все, что угодно - все они: и Эшли, и этот мерзкий Батлер, и все эти гадкие, завистливые девчонки!
For once in her life, she wished that she carried smelling salts, like the other girls, but she had never even owned a vinaigrette.	Впервые в жизни она пожалела, что не носит с собой нюхательных солей, как другие дамы, но у нее даже флакончика такого не было.
She had always been so proud of never feeling giddy.	Она всегда гордилась тем, что никогда не падает в обморок.
She simply could not let herself faint now!	Нет, она не допустит себя до этого и сейчас!
Gradually the sickening feeling began to depart.	Мало-помалу ощущение дурноты стало проходить.

In a minute, she'd feel all right and then she'd slip quietly into the little dressing room adjoining India's room, unloose her stays and creep in and lay herself on one of the beds beside the sleeping girls.	Еще немножко, и она совсем придет в себя, незаметно проскользнет в маленькую гардеробную рядом со спальней Индии, распустит корсет, а потом тихонько прикорнет на кровати подле кого-нибудь.
She tried to quiet her heart and fix her face into more composed lines, for she knew she must look like a crazy woman.	Она старалась унять сердцебиение и придать своему лицу спокойное выражение, понимая, что, вероятно, у нее сейчас совсем безумный вид.
If any of the girls were awake, they'd know something was wrong.	Если кто-нибудь из девушек не спит, они сразу смекнут: с ней что-то неладно.

And no one must ever, ever know that anything had happened.	А этого нельзя допустить, никто ничего не должен заподозрить.
Through the wide bay window on the lawn she could see the men still lounging in their chairs under the trees and in the shade of the arbor.	В большое окно на площадке лестницы ей был виден задний двор и мужчины, отдыхавшие там в креслах под деревьями и в беседке.
How she envied them!	Как она завидовала им!
How wonderful to be a man and never have to undergo miseries such as she had just passed through.	Какое счастье быть мужчиной и не знать этих страданий, которые выпали: ей сейчас на долю!

As she stood watching them, hot eyed and dizzy, she heard the rapid pounding of a horse's hooves on the front drive, the scattering of gravel and the sound of an excited voice calling a question to one of the negroes.	Чувствуя, как слезы жгут ей глаза, и все еще испытывая легкую дурноту, она вдруг услышала дробный стук копыт по гравию подъездной аллеи и мужской взволнованный голос, громко осведомлявшийся о чем-то у слуг.
The gravel flew again and across her vision a man on horseback galloped over the green lawn toward the lazy group under the trees.	Снова послышался звук рассыпающегося под копытами гравия, и Скарлетт увидела всадника, скакавшего по лужайке к группе развалившихся в креслах под деревьями мужчин.

Some late-come guest, but why did he ride his horse across the turf that was India's pride?	Какой-то запоздалый гость. Только зачем его конь топчет газон, которым так гордится Индия?
She could not recognize him, but as he flung himself from the saddle and clutched John Wilkes' arm, she could see that there was excitement in every line of him.	Человек этот был ей незнаком, но когда он спешился и схватил за плечо Джона Уилкса, она увидела, что он крайне взволнован и возбужден.
The crowd swarmed about him, tall glasses and palmetto fans abandoned on tables and on the ground.	Все столпились вокруг, него, высокие бокалы с вином и пальмовые веера были забыты на столах и на траве.

In spite of the distance, she could hear the hubbub of voices, questioning, calling, feel the feverpitch tenseness of the men.	Даже сюда до нее долетали напряженные, взволнованные, вопрошающие голоса мужчин.
Then above the confused sounds Stuart Tarleton's voice rose, in an exultant shout	Потом над всем этим нестройным гомоном взлетел ликующий, словно на охоте, в гоне, возглас Стюарта Тарлтона:
"Yee-aay-ee!" as if he were on the hunting field.	- Эге-ге-гей!
And she heard for the first time, without knowing it, the Rebel yell.	Так Скарлетт, сама о том не подозревая, впервые услышала боевой клич мятежников.

As she watched, the four Tarletons followed by the Fontaine boys broke from the group and began hurrying toward the stable, yelling as they ran,	Она увидела, как четверо братьев Тарлтонов, а за ними и Фонтейны отделились от группы гостей и бегом устремились к конюшне, крича на ходу:
"Jeems!	- Джимс!
You, Jeems!	Эй, Джимс!
Saddle the horses!"	Седлай, живо!
"Somebody's house must have caught fire," Scarlett thought.	"У кого-то пожар", - подумала Скарлетт.
But fire or no fire, her job was to get herself back into the bedroom before she was discovered.	Но пожар пожаром, а ей все равно необходимо было улечься в постель, пока ее отсутствие не бросилось в глаза.

Her heart was quieter now and she tiptoed up the steps into the silent hall.	Сердце уже билось тише, и она на цыпочках стали подниматься дальше по лестнице.
A heavy warm somnolence lay over the house, as if it slept at ease like the girls, until night when it would burst into its full beauty with music and candle flames.	Дом стоял погруженный в, тяжелую жаркую дремоту, словно и он отдыхал, прежде чем во всем блеске восстать вечером от сна в сиянии свечей - под звуки музыки.

Carefully, she eased open the door of the dressing room and slipped in. Her hand was behind her, still holding the knob, when Honey Wilkes' voice, low pitched, almost in a whisper, came to her through the crack of the opposite door leading into the bedroom.	Скарлетт бесшумно отворила дверь гардеробной, шагнула за порог и замерла, все еще держась за ручку; из неплотно притворенной двери напротив, ведущей в спальню, до нее долетел приглушенный почти до шепота голос Милочки Уилкс:
"I think Scarlett acted as fast as a girl could act today."	- Ну, Скарлетт сегодня разошлась вовсю!
Scarlett felt her heart begin its mad racing again and she clutched her hand against it unconsciously, as if she would squeeze it into submission.	Скарлетт почувствовала, лак сердце снова сделало бешеный скачок, и она бессознательно прижала руку к груди, словно пытаясь его унять.

"Eavesdroppers often hear highly instructive things," jibed a memory.	"Подслушивая, можно порой узнать немало поучительно- го", - вспомнился ей насмешливый голос.
Should she slip out again?	Уйти?
Or make herself known and embarrass Honey as she deserved?	Или внезапно появиться перед ними и вогнать Милочку в краску, как она того заслуживает?
But the next voice made her pause.	Но при звуках другого голоса она замерла.
A team of mules could not have dragged her away when she heard Melanie's voice.	Упряжка мулов не сдвинула бы ее теперь с места -она услышала голос Мелани:
"Oh, Honey, no!	- Ах, Милочка, зачем ты так!

Don't be unkind. She's just high spirited and vivacious.	Не будь злюкой, Скарлетт просто очень живая, жизнерадостная девушка.
I thought her most charming."	По-моему, она очаровательна.
"Oh," thought Scarlett, clawing her nails into her basque.	"Только этого не хватало! - подумала Скарлетт, бессознательно вонзая ногти в корсаж.
"To have that mealymouthed little mess take up for me!"	- Теперь еще эта слащавая лицемерка будет за меня заступаться!"
It was harder to bear than Honey's out-and-out cattiness.	Слышать слова Мелани было тяжелей, чем откровенное злоречие Милочки.

Scarlett had never trusted any woman and had never credited any woman except her mother with motives other than selfish ones.	Скарлетт не испытывала доверия ни к одной женщине на свете и считала, что все они, кроме ее матери, руководствуются всегда исключительно эгоистическими побуждениями.
Melanie knew she had Ashley securely, so she could well afford to show such a Christian spirit.	Мелани знает, что прочно завладела Эшли, и поэтому может позволить себе немножко этакого христианского милосердия.
Scarlett felt it was just Melanie's way of parading her conquest and getting credit for being sweet at the same time.	По мнению Скарлетт, это был лишь способ торжествовать, победу и одновременно проявлять незлобивость характера.

Scarlett had frequently used the same trick herself when discussing other girls with men, and it had never failed to convince foolish males of her sweetness and unselfishness.	Скарлетт сама не раз прибегала к такой уловке, обсуждая подруг со своими кавалерами, и всякий раз ей удавалось одурачить этих простофиль, заставив их поверить в ее кротость и добросердечие.
"Well, Miss," said Honey tartly, her voice rising, "you must be blind."	- Ну, дорогая, - язвительный голос Милочки звучал уже громче, - ты должно быть, слепая!
"Hush, Honey," hissed the voice of Sally Munroe.	- Тише, Милочка, - прошипела Салли Манро.
"They'll hear you all over the house!"	- Твой голос разносится по всему дому!
Honey lowered her voice but went on.	Милочка понизила голос, - но не сдалась.

"Well, you saw how she was carrying on with every man she could get hold of-even Mr. Kennedy and he's her own sister's beau.	- Да вы же видели, как она кокетничала со всеми мужчинами, которых ей только удавалось подцепить, даже с мистером Кеннеди, а он ухаживает за ее родной сестрой.
I never saw the like!	Это что-то неслыханное!

And she certainly was going after Charles."	И она явно заигрывает с Чарльзом.
Honey giggled self-consciously. "And you know, Charles and I-"	А ведь вы знаете, мы с Чарльзом... - Милочка стыдливо хихикнула.
"Are you really?" whispered voices excitedly.	- Вот как, в самом деле?! - раздались возбужденные восклицания.

"Well, don't tell anybody, girls-not yet!"	- Только никому не говорите, девочки... пока еще не надо!
There were more gigglings and the bed springs creaked as someone squeezed Honey. Melanie murmured something about how happy she was that Honey would be her sister.	Заскрипели пружины матраца - кто-то прыгнул, на кровать, чтобы обнять Милочку, кто-то весело рассмеялся... Мелани негромко прощебетала что-то о том, как она будет счастлива назвать Милочку своей сестрой.
"Well, I won't be happy to have Scarlett for my sister, because she's a fast piece if ever I saw one," came the aggrieved voice of Hefty Tarleton.	- Ну, а я так совсем не была бы в восторге, если бы Скарлетт стала моей сестрой. Это самая нахальная девчонка на свете. - Голос Хэтти Тарлтон звучал удрученно.
"But she's as good as engaged to Stuart.	- Но она почти что помолвлена со Стюартом.

Brent says she doesn't give a rap about him, but, of course, Brent's crazy about her, too."	Брент, правда, уверяет, что Стюарт нужен ей как прошлогодний снег, во ведь Брент сам от нее без ума.
"If you should ask me," said Honey with mysterious importance, "there's only one person she does give a rap about.	- Если хотите знать, то Скарлетт нужен только один человек, - с таинственной важностью изрекла Милочка.
And that's Ashley!"	- И этот человек - Эшли!
As the whisperings merged together violently, questioning, interrupting, Scarlett felt herself go cold with fear and humiliation.	Перешептывания, восклицания, вопросы за дверью слились в невнятный гул, а Скарлетт похолодела от страха и чувства унижения.

Honey was a fool, a silly, a simpleton about men, but she had a feminine instinct about other women that Scarlett had underestimated.	Милочка - пустышка, дурочка, совершенная тупица в отношении мужчин - обладала, как видно, - инстинктивной проницательностью, когда дело касалось особ ее пола, и Скарлетт этого недооценивала.
The mortification and hurt pride that she had suffered in the library with Ashley and with Rhett Butler were pin pricks to this.	Там, в библиотеке, Эшли и Ретт Батлер ранили ее гордость, уязвили самолюбие, но все это было булавочным уколом по сравнению с тем, что она испытывала сейчас.

Men could be trusted to keep their mouths shut, even men like Mr. Butler, but with Honey Wilkes giving tongue like a hound in the field, the entire County would know about it before six o'clock.	На мужчин, даже на таких, как этот Батлер, можно положиться - мужчины умеют держать язык за зубами, но язык Милочки, разумеется, сорвется теперь с привязи, как гончая со сворки, и не пробьет еще и шести часов, как она раззвонит ее секрет на всю округу!
And Gerald had said only last night that he wouldn't be having the County laughing at his daughter.	Джералд прямо как в воду глядел, когда сказал вчера, что не хочет, чтобы вся округа потешалась над его дочерью!
And how they would all laugh now!	И можно себе представить, как они обрадуются!

Clammy perspiration, starting under her armpits, began to creep down her ribs.	Липкий пот выступил у нее под мышками и заструился по телу.
Melanie's voice, measured and peaceful, a little reproving, rose above the others.	Спокойный, размеренный, чуть укоризненный голос Мелани на мгновение прорвался сквозь всеобщий гомон:
"Honey, you know that isn't so.	- Милочка, но ты же сама знаешь, что это неправда.
And it's so unkind."	Зачем быть такой злюкой!

"It is too, Melly, and if you weren't always so busy looking for the good in people that haven't got any good in them, you'd see it.	- Очень даже правда, Мелли, и если бы ты не старалась изо всех сил видеть в людях только хорошее - даже в тех, в ком хорошего ни на грош,- ты: бы сама это заметила.
And I'm glad it's so.	А я рада, что Скарлетт в него втюрилась.
It serves her right.	Поделом ей.
All Scarlett O'Hara has ever done has been to stir up trouble and try to get other girls' beaux. You know mighty well she took Stuart from India and she didn't want him.	Всю жизнь Скарлетт О'Хара только тем и занималась, что старалась отбить поклонников у всех девушек по очереди и повсюду сеяла рознь... Вы же знаете, что она отбила Стюарта у Индии, хотя он ей вовсе не нужен.

And today she tried to take Mr. Kennedy and Ashley and Charles-"	А сегодня она пыталась завладеть и мистером Кеннеди, и Эшли, и Чарльзом...
"I must get home!" thought Scarlett.	"Я уеду домой! - подумала Скарлетт.
"I must get home!"	- Уеду домой".
If she could only be transferred by magic to Tara and to safety.	Если бы можно было сейчас каким-нибудь чудом перенестись в Тару; укрыться там, спастись!
If she could only be with Ellen, just to see her, to hold onto her skirt, to cry and pour out the whole story in her lap.	Очутиться возле Эллин, прижаться к ее юбке, выплакаться, уткнувшись ей в колени, поведать ей все.

If she had to listen to another word, she'd rush in and pull out Honey's straggly pale hair in big handfuls and spit on Melanie Hamilton to show her just what she thought of her charity.	Она не совладает с собой, если будет слушать еще, - ворвется туда и вцепится Милочке в ее распущенные волосы, выдернет полные пригоршни этих бесцветных волос и плюнет Мелани Гамильтон в лицо - пусть знает, какого она мнения о ее "милосердии".
But she'd already acted common enough today, enough like white trash-that was where all her trouble lay.	Нет, она, и так слишком вульгарно вела себя сегодня, совсем как плебейка, как эта белая рвань, - вот в чем беда!

She pressed her hands hard against her skirts, so they would not rustle and backed out as stealthily as an animal.	Она крепко прижала руками юбки, чтобы они не шелестели, и неслышно, как кошка, попятилась назад.
Home, she thought, as she sped down the hall, past the closed doors and still rooms, I must go home.	"Домой! - думала она, спускаясь по лестнице, спеша через холл, мимо закрытых дверей и таких безмолвных комнат, - Сейчас же домой!"
She was already on the front porch when a new thought brought her up sharply-she couldn't go home!	Она уже ступила на веранду, когда новая мысль заставила ее замереть на месте: она не может вернуться сейчас домой!

She couldn't run away!	Не может так вот взять и убежать!

She would have to see it through, bear all the malice of the girls and her own humiliation and heartbreak.	Она должна пройти через это испытание, выдержать злобные выходки всех этих мерзких девчонок, испить до дна и свое унижение, и горечь постигшего ее разочарования.
To run away would only give them more ammunition.	Убежать - значило бы только дать им веем новое против себя оружие.
She pounded her clenched fist against the tall white pillar beside her, and she wished that she were Samson, so that she could pull down all of Twelve Oaks and destroy every person in it.	Скарлетт стукнула, кулаком по высокой белой колонне и пожалела, что нет у нее силы Самсона и она не может разрушить этот дом до основания, так, чтобы ни, одна душа не уцелела вод его развалинами.

She'd make them sorry.	Но она им еще докажет.
She'd show them. She didn't quite see how she'd show them, but she'd do it all the same.	Она заставит их пожалеть обо всем.; Как это сделать, она еще не знала, но она это сделает.
She'd hurt them worse than they hurt her.	Им еще больнее будет, чем ей.
For the moment, Ashley as Ashley was forgotten.	На миг Эшли - Эшли, предмет ее грез, - был забыт.

He was not the tall drowsy boy she loved but part and parcel of the Wilkeses, Twelve Oaks, the County- and she hated them all because they laughed.	Сейчас он был для нее не тот высокий мечтательный юноша, которого она любила, а просто неотъемлемая часть всего семейства Уилксов. Двенадцати Дубов, графства Клейтон -всех, кто сделал ее посмешищем и кого она ненавидела.
Vanity was stronger than love at sixteen and there was no room in her hot heart now for anything but hate.	В шестнадцать лет тщеславие оказалось сильнее любви и вытеснило из ее сердца все, кроме ненависти.
"I won't go home," she thought.	"Я не поеду домой" - подумала она.
"I'll stay here and I'll make them sorry.	- Я останусь здесь я заставлю их пожалеть о том, что они тут наговорили.

And I'll never tell Mother.	И ничего ее скажу маме.
No, I'll never tell anybody."	Никому не скажу, никогда".
She braced herself to go back into the house, to reclimb the stairs and go into another bedroom.	Она собралась с духом и повернулась, чтобы возвратиться в дом, подняться по лестнице и зайти в какую-нибудь другую спальню.
As she turned, she saw Charles coming into the house from the other end of the long hall.	И в эту минуту она увидела Чарльза, входившего в дом с противоположной стороны.
When he saw her, he hurried toward her.	Заметив ее, он быстро направился к ней.
His hair was tousled and his face near geranium with excitement.	Волосы у него растрепались, лицо стало пунцовым от волнения.

"Do you know what's happened?" he cried, even before he reached her.	- Вы слышали, что произошло? - еще издали крикнул он.
"Have you heard? Paul Wilson just rode over from Jonesboro with the news!"	- Слышали, какую новость привез нам Пол Уилсон? Он только что прискакал из Джонсборо.

He paused, breathless, as he came up to her.	Он с трудом перевел дыхание и шагнул к ней.
She said nothing and only stared at him.	Она молчала я смотрела на него во все глаза.
"Mr. Lincoln has called for men, soldiers-I mean volunteers-seventy-five thousand of them!"	- Мистер Линкольн поставил под ружье солдат - я имею в виду волонтеров. Семьдесят пять тысяч!

Mr. Lincoln again!	Опять этот мистер Линкольн!
Didn't men ever think about anything that really mattered?	Неужели мужчины так-таки не в состоянии думать ни о чем По-настоящему важном?
Here was this fool expecting her to be excited about Mr. Lincoln's didoes when her heart was broken and her reputation as good as ruined.	И этот дурак, по-видимому, ждет, что она будет страх как взволнована выкрутасами мистера Линкольна, когда сердце ее разбито, а репутация висит на волоске!
Charles stared at her.	Чарльз смотрел на нее с удивлением.

Her face was paper white and her narrow eyes blazing like emeralds.	Он заметил, что она бледна как мел, а в ее чуть раскосых зеленых глазах бушует пламя.
He had never seen such fire in any girl's face, such a glow in anyone's eyes.	Такого горящего взора, такого пылающего внутренним жаром девичьего лица ему еще никогда не доводилось видеть!
"I'm so clumsy," he said. "I should have told you more gently.	- Простите мое недомыслие, - произнес он. - г Я должен был подготовить вас.
I forgot how delicate ladies are.	Я не подумал о том, как женщины чувствительны.
I'm sorry I've upset you so.	Простите, что я вас так расстроил.

You don't feel faint, do you?	Вам дурно?
Can I get you a glass of water?"	Принес ты воды?
"No," she said, and managed a crooked smile.	- Не надо, - сказала Скарлетт и изобразила подобие улыбки.
"Shall we go sit on the bench?" he asked, taking her arm.	- Пойдемте, посидим на скамейке, - предложил он и взял ее под локоть.
She nodded and he carefully handed her down the front steps and led her across the grass to the iron bench beneath the largest oak in the front yard.	Она кивнула, и он бережно помог ей спуститься по ступенькам веранды и повел через газон к чугунной скамье под огромным дубом напротив входа в дом.

How fragile and tender women are, he thought, the mere mention of war and harshness makes them faint.	"Какие нежные, хрупкие создания женщины! -думал Чарльз. - При одном упоминании о войне, о жестокости они могут лишиться чувств".
The idea made him feel very masculine and he was doubly gentle as he seated her.	Эта мысль усилила в нем сознание собственной мужественности, и он с удвоенной заботливостью усадил Скарлетт на скамью.
She looked so strangely, and there was a wild beauty about her white face that set his heart leaping.	Ее странный вид поразил его, и вместе с тем ее бледное и какое-то исступленное лицо было так красиво, что у него жарко забилось сердце.

Could it be that she was distressed by the thought that he might go to the war?	Неужели ее взволновала мысль, что он может уйти на войну?
No, that was too conceited for belief.	Нет, он слишком много возомнил о себе.

But why did she look at him so oddly?	Но почему же она так странно смотрит на него?
And why did her hands shake as they fingered her lace handkerchief.	Почему так дрожат ее пальцы, теребя кружевной платочек?
And her thick sooty lashes-they were fluttering just like the eyes of girls in romances he had read, fluttering with timidity and love.	И густые темные ресницы трепещут - совсем как в его любимых романах, - словно от смущения и затаенной любви.

He cleared his throat three times to speak and failed each time.	Три раза он откашливался, хотел заговорить и не мог.
He dropped his eyes because her own green ones met his so piercingly, almost as if she were not seeing him.	Он опустил глаза - ее пронзительный взгляд, казалось, прожигал его насквозь зеленым огнем, и вместе с тем она смотрела на него, словно бы его не видя.
"He has a lot of money," she was thinking swiftly, as a thought and a plan went through her brain. "And he hasn't any parents to bother me and he lives in Atlanta.	"Он очень богат, живет в Атланте, родители умерли, никто не будет мне докучать, -пронеслось у нее в голове, и тут же начал созревать план.

And if I married him right away, it would show Ashley that I didn't care a rap-that I was only flirting with him.	- Если я сейчас соглашусь стать его женой, то тем самым сразу докажу Эшли, что нисколько он мне не нужен, что я просто дурачилась, хотела вскружить ему голову.
And it would just kill Honey.	А Милочку это, конечно, убьет.
She'd never, never catch another beau and everybody'd laugh fit to die at her.	Больше ей уже не удастся подцепить себе поклонника, и все умрут со смеху, гляди на нее.
And it would hurt Melanie, because she loves Charles so much.	И Мелани тоже не очень-то обрадуется - она ведь так любит брата.

And it would hurt Stu and Brent-" She didn't quite know why she wanted to hurt them, except that they had catty sisters.	И я насолю этим и Сью я Бренту..." Почему ей хотелось им насолить, она и сама не очень понимала - может быть, потому, что у них такие противные сестры.
"And they'd all be sorry when I came back here to visit in a fine carriage and with lots of pretty clothes and a house of my own.	"То-то я утру им всем нос, когда приеду сюда в гости в элегантно" ландо с кучей новых туалетов и у меня будет собственный дом.
And they would never, never laugh at me."	Больше им уже никогда, никуда не удастся посмеяться надо мной.

"Of course, it will mean fighting," said Charles, after several more embarrassed attempts. "But don't you fret, Miss Scarlett, it'll be over in a month and we'll have them howling.	- Конечно, предстоят бои, - произнес наконец Чарльз после еще двух-трех неудачных попыток заговорить, - но вы не тревожьтесь, мисс Скарлетт, война закончится в один месяц, услышите, как они взвоют!
Yes, sir! Howling!	О да, они взвоют!
I wouldn't miss it for anything.	И я ни за какие блага в мире, не хочу остаться от этого в стороне.
I'm afraid there won't be much of a ball tonight, because the Troop is going to meet at Jonesboro.	Боюсь только, что бал сегодня может сорваться, поскольку в Джонсборо назначен сбор Эскадрона.
The Tarleton boys have gone to spread the news.	Тарлтоны поехали оповестить всех.

I know the ladies will be sorry."	Дамы, конечно, будут огорчены.
She said, "Oh," for want of anything better, but it sufficed.	- О! - проронила Скарлетт, не сумев подыскать ничего более вразумительного, но ее собеседник удовлетворился и этим.
Coolness was beginning to come back to her and her mind was collecting itself.	Самообладание начинало возвращаться к ней, мысли прояснялись.
A frost lay over all her emotions and she thought that she would never feel anything warmly again.	Странный холод сковал ее душу, и ей казалось, что отныне уже ничто не согреет ее вновь.

Why not take this pretty, flushed boy?	Почему бы ей не выйти замуж за этого красивого, пылкого мальчика?
He was as good as anyone else and she didn't care.	Он не хуже других, а ей теперь все равно.
No, she could never care about anything again, not if she lived to be ninety.	Ничто уже никогда не будет ей мило, доживи она хоть до девяноста лет.
"I can't decide now whether to go with Mr. Wade Hampton's South Carolina Legion or with the Atlanta Gate City Guard."	- Я только еще никак не могу решить, вступить ли мне в Южно-Каролинский легион мистера Уэйда Хэмптона или в сторожевое охранение Атланты.
She said, "Oh," again and their eyes met and the fluttering lashes were his undoing.	- О! - снова пролепетала она, их глаза встретились, и взмах ее ресниц решил его судьбу.

"Will you wait for me, Miss Scarlett?	- Вы согласны ждать меня, мисс Скарлетт?
It-it would be Heaven just knowing that you were waiting for me until after we licked them!"	Это было бы неизъяснимым счастьем для меня -знать, что вы ждете моего возвращения домой с победой!
He hung breathless on her words, watching the way her lips curled up at the corners, noting for the first time the shadows about these corners and thinking what it would mean to kiss them.	- Затаив дыхание, он ожидал ответа, видел, как улыбка шевельнула уголки ее рта, заметил в первый раз тень какой-то горечи в этой улыбке, и его потянуло прикоснуться губами к ее губам.
Her hand, with palm clammy with perspiration, slid into his.	Ее рука, чуть влажная и липкая от пота, скользнула в его ладонь.

"I wouldn't want to wait," she said and her eyes were veiled.	- Я не хочу ждать, - сказала она, и взор ее затуманился.
He sat clutching her hand, his mouth wide open.	Он сидел, сжимая ее руку, приоткрыв от изумления рот.
Watching him from under her lashes, Scarlett thought detachedly that he looked like a gigged frog.	Искоса, украдкой наблюдая за ним, Скарлетт холодно подумала, что он похож на удивленного лягушонка.
He stuttered several times, closed his mouth and opened it again, and again became geranium colored.	Он что-то пробормотал, запинаясь, закрыл рот, снова открыл и опять стал пунцовым, как герань.
"Can you possibly love me?"	- Могу ли я этому поверить - вы любите меня?

She said nothing but looked down into her lap, and Charles was thrown into new states of ecstasy and embarrassment.	Она ничего не ответила, просто опустила глаза, и Чарльза, схватил восторг, тут же сменившийся невероятным смущением.
Perhaps a man should not ask a girl such a question. Perhaps it would be unmaidenly for her to answer it.	Наверное, мужчина не должен задавать девушке таких вопросов, И девушке, наверное, не пристало на них отвечать.

Having never possessed the courage to get himself into such a situation before, Charles was at a loss as to how to act.	По свойственной ему робости он еще ни разу не отваживался на такие объяснения и совсем растерялся, не зная, как поступить.

He wanted to shout and to sing and to kiss her and to caper about the lawn and then run tell everyone, black and white, that she loved him.	Ему хотелось петь" кричать, прыгать по газону, сжать Скарлетт в объятиях, хотелось броситься рассказывать всем, что она, любит его.
But he only squeezed her hand until he drove her rings into the flesh.	Но он только еще крепче сжал ее руку, отчего кольца больно впились ей в пальцы.
"You will marry me soon, Miss Scarlett?"	- Мы, поженимся сейчас, мисс Скарлетт?
"Um," she said, fingering a fold of her dress.	- Угу, - пробормотала она, перебирая складки платья.
"Shall we make it a double wedding with Mel-"	- Мы можем сыграть свадьбу в один день с Мел...

"No," she said quickly, her eyes glinting up at him ominously.	- Нет, - быстро сказала она, сердито сверкнув на него глазами.
Charles knew again that he had made an error.	Чарльз понял, что снова попал впросак.
Of course, a girl wanted her own wedding-not shared glory.	Ну конечно, для каждой девушки свадьба - это большое событие, и она не захочет делить свой триумф с кем-то еще.
How kind she was to overlook his blunderings.	Как она добра, что прощает ему все его промахи!
If it were only dark and he had the courage of shadows and could kiss her hand and say the things he longed to say.	Ах, если бы уже стемнело и он под покровом благодатных сумерек мог осмелиться поцеловать ее руку и сказать ей все те слова, что жгли ему язык.

"When may I speak to your father?"	- Когда вы позволите мне поговорить с вашим отцом?
"The sooner the better," she said, hoping that perhaps he would release the crushing pressure on her rings before she had to ask him to do it.	- Чем скорее, тем лучше - ответила она, думая лишь о том, чтобы он оставил в покое ее руку, прежде чем она будет вынуждена его об этом попросить.
He leaped up and for a moment she thought he was going to cut a caper, before dignity claimed him.	Он вскочил, и ей в первый миг почудилось, что он сейчас запрыгает по газону, как щенок, но чувство достоинства все же возобладало в нем.
He looked down at her radiantly, his whole clean simple heart in his eyes.	Он заглянул ей в лицо, его ясные, простодушные глаза сияли.

She had never had anyone look at her thus before and would never have it from any other man, but in her queer detachment she only thought that he looked like a calf.	Никто еще не смотрел на нее так, и ей не суждено было еще раз увидеть такой обращенный на нее взгляд другого мужчины, но в своей внутренней отчужденности она подумала только, что глаза у него совсем как у теленка.
"I'll go now and find your father," he said, smiling all over his face.	- Я пойду и сейчас же разыщу вашего отца, - сказал он, весь лучась улыбкой.
"I can't wait.	- Я не в состоянии откладывать это ни на минуту.
Will you excuse me-dear?"	Вы не рассердитесь, если я вас покину... дорогая?

The endearment came hard but having said it once, he repeated it again with pleasure.	- Это нежное словечко далось ему с трудом, Но, единожды совершив, такой подвиг, он с наслаждением тут же повторил его снова.
"Yes," she said.	- Нет, - сказала она.
"I'll wait here.	- Я подожду вас здесь.
It's so cool and nice here."	Под этим деревом так хорошо и прохладно.
He went off across the lawn and disappeared around the house, and she was alone under the rustling oak.	Он пересек газон и скрылся в доме, и она осталась одна под шелестящей кроной дуба.

From the stables, men were streaming out on horseback, negro servants riding hard behind their masters.	Из конюшен один за другим выезжали всадники; слуги-негры - тоже верхом - спешили каждый за своим господином.
The Munroe boys tore past waving their hats, and the Fontaines and Calverts went down the road yelling.	Проскакали мимо братья Манро и прощально помахали ей шляпами, а за ними с, гиканьем промчались по аллее Фонтейны и Калверты.
The four Tarletons charged across the lawn by her and Brent shouted:	Четверо Тарлтонов скакали по газону прямо к ней, и Брент кричал:
"Mother's going to give us the horses!	- Матушка дает нам своих лошадей!
Yee-aay-ee!"	Ого-го-го!

Turf flew and they were gone, leaving her alone again.	Дерн, полетел из-под копыт, юноши умчались, и она снова осталась одна.
The white house reared its tall columns before her, seeming to withdraw with dignified aloofness from her.	Ей казалось, что и белый дом с его устремленными ввысь колоннами тоже отдаляется от нее, надменно и величественно отторгает ее от себя.
It would never be her house now.	Он уже никогда не станет ее домом.
Ashley would never carry her over the threshold as his bride.	Эшли никогда не перенесет ее, новобрачную, на руках через этот порог.
Oh, Ashley, Ashley!	О, Эшли, Эшли!
What have I done?	Что же она натворила!

Deep in her, under layers of hurt pride and cold practicality, something stirred hurtingly.	Что-то шевельнулось на дне души, что-то, упрятанное глубоко-глубоко, начинало пробиваться сквозь оскорбленное самолюбие и холодную расчетливость.
An adult emotion was being born, stronger than her vanity or her willful selfishness.	Скарлетт становилась взрослой, и новое чувство рождалось в ее сердце, чувство более сильное, чем тщеславие и своеволие эгоизма.
She loved Ashley and she knew she loved him and she had never cared so much as in that instant when she saw Charles disappearing around the curved graveled walk.	Она любила Эшли и понимала, что любит его, и никогда еще не был он ей так дорог, как в эту минуту, когда Чарльз исчез за поворотом усыпанной гравием аллеи.

CHAPTER VII	Глава 7
Within two weeks Scarlett had become a wife, and within two months more she was a widow.	Минуло две недели, и Скарлетт обвенчалась с Чарльзом, а еще через два месяца стала вдовой.

She was soon released from the bonds she had assumed with so much haste and so little thought, but she was never again to know the careless freedom of her unmarried days.	Судьба быстро освободила ее от уз, которыми она так Поспешно и бездумно связала себя, но прежние беззаботные дни девичества навсегда остались позади.

Widowhood had crowded closely on the heels of marriage but, to her dismay, motherhood soon followed.	По пятам за браком пришло вдовство, а за ним - к ее смятению и ужасу - оповестило о своем приближении и Материнство.
In after years when she thought of those last days of April, 1861, Scarlett could never quite remember details.	Впоследствии, вспоминая те, апрельские дни 1861 года, Скарлетт обнаружила, что не может восстановить в памяти никаких подробностей.
Time and events were telescoped, jumbled together like a nightmare that had no reality or reason.	События переплетались, сталкивались, смещались во времени, как в тяжелом сне; они казались нереальными, лишенными смысла.

Till the day she died there would be blank spots in her memories of those days.	В памяти были провалы, и она знала, что так это и останется навсегда, до самой ее смерти.
Especially vague were her recollections of the time between her acceptance of Charles and her wedding.	Особенно смутно припоминались дни, протекшие между ее объяснением с Чарли и свадьбой.
Two weeks!	Две недели!
So short an engagement would have been impossible in times of peace.	В мирное время венчание не могло бы последовать за обручением так непостижимо быстро.

Then there would have been a decorous interval of a year or at least six months.	Потребовался бы пристойный промежуток Длиною в год или по меньшей мере в шесть месяцев.
But the South was aflame with war, events roared along as swiftly as if carried by a mighty wind and the slow tempo of the old days was gone.	Но Юг был уже охвачен пожаром войны, одни события так стремительно сменялись другими, словно их сметал, ревя, ураган, и медленное размеренное течение времени осталось лишь в воспоминании о былых днях.
Ellen had wrung her hands and counseled delay, in order that Scarlett might think the matter over at greater length.	Эллин, ломая руки, умоляла Скарлетт не спешить со свадьбой, дать себе время подумать.

But to her pleadings, Scarlett turned a sullen face and a deaf ear.	Но Скарлетт - упрямая, насупленная - оставалась глуха к ее мольбам.
Marry she would! and quickly too.	Она хочет выйти замуж! И как можно быстрее!
Within two weeks.	Через две, недели.
Learning that Ashley's wedding had been moved up from the autumn to the first of May, so he could leave with the Troop as soon as it was called into service, Scarlett set the date of her wedding for the day before his.	Узнав, что свадьба Эшли уже передвинута с осени на первое мая, с тем чтобы он мог присоединиться к Эскадрону, как только начнутся боевые действия, Скарлетт объявила, что ее венчание состоится днем раньше.

Ellen protested but Charles pleaded with new-found eloquence, for he was impatient to be off to South Carolina to join Wade Hampton's Legion, and Gerald sided with the two young people.	Эллин возражала, но Чарльз, горя нетерпением отправиться в Южную Каролину и присоединиться к легиону Уэйда Хэмптона, с необычным для него красноречием заклинал ее не откладывать свадьбы, и Джералд стал на сторону жениха и невесты.

He was excited by the war fever and pleased that Scarlett had made so good a match, and who was he to stand in the way of young love when there was a war?	Его уже охватила лихорадка войны, и, радуясь тому, что Скарлетт делает такую хорошую партию, он не видел причины чинить препоны юным сердцам в такие дни.

Ellen, distracted, finally gave in as other mothers throughout the South were doing.	Эллин, расстроенная, сбитая с толку, в конце концов сложила оружие подобно десяткам других матерей по всему Югу.
Their leisured world had been turned topsy-turvy, and their pleadings, prayers and advice availed nothing against the powerful forces sweeping them along.	Их прежний неспешный, праздный мир был перевернут вверх тормашками, и все уговоры, мольбы, молитвы были бессильны перед грозными силами. Все сметавшими на своем пути.
The South was intoxicated with enthusiasm and excitement.	Весь Юг был охвачен возбуждением, пьян войной.

Everyone knew that one battle would end the war and every young man hastened to enlist before the war should end- hastened to marry his sweetheart before he rushed off to Virginia to strike a blow at the Yankees.	Все считали, что первый же бой положит конец войне, и молодые люди спешили завербоваться, пока война еще не кончилась, и обвенчаться со своими милыми, после чего можно будет скакать в Виргинию бить янки.
There were dozens of war weddings in the County and there was little time for the sorrow of parting, for everyone was too busy and excited for either solemn thoughts or tears.	Свадьбы играли в графстве дюжинами, и ни у кого уже не оставалось времени погоревать перед разлукой - все были слишком возбуждены, и погружены в хлопоты, чтобы проливать слезы или предаваться тягостным раздумьям.

The ladies were making uniforms, knitting socks and rolling bandages, and the men were drilling and shooting.	Дамы шили мундиры, вязали носки, скатывали бинты, а мужчины проходили строевую подготовку и упражнялись в стрельбе.
Train loads of troops passed through Jonesboro daily on their way north to Atlanta and Virginia.	Поезда с солдатами ежедневно шли через Джонсборо на север в сторону Атланты и Виргинии.

Some detachments were gaily uniformed in the scarlets and light blues and greens of select social-militia companies; some small groups were in homespun and coonskin caps; others, ununiformed, were in broadcloth and fine linen; all were half-drilled, half-armed, wild with excitement and shouting as though en route to a picnic.	Одни отряды отборных войск милиции выглядели пестро и весело в голубом, малиновом и зеленом; другая, небольшая часть отрядов была в домотканой одежде и енотовых; шапках; третьи были вообще без формы - в суконных сюртуках и тонких полотняных рубашках. И все были недообучены, недовооружены, и все возбужденно, весело кричали и шумели, словно направляясь на пикник.

The sight of these men threw the County boys into a panic for fear the war would be over before they could reach Virginia, and preparations for the Troop's departure were speeded.	Вид этих вояк повергал в панику юношей графства: они смертельно боялись, что война окончится прежде, чем Они попадут в Виргинию, и подготовка к отправке Эскадрона велась усиленным темпом.
In the midst of this turmoil, preparations went forward for Scarlett's wedding and, almost before she knew it, she was clad in Ellen's wedding dress and veil, coming down the wide stairs of Tara on her father's arm, to face a house packed full with guests.	И среди всей этой суматохи своим чередом шла подготовка! к свадьбе Скарлетт, и не успела она опомниться, как ее уже обрядили в венчальное платье и в фату Эллин, и отец повел дочь под руку по широкой лестнице вниз, в парадные комнаты Тары, где было полным-полно гостей.

Afterward she remembered, as from a dream, the hundreds of candles flaring on the walls, her mother's face, loving, a little bewildered, her lips moving in a silent prayer for her daughter's happiness, Gerald flushed with brandy and pride that his daughter was marrying both money, a fine name and an old one-and Ashley, standing at the bottom of the steps with Melanie's arm through his.	Впоследствии ей припоминалось - неотчетливо, словно полузабытый сон, - великое множество горящих свечей в канделябрах и настенных бра, нежное, чуть встревоженное лицо Эллин, ее губы, беззвучно шепчущие молитву, прося счастья для дочери, раскрасневшееся от бренди лицо Джералда, гордого тем, что его дочь подцепила жениха с деньгами и из хорошей семьи, да к тому же еще старинного рода... и лицо Эшли, стоявшего возле лестницы под руку с Мелани.
When she saw the look on his face, she thought:	Увидев выражение его лица, она подумала:

"This can't be real.	"Все это, верно, сон.
It can't be.	Этого не может быть.
It's a nightmare.	Это страшный сои.
I'll wake up and find it's all been a nightmare.	Сейчас я проснусь, и сов кончится.
I mustn't think of it now, or I'll begin screaming in front of all these people.	Нет, нельзя думать об этом, не то я закричу на весь полный людей дом.
I can't think now.	Я не должна думать об этом сейчас.
I'll think later, when I can stand it-when I can't see his eyes."	Я обо всем подумаю по-том, когда найду в себе силы это выдержать... Когда не буду видеть его глаз".

It was all very dreamlike, the passage through the aisle of smiling people, Charles' scarlet face and stammering voice and her own replies, so startlingly clear, so cold.	Как во сне она прошла мимо расступившихся, улыбающихся гостей, как во сне взглянула в раскрасневшееся лицо Чарльза, услышала его запинающийся голос и свои слова, звучавшие так ясно, так холодно-спокойно.
And the congratulations afterward and the kissing and the toasts and the dancing-all, all like a dream.	А потом были поздравления, и поцелуи, и тосты, и танцы - и все как во сне.
Even the feel of Ashley's kiss upon her cheek, even Melanie's soft whisper,	Даже прикосновение губ Эшли к ее щеке, даже нежный шепот Мелани:

"Now, we're really and truly sisters," were unreal.	"Теперь мы по-настоящему породнились, стали сестрами", - все, казалось, было нереально.
Even the excitement caused by the swooning spell that overtook Charles' plump emotional aunt, Miss Pittypat Hamilton, had the quality of a nightmare.	Даже всеобщий переполох, вызванный обмороком тетушки Чарльза мисс Питтипэт Г амильтон -толстой чувствительной старой дамы, - все было похоже на страшный сон.

But when the dancing and toasting were finally ended and the dawn was coming, when all the Atlanta guests who could be crowded into Tara and the overseer's house had gone to sleep on beds, sofas and pallets on the floor and all the neighbors had gone home to rest in preparation for the wedding at Twelve Oaks the next day, then the dreamlike trance shattered like crystal before reality. The reality was the blushing Charles, emerging from her dressing room in his nightshirt, avoiding the startled look she gave him over the

Но когда отзвучали Тосты и отгремела бальная музыка, когда начала заниматься заря и все гости из Атланты улеглись спать: кто здесь, в доме, - на кроватях, на кушетках, на циновках, брошенных на под, кто - в домике управляющего, а все соседи отправились домой отдохнуть перед предстоявшей на следующий день свадьбой в Двенадцати Дубах, - тогда сон внезапно оборвался, разлетелся на мелкие осколки, как хрупкое стекло, не устояв перед вторжением реальности, принявшей облик зардевшегося от смущения Чарльза, появившегося в почвой рубашке из гардеробной и старательно избегавшего ее испуганного взгляда, устремленного на

Of course, she knew that married people occupied the same bed but she had never given the matter a thought before.	Конечно, она знала, что супружеские пары спят в одной постели, но эта сторона брака никогда не занимала ее мыслей.
It seemed very natural in the case of her mother and father, but she had never applied it to herself.	Это казалось само собой разумеющимся, если речь шла о ее матери и отце, но к ней самой словно бы не имело отношения.
Now for the first time since the barbecue she realized just what she had brought on herself.	И только теперь, впервые после злополучного барбекю, до ее сознания дошло, на что она себя обрекла.

The thought of this strange boy whom she hadn't really wanted to marry getting into bed with her, when her heart was breaking with an agony of regret at her hasty action and the anguish of losing Ashley forever, was too much to be borne.	Позволить этому чужому юноше, за которого она, в сущности, совсем не хотела выходить замуж, лечь к ней в постель в то время, как душу ее раздирали мучительные сожаления о слишком поспешно принятом решении и дикая тоска по навеки потерянному для нее Эшли, - нет, это было уже выше ее сил.
As he hesitatingly approached the bed she spoke in a hoarse whisper. "I'll scream out loud if you come near me.	Когда он нерешительно приблизился к постели, она хрипло, торопливо прошептала: - Я закричу, если вы сделаете еще шаг.
I will!	Я закричу!
I will-at the top of my voice!	Закричу на весь дом!

Get away from me!	Убирайтесь отсюда!
Don't you dare touch me!"	Не смейте прикасаться ко мне!
So Charles Hamilton spent his wedding night in an armchair in the corner, not too unhappily, for he understood, or thought he understood, the modesty and delicacy of his bride.	И Чарльз Г амильтон провел свою первую брачную ночь в большом кресле в углу спальни, не чувствуя себя, впрочем, чрезмерно несчастным, ибо понимал или ему казалось, что он понимает, скромность и целомудрие своей невесты.

He was willing to wait until her fears subsided, only-only-He sighed as he twisted about seeking a comfortable position, for he was going away to the war so very soon.	Он готов был бы ждать, пока ее боязнь не пройдет, если бы... если бы не... И, стараясь поудобнее устроиться в кресле, он тяжело вздыхал - ведь скоро ему предстояло идти воевать.

Nightmarish as her own wedding had been, Ashley's wedding was even worse.	Если ее собственная свадьба была подобна страшному сну, то свадьба Эшли стала для нее еще более тяжким испытанием.

Scarlett stood in her apple-green "second-day" dress in the parlor of Twelve Oaks amid the blaze of hundreds of candles, jostled by the same throng as the night before, and saw the plain little face of Melanie Hamilton glow into beauty as she became Melanie Wilkes.	Она стояла в своем яблочно-зеленом, сшитом специально для второго дня свадьбы платье в гостиной Двенадцати Дубов среди жаркого сияния сотен свечей, в точно такой же толпе гостей, как накануне, и видела расцветавшее от счастья простенькое личико Мелани Гамильтон, отныне Мелани Уилкс, видела, как оно, преображаясь, становится красивым.
Now, Ashley was gone forever.	И она думала о том, что теперь Эшли ушел от нее навсегда.
Her Ashley.	Ее Эшли.
No, not her Ashley now.	Нет, уже не ее.

Had he ever been hers?	Да и был ли он когда-нибудь ее?
It was all so mixed up in her mind and her mind was so tired, so bewildered.	Все спуталось у нее в мозгу - она так устала, так истерзана.
He had said he loved her, but what was it that had separated them?	Он ведь сказал, что любит ее, но что-то их разлучило. Что же?
If she could only remember. She had stilled the County's gossiping tongue by marrying Charles, but what did that matter now?	Если бы она могла припомнить... Она вышла замуж за Чарльза и заставила всех сплетниц округи прикусить языки, но какое это имело теперь значение?
It had seemed so important once, but now it didn't seem important at all.	Когда-то это казалось ей очень важным, а сейчас утратило всякую цепу в ее глазах.

All that mattered was Ashley.	Единственное, что было важно, - это Эшли.
Now he was gone and she was married to a man she not only did not love but for whom she had an active contempt.	А он теперь потерян для нее, и она замужем за человеком, которого не только не любит, хуже того - презирает.
Oh, how she regretted it all.	Ах, какие муки сожалений испытывала она!
She had often heard of people cutting off their noses to spite their faces but heretofore it had been only a figure of speech. Now she knew just what it meant.	Ей не раз доводилось слышать поговорку: "Жабу гото" проглотить, лишь бы другим насолить", но только теперь до нее полностью дошел смысл этих слов.

And mingled with her frenzied desire to be free of Charles and safely back at Tara, an unmarried girl again, ran the knowledge that she had only herself to blame.	Потому что к отчаянному желанию снова стать свободной от Чарльза, от брачных уз, стать незамужней девчонкой, вернуться под надежный отчий кров примешивалось мучительное сознание, что ей некого винить, кроме себя самой.
Ellen had tried to stop her and she would not listen.	Эллин пыталась удержать ее от этого шага, а она ее не послушалась.

So she danced through the night of Ashley's wedding in a daze and said things mechanically and smiled and irrelevantly wondered at the stupidity of people who thought her a happy bride and could not see that her heart was broken.	Как в тумане, протанцевала она всю ночь, ночь свадьбы Эшли, до утра, смеялась, улыбалась, машинально произносила какие-то слова и, без особых на то оснований, удивлялась глупости окружающих, видевших в ней только счастливую молодую супругу и не понимавших, что сердце ее разбито.
Well, thank God, they couldn't see!	Да, слава богу, они ничего не понимали!

That night after Mammy had helped her undress and had departed and Charles had emerged shyly from the dressing room, wondering if he was to spend a second night in the horsehair chair, she burst into tears.	В эту ночь, после того как Мамушка помогла ей раздеться и удалилась и Чарльз стыдливо появился из гардеробной, полный опасений, не придется ли ему и вторую брачную ночь провести в жестком, набитом конским волосом кресле, она внезапно разрыдалась.
She cried until Charles climbed into bed beside her and tried to comfort her, cried without words until no more tears would come and at last she lay sobbing quietly on his shoulder.	Она плакала, и Чарльз наконец лег рядом с ней и попытался ее утешить, а она все плакала, беззвучно, пока не иссякли слезы, а потом заснула, тихонько всхлипывая, на, его плече.

If there had not been a war, there would have been a week of visiting about the County, with balls and barbecues in honor of the two newly married couples before they set off to Saratoga or White Sulphur for wedding trips.	Не будь войны, всю следующую неделю новобрачные разъезжали бы по графству, отдавая визиты, всю неделю бы шли балы и устраивались пикники в честь двух молодых пар, после чего они отправились бы в свадебное путешествие в Саратогу и Уайт Салфор.
If there had not been a war, Scarlett would have had third-day and fourth-day and fifth-day dresses to wear to the Fontaine and Calvert and Tarleton parties in her honor.	Не будь войны, Скарлетт сшили бы новые платья для приемов в ее честь на третий, четвертый и пятый день - у Фонтейнов, Калвертов и Тарлтонов.
But there were no parties now and no wedding trips.	Но шла война, и не было ни приемов, ни свадебных путешествий.

A week after the wedding Charles left to join Colonel Wade Hampton, and two weeks later Ashley and the Troop departed, leaving the whole County bereft.	Через неделю после венчания Чарльз уехал, чтобы присоединиться к полковнику Уэйду Хэмптону, а две недели спустя отбыл и Эшли с Эскадроном, оставив всех родных и друзей горевать и ждать.
In those two weeks, Scarlett never saw Ashley alone, never had a private word with him.	За эти две недели Скарлетт ни разу не виделась с Эшли наедине, не обмолвилась с ним ни единым словом с глазу на глаз.
Not even at the terrible moment of parting, when he stopped by Tara on his way to the train, did she have a private talk.	Даже в страшную минуту прощания, когда он завернул в Тару по дороге на станцию, они ни на секунду не оставались вдвоем.

Melanie, bonneted and shawled, sedate in newly acquired matronly dignity, hung on his arm and the entire personnel of Tara, black and white, turned out to see Ashley off to the war.	Мелани, в шляпке и шали, еще более сдержанная, уравновешенная в своей новой роли замужней женщины, держала его под руку, и все обитатели усадьбы - как белые, так и черные - высыпали во двор проводить мистера Эшли на войну.
Melanie said:	Мелани сказала:
"You must kiss Scarlett, Ashley.	- Ты должен поцеловать Скарлетт, Эшли.

She's my sister now," and Ashley bent and touched her cheek with cold lips, his face drawn and taut.	Она стала мне сестрой теперь. - И Эшли наклонился к ней и прикоснулся холодными губами к ее щеке. Лицо у него было замкнутое, напряженное.

Scarlett could hardly take any joy from that kiss, so sullen was her heart at Melly's prompting it.	Поцелуй этот не доставил Скарлетт радости - ведь Эшли поцеловал ее по подсказке Мелани, и сердце ее было полни угрюмой злобы.
Melanie smothered her with an embrace at parting.	Мелани же, прощаясь, чуть не задушила ее в объятиях.
"You will come to Atlanta and visit me and Aunt Pittypat, won't you?	- Непременно, непременно приезжайте в Атланту проведать меня и тетушку Питтипэт!
Oh, darling, we want to have you so much!	О дорогая, мы так хотим, чтобы вы приехали!
We want to know Charlie's wife better."	Мы хотим поближе узнать жену нашего Чарли!

Five weeks passed during which letters, shy, ecstatic, loving, came from Charles in South Carolina telling of his love, his plans for the future when the war was over, his desire to become a hero for her sake and his worship of his commander, Wade Hampton.	Прошло пять недель. От Чарльза из Южной Каролины летели письма - полные любви, планов на будущее по окончании войны, стремления совершать подвиги на поле боя в честь Скарлетт и пылкого преклонения перед своим полковым командиром Уэйдом Хэмптоном.
In the seventh week, there came a telegram from Colonel Hampton himself, and then a letter, a kind, dignified letter of condolence.	А на седьмой неделе пришла телеграмма от самого полковника Хэмптона и следом за телеграммой - письмо с выражением почтительного соболезнования и добрых пожеланий.
Charles was dead.	Чарльза не стало.

The colonel would have wired earlier, but Charles, thinking his illness a trifling one, did not wish to have his family worried.	Полковник известил бы о его болезни раньше, но Чарльз считал ее пустяковой и не хотел попусту тревожить близких.
The unfortunate boy had not only been cheated of the love he thought he had won but also of his high hopes of honor and glory on the field of battle.	Судьба обманула незадачливого мальчика, не подарив ему ни любви, которую, как ему казалось, он завоевал, ни воинских подвигов на полях сражений.
He had died ignominiously and swiftly of pneumonia, following measles, without ever having gotten any closer to the Yankees than the camp in South Carolina.	Он умер бесславно и быстро от кори, осложнившейся пневмонией, не успев покинуть лагерь в Южной Каролине, не успев встретиться в бою ни с одним явки.

In due time, Charles' son was born and, because it was fashionable to name boys after their fathers' commanding officers, he was called Wade Hampton Hamilton.	В положенный срок появился на свет сын Чарльза и, следуя моде того времени, его нарекли по имени командира его покойного отца - Уэйдом Хэмптоном Гамильтоном.
Scarlett had wept with despair at the knowledge that she was pregnant and wished that she were dead.	Скарлетт, открыв, что она беременна, рыдала от отчаяния и призывала к себе смерть.

But she carried the child through its time with a minimum of discomfort, bore him with little distress and recovered so quickly that Mammy told her privately it was downright common-ladies should suffer more.	Но носила она ребенка, не испытывая никаких неудобств, роды протекли, на диво, легко, и оправилась она после них так быстро, что вызвала тайное неодобрение Мамушки: благородным дамам положено, мол, мучиться дольше.

She felt little affection for the child, hide the fact though she might.	К ребенку Скарлетт не чувствовала особой привязанности, хотя и умела это скрывать.

She had not wanted him and she resented his coming and, now that he was here, it did not seem possible that he was hers, a part of her.	Она не хотела ребенка, всем своим существом восставала против его появления на свет, и когда он все-таки появился, ей как-то не верилось, что он - частица ее самой.
Though she recovered physically from Wade's birth in a disgracefully short time, mentally she was dazed and sick. Her spirits drooped, despite the efforts of the whole plantation to revive them.	Хотя физически она и оправилась после родов в непозволительно короткий срок, душа ее была больна и потрясена, дух сломлен, и усилия всех обитателей поместья не могли возродить ее к жизни.

Ellen went about with a puckered, worried forehead and Gerald swore more frequently than usual and brought her useless gifts from Jonesboro.	Эллин ходила хмурая, тень заботы постоянно омрачала теперь ее чело, а Джералд бранился и сквернословил пуще прежнего и привозил Скарлетт бесполезные подарки из Джонсборо.
Even old Dr. Fontaine admitted that he was puzzled, after his tonic of sulphur, molasses and herbs failed to perk her up.	Даже старый доктор Фонтейн был озадачен: его настойка из серы, трав и черной патоки не помогала Скарлетт воспрянуть духом.
He told Ellen privately that it was a broken heart that made Scarlett so irritable and listless by turns.	Он поведал Эллин свою догадку: сердце Скарлетт разбито, и от этого она то раздражается по пустякам, то впадает в апатию.

But Scarlett, had she wished to speak, could have told them that it was a far different and more complex trouble. She did not tell them that it was utter boredom, bewilderment at actually being a mother and, most of all, the absence of Ashley that made her look so woebegone.	Но Скарлетт, пожелай она признаться в этом, могла бы сказать им, что состояние ее объясняется совсем иными и куда более сложными причинами: смертельной скукой, и обузой материнства, а главное - исчезновением из ее жизни Эшли. Вот что ее угнетало.
Her boredom was acute and ever present.	Острая, убийственная скука никогда не покидала ее.
The County had been devoid of any entertainment or social life ever since the Troop had gone away to war.	После отбытия Эскадрона во всем графстве прекратились всякие развлечения и празднества.

All of the interesting young men were gone-the four Tarletons, the two Calverts, the Fontaines, the Munroes and everyone from Jonesboro, Fayetteville and Lovejoy who was young and attractive.	Все интересные молодые люди уехали на войну: все четверо братьев Тарлтонов, оба брата Калверты, Фонтейны, Манро, да и в Джонсборо, и в Фейетвилле, и в Лавджое не осталось молодых и привлекательных мужчин.
Only the older men, the cripples and the women were left, and they spent their time knitting and sewing, growing more cotton and corn, raising more hogs and sheep and cows for the army.	Никого, кроме пожилых людей, калек и женщин, проводивших время за вязанием и шитьем или старавшихся вырастить для армии больше хлопка, больше кукурузы, больше овец, свиней, коров.

There was never a sight of a real man except when the commissary troop under Suellen's middle-aged beau, Frank Kennedy, rode by every month to collect supplies.	Единственным мужчиной, появлявшимся на горизонте Скарлетт, был не слишком молодой уже обожатель Сьюлин, командир интендантского отряда Франк Кеннеди, приезжавший раз в месяц собрать поставки для, армян.

The men in the commissary were not very exciting, and the sight of Frank's timid courting annoyed her until she found it difficult to be polite to him.	Среди его интендантов не на кого было посмотреть, а робкие ухаживания Франка за Сьюлин приводили Скарлетт в такое раздражение, что ей стоило немалого труда держаться с ним учтиво.

If he and Suellen would only get it over with!	Скорей бы уж они со Сьюлин довели это дело до конца!
Even if the commissary troop had been more interesting, it would not have helped her situation any.	Впрочем, если бы даже среди интендантов нашлись интересные мужчины, для нее ничего бы от этого не изменилось.
She was a widow and her heart was in the grave.	Она была вдова, и сердце ее умерло и погребено в могиле.
At least, everyone thought it was in the grave and expected her to act accordingly.	По крайней мере, так полагали все и, ждали, что соответственно этому она и будет себя вести.

This irritated her for, try as she would, she could recall nothing about Charles except the dying-calf look on his face when she told him she would marry him.	Это бесило Скарлетт, ибо, какие бы она ни прилагала старания, ей не удавалось воскресить в памяти образ Чарльза вспоминался лишь томный взгляд его телячьих глаз в то мгновение, когда он понял, что она согласна стать его женой.
And even that picture was fading.	И даже это воспоминание тускнело с каждым днем.
But she was a widow and she had to watch her behavior.	Тем не менее положение вдовы обязывало ее быть осмотрительной в своих поступках.
Not for her the pleasures of unmarried girls.	Девичьи развлечения теперь не для нее.

She had to be grave and aloof.	Она должна держаться степенно, с достоинством.
Ellen had stressed this at great length after catching Frank's lieutenant swinging Scarlett in the garden swing and making her squeal with laughter.	Эллин настойчиво и пространно внушала ей это, после того как застала ее раз в саду с лейтенантом из отряда Фрэнка Кеннеди. Он качал Скарлетт на качелях, и она заливалась хохотом.
Deeply distressed, Ellen had told her how easily a widow might get herself talked about.	Эллин, очень расстроенная, постаралась втолковать ей, как легко молодая вдова может дать пищу для пересудов.
The conduct of a widow must be twice as circumspect as that of a matron.	Вдова должна вести себя еще строже, чем замужняя дама.

"And God only knows," thought Scarlett, listening obediently to her mother's soft voice, "matrons never have any fun at all.	"Господи, замужние женщины и так лишены всяких развлечений! - думала Скарлетт, послушно внимая мягким укорам матери.
So widows might as well be dead."	- А вдова, значит, должна просто заживо уложить себя в могилу".
A widow had to wear hideous black dresses without even a touch of braid to enliven them, no flower or ribbon or lace or even jewelry, except onyx mourning brooches or necklaces made from the deceased's hair.	Вдова обязана носить омерзительное черное платье без единой ленточки, тесемочки, кусочка кружев, - даже цветок не должен его оживлять, даже украшения, - разве что траурная брошь из оникса или колье, сплетенное из волос усопшего.

And the black crepe veil on her bonnet had to reach to her knees, and only after three years of widowhood could it be shortened to shoulder length.	Черная креповая вуаль должна непременно ниспадать с чепца до колен, я только после трех лет вдовства она может быть укорочен до плеч.

Widows could never chatter vivaciously or laugh aloud.	Вдова ни в коем случае не должна оживленно болтать или громко смеяться.
Even when they smiled, it must be a sad, tragic smile.	Она может позволить себе улыбнуться, но лишь печальной, трагической улыбкой.
And, most dreadful of all, they could in no way indicate an interest in the company of gentlemen.	И что ужаснее всего, вдова не может проявлять ни малейшего интереса к обществу мужчин.

And should a gentleman be so ill bred as to indicate an interest in her, she must freeze him with a dignified but well-chosen reference to her dead husband.	А если кто-нибудь из джентльменов окажется столь невоспитан, что проявит к ней интерес, с достоинством по месту упомянутое имя покойного супруга должно немедленно превратить наглеца я соляной столб.
Oh, yes, thought Scarlett, drearily, some widows do remarry eventually, when they are old and stringy. Though Heaven knows how they manage it, with their neighbors watching.	"Конечно, - мрачно думала Скарлетт, - бывает все же, что вдовы выходят замуж вторично - чаще всего уже превратившись в жилистых старух, но одному только богу известно, как им это удается под неусыпным оком добрых соседей.

And then it's generally to some desperate old widower with a large plantation and a dozen children.	И притом на них свалится обычно какой-нибудь доведенный до отчаяния вдовец с большой плантацией и дюжиной ребятишек".
Marriage was bad enough, but to be widowed-oh, then life was over forever!	Брак сам по себе был достаточно тяжким испытанием, во вдовство означало, что жизнь кончена навсегда!
How stupid people were when they talked about what a comfort little Wade Hampton must be to her, now that Charles was gone.	Как глупо рассуждают те, кто говорит, что маленький Уэйд Хэмптон должен служить для нее огромным утешением теперь, когда Чарльза не стало.
How stupid of them to say that now she had something to live for!	Как нелепо их утверждение, что у нее появилась цель жизни!

Everyone talked about how sweet it was that she had this posthumous token of her love and she naturally did not disabuse their minds.	Все в один голос кричат, как это прекрасно, что он оставил ей залог своей любви. Она, конечно, не пытается поколебать их иллюзий.
But that thought was farthest from her mind.	Но сколь же все они далеки от истины!
She had very little interest in Wade and sometimes it was difficult to remember that he was actually hers.	Уэйд меньше всего занимает ее мысли, и порой они даже с трудом вспоминает о том, что он - ее сын.

Every morning she woke up and for a drowsy moment she was Scarlett O'Hara again and the sun was bright in the magnolia outside her window and the mockers were singing and the sweet smell of frying bacon was stealing to her nostrils.	Каждое утро в полудреме, предшествующей пробуждению, она снова была прежней Скарлетт О'Хара, и солнце играло в зелени магнолии за ее окном, и пересмешники свиристели, и аппетитный запах жареной грудинки щекотал ей ноздри.
She was carefree and young again.	И она снова была молода и беззаботна.
Then she heard the fretful hungry wail and always-always there was a startled moment when she thought:	А потом раздавался жалобный крик крошечного проголодавшегося существа, и всякий раз в первый миг было только удивление, и мелькала мысль:

"Why, there's a baby in the house!"	"Что это - у нас в доме ребенок?"

Then she remembered that it was her baby.	И тут же она спохватывалась: "Да это же мой сын!"
It was all very bewildering.	И внезапное возвращение к действительности было тягостным.
And Ashley!	А затем - Эшли!
Oh, most of all Ashley!	О, каждый миг снова Эшли, Эшли!
For the first time in her life, she hated Tara, hated the long red road that led down the hill to the river, hated the red fields with springing green cotton.	Впервые В жизни она возненавидела Тару, возненавидела длинную красную дорогу, ведущую с холма к реке, возненавидела красные поля с прозеленью хлопка.

Every foot of ground, every tree and brook, every lane and bridle path reminded her of him.	Каждая пядь земли, каждое дерево и каждый ручей, каждая тропинка и верховая тропа напоминали ей о нем.
He belonged to another woman and he had gone to the war, but his ghost still haunted the roads in the twilight, still smiled at her from drowsy gray eyes in the shadows of the porch.	Он принадлежал другой женщине и ушел на войну, но его призрак все еще незримо бродил в сумерках по дорогам, и мечтательные серые глаза улыбались ей из затененного угла веранды.

She never heard the sound of hooves coming up the river road from Twelve Oaks that for a sweet moment she did not think-Ashley!	И если на дороге, ведущей от Двенадцати Дубов вдоль реки, раздавался стук подков, сердце ее сладко замирало на миг - Эшли!
She hated Twelve Oaks now and once she had loved it.	Она возненавидели теперь и Двенадцать Дубов, которые когда-то так любила.
She hated it but she was drawn there, so she could hear John Wilkes and the girls talk about him-hear them read his letters from Virginia.	Она и ненавидела эту усадьбу, и против воли стремилась туда, чтобы услышать, как Джон Уилкс и его дочки говорят об Эшли, как они читают вслух его письма из Виргинии.
They hurt her but she had to hear them.	Ей было больно, но она не могла не слушать.

She disliked the stiffnecked India and the foolish prattling Honey and knew they disliked her equally, but she could not stay away from them.	Ей Претили чопорность Индии и тупая болтовня Милочки, и она знала, что они ее тоже терпеть не могут, но не ездить к ним было выше ее сил.
And every time she came home from Twelve Oaks, she lay down on her bed morosely and refused to get up for supper.	И всякий раз, вернувшись из Двенадцати Дубов, она угрюмо бросалась на постель, и отказывалась спуститься к ужину.
It was this refusal of food that worried Ellen and Mammy more than anything else.	Именно эти отказы от пищи больше всего беспокоили Эллин и Мамушку.

Mammy brought up tempting trays, insinuating that now she was a widow she might eat as much as she pleased, but Scarlett had no appetite.	Последняя появлялась в ее комнате с подносом, уставленным соблазнительными яствами, вкрадчиво давая понять, что теперь, став вдовой, она может есть сколько ее душеньке угодно. Но у Скарлетт не было аппетита.
When Dr. Fontaine told Ellen gravely that heartbreak frequently led to a decline and women pined away into the grave, Ellen went white, for that fear was what she had carried in her heart.	Доктор Фонтейн с сумрачным ведом сказал однажды Эллин, что есть примеры, когда от безутешной скорби женщины начинали чахнуть и сходили в могилу, - Эллин побледнела: та же цель глодала и ее.
"Isn't there anything to be done, Doctor?"	- Что же нам делать, доктор?

"A change of scene will be the best thing in the world for her," said the doctor, only too anxious to be rid of an unsatisfactory patient.	- Перемена обстановки была бы для нее лучшим лекарством, - сказал доктор, больше всего озабоченный тем, чтобы сбыть с рук трудную пациентку.
So Scarlett, unenthusiastic, went off with her child, first to visit her O'Hara and Robillard relatives in Savannah and then to Ellen's sisters, Pauline and Eulalie, in Charleston.	И вот Скарлетт вместе с младенцем отправилась, хотя и без особой охоты, навестить своих родственников О'Хара и Робийяров в Саванне, а затем сестер Эллин - Полин и Евлалия - в Чарльстоне.

But she was back at Tara a month before Ellen expected her, with no explanation of her return.	Но совершенно неожиданно для Эллин, ожидавшей ее на месяц позже, она без всяких объяснений возвратилась домой.
They had been kind in Savannah, but James and Andrew and their wives were old and content to sit quietly and talk of a past in which Scarlett had no interest.	В Саванне Скарлетт был оказан самый радушный прием, но какая скука сидеть смирненько с этими стариками - Джеймсом и Эндрю и их женами - и слушать, как они вспоминают былое, которое ничуть не интересовало Скарлетт!
It was the same with the Robillards, and Charleston was terrible, Scarlett thought.	То же повторилось и у Робийяров, а Чарльстон, по мнению Скарлетт, был омерзителен.

Aunt Pauline and her husband, a little old man, with a formal, brittle courtesy and the absent air of one living in an older age, lived on a plantation on the river, far more isolated than Tara.	Тетушка Полин и ее супруг, маленький, хрупкий, церемонно-вежливый старичок с отсутствующим взглядом, бродивший мыслями где-то в прошлом веке, жили на плантации, еще более уединенной, чем Тара, на берегу реки.
Their nearest neighbor was twenty miles away by dark roads through still jungles of cypress swamp and oak.	До ближайшего поместья было добрых двадцать миль сумрачными дорогами, через пустынные дубовые рощи, заросли кипариса я болота.

The live oaks with their waving curtains of gray moss gave Scarlett the creeps and always brought to her mind Gerald's stories of Irish ghosts roaming in shimmering gray mists.	При взгляде на виргинские дубы, оплетенные серой бахромой мха, Скарлетт пробирала дрожь: они пробуждали в ней воспоминания об ирландских духах, бродящих в мерцающем сером тумане, о которых часто рассказывал ей в детстве Джералд.
There was nothing to do but knit all day and at night listen to Uncle Carey read aloud from the improving works of Mr. Bulwer-Lytton.	Заняться здесь было совершенно нечем, к целыми днями она вязала, а вечерами слушала, как дядюшка Кари читал вслух нравоучительные творения Булвер-Литтона.

Eulalie, hidden behind a high-walled garden in a great house on the Battery in Charleston, was no more entertaining.	В Чарльстоне, в большом доме тетушки Евлалии, скрытом от глаз за высокой оградой и садом, было так же тоскливо.
Scarlett, accustomed to wide vistas of rolling red hills, felt that she was in prison.	Скарлетт, привыкшей к свободным просторам полей и пологих красных холмов, все время казалось, что она в тюрьме.
There was more social life here than at Aunt Pauline's, but Scarlett did not like the people who called, with their airs and their traditions and their emphasis on family.	Жили здесь не столь замкнуто, как у тетушки Полин, но Скарлетт не нравились посещавшие этот дом люди - их чопорность, приверженность традициям, подчеркнутая кастовость.

She knew very well they all thought she was a child of a mesalliance and wondered how a Robillard ever married a newly come Irishman.	В их глазах она была плодом мезальянса. Все они дивились про себя, как одна из Робийяров могла выйти замуж за пришлого ирландца, и Скарлетт угадывала их мысли.
Scarlett felt that Aunt Eulalie apologized for her behind her back.	Она чувствовала, что тетушка Евлалия постоянно просит для нее снисхождения за ее спиной.
This aroused her temper, for she cared no more about family than her father.	Это ее бесило, так как она не больше дорожила родовитостью, чем ее отец.
She was proud of Gerald and what he had accomplished unaided except by his shrewd Irish brain.	Она гордилась Джеральдом, сумевшим выбиться в люди без посторонней помощи, исключительно благодаря своей ирландской сметке.

And the Charlestonians took so much upon themselves about Fort Sumter!	К тому же чарльстонцы приписывали себе слишком большие заслуги в овладении фортом Самтер!
Good Heavens, didn't they realize that if they hadn't been silly enough to fire the shot that started the war some other fools would have done it?	Боже милостивый, неужели эти тупицы не понимали: если бы даже у них хватило ума не стрелять, рано или поздно выстрелил бы какой-нибудь другой идиот, и война все равно бы началась.
Accustomed to the brisk voices of upland Georgia, the drawling flat voices of the low country seemed affected to her.	Даже их тягучая речь казалась ей, привыкшей к быстрому, живому говору Северной Джорджии, жеманной.

She thought if she ever again heard voices that said "paams" for "palms" and "hoose" for "house" and "woon't" for "won't" and "Maa and Paa" for "Ma and Pa," she would scream.	Порой она, боялась, что заткнет уши и завизжит, если еще раз услышит "псалмы" - вместо "пальмы" или "маа" и "паа" - вместо "ма" и "па".
It irritated her so much that during one formal call she aped Gerald's brogue to her aunt's distress.	Все это так ее раздражало, что во время одного официального визита она, к вящему огорчению тетушки Евлалии, заговорила с провинциальным ирландским акцентом, ловко имитируя произношение Джералда.
Then she went back to Tara.	После этого она вернулась домой.

Better to be tormented with memories of Ashley than Charleston accents.	Лучше терзаться думами об Эшли, чем терзать свои уши чарльстонской речью.
Ellen, busy night and day, doubling the productiveness of Tara to aid the Confederacy, was terrified when her eldest daughter came home from Charleston thin, white and sharp tongued.	Эллин, дни и ночи проводившая в трудах, стараясь поднять доходность имения на благо Конфедерации, пришла в ужас, когда ее старшая дочь - худая, бледная, злоязычная - возвратилась домой.

She had known heartbreak herself, and night after night she lay beside the snoring Gerald, trying to think of some way to lessen Scarlett's distress.	Ночь за ночью, лежа рядом с безмятежно похрапывающим Джералдом, Эллин вспоминала, как сама пережила когда-то невозвратимую утрату, и ломала себе голову, пытаясь придумать, чем облегчить страдания дочери.

Charles' aunt, Miss Pittypat Hamilton, had written her several times, urging her to permit Scarlett to come to Atlanta for a long visit, and now for the first time Ellen considered it seriously.	Тетушка Чарльза, мисс Питтипэт Гамильтон, уже не раз писала ей, настойчиво прося отпустить Скарлетт погостить у них в Атланте, и теперь Эллин впервые всерьез задумалась над этим предложением.

She and Melanie were alone in a big house "and without male protection," wrote Miss Pittypat, "now that dear Charlie has gone.	Тетушка и Мелани жили одни в большом доме, "без всякой мужской опеки теперь, когда не стало вашего дорогого Чарльза", писала мисс Питтипэт.
Of course, there is my brother Henry but he does not make his home with us.	"Конечно, есть еще мой брат Генри, но он не живет под одним с нами кровом.
But perhaps Scarlett has told you of Henry.	Вероятно, Скарлетт поведала Вам о Генри.
Delicacy forbids my putting more concerning him on paper.	Деликатность не позволяет мне более подробно касаться этой темы в письме.
Melly and I would feel so much easier and safer if Scarlett were with us.	А нам с Мелани будет много легче и спокойней, если Скарлетт приедет погостить у нас.

Three lonely women are better than two.	Одиноким женщинам втроем лучше, чем вдвоем.

And perhaps dear Scarlett could find some ease for her sorrow, as Melly is doing, by nursing our brave boys in the hospitals here-and, of course, Melly and I are longing to see the dear baby... " So Scarlett's trunk was packed again with her mourning clothes and off she went to Atlanta with Wade Hampton and his nurse Prissy, a headful of admonitions as to her conduct from Ellen and Mammy and a hundred dollars in Confederate bills from Gerald.	И может быть, дорогая Скарлетт найдет для себя утешение в горе, как делает это Мелани, ухаживая за нашими храбрыми мальчиками в здешнем госпитале, ну, и конечно, и Мелани и я жаждем увидеть ее драгоценного малютку..." Словом, вдовьи одеяния Скарлетт снова были собраны в дорогу, и она отбыла в Атланту с Уэйдом Хэмптоном, его нянькой Присси, сотней конфедератских долларов от Джералда и кучей наставлений, как ей надлежит себя вести, от Мамушки и Эллин.

She did not especially want to go to Atlanta.	Не очень-то хотелось Скарлетт ехать в Атланту.
She thought Aunt Pitty the silliest of old ladies and the very idea of living under the same roof with Ashley's wife was abhorrent.	Тетушка Питти в ее представлении была на редкость глупой старухой, и Скарлетт претила мысль о тем, чтобы жить под одной крышей с женой Эшли.
But the County with its memories was impossible now, and any change was welcome.	Но оставаться дома, где воспоминания обступали ее со всех сторон, дом для нее невыносимо, и она готова была бежать куда глаза глядят.
PART TWO	ЧАСТЬ ВТОРАЯ
CHAPTER VIII	Глава 8

As the train carried Scarlett northward that May morning in 1862, she thought that Atlanta couldn't possibly be so boring as Charleston and Savannah had been and, in spite of her distaste for Miss Pittypat and Melanie, she looked forward with some curiosity toward seeing how the town had fared since her last visit, in the winter before the war began.	Майским утром 1862 года поезд уносил Скарлетт на север. При всей своей неприязни к Мелани и мисс Питтипэт, Скарлетт не без любопытства думала о переменах, которые могли произойти в Атланте с прошлой, еще довоенной, зимы, когда она последний раз побывала там, и о том, что как-никак этот город не может быть столь же невыносимо скучен, как Чарльстон или Саванна.

Atlanta had always interested her more than any other town because when she was a child Gerald had told her that she and Atlanta were exactly the same age.	Атланта с детства интересовала Скарлетт больше других городов потому, что, по словам Джералда, этот город был ее ровесником.

She discovered when she grew older that Gerald had stretched the truth somewhat, as was his habit when a little stretching would improve a story; but Atlanta was only nine years older than she was, and that still left the place amazingly young by comparison with any other town she had ever heard of.	Джералд, как обычно, слегка погрешил против истины ради красного словца, и Скарлетт с годами это поняла, - но так или иначе. Атланта все равно была лишь, на девять лет старше ее и, следовательно, необычайно молода по сравнению с другими городами.

Savannah and Charleston had the dignity of their years, one being well along in its second century and the other entering its third, and in her young eyes they had always seemed like aged grandmothers fanning themselves placidly in the sun.	Саванна и Чарльстон были старые, почтенные города - один приближался к концу своего второго столетия, другой уже шагнул в третье, и в глазах Скарлетт они были городами-бабушками, мирно греющими на солнце свои старые кости, обмахиваясь веерами.
But Atlanta was of her own generation, crude with the crudities of youth and as headstrong and impetuous as herself.	Атланта же принадлежала к одному с ней поколению - молодой, своевольный, необузданный город, под стать ей самой.

The story Gerald had told her was based on the fact that she and Atlanta were christened in the same year. In the nine years before Scarlett was born, the town had been called, first, Terminus and then Marthasville, and not until the year of Scarlett's birth had it become Atlanta.	А ее ровесником Джералд сделал этот город потому, что свое последнее крещение Атланта получила в один год со Скарлетт, За девять лет до этого город сначала назывался Термину с, потом Мартасвилл и только в год рождения Скарлетт был переименован в Атланту.
When Gerald first moved to north Georgia, there had been no Atlanta at all, not even the semblance of a village, and wilderness rolled over the site.	Когда Джералд прибыл в Северную Джорджию, Атланты не было еще и в помине, не было даже крошечного поселка - сплошная дичь и глушь.

But the next year, in 1836, the State had authorized the building of a railroad northwestward through the territory which the Cherokees had recently ceded.	Но уже в следующем, 1836 году, штат утвердил проект прокладки железной дороги на северо-запад - через только что очищенную от индейцев чероки территорию.

The destination of the proposed railroad, Tennessee and the West, was clear and definite, but its beginning point in Georgia was somewhat uncertain until, a year later, an engineer drove a stake in the red clay to mark the southern end of the line, and Atlanta, born Terminus, had begun.	Конечный пункт этой дороги - штат Теннесси на Западе - был уже четко обозначен, но откуда она должна была взять свое начало в Джорджии, никто толком не знал, пока годом позже некий безымянный строитель не воткнул палку в красную глину, обозначив исходную южную точку дороги и место будущего города Атланты, поначалу названного просто Термину с, то есть конечная станция.
There were no railroads then in north Georgia, and very few anywhere else.	В те годы в Северной Джорджии еще не проложили железных дорог, да и вообще они были тогда редкостью.

But during the years before Gerald married Ellen, the tiny settlement, twenty-five miles north of Tara, slowly grew into a village and the tracks slowly pushed northward.	Но незадолго до того года, когда Джералд сочетался браком с Эллин, крошечная фактория в двадцати пяти милях к северу от Тары превратилась в деревушку, и полотно будущей железной дороги медленно поползло от нее на север.
Then the railroad building era really began.	А потом началась эра повсеместной прокладки железных дорог.

From the old city of Augusta, a second railroad was extended westward across the state to connect with the new road to Tennessee.	От старого города Огасты потянулась через штат другая дорога - на запад, на пересечение с новой дорогой на Теннесси.

From the old city of Savannah, a third railroad was built first to Macon, in the heart of Georgia, and then north through Gerald's own county to Atlanta, to link up with the other two roads and give Savannah's harbor a highway to the West.	Из другого старого города - Саванны - началось строительство третьей железной дороги - сначала до Мейкона, в Центральной Джорджии, а затем на север, через графство, где поселился Джералд, до Атланты, для соединения с двумя упомянутыми выше дорогами, что обеспечивало Саваннской гавани связь с западными территориями.
From the same junction point, the young Atlanta, a fourth railroad was constructed southwestward to Montgomery and Mobile.	А потом из этого железнодорожного узла, из молодого города Атланты, была проложена четвертая железная дорога - на юго-запад до Монтгомери и Мобайла.

Born of a railroad, Atlanta grew as its railroads grew.	Рожденный железными дорогами город рос и развивался вместе с ними.
With the completion of the four lines, Atlanta was now connected with the West, with the South, with the Coast and, through Augusta, with the North and East.	Когда все четыре железнодорожные линии были завершены, Атланта обрела прямую связь с западом, с югом и с побережьем, а через Огасту -с севером и востоком.
It had become the crossroads of travel north and south and east and west, and the little village leaped to life.	Оказавшись на пересечения всех путей, маленькая деревушка расцвела.

In a space of time but little longer than Scarlett's seventeen years, Atlanta had grown from a single stake driven in the ground into a thriving small city of ten thousand that was the center of attention for the whole state.	За короткий промежуток времени - Скарлетт тогда исполнилось семнадцать лет - на том месте, где в красную глину была воткнута палка, вырос преуспевающий городок Атланта, насчитывавший десять тысяч жителей и приковывавший к себе внимание всего штата.
The older, quieter cities were wont to look upon the bustling new town with the sensations of a hen which has hatched a duckling.	Более старые и более степенные города, взирая на кипучий молодой город, чувствовали себя в положении курицы, неожиданно высидевшей гусенка.
Why was the place so different from the other Georgia towns?	Почему Атланта приобретала столь отличный от всех других городов Джорджии облик?

Why did it grow so fast?	Почему она так быстро росла?
After all, they thought, it had nothing whatever to recommend it- only its railroads and a bunch of mighty pushy people.	В конце концов, она же ничем особенным похвалиться не могла, если не считать железных дорог и кучки весьма предприимчивых людей.
The people who settled the town called successively Terminus, Marthasville and Atlanta, were a pushy people.	Ничего не скажешь, первые поселенцы, обосновавшиеся в Термину се, переименованном затем в Мартасвилл, а позже в Атланту, бесспорно были людьми предприимчивыми.

Restless, energetic people from the older sections of Georgia and from more distant states were drawn to this town that sprawled itself around the junction of the railroads in its center.	Деятельные, энергичные, они стекались на ранее освоенных областей Джорджии, да и из других отдаленных штатов в этот разраставшийся вокруг железнодорожного узла городок.
They came with enthusiasm.	Они приезжали сюда, исполненные веры в будущее.

They built their stores around the five muddy red roads that crossed near the depot.	И строили свои склады и магазины по обочинам пяти красных раскисших дорог, пересекавшихся позади вокзала.

They built their fine homes on Whitehall and Washington streets and along the high ridge of land on which countless generations of moccasined Indian feet had beaten a path called the Peachtree Trail.	Они воздвигали добротные дома на Уайтхолле и на улице Вашингтона и вдоль подножия высокого холма, где мокасины многих поколений индейцев протоптали путь, именуемый Персиковой тропой.
They were proud of the place, proud of its growth, proud of themselves for making it grow.	Они гордились своим городом, гордились его быстрым ростом и собой, ибо это благодаря их усилиям он рос.
Let the older towns call Atlanta anything they pleased.	Старые города могли давать Атланте какие угодно прозвища.
Atlanta did not care.	Атланта не придавала этому значения.

Scarlett had always liked Atlanta for the very same reasons that made Savannah, Augusta and Macon condemn it.	Атланта привлекала Скарлетт именно тем, что заставляло Саванну, Огасту и Мейкон относиться к этому городу с презрением.
Like herself, the town was a mixture of the old and new in Georgia, in which the old often came off second best in its conflicts with the self-willed and vigorous new.	В Атланте, как и в ней самой, старое причудливо переплелось с новым, и в этом единоборстве старое нередко уступало своеволию и силе нового.
Moreover, there was something personal, exciting about a town that was born-or at least christened-the same year she was christened.	А сверх того, некоторую роль играли в этом и чисто личные причины - Скарлетт увлекала мысль о том, что этот город родился или, во всяком случае, был крещен одновременно с ней.

The night before had been wild and wet with rain, but when Scarlett arrived in Atlanta a warm sun was at work, bravely attempting to dry the streets that were winding rivers of red mud.	Ночь, проведенная в дороге, была ветреной и дождливой, но когда поезд прибыл в Атланту, жаркое солнце уже храбро взялось за работу и трудилось вовсю, стараясь высушить улицы, превратившиеся в потоки и водовороты грязи.
In the open space around the depot, the soft ground had been cut and churned by the constant flow of traffic in and out until it resembled an enormous hog wallow, and here and there vehicles were mired to the hubs in the ruts.	Глинистая площадь перед вокзалом, вдоль и поперек изрытая колесами и копытами, представляла собой жидкое месиво, наподобие тех луж, в которых любят поваляться свиньи, и несколько повозок уже увязло в этом месиве по самые ступицы.

A never-ceasing line of army wagons and ambulances, loading and unloading supplies and wounded from the trains, made the mud and confusion worse as they toiled in and struggled out, drivers swearing, mules plunging and mud spattering for yards.	Сквозь сутолоку и грязь беспрерывной вереницей тянулись через площадь армейские фургоны и санитарные кареты, выгружая из вагонов боеприпасы и раненых, мулы тонули в этой жиже, возницы чертыхались, фонтаны грязи летели из-под колес.
Scarlett stood on the lower step of the train, a pale pretty figure in her black mourning dress, her crepe veil fluttering almost to her heels.	Скарлетт стояла на нижней подножке вагона -бледная и очаровательная в своем черном траурном платье, с траурным крепом почти до пят.

She hesitated, unwilling to soil her slippers and hems, and looked about in the shouting tangle of wagons, buggies and carriages for Miss Pittypat. There was no sign of that chubby pink-cheeked lady, but as Scarlett searched anxiously a spare old negro, with grizzled kinks and an air of dignified authority, came toward her through the mud, his hat in his hand.	Она не решалась ступить на землю, боясь испачкать туфли и подол платья; оглядываясь по сторонам, ища глазами среди всех этих громыхающих повозок, колясок и карет пухленькое розовощекое личико мисс Питтипэт, она увидела, что к ней, с видом важным и величественным, направляется, шлепая по лужам, худой старый седовласый негр со шляпой в руке.
"Dis Miss Scarlett, ain' it?	- А это, сдается мне, мисс Скарлетт?

Dis hyah Peter, Miss Pitty's coachman.	А я Питер - кучер мисс Питтипэт.
Doan step down in dat mud," he ordered severely, as Scarlett gathered up her skirts preparatory to descending.	Стойте, не лезьте в такую грязь! - сердито остановил он Скарлетт; которая, подобрав юбки, уже готова была спрыгнуть с подножки.
"You is as bad as Miss Pitty an' she lak a chile 'bout gittin' her feets wet.	- Вы, глядишь, не лучше мисс Питти, она что твое дитя малое - завсегда ноги промачивает.
Lemme cahy you."	Давайте-ка я вас снесу.

He picked Scarlett up with ease despite his apparent frailness and age and, observing Prissy standing on the platform of the train, the baby in her arms, he paused:	Он поднял Скарлетт на руки - поднял легко, невзирая на свой возраст и хилый вид, - и, заметив Присси, стоявшую на площадке вагона с ребенком на руках, спросил:
"Is dat air chile yo' nuss?	- А эта девчушка - ваша нянька, что ли?
Miss Scarlett, she too young ter be handlin' Mist' Charles' onlies' baby!	Молода еще, чтобы нянчить единственного сыночка мистера Чарльза - вот что я вам скажу, мисс Скарлетт.
But we ten' to dat later.	Ну, да об этом опосля.

You gal, foller me, an' doan you go drappin' dat baby."	Ступай за мной, да смотри ребенка-то не урони!
Scarlett submitted meekly to being carried toward the carriage and also to the peremptory manner in which Uncle Peter criticized her and Prissy.	Скарлетт кротко выслушала нелестный отзыв о своем выборе няньки, высказанный весьма безапелляционным тоном, и столь же кротко позволила старику негру подхватить себя на руки.
As they went through the mud with Prissy sloshing, pouting, after them, she recalled what Charles had said about Uncle Peter.	Пока он нес ее через площадь к коляске, а Присси, надув губы, шлепала за ним по лужам, ей припомнилось, что рассказывал Чарльз про "дядюшку Питера":

"He went through all the Mexican campaigns with Father, nursed him when he was wounded-in fact, he saved his life.	"Всю Мексиканскую кампанию он проделал бок о бок с отцом, выхаживал его, когда отец был ранен, короче говоря, спас ему жизнь.
Uncle Peter practically raised Melanie and me, for we were very young when Father and Mother died.	Он же, в сущности, и вырастил нас с Мелани, ведь мы остались совсем крошками после смерти отца и матери.
Aunt Pitty had a falling out with her brother, Uncle Henry, about that time, so she came to live with us and take care of us.	Тетя Питти в то время рассорилась с дядей Генри, своим братом, переехала жить к нам и взяла на себя заботы о нас.

She is the most helpless soul-just like a sweet grown-up child, and Uncle Peter treats her that way.	Только она совершенно беспомощное создание, этакий славный добрый большой ребенок, и дядюшка Питер так к ней и относился - как к ребенку.
To save her life, she couldn't make up her mind about anything, so Peter makes it up for her.	Даже для спасения собственной жизни она ни по какому, самому простому вопросу не в состоянии принять самостоятельного решения, так что дядюшка Питер должен все решать за нее.

He was the one who decided I should have a larger allowance when I was fifteen, and he insisted that I should go to Harvard for my senior year, when Uncle Henry wanted me to take my degree at the University.	Это он, когда мне сравнялось пятнадцать лет, решил, что надо увеличить сумму, отпускаемую на мои карманные расходы, и он же настоял, чтобы я заканчивал свое образование в Гарварде, в то время как дядя Г енри хотел, чтобы я окончил местный университет.
And he decided when Melly was old enough to put up her hair and go to parties.	И когда Мелани подросла, тот же дядюшка Питер решал, можно ли уже позволить ей делать прическу и выезжать в свет.

He tells Aunt Pitty when it's too cold or too wet for her to go calling and when she should wear a shawl... He's the smartest old darky I've ever seen and about the most devoted.	По его слову тетя Питти должна оставаться дома и не ездить с визитами, если он находит, что на дворе слишком холодно или слишком сыро, и он же указывает ей, когда нужно надеть шаль... Он самый умный, сметливый негр из всех, каких мне доводилось видеть, и самый преданный.
The only trouble with him is that he owns the three of us, body and soul, and he knows it."	Беда лишь в том, что все мы трое, со всеми потрохами, находимся в его безраздельной личной собственности, и он это превосходно понимает".
Charles' words were confirmed as Peter climbed onto the box and took the whip.	Слова Чарльза нашли подтверждение, как только дядюшка Питер влез на козлы и взял в руки кнут.

"Miss Pitty in a state bekase she din' come ter meet you.	- Мисс Питти крепко расстроилась, что не поехала вас встретить.
She's feared you mout not unnerstan' but Ah tole her she an' Miss Melly jes' git splashed wid mud an' ruin dey new dresses an' Ah'd 'splain ter you.	Боится, вы, может, не поймете, но я сказал ей, чтоб не ехала: она с мисс Мелли только в грязи выпачкаются и новые платья себе испортят. Ну, а я сам все вам растолкую.
Miss Scarlett, you better tek dat chile.	Мисс Скарлетт, вы бы взяли ребеночка-то на руки.
Dat lil pickaninny gwine let it drap."	Как бы эта пигалица его не уронила.
Scarlett looked at Prissy and sighed.	Скарлетт покосилась на Присси и вздохнула.
Prissy was not the most adequate of nurses.	Присси, конечно, была не лучшей из нянек.

Her recent graduation from a skinny pickaninny with brief skirts and stiffly wrapped braids into the dignity of a calico dress and starched white turban was an intoxicating affair.	Недавнее превращение из тощей девчонки в короткой юбке, с тугими, торчащими в разные стороны косичками, в солидную особу в длинном ситцевом платье и белом накрахмаленном тюрбане приводило ее в состояние радостного возбуждения.

She would never have arrived at this eminence so early in life had not the exigencies of war and the demands of the commissary department on Tara made it impossible for Ellen to spare Mammy or Dilcey or even Rosa or Teena.	Она никак не могла бы достичь столь высокого положения в столь раннюю пору жизни, если бы не война, с ее неотложными запросами. Интендантская служба предъявляла свои требования к поставкам с Тары, и Эллин просто не могла обойтись без Мамушке или Дилси или даже Розы или Тины.
Prissy had never been more than a mile away from Twelve Oaks or Tara before, and the trip on the train plus her elevation to nurse was almost more than the brain in her little black skull could bear.	Присси еще ни разу в жизни не удалялась от Тары и Двенадцати Дубов больше чем на милю, и путешествие в поезде, да еще в непривычном высоком звании няньки, оказалось почти непосильным испытанием для ее бедного маленького умишка.

The twenty-mile journey from Jonesboro to Atlanta had so excited her that Scarlett had been forced to hold the baby all the way.	Двадцатимильный переезд от Джонсборо до Атланты так ее взбудоражил, что Скарлетт пришлось все время самой держать ребенка на руках.
Now, the sight of so many buildings and people completed Prissy's demoralization.	Теперь же зрелище никогда не виданного скопления домов и людей окончательно деморализовало Присси.
She twisted from side to side, pointed, bounced about and so jounced the baby that he wailed miserably.	Она подпрыгивала на сиденье и вертелась во все стороны, так при этом подбрасывая ребенка, что он стал жалобно хныкать.

Scarlett longed for the fat old arms of Mammy. Mammy had only to lay hands on a child and it hushed crying.	А Скарлетт с тоской вспоминала старые пухлые руки Мамушки, которой стоило только прикоснуться к ребенку, чтобы он тотчас затих.
But Mammy was at Tara and there was nothing Scarlett could do.	Но Мамушка осталась в Таре, и тут уж ничего нельзя было поделать.
It was useless for her to take little Wade from Prissy.	А брать маленького Уэйда к себе на руки не имело смысла.
He yelled just as loudly when she held him as when Prissy did. Besides, he would tug at the ribbons of her bonnet and, no doubt, rumple her dress.	У нее на руках он будет орать ничуть не меньше, чем у Присси, да еще станет хвататься за ленты и стягивать с нее чепец и, конечно, помнет ей платье.

So she pretended she had not heard Uncle Peter's suggestion.	И Скарлетт сделала вид, что не расслышала слов дядюшки Питера.
"Maybe I'll learn about babies sometime," she thought irritably, as the carriage jolted and swayed out of the morass surrounding the station, "but I'm never going to like fooling with them."	"Может быть, я со временем и научусь обращаться с детьми, - с досадой подумала Скарлетт, трясясь в коляске, с трудом выбиравшейся из привокзальной грязи. - Но все равно мне никогда не доставит удовольствия сюсюкать над ними".
And as Wade's face went purple with his squalling, she snapped crossly:	И, видя, что личико ребенка совсем побагровело от крика, она сказала раздраженно:
"Give him that sugar-tit in your pocket, Priss.	- Дай ему соску с сахаром. Присси, она у тебя в кармане.

Anything to make him hush.	Сделай что-нибудь, уйми ребенка.

I know he's hungry, but I can't do anything about that now."	Он, понятно, голоден, во я сейчас ничем не могу помочь.
Prissy produced the sugar-tit, given her that morning by Mammy, and the baby's wails subsided. With quiet restored and with the new sights that met her eyes, Scarlest's spirits began to rise a little.	Присси достала сахар, завернутый в марлю, который сунула ей утром на дорогу Мамушка, и ребенок затих, а Скарлетт стала поглядывать по сторонам, и ее настроение немного поднялось.

When Uncle Peter finally maneuvered the carriage out of the mudholes and onto Peachtree Street, she felt the first surge of interest she had known in months.	Когда дядюшке Питеру удалось наконец выволочь коляску из глинистых рытвин и выбраться на Персиковую улицу, она почувствовала, что любопытство впервые за многие месяцы снова пробуждается в ней.
How the town had grown!	Как вырос город!
It was not much more than a year since she had last been here, and it did not seem possible that the little Atlanta she knew could have changed so much.	Всего лишь год с небольшим назад была она здесь в последний раз, и казалось просто непостижимым, что маленькая Атланта могла так перемениться за столь короткий срок.

For the past year, she had been so engrossed in her own woes, so bored by any mention of war, she did not know that from the minute the fighting first began, Atlanta had been transformed.	Весь прошедший год Скарлетт была так погружена в свои несчастий, а постоянные разговоры о войне так ей прискучили, что она оставалась в неведении тех коренных перемен, которые начали совершаться в Атланте, лишь только прогремели первые выстрелы.
The same railroads which had made the town the crossroads of commerce in time of peace were now of vital strategic importance in time of war.	Железные дороги, сделавшие Атланту центром пересечения всех торговых путей в мирное время, приобретали в дни войны важное стратегическое значение.

Far from the battle lines, the town and its railroads provided the connecting link between the two armies of the Confederacy, the army in Virginia and the army in Tennessee and the West.	Расположенный вдали от района боевых действий, город этот с его железнодорожным узлом стал связующим звеном между двумя армиями Конфедерации - армией Виргинии и армией Теннесси и Запада.
And Atlanta likewise linked both of the armies with the deeper South from which they drew their supplies.	И через ту же Атланту шли пути, соединявшие обе эти армии с глубинным Югом, откуда они черпали все необходимое для фронта.

Now, in response to the needs of war, Atlanta had become a manufacturing center, a hospital base and one of the South's chief depots for the collecting of food and supplies for the armies in the field.	А теперь, отвечая нуждам войны, Атланта становилась и промышленным центром, и военно-санитарной базой, и главным арсеналом, и складом продовольствия, поступавшего для сражавшихся армий Юга.
Scarlett looked about her for the little town she remembered so well.	Скарлетт глядела во все глаза, тщетно ища приметы того маленького городка, который был ей так хорошо знаком.
It was gone.	Его не стало.
The town she was now seeing was like a baby grown overnight into a busy, sprawling giant.	Представший ее взору город был похож на младенца, в одну ночь превратившегося в огромного шумного неуклюжего детину.

Atlanta was humming like a beehive, proudly conscious of its importance to the Confederacy, and work was going forward night and day toward turning an agricultural section into an industrial one.	Атланта гудела, как растревоженный улей, гордая сознанием своего значения для Конфедерации. И день и ночь здесь шла работа -сельскохозяйственный край стремительно превращался в индустриальный.
Before the war there had been few cotton factories, woolen mills, arsenals and machine shops south of Maryland-a fact of which all Southerners were proud.	До войны южнее Мериленда почти не было ни хлопкопрядильных, ни шерстомотальных фабрик, ни арсеналов, ни заводов - обстоятельство, коим всегда гордились южане.

The South produced statesmen and soldiers, planters and doctors, lawyers and poets, but certainly not engineers or mechanics.	Юг поставлял государственных деятелей и солдат, плантаторов и врачей, адвокатов и поэтов, но уж никак не инженеров или механиков.
Let the Yankees adopt such low callings.	Эти низменные профессии были уделом янки.

But now the Confederate ports were stoppered with Yankee gunboats, only a trickle of blockade-run goods was slipping in from Europe, and the South was desperately trying to manufacture her own war materials.	Но теперь, когда военные корабли северян блокировали порты конфедератов и лишь ничтожное количество грузов могло просочиться сюда из Европы, Юг начал предпринимать отчаянные попытки самостоятельно производить боевую технику.
The North could call on the whole world for supplies and for soldiers, and thousands of Irish and Germans were pouring into the Union Army, lured by the bounty money offered by the North.	Север мог со всех концов мира получать боеприпасы и подкрепление - тысячи ирландцев и немцев, привлеченные щедрыми Посулами, пополняли ряды армии северян.

The South could only turn in upon itself.	Юг мог рассчитывать только на себя.
In Atlanta, there were machine factories tediously turning out machinery to manufacture war materials-tediously, because there were few machines in the South from which they could model and nearly every wheel and cog had to be made from drawings that came through the blockade from England.	В Атланте механические мастерские упорно и кропотливо перестраивали станки на производство боевой техники - кропотливо, ибо на Юге почти не было для этого образцов и чуть ли не каждый винтик и каждую шестеренку приходилось изготовлять по чертежам, доставляемым, минуя блокаду, из Англии.

There were strange faces on the streets of Atlanta now, and citizens who a year ago would have pricked up their ears at the sound of even a Western accent paid no heed to the foreign tongues of Europeans who had run the blockade to build machines and turn out Confederate munitions.	Немало чужеземных лиц можно было теперь встретить на улицах Атланты, и жители, чье внимание год назад сразу привлекал к себе даже легкий акцент уроженцев Запада, перестали подмечать непривычную для их слуха речь европейцев, проникавших в город через блокированные порты, чтобы делать станки и производить снаряжение для армии конфедератов.
Skilled men these, without whom the Confederacy would have been hard put to make pistols, rifles, cannon and powder.	Все это были умелые люди, без которых Конфедерация не получила бы своих пистолетов, винтовок, пушек и пороха.

Almost the pulsing of the town's heart could be felt as the work went forward night and day, pumping the materials of war up the railway arteries to the two battle fronts.	Казалось, можно было слышать, как пульсирует сердце города, как оно неустанно, день и ночь гонит по железнодорожным артериям военное снаряжение к двум сражавшимся армиям.
Trains roared in and out of the town at all hours.	В любые часы суток ревели гудки паровозов: прибывали одни поезда, отбывали другие.

Soot from the newly erected factories fell in showers on the white houses.	Сажа из вознесшихся над городом фабричных труб оседала на белые стены домов.

By night, the furnaces glowed and the hammers clanged long after townsfolk were abed.	Всю ночь пылали горны, и удары молотов еще долго продолжали громыхать, в то время как жители уже покоились в своих постелях.

Where vacant lots had been a year before, there were now factories turning out harness, saddles and shoes, ordnance-supply plants making rifles and cannon, rolling mills and foundries producing iron rails and freight cars to replace those destroyed by the Yankees, and a variety of industries manufacturing spurs, bridle bits, buckles, tents, buttons, pistols and swords.	Там, где год назад тянулись пустыри, теперь работали мастерские, изготовляя седла, упряжь, подковы; оружейные заводы производили винтовки и пушки; прокатные и литейные цехи -рельсы и товарные вагоны, которые должны были заменить те, что были уничтожены северянами.

Already the foundries were beginning to feel the lack of iron, for little or none came through the blockade, and the mines in Alabama were standing almost idle while the miners were at the front.	А на множестве различных предприятий выпускались пуговицы, шпоры, хомуты, палатки, уздечки, пистолеты и сабли. Литейные уже начинали ощущать нехватку металла, поскольку рудокопы ушли сражаться на фронт и алабамские рудники почти бездействовали, а ввоз через блокированные порты стал почти невозможен.
There were no iron picket fences, iron summerhouses, iron gates or even iron statuary on the lawns of Atlanta now, for they had early found their way into the melting pots of the rolling mills.	В Атланте уже не осталось чугунных оград, чугунных решеток, чугунных ворот и даже чугунных статуй на газонах - все, было отправлено в плавильни.

Here along Peachtree Street and near-by streets were the headquarters of the various army departments, each office swarming with uniformed men, the commissary, the signal corps, the mail service, the railway transport, the provost marshal.	А вдоль Персиковой улицы и по всем прилегающим переулкам протянулись различные военные управления: интендантское, связи, почтовое, железнодорожное, главное управление военной полиции... и всюду, куда ни глянь, в глаза бросались военные мундиры.
On the outskirts of town were the remount depots where horses and mules milled about in large corrals, and along side streets were the hospitals.	В пригородах расположились ремонтные службы с большими загонами для лошадей и мулов, а на окраинных улицах - госпитали.

As Uncle Peter told her about them, Scarlett felt that Atlanta must be a city of the wounded, for there were general hospitals, contagious hospitals, convalescent hospitals without number.	Слушая дядюшку Питера, Скарлетт начинала понимать, что Атланта стала городом раненых: здесь были общие госпитали, инфекционные госпитали, госпитали для выздоравливающих, -всех не перечесть.
And every day the trains just below Five Points disgorged more sick and more wounded.	И каждый день продолжали прибывать поезда с новыми партиями раненых и больных.
The little town was gone and the face of the rapidly growing city was animated with never-ceasing energy and bustle.	От прежнего тихого городка не осталось и следа, и новый, быстро разраставшийся город шумел и бурлил с невиданной энергией.

The sight of so much hurrying made Scarlett, fresh from rural leisure and quiet, almost breathless, but she liked it.	У Скарлетт, привыкшей к неспешному, ленивому течению сельской жизни и к тишине, просто дух захватывало от всей этой суматохи, но она пришлась ей по вкусу.

There was an exciting atmosphere about the place that uplifted her. It was as if she could actually feel the accelerated steady pulse of the town's heart beating in time with her own.	Кипучая атмосфера Атланты приятно волновала и бодрила, и сердце Скарлетт учащенно забилось, словно ей передалось лихорадочное биение пульса города.

As they slowly made their way through the mudholes of the town's chief street, she noted with interest all the new buildings and the new faces.	Пока коляска медленно пробиралась по грязным колдобинам главной улицы города, Скарлетт с интересом разглядывала новые здания игровые лица.

The sidewalks were crowded with men in uniform, bearing the insignia of all ranks and all service branches; the narrow street was jammed with vehicles-carriages, buggies, ambulances, covered army wagons with profane drivers swearing as the mules struggled through the ruts; gray-clad couriers dashed spattering through the streets from one headquarters to another, bearing orders and telegraphic dispatches; convalescents limped about on crutches, usually	В толпе на тротуарах мелькали мундиры с нашивками, указывавшими на принадлежность к различным родам войск и различные звания. Узкая улица была сплошь запружена повозками, колясками, кабриолетами, санитарными и армейскими фургонами; мулы с трудом волокли их по разбитым колеям, возницы отчаянно чертыхались. Вестовые в серой форменной одежде носились, разбрызгивая грязь, из одной воинской части в другую, доставляя приказы и депеши; раненые ковыляли на костылях - нередко в сопровождении двух заботливых дам; с учебного плаца, где новобран-

"Oh," thought Scarlett, with the first feeling of real pleasure she had experienced since the day of the barbecue,	"О! - мысленно воскликнула Скарлетт, впервые со дня памятного барбекю ощутив подлинную радость.
"I'm going to like it here!	- Кажется, мне здесь понравится.
It's so alive and exciting!"	Жизнь тут кипит ключом, и все так интересно!

The town was even more alive than she realized, for there were new barrooms by the dozens; prostitutes, following the army, swarmed the town and bawdy houses were blossoming with women to the consternation of the church people.	А жизнь в городе действительно кипела ключом, и отнюдь ее все стороны этой жизни были доступны взору Скарлетт: десятки новых салунов открывались один за другим; следом за войсками в город хлынули толпы проституток, и бордели процветали - к ужасу благочестивых горожан.
Every hotel, boarding house and private residence was crammed with visitors who had come to be near wounded relatives in the big Atlanta hospitals.	Все гостиницы, пансионы и частные дома были забиты до отказа приезжими; к раненым, находившимся на излечении в переполненных госпиталях Атланты, родственники стекались отовсюду.

There were parties and balls and bazaars every week and war weddings without number, with the grooms on furlough in bright gray and gold braid and the brides in blockade- run finery, aisles of crossed swords, toasts drunk in blockaded champagne and tearful farewells.	Каждую неделю устраивались балы, приемы, благотворительные базары и бесчисленные свадьбы на скорую руку, на военный лад; отпущенные на побывку женихи венчались в светло-серых с золотыми галунами мундирах, невесты - в пышных подвенечных уборах, прорвавших блокаду наряду с шампанским, пенившимся в бокалах, когда поднимались тосты в честь новобрачных; в церквах в проходах между скамьями повсюду торчали сабли, и за венчаниями следовали прощания и слезы.

Nightly the dark tree-lined streets resounded with dancing feet, and from parlors tinkled pianos where soprano voices blended with those of soldier guests in the pleasing melancholy of	Всю ночь темные, обсаженные деревьями улицы гудели от топота танцующих ног, а из окон неслись звуки фортепьяно, и мужественные голоса воинов-отпускников, сплетаясь с нежными сопрано, выводили меланхолические напевы:
"The Bugles Sang Truce" and	"Горнисты в горн трубят" и

"Your Letter Came, but Came Too Late "-plaintive ballads that brought exciting tears to soft eyes which had never known the tears of real grief.	"Письмо твое пришло, увы, так поздно", увлажняя слезами волнения юные глаза, еще не познавшие всей глубины истинного горя.
As they progressed down the street, through the sucking mud, Scarlett bubbled over with questions and Peter answered them, pointing here and there with his whip, proud to display his knowledge.	Коляска, увязая в жидкой грязи, катилась по улице, а у Скарлетт, не иссякая ни на мгновение, слетали с языка вопросы, и дядюшка Питер, гордый своей осведомленностью, отвечал на них, тыча то туда, то сюда кнутом.
"Dat air de arsenal.	- Вон там - это арсенал.

Yas'm, dey keeps guns an' sech lak dar.	Да, мэм, у них там винтовки и всякое такое прочее.
No'm, dem air ain' sto's, dey's blockade awfisses.	Нет, мэм, это не лавки, это конторы тех, кто прорывает блокаду.
Law, Miss Scarlett, doan you know whut blockade awfisses is?	Как, мэм, да неужто вы ничего не знаете про это?
Dey's awfisses whar furriners stays dat buy us Confedruts' cotton an' ship it outer Cha'ston and Wilmin'ton an' ship us back gunpowder.	Это конторы чужеземцев - они покупают у нас хлопок и везут его морем из Чарльстона и Уилмингтона, а нам привозят порох.

No'm, Ah ain' sho whut kine of furriners dey is.	Нет, мэм, не знаю я, кто они такие.
Miss Pitty, she say dey is Inlish but kain nobody unnerstan a' wud dey says.	Мисс Питти говорит - они вроде бы англичане, да только никто ни слова не понимает, что они лопочут.
Yas'm 'tis pow'ful smoky an' de soot jes' ruinin' Miss Pitty's silk cuttins.	Да, мам, большой дым, от этой копоти у мисс Питти совсем пропали ее шелковые занавески.
It' frum de foun'ry an' de rollin' mills.	Это все от прокатных и литейных цехов.
An' de noise dey meks at night!	А уж шуму-то от них по ночам - мочи нет!
Kain nobody sleep.	Никому спать не дают!

No'm, Ah kain stop fer you ter look around.	Нет, мэм, смотреть - смотрите, а останавливаться я не могу.

Ah done promise Miss Pitty Ah bring you straight home... Miss Scarlett, mek yo' cu'tsy.	Пообещал мисс Питти привезти вас прямехонько домой... Мисс Скарлетт, поклонитесь-ка.
Dar's Miss Merriwether an' Miss Elsing a-bowin' to you."	Это мисс Мерриуэзер и мисс Элсинг здороваются с вами.

Scarlett vaguely remembered two ladies of those names who came from Atlanta to Tara to attend her wedding and she remembered that they were Miss Pittypat's best friends.	Скарлетт смутно припомнила двух вышеназванных дам: они приезжали на ее свадьбу из Атланты... Кажется, это закадычные подруги мисс Питтипэт.
So she turned quickly where Uncle Peter pointed and bowed.	Она поспешно обернулась в ту сторону, куда указывал кнут дядюшки Питера, н поклонилась.
The two were sitting in a carriage outside a drygoods store.	Дамы сидели а коляске перед мануфактурным магазином.

The proprietor and two clerks stood on the sidewalk with armfuls of bolts of cotton cloth they had been displaying.	Хозяин и два приказчика стояли перед ними на тротуаре, держа в руках рулоны хлопчатобумажных тканей.
Mrs. Merriwether was a tall, stout woman and so tightly corseted that her bust jutted forward like the prow of a ship.	Миссис Мерриуэзер была высокая тучная дама, так исступленно затянутая в корсет, что, казалось, ее бюст, выпирая из корсажа, устремляется вперед, словно нос корабля.

Her iron-gray hair was eked out by a curled false fringe that was proudly brown and disdained to match the rest of her hair. She had a round, highly colored face in which was combined good-natured shrewdness and the habit of command.	Ее черные с проседью волосы обрамляла бахрома безупречно каштановых искусственных локонов, упорно не желавших гармонировать с природным цветом волос, а круглое румяное лицо было хоть и добродушным, но и властным.
Mrs. Elsing was younger, a thin frail woman, who had been a beauty, and about her there still clung a faded freshness, a dainty imperious air.	Миссис Элсинг, худощавая, хрупкая, со следами былой красоты и годами несколько моложе своей спутницы, сохраняла остатки увядающей свежести и горделивую осанку покорительницы сердец.

These two ladies with a third, Mrs. Whiting, were the pillars of Atlanta.	Обе эти дамы, вкупе с третьей - миссис Уайтинг, были столпами светского общества Атланты.
They ran the three churches to which they belonged, the clergy, the choirs and the parishioners.	Они безраздельно управляли тремя церквами в своих приходах - их клиром, певчими и прихожанами.
They organized bazaars and presided over sewing circles, they chaperoned balls and picnics, they knew who made good matches and who did not, who drank secretly, who were to have babies and when.	Они устраивали благотворительные базары, председательствовали в швейных кружках, руководили устройством балов и пикников. Им было точно известно, кто составил удачную партию и кто - нет, кто предается тайному пьянству, кто должен родить и когда.

They were authorities on the genealogies of everyone who was anyone in Georgia, South Carolina and Virginia and did not bother their heads about the other states, because they believed that no one who was anybody ever came from states other than these three.	Они были непререкаемыми знатоками всех родословных, если речь шла о лицах, имевших какой-то вес в Джорджии, Южной Каролине и Виргинии, а все прочие в расчет не принимали, ибо, по твердому убеждению этих дам, всякий, кто был хоть кем-то, не мог быть выходцем ни из какого другого штата, кроме вышеупомянутых трех.

They knew what was decorous behavior and what was not and they never failed to make their opinions known-Mrs. Merriwether at the top of her voice, Mrs. Elsing in an elegant die-away drawl and Mrs. Whiting in a distressed whisper which showed how much she hated to speak of such things.	Они точно знали, что прилично и что нет, и никогда не упускали случая заявить об этом во всеуслышание: миссис Мерриуэзер - громко и внятно, миссис Элсинг - изыскаяно-певучим замирающим голоском, миссис Уайтинг -трагическим шепотом, дающим представление о том, как ей тяжело говорить о подобных вещах.

These three ladies disliked and distrusted one another as heartily as the First Triumvirate of Rome, and their close alliance was probably for the same reason.	Все три дамы ненавидели друг друга и друг другу не доверяли с не меньшей искренностью и острой неприязнью, первый римский триумвират, и это, по-видимому, и служило основой их, нерасторжимого союза.
"I told Pitty I had to have you in my hospital," called Mrs. Merriweather, smiling.	- Я сказала Питти, что вы непременно должны быть в моем госпитале, - крикнула миссис Мерриуазер, сияя улыбкой.
"Don't you go promising Mrs. Meade or Mrs. Whiting!"	- Не вздумайте что-нибудь пообещать миссис Мид или миссис Уайтинг!

"I won't," said Scarlett, having no idea what Mrs. Merriwether was talking about but feeling a glow of warmth at being welcomed and wanted.	- Ни за что, - отвечала Скарлетт, не имея ни малейшего представления о том, что подразумевает под этим миссис Мерриуэзер, но чувствуя, как у нее потеплело на сердце, оттого что ее так радушно приветствуют и она кому-то нужна.
"I hope to see you again soon."	- Я надеюсь, мы скоро увидимся.
The carriage plowed its way farther and halted for a moment to permit two ladies with baskets of bandages on their arms to pick precarious passages across the sloppy street on stepping stones.	Коляска потащилась дальше, но тут же стала, давая дорогу двум дамам, пробиравшимся через улицу, прыгая с камня на камень, с полными бинтов корзинами в руках.

At the same moment, Scarlett's eye was caught by a figure on the sidewalk in a brightly colored dress-too bright for street wear-covered by a Paisley shawl with fringes to the heels. Turning she saw a tall handsome woman with a bold face and a mass of red hair, too red to be true.	В эту минуту внимание Скарлетт привлекла к себе чья-то яркая, необычно яркая для улицы одежда: на тротуаре, завернувшись в пеструю кашемировую шаль с бахромою до пят, стояла высокая красивая женщина с нагловатым лицом и копной ненатурально рыжих волос.
It was the first time she had ever seen any woman who she knew for certain had "done something to her hair" and she watched her, fascinated.	Скарлетт еще никогда не видела женщины, которая бы так явно "что-то делала со своими волосами", и она уставилась на нее как зачарованная.

"Uncle Peter, who is that?" she whispered.	- Дядюшка Питер, кто это? - шепотом спросила она.
"Ah doan know."	- Не знаю.
"You do, too.	- Знаешь, знаешь.
I can tell.	Я же вижу, что знаешь.
Who is she?"	Кто она?
"Her name Belle Watling," said Uncle Peter, his lower lip beginning to protrude.	- Ее зовут Красотка Уотлинг, - сказал дядюшка Питер, презрительно оттопырив нижнюю губу.

Scarlett was quick to catch the fact that he had not preceded the name with "Miss" or "Mrs."	Скарлетт не преминула отметить про себя, что он не прибавил к имени ни "мисс", ни "миссис".
"Who is she?"	- А кто она такая?

"Miss Scarlett," said Peter darkly, laying the whip on the startled horse, "Miss Pitty ain' gwine ter lak it you astin' questions dat ain' none of yo' bizness.	- Мисс Скарлетт, - угрюмо произнес дядюшка Питер и вытянул кнутом никак этого не ожидавшую лошадь, - мисс Питти совсем будет не по нраву, что вы все спрашиваете про то, о чем вам вовсе не надобно спрашивать.
Dey's a passel of nocount folks in dis town now dat it ain' no use talkin' about."	Теперь " этом городе столько всякого непотребного народу, что о нем и говорить-то неоже.
"Good Heavens!" thought Scarlett, reproved into silence.	"Боже милостивый! - подумала Скарлетт, сразу прикусив язык.
"That must be a bad woman!"	- Должно быть, это падшая женщина!"

She had never seen a bad woman before and she twisted her head and stared after her until she was lost in the crowd.	Еще ни разу в жизни не доводилось ей видеть женщин такого сорта, и она чуть не свернула себе шею, разглядывая эту особу, пока та не затерялась в толпе.
The stores and the new war buildings were farther apart now, with vacant lots between.	Лавки и новые, возникшие за войну здания стали теперь попадаться все реже и реже, а между ними лежали пустыри.
Finally the business section fell behind and the residences came into view.	Наконец деловая часть города осталась позади и вдали показались жилые кварталы.

Scarlett picked them out as old friends, the Leyden house, dignified and stately; the Bonnells', with little white columns and green blinds; the close-lipped redbrick Georgian home of the McLure family, behind its low box hedges.	Скарлетт мгновенно узнавала их, как старых друзей: вот солидный, величественный дом Лейденов; вот белые колонны и зеленые жалюзи Боннеллов; вот красный кирпичный, насупившийся за невысокой дощатой оградой дом в георгианском стиле - это особняк Маклюров.
Their progress was slower now, for from porches and gardens and sidewalks ladies called to her.	Теперь они продвигались вперед еще медленнее, так как со всех крылечек, из всех палисадников, со всех дорожек к ней неслись приветствия.

Some she knew slightly, others she vaguely remembered, but most of them she knew not at all.	Кое-кого из хозяек этих домов Скарлетт немного знала, других припоминала очень смутно, но большей же части они были ей незнакомы.
Pittypat had certainly broadcast her arrival.	Тетя Питтипэт явно оповестила всех о ее приезде.
Little Wade had to be held up time and again, so that ladies who ventured as far through the ooze as their carriage blocks could exclaim over him.	Малютку Уэйда приходилось время от времени приподымать повыше, чтобы те дамы, которые рискнули, несмотря на грязь, приблизиться к коляске, могли громко выразить свое восхищение.

They all cried to her that she must join their knitting and sewing circles and their hospital committees, and no one else's, and she promised recklessly to right and left.	И все они утверждали, что Скарлетт должна присоединиться именно к их вязальным и швейным кружкам и госпитальным комитетам и ни к каким другим, а она беспечно раздавала обещания направо и налево.

As they passed a rambling green clapboard house, a little black girl posted on the front steps cried,	Когда коляска проезжала мимо покосившегося тесового домика, выкрашенного в зеленую краску, маленькая негритянка, стоявшая на крылечке, крикнула:
"Hyah she come," and Dr.	- Эй, она приехала!

Meade and his wife and little thirteen-year-old Phil emerged, calling greetings.	- И доктор Мид со своей супругой и тринадцатилетним Филом появились из дома, чтобы ее приветствовать.
Scarlett recalled that they too had been at her wedding.	Скарлетт припомнила, что они тоже были у нее на свадьбе.
Mrs. Meade mounted her carriage block and craned her neck for a view of the baby, but the doctor, disregarding the mud, plowed through to the side of the carriage.	Миссис Мид взобралась на камень, возле которого приезжавшие останавливали лошадей, чтобы удобнее было сойти, и, вытянув шею, разглядывала ребенка, а доктор Мид прошлепал по грязи к самой коляске.

He was tall and gaunt and wore a pointed beard of iron gray, and his clothes hung on his spare figure as though blown there by a hurricane.	Это был высокий, худой мужчина с остроконечной седоватой бородкой. Одежда болталась на его тощей фигуре, словно наброшенная на плечи только что пронесшимся ураганом.
Atlanta considered him the root of all strength and all wisdom and it was not strange that he had absorbed something of their belief.	Он был кладезем мудрости в глазах всей Атланты и ее надежным оплотом, и потому нет ничего удивительного, если такого же мнения о себе отчасти придерживался и сам.
But for all his habit of making oracular statements and his slightly pompous manner, he was as kindly a man as the town possessed.	Но, невзирая на его напыщенные манеры и привычку изрекать свое суждения тоном оракула, доктор был добрейшей душою в городе.

After shaking her hand and prodding Wade in the stomach and complimenting him, the doctor announced that Aunt Pittypat had promised on oath that Scarlett should be on no other hospital and bandage-rolling committee save Mrs. Meade's.	Поздоровавшись со Скарлетт, ткнув Уэйда пальцем в живот и похвалив его, доктор тут же заявил, что тетушка Питтипэт дала клятвенное обещание: Скарлетт будет скатывать бинты и работать в госпитале, в комитете у миссис Мид, я только у миссис Мид.
"Oh, dear, but I've promised a thousand ladies already!" said Scarlett.	- О господи, что же мне делать! Я уже надавала обещаний нескольким десяткам дам! -воскликнула Скарлетт.
"Mrs. Merriwether, I'll be bound!" cried Mrs. Meade indignantly.	- В том числе, конечно, и миссис Мерриуэзер! -возмущенно вскричала миссис Мид.
"Drat the woman!	- Чтоб ей пусто было!

I believe she meets every train!"	Она, должно быть, днюет и ночует на вокзале!
"I promised because I hadn't a notion what it was all about," Scarlett confessed.	- Я пообещала, потому что не имела представления, о чем она говорит, - призналась Скарлетт.
"What are hospital committees anyway?"	- А что, кстати, это за комитеты?
Both the doctor and his wife looked slightly shocked at her ignorance.	Доктор и его супруга были, казалось, слегка шокированы проявленным Скарлетт невежеством.

"But, of course, you've been buried in the country and couldn't know," Mrs. Meade apologized for her.	- Ну, понятно, вы ведь были погребены у себя на плантации, откуда же вам знать, - поспешила найти для нее извинение миссис Мид.

"We have nursing committees for different hospitals and for different days.	- У нас созданы комитеты сестер милосердия для обслуживания разных госпиталей по разным дням.
We nurse the men and help the doctors and make bandages and clothes and when the men are well enough to leave the hospitals we take them into our homes to convalesce till they are able to go back in the army.	Мы ухаживаем за ранеными, помогаем докторам, готовим перевязочный материал и одежду, а когда раневые поправляются настолько, что могут покинуть госпиталь, мы берем их к себе домой до полного выздоровления, после чего они возвращаются в армию.
And we look after the wives and families of some of the wounded who are destitute-yes, worse than destitute.	И мы заботимся о семьях раненых, поскольку некоторые из них терпят просто ужасную нужду.

Dr. Meade is at the Institute hospital where my committee works, and everyone says he's marvelous and-"	Наш комитет создан при том госпитале, где работает доктор Мид, и все в один голос утверждают, что доктор поистине творят чудеса...
"There, there, Mrs. Meade," said the doctor fondly.	- Хватит, хватит, миссис Мид, - ласково прервал ее супруг.
"Don't go bragging on me in front of folks.	- Нечего меня перед всеми расхваливать.
It's little enough I can do, since you wouldn't let me go in the army."	Вы вот не пустили меня на фронт" а то, что я здесь делаю, это все пустяки.
"'Wouldn't let!'" she cried indignantly. "Me?	- Не пустила? - возмущенно вскричала супруга, -Я не пустила?

The town wouldn't let you and you know it.	Это же город вас не отпустил, и вы это прекрасно знаете.
Why, Scarlett, when folks heard he was intending to go to Virginia as an army surgeon, all the ladies signed a petition begging him to stay here.	Понимаете, Скарлетт; когда людям стало известно, что он намерен отбыть в Виргинию в качестве военного врача, все дамы в городе подписали петицию, умоляя его остаться здесь.
Of course, the town couldn't do without you."	Само собой понятно, что город не может обойтись без него.
"There, there, Mrs. Meade," said the doctor, basking obviously in the praise.	- Ну будет, будет, миссис Мид, - повторил доктор, явно польщенный ее похвалами.

"Perhaps with one boy at the front, that's enough for the time being."	- Что ж, пожалуй, хватит пока и одного сына на фронте.
"And I'm going next year!" cried little Phil hopping about excitedly.	- А на будущий год пойду на войну я! -воскликнул Фил, подпрыгивая на месте от волнения.
"As a drummer boy.	- Барабанщиком!.
I'm learning how to drum now.	Я уже учусь бить в барабан.
Do you want to hear me?	Хотите послушать?
I'll run get my drum."	Сейчас побегу, принесу барабан!

"No, not now," said Mrs. Meade, drawing him closer to her, a sudden look of strain coming over her face.	- Нет, не сейчас, - сказала миссис Мид и притянула к себе. Глубокое душевное волнение отразилось на ее лице.
"Not next year, darling.	- Не на будущий год, дорогой.
Maybe the year after."	Еще через годик, может быть.
"But the war will be over then!" he cried petulantly, pulling away from her. "And you promised!"	- Но война же тогда кончится! - обиженно закричал Фил, выскальзывая из материнских объятий, - А ты обещала!
Over his head the eyes of the parents met and Scarlett saw the look.	Взгляды родителей встретились, и Скарлетт прочла все в их глазах.

Darcy Meade was in Virginia and they were clinging closer to the little boy that was left.	Дарси Мид сражался в Виргинии, и трепетная любовь родителей была устремлена на младшего, остававшегося с ними сына.
Uncle Peter cleared his throat.	Дядюшка Питер откашлялся.
"Miss Pitty were in a state when Ah lef home an' ef Ah doan git dar soon, she'll done swooned."	- Мисс Питти была страх в каком волнении, когда я уезжал. Надо ехать домой, она и так уж небось лежит в обмороке.
"Good-by.	- До свидания!
I'll be over this afternoon," called Mrs. Meade.	Я наведаюсь к вам после обеда! - крикнула миссис Мид.

"And you tell Pitty for me that if you aren't on my committee, she's going to be in a worse state."	- И передайте от меня Питти: если она не отдаст вас в мой комитет, ей еще не раз прядется падать в обморок.
The carriage slipped and slid down the muddy road and Scarlett leaned back on the cushions and smiled.	Коляска, раскачиваясь из стороны, в сторону в скользких глинистых колеях, потащилась дальше, а Скарлетт, улыбаясь, откинулась на подушки.
She felt better now than she had felt in months.	Впервые за много месяцев у нее посветлело на душе.

Atlanta, with its crowds and its hurry and its undercurrent of driving excitement, was very pleasant, very exhilarating, so very much nicer than the lonely plantation out from Charleston, where the bellow of alligators broke the night stillness; better than Charleston itself, dreaming in its gardens behind its high walls; better than Savannah with its wide streets lined with palmetto and the muddy river beside it.	Атланта с ее шумной уличной толпой, с ее неистовостью, спешкой, подспудным напряжением возбуждала в ней приятное волнение - она была ей куда милее пустынной плантации в окрестностях Чарльстона, где ночное безмолвие нарушали лишь крика аллигаторов, милее и самого Чарльстона, дремлющего в тени своих садов за высокими оградами, милее Саванны с ее широкими, обсаженными пальмами улицами и мутной рекой.
Yes, and temporarily even better than Tara, dear though Tara was.	И - пока что; быть может, милее даже Тары, дорогой ее сердцу Тары.

There was something exciting about this town with its narrow muddy streets, lying among rolling red hills, something raw and crude that appealed to the rawness and crudeness underlying the fine veneer that Ellen and Mammy had given her.	Этот город с узкими грязными улочками, раскинувшиеся среди пологих краевых холмов, чем-то таинственно влек ее к себе; в нем крылась какая-то глубокая первозданная сила, находившая отклик в ее душе, где под тонкой оболочкой привитых усилиями Мамушки и Эллин понятий оставалось живо то, что было сродни этой силе.

She suddenly felt that this was where she belonged, not in serene and quiet old cities, flat beside yellow waters.	Здесь она внезапно почувствовала себя в своей стихии - здесь, а не среди спокойного величия старых городов, распластавшихся на равнине у желтых рек.

The houses were farther and farther apart now, and leaning out Scarlett saw the red brick and slate roof of Miss Pittypat's house.	Теперь дома отстояли друг от друга все дальше и дальше, и вот, высунувшись из коляски, Скарлетт увидела красные кирпичные стены и шиферную крышу дома мисс Питтипэт.
It was almost the last house on the north side of town.	Дом стоял на отшибе, на северной окраине города.
Beyond it, Peachtree road narrowed and twisted under great trees out of sight into thick quiet woods.	За ним Персиковая улица, сужаясь, превращалась в тропу, вьющуюся между высоченными деревьями, и скрывалась из глаз в тихой чаще леса.

The neat wooden-paneled fence had been newly painted white and the front yard it inclosed was yellow starred with the last jonquils of the season.	Аккуратная деревянная ограда сияла свежей белой краской, а цветник перед входом золотился желтыми звездочками последних в этом сезоне жонкилей.
On the front steps stood two women in black and behind them a large yellow woman with her hands under her apron and her white teeth showing in a wide smile.	На крыльце стояли две женщины в черных платьях, а позади них огромная мулатка, скрестив под передником руки, расплывалась широченной белозубой улыбкой.
Plump Miss Pittypat was teetering excitedly on tiny feet, one hand pressed to her copious bosom to still her fluttering heart.	Толстушка мисс Питтипэт переминалась от волнения на своих маленьких ножках, прижав руку к пышной груди, дабы унять биение растревоженного сердца.

Scarlett saw Melanie standing by her and, with a surge of dislike, she realized that the fly in the ointment of Atlanta would be this slight little person in black mourning dress, her riotous dark curls subdued to matronly smoothness and a loving smile of welcome and happiness on her heart-shaped face.	Скарлетт поглядела на стоявшую рядом с ней Мелани и с мгновенно вспыхнувшим чувством неприязни поняла: вот она - ложка дегтя в бочке меда Атланты: эта хрупкая фигурка в траурном платье, с гривой непокорных темных кудрей, безжалостно стянутых в степенный тугой узел, с радостной приветливой улыбкой на нежном широкоскулом личике с острым подбородком.

When a Southerner took the trouble to pack a trunk and travel twenty miles for a visit, the visit was seldom of shorter duration than a month, usually much longer.	Когда кому-нибудь из южан припадала охота собрать пожитки и, отправиться за двадцать миль проведать родных или друзей, визит этот редко продолжался менее четырех-пяти недель, а иной раз затягивался и дольше.
Southerners were as enthusiastic visitors as they were hosts, and there was nothing unusual in relatives coming to spend the Christmas holidays and remaining until July.	Южане с равным энтузиазмом ездили в гости и принимали гостей у себя, и не было ничего из ряда вон выходящего, если, заглянув на рождество, родственники задерживались до июля.

Often when newly married couples went on the usual round of honeymoon visits, they lingered in some pleasant home until the birth of their second child.	Нередко случалось также, что и новобрачные, заехав с обычным визитом, заживались, у радушных хозяев до появления на свет своего второго ребенка.

Frequently elderly aunts and uncles came to Sunday dinner and remained until they were buried years later.	И столь же часто бывало, что какой-нибудь престарелый дядюшка или тетушка, завернув в воскресенье отобедать, много лет спустя отправлялся из этого же дома на погост, так и не удосужившись убраться восвояси.

Visitors presented no problem, for houses were large, servants numerous and the feeding of several extra mouths a minor matter in that land of plenty.	Г ости никого не утруждали, ибо дома были вместительны, в челяди недостатка не ощущалось, а прокормить несколько лишних ртов в этом краю изобилия не составляло труда.

All ages and sexes went visiting, honeymooners, young mothers showing off new babies, convalescents, the bereaved, girls whose parents were anxious to remove them from the dangers of unwise matches, girls who had reached the danger age without becoming engaged and who, it was hoped, would make suitable matches under the guidance of relatives in other places.	Во всех домах постоянно было полно гостей разного возраста я пола: приезжали с визитом новобрачные; приезжали молодые матери -похвалиться своим новорожденным; приезжали выздоравливающие - окрепнуть после болезни; приезжали удрученные горем молодые девушки, усланные родителями из дома, дабы уберечь их от нежелательного брака, и молодые девушки, достигшие критического возраста и еще не обручившиеся и отправленные к родственникам в надежде, что с их помощью и на новом месте удастся поймать подходящего жениха.

Visitors added excitement and variety to the slow-moving Southern life and they were always welcome.	Г ости вносили разнообразие, оживляли неспешное течение жизни Юга, и им всегда оказывали радушный прием.
So Scarlett had come to Atlanta with no idea as to how long she would remain.	Так и Скарлетт приехала в Атланту, не имея ни малейшего представления о том, как долго она здесь пробудет.
If her visit proved as dull as those in Savannah and Charleston, she would return home in a month.	Если ей покажется тут так же скучно, как в Саванне и Чарльстоне, она возвратится домой через месяц.
If her stay was pleasant, she would remain indefinitely.	Если понравится, она будет тут жить, сколько наживется.

But no sooner had she arrived than Aunt Pitty and Melanie began a campaign to induce her to make her home permanently with them.	Однако не успела она приехать, как Тетушка Питти и Мелани повели на нее атаку, стараясь убедить ее обосноваться у них навечно.
They brought up every possible argument.	Все и всяческие аргументы были пущены в ход.
They wanted her for her own self because they loved her.	Они хотят, чтобы она жила с ними, потому что они ее любят.
They were lonely and often frightened at night in the big house, and she was so brave she gave them courage.	Они очень одиноки, и по ночам им бывает ужасно страшно в этом большом доме, а Скарлетт такая храбрая, и с ней они ничего не будут бояться.

She was so charming that she cheered them in their sorrow.	Она такая очаровательная, сумеет развеять их печаль.
Now that Charles was dead, her place and her son's place were with his kindred.	Теперь, после смерти Чарльза, ее место и место его сына - здесь, с родней усопшего.
Besides, half the house now belonged to her, through Charles' will.	К тому же, согласно завещанию Чарльза, половина дома принадлежит ей.

Last, the Confederacy needed every pair of hands for sewing, knitting, bandage rolling and nursing the wounded.	И наконец: Конфедерации дорога каждая пара рук, чтобы шить, вязать, скатывать бинты я ухаживать за раневыми.

Charles' Uncle Henry Hamilton, who lived in bachelor state at the Atlanta Hotel near the depot, also talked seriously to her on this subject.	Дядюшка Чарльза, старый холостяк Генри Гамильтон, живший в отеле "Атланта" возле вокзала, также имел с ней серьезную беседу на этот счет.
Uncle Henry was a short, pot-bellied, irascible old gentleman with a pink face, a shock of long silver hair and an utter lack of patience with feminine timidities and vaporings. It was for the latter reason that he was barely on speaking terms with his sister, Miss Pittypat.	Дядюшка Генри - маленький, гневливый джентльмен с округлым брюшком, розовым личиком и длинной гривой седых волос -отличался свирепой нетерпимостью к тому, что он называл женским сюсюканьем и ломаньем: По этой причине он почтя не общался со своей сестрой мясе Питтипэт.

From childhood, they had been exact opposites in temperament and they had been further estranged by his objections to the manner in which she had reared Charles- "Making a damn sissy out of a soldier's son!"	С детства они отличались резким несходством характеров, окончательный же разрыв произошел у них из-за несогласия дядюшки Генри с тем, как тетушка Питти воспитывала их племянника Чарльза: "Делает какую-то слюнявую девчонку из сына солдата!" - возмущался дядюшка Генри.

Years before, he had so insulted her that now Miss Pitty never spoke of him except in guarded whispers and with so great reticence that a stranger would have thought the honest old lawyer a murderer, at the least.	И несколько лет назад он позволил себе так оскорбительно высказаться по адресу тетушки Питти, что она теперь говорила о нем только приглушенным шепотом и с такими таинственными умолчаниями, что непосвященному человеку могло показаться, будто речь идет не о честном старом юристе, а по меньшей мере о потенциальном убийце.

The insult had occurred on a day when Pitty wished to draw five hundred dollars from her estate, of which he was trustee, to invest in a non-existent gold mine.	Оскорбление было нанесено в тот день, когда тетушка Питти пожелала изъять пятьсот долларов из доходов от своей недвижимости, опеку над которой осуществлял дядюшка Г енри, дабы вложить эти деньги в несуществующие золотые рудники.
He had refused to permit it and stated heatedly that she had no more sense than a June bug and furthermore it gave him the fidgets to be around her longer than five minutes.	Дядюшка наотрез отказался выдать ей эту сумму и сгоряча заявил, что у тетушки не больше здравого смысла, чем у блохи, и у него через пять минут Прерывания в ее обществе делаются нервные колики.

Since that day, she only saw him formally, once a month, when Uncle Peter drove her to his office to get the housekeeping money. After these brief visits, Pitty always took to her bed for the rest of the day with tears and smelling salts.	С того дня тетя Питти встречалась с дядей Генри только раз в месяц на деловой почве: дядюшка Питер отвозил ее в контору, где она получала у дяди Генри деньги на ведение хозяйства, и всякий раз после этих коротких визитов - вся а слезах и с флаконом нюхательных солей в руке -укладывалась в постель на весь остаток дня.

Melanie and Charles, who were on excellent terms with their uncle, had frequently offered to relieve her of this ordeal, but Pitty always set her babyish mouth firmly and refused.	Мелани я Чарльз, находившиеся в наилучших отношениях со своим дядей, предлагали тетушке избавить ее от этого тяжкого испытания, но она, упрямо сжав свой детский ротик, решительно мотала головой и отказывалась наотрез.

Henry was her cross and she must bear him.	Она должна до конца Вести свой крест, ниспосланный ей в лице дядюшки Генри.

From this, Charles and Melanie could only infer that she took a profound pleasure in this occasional excitement, the only excitement in her sheltered life.	Чарльз и Мелани пришли к заключению, что эта периодическая нервная встряска - единственная в ее спокойной упорядоченной жизни - приносит ей глубокое удовлетворение.
Uncle Henry liked Scarlett immediately because, he said, he could see that for all her silly affectations she had a few grains of sense.	Дядюшке Генри Скарлетт с первого взгляда пришлась по душе, ибо, сказал он, несмотря на все ее глупые ужимки, сразу видно, что у нее есть крупица здравого смысла в голове.
He was trustee, not only of Pitty's and Melanie's estates, but also of that left Scarlett by Charles.	Дядя был доверенным лицом и вел дела не только тети Питти и Мелани, но ведал и той частью имущества, которая досталась Скарлетт в наследство от Чарльза.

It came to Scarlett as a pleasant surprise that she was now a well-to-do young woman, for Charles had not only left her half of Aunt Pitty's house but farm lands and town property as well.	Для Скарлетт это было неожиданным и приятным сюрпризом: оказывается, она состоятельная молодая вдова - ведь Чарльз завещал ей вместе с половиной дома еще и землю и кое-какую собственность в городе.
And the stores and warehouses along the railroad track near the depot, which were part of her inheritance, had tripled in value since the war began.	А стоимость доставшихся ей в наследство амбаров и товарных складов, разместившихся вдоль железнодорожного полотна за вокзалом, возросла за время войны втрое.

It was when Uncle Henry was giving her an account of her property that he broached the matter of her permanent residence in Atlanta.	Вот тут-то, делая обстоятельный доклад о состоянии ее недвижимой собственности, дядюшка Генри и предложил ей избрать местом постоянного жительства Атланту.
"When Wade Hampton comes of age, he's going to be a rich young man," he said.	- Достигнув совершеннолетия, Уэйд Хэмптон станет богатым человеком, - сказал дядя Генри.

"The way Atlanta is growing his property will be ten times more valuable in twenty years, and it's only right that the boy should be raised where his property is, so he can learn to take care of it-yes, and of Pitty's and Melanie's, too.	- Атланта растет, и через двадцать лет недвижимое имущество мальчика будет стоить в десять, раз больше, чем теперь. Было бы только разумно, чтобы он жил там, где находится его собственность, дабы иметь возможность самому управлять ею, да и имуществом Питти и Мелани тоже.
He'll be the only man of the Hamilton name left before long, for I won't be here forever."	Вскоре он останется единственным мужским представителем рода Г амильтонов, поскольку мне ведь не жить вечно.
As for Uncle Peter, he took it for granted that Scarlett had come to stay.	Дядюшка Питер просто с самого начала считал само собой разумеющимся, что Скарлетт приехала в Атланту, чтобы обосноваться здесь навсегда.

It was inconceivable to him that Charles' only son should be reared where he could not supervise the rearing.	У него как-то не укладывалось в голове, что единственный сын Чарльза будет воспитываться где-то далеки и он не сможет следить за его воспитанием.

To all these arguments, Scarlett smiled but said nothing, unwilling to commit herself before learning how she would like Atlanta and constant association with her in-laws.	Скарлетт выслушивала все эти доводы с улыбкой, но не отвечала ничего. Она не хотела связывать себя какими-либо обещаниями, еще не будучи уверенной в том, понравится ли ей жизнь в Атланте и постоянное общение с ее новыми родственниками.

She knew, too, that Gerald and Ellen would have to be won over.	К тому же она понимала, что Джералд и Эллин наверняка Воспротивятся этому.
Moreover, now that she was away from Tara, she missed it dreadfully, missed the red fields and the springing green cotton and the sweet twilight silences.	И кроме того - теперь, вдали от Тары, в вей уже пробуждалась мучительная тоска по дому - по красным, вспаханным полям, и по зеленым всходам хлопка, и по благоухающей тишине вечерних сумерек.
For the first time, she realized dimly what Gerald had meant when he said that the love of the land was in her blood.	Впервые она начинала смутно прозревать, что имел в виду Джералд, говоря о любви к этой земле, которая у нее в крови.

So she gracefully evaded, for the time being, a definite answer as to the duration of her visit and slipped easily into the life of the red-brick house at the quiet end of Peachtree Street.	Поэтому она пока что ловко уклонялась от окончательного ответа, не раскрывая, как долго намерена погостить, и понемногу входя в жизнь красного кирпичного дома на тихом краю Персиковой улицы.
Living with Charles' blood kin, seeing the home from which he came. Scarlett could now understand a little better the boy who had made her wife, widow and mother in such rapid succession.	Ближе знакомясь с родственниками Чарльза, приглядываясь к дому, в котором он вырос, Скарлетт стала мало-помалу лучше понимать этого юношу, который так стремительно, за такой короткий срок успел сделать ее своей женой, матерью своего сына и вдовой.

It was easy to see why he had been so shy, so unsophisticated, so idealistic.	Теперь ей открылось, откуда была в нем эта застенчивость, это простодушие, эта мечтательность.
If Charles had inherited any of the qualities of the stern, fearless, hot-tempered soldier who had been his father, they had been obliterated in childhood by the ladylike atmosphere in which he had been reared.	Если даже Чарльз и унаследовал что-то от этого сурового, вспыльчивого, бесстрашного воина, каким был его отец, то изнеживающая, женственная атмосфера дома, где он рос, заглушила в нем еще в детстве наследственные черты характера.

He had been devoted to the childlike Pitty and closer than brothers usually are to Melanie, and two more sweet, unworldly women could not be found.	Он был глубоко привязан к тете Питти, так и оставшейся до старости ребенком, и необычайно горячо любил Мелани, в обе они были на редкость добры и на редкость не от мира сего.
Aunt Pittypat had been christened Sarah Jane Hamilton sixty years before, but since the long-past day when her doting father had fastened his nickname upon her, because of her airy, restless, pattering little feet, no one had called her anything else.	Тетушку при крещении - это произошло шестьдесят лет тому назад - нарекли Сарой Джейн Г амильтон, но уже давно, с того самого дня, когда обожавший ее отец, заслышав быстрый легкий топот маленьких ножек, внезапно придумал ей прозвище, никто и никогда не звал ее иначе, как Питтипэт.

In the years that followed that second christening, many changes had taken place in her that made the pet name incongruous.	С этого второго крещения прошло много лет, внешность тетушки претерпела роковые изменения, и прозвище стало казаться несколько неуместным.
Of the swiftly scampering child, all that now remained were two tiny feet, inadequate to her weight, and a tendency to prattle happily and aimlessly.	Маленькие ножки тети Питтипэт несли теперь слишком грузное для них тело, и разве что склонность к бездумному и несколько ребячливому лепету могла порой воскресить в памяти, забытый образ живой шаловливой девчушки.

She was stout, pink-cheeked and silver-haired and always a little breathless from too tightly laced stays. She was unable to walk more than a block on the tiny feet which she crammed into too small slippers.	Тетя Питтипэт была теперь кругленькая, розовощекая, сереброволосая дама, страдающая легкой одышкой из-за слишком туго затянутого корсета, ее маленькие ножки, втиснутые в чрезмерно тесные туфельки, с трудом могли покрыть расстояние свыше одного квартала.
She had a heart which fluttered at any excitement and she pampered it shamelessly, fainting at any provocation.	При самомалейшем волнении сердце тетушки Питти начинало болезненно трепетать, и она бесстыдно ему потакала, позволяя себе лишаться чувств при каждом удобном," неудобном случае.

Everyone knew that her swoons were generally mere ladylike pretenses but they loved her enough to refrain from saying so.	Всем и каждому было известно, что обмороки тетушки - не более как маленькие дамские притворства, но, любя ее, все предпочитали об этом умалчивать.
Everyone loved her, spoiled her like a child and refused to take her seriously-everyone except her brother Henry.	Да" все любили тетушку и баловали, как ребенка, но никто не принимал ее всерьез - никто, кроме дядюшки Генри.

She liked gossip better than anything else in the world, even more than she liked the pleasures of the table, and she prattled on for hours about other people's affairs in a harmless kindly way. She had no memory for names, dates or places and frequently confused the actors in one Atlanta drama with the actors in another, which misled no one for no one was foolish enough to take seriously anything she said.	Самым излюбленным занятием тетушки было почесать язычок; она любила это даже больше, чем вкусно покушать, я мосла часами добродушно и безобидно обсуждать чужие деда, Не будучи в состоянии запомнить ни одного имени, ни одной даты или названия места, "на постоянно путала действующих лиц одной разыгравшейся в Атланте драмы с действующими лицами другое, что" впрочем, некого не вводило в заблуждение, так как никто не был настолько глуп, чтобы принимать ее слова на веру.

No one ever told her anything really shocking or scandalous, for her spinster state must be protected even if she was sixty years old, and her friends were in a kindly conspiracy to keep her a sheltered and petted old child.	К тому же ей никогда и ее рассказывали ничего по-настоящему скандального или неприличного, так как, невзирая на ее шестидесятилетний возраст, все считали своим долгом оберегать целомудрие этой старой девы, и благодаря молчаливому сговору ее добрых друзей она так и осталась на всю жизнь невинным, избалованным старым ребенком.
Melanie was like her aunt in many ways.	Мелани во многих отношениях походила на свою тетку.

She had her shyness, her sudden blushes, her modesty, but she did have common sense-"Of a sort, I'll admit that," Scarlett thought grudgingly.	Она была так же скромна, так же застенчива, так же заливалась краской, однако при всем том вовсе не лишена здравого смысла. "Да, конечно, на свой лад", - невольно признавала в глубине души Скарлетт.
Like Aunt Pitty, Melanie had the face of a sheltered child who had never known anything but simplicity and kindness, truth and love, a child who had never looked upon harshness or evil and would not recognize them if she saw them.	Лицо Мелани, как и лицо тетушки Питти, было невинно и безоблачно, словно лицо ребенка, встречавшего в жизни лишь доброту и правдивость, искренность и любовь. Лицо ребенка, ни разу еще не столкнувшегося ни с жестокостью, ни; со злом я не сумевшего бы распознать их при встрече.

Because she had always been happy, she wanted everyone about her to be happy or, at least, pleased with themselves.	Мелани была счастлива, и ей хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы или хотя бы довольны своей судьбой.
To this end, she always saw the best in everyone and remarked kindly upon it.	Поэтому она стремилась видеть в человеке только лучшие его стороны и всегда доброжелательно отзывалась о людях.

There was no servant so stupid that she did not find some redeeming trait of loyalty and kind-heartedness, no girl so ugly and disagreeable that she could not discover grace of form or nobility of character in her, and no man so worthless or so boring that she did not view him in the light of his possibilities rather than his actualities.	В любом, самом тупом из слуг, она обнаруживала черты преданности и доброты, искупавшие в ее глазах тупость; в любой, самой уродливой и несимпатичной из знакомых девиц открывала благородство характера или приятное обхождение и о любом мужчине, сколь бы он ни был незначителен или скучен, старалась судить не по бросающимся в глаза недостаткам, а по скрытым в нем, быть может, достоинствам.

Because of these qualities that came sincerely and spontaneously from a generous heart, everyone flocked about her, for who can resist the charm of one who discovers in others admirable qualities undreamed of even by himself?	За искренние и непосредственные порывы ее великодушного сердца все любили Мелани и невольно тянулись к вех, ибо кто может остаться нечувствительным к чарам такого существа, умеющего открыть в других положительные черты характера, о коих сам их обладатель даже я не подозревает?

She had more girl friends than anyone in town and more men friends too, though she had few beaux for she lacked the willfulness and selfishness that go far toward trapping men's hearts.	И у Мелани было больше подруг, чем у любой другой женщины в городе, а также больше друзей-мужчин, хотя я меньше, чем у других девушек поклонников, так как она была лишена самоуверенности и эгоизма, играющих немалую роль в деле покорения мужских сердец.
What Melanie did was no more than all Southern girls were taught to do-to make those about them feel at ease and pleased with themselves.	Правила хорошего тона предписывали всем девушкам-южанкам стремиться к тому, чтобы окружающие чувствовали себя легко, свободно и приятна в их обществе, и Мелани всего лишь следовала общим канонам.

It was this happy feminine conspiracy which made Southern society so pleasant.	Этот установленный женщинами неписаный кодекс поведения и придавал привлекательность обществу южан.

Women knew that a land where men were contented, uncontradicted and safe in possession of unpunctured vanity was likely to be a very pleasant place for women to live.	Женщины Юга понимали, что тот край, где мужчины довольны жизнью, привыкли не встречать возражений я могут преспокойно тешить свое тщеславие, имеет все основания стать для женщин весьма приятным местом обитания.

So, from the cradle to the grave, women strove to make men pleased with themselves, and the satisfied men repaid lavishly with gallantry and adoration.	И от колыбели до могилы женщины прилагали все усилия к тому, чтобы мужчины были довольны собой, а довольные собой мужчины щедро вознаграждали за это женщин своим поклонением я галантностью.
In fact, men willingly gave the ladies everything in the world except credit for having intelligence.	В сущности, они от всей души были готовы одарить женщин всеми сокровищами мира, за исключением ума, которого никак не желали за ними признавать.
Scarlett exercised the same charms as Melanie but with a studied artistry and consummate skill.	Скарлетт, умела быть столь же обходительной,: как Мелани, но в бессознательно, а с хорошо отработанным мастерством, со знанием дела.

The difference between the two girls lay in the fact that Melanie spoke kind and flattering words from a desire to make people happy, if only temporarily, and Scarlett never did it except to further her own aims.	Разница между ними заключалась в том, что Мелани говорила приятные, лестные слова, просто желая доставить людям хоть мимолетную радость, Скарлетт же всегда преследовала при этом какую-то свою цель.
From the two he loved best, Charles had received no toughening influences, learned nothing of harshness or reality, and the home in which he grew to manhood was as soft as a bird's nest.	От двух самых близких ему женщин Чарльз не мог почерпнуть знания жизни со всеми теневыми ее сторонами - ничего, что помогло бы закалить его волю, и дом, в котором он жил и мужал, был похож на теплое, мягкое птичье гнездышко.

It was such a quiet, old-fashioned, gentle home compared with Tara.	Тихая, старомодно-чинная атмосфера этого дома ничем не напоминала Тару.
To Scarlett, this house cried out for the masculine smells of brandy, tobacco and Macassar oil, for hoarse voices and occasional curses, for guns, for whiskers, for saddles and bridles and for hounds underfoot.	Скарлетт не хватало здесь многого: мужского запаха - бренди, табака, фиксатуара; резких голосов и случайно слетавших с уст крепких словечек; ружей, бакенбард, седел, уздечек, путающихся под ногами гончих собак.

She missed the sounds of quarreling voices that were always heard at Tara when Ellen's back was turned, Mammy quarreling with Pork, Rosa and Teena bickering, her own acrimonious arguments with Suellen, Gerald's bawling threats.	Непривычно было не слышать пере- бранки слуг за спиной у Эллин; извечных перепа- лок Мамушки с Пор-ком; пререканий Розы с Ти- ной; грозных окриков Джералда; не хватала и собственных ядовитых пикировок со Сьюлин.
No wonder Charles had been a sissy, coming from a home like this.	Не приходилось удив- ляться, что Чарльз, вы- росший в этом доме, был робок и застенчив, как пансионерка.

Here, excitement never entered in, voices were never raised, everyone deferred gently to the opinions of others, and, in the end, the black grizzled autocrat in the kitchen had his way.	Здесь не повышали голоса, не приходили в состояние ажитации; все учтиво прислушивались к чужим мнениям, то в конечном счете черный седой властный автократ правил из своей кухни всем и вся.

Scarlett, who had hoped for a freer rein when she escaped Mammy's supervision, discovered to her sorrow that Uncle Peter's standards of ladylike conduct, especially for Mist' Charles' widow, were even stricter than Mammy's.	Скарлетт, рассчитывавшая стать сама себе хозяйкой, вырвавшись из-под Мамушкиной опеки, обнаружила, к своему огорчению, что дядюшка Питер придерживается еще более суровых понятий о том, как должна вести себя молодая дама, а тем более - вдова мистера Чарльза.
In such a household, Scarlett came back to herself, and almost before she realized it her spirits rose to normal.	Тем не менее в атмосфере этого дома Скарлетт мало-помалу снова возрождалась к жизни, и незаметно для нее самой к ней возвращалась прежняя жизнерадостность.

She was only seventeen, she had superb health and energy, and Charles' people did their best to make her happy.	Ей едва минуло семнадцать лет, она обладала превосходным здоровьем и несокрушимой энергией, а родня Чарльза всячески старалась сделать ее жизнь приятной, и если это не всегда им удавалось, не их была в том вина.
If they fell a little short of this, it was not their fault, for no one could take out of her heart the ache that throbbed whenever Ashley's name was mentioned.	У Скарлетт и сейчас еще при упоминании имени Эшли больно сжималось сердце, во тут уж изменить что-нибудь никто был не властен.
And Melanie mentioned it so often!	А это имя так часто слетало с губ Мелани!.

But Melanie and Pitty were tireless in planning ways to soothe the sorrow under which they thought she labored.	Между тем Мелани и тетушка Питти без устали изобретали всевозможные способы развеять ее печаль, которую они, естественно, приписывали совсем другим причинам.
They put their own grief into the background in order to divert her.	Всячески стараясь развлечь Скарлетт, они не давали воли своему горю.
They fussed about her food and her hours for taking afternoon naps and for taking carriage rides.	Они проявляли бесконечную заботу о ее питании, настаивали, чтобы она всякий раз вздремнула после обеда, а потом поехала покататься в коляске.

They not only admired her extravagantly, her high-spiritedness, her figure, her tiny hands and feet, her white skin, but they said so frequently, petting, hugging and kissing her to emphasize their loving words.	Они безудержно восхищались ею - ее живым нравом, ее прелестной фигурой, ее белой кожей, ее маленькими ручками и ножками - и не только неустанно твердили ей об этом, но тут же, в подкрепление своих слов, принимались обнимать ее, целовать, душить в объятиях.
Scarlett did not care for the caresses, but she basked in the compliments.	Скарлетт прижимала их ласки без особого восторга, но расточаемые ей комплименты согревали душу.
No one at Tara had ever said so many charming things about her.	Дома она никогда не слышала по своему адресу так много приятных слов.

In fact, Mammy had spent her time deflating her conceit.	Мамушка, собственно, только и делала, что старалась искоренить ее тщеславие.
Little Wade was no longer an annoyance, for the family, black and white, and the neighbors idolized him and there was a never-ceasing rivalry as to whose lap he should occupy.	Малютка Уайд уже не был для нее теперь докукой, так как вер население дома - как белое, так я черное (и даже соседи) - боготворило ребенка, и право подержать его на руках непрерывно отвоевывалось с боем.

Melanie especially doted on him.	А больше всех обожала его Мелани.
Even in his worst screaming spells, Melanie thought him adorable and said so, adding,	Она находила его восхитительным даже в те минуты, когда он заливался неистовым ревом, и восклицала:

"Oh, you precious darling!	- Сокровище мое!
I just wish you were mine!"	Ах, как бы я хотела, чтобы ты был моим сыном!
Sometimes Scarlett found it hard to dissemble her feelings, for she still thought Aunt Pitty the silliest of old ladies and her vagueness and vaporings irritated her unendurably.	Порой Скарлетт становилось нелегко скрывать свои чувства, ибо она по-прежнему считала тетушку Питти невыносимо глупой старухой, и бессвязный лепет и пустословие этой дамы нестерпимо действовали ей на нервы.

She disliked Melanie with a jealous dislike that grew as the days went by, and sometimes she had to leave the room abruptly when Melanie, beaming with loving pride, spoke of Ashley or read his letters aloud.	Мелани же возбуждала в ней чувство ревности и неприязнь, которые становились все острее, порой когда Мелани, сияя от любви и гордости, принималась говорить об Эшли или читать вслух его письма, Скарлетт вынуждена была внезапно встать и покинуть комнату.
But, all in all, life went on as happily as was possible under the circumstances.	Однако при всем том она находила жизнь здесь довольно сносной.

Atlanta was more interesting than Savannah or Charleston or Tara and it offered so many strange wartime occupations she had little time to think or mope.	Атланта предоставляла ей больше разнообразия, чем Чарльстон, или Саванна, или Тара, а новые, совсем непривычные для нее обязанности, налагаемые войной, не оставляли времени для размышлений и тоски.
But, sometimes, when she blew out the candle and burrowed her head into the pillow, she sighed and thought:	И все же порой, потушив свечу и зарывшись головой в подушки, она тяжело вздыхала и думала:
"If only Ashley wasn't married!	"О, если бы Эшли не был женат!
If only I didn't have to nurse in that plagued hospital!	Почему должна я возиться с ранеными в этом чертовом госпитале!

Oh, if only I could have some beaux!"	Ах, если бы я могла завести себе поклонника!"
She had immediately loathed nursing but she could not escape this duty because she was on both Mrs. Meade's and Mrs. Merriwether's committees. That meant four mornings a week in the sweltering, stinking hospital with her hair tied up in a towel and a hot apron covering her from neck to feet.	К уходу за ранеными она мгновенно возымела неодолимое отвращение, однако ей приходилось скрепя сердце делать это, поскольку обеим дамам - и миссис Мид и миссис Мерриуазер - удалось заполучить ее в свои комитеты и четыре раза в неделю она, в грубом переднике, закрывавшем платье от шеи до полу, повязанная косынкой, отправлялась по утрам в душный, смрадный госпиталь.

Every matron, old or young, in Atlanta nursed and did it with an enthusiasm that seemed to Scarlett little short of fanatic.	Все женщины Атланты, и молодые я старые, работали в госпиталях и отдавались этому делу с таким жаром, что казались Скарлетт просто фанатичками.
They took it for granted that she was imbued with their own patriotic fervor and would have been shocked to know how slight an interest in the war she had.	Они, естественно, предполагали и в ей такой же патриотический пыл я были бы потрясены до глубины души, обнаружив, как мало, в сущности, было виг дела до войны.

Except for the ever-present torment that Ashley might be killed, the war interested her not at all, and nursing was something she did simply because she didn't know how to get out of it.	Если бы и на минуту не покидавшая ее мучительная мысль, что Эшли может быть убит, -война для нее попусту не существовали бы, и в госпитале она продолжала работать лишь потому, что не знала, как от этого отвертеться.
Certainly there was nothing romantic about nursing.	Ничего романтического она в своей работе, разумеется, не видела.
To her, it meant groans, delirium, death and smells.	Стоны, Вопли, бред, удушливый запах и смерть -вот что обнаружила в госпитале Скарлетт.

The hospitals were filled with dirty, bewhiskered, verminous men who smelled terribly and bore on their bodies wounds hideous enough to turn a Christian's stomach.	И грязных, бородатых?, обовшивевших, издававших зловоние мужчин, с такими отвратительными ранами на теле, что при виде них у всякого нормального человека все нутро выворачивало наизнанку.
The hospitals stank of gangrene, the odor assaulting her nostrils long before the doors were reached, a sickish sweet smell that clung to her hands and hair and haunted her in her dreams.	Госпитали смердели от гангрены - эта вонь ударяла Скарлетт в нос еще прежде, чем она успевала ступить на порог. Сладковатый, тошноватый запах впитывался в кожу рук, в волосы и мучил ее даже во сне.

Flies, mosquitoes and gnats hovered in droning, singing swarms over the wards, tormenting the men to curses and weak sobs; and Scarlett, scratching her own mosquito bites, swung palmetto fans until her shoulders ached and she wished that all the men were dead.	Мухи, москиты, комары с жужжанием, писком, гудением тучами вились над больничными койками, доводя раненых до бессильных всхлипываний вперемежку с бранью, и Скарлетт, расчесывая свои искусанные руки и обмахиваясь листом пальмы с таким ожесточением, что у нее начинало ломить плечо, мысленно посылала всех раненых в преисподнюю.

Melanie, however, did not seem to mind the smells, the wounds or the nakedness, which Scarlett thought strange in one who was the most timorous and modest of women.	А скромница из скромниц, застенчивая Мелани, казалось, не страдала ни от вони, ни от вида ран или обнаженных тел, что крайне удивляло Скарлетт.
Sometimes when holding basins and instruments while Dr. Meade cut out gangrened flesh, Melanie looked very white.	Порой, держа таз с инструментом, в то время как доктор Мид ампутировал гангренозную конечность, Мелани становилась белее мела.

And once, alter such an operation, Scarlett found her in the linen closet vomiting quietly into a towel.	И однажды Скарлетт видела, как Мелани после одной из таких операций тихонько ушла в перевязочную и ее стошнило в полотенце.
But as long as she was where the wounded could see her, she was gentle, sympathetic and cheerful, and the men in the hospitals called her an angel of mercy.	Но в присутствии раненых она всегда была весела, спокойна и полна сочувствия, и в госпитале ее называли не иначе, как "ангел милосердия".

Scarlett would have liked that title too, but it involved touching men crawling with lice, running fingers down throats of unconscious patients to see if they were choking on swallowed tobacco quids, bandaging stumps and picking maggots out of festering flesh.	Скарлетт была бы не прочь заслужить такое прозвище тоже, но для этого ей пришлось бы прикасаться к кишащему насекомыми белью раненых, лезть в глотку к потерявшему сознание, проверяя, не застрял ли там кусок жевательного табака, от, чего больной может задохнуться, бинтовать культи и чистить от мушиных личинок гноящиеся раны.
No, she did not like nursing!	Нет, уход за ранеными - это было не для нее!

Perhaps it might have been endurable if she had been permitted to use her charms on the convalescent men, for many of them were attractive and well born, but this she could not do in her widowed state.	Кое с чем можно было бы примириться, если хотя бы она могла пустить в ход свои чары, ухаживая за выздоравливающими воинами, так как многие были из хороших семей и не лишены привлекательности, однако ее вдовье положение делало это, невозможным.
The young ladies of the town, who were not permitted to nurse for fear they would see sights unfit for virgin eyes, had the convalescent wards in their charge.	Уход за идущими на поправку был возложен да молодых девушек, которые не допускались в палаты к тяжелораненым, дабы какое-либо неподобающее зрелище не предстало там. Ненароком их девственным очам.

Unhampered by matrimony or widowhood, they made vast inroads on the convalescents, and even the least attractive girls, Scarlett observed gloomily, had no difficulty in getting engaged.	Не имея таким образом черед собой препон, поставленных брачными, узами или вдовством, они свободно совершали сокрушительные набеги на выздоравливающих, и даже совсем не отличавшиеся красотой девицы - хмуро отмечала про себя Скарлетт - без труда находили себе суженых.

With the exception of desperately ill and severely wounded men, Scarlett's was a completely feminized world and this irked her, for she neither liked nor trusted her own sex and, worse still, was always bored by it.	Если не считать общества раненых или тяжелобольных, Скарлетт жила в окружении одних только женщин, и это обстоятельство страшно ее раздражало, ибо она не испытывала, ни любви, ни доверия к особам одного с нею пола - ничего, кроме скуки.
But on three afternoons a week she had to attend sewing circles and bandage-rolling committees of Melanie's friends.	Тем не менее трижды в неделю в послеобеденные, часы она должна была посещать швейный кружок и окатывать банты в комитетах, возглавляемых приятельницами Мелани.

The girls who had all known Charles were very kind and attentive to her at these gatherings, especially Fanny Elsing and Maybelle Merriwether, the daughters of the town dowagers.	Все девушки, с которыми она там встречалась, хорошо знали Чарльза и были очень добры и внимательны к ней - особенно Фэнни Элсинг и Мейбелл Мерриуэзер, дочери вдовствующих дам-патронесс.
But they treated her deferentially, as if she were old and finished, and their constant chatter of dances and beaux made her both envious of their pleasures and resentful that her widowhood barred her from such activities.	Но вместе с тем в их отношении проскальзывала чрезмерная почтительность, словно она была женщиной преклонных лет, чей век уже прожит, а их неумолчная болтовня о нарядах и кавалерах побуждала в ней зависть и досаду на свое вдовство, лишавшее ее всех удовольствий.

Why, she was three times as attractive as Fanny and Maybelle!	Господи! Да она же в тысячу раз привлекательней, чем Фэнни или Мейбелл!
Oh, how unfair life was!	Как чудовищно несправедливо устроена жизнь!
How unfair that everyone should think her heart was in the grave when it wasn't at all!	Как это ни глупо, но все почему-то считают, что она должна заживо похоронить себя в могиле вместе с Чарльзом, когда она вовсе к этому не стремится.
It was in Virginia with Ashley!	Когда она всеми помыслами в Виргинии, с Эшли!
But in spite of these discomforts, Atlanta pleased her very well.	И все же, несмотря на все эти досады и огорчения, Атланта ей нравилась.

And her visit lengthened as the weeks slipped by.	И недели бежали за неделями, а она и не помышляла об отъезде.
CHAPTER IX	Глава 9
Scarlett sat in the window of her bedroom that midsummer morning and disconsolately watched the wagons and carriages full of girls, soldiers and chaperons ride gaily out Peachtree road in search of woodland decorations for the bazaar which was to be held that evening for the benefit of the hospitals.	Как-то летним утром Скарлетт, сидя у окна своей спальни, мрачно наблюдала за вереницей повозок и следовавших за ними колясок, переполненных молодыми жизнерадостными девушками, дамами постарше и мужчинами в военной форме. Все это двигалось по Персиковой дороге, направляясь в ноля и леса за декоративной зелены" для предстоявшего в этот вечер благотворительного базара в пользу госпиталей.

The red road lay checkered in shade and sun glare beneath the over-arching trees and the many hooves kicked up little red clouds of dust.	Под густым навесом ветвей, пронизанных лучами солнца, красная дорога казалась пятнистой от Мерцающих бликов и теней, и копыта животных поднимали в воздух маленькие красные облачка пыли.
One wagon, ahead of the others, bore four stout negroes with axes to cut evergreens and drag down the vines, and the back of this wagon was piled high with napkin-covered hampers, split-oak baskets of lunch and a dozen watermelons.	В Первой повозке сидело четверо здоровенных негров с топорами - на них была возложена обязанность нарубить побольше веток вечнозеленых деревьев, очистив их от лиан, а в глубине повозки виднелась груда огромных, покрытых салфетками корзин со снедью, дубовых лукошек с посудой н дюжина дынь.

Two of the black bucks were equipped with banjo and harmonica and they were rendering a spirited version of	Двое негров, вооружившись - один, банджо, другой губной гармошкой, - с жаром наяривали собственный вариант популярной песни
"If You Want to Have a Good Time, Jine the Cavalry."	"Хочешь жизнь не зря прожить, в кавалерию ступай".

Behind them streamed the merry cavalcade, girls cool in flowered cotton dresses, with light shawls, bonnets and mitts to protect their skins and little parasols held over their heads; elderly ladies placid and smiling amid the laughter and carriageto-carriage calls and jokes; convalescents from the hospitals wedged in between stout chaperons and slender girls who made great fuss and to-do over them; officers on horseback idling at snail's pace beside the carriages-wheels creaking, spurs jingling, gold braid gleaming, parasols bobbing	Следом за ними двигалась праздничная процессия экипажей: девушки все были в пестрых летних платьях, в шляпах и митенках, с маленькими зонтиками в руках для защиты от солнца; дамы более почтенного возраста восседали довольные, безмятежно улыбающиеся; выздоравливающие воины, отпущенные из госпиталей, сидели в тесных колясках между стройными девушками дородными матронами, продолжавшими хлопотливо окружать их заботой; смех, шутки, перекличка голосов, летящих от одного экипажа к другому; офицеры, сопровождавшие дам верхом, заставляли ло-

Everybody was riding out Peachtree road to gather greenery and have a picnic and melon cutting.	Скрипели колеса, звенели шпоры, блестели на солнце галуны, колыхались веера, покачивались зонтики, пели негры... Все ехали по Персиковой дороге за город на сбор зелени, на пикник с дынями.
Everybody, thought Scarlett, morosely, except me.	"Все, - угрюмо думала Скарлетт, - кроме меня".

They all waved and called to her as they went by and she tried to respond with a good grace, but it was difficult.	Проезжая мимо, они приветливо кричали ей что-то н махали рукой, и Она по мере сил старалась любезно отвечать на приветствия, но это было нелегко.

A hard little pain had started in her heart and was traveling slowly up toward her throat where it would become a lump and the lump would soon become tears.	Где-то в груди маленьким алым зверьком зашевелилась боль, подкатила к горлу, сжалась комком и притаилась, чтобы, того и гляди, раствориться в слезах.
Everybody was going to the picnic except her.	Все едут на пикник - все, кроме нее.
And everybody was going to the bazaar and the ball tonight except her.	А вечером все пойдут на благотворительный базар н на бал - все, кроме нее.

That is everybody except her and Pittypat and Melly and the other unfortunates in town who were in mourning.	Кроме нее, и кроме Мелли, и тетушки Питти, и еще двух-трех таких же невезучих, которые тоже в трауре.
But Melly and Pittypat did not seem to mind.	Но для Мелли и Питти это словно бы и не имело значения.
It had not even occurred to them to want to go.	У них как будто ни на секунду не возникало желания идти туда.
It had occurred to Scarlett.	А вот у Скарлетт возникло.
And she did want to go, tremendously.	Ей захотелось, мучительно захотелось попасть на этот базар.

It simply wasn't fair.	Это же в конце концов просто несправедливо!
She had worked twice as hard as any girl in town, getting things ready for the bazaar.	Она трудилась не покладая рук, она сделала вдвое больше, чем любая другая девушка в городе, для подготовки к этому базару.
She had knitted socks and baby caps and afghans and mufflers and tatted yards of lace and painted china hair receivers and mustache cups.	Она вязала носки и детские чепчики, шали и шарфы, и плела ярды кружев, и расписывала фарфоровые туалетные коробочки и флаконы.

And she had embroidered half a dozen sofa- pillow cases with the Confederate flag on them. (The stars were a bit lopsided, to be sure, some of them being almost round and others having six or even seven points, but the effect was good.) Yesterday she had worked until she was worn out in the dusty old barn of an Armory draping yellow and pink and green cheesecloth on the booths that lined the walls.	И вышила с полдюжи- ны диванных подушек, украсив их флагом Конфе- дерации. Звезды, правду сказать, получились чу- точку кривоваты, и одни с шестью и даже семью зубцами, а другие почти круглые как блин, но об- щее впечатление было превосходно. Вчера она до полного изнеможения работала в старой пыль- ной казарме, украшая розовыми, желтыми, зе- леными кисейными дра- пировками выстроенные вдоль стен киоски.

Under the supervision of the Ladies' Hospital Committee, this was plain hard work and no fun at all.	Это была поистине тяжелая работа, да еще под наблюдением дам из комитета - словом, ничего веселого.
It was never fun to be around Mrs. Merriwether and Mrs. Elsing and Mrs. Whiting and have them boss you like you were one of the darkies.	Да и вообще она не получала никакого удовольствия от общения с миссис Мерриуэзер, миссис Элсинг и миссис Уайтинг, которые пытались распоряжаться ею, словно какой-нибудь негритянкой.

And have to listen to them brag about how popular their daughters were.	И к тому же без конца похвалялись успехами своих дочек.

And, worst of all, she had burned two blisters on her fingers helping Pittypat and Cookie make layer cakes for raffling.	В довершение всех бед она обожгла себе пальцы, помогая тете Питти и кухарке печь слоеные пирожки для лотерее.
And now, having worked like a field hand, she had to retire decorously when the fun was just beginning.	А теперь, наработавшись как негр на плантации, она, видите ли, должна скромно отойти в тень, именно в ту минуту, когда для всех начинается веселье!
Oh, it wasn't fair that she should have a dead husband and a baby yelling in the next room and be out of everything that was pleasant.	Как несправедливо обошлась с вей судьба, сделав ее вдовой с маленьким ребенком, плач которого доносится из соседней комнаты, и лишив всех удовольствий и развлечений!

Just a little over a year ago, she was dancing and wearing bright clothes instead of this dark mourning and was practically engaged to three boys.	Всего лишь год назад она танцевала на балах, носила яркие платья, а не эти траурные одеяния, и никогда не имела меньше трех женихов сразу.
She was only seventeen now and there was still a lot of dancing left in her feet.	Ведь ей же всего семнадцать лет, и Она еще не успела натанцеваться вволю.
Oh, it wasn't fair!	Нет, это несправедливо!
Life was going past her, down a hot shady summer road, life with gray uniforms and jingling spurs and flowered organdie dresses and banjos playing.	Жизнь проходила мимо - по длинной летней, тенистой дороге, в мелькании серых мундиров и цветастых платьев, под звон банджо и шпор.

She tried not to smile and wave too enthusiastically to the men she knew best, the ones she'd nursed in the hospital, but it was hard to subdue her dimples, hard to look as though her heart were in the grave-when it wasn't.	Она старалась обуздать себя и не слишком призывно улыбаться и махать рукой знакомым мужчинам тем, которых выхаживала в госпитале, - но ямочки на щеках играли помимо ее воли, да и как бы могла она изобразить убитую горем вдову, когда все это сплошное притворство.
Her bowing and waving were abruptly halted when Pittypat entered the room, panting as usual from climbing the stairs, and jerked her away from the window unceremoniously.	Улыбкам и поклонам был внезапно положен конец - тетушка Питти, как всегда слегка запыхавшаяся после подъема по лестнице, вошла в комнату и, не говоря худого слова, оттащила ее от окна, - Душенька!

"Have you lost your mind, honey, waving at men out of your bedroom window?	Да вы никак рехнулись! Махать рукой мужчинам из окна своей спальни!
I declare, Scarlett, I'm shocked!	Право же, Скарлетт, вы меня изумляете!
What would your mother say?"	Что бы сказала ваша матушка!
"Well, they didn't know it was my bedroom."	- Они же не знают, что это моя спальня.
"But they'd suspect it was your bedroom and that's just as bad.	- Но они могут догадаться, и это ничуть не лучше.
Honey, you mustn't do things like that.	Вы ее Должны делать таких вещей, душенька.

Everybody will be talking about you and saying you are fast-and anyway, Mrs. Merriwether knew it was your bedroom."	Про вас начнут говорить, скажут, что вы слишком нескромно себя ведете... И к тому же миссис Мерриуэзер известно, что это окна вашей спальни.

"And I suppose she'll tell all the boys, the old cat."	- И конечно, старая хрычовка не преминет оповестить об этом всех мужчин.
"Honey, hush!	- Душенька, как не совестно!
Dolly Merriwether's my best friend."	Долли Мерриуэзер - моя лучшая подруга!
"Well, she's a cat just the same-oh, I'm sorry, Auntie, don't cry!	- Все равно она старая хрычовка... Ах, тетя Питти, простите меня, ну не надо, не плачьте!

I forgot it was my bedroom window.	Я позабыла, что это окно моей спальни, я больше не буду!
I won't do it again-I- I just wanted to see them go by.	Мне... мне просто очень хотелось поглядеть, как они едут.
I wish I was going." "Honey!"	Мне бы так хотелось поехать с ними, - Душенька!
"Well, I do.	- "Да, да" хотелось бы.
I'm so tired of sitting at home." "Scarlett, promise me you won't say things like that.	Мне надоело сидеть тут взаперти, - Скарлетт, пообещайте мне, что вы никогда не повторите больше таких слов.
People would talk so. They'd say you didn't have the proper respect for poor Charlie-"	Все будут думать, что у вас нет ни малейшего уважения к памяти бедного покойного Чарли...

"Oh, Auntie, don't cry!"	- Ох, тетя Питти, ну, пожалуйста, не плачьте!
"Oh, now I've made you cry, too," sobbed Pittypat, in a pleased way, fumbling in her skirt pocket for her handkerchief.	- Боже мой, теперь я и вас довела до слез, - всхлипнула тетушка Питтипэт и с чувством облегчения полезла в карман юбки за носовым платком.
The hard little pain had at last reached Scarlett's throat and she wailed out loud- not, as Pittypat thought, for poor Charlie but because the last sounds of the wheels and the laughter were dying away.	Твердый комок, стоявший у Скарлетт в горле, уступил наконец место слезам, и она заплакала громко, навзрыд, но не по бедному Чарли, как полагала тетушка Питтипэт, а во затихавшему вдали смеху и скрипу колес.

Melanie rustled in from her room, a worried frown puckering her forehead, a brush in her hands, her usually tidy black hair, freed of its net, fluffing about her face in a mass of tiny curls and waves.	Встревоженная Мелани с гребенкой в руке вбежала, шелестя юбками, в комнату. Ее, темные волосы, обычно всегда аккуратно уложенные в сетку, пышным облаком маленьких своевольных кудряшек рассыпались по плечам.
"Darlings!	- Дорогие!
What is the matter?"	Что случилось?
"Charlie!" sobbed Pittypat, surrendering utterly to the pleasure of her grief and burying her head on Melly's shoulder.	- Чарли! - сладко всхлипнула тетушка Питтипэт, упоенно отдаваясь своему горю и припадая головой к плечу Мелани.

"Oh," said Melly, her lip quivering at the mention of her brother's name. "Be brave, dear.	- О! - воскликнула Мелани, и губы ее задрожали при упоминании имени покойного брата, -Мужайтесь, моя дорогая!
Don't cry. Oh, Scarlett!"	О, Скарлетт, не плачь!

Scarlett had thrown herself on the bed and was sobbing at the top of her voice, sobbing for her lost youth and the pleasures of youth that were denied her, sobbing with the indignation and despair of a child who once could get anything she wanted by sobbing and now knows that sobbing can no longer help her.	Скарлетт же, упав ничком на кровать, рыдала в голос, оплакивая свою впустую проходящую молодость, лишенную уготованных этому возрасту развлечений. Она рыдала, как дитя, привыкшее слезам" добиваться всего, чего ни пожелает, но понимающее вместе с тем, что на сей раз слезами не поможешь и потому рыдающее уже от негодования и отчаяния.
She burrowed her head in the pillow and cried and kicked her feet at the tufted counterpane.	Уткнувшись головой в подушку, она со злости колотила ногами по стеганому одеялу.

"I might as well be dead!" she sobbed passionately.	- Лучше бы я умерла! - самозабвенно всхлипывала она.
Before such an exhibition of grief, Pittypat's easy tears ceased and Melly flew to the bedside to comfort her sister-in-law.	Перед лицом такого бездонного горя необременительные слезы Питтипэт высохли, а Мелани бросилась утешать сноху.
"Dear, don't cry!	- Дорогая, не плачь!
Try to think how much Charlie loved you and let that comfort you!	Вспомни, как тебя любил Чарльз! Пусть это послужит тебе утешением!
Try to think of your darling baby."	Подумай о своем драгоценном малютке!

Indignation at being misunderstood mingled with Scarlett's forlorn feeling of being out of everything and strangled all utterance. That was fortunate, for if she could have spoken she would have cried out truths couched in Gerald's forthright words.	Чувство обездоленности оттого, что она лишена теперь всех доступных другим утех, раздражение оттого, что никто ее не понимает, сковали, по счастью, Скарлетт язык, иначе, с унаследованной от Джералда привычкой не стесняться в выражениях, она выложила бы напрямик все, что накопилось у нее на сердце.
Melanie patted her shoulder and Pittypat tiptoed heavily about the room pulling down the shades.	Мелани погладила ее по плечу, а тетя Питти заковыляла к окну, чтобы опустить жалюзи.

"Don't do that!" shouted Scarlett, raising a red and swollen face from the pillow.	- Не надо! - яростно вскричала вдруг Скарлетт, поднимая от подушки красное, опухшее от слез лицо.
"I'm not dead enough for you to pull down the shades-though I might as well be.	- Не опускайте! Я еще не умерла, хоть лучше бы мне умереть!
Oh, do go away and leave me alone!"	О пожалуйста, уйдите, оставьте меня одну!
She sank her face into the pillow again and, after a whispered conference, the two standing over her tiptoed out.	Она снова уткнулась головой в подушку, и, шепотом посовещавшись друг с другом, обе дамы на цыпочках удалились.

She heard Melanie say to Pittypat in a low voice as they went down the stairs:	Скарлетт слышала, как Мелани, понизив голос, говорила тете Питтипэт, когда они спускались с лестницы:
"Aunt Pitty, I wish you wouldn't speak of Charles to her.	- Тетя Питти, прошу вас, не надо при ней упоминать о Чарльзе.
You know how it always affects her.	Вы же знаете, как тяжело это на нее всегда действует.
Poor thing, she gets that queer look and I know she's trying not to cry.	У бедняжки делается такое странное выражение лица - мне кажется, она каждый раз с трудом удерживается от слез.

We mustn't make it harder for her."	Мы не должны усугублять ее горе.

Scarlett kicked the coverlet in impotent rage, trying to think of something bad enough to say.	В бессильной ярости Скарлетт снова заколотила ногами по одеялу, ища и не находя достаточно крепких слов, чтобы выразить душившую ее злобу.
"God's nightgown!" she cried at last, and felt somewhat relieved.	- Пропади все пропадом! - выкрикнула она наконец в почувствовала некоторое облегчение.
How could Melanie be content to stay at home and never have any fun and wear crepe for her brother when she was only eighteen years old?	И как только Мелани может так спокойно сидеть дома, не снимать траура по брату и отказываться от всяких развлечений - ей же всего восемнадцать лет?

Melanie did not seem to know, or care, that life was riding by with jingling spurs.	Мелани словно не замечает, что жизнь проносится мимо под звон банджо и шпор.
"But she's such a stick," thought Scarlett, pounding the pillow.	Или это ее не трогает? "Да просто она бесчувственная деревяшка, - думала Скарлетт, дубася кулаком по подушке.
"And she never was popular like me, so she doesn't miss the things I miss.	- У нее никогда не было столько поклонников, как у меня, ей и терять нечего.
And- and besides she's got Ashley and I-I haven't got anybody!"	К тому же... к тому же у нее есть Эшли, а у меня... у меня - никого!"

And at this fresh woe, she broke into renewed outcries.	И, разбередив еще сильнее свои раны такими мыслями, она снова залилась слезами.
She remained gloomily in her room until afternoon and then the sight of the returning picnickers with wagons piled high with pine boughs, vines and ferns did not cheer her.	В угрюмом ожесточении просидела она в спальне до обеда, и зрелище возвращавшихся с пикника повозок, нагруженных сосновыми ветками, вьющимися растениями и папоротникам, отнюдь не помогло развеять ее тоску.
Everyone looked happily tired as they waved to her again and she returned their greetings drearily.	У всех был усталый, но счастливый вид, и все снова улыбались и махали ей, и она уныло отвечала на их приветствия.

Life was a hopeless affair and certainly not worth living.	Жизнь ничего не сулила впереди, и жить дальше явно не имело смысла.
Deliverance came in the form she least expected when, during the after-dinner-nap period, Mrs. Merriwether and Mrs. Elsing drove up.	Избавление пришло с самой неожиданной стороны: когда после обеда все улеглись вздремнуть, к дому подъехала коляска с Миссис Мерриуазер и миссис Элсинг.
Startled at having callers at such an hour, Melanie, Scarlett and Aunt Pittypat roused themselves, hastily hooked their basques, smoothed their hair and descended to the parlor.	Пораженные таким неурочным визитом, Мелани, Скарлетт и тетушка Питтипэт вскочили с кроватей, поспешно зашнуровали свои корсажи, пригладили волосы и спустились в гостиную.

"Mrs. Bonnell's children have the measles," said Mrs. Merriwether abruptly, showing plainly that she held Mrs. Bonnell personally responsible for permitting such a thing to happen.	- У миссис Бониелл дети заболели корью, -заявила с порога миссис Мерриуэзер, всем своим видом давая понять, что считает миссис Боннелл целиком ответственной за то, что это случилось.

"And the McLure girls have been called to Virginia," said Mrs. Elsing in her die-away voice, fanning herself languidly as if neither this nor anything else mattered very much.	- А барышень Маклюр вызвали в Виргинию, - сообщила миссис Элсинг умирающим голосом, томно обмахиваясь веером и, в свою очередь, давая понять, что это, как в общем и все прочее, мало ее интересует.
"Dallas McLure is wounded."	- Даллас Маклюр ранен.

"How dreadful!" chorused their hostesses.	- Какое несчастье! - в один голос воскликнули хозяйки дома.
"Is poor Dallas-"	- Бедный Даллас!..
"No. Just through the shoulder," said Mrs. Merriwether briskly.	- Да нет, легко, в плечо, - сухо уточнила миссис Мерриуэзер.
"But it couldn't possibly have happened at a worse time.	- Но надо же, чтобы это случилось именно сейчас!
The girls are going North to bring him home.	Девочки уезжают на Север, чтобы доставить его домой.
But, skies above, we haven't time to sit here talking.	Однако, бог мне свидетель, у нас нет времени сидеть тут и чесать Языком.

We must hurry back to the Armory and get the decorating done.	Нам надо ехать развешивать зелень.
Pitty, we need you and Melly tonight to take Mrs. Bonnell's and the McLure girls' places."	Питти, вы и Мелани нужны нам сегодня вечером, чтобы занять место миссис Боннелл и девочек Маклюр.
"Oh, but, Dolly, we can't go."	- Но, Долли, это же невозможно!
"Don't say 'can't' to me, Pittypat Hamilton," said Mrs. Merriwether vigorously.	- Не говорите мне, пожалуйста, "невозможно", Питтипэт Гамильтон! - воинственно заявила миссис Мерриуэзер.
"We need you to watch the darkies with the refreshments.	- Вы должны приглядывать за неграми, которые будут разносить прохладительные напитки.

That was what Mrs. Bonnell was to do.	Вместо миссис Боннелл.
And Melly, you must take the McLure girls' booth."	А Мелли будет сидеть в киоске девочек Маклюр.
"Oh, we just couldn't-with poor Charlie dead only a-"	- Но мы же не можем - еще не прошло и года, как бедный Чарли...
"I know how you feel but there isn't any sacrifice too great for the Cause," broke in Mrs. Elsing in a soft voice that settled matters.	- Я разделяю ваши чувства, но нет жертвы, которую нельзя было бы принести во имя нашего Дела, - нежно пропела миссис Элсинг, отметая все возражения.
"Oh, we'd love to help but-why can't you get some sweet pretty girls to take the booths?"	- Конечно, мы рады помочь, но разве вы не можете посадить в киоск какую-нибудь молоденькую хорошенькую девушку?

Mrs. Merriwether snorted a trumpeting snort.	Миссис Мерриуэзер фыркнула, издав трубный звук:
"I don't know what's come over the young people these days.	- Нечто непостижимое творится с молодыми девицами в наши дни.
They have no sense of responsibility.	У них нет ни малейшего чувства долга.

All the girls who haven't already taken booths have more excuses than you could shake a stick at.	У всех девушек находятся какие-то отговорки, чтобы не сидеть в киосках.
Oh, they don't fool me!	Я, разумеется, вижу их насквозь!

They just don't want to be hampered in making up to the officers, that's all. And they're afraid their new dresses won't show off behind booth counters.	Они просто боятся, что это помешает им флиртовать с офицерами, только и всего Да и новые платья не будут видны за прилавком.
I wish to goodness that blockade runner-what's his name?"	Как бы я хотела, чтобы этот контрабандист... как его?
"Captain Butler," supplied Mrs. Elsing.	- Капитан Батлер, - подсказала миссис Элсинг.
"I wish he'd bring in more hospital supplies and less hoop skirts and lace.	- Чтобы он привозил побольше медикаментов и поменьше кринолинов и кружев.

If I've had to look at one dress today I've had to look at twenty dresses that he ran in.	Бела я увижу сегодня хоть одно новое платье, это значит, что он привез их десятка два!
Captain Butler-I'm sick of the name.	Капитан Батлер! Я уже слышать не могу этого имени.
Now, Pitty, I haven't time to argue.	Словом, Питти, у меня нет времени препираться с вами.
You must come.	Вы должны прийти, и точка.
Everybody will understand.	Все вас поймут.
Nobody will see you in the back room anyway, and Melly won't be conspicuous.	К тому же никто вас и не увидит в задней комнате, и Мелли тоже не будет слишком бросаться в глава.

The poor McLure girls' booth is way down at the end and not very pretty so nobody will notice you."	Киоск этих бедняжек, девочек Маклюр, находится в самой глубине, и он не слишком хорошо разукрашен, так что никто и не обратит на вас внимания.
"I think we should go," said Scarlett, trying to curb her eagerness and to keep her face earnest and simple.	- Мне кажется, мы непременно должны пойти и помочь, - сказала вдруг Скарлетт, изо всех сил стараясь скрыть, как она этого жаждет, и придать лицу спокойное, серьезное выражение.
"It is the least we can do for the hospital."	- Уж такую-то малость мы можем сделать для госпиталя.

Neither of the visiting ladies had even mentioned her name, and they turned and looked sharply at her.	Ни одна из приехавших дам ни разу не упомянула ее имени, и они, резко обернувшись, воззрились на нее.
Even in their extremity, they had not considered asking a widow of scarcely a year to appear at a social function. Scarlett bore their gaze with a wide-eyed childlike expression.	Как бы остро ни нуждались они в помощи, им даже в голову не приходило просить вдову, меньше года носящую траур, принять участие в столь многолюдном сборище Скарлетт ответила на их молчаливое изумление детски простодушным взглядом широко раскрытых глаз.
"I think we should go and help to make it a success, all of us.	- Мне кажется, мы все трое должны помочь чем можем Я посижу с Медли в киоске.

I think I should go in the booth with Melly because-well, I think it would look better for us both to be there instead of just one.	По-моему, это как-то лучше для нас обеих, если мы будем вместе" а не порознь.
Don't you think so, Melly?"	Тебе не кажется, что так лучше, Мелли?
"Well," began Melly helplessly.	- Право... - беспомощно пробормотала Мелли.
The idea of appearing publicly at a social gathering while in mourning was so unheard of she was bewildered.	Мысль о том, чтобы еще не сняв траура, появиться в публичном собрании, была для нее столь дикой, что она растерялась.
"Scarlett's right," said Mrs. Merriwether, observing signs of weakening.	- Скарлетт права, - поспорила заявить миссис Мерриуазер, заметив колебания Мелани.

She rose and jerked her hoops into place.	Она встала, оправила кринолин.
"Both of you-all of you must come.	- Вы обе... все вы должны прийти помочь.
Now, Pitty, don't start your excuses again.	И пожалуйста, Питти, не пытайтесь снова пускать в ход свои отговорки.
Just think how much the hospital needs money for new beds and drugs.	Подумайте лучше о том, как госпиталь нуждается в деньгах для новых коек и медикаментах.
And I know Charlie would like you to help the Cause he died for."	И я знаю, Чарльзу было бы приятно, что вы помогаете Делу, за которое он отдал жизнь.

"Well," said Pittypat, helpless as always in the presence of a stronger personality, "if you think people will understand."	- Ну хорошо, беспомощно пробормотала тетушка Питтипэт, как всегда пасуя перед более сильным, чем у нее, характером. - Если вы считаете, что люди не осудят...
"Too good to be true!	"Какое счастье, просто не верится!
Too good to be true!" said Scarlett's joyful heart as she slipped unobtrusively into the pink-and-yellow-draped booth that was to have been the McLure girls'.	Просто не верится!" - пело в душе у Скарлетт, когда она незаметно скользнула в задрапированный розовой и желтой кисеей киоск, предназначавшийся для барышень Маклюр.
Actually she was at a party!	И все-таки она здесь!

After a year's seclusion, after crepe and hushed voices and nearly going crazy with boredom, she was actually at a party, the biggest party Atlanta had ever seen.	После целого года траура, уединения, приглушенных голосов, сводящей с ума скуки, она - на вечере, самом большом вечере, какой когда-либо устраивался в Атланте!

And she could see people and many lights and hear music and view for herself the lovely laces and frocks and frills that the famous Captain Butler had run through the blockade on his last trip. She sank down on one of the little stools behind the counter of the booth and looked up and down the long hall which, until this afternoon, had been a bare and ugly drill room.	Она снова видит множество людей, огни, слышит музыку, может полюбоваться на красивые наряды, кружева, дейты - все, что этот пресловутый капитан Батлер привез, прорвавшись сквозь блокаду, из своего последнего плавания, Она опустилась на один из маленьких табуретов за прилавком и окинула взглядом длинный зал, который до этого вечера был всего лишь безобразной голой учебной казармой.
How the ladies must have worked today to bring it to its present beauty.	Как должны были потрудиться сегодня дамы, чтобы сделать его таким нарядным!

It looked lovely. Every candle and candlestick in Atlanta must be in this hall tonight, she thought, silver ones with a dozen sprangling arms, china ones with charming figurines clustering their bases, old brass stands, erect and dignified, laden with candles of all sizes and colors, smelling fragrantly of bayberries, standing on the gun racks that ran the length of the hall, on the long flower-decked tables, on booth counters, even on the sills of the open windows where the

Теперь он выглядел прелестно, Сюда, подумалось ей собрали, должно быть, все подсвечники и канделябры со всей Атланты - серебряные, с дюжиной тонких, изогнутых консолей, фарфоровые, с очаровательными фигурками, украшающими основание, старинные бронзовые шандалы, строгие и величественные, с множеством свечей всех цветов и размеров, благоухающих восковницей. Свечи стояли на длинных, декорированных цветами столах, и на пирамидах для винтовок, вытянувшихся вдоль всех стен, и на прилавках киосков, и даже На подоконниках распахнутых настежь окон, где теплый летний ветерок

In the center of the hall the huge ugly lamp, hanging from the ceiling by rusty chains, was completely transformed by twining ivy and wild grapevines that were already withering from the heat.	Огромная безобразная лампа, подвешенная к потолку на цепях в центре зала, совершенно преобразилась с помощью плюща и дикого винограда, начинавшего уже слегка съеживаться от жары.
The walls were banked with pine branches that gave out a spicy smell, making the corners of the room into pretty bowers where the chaperons and old ladies would sit.	Сосновые ветви, развешанные по стенам, источали приятный аромат, а по углам зала из них было образовано нечто вроде уютных беседок для отдыха почтенных матрон и дуэний.

Long graceful ropes of ivy and grapevine and smilax were hung everywhere, in looping festoons on the walls, draped above the windows, twined in scallops all over the brightly colored cheesecloth booths.	Все стены, окна, все затянутые разноцветной кисеей киоски украсились гирляндами плюща, дикого винограда и сас-сапарили - длинные гибкие плети падали каскадом.
And everywhere amid the greenery, on flags and bunting, blazed the bright stars of the Confederacy on their background of red and blue.	И повсюду среди этой зелени на красно-синих флагах и флажках сверкали звезды Конфедерации.
The raised platform for the musicians was especially artistic.	Подмостки для музыкантов были оформлены с особенным вкусом.

It was completely hidden from view by the banked greenery and starry bunting and Scarlett knew that every potted and tubbed plant in town was there, coleus, geranium, hydrangea, oleander, elephant ear-even Mrs. Elsing's four treasured rubber plants, which were given posts of honor at the four corners.	Звездчатые флажки и растения в горшках и кадках почти скрывали их от глаз, и Скарлетт без труда догадалась, что все эти герани, колеусы, водосборы, олеандры и бегонии были принесены сюда из разных домов, со всех концов города. Даже четыре сокровища миссис Элсинг, ее четыре каучуконоса, заняли почетное место но углам подмостков.
At the other end of the hall from the platform, the ladies had eclipsed themselves.	С убранством же противоположного конца зала дамы так постарались, что превзошли самих себя.

On this wall hung large pictures of President Davis and Georgia's own "Little Alec" Stephens, VicePresident of the Confederacy.	Здесь на стене висели огромные портреты -президента Конфедерации Дэвиса и вице-президента Стефенса, уроженца Джорджии, прозванного Маленьким Алексом.

Above them was an enormous flag and, beneath, on long tables was the loot of the gardens of the town, ferns, banks of roses, crimson and yellow and white, proud sheaths of golden gladioli, masses of varicolored nasturtiums, tall stiff hollyhocks rearing deep maroon and creamy heads above the	Над портретами был водружен гигантский флаг, а перед ними на длинных столах красовались трофеи, собранные со всех садов города: груды белых, желтых и алых роз, декоративные папоротники; горделивые, похожие на шпаги золотистые гладиолусы, ворохи многоцветных настурций и прямые, упругие стебли шток-роз, высоко вздымающие свои пунцовые и палевые головки.

Among them, candles burned serenely like altar fires.	И среди этого буйства цветов торжественно, как на алтаре, горели свечи.

The two faces looked down on the scene, two faces as different as could be possible in two men at the helm of so momentous an undertaking: Davis with the flat cheeks and cold eyes of an ascetic, his thin proud lips set firmly; Stephens with dark burning eyes deep socketed in a face that had known nothing but sickness and pain and had triumphed over	Два лица, глядевшие сверху в зал, были столь разительно несхожи, что казалось странным, как могли эти два человека одновременно оказаться во главе столь торжественного сборища: Девис - с его тонким, твердо сжатым надменным ртом, впалыми щеками и холодными глазами аскета, и Стефенс - с горящим взором темных, глубоко посаженных глаз: лицо человека, позвавшего лишь болезни и утраты и восторжествовавшего над ними благодаря крепости духа и природному чувству юмора. Два всеми любимых лица.

The elderly ladies of the committee in whose hands rested the responsibility for the whole bazaar rustled in as importantly as full-rigged ships, hurried the belated young matrons and giggling girls into their booths, and then swept through the doors into the back rooms where the refreshments were	Почтенные дамы, представительницы комитета, на плечи коих была возложена ответственность за проведение базара, торжественно, как флагманские суда, Проплыли по залу, направляя запоздавших молодых дам и смеющихся девушек к их киоскам, и скрылись за дверями задних комнат, где готовились прохладительные напитки и закуски.

Aunt Pitty panted out after them.	Тетушка Питти поспешила следом за ними.
The musicians clambered upon their platform, black, grinning, their fat cheeks already shining with perspiration, and began tuning their fiddles and sawing and whanging with their bows in anticipatory importance.	Музыканты поднялись на подмостки и принялись настраивать свои скрипки, подкручивая колки и пиликая смычками с торжественно-сосредоточенным видом, - их черные, сверкающие белозубыми улыбками лица уже лоснились от пота.

Old Levi, Mrs. Merriwether's coachman, who had led the orchestras for every bazaar, ball and wedding since Atlanta was named Marthasville, rapped with his bow for attention.	Старик Леви, кучер миссис Мерриуэзер, руководивший оркестром на всех благотворительных базарах, балах к свадьбах еще с тех времен, когда Атланта звалась Мартасвиллом, постучал смычком, прося внимания.

Few except the ladies who were conducting the bazaar had arrived yet, but all eyes turned toward him. Then the fiddles, bull fiddles, accordions, banjos and knuckle-bones broke into a slow rendition of	Гостей пока собралось мало - в основном только дамы-распорядительницы, - но все взоры обратились к нему и тут скрипки, контрабасы, аккордеоны, банджо и трещотки медленно, протяжно заиграли

"Lorena"- too slow for dancing, the dancing would come later when the booths were emptied of their wares.	"Лорену" - медленно, потому, что время для танцев пока не настало: танцы начнутся, когда из квор-ков исчезнут товары.

Scarlett felt her heart beat faster as the sweet melancholy of the waltz came to her:	Скарлетт почувствовала, как забилось у нее сердце при нежных меланхолических звуках вальса.
"The years creep slowly by, Lorena!	Уплывает за годом год, Лорена!
The snow is on the grass again.	Травы увядают, снег идет
The sun's far down the sky, Lorena..."	Солнце покидает небосвод, Лорена...

One-two-three, one-two-three, dip-sway-three, turn-two-three. What a beautiful waltz!	Раз-два-три, раз-два-три, наклон вправо, влево, раз-два-три, раз-два-три, поворот-поворот... Какой изумительный вальс!
She extended her hands slightly, closed her eyes and swayed with the sad haunting rhythm.	Слегка раскинув руки, полузакрыв глаза, она покачивалась г такт томной, завораживающей музыке.
There was something about the tragic melody and Lorena's lost love that mingled with her own excitement and brought a lump into her throat.	Печальная повесть трагической любви Лорена находила отклик в ее растревоженной душе, и к горлу подступал комок.

Then, as if brought into being by the waltz music, sounds floated in from the shadowy moonlit street below, the trample of horses' hooves and the sound of carriage wheels, laughter on the warm sweet air and the soft acrimony of negro voices raised in argument over hitching places for the horses.	Внезапно, словно пробужденная к жизни музыкой вальса, залитая лунным светом, напоенная теплыми ароматами, улица за окнами наполнилась топотом копыт, скрипом колес, смехом, голосами, негромкой перебранкой кучеров-негров, отвоевывавших себе место для экипажа.

There was confusion on the stairs and light-hearted merriment, the mingling of girls' fresh voices with the bass notes of their escorts, airy cries of greeting and squeals of joy as girls recognized friends from whom they had parted only that afternoon.	Радостные, беззаботные звуки перенеслись на лестницу; звонкие голоса Девушек сплетались с басовитыми голосами их спутников: девушки восторженными восклицаниями приветствовали своих подруг, расставшись с ними ее далее как после полудня.
Suddenly the hall burst into life.	И ожил зал.

It was full of girls, girls who floated in butterfly bright dresses, hooped out enormously, lace pantalets peeping from beneath; round little white shoulders bare, and faintest traces of soft little bosoms showing above lace flounces; lace shawls carelessly hanging from arms; fans spangled and painted, fans of swan's-down and peacock feathers, dangling at wrists by tiny velvet ribbons; girls with	Девушки - в ярких платьях, с огромными кринолинами, из-под которых выглядывали кружевные панталончики, словно стая пестрых бабочек, разлетелись во все концы зал". Обнаженные хрупкие белые плечики, нежные округлые очертания грудей, чуть прикрытых кружевными рюшами; кружевные мантилья, небрежно наброшенные на полусогнутые руки, веера, разрисованные или расшитые стеклярусом, веера из лебяжьих перьев, из павлиньих перьев, подвешенные к запястьям на тоненьких бархатных ленточках; темные, гладко зачесанные вверх над ушами волосы, стянутые на затылке тугим, тяжелым, уложенным в сетку узлом, кокетливо-горделиво оттягивающим голову

Not all the flowers of the town were standing in tribute to the leaders of the Confederacy.	Разумеется, не все цветы города были в знак уважений и преданности принесены к портретам вождей Конфедерации.

The smallest, the most fragrant blossoms bedecked the girls. Tea roses tucked behind pink ears, cape jessamine and bud roses in round little garlands over cascades of side curls, blossoms thrust demurely into satin sashes, flowers that before the night was over would find their way into the breast pockets of gray uniforms as treasured souvenirs.	Самые нежные и самые душистые украшали девушек: чанные розы, прикрепленные к волосам над ухом; бутоны роз и веточки жасмина, сплетенные венком, придерживали каскады кудрей; букетики цветов стыдливо выглядывали из-за атласных кушаков. Веем этим цветам суждено было еще до исхода ночи перекочевать в качестве драгоценных сувениров в нагрудные кармашки серых мундиров.

There were so many uniforms in the crowd-so many uniforms on so many men whom Scarlett knew, men she had met on hospital cots, on the streets, at the drill ground.	О, сколько мундаров мелькало в этой толпе и сколько знакомых мужчин было облачено в эти мундиры, - мужчин, которых Скарлетт видела на госпитальных койках или на плацу, встречала на улицах.

They were such resplendent uniforms, brave with shining buttons and dazzling with twined gold braid on cuffs and collars, the red and yellow and blue stripes on the trousers, for the different branches of the service, setting off the gray to perfection.	И как великолепны были эти мундиры, с начищенными до блеска пуговицами, с ослепительным золотом галунов на обшлагах и на воротнике! И как красиво оттеняли серое сукно мундиров красные, желтые и синие лампасы на брюках, указывающее на род войск!
Scarlet and gold sashes swung to and fro, sabers glittered and banged against shining boots, spurs rattled and jingled.	Концы пунцовых и золотых кушаков развевались, ножны сабель сверкали и звенели, ударяясь о блестящие ботфорты, и звон их сливался со звоном шпор.

Such handsome men, thought Scarlett, with a swell of pride in her heart, as the men called greetings, waved to friends, bent low over the hands of elderly ladies.	"Какие красавцы!" - думала Скарлетт, глядя, как мужчины издали взмахом руки приветствуют друг друга иди склоняются над рукой какой-нибудь почтенной дамы, и сердце ее переполнялось гордостью.
All of them were so young looking, even with their sweeping yellow mustaches and full black and brown beards, so handsome, so reckless, with their arms in slings, with head bandages startlingly white across sun-browned faces.	Все они казались такими юными, несмотря на своя пышные рыжеватые усы или темные каштановые и черные бороды, и такими красивыми и беспечными, несмотря на забинтованные руки в лубках и белые марлевые повязки на голове, резко оттенявшие их загорелые, обветренные лица.

Some of them were on crutches and how proud were the girls who solicitously slowed their steps to their escorts' hopping pace!	Кое-кто был даже на костылях, и какой гордостью сияли глаза сопровождавших их девушек, старавшихся приладиться к подпрыгивающим движениям своих кавалеров!

There was one gaudy splash of color among the uniforms that put the girls' bright finery to shame and stood out in the crowd like a tropical bird- a Louisiana Zouave, with baggy blue and white striped pants, cream gaiters and tight little red jacket, a dark, grinning little monkey of a man, with his arm in a black silk sling.	Особенно ярким, многоцветным пятном, затмевавшим все наряди дам, выделялся в толпе зуав из Луизианы. Маленький, смуглолицый, улыбающийся, с рукой в лубке на черной шелковой перевязи, в широких, белых в синюю полоску шароварах, кремовых гетрах и коротком, плотно обтягивающем торс красном мундире - он был похож не то на заморскую тропическую птицу, не то на обезьянку.
He was Maybelle Merriwether's especial beau, Rene Picard.	Его звали Гене Пикар, и он был главным претендентом на руку Мейбелл Мерриуэзер.

The whole hospital must have turned out, at least everybody who could walk, and all the men on furlough and sick leave and all the railroad and mail service and hospital and commissary departments between here and Macon.	Да, похоже, сегодня сюда прибыли все раненые из госпиталей - во всяком случае все, кто мог ходить, а также все, приехавшие с фронта на побывку или отпущенные по болезни, и все железнодорожные я почтовые служащие, и весь персонал госпиталей, все, кто работал в интендантской службе от Атланты до Мейкона.
How pleased the ladies would be!	Как довольны будут дамы-патронессы!
The hospital should make a mint of money tonight.	Госпитали огребу! кучу денег сегодня.

There was a ruffle of drums from the street below, the tramp of feet, the admiring cries of coachmen.	С улицы донеслась дробь барабанов, топот ног, громкие восторженные крики кучеров.
A bugle blared and a bass voice shouted the command to break ranks.	Затрубили в горн, и чей-то сочный бас отдал команду: "Вольно!"
In a moment, the Home Guard and the militia unit in their bright uniforms shook the narrow stairs and crowded into the room, bowing, saluting, shaking hands.	И вот уже офицеры внутреннего охранения и милиции, все в парадных мундирах, поднялись по узкой лестнице и появились в зале, раскланиваясь, отдавая честь, пожимая руки.

There were boys in the Home Guard, proud to be playing at war, promising themselves they would be in Virginia this time next year, if the war would just last that long; old men with white beards, wishing they were younger, proud to march in uniform in the reflected glory of sons at the front.	Юношам из войск внутреннего охранения война казалась увлекательной игрой, и они уповали на то, что ровно через год, если военные действия к тому времени еще продлятся, они тоже отправятся в Виргинию, а седобородые старцы, которым в эту минуту хотелось бы вернуть свою юность, молодцевато вышагивали в мундирах, внутреннего охранения, озаренные светом славы своих сражающихся на фронте сыновей.

In the militia, there were many middle-aged men and some older men but there was a fair sprinkling of men of military age who did not carry themselves quite so jauntily as their elders or their juniors. Already people were beginning to whisper, asking why they were not with Lee.	В мундирах же милиции были в основном мужчины средних лет и постарше, но попадались и годные по возрасту для отправки на фронт - эти чувствовали себя не так непринужденно, юноши и старики, ибо люди уже начали перешептываться на их счет, удивляясь, почему они не становятся под знамена генерала Ли.
How would they all get into the hall!	Но как же зал вместит всю эту толпу!

It had seemed such a large place a few minutes before, and now it was packed, warm with summer-night odors of sachet and cologne water and hair pomade and burning bayberry candles, fragrant with flowers, faintly dusty as many feet trod the old drill floors.	Еще минуту назад он казался таким большим и просторным, а сейчас был уже забит до отказа, и воздух Теплой летней ночи стал душен от запаха одеколона, сухих духов, помады для волос; благоухания цветов, горящих ароматных свечей и легкого привкуса пыли от множества ног, топчущих старый дощатый пол казармы.

The din and hubbub of voices made it almost impossible to hear anything and, as if feeling the joy and excitement of the occasion, old Levi choked off	В шуме и гуле голосов тонули все слова, а старик Леви, словно подхваченный всеобщим радостным возбуждением, вдруг оборвал на полутакте
"Lorena" in mid-bar, rapped sharply with his bow and, sawing away for dear life, the orchestra burst into	"Лорену", яростно прошелся смычком по струнам, и оркестр что было мочи грянул
"Bonnie Blue Flag."	"Голубой заветный флаг".
A hundred voices took it up, sang it, shouted it like a cheer.	Сотни голосов подхватили мелодию и слились в восторженном, ликующем гимне.

The Home Guard bugler, climbing onto the platform, caught up with the music just as the chorus began, and the high silver notes soared out thrillingly above the massed singing, causing goose bumps to break out on bare arms and cold chills of deeply felt emotion to fly down spines:	Горнист из внутреннего охранения, вскочив на подмостки, затрубил в лад с оркестром, и когда серебристые звуки горна призывно поплыли над поющей толпой, холодок восторга пробежал у людей по спинам и обнаженные плечи женщин покрылись от волнения мурашками.
"Hurrah!	Ура!
Hurrah!	Ура!
For the Southern Rights, hurrah!	Ура! Да здравствует Юг и его Права!

Hurrah for the Bonnie Blue Flag That bears a single star!"	Взвейся выше, флаг голубой С одной заповедной звездой!
They crashed into the second verse and Scarlett, singing with the rest, heard the high sweet soprano of Melanie mounting behind her, clear and true and thrilling as the bugle notes.	Запели второй куплет, и Скарлетт, громко певшая вместе со всеми, услышала за своей спиной высокое нежное сопрано Мелани, такое же пронзительно-чистое, как звуки горна.

Turning, she saw that Melly was standing with her hands clasped to her breast, her eyes closed, and tiny tears oozing from the corners.	Обернувшись, она увидела, что Мелани стоит, закрыв глаза, прижав руки в груди, и на ресницах у нее блестят слезинки.
She smiled at Scarlett, whimsically, as the music ended, making a little moue of apology as she dabbed with her handkerchief.	Когда музыка смолкла, она заговорщически улыбнулась Скарлетт и со смущенной гримаской приложила платочек к глазам.
"I'm so happy," she whispered, "and so proud of the soldiers that I just can't help crying about it."	- Я так счастлива, - шепнула она, - так горжусь нашими солдатами, что просто не могу удержаться от слез.

There was a deep, almost fanatic glow in her eyes that for a moment lit up her plain little face and made it beautiful.	Глаза ее горели жгучим, почти фанатичным огнем, и озаренное их сиянием некрасивое личико стало на миг прекрасным.
The same look was on the faces of all the women as the song ended, tears of pride on cheeks, pink or wrinkled, smiles on lips, a deep hot glow in eyes, as they turned to their men, sweetheart to lover, mother to son, wife to husband.	И у всех женщин были такие же взволнованные лица, и слезы гордости блестели на их щеках - и на свежих, румяных, и на увядших, морщинистых, - и губы улыбались, и глубоким волнением горели глаза, когда музыка смолкла и они повернулись к своим мужчинам - мужьям, возлюбленным, сыновьям.

They were all beautiful with the blinding beauty that transfigures even the plainest woman when she is utterly protected and utterly loved and is giving back that love a thousandfold. They loved their men, they believed in them, they trusted them to the last breaths of their bodies.	И все женщины, даже самые некрасивые, были ослепительно хороши в эту минуту, озаренные верой в своих любимых и любящих и стократно воздающие им любовью за любовь, Да, они любили своих мужчин, верили в них и готовы были верить до последнего вздоха.

How could disaster ever come to women such as they when their stalwart gray line stood between them and the Yankees?	Разве может беда посту- чаться к ним в дверь, когда между ними и янки незыб- лемой стеной стоят эти серые мундиры?
Had there ever been such men as these since the first dawn of the world, so heroic, so reckless, so gallant, so tender?	Ведь никогда, казалось им, с самого сотворения ми- ра ни одна страна еще не растила таких сыновей - таких бесстрашных, та- ких беззаветно преданных делу, таких изысканно-га- лантных, таких нежных!
How could anything but overwhelming victory come to a Cause as just and right as theirs?	И как могут они не одер- жать сокрушительной по- беды, когда борются за пра- вое, справедливое дело.

A Cause they loved as much as they loved their men, a Cause they served with their hands and their hearts, a Cause they talked about, thought about, dreamed about-a Cause to which they would sacrifice these men if need be, and bear their loss as proudly as the men bore their battle flags.	И это Правое Дело не менее дорого им, женщинам, чем их мужья, отцы и сыновья; они служат ему своим трудом, они отдали ему и сердца свои, и помыслы, и упования, и отдадут, если потребуется, и мужей, и сыновей, и отцов и будут так же гордо нести свою утрату, как мужчины несут свое боевое знамя.
It was high tide of devotion and pride in their hearts, high tide of the Confederacy, for final victory was at hand.	В эти дни сердца их были преисполнены преданности я гордости до краев: Конфедерация -в зените своей славы и победа близка!

Stonewall Jackson's triumphs in the Valley and the defeat of the Yankees in the Seven Days' Battle around Richmond showed that clearly.	Несокрушимый Джексон триумфально движется по долине Миссисипи, и янки посрамлены в семидневном сражение под Ричмондом!

How could it be otherwise with such leaders as Lee and Jackson?	Да и как могло быть иначе, когда во главе стоят такие люди, как Ли и Джексон?
One more victory and the Yankees would be on their knees yelling for peace and the men would be riding home and there would be kissing and laughter.	Еще одна победа, и янки на коленях возопиют о мире, а воины-южане возвратятся домой, и радости и поцелуям не будет конца!

One more victory and the war was over!	Еще одна победа, и войне конец!
Of course, there were empty chairs and babies who would never see their fathers' faces and unmarked graves by lonely Virginia creeks and in the still mountains of Tennessee, but was that too great a price to pay for such a Cause?	Конечно, чьи-то места за семейным столом опустеют навеки, и чьи-то дети никогда не увидят своих отцов, и на пустынных берегах виргинских рек и в безмолвных горных ущельях Теннесси останутся безымянные могилы, но кто скажет, что эти люди слишком дорогой ценой заплатили за Правое Дело?

Silks for the ladies and tea and sugar were hard to get, but that was something to joke about.	А если дамам приходится обходиться без нарядных туалетов, если чай и сахар стали редкостью, это может служить лишь предметом шуток, не более.
Besides, the dashing blockade runners were bringing in these very things under the Yankees' disgruntled noses, and that made the possession of them many times more thrilling.	К тому же отважным контрабандистам нет-нет да и удавалось провозить все это под самым носом у разъяренных янки, и обладание столь желанными предметами доставляло особое удовольствие.

Soon Raphael Semmes and the Confederate Navy would tend to those Yankee gunboats and the ports would be wide open.	Но скоро Рафаэль Семмс и военно-морской флот Конфедерации дадут жару канонеркам северян и откроют доступ в порты.
And England was coming in to help the Confederacy win the war, because the English mills were standing idle for want of Southern cotton.	Да и Англия окажет Конфедерации военную помощь - ведь английские фабрики бездействуют из-за отсутствия южного хлопка.
And naturally the British aristocracy sympathized with the Confederacy, as one aristocrat with another, against a race of dollar lovers like the Yankees.	И конечно, английская знать не может не симпатизировать южанам, как всякая знать -людям своего круга, в не может не испытывать неприязни к янки, поклоняющимся доллару.

So the women swished their silks and laughed and, looking on their men with hearts bursting with pride, they knew that love snatched in the face of danger and death was doubly sweet for the strange excitement that went with it.	И женщины шелестели шелковыми юбками, и заливались смехом, и, глядя на своих мужчин, испытывали гордость и любовный трепет, вдвойне сладостный и жгучий перед лицом опасности, а быть может, даже смерти.

When first she looked at the crowd, Scarlett's heart had thumpthumped with the unaccustomed excitement of being at a party, but as she half-comprehendingly saw the high-hearted look on the faces about her, her joy began to evaporate.	Сердце Скарлетт тоже в первые минуты билось радостно и учащенно оттого, что она снова оказалась на балу среда такого многолюдного сборища, но ее радость вскоре потухла, когда, окидывая взглядом толпу, она заметила одухотворенное выражение на лице окружающих.
Every woman present was blazing with an emotion she did not feel.	Все сияли, всех переполнял Патриотический восторг, и только одна она не испытывала таких чувств.

It bewildered and depressed her.	Ее приподнятое настроение сменилось подавленностью и смутной тревогой.

Somehow, the ball did not seem so pretty nor the girls so dashing, and the white heat of devotion to the Cause that was still shining on every face seemed- why, it just seemed silly!	И вот уже зал утратил свое великолепие в ее глазах и наряди женщин - свой блеск, а их безраздельная Преданность Конфедерации и безудержный восторг, озарявший их, лица, показались ей просто", да просто смешными!

In a sudden flash of self-knowledge that made her mouth pop open with astonishment, she realized that she did not share with these women their fierce pride, their desire to sacrifice themselves and everything they had for the Cause.	У нее даже слегка приоткрылся от удивления рот, когда, заглянув себе в душу, она неожиданно поняла, что не испытывает ни той гордости, которой полны эти женщины, ни их готовности пожертвовать всем ради Правого Дела.
Before horror made her think:	И прежде чем в объятом страхом уме ее успела промелькнуть мысль:
"No-no! I mustn't think such things!	"Нет, нет, нельзя Так думать!

They're wrong-sinful," she knew the Cause meant nothing at all to her and that she was bored with hearing other people talk about it with that fanatic look in their eyes.	Это дурно, это грешно", она уже знала, что это их Пресловутое Правое Дело - для нее пустой звук и ей до смерти надоело слушать, как все без конца исступленно толкуют об одном и том же и с таким фанатичным блеском в глазах.
The Cause didn't seem sacred to her.	Правое Дело не представлялось ей священным, а война - чем-то возвышенным.
The war didn't seem to be a holy affair, but a nuisance that killed men senselessly and cost money and made luxuries hard to get.	Для нее это было нечто досадно вторгшиеся в жизнь, стоившее много денег, бессмысленно сеявшее смерть и делавшее труднодоступным то, что услаждает бытие.

She saw that she was tired of the endless knitting and the endless bandage rolling and lint picking that roughened the cuticle of her nails.	Она поняла, что устала от бесконечного вязания, скатывания бинтов и щипания корпии, от которой у нее загрубели пальцы.
And oh, she was so tired of the hospital!	И, боже, как надоел ей госпиталь!
Tired and bored and nauseated with the sickening gangrene smells and the endless moaning, frightened by the look that coming death gave to sunken faces.	Она устала, она погибала от тоски, от тошнотворного запаха гноящихся ран, от вечных стонов раненых, от страшной печати отрешенности на осунувшихся лицах умирающих.

She looked furtively around her, as the treacherous, blasphemous thoughts rushed through her mind, fearful that someone might find them written clearly upon her face.	Она украдкой огляну-лась по сторонам, слов-но боялась, что кто-ни-будь может прочесть на ее лице эти кощунствен-ные мысли.
Oh, why couldn't she feel like those other women!	Ну, почему, почему не способна она испыты-вать тех чувств, Кото-рые испытывают другие женщины!
They were whole hearted and sincere in their devotion to the Cause.	Они так искренне, так самозабвенно преданы этому своему Правому Делу.
They really meant everything they said and did.	Они действительно ве-рят в то, что делают и говорят.

And if anyone should ever suspect that she- No, no one must ever know!	И если кто-нибудь заподозрит, что она... Нет, никто никогда не должен об этом узнать!

She must go on making a pretense of enthusiasm and pride in the Cause which she could not feel, acting out her part of the widow of a Confederate officer who bears her grief bravely, whose heart is in the grave, who feels that her husband's death meant nothing if it aided the Cause to triumph.	Пусть она не испытывает ни воодушевления, ни гордости, которыми они полны, придется притворяться, что и она обуреваема такими же чувствами. Она сыграет свою роль вдовы офицера-конфедерата, навеки отрекшейся от всех радостей жизни, но мужественно несущей свой крест, ибо смерть ее мужа - лишь ничтожная жертва в борьбе за Правое Дело.
Oh, why was she different, apart from these loving women?	^ почему она не такая, как все, как эти любящие, преданные Женщины?

She could never love anything or anyone so selflessly as they did.	Почему никого и ничто не способна она так бескорыстно, так самозабвенно любить?
What a lonely feeling it was-and she had never been lonely either in body or spirit before.	Эти мысли породили в ней чувство одиночества, которого она дотоле не испытывала.
At first she tried to stifle the thoughts, but the hard self-honesty that lay at the base of her nature would not permit it.	Сначала он" хотела отмахнуться от них, заглушить их в душе, но обманывать себя - удел слабых, и ей это было несвойственно.

And so, while the bazaar went on, while she and Melanie waited on the customers who came to their booth, her mind was busily working, trying to justify herself to herself- a task which she seldom found difficult.	И пока вокруг шумел базар я они с Медли я поджидали покупателей, в уме ее творилась лихорадочная работа: она старалась найти оправдание своим чувствам - задача, которая еще никогда не был для нее неразрешимой.
The other women were simply silly and hysterical with their talk of patriotism and the Cause, and the men were almost as bad with their talk of vital issues and States' Rights.	Все эти женщины, с их вечными разглагольствованиями о патриотизме и преданности Правому Делу - просто истеричные дуры. Да и мужчины не лучше - тоже только и знают, что кричать о Правах Юга и главных задачах.

She, Scarlett O'Hara Hamilton, alone had good hard-headed Irish sense.	И только у нее одной у Скарлетт О'Хара Гамильтон, есть голова на плечах, не лишенная крепкого ирландского здравого смысла.
She wasn't going to make a fool out of herself about the Cause, but neither was she going to make a fool out of herself by admitting her true feelings.	Она не позволит делать из себя идиотку, готовую пожертвовать всем ради пресловутого Дела, но она и не настолько глупа, чтобы выставлять напоказ свои истинные чувства.

She was hard-headed enough to be practical about the situation, and no one would ever know how she felt. How surprised the bazaar would be if they knew what she really was thinking!	У нее хватят смекалки на то чтобы действовать сообразно обстоятельствам, и никто никогда не узнает, что у нее на душе; Как бы поразились все, кто толчется на этом базаре, узнай они, что она сейчас думает!

How shocked if she suddenly climbed on the bandstand and declared that she thought the war ought to stop, so everybody could go home and tend to their cotton and there could be parties and beaux again and plenty of pale green dresses.	Да они все попадали бы в обморок, если бы она вдруг влезла сейчас на под мостки и заявила во всеуслышание, что пора положить конец этой войне, чтобы все, кто там воюет на фронте, могли вернутся домой и занять-ся своим: хлопком, и снова задавать балы, я покупать дамам красивые бледно-зе-леные платья.

For a moment, her self-justification buoyed her up but still she looked about the hall with distaste. The McLure girls' booth was inconspicuous, as Mrs. Merriwether had said, and there were long intervals when no one came to their corner and Scarlett had nothing to do but look enviously on the happy throng.	Так, внутренне само-оправдавшясь, она немного воспрянула духом, но вид зала все же по-прежнему был ей неприятен Киоск барышень Маклюр был, как и говорила миссис Мерриуэзер расположен не на виду, покупателя подходили к нему ее части и Скарлетт не оставалось ничего другого, Как с завистью глазеть на веселящуюся толпу.
Melanie sensed her moodiness but, crediting it to longing for Charlie, did not try to engage her in conversation.	Ее угрюмость не укрылась от Мелани но, приписав ее скорби о покойном муже, она не пыталась развлечь Скарлетт беседой.

She busied herself arranging the articles in the booth in more attractive display, while Scarlett sat and looked glumly around the room.	От нечего делать она перекладывали товары на прилавке, стараясь придать ям более заманчивый вид в то время кик Скарлетт сидела, мрачно глядя в зал.
Even the banked flowers below the pictures of Mr. Davis and Mr. Stephens displeased her.	Вес теперь казалось ей здесь безвкусным - даже цветы перед портретами мистера Стефенса и мистера Давяса.
"It looks like an altar," she sniffed.	"Устроили какой-то алтарь! - фыркнула она про себя.
"And the way they all carry on about those two, they might as well be the Father and the Son!"	- Только что не молятся на них, словно это бог-отец я бог-сын?

Then smitten with sudden fright at her irreverence she began hastily to cross herself by way of apology but caught herself in time.	И тут же, испугавших своих кощунственных мыслей, начала было поспешно креститься украдкой, испрашивая себе прощение, как вдруг рука ее застыла на полдороги.
"Well, it's true," she argued with her conscience.	"Но ведь это же в самом деле так, - вступила она в спор с собственной совестью.
"Everybody carries on like they were holy and they aren't anything but men, and mighty unattractive looking ones at that."	- Все поклоняются им, точно святыне а они самые обыкновенные люди, да к тому же еще воя какие безобразные.

Of course, Mr. Stephens couldn't help how he looked for he had been an invalid all his life, but Mr. Davis- She looked up at the cameo clean, proud face.	Конечно, мистер Стефенс не виноват в том, что он так нехорошо собой - он же больной от рождения, во мистер Дэвис..." Она всмотрелась в топкие черты горделивого, точеного, как на камеях, лица.
It was his goatee that annoyed her the most. Men should either be clean shaven, mustached or wear full beards.	Больше всего ее раздражала его козлиная бородка Мужчины должны быть либо гладко выбритыми я с усами, либо с пышной бородой.
"That little wisp looks like it was just the best he could do," she thought, not seeing in his face the cold hard intelligence that was carrying the weight of a new nation.	"Видно, он не может отрастить ничего, кроме этого клочка волос" - подумала она, не разглядев в холодном, обремененном заботой о судьбах молодой нации лице ни острой проницательности, ни ума.

No, she was not happy now, and at first she had been radiant with the pleasure of being in a crowd.	Она так сияла от радости поначалу, очутившись среди этой пестрой толпы, а теперь ее оживление угасло.
Now just being present was not enough.	Оказалось, что просто находиться здесь - этого еще недостаточно.

She was at the bazaar but not a part of it.	Она лишь присутствовала на благотворительном базаре, но не стала частью его.
No one paid her any attention and she was the only young unmarried woman present who did not have a beau.	Никто не обращал на нее внимания, и она была единственной молодой незамужней женщиной без кавалера.

And all her life she had enjoyed the center of the stage.	А она всю жизнь привыкла быть в центре внимания.
It wasn't fair!	Несправедливо это!
She was seventeen years old and her feet were patting the floor, wanting to skip and dance.	Ей было всего семнадцать лет, и ее ноги сами собой постукивали по волу, рвались пуститься в пляс.
She was seventeen years old and she had a husband lying at Oakland Cemetery and a baby in his cradle at Aunt Pittypat's and everyone thought she should be content with her lot.	Ей было всего семнадцать лет, я, ее муж покоился на Оклендском кладбище, а; ее ребенок - спал в колыбельке под присмотром челяди тетушки Питтипэт, и, по мнению всех, ей надлежало быть довольной своей участью.

She had a whiter bosom and a smaller waist and a tinier foot than any girl present, but for all they mattered she might just as well be lying beside Charles with	Ни у кого из присутствующих здесь женщин или девушек не было такой тонкой талии, такой белоснежной шейки, таких маленьких ножек, но все это пропадало даром, словно она уже лежала рядом с Чарльзом в могиле, под нагробной плитой с надписью:
"Beloved Wife of" carved over her. She wasn't a girl who could dance and flirt and she wasn't a wife who could sit with other wives and criticize the dancing and flirting girls.	"Горячо любимая супруга..." Она не может быть ни с молоденькими девушками, которые танцуют, и кокетничают, ни с замужними женщинами, которые сидят в сторонке и судачат о тех, кто танцует и кокетничает.

And she wasn't old enough to be a widow.	Но она слишком молода для того, чтобы быть вдовой.
Widows should be old-so terribly old they didn't want to dance and flirt and be admired.	Ведь вдовы - это такие старые-престарые, старухи, у которых уже не может возникнуть желания ни танцевать, ни кокетничать, ни быть предметом поклонения мужчин.

Oh, it wasn't fair that she should have to sit here primly and be the acme of widowed dignity and propriety when she was only seventeen. It wasn't fair that she must keep her voice low and her eyes cast modestly down, when men, attractive ones, too, came to their booth.	Нет, это несправедливо, что в семнадцать лет она должна сидеть здесь, чопорно поджав губы -образец вдовьей благопристойности и чувства собственного достоинства, - и опускать глаза долу и умерять свой голос, когда мужчины - а тем более привлекательные мужчины - подходят к ее киоску.
Every girl in Atlanta was three deep in men.	Все девушки Атланты были окружены плотным кольцом кавалеров.

Even the plainest girls were carrying on like belles-and, oh, worst of all, they were carrying on in such lovely, lovely dresses!	Даже самые некрасивые держались, как писаные красавицы. И что еще обиднее - все были в таких нарядных, таких прелестных платьях!

Here she sat like a crow with hot black taffeta to her wrists and buttoned up to her chin, with not even a hint of lace or braid, not a jewel except Ellen's onyx mourning brooch, watching tackylooking girls hanging on the arms of good-looking men.	А, она, словно ворона, сидела в этом душном, черном, застетегнутом на все пуговицы платье с закрытым воротом и длинными рукавами, без единого кусочка кружев или тесьмы, без всяких украшений, кроме траурной броши из оникса, подарка Эллейн, сидела и смотрела на проходивших мимо интересных мужчин, на девиц, льнущих к своим кавалерам, повиснув у них на руке.
All because Charles Hamilton had had the measles.	И все ее несчастья оттого, что Чарльз Гамильтон ухитрился подхватить корь!

He didn't even die in a fine glow of gallantry in battle, so she could brag about him.	Он даже не сумел пасть, овеянный славой на поле боя, чтобы дать ей возможность хотя бы гордиться им!
Rebelliously she leaned her elbows on the counter and looked at the crowd, flouting Mammy's oft-repeated admonition against leaning on elbows and making them ugly and wrinkled.	И, полная этих мятежных дум, она, пренебрегая наставлениями Мамушки, постоянно твердившей ей, что нельзя опираться на локти - они станут жесткими и сморщенными, - оперлась локтями на прилавок, наклонилась вперед и принялась глядеть в зал.
What did it matter if they did get ugly?	Ну и что? Ну и пусть станут уродливыми!
She'd probably never get a chance to show them again.	Едва ли у нее будет когда-нибудь возможность выставлять их напоказ.

She looked hungrily at the frocks floating by, butter-yellow watered silks with garlands of rosebuds; pink satins with eighteen flounces edged with tiny black velvet ribbons; baby blue taffeta, ten yards in the skirt and foamy with cascading lace; exposed bosoms; seductive flowers. Maybelle Merriwether went toward the next booth on the arm of the Zouave, in an applegreen tarlatan so wide that it reduced her waist to nothingness.	С алчной завистью смотрела ока на проплывавшие мимо нарядные платья: сливочно-желтое муаровое, украшенное гирляндами розовых бутонов; алое атласное - она насчитала на нем восемнадцать оборочек, обшитых по краям узенькими черными бархатными ленточками; а на эту юбку пошло не меньше десяти ярдов бледно-голубой тафты, поверх которой пенятся каскады кружев... а эти полуобнаженные груди с соблазнительно приколотыми у глубокого декольте цветами... Мейбелл Мерриуэзер в яблочно-зеленом тарлатановом платье, с таким огромным кринолином, что талия казалась неправдоподобно тонкой, направилась к соседнему киоску под

It was showered and flounced with cream-colored Chantilly lace that had come from Charleston on the last blockader, and Maybelle was flaunting it as saucily as if she and not the famous Captain Butler had run the blockade.	Платье было отделано бесчисленными воланами и оборками из кремовых французских кружев, доставленных в Чарльстон с последней партией контрабанды, и Мейбелл так горделиво: выступала в нем, словно это не капитан Батлер, а она сама прорвалась с кружевом через блокаду. -
"How sweet I'd look in that dress," thought Scarlett, a savage envy in her heart.	"Конечно, я бы выглядела великолепно в этом платье, - с неукротимой завистью думала Скарлетт.
"Her waist is as big as a cow's.	- У нее же талия, как у коровы!

That green is just my color and it would make my eyes look-Why will blondes try to wear that color?	А этот яблочно-зеленый оттенок так идет к цвету моих глаз. И как только белокурые девушки отваживаются надевать такие платья?
Her skin looks as green as an old cheese.	Кожа у нее кажется зеленой, как заплесневелый сыр.
And to think I'll never wear that color again, not even when I do get out of mourning.	И додумать только, что мне уж никогда не носить такие цвета. Даже когда я сниму траур.
No, not even if I do manage to get married again.	Нет, даже если снова выйду замуж.
Then I'll have to wear tacky old grays and tans and lilacs."	Тогда моими цветами станут темно-серый, коричневый я лиловый".

For a brief moment she considered the unfairness of it all.	С минуту она с горечью размышляла над несправедливостью судьбы.
How short was the time for fun, for pretty clothes, for dancing, for coquetting!	Как краток срок веселья, танцев, красивых платьев, флирта!
Only a few, too few years!	Как быстро промелькнули эти годы!

Then you married and wore dull-colored dresses and had babies that ruined your waist line and sat in corners at dances with other sober matrons and only emerged to dance with your husband or with old gentlemen who stepped on your feet.	А потом замужеств" и дети, и тонкой талии уже нет и в помине, и ты в тусклом темном платье сидишь во время танцев вместе с другими степенными матронами, а если и танцуешь, то лишь с мужем или с каким-нибудь почтенным старичком, который так и норовит наступить тебе на ноги.
If you didn't do these things, the other matrons talked about you and then your reputation was ruined and your family disgraced.	А попробуй вести себя подругому, на твой счет начнут судачить, и репутация твоя погибла, и позор ложится на всю семью.

It seemed such a terrible waste to spend all your little girlhood learning how to be attractive and how to catch men and then only use the knowledge for a year or two.	Но как это обидно и нелепо - потратить всю короткую девичью жизнь, постигая науку быть привлекательной и очаровывать мужчин, а потом, через какой-то год-два, увидеть, что твое искусство стало бесполезным!
When she considered her training at the hands of Ellen and Mammy, she knew it had been thorough and good because it had always reaped results.	Вспоминая все, чему учили ее Эллин и Мамушка, Скарлетт понимала, что их наставления были правильны, тщательно продуманы и всегда давали свои плоды.

There were set rules to be followed, and if you followed them success crowned your efforts.	Существовали установленные правила игры, и если неукоснительно следовать им, успех обеспечен.
With old ladies you were sweet and guileless and appeared as simple minded as possible, for old ladies were sharp and they watched girls as jealously as cats, ready to pounce on any indiscretion of tongue or eye.	С пожилыми дамами надлежит быть кроткой, невинной и возможно более простодушной, ибо пожилые дамы проницательны и, как кошки за мышью, ревниво следят за каждой молоденькой девушкой, готовые запустить в нее когти при любом неосторожном, нескромном слове или взгляде.

With old gentlemen, a girl was pert and saucy and almost, but not quite, flirtatious, so that the old fools' vanities would be tickled.	С пожилыми джентльменами нужно быть задорной, шаловливой и даже кокетливой - в меру, конечно, - что приятно льстит тщеславию этих дурачков.

It made them feel devilish and young and they pinched your cheek and declared you were a minx.	Они тогда молодеют, чувствуют себя отчаянными жуирами, норовят ущипнуть вас за щечку и называют озорницей.

And, of course, you always blushed on such occasions, otherwise they would pinch you with more pleasure than was proper and then tell their sons that you were fast.	При этом вы, разумеется, должны залиться краской, иначе они ущипнут вас уже с большим пылом, а потом скажут своим сыновьям, что вы недостаточно целомудренны.
With young girls and young married women, you slopped over with sugar and kissed them every time you met them, even if it was ten times a day.	К девушкам и молодым замужним женщинам нужно кидаться с поцелуями и изъяснениями нежности при каждой встрече, будь это хоть десять раз на дню.
And you put your arms about their waists and suffered them to do the same to you, no matter how much you disliked it.	Нужно обнимать их за талию и позволять им проделывать то же с вами, как бы вам это ни претило.

You admired their frocks or their babies indiscriminately and teased about beaux and complimented husbands and giggled modestly and denied that you had any charms at all compared with theirs.	Нужно напропалую расхваливать их наряды или их младенцев, мило подшучивать по поводу одержанных ими побед или отпускать комплименты в адрес их мужей и, смущенно хихикая, утверждать, что у вас нет и сотой доли обаяния этих леди.
And, above all, you never said what you really thought about anything, any more than they said what they really thought.	А самое главное - о чем бы ни шла речь - никогда не говорить того, что вы на самом деле думаете, памятуя, что и они никогда этого не делают.

Other women's husbands you let severely alone, even if they were your own discarded beaux, and no matter how temptingly attractive they were.	С чужими мужьями, если даже прежде они были вашими поклонниками и получили у вас отставку, следует держаться как можно более холодно и сурово, сколь бы привлекательными они вам вдруг ни показались.
If you were too nice to young husbands, their wives said you were fast and you got a bad reputation and never caught any beaux of your own.	Стоит проявить хоть чуточку расположения к молодым женатым мужчинам, как их жены немедленно объявят вас нахальной кокеткой, репутация ваша погибла и вам не видать женихов как своих ушей.
But with young bachelors-ah, that was a different matter!	А вот с холостыми молодыми людьми - о, тут дело обстоит совсем иначе!

You could laugh softly at them and when they came flying to see why you laughed, you could refuse to tell them and laugh harder and keep them around indefinitely trying to find out.	Тут можно позволить себе тихонько рассмеяться, поглядывая издали на какого-нибудь из них, а когда он со всех ног бросится к вам, чтобы узнать, почему вы смеялись, можно лукаво отнекиваться и все задорнее заливаться смехом, заставляя его до бесконечности допытываться о причине такого веселья.
You could promise, with your eyes, any number of exciting things that would make a man maneuver to get you alone.	Тем временем ваши глаза могут сулить ему такие волнующие мгновения, что он тут же постарается остаться с вами где-нибудь наедине.

And, having gotten you alone, you could be very, very hurt or very, very angry when he tried to kiss you.	А когда ему это удастся и он попытается вас поцеловать, вам следует быть глубоко оскорбленной или очень, очень разгневанной.

You could make him apologize for being a cur and forgive him so sweetly that he would hang around trying to kiss you a second time.	Следует заставить его вымаливать прощение за свою дерзость, а потом с такой чарующей улыбкой одарить его этим прощением, что он непременно повторит свою попытку еще раз.

Sometimes, but not often, you did let him kiss you. (Ellen and Mammy had not taught her that but she learned it was effective.) Then you cried and declared you didn't know what had come over you and that he couldn't ever respect you again.	Время от времени, но не слишком часто, можно разрешить ему этот поцелуй. (Последнему Эллин и Мамушка ее не учили, но она на опыте убедилась, что такой способ приносит очень богатые плоды.) После этого необходимо расплакаться и начать твердить сквозь слезы, что вы не понимаете, что с вами творится, и, конечно, теперь он не сможет больше вас уважать.

Then he had to dry your eyes and usually he proposed, to show just how much he did respect you.	Тогда он примется осушать ваши слезы, и можно почти с уверенностью сказать, что тут же сделает вам предложение в доказательство того, сколь глубоко и незыблемо он вас уважает.

And then there were-Oh, there were so many things to do to bachelors and she knew them all, the nuance of the sidelong glance, the half- smile behind the fan, the swaying of the hips so that skirts swung like a bell, the tears, the laughter, the flattery, the sweet sympathy.	Ну, и помимо этого существует еще так много... Да разве перечислишь все правила игры с предполагаемыми женихами, так хорошо ею изученные: брошенный искоса выразительный взгляд; улыбка краешком губ из-под веера; волнующая походка - так, чтобы кринолин колыхался на бедрах; смех, слезы, лесть, нежность, сочувствие... Господи, сколько их, этих уловок, которые никогда и ни с кем ее не подводили.

Oh, all the tricks that never failed to work-except with Ashley.	Если не считать Эшли.
No, it didn't seem right to learn all these smart tricks, use them so briefly and then put them away forever.	Но это же просто глупо - овладеть всем этим искусством лишь на столь недолгий срок, а затем забросить его навсегда!

How wonderful it would be never to marry but to go on being lovely in pale green dresses and forever courted by handsome men.	Насколько приятнее было бы никогда не выходить замуж, а продолжать носить бледно-зеленые платья, быть неотразимой, всегда окруженной толпой красивых мужчин.

But, if you went on too long, you got to be an old maid like India Wilkes and everyone said "poor thing" in that smug hateful way.	Однако если эту игру слишком затянуть, рискуешь остаться старой девой, как Индия Уилкс, и все будут с этакой омерзительной снисходительно-самодовольной улыбочкой говорить о тебе: "бедняжка".
No, after all it was better to marry and keep your self-respect even if you never had any more fun.	Нет, лучше уж выйти замуж и сохранить уважение к себе, пусть даже ценой отказа от всех развлечений.

Oh, what a mess life was!	Господи, до чего же сложна жизнь!
Why had she been such an idiot as to marry Charles of all people and have her life end at sixteen?	И как могла она совершить такую глупость, зачем нужно было выходить замуж за этого Чарльза и заживо хоронить себя в шестнадцать лет!

Her indignant and hopeless reverie was broken when the crowd began pushing back against the walls, the ladies carefully holding their hoops so that no careless contact should turn them up against their bodies and show more pantalets than was proper.	Движение в зале отвлекло ее от бесплодных размышлений и самоукоров: толпа раздалась в стороны, освобождая проход; дамы бережно придерживали кринолины, дабы от какого-нибудь случайного небрежного толчка они не колыхнулись слишком резко, открыв панталоны выше, чем положено.
Scarlett tiptoed above the crowd and saw the captain of the militia mounting the orchestra platform.	Поднявшись на цыпочки, Скарлетт увидела, что капитан милиции вскочил на подмостки, где разместился оркестр.

He shouted orders and half of the Company fell into line. For a few minutes they went through a brisk drill that brought perspiration to their foreheads and cheers and applause from the audience.	Он выкрикнул команду, и его взвод выстроился в проходе и проделал несколько строевых упражнений, вызвавших на лицах воинов испарину и крики одобрения и аплодисменты - в публике.
Scarlett clapped her hands dutifully with the rest and, as the soldiers pushed forward toward the punch and lemonade booths after they were dismissed, she turned to Melanie, feeling that she had better begin her deception about the Cause as soon as possible.	Скарлетт поспешно захлопала в ладоши вместе со всеми, и когда солдаты по команде "вольно!" зашагали в направлении киосков с пуншем и лимонадом, повернулась к Мелани, решив, что сейчас самое время начать демонстрировать свою преданность Правому Делу.

"They looked fine, didn't they?" she said.	- Как славно они выглядят, верно? - сказала она.
Melanie was fussing about with the knitted things on the counter.	Мелани перекладывала какие-то вязаные вещички на прилавке.
"Most of them would look a lot finer in gray uniforms and in Virginia," she said, and she did not trouble to lower her voice.	- Большинство из них выглядели бы еще лучше в серых мундирах на виргинской земле, - сказала она, не стараясь понизить голос.
Several of the proud mothers of members of the militia were standing close by and overheard the remark.	Несколько важных матрон, чьи сыновья служили в милиции, стояли совсем близко и слышали ее слова.

Mrs. Guinan turned scarlet and then white, for her twenty-five-year-old Willie was in the company.	Миссис Гинен вспыхнула, потом побледнела: ее двадцатипятилетний сын Уили был одним из солдат этого взвода.
Scarlett was aghast at such words coming from Melly of all people.	Скарлетт ошеломленно поглядела на Мелани. Вот уж от кого она никак не ожидала услышать такие слова.
"Why, Melly!"	- Что ты, Мелли!
"You know it's true, Scarlet.	- Ты знаешь, что я права, Скарлетт.
I don't mean the little boys and the old gentlemen.	Я же не имею в виду подростков и стариков.

But a lot of the militia are perfectly able to tote a rifle and that's what they ought to be doing this minute."	Но большинство солдат милиции вполне способны стрелять из винтовок, чем им и следовало бы заняться, не теряя ни минуты.
"But-but- " began Scarlett, who had never considered the matter before.	- Но... послушай, - начала Скарлетт, которая никогда над этим вопросом не задумывалась.

"Somebody's got to stay home to-" What was it Willie Guinan had told her by way of excusing his presence in Atlanta?	- Кто-то же должен оставаться дома, чтобы... -Она старалась припомнить, что говорил ей Уилли Г инен, объясняя, почему необходимо его присутствие в Атланте.
"Somebody's got to stay home to protect the state from invasion."	- Чтобы охранять наш штат от вторжения.

"Nobody's invading us and nobody's going to," said Melly coolly, looking toward a group of the militia.	- Никто к нам не вторгается и не собирается вторгаться, - холодно возразила Мелани, глядя в сторону солдат.
"And the best way to keep out invaders is to go to Virginia and beat the Yankees there.	- И самый лучший способ оградить нас от вторжения - это отправиться в Виргинию и бить там янки.
And as for all this talk about the militia staying here to keep the darkies from rising-why, it's the silliest thing I ever heard of.	А если говорят, что милиция нужна здесь, чтобы охранять нас на случай восстания негров, то ничего глупее этого вообразить себе невозможно.
Why should our people rise?	Зачем наши негры станут восставать?

It's just a good excuse for cowards.	Это просто жалкая выдумка трусов.
I'll bet we could lick the Yankees in a month if all the militia of all the states went to Virginia.	Я уверена, что мы в один месяц расправились бы с янки, если бы войска милиции всех штатов были отправлены в Виргинию.
So there!"	Вот так-то!
"Why, Melly!" cried Scarlett again, staring.	- Ну что ты, Мелани! - только и могла промолвить Скарлетт, с изумлением на нее глядя.
Melly's soft dark eyes were flashing angrily.	Кроткие глаза Мелли гневно сверкнули.
"My husband wasn't afraid to go and neither was yours.	- Мой муж не побоялся поехать туда, так же как и твой.

And I'd rather they'd both be dead than here at home-Oh, darling, I'm sorry.	И мне было бы легче увидеть их обоих мертвыми, нежели спрятавшимися здесь, у себя под крышей... О дорогая, что я говорю, прости меня!
How thoughtless and cruel of me!"	Как это жестоко, как бесчувственно с моей стороны!
She stroked Scarlett's arm appealingly and Scarlett stared at her.	Она с мольбой погладила Скарлетт по руке, а та продолжала смотреть на нее во все глаза.
But it was not of dead Charles she was thinking.	Но не о мертвом Чарльзе думала она в эту минуту.
It was of Ashley.	Она думала об Эшли.
Suppose he too were to die?	Что, если и он умрет?

She turned quickly and smiled automatically as Dr. Meade walked up to their booth.	Она резко отвернулась и машинально улыбнулась доктору Миду, подходившему к их киоску.
"Well, girls," he greeted them, "it was nice of you to come.	- Ну, мои дорогие, - приветствовал он их, - как хорошо, что вы обе пришли.
I know what a sacrifice it must have been for you to come out tonight.	Я понимаю, что вы принесли большую жертву, придя сюда.
But it's all for the Cause.	Но ведь это все ради нашего Дела.

And I'm going to tell you a secret.	И я хочу открыть вам один секрет.

I've a surprise way for making some more money tonight for the hospital, but I'm afraid some of the ladies are going to be shocked about it."	Я нашел замечательный способ раздобыть сегодня побольше денег для госпиталей, только боюсь, наши дамы будут несколько шокированы.
He stopped and chuckled as he tugged at his gray goatee.	Он умолк и хмыкнул, поглаживая седую бородку.
"Oh, what?	- Что же это за способ?
Do tell!"	Расскажите нам!
"On second thought I believe I'll keep you guessing, too.	- Нет, пожалуй, я лучше предложу вам догадаться самим.
But you girls must stand up for me if the church members want to run me out of town for doing it.	И я надеюсь на ваше заступничество, если наши церковницы решат изгнать меня из города.

However, it's for the hospital.	Ведь я же, что ни говори, стараюсь для раненых.
You'll see.	Словом, вы увидите.
Nothing like this has ever been done before."	Ничего подобного у нас тут еще не было.
He went off pompously toward a group of chaperons in one corner, and just as the two girls had turned to each other to discuss the possibilities of the secret, two old gentlemen bore down on the booth, declaring in loud voices that they wanted ten miles of tatting.	Он с важным видом направился в угол к группе устроительниц базара, а Мелани и Скарлетт повернулись друг к другу, горя желанием обсудить таинственный сюрприз, но в эту минуту двое почтенных господ подошли к киоску, громко требуя, чтобы им отпустили миль десять плетеного кружева.

Well, after all, old gentlemen were better than no gentlemen at all, thought Scarlett, measuring out the tatting and submitting demurely to being chucked under the chin.	"Ладно, пусть хоть эти старички. Все лучше, чем совсем никого", - подумала Скарлетт, отмеряя кружево и стыдливо позволяя потрепать себя по подбородку.
The old blades charged off toward the lemonade booth and others took their places at the counter.	Старые жуиры, получив товар, направились затем к киоску с лимонадом; и их место заняли другие покупатели.

Their booth did not have so many customers as did the other booths where the tootling laugh of Maybelle Merriwether sounded and Fanny Elsing's giggles and the Whiting girls' repartee made merriment.	Киоск Мелани и Скарлетт не пользовался таким успехом, как другие киоски, откуда доносился заливистый смех Мейбелл Мерриуэзер, хихиканье Фэнни Элсинг и задорные голоса барышень Уайтинг, бойко отвечавших на шутки покупателей.
Melly sold useless stuff to men who could have no possible use for it as quietly and serenely as a shopkeeper, and Scarlett patterned her conduct on Melly's.	Мелани серьезно и невозмутимо, как заправская хозяйка магазина, отпускала клиентам явно ненужный им товар, и Скарлетт старалась ей подражать.

There were crowds in front of every other counter but theirs, girls chattering, men buying.	Перед другими киосками толпилась куча народа: девушки весело щебетали, мужчины делали покупки.

The few who came to them talked about how they went to the university with Ashley and what a fine soldier he was or spoke in respectful tones of Charles and how great a loss to Atlanta his death had been.	Те же немногие покупатели, что подходили к киоску Мелани и Скарлетт, по большей части вспоминали, как кто-то из них учился с Эшли в университете, или говорили о том, каким он теперь показал себя храбрым воином, или почтительным тоном заявляли, что город понес в лице Чарльза тяжелую утрату.

Then the music broke into the rollicking strains of	А потом с подмостков вдруг полились удалые звуки весе-лой песенки
"Johnny Booker, he'p dis Nigger!" and Scarlett thought she would scream.	"А ну-ка, Джонни Букер", и Скарлетт чуть не взвизгнула от злости.
She wanted to dance.	Ей хотелось танцевать.
She wanted to dance.	Танцевать!

She looked across the floor and tapped her foot to the music and her green eyes blazed so eagerly that they fairly snapped.	Она смотрела в зал, посту- кивая в такт ножкой об пол, зеленые глаза ее сверкали.

All the way across the floor, a man, newly come and standing in the doorway, saw them, started in recognition and watched closely the slanting eyes in the sulky, rebellious face. Then he grinned to himself as he recognized the invitation that any male could read.	Какой-то человек, вступив в зал, приостановился в дверях, перехватил ее взгляд, всмотрелся пристальнее - явно заинтересованный - в чуть раскосые мятежные глаза на угрюмом, злом лице и усмехнулся про себя, прочтя в них понятный каждому мужчине призыв.

He was dressed in black broadcloth, a tall man, towering over the officers who stood near him, bulky in the shoulders but tapering to a small waist and absurdly small feet in varnished boots.	Он был высок, на голову выше стоявших рядом офицеров - широкоплечий, узкобедрый, с тонкой талией и до смешного миниатюрными ногами в отлично начищенных ботинках.

His severe black suit, with fine ruffled shirt and trousers smartly strapped beneath high insteps, was oddly at variance with his physique and face, for he was foppishly groomed, the clothes of a dandy on a body that was powerful and latently dangerous in its lazy grace.	Строгий черный костюм, тонкая гофрированная сорочка и брюки со штрипками, элегантно открывавшие высокий подъем стопы, находились в странном контрасте с мощным торсом и фатоватым холеным лицом. Костюм денди на теле атлета, недюжинная дремлющая сила, таящая в себе опасность, и небрежная грация движений.

His hair was jet black, and his black mustache was small and closely clipped, almost foreign looking compared with the dashing, swooping mustaches of the cavalrymen near by.	Иссиня-черные волосы. Тоненькие черные усики, в соседстве с пышными, свисающими до подбородка усами стоявших рядом кавалерийских офицеров, делали его похожим на европейца.
He looked, and was, a man of lusty and unashamed appetites.	Лицо человека, наделенного отменным здоровьем и таким же аппетитом, откровенно жадного до всех жизненных утех.

He had an air of utter assurance, of displeasing insolence about him, and there was a twinkle of malice in his bold eyes as he stared at Scarlett, until finally, feeling his gaze, she looked toward him.	Человека, неколебимо уверенного в себе и беззастенчиво пренебрежительного к другим. Он глядел на Скарлетт с нагловато-насмешливым огоньком в глазах, и, почувствовав на себе его взгляд, она повернулась в его сторону.
Somewhere in her mind, the bell of recognition rang, but for the moment she could not recall who he was.	Она не сразу узнала этого господина, хотя отзвук какого-то неясного воспоминания прошелестел в ее мозгу.

But he was the first man in months who had displayed an interest in her, and she threw him a gay smile.	Однако это был единственный мужчина, впервые за много месяцев явно проявивший к ней интерес, и она улыбнулась ему.
She made a little curtsy as he bowed, and then, as he straightened and started toward her with a peculiarly lithe Indian-like gait, her hand went to her mouth in horror, for she knew who he was.	Он поклонился, она слегка присела, но когда он мягкой, какой-то кошачьей походкой направился к ней, она узнала его и в смятении прижала руку к губам.
Thunderstruck, she stood as if paralyzed while he made his way through the crowd.	Она стояла оцепенев и смотрела, как он пробирался к ней сквозь толпу.

Then she turned blindly, bent on flight into the refreshment rooms, but her skirt caught on a nail of the booth.	Потом повернулась, безотчетно стремясь скрыться в комнаты для отдыха, но ее подол зацепился за какой-то гвоздь.
She jerked furiously at it, tearing it and, in an instant, he was beside her.	Она яростно дернула и порвала юбку, и в ту же секунду он оказался рядом с ней.
"Permit me," he said bending over and disentangling the flounce.	- Разрешите мне, - сказал он, наклонился и отцепил порванную оборку.
"I hardly hoped that you would recall me, Miss O'Hara."	- А я и не надеялся, что вы узнаете меня, мисс О'Хара.

His voice was oddly pleasant to the ear, the well-modulated voice of a gentleman, resonant and overlaid with the flat slow drawl of the Charlestonian.	Ей показалось странным, что у него такой приятный, хорошо модулированный голос человека из общества, с певучим Чарльстонским выговором.
She looked up at him imploringly, her face crimson with the shame of their last meeting, and met two of the blackest eyes she had ever seen, dancing in merciless merriment.	Зардевшись от смущения, она с мольбой подняла на него глаза, ибо их последнее свидание теперь отчетливо воскресло в ее памяти, и встретила откровенно веселый и безжалостный взгляд угольно-черных, как ей показалось, глаз.

Of all the people in the world to turn up here, this terrible person who had witnessed that scene with Ashley which still gave her nightmares; this odious wretch who ruined girls and was not received by nice people; this despicable man who had said, and with good cause, that she was not a lady.	Каким ветром принесло его сюда, этого ужасного человека, ставшего свидетелем ее объяснения с Эшли, которое и сейчас порой возвращалось к ней в ночных кошмарах? Почему он должен был оказаться здесь - этот гнусный негодяй, этот обольститель, которого в порядочных домах не пускают на порог! Этот презренный человек, посмевший заявить - и, увы, не без основания, -что она не леди.
At the sound of his voice, Melanie turned and for the first time in her life Scarlett thanked God for the existence of her sisterin-law.	При звуках его голоса Мелани обернулась, и впервые в жизни Скарлетт возблагодарила всевышнего за то, что у нее есть золовка.

"Why-it's-it's Mr. Rhett Butler, isn't it?" said Melanie with a little smile, putting out her hand.	- Вы, кажется, мистер Ретт Батлер, не так ли? -сказала Мелани, улыбаясь и протягивая ему руку.
"I met you-"	- Мы с вами встречались...
"On the happy occasion of the announcement of your betrothal," he finished, bending over her hand.	- При самых счастливых обстоятельствах: когда была объявлена ваша помолвка, - подтвердил он, склоняясь к ее руке.
"It is kind of you to recall me."	- Вы очень добры, я не ждал, что вы меня вспомните.

"And what are you doing so far from Charleston, Mr. Butler?"	- А что привело вас сюда, в такую даль, мистер Батлер? Ведь вы были в Чарльстоне?

"A boring matter of business, Mrs. Wilkes.	- Скучные деловые обязанности, миссис Уилкс.
I will be in and out of your town from now on.	Мне теперь придется частенько наведываться в ваш город.
I find I must not only bring in goods but see to the disposal of them."	Я подумал, что помимо ввоза товаров мне следует еще заняться их сбытом.
"Bring in-" began Melly, her brow wrinkling, and then she broke into a delighted smile.	- Помимо ввоза?.. - повторила Мелли, наморщив лоб, и тут же расцвела улыбкой.

"Why, you-you must be the famous Captain Butler we've been hearing so much about-the blockade runner.	- Так вы... Ну конечно же, вы знаменитый капитан Батлер, не раз прорывавший блокаду! Мы много слышали о вас.
Why, every girl here is wearing dresses you brought in.	Ведь каждая девушка в нашем городе носит платья, попавшие сюда благодаря вам.
Scarlett, aren't you thrilled-what's the matter, dear?	Скарлетт, подумай, какая встреча!.. Что с тобой, дорогая?
Are you faint?	Тебе дурно?
Do sit down."	Сядь, скорее сядь!

Scarlett sank to the stool, her breath coming so rapidly she feared the lacings of her stays would burst.	Скарлетт, тяжело дыша, опустилась на стул; ей казалось, что шнуровка ее корсета вот-вот лопнет.
Oh, what a terrible thing to happen!	Боже, какой ужас!
She had never thought to meet this man again.	Она никогда не думала, что может снова встретиться с этим человеком.

He picked up her black fan from the counter and began fanning her solicitously, too solicitously, his face grave but his eyes still dancing.	Взяв ее черный веер с прилавка, он принялся заботливо - о, чрезмерно, подчеркнуто заботливо -обмахивать ее. Лицо его было серьезно, но в глазах все еще плясали насмешливые искорки.
"It is quite warm in here," he said.	- По-моему, здесь слишком душно, - сказал он.
"No wonder Miss O'Hara is faint.	- Не удивительно, что мисс О'Хара стало дурно.
May I lead you to a window?"	Разрешите мне проводить вас к окну?
"No," said Scarlett, so rudely that Melly stared.	- Не надо! - Ответ Скарлетт прозвучал так резко, что Мелани с удивлением на нее поглядела.

"She is not Miss O'Hara any longer," said Melly.	- Эта дама теперь уже не мисс О'Хара, а миссис Гамильтон.
"She is Mrs. Hamilton. She is my sister now," and Melly bestowed one of her fond little glances on her.	Она стала моей сестрой, - сказала Мелани, мельком одарив Скарлетт нежным взглядом.
Scarlett felt that she would strangle at the expression on Captain Butler's swarthy piratical face.	Скарлетт казалось, что она сейчас задохнется, в такое бешенство привело ее выражение смуглого пиратского лица этого капитана-контрабандиста Батлера.

"I am sure that is a great gain to two charming ladies," said he, making a slight bow.	- К обоюдному, я убежден, счастью обеих прелестных дам, - сказал капитан Батлер с легким поклоном.
That was the kind of remark all men made, but when he said it it seemed to her that he meant just the opposite.	Это был обычный подобающий случаю комплимент, но Скарлетт почудилось, что он вложил в него прямо противоположный смысл.
"Your husbands are here tonight, I trust, on this happy occasion?	- Ваши супруги, я надеюсь, присутствуют на этом праздничном торжестве?
It would be a pleasure to renew acquaintances."	Я был бы счастлив возобновить наше знакомство.

"My husband is in Virginia," said Melly with a proud lift of her head.	- Мой муж сейчас в Виргинии, - сказала Мелани, гордо вскинув голову.
"But Charles-" Her voice broke.	- А Чарльз... - Голос ее дрогнул, и она не договорила.
"He died in camp," said Scarlett flatly.	- Он умер в лагере, - жестко произнесла Скарлетт.
She almost snapped the words.	Словно отрубила.
Would this creature never go away?	Когда этот субъект оставит их в покое?
Melly looked at her, startled, and the Captain made a gesture of self-reproach.	Мелани снова с удивлением на нее поглядела, а капитан Батлер жестом выразил свое раскаяние на необдуманный вопрос.

"My dear ladies-how could I!	- Милые дамы... как я неловок!
You must forgive me.	Прошу простить мою бестактность.
But permit a stranger to offer the comfort of saying that to die for one's country is to live forever."	Я человек пришлый, но позвольте мне выразить уверенность, что тот, кто пал за родину, будет жить вечно, и это должно служить вам утешением.
Melanie smiled at him through sparkling tears while Scarlett felt the fox of wrath and impotent hate gnaw at her vitals.	Мелани улыбнулась ему сквозь слезы, а Скарлетт чувствовала, как гнев и бессильная ярость шевелятся в ее груди, когтя ее, словно хищный зверь.

Again he had made a graceful remark, the kind of compliment any gentleman would pay under such circumstances, but he did not mean a word of it.	Снова он, как подобает джентльмену, произнес вежливые слова соболезнования, но сам не верил в них ни на грош.
He was jeering at her.	Этот человек издевается над ней.
He knew she hadn't loved Charles.	Он знает, что она не любила Чарльза.
And Melly was just a big enough fool not to see through him.	А Мелани, конечно, слишком глупа, чтобы прочесть его истинные мысли.
Oh, please God, don't let anybody else see through him, she thought with a start of terror.	"О господи, лишь бы еще кто-нибудь не сумел их прочесть!" - внезапно подумала она с ужасом.

Would he tell what he knew?	А что, если он расскажет о том, чему был свидетелем?
Of course he wasn't a gentleman and there was no telling what men would do when they weren't gentlemen.	Как можно знать, на что способен человек, если он не джентльмен?

There was no standard to judge them by.	Какой меркой его мерить?

She looked up at him and saw that his mouth was pulled down at the corners in mock sympathy, even while he swished the fan.	Она подняла на него глаза. Он продолжал обмахивать ее веером, но она уловила насмешливо-сочувственную улыбку в углах его рта.
Something in his look challenged her spirit and brought her strength back in a surge of dislike.	И что-то еще в его взгляде придало ей мужества, усилив неприязнь к нему.
Abruptly she snatched the fan from his hand.	Она вырвала веер у него из рук.

"I'm quite all right," she said tartly.	- Я прекрасно себя чувствую, - сказала она резко.
"There's no need to blow my hair out of place."	- Совершенно не обязательно портить мне прическу.
"Scarlett, darling!	- Скарлетт, дорогая!
Captain Butler, you must forgive her.	Капитан Батлер, вы не должны обижаться на нее.

She-she isn't herself when she hears poor Charlie's name spoken- and perhaps, after all, we shouldn't have come here tonight.	Она... она всегда так - сама не своя, когда при ней упоминают имя нашего бедного Чарльза... И вероятно, нам все же не следовало сегодня приходить сюда.
We're still in mourning, you see, and it's quite a strain on her- all this gaiety and music, poor child."	Вы видите, мы еще в трауре, и все это веселье, эта музыка слишком тяжкое испытание для бедной малютки.

"I quite understand," he said with elaborate gravity, but as he turned and gave Melanie a searching look that went to the bottom of her sweet worried eyes, his expression changed, reluctant respect and gentleness coming over his dark face.	- О, я понимаю, - проговорил он с подчеркнутой серьезностью. Повернувшись к Мелани, он пристально поглядел на ее встревоженное лицо, встретил взгляд ее ясных глаз, и в чертах его смуглого лица произошла еле уловимая перемена: они смягчились, и невольное уважение промелькнуло в его взгляде.
"I think you're a courageous little lady, Mrs. Wilkes."	- Мне кажется, вы очень сильная духом женщина, миссис Уилкс.

"Not a word about me!" thought Scarlett indignantly, as Melly smiled in confusion and answered,	"А обо мне ни слова!" - раздраженно подумала Скарлетт. Мелани смущенно улыбнулась:
"Dear me, no, Captain Butler!	- Ну что вы, капитан Батлер!
The hospital committee just had to have us for this booth because at the last minute- A pillow case?	Просто комитет попросил нас обеих посидеть в киоске, потому что в последнюю минуту... Вам нужна наволочка для диванной подушки?
Here's a lovely one with a flag on it."	Вот очень красивая, с флагом.

She turned to three cavalrymen who appeared at her counter.	Она повернулась к трем кавалеристам, появившимся перед киоском.
For a moment, Melanie thought how nice Captain Butler was.	На секунду у нее мелькнула мысль, что этот капитан Батлер вполне приятный человек.

Then she wished that something more substantial than cheesecloth was between her skirt and the spittoon that stood just outside the booth, for the aim of the horsemen with amber streams of tobacco juice was not so unerring as with their long horse pistols.	Потом она пожалела, что между ее юбкой и стоявшей возле киоска плевательницей нет другой более основательной преграды, кроме драпировки из кисеи, ибо янтарно-желтые комочки кавалерийской табачной жвачки далеко не так точно попадали в цель, как пули кавалерийских пистолетов.
Then she forgot about the Captain, Scarlett and the spittoons as more customers crowded to her.	Но она тут же забыла и про капитана Батлера, и про Скарлетт, и про плевательницу, увидев новых покупателей, столпившихся у киоска.

Scarlett sat quietly on the stool fanning herself, not daring to look up, wishing Captain Butler back on the deck of his ship where he belonged.	Скарлетт молча сидела на табурете, обмахиваясь веером и страстно желая, чтобы капитан Батлер поскорее возвратился туда, где ему положено быть, - на свой корабль.
"Your husband has been dead long?"	- Давно ли скончался ваш супруг?
"Oh, yes, a long time.	- Давно.
Almost a year."	Почти год назад.
"An aeon, I'm sure."	- И канул в Лету, думается мне.
Scarlett was not sure what an aeon was, but there was no mistaking the baiting quality of his voice, so she said nothing.	Не будучи уверена в том, что такое "Лета", но безошибочно чувствуя, что в этих словах скрыта насмешка, Скарлетт промолчала.

"Had you been married long?	- И долго вы были замужем?
Forgive my questions but I have been away from this section for so long."	Простите мой вопрос, но я давно не заглядывал в эти края.
"Two months," said Scarlett, unwillingly.	- Два месяца, - нехотя отвечала Скарлетт.
"A tragedy, no less," his easy voice continued.	- Как поистине трагично. - Он произнес это довольно небрежным тоном.
Oh, damn him, she thought violently.	"О, чтоб тебе пропасть", - в бешенстве подумала Скарлетт.
If he was any other man in the world I could simply freeze up and order him off.	Будь это кто-нибудь другой, она окинула бы его ледяным взглядом и попросила бы удалиться.

But he knows about Ashley and he knows I didn't love Charlie.	Но этот человек знал про нее и про Эшли и понимал, что она не любила Чарльза.
And my hands are tied.	Она была связана по рукам и ногам.
She said nothing, still looking down at her fan.	Она сидела молча, опустив глаза на свой веер.
"And this is your first social appearance?"	- И сегодня ваш первый выход в свет?
"I know it looks quite odd," she explained rapidly.	- Я понимаю, это выглядит странно, - поспешила объяснить Скарлетт.
"But the McLure girls who were to take this booth were called away and there was no one else, so Melanie and I-"	- Но барышням Маклюр, которые должны были сидеть в этом киоске, неожиданно пришлось уехать, и, кроме нас с Мелани, заменить их никто не мог, и...

"No sacrifice is too great for the Cause."	- Любую жертву не жалко принести во имя Правого Дела.

Why, that was what Mrs. Elsing had said, but when she said it it didn't sound the same way.	То же самое говорила и миссис Элсинг, только ее слова звучали как-то по-иному.
Hot words started to her lips but she choked them back.	Гневный ответ был у Скарлетт уже наготове, но она вовремя прикусила язык.
After all, she was here, not for the Cause, but because she was tired of sitting home.	В конце концов, она ведь здесь не ради "Правого Дела", а потому, что ей до смерти надоело сидеть дома.

"I have always thought," he said reflectively, "that the system of mourning, of immuring women in crepe for the rest of their lives and forbidding them normal enjoyment is just as barbarous as the Hindu suttee."	- Этот обычай - носить траур и замуровывать женщин до конца их дней в четырех стенах, лишая естественных жизненных радостей, -раздумчиво прогово-рил капитан Батлер, - всегда казался мне столь же варварским, как индийский риту-ал самосожжения.
"Settee?"	- Как индейский - что?
He laughed and she blushed for her ignorance.	Он рассмеялся, и она покраснела, поняв, что обнаружила свое невежество.
She hated people who used words unknown to her.	Как отвратительны люди, которые гово-рят о непонятном!

"In India, when a man dies he is burned, instead of buried, and his wife always climbs on the funeral pyre and is burned with him."	- В Индии, когда человек умирает, его не предают земле, а сжигают, и жена тоже восходит на погребальный костер и сгорает вместе с ним.
"How dreadful!	- Какой ужас!
Why do they do it?	Зачем они это делают?
Don't the police do anything about it?"	И неужели полиция не вмешивается?
"Of course not.	- Ну, разумеется, нет.
A wife who didn't burn herself would be a social outcast.	Вдова, не пожелавшая сжечь себя вместе с мужем, становится изгоем.

All the worthy Hindu matrons would talk about her for not behaving as a well-bred lady should-precisely as those worthy matrons in the corner would talk about you, should you appear tonight in a red dress and lead a reel.	Все почтенные индийские матроны станут говорить, что она не умеет вести себя как настоящая леди, - совершенно так же, как эти почтенные матроны вон там в углу сказали бы про вас, взбреди вам в голову появиться здесь сегодня в красном платье и пройтись в кадрили.
Personally, I think suttee much more merciful than our charming Southern custom of burying widows alive!"	Лично мне обряд самосожжения представляется более милосердным, чем обычаи нашего прекрасного Юга, требующие, чтобы вдова надела траур и погребла себя заживо.

"How dare you say I'm buried alive!"	- Как вы смеете! Я вовсе не считаю себя погребенной заживо!
"How closely women crutch the very chains that bind them!	- Поразительно, как женщины исступленно держатся за свои цепи!
You think the Hindu custom barbarous-but would you have had the courage to appear here tonight if the Confederacy hadn't needed you?"	Вы находите индийский обычай чудовищным? А хватило бы у вас смелости появиться сегодня здесь, если бы этого не потребовалось для нужд Конфедерации?

Arguments of this character were always confusing to Scarlett. His were doubly confusing because she had a vague idea there was truth in them.	Скарлетт никогда не была большой мастерицей вести такого рода споры, а на этот раз и вовсе смешалась, ибо не могла не признать в душе правоты своего собеседника.
But now was the time to squelch him.	Но пора все же дать ему от-пор.
"Of course, I wouldn't have come.	- Ну разумеется, я никогда бы этого не сделала.

It would have been-well, disrespectful to-it would have seemed as if I hadn't lov-"	Это было бы проявлением неуважения к... к памяти... Могло бы показаться, что я не лю...
His eyes waited on her words, cynical amusement in them, and she could not go on.	Чувствуя на себе его веселый, откровенно насмешливый взгляд, она умолкла.
He knew she hadn't loved Charlie and he wouldn't let her pretend to the nice polite sentiments that she should express.	Он ведь знает, что она не любила Чарльза, и не станет снисходительно-вежливо выслушивать ее приличествующие случаю притворно-скорбные излияния.

What a terrible, terrible thing it was to have to do with a man who wasn't a gentleman.	Это невыносимо, невыносимо иметь дело с человеком, который не умеет быть джентльменом!
A gentleman always appeared to believe a lady even when he knew she was lying.	Джентльмен всегда делает вид, что верит даме, даже если он знает, что она говорит неправду.
That was Southern chivalry.	Такое рыцарство у южан в крови.

A gentleman always obeyed the rules and said the correct things and made life easier for a lady.	Джентльмен всегда ведет себя как воспитанный человек, говорит то, чего требуют правила хорошего тона, и старается облегчить даме жизнь.
But this man seemed not to care for rules and evidently enjoyed talking of things no one ever talked about.	А для этого субъекта, как видно, никакой закон не писан, и ему явно доставляет удовольствие говорить о таких вещах, касаться которых не положено.
"I am waiting breathlessly."	- Я внимаю вам, затаив дыхание.

"I think you are horrid," she said, helplessly, dropping her eyes.	- Вы ужасный человек, - беспомощно сказала она и опустила глаза.
He leaned down across the counter until his mouth was near her ear and hissed, in a very creditable imitation of the stage villains who appeared infrequently at the Athenaeum Hall:	Он наклонился над прилавком и, забавно имитируя театральный шепот какого-нибудь злодея с подмостков
"Fear not, fair lady!	"Атенеум-Холла", зловеще прошипел ей в ухо:

Your guilty secret is safe with me!"	- Не бойтесь ничего, прекрасная госпожа!
"Oh," she whispered, feverishly, "how can you say such things!"	Вашу ужасную тайну я унесу с собой в могилу!
"I only thought to ease your mind.	- Господи! - испуганно прошептала она в ответ.
What would you have me say?	- Как вы можете говорить такие вещи!
'Be mine, beautiful female, or I will reveal all?'"	- Мне просто хотелось снять тяжесть с вашей души. Или вы ожидали, что я скажу: "Стань моей, красавица, не то я открою все!"

She met his eyes unwillingly and saw they were as teasing as a small boy's. Suddenly she laughed.	Она невольно подняла на него глаза, увидела, что он получает прямо-таки мальчишеское удовольствие, дразня ее, и неожиданно для себя рассмеялась.
It was such a silly situation, after all.	Как в самом деле все это глупо, в конце-то концов!
He laughed too, and so loudly that several of the chaperons in the corner looked their way.	Батлер рассмеялся тоже, итак громко, что кое-кто из матрон, сидевших в углу, поглядел в их сторону.

Observing how good a time Charles Hamilton's widow appeared to be having with a perfect stranger, they put their heads together disapprovingly.	Заметив, что вдова Чарльза Гамильтона отнюдь, по-видимому, ее скучает в обществе какого-то незнакомца, они осуждающе переглянулись и склонили головы еще ближе друг к другу.
There was a roll of drums and many voices cried "Sh!" as Dr. Meade mounted the platform and spread out his arms for quiet.	По залу прокатилась барабанная дробь, и все зашикали, увидя, что доктор появился на подмостках и поднял руку, требуя тишины.

"We must all give grateful thanks to the charming ladies whose indefatigable and patriotic efforts have made this bazaar not only a pecuniary success," he began, "but have transformed this rough hall into a bower of loveliness, a fit garden for the charming rosebuds I see about me."	- Мы должны от всего сердца поблагодарить наших прекрасных дам, чье патриотическое рвение и неустанный труд не только позволили этому благотворительному базару принести нам необходимые материальные средства, но и преобразили грубую казарму в очаровательный уголок, достойный принять под свой кров такой цветник прелестнейших дам, какой я перед собой вижу.
Everyone clapped approvingly.	Все одобрительно захлопали в ладоши.

"The ladies have given their best, not only of their time but of the labor of their hands, and these beautiful objects in the booths are doubly beautiful, made as they are by the fair hands of our charming Southern women."	- Наши дамы отдали нам не только свое время, но и свой труд, и очаровательные вещицы, которые вы находите в этих киосках, вдвойне очаровательны, поскольку они созданы прекрасными руками прекраснейших женщин нашего Юга.
There were more shouts of approval, and Rhett Butler who had been lounging negligently against the counter at Scarlett's side whispered:	Снова раздались аплодисменты и крики одобрения. Ретт Батлер, стоявший, небрежно облокотясь о прилавок, негромко сказал, обращаясь к Скарлетт:
"Pompous goat, isn't he?"	- Какой высокопарный козел, верно?

Startled, at first horrified, at this lese majesty toward Atlanta's most beloved citizen, she stared reprovingly at him.	- Скарлетт ужаснулась: такое святотатство по отношению к самому уважаемому гражданину Атланты! Она с укором взглянула на Батлера.
But the doctor did look like a goat with his gray chin whiskers wagging away at a great rate, and with difficulty she stifled a giggle.	Но доктор с его длинными седыми трясущимися бакенбардами был и впрямь похож на козла, и она с трудом подавила смешок.
"But these things are not enough.	- Однако это не все.

The good ladies of the hospital committee, whose cool hands have soothed many a suffering brow and brought back from the jaws of death our brave men wounded in the bravest of all Causes, know our needs.	Наши добрые дамы-попечительницы, принесшие облегчение стольким страждущим одним прикосновением своих прохладных рук к их пылающим лбам и вырвавшие из когтей смерти столько раненых в битвах за Права Юга, знают, каковы наши нужды.
I will not enumerate them.	Я не стану их перечислять.

We must have more money to buy medical supplies from England, and we have with us tonight the intrepid captain who has so successfully run the blockade for a year and who will run it again to bring us the drugs we need. Captain Rhett Butler!"	Нам нужны деньги, чтобы закупать медикаменты в Англии, и здесь среди нас находится сейчас неустрашимый флотоводец, не раз в течение целого года успешно прорывавший блокаду наших портов и готовый прорвать ее снова, дабы доставить потребные нам материалы, - капитан Ретт Батлер!

Though caught unawares, the blockader made a graceful bow-too graceful, thought Scarlett, trying to analyze it.	Застигнутый врасплох знаменитый контрабандист тем не менее отвесил элегантный поклон - не слишком ли нарочито элегантный, если вдуматься, промелькнуло у Скарлетт в уме.
It was almost as if he overdid his courtesy because his contempt for everybody present was so great.	Казалось, он был преувеличенно любезен, потому что слишком глубоко презирал всех собравшихся здесь.
There was a loud burst of applause as he bowed and a craning of necks from the ladies in the corner.	Раздались бурные аплодисменты, а дамы в углу, вытянув шеи, уставились на капитана.

So that was who poor Charles Hamilton's widow was carrying on with!	Так вот, оказывается, с кем кокетничает вдова Чарльза Гамильтона!
And Charlie hardly dead a year!	А ведь еще и года не прошло, как схоронили этого беднягу!
"We need more gold and I am asking you for it," the doctor continued.	- Нам нужно золото, и я обращаюсь с просьбой о пожертвовании, - продолжал доктор.

"I am asking a sacrifice but a sacrifice so small compared with the sacrifices our gallant men in gray are making that it will seem laughably small.	- Да, я прошу жертвы, но жертву ничтожно малой в сравнении с теми, какие приносят наши смельчаки в серых мундирах, даже, я бы сказал, смехотворно малой.
Ladies, I want your jewelry. I want your jewelry?	Я прошу вас, дамы, пожертвовать вашими драгоценностями.
No, the Confederacy wants your jewelry, the Confederacy calls for it and I know no one will hold back.	Я прошу? О нет, это просит Конфедерация, это Конфедерации нужны ваши драгоценности, и я уверен, что никто из вас не ответит ей отказом.

How fair a gem gleams on a lovely wrist!	Как красиво сверкают драгоценные камни на прелестных ваших запястьях!
How beautifully gold brooches glitter on the bosoms of our patriotic women!	Как изумительно хороши золотые броши на корсажах наших патриоток!
But how much more beautiful is sacrifice than all the gold and gems of the Ind.	Но все сокровища Индия померкнут перед ослепительной красотой вашей жертвы!

The gold will be melted and the stones sold and the money used to buy drugs and other medical supplies.	Золото пойдет в плавильню, а драгоценные камни - на продажу, и на вырученные деньги будут куплены лекарства и все необходимое для врачевания.

Ladies, there will pass among you two of our gallant wounded, with baskets and- " But the rest of his speech was lost in the storm and tumult of clapping hands and cheering voices.	Итак, уважаемые дамы, сейчас двое наших излечившихся от своих ран храбрецов обойдут вас с корзинками в руках и... - Буря аплодисментов и взволнованные восклицания заглушили его слова.
Scarlett's first thought was one of deep thankfulness that mourning forbade her wearing her precious earbobs and the heavy gold chain that had been Grandma Robillard's and the gold and black enameled bracelets and the garnet brooch.	С чувством глубокого облегчения Скарлетт прежде всего подумала о том, что вдовий наряд не позволил ей, слава тебе господи, надеть ни своих любимых золотых серег, ни тяжелой золотой цепи, полученной в подарок от бабушки Робийяр, ни золотых с черной эмалью браслетов, ни гранатовой броши.

She saw the little Zouave, a split-oak basket over his unwounded arm, making the rounds of the crowd on her side of the hall and saw women, old and young, laughing, eager, tugging at bracelets, squealing in pretended pain as earrings came from pierced flesh, helping each other undo stiff necklace clasps, unpinning brooches from bosoms.	Она смотрела, как маленький зуав с дубовым лукошком в здоровой руке обходит ту часть зала, где находится ее киоск, и как все женщины - и старые и молодые - весело, торопливо стягивают с рук браслеты, притворно взвизгивают от боли, вынимая серьги из ушей, и помогают друг другу разъять тугие замочки драгоценных колье или открепить от корсажа брошь.
There was a steady little clink-clink of metal on metal and cries of	Позвякивание металла, возгласы:

"Wait-wait!	"Постойте, постойте!
I've got it unfastened now.	Вот!
There!"	Я уже отцепила!"
Maybelle Merriwether was pulling off her lovely twin bracelets from above and below her elbows.	Мейбелл Мерриуэзер стягивала с рук парные браслеты, обхватывающие тонкие запястья и руки выше локтей.
Fanny Elsing, crying	Фэнни Элсинг, воскликнув:
"Mamma, may I?" was tearing from her curls the seed-pearl ornament set in heavy gold which had been in the family for generations.	"Мама, позволь мне!", снимала с головы золотую, обсыпанную мелким жемчугом диадему -фамильную драгоценность, передававшуюся из поколения в поколение.

As each offering went into the basket, there was applause and cheering.	И всякий раз, как новое пожертвование падало в лукошко, раздавались восторженные возгласы и аплодисменты.
The grinning little man was coming to their booth now, his basket heavy on his arm, and as he passed Rhett Butler a handsome gold cigar case was thrown carelessly into the basket.	Маленький зуав, улыбаясь, приближался теперь к их киоску; висевшее на локте лукошко уже оттягивало ему руку, и когда он проходил мимо Ретта Батлера, в лукошко небрежным жестом был брошен тяжелый золотой портсигар.
When he came to Scarlett and rested his basket upon the counter, she shook her head throwing wide her hands to show that she had nothing to give.	Зуав поставил лукошко на прилавок, и Скарлетт беспомощно развела руками в знак того, что у нее ничего нет.

It was embarrassing to be the only person present who was giving nothing.	Она была сконфужена, оказавшись единственной женщиной, которой нечего было пожертвовать.
And then she saw the bright gleam of her wide gold wedding ring.	И тут блеск массивного обручального кольца приковал к себе ее взгляд.
For a confused moment she tried to remember Charles' face-how he had looked when he slipped it on her finger.	На какой-то миг в памяти всплыл образ Чарльза -смутно вспомнилось, какое у него было лицо, когда он надевал кольцо ей на палец.

But the memory was blurred, blurred by the sudden feeling of irritation that memory of him always brought to her.	Но воспоминание это тотчас потускнело, разрушенное мгновенно вспыхнувшим чувством раздражения - постоянным спутником всех ее воспоминаний о Чарльзе.
Charles-he was the reason why life was over for her, why she was an old woman.	Ведь кто, как не он, был повинен в том, что жизнь для нее кончена, что ее раньше времени считают старухой.
With a sudden wrench she seized the ring but it stuck.	Она резко рванула кольцо с пальца. Но оно не поддавалось.
The Zouave was moving toward Melanie.	Зуав уже повернулся к Мелани.
"Wait!" cried Scarlett.	- Постойте! - вскричала Скарлетт.

"I have something for you!" The ring came off and, as she started to throw it into the basket, heaped up with chains, watches, rings, pins and bracelets, she caught Rhett Butler's eye.	- У меня что-то есть для вас, - Кольцо наконец соскользнуло с пальца и, обернувшись, чтобы бросить его в лукошко, полное колец, браслетов, часов, цепочек и булавок для галстуков, она почувствовала на себе взгляд Ретта Батлера.
His lips were twisted in a slight smile.	Легкая усмешка тронула его губы.
Defiantly, she tossed the ring onto the top of the pile.	С вызовом отвечая на его взгляд, она бросила кольцо поверх груды драгоценностей.
"Oh, my darling!" whispered Molly, clutching her arm, her eyes blazing with love and pride.	- О, моя дорогая! - прошептала Мелани, сжимая ее руку. Глаза ее сияли гордостью и любовью.

"You brave, brave girl!	- Моя маленькая, мужественная девочка!
Wait-please, wait, Lieutenant Picard!	Пожалуйста, обождите, лейтенант Пикар!
I have something for you, too!"	У меня тоже найдется кое-что для вас!
She was tugging at her own wedding ring, the ring Scarlett knew had never once left that finger since Ashley put it there.	Она старалась снять обручальное кольцо, с которым не расставалась ни разу с той минуты, как Эшли надел ей это кольцо на палец.
Scarlett knew, as no one did, how much it meant to her.	Скарлетт лучше других знала, как оно ей дорого.
It came off with difficulty and for a brief instant was clutched tightly in the small palm.	Кольцо снялось с трудом, и на какое-то мгновение она зажала его в своей маленькой ладони.

Then it was laid gently on the pile of jewelry.	А потом тихонько опустила в корзину.
The two girls stood looking after the Zouave who was moving toward the group of elderly ladies in the corner, Scarlett defiant, Melanie with a look more pitiful than tears.	Зуав направился к матронам, сидевшим в углу, а Скарлетт и Мелани, стоя плечом к плечу, глядели ему вслед: Скарлетт - вызывающе откинув голову, Мелани - с тоской, более пронзительной, чем слезы.

And neither expression was lost on the man who stood beside them.	И ни то, ни другое не укрылось от человека, стоявшего рядом.

"If you hadn't been brave enough to do it, I would never have been either," said Melly, putting her arm about Scarlett's waist and giving her a gentle squeeze.	- Если бы ты не отважилась на это, я без тебя и подавно никогда бы не смогла, - сказала Мелани, обнимая Скарлетт за талию и нежно прижимая к себе.
For a moment Scarlett wanted to shake her off and cry	Скарлетт хотелось оттолкнуть ее, закричать -грубо, совсем как Джеральд, когда его допекали:
"Name of God!" at the top of her lungs, as Gerald did when he was irritated, but she caught Rhett Butler's eye and managed a very sour smile.	"Отвяжись от меня!", но капитан Батлер смотрел на них, и она только кисло улыбнулась в ответ.

It was annoying the way Melly always misconstrued her motives-but perhaps that was far preferable to having her suspect the truth.	Это было просто невыносимо - Мелли всегда все понимает шиворот-навыворот! Впрочем, пожалуй, было бы хуже, умей она читать ее истинные мысли.
"What a beautiful gesture," said Rhett Butler, softly.	- Какой прекрасный жест, - негромко произнес капитан Батлер.
"It is such sacrifices as yours that hearten our brave lads in gray."	- Такие жертвы вливают мужество в сердца наших храбрых воинов в серых мундирах.
Hot words bubbled to her lips and it was with difficulty that she checked them.	Резкие слова готовы были сорваться с губ Скарлетт - ей стоило немалого труда сдержать их.
There was mockery in everything he said.	Во всем, что бы он ни говорил, звучала насмешка.

She disliked him heartily, lounging there against the booth.	Она испытывала острую ненависть к этому человеку, стоявшему возле киоска, небрежно облокотившись о прилавок.
But there was something stimulating about him, something warm and vital and electric.	И вместе с тем от него исходила какая-то сила. Она ощущала его присутствие как нечто осязаемо-живое, горячее, грозное.
All that was Irish in her rose to the challenge of his black eyes.	И ее ирландская кровь закипала в жилах, когда она читала вызов в его глазах.
She decided she was going to take this man down a notch or two.	Нет, она должна, чего бы это ни стоило, сбить с него спесь.

His knowledge of her secret gave him an advantage over her that was exasperating, so she would have to change that by putting him at a disadvantage somehow.	Он пользовался своим преимуществом перед ней, потому что знал ее тайну, и это было невыносимо. Значит, надо найти способ как-то в чем-то восторжествовать над ним.
She stifled her impulse to tell him exactly what she thought of him.	Она подавила в себе желание бросить ему в лицо все, что она о нем думает.
Sugar always caught more flies than vinegar, as Mammy often said, and she was going to catch and subdue this fly, so he could never again have her at his mercy.	Как говаривала Мамушка, мухи слетаются на сахар, а не на уксус. Она поймает эту вредную муху, она ее наколет на булавку. И тогда уже не она, а он будет в ее власти.

"Thank you," she said sweetly, deliberately misunderstanding his jibe. "A compliment like that coming from so famous a man as Captain Butler is appreciated."	- Благодарю за комплимент, - сказала она и очаровательно улыбнулась, делая вид, что не заметила скрытой в его словах насмешки, - и вдвойне приятно услышать его от такого прославленного человека, как капитан Батлер.

He threw back his head and laughed freely-yelped, was what Scarlett thought fiercely, her face becoming pink again.	Он закинул голову и расхохотался. Прямотаки загоготал, со злостью подумала Скарлетт, заливаясь краской.

"Why don't you say what you really think?" he demanded, lowering his voice so that in the clatter and excitement of the collection, it came only to her ears.	- Почему вы не говорите прямо того, что думаете?- спросил он, понизив голос настолько, чтобы среди всеобщего шума и веселья никто, кроме нее, не мог его услышать.
"Why don't you say I'm a damned rascal and no gentleman and that I must take myself off or you'll have one of these gallant boys in gray call me out?"	- Почему не сказать мне в глаза, что я негодяй, не умею вести себя как подобает джентльмену и должен немедленно убираться отсюда, и не то вы прикажете кому-нибудь из этих мальчиков в серых мундирах вызвать меня на дуэль?
It was on the tip of her tongue to answer tartly, but she managed by heroic control to say:	Ей хотелось ответить ему какой-нибудь колкостью, но, сделав над собой героическое усилие, она сказала:

"Why, Captain Butler!	- Что с вами, капитан Батлер?
How you do run on!	Что это вам взбрело в голову?
As if everybody didn't know how famous you are and how brave and what a-what a-	Всем же известно, какую вы себе снискали славу своей храбростью, своей... своей...
"I am disappointed in you," he said.	- Вы меня разочаровали, - сказал он.
"Disappointed?"	- Разочаровала?
"Yes.	- Конечно.
On the occasion of our first eventful meeting I thought to myself that I had at last met a girl who was not only beautiful but who had courage.	Во время нашей первой и столь знаменательной встречи я думал: вот девушка, наделенная помимо красоты еще и отвагой.

And now I see that you are only beautiful."	Теперь я вижу, что осталась только красота.
"Do you mean to call me a coward?"	- Вы хотите сказать, что я трусиха?
She was ruffling like a hen.	- Она сразу ощетинилась.
"Exactly. You lack the courage to say what you really think.	- Безусловно, у вас не хватает смелости признаться в том, что вы думаете.
When I first met you, I thought: There is a girl in a million.	Впервые увидев вас, я сказал себе: таких девушек - одна на миллион.

She isn't like these other silly little fools who believe everything their mammas tell them and act on it, no matter how they feel. And conceal all their feelings and desires and little heartbreaks behind a lot of sweet words.	Она совсем не похожа на этих маленьких дурочек, которые верят всему, что говорят их маменьки, и прячут свои желания и чувства, а порой и разбитые сердца под нагромождением пустопорожних учтивых слов.
I thought: Miss O'Hara is a girl of rare spirit.	Я подумал: мисс О'Хара - натура незаурядная.
She knows what she wants and she doesn't mind speaking her mind-or throwing vases."	Она знает чего хочет и не боится ни открыто об этом сказать, ни... швырнуть вазу.

"Oh," she said, rage breaking through. "Then I'll speak my mind right this minute.	- Так вот, - сказала она, давая волю своему гневу,- сейчас я действительно скажу все, что думаю.

If you'd had any raising at all you'd never have come over here and talked to me.	Будь вы хоть сколько-нибудь воспитанным человеком, вы бы не пришли сюда и не стали бы говорить со мной.
You'd have known I never wanted to lay eyes on you again!	Вам следовало бы понимать, что я не имею ни малейшего желания вас видеть!
But you aren't a gentleman!	Но вы не джентльмен!
You are just a nasty ill-bred creature!	Вы грубое, отвратительное животное!

And you think that because your rotten little boats can outrun the Yankees, you've the right to come here and jeer at men who are brave and women who are sacrificing everything for the Cause-"	И, пользуясь тем, что ваши паршивые суденышки как-то ухитряются обставлять в портах янки, вы, позволяете себе приходить сюда и издеваться над настоящими храбрыми мужчинами и над женщинами, которые готовы пожертвовать всем ради Правого Дела...
"Stop, stop-" he begged with a grin. "You started off very nicely and said what you thought, but don't begin talking to me about the Cause.	- Минутку, минутку, - широко ухмыляясь, прервал он ее, - вы начали прекрасно и в самом деле сказали то, что думаете, но умоляю, не говорите мне о Правом Деле.

I'm tired of hearing about it and I'll bet you are, too-"	Мне уже осточертело про это слушать, да и вам, ручаюсь, тоже.
"Why, how did-" she began, caught off her balance, and then checked herself hastily, boiling with anger at herself for falling into his trap.	- Да как вы можете... - горячо начала было она, но тут Же спохватилась, чувствуя, что он готовит ей ловушку.
"I stood there in the doorway before you saw me and I watched you," he said. "And I watched the other girls.	- Я долго стоял в дверях и наблюдал за вами, а вы меня не видели, - сказал он, - И за другими девушками тоже.
And they all looked as though their faces came out of one mold.	И у всех было одинаковое выражение лица, словно их отлили из одной формы.

Yours didn't.	А у вас - другое.
You have an easy face to read.	По вашему лицу можно читать, как по книге.
You didn't have your mind on your business and I'll wager you weren't thinking about our Cause or the hospital.	Вас совершенно не увлекало ваше сегодняшнее занятие, и могу поклясться, что ваши мысли были далеки и от Правого Дела, и от нужд госпиталя.
It was all over your face that you wanted to dance and have a good time and you couldn't.	У вас на лице было написано, что вам хочется развлекаться и танцевать, да вот нельзя.
So you were mad clean through.	И вас это бесит.
Tell the truth. Am I not right?"	Ну признайтесь, я прав?

"I have nothing more to say to you, Captain Butler," she said as formally as she could, trying to draw the rags of her dignity about her.	- Я не желаю продолжать этот разговор, капитан Батлер. - сдержанно и сухо сказала она, отчаянно стараясь вновь обрести чувство собственного достоинства.
"Just because you're conceited at being the 'great blockader' doesn't give you the right to insult women."	- Как бы много ни возомнили вы о себе, став "знаменитым контрабандистом", это еще не дает вам права оскорблять дам.
"The great blockader!	- "Знаменитым контрабандистом"?
That's a joke.	Да вы шутите!

Pray give me only one moment more of your precious time before you cast me into darkness.	Прошу, уделите мне еще минуту вашего бесценного внимания, прежде чем я кану для вас в небытие.
I wouldn't want so charming a little patriot to be left under a misapprehension about my contribution to the Confederate Cause."	Я не хочу, чтобы столь очаровательная юная патриотка оставалась в заблуждении относительно моего истинного вклада в дело Конфедерации.
"I don't care to listen to your brags."	- Мне неинтересно слушать ваше бахвальство.
"Blockading is a business with me and I'm making money out of it.	- Контрабанда для меня просто промысел - я делаю на этом деньги.

When I stop making money out of it, I'll quit.	Как только это занятие перестанет приносить доход, я его брошу.
What do you think of that?"	Ну, что вы теперь скажете?
"I think you're a mercenary rascal-just like the Yankees."	- Что вы низкий, корыстный человек - не лучше янки.
"Exactly," he grinned.	- Абсолютно правильно.
"And the Yankees help me make my money.	- Он усмехнулся, - И кстати, янки помогают мне делать деньги.
Why, last month I sailed my boat right into New York harbor and took on a cargo."	Не далее как в прошлом месяце я пригнал свой корабль прямо в нью-йоркскую гавань и взял там груз.

"What!" cried Scarlett, interested and excited in spite of herself.	- Как? - воскликнула Скарлетт, невольно загоревшись интересом.
"Didn't they shell you?"	- И они не обстреляли ваш корабль?
"My poor innocent!	- О, святая наивность!
Of course not.	Разумеется, нет.
There are plenty of sturdy Union patriots who are not averse to picking up money selling goods to the Confederacy.	Среди северян тоже немало несгибаемых патриотов, которые не прочь заработать, сбывая товар конфедератам.
I run my boat into New York, buy from Yankee firms, sub rosa, of course, and away I go.	Я завожу свой корабль в нью-йоркскую гавань, закупаю у торговых фирм северян - шито-крыто, разумеется, - все, что мне требуется, подымаю паруса - и был таков.

And when that gets a bit dangerous, I go to Nassau where these same Union patriots have brought powder and shells and hoop skirts for me.	А когда это становится слишком опасным, я ухожу в Нассау, куда те же самые патриоты-северяне привозят для меня снаряды, порох и кринолины.
It's more convenient than going to England.	Это куда удобнее, чем плавать в Англию.
Sometimes it's a bit difficult running it into Charleston or Wilmington-but you'd be surprised how far a little gold goes."	Порой бывает несколько затруднительно проникнуть в чарльстонский или уилмингтонский порт, но вы изумитесь, если я вам скажу, в какие щели умеют проникать маленькие золотые кружочки.
"Oh, I knew Yankees were vile but I didn't know-"	- Конечно, я всегда знала, что янки мерзкие твари, но чтобы...

"Why quibble about the Yankees earning an honest penny selling out the Union?	- Стоит ли тратить словесный пыл на янки, которые честно набивают себе карман, продавая свой Союз Штатов?
It won't matter in a hundred years.	Это не будет иметь никакого значения в веках.
The result will be the same.	Все сведется к одному концу.
They know the Confederacy will be licked eventually, so why shouldn't they cash in on it?"	Янки знают, что Конфедерация рано или поздно будет стерта с лица земли, так почему бы им пока что не заработать себе на хлеб?
"Licked-us?"	- Стерта с лица земли? Конфедерация?
"Of course."	- Ну разумеется.

"Will you please leave me-or will it be necessary for me to call my carriage and go home to get rid of you?"	- Будьте столь любезны - освободите меня от вашего присутствия и не вынуждайте вызывать мой экипаж, дабы от вас избавиться!
"A red-hot little Rebel," he said, with another sudden grin. He bowed and sauntered off, leaving her with her bosom heaving with impotent rage and indignation.	- Какая пылкая маленькая мятежница! - с усмешкой проговорил он, поклонился и неспешно зашагал прочь, покинув ее в состоянии бессильной ярости и негодования.
There was disappointment burning in her that she could not quite analyze, the disappointment of a child seeing illusions crumble.	И к этому примешивался непонятный ей самой осадок разочарования - разочарования, как у обиженного ребенка, чьи детские мечты разлетелись в прах.

How dared he take the glamor from the blockaders!	Как смеет он так отзываться о тех, кто помогает прорывать блокаду!
And how dared he say the Confederacy would be licked!	И как посмел он сказать, что Конфедерацию сотрут с лица земли!
He should be shot for that-shot like a traitor.	Его следует расстрелять, расстрелять, как изменника!
She looked about the hall at the familiar faces, so assured of success, so brave, so devoted, and somehow a cold little chill set in at her heart.	Она обвела глазами зал, увидела знакомые лица -смелые, открытые, воодушевленные, уверенные в победе, и странный холодок вдруг закрался в ее сердце.
Licked?	Сотрут с лица земли?

These people-why, of course not!	И эти люди допустят? Да нет, конечно же, нет!
The very idea was impossible, disloyal.	Сама эта мысль была предательской и нелепой.
"What were you two whispering about?" asked Melanie, turning to Scarlett as her customers drifted off.	- О чем это вы шептались? - повернувшись к Скарлетт, спросила Мелани, когда покупатели ушли.
"I couldn't help seeing that Mrs. Merriwether had her eye on you all the time and, dear, you know how she talks."	- Миссис Мерриуэзер - я заметила - не сводила с тебя глаз, а ты ведь знаешь, дорогая, как она любит посудачить.
"Oh, the man's impossible- an ill-bred boor," said Scarlett.	- Этот человек совершенно невыносим - невоспитанная деревенщина, - сказала Скарлетт.

"And as for old lady Merriwether, let her talk.	- А старуха - Мерриуэзер - пускай себе судачит.

I'm sick of acting like a ninny, just for her benefit."	Мне надоело прикидываться дурочкой для ее удовольствия.
"Why, Scarlett!" cried Melanie, scandalized.	- Ну что ты, право, Скарлетт! - воскликнула чрезвычайно скандализованная Мелани.
"Sh-sh," said Scarlett.	- Тише, - сказала Скарлетт.
"Dr. Meade is going to make another announcement."	- Доктор Мид намерен сделать еще одно объявление.

The gathering quieted again as the doctor raised his voice, at first in thanks to the ladies who had so willingly given their jewelry.	Когда доктор заговорил, зал немного притих. Для начала доктор поблагодарил пожертвовавших драгоценности дам за щедрость.
"And now, ladies and gentlemen, I am going to propose a surprise-an innovation that may shock some of you, but I ask you to remember that all this is done for the hospital and for the benefit of our boys lying there."	- А теперь, дамы и господа, я хочу сделать вам сюрприз. Предложить нечто столь новое, что кого-то это может даже шокировать. Но я прошу вас не упускать из виду, что все здесь делается для наших госпиталей и для наших мальчиков, которые в них лежат.

Everyone edged forward, in anticipation, trying to imagine what the sedate doctor could propose that would be shocking.	Все начали придвигаться ближе, протискиваться вперед, стараясь отгадать, какой ошеломляющий сюрприз может преподнести им почтенный доктор.
"The dancing is about to begin and the first number will, of course, be a reel, followed by a waltz.	- Сейчас начнутся танцы - и, как всегда, разумеется, с кадрили, за которой последует вальс.
The dances following, the polkas, the schottisches, the mazurkas, will be preceded by short reels.	Все последующие танцы - полька, шотландский, мазурка - будут перемежаться короткими кадрилями.

I know the gentle rivalry to lead the reels very well and so-" The doctor mopped his brow and cast a quizzical glance at the corner, where his wife sat among the chaperons. "Gentlemen, if you wish to lead a reel with the lady of your choice, you must bargain for her.	Мне хорошо известен галантный обычай соперничества за право повести кадриль, а вот на сей раз... - Доктор вытер платком вспотевший лоб и хитро покосился в угол, где среди прочих матрон сидела и его жена - на сей раз, джентльмены, тому, кто хочет повести кадриль с дамой по своему выбору, придется за это платить.
I will be auctioneer and the proceeds will go to the hospital."	Аукцион буду проводить я сам, а все вырученные деньги пойдут на нужды госпиталей.
Fans stopped in mid-swish and a ripple of excited murmuring ran through the hall.	Веера застыли в воздухе, и по толпе пробежал взволнованный шепот.

The chaperons' corner was in tumult and Mrs. Meade, anxious to support her husband in an action of which she heartily disapproved, was at a disadvantage.	В углу среди матрон поднялась форменная суматоха. Миссис Мид, отнюдь не одобряя в душе действий своего супруга, тем не менее решительно взяла его сторону и оказалась в трудном положении.
Mrs. Elsing, Mrs. Merriwether and Mrs. Whiting were red with indignation.	Миссис Элсинг, миссис Мерриуэзер и миссис Уайтинг сидели пунцовые от негодования.

But suddenly the Home Guard gave a cheer and it was taken up by the other uniformed guests. The young girls clapped their hands and jumped excitedly.	Но тут солдаты внутреннего охранения внезапно разразились громкими криками одобрения, которые тотчас были подхвачены и другими гостями в военной форме, а тогда уж и молоденькие девушки начали радостно подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши.
"Don't you think it's-it's just-just a little like a slave auction?" whispered Melanie, staring uncertainly at the embattled doctor who heretofore had been perfect in her eyes.	- Тебе не кажется, что это немножко... немножко смахивает на... торговлю живым товаром? -прошептала Мелани, с сомнением глядя на воинственно ощетинившегося доктора, который, как ей всегда казалось, был безупречнейшим джентльменом.

Scarlett said nothing but her eyes glittered and her heart contracted with a little pain.	Скарлетт промолчала, но глаза ее блеснули, а сердце томительно сжалось.
If only she were not a widow.	Ах, если бы она не была в трауре!
If only she were Scarlett O'Hara again, out there on the floor in an apple- green dress with dark-green velvet ribbons dangling from her bosom and tuberoses in her black hair-she'd lead that reel.	О да, будь она прежней Скарлетт О'Хара в травянисто-зеленом платье с темно-зелеными бархатными лентами, свисавшими с корсажа, и туберозами в темных волосах, кто, как не она, открыл бы этот бал первой кадрилью?
Yes, indeed!	Да, конечно же, она!

There'd be a dozen men battling for her and paying over money to the doctor.	Не меньше дюжины мужчин повели бы из-за нее торг и принялись бы выкладывать деньги доктору.
Oh, to have to sit here, a wallflower against her will and see Fanny or Maybelle lead the first reel as the belle of Atlanta!	А вместо того сиди тут, подпирай стенку и смотри, как Фэнни или Мейбелл поведет большую кадриль, словно первая красавица Атланты!
Above the tumult sounded the voice of the little Zouave, his Creole accent very obvious:	Голос маленького зуава с резко выраженным креольским акцентом на мгновение перекрыл шум:
"Eef I may-twenty dollars for Mees Maybelle Merriwether."	- Если позволите, я плачу двадцать долларов и приглашаю мисс Мейбелл Мерриуэзер.

Maybelle collapsed with blushes against Fanny's shoulder and the two girls hid their faces in each other's necks and giggled, as other voices began calling other names, other amounts of money.	Мейбелл спрятала вспыхнувшее от смущения личико на плече Фэнни, и другие девушки, хихикая, начали прятаться друг за друга, в то время как новые мужские голоса начали выкрикивать новые имена и называть более крупные суммы денег.

Dr. Meade had begun to smile again, ignoring completely the indignant whispers that came from the Ladies' Hospital Committee in the corner.	Доктор Мид улыбнулся, полностью игнорируя возмущенный шепот, доносившийся из угла, где восседали дамы-попечительницы.

At first, Mrs. Merriwether had stated flatly and loudly that her Maybelle would never take part in such a proceeding; but as Maybelle's name was called most often and the amount went up to seventy-five dollars, her protests began to dwindle.	Поначалу миссис Мерриуэзер громко и решительно заявила, что ее Мейбелл не примет участия в этой затее. Но по мере того как имя Мейбелл стало звучать все чаще и чаще, а предложенная за нее сумма возросла до семидесяти пяти долларов, протесты почтенной дамы стали слабеть.

Scarlett leaned her elbows on the counter and almost glared at the excited laughing crowd surging about the platform, their hands full of Confederate paper money.	Скарлетт, облокотившись о прилавок, пожирала глазами возбужденную толпу, с пачками денег в руках окружившую подмостки.
Now, they would all dance-except her and the old ladies.	Ну вот, сейчас они все примутся танцевать - все, кроме нее и пожилых дам.
Now everyone would have a good time, except her.	Все будут веселиться, кроме нее.

She saw Rhett Butler standing just below the doctor and, before she could change the expression of her face, he saw her and one corner of his mouth went down and one eyebrow went up.	Она увидела Ретта Батлера, стоявшего внизу прямо перед доктором, и постаралась сделать вид, что все происходящее ей глубоко безразлично, но было уже поздно: один утолок губ Ретта насмешливо опустился вниз, а одна бровь выразительно поднялась вверх.
She jerked her chin up and turned away from him and suddenly she heard her own name called-called in an unmistakable Charleston voice that rang out above the hubbub of other names.	Скарлетт вздернула подбородок и, отвернувшись, внезапно услышала свое имя, произнесенное с характерным чарльстонским акцентом и так громко, что оно заглушило все другие выкрикиваемые имена:

"Mrs. Charles Hamilton- one hundred and fifty dollars-in gold."	- Миссис Чарльз Гамильтон - сто пятьдесят долларов золотом.
A sudden hush fell on the crowd both at the mention of the sum and at the name.	Когда прозвучало ее имя, а затем сумма, в зале воцарилась тишина.
Scarlett was so startled she could not even move. She remained sitting with her chin in her hands, her eyes wide with astonishment.	Скарлетт, как громом пораженная, сидела окаменев, расширенными от удивления глазами глядя в, зал.
Everybody turned to look at her.	Все взоры были обращены на нее.
She saw the doctor lean down from the platform and whisper something to Rhett Butler.	Она видела, как доктор, наклонившись с подмостков, что-то прошептал Ретту Батлеру.

Probably telling him she was in mourning and it was impossible for her to appear on the floor.	Вероятно, объяснял ему, что она в трауре и не может принять участия в танцах.
She saw Rhett's shoulders shrug lazily.	Но Ретт Батлер только пожал плечами.
"Another one of our belles, perhaps?" questioned the doctor.	- Может быть, вы выберете какую-нибудь другую из наших прекрасных дам? - спросил доктор.
"No," said Rhett clearly, his eyes sweeping the crowd carelessly.	- Нет, - отчетливо произнес Ретт, небрежно окидывая взглядом присутствующих.
"Mrs. Hamilton."	- Миссис Гамильтон.

"I tell you it is impossible," said the doctor testily.	- Говорю вам, это невозможно, - раздраженно сказал доктор.
"Mrs. Hamilton will not-"	- Миссис Гамильтон не согласится...
Scarlett heard a voice which, at first, she did not recognize as her own.	И тут Скарлетт услышала чей-то голос и не сразу поняла, что он принадлежит ей:
"Yes, I will!"	- Нет, я согласна!

She leaped to her feet, her heart hammering so wildly she feared she could not stand, hammering with the thrill of being the center of attention again, of being the most highly desired girl present and oh, best of all, at the prospect of dancing again.	Она вскочила на ноги. От волнения, от радости, что она снова в центре внимания, снова признанная королева бала, самая привлекательная из всех, а главное - от предвкушения танцев, -сердце у нее бешено колотилось, и ей казалось -она вот-вот упадет.
"Oh, I don't care! I don't care what they say!" she whispered, as a sweet madness swept over her.	- Ах, мне наплевать, мне наплевать на все, что они там будут говорить! - пробормотала она, вся во власти сладостного безрассудства.

She tossed her head and sped out of the booth, tapping her heels like castanets, snapping open her black silk fan to its widest.	Она тряхнула головой и быстро вышла из киоска, постукивая каблучками по полу, как кастаньетами, и на ходу раскрывая во всю ширь свой черный шелковый веер.
For a fleeting instant she saw Melanie's incredulous face, the look on the chaperons' faces, the petulant girls, the enthusiastic approval of the soldiers.	На мгновение перед ее глазами промелькнуло изумленное лицо Мелани, скандализованные лица дам-попечительниц, раздосадованные лица девушек, восхищенные лица офицеров.

Then she was on the floor and Rhett Butler was advancing toward her through the aisle of the crowd, that nasty mocking smile on his face.	А потом она стояла посреди зала, и Ретт Батлер направлялся к ней, пробираясь сквозь толпу, с этой своей поганой усмешечкой на губах.
But she didn't care-didn't care if he were Abe Lincoln himself!	Да ей наплевать на него, наплевать, будь он хоть президент Линкольн!
She was going to dance again.	Она будет танцевать, вот и все!
She was going to lead the reel.	Она пойдет в первой паре в кадрили!

She swept him a low curtsy and a dazzling smile and he bowed, one hand on his frilled bosom.	Она ослепительно улыбнулась ему и присела в низком реверансе, и он поклонился, приложив руку к манишке.
Levi, horrified, was quick to cover the situation and bawled:	Растерянный Леви поспешно выкрикнул, стараясь разрядить обстановку:
"Choose yo' padners fo' de Ferginny reel!"	- Виргинская кадриль! Кавалеры приглашают дам!
And the orchestra crashed into that best of all reel tunes,	И оркестр грянул лучшую, любимейшую из всех мелодий -
"Dixie."	"Дикси". note 4

"How dare you make me so conspicuous, Captain Butler?"	- Как вы посмели привлечь ко мне всеобщее внимание, капитан Батлер?
"But, my dear Mrs. Hamilton, you so obviously wanted to be conspicuous!"	- Но, дорогая миссис Гамильтон, вы совершенно явно сами к этому стремились.
"How could you call my name out in front of everybody?"	- Как вы посмели выкрикнуть мое имя на весь зал?
"You could have refused."	- Но вы же могли отказаться.
"But-I owe it to the Cause-I- I couldn't think of myself when you were offering so much in gold. Stop laughing, everyone is looking at us."	- Я не имела права.., ради нашего Дела.., я... я не могла думать о себе, когда вы предложили такую уйму денег, да еще золотом... Перестаньте смеяться, на нас все смотрят.

"They will look at us anyway.	- Они все равно будут на нас смотреть.
Don't try to palm off that twaddle about the Cause to me.	И бросьте эту чепуху насчет Дела - со мной это не пройдет.
You wanted to dance and I gave you the opportunity.	Вам хотелось потанцевать, и я предоставил вам такую возможность.
This march is the last figure of the reel, isn't it?"	Эта пробежка - последняя фигура кадрили, верно?
"Yes-really, I must stop and sit down now."	- Да, конечно. Танец окончен, и я хочу теперь посидеть.
"Why?	- Почему?
Have I stepped on your feet?"	Я отдавил вам ногу?
"No-but they'll talk about me."	- Нет... Но про меня начнут судачить.

"Do you really care- down in your heart?"	- А вам - положа руку на сердце - не все равно?
"Well-"	- Ну, видите ли...
"You aren't committing any crime, are you?	- Какое в этом преступление?
Why not dance the waltz with me?"	Почему бы не протанцевать со мной вальс?
"But if Mother ever- "	- Но если мама когда-нибудь узнает...
"Still tied to mamma's apronstrings."	- Все еще ходите на помочах у вашей матушки?
"Oh, you have the nastiest way of making virtues sound so stupid."	- У вас необыкновенно отвратительное свойство издеваться над благопристойностью, превращая ее в непроходимую глупость.

"But virtues are stupid.	- Но это же и в самом деле глупо.
Do you care if people talk?"	Разве вам не все равно, если о вас судачат?
"No-but-well, let's don't talk about it.	- Да, конечно.., но... Я не хочу об этом говорить.
Thank goodness the waltz is beginning.	Слава богу, уже заиграли вальс.
Reels always leave me breathless."	От кадрили у меня всегда дух захватывает.
"Don't dodge my questions.	- Не уклоняйтесь от ответа.
Has what other women said ever mattered to you?"	Разве вам не безразлично, что говорят о вас эти женщины?
"Oh, if you're going to pin me down-no!	- Раз уж вам так хочется припереть меня к стенке -хорошо: да, безразлично!

But a girl is supposed to mind.	Но, считается, что это не должно быть безразлично.
Tonight, though, I don't care."	Только сегодня я не хочу с этим мириться.
"Bravo!	- Браво!
Now you are beginning to think for yourself instead of letting others think for you.	Вы, кажется, начинаете мыслить самостоятельно -до сих пор вы предпочитали, чтобы за вас думали другие.
That's the beginning of wisdom."	В вас пробуждается жизненная мудрость.
"Oh, but-"	- Да, но...

"When you've been talked about as much as I have, you'll realize how little it matters.	- Если бы вы возбуждали о себе столько толков, как я, вы бы поняли, до какой степени это не имеет значения.
Just think, there's not a home in Charleston where I am received.	Подумайте хотя бы: во всем Чарльстоне нет ни одного дома, где я бы был принят.
Not even my contribution to our just and holy Cause lifts the ban."	Даже мой щедрый вклад в наше Праведное и Святое Дело не снимет с меня этого запрета.
"How dreadful!"	- Какой ужас!
"Oh, not at all.	- Да вовсе нет.

Until you've lost your reputation, you never realize what a burden it was or what freedom really is."	Только потеряв свою так называемую "репутацию", вы начинаете понимать, какая это обуза и как хороша приобретенная такой ценой свобода.
"You do talk scandalous!"	- Вы говорите чудовищные вещи!
"Scandalously and truly.	- Чудовищные, потому что это чистая правда.
Always providing you have enough courage-or money-you can do without a reputation."	Без хорошей репутации превосходно можно обойтись при условии, что у вас есть деньги и достаточно мужества.
"Money can't buy everything."	- Не все можно купить за деньги.
"Someone must have told you that.	- Кто вам это внушил?

You'd never think of such a platitude all by yourself.	Сами вы не могли бы додуматься до такой банальности.
What can't it buy?"	Что же нельзя купить за деньги?
"Oh, well, I don't know- not happiness or love, anyway."	- Ну, как... я не знаю... Во всяком случае, счастье и любовь - нельзя.
"Generally it can.	- Чаще всего можно.
And when it can't, it can buy some of the most remarkable substitutes."	А уж если не получится, то им всегда можно найти отличную замену.
"And have you so much money, Captain Butler?"	- И у вас к много денег, капитан Батлер?
"What an ill-bred question, Mrs. Hamilton.	- Какой неделикатный вопрос!

I'm surprised.	Я просто поражен, миссис Гамильтон.
But, yes.	Ну что ж, да.
For a young man cut off without a shilling in early youth, I've done very well.	Для молодого человека, оставленного в дни беспечной юности без гроша, я неплохо преуспел.
And I'm sure I'll clean up a million on the blockade."	И не сомневаюсь, что на блокаде сумею сколотить миллион.
"Oh, no!"	- О нет, не может быть!
"Oh, yes!	- О да!

What most people don't seem to realize is that there is just as much money to be made out of the wreckage of a civilization as from the upbuilding of one."	Большинство людей почему-то никак не могут уразуметь, что на крушении цивилизации можно заработать ничуть не меньше денег, чем на создании ее.

"And what does all that mean?"	- Как это понять?
"Your family and my family and everyone here tonight made their money out of changing a wilderness into a civilization.	- Ваше семейство да и мое семейство и все здесь присутствующие нажили свои состояния, превращая пустыню в цивилизованный край.
That's empire building.	Так создаются империи.
There's good money in empire building.	И на этом сколачиваются состояния.

But, there's more in empire wrecking."	Но когда империи рушатся, здесь возможности для поживы не меньше.
"What empire are you talking about?"	- О какой империи вы толкуете?
"This empire we're living in-the South-the Confederacy- the Cotton Kingdom- it's breaking up right under our feet.	- О той, в которой мы с вами обитаем, - о Юге, о Конфедерации, о Королевстве Хлопка. Эта империя трещит по всем швам у нас на глазах.
Only most fools won't see it and take advantage of the situation created by the collapse.	Только величайшие дураки могут этого не видеть и не использовать в своих интересах надвигающийся крах.
I'm making my fortune out of the wreckage."	Я наживаю свой капитал на крушении империи.

"Then you really think we're going to get licked?"	- Так вы и в самом деле считаете, что янки сотрут нас с лица земли?
"Yes.	- Конечно!
Why be an ostrich?"	Какой смысл прятать, как страус, голову под крыло?
"Oh, dear, it bores me to talk about such like.	- О господи, эти разговоры нагоняют на меня тоску!
Don't you ever say pretty things, Captain Butler?"	Неужели вы никогда не можете поговорить о чем-нибудь приятном, капитан Батлер?

"Would it please you if I said your eyes were twin goldfish bowls filled to the brim with the clearest green water and that when the fish swim to the top, as they are doing now, you are devilishly charming?"	- Может быть, я угожу вам, если скажу, что ваши глаза - как два драгоценных сосуда, наполненных до краев прозрачнейшей зеленоватой влагой, в которой плавают крохотные золотые рыбки, и когда эти рыбки плескаются - как вот сейчас - на поверхности, вы становитесь чертовски обаятельной?
"Oh, I don't like that... Isn't the music gorgeous?	- Ах, перестаньте, мне это не нравится... Какая дивная музыка, не правда ли?
Oh, I could waltz forever!	Мне кажется, я могу кружиться в вальсе всю жизнь.

I didn't know I had missed it so!"	Я даже сама не понимала, как мне этого не хватало!
"You are the most beautiful dancer I've ever held in my arms."	- Вы танцуете божественно. Мне еще не доводилось танцевать с такой великолепной партнершей.
"Captain Butler, you must not hold me so tightly.	- Не прижимайте меня к себе так крепко, капитан Батлер.
Everybody is looking."	Все на нас смотрят.

"If no one were looking, would you care?"	- А если бы никто не смотрел, тогда вы бы не стали возражать?
"Captain Butler, you forget yourself."	- Вы забываетесь, капитан Батлер.
"Not for a minute.	- Вот уж нет.

How could I, with you in my arms?...	Разве это возможно, когда я держу вас в объятиях?..
What is that tune?	Что это за мелодия?
Isn't it new?"	Что-то новое?
"Yes.	- Да
Isn't it divine?	Восхитительная музыка, верно?
It's something we captured from the Yankees."	Мы взяли ее у янки.
"What's the name of it?"	- Как она называется?
"'When This Cruel War Is Over."	- "В час победы нашей".
"What are the words?	- А какие там слова?
Sing them to me."	Спойте мне.

"Dearest one, do you remember	Милый, помнишь нашу встречу?
When we last did meet?	Ты у ног моих
When you told me how you loved me,	Мне в своей любви признался...
Kneeling at my feet?	Помнишь этот миг?
Oh, how proud you stood before me	Ты, гордясь мундиром серым,
In your suit of gray, When you vowed from me and country	Клялся, что готов Мне хранить до гроба верность
Ne'er to go astray.	И земле отцов.
Weeping sad and lonely,	Слезы лью я одиноко,
Sighs and tears how vain!	Новой встречи жду!..

When this cruel war is over	Верю в час победы нашей
Pray that we meet again!"	И в твою звезду!
"Of course, it was 'suit of blue' but we changed it to 'gray.'...	Там, конечно, было сказано "синим", но мы переменили на "серым".
Oh, you waltz so well, Captain Butler.	А вы прекрасно вальсируете, капитан Батлер.
Most big men don't, you know.	Знаете, у рослых мужчин это редко получается.
And to think it will be years and years before I'll dance again."	И подумать только, что пройдут годы, прежде чем мне можно будет снова потанцевать.
"It will only be a few minutes.	- Не годы, а всего несколько минут.

I'm going to bid you in for the next reel- and the next and the next."	Я намерен пригласить вас на следующую кадриль. А также и на следующую и еще.
"Oh, no, I couldn't!	- О нет! Я не могу!

You mustn't!	Вы не должны меня приглашать.
My reputation will be ruined."	Моя репутация погибнет.
"It's in shreds already, so what does another dance matter?	- От нее и так уже остались одни лохмотья, так что еще один танец ничего не изменит.
Maybe I'll give the other boys a chance after I've had five or six, but I must have the last one."	После пяти, шести танцев я, конечно, могу уступить эту честь и другим, но последний танец должен быть моим.

"Oh, all right.	- Ну, хорошо.
I know I'm crazy but I don't care.	Я знаю, что это безумие, но мне все равно.
I don't care a bit what anybody says.	Мне наплевать, что они там будут говорить.
I'm so tired of sitting at home.	Мне так прискучило сидеть дома взаперти.
I'm going to dance and dance-"	Я буду танцевать и танцевать...
"And not wear black?	- И снимете траур?
I loathe funeral crepe."	Вид этого похоронного крепа вызывает во мне содрогание.
"Oh, I couldn't take off mourning-Captain Butler, you must not hold me so tightly.	- Нет, снять траур я не могу... Капитан Батлер, не прижимайте меня так крепко.

I'll be mad at you if you do."	Я рассержусь.
"And you look gorgeous when you are mad.	- А вы великолепны, когда сердитесь.
I'll squeeze you again-there-just to see if you will really get mad.	Я прижму вас еще крепче - вот так, - нарочно, чтобы поглядеть, как вы рассердитесь.
You have no idea how charming you were that day at Twelve Oaks when you were mad and throwing things."	Вы даже не подозреваете, как ослепительны вы были тогда в Двенадцати Дубах, когда, рассвирепев, швырялись вазами.
"Oh, please-won't you forget that?"	- Ах, будет вам... Вы что - никак не можете про это забыть?

"No, it is one of my most priceless memories- a delicately nurtured Southern belle with her Irish up-You are very Irish, you know."	- Никак. Это одно из драгоценнейших моих воспоминаний: благовоспитанная красавица южанка, в которой взыграла ее ирландская кровь. Вы - ирландка до мозга костей. Известно вам это?
"Oh, dear, there's the end of the music and there's Aunt Pittypat coming out of the back room.	- О боже, музыка кончается, а из задней комнаты появилась тетушка Питтипэт.
I know Mrs. Merriwether must have told her.	Конечно, миссис Мерриуэзер уже напела ей в уши.

Oh, for goodness' sakes, let's walk over and look out the window. I don't want her to catch me now.	О, бога ради, отойдемте, постоим у окна, я не хочу, чтобы она вцепилась в меня сейчас.
Her eyes are as big as saucers."	Вы видите, глаза у нее стали от ужаса как плошки.
CHAPTER X	Глава 10
Over the waffles next morning, Pittypat was lachrymose, Melanie was silent and Scarlett defiant.	На следующее утро во время завтрака тетушка Питтипэт прикладывала платочек к глазам, Мелани хранила молчание, а Скарлетт держалась вызывающе.

"I don't care if they do talk.	- Мне наплевать - пусть говорят.

I'll bet I made more money for the hospital than any girl there-more than all the messy old stuff we sold, too."	Я уверена, что никто не принес госпиталю столько денег, как я. Да и вся эта дрянь, которую вы продавали в киосках, тоже принесла меньше.
"Oh, dear, what does the money matter?" wailed Pittypat, wringing her hands.	- Ах, милочка, разве дело в деньгах? - ломая руки, причитала тетушка Питти.
"I just couldn't believe my eyes, and poor Charlie hardly dead a year... And that awful Captain Butler, making you so conspicuous, and he's a terrible, terrible person, Scarlett.	- Я просто не могла поверить своим глаза: бедный Чарли всего год как в могиле, а вы... И этот ужасный капитан Батлер, который нарочно выставлял вас напоказ. О, он ужасный, ужасный человек, Скарлетт.

Mrs. Whiting's cousin, Mrs. Coleman, whose husband came from Charleston, told me about him.	Муж миссис Колмен, кузины миссис Уайтинг, -он родом из Чальстона, так она мне все рассказала про этого Батлера.
He's the black sheep of a lovely family-oh, how could any of the Butlers ever turn out anything like him?	Он из приличной семьи, но это паршивая овца в стаде.., просто непостижимо, как Батлеры могли произвести на свет такого сына!
He isn't received in Charleston and he has the fastest reputation and there was something about a girl-something so bad Mrs. Coleman didn't even know what it was-"	В Чарльстоне для него закрыты все двери, у него чудовищная репутация, и там была история с какой-то девицей... Нечто настолько непристойное, что миссис Колмен даже ничего не знает толком...

"Oh, I can't believe he's that bad," said Melly gently.	- А я как-то не могу поверить, что он такой дурной человек, - мягко проговорила Мелани.
"He seemed a perfect gentleman and when you think how brave he's been, running the blockade-"	- С виду он джентльмен, и притом храбр -доставлять нам оружие, прорывая блокаду...
"He isn't brave," said Scarlett perversely, pouring half a pitcher of syrup over her waffles.	- Это не потому, что он храбр, - из духа противоречия заявила Скарлетт, выливая на вафли половину сиропа из соусника.
"He just does it for money.	- Он делает это ради денег.
He told me so.	Он сам мне так и сказал.

He doesn't care anything about the Confederacy and he says we're going to get licked.	Ему наплевать на Конфедерацию, и он утверждает, что янки сотрут нас с лица земли.
But he dances divinely."	Но танцует он божественно.
Her audience was speechless with horror.	Дамы онемели от ужаса.
"I'm tired of sitting at home and I'm not going to do it any longer.	- Мне все это надоело, я не намерена больше сидеть взаперти.
If they all talked about me about last night, then my reputation is already gone and it won't matter what else they say."	Если они вчера перемывали мне косточки, значит, репутация моя все равно погибла и мне нечего терять.

It did not occur to her that the idea was Rhett Butler's. It came so patly and fitted so well with what she was thinking.	Она даже не заметила, что повторяет слова Ретта Батлера - так кстати они пришлись и так точно выражали ее собственные мысли.
"Oh! What will your mother say when she hears?	- Боже мой, что скажет ваша матушка, как узнает?
What will she think of me?"	Что она будет думать обо мне?

A cold qualm of guilt assailed Scarlett at the thought of Ellen's consternation, should she ever learn of her daughter's scandalous conduct.	При мысли о том, в какой ужас придет Эллин, если ей когда-нибудь доведется узнать о скандальном поведении дочери, Скарлетт похолодела и в душе у нее пробудилось раскаяние.

But she took heart at the thought of the twenty-five miles between Atlanta and Tara.	Но она тут же приободрилась, вспомнив, что от Тары до Атланты двадцать пять миль.
Miss Pitty certainly wouldn't tell Ellen.	Тетя Питти, конечно, ничего не скажет Эллин.
It would put her in such a bad light as a chaperon.	Ведь это бросит тень и на нее.
And if Pitty didn't tattle, she was safe.	А раз Питти не скажет, нечего и беспокоиться.

"I think-" said Pitty, "yes, I think I'd better write Henry a letter about it-much as I hate it-but he's our only male relative, and make him go speak reprovingly to Captain Butler-Oh, dear, if Charlie were only alive-You must never, never speak to that man again, Scarlett."	- Мне кажется... - нерешительно промолвила тетушка Питти, - мне кажется, я должна написать об этом Генри... ужасно не лежит у меня к этому душа, но ведь он единственный мужчина в нашей семье, так пусть поговорит, внушительно поговорит с этим капитаном Батлером... О господи, если бы Чарли был жив... Вы никогда, никогда не должны больше разговаривать с этим человеком, Скарлетт.
Melanie had been sitting quietly, her hands in her lap, her waffles cooling on her plate.	Мелани сидела молча, сложив руки на коленях. Нетронутые вафли остывали на ее тарелке.

She arose and, coming behind Scarlett, put her arms about her neck.	Она поднялась, подошла сзади к Скарлетт и обхватила руками ее шею.
"Darling," she said, "don't you get upset.	- Дорогая, - сказала она, - не расстраивайся.
I understand and it was a brave thing you did last night and it's going to help the hospital a lot.	Я все понимаю, и ты вчера поступила очень мужественно и очень много сделала для госпиталя.
And if anybody dares say one little word about you, I'll tend to them... Aunt Pitty, don't cry.	И если кто-нибудь посмеет сказать о тебе хоть одно дурное слово, я сумею за тебя заступиться... Не плачьте, тетя Питти.
It has been hard on Scarlett, not going anywhere.	Скарлетт было очень трудно сидеть все время взаперти.

She's just a baby."	Она еще совсем ребенок.
Her fingers played in Scarlett's black hair.	- Пальцы Мелани нежно перебирали темные волосы Скарлетт.
"And maybe we'd all be better off if we went out occasionally to parties.	- Может быть, и нам всем будет легче, если мы хоть изредка начнем появляться на людях.
Maybe we've been very selfish, staying here with our grief.	Может быть, это было эгоистично с нашей стороны, что мы, закрывшись в четырех стенах, предавались своему горю.
War times aren't like other times.	В войну все по-другому - не так, как в мирное время.

When I think of all the soldiers in town who are far from home and haven't any friends to call on at night-and the ones in the hospital who are well enough to be out of bed and not well enough to go back in the army-Why, we have been selfish.	Когда я думаю о всех воинах, оторванных от дома, у которых в нашем городе нет никого знакомых и им не к кому пойти вечерами, и, о тех, кто лежит в госпиталях - а многие из них ведь уже ходят, но еще не настолько оправились, чтобы вернуться на фронт... Да, конечно, мы вели себя эгоистично.
We ought to have three convalescents in our house this minute, like everybody else, and some of the soldiers out to dinner every Sunday.	Мы должны сейчас же взять к себе из госпиталя трех выздоравливающих, как сделали это все в городе, и каждое воскресенье приглашать еще несколько на обед.
There, Scarlett, don't you fret.	А ты не тревожься, Скарлетт.

People won't talk when they understand.	Люди не будут о нас плохо говорить, они поймут.
We know you loved Charlie."	Мы знаем, что ты любила Чарли.
Scarlett was far from fretting and Melanie's soft hands in her hair were irritating.	А Скарлетт и не думала тревожиться, и рука Мелани, нежно трепавшая ее волосы, вызвала лишь раздражение.
She wanted to jerk her head away and say	Ей хотелось тряхнуть головой и воскликнуть:

"Oh, fiddle-dee-dee!" for the warming memory was still on her of how the Home Guard and the militia and the soldiers from the hospital had fought for her dances last night.	"А, чепуха!" У нее и сейчас еще огонь пробегал по жилам, стоило ей вспомнить, как вчера на балу и раненые из госпиталя, и другие военные - из войск внутреннего охранения и милиции -оспаривали друг у друга право на танец с нею.
Of all the people in the world, she didn't want Melly for a defender.	И уж меньше всего на свете жаждала она иметь защитника в лице Мелани.
She could defend herself, thank you, and if the old cats wanted to squall- well, she could get along without the old cats.	Весьма вам признательна, но она и сама отлично может постоять за себя, а если старые мегеры начнут шипеть, ну и пускай себе шипят на здоровье, нужны они ей очень!

There were too many nice officers in the world for her to bother about what old women said.	На свете слишком много молодых симпатичных военных, чтобы еще тревожиться из-за старых мегер.
Pittypat was dabbing at her eyes under Melanie's soothing words when Prissy entered with a bulky letter.	Тетушка Питтипэт, слушая ласковые увещевания Мелани, вытирала платочком глаза, и тут появилась Присси с объемистым конвертом в руках.
"Fer you. Miss Melly.	- Это вам, мисс Мелани.
A lil nigger boy brung it."	Маленький негритенок принес.
"For me?" said Melly, wondering, as she ripped open the envelope.	- Мне? - удивилась Мелли, вскрывая конверт.

Scarlett was making headway with her waffles and so noticed nothing until she heard a burst of tears from Melly and, looking up, saw Aunt Pittypat's hand go to her heart.	Скарлетт продолжала уплетать вафли, не обращая внимания на происходящее, и вдруг услышала, как Мелани громко расплакалась; подняв глаза, она увидела, что тетушка Питти судорожно прижала руки к груди.
"Ashley's dead!" screamed Pittypat, throwing her head back and letting her arms go limp.	- Эшли убит! - взвизгнула она, и руки ее безжизненно повисли, а голова запрокинулась.

"Oh, my God!" cried Scarlett, her blood turning to ice water.	- О боже! - вскричала Скарлетт, чувствуя, как кровь отхлынула у нее от сердца.
"No!	- Нет!

No!" cried Melanie.	Нет! - воскликнула Мелани.
"Quick!	- Скорее!
Her smelling salts, Scarlett!	Скарлетт, дай ей нюхательные соли!
There, there, honey, do you feel better?	Успокойтесь, успокойтесь, дорогая! Вам лучше?
Breathe deep.	Дышите глубже.
No, it's not Ashley.	Это вовсе не от Эшли.
I'm so sorry I scared you.	Простите, что я вас так напугала.
I was crying because I'm so happy," and suddenly she opened her clenched palm and pressed some object that was in it to her lips.	Я заплакала просто от радости. - И она поднесла к губам какой-то предмет, который был зажат у нее в руке.

"I'm so happy," and burst into tears again.	- О, я так счастлива! - И она снова расплакалась.
Scarlett caught a fleeting glimpse and saw that it was a broad gold ring.	Что-то блеснуло у нее в пальцах, и Скарлетт увидела массивное золотое кольцо.
"Read it," said Melly, pointing to the letter on the floor.	- Прочти, - сказала Мелани, указывая на выпавшее у нее из рук письмо.
"Oh, how sweet, how kind, he is!"	- О, как он мил, как добр!
Scarlett, bewildered, picked up the single sheet and saw written in a black, bold hand:	Скарлетт, озадаченная, подняла с полу небольшой листок бумаги и прочла то, что было написано на нем твердым решительным почерком:

"The Confederacy may need the lifeblood of its men but not yet does it demand the heart's blood of its women.	"Если Конфедерации нужна кровь мужчин, то ей пока еще не нужно, чтобы женщины с кровью отрывали от сердца драгоценные для них реликвии.
Accept, dear Madam, this token of my reverence for your courage and do not think that your sacrifice has been in vain, for this ring has been redeemed at ten times its value.	Примите, дорогая миссис Уилкс, этот знак преклонения перед Вашим мужеством и не считайте Вашу жертву бесплодной, ибо за выкуп кольца уплачена сумма, Десятикратно превышающая его стоимость.
Captain Rhett Butler."	Капитан Ретт Батлер".
Melanie slipped the ring on her finger and looked at it lovingly.	Мелани с нежностью смотрела на кольцо, снова надетое на палец.

"I told you he was a gentleman, didn't I?" she said turning to Pittypat, her smile bright through the teardrops on her face.	- Видите, я же говорила вам, что он джентльмен! -сказала Мелани, повернувшись к тетушке Питти и сияя улыбкой, хотя слезы еще струились по ее щекам.
"No one but a gentleman of refinement and thoughtfulness would ever have thought how it broke my heart to- I'll send my gold chain instead.	- Только человек тонкого воспитания и очень чуткий мог понять, как тяжело мне было расстаться... Но я пошлю им мою золотую цепочку взамен.

Aunt Pittypat, you must write him a note and invite him to Sunday dinner so I can thank him."	Тетя Питти, вы непременно должны написать капитану Батлеру и пригласить его отобедать с нами в воскресенье, чтобы я могла лично выразить ему благодарность.
In the excitement, neither of the others seemed to have thought that Captain Butler had not returned Scarlett's ring, too.	И ни тетушке, ни племяннице - в таком они были волнении - не пришло на ум, что капитан Батлер не почел нужным возвратить и Скарлетт ее кольцо.
But she thought of it, annoyed.	Но Скарлетт подумала об этом и была раздосадована.
And she knew it had not been Captain Butler's refinement that had prompted so gallant a gesture.	Она-то понимала, что вовсе не душевная тонкость побудила капитана Батлера совершить этот галантный поступок.

It was that he intended to be asked into Pittypat's house and knew unerringly how to get the invitation.	Он хотел иметь доступ в дом тетушки Питтипэт и нашел безошибочный способ получить приглашение.
"I was greatly disturbed to hear of your recent conduct," ran Ellen's letter and Scarlett, who was reading it at the table, scowled.	"Я была крайне обескуражена, узнав о том, что ты себе недавно позволила", - писала Эллин, и Скарлетт, читая за столом ее письмо, нахмурилась.
Bad news certainly traveled swiftly.	Да, дурные вести и в самом деле долетают быстро.

She had often heard in Charleston and Savannah that Atlanta people gossiped more and meddled in other people's business more than any other people in the South, and now she believed it.	В Чарльстоне и в Саванне ей не раз приходилось слышать, что нигде так не любят сплетничать и совать нос в чужие дела, как в Атланте, и теперь ей пришлось в этом убедиться.
The bazaar had taken place Monday night and today was only Thursday.	Благотворительный базар состоялся в понедельник вечером, а сегодня был четверг.
Which of the old cats had taken it upon herself to write Ellen?	Кто же из этих старых ведьм взял на себя труд оповестить Эллин?

For a moment she suspected Pittypat but immediately abandoned that thought.	В первое мгновение она заподозрила тетушку Питтипэт, но тут же отбросила эту мысль.
Poor Pittypat had been quaking in her number-three shoes for fear of being blamed for Scarlett's forward conduct and would be the last to notify Ellen of her own inadequate chaperonage.	Тетушка Питтипэт сама тряслась от страха, как бы ей не пришлось отвечать за вызывающее поведение Скарлетт, и отнюдь не в ее интересах было доводить до сведения Эллин, как плохо она справилась со своей ролью дуэньи.
Probably it was Mrs. Merriwether.	Вероятно, это дело рук миссис Мерриуэзер.
"It is difficult for me to believe that you could so forget yourself and your rearing.	"Мне трудно поверить, что ты могла настолько забыть приличия и проявить такое отсутствие воспитания.

I will pass over the impropriety of your appearing publicly while in mourning, realizing your warm desire to be of assistance to the hospital.	Я готова поглядеть сквозь пальцы на твое появление в обществе до истечения срока траура, понимая, что это было продиктовано горячим желанием внести свою лепту в дело помощи госпиталю.

But to dance, and with such a man as Captain Butler!	Но танцевать, да еще с таким человеком, как капитан Батлер!

I have heard much of him (as who has not?) and Pauline wrote me only last week that he is a man of bad repute and not even received by his own family in Charleston, except of course by his heartbroken mother.	Я уже много слышала о нем (да и кто о нем не наслышан?), и всего лишь на прошлой неделе Полин писала мне, что этот господин пользуется очень дурной славой, и в Чарльстоне от него отвернулись все, даже его семья, - все, за исключением, разумеется, его убитой горем матери.
He is a thoroughly bad character who would take advantage of your youth and innocence to make you conspicuous and publicly disgrace you and your family.	Это глубоко безнравственный человек, он способен воспользоваться твоей невинностью, твоей молодостью, чтобы погубить тебя, опорочить в глазах общества и тебя, и твою семью.

How could Miss Pittypat have so neglected her duty to you?"	Как могла мисс Питтипэт так пренебречь своим долгом по отношению к тебе?"
Scarlett looked across the table at her aunt.	Скарлетт посмотрела на тетю Питтипэт, сидевшую напротив нее за столом.
The old lady had recognized Ellen's handwriting and her fat little mouth was pursed in a frightened way, like a baby who fears a scolding and hopes to ward it off by tears.	Старая дама узнала почерк Эллин и уже надула пухлые губки, как ребенок, испугавшийся нахлобучки и готовый предотвратить ее потоком слез.

"I am heartbroken to think that you could so soon forget your rearing.	"Я прихожу в отчаяние при мысли о том, что ты могла так скоро забыть все правила хорошего воспитания.
I have thought of calling you home immediately but will leave that to your father's discretion.	Я хотела немедленно отозвать тебя домой, но оставила это на усмотрение твоего отца.
He will be in Atlanta Friday to speak with Captain Butler and to escort you home.	В пятницу он приедет в Атланту, чтобы объясниться с капитаном Батлером и забрать тебя домой.
I fear he will be severe with you despite my pleadings.	Боюсь, он будет с тобой суров, невзирая на мои мольбы.

I hope and pray it was only youth and thoughtlessness that prompted such forward conduct.	Я же уповаю на то, что причиной твоего нескромного поведения является просто молодость и легкомыслие.
No one can wish to serve our Cause more than I, and I wish my daughters to feel the same way, but to disgrace-" There was more in the same vein but Scarlett did not finish it.	Я столь же горячо, как все, готова послужить нашему Правому Делу и хочу, чтобы мои дочери разделяли эти чувства, но позорить..." Дальше было написано еще много - и все в таком же духе, - но Скарлетт не прочитала письма до конца.
For once, she was thoroughly frightened.	Впервые в жизни она испугалась не на шутку.

She did not feel reckless and defiant now.	Всю ее беззаботность и удаль как ветром сдула Она чувствовала себя словно провинившийся ребенок - совсем как в десять лет, когда как-то раз за столом запустила в Сьюлин печеньем.
She felt as young and guilty as when she was ten and had thrown a buttered biscuit at Suellen at the table.	Впервые она слышала столь резкие укоры из уст своей всегда такой мягкой матери.

To think of her gentle mother reproving her so harshly and her father coming to town to talk to Captain Butler.	Да еще приедет отец и потребует объяснения у капитана Батлера.
The real seriousness of the matter grew on her.	Она поняла, что каша заварилась нешуточ-ная.

Gerald was going to be severe. This was one time when she knew she couldn't wiggle out of her punishment by sitting on his knee and being sweet and pert.	Джералд, видно, рассвирепел, и на сей раз впервые ей не удастся избежать наказания, забравшись к нему на колени, ласкаясь и дерзя.
"Not-not bad news?" quavered Pittypat.	- Я... я надеюсь, не плохие новости? - с дрожью в голосе вопросила тетушка Питтипэт.
"Pa is coming tomorrow and he's going to land on me like a duck on a June bug," answered Scarlett dolorously.	- Папа приезжает завтра, чтобы задать мне хорошую трепку, - мрачно объявила Скарлетт.
"Prissy, find my salts," fluttered Pittypat, pushing back her chair from her half-eaten meal.	- Присси, подай мне нюхательные соли, - пролепетала тетушка Питтипэт, отодвигая от себя тарелку и отодвигаясь от стола.

"I-I feel faint."	- Мне... мне дурно.
"Dey's in yo' skirt pocket," said Prissy, who had been hovering behind Scarlett, enjoying the sensational drama.	- Да они же у вас в кармашке, - сказала Присси, стоя за стулом Скарлетт и упоенно предвкушая крупный семейный скандал.
Mist' Gerald in a temper was always exciting, providing his temper was not directed at her kinky head.	Когда мистер Джералд разбушуется, тут есть на что посмотреть, лишь бы, конечно, ее бедная курчавая голова не подвернулась ему под горячуюруку.
Pitty fumbled at her skirt and held the vial to her nose.	Тетушка Питтииэт порылась в складках юбки и поднесла флакончик к носу.

"You all must stand by me and not leave me alone with him for one minute," cried Scarlett.	- Вы обе должны заступиться за меня и не оставлять нас с ним вдвоем ни на секунду! -вскричала Скарлетт.
"He's so fond of you both, and if you are with me he can't fuss at me."	- Он так любит вас обеих, что не станет меня шпынять в вашем присутствии.
"I couldn't," said Pittypat weakly, rising to her feet.	- Я не могу, - еле слышно пролепетала тетушка Питтипэт, поднимаясь на ноги.
"I-I feel ill.	- Я... я совсем больна.
I must go lie down.	Я должна лечь.
I shall lie down all day tomorrow.	Завтра я не встану с постели.
You must give him my excuses."	Вы должны извиниться за меня перед ним.

"Coward!" thought Scarlett, glowering at her.	"Струсила!" - подумала Скарлетт, глядя на нее со злобой.
Melly rallied to the defense, though white and frightened at the prospect of facing the fire-eating Mr. O'Hara.	Мелани, бледная, испуганная при мысли о встрече с разъяренным мистером О'Хара, все же пообещала встать на защиту Скарлетт.
"I'll- I'll help you explain how you did it for the hospital.	- Я постараюсь помочь тебе... постараюсь объяснить ему, что ты сделала это ради госпиталя.

Surely he'll understand."	Он поймет, я уверена.
"No, he won't," said Scarlett.	- Ничего он не поймет, - сказала Скарлетт.

"And oh, I shall die if I have to go back to Tara in disgrace, like Mother threatens!"	- О боже, я умру, если мне придется с позором вернуться в Тару, как грозится мама.
"Oh, you can't go home," cried Pittypat, bursting into tears.	- Ах, нет, вы не можете вернуться домой! -воскликнула тетушка Питтипэт и расплакалась.
"If you did I should be forced-yes, forced to ask Henry to come live with us, and you know I just couldn't live with Henry.	- Если вы уедете, мне придется.., да, мне придется просить Г енри переехать к нам, а вы же знаете - я просто не в состоянии жить с ним под одной крышей.
I'm so nervous with just Melly in the house at night, with so many strange men in town.	Но когда мы с Мелли одни во всем доме, мне по ночам так, страшно, в городе столько пришлых людей.

You're so brave I don't mind being here without a man!"	А вы, Скарлетт, такая храбрая, с вами я ничего не боюсь, даже если в доме нет мужчины.
"Oh, he couldn't take you to Tara!" said Melly, looking as if she too would cry in a moment.	- Да нет, не может он увезти тебя в Тару! -воскликнула Мелани. Казалось, она тоже вот-вот расплачется.
"This is your home now.	- Это же теперь твой дом.
What would we ever do without you?"	Что же мы будем делать без тебя!

"You'd be glad to do without me if you knew what I really think of you," thought Scarlett sourly, wishing there were some other person than Melanie to help ward off Gerald's wrath.	"Знай вы, что я о вас думаю, верно, прекрасно обошлись бы без меня", - угрюмо подумала Скарлетт, от всей души желая, чтобы кто-нибудь другой, только не Мелани, мог защитить ее от гнева отца.
It was sickening to be defended by someone you disliked so much.	Ей претила мысль, что она должна принимать помощь от человека, который ей так неприятен.
"Perhaps we should recall our invitation to Captain Butler-" began Pittypat.	- Может быть, следует отменить приглашение, посланное капитану Батлеру? - заикнулась было тетушка Питтипэт.
"Oh, we couldn't!	- Но это невозможно!

It would be the height of rudeness!" cried Melly, distressed.	Это было бы неслыханной грубостью! - в полном расстройстве вскричала Мелани.
"Help me to bed.	- Помоги мне лечь в постель.
I'm going to be ill," moaned Pittypat.	Я совершенно расхворалась, - со стоном произнесла тетушка Питтипэт.
"Oh, Scarlett, how could you have brought this on me?"	- О Скарлетт, как вы могли причинить мне столько огорчений!
Pittypat was ill and in her bed when Gerald arrived the next afternoon.	И на следующий день, когда приехал Джералд, тетушка Питтипэт была больна и не вставала с постели.

She sent many messages of regret to him from behind her closed door and left the two frightened girls to preside over the supper table.	Из-за ее запертой двери к нему полетело несколько посланий с выражением сожалений, и две перепуганные молодые женщины были предоставлены за ужином своей судьбе.

Gerald was ominously silent although he kissed Scarlett and pinched Melanie's cheek approvingly and called her "Cousin Melly."	Джералд был зловеще молчалив, хотя и поцеловал Скарлетт и ущипнул Мелани за щечку, назвав ее при этом "кузина Мелли".
Scarlett would have infinitely preferred bellowing oaths and accusations.	Скарлетт было бы куда легче, если бы он бранился, разносил ее на все корки и раскаты его голоса сотрясали бы дом.

True to her promise, Melanie clung to Scarlett's skirts like a small rustling shadow and Gerald was too much of a gentleman to upbraid his daughter in front of her.	Верная своему слову, Мелани не отходила от Скарлетт и, шелестя платьем, повсюду следовала за ней словно тень, а Джералд был достаточно воспитан, чтобы не распекать дочь в присутствии золовки.
Scarlett had to admit that Melanie carried off things very well, acting as if she knew nothing was amiss, and she actually succeeded in engaging Gerald in conversation, once the supper had been served.	Мелани - не могла не признать Скарлетт - держалась прекрасно, ничем не подавая виду, что знает о надвигающейся грозе, и в конце концов за ужином ей даже удалось втянуть Джералда в разговор.
"I want to know all about the County," she said, beaming upon him.	- Я жажду услышать от вас новости, - сияя улыбкой, говорила она Джералду.

"India and Honey are such poor correspondents, and I know you know everything that goes on down there.	- Индия и Милочка пишут нам так редко. А вы, конечно, в курсе всех событий.
Do tell us about Joe Fontaine's wedding."	Расскажите нам про свадьбу у Фонтейнов.
Gerald warmed to the flattery and said that the wedding had been a quiet affair, "not like you girls had," for Joe had only a few days' furlough.	Ее приветливость растопила лед, и Джералд принялся рассказывать, что свадьбу отпраздновали скромно - "совсем не то, что было, когда вы венчались", - потому как Джо получил отпуск из армии всего на несколько дней.
Sally, the little Munroe chit, looked very pretty.	Малютка Салли Манро выглядела прелестно.

No, he couldn't recall what she wore but he did hear that she didn't have a "second-day" dress.	Нет, вот уж как она была одета, этого он что-то не припомнит. А на второй день? Да она, помнится, говорили, не меняла туалета.
"She didn't!" exclaimed the girls, scandalized.	- Не меняла? - в один голос воскликнули обе молодые дамы, пораженные до глубины души.
"Sure, because she didn't have a second day," Gerald explained and bawled with laughter before recalling that perhaps such remarks were not fit for female ears.	- Ну да, потому что никакого второго дня попросту не было, все ограничилось первой ночью, - со смехом пояснил Джералд, не сразу спохватившись, что эти подробности, пожалуй, не для дамских ушей.

Scarlett's spirits soared at his laugh and she blessed Melanie's tact.	Когда отец рассмеялся, у Скарлетт немного отлегло от сердца и она мысленно поблагодарила Мелли.
"Back Joe went to Virginia the next day," Gerald added hastily.	- На другой день Джо уехал обратно в Виргинию,- поспешно добавил Джералд.
"There was no visiting about and dancing afterwards.	- Ну и пришлось обойтись без визитов и танцев.
The Tarleton twins are home."	А близнецы Тарлтоны сейчас дома.
"We heard that.	- Да, мы слышали.
Have they recovered?"	Поправляются они?

"They weren't badly wounded.	- Раны были не тяжелые.

Stuart had it in the knee and a minie ball went through Brent's shoulder.	Стюарта ранило в колено, а у Брента сквозное, пулевое ранение плеча.
You had it, too, that they were mentioned in dispatches for bravery?"	А вы знаете, что о них упомянули в официальных сообщениях, отметив их храбрость?
"No!	- Вот как?
Tell us!"	Расскажите!
"Hare brained-both of them.	- Так ведь отчаянные головы оба.
I'm believing there's Irish in them," said Gerald complacently.	Думается, там не без примеси ирландской крови, -самодовольно заметил Джералд.

"I forget what they did, but Brent is a lieutenant now."	- Я что-то позабыл, чем они так отличились, только Брент уже получил чин лейтенанта.
Scarlett felt pleased at hearing of their exploits, pleased in a proprietary manner.	Скарлетт было приятно услышать об их подвигах - приятно, лестно и к тому же пробуждало в ней чувство собственности.
Once a man had been her beau, she never lost the conviction that he belonged to her, and all his good deeds redounded to her credit.	Если мужчина был когда-нибудь ее поклонником, у нее всегда сохранялось убеждение, что он в какой-то мере принадлежит ей и все его славные деяния возвышали ее в собственных глазах.

"And I've news that'll be holding the both of you," said Gerald.	- И еще у меня есть новость, которая заинтересует вас обеих, - сказал Джералд.
"They're saying Stu is courting at Twelve Oaks again."	- Поговаривают, что Стюарт снова ищет своего счастья в Двенадцати Дубах.
"Honey or India?" questioned Melly excitedly, while Scarlett stared almost indignantly.	- Кто Же она: Милочка или Индия? -взволнованно спросила Мелани, а Скарлетт поглядела на отца с негодованием.
"Oh, Miss India, to be sure.	- Ну конечно, мисс Индия.
Didn't she have him fast till this baggage of mine winked at him?"	Он же ходил за ней по пятам, пока эта моя вертихвостка не вскружила ему голову.

"Oh," said Melly, somewhat embarrassed at Gerald's outspokenness.	- О! - промолвила Мелани, несколько ошарашенная бесхитростным прямодушием Джералда.
"And more than that, young Brent has taken to hanging about Tara. Now!"	- Но и это не все. Брент теперь обхаживает кое-кого в Таре.
Scarlett could not speak.	Скарлетт сидела онемев.
The defection of her beaux was almost insulting.	Вероломство ее поклонников было просто оскорбительно.
Especially when she recalled how wildly both the twins had acted when she told them she was going to marry Charles.	Особенно если вспомнить, как бесились близнецы, когда она сообщила им, что выходит замуж за Чарльза.

Stuart had even threatened to shoot Charles, or Scarlett, or himself, or all three.	Стюарт даже грозился застрелить Чарльза, или Скарлетт, или обоих.
It had been most exciting.	Он был великолепен!

"Suellen?" questioned Melly, breaking into a pleased smile.	- Сьюлин! - расцветая улыбкой, спросила Мелани.
"But I thought Mr. Kennedy-"	- Но мне казалось, что мистер Кеннеди...
"Oh, him?" said Gerald.	- А, этот! - вырвалось у Джералда.

"Frank Kennedy still pussyfoots about, afraid of his shadow, and I'll be asking him his intentions soon if he doesn't speak up.	- Да, мистер Кеннеди все ходит вокруг да около, пугаясь собственной тени, дожидается, видно, чтобы я напрямик спросил, каковы его намерения.
No, 'tis me baby."	Нет, речь идет о моей младшенькой.
"Carreen?"	- Кэррин?
"She's nothing but a child!" said Scarlett sharply, finding her tongue.	- Но она же еще ребенок! - резко воскликнула Скарлетт, обретя наконец дар речи.
"She's little more than a year younger than you were, Miss, when you were married," retorted Gerald.	- Вы были всего на год старше, мисс, когда выходили замуж, - заметил Джералд.

"Is it you're grudging your old beau to your sister?"	- Может, вам жалко, что ваш бывший поклонник переметнулся к вашей сестричке?
Melly blushed, unaccustomed to such frankness, and signaled Peter to bring in the sweet potato pie.	Мелани, не привыкшая к такой манере все говорить без обиняков, покраснела и велела Питеру подать пирог со сладким картофелем.
Frantically she cast about in her mind for some other topic of conversation which would not be so personal but which would divert Mr. O'Hara from the purpose of his trip.	Она лихорадочно перебирала в уме всевозможные темы для беседы, которые не касались бы лично никого из присутствующих и могли бы отвлечь мысли мистера О'Хара от цели его приезда.

She could think of nothing but, once started, Gerald needed no stimulus other than an audience.	Но, как назло, ей ничего не приходило в голову, а Джералд, разговорившись, уже не нуждался в поощрении, пока у него были слушатели.
He talked on about the thievery of the commissary department which every month increased its demands, the knavish stupidity of Jefferson Davis and the blackguardery of the Irish who were being enticed into the Yankee army by bounty money.	Он говорил о казнокрадстве в интендантском ведомстве, где с каждым месяцем все повышаются и повышаются требования, о плебейской глупости Джефферсона Дэвиса и о продажности тех ирландцев, которые вступили в ряды армии северян, польстившись на казенное жалованье.

When the wine was on the table and the two girls rose to leave him, Gerald cocked a severe eye at his daughter from under frowning brows and commanded her presence alone for a few minutes.	Когда подали вино и дамы встали из-за стола, Джералд, сдвинув брови и свирепо глядя на дочь, приказал ей задержаться на несколько минут для разговора с ним с глазу на глаз.
Scarlett cast a despairing glance at Melly, who twisted her handkerchief helplessly and went out, softly pulling the sliding doors together.	Скарлетт с отчаянием и мольбой посмотрела на Мелани. Беспомощно теребя в руках платочек, Мелани покорно вышла из комнаты и тихонько притворила за собой дверь.
"How now, Missy!" bawled Gerald, pouring himself a glass of port. "'Tis a fine way to act!	- Итак, мисс, - загремел Джералд, наливая себе портвейна, - как понять ваше поведение?

Is it another husband you're trying to catch and you so fresh a widow?"	Не успев овдоветь, вы стараетесь подцепить себе нового мужа?
"Not so loud, Pa, the servants-"	- Не кричите так, папа, слуги...

"They know already, to be sure, and everybody knows of our disgrace.	- Им уже, без сомнения, известно - как, впрочем, и всем остальным - о нашем позоре.
And your poor mother taking to her bed with it and me not able to hold up me head. 'tis shameful.	Ваша мать от этого слегла, а я не смею смотреть людям в глаза. Стыд какой!

No, Puss, you need not think to get around me with tears this time," he said hastily and with some panic in his voice as Scarlett's lids began to bat and her mouth to screw up.	Нет, нет, котенок, плачь - не плачь, на сей раз тебе не удастся обвести меня вокруг пальца, -торопливо пробормотал он с ноткой испуга в голосе, увидев, что Скарлетт захлопала ресницами и губы у нее жалобно задрожали.
"I know you.	- Я тебя знаю.
You'd be flirting at the wake of your husband.	Ты же способна строить глазки, стоя у гроба мужа.
Don't cry.	Ладно, не плачь.

There, I'll be saying no more tonight, for I'm going to see this fine Captain Butler who makes so light of me daughter's reputation.	Поговорили, и хватит. Теперь я намерен тотчас же повидаться с этим капитаном Батлером, который позволил себе играть добрым именем моей дочери.
But in the morning- There now, don't cry.	А наутро... Да не реви ты, тебе говорят.
Twill do you no good at all, at all. 'tis firm that I am and back to Tara you'll be going tomorrow before you're disgracing the lot of us again.	Все равно не поможет. Не поможет, поняла? Это решено - завтра мы возвращаемся домой, пока ты здесь не опозорила окончательно нас всех.
Don't cry, pet. Look what I've brought you!	Ну, не плачь, котенок, погляди, что я тебе привез.
Isn't that a pretty present?	Что, хороший подарочек?

See, look!	Да ты погляди!
How could you be putting so much trouble on me, bringing me all the way up here when 'tis a busy man I am?	Ну, скажи, как ты могла доставить мне столько хлопот - заставила тащиться сюда, в такую даль, когда сама знаешь, у меня и без того дел по горло?
Don't cry!"	Ладно, не плачь!
Melanie and Pittypat had gone to sleep hours before, but Scarlett lay awake in the warm darkness, her heart heavy and frightened in her breast.	Мелани и тетушка Питтипэт давно уже спали, а Скарлетт лежала без сна в теплом полумраке; на душе у нее было тяжело, и сердце сжималось от страха.
To leave Atlanta when life had just begun again and go home and face Ellen!	Покинуть Атланту сейчас, когда жизнь снова стала ее манить, и встретиться лицом к лицу с Эллин!

She would rather die than face her mother.	Да она умрет, прежде чем посмотрит матери в глаза!
She wished she were dead, this very minute, then everyone would be sorry they had been so hateful.	Если бы она умерла сейчас, сию минуту, вот тогда бы они все пожалели, что были к ней так жестоки!
She turned and tossed on the hot pillow until a noise far up the quiet street reached her ears.	Она вертелась с боку на бок, голова ее металась по горячей подушке, и вдруг какой-то шум, нарушивший тишину погруженной в сон улицы, привлек ее внимание.

It was an oddly familiar noise, blurred and indistinct though it was.	Это был странно знакомый, хотя и неясный, еще отдаленный шум.

She slipped out of bed and went to the window.	Она соскользнула с постели и подошла к окну.
The street with its overarching trees was softly, deeply black under a dim star-studded sky.	Улица, едва различимая сквозь лиственный шатер деревьев, лежала темная, молчаливая под тускло мерцавшим звездами небесным куполом.
The noise came closer, the sound of wheels, the plod of a horse's hooves and voices.	Шум приближался - скрип колес, стук копыт, голоса.
And suddenly she grinned for, as a voice thick with brogue and whisky came to her, raised in	И неожиданно она улыбнулась, узнав хриплый от виски голос, распевавший с ирландским акцентом

"Peg in a Low-backed Car," she knew.	"В повозке с верхом откидным".
This might not be Jonesboro on Court Day, but Gerald was coming home in the same condition.	Конечно, здесь не Джонсборо и не день открытия судебной сессии, но тем не менее Джеральд возвращался домой в соответствующем этому знаменательному дню состоянии.
She saw the dark bulk of a buggy stop in front of the house and indistinct figures alight.	Скарлетт видела смутные очертания остановившейся перед домом коляски. Оттуда появились две темные фигуры.
Someone was with him.	Кто-то еще приехал с отцом.

Two figures paused at the gate and she heard the click of the latch and Gerald's voice came plain,	Темные фигуры постояли у калитки, звякнула щеколда, и Скарлетт отчетливо услышала голос отца:
"Now I'll be giving you the	- А сейчас я исполню тебе
'Lament for Robert Emmet.' 'tis a song you should be knowing, me lad.	"Плач по Роберту Эммету". Эту песню ты должен знать, приятель.
I'll teach it to you."	Я научу тебя ее петь.
"I'd like to learn it," replied his companion, a hint of buried laughter in his flat drawling voice. "But not now, Mr. O'Hara."	- Буду очень рад, - с легким смешком отвечал его спутник, - Только не сейчас, мистер О'Хара.

"Oh, my God, it's that hateful Butler man!" thought Scarlett, at first annoyed.	"Боже милостивый, опять этот несносный человек, этот Батлер!" - с раздражением подумала Скарлетт, узнав глуховатый голос и манерную медлительную речь.
Then she took heart. At least they hadn't shot each other.	И тут же обрадовалась: ну, по крайней мере, они хоть не перестреляли друг друга.
And they must be on amicable terms to be coming home together at this hour and in this condition.	Даже, как видно, неплохо поладили, раз заявились сюда вдвоем, да еще в таком виде.

"Sing it I will and listen you will or I'll be shooting you for the Orangeman you are."	- Я буду петь сейчас, и ты будешь меня слушать, или я застрелю тебя, потому что ты оранжист.
"Not Orangeman-Charlestonian."	- Не оранжист - чарльстонец.
"'Tis no better. 'tis worse.	- Чем это лучше? Хуже даже.
I have two sister-in-laws in Charleston and I know."	У меня в Чарльстоне две свояченицы, так уж я-то знаю.

"Is he going to tell the whole neighborhood?" thought Scarlett panic-stricken, reaching for her wrapper.	"Он, кажется, хочет оповестить об этом всех соседей?" - в испуге подумала Скарлетт и потянулась за пеньюаром.

But what could she do?	Но что, собственно, может она сделать?
She couldn't go downstairs at this hour of the night and drag her father in from the street.	Не бежать же вниз в такой час, чтобы увести отца с улицы?
With no further warning, Gerald, who was hanging on the gate, threw back his head and began the	А Джералд без лишних слов закинул голову и, прислонившись к калитке, начал выводить могучим басом
"Lament," in a roaring bass.	"Плач".
Scarlett rested her elbows on the window sill and listened, grinning unwillingly.	Скарлетт слушала, облокотившись о подоконник и улыбаясь против воли.

It would be a beautiful song, if only her father could carry a tune.	Такая красивая песня, одна из ее любимых. Жаль, что отец немного фальшивит.
It was one of her favorite songs and, for a moment, she followed the fine melancholy of those verses beginning:	Она тихонечко подхватила печальную мелодию:
"She is far from the land where her young hero sleeps And lovers are round her sighing."	На чужой стороне вал бесстрашные герой, А вкруг девы - поклонников рой...
The song went on and she heard stirrings in Pittypat's and Melly's rooms.	Песня лилась, и Скарлетт услышала какое-то движение в комнатах тетушки Питтипэт и Мелани.

Poor things, they'd certainly be upset.	Эти бедняги, конечно, будут очень расстроены.
They were not used to full-blooded males like Gerald.	Они ведь не привыкли к обществу таких жизнелюбивых ирландцев.
When the song had finished, two forms merged into one, came up the walk and mounted the steps.	Пение оборвалось, и две темные фигуры слились в одну, прошагали по дорожке и поднялись на крыльцо.
A discreet knock sounded at the door.	Послышался осторожный стук в дверь.
"I suppose I must go down," thought Scarlett.	"Надо, пожалуй, спуститься вниз, - подумала Скарлетт.

"After all he's my father and poor Pitty would die before she'd go."	- В конце концов, это же мой отец, а тетя Питти умрет, но не выйдет ночью на лестницу", К тому же ей никак не хотелось, чтобы слуги увидели ее отца в таком состоянии.
Besides, she didn't want the servants to see Gerald in his present condition. And if Peter tried to put him to bed, he might get unruly.	Джералд, пожалуй, еще начнет буянить, если Питер вздумает укладывать его в постель.
Pork was the only one who knew how to handle him.	Кроме Порка, никто не умеет с ним справляться.

She pinned the wrapper close about her throat, lit her bedside candle and hurried down the dark stairs into the front hall.	Она покрепче запахнула пеньюар, зажгла свечу, стоявшую на столике возле кровати, и стала спускаться по темной лестнице в холл.

Setting the candle on the stand, she unlocked the door and in the wavering light she saw Rhett Butler, not a ruffle disarranged, supporting her small, thickset father.	Поставив свечу на подзеркальник, она отомкнула дверь и в колеблющемся свете различила Ретта Батлера. Безупречно подтянутый - ни одна оборочка на манишке не смята - он поддерживал маленького, коренастого Джералда.
The	Как видно,

"Lament" had evidently been Gerald's swan song for he was frankly hanging onto his companion's arm.	"Плач" был лебединой песней Джералда, потому что теперь он уже без стеснения повис на руке своего спутника.
His hat was gone, his crisp long hair was tumbled in a white mane, his cravat was under one ear, and there were liquor stains down his shirt bosom.	Длинные жесткие седые волосы были взлохмачены, галстук переехал набок, грудь сорочки залита вином.
"Your father, I believe?" said Captain Butler, his eyes amused in his swarthy face.	- Насколько я понимаю, это ваш папаша?

He took in her dishabille in one glance that seemed to penetrate through her wrapper.	- Г лаза Ретта лукаво блестели на смуглом лице, и их взгляд, казалось, проникал сквозь ее дезабилье.
"Bring him in," she said shortly, embarrassed at her attire, infuriated at Gerald for putting her in a position where this man could laugh at her.	- Проводите его в дом, - коротко сказала Скарлетт, смущенная своим неприбранным видом и злясь на. Джералда за то, что он поставил ее в смешное положение перед этим человеком.
Rhett propelled Gerald forward.	Ретт Батлер подтолкнул Джералда вперед.
"Shall I help you take him upstairs?	- Прикажете помочь ему подняться по лестнице?
You cannot manage him.	Вам самой не справится.

He's quite heavy."	Он довольно тяжел.
Her mouth fell open with horror at the audacity of his proposal.	Испуганная столь наглым предложением, она на миг лишилась дара речи.
Just imagine what Pittypat and Melly cowering in their beds would think, should Captain Butler come upstairs!	Что подумают Мелани и тетушки Питти, затаившиеся у себя в спальнях, если услышат, что капитан Батлер поднимается ночью в верхние комнаты?
"Mother of God, no!	- О, матерь божья, нет, конечно!
In here, in the parlor on that settee."	Проводите его сюда, в гостиную, на этот канапе.
"The suttee, did you say?"	- На этот?.. Как вы сказали?

"I'll thank you to keep a civil tongue in your head.	- Я буду вам крайне признательна, если вы придержите ваш язык.
Here.	Вот сюда.
Now lay him down."	Теперь положите его.
"Shall I take off his boots?"	- Прикажете снять с него сапоги?
"No.	- Не надо.
He's slept in them before."	Он частенько в них спит.

She could have bitten off her tongue for that slip, for he laughed softly as he crossed Gerald's legs.	Она готова была откусить себе язык - надо же так проговориться! Ретт Батлер негромко рассмеялся, укладывая ноги Джералда на небольшую кушетку.

"Please go, now."	- Теперь, пожалуйста, уходите.
He walked out into the dim hall and picked up the hat he had dropped on the doorsill.	Он вышел в полутемный холл, поднял свою шляпу, которую, входя, бросил на пороге.
"I will be seeing you Sunday at dinner," he said and went out, closing the door noiselessly behind him.	- Надеюсь увидеться с вами в воскресенье за обедом, - сказал он и удалился, бесшумно притворив за собой дверь.
Scarlett arose at five-thirty, before the servants had come in from the back yard to start breakfast, and slipped down the steps to the quiet lower floor.	Скарлетт поднялась в половине шестого - пока слуги не пришли накрывать на стол к завтраку - и тихонько спустилась в безмолвные комнаты нижнею этажа.

Gerald was awake, sitting on the sofa, his hands gripping his bullet head as if he wished to crush it between his palms.	Джералд проснулся. Он сидел на диване, сжимая свою круглую голову руками. Казалось, он пытается раздавить ее между ладонями, как орех.
He looked up furtively as she entered.	Он украдкой покосился на дочь, когда она вошла.
The pain of moving his eyes was too excruciating to be borne and he groaned.	Но малейшее движение глазами доставляло ему такую боль, что он застонал.
"Wurra the day!"	- С добрым утречком!
"It's a fine way you've acted, Pa," she began in a furious whisper.	- Как вы себя ведете, па, - сердитым шепотом заговорила Скарлетт.

"Coming home at such an hour and waking all the neighbors with your singing."	- Явились домой за полночь и перебудили всех соседей своим пением!
"I sang?"	- Разве я пел?
"Sang!	- Пели!
You woke the echoes singing the	Орали
' Lament.....Tis nothing I'm remembering."	"Плач" на весь квартал - Ничего не помню.
"The neighbors will remember it till their dying day and so will Miss Pittypat and Melanie."	- Зато соседи будут помнить это до своего смертного часа - так же, как тетя Питтипэт и Мелани.

"Mother of Sorrows," moaned Gerald, moving a thickly furred tongue around parched lips. "'Tis little I'm remembering after the game started."	- Мать пресвятая богородица! - простонал Джералд, проходя сухим языком по запекшимся губам, - Мы играли, а что было потом, когда кончили, - хоть убей не помню.
"Game?"	- Играли?
"That laddybuck Butler bragged that he was the best poker player in-"	- Этот щенок Батлер похвалялся, что он лучший игрок в покер во всем...
"How much did you lose?"	- Сколько же вы проиграли?
"Why, I won, naturally.	- С чего ты взяла? Я выиграл, разумеется.
A drink or two helps me game."	Стаканчик, другой мне всегда помогает в игре.

"Look in your wallet."	- Проверьте свой бумажник.

As if every movement was agony, Gerald removed his wallet from his coat and opened it.	Очень медленно, словно каждое движение причиняло ему острую боль, Джералд достал из кармана бумажник и заглянул в него.
It was empty and he looked at it in forlorn bewilderment.	Бумажник был пуст, и он потерянно повертел его в руках.
"Five hundred dollars," he said.	- Пятьсот долларов, - сказал он.
"And 'twas to buy things from the blockaders for Mrs. O'Hara, and now not even fare left to Tara."	- Все, что у меня было с собой, чтобы купить кой-какие вещички у контрабандистов для миссис О'Хара. Даже на обратный проезд не осталось.

As she looked indignantly at the empty purse, an idea took form in Scarlett's mind and grew swiftly.	Скарлетт с возмущением глядела на пустой бумажник, и в этот миг в мозгу у нее родилась некая идея и начал быстро созревать план.
"I'll not be holding up my head in this town," she began.	- Теперь я в этом городе не смогу смотреть людям в глаза, - начала она.
"You've disgraced us all."	- Вы осрамили нас всех.
"Hold your tongue, Puss.	- Помолчи немного, котенок.
Can you not see me head is bursting?"	Ты же видишь, у меня голова раскалывается.

"Coming home drunk with a man like Captain Butler, and singing at the top of your lungs for everyone to hear and losing all that money."	- Явились домой пьяный, с этим капитаном Батлером, распевали во все горло, всех перебудили, да еще просадили все деньги в карты.
"The man is too clever with cards to be a gentleman.	- Этот человек слишком ловок в покер - верно, он не джентльмен.
He-"	Он...
"What will Mother say when she hears?"	- Что скажет мама, когда узнает?
He looked up in sudden anguished apprehension.	Он в испуге вскинул на нее глаза.

"You wouldn't be telling your mother a word and upsetting her, now would you?"	- Ты же ничего не скажешь матери, не станешь ее волновать? Верно?
Scarlett said nothing but pursed her lips.	Скарлетт промолчала, поджав губы.
"Think now how 'twould hurt her and her so gentle."	- Подумай, как это ее расстроит, а у нее такое хрупкое здоровье!
"And to think, Pa, that you said only last night I had disgraced the family!	- А вспомните, па: не далее как вчера вечером вы говорили, что я будто бы опозорила семью!
Me, with my poor little dance to make money for the soldiers.	И все из-за какого-то несчастного танца, который я протанцевала, чтобы собрать денег для госпиталя!

Oh, I could cry."	Ну как тут не заплакать!
"Well, don't," pleaded Gerald. "'Twould be more than me poor head could stand and sure 'tis bursting now."	- Только не плачь! - взмолился Джеральд. - Моя бедная голова этого не выдержит, она и так готова лопнуть от боли.
"And you said that I-"	- И вы еще сказали, что я...
"Now Puss, now Puss, don't you be hurt at what your poor old father said and him not meaning a thing and not understanding a thing!	- Ладно, котенок, ладно, не обижайся на своего бедного, старого папку. Я же совсем не думал того, что говорил. Да и не по моей все это части.

Sure, you're a fine well-meaning girl, I'm sure."	Я знаю, что ты хорошая девочка и хотела только добра. Уверен в этом.

"And wanting to take me home in disgrace."	- А ведь грозились с позором увезти меня домой.
"Ah, darling, I wouldn't be doing that.	- Ах, доченька, никуда бы я тебя не увез.
' Twas to tease you.	Это просто чтобы тебя подразнить.
You won't be mentioning the money to your mother and her in a flutter about expenses already?"	Ты ведь не расскажешь матери про деньги? Она и так расстраивается, что расходы растут.
"No," said Scarlett frankly,	- Нет, - напрямик заявила Скарлетт.

"I won't, if you'll let me stay here and if you'll tell Mother that 'twas nothing but a lot of gossip from old cats."	- Не скажу, если вы позволите мне остаться здесь и объясните маме, что ничего такого не было - все это выдумки старых сплетниц.
Gerald looked mournfully at his daughter.	Джералд скорбно поглядел на дочь.
"'Tis blackmail, no less."	- А ведь это настоящий шантаж.
"And last night was a scandal, no less."	- А этой ночью был настоящий дебош.
"Well," he began wheedlingly, "we'll be forgetting all that.	- Ну, хорошо, забудем все это, - вкрадчиво проговорил Джералд.
And do you think a fine pretty lady like Miss Pittypat would be having any brandy in the house?	- А как ты думаешь, у такой благородной старой дамы, как мисс Питтипэт, найдется в доме глоток бренди?

The hair of the dog-"	Разрази меня гром, до чего ж...
Scarlett turned and tiptoed through the silent hall into the dining room to get the brandy bottle that she and Melly privately called the "swoon bottle" because Pittypat always took a sip from it when her fluttering heart made her faint-or seem to faint.	Скарлетт повернулась, неслышно пересекла холл и направилась в столовую, чтобы достать бутылку бренди, которую они с Мелли называли между собой "обморочной бутылкой", поскольку тетушка Питти всякий раз отпивала из нее глоточек, когда у нее останавливалось сердце (или ей казалось, что оно останавливается) и она готова была лишиться чувств.

Triumph was written on her face and no trace of shame for her unfilial treatment of Gerald.	Лицо Скарлетт выражало торжество - никаких угрызений совести она не испытывала, хотя и поступила с Джералдом отнюдь не как любящая, преданная дочь.
Now Ellen would be soothed with lies if any other busybody wrote her.	Теперь тревогу Эллин усыпят с помощью обмана, если еще какая-нибудь досужая сплетница не вздумает ей написать.
Now she could stay in Atlanta. Now she could do almost as she pleased, Pittypat being the weak vessel that she was.	Теперь она останется в Атланте и будет делать все, что захочет, а тетю Питтипэт заставит плясать под свою дудку.

She unlocked the cellaret and stood for a moment with the bottle and glass pressed to her bosom.	Она отперла погребец и с минуту постояла, прижав к груди бутылку и стакан.
She saw a long vista of picnics by the bubbling waters of Peachtree Creek and barbecues at Stone Mountain, receptions and balls, afternoon danceables, buggy rides and Sunday-night buffet suppers.	Перед ее глазами проносились видения: пикники на берегу пенистых вод Персикового ручья и у подножия Стоун-Маунтин; балы и приемы; маленькие послеобеденные танцульки; катания в колясках и ужины а-ля фуршет по субботам.

She would be there, right in the heart of things, right in the center of a crowd of men.	Теперь она примет во всем этом участие; окруженная мужчинами, она будет в центре всех развлечений.

And men fell in love so easily, after you did little things for them at the hospital.	А мужчины так легко влюбляются, стоит проявить о них маленькую заботу в госпитале.
She wouldn't mind the hospital so much now.	Теперь госпиталь уже не будет ей так противен.
Men were so easily stirred when they had been ill.	Выздоравливающие мужчины чрезвычайно чувствительны к женскому вниманию.
They fell into a clever girl's hand just like the ripe peaches at Tara when the trees were gently shaken.	Если девушка достаточно ловка, они падают к ее ногам, как падают в Таре спелые персики с ветвей, стоит легонько потрясти дерево.

She went back toward her father with the reviving liquor, thanking Heaven that the famous O'Hara head had not been able to survive last night's bout and wondering suddenly if Rhett Butler had had anything to do with that.	Скарлетт возвратилась к отцу с бутылкой возрождающего к жизни напитка, благодаря судьбу за то, что прославленная своей крепостью голова О'Хары не выдержала на сей раз испытания, и неожиданно задала себе вопрос: не повинен ли в этом в какой-то мере капитан Батлер?
CHAPTER XI	Глава 11
On an afternoon of the following week, Scarlett came home from the hospital weary and indignant.	На следующей неделе Скарлетт возвратилась после полудня из госпиталя домой в очень дурном расположении духа.

She was tired from standing on her feet all morning and irritable because Mrs. Merriwether had scolded her sharply for sitting on a soldier's bed while she dressed his wounded arm.	Она устала стоять целое утро на ногах и разозлилась, когда миссис Мерриуэзер сделала ей резкое замечание за то, что, бинтуя раненому руку, она присела к нему на кровать.
Aunt Pitty and Melanie, bonneted in their best, were on the porch with Wade and Prissy, ready for their weekly round of calls.	Тетушка Питти и Мелани - обе в самых нарядных своих шляпках - и Присси с Уэйдом на руках стояли на крыльце, приготовившись отправиться с еженедельными визитами.
Scarlett asked to be excused from accompanying them and went upstairs to her room.	Скарлетт, извинившись, что не может их сопровождать, поднялась к себе.

When the last sound of carriage wheels had died away and she knew the family was safely out of sight, she slipped quietly into Melanie's room and turned the key in the lock.	Когда все семейство отбыло и даже скрип колес замер вдали, она тихонько прошмыгнула в комнату Мелани и заперла за собой дверь.
It was a prim, virginal little room and it lay still and warm in the slanting rays of the four-o'clock sun.	В строгой, залитой косыми лучами послеполуденного солнца девичьей комнате царила тишина.

The floors were glistening and bare except for a few bright rag rugs, and the white walls unornamented save for one corner which Melanie had fitted up as a shrine.	На натертом до блеска полу не было ничего, кроме двух-трех ярких лоскутных ковриков, и ни единого украшения на беленых стенах. Только в углу Мелани соорудила нечто вроде алтаря.
Here, under a draped Confederate flag, hung the gold-hilted saber that Melanie's father had carried in the Mexican War, the same saber Charles had worn away to war.	Под большим, ниспадающим красивыми складками флагом Конфедерации висела сабля с золотым эфесом, немало послужившая отцу Мелани в Мексиканскую войну и доставшаяся Чарльзу, когда он уезжал на фронт.

Charles' sash and pistol belt hung there too, with his revolver in the holster.	Пояс и портупея Чарльза с револьвером в кобуре висели тут же.
Between the saber and the pistol was a daguerreotype of Charles himself, very stiff and proud in his gray uniform, his great brown eyes shining out of the frame and a shy smile on his lips.	А между ними - дагерротипный портрет самого Чарльза - неестественно прямого и очень гордого, в сером мундире. Большие карие глаза его сияли, на губах играла смущенная улыбка.
Scarlett did not even glance at the picture but went unhesitatingly across the room to the square rosewood writing box that stood on the table beside the narrow bed.	Даже не взглянув на портрет, Скарлетт решительным шагом направилась в противоположный угол, где на маленьком столике у изголовья неширокой кровати стояла шкатулка розового дерева.

From it she took a pack of letters tied together with a blue ribbon, addressed in Ashley's hand to Melanie.	Она достала оттуда перевязанную голубой ленточкой пачку писем, написанных рукой Эшли и адресованных Мелани.
On the top was the letter which had come that morning and this one she opened.	Сверху лежало письмо, доставленное утром, и это письмо Скарлетт вынула из конверта.
When Scarlett first began secretly reading these letters, she had been so stricken of conscience and so fearful of discovery she could hardly open the envelopes for trembling.	Когда она впервые начала украдкой читать эти письма, ее порядком мучила совесть и охватывал такой страх быть пойманной на месте преступления, что она едва решалась вскрыть дрожащими пальцами конверт.

Now, her nevertoo-scrupulous sense of honor was dulled by repetition of the offense and even fear of discovery had subsided.	По мало-помалу от частых повторений этой проделки ее не слишком остро развитое чувство порядочности и вовсе притупилось, да и страх сам собой исчез.
Occasionally, she thought with a sinking heart,	Иногда еще мелькала мысль:
"What would Mother say if she knew?"	"Что сказала бы мама, узнай она про это?"
She knew Ellen would rather see her dead than know her guilty of such dishonor.	И тогда начинало противно сосать под ложечкой. Она понимала, что Эллин, вероятно, легче было бы увидеть ее мертвой, чем совершающей столь бесчестный поступок.

This had worried Scarlett at first, for she still wanted to be like her mother in every respect.	Это беспокоило Скарлетт поначалу, ибо ей все еще хотелось во всем походить на мать.
But the temptation to read the letters was too great and she put the thought of Ellen out of her mind.	Но соблазн прочесть письма был слишком велик, и она выбросила мысль о матери из головы.
She had become adept at putting unpleasant thoughts out of her mind these days.	Именно в те дни начала она приобретать умение отметать от себя неприятные мысли.
She had learned to say,	Она научилась говорить себе:
"I won't think of this or that bothersome thought now.	"Я не стану думать об этом (или о том) сейчас -это слишком неприятно.

I'll think about it tomorrow."	Я подумаю об этом завтра".
Generally when tomorrow came, the thought either did not occur at all or it was so attenuated by the delay it was not very troublesome.	И чаще всего, когда наступало завтра, неприятная мысль или не возникала больше, или по прошествии времени уже не казалась такой неприятной.

So the matter of Ashley's letters did not lie very heavily on her conscience.	Словом, чтение тайком писем Эшли теперь не слишком обременяло ее совесть.
Melanie was always generous with the letters, reading parts of them aloud to Aunt Pitty and Scarlett.	Мелани, получая письма от Эшли, обычно охотно делилась с тетушкой Питти и Скарлетт и читала им оттуда целые куски вслух.

But it was the part she did not read that tormented Scarlett, that drove her to surreptitious reading of her sister-in-law's mail.	Но именно то, что оставалось непрочитанным, так терзало своей неизвестностью Скарлетт, что толкнуло ее на чтение писем тайком.
She had to know if Ashley had come to love his wife since marrying her.	Она во что бы то ни стало хотела знать, полюбил ли Эшли Мелани после того, как она стала его женой.
She had to know if he even pretended to love her.	И притворялся ли он когда-нибудь, что любит ее?
Did he address tender endearments to her?	Говорил ли он ей нежные и пылкие слова?
What sentiments did he express and with what warmth?	Как выражал он свои чувства, с каким жаром?

She carefully smoothed out the letter.	Она осторожно развернула листки.
Ashley's small even writing leaped up at her as she read,	В глаза бросились ровные, мелким почерком выведенные строчки.
"My dear wife," and she breathed in relief.	"Моя дорогая женушка", - прочла она.
He wasn't calling Melanie	У нее отлегло от сердца.
"Darling" or "Sweetheart" yet.	Он, как и в прежних письмах, не писал Мелани -"любима;;" или "моя возлюбленная".

"My Dear wife: You write me saying you are alarmed lest I be concealing my real thoughts from you and you ask me what is occupying my mind these days-"	"Моя дорогая женушка! Тебя тревожат, пишешь ты, сомнения: не скрываю ли и от тебя своих истинных мыслей. Ты спрашиваешь, о чем думаю я в эти дни..."
"Mother of God!" thought Scarlett, in a panic of guilt. "'Concealing his real thoughts.'	"Матерь божья! Что это значит: "не скрываю ли я свои истинные мысли"? - в испуге подумала Скарлетт, так как, совесть ее, разумеется, была нечиста.
Can Melly have read his mind?	- Неужели Мелани знает что у него па душе?
Or my mind?	Или у меня?

Does she suspect that he and I-" Her hands trembled with fright as she held the letter closer, but as she read the next paragraph she relaxed.	Неужели! она подозревает, что мы с ним..." Руки ей дрожали, когда она снова взялась за письмо, но, читая дальше, она начала успокаиваться.
"Dear Wife, if I have concealed aught from you it is because I did not wish to lay a burden on your shoulders, to add to your worries for my physical safety with those of my mental turmoil.	"Дорогая женушка, если я хоть что-нибудь скрывал от тебя, то единственно лишь потому, что не хотел к твоему беспокойству о моем здоровье прибавлять еще тревогу о моем душевном состоянии.
But I can keep nothing from you, for you know me too well.	Но ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы я мог что-нибудь от тебя утаить.
Do not be alarmed.	Не тревожься.

I have no wound.	Я не ранен.

I have not been ill.	Я здоров.
I have enough to eat and occasionally a bed to sleep in.	Я сыт и время от времени имею даже возможность поспать в постели.
A soldier can ask for no more.	А большего солдат и не может желать.
But, Melanie, heavy thoughts lie on my heart and I will open my heart to you.	Но у меня тяжело на сердце, Мелани, и я открою тебе свою душу.
"These summer nights I lie awake, long after the camp is sleeping, and I look up at the stars and, over and over, I wonder,	В эти летние ночи, когда весь лагерь спит, я долго лежу без сна, гляжу на звезды и снова и снова задаю себе вопрос:

'Why are you here, Ashley Wilkes?	"Зачем ты здесь, Эшли Уилкс?
What are you fighting for?'	Ради чего пошел ты воевать?"
"Not for honor and glory, certainly.	Не ради почестей и славы, разумеется.
War is a dirty business and I do not like dirt.	Война - грязное занятие, а мне грязь претит.
I am not a soldier and I have no desire to seek the bubble reputation even in the cannon's mouth.	Я не воин по натуре и не ищу геройской смерти под пулями.
Yet, here I am at the wars-whom God never intended to be other than a studious country gentleman.	И тем не менее я здесь, на войне, в то время как мне богом предназначено было всего лишь заниматься но мере сил науками и сельским хозяйством.

For, Melanie, bugles do not stir my blood nor drums entice my feet and I see too clearly that we have been betrayed, betrayed by our arrogant Southern selves, believing that one of us could whip a dozen Yankees, believing that King Cotton could rule the world.	Видишь ли, Мелани, звук трубы не зажигает мою кровь, и дробь барабана не понуждает мои ноги спешить в поход, ибо я слишком ясно вижу: нас предали. Нас предало наше собственное самомнение, наша уверенность, что любой южанин стоит дюжины янки, что Король Хлопок может править миром.

Betrayed, too, by words and catch phrases, prejudices and hatreds coming from the mouths of those highly placed, those men whom we respected and revered-'King Cotton, Slavery, States' Rights, Damn Yankees. '	Нас предали громкие слова и предрассудки, призывы к ненависти и демагогические фразы: "Король Хлопок, Рабовладение, Права Юга, Будь прокляты янки" - ведь мы слышали их из уст тех, кто поставлен над нами, кого мы привыкли уважать и чтить.
"And so when I lie on my blanket and look up at the stars and say	И вот когда, лежа на своем одеяле и глядя на звезды, я спрашиваю себя:

'What are you fighting for?' I think of States' Rights and cotton and the darkies and the Yankees whom we have been bred to hate, and I know that none of these is the reason why I am fighting.	"За что ты сражаешься?" - я начинаю думать о Правах Юга, и о хлопке, и о неграх, и о янки, ненависть к которым внушали с пеленок, и понимаю, что не здесь надо искать ответа на вопрос, почему я взял в руки оружие.
Instead, I see Twelve Oaks and remember how the moonlight slants across the white columns, and the unearthly way the magnolias look, opening under the moon, and how the climbing roses make the side porch shady even at the hottest noon.	Но я вспоминаю Двенадцать Дубов, и косые лучи лунного света меж белых колонн, и странно призрачные в этих лучах цветы магнолий, и оплетенную вьющимися розами веранду, где прохладно даже в самый знойный полдень.

And I see Mother, sewing there, as she did when I was a little boy.	И я вижу себя еще ребенком и мать с шитьем в руках.

And I hear the darkies coming home across the fields at dusk, tired and singing and ready for supper, and the sound of the windlass as the bucket goes down into the cool well.	И слышу голоса негров, усталых, голодных, возвращающихся в сумерках с поля. Слышу их пение, и скрип ворота над глубоким колодцем, и плеск воды, когда в нее погружается ведро.
And there's the long view down the road to the river, across the cotton fields, and the mist rising from the bottom lands in the twilight.	И вижу длинный спуск к реке через поля хлопчатника, и туман, ползущий в вечернем сумраке с низины.

And that is why I'm here who have no love of death or misery or glory and no hatred for anyone.	И я понимаю, почему, не гонясь за славой, не ища смерти, страшась страданий и не питая ненависти ни к кому, - я все же здесь.
Perhaps that is what is called patriotism, love of home and country.	Быть может, это и называют патриотизмом, любовью к отчему дому, к родному краю.
But Melanie, it goes deeper than that.	И тем не менее, Мелани, то, что привело меня сюда, еще глубже.
For, Melanie, these things I have named are but the symbols of the thing for which I risk my life, symbols of the kind of life I love.	Ведь все, о чем я говорил, - это лишь символы того, за что я готов отдать жизнь, символы того образа жизни, который мне дорог.

For I am fighting for the old days, the old ways I love so much but which, I fear, are now gone forever, no matter how the die may fall. For, win or lose, we lose just the same.	Ибо я сражаюсь за прошлое, за былой уклад жизни, который я так люблю и который, боюсь, утрачен навеки, какие бы кости ни выпали нам в этой игре, потому что - победим мы или потерпим поражение - и в том и в другом случае мы проиграли.
"If we win this war and have the Cotton Kingdom of our dreams, we still have lost, for we will become a different people and the old quiet ways will go.	Если мы победим в этой войне и воплотим нашу мечту - Королевство Хлопка - в жизнь, мы все равно проиграли, потому что мы уже будем другими людьми и прежний мирный уклад жизни не возвратится.

The world will be at our doors clamoring for cotton and we can command our own price.	Весь мир будет стучаться в наши двери, требуя хлопка, а мы будем назначать цены.
Then, I fear, we will become like the Yankees, at whose money-making activities, acquisitiveness and commercialism we now sneer.	И тогда, боюсь, мы уподобимся янки, над чьим торгашеством, алчностью и стяжательством мы сейчас потешаемся.
And if we lose, Melanie, if we lose!	Ну, а если мы проиграем войну, Мелани, если мы проиграем!..

"I am not afraid of danger or capture or wounds or even death, if death must come, but I do fear that once this war is over, we will never get back to the old times.	Я не боюсь ни ран, ни плена, ни даже смерти, если уж таков мой удел, - меня пугает одно: чем бы ни окончилась война, возврата к прошлому уже не будет.
And I belong in those old times.	А я принадлежу к прошлому.
I do not belong in this mad present of killing and I fear I will not fit into any future, try though I may.	Я не создан для нынешней жизни, с ее безумной страстью убивать, и, боюсь, не найду себе места и в будущем, даже если буду очень стараться.
Nor will you, my dear, for you and I are of the same blood.	Также и ты, моя дорогая, ибо мы с тобой родственные души.

I do not know what the future will bring, but it cannot be as beautiful or as satisfying as the past.	Не знаю, что принесет нам будущее, но оно не будет столь прекрасным, столь близким нам по духу, как прошлое.
"I lie and look at the boys sleeping near me and I wonder if the twins or Alex or Cade think these same thoughts.	Я гляжу на наших солдат, спящих рядом со мной, и думаю: разделяют ли мои чувства близнецы Тарлтоны, или Алекс, или Кэйд?
I wonder if they know they are fighting for a Cause that was lost the minute the first shot was fired, for our Cause is really our own way of living and that is gone already.	Понимают ли они, что сражаются за Дело, которое погибло безвозвратно уже в ту минуту, когда прогремели первые залпы, потому что наше дело - это, в сущности, наш уклад жизни, а он канул в прошлое навеки.

But I do not think they think these things and they are lucky.	Впрочем, думаю, что их такие мысли не мучают и, значит, им повезло.
"I had not thought of this for us when I asked you to marry me.	Когда я просил тебя стать моей женой, у меня совсем не было таких мыслей.
I had thought of life going on at Twelve Oaks as it had always done, peacefully, easily, unchanging.	Мне наша жизнь в Двенадцати Дубах рисовалась спокойной, легкой, приятно-устойчивой.

We are alike, Melanie, loving the same quiet things, and I saw before us a long stretch of uneventful years in which to read, hear music and dream.	Мы с тобой сродни друг другу, Мелани, мы одинаково любим тишину и покой, и я видел впереди долгие, не слишком богатые событиями годы, посвященные музыке, книгам, мечтам.
But not this!	Но никак не то, что произошло!
Never this!	Никак не это!
That this could happen to us all, this wrecking of old ways, this bloody slaughter and hate!	Никак не ломку всего старого, не эту кровавую резню и ненависть!
Melanie, nothing is worth it-States' Rights, nor slaves, nor cotton.	Это слишком дорогая плата, Мелани.

Nothing is worth what is happening to us now and what may happen, for if the Yankees whip us the future will be one of incredible horror.	Ни Права Юга, ни хлопок, ни рабы не стоят того, чтобы платить за них такой ценой - ценой того, что происходит с нами сейчас и что может еще произойти. Ведь если янки одержат победу то судьба наша будет ужасна.
And, my dear, they may yet whip us.	А они еще могут нас одолеть, моя дорогая.
"I should not write those words.	Я не должен был писать тебе этих слов.
I should not even think them. But you have asked me what was in my heart, and the fear of defeat is there.	Я не должен был так и думать, но ты спросила: какая тяжесть лежит у меня на сердце, и я отвечаю тебе: страх поражения.

Do you remember at the barbecue, the day our engagement was announced, that a man named Butler, a Charlestonian by his accent, nearly caused a fight by his remarks about the ignorance of Southerners?	Помнишь, на барбекю в день нашей помолвки некий человек по имени Батлер, судя по произношению чарльстонец, позволил себе нелестно отозваться о южанах, обвинив их в невежестве, за что едва не был вызван на дуэль?
Do you recall how the twins wanted to shoot him because he said we had few foundries and factories, mills and ships, arsenals and machine shops?	Помнишь, как близнецы готовы были пристрелить его, когда он сказал, что у нас мало заводов и фабрик, прокатных станов и кораблей, арсеналов и механических мастерских?

Do you recall how he said the Yankee fleet could bottle us up so tightly we could not ship out our cotton?	Помнишь, как он сказал: флот северян может так блокировать наши порты, что мы лишимся возможности вывозить хлопок?
He was right.	Он оказался прав.
We are fighting the Yankees' new rifles with Revolutionary War muskets, and soon the blockade will be too tight for even medical supplies to slip in.	Янки вооружены новейшими винтовками, а мы выходим против них с мушкетами времен Войны за независимость, и скоро блокада совсем нас задушит - к нам не будут поступать даже медикаменты.
We should have paid heed to cynics like Butler who knew, instead of statesmen who felt-and talked.	Нам следовало бы прислушиваться к таким циникам, как Батлер, которые знают, что говорят, а не к восторженным болтунам, которые только говорят, а дела не знают.

He said, in effect, that the South had nothing with which to wage war but cotton and arrogance.	Он, в сущности, сказал, что Югу нечем воевать, кроме хлопка и спеси.
Our cotton is worthless and what he called arrogance is all that is left. But I call that arrogance matchless courage.	Хлопок наш стал бесполезен, и осталось у нас только то, что он назвал спесью, а я бы назвал беспримерной отвагой.
If-" But Scarlett carefully folded up the letter without finishing it and thrust it back into the envelope, too bored to read further.	Если бы..." Тут Скарлетт аккуратно сложила письмо и сунула его обратно в конверт. Она не в силах была читать дальше - письмо оказалось слишком скучным.

Besides, the tone of the letter vaguely depressed her with its foolish talk of defeat.	К тому же эти глупые мысли о поражении вселили в нее смутную тревогу.
After all, she wasn't reading Melanie's mail to learn Ashley's puzzling and uninteresting ideas.	Да и вообще она начала тайком читать эти письма вовсе не для того, чтобы забивать себе голову странными и малоинтересными фантазиями Эшли.
She had had to listen to enough of them when he sat on the porch at Tara in days gone by.	Она наслушалась их предостаточно, сидя с ним на крыльце у себя в имении в те канувшие в прошлое времена.
All she wanted to know was whether he wrote impassioned letters to his wife.	Ей хотелось узнать только одно: пишет ли он Мелани пылкие письма.

So far he had not.	Пока что он их не писал.
She had read every letter in the writing box and there was nothing in any one of them that a brother might not have written to a sister.	Она перечитала все до единого письма, хранившиеся в этой шкатулке, и не обнаружила ни в одном из них ни намека на то, чего любящий брат не мог бы написать сестре.
They were affectionate, humorous, discursive, but not the letters of a lover.	Это были нежные письма, порой забавные, порой сбивчивые, но это не были любовные письма.
Scarlett had received too many ardent love letters herself not to recognize the authentic note of passion when she saw it.	Скарлетт самой доводилось - и не раз - получать пылкие любовные послания, и она безошибочно угадывала чутьем, когда в словах сквозила подлинная страсть.

And that note was missing.	В этих письмах ее не было.

As always after her secret readings, a feeling of smug satisfaction enveloped her, for she felt certain that Ashley still loved her.	И как всегда после такого чтения украдкой, она почувствовала приятное успокоение. Письма укрепляли ее уверенность в том, что Эшли все еще любит ее.
And always she wondered sneeringly why Melanie did not realize that Ashley only loved her as a friend.	И снова она усмехнулась про себя, удивляясь, как Мелани может не видеть, что Эшли любит ее только как друг.

Melanie evidently found nothing lacking in her husband's messages but Melanie had had no other man's love letters with which to compare Ashley's."	А Мелани, казалось, вовсе не считала, что письмам Эшли чего-то не хватает. Впрочем, ей ведь не с чем было их сравнивать - она никогда не получала любовных посланий.
"He writes such crazy letters," Scarlett thought.	"Он пишет ей совершенно идиотские письма, -думала Скарлетт.
"If ever any husband of mine wrote me such twaddle-twaddle, he'd certainly hear from me!	- Если когда-нибудь мой муж вздумает писать мне такую галиматью, ему достанется от меня на орехи!
Why, even Charlie wrote better letters than these."	Господи, даже письма Чарли - и те были лучше".

She flipped back the edges of the letters, looking at the dates, remembering their contents.	Она перебирала пальцами уголки писем, разглядывая даты, стараясь припомнить содержание каждого письма.
In them there were no fine descriptive pages of bivouacs and charges such as Darcy Meade wrote his parents or poor Dallas McLure had written his old-maid sisters, Misses Faith and Hope.	В них не было красивых описаний сражений и биваков, как в письмах Дарси Мида к его родителям или в письмах бедняжки Далласа Маклюра к его сестрам-перестаркам.

The Meades and McLures proudly read these letters all over the neighborhood, and Scarlett had frequently felt a secret shame that Melanie had no such letters from Ashley to read aloud at sewing circles.	Мисс Фейс, и мисс Хоуп, и Миды, и Маклюры с гордостью читали эти письма всем соседям, и Скарлетт не раз испытывала втайне стыд, что Эшли не пишет Мелани таких писем, которые интересно было бы почитать в швейном кружке вслух.

It was as though when writing Melanie, Ashley tried to ignore the war altogether, and sought to draw about the two of them a magic circle of timelessness, shutting out everything that had happened since Fort Sumter was the news of the day.	Казалось, Эшли в этих письмах вообще старался обходить войну молчанием, словно хотел провести некую магическую черту, отделить себя и Мелани от своего времени, отгородиться от всех событий, которые произошли с того памятного дня, когда слова "форт Самтер" были у каждого на устах.
It was almost as if he were trying to believe there wasn't any war.	Словно он старался убедить себя в том, что никакой войны вообще нет.

He wrote of books which he and Melanie had read and songs they had sung, of old friends they knew and places he had visited on his Grand Tour.	Он писал Мелани о прочитанных вместе книгах, о спетых вместе романсах, о старых друзьях и о местах, которые он посетил во время своей поездки в Европу.

Through the letters ran a wistful yearning to be back home at Twelve Oaks, and for pages he wrote of the hunting and the long rides through the still forest paths under frosty autumn stars, the barbecues, the fish fries, the quiet of moonlight nights and the serene charm of the old house.	Все его письма были пронизаны тоской по Двенадцати Дубам, и листок за листком он вспоминал охоту и долгие прогулки верхом по тихим лесным просекам под холодным звездным небом, и пикники, и рыбную ловлю, и тихие лунные ночи, и пленительный величавый покой старого дома.

She thought of his words in the letter she had just read:	Скарлетт вспомнились слова только что прочитанного письма:
"Not this!	"Никак не то, что произошло!
Never this!" and they seemed to cry of a tormented soul facing something he could not face, yet must face.	Никак не это". И она услышала в них крик измученной души перед лицом чего-то ужасного, чего нельзя принять и от чего некуда скрыться.
It puzzled her for, if he was not afraid of wounds and death, what was it he feared?	Слова эти ставили ее в тупик: ведь если Эшли не страшны ни раны, ни смерть, так чего же он тогда боится?
Unanalytical, she struggled with the complex thought.	Она старалась разобраться в этих сложных мыслях.

"The war disturbs him and he-he doesn't like things that disturb him... Me, for instance... He loved me but he was afraid to marry me because-for fear I'd upset his way of thinking and living.	"Война нарушила его покой, а он... он не любит того, что угрожает его покою... Как я, например... Он любит меня, но боялся жениться на мне, боялся, что я нарушу уклад его жизни, образ мыслей.
No, it wasn't exactly that he was afraid.	Нет, не то чтоб боялся, это неверно.
Ashley isn't a coward.	Эшли не трус.
He couldn't be when he's been mentioned in dispatches and when Colonel Sloan wrote that letter to Melly all about his gallant conduct in leading the charge.	Какой же он трус, если его имя упоминается в донесениях, и полковник Слоан прислал Мелли письмо и описал, как храбро Эшли сражался, как он повел своих солдат в атаку.

Once he's made up his mind to do something, no one could be braver or more determined but-He lives inside his head instead of outside in the world and he hates to come out into the world and-Oh, I don't know what it is!	Когда он хочет чего-то достигнуть, нет человека смелее и решительнее его, но... Он живет в том мире, что внутри него, а не в том, что его окружает, и не хочет слиться с ним... И он... О, я знаю, как это назвать!
If I'd just understood this one thing about him years ago, I know he'd have married me."	Если бы тогда, год назад, я понимала это, он бы женился на мне, я знаю".
She stood for a moment holding the letters to her breast, thinking longingly of Ashley.	Она стояла, прижав письма к груди, и с нежностью думала об Эшли.

Her emotions toward him had not changed since the day when she first fell in love with him.	Ее чувство к нему не изменилось - оно было таким же, как в тот день, когда она впервые поняла, что любит его.
They were the same emotions that struck her speechless that day when she was fourteen years old and she had stood on the porch of Tara and seen Ashley ride up smiling, his hair shining silver in the morning sun.	Как в то мгновение, когда ей было четырнадцать лет и она стояла на крыльце в Таре и увидела, как он подъезжает верхом к дому, улыбается и волосы его золотятся в лучах утреннего солнца. И, увидев, обмерла.

Her love was still a young girl's adoration for a man she could not understand, a man who possessed all the qualities she did not own but which she admired.	И сейчас она все так же, как та девочка-подросток, преклонялась перед этим мужчиной, совсем его не понимая и восхищаясь теми сторонами его натуры, которые были ей самой чужды.
He was still a young girl's dream of the Perfect Knight and her dream asked no more than acknowledgment of his love, went no further than hopes of a kiss.	Ее любовь все еще была детской мечтой о Прекрасном Принце, не требующей ничего, кроме поцелуя и признания, что и он ее любит.

After reading the letters, she felt certain he did love her, Scarlett, even though he had married Melanie, and that certainty was almost all that she desired.	Прочтя письма Эшли, Скарлетт уже не сомневалась, что он любит ее, хотя и женился на Мелани, и ей, в сущности, было довольно этой уверенности.
She was still that young and untouched.	Она была еще так молода, и душа ее так нетронута.
Had Charles with his fumbling awkwardness and his embarrassed intimacies tapped any of the deep vein of passionate feeling within her, her dreams of Ashley would not be ending with a kiss.	Близость с Чарльзом, его неловкие стыдливые ласки не смогли пробудить тлевшего в ней подспудного огня, и ее мечты об Эшли не шли дальше поцелуя.

But those few moonlight nights alone with Charles had not touched her emotions or ripened her to maturity.	В те короткие лунные ночи, проведенные с Чарльзом, ее чувства еще не пробудились, она еще не созрела для любви.
Charles had awakened no idea of what passion might be or tenderness or true intimacy of body or spirit.	В объятиях Чарльза она не познала ни страсти, ни подлинной нежности, ни высокого накала чувств в слиянии душ и тел.
All that passion meant to her was servitude to inexplicable male madness, unshared by females, a painful and embarrassing process that led inevitably to the still more painful process of childbirth.	Плотская любовь была для нее просто уступкой непонятной одержимости мужчин, которую женщина не в состоянии разделить, - чем-то постыдным и мучительным, неизбежно ведущим к еще более мучительному: к родам.

That marriage should be like this was no surprise to her.	Эта сторона брака не являлась для нее неожиданностью.
Ellen had hinted before the wedding that marriage was something women must bear with dignity and fortitude, and the whispered comments of other matrons since her widowhood had confirmed this.	Накануне свадьбы Эллин намекнула ей, что супружеские отношения включают в себя нечто такое, что женщина должна переносить стоически и с достоинством, а из перешептываний других матрон в дни ее вдовства она почерпнула лишь подтверждение этим словам.
Scarlett was glad to be done with passion and marriage.	И Скарлетт была рада, что и брак, и брачная постель - все это для нее позади.

She was done with marriage but not with love, for her love for Ashley was something different, having nothing to do with passion or marriage, something sacred and breathtakingly beautiful, an emotion that grew stealthily through the long days of her enforced silence, feeding on oft-thumbed memories and hopes.	Да, это осталось позади - но не любовь. Ведь ее любовь к Эшли была чем-то совсем иным, отличным от супружеской любви и страсти, чем-то невыразимо прекрасным и священным, и чувство это крепло день ото дня, вынужденное таиться в молчании, питаясь неиссякаемыми воспоминаниями и надеждой.

She sighed as she carefully tied the ribbon about the packet, wondering for the thousandth time just what it was in Ashley that eluded her understanding.	Она вздохнула и аккуратно перевязала пачку писем ленточкой, снова и снова раздумывая над тем, что отличало Эшли от всех, но ускользало от ее понимания.
She tried to think the matter to some satisfactory conclusion but, as always, the conclusion evaded her uncomplex mind.	Она продолжала над этим размышлять, стараясь прийти к какому-то выводу, но, как обычно, задача эта оказалась непосильной для ее незрелого ума.
She put the letters back in the lap secretary and closed the lid.	Она положила письма обратно в шкатулку и захлопнула крышку.

Then she frowned, for her mind went back to the last part of the letter she had just read, to his mention of Captain Butler.	Внезапно ей припомнились последние строки только что прочитанного письма, в которых упоминалось имя Ретта Батлера, и она нахмурилась.
How strange that Ashley should be impressed by something that scamp had said a year ago.	Как мог Эшли придавать значение словам, произнесенным этим низким человеком год назад? Это странно.
Undeniably Captain Butler was a scamp, for all that he danced divinely.	Он, несомненно, негодяй, хотя, надо отдать ему должное, - танцует божественно.
No one but a scamp would say the things about the Confederacy that he had said at the bazaar.	Только негодяй мог сказать о Конфедерации то, что она слышала от него на благотворительном базаре.

She crossed the room to the mirror and patted her smooth hair approvingly.	Она направилась к трюмо, окинула себя одобрительным взглядом, пригладила выбившиеся из прически темные пряди.
Her spirits rose, as always at the sight of her white skin and slanting green eyes, and she smiled to bring out her dimples.	Вид белоснежной кожи и чуть раскосых зеленых глаз, как всегда, поднял ее настроение. Она улыбнулась, и на щеках заиграли ямочки.
Then she dismissed Captain Butler from her mind as she happily viewed her reflection, remembering how Ashley had always liked her dimples.	Вспомнив, как ее улыбка всегда восхищала Эшли, она выбросила капитана Батлера из головы и с удовольствием полюбовалась на свое отражение в зеркале.

No pang of conscience at loving another woman's husband or reading that woman's mail disturbed her pleasure in her youth and charm and her renewed assurance of Ashley's love.	Мысль о том, что она любит чужого мужа и только что тайком прочла его письма, адресованные жене, не потревожила ее совести и не омрачила радости, которую давало ей сознание своей молодости, очарования и окрепшая уверенность в любви Эшли.
She unlocked the door and went down the dim winding stair with a light heart.	Она отперла дверь и, спускаясь вниз по винтовой лестнице, запела
Halfway down she began singing	"В час победы нашей".
"When This Cruel War Is Over."	На сердце у нее было легко.
CHAPTER XII	Глава 12

The war went on, successfully for the most part, but people had stopped saying	Но хотя побед было одержано немало, война все еще длилась и люди уже перестали говорить:
"One more victory and the war is over," just as they had stopped saying the Yankees were cowards.	"Еще одна, последняя победа - и войне конец", - и перестали называть янки трусами.

It was obvious to all now that the Yankees were far from cowardly and that it would take more than one victory to conquer them.	Теперь всем становилось ясно, что янки далеко не трусы и, чтобы одолеть их, потребуется одержать еще немало побед.

However, there were the Confederate victories in Tennessee scored by General Morgan and General Forrest and the triumph at the Second Battle of Bull Run hung up like visible Yankee scalps to gloat over.	Но все же победы были - генерала Моргана и генерала Форреста в Теннесси, а впереди маячила триумфальная победа во втором сражении при Булл-Рэне - она представлялась столь очевидной, словно с янки уже были сняты скальпы.
But there was a heavy price on these scalps.	Но пока что за эти будущие скальпы приходилось платить дорогой ценой.

The hospitals and homes of Atlanta were overflowing with the sick and wounded, and more and more women were appearing in black. The monotonous rows of soldiers' graves at Oakland Cemetery stretched longer every day.	Госпитали и дома Атланты были переполнены больными и ранеными, и все больше и больше женщин появлялось в трауре, а унылые ряды солдатских могил на Оклендском кладбище становились все длиннее и длиннее.
Confederate money had dropped alarmingly and the price of food and clothing had risen accordingly.	Бумажные деньги, выпускавшиеся Конфедерацией, катастрофически обесценивались, а стоимость продуктов и одежды так же катастрофически росла.

The commissary was laying such heavy levies on foodstuffs that the tables of Atlanta were beginning to suffer.	Тяжелое бремя податей начало сказываться на рационе жителей Атланты.
White flour was scarce and so expensive that corn bread was universal instead of biscuits, rolls and waffles.	Пшеничная мука становилась редкостью и так вздорожала, что кукурузный хлеб понемногу вытеснил бисквиты, вафли и сдобные булочки.
The butcher shops carried almost no beef and very little mutton, and that mutton cost so much only the rich could afford it.	Из мясных лавок почти исчезла говядина, баранины тоже оставалось мало, и стоила она так дорого, что была по карману лишь богачам.

However there was still plenty of hog meat, as well as chickens and vegetables.	Впрочем, в свинине, битой птице и овощах недостатка пока не ощущалось.
The Yankee blockade about the Confederate ports had tightened, and luxuries such as tea, coffee, silks, whalebone stays, colognes, fashion magazines and books were scarce and dear.	А корабли северян все ужесточали блокаду южных портов. Чай, кофе, шелка, корсеты из китового уса, одеколоны, журналы мод и книги становились малодоступной роскошью.

Even the cheapest cotton goods had skyrocketed in price and ladies were regretfully making their old dresses do another season.	Цены даже на самые дешевые хлопчатобумажные ткани взлетели так, что дамы, вздыхая, взялись за переделку прошлогодних нарядов в соответствии с требованиями нового сезона.
Looms that had gathered dust for years had been brought down from attics, and there were webs of homespun to be found in nearly every parlor.	Ткацкие станки, годами покрывавшиеся пылью на чердаках, перекочевывали вниз, и в каждой гостиной можно было увидеть рулоны домотканых материй.
Everyone, soldiers, civilians, women, children and negroes, began to wear homespun.	Все женщины, мужчины (в военной форме и в гражданской одежде), дети, негры, - все ткали.

Gray, as the color of the Confederate uniform, practically disappeared and homespun of a butternut shade took its place.	Серый цвет - цвет мундиров армии конфедератов - почти повсеместно исчез, уступив место Орехово-желтому оттенку домотканой одежды.

Already the hospitals were worrying about the scarcity of quinine, calomel, opium, chloroform and iodine.	Уже и госпитали начинали ощущать нужду в хинине, каломели, хлороформе, опиуме, йоде.

Linen and cotton bandages were too precious now to be thrown away when used, and every lady who nursed at the hospitals brought home baskets of bloody strips to be washed and ironed and returned for use on other sufferers.	Использованные бинты и марля стали слишком большой драгоценностью, чтобы их выбрасывать после употребления, и все дамы, работавшие в госпиталях, возвращались домой нагруженные корзинками с окровавленным перевязочным материалом, который надлежало выстирать, выгладить и снова пустить в дело.
But to Scarlett, newly emerged from the chrysalis of widowhood, all the war meant was a time of gaiety and excitement.	Но для Скарлетт, едва освободившейся от пут вдовства, эти военные дни протекали весело и оживленно.

Even the small privations of clothing and food did not annoy her, so happy was she to be in the world again.	Некоторые ограничения в пище и нарядах не могли испортить ей настроения - так была она счастлива, вырвавшись на волю.
When she thought of the dull times of the past year, with the days going by one very much like another, life seemed to have quickened to an incredible speed.	Когда она вспоминала истекший год, где в унылой череде дней один день был неотличим от другого, ей казалось, что теперь время летит с головокружительной быстротой.

Every day dawned as an exciting adventure, a day in which she would meet new men who would ask to call on her, tell her how pretty she was, and how it was a privilege to fight and, perhaps, to die for her.	Каждый зарождавшийся день сулил какое-нибудь новое увлекательное приключение, новые знакомства, и она знала, что какие-то мужчины будут искать с ней встречи и будут говорить ей, как она хороша, заверять, что они почли бы для себя за честь сражаться за нее и даже умереть.
She could and did love Ashley with the last breath in her body, but that did not prevent her from inveigling other men into asking to marry her.	И хотя она любила Эшли и не сомневалась, что будет любить его до последнего вздоха, это ничуть не мешало ей кокетничать напропалую и получать предложения руки и сердца.

The ever-present war in the background lent a pleasant informality to social relations, an informality which older people viewed with alarm.	Неумолчные отголоски, доносившиеся в Атланту, вносили приятную непринужденность во взаимоотношения, повергавшую людей почтенных в тревогу.

Mothers found strange men calling on their daughters, men who came without letters of introduction and whose antecedents were unknown. To their horror, mothers found their daughters holding hands with these men.	Обескураженные мамаши обнаруживали, что их дочерям наносят визиты незнакомые люди, чья родословная никому не известна и которые не имеют при себе рекомендательных писем, и с ужасом замечали, что дочери разрешают этим людям украдкой пожимать им руку.

Mrs. Merriwether, who had never kissed her husband until after the wedding ceremony, could scarcely believe her eyes when she caught Maybelle kissing the little Zouave, Rene Picard, and her consternation was even greater when Maybelle refused to be ashamed.	Миссис Мерриуэзер, ни разу не позволившая будущему супругу поцеловать ее до свадьбы, просто не поверила своим глазам, увидев, что Мейбелл целуется с маленьким зуавом Рене Пикаром. Ужас ее был тем более неописуем, что Мейбелл ничуть не была смущена.
Even the fact that Rene immediately asked for her hand did not improve matters.	И хотя Рене немедленно предложил Мейбелл руку и сердце, это не могло изменить существа дела.

Mrs. Merriwether felt that the South was heading for a complete moral collapse and frequently said so.	Миссис Мерриуэзер видела, что Юг стремительно скатывается в бездну морального разложения, и не раз во всеуслышание об этом заявляла.
Other mothers concurred heartily with her and blamed it on the war.	Остальные матери с жаром поддерживали ее точку зрения и винили во всем войну.

But men who expected to die within a week or a month could not wait a year before they begged to call a girl by her first name, with "Miss," of course, preceding it. Nor would they go through the formal and protracted courtships which good manners had prescribed before the war.	Но мужчины, приготовившись через неделю-другую сложить голову на поле боя, не намерены были предпринимать установленное правилами хорошего тона длительное и церемонное ухаживание и выжидать год, прежде чем, собравшись с духом, назвать свою избранницу по имени - с прибавлением, разумеется, обязательного "мисс".
They were likely to propose in three or four months.	Обычно они теперь через три-четыре месяца уже делали предложение.

And girls who knew very well that a lady always refused a gentleman the first three times he proposed rushed headlong to accept the first time.	А девушки, хотя и знали, что настоящая леди должна поначалу трижды ответить на предложение отказом и только на четвертый раз принять его, готовы были сразу же, не раздумывая долго, сказать "да".
This informality made the war a lot of fun for Scarlett.	Эта простота нравов, принесенная войной, сделала жизнь необычайно увлекательной для Скарлетт.
Except for the messy business of nursing and the bore of bandage rolling, she did not care if the war lasted forever.	Если бы не грязная зачастую работа сиделки и не тоскливая обязанность скатывать бинты, она, пожалуй, ничего не имела бы против того, чтобы война длилась вечно.

In fact, she could endure the hospital with equanimity now because it was a perfect happy hunting ground.	В сущности, она и работу в госпитале переносила теперь без раздражения, ибо здесь ей открывался огромный простор для ловли поклонников.
The helpless wounded succumbed to her charms without a struggle.	Раненые были беззащитны перед ее чарами и тут же сдавались на милость победителя.
Renew their bandages, wash their faces, pat up their pillows and fan them, and they fell in love.	Сменить повязку, отереть пот со лба, взбить подушки, помахать веером - и объяснение в любви не заставит себя ждать.
Oh, it was Heaven after the last dreary year!	О, это была поистине райская жизнь после года такого унылого существования!

Scarlett was back again where she had been before she married Charles and it was as if she had never married him, never felt the shock of his death, never borne Wade.	Скарлетт словно бы возвратилась в те времена, когда она еще не была замужем за Чарльзом. Словно бы и не было вовсе этого брака, и она не получала страшной вести о смерти мужа, и не произвела на свет Уэйда.
War and marriage and childbirth had passed over her without touching any deep chord within her and she was unchanged.	Война, замужество, рождение ребенка не оставили глубокого следа в ее душе - она была все та же, что прежде.

She had a child but he was cared for so well by the others in the red brick house she could almost forget him.	Скарлетт родила сына, но он был окружен такой заботой в красном кирпичном доме тетушки Питтипэт, что она легко забывала о его существовании.
In her mind and heart, she was Scarlett O'Hara again, the belle of the County.	Всем своим нутром она чувствовала себя прежней Скарлетт О'Хара - одной из первых красавиц графства.
Her thoughts and activities were the same as they had been in the old days, but the field of her activities had widened immensely.	Она была прежней и в помыслах своих, и в поступках, но поле ее деятельности расширилось неимоверно.

Careless of the disapproval of Aunt Pitty's friends, she behaved as she had behaved before her marriage, went to parties, danced, went riding with soldiers, flirted, did everything she had done as a girl, except stop wearing mourning.	Пренебрегая неодобрением всех друзей тетушки Питти, она теперь вела тот же образ жизни, что и до замужества: посещала вечера, танцевала, каталась верхом с военными, флиртовала -словом, проводила время совершенно так же, как в девичестве, и не позволила себе только одного -снять траур.
This she knew would be a straw that would break the backs of Pittypat and Melanie.	Она знала, что это может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения тети Питти и Мелани.

She was as charming a widow as she had been a girl, pleasant when she had her own way, obliging as long as it did not discommode her, vain of her looks and her popularity.	Но и в трауре она была столь же очаровательна, как в девичьем наряде, приятна и мила в обхождении - пока ей не мешали жить по-своему, любезна и внимательна - пока это не доставляло ей хлопот, и тщеславна по части своей внешности и успехов в обществе.
She was happy now where a few weeks before she had been miserable, happy with her beaux and their reassurances of her charm, as happy as she could be with Ashley married to Melanie and in danger.	Еще совсем недавно она была несчастна, а теперь чувствовала себя счастливой: у нее были поклонники, они неустанно твердили ей о несравненной прелести ее чар, и счастье ее было бы полным, будь Эшли не женат на Мелани и не угрожай ему опасность.

But somehow it was easier to bear the thought of Ashley belonging to some one else when he was far away.	И все же пока Эшли был далеко, она как-то легче мирилась с мыслью, что он принадлежит не ей.
With the hundreds of miles stretching between Atlanta and Virginia, he sometimes seemed as much hers as Melanie's.	Казалось, пока он там, в Виргинии, отделенный от Атланты сотнями миль, она в такой же мере владеет им, как Мелани.
So the autumn months of 1862 went swiftly by with nursing, dancing, driving and bandage rolling taking up all the time she did not spend on brief visits to Tara.	Так пролетали дни осени 1862 года, заполненные работой в госпитале, скатыванием бинтов, танцами, прогулками за город - занятиями, изредка прерываемыми короткими наездами домой, в Тару.

These visits were disappointing, for she had little opportunity for the long quiet talks with her mother to which she looked forward while in Atlanta, no time to sit by Ellen while she sewed, smelling the faint fragrance of lemon verbena sachet as her skirts rustled, feeling her soft hands on her cheek in a gentle caress.	Посещения эти приносили разочарование -слишком мало было возможности для спокойных, долгих бесед с Эллин, о которых Скарлетт мечтала в Атланте, слишком мало свободного времени, чтобы посидеть возле занятой шитьем матери, вдыхая нежный аромат лимонной вербены, слушая, как шуршит ее шелковое платье, чувствуя на своей щеке ласковое прикосновение ее мягкой ладони.
Ellen was thin and preoccupied now and on her feet from morning until long after the plantation was asleep.	Эллин похудела, постоянно была теперь чем-то озабочена и с утра до позднего вечера - даже когда вся усадьба погружалась в сон - оставалась на ногах.

The demands of the Confederate commissary were growing heavier by the month, and hers was the task of making Tara produce.	Требования интендантских уполномоченных Конфедерации росли из месяца в месяц, имение должно было их выполнять, и задача эта легла на плечи Эллин.
Even Gerald was busy, for the first time in many years, for he could get no overseer to take Jonas Wilkerson's place and he was riding his own acres.	Даже Джералду впервые за много лет пришлось заняться хозяйством, ибо найти управляющего на место Джонаса Уилкерсона оказалось невозможным, и Джералд сам объезжал верхом свои владения.

With Ellen too busy for more than a goodnight kiss and Gerald in the fields all day, Scarlett found Tara boring.	Теперь у Эллин хватало времени лишь на то, чтобы, наскоро поцеловав дочь, пожелать ей спокойной ночи; Джералд целыми днями пропадал в поле, и Скарлетт скучала дома одна.
Even her sisters were taken up with their own concerns.	Даже у сестер были теперь свои заботы.
Suellen had now come to an "understanding" with Frank Kennedy and sang	Сьюлин и Фрэнк Кеннеди нашли наконец "общий язык", и Сьюлин напевала

"When This Cruel War Is Over" with an arch meaning Scarlett found well-nigh unendurable, and Carreen was too wrapped up in dreams of Brent Tarleton to be interesting company.	"Когда войне придет конец" с таким лукавым видом, что это порядком бесило Скарлетт, а Кэррин утопала в мечтах о Брейте Тарлтоне, и с ней ни о чем невозможно было поговорить.
Though Scarlett always went home to Tara with a happy heart, she was never sorry when the inevitable letters came from Pitty and Melanie, begging her to return.	Словом, хотя Скарлетт всегда с радостью предвкушала поездку домой, она не испытывала огорчения, когда почта доставляла неизбежное письмо, в котором тетушка Питти и Мелани заклинали ее возвратиться в Атланту.

Ellen always sighed at these times, saddened by the thought of her oldest daughter and her only grandchild leaving her.	Эллин же в этих случаях всегда вздыхала, опечаленная мыслью о разлуке со старшей дочерью и своим единственным внуком.
"But I mustn't be selfish and keep you here when you are needed to nurse in Atlanta," she said.	- Я понимаю, что нельзя быть такой эгоистичной и удерживать тебя здесь, когда твоя помощь нужна в Атланте раненым, - говорила она.
"Only-only, my darling, it seems that I never get the time to talk to you and to feel that you are my own little girl again before you are gone from me."	- Только... только обидно, моя дорогая, что я так и не выкроила времени спокойно побеседовать с тобой. Я как-то даже не успела почувствовать, что ты все та же, моя маленькая дочурка, а теперь уже надо расставаться.

"I'm always your little girl," Scarlett would say and bury her head upon Ellen's breast, her guilt rising up to accuse her.	- Я всегда, всегда буду вашей маленькой дочуркой, - говорила Скарлетт и прятала лицо на груди Эллин, чувствуя внезапно вспыхнувшие угрызения совести.
She did not tell her mother that it was the dancing and the beaux which drew her back to Atlanta and not the service of the Confederacy.	Она не могла признаться матери, что не уход за ранеными конфедератами, а танцы и поклонники влекут ее назад в Атланту.
There were many things she kept from her mother these days.	Теперь она уже многое утаивала от Эллин.

But, most of all, she kept secret the fact that Rhett Butler called frequently at Aunt Pittypat's house.	Но самым главным секретом было то, что Ретт Батлер стал довольно частым гостем в доме тетушки Питтипэт.
During the months that followed the bazaar, Rhett called whenever he was in town, taking Scarlett riding in his carriage, escorting her to danceables and bazaars and waiting outside the hospital to drive her home.	Это тянулось уже не первый месяц: всякий раз, приезжая в город, Ретт Батлер неизменно появлялся в их доме, увозил Скарлетт кататься в коляске, сопровождал ее на танцы и благотворительные базары и поджидал у ворот госпиталя, чтобы отвезти домой.

She lost her fear of his betraying her secret, but there always lurked in the back of her mind the disquieting memory that he had seen her at her worst and knew the truth about Ashley.	Она уже перестала бояться, что он выдаст кому-нибудь ее секрет, и все же в каком-то уголке мозга гнездилась беспокойная мысль: он ведь знает всю правду про нее и Эшли, - она предстала перед ним в самом непрезентабельном виде.
It was this knowledge that checked her tongue when he annoyed her.	И эта мысль заставляла Скарлетт прикусить язык, когда капитан Батлер начинал ее раздражать.
And he annoyed her frequently.	А раздражал он ее нередко.

He was in his mid-thirties, older than any beau she had ever had, and she was as helpless as a child to control and handle him as she had handled beaux nearer her own age.	Ему было уже за тридцать, и она чувствовала себя с ним беспомощной, словно ребенок: ей не удавалось командовать им, как всеми прочими своими поклонниками, которые обычно были примерно одного с ней возраста.
He always looked as if nothing had ever surprised him and much had amused him and, when he had gotten her into a speechless temper, she felt that she amused him more than anything in the world.	А он всегда держался так, будто ничто не могло задеть его за живое, многое же просто забавляло; когда ему удавалось разозлить ее до такой степени, что она угрюмо замыкалась в себе, это только забавляло его еще больше.

Frequently she flared into open wrath under his expert baiting, for she had Gerald's Irish temper along with the deceptive sweetness of face she had inherited from Ellen.	Эти искусные подтрунивания приводили ее порой в такую ярость, что она уже переставала владеть собой - ведь наряду с обманчиво утонченной внешностью, унаследованной от Эллин, ей достался в удел и бешеный ирландский нрав ее папаши.
Heretofore she had never bothered to control her temper except in Ellen's presence.	Прежде она никогда не давала себе труда обуздывать свой гнев - разве что в присутствии Эллин.
Now it was painful to have to choke back words for fear of his amused grin.	И теперь ей стоило мучительных усилий удерживать готовое слететь с языка крепкое словечко из страха перед иронической усмешкой Ретта.

If only he would ever lose his temper too, then she would not feel at such a disadvantage.	Если бы ей удалось хоть раз заставить его тоже потерять самообладание, она, быть может, не ощущала бы так остро его превосходства над собой.
After tilts with him from which she seldom emerged the victor she vowed he was impossible, ill-bred and no gentleman and she would have nothing more to do with him.	После какой-нибудь очередной словесной дуэли -а Скарлетт почти никогда не выходила из них победительницей - она заявляла Ретту Батлеру, что он невыносим, дурно воспитан, не джентльмен и она не желает больше его видеть.

But sooner or later, he returned to Atlanta, called, presumably on Aunt Pitty, and presented Scarlett, with overdone gallantry, a box of bonbons he had brought her from Nassau.	Но проходило какое-то время, он возвращался в Атланту, наносил, как доложено, визит тетушке Питти и подчеркнуто церемонно преподносил Скарлетт коробку шоколадных конфет, привезенных из Нассау.

Or preempted a seat by her at a musicale or claimed her at a dance, and she was usually so amused by his bland impudence that she laughed and overlooked his past misdeeds until the next occurred.	Или успевал, всех опередив, абонировать для нее кресло на музыкальном вечере, или пригласить на танец на балу, и его беззастенчивое ухаживание в конце концов начинало так ее забавлять, что она, смеясь, прощала ему прошлые прегрешения до тех пор, пока он не совершал новых.
For all his exasperating qualities, she grew to look forward to his calls.	И хотя его манера себя держать раздражала ее неимоверно, она все с большим нетерпением ждала его посещений.

There was something exciting about him that she could not analyze, something different from any man she had ever known. There was something breathtaking in the grace of his big body which made his very entrance into a room like an abrupt physical impact, something in the impertinence and bland mockery of his dark eyes that challenged her spirit to subdue him.	Было в нем что-то отличавшее его от всех других мужчин; что-то необъяснимо для нее самой притягательное и странно волнующее крылось в едва уловимой грации его движений, и когда высокая, широкоплечая фигура внезапно вырастала в дверях, Скарлетт всем телом ощущала его появление, словно ожог, а в холодной, неприкрыто-нагловатой усмешке его темных глаз таилось нечто заставлявшее ее подчиняться ему против воли.

"It's almost like I was in love with him!" she thought, bewildered.	"Право, можно подумать, что я в него влюблена, -с испугом думала Скарлетт.
"But I'm not and I just can't understand it."	- Но я же вовсе не люблю его - непонятно, что со мной творится!"
But the exciting feeling persisted.	Однако тревожное, волнующее чувство не проходило.
When he came to call, his complete masculinity made Aunt Pitty's well-bred and ladylike house seem small, pale and a trifle fusty.	Когда Ретт Батлер, принося с собой раздражающее ощущение мужского превосходства, наведывался к тетушке Питтипэт, ее упорядоченный дом с его женственной, изнеживающей атмосферой начинал казаться тесным, обветшалым и немного старомодным.

Scarlett was not the only member of the household who reacted strangely and unwillingly to his presence, for he kept Aunt Pitty in a flutter and a ferment.	И Скарлетт была не единственным человеком в этом доме, на кого визиты капитана Батлера производили необычное воздействие, ибо тетушка Питтипэт всякий раз при его появлении впадала в неописуемое волнение.

While Pitty knew Ellen would disapprove of his calls on her daughter, and knew also that the edict of Charleston banning him from polite society was not one to be lightly disregarded, she could no more resist his elaborate compliments and hand kissing than a fly can resist a honey pot.	Тетушка Питтипэт, разумеется, прекрасно понимала, что Эллин не может одобрить знакомства капитана Батлера со своей дочерью и было бы недопустимым легкомыслием закрывать глаза на то, что человека этого не принимают ни в одном из хороших домов Чарльстона, но тем не менее, выслушивая его комплименты или протягивая ему для поцелуя руку, она проявляла не больше твердости духа, чем муха, летящая на запах меда.

Moreover, he usually brought her some little gift from Nassau which he assured her he had purchased especially for her and blockaded in at risk of his life-papers of pins and needles, buttons, spools of silk thread and hairpins.	К тому же он - рискуя, по его словам, жизнью -обычно привозил ей из Нассау различные маленькие сувениры: пакетики с булавками и иголками, пуговицы, катушки шелковых ниток и шпильки для волос.
It was almost impossible to obtain these small luxuries now-ladies were wearing hand-whittled wooden hairpins and covering acorns with cloth for buttons-and Pitty lacked the moral stamina to refuse them.	Все эти мелкие предметы стали теперь почти недоступной роскошью: дамы закалывали волосы деревянными, выструганными ножом шпильками ручного изготовления и носили пуговицы из обтянутых материей желудей, и у тетушки Питти не хватало моральной стойкости отказаться от таких даров.

Besides, she had a childish love of surprise packages and could not resist opening his gifts.	Самый вид пакета с каким-нибудь сюрпризом доставлял ей такую детскую радость, что не вскрыть этот пакет она была просто не в силах.
And, having once opened them, she did not feel that she could refuse them.	А вскрыв, конечно, уже не могла не принять подарка.
Then, having accepted his gifts, she could not summon courage enough to tell him his reputation made it improper for him to call on three lone women who had no male protector.	А приняв, уже не находила в себе достаточного мужества, чтобы сказать дарителю, что его репутация не позволяет ему наносить визиты трем одиноким женщинам, лишенным мужской опеки.

Aunt Pitty always felt that she needed a male protector when Rhett Butler was in the house.	Более того: всякий раз при появлении капитана Батлера тетушка Питти начинала ощущать потребность в такой опеке.
"I don't know what it is about him," she would sigh helplessly.	- Никак не пойму, что в нем такого, - со вздохом беспомощно говорила она.
"But-well, I think he'd be a nice, attractive man if I could just feel that-well, that deep down in his heart he respected women."	- Но мне почему-то кажется, что я.., вернее, что он мог бы быть очень милым, привлекательным человеком, если бы... если бы я не чувствовала, что он, в общем-то, в глубине души не уважает женщин.

Since the return of her wedding ring, Melanie had felt that Rhett was a gentleman of rare refinement and delicacy and she was shocked at this remark.	Мелани была шокирована: после того как капитан Батлер выкупил ее обручальное кольцо, она считала его на редкость деликатным и тонко воспитанным джентльменом.

He was unfailingly courteous to her, but she was a little timid with him, largely because she was shy with any man she had not known from childhood. Secretly she was very sorry for him, a feeling which would have amused him had he been aware of it.	Он всегда был исключительно предупредителен но отношению к ней, она же держалась с ним несколько стесненно - главным образом потому, что с детства была очень застенчива в обществе мужчин; к тому же она втайне испытывала к нему жалость, что немало позабавило бы капитана Батлера, догадайся он об этом.

She was certain that some romantic sorrow had blighted his life and made him hard and bitter, and she felt that what he needed was the love of a good woman.	Она прониклась убеждением, что он потерпел крушение на романтической почве и это его ожесточило, а любовь хорошей женщины могла бы его возродить.

In all her sheltered life she had never seen evil and could scarcely credit its existence, and when gossip whispered things about Rhett and the girl in Charleston she was shocked and unbelieving. And, instead of turning her against him, it only made her more timidly gracious toward him because of her indignation at what she fancied was a gross injustice done him.	В своей мирной, лишенной треволнений жизни Мелани не приходилось лицом к лицу сталкиваться с пороком, и ей трудно было поверить, что он существует. Доходившие до нее сплетни о Ретте Батлере и некоей девушке из Чарльстона не могли не шокировать ее, но она не очень-то им верила, и, вместо того чтобы отвратить ее от этого человека, они приводили лишь к тому, что она, преодолевая свою застенчивость и негодуя на ужасную несправедливость света, становилась к нему еще внимательнее.

Scarlett silently agreed with Aunt Pitty.	Скарлетт же в душе была согласна с тетушкой Питти.
She, too, felt that he had no respect for any woman, unless perhaps for Melanie.	Она тоже была уверена, что женский пол не пользуется уважением капитана Батлера - хотя, быть может, он и делал исключение для Мелани.
She still felt unclothed every time his eyes ran up and down her figure.	Скарлетт всегда чувствовала себя раздетой, когда он окидывал ее оценивающим взглядов от макушки до пят.
It was not that he ever said anything. Then she could have scorched him with hot words.	О, она сумела бы поставить его на место, произнеси он при этом хоть слово.

It was the bold way his eyes looked out of his swarthy face with a displeasing air of insolence, as if all women were his property to be enjoyed in his own good time.	Но он просто смотрел, и она читала в его откровенно дерзком взгляде, что он считает всех женщин как бы своей собственностью и видит их назначение в том, чтобы доставлять ему наслаждение, ежели он этого пожелает.
Only with Melanie was this look absent.	И только когда он смотрел на Мелани, взгляд его выражал другое.

There was never that cool look of appraisal, never mockery in his eyes, when he looked at Melanie; and there was an especial note in his voice when he spoke to her, courteous, respectful, anxious to be of service.	Это уже не был холодно-оценивающий взгляд, в нем не таилось насмешки, и слова его, обращенные к Мелани, всегда звучали как-то по-особому - с оттенком глубокого уважения, даже преданности и стремления услужить.

"I don't see why you're so much nicer to her than to me," said Scarlett petulantly, one afternoon when Melanie and Pitty had retired to take their naps and she was alone with him.	- Не могу понять, почему вы с ней всегда гораздо любезнее, чем со мной, - досадливо сказала Скарлетт, оставшись как-то раз с ним наедине, когда Мелани и тетушка Питтипэт пошли вздремнуть после обеда.

For an hour she had watched Rhett hold the yarn Melanie was winding for knitting, had noted the blank inscrutable expression when Melanie talked at length and with pride of Ashley and his promotion.	На протяжении целого часа наблюдала она, как Ретт Батлер терпеливо держал на руках моток пряжи для вязания, помогая Мелани ее сматывать, заметила, с каким вежливо-непроницаемым лицом слушал он, как Мелани, сияя гордостью, пространно рассказывала про Эшли и про то, что его произвели в более высокий чин.
Scarlett knew Rhett had no exalted opinion of Ashley and cared nothing at all about the fact that he had been made a major.	Скарлетт знала, что Ретт Батлер отнюдь не разделяет ее восторженного мнения об Эшли и ему ровным счетом наплевать на то, что Эшли получил звание майора.

Yet he made polite replies and murmured the correct things about Ashley's gallantry.	Тем не менее он что-то вежливо поддакивал и делал уместные замечания по поводу проявленной Эшли храбрости.

And if I so much as mention Ashley's name, she had thought irritably, he cocks his eyebrow up and smiles that nasty, knowing smile! "I'm much prettier than she is," she continued, "and I don't see why you're nicer to her."	"А стоит мне только упомянуть имя Эшли, - с раздражением думала Скарлетт, - как у него тут же полезут вверх брови и по губам проползет эта его отвратительная многозначительная ухмылка!" - Я ведь красивее ее, - сказала Скарлетт. - Почему же вы; с ней куда любезнее, чем со мной?
"Dare I hope that you are jealous?"	- Могу ли я позволить себе возомнить, что вы ревнуете?

"Oh, don't presume!"	- О, пожалуйста, не воображайте!
"Another hope crushed.	- Еще одна иллюзия разбита вдребезги!
If I am 'nicer' to Mrs. Wilkes, it is because she deserves it.	Если я "куда любезнее" с миссис Уилкс, то лишь потому, что она этого заслуживает.
She is one of the very few kind, sincere and unselfish persons I have ever known.	Я мало встречал в своей жизни таких искренних, добрых и бес-; корыстных людей.
But perhaps you have failed to note these qualities.	Но вероятно, вы не в состоянии оценить ее по достоинству.

And moreover, for all her youth, she is one of the few great ladies I have ever been privileged to know."	К тому же, несмотря на молодость, она поистине благородная леди в самом лучшем смысле этого слова.
"Do you mean to say you don't think I'm a great lady, too?"	- Вы что, хотите сказать, что я не благородная леди?
"I think we agreed on the occasion of our first meeting that you were no lady at all."	- Если память мне не изменяет, мы еще в самом начале нашего знакомства установили, что вы отнюдь не "леди".

"Oh, if you are going to be hateful and rude enough to bring that up again!	- Вы просто омерзительно грубый человек - зачем вы нее это ворошите?
How can you hold that bit of childish temper against me?	Как можете вы ставит!, мне в вину эту детскую выходку?
That was so long ago and I've grown up since then and I'd forget all about it if you weren't always harping and hinting about it."	Это было так давно, я стала взрослой с тех пор и никогда не вспомнила бы про это, если бы не ваши постоянные намеки.

"I don't think it was childish temper and I don't believe you've changed.	- Я не верю, что это была просто детская выходка и что вы сильно переменились с тех пор.

You are just as capable now as then of throwing vases if you don't get your own way.	Вы и сейчас совершенно так же, как тогда, способны швыряться вазами, если вам что-нибудь не по нраву.
But you usually get your way now.	Впрочем, вам теперь почти всегда и во всем удается поступать по-своему.
And so there's no necessity for broken bric-a-brac."	Так что необходимости бить антикварные предметы не возникает.
"Oh, you are-I wish I was a man!	- Вы... Знаете, вы кто?..

I'd call you out and-"	Господи, почему я не мужчина!
"And get killed for your pains.	Я бы вызвала вас на дуэль и...
I can drill a dime at fifty yards.	- И получили бы пулю в лоб. Я попадаю в десятицентовик с пятидесяти шагов.
Better stick to your own weapons-dimples, vases and the like."	Лучше уж держитесь за свое проверенное оружие - улыбки, глазки, вазы и тому подобное.
"You are just a rascal."	- Вы просто негодяй.
"Do you expect me to fly into a rage at that?	- Быть может, вы рассчитываете, что ваши слова приведут меня в исступление?
I am sorry to disappoint you.	Очень жаль, но должен вас разочаровать.

You can't make me mad by calling me names that are true.	Я не могу сердиться, коль скоро вы в своих поношениях не далеки от истины.
Certainly I'm a rascal, and why not?	Конечно, я негодяй. А почему бы нет?
It's a free country and a man may be a rascal if he chooses.	Мы живем в свободной стране, и каждый имеет право быть негодяем, если ему так нравится.
It's only hypocrites like you, my dear lady, just as black at heart but trying to hide it, who become enraged when called by their right names."	Это ведь только такие лицемерки с далеко не чистой совестью, как вы, моя дорогая, приходят в бешенство, если про них что-нибудь сказано не в бровь, а в глаз.

She was helpless before his calm smile and his drawling remarks, for she had never before met anyone who was so completely impregnable.	Он говорил спокойно, улыбаясь, неторопливо растягивая слова, и она чувствовала свое бессилие перед ним. Это был единственный человек, которого она ничем не могла пронять.
Her weapons of scorn, coldness and abuse blunted in her hands, for nothing she could say would shame him.	Ее привычное оружие - презрительная холодность, сарказм, оскорбительные слова, -ничто его не задевало. Смутить его было невозможно.

It had been her experience that the liar was the hottest to defend his veracity, the coward his courage, the ill-bred his gentlemanliness, and the cad his honor.	Она привыкла считать, что никто с таким жаром не доказывает свою правдивость, как лжец, свою храбрость - как трус, свою учтивость - как дурно воспитанный человек, свою незапятнанную честь - как подонок.
But not Rhett.	Но только не Ретт Батлер.
He admitted everything and laughed and dared her to say more.	Он со смехом признавался во всех своих пороках, дразнил ее и тем вызывал на еще большую откровенность.

He came and went during these months, arriving unheralded and leaving without saying good-by.	Все последние месяцы он появлялся внезапно и так же внезапно исчезал, не оповестив о своем отъезде.
Scarlett never discovered just what business brought him to Atlanta, for few other blockaders found it necessary to come so far away from the coast.	Скарлетт никогда не знала, какие дела приводили его в Атланту, - ведь мало кто из контрабандистов находил нужным забираться так далеко от побережья.

They landed their cargoes at Wilmington or Charleston, where they were met by swarms of merchants and speculators from all over the South who assembled to buy blockaded goods at auction.	Они сгружали свой товар в Уилмингтоне или в Чарльстоне, где их уже поджидал рой торговцев и спекулянтов, стекавшихся сюда со всех концов Юга на аукционы.
It would have pleased her to think that he made these trips to see her, but even her abnormal vanity refused to believe this.	Конечно, она была бы сильно польщена, если бы могла предположить, что он совершает эти поездки ради нее, но даже ей, с ее непомерным самомнением, такая мысль показалась бы неправдоподобной.

If he had ever once made love to her, seemed jealous of the other men who crowded about her, even tried to hold her hand or begged for a picture or a handkerchief to cherish, she would have thought triumphantly he had been caught by her charms.	Попытайся он хоть раз приволокнуться за ней, прояви хотя бы намек на ревность к окружавшей ее толпе поклонников, пожми ей украдкой руку, попроси у нее портрет или платочек на память, она могла бы с торжеством подумать, что и он попался наконец в ее сети.
But he remained annoyingly unloverlike and, worst of all, seemed to see through all her maneuverings to bring him to his knees.	Но он оставался раздражающе нечувствителен к ее чарам, а главное, казалось, видел насквозь все уловки, с помощью которых она старалась повергнуть его к своим ногам.

Whenever he came to town, there was a feminine fluttering.	Всякий раз, как капитан Батлер появлялся в Атланте, все женское население города приходило в волнение.
Not only did the romantic aura of the dashing blockader hang about him but there was also the titillating element of the wicked and the forbidden.	И не только потому, что имя этого человека было овеяно романтическим ореолом отчаянно-дерзких прорывов блокады - ему сопутствовал еще и острый привкус чего-то дурного и запретного.
He had such a bad reputation!	Ведь об этом человеке шла такая плохая слава.

And every time the matrons of Atlanta gathered together to gossip, his reputation grew worse, which only made him all the more glamorous to the young girls.	И репутация его становилась день ото дня все хуже, стоило городским кумушкам лишний раз посплетничать о нем, а сам он делался при этом все притягательнее в глазах молоденьких девушек.
As most of them were quite innocent, they had heard little more than that he was "quite loose with women"-and exactly how a man went about the business of being "loose" they did not know.	А так как большинство из них были еще весьма невинны, им сообщалось только, что "этот человек очень нечистоплотен в своих отношениях с женщинами", но как проявляет он эту свою "нечистоплотность" на деле, оставалось для них тайной.

They also heard whispers that no girl was safe with him.	Слышали они и такие, тоже шепотом, сказанные, слова: "Ни одна девушка не может чувствовать себя с ним в безопасности".

With such a reputation, it was strange that he had never so much as kissed the hand of an unmarried girl since he first appeared in Atlanta.	И при этом казалось крайне удивительным, что человек с такой репутацией ни разу с тех пор, как он стал появляться в Атланте, не попытался хотя бы поцеловать руку у какой-нибудь незамужней особы женского пола.
But that only served to make him more mysterious and more exciting.	Впрочем, это делало его лишь еще более загадочным и притягательным.

Outside of the army heroes, he was the most talked-about man in Atlanta.	Он становился самой популярной личностью в Атланте - не считая, конечно, героев войны.
Everyone knew in detail how he had been expelled from West Point for drunkenness and "something about women."	Теперь уже всем и во всех подробностях было известно, как его исключили из Вест-Пойнта за попойки и за "что-то, связанное с женщинами".
That terrific scandal concerning the Charleston girl he had compromised and the brother he had killed was public property.	Чудовищно скандальная история с чарльстонской девицей, которую он скомпрометировал, и с ее братом, которого он застрелил на дуэли, давно стала всеобщим достоянием.

Correspondence with Charleston friends elicited the further information that his father, a charming old gentleman with an iron will and a ramrod for a backbone, had cast him out without a penny when he was twenty and even stricken his name from the family Bible.	Из переписки с чарльстонскими друзьями и знакомыми были почерпнуты новые факты: выяснилось, что его отец, очаровательный старый джентльмен - человек железного характера и несгибаемой воли, - выгнал его из дома без гроша в кармане, когда ему едва сравнялось двадцать лет, и даже вычеркнул его имя из семейного молитвенника.
After that he had wandered to California in the gold rush of 1849 and thence to South America and Cuba, and the reports of his activities in these parts were none too savory.	После чего во время золотой лихорадки 1849 года блудный сын отправился в Калифорнию, затем побывал в Южной Америке и на Кубе, где, по слухам, занимался делами весьма сомнительного свойства.

Scrapes about women, several shootings, gun running to the revolutionists in Central America and, worst of all, professional gambling were included in his career, as Atlanta heard it.	Были на его счету и драки из-за женщин, и нисколько дуэлей, и связи с мятежниками в Центральной Америке, но самую печальную славу снискал он себе в Атланте, когда там распространился слух, что он к тому же профессиональный игрок.
There was hardly a family in Georgia who could not own to their sorrow at least one male member or relative who gambled, losing money, houses, land and slaves.	Во всей Джорджии едва ли нашлась бы такая семья, в которой хотя бы один из ее мужских представителей или родственников не играл бы в азартные игры, спуская состояния, дома, землю, рабов.
But that was different.	Но это совсем иное дело.

A man could gamble himself to poverty and still be a gentleman, but a professional gambler could never be anything but an outcast.	Можно довести себя игрой до полной нищеты и остаться джентльменом, а профессиональный игрок - всегда, при всех обстоятельствах - изгой.
Had it not been for the upset conditions due to the war and his own services to the Confederate government, Rhett Butler would never have been received in Atlanta.	И не переверни война все представления вверх тормашками и не нуждайся правительство Конфедерации в услугах капитана Батлера, никто в Атланте не пустил бы его к себе на порог.

But now, even the most strait laced felt that patriotism called upon them to be more broad minded.	А теперь даже самые чопорные блюстители нравов чувствовали: если они хотят быть патриотами, следует проявлять большую терпимость.
The more sentimental were inclined to view that the black sheep of the Butler family had repented of his evil ways and was making an attempt to atone for his sins.	Люди наиболее сентиментальные высказывали предположение, что паршивая овца, отбившаяся от батлеровского стада, устыдясь своей непутевой жизни, раскаялась и делает попытку загладить прежние грехи.
So the ladies felt in duty bound to stretch a point, especially in the case of so intrepid a blockader.	И особенно женщины считали своим долгом поддерживать эту точку зрения о столь неустрашимом контрабандисте.

Everyone knew now that the fate of the Confederacy rested as much upon the skill of the blockade boats in eluding the Yankee fleet as it did upon the soldiers at the front.	Теперь уже все понимали: судьбу Конфедерации решает не только отвага солдат на поле боя, но и умение контрабандистских судов ускользать от флота янки.
Rumor had it that Captain Butler was one of the best pilots in the South and that he was reckless and utterly without nerves.	Капитан Батлер пользовался славой лучшего лоцмана на всем Юге - дерзкого, бесстрашного, с железными нервами.

Reared in Charleston, he knew every inlet, creek, shoal and rock of the Carolina coast near that port, and he was equally at home in the waters around Wilmington.	Уроженец Чарльстона, он знал каждый залив, каждую отмель и каждый риф на всем побережье штата Каролина по ту и по другую сторону от чарльстонского порта и в такой же мере чувствовал себя как дома и в водах уилмингтонского порта.
He had never lost a boat or even been forced to dump a cargo.	Он не потерял ни одного корабля и ни разу не выбросил за борт свой груз.

At the onset of the war, he had emerged from obscurity with enough money to buy a small swift boat and now, when blockaded goods realized two thousand per cent on each cargo, he owned four boats.	В первые дни войны он возник неизвестно откуда с достаточной суммой денег в кармане, чтобы купить небольшое быстроходное судно, а теперь, когда контрабандные товары приносили две тысячи процентов дохода с каждого груза, капитану Батлеру принадлежало уже четыре судна.
He had good pilots and paid them well, and they slid out of Charleston and Wilmington on dark nights, bearing cotton for Nassau, England and Canada.	У него были искусные лоцманы, и он им щедро платил, и темной ночью, выскользнув из чарльстонского и, уилмингтонского порта, они везли хлопок в Нассау, в Англию, в Канаду.

The cotton mills of England were standing idle and the workers were starving, and any blockader who could outwit the Yankee fleet could command his own price in Liverpool.	Текстильные фабрики Англии простаивали, рабочие-текстильщики мерли с голоду, и каждый контрабандист, которому удавалось обвести вокруг пальца флот северян, мог назначать спои цены на ливерпульском рынке.
Rhett's boats were singularly lucky both in taking out cotton for the Confederacy and bringing in the war materials for which the South was desperate.	А судам капитана Батлера в равной мере сопутствовала удача - и когда они вывозили из Конфедерации хлопок, и когда ввозили оружие, в котором Юг испытывал отчаянную нужду.

Yes, the ladies felt they could forgive and forget a great many things for such a brave man.	И понятно, что женщины Юга должны были забыть и простить такому храбрецу многие прегрешения!

He was a dashing figure and one that people turned to look at.	При встречах с ним люди оборачивались - его эффектная внешность привлекала к себе внимание.
He spent money freely, rode a wild black stallion, and wore clothes which were always the height of style and tailoring.	Одевался он элегантно и всегда по последней моде, ездил на норовистом вороном жеребце и сорил деньгами направо и налево.

The latter in itself was enough to attract attention to him, for the uniforms of the soldiers were dingy and worn now and the civilians, even when turned out in their best, showed skillful patching and darning.	Военные мундиры конфедератов к тому времени сильно поистрепались, да и штатская одежда, даже та, что приберегалась для парадных случаев, носила следы искусной починки и штопки, и капитан Батлер не мог но быть заметной фигурой па этом фоне.
Scarlett thought she had never seen such elegant pants as he wore, fawn colored, shepherd's plaid, and checked.	У Скарлетт не раз мелькала мысль, что ни на ком по видала она еще таких элегантных брюк, как на капитане Батлере, - светло-коричневых, в черную и белую клеточку.

As for his waistcoats, they were indescribably handsome, especially the white watered-silk one with tiny pink rosebuds embroidered on it.	Неописуемо красивы были и его жилеты, особенно один - белый, муаровый, расшитый крошечными розовыми бутончиками.
And he wore these garments with a still more elegant air as though unaware of their glory.	И носил он эти роскошные одеяния с такой элегантной небрежностью, словно не отдавал себе отчета в Их великолепии.

There were few ladies who could resist his charms when he chose to exert them, and finally even Mrs. Merriwether unbent and invited him to Sunday dinner.	Мало кто из дам мог устоять против его чар, когда он давал себе труд пускать их в ход, и кончилось тем, что даже миссис Мерриуэзер сложила оружие и пригласила Ретта Батлера в воскресенье на обед.

Maybelle Merriwether was to marry her little Zouave when he got his next furlough, and she cried every time she thought of it, for she had set her heart on marrying in a white satin dress and there was no white satin in the Confederacy. Nor could she borrow a dress, for the satin wedding dresses of years past had all gone into the making of battle flags.	Мейбелл Мерриуэзер намерена была обвенчаться со своим маленьким зуавом, как только он приедет домой на очередную побывку, и всякий раз при мысли об этом из глаз ее начинали обильно струиться слезы, ибо она не желала венчаться иначе как в белом атласном платье, а белого атласа невозможно было достать нигде во всех Южных штатах, и даже одолжить у кого-нибудь из подруг такое платье Мейбелл не могла, ибо все подвенечные уборы давно пошли на боевые стяги.

Useless for the patriotic Mrs. Merriwether to upbraid her daughter and point out that homespun was the proper bridal attire for a Confederate bride.	Тщетны были патриотические укоризны миссис Мерриуэзер, утверждавшей, что домотканое подвенечное платье - наиболее приличествующий невесте конфедерата туалет.
Maybelle wanted satin.	Мейбелл хотела атласное.
She was willing, even proud to go without hairpins and buttons and nice shoes and candy and tea for the sake of the Cause, but she wanted a satin wedding dress.	Она готова была - и даже горделиво и с охотой -отказаться от шпилек для волос, и пуговиц, и нарядных туфелек, и от чая, и от конфет во имя Правого Дела, но венчаться она хотела в атласном Платье.

Rhett, hearing of this from Melanie, brought in from England yards and yards of gleaming white satin and a lace veil and presented them to her as a wedding gift.	Узнав об этом от Мелани, Ретт Батлер привез из Англии несметное количество ярдов блестящего белого атласа и кружевную подвенечную вуаль и преподнес все это Мейбелл в качестве свадебного подарка.
He did it in such a way that it was unthinkable to even mention paying him for them, and Maybelle was so delighted she almost kissed him.	И сделал он это в такой форме, что ни о какой оплате невозможно было даже заикнуться. Мейбелл пришла в неописуемый восторг и едва не чмокнула капитана Батлера в щеку.

Mrs. Merriwether knew that so expensive a gift-and a gift of clothing at that-was highly improper, but she could think of no way of refusing when Rhett told her in the most florid language that nothing was too good to deck the bride of one of our brave heroes.	Миссис Мерриуэзер понимала, что делать такой ценный подарок - тем более в форме материи на платье - вещь крайне неприличная, но когда Ретт Батлер в самых высокопарных выражениях стал заверять ее, что ни одно одеяние на свете недостаточно хорошо для невесты воина-героя, она не сумела найти слов для отказа.
So Mrs. Merriwether invited him to dinner, feeling that this concession more than paid for the gift.	Тогда она пригласила дарителя на обед, полагая, что такая уступка с ее стороны с лихвой покрывает стоимость подарка.

He not only brought Maybelle the satin but he was able to give excellent hints on the making of the wedding dress.	Капитан же Батлер не только подарил Мейбелл атлас на платье, но еще снабдил ее весьма ценными указаниями по части подвенечного наряда.
Hoops in Paris were wider this season and skirts were shorter.	Оказывается, в Париже в этом сезоне вошли в моду очень пышные кринолины, а юбки стали короче.
They were no longer ruffled but were gathered up in scalloped festoons, showing braided petticoats beneath.	Их уже не украшают оборочками, а собирают ниспадающими фестонами, из-под которых выглядывают обшитые тесьмой нижние юбки.

He said, too, that he had seen no pantalets on the streets, so he imagined they were "out."	Он сообщил также, что совсем не видел на улицах панталон, и сделал вывод, что их уже "не носят".
Afterwards, Mrs. Merriwether told Mrs. Elsing she feared that if she had given him any encouragement at all, he would have told her exactly what kind of drawers were being worn by Parisiennes.	Впоследствии миссис Мерриуэзер говорила миссис Элсинг, что, позволь она ему распространяться на эту тему дальше, он, пожалуй, доложил бы ей во всех подробностях, какое у парижанок нижнее белье.

Had he been less obviously masculine, his ability to recall details of dresses, bonnets and coiffures would have been put down as the rankest effeminacy.	Не обладай капитан Батлер такой бесспорно мужественной внешностью, его способность замечать и помнить мельчайшие подробности женских туалетов, шляп и причесок была бы заклеймена как недостойная мужчины.
The ladies always felt a little odd when they besieged him with questions about styles, but they did it nevertheless.	Когда дамы осаждали его вопросами о том, что сейчас в моде, им, конечно, было немного не по себе, и все же они не могли от этого воздержаться.

They were as isolated from the world of fashion as shipwrecked mariners, for few books of fashion came through the blockade.	Словно матросы потерпевшего кораблекрушение судна, они чувствовали себя оторванными от мира - во всяком случае, от мира моды, так мало модных журналов попадало к ним вследствие блокады.

For all they knew the ladies of France might be shaving their heads and wearing coonskin caps, so Rhett's memory for furbelows was an excellent substitute for Godey's Lady's Book.	И Сообщи им капитан Батлер, что парижанки теперь наголо бреют голову и носят меховые шапки, они могли бы поверить и этому. Превосходная память капитана по части всевозможных ухищрений женского туалета являлась для них непревзойденной заменой "Дамского журнала".

He could and did notice details so dear to feminine hearts, and after each trip abroad he could be found in the center of a group of ladies, telling that bonnets were smaller this year and perched higher, covering most of the top of the head, that plumes and not flowers were being used to trim them, that the Empress of France had abandoned the chignon for evening wear and had her hair piled almost on the top of her head, showing all of her ears, and that evening frocks were shockingly low again.	Он замечал и хранил в памяти мельчайшие подробности, столь дорогие женскому сердцу, и всякий раз после его возвращения из плавания можно было услышать, как он объясняет окружившим его дамам, что шляпки в этом году носят совсем маленькие, на самой макушке, и украшают их перьями, а не цветами, что королева Франции перестала надевать шиньон по вечерам -волосы просто зачесываются наверх, оставляя открытыми уши, и укладываются в очень высокую прическу, и что декольте вечерних туалетов снова стали соблазнительно глубокими.

For some months, he was the most popular and romantic figure the town knew, despite his previous reputation, despite the faint rumors that he was engaged not only in blockading but in speculating on foodstuffs, too.	Месяц проходил за месяцем, а капитан Батлер по-прежнему оставался самой популярной и романтической фигурой в городе, невзирая на прежнюю дурную репутацию, невзирая на неясные слухи, что он занимается не только контрабандой, но и спекуляцией продуктами.
People who did not like him said that after every trip he made to Atlanta, prices jumped five dollars.	Кое-кто из недоброжелателей утверждал, что после каждого его возвращения в Атланту цены на продукты подскакивают на пять долларов.

But even with this under-cover gossip seeping about, he could have retained his popularity had he considered it worth retaining.	Однако вопреки всем толкам и пересудам, капитану Батлеру удалось бы сохранить свою популярность, если бы он к этому стремился.

Instead, it seemed as though, after trying the company of the staid and patriotic citizens and winning their respect and grudging liking, something perverse in him made him go out of his way to affront them and show them that his conduct had been only a masquerade and one which no longer amused him.	Но капитан вел себя так, словно, Добившись признания у самых почтенных и суровых патриотов города, завоевав их уважение и несколько настороженную симпатию, он, из какого-то непонятного духа противоречия, поставил, казалось, теперь своей целью всеми способами восстанавливать их против себя, всячески давая понять, что все его предыдущее поведение было лишь комедией, играть которую ему прискучило.

It was as though he bore an impersonal contempt for everyone and everything in the South, the Confederacy in particular, and took no pains to conceal it.	Казалось, Юг и все, что его олицетворяло, вызывало в нем лишь холодное презрение, а пуще всего - сама Конфедерация, и он не давал себе труда это скрывать.
It was his remarks about the Confederacy that made Atlanta look at him first in bewilderment, then coolly and then with hot rage.	Именно эти его высказывания по адресу Конфедерации и привели к тому, что его выслушивали сначала в некотором замешательстве, потом холодно, потом с яростным возмущением.

Even before 1862 passed into 1863, men were bowing to him with studied frigidity and women beginning to draw their daughters to their sides when he appeared at a gathering.	1862 год еще только подходил к концу, а мужчины уже начали раскланиваться с капитаном Батлером с подчеркнутой отчужденностью, женщины при его появлении в каком-нибудь собрании старались не отпускать от себя дочерей.

He seemed to take pleasure not only in affronting the sincere and red-hot loyalties of Atlanta but in presenting himself in the worst possible light.	Ему же, по-видимому, доставляло удовольствие не только задевать патриотические чувства искренних и горячих приверженцев Конфедерации, но и выставлять себя в самом непривлекательном свете.

When well-meaning people complimented him on his bravery in running the blockade, he blandly replied that he was always frightened when in danger, as frightened as were the brave boys at the front.	Выслушав простодушную похвалу своей храбрости в опасном деле провоза контрабанды, он самым любезным тоном заявлял, что трусит при этих операциях ничуть не меньше, чем наши храбрые воины на передовой.

Everyone knew there had never been a cowardly Confederate soldier and they found this statement peculiarly irritating. He always referred to the soldiers as "our brave boys" and "our heroes in gray" and did it in such a way as to convey the utmost in insult.	Такой ответ приводил всех в большое раздражение, ибо каждому южанину было известно, что в армии конфедератов нет и не было трусов... Говоря о воинах-конфедератах, он называл их не иначе как "наши храбрецы" или "наши герои в серых мундирах", старательно вкладывая в это оскорбительно-иронический смысл.

When daring young ladies, hoping for a flirtation, thanked him for being one of the heroes who fought for them, he bowed and declared that such was not the case, for he would do the same thing for Yankee women if the same amount of money were involved.	Когда какие-нибудь бойкие дамочки кокетливо выражали ему свою благодарность за то, что он так героически подвергает себя ради них опасности, он с поклоном заверял их, что они заблуждаются, ибо он делал бы то же самое и для дам-северянок, если бы это приносило ему такой же доход.

Since Scarlett's first meeting with him in Atlanta on the night of the bazaar, he had talked with her in this manner, but now there was a thinly veiled note of mockery in his conversations with everyone.	В разговорах со Скарлетт он всегда держался подобного тона еще с первой встречи в Атланте на благотворительном базаре, но теперь оттенок насмешки звучал в его словах, с кем бы он ни вел беседы.
When praised for his services to the Confederacy, he unfailingly replied that blockading was a business with him.	На все похвалы, расточавшиеся ему за услуги, которые он оказывает Конфедерации, Ретт Батлер неизменно отвечал, что для него прорваться сквозь блокаду - чисто деловое предприятие.

If he could make as much money out of government contracts, he would say, picking out with his eyes those who had government contracts, then he would certainly abandon the hazards of blockading and take to selling shoddy cloth, sanded sugar, spoiled flour and rotten leather to the Confederacy.	Если бы на правительственных подрядах можно было так же хорошо заработать, говорил он, поглядывая в сторону тех, кто эти подряды получал, он несомненно бросил бы свое рискованное занятие и стал бы поставлять Конфедерации недоброкачественное обмундирование, гнилые кожи, смешанный с песком сахар и затхлую муку.

Most of his remarks were unanswerable, which made them all the worse.	Часто на его слова трудно было что-нибудь возразить, именно это особенно сильно всех бесило.

There had already been minor scandals about those holding government contracts.	Небольшие скандалы из-за военных поставок уже имели место.

Letters from men at the front complained constantly of shoes that wore out in a week, gunpowder that would not ignite, harness that snapped at any strain, meat that was rotten and flour that was full of weevils.	В письмах с передовой солдаты постоянно жаловались на обувь, которая разваливалась на ногах через неделю, на упряжь, которая рвалась, стоило покрепче подтянуть подпругу, на порох, который не воспламенялся, на тухлое мясо и зараженную долгоносиком муку.
Atlanta people tried to think that the men who sold such stuff to the government must be contract holders from Alabama or Virginia or Tennessee, and not Georgians.	Жители Атланты старались уверить себя, что такой негодный товар поставляют из Алабамы, или Виргинии, или Теннесси, но только не из Джорджии.

For did not the Georgia contract holders include men from the very best families?	Ведь люди, получившие правительственные подряды, принадлежат к лучшим домам Джорджии.
Were they not the first to contribute to the hospital funds and to the aid of soldiers' orphans?	Кто, как не они, делают щедрые пожертвования в фонды госпиталей и помощи сиротам войны?
Were they not the first to cheer at	Разве не они с таким воодушевлением распевают
"Dixie" and the most rampant seekers, in oratory at least, for Yankee blood?	"Дикси" и с самой неистовой свирепостью требуют - во всяком случае с трибуны - крови янки?

The full tide of fury against those profiteering on government contracts had not yet risen, and Rhett's words were taken merely as evidence of his own bad breeding.	Волна ненависти к тем, кто наживался на правительственных подрядах, еще не взмыла вверх, и слова капитана Батлера были восприняты лишь как доказательство его чудовищной невоспитанности.

He not only affronted the town with insinuations of venality on the part of men in high places and slurs on the courage of the men in the field, but he took pleasure in tricking the dignified citizenry into embarrassing situations.	Он не только задевал честь города, намекая на продажность людей, занимающих высокие посты, и пороча незапятнанную отвагу воинов, но находил еще удовольствие в том, чтобы ставить досточтимых граждан в затруднительное положение.

He could no more resist pricking the conceits, the hypocrisies and the flamboyant patriotism of those about him than a small boy can resist putting a pin into a balloon.	Подобно шкодливому мальчишке, который не может удержаться, чтобы не проткнуть булавкой воздушный шарик, он не мог устоять против желания поубавить спеси чванливым ханжам и ура-патриотам.

He neatly deflated the pompous and exposed the ignorant and the bigoted, and he did it in such subtle ways, drawing his victims out by his seemingly courteous interest, that they never were quite certain what had happened until they stood exposed as windy, high flown and slightly ridiculous.	Он беспощадно разоблачал их невежество, лицемерие и фанатизм, и делал это столь искусно, проявляя к собеседнику вежливый и якобы неподдельный интерес, что его жертва до тех пор не понимала, куда он клонит, пока не оказывалась в смешном положении самонадеянного пустобреха.
During the months when the town accepted him, Scarlett had been under no illusions about him.	Но Скарлетт и в те дня, когда город еще не отвернулся от Ретта Батлера, уже не питала на его счет иллюзий.

She knew that his elaborate gallantries and his florid speeches were all done with his tongue in his cheek.	Она знала, что его изысканная галантность и помпезные речи таят в себе глубоко скрытую иронию.
She knew that he was acting the part of the dashing and patriotic blockade runner simply because it amused him.	Она понимала, что он просто забавляется, играя роль отчаянно смелого патриота-контрабандиста.

Sometimes he seemed to her like the County boys with whom she had grown up, the wild Tarleton twins with their obsession for practical jokes; the devil-inspired Fontaines, teasing, mischievous; the Calverts who would sit up all night planning hoaxes.	Порой он даже напоминал ей мальчишек - друзей ее детства: неугомонных близнецов Тарлтонов с их неутолимой страстью к "розыгрышам"; дьявольски изобретательных Фонтейнов, начиненных всяческими проделками; Калвертов, способных просидеть всю ночь напролет, обдумывая какую-нибудь очередную мистификацию.

But there was a difference, for beneath Rhett's seeming lightness there was something malicious, almost sinister in its suave brutality.	Но сходство было неполным: под маской небрежной беспечности Ретта Батлера угадывался злобный умысел, какая-то почти зловещая, хотя и неуловимая, мстительная жестокость.
Though she was thoroughly aware of his insincerity, she much preferred him in the role of the romantic blockader.	И все же он скорее импонировал ей в роли романтического контрабандиста, хотя она и видела насквозь его лицемерие.

For one thing, it made her own situation in associating with him so much easier than it had been at first.	Ведь это значительно облегчало общение с ним, которое на первых порах было для нее столь тягостным.
So, she was intensely annoyed when he dropped his masquerade and set out apparently upon a deliberate campaign to alienate Atlanta's good will.	Поэтому, когда он внезапно сбросил маску и принялся - намеренно, по-видимому, - восстанавливать против себя уже расположенных к нему горожан, это раздосадовали ее чрезвычайно.

It annoyed her because it seemed foolish and also because some of the harsh criticism directed at him fell on her.	Раздосадовало потому, что казалось ей глупым, и потому, что резкое осуждение, которому он начал подвергаться, бросало тень и на нее.
It was at Mrs. Elsing's silver musicale for the benefit of the convalescents that Rhett signed his final warrant of ostracism.	И вот настал день, когда Ретт Батлер сжег за собой все мосты и окончательный остракизм неизбежно должен был стать его уделом.

That afternoon the Elsing home was crowded with soldiers on leave and men from the hospitals, members of the Home Guard and the militia unit, and matrons, widows and young girls.	Это произошло в доме миссис Элсинг на благотворительном музыкальном вечере в пользу выздоравливающих воинов. Дом был полон военных, приехавших на побывку, служивых людей из милиции и войск внутреннего охранения, раненых из госпиталей, молоденьких девушек, вдов и матрон.
Every chair in the house was occupied, and even the long winding stair was packed with guests.	В доме не осталось ни одного свободного стула, и даже на лестнице и в холле толпились гости.

The large cut-glass bowl held at the door by the Elsings' butler had been emptied twice of its burden of silver coins. That in itself was enough to make the affair a success, for now a dollar in silver was worth sixty dollars in Confederate paper money.	Огромную чашу граненого хрусталя, которую дворецкий Элсингов держал в руках, стоя у входа, дважды освобождали от груза серебряных монет, что само по себе указывало на успех затеи, ибо в эти дни серебряный доллар был уже равен шестидесяти долларам в кредитных билетах Конфедерации.
Every girl with any pretense to accomplishments had sung or played the piano, and the tableaux vivants had been greeted with flattering applause.	Каждая девушка, хоть в какой-то мере обладавшая музыкальными способностями, пела или играла на фортепьяно, а живые картины вызвали бурю аплодисментов.

Scarlett was much pleased with herself, for not only had she and Melanie rendered a touching duet,	Скарлетт была в Превосходном настроении; она не только исполнила вместе с Мелани трогательный дуэт
"When the Dew Is on the Blossom," followed as an encore by the more sprightly	"Когда на луг падет роса" и - на бис - более игривую песенку
"Oh, Lawd, Ladies, Don't Mind Stephen!" but she had also been chosen to represent the Spirit of the Confederacy in the last tableau.	"Ах, боже, боже, дамы, это был не Стефан!", но на нее еще пал выбор воплотить Дух Конфедерации в последней живой картине.

She had looked most fetching, wearing a modestly draped Greek robe of white cheesecloth girdled with red and blue and holding the Stars and Bars in one hand, while with the other she stretched out to the kneeling Captain Carey Ashburn, of Alabama, the gold-hilted saber which had belonged to Charles and his father.	Она знала, что выглядит в высшей степени соблазнительно в строгом греческом хитоне из белой кисеи, подпоясанном красно-синим кушаком, с звездно-полосатым флагом в одной руке и саблей с золотым эфесом, когда-то принадлежавшей Чарльзу, а еще ранее его отцу, -в другой, простертой к коленопреклоненной фигуре капитана Кэйри Эшберна из Алабамы.
When her tableau was over, she could not help seeking Rhett's eyes to see if he had appreciated the pretty picture she made.	Когда занавес опустился, она, не удержавшись, поискала глазами Ретта Батлера - ей хотелось увидеть, какое она произвела на него впечатление в этой очаровательной живой картине.

With a feeling of exasperation she saw that he was in an argument and probably had not even noticed her.	К великому ее разочарованию, он был погружен в жаркий спор и, по-видимому, даже не смотрел представления.
Scarlett could see by the faces of the group surrounding him that they were infuriated by what he was saying.	По лицам окружавших его мужчин она поняла, что все они взбешены тем, что он им говорит.
She made her way toward them and, in one of those odd silences which sometimes fall on a gathering, she heard Willie Guinan, of the militia outfit, say plainly:	Она направилась туда, где он стоял, и среди внезапно наступившей, как это бывает иногда в многолюдных собраниях, тишины услышала вопрос, заданный напрямик Уилли Гиненом, офицером милиции:

"Do I understand, sir, that you mean the Cause for which our heroes have died is not sacred?"	- Следует ли так понимать вас, сэр, что Дело, за которое отдают жизнь наши герои, не является для вас священным?

"If you were run over by a railroad train your death wouldn't sanctify the railroad company, would it?" asked Rhett and his voice sounded as if he were humbly seeking information.	- Если вы завтра попадете под поезд, значит ли это, что железнодорожная компания должна быть причислена к лику святых? - самым кротким тоном спросил в свою очередь Ретт Батлер, словно и в самом деле желал получить на это ответ.
"Sir," said Willie, his voice shaking, "if we were not under this roof-"	- Сэр... - произнес Уилли, и голос его сорвался, -если бы мы не находились в этом доме...

"I tremble to think what would happen," said Rhett.	- Я дрожу при одной мысли о том, что могло бы тогда воспоследовать, - сказал Ретт Батлер.
"For, of course, your bravery is too well known."	- Ведь ваша храбрость, думается мне, слишком широко известна.
Willie went scarlet and all conversation ceased.	Уилли покраснел, и разговор оборвался.
Everyone was embarrassed.	Все были смущены.
Willie was strong and healthy and of military age and yet he wasn't at the front.	Уилли, крепкий, здоровый парень призывного возраста, находился в тылу.

Of course, he was the only boy his mother had and, after all, somebody had to be in the militia to protect the state.	Правда, он был единственный сын в семье, и кому-то же надо было служить в милиции и охранять порядок в Штате.
But there were a few irreverent snickers from convalescent officers when Rhett spoke of bravery.	И все же, когда Ретт Батлер произнес олово "храбрость", в группе уже отлежавших в госпитале офицеров раздались смешки.
"Oh, why doesn't he keep his mouth shut!" thought Scarlett indignantly.	"О господи! Не может он, что ли, держать язык на привязи! - с раздражением подумала Скарлетт.
"He's simply spoiling the whole party!"	- Портит всем вечер!"
Dr. Meade's brows were thunderous.	Доктор Мид грозно нахмурил брови.

"Nothing may be sacred to you, young man," he said, in the voice he always used when making speeches.	- Для вас, молодой человек, возможно, нет ничего священного, - сказал он громовым голосом, каким всегда произносил свои речи.
"But there are many things sacred to the patriotic men and ladies of the South.	- Но для верных патриотов и патриоток Юга есть вещи поистине священные.
And the freedom of our land from the usurper is one and States' Rights is another and-"	Это - стремление уберечь наш край от узурпаторов, это - Права Южных штатов и это...
Rhett looked lazy and his voice had a silky, almost bored, note.	У Ретта Батлера был скучающий вид; он мягко, почти вкрадчиво прервал доктора:

"All wars are sacred," he said. "To those who have to fight them.	- Войны всегда священны для тех, кому приходится их вести, - сказал он.
If the people who started wars didn't make them sacred, who would be foolish enough to fight?	- Если бы те, кто разжигает войны, не объявляли их священными, какой дурак пошел бы воевать?
But, no matter what rallying cries the orators give to the idiots who fight, no matter what noble purposes they assign to wars, there is never but one reason for a war.	Но какие бы лозунги ни выкрикивали ораторы, сгоняя дураков на бойню, какие бы благородные ни ставили перед ними цели, причина войн всегда одна.
And that is money.	Деньги.

All wars are in reality money squabbles.	Все войны, в сущности, - драка из-за денег.

But so few people ever realize it.	Только мало кто это понимает.
Their ears are too full of bugles and drums and the fine words from stay-at-home orators.	Все слишком оглушены фанфарами, барабанами и речами отсиживающихся в тылу трибунов.
Sometimes the rallying cry is 'save the Tomb of Christ from the Heathen!'	Иной раз их воинственный клич звучит так: "Спасем гроб нашего Христа от язычников!"
Sometimes it's 'down with Popery!' and sometimes	Или так: "Долой папистов!" А в другом случае иначе:
'Liberty!' and sometimes	"Свобода!" Или:
' Cotton, Slavery and States' Rights!'"	"Хлопок, Рабовладение и Права Юга!"

"What on earth has the Pope to do with it?" thought Scarlett.	"Ну при чем тут римский папа? - подумала Скарлетт.
"Or Christ's tomb, either?"	- А тем более - гроб Христов?"
But as she hurried toward the incensed group, she saw Rhett bow jauntily and start toward the doorway through the crowd.	Она торопливо приближалась к кучке разгоряченных спором людей, и в эту минуту Ретт Батлер отвесил всем изящный поклон и направился к двери.
She started after him but Mrs. Elsing caught her skirt and held her.	Она хотела было поспешить за ним, но миссис Элсинг ухватила ее за юбку.
"Let him go," she said in a clear voice that carried throughout the tensely quiet room.	- Пусть уходит, - громко сказала она, и голос ее отчетливо прозвучал среди напряженной тишины зала.

"Let him go.	- Пусть уходит.
He is a traitor, a speculator!	Он изменник и спекулянт!
He is a viper that we have nursed to our bosoms!"	Змея, которую мы пригрели на груди!
Rhett, standing in the hall, his hat in his hand, heard as he was intended to hear and, turning, surveyed the room for a moment.	Ретт Батлер, стоявший в холле со шляпой в руке, слышал эти слова, открыто предназначавшиеся для его ушей. Он обернулся и обвел глазами зал.
He looked pointedly at Mrs. Elsing's flat bosom, grinned suddenly and, bowing, made his exit.	Взгляд его беззастенчиво уперся в плоскую грудь миссис Элсинг. Неожиданно он ухмыльнулся и, поклонившись, скрылся за дверью.

Mrs. Merriwether rode home in Aunt Pitty's carriage, and scarcely had the four ladies seated themselves when she exploded.	Миссис Мерриуэзер возвращалась домой в коляске тетушки Питти, и не успели все четыре дамы занять свои места в экипаже, как ее негодование вырвалось наружу:
"There now, Pittypat Hamilton! I hope you are satisfied!"	- Ну что, Питтипэт Гамильтон, надеюсь, вы теперь удовлетворены?
"With what?" cried Pitty, apprehensively.	- Что вы имеете в виду? - с беспокойством спросила тетушка Питти.
"With the conduct of that wretched Butler man you've been harboring."	- Я имею в виду поведение этого подонка Батлера, которого вы у себя привечали.

Pittypat fluttered, too upset by the accusation to recall that Mrs. Merriwether had also been Rhett Butler's hostess on several occasions.	Обвинение это мгновенно привело тетушку Питти в великое волнение и расстройство, и у нее как-то вылетело из головы, что миссис Мерриуэзер сама не раз принимала у себя капитана Батлера.
Scarlett and Melanie thought of this, but bred to politeness to their elders, refrained from remarking on the matter. Instead they studiously looked down at their mittened hands.	Мелани и Скарлетт, наоборот, это обстоятельство тотчас же пришло на ум, но, воспитанные в почтении к старшим, они воздержались от упоминания о нем и только как по команде опустили глаза на свои сложенные на коленях, затянутые в митенки руки.

"He insulted us all and the Confederacy too," said Mrs. Merriwether, and her stout bust heaved violently beneath its glittering passementerie trimmings.	- Он оскорбил Конфедерацию и всех нас, - заявила миссис Мерриуэзер, и ее величественный бюст в расшитом бисером корсаже бурно заколыхался.
"Saying that we were fighting for money!	- Он посмел сказать, что мы сражаемся ради денег!
Saying that our leaders had lied to us!	Что наши вожди нам лгут!
He should be put in jail.	Его надо отправить в тюрьму!
Yes, he should.	Да, в тюрьму.
I shall speak to Dr. Meade about it.	Я буду говорить об этом с доктором Мидом.

If Mr. Merriwether were only alive, he'd tend to him!	Будь мистер Мерриуэзер жив, он бы нашел на него управу!
Now, Pitty Hamilton, you listen to me. You mustn't ever let that scamp come into your house again!"	И вот что я вам скажу, Питти Гамильтон: вы не должны больше пускать этого негодяя к себе в дом!
"Oh," mumbled Pitty, helplessly, looking as if she wished she were dead.	- О господи! - беспомощно пробормотала тетушка Питти, всем своим видом показывая, что лучше бы ей умереть на месте.
She looked appealingly at the two girls who kept their eyes cast down and then hopefully toward Uncle Peter's erect back.	Она с мольбой поглядела на Мелани и Скарлетт, но они сидели, опустив глаза долу. Тогда она с надеждой перевела взгляд на прямую, как доска, спину дядюшки Питера.

She knew he was listening attentively to every word and she hoped he would turn and take a hand in the conversation, as he frequently did. She hoped he would say:	Он, конечно, не пропустил мимо ушей ни единого слова, и она ждала, что, обернувшись к ним, он, как всегда, возьмет дело в свои руки и скажет:
"Now, Miss Dolly, you let Miss Pitty be," but Peter made no move.	"Ну, ну, мисс Долли, вы уж оставьте мисс Питти в покое". Но Питер даже не шелохнулся.
He disapproved heartily of Rhett Butler and poor Pitty knew it.	Он крепко недолюбливал капитана Батлера, и бедная тетушка Питти это знала.
She sighed and said: "Well, Dolly, if you think-"	Вздохнув, она пробормотала: - Чтя ж, если уж вы так считаете, Долли...

"I do think," returned Mrs. Merriwether firmly.	- Да, я так считаю, - твердо произнесла миссис Мерриуэзер.
"I can't imagine what possessed you to receive him in the first place.	- Я вообще не понимаю, что это на вас нашло, как могли вы его принимать?

After this afternoon, there won't be a decent home in town that he'll be welcome in.	А после сегодняшнего вечера его ни в одном приличном доме не пустят на порог.
Do get up some gumption and forbid him your house."	Вам придется собраться с духом и указать ему на дверь.
She turned a sharp eye on the girls.	Она окинула пронзительным взглядом лица Мелани и Скарлетт.

"I hope you two are marking my words," she continued, "for it's partly your fault, being so pleasant to him.	- Я надеюсь, что мои слова дошли и до ваших ушей, - продолжала она. - Ведь это отчасти и ваша вина - вы были слишком любезны с ним.
Just tell him politely but firmly that his presence and his disloyal talk are distinctly unwelcome at your house."	Скажите ему вежливо, но твердо, что после таких изменнических речей его присутствие в вашем доме никому не доставит удовольствия.
By this time Scarlett was boiling, ready to rear like a horse at the touch of a strange rough hand on its bridle.	Скарлетт уже вся дрожала, как норовистая лошадка, почуявшая, что чужая рука пытается взять ее под уздцы.

But she was afraid to speak. She could not risk Mrs. Merriwether writing another letter to her mother.	Но перечить она не решалась, боясь, что миссис Мерриуэзер может снова написать про нее Эллин.
"You old buffalo!" she thought, her face crimson with suppressed fury.	"Ах ты, старая карга! - думала она, заливаясь румянцем от бушевавшей в ней злости.
"How heavenly it would be to tell you just what I think of you and your bossy ways!" "I never thought to live long enough to hear such disloyal words spoken of our Cause," went on Mrs. Merriwether, by this time in a ferment of righteous anger.	- Знала бы ты, что я думаю о тебе и о твоей манере всеми командовать!" - Вот уж не думала, что мне когда-нибудь доведется услышать такие оскорбительные слова о нашем священном Деле, -говорила миссис Мерриуэзер, продолжая кипеть праведным гневом.

"Any man who does not think our Cause is just and holy should be hanged!	- Всякого, кто не верит в Конфедерацию, не верит, что наше Дело - святое и правое, следует вздернуть на виселице!
I don't want to hear of you two girls ever even speaking to him again-For Heaven's sake, Melly, what ails you?"	И я надеюсь, мои дорогие, что вы больше ни словом не обмолвитесь с этим человеком. Господи помилуй, что это с вами, Мелли?
Melanie was white and her eyes were enormous.	Глаза Мелани казались огромными на побелевшем лице.
"I will speak to him again," she said in a low voice.	- Я не перестану разговаривать с ним, - негромко проговорила она.
"I will not be rude to him.	- Я не буду его обижать.
I will not forbid him the house."	И не откажу ему от дома.

Mrs. Merriwether's breath went out of her lungs as explosively as though she had been punched.	Миссис Мерриуэзер выпустила из легких воздух с таким звуком, словно проткнула детский воздушный шарик.
Aunt Pitty's fat mouth popped open and Uncle Peter turned to stare.	Тетушка Питти остолбенело разинула свой пухлый ротик, а дядюшка Питер повернулся на козлах и уставился на Мелани.
"Now, why didn't I have the gumption to say that?" thought Scarlett, jealousy mixing with admiration.	"Ну почему у меня не хватило духу сказать так? -с завистливым восхищением подумала Скарлетт.

"How did that little rabbit ever get up spunk enough to stand up to old lady Merriwether?"	- Как эта маленькая мышка осмелилась дать отпор миссис Мерриуэзер?"
Melanie's hands were shaking but she went on hurriedly, as though fearing her courage would fail her if she delayed.	У Мелани дрожали руки, но она торопливо продолжала говорить, словно боясь, что мужество ее покинет:
"I won't be rude to him because of what he said, because-It was rude of him to say it out loud-most ill advised-but it's-it's what Ashley thinks.	- Я не могу обидеть его, потому что... Конечно, он не должен был говорить этого вслух, он оскорбил людей, поступил крайне неосмотрительно.., но... Эшли разделяет его взгляды.

And I can't forbid the house to a man who thinks what my husband thinks.	И я не могу отказать от дома человеку, который думает так же, как и мой муж.
It would be unjust."	Это было бы несправедливо.
Mrs. Merriwether's breath had come back and she charged.	Миссис Мерриуэзер наконец обрела дар речи и выпалила:
"Melly Hamilton, I never heard such a lie in all my life!	- Мелли Гамильтон! Столь бессовестной лжи я еще не слыхала отродясь.
There was never a Wilkes who was a coward-"	В семействе Уилксов не было трусов...
"I never said Ashley was a coward," said Melanie, her eyes beginning to flash.	- А разве я сказала, что Эшли трус? - У Мелани засверкали глаза.

"I said he thinks what Captain Butler thinks, only he expresses it in different words.	- Я сказала, что он думает так же, как и капитан Батлер, только выражает свои взгляды по-другому.
And he doesn't go around saying it at musicales, I hope.	И разумеется, не говорит об этом всем и каждому на музыкальных вечерах.
But he has written it to me."	Но он написал мне это в письме.

Scarlett's guilty conscience stirred as she tried to recall what Ashley might have written that would lead Melanie to make such a statement, but most of the letters she had read had gone out of her head as soon as she finished reading them.	Скарлетт, испытывая легкий укол совести, старалась вспомнить, что же было такого в письмах Эшли, что заставило Мелани сделать подобное заявление, но содержание писем почти мгновенно улетучивалось у нее из головы, как только она кончала читать.
She believed Melanie had simply taken leave of her senses.	Она готова была подумать, что Мелани просто рехнулась.
"Ashley wrote me that we should not be fighting the Yankees.	- Эшли писал мне, что нам не следовало ввязываться в войну с северянами.

And that we have been betrayed into it by statesmen and orators mouthing catchwords and prejudices," said Melly rapidly.	Что нас вовлекли в нее политические болтуны - обманули высокопарными словами и разожгли наши предрассудки, - торопливо продолжала Мелани.
"He said nothing in the world was worth what this war was going to do to us.	- Нет ничего на свете, говорит он, за что стоило бы платить такой ценой, какую мы заплатим за эту войну.
He said here wasn't anything at all to glory-it was just misery and dirt."	Он говорит, что не видит в ней доблести - только грязь и страдания.
"Oh!	"О! - подумала Скарлетт.

That letter," thought Scarlett.	- Это было в том письме!

"Was that what he meant?" "I don't believe it," said Mrs. Merriwether firmly.	Разве он это хотел сказать?" - Я вам не верю, -решительно изрекла миссис Мерриуэзер.
"You misunderstood his meaning."	- Вы неправильно истолковали его слова.
"I never misunderstand Ashley," Melanie replied quietly, though her lips were trembling.	- Я никогда не ошибаюсь в отношении Эшли, -спокойно ответила Мелани, хотя губы у нее дрожали.
"I understand him perfectly.	- Я всегда понимаю его с полуслова.
He meant exactly what Captain Butler meant, only he didn't say it in a rude way."	Он думает так же, как и капитан Батлер, только выражает это не в столь резкой форме.

"You should be ashamed of yourself, comparing a fine man like Ashley Wilkes to a scoundrel like Captain Butler!	- Постыдились бы сравнивать такого благородного человека, как Эшли, с этим подонком, капитаном Батлером!
I suppose you, too, think the Cause is nothing!"	Вы, верно, сами считаете, что Дело, за которое мы боремся, не стоит ломаного гроша!
"I-I don't know what I think," Melanie began uncertainly, her fire deserting her and panic at her outspokenness taking hold of her.	- Я... я сама еще не разобралась в своих чувствах, -неуверенно пробормотала Мелани. Ее жар остыл, и она уже испугалась своей вспышки.
"I-I'd die for the Cause, like Ashley would.	- Я... я тоже готова отдать свою жизнь за наше Правое Дело, как готов отдать ее Эшли.

But-I mean- I mean, I'll let the men folks do the thinking, because they are so much smarter."	Но... я считаю... я считаю, что мы не должны мешать мужчинам думать по-своему, потому что они умнее нас.
"I never heard the like," snorted Mrs. Merriwether.	- В жизни не слыхала подобной чепухи! -фыркнула миссис Мерриуэзер.
"Stop, Uncle Peter, you're driving past my house!"	- Останови-ка лошадь, дядюшка Питер, ты Проехал мой дом!
Uncle Peter, preoccupied with the conversation behind him, had driven past the Merriwether carriage block and he backed up the horse.	Дядюшка Питер, стараясь не пропустить ни слова из разговора, происходившего у пего за спиной, промахнул мимо дома миссис Мерриуэзер и теперь начал осаживать лошадь.

Mrs. Merriwether alighted, her bonnet ribbons shaking like sails in a storm.	Миссис Мерриуэзер вышла из экипажа, ленты на ее чепце трепетали, как паруса под шквальным ветром.
"You'll be sorry," she said.	- Вы еще пожалеете! - сказала она.
Uncle Peter whipped up the horse.	Дядюшка Питер хлестнул лошадь вожжой.
"You young misses ought ter tek shame, gittin' Miss Pitty in a state," he scolded.	- Как же вам, молодые барышни, не совестно доводить мисс Питти до состояния, - укорил он их.
"I'm not in a state," replied Pitty, surprisingly, for less strain than this had frequently brought on fainting fits.	- Ни до чего они меня не довели, - ко всеобщему изумлению, неожиданно заявила тетушка Питти, неизменно лишавшаяся чувств даже при куда менее волнующих обстоятельствах.

"Melly, honey, I knew you were doing it just to take up for me and, really, I was glad to see somebody take Dolly down a peg.	- Мелли, милочка, я знаю, ты хотела заступиться за меня, и я очень рада, что наконец кто-то немножко сбил с Долли спесь.
She's so bossy.	Больно уж привыкла она здесь всеми командовать.
How did you have the courage?	Как это ты так расхрабрилась?
But do you think you should have said that about Ashley?"	Но следовало ли тебе все-таки говорить все это про Эшли?
"But it's true," answered Melanie and she began to cry softly.	- Но это же правда, - сказала Мелли и беззвучно заплакала.

"And I'm not ashamed that he thinks that way.	- И я нисколько не стыжусь того, что он так думает.
He thinks the war is all wrong but he's willing to fight and die anyway, and that takes lots more courage than fighting for something you think is right."	Он считает, что эта война нам не нужна, но он будет сражаться и, быть может, погибнет, а для этого нужно куда больше мужества, чем сражаться за дело, в которое веришь.
"Lawd, Miss Melly, doan cry hyah on Peachtree Street," groaned Uncle Peter, hastening his horse's pace.	- Будет вам, мисс Мелли, не плачьте посреди улицы! - заворчал дядюшка Питер, яростно нахлестывая лошадь.
"Folks'll talk sumpin' scan'lous.	- Народ бог весть что про вас подумает.
Wait till us gits home."	Сейчас приедем домой, там и поплачете.

Scarlett said nothing.	Скарлетт молчала.
She did not even squeeze the hand that Melanie had inserted into her palm for comfort.	Она даже не пожала руки Мелани, которую та подсунула под ее ладонь, ища утешения.
She had read Ashley's letters for only one purpose-to assure herself that he still loved her.	Скарлетт читала письма Эшли с единственной целью - удостовериться в том, что он все еще любит ее.
Now Melanie had given a new meaning to passages in the letters which Scarlett's eyes had barely seen.	Теперь, после слов Мелани, ей открылся новый смысл тех фраз, которые она столь небрежно пробегала глазами.

It shocked her to realize that anyone as absolutely perfect as Ashley could have any thought in common with such a reprobate as Rhett Butler.	Она была потрясена, узнав, что человек, столь во всех отношениях безупречный, как Эшли, может в чем-то сходиться во взглядах с этим отщепенцем, Реттом Батлером.
She thought:	И она подумала:
"They both see the truth of this war, but Ashley is willing to die about it and Rhett isn't.	"Они оба знают истинную цену этой войне, только Эшли готов все же сражаться и умереть, а Ретт - нет.
I think that shows Rhett's good sense."	Значит, у Ретта просто больше здравого смысла".

She paused a moment, horror struck that she could have such a thought about Ashley.	От этих кощунственных мыслей ее на мгновение объял ужас.

"They both see the same unpleasant truth, but Rhett likes to look it in the face and enrage people by talking about it-and Ashley can hardly bear to face it."	"Они оба видят страшную правду, но Ретт предпочитает смотреть этой правде в глаза, и ему нравится говорить о ней людям и восстанавливать их против себя, а Эшли эта правда дается с мукой".
It was very bewildering.	Все это совсем сбивало с толку.
CHAPTER XIII	Глава 13

Under Mrs. Merriwether's goading, Dr. Meade took action, in the form of a letter to the newspaper wherein he did not mention Rhett by name, though his meaning was obvious.	По наущению миссис Мерриуазер доктор Мид принялся за дело, кое облеклось в форму письма в газету. Имя Ретта Батлера названо не было, но в кого пущена стрела, сомневаться не приходилось.

The editor, sensing the social drama of the letter, put it on the second page of the paper, in itself a startling innovation, as the first two pages of the paper were always devoted to advertisements of slaves, mules, plows, coffins, houses for sale or rent, cures for private diseases, abortifacients and restoratives for lost manhood.	Редактор, учуяв общественное значение назревшей драмы, поместил письмо на вторую полосу газеты, что само по себе было смелым новшеством, поскольку первые две полосы неукоснительно отводились под объявления о куплепродаже рабов, мулов, плугов, гробов, о домах - на продажу или внаем, - о лекарствах от не подлежащих оглашению болезней, об абортивных средствах и о средствах для восстановления утраченной мужской потенции.

The doctor's letter was the first of a chorus of indignation that was beginning to be heard all over the South against speculators, profiteers and holders of government contracts.	Письмо доктора сыграло роль запевалы в хоре возмущенных голосов, зазвучавших по всему Югу и клеймивших позором спекулянтов, барышников и обладателей правительственных подрядов.
Conditions in Wilmington, the chief blockade port, now that Charleston's port was practically sealed by the Yankee gunboats, had reached the proportions of an open scandal.	После того как чарльстонский порт был практически полностью заблокирован канонерками северян, состояние дел в уилмингтонском порту - теперь уже главном порту южан - стало поистине скандальным.

Speculators swarmed Wilmington and, having the ready cash, bought up boatloads of goods and held them for a rise in prices.	Спекулянты с набитыми деньгами карманами буквально наводнили Уилмингтон; они скупали все грузы с кораблей и припрятывали их, чтобы взвинтить цены.
The rise always came, for with the increasing scarcity of necessities, prices leaped higher by the month.	И цены взлетали вверх. Из месяца в месяц товаров становилось все меньше, потребности возрастали, росли и цены.

The civilian population had either to do without or buy at the speculators' prices, and the poor and those in moderate circumstances were suffering increasing hardships.	Гражданское население вынуждено было выбирать одно из двух: либо обходиться без самого необходимого, либо покупать по спекулятивным ценам, и все бедняки и даже люди среднего достатка день ото дня испытывали все большие лишения.
With the rise in prices, Confederate money sank, and with its rapid fall there rose a wild passion for luxuries.	По мере роста цен деньги Конфедерации обесценивались, а стремительное падение курса влекло за собой дикую погоню за всевозможными предметами роскоши.

Blockaders were commissioned to bring in necessities but now it was the higher-priced luxuries that filled their boats to the exclusion of the things the Confederacy vitally needed.	Контрабандистам поручалось привозить насущно необходимое, А предметами роскоши разрешалось торговать только в виде исключения, но теперь уже все контрабандные суда были забиты денными товарами, вытеснившими то, что требовалось для нужд Конфедерации.
People frenziedly bought these luxuries with the money they had today, fearing that tomorrow's prices would be higher and the money worthless.	И люди как одержимые расхватывали предметы роскоши, спеша сбыть имевшиеся у них в наличии деньги из боязни, что завтра цены подскочат еще выше, а деньги обесценятся совсем.

To make matters worse, there was only one railroad line from Wilmington to Richmond and, while thousands of barrels of flour and boxes of bacon spoiled and rotted in wayside stations for want of transportation, speculators with wines, taffetas and coffee to sell seemed always able to get their goods to Richmond two days after they were landed at Wilmington.	И в довершение всего, поскольку Уилмингтон с Ричмондом связывала всего одна железнодорожная колея, тысячи бочонков с мукой и банок с копченой грудинкой портились на промежуточных станциях из-за нехватки подвижного состава. Спекулянтам же каким-то чудом удавалось за двое суток доставлять свои вина, кофе и тафту из Уилмингтона в Ричмонд.

The rumor which had been creeping about underground was now being openly discussed, that Rhett Butler not only ran his own four boats and sold the cargoes at unheard-of prices but bought up the cargoes of other boats and held them for rises in prices.	Теперь уже открыто говорили о том, о чем раньше украдкой шептались: Ретт Батлер не только продает по неслыханным ценам товар со своих четырех судов, но и скупает грузы у других контрабандистов и придерживает их, чтобы еще больше взвинтить цены.

It was said that he was at the head of a combine worth more than a million dollars, with Wilmington as its headquarters for the purpose of buying blockade goods on the docks. They had dozens of warehouses in that city and in Richmond, so the story ran, and the warehouses were crammed with food and clothing that were being held for higher prices.	Говорили, что он стоит во главе синдиката с капиталом в миллион долларов и штаб-квартирой в Уилмингтоне, созданного для скупки контрабандных грузов прямо в порту, что синдикат имеет десятки товарных складов как в Уилмингтоне, так и в Ричмонде; все они доверху набиты продуктами и одеждой, и все это не выбрасывается на рынок, чтобы еще больше вздуть цены.
Already soldiers and civilians alike were feeling the pinch, and the muttering against him and his fellow speculators was bitter.	Теперь уже не только гражданские лица, но и военные начинали ощущать лишения, и озлобление против Ретта Батлера и других спекулянтов росло.

"There are many brave and patriotic men in the blockade arm of the Confederacy's naval service," ran the last of the doctor's letter, "unselfish men who are risking their lives and all their wealth that the Confederacy may survive.	"Среди лиц, находящихся на службе в торговом флоте Конфедерации и прорывающих блокаду наших портов, есть немало отважных патриотов, -писал доктор в своем письме, - бескорыстных людей, рискующих ради существования Конфедерации своей жизнью и состоянием.
They are enshrined in the hearts of all loyal Southerners, and no one begrudges them the scant monetary returns they make for their risks.	Их имена бережно хранятся в сердцах всех преданных Делу южан, и разве кто-нибудь пожалеет для них того скудного денежного вознаграждения, которое они получают ценой риска?
They are unselfish gentlemen, and we honor them.	Это бескорыстные джентльмены, и мы их чтим.

Of these men, I do not speak.	О них я не говорю.

"But there are other scoundrels who masquerade under the cloak of the blockader for their own selfish gains, and I call down the just wrath and vengeance of an embattled people, fighting in the justest of Causes, on these human vultures who bring in satins and laces when our men are dying for want of quinine, who load their boats with tea and wines when our heroes are writhing for lack of morphia.	Но есть другие - есть негодяи, скрывающие под личиной борцов против блокады свое стремление к наживе, и я призываю весь наш народ, сражающийся за самое Правое Дело, ведущий справедливейшую из войн, обрушить свой праведный гнев и мщение на головы этих хищных стервятников, везущих нам атласы и кружева, когда наши воины погибают от отсутствия хинина, нагружающих свои суда вином и чаем, в то время как наши герои корчатся в муках из-за отсутствия морфия.

I execrate these vampires who are sucking the lifeblood of the men who follow Robert Lee-these men who are making the very name of blockader a stench in the nostrils of all patriotic men.	Я призываю проклятия на головы этих вампиров, сосущих кровь солдат, сражающихся под знаменами Роберта Ли, этих отщепенцев, по милости которых самое слово "контрабандист" стало отдавать зловонием для каждого истинного патриота.
How can we endure these scavengers in our midst with their varnished boots when our boys are tramping barefoot into battle?	Можем ли мы терпеть в нашей среде этих гиен, разгуливающих в надраенных сапогах, когда наши парни шагают босиком в атаку?

How can we tolerate them with their champagnes and their pates of Strasbourg when our soldiers are shivering about their camp fires and gnawing moldy bacon?	Можем ли мы и далее сносить, что они опиваются шампанским и объедаются страсбургскими пирогами, в то время как наши солдаты дрожат от холода у лагерного костра и жуют тухлую свинину?
I call upon every loyal Confederate to cast them out."	Я призываю каждого патриота-конфедерата вышвырнуть их вон!"
Atlanta read, knew the oracle had spoken, and, as loyal Confederates, they hastened to cast Rhett out.	Атланта прочла письмо, вняла вещаниям своего оракула и, верная Конфедерации, поспешила вышвырнуть Ретта Батлера вон.

Of all the homes which had received him in the fall of 1862, Miss Pittypat's was almost the only one into which he could enter in 1863.	Из всех домов, двери которых были открыты ему в прошлом году, дом мисс Питтипэт оставался почти единственным, где его продолжали принимать и теперь, в 1863 году.
And, except for Melanie, he probably would not have been received there.	И если бы не Мелани, то, вероятно, и в этот дом ему был бы закрыт доступ.
Aunt Pitty was in a state whenever he was in town.	Всякий раз при известии о его появлении в городе тетушка Питти падала в обморок.

She knew very well what her friends were saying when she permitted him to call but she still lacked the courage to tell him he was unwelcome.	Ей хорошо было известно, что говорят ее друзья по поводу его визитов к ней, но у иге по-прежнему не хватало духу отказать ему в гостеприимстве.
Each time he arrived in Atlanta, she set her fat mouth and told the girls that she would meet him at the door and forbid him to enter.	Стоило Ретту Батлеру появиться в Атланте, как тетушка Питти сурово сжимала свой пухленький ротик и заявляла во всеуслышание, что она встанет в дверях и не даст ему переступить порог.

And each time he came, a little package in his hand and a compliment for her charm and beauty on his lips, she wilted.	Но вот он появлялся перед ней с маленьким пакетиком в руках и неизменным комплиментом на устах, превозносил ее красоту и обаяние, и решимость бедняжки таяла как воск.

"I just don't know what to do," she would moan.	- Просто не знаю, что и делать, - жалобно вздыхала она.
"He just looks at me and I- I'm scared to death of what he would do if I told him.	- Он смотрит на меня, и я умираю от страха при мысли, что он может натворить, если я откажу ему от дома.
He's got such a bad reputation.	Про него такое говорят!

Do you suppose he would strike me-or-or-Oh, dear, if Charlie were only alive!	Как вы думаете - он может меня ударить? Или... или... О, если бы Чарли был жив!
Scarlett, YOU must tell him not to call again-tell him in a nice way.	Скарлетт, вы должны сказать ему, чтобы он больше не приходил, - сказать в самой вежливой форме.
Oh, me!	О боже!
I do believe you encourage him, and the whole town is talking and, if your mother ever finds out, what will she say to me?	Я, право, думаю, что вы слишком поощряете его, и весь город об этом говорит, и если ваша матушка узнает, что она подумает обо мне?
Melly, you must not be so nice to him.	Мелли, ты не должна быть с ним так мила.

Be cool and distant and he will understand.	Держись с ним холодно и отчужденно, и он поймет.
Oh, Melly, do you think I'd better write Henry a note and ask him to speak to Captain Butler?"	Ах, Мелли, как ты считаешь, может быть, мне следует написать Генри, чтобы он поговорил с капитаном Батлером?
"No, I don't," said Melanie.	- Нет, я этого не считаю, - сказала Мелани.
"And I won't be rude to him, either.	- И я, конечно, тоже не буду с ним груба.
I think people are acting like chickens with their heads off about Captain Butler.	Я считаю, что все ведут себя с капитаном Батлером как перепуганные курицы.

I'm sure he can't be all the bad things Dr. Meade and Mrs. Merriwether say he is.	Я не верю всем гадостям, которые говорят про него миссис Мерриуэзер и доктор Мид.
He wouldn't hold food from starving people.	Он не стал бы прятать пищу от умирающих с голоду людей.
Why, he even gave me a hundred dollars for the orphans.	Кто, как не он, дал мне сто долларов для сирот?
I'm sure he's just as loyal and patriotic as any of us and he's just too proud to defend himself.	Я уверена, что он не менее преданный патриот, чем любой из нас, и просто слишком горд, чтобы защищаться от нападок.
You know how obstinate men are when they get their backs up."	Вы же знаете, как упрямы могут быть мужчины, если их разозлить.

Aunt Pitty knew nothing about men, either with their backs up or otherwise, and she could only wave her fat little hands helplessly.	Но тетушка Питти этого не знала и вообще не очень-то разбиралась в мужчинах, и она беспомощно разводила своими маленькими пухлыми ручками.
As for Scarlett, she had long ago become resigned to Melanie's habit of seeing good in everyone.	Скарлетт же давно примирилась со склонностью Мелани видеть во всех только хорошее.
Melanie was a fool, but there was nothing anybody could do about it.	Мелани, конечно, дурочка, но тут уж ничего не поделаешь.

Scarlett knew that Rhett was not being patriotic and, though she would have died rather than confess it, she did not care.	Скарлетт знала, что Ретт Батлер далеко не патриот, но ей было на это наплевать, хотя она даже под страхом смерти никогда бы в этом не призналась.
The little presents he brought her from Nassau, little oddments that a lady could accept with propriety, were what mattered most to her.	Для нее гораздо большее значение имело то, что он привозил ей из Нассау маленькие подарки -разные мелкие сувениры, которые можно было принимать, не нарушая правил приличия.
With prices as high as they were, where on earth could she get needles and bonbons and hairpins, if she forbade the house to him?	Когда цены так непомерно возросли, как, спрашивается, будет она обходиться без шпилек, без булавок, без конфет, если откажет капитану Батлеру от дома?

No, it was easier to shift the responsibility to Aunt Pitty, who after all was the head of the house, the chaperon and the arbiter of morals.	Нет, куда проще переложить всю ответственность на тетю Питти - ведь она же, в конце-то концов, глава дома, дуэнья и оплот их нравственных устоев.
Scarlett knew the town gossiped about Rhett's calls, and about her too; but she also knew that in the eyes of Atlanta Melanie Wilkes could do no wrong, and if Melanie defended Rhett his calls were still tinged with respectability.	Скарлетт знала, что про визиты Ретта Батлера и про нее в городе идут сплетни, но она знала также, что Мелани Уилкс непогрешима в глазах Атланты и, пока Мелани берет под свою защиту капитана Батлера, на его визиты будут смотреть сквозь пальцы.

However, life would be pleasanter if Rhett would recant his heresies.	Тем не менее жизнь могла бы быть много приятнее, если бы капитан Батлер отрекся от своих еретических суждений.
She wouldn't have to suffer the embarrassment of seeing him cut openly when she walked down Peachtree Street with him.	Ей не пришлось бы, прогуливаясь с ним по Персиковой улице, всякий раз испытывать конфуз оттого, что все так открыто его игнорируют.
"Even if you think such things, why do you say them?" she scolded.	- Даже если вы в самом деле так думаете, то зачем об этом говорить? - упрекала она его.
"If you'd just think what you please but keep your mouth shut, everything would be so much nicer."	- Думали бы себе все, что вам угодно, только держали бы язык за зубами, и как бы все было славно.

"That's your system, isn't it, my green-eyed hypocrite?	- Таков ваш метод, моя зеленоглазая лицемерка?
Scarlett, Scarlett!	Ах, Скарлетт, Скарлетт!
I hoped for more courageous conduct from you.	Мне казалось, вы будете вести себя более отважно.
I thought the Irish said what they thought and the Divvil take the hindermost.	Мне казалось, ирландцы говорят то, что думают, и посылают всех к дьяволу.
Tell me truthfully, don't you sometimes almost burst from keeping your mouth shut?"	Скажите откровенно: вам-то самой всегда ли легко держать язык за зубами?
"Well-yes," Scarlett confessed reluctantly.	- Да... понятно, нелегко, - неохотно согласилась Скарлетт.

"I do get awfully bored when they talk about the Cause, morning, noon and night.	- Разумеется, можно околеть от тоски, когда они с утра до ночи лопочут о нашем Правом Деле.

But goodness, Rhett Butler, if I admitted it nobody would speak to me and none of the boys would dance with me!"	Но, бог ты мой, как вы не понимаете, Ретт Батлер, ведь если я в этом признаюсь, все перестанут со мной разговаривать и я на танцах останусь без кавалеров!
"Ah, yes, and one must be danced with, at all costs.	- Ах, конечно, конечно, а танцевать необходимо любой ценой.
Well, I admire your self-control but I do not find myself equal to it.	Что ж, я преклоняюсь перед вашим самообладанием, но, увы, не наделен им в такой же мере.

Nor can I masquerade in a cloak of romance and patriotism, no matter how convenient it might be.	И не могу рядиться в романтический плащ героя-патриота, дабы удобнее жилось.
There are enough stupid patriots who are risking every cent they have in the blockade and who are going to come out of this war paupers.	И без меня хватает дураков, которые из патриотических побуждений готовы рискнуть последним центом и выйдут из войны нищими.
They don't need me among their number, either to brighten the record of patriotism or to increase the roll of paupers.	Они не нуждаются в том, чтобы я примкнул к ним - ни для укрепления патриотизма, ни для пополнения списка нищих.
Let them have the haloes.	Пусть сами носят свой ореол героев.

They deserve them-for once I am being sincere-and, besides, haloes will be about all they will have in a year or so."	Они заслужили его - на этот раз я говорю вполне серьезно, и к тому же этот ореол - единственное, пожалуй, что через год-два у них останется.
"I think you are very nasty to even hint such things when you know very well that England and France are coming in on our side in no time and-"	- Просто отвратительно, что вы можете хотя бы в шутку говорить такие вещи, когда всем прекрасно известно, что Англия и Франция не сегодня-завтра выступят на нашей стороне, и тогда...
"Why, Scarlett!	- Господи, Скарлетт!
You must have been reading a newspaper!	Да вы никак стали читать газеты!
I'm surprised at you.	Я просто поражен.
Don't do it again.	Никогда не делайте этого больше.

It addles women's brains.	Крайне вредное занятие для женского ума.
For your information, I was in England, not a month ago, and I'll tell you this. England will never help the Confederacy.	К вашему сведению, я был в Англии всего месяц назад и могу вам сообщить, что Англия никогда не придет на помощь Конфедерации.
England never bets on the underdog.	Англия никогда не выступает на стороне побежденного.
That's why she's England.	Потому-то она и Англия.
Besides, the fat Dutch woman who is sitting on the throne is a God-fearing soul and she doesn't approve of slavery.	К тому же толстая немка, восседающая на английском престоле, чрезвычайно богобоязненная особа и не одобряет рабства.

Let the English mill workers starve because they can't get our cotton but never, never strike a blow for slavery.	Пусть уж лучше англий-ские ткачи подохнут с голоду из-за отсутствия хлопка, лишь бы, упа-си боже, не шевельнуть пальцем в защиту раб-ства.

And as for France, that weak imitation of Napoleon is far too busy establishing the French in Mexico to be bothered with us. In fact he welcomes this war, because it keeps us too busy to run his troops out of Mexico... No, Scarlett, the idea of assistance from abroad is just a newspaper invention to keep up the morale of the South.	А что касается Франции, то нынешнее бледное подобие Наполеона слишком занят внедрением французов в Мексику, ему не до нас - скорее даже на руку, что мы увязли в этой войне: она мешает мам выгнать его солдат из Мексики... Нет, Скарлетт, надежда на помощь извне - это все газетные измышления, рассчитанные на то, чтобы поддержать дух южан.
The Confederacy is doomed.	Конфедерация обречена.

It's living on its hump now, like the camel, and even the largest of humps aren't inexhaustible.	Она, как верблюд, живет сейчас за счет своего горба, но это не может длиться вечно.
I give myself about six months more of blockading and then I'm through.	Я еще полгодика попыхчу, прорывая блокаду, а потом закрою лавочку.
After that, it will be too risky.	Дольше рисковать нельзя.
And I'll sell my boats to some foolish Englishman who thinks he can slip them through.	Я продам мои суда какому-нибудь дураку-англичанину, который возьмется за дело вместо меня.
But one way or the other, it's not bothering me.	Так или иначе, меня это мало беспокоит.

I've made money enough, and it's in English banks and in gold.	У меня уже достаточно денег в английских банках и золота.
None of this worthless paper for me."	А никчемных бумажек я не держу.
As always when he spoke, he sounded so plausible.	И как всегда, это звучало очень убедительно.
Other people might call his utterances treachery but, to Scarlett, they always rang with common sense and truth.	Другие могли бы назвать его речи изменническими, но Скарлетт в них угадывала правду и здравый смысл.
And she knew that this was utterly wrong, knew she should be shocked and infuriated.	И вместе с тем она понимала, что это очень дурно, что она должна бы оскорбиться и вознегодовать.

Actually she was neither, but she could pretend to be. It made her feel more respectable and ladylike.	Однако ничего такого она на самом деле не испытывала, но притвориться, конечно, могла, дабы почувствовать себя более респектабельной и настоящей леди.
"I think what Dr. Meade wrote about was right, Captain Butler.	- Я склонна думать, что доктор Мид был прав в отношении вас, капитан Батлер.
The only way to redeem yourself is to enlist after you sell your boats.	Единственный способ для вас обелить себя - это завербоваться в армию, как только вы продадите свои судна.
You're a West Pointer and-"	Вы были в Вест-Пойнте и...

"You talk like a Baptist preacher making a recruiting speech.	- Вы говорите совсем как баптистский проповедник, вербующий новобранцев.
Suppose I don't want to redeem myself?	А если я не стремлюсь обелять себя?
Why should I fight to uphold the system that cast me out?	Какой мне смысл сражаться ради сохранения общественного уклада, который сделал меня изгоем?
I shall take pleasure in seeing it smashed."	Мне доставит удовольствие поглядеть, как он рухнет.

"I never heard of any system," she said crossly.	- Понятия не имею, что это за уклад - о чем вы говорите? - сказала она резко.
"No?	- Вот как?

And yet you are a part of it, like I was, and I'll wager you don't like it any more than I did.	А ведь вы - часть его, так же как и я был когда-то, и могу побиться об заклад, что и вам он не больше по душе, чем мне.
Well, why am I the black sheep of the Butler family?	Почему я стал паршивой овцой в моей семье?
For this reason and no other-I didn't conform to Charleston and I couldn't.	По одной-единственной причине: потому что не хотел и не мог жить, сообразуясь с законами Чарльстона.
And Charleston is the South, only intensified.	А Чарльстон - это олицетворение Юга, его сгусток.
I wonder if you realize yet what a bore it is?	Вы, верно, еще не познали до конца, какая это смертная тоска.

So many things that one must do because they've always been done.	От вас требуют, чтобы вы делали тысячу каких-то ненужных вещей только потому, что так делалось всегда.
So many things, quite harmless, that one must not do for the same reason.	И по той же причине тысячу совершенно безвредных вещей вам делать не дозволяется.
So many things that annoyed me by their senselessness.	А сколько при этом всевозможных нелепостей!
Not marrying the young lady, of whom you have probably heard, was merely the last straw.	Последней каплей, переполнившей чашу их терпения, был мой отказ жениться на некоей девице, о чем вы, вероятно, слышали.

Why should I marry a boring fool, simply because an accident prevented me from getting her home before dark?	Почему я должен был жениться на беспросветной дуре только из-за того, что по воле случая не смог засветло доставить ее домой?
And why permit her wild-eyed brother to shoot and kill me, when I could shoot straighter?	И почему я должен был позволить ее бешеному братцу пристрелить меня, если стреляю более метко, чем он?
If I had been a gentleman, of course, I would have let him kill me and that would have wiped the blot from the Butler escutcheon.	Конечно, настоящий джентльмен дал бы себя продырявить и тем стер бы пятно с родового герба Батлеров.

But-I like to live.	Ну, а я... я предпочел остаться в живых.
And so I've lived and I've had a good time... When I think of my brother, living among the sacred cows of Charleston, and most reverent toward them, and remember his stodgy wife and his Saint Cecilia Balls and his everlasting rice fields-then I know the compensation for breaking with the system.	Итак, я жив и получаю от этого немало удовольствия... Когда я думаю о своем брате, живущем среди достопочтенных чарльстонских тупиц и благоговеющем перед ними, вспоминаю его тучную жену, его неизменные балы в день святой Цецилии и его бескрайние рисовые плантации, я испытываю удовлетворение от того, что покончил с этим навсегда.

Scarlett, our Southern way of living is as antiquated as the feudal system of the Middle Ages.	Весь уклад жизни нашего Юга, Скарлетт, такой же анахронизм, как феодальный строй средних веков.

The wonder is that it's lasted as long as it has.	И достойно удивления, что этот уклад еще так долго продержался.
It had to go and it's going now.	Он обречен и сейчас идет к своему концу.
And yet you expect me to listen to orators like Dr. Meade who tell me our Cause is just and holy?	А вы хотите, чтобы я прислушивался к краснобаям, вроде доктора Мида, которые уверяют меня, что мы защищаем справедливое и святое дело!

And get so excited by the roll of drums that I'll grab a musket and rush off to Virginia to shed my blood for Marse Robert?	Вы хотите, чтобы при звуках барабана я пришел в неописуемый экстаз, схватил мушкет и побежал в Виргинию, дабы сложить там голову?
What kind of a fool do you think I am?	Что дает вам основание считать меня таким непроходимым идиотом?
Kissing the rod that chastised me is not in my line.	Я не из тех, кто лижет плетку, которой его отстегали.
The South and I are even now.	Юг и я квиты теперь.
The South threw me out to starve once.	Юг вышвырнул меня когда-то из своих владений, предоставив мне подыхать с голоду.

I haven't starved, and I am making enough money out of the South's death throes to compensate me for my lost birthright."	Но я не подох и нажил столько денег на пред-смертной агонии Юга, что это вполне вознаградило меня за утрату родовых прав.
"I think you are vile and mercenary," said Scarlett, but her remark was automatic.	- Вы корыстолюбивы и чудовищны, - сказала Скарлетт, но без должного жара.
Most of what he was saying went over her head, as did any conversation that was not personal. But part of it made sense.	Многое из того, что он говорил, пролетало мимо ее ушей, как это случалось всякий раз, когда разговор не касался непосредственно ее особы, но кое-что в его словах все же показалось ей толковым.

There were such a lot of foolish things about life among nice people.	Действительно, в светском кругу к людям предъявляется очень много глупых требований.
Having to pretend that her heart was in the grave when it wasn't.	Вот она должна почему-то притворяться, что схоронила свое сердце в могиле вместе с мужем, хотя это вовсе не так.
And how shocked everybody had been when she danced at the bazaar.	И как все были шокированы, когда она вздумала потанцевать на благотворительном балу!

And the infuriating way people lifted their eyebrows every time she did or said anything the least bit different from what every other young woman did and said.	И до чего же противно они поднимают брови, стоит ей только сказать или сделать что-нибудь чуточку не так, как все!
But still, she was jarred at hearing him attack the very traditions that irked her most.	И тем не менее ее злило, когда Ретт принимался высмеивать те самые обычаи, которые особенно сильно раздражали ее.
She had lived too long among people who dissembled politely not to feel disturbed at hearing her own thoughts put into words.	Она слишком долго жила среди людей, приученных к вежливому притворству, и потому чувствовала себя не в своей тарелке, как только кто-то облекал ее мысли в слова.

"Mercenary?	- Корыстолюбив?

No, I'm only farsighted.	О нет - просто дальновиден.
Though perhaps that is merely a synonym for mercenary.	Впрочем, может быть, это почти одно и то же.
At least, people who were not as farsighted as I will call it that.	Во всяком случае, люди не столь дальновидные, как я, вероятно, назовут это так.
Any loyal Confederate who had a thousand dollars in cash in 1861 could have done what I did, but how few were mercenary enough to take advantage of their opportunities!	Любой преданный конфедерат, имевший в шестьдесят первом году тысячу долларов наличными, спокойно мог сделать то, что сделал я, но мало кто был достаточно корыстолюбив, чтобы использовать предоставляющиеся возможности.

As for instance, right after Fort Sumter fell and before the blockade was established, I bought up several thousand bales of cotton at dirt-cheap prices and ran them to England.	Вот к примеру: сразу после падения форта Самтер, когда еще не была установлена блокада, я купил по бросовым ценам несколько тысяч тюков хлопка и отправил их в Англию.
They are still there in warehouses in Liverpool.	Они и по сей день там, в пакгаузах Ливерпуля.
I've never sold them.	Я их не продал.
I'm holding them until the English mills have to have cotton and will give me any price I ask.	Я буду держать их до тех пор, пока английские фабрики, когда им потребуется хлопок, не дадут мне за них ту цену, которую я назначу.

I wouldn't be surprised if I got a dollar a pound."	И я не слишком буду удивлен, если мне удастся получить по доллару за фунт.
"You'll get a dollar a pound when elephants roost in trees!"	- Получите, когда рак свистнет.
"I'll believe I'll get it.	- Уверен, что получу.
Cotton is at seventy-two cents a pound already.	Хлопок уже идет по семьдесят два цента за фунт.
I'm going to be a rich man when this war is over, Scarlett, because I was farsighted-pardon me, mercenary.	Когда война кончится, я буду богатым человеком, Скарлетт, потому что я дальновиден - прошу прощения: корыстолюбив.

I told you once before that there were two times for making big money, one in the upbuilding of a country and the other in its destruction.	Я уже говорил вам как-то, что большие деньги можно сделать в двух случаях: при созидании нового государства и при его крушении.
Slow money on the upbuilding, fast money in the crack-up.	При созидании это процесс более медленный, при крушении - быстрый.
Remember my words.	Запомните это.
Perhaps they may be of use to you some day."	Быть может, когда-нибудь и пригодится.
"I do appreciate good advice so much," said Scarlett, with all the sarcasm she could muster.	- Очень вам признательна за добрый совет, -произнесла Скарлетт с самой ядовитой иронией, какую только сумела вложить в эти слова.

"But I don't need your advice.	- Но я в нем не нуждаюсь.
Do you think Pa is a pauper?	Разве мой отец нищий?
He's got all the money I'll ever need and then I have Charles' property besides."	У него больше денег, чем мне нужно, и к тому же Чарли оставил мне наследство.

"I imagine the French aristocrats thought practically the same thing until the very moment when they climbed into the tumbrils."	- Боюсь, что французские аристократки рассуждали точно так же, как вы, пока их не посадили на тележки.

Frequently Rhett pointed out to Scarlett the inconsistency of her wearing black mourning clothes when she was participating in all social activities.	Не раз и не два доводилось Скарлетт слышать от Ретта Батлера, что ее траурный наряд выглядит нелепо, раз она принимает участие во всех светских развлечениях.
He liked bright colors and Scarlett's funeral dresses and the crepe veil that hung from her bonnet to her heels both amused him and offended him.	Ему нравились яркие цвета, и ее черные платья и черный креп, свисавший с чепца до полу, и раздражали его и смешили.

But she clung to her dull black dresses and her veil, knowing that if she changed them for colors without waiting several more years, the town would buzz even more than it was already buzzing.	Но она упорствовала и оставалась верна своим мрачным черным платьям и вуали, понимая, что, сняв траур раньше положенного срока, навлечет на себя еще больше пересудов.
And besides, how would she ever explain to her mother?	Да и как объяснит она это матери?
Rhett said frankly that the crepe veil made her look like a crow and the black dresses added ten years to her age.	Ретт Батлер заявил ей без обиняков, что черная вуаль делает ее похожей на ворону, а черные платья старят на десять лет.

This ungallant statement sent her flying to the mirror to see if she really did look twenty-eight instead of eighteen.	Столь нелюбезное утверждение заставило ее броситься к зеркалу: неужто она и в самом деле в восемнадцать лет выглядит на двадцать восемь?
"I should think you'd have more pride than to try to look like Mrs. Merriwether," he taunted.	- Никак не думал, что, у вас так мало самолюбия и вам хочется походить на миссис Мерриуэзер! -говорил он, стараясь ее раздразнить.
"And better taste than to wear that veil to advertise a grief I'm sure you never felt.	- И так мало вкуса, чтобы демонстрировать свою скорбь, которой вы вовсе не испытываете, с помощью этой безобразной вуали.
I'll lay a wager with you.	Предлагаю пари.

I'll have that bonnet and veil off your head and a Paris creation on it within two months."	Через два месяца я сташу с вашей головы этот чепец и этот креп и водружу на нее творение парижских модисток.
"Indeed, no, and don't let's discuss it any further," said Scarlett, annoyed by his reference to Charles.	- Еще чего! Нет, нет, и перестаньте об этом говорить, - сказала Скарлетт, уязвленная его намеками о Чарльзе.
Rhett, who was preparing to leave for Wilmington for another trip abroad, departed with a grin on his face.	А Ретт Батлер, снова собиравшийся в путь - в Уилмингтон и оттуда - в Европу, ушел, усмехаясь.

One bright summer morning some weeks later, he reappeared with a brightly trimmed hatbox in his hand and, after finding that Scarlett was alone in the house, he opened it.	И вот как-то ясным летним утром, несколько недель спустя, он появился снова с пестрой шляпной картонкой в руке и, предварительно убедившись, что в доме, кроме Скарлетт, никого нет, открыл перед ней эту картонку.
Wrapped in layers of tissue was a bonnet, a creation that made her cry:	Там, завернутая в папиросную бумагу, лежала шляпка при виде которой Скарлетт вскрича-ла:
"Oh, the darling thing!" as she reached for it.	- Боже, какая прелесть! - и выхватила ее из картонки.

Starved for the sight, much less the touch, of new clothes, it seemed the loveliest bonnet she had ever seen.	Она так давно не видела и тем паче не держала в руках новых нарядов, так изголодалась по ним, что шляпка эта показалась ей самой прекрасной шляпкой на свете.
It was of dark-green taffeta, lined with water silk of a pale-jade color. The ribbons that tied under the chin were as wide as her hand and they, too, were pale green.	Она была из темно-зеленой тафты, подбита бледно-зеленым муаром и завязывалась под подбородком такими же бледно-зелеными лентами шириной н ладонь.
And, curled about the brim of this confection was the perkiest of green ostrich plumes.	А вокруг полей этого творения моды кокетливейшими завитками были уложены зеленые страусовые перья.

"Put it on," said Rhett, smiling.	- Наденьте ее, - улыбаясь, сказал Ретт Батлер.
She flew across the room to the mirror and plopped it on her head, pushing back her hair to show her earrings and tying the ribbon under her chin.	Скарлетт метнулась к зеркалу, надела шляпку, подобрала волосы так, чтобы видны были сережки, и завязала ленты под подбородком.
"How do I look?" she cried, pirouetting for his benefit and tossing her head so that the plume danced.	- Идет мне? - воскликнула она, повертываясь из стороны в сторону и задорно вскинув голову, отчего перья на шляпке заколыхались.
But she knew she looked pretty even before she saw confirmation in his eyes.	Впрочем, она знала, что выглядит очаровательно, еще прежде, чем прочла одобрение в его глазах.

She looked attractively saucy and the green of the lining made her eyes dark emerald and sparkling.	Она и вправду была прелестна, и в зеленых отсветах перьев и лент глаза ее сверкали как два изумруда.
"Oh, Rhett, whose bonnet is it?	- О Ретт! Чья это шляпка?
I'll buy it.	Я куплю ее.
I'll give you every cent I've got for it."	Я заплачу за нее все, что у меня сейчас есть, все до последнего цента.
"It's your bonnet," he said.	- Это ваша шляпка, - сказал он.
"Who else could wear that shade of green?	- Какая женщина, кроме вас, может носить эти зеленые цвета?

Don't you think I carried the color of your eyes well in my mind?"	Не кажется ли вам, что я довольно хорошо запомнил оттенок ваших глаз?
"Did you really have it trimmed just for me?"	- Неужели вы делали ее для меня по заказу?
"Yes, and there's	- Да, и вы можете прочесть на картонке:
'Rue de la Paix' on the box, if that means anything to you."	"Рю де ла Пэ" note 5 - если это вам что-нибудь говорит.
It meant nothing to her, smiling at her reflection in the mirror.	Ей это не говорило ровным счетом ничего, она просто стояла и улыбалась своему отражению в зеркале.

Just at this moment, nothing mattered to her except that she looked utterly charming in the first pretty hat she had put on her head in two years.	В эти мгновения для нее вообще не существовало ничего, кроме сознания, что она неотразима в этой прелестной шляпке - первой, которую ей довелось надеть за истекшие два года.
What she couldn't do with this hat!	О, каких чудес может она натворить в этой шляпке!

And then her smile faded.	И вдруг улыбка ее померкла.
"Don't you like it?"	- Разве она вам не нравится?

"Oh, it's a dream but-Oh, I do hate to have to cover this lovely green with crepe and dye the feather black."	- О, конечно, это не шляпа, а... сказка... Но покрыть это сокровище черным крепом и выкрасить перья в черный цвет - об этом даже помыслить страшно!
He was beside her quickly and his deft fingers untied the wide bow under her chin. In a moment the hat was back in its box.	Он быстро шагнул к ней, его проворные пальцы мгновенно развязали бант у нее под подбородком, и вот уже шляпка снова лежала в картонке.
"What are you doing?	- Что вы делаете?
You said it was mine."	Вы сказали, что она моя!
"But not to change to a mourning bonnet.	- Нет, не ваша, если вы намерены превратить ее во вдовий чепец.

I shall find some other charming lady with green eyes who appreciates my taste."	Я постараюсь найти для нее другую очаровательную леди с зелеными глазами, которая сумеет оценить мой вкус.
"Oh, you shan't!	- Вы этого не сделаете!
I'll die if I don't have it!	Я умру, если вы отнимете ее у меня!
Oh, please, Rhett, don't be mean!	О, Ретт, пожалуйста, не будьте гадким!
Let me have it."	Отдайте мне шляпку.
"And turn it into a fright like your other hats?	- Чтобы вы превратили ее в такое же страшилище, как все остальные ваши головные уборы?
No."	Нет.
She clutched at the box.	Скарлетт вцепилась в картонку.

That sweet thing that made her look so young and enchanting to be given to some other girl?	Позволить ему отдать какой-то другой особе это чудо, сделавшее ее моложе и привлекательнее во сто крат?
Oh, never!	О нет, ни за что на свете!
For a moment she thought of the horror of Pitty and Melanie.	На мгновение мелькнула мысль о том, в какой ужас придут тетушка Питти и Мелани.
She thought of Ellen and what she would say, and she shivered.	Потом она подумала об Эллин, и по спине у нее пробежала дрожь.
But vanity was stronger.	Но тщеславие победило.
"I won't change it.	- Я не стану ее переделывать.

I promise.	Обещаю.
Now, do let me have it."	Ну, отдайте же!
He gave her the box with a slightly sardonic smile and watched her while she put it on again and preened herself.	Ироническая усмешка тронула его губы. Он протянул ей картонку и смотрел, как она снова надевает шляпку и охорашивается.
"How much is it?" she asked suddenly, her face falling.	- Сколько она стоит? - внезапно спросила она, и лицо ее опять потускнело.

"I have only fifty dollars but next month-"	- У меня сейчас только пятьдесят долларов, но в будущем месяце...

"It would cost about two thousand dollars, Confederate money," he said with a grin at her woebegone expression.	- В пересчете на конфедератские деньги она должна бы стоить что-нибудь около двух тысяч долларов, - сказал Ретт Батлер и снова широко ухмыльнулся, глядя на ее расстроенное лицо.
"Oh, dear-Well, suppose I give you the fifty now and then when I get-"	- Так дорого... Но может быть, если я дам вам сейчас пятьдесят долларов, а потом, когда получу...
"I don't want any money for it," he said.	- Мне не нужно ваших денег, - сказал он.
"It's a gift."	- Это подарок.
Scarlett's mouth dropped open.	Скарлетт растерялась.

The line was so closely, so carefully drawn where gifts from men were concerned.	Черта, отделявшая допустимое от недопустимого во всем, что касалось подарков от мужчин, была проведена очень тщательно и абсолютно четко.
"Candy and flowers, dear," Ellen had said time and again, "and perhaps a book of poetry or an album or a small bottle of Florida water are the only things a lady may accept from a gentleman.	"Только конфеты и цветы, моя дорогая, - не раз наставляла ее Эллин. - Ну, еще, пожалуй, иногда книгу стихов, или альбом, или маленький флакончик туалетной воды.
Never, never any expensive gift, even from your fiance.	Вот и псе, что настоящая леди может принять в подарок от джентльмена. Никаких ценных подарков, даже от жениха.

And never any gift of jewelry or wearing apparel, not even gloves or handkerchiefs.	Ни под каким видом нельзя принимать украшения и предметы дамского туалета - даже перчатки, даже носовые платки.
Should you accept such gifts, men would know you were no lady and would try to take liberties."	Стоит хоть раз принять такой подарок, и мужчины поймут, что ты не леди, и будут позволять себе вольности".
"Oh, dear," thought Scarlett, looking first at herself in the mirror and then at Rhett's unreadable face.	"О господи! - думала Скарлетт, глядя то на свое отражение в зеркале, то на непроницаемое лицо Ретта Батлера.
"I simply can't tell him I won't accept it.	- Сказать ему, что я не могу принять его подарок?

It's too darling.	Нет, я не в состоянии. Это же божество, а не шляпка!
I'd-I'd almost rather he took a liberty, if it was a very small one."	Лучше уж... лучше уж пусть позволит себе вольности.., какие-нибудь маленькие, конечно".
Then she was horrified at herself for having such a thought and she turned pink.	Придя в ужас от собственных мыслей, она густо покраснела.
"I'll-I'll give you the fifty dollars-"	- Я... я дам вам пятьдесят долларов...
"If you do I will throw it in the gutter.	- Дадите - я выброшу их в канаву.
Or, better still buy masses for your soul.	Нет, лучше закажу мессу за спасение вашей души.

I'm sure your soul could do with a few masses."	Я не сомневаюсь, что вашей душе не повредят несколько месс.

She laughed unwillingly, and the laughing reflection under the green brim decided her instantly.	Она невольно рассмеялась, и отражение в зеркале смеющегося личика под зелеными полями шляпки внезапно само все за нее решило.
"Whatever are you trying to do to me?"	- Чего вы пытаетесь от меня добиться?

"I'm tempting you with fine gifts until your girlish ideals are quite worn away and you are at my mercy," he said. "'Accept only candy and flowers from gentlemen, dearie,'" he mimicked, and she burst into a giggle.	- Я пытаюсь соблазнять вас подарками, чтобы все ваши детские представления о жизни выветрились у вас из головы и вы стали воском в моих руках, -сказал он. - "Вы не должны принимать от джентльменов ничего, кроме конфет и цветов, моя дорогая", - передразнил он воображаемую дуэнью, и она невольно расхохоталась.
"You are a clever, black-hearted wretch, Rhett Butler, and you know very well this bonnet's too pretty to be refused."	- Вы хитрый, коварный, низкий человек, Ретт Батлер. Вы прекрасно понимаете, что эта шляпка слишком хороша, что против нее невозможно устоять.

His eyes mocked her, even while they complimented her beauty.	Он откровенно любовался ею, но во взгляде его, как всегда, была насмешка.
"Of course, you can tell Miss Pitty that you gave me a sample of taffeta and green silk and drew a picture of the bonnet and I extorted fifty dollars from you for it."	- Что мешает вам сказать мисс Питти, что вы дали мне кусочек тафты и зеленого шелка и набросали фасон шляпки, а я выжал из вас за это пятьдесят долларов?
"No.	- Нет.
I shall say one hundred dollars and she'll tell everybody in town and everybody will be green with envy and talk about my extravagance.	Я скажу, что сто долларов, и слух об этом разнесется по всему городу, и все позеленеют от зависти и будут осуждать меня за расточительность.

But Rhett, you mustn't bring me anything else so expensive.	Но, Ретт, вы не должны привозить мне таких дорогих подарков.
It's awfully kind of you, but I really couldn't accept anything else."	Вы ужасно добры, только я, право же, не могу больше ничего от вас принимать.
"Indeed?	- В самом деле?
Well, I shall bring you presents so long as it pleases me and so long as I see things that will enhance your charms.	Ну так вот: я буду привозить вам подарки до тех пор, пока это доставляет мне удовольствие и пока мне будут попадаться на глаза какие-нибудь предметы, способные придать вам еще больше очарования.

I shall bring you dark-green watered silk for a frock to match the bonnet.	Я привезу вам на платье темно-зеленого муара в тон этой шляпке.
And I warn you that I am not kind.	И предупреждаю вас - я вовсе не так добр.
I am tempting you with bonnets and bangles and leading you into a pit.	Я соблазняю вас шляпками и разными безделушками и толкаю в пропасть.
Always remember I never do anything without reason and I never give anything without expecting something in return.	Постарайтесь не забывать, что я ничего не делаю без умысла и всегда рассчитываю получить что-то взамен.
I always get paid."	И всегда беру свое.

His black eyes sought her face and traveled to her lips.	Взгляд его темных глаз был прикован к ее лицу, к ее губам.
Scarlett cast down her eyes, excitement filling her.	Скарлетт опустила глаза, ее опалило жаром.
Now, he was going to try to take liberties, just as Ellen predicted.	Сейчас он начнет позволять себе вольности, как и предупреждала Эллин.
He was going to kiss her, or try to kiss her, and she couldn't quite make up her flurried mind which it should be.	Сейчас он ее поцелует, то есть будет пытаться поцеловать, а она в своем смятении еще не знала, как ей следует поступить.
If she refused, he might jerk the bonnet right off her head and give it to some other girl.	Если она не позволит ему, он может содрать шляпку с ее головы и подарить какой-нибудь девице.

On the other hand, if she permitted one chaste peck, he might bring her other lovely presents in the hope of getting another kiss.	А если она позволит невинно чмокнуть ее разок в щечку, то он, пожалуй, привезет ей еще какие-нибудь красивые подарки в надежде снова сорвать поцелуй.
Men set such a store by kisses, though Heaven alone knew why.	Мужчины, как ни странно, придают почему-то огромное значение поцелуям.
And lots of times, after one kiss they fell completely in love with a girl and made most entertaining spectacles of themselves, provided the girl was clever and withheld her kisses after the first one.	И очень часто после одного поцелуя совершенно теряют голову, влюбляются и, если вести себя умно и больше ничего им не позволять, начинают вытворять такое, что на них бывает забавно смотреть.

It would be exciting to have Rhett Butler in love with her and admitting it and begging for a kiss or a smile. Yes, she would let him kiss her.	Увидеть Ретта Батлера, у своих ног, услышать от него признание в любви, мольбы о поцелуе, об улыбке... О да, она подарит ему этот поцелуй.
But he made no move to kiss her.	Но он не сделал никакой попытки ее поцеловать.
She gave him a sidelong glance from under her lashes and murmured encouragingly.	Она украдкой поглядела на него из-под ресниц и пробормотала, желая его поощрить:
"So you always get paid, do you?	- Так вы всегда берете свое?
And what do you expect to get from me?"	Что же вы надеетесь получить от меня?

"That remains to be seen."	- Поглядим.
"Well, if you think I'll marry you to pay for the bonnet, I won't," she said daringly and gave her head a saucy flirt that set the plume to bobbing.	- Ну, если вы думаете, что я выйду за вас замуж, чтобы расплатиться за шляпку, то не надейтесь, -храбро заявила она, надменно вскинув голову и тряхнув страусовыми перьями.
His white teeth gleamed under his little mustache.	Он широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами под темной полоской усов.
"Madam, you flatter yourself, I do not want to marry you or anyone else.	- Мадам, вы себе льстите! Я не хочу жениться на вас, да и ни на ком другом.
I am not a marrying man."	Я не из тех, кто женится.

"Indeed!" she cried, taken aback and now determined that he should take some liberty.	- Ах, вот как! - воскликнула она, совершенно озадаченная, понимая, что, значит, теперь уж он непременно начнет позволять себе вольности.
"I don't even intend to kiss you, either."	- Но и целовать меня я вам тоже не позволю.

"Then why is your mouth all pursed up in that ridiculous way?"	- Зачем же вы тогда так смешно выпячиваете губки?
"Oh!" she cried as she caught a glimpse of herself and saw that her red lips were indeed in the proper pose for a kiss.	- О! - воскликнула она, невольно глянув в зеркало и увидев, что губы у нее и в самом деле сложились, как для поцелуя.

"Oh!" she cried again, losing her temper and stamping her foot.	- О! - повторила она и, теряя самообладание, топнула ногой.
"You are the horridest man I have ever seen and I don't care if I never lay eyes on you again!"	- Вы - чудовище! Вы самый отвратительный человек на свете, и я не желаю вас больше знать!
"If you really felt that way, you'd stamp on the bonnet.	- Если это действительно так, вам следует прежде всего растоптать эту шляпку.
My, what a passion you are in and it's quite becoming, as you probably know.	Ого, как вы разгневались! И между прочим, вам это очень к лицу, о чем вы, вероятно, сами знаете.
Come, Scarlett, stamp on the bonnet to show me what you think of me and my presents."	Ну же, Скарлетт, растопчите шляпку - покажите, что вы думаете обо мне и о моих подарках!

"Don't you dare touch this bonnet," she said, clutching it by the bow and retreating.	- Только посмейте прикоснуться к шляпке! - воскликнула Скарлетт, ухватившись обеими руками за бант и отступая на шаг.
He came after her, laughing softly and took her hands in his.	Ретт Батлер, тихонько посмеиваясь, подошел к ней и, взяв ее за руки, сжал их.
"Oh, Scarlett, you are so young you wring my heart," he said.	- Ох, Скарлетт, какой же вы еще ребенок, это просто раздирает мне сердце, - сказал он.
"And I shall kiss you, as you seem to expect it," and leaning down carelessly, his mustache just grazed her cheek.	- Я поцелую вас, раз вы, по-видимому, этого ждете. - Он наклонился, и она почувствовала легкое прикосновение его усов к своей щеке.

"Now, do you feel that you must slap me to preserve the proprieties?"	- Вам не кажется, что теперь вы должны для соблюдения приличий дать мне пощечину?
Her lips mutinous, she looked up into his eyes and saw so much amusement in their dark depths that she burst into laughter.	Гневные слова готовы были сорваться с ее губ, но, подняв на него взгляд, она увидела такие веселые искорки в темной глубине его глаз, что невольно расхохоталась.
What a tease he was and how exasperating!	Что за несносный человек - почему он вечно ее дразнит?
If he didn't want to marry her and didn't even want to kiss her, what did he want?	Если он не хочет жениться на ней и даже не хочет ее поцеловать, то что же ему от нее нужно?

If he wasn't in love with her, why did he call so often and bring her presents?	Если он не влюблен в нее, то зачем так часто приходит и приносит ей подарки?
"That's better," he said.	- Так-то лучше, - сказал он.
"Scarlett, I'm a bad influence on you and if you have any sense you will send me packing-if you can.	- Я оказываю на вас плохое влияние, Скарлетт, и, будь у вас хоть немножко благоразумия, вы бы выставили меня за дверь... Если, конечно, сумели бы.
I'm very hard to get rid of.	От меня ведь не так просто отделаться.
But I'm bad for you."	Я приношу вам вред.

"Are you?"	- Вред?
"Can't you see it?	- Разве вы сами не видите?

Ever since I met you at the bazaar, your career has been most shocking and I'm to blame for most of it.	После нашей встречи на благотворительном базаре вы стали вести себя совершенно скандально и главным образом по моей вине.
Who encouraged you to dance?	Кто подбил вас пойти танцевать?
Who forced you to admit that you thought our glorious Cause was neither glorious nor sacred?	Кто заставил вас признать, что наше доблестное священное Дело вовсе не доблестное и не священное?
Who goaded you into admitting that you thought men were fools to die for high-sounding principles?	Кто выудил у вас еще одно признание: что надо быть дураком, чтобы идти умирать за громкие слова?

Who has aided you in giving the old ladies plenty to gossip about?	Кто помог вам дать старым ханжам столько пищи для сплетен?
Who is getting you out of mourning several years too soon?	Кто подстрекает вас снять траур на несколько лет раньше срока?
And who, to end all this, has lured you into accepting a gift which no lady can accept and still remain a lady?"	И кто, наконец, склонил вас принять подарок, который ни одна леди не может принять, не потеряв права называться леди?
"You flatter yourself, Captain Butler.	- Вы льстите себе, капитан Батлер.

I haven't done anything so scandalous and I'd have done everything you mentioned without your aid anyway."	Я вовсе не делала ничего такого скандального, а если и делала, то без вашей помощи.
"I doubt that," he said and his face went suddenly quiet and somber.	- Сомневаюсь, - сказал он. Лицо его внезапно стало сурово и мрачно.
"You'd still be the broken-hearted widow of Charles Hamilton and famed for your good deeds among the wounded.	- Вы и по сей день были бы убитой горем вдовой Чарльза Г амильтона, и все превозносили бы вашу самоотверженную заботу о раненых.
Eventually, however-"	А впрочем, в конце-то концов...

But she was not listening, for she was regarding herself pleasedly in the mirror again, thinking she would wear the bonnet to the hospital this very afternoon and take flowers to the convalescent officers.	Но Скарлетт его уже не слушала: она стояла перед зеркалом и снова с упоением рассматривала себя, решив, что сегодня же после обеда наденет шляпку, когда понесет в госпиталь цветы для выздоравливающих офицеров.
That there was truth in his last words did not occur to her.	До ее сознания не дошла скрытая в его словах правда.

She did not see that Rhett had pried open the prison of her widowhood and set her free to queen it over unmarried girls when her days as a belle should have been long past.	Она не отдавала себе отчета в том, что Ретт Батлер вырвал ее из оков вдовства, что благодаря ему она обрела ту свободу, которая позволяла ей снова царить среди незамужних девиц в то время, как для нее все эти утехи давно должны были остаться позади.
Nor did she see that under his influence she had come a long way from Ellen's teachings.	Не замечала она и того, как под его влиянием уходила все дальше и дальше от всего, чему наставляла ее Эллин.

The change had been so gradual, the flouting of one small convention seeming to have no connection with the flouting of another, and none of them any connection with Rhett.	Перемены ведь совершались исподволь. Пренебрегая то одной маленькой условностью, то другой, она не улавливала между этими поступками связи, и тем более ей совсем было невдомек, что они имеют какое-то отношение к Ретту Батлеру.
She did not realize that, with his encouragement, she had disregarded many of the sternest injunctions of her mother concerning the proprieties, forgotten the difficult lessons in being a lady.	Она даже не сознавала, что, подстрекаемая им, идет наперекор строжайшим запретам Эллин, нарушает приличия и забывает суровые правила поведения настоящей леди.

She only saw that the bonnet was the most becoming one she ever had, that it had not cost her a penny and that Rhett must be in love with her, whether he admitted it or not.	Она понимала только, что эта шляпка ей к лицу, как ни одна другая на свете, - что она не стоила ей ни цента и что Ретт Батлер, должно быть, все же влюблен в нее, хотя и не хочет в этом признаться.
And she certainly intended to find a way to make him admit it.	И тут же приняла решение найти способ вырвать у него это признание.

The next day, Scarlett was standing in front of the mirror with a comb in her hand and her mouth full of hairpins, attempting a new coiffure which Maybelle, fresh from a visit to her husband in Richmond, had said was the rage at the Capital.	На следующий день Скарлетт, стоя перед зеркалом с расческой в руке и шпильками в зубах, пыталась соорудить себе новую прическу, которая, по словам Мейбелл, только что вернувшейся из поездки к мужу в Ричмонд, была в столице последним криком моды.
It was called	Прическа называлась
"Cats, Rats and Mice" and presented many difficulties.	"Крысы, мыши и кошки" и представляла немало трудностей для освоения.

The hair was parted in the middle and arranged in three rolls of graduating size on each side of the head, the largest, nearest the part, being the "cat."	Волосы разделялись прямым пробором и укладывались тремя рядами локонов разной величины по обе стороны от пробора. Самые крупные, ближе к пробору - были "кошки".
The "cat" and the "rat" were easy to fix but the "mice" kept slipping out of her hairpins in an exasperating manner.	Укрепить "кошек" и "крыс" оказалось делом нетрудным, но "мыши" никак не хотели держаться, и шпильки выскакивали, приводя Скарлетт в отчаяние.

However, she was determined to accomplish it, for Rhett was coming to supper and he always noticed and commented upon any innovation of dress or hair.	Тем не менее она твердо решила добиться своего, так как ждала к ужину Ретта Батлера, и от его внимания никогда не ускользало, если ей удавалось как-то обновить свой наряд или прическу.
As she struggled with her bushy, obstinate locks, perspiration beading her forehead, she heard light running feet in the downstairs hall and knew that Melanie was home from the hospital.	Сражаясь с пушистыми, непокорными локонами и покрываясь от усилий испариной, она услышала легкие быстрые шаги внизу в холле и поняла, что Мелани вернулась из госпиталя.

As she heard her fly up the stairs, two at a time, she paused, hairpin in mid-air, realizing that something must be wrong, for Melanie always moved as decorously as a dowager.	Но Мелани летела по лестнице, прыгая через ступеньки, и рука Скарлетт с зажатой в пальцах шпилькой замерла в воздухе. Что-то случилось -Мелани всегда двигалась степенно, как и подобает соломенной вдове.

She went to the door and threw it open, and Melanie ran in, her face flushed and frightened, looking like a guilty child.	Скарлетт поспешила к двери, распахнула ее, и Мелани, перепуганная, с пылающими щеками, вбежала в комнату, глядя на Скарлетт молящими глазами нашкодившего ребенка.

There were tears on her cheeks, her bonnet was hanging on her neck by the ribbons and her hoops swaying violently.	По лицу ее струились слезы, капор болтался на лентах за спиной, кринолин еще продолжал колыхаться.
She was clutching something in her hand, and the reek of heavy cheap perfume came into the room with her.	Она что-то сжимала в руке, и по комнате распространялся сладковатый удушливый запах дешевых духов.
"Oh, Scarlett!" she cried, shutting the door and sinking on the bed.	- О Скарлетт! - воскликнула Мелани, захлопывая за собой дверь и падая на кровать.
"Is Auntie home yet?	- Тетя Питти дома?
She isn't?	Ее нет?

Oh, thank the Lord! Scarlett, I'm so mortified I could die!	О, слава богу, Скарлетт, я в таком ужасе, я этого не переживу!
I nearly swooned and, Scarlett, Uncle Peter is threatening to tell Aunt Pitty!"	Мне казалось, я сейчас упаду в обморок, о Скарлетт, дядюшка Питер грозится все рассказать тете Питти!
"Tell what?"	- Что рассказать?
"That I was talking to that-to Miss-Mrs. -" Melanie fanned her hot face with her handkerchief.	- То, что я разговаривала с этой.., мисс.., миссис...- Мелани принялась обмахивать лицо платочком.
"That woman with red hair, named Belle Watling!"	- С этой женщиной с рыжими волосами, с Красоткой Уотлинг!

"Why, Melly!" cried Scarlett, so shocked she could only stare.	- Бог с тобой, Мелли! - Скарлетт была так шокирована, что не могла больше вымолвить ни слова.
Belle Watling was the red-haired woman she had seen on the street the first day she came to Atlanta and by now, she was easily the most notorious woman in town.	Красотка Уотлинг была та самая рыжеволосая женщина, которая привлекла внимание Скарлетт на улице в день ее приезда в Атланту, а теперь стала уже самой известной личностью в городе.
Many prostitutes had flocked into Atlanta, following the soldiers, but Belle stood out above the rest, due to her flaming hair and the gaudy, overly fashionable dresses she wore.	Следом за солдатами в город хлынули проститутки, но Красотка Уотлинг рыжей копной своих волос и сверхмодными кричащими туалетами затмевала их всех.

She was seldom seen on Peachtree Street or in any nice neighborhood, but when she did appear respectable women made haste to cross the street to remove themselves from her vicinity.	Ее не часто можно было увидеть на Персиковой улице или в других благопристойных кварталах, если же она там появлялась, порядочные женщины спешили перейти на другую сторону, чтобы поскорее отдалиться от нее на приличное расстояние.
And Melanie had been talking with her.	А Мелани с ней разговаривала?
No wonder Uncle Peter was outraged.	Не мудрено, что дядюшка Питер был потрясен.
"I shall die if Aunt Pitty finds out!	- Я умру, если тетя Питти узнает!

You know she'll cry and tell everybody in town and I'll be disgraced," sobbed Melanie.	Ты же понимаешь, она подымет крик на весь город, и я погибла, - рыдала Мелани.
"And it wasn't my fault.	- А я не виновата!
I-I couldn't run away from her.	Я.., я просто не могла убежать от нее.
It would have been so rude.	Это было бы так чудовищно грубо.
Scarlett, I-I felt sorry for her.	Мне.., мне стало жалко ее, Скарлетт.
Do you think I'm bad for feeling that way?"	Ты не будешь считать меня слишком испорченной?
But Scarlett was not concerned with the ethics of the matter.	Но моральная сторона вопроса меньше всего волновала Скарлетт.

Like most innocent and well-bred young women, she had a devouring curiosity about prostitutes.	Как большинство невинных, хорошо воспитанных молодых женщин, она была полна жадного любопытства по отношению к проституткам.
"What did she want?	- А чего она от тебя хотела?
What does she talk like?"	Как она изъясняется?
"Oh, she used awful grammar but I could see she was trying so hard to be elegant, poor thing.	- Ой, говорит она ужасно безграмотно! Но она так старалась выражаться изысканно, бедняжка!
I came out of the hospital and Uncle Peter and the carriage weren't waiting, so I thought I'd walk home.	Я вышла из госпиталя, смотрю, а дядюшки Питера с коляской нет, ну я и решила прогуляться пешком.

And when I went by the Emersons' yard, there she was hiding behind the hedge!	А как только поравнялась с эмерсоновским палисадником, вижу - она стоит там и выглядывает из-за живой изгороди!
Oh, thank Heaven, the Emersons are in Macon!	Какое счастье, что Эмерсонов нет в городе - они в Мейконе!
And she said,	А она и говорит:
'Please, Mrs. Wilkes, do speak a minute with me.'	"Извините, миссис Уилкс, можно мне с вами перемолвиться словечком?"
I don't know how she knew my name.	Не понимаю, откуда она может знать мое имя?

I knew I ought to run as hard as I could but-well, Scarlett, she looked so sad and-well, sort of pleading.	Конечно, я должна была бы убежать от нее со всех ног, но, понимаешь, Скарлетт, у нее было такое грустное лицо, и.., ну, вроде как умоляющее.
And she had on a black dress and black bonnet and no paint and really looked decent but for that red hair.	И на ней было черное платье и черный капор, и она совсем не была накрашена, словом, выглядела вполне прилично, если бы не эти ее рыжие волосы.
And before I could answer she said.	И не успела я даже ничего ей ответить, как она говорит:
'I know I shouldn't speak to you but I tried to talk to that old peahen, Mrs. Elsing, and she ran me away from the hospital."	"Я знаю, что не должна бы беспокоить вас, но я пыталась поговорить с этой старой индюшкой, миссис Элсинг, а она выгнала меня из госпиталя".

"Did she really call her a peahen?" said Scarlett pleasedly and laughed.	- Она так и сказала - "индюшкой"? - очень довольная, переспросила Скарлетт и расхохоталась.
"Oh, don't laugh.	- Пожалуйста, не смейся.
It isn't funny.	Это вовсе не смешно.
It seems that Miss- this woman, wanted to do something for the hospital-can you imagine it?	Оказывается, эта мисс.., эта женщина хочет что-то сделать для госпиталя - можешь ты такое вообразить?
She offered to nurse every morning and, of course, Mrs. Elsing must have nearly died at the idea and ordered her out of the hospital.	Она предложила свои услуги - приходить по утрам ухаживать за ранеными, и миссис Элсинг, понятно, едва не лишилась чувств и приказала ей немедленно удалиться.
And then she said,	И тогда та сказала:

' I want to do something, too.	"Я тоже хочу быть полезной.
Ain't I a Confedrut, good as you?'	Я тоже конфедератка, и, может, почище вас!"
And, Scarlett, I was right touched at her wanting to help.	И понимаешь, Скарлетт, она просто тронула меня этим своим желанием помочь.
You know, she can't be all bad if she wants to help the Cause.	Значит, она не такая уж испорченная, если хочет помочь нашему Делу.
Do you think I'm bad to feel that way?"	Или ты считаешь, что это я испорченная?
"For Heaven's sake, Melly, who cares if you're bad?	- Г осподи, Мелани, ну какое это имеет значение -испорченная ты или нет!

What else did she say?"	Что она еще сказала?
"She said she'd been watching the ladies go by to the hospital and thought I had-a-a kind face and so she stopped me.	- Она сказала, что смотрела на дам, которые приходят в госпиталь, и решила.., решила, что у меня доброе лицо, и вот остановила меня.
She had some money and she wanted me to take it and use it for the hospital and not tell a soul where it came from.	У нее с собой были какие-то деньги, и она хотела, чтобы я взяла их для нужд госпиталя и ни одной душе не проговорилась, от кого они.
She said Mrs. Elsing wouldn't let it be used if she knew what kind of money it was.	Она сказала, что миссис Элсинг нипочем не позволит принять их, если узнает, что это за деньги.
What kind of money!	Что за деньги - понимаешь?

That's when I thought I'd swoon!	Вот тут я чуть не лишилась чувств!
And I was so upset and anxious to get away, I just said:	И так растерялась, так хотела скорей уйти, что сказала:
'Oh, yes, indeed, how sweet of you' or something idiotic, and she smiled and said:	"Да, да, конечно, как это мило г вашей стороны!" или что-то еще, столь же идиотское, а она улыбнулась и сказала:
'That's right Christian of you' and shoved this dirty handkerchief into my hand.	"Вот это по-христиански", - и сунула этот грязный платок мне в руку.
Ugh, can you smell the perfume?"	Фу! Слышишь, какой аромат?

Melanie held out a man's handkerchief, soiled and highly perfumed, in which some coins were knotted.	И Мелани протянула Скарлетт мужской платок -сильно надушенный и довольно грязный, - в который было завязано несколько монет.
"She was saying thank you and something about bringing me some money every week and just then Uncle Peter drove up and saw me!"	- Потом она все за что-то благодарила и сказала, что будет приносить мне деньги каждую неделю, и тут как раз подъехал дядюшка Питер и увидел меня!
Melly collapsed into tears and laid her head on the pillow.	- Мелани разрыдалась и уткнулась головой в подушку.
"And when he saw who was with me, he-Scarlett, he HOLLERED at me!	- А когда он узрел, с кем я стою, он, - подумай, Скарлетт! - он стал кричать на меня.

Nobody has ever hollered at me before in my whole life.	Никогда еще в жизни никто так на меня не кричал.
And he said,	Он сказал:
' You git in dis hyah cah'ige dis minute!'	"Сей же минут полезайте в коляску!"
Of course, I did, and all the way home he blessed me out and wouldn't let me explain and said he was going to tell Aunt Pitty.	Ну конечно, я села в коляску, и всю дорогу до самого дома он честил меня на чем свет стоит, и не давал сказать ни слова в оправдание, и заявил, что расскажет псе тете Питти.
Scarlett, do go down and beg him not to tell her. Perhaps he will listen to you.	Скарлетт, прошу тебя, спустись вниз и попроси его ничего ей не говорить.

It will kill Auntie if she knows I ever even looked that woman in the face.	Если тетушка узнает хотя бы то, что я лицом к лицу столкнулась с этой женщиной на улице, это ее убьет.
Will you?"	Скарлетт, ты попросишь?
"Yes, I will.	- Хорошо, попрошу.
But let's see how much money is in here.	Но сначала давай посмотрим, сколько там денег.
It feels heavy."	Узелок тяжелый.
She untied the knot and a handful of gold coins rolled out on the bed.	Она развязала платок и высыпала на постель горсть золотых монет.
"Scarlett, there's fifty dollars here!	- Скарлетт, тут пятьдесят долларов!

And in gold!" cried Melanie, awed, as she counted the bright pieces.	И все золотом! - совершенно потрясенная, воскликнула Мелани, пересчитав блестящие желтые кружочки.
"Tell me, do you think it's all right to use this kind-well, money made-er-this way for the boys?	- Как ты думаешь, это допустимо -воспользоваться такими.., ну, добытыми таким путем.., деньгами для наших воинов?
Don't you think that maybe God will understand that she wanted to help and won't care if it is tainted?	Мне кажется, господь поймет, что она хотела только добра, и не осудит нас за эти бесчестные деньги?
When I think of how many things the hospital needs-"	Как вспомню о том, сколько у госпиталя нужд...

But Scarlett was not listening.	Но Скарлетт ее не слушала.

She was looking at the dirty handkerchief, and humiliation and fury were filling her.	Она смотрела на грязный платок, и чувство унижения и злоба закипали в ее душе.
There was a monogram in the corner in which were the initials	В углу платка была вышита монограмма:
"R. K. B."	"Р.К.Б.".
In her top drawer was a handkerchief just like this, one that Rhett Butler had lent her only yesterday to wrap about the stems of wild flowers they had picked.	А в верхнем ящике ее комода хранился платок с такой же точно монограммой. Не далее как вчера Ретт Батлер обернул этим! платком стебли полевых цветов, которые они вместе собирали.

She had planned to return it to him when he came to supper tonight.	Она хотела вернуть ему платок вечером за ужином.
So Rhett consorted with that vile Watling creature and gave her money.	Так, значит, Ретт таскается к этой твари Уотлинг и не жалеет на нее денег?
That was where the contribution to the hospital came from.	Вот из какого кармана поступило пожертвование на госпиталь!
Blockade gold.	Золото, нажитое на контрабанде.
And to think that Rhett would have the gall to look a decent woman in the face after being with that creature!	И этот человек еще имеет наглость смотреть порядочным женщинам в глаза, после того как он был с этой тварью!

And to think that she could have believed he was in love with her!	И подумать только, что она могла поверить, будто он в нее влюблен!
This proved he couldn't be.	Теперь-то уж ясно, что это сплошное вранье.
Bad women and all they involved were mysterious and revolting matters to her.	Дурные женщины и все, что их окружало, были для Скарлетт чем-то отталкивающим и вместе с тем таинственным.
She knew that men patronized these women for purposes which no lady should mention- or, if she did mention them, in whispers and by indirection and euphemism.	Она знала, что мужчины посещают таких женщин, преследуя при этом цели, о которых ни одна воспитанная леди не отважится даже намекнуть, а уж если намекнет, то только шепотом, в самых туманных выражениях.

She had always thought that only common vulgar men visited such women.	И она всегда считала, что только грубые, неотесанные мужики могут посещать таких женщин.
Before this moment, it had never occurred to her that nice men- that is, men she met at nice homes and with whom she danced- could possibly do such things.	До этой минуты ей и в голову не приходило, что порядочные мужчины - те, с которыми она встречается в приличных домах, с кем она танцует, - могут позволить себе такое.
It opened up an entirely new field of thought and one that was horrifying.	Это давало ее мыслям совершенно неожиданное направление, и перед ней открывалось нечто пугающее.
Perhaps all men did this!	Может быть, все мужчины так поступают?

It was bad enough that they forced their wives to go through such indecent performances but to actually seek out low women and pay them for such accommodation!	Уже достаточно отвратительно то, что они принуждают своих жен проделывать с ними непристойности, но чтобы еще бегать к этим гадким женщинам и платить им за подобные услуги!

Oh, men were so vile, and Rhett Butler was the worst of them all!	Нет, все мужчины омерзительны, а Ретт Батлер хуже всех!
She would take this handkerchief and fling it in his face and show him the door and never, never speak to him again.	Она бросит этот платок ему в лицо, и укажет на дверь, и никогда, никогда больше не перемолвится с ним ни единым словом.

But no, of course she couldn't do that. She could never, never let him know she even realized that bad women existed, much less that he visited them.	Впрочем, нет, этого ни в коем случае нельзя делать - он же никак, ни под каким видом не должен знать, что она может хотя бы подозревать о существовании таких женщин, а тем более о том, что он их посещает.
A lady could never do that.	Ни одна настоящая леди но должна признаваться в этом.
"Oh," she thought in fury.	"Ох!
"If I just wasn't a lady, what wouldn't I tell that varmint!"	Не будь я леди, я бы уж такое сказала этому подонку!" - в бешенстве подумала она.

And, crumbling the handkerchief in her hand, she went down the stairs to the kitchen in search of Uncle Peter.	И, скомкав платок в руке, Скарлетт спустилась в кухню к дядюшке Питеру.
As she passed the stove, she shoved the handkerchief into the flames and with impotent anger watched it burn.	Проходя мимо плиты, она бросила платок в огонь и в бессильной ярости смотрела, как его пожирает пламя.
CHAPTER XIV	Глава 14
Hope was rolling high in every Southern heart as the summer of 1863 came in.	К началу лета 1863 года в сердцах южан снова запылала надежда.

Despite privation and hardships, despite food speculators and kindred scourges, despite death and sickness and suffering which had now left their mark on nearly every family, the South was again saying	Невзирая на все трудности, лишения, спекуляцию и прочие бедствия, невзирая на болезни, страдания и смерть, которыми был отмечен почти каждый дом, Юг снова и даже с большей уверенностью, чем прошлым летом, восклицал:
"One more victory and the war is over," saying it with even more happy assurance than in the summer before.	"Еще одна победа - и войне конец!"
The Yankees were proving a hard nut to crack but they were cracking at last.	Янки оказались крепким орешком, но этот орешек начинал трещать.

Christmas of 1862 had been a happy one for Atlanta, for the whole South.	Рождество 1862 года было счастливым для Атланты, да и для всего Юга.
The Confederacy had scored a smashing victory, at Fredericksburg and the Yankee dead and wounded were counted in the thousands.	Конфедерация одержала ошеломляющую победу при Фредериксберге - убитых и раненых янки насчитывались тысячи.
There was universal rejoicing in that holiday season, rejoicing and thankfulness that the tide was turning.	Святки на Юге проходили при всеобщем ликовании; в ходе войны наметился перелом.

The army in butternut were now seasoned fighters, their generals had proven their mettle, and everyone knew that when the campaign reopened in the spring, the Yankees would be crushed for good and all.	Необстрелянные новобранцы превратились теперь в закаленных бойцов, генералы на деле проявили свой пыл, и ни у кого не было сомнений в том, что с началом весенней кампании янки будут окончательно разгромлены.

Spring came and the fighting recommenced.	Пришла весна, и бои возобновились.
May came and the Confederacy won another great victory at Chancellorsville.	В мае Конфедерация одержала еще одну крупную победу - при Чанселорсвилле.
The South roared with elation.	Юг ревел от восторга.

Closer at home, a Union cavalry dash into Georgia had been turned into a Confederate triumph.	Еще более воодушевляющее впечатление произвел прорыв кавалерии северян в Джорджию, обернувшийся триумфом Конфедерации.
Folks were still laughing and slapping each other on the back and saying:	Люди долго после этого смеялись и хлопали друг друга по спине, приговаривая:
"Yes, sir! When old Nathan Bedford Forrest gets after them, they better git!"	"Да, сэр, уж ежели старина Натан Бедфорд Форрест налетит на них, им лучше сразу улепетывать!"

Late in April, Colonel Streight and eighteen hundred Yankee cavalry had made a surprise raid into Georgia, aiming at Rome, only a little more than sixty miles north of Atlanta.	В конце апреля полковник Строит со своей кавалерией в тысячу восемьсот всадников внезапно ворвался в Джорджию с намерением занять Ром, расположенный всего в шестидесяти милях севернее Атланты.
They had ambitious plans to cut the vitally important railroad between Atlanta and Tennessee and then swing southward into Atlanta to destroy the factories and the war supplies concentrated there in that key city of the Confederacy.	Он лелеял заманчивый план: перерезать главную железную дорогу между Атлантой и Теннесси, затем свернуть к югу на Атланту и уничтожить все военные заводы и арсеналы, сосредоточенные в этом городе, от которого теперь зависела судьба Конфедерации.

It was a bold stroke and it would have cost the South dearly, except for Forrest.	Это был дерзкий план, и в случае удачи он мог бы обойтись Конфедерации недешево, но опять выручил Форрест.
With only one-third as many men-but what men and what riders!- he had started after them, engaged them before they even reached Rome, harassed them day and night and finally captured the entire force!	Со своей кавалерией, равной по численности одной трети сил противника, - но поглядели бы вы, что это были за всадники! - он бросился в погоню, заставил противника принять бой, прежде чем тот успел добраться до Рома, и не давал ему покоя ни днем, ни ночью, пока не взял всех в плен!

The news reached Atlanta almost simultaneously with the news of the victory at Chancellorsville, and the town fairly rocked with exultation and with laughter.	Весть об этом достигла Атланты почти одновременно с сообщением о победе при Чанселорсвилле, и город ликовал и помирал со смеху.
Chancellorsville might be a more important victory but the capture of Streight's raiders made the Yankees positively ridiculous.	Победа при Чанселорсвилле была, разумеется, крупной военной удачей, но захваченная в плен конница Стрейта выставляла янки просто на всеобщее посмешище.
"No, sir, they'd better not fool with old Forrest," Atlanta said gleefully as the story was told over and over.	"Да, сэр, лучше уж им не связываться со стариной Форрестом", - потешались в Атланте, снова и снова пересказывая друг другу эту новость.

The tide of the Confederacy's fortune was running strong and full now, sweeping the people jubilantly along on its flood.	Удача теперь явно сопутствовала Конфедерации, и люди радовались столь благоприятному повороту фортуны.

True, the Yankees under Grant had been besieging Vicksburg since the middle of May.	Правда, янки под командованием генерала Гранта с середины мая осаждали Виксберг.
True, the South had suffered a sickening loss when Stonewall Jackson had been fatally wounded at Chancellorsville.	Правда, Юг понес невосполнимую потерю, когда Несокрушимый Джексон был смертельно ранен при Чанселорсвилле.

True, Georgia had lost one of her bravest and most brilliant sons when General T.	Правда, Джорджия потеряла одного из своих храбрейших и талантливейших сыновей в лице генерала Т.
R. R. Cobb had been killed at Fredericksburg.	- Р. - Р. Кобба, убитого в сражении при Фредериксберге.
But the Yankees just couldn't stand any more defeats like Fredericksburg and Chancellorsville.	Но после таких поражений, как при Фредериксберге и Чанселорсвилле, янки уже не смогут долго продержаться.
They'd have to give in, and then this cruel war would be over.	Они вынуждены будут сложить оружие, и этой жестокой войне придет конец.

The first days of July came and with them the rumor, later confirmed by dispatches, that Lee was marching into Pennsylvania.	В первых числах июля пронесся слух, что войска генерала Ли вступили в Пенсильванию.
Lee in the enemy's territory!	Генерал Ли на территории неприятеля!
Lee forcing battle!	Ли наступает!
This was the last fight of the war!	Эта битва будет последней!
Atlanta was wild with excitement, pleasure and a hot thirst for vengeance.	Атланта волновалась, торжествовала и жаждала мщения.
Now the Yankees would know what it meant to have the war carried into their own country.	Теперь янки на собственной шкуре почувствуют, каково это - вести войну на своей земле.

Now they'd know what it meant to have fertile fields stripped, horses and cattle stolen, houses burned, old men and boys dragged off to prison and women and children turned out to starve.	Теперь они узнают, каково это - когда твои плодородные земли вытоптаны, дома сожжены, кони и скот угнаны, старики и юноши взяты под стражу, а женщинам и детям угрожает голодная смерть!
Everyone knew what the Yankees had done in Missouri, Kentucky, Tennessee and Virginia.	Всем было хорошо известно, что творили янки в Миссури, в Кентукки, в Теннесси, в Виргинии.
Even small children could recite with hate and fear the horrors the Yankees had inflicted upon the conquered territory.	Даже малые ребятишки, дрожа от ненависти и страха, могли бы поведать об ужасах, содеянных янки на покоренных землях.

Already Atlanta was full of refugees from east Tennessee, and the town had heard firsthand stories from them of what suffering they had gone through.	В Атланте уже было полно беженцев из восточных районов Теннесси, и город узнавал из первых рук о перенесенных ими страданиях.
In that section, the Confederate sympathizers were in the minority and the hand of war fell heavily upon them, as it did on all the border states, neighbor informing against neighbor and brother killing brother.	Там, как во всех пограничных с Северными штатами областях, сторонники Конфедерации были в меньшинстве, и война обернулась к ним самой страшной своей стороной, ибо сосед доносил на соседа и брат убивал брата.

These refugees cried out to see Pennsylvania one solid sheet of flame, and even the gentlest of old ladies wore expressions of grim pleasure.	Все беженцы требовали в один голос, чтобы Пенсильванию превратили в пылающий костер, и даже деликатнейшие старые дамы не могли при этом скрыть своего мрачного удовлетворения.
But when the news trickled back that Lee had issued orders that no private property in Pennsylvania should be touched, that looting would be punished by death and that the army would pay for every article it requisitioned- then it needed all the reverence the General had earned to save his popularity.	Когда же стали поступать сообщения, что Ли издал приказ: частная собственность пенсильванцев неприкосновенна, мародерство будет караться смертью, а все реквизированное имущество армия будет оплачивать, - репутация генерала едва не пошатнулась, несмотря на весь его огромный авторитет.

Not turn the men loose in the rich storehouses of that prosperous state?	Запретить солдатам пользоваться добром, припрятанным на складах этого преуспевающего штата?
What was General Lee thinking of?	О ком он печется, генерал Ли?
And our boys so hungry and needing shoes and clothes and horses!	А наши мальчики разутые, раздетые, голодные, без лошадей!
A hasty note from Darcy Meade to the doctor, the only first-hand information Atlanta received during those first days of July, was passed from hand to hand, with mounting indignation.	Торопливое письмо Дарси Мида доктору было первой ласточкой, долетевшей до Атланты в эти дни начала июля. Оно переходило из рук в руки, и возмущение росло.

"Pa, could you manage to get me a pair of boots?	"Па, не можешь ли ты раздобыть мне пару сапог?
I've been barefooted for two weeks now and I don't see any prospects of getting another pair.	Уже вторую неделю я хожу босиком и потерял всякую надежду, что меня обуют.
If I didn't have such big feet I could get them off dead Yankees like the other boys, but I've never yet found a Yankee whose feet were near as big as mine.	Будь у меня не такие здоровущие ноги, я мог бы снять сапоги с какого-нибудь убитого янки, как делают многие из наших ребят, но мне не попалось еще ни одного янки, чьи сапоги были бы мне впору.
If you can get me some, don't mail them.	А если раздобудешь, не отправляй по почте.

Somebody would steal them on the way and I wouldn't blame them.	Кто-нибудь все равно присвоит их, и я даже никого не могу за это винить.
Put Phil on the train and send him up with them.	Посади Фила в поезд, пусть он мне их привезет.
I'll write you soon, where we'll be.	Я тебе скоро напишу, где меня найти.
Right now I don't know, except that we're marching north.	Пока я знаю только, что мы движемся на север.
We're in Maryland now and everybody says we're going on into Pennsylvania...	Сейчас мы в Мериленде, и все говорят, что нас направляют в Пенсильванию.

"Pa, I thought that we'd give the Yanks a taste of their own medicine but the General says No, and personally I don't care to get shot just for the pleasure of burning some Yank's house.	Па, я думал, что мы отплатим янки их же монетой, но генерал сказал "Нет!", а лично я готов стать к стенке за удовольствие подпалить дом какого-нибудь янки.
Pa, today we marched through the grandest cornfields you ever saw.	Сегодня, па, мы промаршировали через такие огромные кукурузные плантации, каких я отродясь не видывал.
We don't have corn like this down home.	У нас такой кукурузы не растет.

Well, I must admit we did a bit of private looting in that corn, for we were all pretty hungry and what the General don't know won't hurt him.	Признаться, мы немножко пожи-вились там украдкой, ведь все мы здорово голодны, а генералу от этого не убудет, по-скольку он ничего не узнает.
But that green corn didn't do us a bit of good.	Впрочем, незрелая ку-куруза не слишком-то пошла нам на пользу.
All the boys have got dysentery anyway, and that corn made it worse.	Все ребята и без того мучаются животом, а от кукурузы им стало еще хуже.
It's easier to walk with a leg wound than with dysentery.	Ранение в ногу не так тяжело в походе, как понос.
Pa, do try to manage some boots for me.	Па, пожалуйста, поста-райся раздобыть мне сапоги.

I'm a captain now and a captain ought to have boots, even if he hasn't got a new uniform or epaulets."	Я теперь уже капитан, а капитан должен иметь хотя бы сапоги, даже если у него нет нового мундира и эполет".
But the army was in Pennsylvania-that was all that mattered.	Но так или иначе войска вступили уже в Пенсильванию, и только это, собственно, и имело значение.
One more victory and the war would be over, and then Darcy Meade could have all the boots he wanted, and the boys would come marching home and everybody would be happy again.	Еще одна победа, и войне конец, и у Дарси Мида будет столько сапог, сколько его душе потребно, и наши ребята промаршируют обратно домой, и наступят счастливые дни для всех.

Mrs. Meade's eyes grew wet as she pictured her soldier son home at last, home to stay.	Серые глаза миссис Мид подергивались влагой, когда она рисовала себе своего сына-воина, возвратившегося наконец под родной кров, чтобы больше никогда его не покидать.
On the third of July, a sudden silence fell on the wires from the north, a silence that lasted till midday of the fourth when fragmentary and garbled reports began to trickle into headquarters in Atlanta.	Однако третьего июля телеграфные сообщения с севера внезапно прекратились, и молчание это длилось до следующего полудня, когда в штаб стали поступать отрывочные, сумбурные сведения.

There had been hard fighting in Pennsylvania, near a little town named Gettysburg, a great battle with all Lee's army massed.	В Пенсильвании, около маленького городка под названием Геттисберг, произошло большое сражение, в которое генерал Ли бросил всю свою армию.
The news was uncertain, slow in coming, for the battle had been fought in the enemy's territory and the reports came first through Maryland, were relayed to Richmond and then to Atlanta.	Сведения были неточны и сильно запаздывали, так как бои шли на неприятельской территории и сообщения поступали сначала в Мериленд, откуда передавались в Ричмонд и уж затем - в Атланту.
Suspense grew and the beginnings of dread slowly crawled over the town.	Напряжение возрастало, и по городу начал расползаться страх.

Nothing was so bad as not knowing what was happening.	Неизвестность страшнее всего.

Families with sons at the front prayed fervently that their boys were not in Pennsylvania, but those who knew their relatives were in the same regiment with Darcy Meade clamped their teeth and said it was an honor for them to be in the big fight that would lick the Yankees for good and all.	Семьи, не знавшие, где именно воюют их сыновья, молили бога, чтобы они не оказались в Пенсильвании, те же, чьи близкие были в одном полку с Дарси Мидом, стиснув зубы, заявляли, что рады выпавшей на долю этих храбрецов чести участвовать в великой битве, которая нанесет янки последнее и окончательное поражение.

In Aunt Pitty's house, the three women looked into one another's eyes with fear they could not conceal.	В доме тетушки Питтипэт три женщины избегали смотреть друг другу в глаза, не умея скрыть поселившийся в их душах страх.
Ashley was in Darcy's regiment.	Эшли служил в одном полку с Дарси.
On the fifth came evil tidings, not from the North but from the West.	Пятого июля поступили дурные вести, но не с северного, а с западного фронта.
Vicksburg had fallen, fallen after a long and bitter siege, and practically all the Mississippi River, from St. Louis to New Orleans was in the hands of the Yankees.	После долгой и ожесточенной осады пал Виксберг, и вся долина реки Миссисипи От Сент-Луиса до Нового Орлеана была теперь фактически в руках янки.

The Confederacy had been cut in two.	Армия конфедератов оказалась расколотой надвое.
At any other time, the news of this disaster would have brought fear and lamentation to Atlanta.	В другое время такое тяжелое известие произвело бы в Атланте смятение и вызвало горестный плач.
But now they could give little thought to Vicksburg.	Но сейчас всем было уже не до Виксберга.
They were thinking of Lee in Pennsylvania, forcing battle.	Мысли всех были прикованы к Пенсильвании и к генералу Ли, который вел там бои.
Vicksburg's loss would be no catastrophe if Lee won in the East.	Потеря Виксберга - это еще не катастрофа, если Ли удастся одержать победу на Востоке.

There lay Philadelphia, New York, Washington.	Там - Филадельфия, Нью-Йорк, Вашингтон.
Their capture would paralyze the North and more than cancel off the defeat on the Mississippi.	Потеря этих городов парализует Север и возместит с лихвой поражение на Миссисипи.
The hours dragged by and the black shadow of calamity brooded over the town, obscuring the hot sun until people looked up startled into the sky as if incredulous that it was clear and blue instead of murky and heavy with scudding clouds.	Тяжко, медленно тянулись часы, и черная туча бедствия нависла над городом, заслонив собою даже блеск солнца, и люди невольно поглядывали на небо, словно дивясь безмятежной голубизне там, где они ожидали увидеть грозовые облака.

Everywhere, women gathered in knots, huddled in groups on front porches, on sidewalks, even in the middle of the streets, telling each other that no news is good news, trying to comfort each other, trying to present a brave appearance.	И повсюду - на крылечках, на тротуарах, даже на мостовой - женщины стали собираться кучками, стараясь подбодрить друг друга, уверяя друг друга, что отсутствие вестей - это хорошая весть, и не позволяя себе пасть духом.
But hideous rumors that Lee was killed, the battle lost, and enormous casualty lists coming in, fled up and down the quiet streets like darting bats.	Но зловещие слухи, что генерал Ли убит, сражение проиграно и потери убитыми и ранеными неисчислимы, словно обезумевшие от страха летучие мыши, носились над притихшим в ожидании городом.

Though they tried not to believe, whole neighborhoods, swayed by panic, rushed to town, to the newspapers, to headquarters, pleading for news, any news, even bad news.	И как ни старались люди не верить этим слухам, охваченные паникой толпы народа устремились со всей округи в город, осаждая редакции газет и военные учреждения, добиваясь известий с фронта, любых известий, пусть самых страшных.
Crowds formed at the depot, hoping for news from incoming trains, at the telegraph office, in front of the harried headquarters, before the locked doors of the newspapers.	Толпы заполнили вокзал - в надежде узнать что-нибудь от прибывающих с поездами; толпы собирались у телеграфного агентства, у штаба, перед запертыми дверями редакций газет.
They were oddly still crowds, crowds that quietly grew larger and larger.	Люди стояли странно молчаливые, но количество их все росло и росло.

There was no talking.	Почти не слышно было голосов.
Occasionally an old man's treble voice begged for news, and instead of inciting the crowd to babbling it only intensified the hush as they heard the oft-repeated:	Одиноко прозвучит порой чей-то дрожащий старческий голос и замрет, не вызвав отклика в толпе, лишь усугубив тягостное молчание, когда в ответ ему раздастся уже стократно повторявшееся:
"Nothing on the wires yet from the North except that there's been fighting."	"Никаких телеграфных известий с Севера, идут бои".

The fringe of women on foot and in carriages grew greater and greater, and the heat of the close-packed bodies and dust rising from restless feet were suffocating.	По краям толпы появлялось все больше и больше женщин в колясках, некоторые подходили и пешком, толпа густела, воздух становился все удушливее от пыли, поднятой бесчисленным количеством ног.
The women did not speak, but their pale set faces pleaded with a mute eloquence that was louder than wailing.	Женщины молчали, но их бледные, напряженные лица были выразительнее самой душераздирающей мольбы.
There was hardly a house in town that had not sent away a son, a brother, a father, a lover, a husband, to this battle.	В городе почти не оставалось дома, который не отдал бы фронту отца, сына, брата, мужа или возлюбленного.

They all waited to hear the news that death had come to their homes.	И известие о смерти могло прийти в любую семью.
They expected death.	Его ждали все.
They did not expect defeat.	Но поражения не ждал никто.
That thought they dismissed.	Такую мысль все отметали прочь.
Their men might be dying, even now, on the sun-parched grass of the Pennsylvania hills.	Быть может, в эту самую минуту их мужья и сыновья умирают на выжженных солнцем травянистых склонах пенсильванских холмов.

Even now the Southern ranks might be falling like grain before a hailstorm, but the Cause for which they fought could never fall.	Быть может, сейчас ряды южан падают как подкошенные под градом пуль, но Дело, за которое они отдают жизнь, должно победить.
They might be dying in thousands but, like the fruit of the dragon's teeth, thousands of fresh men in gray and butternut with the Rebel yell on their lips would spring up from the earth to take their places.	Быть может, они будут гибнуть тысячами, но, словно из-под земли тысячи и тысячи новых воинов в серых мундирах станут на их место с мятежным кличем на устах.
Where these men would come from, no one knew.	Откуда они возьмутся, эти воины, никто не знал.

They only knew, as surely as they knew there was a just and jealous God in Heaven, that Lee was miraculous and the Army of Virginia invincible.	Но все знали - знали так же твердо, как то, что есть на небесах бог, справедливый и карающий: генерал Ли умеет творить чудеса и виргинская армия непобедима.
Scarlett, Melanie and Miss Pittypat sat in front of the Daily Examiner office in the carriage with the top back, sheltered beneath their parasols.	Скарлетт, Мелани и мисс Питтипэт сидели в коляске с опущенным верхом перед зданием редакции "Дейли экземинер", укрываясь от солнца зонтиками.

Scarlett's hands shook so that her parasol wobbled above her head, Pitty was so excited her nose quivered in her round face like a rabbit's, but Melanie sat as though carved of stone, her dark eyes growing larger and larger as time went by.	У Скарлетт так дрожали руки, что зонтик подпрыгивал у нее над головой. Тетушка Питтипэт от волнения дергала носом, как кролик, но Мелани сидела словно мраморное изваяние, и только глаза ее, казалось, с каждой минутой темнели и становились все огромней.
She made only one remark in two hours, as she took a vial of smelling salts from her reticule and handed it to her aunt, the only time she had ever spoken to her, in her whole life, with anything but tenderest affection.	На протяжении двух часов она произнесла всего несколько слов, когда, достав из ридикюля флакончик с нюхательными солями, протянула его тетушке Питтипэт и впервые в жизни сказала без обычной нежности и сочувствия в голосе:

"Take this, Auntie, and use it if you feel faint.	- Понюхайте, если вам дурно.
I warn you if you do faint you'll just have to faint and let Uncle Peter take you home, for I'm not going to leave this place till I hear about-till I hear.	А если тем не менее вам станет совсем дурно -ничего не поделаешь, придется дядюшке Питеру отвезти вас домой, но предупреждаю: я отсюда не уеду, пока не узнаю о.., пока не узнаю.
And I'm not going to let Scarlett leave me, either."	И Скарлетт останется со мной, я ее не отпущу.

Scarlett had no intention of leaving, no intention of placing herself where she could not have the first news of Ashley. No, even if Miss Pitty died, she wouldn't leave this spot.	А Скарлетт и не собиралась уезжать, не собиралась сидеть дома, где она не сможет первой узнать о судьбе Эшли, Если бы даже тетушка Питти стала отдавать богу душу, Скарлетт все равно не двинулась бы с места.
Somewhere, Ashley was fighting, perhaps dying, and the newspaper office was the only place where she could learn the truth.	Г де-то там сражался Эшли, быть может, умирал, и только здесь, в редакции газеты, могла она узнать о нем правду.

She looked about the crowd, picking out friends and neighbors, Mrs. Meade with her bonnet askew and her arm through that of fifteenyear-old Phil; the Misses McLure trying to make their trembling upper lips cover their buck teeth; Mrs. Elsing, erect as a Spartan mother, betraying her inner turmoil only by the straggling gray locks that hung from her chignon; and Fanny Elsing white as a ghost. (Surely Fanny wouldn't be so worried about her brother Hugh.	Она окидывала взглядом толпу, выискивая знакомых и соседей: вон миссис Мид, в сбившемся на сторону капоре крепко вцепилась в локоть пятнадцатилетнего Фила; вон сестры Маклюр - губы у них дрожат, обнажая лошадиные зубы; вон миссис Элсинг сидит прямая, как истинная спартанка, и только выбившиеся из шиньона седые локоны выдают ее скрытое волнение; а рядом с ней Фэнни Элсинг, бледная как смерть. (Быть не может, чтобы Фэнни так тревожилась за своего брата Хью!

Had she a real beau at the front that no one suspected?) Mrs. Merriwether sat in her carriage patting Maybelle's hand. Maybelle looked so very pregnant it was a disgrace for her to be out in public, even if she did have her shawl carefully draped over her.	Неужто она проводила на войну любимого, о котором никто не подозревает?) Вон миссис Мерриуэзер в своей коляске успокаивающе похлопывает по руке Мейбелл, которая уже столь явно брюхата, что, сколько бы она ни куталась в шаль, все равно неприлично показываться на людях в таком виде.
Why should she be so worried?	А ей-то чего уж так тревожиться?
Nobody had heard that the Louisiana troops were in Pennsylvania.	Ни разу не сообщалось о том, чтобы луизианские войска перебрасывали в Пенсильванию.

Probably her hairy little Zouave was safe in Richmond this very minute.	Вероятнее всего, ее волосатый маленький зуав пребывает сейчас в полной безопасности в Ричмонде.
There was a movement on the outskirts of the crowd and those on foot gave way as Rhett Butler carefully edged his horse toward Aunt Pitty's carriage.	В толпе произошло движение, люди расступились, и Ретт Батлер верхом начал осторожно продвигаться к коляске тетушки Питтипэт.
Scarlett thought: He's got courage, coming here at this time when it wouldn't take anything to make this mob tear him to pieces because he isn't in uniform.	"В храбрости ему не откажешь, - мелькнуло у Скарлетт в голове. - Его же тут в любую минуту могут просто растерзать за то, что он не надел формы".

As he came nearer, she thought she might be the first to rend him.	Он приближался, и она подумала, что могла бы сама, первая, выцарапать ему глаза.
How dared he sit there on that fine horse, in shining boots and handsome white linen suit, so sleek and well fed, smoking an expensive cigar, when Ashley and all the other boys were fighting the Yankees, barefooted, sweltering in the heat, hungry, their bellies rotten with disease?	Как смеет он появляться здесь, холеный, сытый, на этой великолепной лошади, в отличном белом полотняном костюме, в сверкающих сапогах, с дорогой сигарой во рту, в то время как Эшли и все наши парни, босые, голодные, изнемогая от жары, погибая от дизентерии, сражаются с янки!
Bitter looks were thrown at him as he came slowly through the press.	Злые взгляды сопровождали его неторопливое продвижение.

Old men growled in their beards, and Mrs. Merriwether who feared nothing rose slightly in her carriage and said clearly:	Старики что-то ворчали себе в бороды, а никогда не отличавшаяся робостью миссис Мерриуэзер, слегка приподнявшись на сиденье, отчетливо произнесла самым ядовитым и оскорбительным тоном:
"Speculator!" in a tone that made the word the foulest and most venomous of epithets.	- Спекулянт!
He paid no heed to anyone but raised his hat to Melly and Aunt Pitty and, riding to Scarlett's side, leaned down and whispered:	Не обращая ни малейшего внимания ни на кого, Ретт Батлер приподнял шляпу, приветствуя тетушку Питтипэт и Мелани, подъехал к коляске, наклонился к Скарлетт и прошептал ей на ухо:

"Don't you think this would be the time for Dr. Meade to give us his familiar speech about victory perching like a screaming eagle on our banners?"	- Не кажется ли вам, что сейчас самое время доктору Миду разразиться одной из своих знаменитых речей на тему о победе, реющей, подобно распластавшему крылья орлу, над нашими знаменами?

Her nerves taut with suspense, she turned on him as swiftly as an angry cat, hot words bubbling to her lips, but he stopped them with a gesture.	Нервы Скарлетт были натянуты до предела. Резко повернувшись на; сиденье, она как рассвирепевшая кошка уже готова была выпустить когти и зашипеть, но Ретт жестом остановил ее.

"I came to tell you ladies," he said loudly, "that I have been to headquarters and the first casualty lists are coming in."	- Я приехал сообщить вам, дамы, - громко произнес он, - что с передовой уже Начали поступать первые списки убитых и раненых.
At these words a hum rose among those near enough to hear his remark, and the crowd surged, ready to turn and run down Whitehall Street toward headquarters.	Толпа всколыхнулась; среди стоявших достаточно близко, чтобы расслышать его слова, пробежал гул, кто-то уже поворачивался, собираясь бежать на Уайтхолл-стрит в штаб, но Ретт Батлер, приподнявшись на стременах, предостерегающе вскинул вверх руку.
"Don't go," he called, rising in his saddle and holding up his hand.	- Не расходитесь! - крикнул он.

"The lists have been sent to both newspapers and are now being printed.	- Списки отправлены в газеты, их уже печатают.
Stay where you are!"	Стойте здесь.
"Oh, Captain Butler," cried Melly, turning to him with tears in her eyes.	- О, капитан Батлер! - вскричала Мелани, повернувшись к нему. В глазах у нее стояли слезы.
"How kind of you to come and tell us!	- Спасибо, что вы приехали сообщить нам!
When will they be posted?"	Когда будут вывешены списки?
"They should be out any minute, Madam.	- Это может произойти с минуты на минуту, мадам.

The reports have been in the offices for half an hour now.	Сообщения поступили полчаса назад.
The major in charge didn't want to let that out until the printing was done, for fear the crowd would wreck the offices trying to get news.	Дежурный майор не хотел ничего оглашать, пока списки не будут напечатаны, - боялся, что толпа ворвется в редакцию.
Ah! Look!"	Да вот, глядите!
The side window of the newspaper office opened and a hand was extended, bearing a sheaf of long narrow galley proofs, smeared with fresh ink and thick with names closely printed.	Одно из окон редакции распахнулось, и оттуда высунулась чья-то рука с пачкой длинных, узких, перепачканных свежей типографской краской гранок с тесными строчками имен к фамилий.

The crowd fought for them, tearing the slips in half, those obtaining them trying to back out through the crowd to read, those behind pushing forward, crying:	Толпа ринулась к окну, все вырывали гранки друг у друга, те, кому удалось их схватить, старались выбраться из толпы, чтобы иметь возможность прочесть, стоявшие сзади напирали с криками:
"Let me through!" "Hold the reins," said Rhett shortly, swinging to the ground and tossing the bridle to Uncle Peter.	"Пропустите меня!" - Подержи! - сказал Ретт Батлер, соскакивая с седла и бросая поводья дядюшке Питеру.
They saw his heavy shoulders towering above the crowd as he went through, brutally pushing and shoving. In a while he was back, with half a dozen in his hands.	Решительно расталкивая толпу, он двинулся вперед и через минуту возвратился к коляске с пачкой гранок в руке.

He tossed one to Melanie and distributed the others among the ladies in the nearest carriages, the Misses McLure, Mrs. Meade, Mrs. Merriwether, Mrs. Elsing.	Одну он протянул Мелани, остальные начал раздавать дамам из стоявших поблизости экипажей: миссис Мид, миссис Мерриуэзер, миссис Элсинг, сестрам Маклюр.
"Quick, Melly," cried Scarlett, her heart in her throat, exasperation sweeping her as she saw that Melly's hands were shaking so that it was impossible for her to read.	- Да читай же, Мелли! - вне себя крикнула Скарлетт, задыхаясь от волнения. У Мелани так дрожали руки, что она не могла разобрать прыгавшие перед глазами строчки.
"Take it," whispered Melly, and Scarlett snatched it from her.	- Возьми, - еле слышно прошептала Мелли, и Скарлетт выхватила гранку у нее из рук.

The Ws.	Где тут
Where were the Ws?	"У"?
Oh, there they were at the bottom and all smeared up.	А вот, в самом низу, все так смазано, еле можно разобрать.
"White," she read and her voice shook,	- Уайт... - прочитала Скарлетт, и голос ее дрогнул.
"Wilkens... Winn... Zebulon... Oh, Melly, he's not on it!	- Уилкенс, Уинн, Фебулон... О, Мелли!
He's not on it!	Его здесь нет! Нет!
Oh, for God's sake, Auntie, Melly, pick up the salts!	О, тетя Питти, успокойтесь! Мелли, достань нюхательные соли!
Hold her up, Melly."	Помоги ей, Мелли!

Melly, weeping openly with happiness, steadied Miss Pitty's rolling head and held the smelling salts under her nose.	Мелли, заливаясь слезами от счастья, поддерживала запрокинувшуюся голову тетушки Питти и совала ей под нос флакончик с нюхательными солями.
Scarlett braced the fat old lady on the other side, her heart singing with joy.	Скарлетт подхватила старую даму с другой стороны. Сердце ее пело от радости.
Ashley was alive.	Эшли жив!
He wasn't even wounded.	Его даже не ранило.
How good God was to pass him by! How-	Господь бог его хранит....

She heard a low moan and, turning, saw Fanny Elsing lay her head on her mother's bosom, saw the casualty list flutter to the floor of the carriage, saw Mrs. Elsing's thin lips quiver as she gathered her daughter in her arms and said quietly to the coachman:	Она услышала негромкий стон и, обернувшись, увидела, что Фэнни Элсинг уронила голову на грудь матери, выпустив гранку из рук. Миссис Элсинг прижимала к себе дочь, тонкие губы ее дрожали. Она негромко сказала кучеру:
"Home.	"Домой!
Quickly."	Быстрей!"
Scarlett took a quick glance at the lists. Hugh Elsing was not listed.	Скарлетт бросила взгляд на список: имени Хью Элсинга там не значилось.

Fanny must have had a beau and now he was dead.	Значит, у Фэнни был любимый, и он убит.

The crowd made way in sympathetic silence for the Elsings' carriage, and after them followed the little wicker pony cart of the McLure girls. Miss Faith was driving, her face like a rock, and for once, her teeth were covered by her lips.	Толпа почтительно расступилась перед коляской миссис Элсинг, следом тронулась маленькая плетеная тележка, - мисс Фейс Маклюр с каменным лицом правила лошадью, губы ее были так плотно сжаты, что впервые полностью прикрывали зубы.
Miss Hope, death in her face, sat erect beside her, holding her sister's skirt in a tight grasp.	Мисс Хоуп, без кровинки в лице, прямая как палка, сидела рядом с сестрой, судорожно вцепившись рукой в ее юбку.

They looked like very old women.	Обе они казались совсем старыми женщинами.
Their young brother Dallas was their darling and the only relative the maiden ladies had in the world. Dallas was gone.	Их обожаемый младший брат Даллас ушел в мир иной, оставив своих незамужних сестер одних на белом свете.
"Melly!	- Мелли!
Melly!" cried Maybelle, joy in her voice,	Мелли! - радостно кричала Мейбелл.
"Rene is safe!	- Рене жив!
And Ashley, too!	И Эшли тоже!
Oh, thank God!"	О, какое счастье!

The shawl had slipped from her shoulders and her condition was most obvious but, for once, neither she nor Mrs. Merriwether cared.	- Шаль соскользнула с ее плеча, выставив на всеобщее обозрение огромный живот, но ни она, ни миссис Мерриуэзер уже не обращали на это внимания.
"Oh, Mrs. Meade!	- О, Миссис Мид!
Rene- " Her voice changed, swiftly,	Рене... - Голос ее оборвался.
"Melly, look!-Mrs. Meade, please!	- Мелли, взгляни!
Darcy isn't-?"	О, миссис Мид, бога ради... Дарси?..

Mrs. Meade was looking down into her lap and she did not raise her head when her name was called, but the face of little Phil beside her was an open book that all might read.	Миссис Мид сидела, опустив голову, глядя в колени, и не шевельнулась, когда ее окликнули, но по лицу юного Фила, сидевшего рядом, все можно было прочесть, как по открытой книге.
"There, there, Mother," he said, helplessly.	- Ну, мамочка, мама! - беспомощно повторял он.
Mrs. Meade looked up, meeting Melanie's eyes.	Миссис Мид подняла голову и встретила взгляд Мелани.
"He won't need those boots now," she said.	- Не нужны ему больше сапоги, - сказала она.

"Oh, darling!" cried Melly, beginning to sob, as she shoved Aunt Pitty onto Scarlett's shoulder and scrambled out of the carriage and toward that of the doctor's wife.	- О, моя дорогая! - воскликнула Мелли и разрыдалась. Опустив голову тетушки Питти на плечо Скарлетт, Мелани выпрыгнула из коляски и бросилась к миссис Мид.
"Mother, you've still got me," said Phil, in a forlorn effort at comforting the white-faced woman beside him.	- Мама, но у тебя остался я, - твердил Фил, делая неуклюжую попытку утешить мать.
"And if you'll just let me, I'll go kill all the Yank-"	- И если бы только ты отпустила меня, я бы поубивал всех этих янки...

Mrs. Meade clutched his arm as if she would never let it go, said	Миссис Мид вцепилась ему в плечо, словно желая показать, что никогда ни на секунду не отпустит его от себя, и пробормотала сдавленным голосом:
"No!" in a strangled voice and seemed to choke.	- Нет! - И захлебнулась слезами.
"Phil Meade, you hush your mouth!" hissed Melanie, climbing in beside Mrs. Meade and taking her in her arms.	- Фил Мид, сейчас же замолчите! - прошипела Мелани, поднимаясь в коляску и прижимая миссис Мид к груди.
"Do you think it'll help your mother to have you off getting shot too?	- Вы считаете, что очень облегчите своей матери жизнь, если ей придется хоронить и вас тоже?

I never heard anything so silly.	Отродясь не слышала более глупого способа утешать!
Drive us home, quick!" She turned to Scarlett as Phil picked up the reins.	Быстрей везите нас домой! фил взял вожжи, а Мелани обернулась к Скарлетт:
"As soon as you take Auntie home, come over to Mrs. Meade's.	- Как только отвезешь тетушку Питти, приезжай к миссис Мид.
Captain Butler, can you get word to the doctor? He's at the hospital."	Капитан Батлер, не можете ли вы послать за доктором - он в госпитале.
The carriage moved off through the dispersing crowd.	Коляска покатила сквозь поредевшую толпу.

Some of the women were weeping with joy, but most looked too stunned to realize the heavy blows that had fallen upon them.	Некоторые женщины заливались слезами радости, но большинство стояли оглушенные, - еще не осознав до конца, какой на них обрушился удар.
Scarlett bent her head over the blurred lists, reading rapidly, to find names of friends.	Скарлетт склонилась над расплывшимися типографскими строчками, быстро пробегая их глазами, ища, не попадется ли имя кого-нибудь из друзей.
Now that Ashley was safe she could think of other people.	Теперь, узнав, что Эшли уцелел, она уже могла думать и о других.
Oh, how long the list was!	О, какой длинный перечень имен!

How heavy the toll from Atlanta, from all of Georgia.	Какой тяжкий урон для Атланты, для всей Джорджии!
Good Heavens!	Силы небесные!
"Calvert-Raiford, Lieutenant."	"Калверт, Рейфорд, лейтенант".
Raif!	Рейф!
Suddenly she remembered the day, so long ago, when they had run away together but decided to come home at nightfall because they were hungry and afraid of the dark.	Внезапно всплыло далекое-далекое воспоминание: она и Рейф, сговорившись, бегут из дома, но с наступлением ночи решают вернуться, потому что проголодались и боятся темноты.
"Fontaine-Joseph K., private."	"Фонтейн, Джозеф К., рядовой".

Little bad-tempered Joe!	Маленький злючка Джо!
And Sally hardly over having her baby!	А Салли только что разрешилась от бремени!
"Munroe-LaFayette, Captain."	"Манро, Лафайетт, капитан".
And Lafe had been engaged to Cathleen Calvert.	А Лаф обручился с Кэтлин Калверт.

Poor Cathleen!	Бедняжка Кэтлин!
Hers had been a double loss, a brother and a sweetheart.	Потерять сразу двоих - и брата и любимого!
But Sally's loss was greater-a brother and a husband.	А Салли-то еще тяжелей - и брата и мужа!

Oh, this was too terrible.	Нет, это слишком ужасно!
She was almost afraid to read further.	Скарлетт не решалась заглянуть дальше в список.
Aunt Pitty was heaving and sighing on her shoulder and, with small ceremony, Scarlett pushed her over into a corner of the carriage and continued her reading.	Тетушка Питти вздыхала и всхлипывала у нее на плече, и Скарлетт без особых церемоний отпихнула ее в угол коляски и снова стала читать.
Surely, surely-there couldn't be three "Tarleton" names on that list. Perhaps-perhaps the hurried printer had repeated the name by error. But no.	Господи, нет, не может быть - фамилия Тарлтон три раза подряд... Верно, наборщик напутал в спешке... Нет.

There they were.	Все трое.
"Tarleton-Brenton, Lieutenant."	"Тарлтон, Брентон, лейтенант",
"Tarleton-Stuart, Corporal."	"Тарлтон, Стюарт, капрал",
"Tarleton-Thomas, private."	"Тарлтон, Томас, рядовой".
And Boyd, dead the first year of the war, was buried God knew where in Virginia.	А Бойд погиб еще в первый год войны и похоронен где-то там, в Виргинии.
All the Tarleton boys gone.	Все четверо тарлтонских мальчиков погибли на войне.

Tom and the lazy long-legged twins with their love of gossip and their absurd practical jokes and Boyd who had the grace of a dancing master and the tongue of a wasp.	И Том, и длинноногие бездельники-близнецы - эти отчаянные болтуны с их нелепым пристрастием к "розыгрышам", и Бойд, грациозный, как профессиональный танцор, и с языком острым, как жало.
She could not read any more.	У нее не было сил читать дальше.

She could not know if any other of those boys with whom she had grown up, danced, flirted, kissed were on that list. She wished that she could cry, do something to ease the iron fingers that were digging into her throat.	Она боялась увидеть в этом списке имена кого-нибудь еще из тех мальчиков, с которыми росла, танцевала, кокетничала, целовалась... Слезы душили ее, но не могли пролиться, горло сдавило словно железным обручем.
"I'm sorry, Scarlett," said Rhett.	- Я сочувствую вам, Скарлетт, - произнес Ретт Батлер.
She looked up at him.	Она подняла на него глаза.
She had forgotten he was still there.	Она совсем забыла, что он все еще здесь.
"Many of your friends?"	- Там много ваших друзей?

She nodded and struggled to speak:	Она кивнула, не сразу найдя в себе силы заговорить.
"About every family in the County-and all-all three of the Tarleton boys."	- Почти в каждой семье графства... И все.., все трое братьев Тарлтонов.
His face was quiet, almost somber, and there was no mocking in his eyes.	Лицо его было сосредоточенно и сумрачно, в глазах не мелькала обычная усмешка.

"And the end is not yet," he said.	- И это еще не конец, - сказал он.
"These are just the first lists and they're incomplete.	- Это только первые сводки.
There'll be a longer list tomorrow."	Завтра поступят новые, более длинные списки.

He lowered his voice so that those in the near-by carriages could not hear.	- Он понизил голос, чтобы его не услышали в проезжающих мимо экипажах.
"Scarlett, General Lee must have lost the battle.	- Г енерал Ли, по-видимому, проиграл это сражение, Скарлетт.
I heard at headquarters that he had retreated back into Maryland."	В штабе говорили, что он отступил в Мериленд.
She raised frightened eyes to his, but her fear did not spring from Lee's defeat.	Она поглядела на него с испугом. №" не весть о поражении Ли привела ее в смятение.
Longer casualty lists tomorrow!	Более длинные списки?
Tomorrow.	Завтра?

She had not thought of tomorrow, so happy was she at first that Ashley's name was not on that list.	Она была так счастлива, не найдя имени Эшли в списке, что как-то совсем не подумала о завтрашнем дне.
Tomorrow.	Завтра!
Why, right this minute he might be dead and she would not know it until tomorrow, or perhaps a week from tomorrow.	Г осподи, он, может быть, уже мертв сейчас, а она узнает об этом только завтра или даже через неделю!
"Oh, Rhett, why do there have to be wars?	- Ох, Ретт, кому она нужна, эта война!

It would have been so much better for the Yankees to pay for the darkies-or even for us to give them the darkies free of charge than to have this happen."	Ведь янки могли бы просто купить у нас негров, им бы это было легче... Да наконец, мы могли бы отдать их даже даром, лишь бы не воевать.
"It isn't the darkies, Scarlett.	- Дело не в неграх, Скарлетт.
They're just the excuse.	Негры просто предлог.
There'll always be wars because men love wars.	Войны будут всегда, потому что так устроены люди.
Women don't, but men do-yea, passing the love of women."	Женщины - нет. Но мужчинам нужна война - о да, не меньше, чем женская любовь.

His mouth twisted in his old smile and the seriousness was gone from his face.	Знакомая усмешка снова искривила его губы, лицо опять стало непроницаемым.
He lifted his wide Panama hat.	Он приподнял свою широкополую шляпу.
"Good-by.	- Прощайте.
I'm going to find Dr. Meade.	Я отправлюсь на розыски доктора Мида.
I imagine the irony of me being the one to tell him of his son's death will be lost on him, just now.	Сейчас он едва ли сумеет оценить иронию судьбы, сделавшей меня вестником гибели его сына.
But later, he'll probably hate to think that a speculator brought the news of a hero's death."	Но впоследствии, боюсь, ему будет невыносима мысль, что весть о смерти героя он услышал из уст спекулянта.

Scarlett put Miss Pitty to bed with a toddy, left Prissy and Cookie in attendance and went down the street to the Meade house.	Скарлетт уложила тетушку Питти в постель, приготовила ей стакан грога, поручила ее заботам Присси и кухарки и направилась к дому доктора Мида.
Mrs. Meade was upstairs with Phil, waiting her husband's return, and Melanie sat in the parlor, talking in a low voice to a group of sympathetic neighbors.	Миссис Мид и Фил ждали у себя наверху возвращения доктора, а Мелани сидела в гостиной с исполненными сочувствия соседями, и они переговаривались приглушенными голосами.

She was busy with needle and scissors, altering a mourning dress that Mrs. Elsing had lent to Mrs. Meade.	Вооружившись иголкой и ножницами, Мелли старательно перешивала для миссис Мид траурное платье, позаимствованное у миссис Элсинг.
Already the house was full of the acrid smell of clothes boiling in homemade black dye for, in the kitchen, the sobbing cook was stirring all of Mrs. Meade's dresses in the huge wash pot.	Весь дом уже пропах едким запахом краски: на кухне всхлипывающая кухарка кипятила платья миссис Мид в большой лохани, наполненной черной краской домашнего изготовления.
"How is she?" questioned Scarlett softly.	- Как она? - шепотом спросила Скарлетт.
"Not a tear," said Melanie.	- Ни единой слезы, - отвечала Мелани.

"It's terrible when women can't cry.	- Когда женщина не может плакать, это страшно.
I don't know how men stand things without crying.	Я не понимаю, как мужчины умеют все переносить, не давая воли слезам.
I guess it's because they're stronger and braver than women.	Но, конечно, они сильнее и мужественнее нас.
She says she's going to Pennsylvania by herself to bring him home.	Миссис Мид твердит, что поедет в Пенсильванию одна, чтобы привезти его тело.
The doctor can't leave the hospital."	Доктор не может покинуть госпиталь.
"It will be dreadful for her!	- Одна? Это ужасно.
Why can't Phil go?"	А почему Филу не поехать с ней?

"She's afraid he'll join the army if he gets out of her sight.	- Она боится, что может за ним не уследить и он сбежит там на фронт.
You know he's so big for his age and they're taking them at sixteen now."	Он же такой рослый, а сейчас уже берут и шестнадцатилетних.
One by one the neighbors slipped away, reluctant to be present when the doctor came home, and Scarlett and Melanie were left alone, sewing in the parlor.	Соседи один за другим начали расходиться, боясь встретиться с доктором, когда он вернется домой, и Скарлетт вместе с Мелани принялась за шитье.

Melanie looked sad but tranquil, though tears dropped down on the cloth she held in her hands.	Мелани держалась спокойно, хотя лицо ее было печально и на шитье порой капала слеза.
Evidently she had not thought that the battle might still be going on and Ashley perhaps dead at this very moment. With panic in her heart, Scarlett did not know whether to tell Melanie of Rhett's words and have the dubious comfort of her misery or keep it to herself.	По-видимому, она думала о том, что бои еще идут и, быть может, Эшли уже нет в живых, и Скарлетт, у которой сжималось сердце, была в нерешительности - передать ли Мелани слова Ретта Батлера, почерпнув горькое утешение в зрелище ее страданий, или промолчать?

Finally she decided to remain quiet.	В конце концов она решила не говорить.

It would never do for Melanie to think her too worried about Ashley.	Совсем ни к чему давать Мелани повод думать, что она слишком обеспокоена судьбой Эшли.
She thanked God that everyone, Melly and Pitty included, had been too engrossed in her own worries that morning to notice her conduct.	Все были так поглощены своими тревогами, что, слава богу, никто - ни Мелани, ни тетушка Питти - не заметил ничего странного в ев поведении.
After an interval of silent sewing, they heard sounds outside and, peering through the curtains, they saw Dr.	В полном молчании Скарлетт и Мелани продолжали шить. Но вот за окнами раздался шум, и, приподняв занавеску, Скарлетт увидела доктора Мида.

Meade alighting from his horse.	Он спешился и направился к дому.
His shoulders were sagging and his head bowed until his gray beard spread out fanlike on his chest.	Он шел сгорбившись, так низко опустив голову, что седая борода веером распласталась по груди.
He came slowly into the house and, laying down his hat and bag, kissed both the girls silently.	Медленно войдя в дом, он снял шляпу, положил свою сумку и молча поцеловал обеих женщин.
Then he went tiredly up the stairs.	Потом стал тяжело подыматься по лестнице.
In a moment Phil came down, all long legs and arms and awkwardness.	Через минуту из верхних комнат - длинноногий, длиннорукий, неуклюжий - выбежал Фил.

The two girls looked an invitation to join them, but he went onto the front porch and, seating himself on the top step, dropped his head on his cupped palm.	Мелани и Скарлетт взглядом предложили ему посидеть с ними, но он выскочил на крыльцо и опустился на верхнюю ступеньку, уронив голову в колени, закрыв лицо руками.
Melly sighed.	Мелли вздохнула.
"He's mad because they won't let him go fight the Yankees.	- Он сходит с ума, оттого что они не пускают его на фронт.
Fifteen years old!	Пятнадцатилетний мальчишка!
Oh, Scarlett, it would be Heaven to have a son like that!"	Ах, Скарлетт, как бы я хотела иметь такого сына, как он!

"And have him get killed," said Scarlett shortly, thinking of Darcy.	- Чтобы его убили на войне? - сказала Скарлетт, думая о Дарси.
"It would be better to have a son even if he did get killed than to never have one," said Melanie and gulped.	- Лучше иметь сына и потерять, чем не иметь совсем, - сказала Мелли и сглотнула слезы.
"You can't understand, Scarlett, because you've got little Wade, but I- Oh, Scarlett, I want a baby so bad!	- Ты не можешь этого понять, Скарлетт, потому что у тебя есть Уэйд, а я... О, Скарлетт, как я хочу иметь ребенка!

I know you think I'm horrid to say it right out, but it's true and only what every woman wants and you know it."	Ты, верно, считаешь, что не следует открыто говорить об этом, но что делать, раз это правда, и каждая женщина только о том и мечтает, и ты сама это знаешь.
Scarlett restrained herself from sniffing.	Скарлетт едва не фыркнула, но, вовремя сдержалась.
"If God should will that Ashley should be-taken, I suppose I could bear it, though I'd rather die if he died.	- Если богу будет угодно.., взять у меня Эшли, я, наверно, сумею это перенести, хотя мне легче было бы умереть самой.
But God would give me strength to bear it.	Бог даст мне силы перенести эту утрату.

But I could not bear having him dead and not having-not having a child of his to comfort me.	Но как перенести то, что он мертв, а у меня даже нет от него ребенка, который послужил бы мне утешением в горе!
Oh, Scarlett, how lucky you are!	Ах, Скарлетт, какая ты счастливица!
Though you lost Charlie, you have his son.	Правда, ты потеряла Чарли, но у тебя остался его сын.
And if Ashley goes, I'll have nothing.	А у меня, если я потеряю Эшли, не останется ничего.
Scarlett, forgive me, but sometimes I've been so jealous of you-"	Прости меня, Скарлетт, но иной раз я так завидую тебе...

"Jealous-of me?" cried Scarlett, stricken with guilt.	- Завидуешь мне? - воскликнула Скарлетт, чувствуя легкий укол совести.
"Because you have a son and I haven't.	- Потому что у тебя есть сын, а у меня нет.
I've even pretended sometimes that Wade was mine because it's so awful not to have a child."	Порой я даже начинаю воображать, будто Уэйд -мой сын. Это так ужасно - не, иметь ребенка.
"Fiddle-dee-dee!" said Scarlett in relief. She cast a quick glance at the slight figure with blushing face bent over the sewing.	- Вот чушь какая! - с облегчением произнесла Скарлетт, Она скосила глаза на хрупкую фигурку и залившееся краской лицо, склоненное над шитьем.

Melanie might want children but she certainly did not have the figure for bearing them.	Мелани может, конечно, мечтать о ребенке, но она совсем не создана для того, чтобы рожать.
She was hardly taller than a twelve-yearold child, her hips were as narrow as a child's and her breasts were very flat.	Узкие бедра, плоская грудь и рост, как у двенадцатилетней девчонки..
The very thought of Melanie having a child was repellent to Scarlett.	Мысль о том, что Мелани может понести, почему-то вызвала у Скарлетт чувство гадливости.
It brought up too many thoughts she couldn't bear thinking.	И это пробуждало еще другие мысли, множество других мыслей, которые были уже совсем непереносимы.

If Melanie should have a child of Ashley's, it would be as though something were taken from Scarlett that was her own.	Стоило Скарлетт подумать о том, что у Мелани может быть ребенок от Эшли, и у нее возникало такое чувство, словно ее ограбили.
"Do forgive me for saying that about Wade.	- Ты не сердись, что я так сказала про Уэйда.
You know I love him so.	Ты же знаешь, как я его люблю.
You aren't mad at me, are you?"	Не сердишься?
"Don't be silly," said Scarlett shortly.	- Не будь идиоткой, - сухо промолвила Скарлетт.
"And go out on the porch and do something for Phil.	- Лучше выйди на крыльцо, поговори с Филом.

He's crying."	Он плачет.
CHAPTER XV	Глава 15

The army, driven back into Virginia, went into winter quarters on the Rapidan-a tired, depleted army since the defeat at Gettysburg-and as the Christmas season approached, Ashley came home on furlough.	Армия конфедератов, отброшенная назад в Виргинию - сильно поредевшая после поражения при Г еттисберге, измотанная, - была расквартирована на зиму по берегам реки Рапидан, и перед наступлением святок Эшли приехал домой на побывку.
Scarlett, seeing him for the first time in more than two years, was frightened by the violence of her feelings.	Буря чувств, которую эта встреча, первая после двух лет разлуки, пробудила в душе Скарлетт, потрясла и испугала ее самое.

When she had stood in the parlor at Twelve Oaks and seen him married to Melanie, she had thought she could never love him with a more heartbreaking intensity than she did at that moment.	Когда-то, в Двенадцати Дубах, на свадьбе Эшли и Мелани ей казалось, что нельзя любить сильнее и мучительнее, чем любила она его в те мгновения.
But now she knew her feelings of that long-past night were those of a spoiled child thwarted of a toy.	Теперь она поняла, что в ту далекую ночь ее горе было подобно горю избалованного ребенка, у которого отняли любимую игрушку.
Now, her emotions were sharpened by her long dreams of him, heightened by the repression she had been forced to put on her tongue.	Теперь она жила с вечной мечтой о нем в сердце и с вечной печатью на устах, и ее чувство к нему обострилось и окрепло.

This Ashley Wilkes in his faded, patched uniform, his blond hair bleached tow by summer suns, was a different man from the easygoing, drowsy-eyed boy she had loved to desperation before the war.	Этот Эшли Уилкс, в линялом, залатанном мундире, с выгоревшими от палящего летнего солнца волосами, был совсем не похож на того беспечного юношу с мечтательным взглядом, в которого она так отчаянно влюбилась накануне войны.
And he was a thousand times more thrilling.	Не похож - и еще более притягателен.

He was bronzed and lean now, where he had once been fair and slender, and the long golden mustache drooping about his mouth, cavalry style, was the last touch needed to make him the perfect picture of a soldier.	Раньше он был строен и белокож, теперь стал худ и смугл, а длинные кавалерийские усы придавали ему мужественный вид закаленного в боях красавца воина.
He stood with military straightness in his old uniform, his pistol in its worn holster, his battered scabbard smartly slapping his high boots, his tarnished spurs dully gleaming-Major Ashley Wilkes, C. S. A.	Он стоял - майор армии конфедератов Эшли Уилкс - подтянутый в своем видавшем виды мундире, с револьвером в порыжевшей кобуре на боку, кончик потертых ножен легонько постукивал о высокий сапог, исцарапанные шпоры тускло поблескивали.

The habit of command sat upon him now, a quiet air of self-reliance and authority, and grim lines were beginning to emerge about his mouth.	Привычка командовать уже оставила на нем свой отпечаток, придав его облику уверенный и властный вид и проложив жесткую складку в углах рта.
There was something new and strange about the square set of his shoulders and the cool bright gleam of his eyes.	Было что-то новое, непривычное в его осанке, в решительном развороте плеч, а в глазах появился чуждый ему прежде холодок.

Where he had once been lounging and indolent, he was now as alert as a prowling cat, with the tense alertness of one whose nerves are perpetually drawn as tight as the strings of a violin.	Мягкую непринужденную грацию движений сменила настороженность и быстрота дикого животного или человека, чьи нервы постоянно натянуты как струна.

In his eyes, there was a fagged, haunted look, and the sunburned skin was tight across the fine bones of his face- her same handsome Ashley, yet so very different.	И была при этом какая-то усталая опустошенность в его взгляде и суровость - в резких линиях скул и смуглых запавших щек... Он был по-прежнему красив, ее Эшли, но только стал совсем другим.

Scarlett had made her plans to spend Christmas at Tara, but after Ashley's telegram came no power on earth, not even a direct command from the disappointed Ellen, could drag her away from Atlanta.	Скарлетт собиралась поехать на святки домой, но когда пришла телеграмма от Эшли, никакая сила на земле; даже не допускающий возражений приказ Эллин не заставил бы ее покинуть Атланту.
Had Ashley intended going to Twelve Oaks, she would have hastened to Tara to be near him; but he had written his family to join him in Atlanta, and Mr. Wilkes and Honey and India were already in town.	Если бы Эшли решил провести отпуск в Двенадцати Дубах, она поспешила бы в Тару, чтобы быть ближе к нему, но Эшли написал своим, чтобы они приехали повидаться с ним в Атланту, и мистер Уилкс, Милочка и Индия были уже в городе.

Go home to Tara and miss seeing him, after two long years?	И теперь уехать домой и не увидеться с Эшли после двух лет разлуки?
Miss the heart-quickening sound of his voice, miss reading in his eyes that he had not forgotten her?	Не услышать его голоса, от которого так сладко замирает сердце? Не прочесть в его взгляде, что он ее не забыл?
Never!	Да никогда!
Not for all the mothers in the world.	Ни за что на свете, даже ради мамы!
Ashley came home four days before Christmas, with a group of the County boys also on furlough, a sadly diminished group since Gettysburg.	Эшли приехал домой за четыре дня до сочельника с небольшой компанией своих земляков, также отпущенных на побывку, совсем небольшой группой уцелевших после Геттисберга.

Cade Calvert was among them, a thin, gaunt Cade, who coughed continually, two of the Munroe boys, bubbling with the excitement of their first leave since 1861, and Alex and Tony Fontaine, splendidly drunk, boisterous and quarrelsome.	Среди них был Кэйд Калверт - исхудалый, измученный неуемным кашлем; братья Манро -пузырившиеся от радости, что получили наконец увольнительную, первую за три года, и Алекс и Тони Фонтейны - вдохновенно пьяные, шумные и задиристые.
The group had two hours to wait between trains and, as it was taxing the diplomacy of the sober members of the party to keep the Fontaines from fighting each other and perfect strangers in the depot, Ashley brought them all home to Aunt Pittypat's.	Всем им предстояло два часа ждать пересадки, и это подвергало серьезному испытанию изобретательность оставшихся трезвыми членов компании - как удержать братьев от драки друг с другом и с первым встречным на вокзале?

"You'd think they'd had enough fighting in Virginia," said Cade bitterly, as he watched the two bristle like game-cocks over who should be the first to kiss the fluttering and flattered Aunt Pitty.	И кончилось тем, что Эшли почел за лучшее взять их с собой к тетушке Питтипэт, - Казалось бы, в Виргинии у нас не было недостатка в драках, - с горечью сказал Кэйд Калверт, глядя на взъерошенных, как бойцовые петухи, братьев, первыми подошедших к ручке взбудораженной и польщенной тетушки Питти.
"But no.	- Так нет же.
They've been drunk and picking fights ever since we got to Richmond.	Не успели мы прибыть в Ричмонд, как они уже были пьяны в дым и каждую минуту лезли в драку.

The provost guard took them up there and if it hadn't been for Ashley's slick tongue, they'd have spent Christmas in jail."	Их тут же забрал патруль, и, не сумей Эшли дипломатично улестить начальника, просидели бы они все святки за решеткой.
But Scarlett hardly heard a word he said, so enraptured was she at being in the same room with Ashley again.	Но Скарлетт его почти не слушала - она не помнила себя от, радости, что Эшли снова здесь, рядом.
How could she have thought during these two years that other men were nice or handsome or exciting?	Как могло хоть раз за эти два года показаться ей, что кто-то из мужчин тоже красив, мил, обаятелен?

How could she have even endured hearing them make love to her when Ashley was in the world?	Как могла она допускать их ухаживания, когда на свете существует Эшли?
He was home again, separated from her only by the width of the parlor rug, and it took all her strength not to dissolve in happy tears every time she looked at him sitting there on the sofa with Melly on one side and India on the other and Honey hanging over his shoulder.	Вот он снова возле нее, их разделяет только этот ковер, и она готова была всякий раз расплакаться от счастья, когда бросала взгляд на кушетку, где он сидел с Мелани по одну руку, Индией по другую и Милочкой, прильнувшей сзади к его плечу.

If only she had the right to sit there beside him, her arm through his!	Ах, если бы и она имела право сидеть вот так, рядом с ним, просунув руку ему под локоть!
If only she could pat his sleeve every few minutes to make sure he was really there, hold his hand and use his handkerchief to wipe away her tears of joy. For Melanie was doing all these things, unashamedly.	Если бы она могла каждую минуту дотрагиваться до его рукава, чтобы еще и еще раз убедиться, что он действительно здесь, держать его за руку, смахивать его платком слезы радости, набегавшие на глаза, словом, делать все то, что Мелани, не стыдясь, проделывала при всех.

Too happy to be shy and reserved, she hung on her husband's arm and adored him openly with her eyes, with her smiles, her tears.	Радость заставила Мелани забыть свою сдержанность и застенчивость, она не выпускала руки мужа и открыто - взглядами, улыбкой, слезами - вся растворялась в любви к нему.
And Scarlett was too happy to resent this, too glad to be jealous.	А Скарлетт была так счастлива, что впервые в жизни не испытывала ревности.
Ashley was home at last!	Эшли возвратился домой!
Now and then she put her hand up to her cheek where he had kissed her and felt again the thrill of his lips and smiled at him.	Время от времени она прикладывала руку к щеке, еще хранившей прикосновение его губ, и улыбалась ему.

He had not kissed her first, of course.	Конечно, не ее он поцеловал первой.
Melly had hurled herself into his arms crying incoherently, holding him as though she would never let him go.	Мелли повисла у него на шее, лепеча что-то бессвязное и плача, сжимая его в объятиях, и казалось, она никогда уже больше не расцепит оплетавших его рук.
And then, India and Honey had hugged him, fairly tearing him from Melanie's arms.	А за ней и Милочка и Индия тоже повисли на нем, чуть не силой вырывая его из объятий супруги.

Then he had kissed his father, with a dignified affectionate embrace that showed the strong quiet feeling that lay between them. And then Aunt Pitty, who was jumping up and down on her inadequate little feet with excitement.	Потом Эшли почтительно и нежно обнял и поцеловал отца, к которому был искренне и глубоко привязан, затем тетушку Питти, подпрыгивавшую от волнения на месте на своих неправдоподобно крошечных ножках.

Finally he turned to her, surrounded by all the boys who were claiming their kisses, and said:	И тут наконец дошла очередь до Скарлетт, которую уже окружили все офицеры, добиваясь разрешения ее поцеловать.
"Oh, Scarlett!	- О, Скарлетт!
You pretty, pretty thing!" and kissed her on the cheek.	Вы прелестны, прелестны! - сказал Эшли и поцеловал ее в щеку.

With that kiss, everything she had intended to say in welcome took wings.	В это мгновение все, что она приготовилась сказать ему при встрече, вылетело у нее из головы.
Not until hours later did she recall that he had not kissed her on the lips.	И лишь много часов спустя возникла мысль о том, что Эшли не поцеловал ее в, губы.
Then she wondered feverishly if he would have done it had she met him alone, bending his tall body over hers, pulling her up on tiptoe, holding her for a long, long time.	И тогда она принялась лихорадочно гадать, как бы он поступил, если бы эта встреча произошла наедине. Наклонился бы к ней, приподнял чуть-чуть и держал бы так, долго-долго, прижав к себе?
And because it made her happy to think so, she believed that he would.	И оттого, что эта мысль наполняла ее счастьем, она поверила, что было бы именно так.

But there would be time for all things, a whole week!	Но впереди целая неделя, и все это еще может произойти!
Surely she could maneuver to get him alone and say:	Она сумеет улучить минутку, чтобы остаться с ним наедине. И тогда она спросит его:
"Do you remember those rides we used to take down our secret bridle paths?"	"Вы помните наши прогулки верхом по глухим тропинкам, которых не знал никто?

"Do you remember how the moon looked that night when we sat on the steps at Tara and you quoted that poem?" (Good Heavens! What was the name of that poem, anyway?) "Do you remember that afternoon when I sprained my ankle and you carried me home in your arms in the twilight?"	А помните, какая луна была в ту ночь, когда мы сидели на ступеньках Тары и вы читали мне эту поэму? (Ой, а как же, кстати, она называлась?) А помните, как я подвернула ногу и вы в сумерках несли меня домой на руках?"
Oh, there were so many things she would preface with	Да разве мало было такого, о чем она может начать разговор со слов:
"Do you remember?"	"А помните?.."

So many dear memories that would bring back to him those lovely days when they roamed the County like care- free children, so many things that would call to mind the days before Melanie Hamilton entered on the scene.	Какой рой воспоминаний можно пробудить в его душе о тех изумительных днях, когда они, беззабот- ные как дети, бродили по лесам и полям, о тех счастливых днях, когда Мелани Гамильтон еще не появлялась на сцене.

And while they talked she could perhaps read in his eyes some quickening of emotion, some hint that behind the barrier of husbandly affection for Melanie he still cared, cared as passionately as on that day of the barbecue when he burst forth with the truth.	И быть может, тогда ей удастся прочесть в его глазах отблеск возрождающегося чувства, который скажет ей, что, несмотря на преграду, ставшую между ними в лице Мелани, Он по-прежнему любит ее, любит так же пылко, как в тот далекий день помолвки, когда признание сорвалось с его губ.

It did not occur to her to plan just what they would do if Ashley should declare his love for her in unmistakable words.	Она не давала себе труда задуматься над тем, что же будет дальше - как они тогда должны поступить, если Эшли без обиняков признается ей в любви?

It would be enough to know that he did care...	Ей было бы достаточно этого признания... Да, она готова ждать.
Yes, she could wait, could let Melanie have her happy hour of squeezing his arm and crying.	Пусть Мелани плачет сейчас от счастья, сжимая его руку.
Her time would come.	Придет и ее час.
After all, what did a girl like Melanie know of love?	В конце концов, разве такая женщина, как Мелани, понимает что-нибудь в любви?
"Darling, you look like a ragamuffin," said Melanie when the first excitement of homecoming was over.	- Дорогой мой, - сказала Мелани, когда первое волнение улеглось. - Ты похож на оборванца.

"Who did mend your uniform and why did they use blue patches?"	Кто чинил тебе мундир и почему на нем синие заплаты?
"I thought I looked perfectly dashing," said Ashley, considering his appearance.	- А мне казалось, что у меня очень бравый вид, -сказал Эшли, оглядывая себя в зеркале.
"Just compare me with those rag-tags over there and you'll appreciate me more.	- Ты только сравни меня с этими бродягами, и я сразу подымусь в твоих глазах.
Mose mended the uniform and I thought he did very well, considering that he'd never had a needle in his hand before the war.	Мой мундир залатал Мози, по-моему, сделал это как нельзя более искусно, учитывая, что он до войны ни разу не держал в руках иголки.

About the blue cloth, when it comes to a choice between having holes in your britches or patching them with pieces of a captured Yankee uniform-well, there just isn't any choice.	Что касается синих заплат, то, когда приходится выбирать между дырками на штанах и кусочками ткани, вырезанными из формы поверженного врага, тут нет места для раздумий.
And as for looking like a ragamuffin, you should thank your stars your husband didn't come home barefooted.	А если я и похож на оборванца, благодари свою счастливую звезду, что твой супруг не пришел к тебе босиком.
Last week my old boots wore completely out, and I would have come home with sacks tied on my feet if we hadn't had the good luck to shoot two Yankee scouts.	На прошлой неделе мои сапоги окончательно развалились, и я явился бы домой, обмотав ноги мешковиной, если бы мы, на наше счастье, не подстрелили двух лазутчиков.

The boots of one of them fitted me perfectly."	Сапоги одного из них пришлись мне впору.
He stretched out his long legs in their scarred high boots for them to admire.	И он выглянул свои длинные ноги в поношенных сапогах, давая всем на них полюбоваться.
"And the boots of the other scout didn't fit me," said Cade.	- А сапоги другого лазутчика еле-еле на меня налезли, - сказал Кэйд.
"They're two sizes too small and they're killing me this minute.	- Они на целых два номера меньше, и я уже чувствую, скоро отдам в них богу душу.
But I'm going home in style just the same."	Но зато вернусь домой франтом.

"And the selfish swine won't give them to either of us," said Tony.	- И эта жадная свинья не захотел уступить их никому из нас, - сказал Тони.

"And they'd fit our small, aristocratic Fontaine feet perfectly.	- А нам, Фонтейнам, с нашими маленькими аристократическими ножками, они были бы в самый раз.
Hell's afire, I'm ashamed to face Mother in these brogans.	Ну как, разрази меня гром, появлюсь я перед матерью в этих опорках?
Before the war she wouldn't have let one of our darkies wear them."	До войны она никому из наших негров не позволила бы надеть такие.

"Don't worry," said Alex, eyeing Cade's boots. "We'll take them off of him on the train going home.	- Не огорчайся, - сказал Алекс, приглядываясь к сапогам Кэйда, - Мы стащим их с него в поезде, когда поедем домой.
I don't mind facing Mother but I'm da-I mean I don't intend for Dimity Munroe to see my toes sticking out."	Показаться матери в опорках - это еще куда ни шло, но дьявол.., прошу прощенья, мадам, я хотел сказать, что мне совсем не улыбается появиться перед Димити Манро в башмаках, из которых большие пальцы торчат наружу.
"Why, they're my boots. I claimed them first," said Tony, beginning to scowl at his brother; and Melanie, fluttering with	- Постой, но это же мои сапоги, я попросил их первый, - сказал Тони, мрачнея и поглядывая на брата с угрозой.

fear at the possibility of one of the famous Fontaine quarrels, interposed and made peace.	И тут Мелани, боясь, как бы спор не перерос в одну из знаменитых фонтейновских драк, вмешалась и положила конец распре.
"I had a full beard to show you girls," said Ashley, ruefully rubbing his face where half-healed razor nicks still showed.	- У меня была роскошная борода, которой я хотел похвалиться перед вами, дамы, - удрученно сказал Эшли, потирая щетинистый подбородок с не зажившими еще следами от порезов бритвой.
"It was a beautiful beard and if I do say it myself, neither Jeb Stuart nor Nathan Bedford Forrest had a handsomer one.	- Да, да, первоклассная борода, и уж если я говорю это сам, значит, можете мне поверить: ни борода Джефа Стюарта, ни борода Натана Бедфорда Форреста не шли ни в какое сравнение с моей.

But when we got to Richmond, those two scoundrels," indicating the Fontaines, "decided that as they were shaving their beards, mine should come off too.	Но когда мы прибыли в Ричмонд, эти негодяи, -он показал на Фонтейнов, - решили, что раз уж они сбрили бороды, значит, долой и мою.
They got me down and shaved me, and it's a wonder my head didn't come off along with the beard.	Они повалили меня и побрили силой, каким-то чудом не отхватив мне при этом головы.
It was only by the intervention of Evan and Cade that my mustache was saved."	И только вмешательство Звана и Кэйда спасло мои усы.

"Snakes, Mrs. Wilkes!	- Вот те на!
You ought to thank me.	Миссис Уилкс, вы должны быть мне благодарны.
You'd never have recognized him and wouldn't have let him in the door," said Alex.	Если бы не я, вы бы ни-почем не узнали вашего мужа и не пустили бы его даже на порог, - сказал Алекс.
"We did it to show our appreciation of his talking the provost guard out of putting us in jail.	- Мы ведь побрили его в благодарность за то, что он поговорил с начальником караула и вызволил нас из тюрьмы.

If you say the word, we'll take the mustache off for you, right now."	Вы только слово скажи-те, и я тотчас сбрею ему и усы в вашу честь.

"Oh, no, thank you!" said Melanie hastily, clutching Ashley in a frightened way, for the two swarthy little men looked capable of any violence.	- Нет, нет, благодарю вас, - поспешно сказала Мелани, испуганно цепляясь за Эшли, поскольку ей казалось, что эти два черных от загара паренька способны на любую отчаянную выходку.
"I think it's perfectly lovely."	- Мне очень нравятся его усы.
"That's love," said the Fontaines, nodding gravely at each other.	- Вот что значит любовь! - в один голос сказали оба Фонтейна, переглянулись и с глубокомысленным видом покачали головой.
When Ashley went into the cold to see the boys off to the depot in Aunt Pitty's carriage, Melanie caught Scarlett's arm.	Когда Эшли, взяв коляску тетушки Питти, поехал на вокзал проводить товарищей, Мелани взволнованно схватила Скарлетт за руку.

"Isn't his uniform dreadful?	- В каком ужасном состоянии у него форма!
Won't my coat be a surprise?	Как ты думаешь, он очень удивится, когда я преподнесу ему мундир?
Oh, if only I had enough cloth for britches too!"	Как жаль, что у меня не хватило материи и на бриджи!
That coat for Ashley was a sore subject with Scarlett, for she wished so ardently that she and not Melanie were bestowing it as a Christmas gift.	Упомянув о мундире, Мелани наступила Скарлетт на любимую мозоль. Ведь Скарлетт так бы хотелось самой преподнести Эшли этот рождественский подарок.

Gray wool for uniforms was now almost literally more priceless than rubies, and Ashley was wearing the familiar homespun.	Серое офицерское сукно ценилось теперь бук- вально на вес золота, и Эшли носил форму из до- мотканой шерсти.
Even butternut was now none too plentiful, and many of the soldiers were dressed in captured Yankee uniforms which had been turned a dark- brown color with walnut-shell dye.	Даже грубые сорта тка- ней стали редкостью, и многие солдаты надели снятую с пленных янки форму, перекрашенную в темно-коричневый цвет краской из ореха- вой скорлупы.

But Melanie, by rare luck, had come into possession of enough gray broadcloth to make a coat-a rather short coat but a coat just the same.	Но Мелани необычайно повезло - судьба послала ей серого сукна на мундир: чуть коротковатый, правда, но все же мундир.
She had nursed a Charleston boy in the hospital and when he died had clipped a lock of his hair and sent it to his mother, along with the scant contents of his pockets and a comforting account of his last hours which made no mention of the torment in which he died.	Работая в госпитале сиделкой, она ухаживала за одним юношей из Чарльстона и, когда он умер, отрезала у него прядь волос и послала его матери вместе со скудным содержанием карманов этого бедняги, прибавив от себя несколько строк о его последних часах и умолчав о перенесенных им страданиях.

A correspondence had sprung up between them and, learning that Melanie had a husband at the front, the mother had sent her the length of gray cloth and brass buttons which she had bought for her dead son.	Между женщинами завязалась переписка, и, узнав, что у Мелани муж на фронте, мать покойного послала ей приготовленный для сына кусок серого сукна вместе с медными пуговицами.
It was a beautiful piece of material, thick and warm and with a dull sheen to it, undoubtedly blockade goods and undoubtedly very expensive.	Это было великолепное сукно, плотное, шелковистое, явно контрабандное и явно очень дорогое.

It was now in the hands of the tailor and Melanie was hurrying him to have it ready by Christmas morning.	Сейчас оно уже находилось в руках портного, Который, подгоняемый Мелани, должен был закончить мундир к утру первого дня рождества.
Scarlett would have given anything to be able to provide the rest of the uniform, but the necessary materials were simply not to be had in Atlanta.	Скарлетт не пожалела бы никаких денег еще на один кусок материи, чтобы форма была полной, но в Атланте раздобыть что-либо подобное было невозможно.
She had a Christmas present for Ashley, but it paled in insignificance beside the glory of Melanie's gray coat.	Скарлетт тоже приготовила рождественский подарок для Эшли, но великолепие мундира затмевало его, делая просто жалким.

It was a small "housewife," made of flannel, containing the whole precious pack of needles Rhett had brought her from Nassau, three of her linen handkerchiefs, obtained from the same source, two spools of thread and a small pair of scissors.	Это был небольшой фланелевый мешочек с принадлежностями для починки обмундирования - двумя катушками ниток, маленькими ножницами и пачкой драгоценных иголок, привезенной Реттом из Нассау; к этому она присоединила три льняных носовых платка, полученных из того же источника.
But she wanted to give him something more personal, something a wife could give a husband, a shirt, a pair of gauntlets, a hat.	Но ей хотелось подарить Эшли что-нибудь более интимное, что-нибудь из таких вещей, какие только жены дарят мужьям: рубашку, перчатки, шляпу.

Oh, yes, a hat by all means.	Особенно шляпу.
That little flat-topped forage cap Ashley was wearing looked ridiculous.	Это маленькое плоское кепи выглядело так нелепо у него на голове!
Scarlett had always hated them.	Кепи вообще не нравились Скарлетт.
What if Stonewall Jackson had worn one in preference to a slouch felt? That didn't make them any more dignified looking.	Правда, Несокрушимый Джексон вместо широкополой шляпы тоже носил кепи, но от этого они не становились элегантней.

But the only hats obtainable in Atlanta were crudely made wool hats, and they were tackier than the monkey-hat forage caps.	Однако в Атланте продавались грубые войлочные шляпы, а они выглядели еще более нелепо-чем кепи.
When she thought of hats, she thought of Rhett Butler.	Мысль о шляпах заставила Скарлетт вспомнить про Ретта Батлера.
He had so many hats, wide Panamas for summer, tall beavers for formal occasions, hunting hats, slouch hats of tan and black and blue.	Вот у кого много шляп: широкополые летние, высокие касторовые для торжественных случаев, маленькие охотничьи шапочки и фетровые шляпы с широкими, мягкими полями -светло-коричневые, черные, голубые.

What need had he for so many when her darling Ashley rode in the	На что ему столько шляп?
rain with moisture dripping down his collar from the back of his cap?	А ее драгоценный Эшли ездит под дождем в этом своем кепи, и капли стекают ему за воротник!
"I'll make Rhett give me that new black felt of his," she decided.	"Я выпрошу у Ретта его новую черную фетровую шляпу, - решила она.
"And I'll put a gray ribbon around the brim and sew Ashley's wreath on it and it will look lovely."	- Обошью ее по краям серой лентой, вышью на тулье инициалы Эшли, и получится очень красиво".

She paused and thought it might be difficult to get the hat without some explanation.	Она задумалась на минуту. Это будет не так просто - выпросить у Ретта шляпу без всяких объяснений.
She simply could not tell Rhett she wanted it for Ashley.	Но не может же она сказать ему, что шляпа нужна ей для Эшли.
He would raise his brows in that nasty way he always had when she even mentioned Ashley's name and, like as not, would refuse to give her the hat.	Он поднимет брови с этим своим мерзким выражением, которое появляется у него на лице, стоит ей только упомянуть имя Эшли, и почти наверняка откажется выполнить ее просьбу.

Well, she'd make up some pitiful story about a soldier in the hospital who needed it and Rhett need never know the truth.	Не беда, она придумает какую-нибудь жалостливую историю про раненого из госпиталя, оставшегося без шляпы, а Ретту совсем не обязательно знать правду.
All that afternoon, she maneuvered to be alone with Ashley, even for a few minutes, but Melanie was beside him constantly, and India and Honey, their pale lashless eyes glowing, followed him about the house.	Весь день она использовала всевозможные уловки, чтобы улучить минуту и побыть с Эшли наедине, но Мелани не оставляла его ни на мгновение, да и Милочка и Индия ходили за ним по пятам по всему дому, и их бесцветные глаза под бесцветными ресницами сияли от счастья.

Even John Wilkes, visibly proud of his son, had no opportunity for quiet conversation with him.	Даже сам Джон Уилкс, явно гордившийся сыном, был лишен возможности спокойно потолковать с ним с глазу на глаз.
It was the same at supper where they all plied him with questions about the war.	Все это продолжалось и за ужином, когда Эшли буквально засыпали вопросами о войне.
The war!	О войне!
Who cared about the war?	Кому это интересно?
Scarlett didn't think Ashley cared very much for that subject either.	Скарлетт казалось, что и Эшли самому не хотелось углубляться в эту тему.

He talked at length, laughed frequently and dominated the conversation more completely than she had ever seen him do before, but he seemed to say very little.	Он говорил много, оживленно, часто смеялся и полностью завладел вниманием всех присутствующих, чего, как помнилось Скарлетт, никогда прежде не делал, но вместе с тем рассказывал о войне мало и скупо.
He told them jokes and funny stories about friends, talked gaily about makeshifts, making light of hunger and long marches in the rain, and described in detail how General Lee had looked when he rode by on the retreat from Gettysburg and questioned:	Он шутил, вспоминая забавные истории про своих товарищей, посмеивался над маскировками, с юмором описывал длинные переходы под дождем, с пустым желудком и очень живо изобразил, как выглядел генерал Ли, когда он, после поражения при Г еттисберге, появился перед ними на коне и вопросил:

"Gentlemen, are you Georgia troops?	"Вы все из Джорджии, джентльмены?
Well, we can't get along without you Georgians!"	Ну, без вас, джорджианцы, нам не преуспеть!"
It seemed to Scarlett that he was talking fervishly to keep them from asking questions he did not want to answer.	У Скарлетт мелькнула мысль, что Эшли так лихорадочно все говорит и говорит только для того, чтобы помешать задавать ему вопросы, на которые он не хочет отвечать.

When she saw his eyes falter and drop before the long, troubled gaze of his father, a faint worry and bewilderment rose in her as to what was hidden in Ashley's heart.	Когда она замечала, как он опускает глаза или отводит их в сторону под пристальным, встревоженным взглядом отца, в ее сердце тоже закрадывалась неясная тревога: почему Эшли такой, что у него на душе?
But it soon passed, for there was no room in her mind for anything except a radiant happiness and a driving desire to be alone with him.	Но эта Тревога тут же рассеивалась, ибо Скарлетт была слишком переполнена радостью и страстным желанием остаться с Эшли вдвоем.

That radiance lasted until everyone in the circle about the open fire began to yawn, and Mr. Wilkes and the girls took their departure for the hotel. Then as Ashley and Melanie and Pittypat and Scarlett mounted the stairs, lighted by Uncle Peter, a chill fell on her spirit.	Однако радость эта начала меркнуть, и Скарлетт почувствовала холодок в душе, когда все, собравшиеся в кружок у камина, стали понемногу зевать, и мистер Уилкс с дочерьми отбыл в гостиницу, а Эшли и Мелани, мисс Питтипэт и Скарлетт, предводительствуемые дядюшкой Питером со свечой в руке, поднялись по лестнице наверх.

Until that moment when they stood in the upstairs hall, Ashley had been hers, only hers, even if she had not had a private word with him that whole afternoon.	До этой минуты Скарлетт казалось, что Эшли принадлежит ей, только ей, хотя им и не удалось перемолвиться ни словом наедине.

But now, as she said good night, she saw that Melanie's cheeks were suddenly crimson and she was trembling. Her eyes were on the carpet and, though she seemed overcome with some frightening emotion, she seemed shyly happy.	Но когда они остановились, прощаясь, на галерее в холле, Скарлетт заметила, как Мелани вдруг вся залилась краской и у нее задрожали руки, словно от волнения или испуга, как она смущенно опустила глаза, а лицо ее сияло.
Melanie did not even look up when Ashley opened the bedroom door, but sped inside.	Она так и не подняла глаз, когда Эшли уже распахнул перед ней дверь спальни, - только быстро скользнула внутрь.

Ashley said good night abruptly, and he did not meet Scarlett's eyes either.	Эшли торопливо пожелал всем спокойной ночи и скрылся, не поглядев на Скарлетт.
The door closed behind them, leaving Scarlett open mouthed and suddenly desolate.	Дверь за ними захлопнулась, а Скарлетт все еще стояла в оцепенении, и ее внезапно охватило чувство безысходности.
Ashley was no longer hers.	Эшли больше не принадлежал ей.
He was Melanie's.	Теперь он принадлежит Мелани.

And as long as Melanie lived, she could go into rooms with Ashley and close the door-and close out the rest of the world.	И пока Мелани жива, он будет удаляться с ней в спальню и дверь за ними будет захлопываться, отъединяя их от всего мира.

Now Ashley was going away, back to Virginia, back to the long marches in the sleet, to hungry bivouacs in the snow, to pain and hardship and to the risk of all the bright beauty of his golden head and proud slender body being blotted out in an instant, like an ant beneath a careless heel.	И вот уже подошло время Эшли возвращаться назад в Виргинию - к долгим походам по раскисшим дорогам, к привалам на тощий желудок на снегу, к страданиям, лишениям и опасностям, - туда, где его стройное тело, его гордая белокурая голова в любое мгновение могли быть уничтожены, растоптаны, как букашки под чьей-то небрежной стопой.

The past week with its shimmering, dreamlike beauty, its crowded hours of happiness, was gone.	Неделя призрачного, мерцающего счастья, каждый час которой был прекрасен и наполнен до краев, осталась позади.

The week had passed swiftly, like a dream, a dream fragrant with the smell of pine boughs and Christmas trees, bright with little candles and home-made tinsel, a dream where minutes flew as rapidly as heartbeats.	Они пролетели быстро, эти дни, напоенные ароматом сосновых веток и рождественской елки, в трепетном свете елочных свечей, в сверкании блесток и мишуры, - пролетели как во сне, где каждая минута жизни равна одному сердцебиению.

Such a breathless week when something within her drove Scarlett with mingled pain and pleasure to pack and cram every minute with incidents to remember after he was gone, happenings which she could examine at leisure in the long months ahead, extracting every morsel of comfort from them-dance, sing, laugh, fetch and carry for Ashley, anticipate his wants, smile when he smiles, be silent when he	В эти головокружительные дни радость сплеталась с болью, и Скарлетт жадно старалась не упустить ни единого мгновения, чтобы потом, когда Эшли уже не будет с нею, из месяца в месяц перебирать их в памяти, черпая в них утешение, снова и снова вспоминать каждую мелочь: пение, смех, танцы, какие-то маленькие услуги, оказанные ею Эшли, его желания, предвосхищенные ею, улыбки в ответ на его улыбки, молчание, когда он говорит, а она следит за ним глазами, чтобы каждая линия его стройного тела;

She sat on the divan in the parlor, holding her going-away gift for him in her lap, waiting while he said good-by to Melanie, praying that when he did come down the stairs he would be alone and she might be granted by Heaven a few moments alone with him.	Скарлетт сидела на диване в гостиной, держа в руках свой прощальный подарок и жарко молясь богу, чтобы Эшли, распростившись с Мелани, спустился вниз один и небеса послали бы ей наконец хоть несколько мгновений с ним наедине.
Her ears strained for sounds from upstairs, but the house was oddly still, so still that even the sound of her breathing seemed loud.	Она напряженно ловила каждый доносившийся из верхних комнат звук, но дом был странно тих, и в этой тишине она слышала только свое громкое прерывистое дыхание.

Aunt Pittypat was crying into her pillows in her room, for Ashley had told her good-by half an hour before.	Тетушка Питти плакала, уткнувшись в подушку у себя в спальне: полчаса назад Эшли заходил к ней попрощаться.
No sounds of murmuring voices or of tears came from behind the closed door of Melanie's bedroom.	Из спальни Мелани сквозь плотно притворенную дверь не доносилось ни плача, ни приглушенных голосов.

It seemed to Scarlett that he had been in that room for hours, and she resented bitterly each moment that he stayed, saying good-by to his wife, for the moments were slipping by so fast and his time was so short.	Скарлетт казалось, что Эшли скрылся за этой дверью бог весть как давно, и горечь переполняла ее сердце, оттого что он так долго прощается с женой, когда мгновения летят неудержимо и так краток срок, остававшийся до его отъезда.
She thought of all the things she had intended to say to him during this week.	Она старалась вспомнить то, что готовилась сказать ему всю эту неделю.

But there had been no opportunity to say them, and she knew now that perhaps she would never have the chance to say them.	Но ей так и не удалось улучить минуту, чтобы перемолвиться с Ним словом наедине, и она понимала, что теперь, вероятно, такого случая уже не представится.
Such foolish little things, some of them:	Многое звучало так глупо в ее собственных ушах:
"Ashley, you will be careful, won't you?"	"Вы будете себя беречь, Эшли, обещаете?",

"Please don't get your feet wet.	"Смотрите не промочите ноги.
You take cold so easily."	Схватить простуду так легко",

"Don't forget to put a newspaper across your chest under your shirt. It keeps out the wind so well."	"Не забывайте обвертываться газетами под рубашкой, чтоб не продуло".
But there were other things, more important things she had wanted to say, much more important things she had wanted to hear him say, things she had wanted to read in his eyes, even if he did not speak them.	Но были ведь и другие, куда более важные слова, которые она хотела ему сказать и которые хотела от него услышать или хотя бы прочесть в его глазах, если он их не произнесет.
So many things to say and now there was no time!	Так много нужно сказать, а время истекает!

Even the few minutes that remained might be snatched away from her if Melanie followed him to the door, to the carriage block.	И даже оставшиеся несколько минут будут украдены у нее, если Мелани пойдет проводить его до дверей и потом до экипажа.
Why hadn't she made the opportunity during this last week?	А ведь минула целая неделя, и теперь эта возможность упущена!
But always, Melanie was at his side, her eyes caressing him adoringly, always friends and neighbors and relatives were in the house and, from morning till night, Ashley was never alone.	Но Мелани вечно находилась возле Эшли, не сводила с него исполненного обожания взора, дом был полон родственников, друзей, соседей, и никогда, с самого утра до поздней ночи, Эшли ни на минуту не был предоставлен самому себе.

Then, at night, the door of the bedroom closed and he was alone with Melanie.	А потом дверь спальни затворялась и он оставался там вдвоем с Мелани.
Never once during these last days had he betrayed to Scarlett by one look, one word, anything but the affection a brother might show a sister or a friend, a lifelong friend.	И ни разу за всю эту неделю ни единым словом, ни взглядом не выдал он себя, не дал Скарлетт понять, что питает к ней какие-либо иные чувства, кроме чисто братской любви и долголетней дружбы.
She could not let him go away, perhaps forever, without knowing whether he still loved her.	Она просто не могла допустить, что он уедет, быть может навсегда, а она так и не узнает, любит ли он ее по-прежнему.

Then, even if he died, she could nurse the warm comfort of his secret love to the end of her days.	Ведь даже если он будет убит, мысль о его любви Послужит ей тайной отрадой и утешением до конца ее дней.
After what seemed an eternity of waiting, she heard the sound of his boots in the bedroom above and the door opening and closing.	Прошла, казалось ей, вечность, и наконец она услышала в комнате у себя над головой шаги, затем шум отворившейся и захлопнувшейся двери.
She heard him coming down the steps.	Эшли спускался по лестнице.
Alone!	Один!
Thank God for that!	Господи, благодарю тебя!

Melanie must be too overcome by the grief of parting to leave her room.	Мелани, должно быть, так удручена горем, что не нашла в себе сил спуститься вниз.
Now she would have him for herself for a few precious minutes.	Сейчас несколько драгоценных мгновений он будет с ней один на один.

He came down the steps slowly, his spurs clinking, and she could hear the slap-slap of his saber against his high boots.	Он медленно спускался по лестнице, шпоры его позвякивали, сабля с глухим стуком ударялась о сапог.
When he came into the parlor, his eyes were somber.	Когда он вошел в гостиную, взгляд его был мрачен.

He was trying to smile but his face was as white and drawn as a man bleeding from an internal wound.	И хотя он попытался улыбнуться, такое напряжение было в его бледном, почти бескровном лице, словно он страдал от невидимой раны.
She rose as he entered, thinking with proprietary pride that he was the handsomest soldier she had ever seen.	При его появлении она встала. Мелькнула горделивая мысль о том, что он самый красивый воин на свете.
His long holster and belt glistened and his silver spurs and scabbard gleamed, from the industrious polishing Uncle Peter had given them.	Кобура, ремень, шпоры, ножны - все на нем блестело, усердно начищенное дядюшкой Питером.

His new coat did not fit very well, for the tailor had been hurried and some of the seams were awry.	Правда, новый мундир сидел не слишком ладно, так как портной спешил, и кое-какие швы выглядели криво.
The bright new sheen of the gray coat was sadly at variance with the worn and patched butternut trousers and the scarred boots, but if he had been clothed in silver armor he could not have looked more the shining knight to her.	Новое лоснящееся серое сукно мундира плачевно не гармонировало с вытертыми, залатанными грубошерстными бриджами и изношенными сапогами, но будь на нем даже серебряные доспехи, он все равно не стал бы от этого прекраснее в ее глазах.

"Ashley," she begged abruptly, "may I go to the train with you?"	- Эшли, - торопливо начала Скарлетт, - можно, я поеду проводить вас на вокзал?
"Please don't.	- Прошу вас, не надо.
Father and the girls will be there.	Меня провожают сестры и отец.
And anyway, I'd rather remember you saying good-by to me here than shivering at the depot.	И мне приятнее будет вспоминать, как мы попрощались здесь, чем в холодной сутолоке вокзала.
There's so much to memories."	А воспоминания - вещь драгоценная.
Instantly she abandoned her plan.	Она мгновенно отказалась от своего намерения.

If India and Honey who disliked her so much were to be present at the leave taking, she would have no chance for a private word.	Если Милочка и Индия, которые ее терпеть не могут, поедут его провожать, они, конечно, не дадут ей с ним поговорить.
"Then I won't go," she said.	- Тогда я не поеду, - сказала она.
"See, Ashley! I've another present for you."	- Но у меня есть для вас еще один подарок, Эшли.

A little shy, now that the time had come to give it to him, she unrolled the package. It was a long yellow sash, made of thick China silk and edged with heavy fringe. Rhett Butler had brought her a yellow shawl from Havana several months before, a shawl gaudily embroidered with birds and flowers in magenta and blue. During this last week, she had patiently picked out all the embroidery and cut up the square of silk and stitched it into a sash length.	Чуточку оробев теперь, когда настал момент вручить ему этот подарок, она развернула бумагу и достала длинный желтый кушак из плотного китайского шелка с тяжелой бахромой по концам Ретт Батлер несколько месяцев назад привез ей из Г аваны желтую шелковую шаль, пестро расшитую синими и красными цветами и птицами, и всю эту неделю она прилежно спарывала вышивку, а потом раскроила шаль и сшила из нее длинный кушак.

"Scarlett, it's beautiful!	- Скарлетт! Какой красивый кушак!
Did you make it yourself?	И это вы его сшили?
Then I'll value it all the more.	Тогда он мне дорог вдвойне.
Put it on me, my dear.	Повяжите меня им сами, дорогая.
The boys will be green with envy when they see me in the glory of my new coat and sash."	Все позеленеют от зависти, когда увидят меня в моем новом мундире да еще с таким кушаком!
She wrapped the bright lengths about his slender waist, above his belt, and tied the ends in a lover's knot.	Скарлетт обернула блестящую шелковую ленту вокруг его тонкой талии поверх кожаного ремня и завязала "узлом любви".

Melanie might have given him his new coat but this sash was her gift, her own secret guerdon for him to wear into battle, something that would make him remember her every time he looked at it.	Пусть новый мундир сшила ему Мелани, - этот кушак - ее тайный дар, дар Скарлетт.
She stood back and viewed him with pride, thinking that even Jeb Stuart with his flaunting sash and plume could not look so dashing as her cavalier.	Он наденет его, когда пойдет в бой, и кушак будет служить ему постоянным напоминанием о ней Отступив на шаг, она окинула Эшли восхищенным взглядом, гордясь им и думая, что даже Джеф Стюарт с его пером и развевающимися концами кушака не мог бы выглядеть столь ослепительно, как ее возлюбленный Эшли.

"It's beautiful," he repeated, fingering the fringe.	- Очень красиво, - повторил он, перебирая в пальцах бахрому.
"But I know you've cut up a dress or a shawl to make it.	- Но я догадываюсь, что вы пожертвовали для меня своим платком или шалью.
You shouldn't have done it, Scarlett.	Вы не должны были делать этого, Скарлетт.
Pretty things are too hard to get these days."	Изящные вещи теперь достать нелегко.
"Oh, Ashley, I'd-"	- О, Эшли, да я готова...
She had started to say:	Она хотела сказать:
"I'd cut up my heart for you to wear if you wanted it," but she finished,	"Если бы потребовалось, я бы вырвала сердце из груди, чтобы подарить вам!" - но сказала только:

"I'd do anything for you!"	- Я готова все для вас сделать!
"Would you?" he questioned and some of the somberness lifted from his face.	- Это правда? - спросил он, и лицо его просветлело.

"Then, there's something you can do for me, Scarlett, something that will make my mind easier when I'm away."	- А ведь вы действительно можете сделать для меня кое-что, Скарлетт, и это в какой-то мере снимет тяжесть с моей души, когда я буду далеко от вас.
"What is it?" she asked joyfully, ready to promise prodigies.	- Что же я должна сделать? - спросила она радостно, готовая сотворить любое чудо.
"Scarlett, will you look after Melanie for me?"	- Скарлетт, поберегите Мелани, пока меня не будет.

"Look after Melly?"	- Поберечь Мелани?
Her heart sank with bitter disappointment.	Сердце ее упало.
So this was something beautiful, something spectacular!	Разочарование было слишком велико Так вот какова его последняя просьба к ней, а она-то готова была пообещать ему что-то необычайное и прекрасное!
And then anger flared.	В ней вспыхнула злоба.
This moment was her moment with Ashley, hers alone.	В это мгновение Эшли должен был принадлежать ей, только ей.
And yet, though Melanie was absent, her pale shadow lay between them.	Мелани здесь не было, и все же ее бледная тень незримо стояла между ними.

How could he bring up her name in their moment of farewell?	Как мог он произнести имя Мелани в этот миг прощания?
How could he ask such a thing of her?	Как мог он отважиться на такую просьбу?
He did not notice the disappointment on her face.	Но он не прочел разочарования, написанного на ее лице.
As of old, his eyes were looking through her and beyond her, at something else, not seeing her at all.	Как прежде когда-то, он смотрел на нее, но словно бы ее не видел, - у него опять был этот странно отсутствующий взгляд.
"Yes, keep an eye on her, take care of her.	- Да, не оставляйте ее, позаботьтесь о ней.
She's so frail and she doesn't realize it.	Она такая хрупкая, а сама совсем этого не понимает.

She'll wear herself out nursing and sewing.	Она подорвет свои силы этой работой в госпитале, бесконечным шитьем.
And she's so gentle and timid.	А у нее ведь очень слабое здоровье, и она так застенчива.
Except for Aunt Pittypat and Uncle Henry and you, she hasn't a close relative in the world, except the Burrs in Macon and they're third cousins.	И, кроме тети Питтипэт, дяди Генри и вас, у нее совсем нет близких родственников, никого на всем белом свете, если не считать Бэрров, но они в Мейконе, и притом это троюродные братья и сестры.
And Aunt Pitty-Scarlett, you know she's like a child.	А тетя Питти - вы же знаете, Скарлетт, - она дитя.
And Uncle Henry is an old man.	И дядя Генри - старик.

Melanie loves you so much, not just because you were Charlie's wife, but because-well, because you're you and she loves you like a sister.	Мелани очень любит вас, и не только потому, что вы были женой Чарли, но и потому.., потому что вы - это вы. Она любит вас, как сестру.

Scarlett, I have nightmares when I think what might happen to her if I were killed and she had no one to turn to.	Скарлетт, я не сплю ночей, думая о том, что будет с Мелани, если меня убьют и ее некому будет поддержать!
Will you promise?"	Можете вы пообещать мне?

She did not even hear his last request, so terrified was she by those ill-omened words, "if I were killed."	Она даже не слышала вновь обращенной к ней просьбе - так испугали ее эти страшные слова:
Every day she had read the casualty lists, read them with her heart in her throat, knowing that the world would end if anything should happen to him.	"Если меня убьют".Изо дня в день читала она списки убитых и раненых, читала, их, холодея, чувствуя, что жизнь ее будет кончена, если, с Эшли что-нибудь случится.

But always, always, she had an inner feeling that even if the Confederate Army were entirely wiped out, Ashley would be spared.	Но никогда, никогда не покидала ее внутренняя уверенность в том, что даже в случае полного разгрома армии конфедератов судьба будет милостива к Эшли.
And now he had spoken the frightful words!	И вдруг он произнес сейчас эти страшные слова!
Goose bumps came out all over her and fear swamped her, a superstitious fear she could not combat with reason.	Мурашки побежали у нее по спине, и страх, неподвластный рассудку суеверный страх обуял ее.

She was Irish enough to believe in second sight, especially where death premonitions were concerned, and in his wide gray eyes she saw some deep sadness which she could only interpret as that of a man who has felt the cold finger on his shoulder, has heard the wail of the Banshee.	Вера в предчувствия, особенно в предчувствие смерти, унаследованная от ирландских предков, пробудилась в ней, а в широко раскрытых серых глазах Эшли она прочла такую глубокую грусть -словно, казалось ей, он уже ощущал присутствие смерти у себя за плечом и слышал леденящий душу вопль Бэнши - привидения-плакальщика из ирландских народных сказаний.
"You mustn't say it!	- Вы не должны говорить о смерти!
You mustn't even think it.	Даже думать так вы не должны!

It's bad luck to speak of death!	Это дурная примета!
Oh, say a prayer, quickly!"	Скорее прочтите молитву!
"You say it for me and light some candles, too," he said, smiling at the frightened urgency in her voice.	- Нет, это вы помолитесь за меня и поставьте свечу, - сказал он, улыбнувшись в ответ на ее испуганную пылкую мольбу.
But she could not answer, so stricken was she by the pictures her mind was drawing, Ashley lying dead in the snows of Virginia, so far away from her.	Но она была так потрясена ужасными картинами, нарисованными ее воображением, что не могла вымолвить ни слова. Она видела Эшли мертвым, на снегу, где-то там далеко, далеко, на полях Виргинии.

He went on speaking and there was a quality in his voice, a sadness, a resignation, that increased her fear until every vestige of anger and disappointment was blotted out.	А он продолжал говорить, и такая печаль и обреченность были в его голосе, что страх ее еще возрос, заслонив все - и гнев и разочарование.
"I'm asking you for this reason, Scarlett.	- Но ведь именно потому я и обращаюсь к вам с просьбой, Скарлетт.
I cannot tell what will happen to me or what will happen to any of us.	Я не знаю, что будет со мной, что будет с каждым из нас.

But when the end comes, I shall be far away from here, even if I am alive, too far away to look out for Melanie."	Но когда наступит конец, я буду далеко и, если даже останусь жив, не смогу ничего сделать для Мелани.
"The-the end?"	- Когда.., когда наступит конец?
"The end of the war- and the end of the world."	- Да, конец войны.., и конец нашего мира.
"But Ashley, surely you can't think the Yankees will beat us?	- Но, Эшли, не думаете же вы, что янки нас побьют?
All this week you've talked about how strong General Lee-"	Всю эту неделю вы говорили нам, как непобедим генерал Ли...
"All this week I've talked lies, like all men talk when they're on furlough.	- Всю эту неделю я говорил неправду, как говорят ее все офицеры, находящиеся в отпуску.

Why should I frighten Melanie and Aunt Pitty before there's any need for them to be frightened?	Зачем я буду раньше времени пугать Мелани и тетю Питти?
Yes, Scarlett, I think the Yankees have us.	Да, Скарлетт, я считаю, что янки взяли нас за горло.
Gettysburg was the beginning of the end.	Геттисберг был началом конца.
The people back home don't know it yet.	В тылу об этом еще не знают.
They can't realize how things stand with us, but-Scarlett, some of my men are barefooted now and the snow is deep in Virginia.	Здесь не понимают, как обстоит дело на фронте, но многие наши солда-ты уже сейчас без сапог, Скарлетт, а зимой снег в Виргинии глубок.

And when I see their poor frozen feet, wrapped in rags and old sacks, and I see the blood prints they leave in the snow, and know that I've got a whole pair of boots-well, I feel like I should give mine away and be barefooted too."	И когда я вижу их об-мороженные ноги, обернутые меш-ковиной и тряпками, и кровавые следы на сне-гу, в то время как на мне пара крепких сапог, я чувствую, что должен отдать кому-нибудь из них свои сапоги и тоже ходить босиком.
"Oh, Ashley, promise me you won't give them away!"	- Ох, Эшли, пообещайте мне, что вы этого не сде-лаете!
"When I see things like that and then look at the Yankees-then I see the end of everything.	- Когда я все это вижу, а потом смотрю на янки, я понимаю, что всему конец.

Why Scarlett, the Yankees are buying soldiers from Europe by the thousands!	Янки, Скарлетт, нанимают себе солдат в Европе тысячами.
Most of the prisoners we've taken recently can't even speak English.	Большинство солдат, взятых нами в плен в последние дни, не знают ни слова по-английски.
They're Germans and Poles and wild Irishmen who talk Gaelic.	Это немцы, поляки и неистовые ирландцы, изъясняющиеся на гаэльском языке.
But when we lose a man, he can't be replaced.	А когда мы теряем солдата, нам уже некого поставить на его место.
When our shoes wear out, there are no more shoes.	И когда у нас разваливаются сапоги, нам негде взять новые.

We're bottled up, Scarlett.	Нас загнали в щель, Скарлетт.
And we can't fight the whole world."	Мы не можем сражаться со всем светом.

She thought wildly: Let the whole Confederacy crumble in the dust.	Неистовые мысли вихрем проносились в голове Скарлетт "Пропади она пропадом. Конфедерация!
Let the world end, but you must not die!	Пусть рушится весь мир, лишь бы вы были живы, Эшли!
I couldn't live if you were dead!	Если вас убьют, я умру!" - Я надеюсь, Скарлетт, что вы не передадите никому моих слов.
"I hope you will not repeat what I have said, Scarlett.	Я не хочу вселять в людей тревогу.

I do not want to alarm the others. And, my dear, I would not have alarmed you by saying these things, were it not that I had to explain why I ask you to look after Melanie.	Я бы никогда не позволил себе встревожить и вас, моя дорогая, но я должен был объяснить, почему я прошу вас позаботиться о Мелани.
She's so frail and weak and you're so strong, Scarlett.	Она такая слабенькая, хрупкая, а вы такая сильная, Скарлетт.
It will be a comfort to me to know that you are together if anything happens to me.	Для меня будет большим утешением знать, что вы не оставите ее, если со мной что-нибудь случится.
You will promise, won't you?"	Вы обещаете мне?

"Oh, yes!" she cried, for at that moment, seeing death at his elbow, she would have promised anything.	- Обещаю! - воскликнула она. В это мгновение, когда ей показалось, что смерть стоит за его плечом, она готова была пообещать ему все, чего бы он ни попросил.
"Ashley, Ashley! I can't let you go away!	- Но, Эшли, Эшли, я не могу расстаться с вами!
I simply can't be brave about it!"	Я не могу быть мужественной!
"You must be brave," he said, and his voice changed subtly.	- Вы должны быть мужественной, - сказал он, и какой-то новый, едва уловимый оттенок почудился ей в его словах.
It was resonant, deeper, and his words fell swiftly as though hurried with some inner urgency.	Голос его стал глуше, и он говорил торопливее, словно владевшее им внутреннее напряжение спешило излиться в мольбе.

"You must be brave.	- Вы должны быть мужественны.
For how else can I stand it?"	Иначе где же мне взять силы все выдержать?
Her eyes sought his face quickly and with joy, wondering if he meant that leaving her was breaking his heart, even as it was breaking hers.	Она пытливо и обрадованно вглядывалась в его лицо, ища в нем подтверждения тому, что и его тоже убивает разлука с ней и у него тоже сердце рвется на части.
His face was as drawn as when he came down from bidding Melanie good-by, but she could read nothing in his eyes.	Но лицо его оставалось таким же замкнутым и напряженным, как в ту минуту, когда он появился на лестнице после прощания с Мелани, и она ничего не могла прочесть в его глазах.

He leaned down, took her face in his hands, and kissed her lightly on the forehead.	Он наклонился, сжал ее лицо в своих ладонях и легко коснулся губами лба.
"Scarlett!	- Скарлетт!
Scarlett!	Скарлетт!
You are so fine and strong and good.	Вы так прекрасны, так добры и так сильны!

So beautiful, not just your sweet face, my dear, but all of you, your body and your mind and your soul." "Oh, Ashley," she whispered happily, thrilling at his words and his touch on her face.	Прекрасно не только ваше милое личико. В вас все совершенно - ум, тело, душа - О, Эшли! -пролепетала она, блаженно затрепетав от прикосновения его рук, от его слов.
"Nobody else but you ever-"	- Вы, один только вы на всем свете...

"I like to think that perhaps I know you better than most people and that I can see beautiful things buried deep in you that others are too careless and too hurried to notice."	- Я, мне кажется, знаю вас лучше, чем другие, - во всяком случае, мне приятно так думать, - и вижу то прекрасное, что скрыто в вас, но ускользает от внимания тех, кто привык судить слишком поверхностно или слишком поспешно.
He stopped speaking and his hands dropped from her face, but his eyes still clung to her eyes.	Он умолк, руки его упали, но взгляд был прикован к ее лицу.
She waited a moment, breathless for him to continue, a-tiptoe to hear him say the magic three words.	Затаив дыхание, чуть привстав от напряжения на цыпочки, она ждала. Ждала, что он произнесет три магических слова.

But they did not come.	Но он молчал.
She searched his face frantically, her lips quivering, for she saw he had finished speaking.	Она лихорадочно впивалась взглядом в его лицо, губы ее дрожали... Она поняла, что больше он не прибавит ничего.
This second blighting of her hopes was more than heart could bear and she cried	Этого вторичного крушения всех ее надежд она уже не могла вынести.
"Oh!" in a childish whisper and sat down, tears stinging her eyes.	- Ох, ну вот! - пролепетала она совсем по-детски и упала на стул. Слезы брызнули у нее из глаз.

Then she heard an ominous sound in the driveway, outside the window, a sound that brought home to her even more sharply the imminence of Ashley's departure.	И тут она услышала зловещий шум за окном, который безжалостно подтвердил ей неизбежность предстоящей разлуки.
A pagan hearing the lapping of the waters around Charon's boat could not have felt more desolate.	Так язычник, заслышав плеск воды под веслами ладьи Харона, проникается чувством безмерного отчаяния и обреченности.
Uncle Peter, muffled in a quilt, was bringing out the carriage to take Ashley to the train.	Дядюшка Питер, закутавшись в одеяло, подогнал к крыльцу коляску, чтобы отвезти Эшли на вокзал.

Ashley said "Good-by," very softly, caught up from the table the wide felt hat she had inveigled from Rhett and walked into the dark front hall.	- Прощайте! - тихо произнес Эшли, взял со стола широкополую фетровую шляпу, которую ей всеми правдами и неправдами удалось раздобыть у Ретта, и шагнул в погруженный во мрак холл.
His hand on the doorknob, he turned and looked at her, a long, desperate look, as if he wanted to carry away with him every detail of her face and figure.	На пороге он обернулся и поглядел на нее долгим, почти исступленным взглядом, словно стремясь запечатлеть весь се облик до мельчайших деталей и унести с собой.

Through a blinding mist of tears she saw his face and with a strangling pain in her throat she knew that he was going away, away from her care, away from the safe haven of this house, and out of her life, perhaps forever, without having spoken the words she so yearned to hear.	Она видела его лицо сквозь туманную завесу слез, в горле у нее стоял комок. Она понимала, что он уходит, уходит от нее, от ее забот о нем, из спасительной гавани этого дома, из ее жизни, уходит, быть может, навсегда, так и не сказав ей тех слов, которых она столь страстно ждала.

Time was going by like a mill race, and now it was too late.	Дни промелькнули один за другим, словно лопасти мельничного колеса под неотвратимым напором воды, и теперь было уже поздно.

She ran stumbling across the parlor and into the hall and clutched the ends of his sash.	Спотыкаясь, как слепая, бросилась она через всю гостиную в холл и вцепилась в концы его кушака.
"Kiss me," she whispered.	- Поцелуйте меня! - прошептала она.
"Kiss me good-by."	- Поцелуйте меня на прощание.
His arms went around her gently, and he bent his head to her face.	Его руки мягко обхватили ее плечи, его голова склонилась к ее лицу.
At the first touch of his lips on hers, her arms were about his neck in a strangling grip.	Она ощутила прикосновение его губ к своим губам и крепко обвила руками его шею.

For a fleeting immeasurable instant, he pressed her body close to his.	На какой-то краткий, быстротечный миг он с силой прижал ее к себе.
Then she felt a sudden tensing of all his muscles. Swiftly, he dropped the hat to the floor and, reaching up, detached her arms from his neck.	Она почувствовала, как напряглось его тело Затем, выронив из рук шляпу, он расцепил обвивавшие его шею руки.
"No, Scarlett, no," he said in a low voice, holding her crossed wrists in a grip that hurt.	- Нет, Скарлетт, не надо, - глухо произнес он и так стиснул ее запястья, что ей стало больно.
"I love you," she said choking.	- Я люблю вас, - задыхаясь, пробормотала она.
"I've always loved you.	- Я всегда любила только вас.

I've never loved anybody else.	Никогда никого больше не любила.
I just married Charlie to-to try to hurt you.	Я вышла замуж за Чарльза просто.., просто вам назло.
Oh, Ashley, I love you so much I'd walk every step of the way to Virginia just to be near you!	О, Эшли, я люблю вас! Я готова идти пешком в Виргинию, лишь бы быть возле вас!
And I'd cook for you and polish your boots and groom your horse- Ashley, say you love me!	Я бы стряпала для вас, и чистила бы вам сапоги, и ухаживала бы за вашей лошадью... О, Эшли, скажите, что вы любите меня!
I'll live on it for the rest of my life!"	Я буду жить этим, пока не умру!

He bent suddenly to retrieve his hat and she had one glimpse of his face.	Он наклонился, поднял шляпу, и она увидела его лицо.
It was the unhappiest face she was ever to see, a face from which all aloofness had fled.	Вся его отчужденность, замкнутость исчезли. Это было самое несчастное лицо на свете.
Written on it were his love for and joy that she loved him, but battling them both were shame and despair.	Она поняла, что он любит ее и ее любовь дает ему радость и повергает его в безмерное отчаяние и стыд.
"Good-by," he said hoarsely.	- Прощайте, - хрипло проговорил он.
The door clicked open and a gust of cold wind swept the house, fluttering the curtains.	Скрипнула отворенная дверь, порыв ледяного ветра ворвался в дом, колыхнув занавески на окнах.

Scarlett shivered as she watched him run down the walk to the carriage, his saber glinting in the feeble winter sunlight, the fringe of his sash dancing jauntily.	По телу Скарлетт пробежала дрожь. Она смотрела Эшли вслед: он бегом направился к коляске, его сабля тускло поблескивала в лучах бледного зимнего солнца, концы кушака весело развевались на ветру.
CHAPTER XVI	Глава 16
January and February of 1864 passed, full of cold rains and wild winds, clouded by pervasive gloom and depression.	Миновали январь и февраль с холодными дождями, резким пронизывающим ветром и все растущей безнадежностью и унынием в сердцах.
In addition to the defeats at Gettysburg and Vicksburg, the center of the Southern line had caved.	После поражения при Геттисберге и Виксберге линия фронта армии южан была прорвана в центре.

After hard fighting, nearly all of Tennessee was now held by the Union troops.	С упорными боями войска северян заняли почти весь штат Теннесси.
But even with this loss on the top of the others, the South's spirit was not broken.	Но даже это новое поражение не сломило духа южан.
True, grim determination had taken the place of high-hearted hopes, but people could still find a silver lining in the cloud.	Беспечная заносчивость уступила место угрюмой решимости, и конфедераты по-прежнему продолжали утверждать, что нет, дескать, худа без добра.

For one thing, the Yankees had been stoutly repulsed in September when they had tried to follow up their victories in Tennessee by an advance into Georgia.	Ведь дали же северянам крепко по шее, когда они в сентябре попытались закрепить свою победу в Теннесси прорывом в Джорджию.
Here in the northwesternmost corner of the state, at Chickamauga, serious fighting had occurred on Georgia soil for the first time since the war began.	Здесь, в северо-западном углу штата, под Чикимаугой, впервые за всю войну произошло большое сражение уже на земле Джорджии.

The Yankees had taken Chattanooga and then had marched through the mountain passes into Georgia, but they had been driven back with heavy losses.	Янки заняли Чаттанугу и горными тропами вторглись в Джорджию, но были отброшены назад и понесли большие потери.
Atlanta and its railroads had played a big part in making Chickamauga a great victory for the South.	Атланта со своими железными дорогами сыграла немалую роль в этой знаменитой победе южан при Чикимауге.
Over the railroads that led down from Virginia to Atlanta and then northward to Tennessee, General Longstreet's corps had been rushed to the scene of the battle.	По железным дорогам, ведущим из Виргинии в Атланту и оттуда дальше на север в Теннесси, войска генерала Лонгстрита были переброшены к местам сражений.

Along the entire route of several hundred miles, the tracks had been cleared and all the available rolling stock in the Southeast had been assembled for the movement.	На протяжении сотен миль железнодорожный путь был очищен от всех гражданских перевозок, и весь подвижной состав юго-востока был использован для военных нужд.
Atlanta had watched while train after train rolled through the town, hour after hour, passenger coaches, box cars, flat cars, filled with shouting men.	Атланта наблюдала, как через город за часом час и за составом состав проходили поезда с пассажирскими вагонами, товарными вагонами и платформами, загруженными шумными, распевающими песни солдатами.

They had come without food or sleep, without their horses, ambulances or supply trains and, without waiting for the rest, they had leaped from the trains and into the battle.	Они ехали без пищи и без сна, без своих лошадей, без продовольственных и санитарных служб и прямо из вагонов, без малейшей передышки шли в бой.
And the Yankees had been driven out of Georgia, back into Tennessee.	И янки были отброшены из Джорджии назад в Теннесси.

It was the greatest feat of the war, and Atlanta took pride and personal satisfaction in the thought that its railroads had made the victory possible.	Это была огромная победа, и жители Атланты с удовлетворением и гордостью сознавали, что их железные дороги сделали эту победу возможной.
But the South had needed the cheering news from Chickamauga to strengthen its morale through the winter.	Юг с нетерпением ждал хороших вестей на Чикамауги - они были нужны позарез, чтобы не потерять бодрости духа предстоящей зимой.
No one denied now that the Yankees were good fighters and, at last, they had good generals.	Теперь уже никто не стал бы отрицать, что янки умеют драться и у них, что ни говори, хорошие полководцы.

Grant was a butcher who did not care how many men he slaughtered for a victory, but victory he would have.	Грант был настоящий мясник, ему было наплевать, сколько он уложит солдат, лишь бы одержать победу, но победы он одерживал.
Sheridan was a name to bring dread to Southern hearts.	Имя Шеридана вселяло страх в сердца южан.
And, then, there was a man named Sherman who was being mentioned more and more often.	И наконец, существовал еще один человек, некто Шерман, чье имя упоминалось все чаще и чаще.

He had risen to prominence in the campaigns in Tennessee and the West, and his reputation as a determined and ruthless fighter was growing.	О нем заговорили во время сражений в Теннесси и на Западе, и слава о нем, как о решительном и беспощадном воине, росла.
None of them, of course, compared with General Lee.	Ни один из них, разумеется, не мог сравниться с генералом Ли.
Faith in the General and the army was still strong.	Вера в генерала и его войско была по-прежнему крепка.
Confidence in ultimate victory never wavered.	Уверенность в конечной победе непоколебима.
But the war was dragging out so long.	Но война слишком затянулась.

There were so many dead, so many wounded and maimed for life, so many widowed, so many orphaned.	Слишком много полег- ло на поле боя, слишком много было раненых, ка- лек, слишком много вдов, сирот.
And there was still a long struggle ahead, which meant more dead, more wounded, more widows and orphans.	А впереди еще долгая, же- стокая битва, и значит -будут еще убитые, еще раненые, еще вдовы и си- роты.
To make matters worse, a vague distrust of those in high places had begun to creep over the civilian population.	И в довершение всех бед среди гражданского насе- ления стало проявляться недоверие к власть иму- щим.

Many newspapers were outspoken in their denunciation of President Davis himself and the manner in which he prosecuted the war.	Некоторые газеты уже открыто выражали свое недовольство президентом Дэвисом и его планом ведения войны.
There were dissensions within the Confederate cabinet, disagreements between President Davis and his generals.	Внутри правительства Конфедерации существовали разногласия, между президентом Дэвисом и генералами происходили трения.

The currency was falling rapidly.	Стремительно росла инфляция.

Shoes and clothing for the army were scarce, ordnance supplies and drugs were scarcer.	Армии не хватало мундиров и сапог, а медикаментов и амуниции и подавно.
The railroads needed new cars to take the place of old ones and new iron rails to replace those torn up by the Yankees.	Железным дорогам требовались новые вагоны взамен старых и новые рельсы взамен взорванных противником.
The generals in the field were crying out for fresh troops, and there were fewer and fewer fresh troops to be had.	Генералы посылали с поля боя депеши, требуя свежих пополнений, а их становилось все меньше и меньше.

Worst of all, some of the state governors, Governor Brown of Georgia among them, were refusing to send state militia troops and arms out of their borders.	И тут еще как на грех некоторые губернаторы штатов - и в том числе губернатор Джорджии Браун - отказались посылать войска милиции за пределы штата.
There were thousands of able-bodied men in the state troops for whom the army was frantic, but the government pleaded for them in vain.	Эти войска насчитывали тысячи боеспособных солдат, в; которых остро нуждалась армия, но правительство тщетно пыталось их получить.
With the new fall of currency, prices soared again.	Новое падение стоимости доллара повлекло за собой новое повышение цен.

Beef, pork and butter cost thirty-five dollars a pound, flour fourteen hundred dollars a barrel, soda one hundred dollars a pound, tea five hundred dollars a pound.	Г овядина, свинина и сливочное масло стоили уже тридцать пять долларов фунт, мука - тысячу четыреста долларов мешок, сода - сто долларов фунт, чай - пятьсот долларов фунт.
Warm clothing, when it was obtainable at all, had risen to such prohibitive prices that Atlanta ladies were lining their old dresses with rags and reinforcing them with newspapers to keep out the wind.	А теплая одежда в тех случаях, когда ее удавалось раздобыть, продавалась уже по таким недоступным ценам, что жительницы Атланты, чтобы защититься от ветра, утепляли свою старую одежду с помощью тряпок и газет.

Shoes cost from two hundred to eight hundred dollars a pair, depending on whether they were made of "cardboard" or real leather.	Ботинки стоили от двухсот до восьмисот долларов пара - в зависимости от того, были ли они из настоящей кожи или из искусственной, получившей название "картона".
Ladies now wore gaiters made of their old wool shawls and cut-up carpets.	Дамы носили гетры, сшитые из старых шалей или ковриков.
The soles were made of wood.	Подметки делались из дерева.

The truth was that the North was holding the South in a virtual state of siege, though many did not realize it.	В сущности, Север держал Юг в осадном положении, хотя не все еще отчетливо это понимали.
The Yankee gunboats had tightened the mesh at the ports and very few ships were now able to slip past the blockade.	Американские канонерки туго затянули петлю на горле всех южных портов, и крайне редко какому-нибудь судну удавалось прорвать блокаду.
The South had always lived by selling cotton and buying the things it did not produce, but now it could neither sell nor buy.	Южные штаты всегда жили за счет продажи своего хлопка, покупая на вырученные деньги все, чего не производили сами. Теперь они не могли ни продавать, ни покупать.

Gerald O'Hara had three years' crops of cotton stored under the shed near the gin house at Tara, but little good it did him.	У Джералда О'Хара в Таре под навесами возле хлопкоочистительной фабрики скопился урожай хлопка за три года, но толку от этого было мало.

In Liverpool it would bring one hundred and fifty thousand dollars, but there was no hope of getting it to Liverpool.	Сто пятьдесят тысяч долларов выручил бы он за него в Ливерпуле, но надежды вывезти его в Ливерпуль не было никакой.

Gerald had changed from a wealthy man to a man who was wondering how he would feed his family and his negroes through the winter.	Джералд, уже привыкший считать себя человеком богатым, теперь задумывался над тем, как ему прокормить семью и своих рабов до конца зимы.
Throughout the South, most of the cotton planters were in the same fix.	И большинство южных плантаторов находились в столь же трудном положении.
With the blockade closing tighter and tighter, there was no way to get the South's money crop to its market in England, no way to bring in the necessaries which cotton money had brought in years gone by.	Петля блокады затягивалась все туже и туже, лишая южан возможности сбывать свое белое золото на английском рынке и ввозить на вырученные деньги все, в чем была нужда.

And the agricultural South, waging war with the industrial North, was needing so many things now, things it had never thought of buying in times of peace.	А земледельческий Юг, ведя войну с индустриальным Севером, нуждался теперь во многом - в таких вещах, покупать которые он никогда и не помышлял в мирные дни.
It was a situation made to order for speculators and profiteers, and men were not lacking to take advantage of it.	Все это создавало исключительно благоприятные условия для барышников и спекулянтов, и они не преминули ими воспользоваться.
As food and clothing grew scarcer and prices rose higher and higher, the public outcry against the speculators grew louder and more venomous.	По мере того как пища и одежда становились все менее доступными, а цены росли, общественное возмущение спекулянтами выражалось все громче и озлобленней.

In those early days of 1864, no newspaper could be opened that did not carry scathing editorials denouncing the speculators as vultures and bloodsucking leeches and calling upon the government to put them down with a hard hand.	В первые месяцы 1864 года не выходило ни одной газеты, в которой не было бы передовой статьи, полной уничижительных нападок на спекулянтов - этих стервятников, этих кровопийц - и призывающей правительство разделаться с ними твердой, рукой.
The government did its best, but the efforts came to nothing, for the government was harried by many things.	Правительство старалось как могло, но все его усилия оставались бесплодными, ибо у правительства и без того хлопот был полон рот.

Against no one was feeling more bitter than against Rhett Butler.	Но никто не подвергался Таким ожесточенным нападкам, как Ретт Батлер.
He had sold his boats when blockading grew too hazardous, and he was now openly engaged in food speculation.	Когда борьба с блокадой стала делом слишком опасным, он продал своя суда и открыто занялся спекуляцией продовольствием.
The stories about him that came back to Atlanta from Richmond and Wilmington made those who had received him in other days writhe with shame.	Слухи о его деятельности в Ричмонде и Уилмингтоне доходили до Атланты и заставляли всех, кто принимал его когда-то в своих гостиных, сгорать со стыда.

In spite of all these trials and tribulations, Atlanta's ten thousand population had grown to double that number during the war.	И все же, невзирая на эти невзгоды и треволнения, население Атланты, насчитывавшее до войны десять тысяч, увеличилось за эти годы вдвое.
Even the blockade had added to Atlanta's prestige.	И даже сама блокада в какой-то мере содействовала повышению престижа Атланты.

From time immemorial, the coast cities had dominated the South, commercially and otherwise.	Прибрежные города с незапамятных времен занимали господствующее положение на Юге -как по части торговли, так и во всех прочих отношениях.

But now with the ports closed and many of the port cities captured or besieged, the South's salvation depended upon itself.	Однако после того, как южные порты были блокированы и многие портовые города захвачены противником или подвергнуты осаде. Юг уже не мог ждать спасения ни от кого - ему оставалось рассчитывать только на самого себя.
The interior section was what counted, if the South was going to win the war, and Atlanta was now the center of things.	Для победы в войне многое теперь зависело от положения во внутренних территориях Юга, и в центре событий оказалась Атланта.

The people of the town were suffering hardship, privation, sickness and death as severely as the rest of the Confederacy; but Atlanta, the city, had gained rather than lost as a result of the war.	Население Атланты переносило не менее тяжкие лишения, чем жители всех других областей Конфедерации, так же жестоко страдало от болезней и вымирало, но значение самого города в результате войны не упало, а возросло.
Atlanta, the heart of the Confederacy, was still beating full and strong, the railroads that were its arteries throbbing with the never-ending flow of men, munitions and supplies.	Сердце Конфедерации - город Атланта - билось надежно и сильно, и по его железным дорогам -артериям страны - продолжал безостановочно литься поток составов с рекрутами, снаряжением, провиантом.

In other days, Scarlett would have been bitter about her shabby dresses and patched shoes but now she did not care, for the one person who mattered was not there to see her.	В другие времена Скарлетт пребывала бы в безмерном огорчении из-за своих поношенных платьев и заплатанных туфель, но теперь это ее не слишком волновало, поскольку единственный человек, чье мнение было ей небезразлично, не мог ее увидеть.
She was happy those two months, happier than she had been in years.	Ближайшие два месяца были, пожалуй, самыми счастливыми в ее жизни за все последние годы.

Had she not felt the start of Ashley's heart when her arms went round his neck? seen that despairing look on his face which was more open an avowal than any words could be?	Когда ее руки обвили шею Эшли, разве не услышала она глухие, взволнованные удары его сердца? А этот исполненный отчаяния и муки взгляд - он сказал ей больше, чем могли бы поведать уста.
He loved her.	Эшли любит ее.
She was sure of that now, and this conviction was so pleasant she could even be kinder to Melanie.	Теперь ее уже не терзали больше сомнения, и эта уверенность приносила ей такую радость, что сердце ее смягчилось к Мелани.
She could be sorry for Melanie now, sorry with a faint contempt for her blindness, her stupidity.	У нее появилось даже чувство жалости к ней -жалости с легким оттенком презрения к ее ограниченности и слепоте.

"When the war is over!" she thought.	"Когда кончится война... - говорила она себе.
"When it's over- then..." Sometimes she thought with a small dart of fear:	- Когда она кончится, тогда..." Но порой возникала другая мысль, вонзая в сердце холодное жало страха:
"What then?"	"Тогда.., а что тогда?"
But she put the thought from her mind.	Но она отгоняла ее от себя.

When the war was over, everything would be settled, somehow.	Когда война будет позади, все как-то решится.
If Ashley loved her, he simply couldn't go on living with Melanie.	Раз Эшли любит ее, он просто не сможет продолжать жить с Мелани.

But then, a divorce was unthinkable; and Ellen and Gerald, staunch Catholics that they were, would never permit her to marry a divorced man.	Но развод же невозможен. И конечно, Эллин и Джералд - рьяные католики - никогда не допустят ее брака с разведенным человеком.
It would mean leaving the Church!	Ведь это означало бы отлучение от церкви!
Scarlett thought it over and decided that, in a choice between the Church and Ashley, she would choose Ashley.	Раздумывая над этим, Скарлетт пришла к решению: если встанет выбор между церковью и Эшли, она выберет Эшли.
But, oh, it would make such a scandal!	Но боже, какой поднимется скандал!
Divorced people were under the ban not only of the Church but of society.	Разведенных не только отлучают от церкви - их перестают принимать в обществе.

No divorced person was received.	Они становятся изгоями.
However, she would dare even that for Ashley.	Ну что ж, ради Эшли она пойдет и на это.
She would sacrifice anything for Ashley.	Ради него она готова принести в жертву все.
Somehow it would come out all right when the war was over.	Когда война кончится, все так или иначе образуется.
If Ashley loved her so much, he'd find a way.	Если Эшли любит ее, любит по-прежнему сильно, он найдет выход.
She'd make him find a way.	Она заставит его найти выход.

And with every day that passed, she became more sure in her own mind of his devotion, more certain he would arrange matters satisfactorily when the Yankees were finally beaten.	И день ото дня в ней крепла уверенность в том, что он ее любит и, когда янки будут наконец разбиты, сумеет так или иначе все уладить.
Of course, he had said the Yankees "had" them.	Правда, Эшли сказал, что янки берут верх.
Scarlett thought that was just foolishness.	Но Скарлетт считала, что это чепуха.
He had been tired and upset when he said it.	Он был истерзан, подавлен, когда говорил с ней.
But she hardly cared whether the Yankees won or not.	Впрочем, мысль о том, победят янки или нет, мало заботила ее.

The thing that mattered was for the war to finish quickly and for Ashley to come home.	Лишь бы война поскорее кончилась и Эшли возвратился домой.
Then, when the sleets of March were keeping everyone indoors, the hideous blow fell.	А в марте, когда непогода и слякоть заставляли всех сидеть по домам, судьба нанесла Скарлетт жестокий удар.
Melanie, her eyes shining with joy, her head ducked with embarrassed pride, told her she was going to have a baby.	Мелани, стыдливо опустив голову и отводя в сторону сияющие гордостью и счастьем глаза, сообщила Скарлетт, что она ждет ребенка.
"Dr. Meade says it will be here in late August or September," she said.	- По мнению доктора Мида, это будет в конце августа или в начале сентября, - сказала она.

"I've thought-but I wasn't sure till today.	- Я догадывалась" но до сегодняшнего дня не была уверена.

Oh, Scarlett, isn't it wonderful?	О, Скарлетт, как это чудесно, правда?
I've so envied you Wade and so wanted a baby.	Я так завидовала тебе, что у тебя есть Уэйд, я так хотела иметь ребенка.
And I was so afraid that maybe I wasn't ever going to have one and, darling, I want a dozen!"	И ужасно боялась, что у меня никогда не будет детей, а я хочу, чтобы их была дюжина!
Scarlett had been combing her hair, preparing for bed, when Melanie spoke and she stopped, the comb in mid-air.	Скарлетт расчесывала волосы, собираясь лечь спать, и ее рука застыла в воздухе, когда Мелани произнесла эти слова.

"Dear God!" she said and, for a moment, realization did not come.	- Боже милостивый! - пробормотала она, еще не до конца осознав значение услышанного.
Then there suddenly leaped to her mind the closed door of Melanie's bedroom and a knifelike pain went through her, a pain as fierce as though Ashley had been her own husband and had been unfaithful to her.	Затем в памяти воскресла захлопнувшаяся за Мелани и Эшли дверь спальни, и такая боль пронзила ее, словно в сердце ей всадили нож -словно Эшли был ее мужем и она узнала о его неверности.
A baby.	Ребенок.
Ashley's baby.	Ребенок Эшли.
Oh, how could he, when he loved her and not Melanie?	Как же он мог, когда он любит не Мелани, а ее, Скарлетт?

"I know you're surprised," Melanie rattled on, breathlessly.	- Я знала, что ты будешь изумлена, - не переводя дыхания, продолжала лепетать Мелани.
"And isn't it too wonderful?	- Не правда ли, это изумительно?
Oh, Scarlett, I don't know how I shall ever write Ashley!	О, Скарлетт, я просто не знаю, как написать об этом Эшли?
It wouldn't be so embarrassing if I could tell him or-or-well, not say anything and just let him notice gradually, you know-"	Если бы можно было сказать ему, или.., или, еще лучше, ничего не говорить, пусть бы он сам мало-помалу заметил.., догадался.., ты же понимаешь...

"Dear God!" said Scarlett, almost sobbing, as she dropped the comb and caught at the marble top of the dresser for support.	- Боже милостивый! - повторила Скарлетт, готовая разрыдаться, и, выронив расческу, ухватилась за мраморную доску туалетного столика, чтобы не упасть.
"Darling, don't look like that!	- Дорогая, что с тобой, не волнуйся так!
You know having a baby isn't so bad.	Ты же знаешь, родить ребенка вовсе не так уж страшно.
You said so yourself.	Ты сама это говорила.
And you mustn't worry about me, though you are sweet to be so upset.	Не тревожься за меня. Я ужасно тронута твоим участием.

Of course, Dr. Meade said I was-was," Melanie blushed, "quite narrow but that perhaps I shouldn't have any trouble and- Scarlett, did you write Charlie and tell him when you found out about Wade, or did your mother do it or maybe Mr. O'Hara?	Правда, доктор Мид сказал, что я... что у меня, -Мелани покраснела, - узкий таз, но он надеется, что все будет в порядке. И.., скажи, Скарлетт, ты сама написала Чарли, когда узнала насчет Уэйда, или это сделала твоя мать, или, может быть, мистер О'Хара?

Oh, dear, if I only had a mother to do it!	О дорогая, если бы моя мама была жива и могла написать Эшли!
I just don't see how-"	Я просто не представляю себе, как я...
"Hush!" said Scarlett, violently.	- Замолчи! - вне себя выкрикнула Скарлетт.

"Hush!"	- Замолчи!
"Oh, Scarlett, I'm so stupid!	- О, Скарлетт!.. Господи, какая я дура!
I'm sorry.	Прости меня.
I guess all happy people are selfish.	Знаешь, когда человек счастлив, он всегда становится эгоистом.
I forgot about Charlie, just for the moment-"	Я вдруг совсем как-то забыла про Чарли...
"Hush!" said Scarlett again, fighting to control her face and make her emotions quiet.	- Замолчи! - повторила Скарлетт, стараясь овладеть собой и пряча от Мелани лицо.
Never, never must Melanie see or suspect how she felt.	Никогда, никогда не должна Мелани догадаться или хотя бы заподозрить, какие чувства ее обуревают.

Melanie, the most tactful of women, had tears in her eyes at her own cruelty.	А у Мелани, деликатнейшего из всех земных созданий, слезы выступили на глазах от стыда за свое жестокосердие.
How could she have brought back to Scarlett the terrible memories of Wade being born months after poor Charlie was dead?	Как посмели они воскресить в душе Скарлетт ужасные воспоминания о том, что малютка Уэйд появился на свет, когда бедняга Чарльз уже несколько месяцев лежал в могиле!
How could she have been so thoughtless?	Как могла она быть такой бесчувственной!
"Let me help you undress, dearest," she said humbly.	- Дай я помогу тебе раздеться, дорогая! -смиренно проговорила она.

"And I'll rub your head for you."	- И приглажу щеткой волосы.
"You leave me alone," said Scarlett, her face like stone.	- Оставь меня в покое, - с каменным лицом произнесла Скарлетт.
And Melanie, bursting into tears of self-condemnation, fled the room, leaving Scarlett to a tearless bed, with wounded pride, disillusionment and jealousy for bedfellows.	И Мелани удалилась вся в слезах, предаваясь мукам самобичевания. Скарлетт не плакала, ложась в постель, но гордость ее была глубоко уязвлена, надежды рухнули, ее снедала зависть к счастливым супружеским парам.

She thought that she could not live any longer in the same house with the woman who was carrying Ashley's child, thought that she would go home to Tara, home, where she belonged.	Она думала о том, что не сможет больше жить под одной кровлей с женщиной, которая носит в своем чреве ребенка Эшли, и ей нужно вернуться домой, к родному очагу.
She did not see how she could ever look at Melanie again and not have her secret read in her face.	Ей казалось, что она не сможет теперь поглядеть в глаза Мелани и не выдать своей тайны.
And she arose the next morning with the fixed intention of packing her trunk immediately after breakfast.	И наутро она встала с твердым решением сразу же после завтрака собраться в дорогу.

But, as they sat at the table, Scarlett silent and gloomy, Pitty bewildered and Melanie miserable, a telegram came.	Но когда они сидели за столом - Скарлетт в угрюмом молчании, тетушка Питти в растрепанных чувствах и Мелани с несчастным видом, - принесли телеграмму.
It was to Melanie from Ashley's body servant, Mose.	Моз, слуга Эшли, сообщал Мелани:
"I have looked everywhere and I can't find him.	"Я искал его повсюду и не нашел.
Must I come home?"	Прикажете возвращаться домой?"

No one knew what it meant but the eyes of the three women went to one another, wide with terror, and Scarlett forgot all thoughts of going home.	Никто не понимал, что значит эта телеграмма, -они смотрели друг на друга расширенными от страха глазами, и всякая мысль об отъезде сразу вылетела у Скарлетт из головы.
Without finishing their breakfasts they drove down to telegraph Ashley's colonel, but even as they entered the office, there was a telegram from him.	Не закончив завтрака, они покатили в город -телеграфировать командиру полка, в котором служил Эшли, но на телеграфе их уже ждала телеграмма самого полковника:
"Regret to inform you Major Wilkes missing since scouting expedition three days ago.	"С прискорбием извещаю майор Уилкс не возвратившийся три дня назад с разведывательной операции числится пропавшим без вести.

Will keep you informed."	Будем держать вас в известности".
It was a ghastly trip home, with Aunt Pitty crying into her handkerchief, Melanie sitting erect and white and Scarlett slumped, stunned in the corner of the carriage.	Мрачным было их возвращение домой: тетушка Питти плакала и сморкалась в носовой платок; Мелани сидела бледная, прямая, неподвижная; потрясенная Скарлетт забилась в угол коляски.
Once in the house, Scarlett stumbled up the stairs to her bedroom and, clutching her Rosary from the table, dropped to her knees and tried to pray.	Войдя в дом, Скарлетт, пошатываясь, поднялась по лестнице к себе в спальню, схватила четки и, упав на колени, попыталась обратиться с молитвой к богу.

But the prayers would not come.	Но слова молитвы не шли ей на ум.
There only fell on her an abysmal fear, a certain knowledge that God had turned His face from her for her sin.	Душа ее была объята ужасом - страшная мысль сверлила мозг: господь отвернулся от нее за ее грех.
She had loved a married man and tried to take him from his wife, and God had punished her by killing him.	Она полюбила женатого мужчину, она пыталась увести его от жены, и господь отнял у него жизнь, чтобы покарать ее.
She wanted to pray but she could not raise her eyes to Heaven.	Ей хотелось молиться, но она не решалась поднять глаза к небесам.

She wanted to cry but the tears would not come.	Ей хотелось плакать, но глаза ее были сухи.
They seemed to flood her chest, and they were hot tears that burned under her bosom, but they would not flow.	Слезы жгли ей грудь, душили ее, но не могли пролиться.
Her door opened and Melanie entered.	Отворилась дверь, и вошла Мелани.
Her face was like a heart cut from white paper, framed against black hair, and her eyes were wide, like those of a frightened child lost in the dark.	Ее бледное лицо в ореоле темных волос было как вырезанное из белой бумаги сердечко, в огромных глазах застыл страх. Она походила на заблудившегося во мраке ребенка.

"Scarlett," she said, putting out her hands.	- Скарлетт, - сказала она, протягивая к ней руки.
"You must forgive me for what I said yesterday, for you're-all I've got now.	- Ты должна простить меня за мои вчерашние слова, ведь ты теперь все, что у меня осталось.
Oh, Scarlett, I know my darling is dead!"	О, Скарлетт, я чувствую, что моего бесценного нет в живых!

Somehow, she was in Scarlett's arms, her small breasts heaving with sobs, and somehow they were lying on the bed, holding each other close, and Scarlett was crying too, crying with her face pressed close against Melanie's, the tears of one wetting the cheeks of the other.	Кто знает, как это произошло, но Скарлетт уже держала Мелани в объятиях, а та бурно рыдала, и детские груди ее трепетали. А потом обе они лежали на постели, тесно прильнув друг к другу в горе, и Скарлетт плакала тоже - плакала, уткнувшись в плечо Мелани, и лица их были влажны от смешавшихся слез.
It hurt so terribly to cry, but not so much as not being able to cry.	Слезы истощали душу, но когда они не могли пролиться, было еще тяжелее.

Ashley is dead-dead, she thought, and I have killed him by loving him!	Эшли мертв, мертв, думала Скарлетт, и это я убила его, моя любовь тому причиной!
Fresh sobs broke from her, and Melanie somehow feeling comfort in her tears tightened her arms about her neck.	Новый приступ рыданий сотряс ее тело, и Мелани, невольно находя утешение в ее слезах, еще крепче обхватила ее руками за шею.
"At least," she whispered, "at least-I've got his baby."	- По крайней мере, - прошептала она, - по крайней мере у меня будет от него ребенок.

"And I," thought Scarlett, too stricken now for anything so petty as jealousy,	"А у меня, - подумала Скарлетт, под бременем своего горя очистившись от таких мелких чувств, как ревность, - а у меня не осталось ничего.
"I've got nothing-nothing-nothing except the look on his face when he told me good-by."	Только этот его взгляд, при прощании".
The first reports were	Первое сообщение гласило:
"Missing-believed killed" and so they appeared on the casualty list.	"Пропал без вести, предположительно убит". Так значилось в списке потерь.

Melanie telegraphed Colonel Sloan a dozen times and finally a letter arrived, full of sympathy, explaining that Ashley and a squad had ridden out on a scouting expedition and had not returned.	Мелани отправила полковнику Слоану дюжину телеграмм, и наконец от него пришло исполненное сочувствия письмо, в котором полковник сообщил, что Эшли ушел в разведку со своим кавалерийским отрядом и не вернулся.
There had been reports of a slight skirmish within the Yankee lines and Mose, frantic with grief, had risked his own life to search for Ashley's body but had found nothing.	Поступали донесения о небольших схватках с противником на пограничной линии, и убитый горем Моз, рискуя жизнью, отправился на розыски тела Эшли, но найти его не мог.

Melanie, strangely calm now, telegraphed him money and instructions to come home.	Мелани, неестественно спокойная теперь, перевела ему телеграфом деньги и велела возвратиться домой.
When "Missing-believed captured" appeared on the casualty lists, joy and hope reanimated the sad household.	Когда в последующем списке потерь появились слова: "...пропал без вести, предположительно находится в плену", в погруженном в скорбь доме затеплилась надежда, люди ожили.

Melanie could hardly be dragged away from the telegraph office and she met every train hoping for letters.	Мелани невозможно было увести из конторы телеграфа, и она ходила встречать каждый поезд в чаянии получить письмо.

She was sick now, her pregnancy making itself felt in many unpleasant ways, but she refused to obey Dr. Meade's commands and stay in bed.	Беременность протекала тяжело, здоровье ее пошатнулось, но она не желала подчиняться предписаниям доктора Мида и оставаться в постели.
A feverish energy possessed her and would not let her be still; and at night, long after Scarlett had gone to bed, she could hear her walking the floor in the next room.	Лихорадочное беспокойство и возбуждение владели ею, и она не знала ни минуты покоя. Далеко за полночь, лежа в постели, Скарлетт слышала ее шаги в соседней комнате.
One afternoon, she came home from town, driven by the frightened Uncle Peter and supported by Rhett Butler.	Однажды насмерть перепуганный дядюшка Питер привез Мелани под вечер домой из города: полумертвая, она сидела в коляске, и ее поддерживал Ретт Батлер.

She had fainted at the telegraph office and Rhett, passing by and observing the excitement, had escorted her home.	Ей сделалось дурно на телеграфе, и случайно оказавшийся там Ретт, заметив какое-то волнение в кучке людей, увидел ее и отвез домой.
He carried her up the stairs to her bedroom and while the alarmed household fled hither and yon for hot bricks, blankets and whisky, he propped her on the pillows of her bed. "Mrs. Wilkes," he questioned abruptly, "you are going to have a baby, are you not?"	Он отнес ее на руках в спальню и положил в постель на подушки, а взволнованные домочадцы суетились вокруг с одеялами, горячими кирпичами и виски - Миссис Уилкс, - спросил Ретт напрямик, - вы ждете ребенка?

Had Melanie not been so faint, so sick, so heartsore, she would have collapsed at his question.	Услыхав такой вопрос, Мелани при других об- стоятельствах снова ли- шилась бы чувств, но сейчас она была слиш- ком больна, слишком слаба, слишком убита го- рем.
Even with women friends she was embarrassed by any mention of her condition, while visits to Dr. Meade were agonizing experiences.	Даже в беседах с близки- ми приятельницами она стеснялась упоминать о своей беременности, а посещения доктора Ми- да были для нее катор- гой.
And for a man, especially Rhett Butler, to ask such a question was unthinkable.	И казалось просто нево- образимым, что она слы- шит этот вопрос из уст мужчины, а тем более Ретта Батлера.

But lying weak and forlorn in the bed, she could only nod.	Но, распростертая на постели, ослабевшая и несчастная, она смогла только кивнуть.
After she had nodded, it did not seem so dreadful, for he looked so kind and so concerned.	А потом, когда она уже кивнула, все как-то перестало казаться ей таким ужасным, потому что мистер Батлер был необычайно добр и внимателен.
"Then you must take better care of yourself.	В таком случае вы должны больше думать о себе.
All this running about and worry won't help you and may harm the baby.	Все ваши терзания, хлопоты и беготня по городу никак делу не помогут, а ребенку могут повредить.

If you will permit me, Mrs. Wilkes, I will use what influence I have in Washington to learn about Mr. Wilkes' fate.	С вашего позволения я использую свои связи в Вашингтоне, чтобы узнать о судьбе мистера Уилкса.

If he is a prisoner, he will be on the Federal lists, and if he isn't-well, there's nothing worse than uncertainty.	Если он в плену, его имя должно числиться в федералистских списках, если же нет.. Что ж, неизвестность ведь хуже всего.
But I must have your promise. Take care of yourself or, before God, I won't turn a hand."	Но дайте мне слово, миссис Уилкс, что будете беречь себя, иначе, клянусь богом, я и пальцем не пошевелю.
"Oh, you are so kind," cried Melanie.	- Как вы добры! - пролепетала Мелани.

"How can people say such dreadful things about you?"	- И как только могут люди так дурно отзываться о вас!
Then overcome with the knowledge of her tactlessness and also with horror at having discussed her condition with a man, she began to cry weakly.	- И, тут же поняв ужасную бестактность своих слов, подавленная к тому же чудовищным неприличием всего происходящего, она беззвучно расплакалась.
And Scarlett, flying up the stairs with a hot brick wrapped in flannel, found Rhett patting her hand.	И когда Скарлетт с горячим кирпичом, завернутым во фланелевую тряпицу, взлетела по лестнице, она увидела, что Ретт Батлер тихонько поглаживает руку Мелани.
He was as good as his word.	Слово свое он сдержал.

They never knew what wires he pulled.	На какие пришлось ему нажимать для этого пружины, узнать им было не дано.
They feared to ask, knowing it might involve an admission of his too close affiliations with the Yankees.	Спросить его они не решились из боязни услышать признание в его слишком тесных контактах с янки.
It was a month before he had news, news that raised them to the heights when they first heard it, but later created a gnawing anxiety in their hearts.	Прошел месяц, прежде чем Ретт принес им эту весть - которая сначала заставила их воспарить до небес от радости, а затем надолго поселила гнетущую тревогу в их сердцах.
Ashley was not dead!	Эшли жив!

He had been wounded and taken prisoner, and the records showed that he was at Rock Island, a prison camp in Illinois.	Он был ранен, попал в плен и, по сведениям, находился в лагере для военнопленных в Рок-Айленде, в штате Иллинойс.
In their first joy, they could think of nothing except that he was alive.	Эшли жив!
But, when calmness began to return, they looked at one another and said	В первые мгновения радости они не могли думать ни о чем другом. Потом, когда радостное волнение немного улеглось, они поглядели друг другу в глаза и пробормотали:
"Rock Island!" in the same voice they would have said "In Hell!"	"Рок-Айленд!" И это прозвучало в их устах так, как если бы они произнесли"В аду!"

For even as Andersonville was a name that stank in the North, so was Rock Island one to bring terror to the heart of any Southerner who had relatives imprisoned there.	Ибо, в то время как от слова "Андерсонвилл" на северян веяло сер-ным смрадом, будто из преисподней, слова

When Lincoln refused to exchange prisoners, believing it would hasten the end of the war to burden the Confederacy with the feeding and guarding of Union prisoners, there were thousands of bluecoats at Andersonville, Georgia.	"Рок-Айленд" вселяли ужас в сердца южан, если их близкие находились там в заключении Когда Линкольн не согласился на обмен военнопленными, рассчитывая приблизить конец войны, возложив на Конфедерацию бремя снабжения военнопленных янки и содержание их под стражей, в Андерсонвилле, в штате Джорджия, находились тысячи синих мундиров.
The Confederates were on scant rations and practically without drugs or bandages for their own sick and wounded.	Солдаты Конфедерации содержались на скудном рационе, а больные и раненые практически совсем были лишены медикаментов и перевязочного материала.

They had little to share with the prisoners.	Делиться с пленными конфедератам, в сущности, было нечем.
They fed their prisoners on what the soldiers in the field were eating, fat pork and dried peas, and on this diet the Yankees died like flies, sometimes a hundred a day.	Пленным отпускалось то же, что получали солдаты в походе, - жирную свинину и сушеные бобы, - и на этом пайке янки мерли как мухи, иной раз до сотни человек в день.
Inflamed by the reports, the North resorted to harsher treatment of Confederate prisoners and at no place were conditions worse than at Rock Island.	Разгневанный поступавшими об этом донесениями Север ответил ухудшением условий содержания пленных конфедератов, причем в особо тяжелом положении оказались те, кто находился в Рок-Айленде.

Food was scanty, one blanket for three men, and the ravages of smallpox, pneumonia and typhoid gave the place the name of a pest-house.	Скудная пища, одно одеяло на троих и свирепствовавшие в лагере болезни - пневмония, тиф и оспа - заслужили этому месту заключения наименование "чумной лагерь".
Three-fourths of all the men sent there never came out alive.	Лишь одной трети попавших туда военнопленных суждено было выйти на волю живыми.
And Ashley was in that horrible place!	И там, в этом ужасном лагере, находился Эшли!
Ashley was alive but he was wounded and at Rock Island, and the snow must have been deep in Illinois when he was taken there.	Он был жив, но ранен и в плену, и когда его увезли в Рок-Айленд, в Иллинойсе, должно быть, лежал глубокий снег.

Had he died of his wound, since Rhett had learned his news?	Быть может, он уже скончался от раны после того, как Ретт Батлер получил о нем сведения?
Had he fallen victim to smallpox?	Быть может, он пал жертвой оспы?
Was he delirious with pneumonia and no blanket to cover him?	Быть может, он лежит в бреду, больной пневмонией, а у него нет даже одеяла, чтобы укрыться?
"Oh, Captain Butler, isn't there some way-Can't you use your influence and have him exchanged?" cried Melanie.	- О, капитан Батлер, нельзя ли что-нибудь сделать? - взмолилась Мелани. - Не можете ли вы, использовав ваши связи, добиться, чтобы его обменяли?

"Mr. Lincoln, the merciful and just, who cries large tears over Mrs. Bixby's five boys, hasn't any tears to shed about the thousands of Yankees dying at Andersonville," said Rhett, his mouth twisting.	- Мистер Линкольн, справедливый и ми- лосердный, проливa- ющий крупные слезы над пятью мальчика- ми миссис Биксби, не прольет ни единой сле- зы над тысячами своих солдат, умирающих в Андерсонвилле, - с кри- вой усмешкой отвечал Ретт Батлер.
"He doesn't care if they all die. The order is out. No exchanges.	- Ему наплевать, если даже они все умрут Из- дан приказ: никаких обменов. И никаких исключений ни для ко- го.
I-I hadn't told you before, Mrs. Wilkes, but your husband had a chance to get out and refused it."	Я.., я не хотел говорить вам об этом, миссис Уилкс, но придется: ваш муж имел возмож- ность освободиться из лагеря, но отказался.

"Oh, no!" cried Melanie in disbelief.	- О нет, не может быть! - воскликнула Мелани, не веря своим ушам.
"Yes, indeed.	- Да, это так.
The Yankees are recruiting men for frontier service to fight the Indians, recruiting them from among Confederate prisoners.	Янки производили набор солдат для службы на границе и охраны ее от индейцев.
Any prisoner who will take the oath of allegiance and enlist for Indian service for two years will be released and sent West.	Они вербовали их среди пленных конфедератов Любой заключенный, который соглашался отслужить два года на индейской границе и принести присягу, освобождался из лагеря, и его отправляли на Запад.

Mr. Wilkes refused."	Мистер Уилкс отказался.
"Oh, how could he?" cried Scarlett. "Why didn't he take the oath and then desert and come home as soon as he got out of jail?" Melanie turned on her like a small fury.	- О, как он мог так поступить! - воскликнула Скарлетт - Что стоило ему принести присягу, а потом, освободившись из лагеря, бежать и вернуться домой Мелани, мгновенно обратившись в маленькую разъяренную фурию, обрушилась на нее.
"How can you even suggest that he would do such a thing?	- Как ты только можешь предположить такое!
Betray his own Confederacy by taking that vile oath and then betray his word to the Yankees!	Чтобы он сначала изменил Конфедерации, приняв эту постыдную присягу, а потом изменил своему слову, данному янки?

I would rather know he was dead at Rock Island than hear he had taken that oath.	Мне легче было бы узнать, что, он умер в Рок-Айленде, чем услышать, что он принес такую присягу!
I'd be proud of him if he died in prison. But if he did THAT, I would never look on his face again.	Я бы гордилась им, если бы он умер в заключении, но если бы он поступил так, я бы до конца жизни не захотела его больше видеть.
Never!	Никогда, никогда!
Of course, he refused."	Конечно, он отказался.
When Scarlett was seeing Rhett to the door, she asked indignantly:	Провожая Ретта Батлера до дверей, Скарлетт спросила у него с вызовом:

"If it were you, wouldn't you enlist with the Yankees to keep from dying in that place and then desert?"	- Будь вы на его месте, разве вы не предпочли бы завербоваться, а потом бежать, чем погибать в этом лагере?
"Of course," said Rhett, his teeth showing beneath his mustache.	- Разумеется, предпочел бы, - отвечал Ретт и усмехнулся, блеснув белыми зубами под темной ниточкой усов.
"Then why didn't Ashley do it?"	- Так почему же Эшли этого не сделал?
"He's a gentleman," said Rhett, and Scarlett wondered how it was possible to convey such cynicism and contempt in that one honorable word.	- Он джентльмен, - сказал Ретт, и Скарлетт оторопела: как сумел он вложить столько циничного презрения в одно короткое, высоко всеми чтимое слово?

PART THREE	ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
CHAPTER XVII	Глава 17
May of 1864 came- a hot dry May that wilted the flowers in the buds-and the Yankees under General Sherman were in Georgia again, above Dalton, one hundred miles northwest of Atlanta.	Наступил май 1864 года - жаркий, сухой, с пожухшими от зноя, не успев раскрыться, бутонами цветов, и янки под предводительством генерала Шермана снова были в Джорджии, под Далтоном, в ста милях к северо-западу от Атланты.

Rumor had it that there would be heavy fighting up there near the boundary between Georgia and Tennessee. The Yankees were massing for an attack on the Western and Atlantic Railroad, the line which connected Atlanta with Tennessee and the West, the same line over which the Southern troops had been rushed last fall to win the victory at Chickamauga.	Там, на границе Джорджии и Теннесси, ожидались тяжелые бои Янки стягивали свои силы для удара на Западно-Атлантскую железную дорогу, соединявшую Атланту с Теннесси и Западом, - на ту самую дорогу, по которой осенью были переброшены войска южан, одержавшие победу при Чикамауге.

But, for the most part, Atlanta was not disturbed by the prospect of fighting near Dalton.	Однако предстоящее сражение при Далтоне не особенно тревожило Атланту.
The place where the Yankees were concentrating was only a few miles southeast of the battle field of Chickamauga.	Место, где янки сосредоточивали свои войска, находилось всего несколькими милями юго-восточнее полей сражений при Чикамауге.
They had been driven back once when they had tried to break through the mountain passes of that region, and they would be driven back again.	Один раз янки уже пытались пробиться оттуда по горным тропам дальше и были отброшены. Прогонят их и теперь.

Atlanta-and all of Georgia-knew that the state was far too important to the Confederacy for General Joe Johnston to let the Yankees remain inside the state's borders for long.	В Атланте - да и во всей Джорджии - понимали, что этот штат имеет слишком важное стратегическое значение для Конфедерации, чтобы генерал Джо Джонстон позволил янки долго оставаться в его пределах.
Old Joe and his army would not let even one Yankee get south of Dalton, for too much depended on the undisturbed functioning of Georgia.	Старина Джо и его солдаты не дадут ни одному янки продвинуться дальше к югу от Далтона -слишком многое зависело теперь от того, чтобы жизнь в Джорджии шла без перебоев.
The unravaged state was a vast granary, machine shop and storehouse for the Confederacy.	Этот не разоренный еще штат был для Конфедерации и огромной житницей, и механической мастерской, и вещевым складом.

It manufactured much of the powder and arms used by the army and most of the cotton and woolen goods.	Он поставлял почти все вооружение и порох для армии и почти весь хлопок и шерстяные изделия.
Lying between Atlanta and Dalton was the city of Rome with its cannon foundry and its other industries, and Etowah and Allatoona with the largest ironworks south of Richmond.	Между Атлантой и Далтоном находился город Ром с его литейными и другими промышленными предприятиями, а также Итова и Аллатуна с самыми большими чугунолитейными заводами к югу от Ричмонда.

And, in Atlanta, were not only the factories for making pistols and saddles, tents and ammunition, but also the most extensive rolling mills in the South, the shops of the principal railroads and the enormous hospitals.	Да и в Атланте изготовлялось не только оружие, снаряды, седла и Походные палатки - здесь были расположены и самые крупные прокатные станы Юга, все основные железнодорожные депо и огромное число госпиталей.
And in Atlanta was the junction of the four railroads on which the very life of the Confederacy depended.	И та же Атланта была главным железнодорожным узлом, где пересекались линии четырех железных Дорог, от которых зависела жизнь всей Конфедерации.
So no one worried particularly.	Словом, особой тревоги никто не испытывал.

After all, Dalton was a long way off, up near the Tennessee line.	В конце концов, Далтон был далеко - почти у самой границы Теннесси.
There had been fighting in Tennessee for three years and people were accustomed to the thought of that state as a far-away battle field, almost as far away as Virginia or the Mississippi River.	А в Теннесси уже на протяжении трех лет шли бои, и все давно привыкли представлять себе этот штат как отдаленный театр военных действий -почти столь же далекий от них, как Виргиния или район реки Миссисипи.

Moreover, Old Joe and his men were between the Yankees and Atlanta, and everyone knew that, next to General Lee himself, there was no greater general than Johnston, now that Stonewall Jackson was dead.	К тому же между янки и Атлантой находился старина Джо со своими солдатами, а всем и каждому было известно, что теперь, после смерти Несокрушимого Джексона, у Конфедерации не было лучшего военачальника, чем Джонстон, если не считать, конечно, самого генерала Ли.

Dr. Meade summed up the civilian point of view on the matter, one warm May evening on the veranda of Aunt Pitty's house, when he said that Atlanta had nothing to fear, for General Johnston was standing in the mountains like an iron rampart.	Теплым майским вечером на веранде дома тетушки Питтипэт доктор Мид кратко изложил точку зрения горожан, заявив, что Атланте совершенно нечего опасаться, поскольку генерал Джонстон со своей армией стоит в горах как неприступный бастион.

His audience heard him with varying emotions, for all who sat there rocking quietly in the fading twilight, watching the first fireflies of the season moving magically through the dusk, had weighty matters on their minds.	Каждый из тех, кто тихонько покачивался в креслах-качалках, глядя, как первые жуки-светляки, словно по волшебству, возникают в сгущающихся сумерках, воспринял его слова по-своему, ибо у всех было далеко не безоблачно на душе.
Mrs. Meade, her hand upon Phil's arm, was hoping the doctor was right.	Миссис Мид, сидевшая положив руку на плечо Фила, надеялась, что, бог даст, доктор окажется прав.
If the war came closer, she knew that Phil would have to go.	Она понимала: если военные, действия приблизятся к Атланте, Фил должен будет уйти на фронт.

He was sixteen now and in the Home Guard.	Ему уже исполнилось шестнадцать, и он был зачислен в войска внутреннего охранения.
Fanny Elsing, pale and hollow eyed since Gettysburg, was trying to keep her mind from the torturing picture which had worn a groove in her tired mind these past several months-Lieutenant Dallas McLure dying in a jolting ox cart in the rain on the long, terrible retreat into Maryland.	Фэнни Элсинг, бледная, с ввалившимися глазами, все еще не оправившаяся после геттисбергской трагедии, старалась отогнать от себя страшную картину, неотвязно стоявшую перед ее мысленным взором все эти месяцы: лейтенант Даллас Маклюр умирает в тряской повозке, влекомой волами по размытым дождями дорогам, в дни ужасного бесконечного отступления к Мериленду.

Captain Carey Ashburn's useless arm was hurting him again and moreover he was depressed by the thought that his courtship of Scarlett was at a standstill.	Капитана Кэйри Эшберна мучила недействующая рука, и к тому же он был подавлен тем, что его ухаживание за Скарлетт зашло в тупик.
That had been the situation ever since the news of Ashley Wilkes' capture, though the connection between the two events did not occur to him.	Оно не продвинулось ни на йоту с того дня, как стало известно, что Эшли Уилкс попал в плен, хотя сам капитан Эшберн не улавливал никакой связи между этими двумя обстоятельствами.

Scarlett and Melanie both were thinking of Ashley, as they always did when urgent tasks or the necessity of carrying on a conversation did not divert them.	Скарлетт и Мелани думали об Эшли, что они делали всегда, если их не отвлекали повседневные заботы или необходимость поддерживать разговор.
Scarlett was thinking bitterly, sorrowfully: He must be dead or else we would have heard.	Мысли Скарлетт были полны горечи и печали: "Верно, его уже нет в живых, иначе мы бы что-нибудь о нем услышали".
Melanie, stemming the tide of fear again and again, through endless hours, was telling herself:	А Мелани снова и снова, в бессчетный раз, отгоняла от себя приступы страха и мысленно твердила:
"He can't be dead.	"Он жив.

I'd know it-I'd feel it if he were dead."	Я знаю это - я бы почувствовала, если бы он умер".
Rhett Butler lounged in the shadows, his long legs in their elegant boots crossed negligently, his dark face an unreadable blank.	Смуглое лицо Ретта Батлера было непроницаемо. Он сидел в затененном углу веранды, небрежно скрестив длинные ноги в щегольских сапогах.
In his arms Wade slept contentedly, a cleanly picked wishbone in his small hand.	На коленях у него безмятежно посапывал во сне малыш Уэйд, удовлетворенно зажав в кулачке тщательно обглоданную куриную косточку.

Scarlett always permitted Wade to sit up late when Rhett called because the shy child was fond of him, and Rhett oddly enough seemed to be fond of Wade.	Когда появлялся Ретт Батлер, Скарлетт обычно позволяла Уэйду позже ложиться спать, потому что робкий, застенчивый мальчик был прямо-таки околдован Реттом, да и тот, как ни удивительно, казалось, привязался к ребенку.
Generally Scarlett was annoyed by the child's presence, but he always behaved nicely in Rhett's arms.	Обычно присутствие Уэйда раздражало Скарлетт, но на коленях у Ретта он всегда вел себя примерно.

As for Aunt Pitty, she was nervously trying to stifle a belch, for the rooster they had had for supper was a tough old bird.	Что до тетушки Питти, то она всеми силами старалась справиться с отрыжкой, ибо петух, которого они съели за ужином, оказался старой, жилистой птицей.
That morning Aunt Pitty had reached the regretful decision that she had better kill the patriarch before he died of old age and pining for his harem which had long since been eaten.	В то утро тетушкой Питти было принято тягостное решение зарезать этого патриарха, пока он не отдал богу душу по причине преклонного возраста и тоски по своему давно уже съеденному гарему.
For days he had drooped about the empty chicken run, too dispirited to crow.	День за днем он чах в опустевшем курятнике, слишком удрученный, чтобы кукарекать.

After Uncle Peter had wrung his neck, Aunt Pitty had been beset by conscience at the thought of enjoying him, en famille, when so many of her friends had not tasted chicken for weeks, so she suggested company for dinner.	Когда дядюшка Питер свернул ему шею, деликатную душу тетушки Питтипэт внезапно одолели сомнения: допустимо ли насладиться этой птицей в кругу семьи, в то время как многие из друзей неделями не могут отведать куриного мяса, и она решила пригласить гостей.
Melanie, who was now in her fifth month, had not been out in public or received guests for weeks, and she was appalled at the idea.	Мелани, которая была уже на пятом месяце и давно перестала принимать у себя и появляться в обществе, пришла от этой затеи в ужас.
But Aunt Pitty, for once, was firm.	Но тетушка Питти на сей раз проявила твердость.

It would be selfish to eat the rooster alone, and if Melanie would only move her top hoop a little higher no one would notice anything and she was so flat in the bust anyway.	Было бы крайне эгоистично самим съесть всего петуха, а если Мелани подтянет верхний обруч кринолина повыше, никто ничего и не заметит, тем более что она такая плоскогрудая.
"Oh, but Auntie I don't want to see people when Ashley-"	- Ах, тетя Питти, не хочу я принимать никаких гостей, когда Эшли...
"It isn't as if Ashley were-had passed away," said Aunt Pitty, her voice quavering, for in her heart she was certain Ashley was dead.	- Так ведь это, если бы Эшли.., если бы его больше не было, - дрожащим голосом произнесла тетя Питти, ибо в душе была убеждена, что Эшли мертв.

"He's just as much alive as you are and it will do you good to have company.	- Но он, поверь мне, не больше мертв, чем мы с тобой, а тебе полезно немножко побыть с людьми.
And I'm going to ask Fanny Elsing, too.	И я приглашу еще Фэнни Элсинг.
Mrs. Elsing begged me to try to do something to arouse her and make her see people-"	Миссис Элсинг просила повлиять на нее, чтобы она перестала чураться общества.
"Oh, but Auntie, it's cruel to force her when poor Dallas has only been dead-"	- Нет, тетя Питти, мне кажется, это жестоко -принуждать Фэнни появляться на людях, когда бедняжка Даллас так недавно...
"Now, Melly, I shall cry with vexation if you argue with me.	- Ну вот, Мелани, сейчас ты доведешь меня до слез, если будешь спорить.

I guess I'm your auntie and I know what's what.	Насколько я понимаю, я твоя тетка и знаю что к чему.
And I want a party."	Я хочу позвать гостей.
So Aunt Pitty had her party, and, at the last minute, a guest she did not expect, or desire, arrived.	Итак, тетя Питти настояла на своем, и в последнюю минуту к ней прибыл гость, которого она не ждала и отнюдь не жаждала видеть.

Just when the smell of roast rooster was filling the house, Rhett Butler, back from one of his mysterious trips, knocked at the door, with a large box of bonbons packed in paper lace under his arm and a mouthful of two-edged compliments for her. There was nothing to do but invite him to stay, although Aunt Pitty knew how the doctor and Mrs. Meade felt about him and how bitter Fanny was against any man not in uniform.	Когда запах жареного петуха распространился по дому, Ретт Батлер, только что возвратившийся из одной из своих таинственных поездок, появился в дверях с большой нарядной коробкой конфет под мышкой и кучей двусмысленных комплиментов по адресу тетушки Питти на устах, после чего уже нельзя было не пригласить его к столу, хотя тетушке Питти было хорошо известно, какого мнения о нем доктор Мид и его супруга и как Фэнни Элсинг настроена против всех мужчин, не надевших военной формы.

Neither the Meades nor the Elsings would have spoken to him on the street, but in a friend's home they would, of course, have to be polite to him.	Ни чета Мидов, ни Фэнни не поздоровались бы с ним при встрече на улице, но в доме друзей они вынуждены будут соблюдать приличия.
Besides, he was now more firmly than ever under the protection of the fragile Melanie.	Притом кроткая Мелани решительнее, чем когда-либо, оказывала ему теперь покровительство.
After he had intervened for her to get the news about Ashley, she had announced publicly that her home was open to him as long as he lived and no matter what other people might say about him.	После того как благодаря его стараниям Мелани получила известие об Эшли, она публично заявила, что, пока она жива, двери ее дома всегда будут открыты для мистера Батлера, что бы люди про него ни говорили.

Aunt Pitty's apprehensions quieted when she saw that Rhett was on his best behavior.	Опасения тетушки Питти немного ослабели, когда она увидела, что Ретт на этот раз расположен быть паинькой.
He devoted himself to Fanny with such sympathetic deference she even smiled at him, and the meal went well.	Он с таким почтительным сочувствием уделял внимание Фэнни, что она даже улыбнулась ему, и ужин прошел отлично.
It was a princely feast.	Это было королевское пиршество.

Carey Ashburn had brought a little tea, which he had found in the tobacco pouch of a captured Yankee en route to Andersonville, and everyone had a cup, faintly flavored with tobacco.	Кэйри Эшберн принес немного чаю, который он обнаружил в кисете одного из пленных янки, отправляемых в Андерсонвилл, и всем досталось по чашечке чаю, слегка отдававшего табаком.
There was a nibble of the tough old bird for each, an adequate amount of dressing made of corn meal and seasoned with onions, a bowl of dried peas, and plenty of rice and gravy, the latter somewhat watery, for there was no flour with which to thicken it.	Все получили также по крошечному кусочку жесткого старого петуха с соответствующим количеством соуса из кукурузной муки с луком, по мисочке гороха и по хорошей порции риса с подливкой, правда несколько водянистой из-за нехватки муки.

For dessert, there was a sweet potato pie followed by Rhett's bonbons, and when Rhett produced real Havana cigars for the gentlemen to enjoy over their glass of blackberry wine, everyone agreed it was indeed a Lucullan banquet.	На десерт был подан пирог со сладким картофелем, за которым последовала принесенная Реттом Батлером коробка конфет, и после того как за стаканом ежевичного вина он угостил джентльменов еще и гаванскими сигарами, все единодушно признали, что это был Лукуллов пир.
When the gentlemen joined the ladies on the front porch, the talk turned to war.	Когда джентльмены присоединились к дамам на веранде, разговор обратился к войне.

Talk always turned to war now, all conversations on any topic led from war or back to war- sometimes sad, often gay, but always war. War romances, war weddings, deaths in hospitals and on the field, incidents of camp and battle and march, gallantry, cowardice, humor, sadness, deprivation and hope.	Разговор всегда обращался теперь к войне; о чем бы кто ни заговорил - о печальных ли событиях, о веселых ли - все начиналось с войны и сводилось к войне: военные увлечения, военные свадьбы, чья-то смерть на поле боя или в госпитале, лагерные происшествия, бои, походы, храбрость, трусость, горе, веселье, утраты и надежды.
Always, always hope.	Всегда, всегда надежды.
Hope firm, unshaken despite the defeats of the summer before.	Твердые, неколебимые, несмотря на все понесенные, летом потери.

When Captain Ashburn announced he had applied for and been granted transfer from Atlanta to the army at Dalton, the ladies kissed his stiffened arm with their eyes and covered their emotions of pride by declaring he couldn't go, for then who would beau them about?	Когда капитан Эшберн сообщил, что он попросился на фронт и ему разрешили отбыть из Атланты в армию под Далтоном, дамы готовы были расцеловать его искалеченную руку и, пряча переполнявшую их гордость, наперебой принялись утверждать, что он не должен уезжать -кто же тогда будет ухаживать за ними?

Young Carey looked confused and pleased at hearing such statements from settled matrons and spinsters like Mrs. Meade and Melanie and Aunt Pitty and Fanny, and tried to hope that Scarlett really meant it.	Услышав подобное заявление из уст таких добродетельных матрон, как миссис Мид и Мелани, и незамужних дам, как тетушка Питти и Фэнни, молодой капитан был сконфужен, но чрезвычайно доволен: ему хотелось верить, что и Скарлетт такого же мнения.
"Why, he'll be back in no time," said the doctor, throwing an arm over Carey's shoulder. "There'll be just one brief skirmish and the Yankees will skedaddle back into Tennessee.	- Да будет вам, не успеете вы оглянуться, как он воротится домой, - сказал доктор, обнимая Кэйри за плечи, - Еще одна короткая схватка, и янки покатятся обратно в Теннесси.
And when they get there, General Forrest will take care of them.	А там уж за них возьмется генерал Форрест.

You ladies need have no alarm about the proximity of the Yankees, for General Johnston and his army stands there in the mountains like an iron rampart.	Вас, дорогие дамы, близость янки отнюдь не должна тревожить: генерал Джонстон со своими солдатами стоит в горах как неприступный бастион.
Yes, an iron rampart," he repeated, relishing his phrase.	Да, да, как неприступный бастион, - повторил он с особым смаком.
"Sherman will never pass.	- Шерману там никогда не пройти.
He'll never dislodge Old Joe."	Ему нипочем не пробиться сквозь заслон старины Джо.

The ladies smiled approvingly, for his lightest utterance was regarded as incontrovertible truth.	Дамы одобрительно улыбались: любое высказывание доктора Мида воспринималось как непреложная истина.
After all, men understood these matters much better than women, and if he said General Johnston was an iron rampart, he must be one.	В конце концов, мужчины разбираются в таких делах лучше женщин, и если доктор сказал, что генерал Джонстон - неприступный бастион, значит, так оно и есть.
Only Rhett spoke.	Тут Ретт Батлер заговорил.

He had been silent since supper and had sat in the twilight listening to the war talk with a down-twisted mouth, holding the sleeping child against his shoulder.	После ужина он до этой минуты не промолвил ни слова, сидя в полумраке веранды и держа на коленях спящего ребенка, прислонившегося головкой к его плечу, и только чуть заметная усмешка трогала уголки его губ.
"I believe that rumor has it that Sherman has over one hundred thousand men, now that his reinforcements have come up?"	- Сдается мне, если, конечно, верить слухам, что в распоряжении Шермана сейчас, после того как он получил подкрепление, свыше ста тысяч солдат, так?
The doctor answered him shortly.	Ответ доктора на этот неожиданный вопрос прозвучал резко.

He had been under considerable strain ever since he first arrived and found that one of his fellow diners was this man whom he disliked so heartily. Only the respect due Miss Pittypat and his presence under her roof as a guest had restrained him from showing his feelings more obviously.	Доктор чувствовал себя не в своей тарелке с первой же минуты, как только обнаружил среди гостей этого человека, который был ему глубоко антипатичен, и лишь уважение к мисс Питтипэт и сознание, что он находится под ее кровом, заставляли его не проявлять слишком открыто своих чувств.
"Well, sir?" the doctor barked in reply.	- Ну и что же, сэр? - буркнул он в ответ.

"I believe Captain Ashburn said just a while ago that General Johnston had only about forty thousand, counting the deserters who were encouraged to come back to the colors by the last victory."	- А капитан Эшберн, по-моему, только что сообщил нам, что в распоряжении генерала Джонстона всего сорок тысяч солдат, считая и тех дезертиров, которых убедили возвратиться под наши знамена после одержанной нами последней победы.
"Sir," said Mrs. Meade indignantly.	- Сэр! - негодующе воскликнула миссис Мид.
"There are no deserters in the Confederate army."	- В армии конфедератов нет дезертиров.
"I beg your pardon," said Rhett with mock humility.	- Прошу прощения, - с притворным смирением поправился Ретт.

"I meant those thousands on furlough who forgot to rejoin their regiments and those who have been over their wounds for six months but who remain at home, going about their usual business or doing the spring plowing."	- Я имел в виду те несколько тысяч воинов, которые позабыли вернуться в свою часть из отпуска, а также тех, кто после шестимесячного залечивания ран продолжает оставаться дома, занимаясь своими обычными делами или весенней пахотой.
His eyes gleamed and Mrs. Meade bit her lip in a huff.	Глаза его насмешливо блеснули, и миссис Мид оскорбление поджала губы.
Scarlett wanted to giggle at her discomfiture, for Rhett had caught her fairly.	А Скарлетт, заметив ее замешательство, едва не хихикнула: Ретт попал не в бровь, а в глаз.

There were hundreds of men skulking in the swamps and the mountains, defying the provost guard to drag them back to the army.	Сотни солдат скрывались в горах и на болотах, отказываясь повиноваться военной полиции, пытавшейся погнать их обратно на фронт.
They were the ones who declared it was a "rich man's war and a poor man's fight" and they had had enough of it.	Они открыто заявляли, что эту "войну ведут богачи, а кровь проливают бедняки" и они сыты войной по горло.
But outnumbering these by far were men who, though carried on company rolls as deserters, had no intention of deserting permanently.	Но гораздо больше было таких, которые не имели намерения совсем дезертировать из армии, хотя и числились в списках дезертиров.

They were the ones who had waited three years in vain for furloughs and while they waited received ill-spelled letters from home:	К ним принадлежали те, кто на протяжении трех лет тщетно дожидался отпуска и все это время получал из дома полуграмотные каракули, извещавшие:
"We air hungry"	"Мы голодаем...",
"There won't be no crop this year-there ain't nobody to plow."	"В этом году не снимем урожая - пахать некому.
"We air hungry."	Мы голодаем...",
"The commissary took the shoats, and we ain't had no money from you in months.	"Уполномоченный забрал поросят, а мы уж который месяц не получаем от тебя денег.
We air livin' on dried peas."	Едим один сушеный горох ".

Always the rising chorus swelled:	И этот хор голосов непременно множился:
"We are hungry, your wife, your babies, your parents.	"Мы все голодаем - и жена твоя, и твои ребятишки, и твои родители.
When will it be over?	Когда же это кончатся-то?
When will you come home?	Скоро ль ты приедешь домой?
We are hungry, hungry." When furloughs from the rapidly thinning army were denied, these soldiers went home without them, to plow their land and plant their crops, repair their houses and build up their fences.	Мы голодаем; голодаем..." И когда в поредевшей армии были отменены отпуска, солдаты самовольно ушли домой, чтобы вспахать землю, посеять хлеб, починить дома и поправить изгороди.

When regimental officers, understanding the situation, saw a hard fight ahead, they wrote these men, telling them to rejoin their companies and no questions would be asked.	Полковые командиры, зная, что предстоят жаркие бои, посылали этим солдатам письма, прося вернуться в часть, и, понимая положение вещей, обещали, что с нарушителей ничего не спросится.
Usually the men returned when they saw that hunger at home would be held at bay for a few months longer.	Чаще всего солдаты возвращались, если видели, что в ближайшие месяцы их близким голод не грозит.

"Plow furloughs" were not looked upon in the same light as desertion in the face of the enemy, but they weakened the army just the same.	Эти "пахотные отлучки" не ставились на одну доску с дезертирством перед лицом неприятеля, но они не могли не ослаблять армии.
Dr. Meade hastily bridged over the uncomfortable pause, his voice cold:	Доктор Мид поспешил нарушить неловкое молчание. Голос его звучал холодно:
"Captain Butler, the numerical difference between our troops and those of the Yankees has never mattered.	- Численное превосходство сил противника над нашими вооруженными силами никогда не имело существенного значения.
One Confederate is worth a dozen Yankees."	Один конфедерат стоит дюжины янки.
The ladies nodded.	Дамы закивали.

Everyone knew that.	Эта истина была всем известна.
"That was true at the first of the war," said Rhett.	- Так было в первые месяцы войны, - сказал Ретт Батлер.
"Perhaps it's still true, provided the Confederate soldier has bullets for his gun and shoes on his feet and food in his stomach.	- Возможно, так было бы и сейчас, будь у конфедератов пули для винтовок, сапоги на ногах и не пустой желудок.

Eh, Captain Ashburn?"	А вы что скажете, капитан Эшберн?
His voice was still soft and filled with specious humility.	Он говорил вкрадчиво и все с тем же показным смирением.

Carey Ashburn looked unhappy, for it was obvious that he, too, disliked Rhett intensely. He gladly would have sided with the doctor but he could not lie.	Кэйри Эшберн был в большом затруднении, так как он - по всему было видно - тоже крепко недолюбливал капитана Батлера и охотно принял бы сторону доктора, но лгать Кэйри не умел.
The reason he had applied for transfer to the front, despite his useless arm, was that he realized, as the civilian population did not, the seriousness of the situation.	Потому он и попросился на фронт, невзирая на свою искалеченную руку, что понимал то, чего не понимало гражданское население города, - серьезность положения.

There were many other men, stumping on wooden pegs, blind in one eye, fingers blown away, one arm gone, who were quietly transferring from the commissariat, hospital duties, mail and railroad service back to their old fighting units.	И таких, как он, было немало - немало одноногих калек, ковылявших на деревяшках, однору-ких, или с оторванными пальцами, или слепых на один глаз, которые, безропотно оставив ра-боту в интендантских службах, в госпитале, в железнодорожном депо или на почте, возвра-щались в свои прежние войсковые части.
They knew Old Joe needed every man.	Они знали, что старине Джо нужен сейчас каж-дый солдат.
He did not speak and Dr. Meade thundered, losing his temper:	Капитан Эшберн ниче-го не ответил, и доктор Мид, потеряв терпение, загремел:

"Our men have fought without shoes before and without food and won victories.	- Наши солдаты и раньше сражались без сапог и с пустым желудком и одерживали победы.
And they will fight again and win!	И они снова будут сражаться и победят!
I tell you General Johnston cannot be dislodged!	Говорю вам: генерала Джонстона не выбить с его позиций!
The mountain fastnesses have always been the refuge and the strong forts of invaded peoples from ancient times.	Г орные твердыни всегда, во все времена служили надежным оплотом против захватчиков.
Think of-think of Thermopylae!"	Вспомните.., вспомните про Фермопилы!

Scarlett thought hard but Thermopylae meant nothing to her.	Как ни старалась Скарлетт что-нибудь вспомнить, слово "Фермопилы" ничего ей не говорило.
"They died to the last man at Thermopylae, didn't they, Doctor?" Rhett asked, and his lips twitched with suppressed laughter.	- Но они же погибли там все, при Фермопилах, все до единого солдата, разве не так, доктор? - спросил Ретт, и губы его дрогнули - он, казалось, с трудом сдерживал смех.
"Are you being insulting, young man?"	- Вы, должно быть, смеетесь надо мной, молодой человек!
"Doctor!	- Что вы, доктор!
I beg of you!	Помилуйте!
You misunderstood me!	Вы меня не поняли.

I merely asked for information.	Я просто хотел получить у вас справку.
My memory of ancient history is poor."	Я плохо помню античную историю.

"If need be, our army will die to the last man before they permit the Yankees to advance farther into Georgia," snapped the doctor.	- Если потребуется, наши солдаты тоже полягут все до единого, но не допустят, чтобы янки продвинулись в глубь Джорджии, - решительно заявил доктор.
"But it will not be.	- Только этого не будет.
They will drive them out of Georgia in one skirmish."	Они выбьют янки из пределов Джорджии после первой же схватки.

Aunt Pittypat rose hastily and asked Scarlett to favor them with a piano selection and a song.	Тетушка Питтипэт то- ропливо поднялась с кресла и попросила Скарлетт сыграть для гостей что-нибудь на фортепьяно и спеть.
She saw that the conversation was rapidly getting into deep and stormy water.	Она видела, что разго- вор быстро принима- ет бурный и опасный оборот.
She had known very well there would be trouble if she invited Rhett to supper.	Она с самого начала знала, что не обойдет- ся без неприятностей, если оставить Ретта Батлера ужинать.
There was always trouble when he was present.	С ним никогда не об- ходится без неприят- ностей.

Just how he started it, she never exactly understood.	Она просто не понимала, как этот человек умудряется всегда всех бесить.
Dear! Dear!	О господи, господи!
What did Scarlett see in the man?	И что только Скарлетт находит в нем!
And how could dear Melly defend him?	И как дорогая Мелани решается его защищать!
As Scarlett went obediently into the parlor, a silence fell on the porch, a silence that pulsed with resentment toward Rhett.	Скарлетт поспешно направилась в гостиную, а на веранде воцарилась тишина, насыщенная неприязнью к Ретту Батлеру.

How could anyone not believe with heart and soul in the invincibility of General Johnston and his men?	Как может кто-то не верить всем сердцем и всей душой в непобедимость генерала Джонстона и его солдат?
Believing was a sacred duty.	Верить - это священный долг каждого.
And those who were so traitorous as not to believe should, at least, have the decency to keep their mouths shut.	А тот, чье вероломство лишило его этой веры, должен хотя бы из чувства приличия держать язык за зубами.
Scarlett struck a few chords and her voice floated out to them from the parlor, sweetly, sadly, in the words of a popular song:	Скарлетт взяла несколько аккордов, и из гостиной донеслись печальные и нежные слова популярной песни:

"Into a ward of whitewashed walls Where the dead and dying lay-Wounded with bayonets, shells and balls-Somebody's darling was borne one day.	В палату, пропахшую кровью, Где рядом - живой и мертвец, Одаренный чьей-то любовью, Доставлен был юный храбрец.
"Somebody's darling! so young and so brave!	Столь юный, любимый столь нежно.
Wearing still on his pale, sweet face-Soon to be hid by the dust of the grave-The lingering light of his boyhood's grace."	И зримо на бледном челе Мерцал приговор неизбежный: Он скоро истлеет в земле.

"Matted and damp are the curls of gold," mourned Scarlett's faulty soprano, and Fanny half rose and said in a faint, strangled voice:	- "В поту золотистые кудри..." - грустило глуховатое сопрано Скарлетт. Тут Фэнни, приподнявшись с кресла, крикнула слабым, сдавленным голосом:

"Sing something else!"	- Спойте что-нибудь другое!
The piano was suddenly silent as Scarlett was overtaken with surprise and embarrassment.	Музыка оборвалась. Скарлетт растерянно умолкла.
Then she hastily blundered into the opening bars of	Затем поспешно заиграла вступление к

"Jacket of Gray" and stopped with a discord as she remembered how heartrending that selection was too.	"Серым мундирам", но, вспомнив, как трагичен конец и этой песни, совсем смешалась и взяла неверный аккорд.
The piano was silent again for she was utterly at a loss. All the songs had to do with death and parting and sorrow.	После этого фортепьяно некоторое время молчало, ибо Скарлетт окончательно стала в тупик: во всех песнях была печаль, смерть, разлука.
Rhett rose swiftly, deposited Wade in Fanny's lap, and went into the parlor.	Ретт встал, положил Уэйда на колени Фэнни Элсинг и скрылся в гостиной.
"Play	- Сыграйте
'My Old Kentucky Home,'" he suggested smoothly, and Scarlett gratefully plunged into it.	"Мой дом, мой Кентукки", - спокойно подсказал он, и Скарлетт обрадованно заиграла и запела.

Her voice was joined by Rhett's excellent bass, and as they went into the second verse those on the porch breathed more easily, though Heaven knew it was none too cheery a song, either.	Сочный бас Ретта вторил ей, и когда они начали второй куплет, напряжение на веранде стало ослабевать, хотя, видит бег, и эту песню никак нельзя было назвать веселой.
"Just a few more days for to tote the weary load!	Еще день, еще два свою ношу нести
No matter, 'twill never be light!	И не ждать ниоткуда подмоги.
Just a few more days, till we totter in the road!	Еще день, еще два но дорогам брести,
Then, my old Kentucky home, good night!"	Здравствуй, дом мой, о мой Кентукки...

Dr. Meade's prediction was right-as far as it went.	Пока что все предсказания доктора Мида сбывались.
Johnston did stand like an iron rampart in the mountains above Dalton, one hundred miles away.	Генерал Джонстон и в самом деле стоял как неприступный, несокрушимый бастион в горах под Далтоном в ста милях от Атланты.
So firmly did he stand and so bitterly did he contest Sherman's desire to pass down the valley toward Atlanta that finally the Yankees drew back and took counsel with themselves.	Так незыблемо он стоял и так ожесточенно противился стремлению Шермана проникнуть в долину и двинуться к Атланте, что янки отошли назад и созвали совещание.

They could not break the gray lines by direct assault and so, under cover of night, they marched through the mountain passes in a semicircle, hoping to come upon Johnston's rear and cut the railroad behind him at Resaca, fifteen miles below Dalton.	Поскольку им не удавалось прорвать серые линии ударом в лоб, они под покровом ночи пошли горными тропами в обход, рассчитывая напасть на Джонстона с тыла и перерезать железнодорожные пути у Резаки, в пятнадцати милях от Далтона.

With those precious twin lines of iron in danger, the Confederates left their desperately defended rifle pits and, under the starlight, made a forced march to Resaca by the short, direct road. When the Yankees, swarming out of the hills, came upon them, the Southern troops were waiting for them, entrenched behind breastworks, batteries planted, bayonets gleaming, even as they had been at Dalton.	Как только эти две драгоценные полоски стали оказались под угрозой, конфедераты покинули с такой отчаянной решимостью защищаемые ими стрелковые гнезда и форсированным маршем при блеске звезд двинулись к Резаке наиболее коротким, прямым путем, и янки, спустившись с предгорий, вышли прямо на них, но войска южан были уже готовы к встрече: брустверы возведены, батареи расставлены, солдаты лежали в окопах, ощетинившись штыками, - все было как под Далтоном.

When the wounded from Dalton brought in garbled accounts of Old Joe's retreat to Resaca, Atlanta was surprised and a little disturbed.	Когда от раненых, прибывавших из Далтона, начали поступать отрывочные сведения об отступлении старины Джо к Резаке, Атланта была удивлена и слегка встревожена.
It was as though a small, dark cloud had appeared in the northwest, the first cloud of a summer storm.	Маленькое темное облачко появилось на северо-западе - первый вестник надвигающейся летней грозы.
What was the General thinking about, letting the Yankees penetrate eighteen miles farther into Georgia?	О чем думает генерал, позволяя янки продвинуться на восемнадцать миль в глубь Джорджии?

The mountains were natural fortresses, even as Dr. Meade had said.	Горы - это природная, естественная крепость, вот и доктор Мид так говорил.
Why hadn't Old Joe held the Yankees there?	Почему же старина Джо не задержал противника там?
Johnston fought desperately at Resaca and repulsed the Yankees again, but Sherman, employing the same flanking movement, swung his vast army in another semicircle, crossed the Oostanaula River and again struck at the railroad in the Confederate rear.	Войска Джонстона оказали отчаянное сопротивление у Резаки и снова отразили атаку янки, но Шерман повторил свой фланкирующий маневр, обошел противника, взяв его в полукольцо, переправился через реку Оостанаула и создал угрозу железнодорожной линии в тылу у конфедератов.

Again the gray lines were summoned swiftly from their red ditches to defend the railroad, and, weary for sleep, exhausted from marching and fighting, and hungry, always hungry, they made another rapid march down the valley.	И снова серые мундиры спешно покинули свои красные глиняные окопы, чтобы отстоять железнодорожное полотно, и, усталые, измотанные боями, переходами, недосыпанием и как всегда голодные, совершили еще один быстрый бросок в глубь долины.
They reached the little town of Calhoun, six miles below Resaca, ahead of the Yankees, entrenched and were again ready for the attack when the Yankees came up.	Опередив янки, они вышли к маленькому селению Калхоун, в шести милях от Резаки, окопались и к приходу янки готовы были к обороне.

The attack came, there was fierce skirmishing and the Yankees were beaten back.	Атака повторилась, завязалась жестокая схватка, и нападение было отбито.
Wearily the Confederates lay on their arms and prayed for respite and rest.	Измученные конфедераты повалились на землю, побросав винтовки, моля бога о передышке, об отдыхе.
But there was no rest.	Но отдыха для них не было.

Sherman inexorably advanced, step by step, swinging his army about them in a wide curve, forcing another retreat to defend the railroad at their back.	Шерман неумолимо, шаг за шагом приближался, обходя их с флангов, вынуждая снова и снова отступать, дабы удерживать железнодорожные пути у себя за спиной.

The Confederates marched in their sleep, too tired to think for the most part.	Конфедераты спали на ходу, слишком измученные, чтобы о чем-нибудь думать.
But when they did think, they trusted old Joe.	Но когда их сознание в какой-то миг прояснялось, они верили в старину Джо.
They knew they were retreating but they knew they had not been beaten.	Они понимали, что отступают, но знали также, что ни разу не были побиты.
They just didn't have enough men to hold their entrenchments and defeat Sherman's flanking movements, too.	Просто их было слишком мало, чтобы одновременно и удерживать позиции, и препятствовать обходным маневрам Шермана.

They could and did lick the Yankees every time the Yankees would stand and fight.	Они могли побить янки и били их всякий раз, когда те останавливались и вступали в схватку.
What would be the end of this retreat, they did not know.	Каков будет конец этого отступления, они не знали.
But Old Joe knew what he was doing and that was enough for them.	Но старина Джо знал, что делает, и этого им было довольно.
He had conducted the retreat in masterly fashion, for they had lost few men and the Yankees killed and captured ran high.	Он искусно проводил отступление, ибо убитых с их стороны было немного, а янки они поубивали и забрали в плен великое множество.
They hadn't lost a single wagon and only four guns.	Сами они не потеряли ни одного фургона и только четыре орудия.

And they hadn't lost the railroad at their back, either.	Не потеряли они и железнодорожных путей у себя в тылу.
Sherman hadn't laid a finger on it for all his frontal attacks, cavalry dashes and flank movements.	Шерману не удалось их захватить - не помогли ни фронтальные атаки, ни кавалерийские налеты, ни обходные маневры.
The railroad.	Железная дорога.
It was still theirs, that slender iron line winding through the sunny valley toward Atlanta.	Она по-прежнему была в их руках - эти узкие полоски металла, убегавшие, виясь, по залитым солнцем полям вдаль, к Атланте.
Men lay down to sleep where they could see the rails gleaming faintly in the starlight.	Люди устраивались на ночлег так, чтобы видеть поблескивавшие при свете звезд рельсы.

Men lay down to die, and the last sight that met their puzzled eyes was the rails shining in the merciless sun, heat shimmering along them.	Люди падали, сраженные пулей, и последнее, что видел их угасающий взор, были сверкающие под беспощадным солнцем рельсы и струящееся над ними знойное марево.
As they fell back down the valley, an army of refugees fell back before them.	Войска отходили в глубь страны по долине, а впереди них откатывалась армия беженцев.

Planters and Crackers, rich and poor, black and white, women and children, the old, the dying, the crippled, the wounded, the women far gone in pregnancy, crowded the road to Atlanta on trains, afoot, on horseback, in carriages and wagons piled high with trunks and household goods. Five miles ahead of the retreating army went the refugees, halting at Resaca, at Calhoun, at Kingston, hoping at each stop to hear that the Yankees had been driven back so they could return to their homes.	Плантаторы и безземельные, богатые и бедные, белые и черные, женщины и дети, старики и калеки, раненые и умирающие и даже женщины на сносях запрудили дороги к Атланте: они шли пешком, они ехали на поездах, верхом, в экипажах, на повозках, доверху загруженных сундуками и всякой домашней утварью... На пять миль впереди отступающей армии катилась волна беженцев, застревая в Резаке, в Калхоуне, Кингстоне - каждый раз в надежде услышать, что янки отброшены назад и путь домой свободен.

But there was no retracing that sunny road.	Но не было для них пути обратно по этой солнечной долине.
The gray troops passed by empty mansions, deserted farms, lonely cabins with doors ajar.	Серые ряды солдат проходили мимо покинутых поместий, брошенных ферм, опустевших хижин с распахнутыми настежь дверями.
Here and there some lone woman remained with a few frightened slaves, and they came to the road to cheer the soldiers, to bring buckets of well water for the thirsty men, to bind up the wounds and bury the dead in their own family burying grounds.	Кое-где можно было увидеть одинокую фигуру женщины, не покинувшей родного гнезда, и возле нее кучку перепуганных рабов. Женщины выходили на дорогу, чтобы приветствовать солдат, напоить жаждущих свежей водой, принесенной в ведерке из колодца, перевязать раненых или похоронить мертвых на своем семейном кладбище.

But for the most part the sunny valley was abandoned and desolate and the untended crops stood in parching fields.	Но чаще солнечная долина казалась совсем безлюдной и заброшенной - лишь палимые солнцем посевы одиноко стояли в полях.
Flanked again at Calhoun, Johnston fell back to Adairsville, where there was sharp skirmishing, then to Cassville, then south of Cartersville.	Снова обойденный с флангов под Калхоуном, Джонстон отступил к Адаирсвиллу, где завязалась жаркая перестрелка, оттуда - к Кассвиллу и затем дальше на юг, к Картерсвиллу.
And the enemy had now advanced fifty-five miles from Dalton.	Теперь уже неприятель продвинулся на пятьдесят пять миль от Далтона.

At New Hope Church, fifteen miles farther along the hotly fought way, the gray ranks dug in for a determined stand.	Проделав еще пятнадцать миль по дороге отступлений и боев, серые цепочки заняли твердый оборонительный рубеж под Ныо-Хоуп-Черч и окопались.
On came the blue lines, relentlessly, like a monster serpent, coiling, striking venomously, drawing its injured lengths back, but always striking again.	Синие цепочки неотвратимо наползали, извиваясь как невиданные змеи, ожесточенно нападали, жалили, оттягивали свои поредевшие ряды назад и бросались в атаку снова и снова.

There was desperate fighting at New Hope Church, eleven days of continuous fighting, with every Yankee assault bloodily repulsed.	Жестокие бои под Нью-Хоуп-Черч длились безостановочно одиннадцать суток, и все атаки противника были отбиты в кровавом бою.
Then Johnston, flanked again, withdrew his thinning lines a few miles farther.	После чего Джонстон, снова обойденный с флангов, отступил со своей обескровленной армией еще на несколько миль.
The Confederate dead and wounded at New Hope Church ran high.	Потери армии конфедератов при Ньо-Хоуп-Черч убитыми и ранеными были огромны.

The wounded flooded Atlanta in train-loads and the town was appalled.	Поезда с ранеными прибывали в Атланту один за другим, и город пришел в смятение.

Never, even after the battle of Chickamauga, had the town seen so many wounded.	Такого количества пострадавших здесь не видели ни разу, даже после битвы при Чикамауге.
The hospitals overflowed and wounded lay on the floors of empty stores and upon cotton bales in the warehouses.	Госпитали были переполнены, раненые лежали прямо на полу в опустевших складах и на кипах хлопка - в хранилищах.
Every hotel, boarding house and private residence was crowded with sufferers.	Все гостиницы, все пансионы и все частные владения были забиты жертвами войны.

Aunt Pitty had her share, although she protested that it was most unbecoming to have strange men in the house when Melanie was in a delicate condition and when gruesome sights might bring on premature birth.	Не избег этой участи и дом тетушки Питтипэт, хотя она и пробовала протестовать, заявляя, что это верх неприличия! - держать в доме незнакомых мужчин, особенно когда Мелани в интересном положении и может выкинуть от страшного зрелища крови и ран.
But Melanie reefed up her top hoop a little higher to hide her thickening figure and the wounded invaded the brick house.	Но Мелани подтянула повыше верхний обруч своего кринолина, дабы скрыть выступающий живот, и раненые наводнили кирпичный дом.

There was endless cooking and lifting and turning and fanning, endless hours of washing and rerolling bandages and picking lint, and endless warm nights made sleepless by the babbling delirium of men in the next room.	Один за другим потекли дни беспрерывной стряпни, стирки, скатывания бинтов, щипания корпии, перекладываний, приподниманий, обмахиваний веерами, вперемежку с жаркими бессонными ночами под аккомпанемент бессвязных выкриков раненых, мечущихся в бреду в соседней комнате.
Finally the choked town could take care of no more and the overflow of wounded was sent on to the hospitals at Macon and Augusta.	Когда задыхающийся город больше уже никого не мог вместить, поток раненых был направлен в госпитали Мейкона и Огасты.

With this backwash of wounded bearing conflicting reports and the increase of frightened refugees crowding into the already crowded town, Atlanta was in an uproar.	Хлынувшая в Атланту волна раненых принесла с собой ворох разноречивых сообщений; приток беженцев рос, затопляя и без того забитый людьми город, и охваченная волнением Атланта гудела.
The small cloud on the horizon had blown up swiftly into a large, sullen storm cloud and it was as though a faint, chilling wind blew from it.	Маленькое облачко, появившееся на небосклоне, стремительно росло, превращаясь в огромную зловещую грозовую тучу, и на город повеяло леденящим душу ветром.
No one had lost faith in the invincibility of the troops but everyone, the civilians at least, had lost faith in the General.	Никто еще не утратил веры в непобедимость армии, но никто - никто из гражданского населения во всяком случае - не верил больше в генерала Джонстона.

New Hope Church was only thirty-five miles from Atlanta!	От Нью-Хоуп-Черч было всего тридцать пять миль до Атланты!
The General had let the Yankees push him back sixty-five miles in three weeks!	За три недели генерал Джон-стон позволил янки отбросить его войско на шестьдесят пять миль!
Why didn't he hold the Yankees instead of everlastingly retreating?	Почему, вместо того чтобы остановить янки, он беспрерывно отступает?
He was a fool and worse than a fool.	Он тупица и даже того хуже.

Graybeards in the Home Guard and members of the state militia, safe in Atlanta, insisted they could have managed the campaign better and drew maps on tablecloths to prove their contentions.	Седобородые мужи из войск внутреннего охранения и милиции, благополучно пересидевшие все бои в Атланте, утверждали, что они провели бы эту кампанию куда лучше, и в доказательство чертили на скатертях карты военных действий.
As his lines grew thinner and he was forced back farther, the General called desperately on Governor Brown for these very men, but the state troops felt reasonably safe.	Генерал Джонстон, вынужденный отступать все дальше и дальше, когда его войско совсем поредело, в отчаянии воззвал к губернатору Брауну, прося о подкреплении за счет именно этих гарнизонных служак, но те чувствовали себя в полной безопасности.

After all, the Governor had defied Jeff Davis' demand for them.	Ведь губернатор уже однажды не внял такому же требованию со стороны Джефа Дэвиса.
Why should he accede to General Johnston?	Чего ради станет он удовлетворять просьбу генерала Джонстона?
Fight and fall back!	Бои и отступления!
Fight and fall back!	И снова бои, и снова отступления!
For seventy miles and twenty-five days the Confederates had fought almost daily.	Двадцать пять суток почти ежедневных боев и семьдесят пять миль отступлений выдержала армия конфедератов.

New Hope Church was behind the gray troops now, a memory in a mad haze of like memories, heat, dust, hunger, weariness, tramp-tramp on the red rutted roads, slop-slop through the red mud, retreat, entrench, fight-retreat, entrench, fight. New Hope Church was a nightmare of another life and so was Big Shanty, where they turned and fought the Yankees like demons.	Теперь уже Нью-Хоуп-Черч остался позади, превратившись в еще одно воспоминание в ряду других таких же безумных воспоминаний, в которых, как в кровавом тумане, смешалось все: и жара, и пыль, и голод, и усталость.., и шлеп, шлеп сапогами по красным колеям дорог, и шлеп, шлеп по красной слякоти.., в бой, и отходи, и окапывайся, и снова в бой, и снова отходи, и снова окапывайся, и снова в бой... Нью-Хоуп-Черч был кошмаром уже из какой-то другой жизни, и таким же кошмаром был и Биг-Шэнти, где внезапно повернули и ударили по янки, налетели на них как черти.

But, fight the Yankees till the fields were blue with dead, there were always more Yankees, fresh Yankees; there was always that sinister southeast curving of the blue lines toward the Confederate rear, toward the railroad-and toward Atlanta!	Но сколько бы они ни били янки, оставляя позади усеянные синими мундирами поля, вокруг снова были янки, снова свежие и свежие пополнения, снова с северо-востока наползало зловещее синее полукольцо, прорываясь в тыл конфедератам, к железной дороге, к Атланте!
From Big Shanty, the weary sleepless lines retreated down the road to Kennesaw Mountain, near the little town of Marietta, and here they spread their lines in a ten-mile curve.	От Биг-Шэнти измученные, не спавшие ночи и ночи подряд отряды отступили вдоль дороги до горы Кеннесоу, неподалеку от маленького городка Мариетты, и заняли там оборонительный рубеж, растянувшись дугой на десять миль.

On the steep sides of the mountain they dug their rifle pits and on the towering heights they planted their batteries.	На крутых склонах горы они вырыли свои одиночные окопчики, а над ними, на вершине, расположили батареи.

Swearing, sweating men hauled the heavy guns up the precipitous slopes, for mules could not climb the hillsides.	Обливаясь потом, чертыхаясь, солдаты на руках втаскивали тяжелые орудия на благословенные кручи, куда не могли взобраться мулы.
Couriers and wounded coming into Atlanta gave reassuring reports to the frightened townspeople.	Раненые и вестовые, прибывшие в Атланту, успокаивали перепуганное население города.
The heights of Kennesaw were impregnable.	Кручи Кеннесоу неприступны.

So were Pine Mountain and Lost Mountain near by which were also fortified.	Так же как и гора Пайн и гора Лост, расположенные рядом и тоже укрепленные.
The Yankees couldn't dislodge Old Joe's men and they could hardly flank them now for the batteries on the mountain tops commanded all the roads for miles.	Янки не смогут выбить старину Джо с его позиций, и теперь им едва ли удастся обойти его с флангов, так как укрытые в горах батареи держат под огнем все дороги на много миль.
Atlanta breathed more easily, but-	Атланта вздохнула было свободно, но...
But Kennesaw Mountain was only twenty-two miles away!	На ведь гора Кеннесоу была всего в двадцати двух милях от города!

On the day when the first wounded from Kennesaw Mountain were coming in, Mrs. Merriwether's carriage was at Aunt Pitty's house at the unheard-of hour of seven in the morning, and black Uncle Levi sent up word that Scarlett must dress immediately and come to the hospital.	В день, когда первые раненые с горы Кеннесоу стали прибывать в город, экипаж миссис Мерриуэзер остановился перед домом тетушки Питти в совершенно не предусмотренный для визитов час - в семь утра, и черный слуга, дядюшка Леви, был послан наверх, к Скарлетт: пусть она немедленно оденется - надо ехать в госпиталь.

Fanny Elsing and the Bonnell girls, roused early from slumber, were yawning on the back seat and the Elsings' mammy sat grumpily on the box, a basket of freshly laundered bandages on her lap.	Фэнни Элсинг и сестры Боннелл, поднятые ни свет ни заря с постелей, отчаянно зевали на заднем сиденье экипажа, а элсинговская кормилица с крайне недовольным видом сидела на козлах с корзиной свежевыстиранных бинтов на коленях.
Off Scarlett went, unwillingly for she had danced till dawn the night before at the Home Guard's party and her feet were tired.	Скарлетт встала с постели раздосадованная, так как протанцевала всю ночь напролет на балу в гарнизоне, и у нее от усталости гудели ноги.

She silently cursed the efficient and indefatigable Mrs. Merriwether, the wounded and the whole Southern Confederacy, as Prissy buttoned her in her oldest and raggedest calico frock which she used for hospital work.	Пока Присси застегивала на ней самое старое и поношенное ситцевое платье, надевавшееся только в госпиталь, она мысленно проклинала деятельную и неутомимую миссис Мерриуэзер и раненых, а заодно и всю Конфедерацию в целом.
Gulping down the bitter brew of parched corn and dried sweet potatoes that passed for coffee, she went out to join the girls.	Наскоро хлебнув горького пойла из сушеного батата и поджаренной кукурузы, заменявшего кофе, она вышла из дому и забралась в коляску.
She was sick of all this nursing.	Осточертела ей эта работа в госпитале.

This very day she would tell Mrs. Merriwether that Ellen had written her to come home for a visit.	Сегодня же она скажет миссис Мерриуэзер, что Эллин прислала письмо: просит ее приехать домой погостить.

Much good this did her, for that worthy matron, her sleeves rolled up, her stout figure swathed in a large apron, gave her one sharp look and said:	Однако толку от этого вышло мало. Достойная матрона в платье с засученными выше локтя рукавами и в широченном переднике, облегавшем ее дородную фигуру, искоса метнула на нее острый взгляд и сказала:
"Don't let me hear any more such foolishness, Scarlett Hamilton.	- Чтобы я больше не слышала от вас этого вздора, Скарлетт Гамильтон!

I'll write your mother today and tell her how much we need you, and I'm sure she'll understand and let you stay.	Сегодня же напишу вашей матушке и объясню, как мы нуждаемся в вашей помощи. Не сомневаюсь, что она поймет и разрешит вам остаться.
Now, put on your apron and trot over to Dr. Meade.	А теперь надевайте передник и живей - к доктору Миду.
He needs someone to help with the dressings."	Ему нужна помощница делать перевязки.
"Oh, God," thought Scarlett drearily, "that's just the trouble.	"О боже! - угрюмо подумала Скарлетт. - Да в том-то и беда.
Mother will make me stay here and I shall die if I have to smell these stinks any longer!	Мама конечно же велит мне остаться здесь, а я просто погибаю от этой вони, не могу я больше!

I wish I was an old lady so I could bully the young ones, instead of getting bullied-and tell old cats like Mrs. Merriwether to go to Halifax!"	Вот будь я старухой - тогда сама командовала бы девчонками, а мной никто бы не командовал... И послала бы я всех этих старых ведьм во главе с миссис Мерриуазер ко всем чертям!"
Yes, she was sick of the hospital, the foul smells, the lice, the aching, unwashed bodies.	Да просто с души воротит от этого госпиталя, от этого зловония, вшей, немытых, искалеченных тел.
If there had ever been any novelty and romance about nursing, that had worn off a year ago.	Если поначалу в работе для нее была новизна, какая-то романтика, то еще год назад ей все приелось.

Besides, these men wounded in the retreat were not so attractive as the earlier ones had been.	К тому же эти раненые, испытавшие горечь отступления, были совсем не так привлекательны, как те, из первых эшелонов.
They didn't show the slightest interest in her and they had very little to say beyond:	Они не проявляли к ней никакого интереса. От них только одно и можно было услышать:
"How's the fightin' goin'?	"Как там наши бьются?
What's Old Joe doin' now?	А что предпринял сейчас старина Джо?
Mighty clever fellow, Old Joe."	Страх какой мозговитый командир старина Джо".
She didn't think Old Joe a mighty clever fellow.	А Скарлетт старина Джо совсем не казался таким уж мозговитым.

All he had done was let the Yankees penetrate eighty-eight miles into Georgia.	Все, что он сумел сделать, - это позволил янки проникнуть на восемьдесят восемь миль в глубь Джорджии.
No, they were not an attractive lot.	Нет, эти раненые были ей совсем не симпатичны.

Moreover, many of them were dying, dying swiftly, silently, having little strength left to combat the blood poisoning, gangrene, typhoid and pneumonia which had set in before they could reach Atlanta and a doctor.	К тому же очень уж многие из них умирали -умирали быстро, молча, слишком истощенные, чтобы бороться с гангреной, заражением крови, тифом и пневмонией, начавшимися прежде, чем они смогли добраться до Атланты и попасть в руки врача.
The day was hot and the flies came in the open windows in swarms, fat lazy flies that broke the spirits of the men as pain could not.	Дни стояли жаркие, и в отворенные окна тучами залетали мухи - жирные, ленивые мухи, истощавшие терпение раненых хуже, чем боли от ран.

The tide of smells and pain rose and rose about her.	Волны страданий и смрада обступали Скарлетт со всех сторон, вздымались все выше и выше.
Perspiration soaked through her freshly starched dress as she followed Dr. Meade about, a basin in her hand.	Ее свеженакрахмаленное платье взмокло от пота, пока она, с тазом в руках, следовала за доктором Мидом, переходя от раненого к раненому.
Oh, the nausea of standing by the doctor, trying not to vomit when his bright knife cut into mortifying flesh!	Боже, как ей было гадко, какие усилия она прилагала, чтобы ее не стошнило у всех на глазах, когда блестящий нож доктора Мида вонзался в истерзанное тело!

And oh, the horror of hearing the screams from the operating ward where amputations were going on!	А как ужасно было слышать доносившиеся из операционной вопля, когда там производилась ампутация!
And the sick, helpless sense of pity at the sight of tense, white faces of mangled men waiting for the doctor to get to them, men whose ears were filled with screams, men waiting for the dreadful words:	Как мучительно испытывать чувство жалости и бессилия, глядя на бледные лица искалеченных людей, слышавших эти вопли и напряженно ожидавших, что доктор сейчас подойдет и скажет:
"I'm sorry, my boy, but that hand will have to come off.	"Что поделаешь, мой мальчик, руку тебе придется отнять.

Yes, yes, I know; but look, see those red streaks?	Да, да, я понимаю, но ты же видишь эти багровые пятна?
It'll have to come off."	Придется тебе с ней расстаться".
Chloroform was so scarce now it was used only for the worst amputations and opium was a precious thing, used only to ease the dying out of life, not the living out of pain.	Хлороформа не хватало, и к нему приходилось прибегать лишь при самых тяжелых ампутациях; опиум тоже был на вес золота, и его давали только умирающим, чтобы облегчить им переход на тот свет, а оставшимся на этом свете облегчить страдания было нечем.
There was no quinine and no iodine at all.	И ни хинина, ни йода не было совсем.

Yes, Scarlett was sick of it all, and that morning she wished that she, like Melanie, had the excuse of pregnancy to offer.	Да, Скарлетт все это осточертело, и в то утро она позавидовала Мелани, которую беременность спасала от работы в госпитале.
That was about the only excuse that was socially acceptable for not nursing these days.	Это была почти единственная причина, считавшаяся уважительной в глазах общества и избавлявшая от ухода за ранеными.

When noon came, she put off her apron and sneaked away from the hospital while Mrs. Merriwether was busy writing a letter for a gangling, illiterate mountaineer.	В полдень Скарлетт сня- ла передник и потихоньку улизнула из госпиталя, по- ка миссис Мид писала пись- мо под диктовку какого-то долговязого неграмотного горца.

Scarlett felt that she could stand it no longer.	Скарлетт чувствовала, что силы ее иссякли.

It was an imposition on her and she knew that when the wounded came in on the noon train there would be enough work to keep her busy until night-fall-and probably without anything to eat.	Достаточно уж ею помыкали. К тому же она знала, что сейчас прибудет еще состав с ранеными, и тогда ей придется работать до ночи и даже поесть, возможно, будет некогда.
She went hastily up the two short blocks to Peachtree Street, breathing the unfouled air in as deep gulps as her tightly laced corset would permit.	Она быстро миновала два коротких квартала до Персиковой улицы, жадно и глубоко, насколько позволял туго затянутый корсет, вдыхая чистый, не отравленный смрадом воздух.

She was standing on the corner, uncertain as to what she would do next, ashamed to go home to Aunt Pitty's but determined not to go back to the hospital, when Rhett Butler drove by.	На углу она остановилась, раздумывая, куда бы направиться; ей стыдно было возвратиться к тете Питти, но она твердо решила, что в госпиталь назад не пойдет, и тут вдруг увидела проезжавшего в кабриолете Ретта Батлера.
"You look like the ragpicker's child," he observed, his eyes taking in the mended lavender calico, streaked with perspiration and splotched here and there with water which had slopped from the basin.	- Вы похожи сейчас на дочку старьевщика, -заметил он, одним взглядом охватив заштопанное лиловатое ситцевое платье в пятнах от пота и расплескавшейся из таза воды.

Scarlett was furious with embarrassment and indignation.	Скарлетт не знала, куда деваться от смущения, и страшно обозлилась.
Why did he always notice women's clothing and why was he so rude as to remark upon her present untidiness?	Почему он всегда обращает внимание на дамские туалеты, да еще позволяет себе делать грубые замечания по поводу ее неряшливого вида!
"I don't want to hear a word out of you.	- Ваше мнение меня не интересует.
You get out and help me in and drive me somewhere where nobody will see me.	Спуститесь-ка, помогите мне сесть и отвезите куда-нибудь, где бы меня никто не мог увидеть.
I won't go back to the hospital if they hang me!	Я не вернусь в госпиталь - пусть меня повесят!

My goodness, I didn't start this war and I don't see any reason why I should be worked to death and-"	Не я выдумала эту войну и не вижу причины, почему я должна работать до потери сознания...
"A traitor to Our Glorious Cause!"	- Но это же отступничество от Нашего Священного Дела!
"The pot's calling the kettle black.	- Вам ли это говорить!
You help me in.	Помогите мне сесть в кабриолет.
I don't care where you were going. You're going to take me riding now."	Куда бы вы ни направлялись, вы сначала повезете меня прокатиться.

He swung himself out of the carriage to the ground and she suddenly thought how nice it was to see a man who was whole, who was not minus eyes or limbs, or white with pain or yellow with malaria, and who looked well fed and healthy.	Он спрыгнул на землю, и Скарлетт внезапно подумала: как приятно видеть нормального мужчину - не безрукого, не безногого, не окривевшего, не желтого от малярии, не белого как мел от боли - крепкого, здорового мужчину.
He was so well dressed too.	И хорошо одетого к тому же.
His coat and trousers were actually of the same material and they fitted him, instead of hanging in folds or being almost too tight for movement.	И брюки и сюртук Ретта были из одного и того же материала и сидели на нем отлично, а не болтались как на вешалке и не были узки так, что не пошевелиться.

And they were new, not ragged, with dirty bare flesh and hairy legs showing through.	При этом они были новые, а не какое-нибудь старье, где из прорех выглядывает грязное, волосатое голое тело.
He looked as if he had not a care in the world and that in itself was startling these days, when other men wore such worried, preoccupied, grim looks.	Словом, вид у Ретта был такой, точно ему неведомы никакие заботы на свете, и это само по себе казалось просто невероятным, ибо теперь все мужчины были какие-то озабоченные, встревоженные, мрачные.

His brown face was bland and his mouth, red lipped, clear cut as a woman's, frankly sensual, smiled carelessly as he lifted her into the carriage.	А смуглое лицо Ретта хранило безмятежное выражение, и когда он подсаживал Скарлетт в кабриолет, яркий, чувственный рот его с почти женственно-красивым изгибом губ тронула беззаботная улыбка.
The muscles of his big body rippled against his well-tailored clothes, as he got in beside her, and, as always, the sense of his great physical power struck her like a blow.	Следом за ней он вскочил в экипаж и опустился на сиденье рядом, и она заметила, как играют мускулы под его щегольским костюмом, и снова, как всегда, ее внезапно взволновало исходившее от него ощущение недюжинной силы.

She watched the swell of his powerful shoulders against the cloth with a fascination that was disturbing, a little frightening.	Со смутным, тревожным чувством, похожим на страх, она, словно зачарованная, не могла отвести глаз от его сильных рук и плеч.
His body seemed so tough and hard, as tough and hard as his keen mind.	Крепкое, мускулистое тело Ретта, казалось, таило в себе такую же беспощадность, как его резкий, холодный ум.
His was such an easy, graceful strength, lazy as a panther stretching in the sun, alert as a panther to spring and strike.	И вместе с тем его отличала мягкая грация пантеры - ленивая грация хищника, нежащегося на солнце, но в любую минуту готового к смертоносному прыжку.

"You little fraud," he said, clucking to the horse.	- Ах, вы, маленькая мошенница, - сказал Ретт и прищелкнул языком, погоняя лошадь.
"You dance all night with the soldiers and give them roses and ribbons and tell them how you'd die for the Cause, and when it comes to bandaging a few wounds and picking off a few lice, you decamp hastily."	- Вы же, конечно, всю ночь до утра протанцевали с солдатами, дарили им розы и ленты и уверяли всех, что готовы умереть за наше Дело, а когда понадобилось перевязать двух-трех раненых и поймать двух-трех вшей, поспешили удрать.
"Can't you talk about something else and drive faster?	- Вы не можете поговорить о чем-нибудь другом и подстегнуть лошадь?

It would be just my luck for Grandpa Merriwether to come out of his store and see me and tell old lady-I mean, Mrs. Merriwether."	Не хватает еще попасться на глаза дедуле Мерриуэзеру, когда он выйдет из своей лавки. Старик не преминет, конечно, все разболтать старухе... Я хочу сказать, миссис Мерриуэзер.
He touched up the mare with the whip and she trotted briskly across Five Points and across the railroad tracks that cut the town in two.	Ретт легонько стегнул лошадь кнутом, и она припустилась бодрой рысью через площадь Пяти Углов к железнодорожному переезду, рассекавшему город надвое.

The train bearing the wounded had already come in and the litter bearers were working swiftly in the hot sun, transferring wounded into ambulances and covered ordnance wagons.	Состав с ранеными только что подошел к платформе, и санитары с носилками бегали под палящим солнцем, перетаскивая раненых в санитарные фуры и крытые интендантские фургоны.
Scarlett had no qualm of conscience as she watched them but only a feeling of vast relief that she had made her escape.	Наблюдая за этим, Скарлетт не испытывала угрызений совести - только чувство огромного облегчения оттого, что ей удалось сбежать.
"I'm just sick and tired of that old hospital," she said, settling her billowing skirts and tying her bonnet bow more firmly under her chin.	- Я устала, и меня просто тошнит от этого старого госпиталя, - сказала она, оправляя свои пышные юбки и туже завязывая под подбородком ленты шляпки.

"And every day more and more wounded come in.	- Каждый день прибывают новые и новые раненые.
It's all General Johnston's fault.	И во всем виноват этот генерал Джонстон.
If he'd just stood up to the Yankees at Dalton, they'd have-"	Если бы он стоял себе и стоял под Далтоном, янки бы уже...
"But he did stand up to the Yankees, you ignorant child.	- Но он и стоял, глупое вы дитя.
And if he'd kept on standing there, Sherman would have flanked him and crushed him between the two wings of his army.	А если бы он еще продолжал стоять там, Шерман обошел бы его с флангов, поймал в мешок и уничтожил.

And he'd have lost the railroad and the railroad is what Johnston is fighting for."	И мы потеряли бы железную дорогу, а Джонстон за железную дорогу-то и бьется.
"Oh, well," said Scarlett, on whom military strategy was utterly lost. "It's his fault anyway.	- Ну и что, - сказала Скарлетт, ибо военная стратегия была выше ее понимания, - Все равно это его вина.
He ought to have done something about it and I think he ought to be removed.	Он должен был что-нибудь сделать, и по-моему, его надо сместить.
Why doesn't he stand and fight instead of retreating?"	Почему он не стоит на месте и не сражается, а все отступает и отступает?
"You are like everyone else, screaming	- Вы рассуждаете совсем как те, кто теперь кричит:

'Off with his head' because he can't do the impossible.	"Голову ему с плеч долой!", потому что он не в силах совершить невозможное.
He was Jesus the Savior at Dalton, and now he's Judas the Betrayer at Kennesaw Mountain, all in six weeks.	Он был нашим Христом Спасителем, когда сражался под Далтоном, а к горе Кеннесоу уже стал Иудой Предателем - и это все за каких-нибудь шесть недель.
Yet, just let him drive the Yankees back twenty miles and he'll be Jesus again.	А стоит ему отогнать янки назад миль на двадцать, и он опять станет Иисусом Христом.
My child, Sherman has twice as many men as Johnston, and he can afford to lose two men for every one of our gallant laddies.	Дитя мое" у Шермана вдвое больше солдат, чем у Джонстона, и он может себе позволить потерять двух своих молодцов за каждого нашего доблестного воина.

And Johnston can't afford to lose a single man.	Джонстону же нельзя терять ни одного солдата.

He needs reinforcements badly and what is he getting?	Ему позарез нужно подкрепление. А что ему дадут?
' Joe Brown's Pets.'	"Любимчиков Джо Брауна"?
What a help they'll be!"	Много от них будет толку!
"Is the militia really going to be called out?	- Да неужели милицию и вправду пошлют на фронт?
The Home Guard, too?	И войска внутреннего охранения тоже?
I hadn't heard.	Я про это не слыхала.
How do you know?"	А откуда вы знаете?

"There's a rumor floating about to that effect.	- Ходят такие слухи.
The rumor arrived on the train from Milledgeville this morning.	Они распространились после того, как сегодня утром прибыл поезд из Милледжвилла.
Both the militia and the Home Guards are going to be sent in to reinforce General Johnston.	Поговаривают, что милиция и войска внутреннего охранения будут отправлены к генералу Джонстону для подкрепления.
Yes, Governor Brown's darlings are likely to smell powder at last, and I imagine most of them will be much surprised.	Да, любимчикам губернатора Брауна придется наконец понюхать пороху, и сдается мне - для многих из них это будет большой неожиданностью.

Certainly they never expected to see action.	Они, конечно, никак не думали, что им придется участвовать в боях.
The Governor as good as promised them they wouldn't.	Губернатор, можно сказать, пообещал им, что этого не произойдет.
Well, that's a good joke on them.	Да, их хорошо обставили.
They thought they had bomb proofs because the Governor stood up to even Jeff Davis and refused to send them to Virginia.	Они чувствовали себя как за каменной стеной, поскольку губернатор стоял за них горой, даже против Джефа Дэвиса, и отказался послать их в Виргинию.
Said they were needed for the defense of their state.	Заявил, что они нужны для обороны штата.

Who'd have ever thought the war would come to their own back yard and they'd really have to defend their state?"	Ведь никто же не думал, что война докатится и до их двора и им в са- мом деле придется обо- ронять свой штат!
"Oh, how can you laugh, you cruel thing!	- О, как вы можете на- смехаться, вы, бессер- дечное чудовище!
Think of the old gentlemen and the little boys in the Home Guard!	Подумайте-ка, кто там, в этих войсках, - одни ста- рые старики и совсем зеленые подростки.
Why, little Phil Meade will have to go and Grandpa Merriwether and Uncle Henry Hamilton."	Что же, и этот маль- чишка Фил Мид должен идти, и дедушка Мер- риуэзер, и дядя Генри Гамильтон?

"I'm not talking about the little boys and the Mexican War veterans.	- Я имею в виду не подростков и не ветеранов Мексиканской войны.
I'm talking about brave young men like Willie Guinan who like to wear pretty uniforms and wave swords-"	Я говорю о храбрецах вроде Уилли Гинена, которые так любят щеголять в военной форме и размахивать саблей...

"And yourself!"	- А вы-то сами?
"My dear, that didn't hurt a bit!	- Мимо цели, моя дорогая.
I wear no uniform and wave no sword and the fortunes of the Confederacy mean nothing at all to me.	Я не ношу военной формы и не размахиваю саблей, и судьба Конфедерации совсем меня не тревожит.

Moreover, I wouldn't be caught dead in the Home Guard or in any army, for that matter.	Более того, меня в войска внутреннего охранения, да и в любые другие войска нипочем не заманишь.
I had enough of things military at West Point to do me the rest of my life... Well, I wish Old Joe luck.	После Вест-Пойнта я буду сыт военной муштрой до конца дней моих... Но я желаю удачи старине Джо.
General Lee can't send him any help because the Yankees are keeping him busy in Virginia.	Генерал Ли не может послать ему подкрепления, потому что янки не дают ему покоя в Виргинии.
So the Georgia state troops are the only reinforcements Johnston can get.	Поэтому войска Джорджии - единственное, на что он может рассчитывать.

He deserves better, for he's a great strategist.	Конечно, он заслуживает большего - ведь это великий стратег.
He always manages to get places before the Yankees do.	Он всегда ухитряется поспеть на место раньше янки.
But he'll have to keep falling back if he wants to protect the railroad; and mark my words, when they push him out of the mountains and onto the flatter land around here, he's going to be butchered."	Но ему придется все время отступать, если он хочет сохранить железную дорогу. И помяните мое слово, когда янки вынудят его спуститься с гор сюда, в долину, ему придет конец.
"Around here?" cried Scarlett.	- Сюда? - вскричала Скарлетт.
"You know mighty well the Yankees will never get this far!"	- Вы же прекрасно знаете, что так далеко янки никогда не заберутся!

"Kennesaw is only twenty-two miles away and I'll wager you-"	- Кеннесоу всего в двадцати двух милях отсюда, и я готов держать с вами пари...
"Rhett, look, down the street!	- Ретт!
That crowd of men!	Взгляните, что это за толпа там, в конце улицы?
They aren't soldiers.	Это же не солдаты.
What on earth...? Why, they're darkies!"	Что там такое... Да ведь это негры!
There was a great cloud of red dust coming up the street and from the cloud came the sound of the tramping of many feet and a hundred or more negro voices, deep throated, careless, singing a hymn.	Огромное облако красной пыли вздымалось над улицей, и оттуда доносился шум шагов и звуки доброй сотни негритянских голосов - низких, гортанных голосов, беззаботно распевавших гимн.

Rhett pulled the carriage over to the curb, and Scarlett looked curiously at the sweating black men, picks and shovels over their shoulders, shepherded along by an officer and a squad of men wearing the insignia of the engineering corps.	Ретт остановил кабриолет у обочины, и Скарлетт с любопытством уставилась на толпу обливавшихся потом негров с лопатами и мотыгами на плечах, двигавшуюся по улице под водительством офицера и взвода солдат в форме инженерных войск.
"What on earth...?" she began again.	- Что там такое? - снова повторила Скарлетт.

Then her eyes lighted on a singing black buck in the front rank.	И тут она заметила высоченного негра-запевалу, шагавшего в первом ряду.

He stood nearly six and a half feet tall, a giant of a man, ebony black, stepping along with the lithe grace of a powerful animal, his white teeth flashing as he led the gang in	Это был черный великан почти шести с половиной футов ростом, двигавшийся с упругой грацией сильного животного; его белые зубы сверкали, когда он выводил мелодию гимна -
"Go Down, Moses."	"Спустись с горы к нам, Моисей", - которую за ним подхватывал хор.
Surely there wasn't a negro on earth as tall and loud voiced as this one except Big Sam, the foreman of Tara.	Не может же быть второго такого здоровенного и такого голосистого негра в штате - конечно, это Большой Сэм - надсмотрщик из Тары.

But what was Big Sam doing here, so far away from home, especially now that there was no overseer on the plantation and he was Gerald's right-hand man?	Но что он делает здесь, так далеко от дома, да тем более сейчас, когда на плантации нет управляющего и он - единственная опора Джералда, его правая рука?
As she half rose from her seat to look closer, the giant caught sight of her and his black face split in a grin of delighted recognition.	Она приподнялась на сиденье, стараясь всмотреться получше, и тут взгляд высокого негра упал на нее и его черное лицо расплылось в улыбке: он узнал ее.
He halted, dropped his shovel and started toward her, calling to the negroes nearest him:	Лопата выпала у него из рук, он было остановился и двинулся прямо к ней, поворачиваясь на ходу к шагавшим рядом с ним неграм и громко восклицая:

"Gawdlmighty!	- Господи!
It's Miss Scarlett!	Да это же мисс Скарлетт!
You,	Эй, вы!
' Lige!	Илайя!
' Postle!	Апостол!
Prophet!	Пророк!
Dar's Miss Scarlett!"	Это же мисс Скарлетт!
There was confusion in the ranks.	Ряды смешались.

The crowd halted uncertainly, grinning, and Big Sam, followed by three other large negroes, ran across the road to the carriage, closely followed by the harried, shouting officer.	Толпа приостановилась, неуверенно топчась на месте, а Большой Сэм, за которым следовали еще трое здоровенных негров, бросился через улицу к кабриолету. Офицер устремился за ними вдогонку, крича:
"Get back in line, you fellows!	- На место, на место!
Get back, I tell you or I'll-Why it's Mrs. Hamilton.	На место, говорю тебе, не то я буду... О, это вы, миссис Гамильтон.
Good morning, Ma'm, and you, too, sir.	Доброе утром, мэм. Здравствуйте, сэр.
What are you up to inciting mutiny and insubordination?	Что вы тут натворили - неподчинение, мятеж!

God knows, I've had trouble enough with these boys this morning."	Видит бог, я и так уже хватил сегодня лиха с этими парнями.

"Oh, Captain Randall, don't scold them!	- О, капитан Рэндл, не браните их!
They are our people.	Это же наши негры.
This is Big Sam our foreman, and Elijah and Apostle and Prophet from Tara.	Это Большой Сэм, наш надсмотрщик, и те то-же из Тары - Илайя, и Пророк, и Апостол.
Of course, they had to speak to me.	Конечно, им захотелось поговорить со мной.
How are you, boys?"	Как поживаете, ребятки?

She shook hands all around, her small white hand disappearing into their huge black paws and the four capered with delight at the meeting and with pride at displaying before their comrades what a pretty Young Miss they had.	Она поздоровалась со всеми поочередно, ее маленькая белая ручка на мгновение исчезала в огромной черной лапище. Все четверо приплясывали на месте, радуясь встрече, гордясь перед остальными своей молодой красавицей хозяйкой.
"What are you boys doing so far from Tara?	- Что вы делаете здесь, ребята? Как вы забрались в такую даль?
You've run away, I'll be bound.	Может, вы сбежали, а?
Don't you know the patterollers will get you sure?"	Тогда патруль заберет вас в два счета!

They bellowed pleasedly at the badinage.	Негры так и покатились со смеху, очень довольные ее шуткой.
"Runned away?" answered Big Sam.	- Мы сбежали? - удивился Большой Сэм.
"No'm, us ain' runned away.	- Нет, мэм, мы не беглые.
Dey done sont an' tuck us, kase us wuz de fo' bigges' an' stronges' han's at Tara."	Они приехали и забрали нас, потому как мы самые большие и сильные в Таре.
His white teeth showed proudly.	- Сэм горделиво улыбнулся, сверкнув белыми зубами.
"Dey specially sont fer me, kase Ah could sing so good.	- А за мной посылали особо, потому как я хорошо пою.

Yas'm, Mist' Frank Kennedy, he come by an' tuck us."	Да, мэм, мистер Фрэнк Кеннеди приехал и забрал нас.
"But why, Big Sam?"	- Но почему он вас забрал, Большой Сэм?
"Lawd, Miss Scarlett!	- Как почему, мисс Скарлетт?
Ain' you heerd?	Будто вы не слыхали?
Us is ter dig de ditches fer de wite gempmums ter hide in w'en de Yankees comes."	Нам не лено рыть тут канавы Для белых жентмунов. Они будут в них прятаться, когда придут янки.
Captain Randall and the occupants of the carriage smothered smiles at this naive explanation of rifle pits.	Капитан Рэндл и сидевшие в кабриолете с трудом сдержали улыбку, услыхав такое истолкование назначения окопов.

"Cose, Mis' Gerald might' nigh had a fit w'en dey tuck me, an' he say he kain run de place widout me.	- Правду сказать, когда меня забрали, мистера Джералда чуть удар не хватил. Он сказал, что без меня ему никак не управиться с хозяйством.
But Miss Ellen she say:	Но мисс Эллин сказала:
' Tek him, Mist' Kennedy.	"Берите, берите его, мистер Кеннеди.

De Confedrutsy need Big Sam mo' dan us do.'	Большой Сэм нужней Конфудурации, чем нам".
An' she gib me a dollar an' tell me ter do jes' whut de w'ite gempmums tell me.	И дала мне доллар и приказала делать все, что белые господа мне велят.
So hyah us is."	Ну, вот мы и здесь.

"What does it all mean, Captain Randall?"	- Что все это значит, капитан Рэндл?
"Oh, it's quite simple.	- Да очень просто.
We have to strengthen the fortifications of Atlanta with more miles of rifle pits, and the General can't spare any men from the front to do it.	Мы должны лучше укрепить подступы к Атланте, вырыть окопы еще на несколько миль, а генерал не может посылать на эти работы солдат с передовой.
So we've been impressing the strongest bucks in the countryside for the work."	Так что мы вынуждены были согнать сюда самых сильных негров со всех плантаций.
"But-"	- Но зачем же...

A cold little fear was beginning to throb in Scarlett's breast.	Холодок страха ознобом пробежал у нее по телу.
More miles of rifle pits!	Мили новых окопов!
Why should they need more?	Зачем им еще окопы?
Within the last year, a series of huge earth redoubts with battery emplacements had been built all around Atlanta, one mile from the center of town.	Весь прошлый год земляные редуты с установленными на них батареями возводились вокруг Атланты - в миле от центра города.
These great earthworks were connected with rifle pits and they ran, mile after mile, completely encircling the city.	Эти земляные укрепления были связаны траншеями с окопами, которые тянулись миля за милей, окружая город со всех сторон.

More rifle pits!	И еще окопы!
"But-why should we be fortified any more than we are already fortified?	- Но зачем нам еще укрепления, разве мало их уже возведено?
We won't need what we've got.	Нам же не понадобятся и те, что есть.
Surely, the General won't let-"	Ведь генерал, конечно же, не допустит...
"Our present fortifications are only a mile from town," said Captain Randall shortly.	- Наши теперешние укрепления расположены всего в одной миле от города, - сухо сказал капитан Рэндл.
"And that's too close for comfort-or safety.	- А это слишком близко для спокойствия.., и для безопасности.
These new ones are going to be farther away.	Новые окопы будут выдвинуты дальше.

You see, another retreat may bring our men into Atlanta."	Вы понимаете, что при новом отступлении наши войска могут приблизиться вплотную к Атланте.
Immediately he regretted his last remark, as her eyes widened with fear.	Он тут же пожалел о своих словах, заметив, как ее глаза расширились от страха.
"But, of course there won't be another retreat," he added hastily.	- Но, конечно, нового отступления не последует, -поспешил он добавить.
"The lines around Kennesaw Mountain are impregnable.	- Наши позиции вокруг горы Кеннесоу неприступны.

The batteries are planted all up the mountain sides and they command the roads, and the Yankees can't possibly get by."	Наши батареи размещены на склонах горы и держат под огнем все дороги. Янки не могут пройти.
But Scarlett saw him drop his eyes before the lazy, penetrating look Rhett gave him, and she was frightened.	Но Скарлетт видела, как капитан опустил глаза под бесстрашным проницательным взглядом Ретта, и ее охватил страх.
She remembered Rhett's remark:	Ей вспомнились последние слова Ретта:
"When the Yankees push him out of the mountains and onto the flatter land, he'll be butchered."	"Когда янки вынудят его спуститься в долину, ему придет конец".

"Oh, Captain, do you think-"	- О, капитан, неужели вы полагаете...
"Why, of course not!	- Нет, разумеется, нет!
Don't fret your mind one minute.	Не забивайте себе голову такими мыслями.
Old Joe just believes in taking precautions.	Просто старина Джо любит принимать меры предосторожности.
That's the only reason we're digging more entrenchments... But I must be going now. It's been pleasant, talking to you... Say good-by to your mistress, boys, and let's get going."	Поэтому мы и роем новые окопы - только и всего... Но я должен отправляться дальше... Очень рад был неожиданной встрече... Прощайтесь с вашей хозяйкой, ребята, и живо в строй.
"Good-by, boys.	- До свидания, ребята.

Now, if you get sick or hurt or in trouble, let me know.	Если что-нибудь с вами случится, заболеет кто-нибудь или еще что, вы дайте мне знать.
I live right down Peachtree Street, down there in almost the last house at the end of town.	Я живу на Персиковой улице, почти в самом конце, на выезде из города.
Wait a minute-" She fumbled in her reticule.	Обождите минутку... - Она порылась в ридикюле.
"Oh, dear, I haven't a cent.	- Ах, боже мой, нет с собой ни цента.
Rhett, give me a few shinplasters.	Ретт, дайте мне несколько мелких монет.
Here, Big Sam, buy some tobacco for yourself and the boys.	На вот, Большой Сэм, купи себе и ребятам табака.

And be good and do what Captain Randall tells you."	И будь умницей, исполняй все, что тебе прикажет капитан Рэндл.
The straggling line reformed, the dust arose again in a red cloud as they moved off and Big Sam started up the singing again.	Строй был восстановлен, колонна двинулась дальше, над улицей снова поднялось облако красной пыли, и Большой Сэм запел:
"Go do-ow, Mos-es!	Спустись с горы к нам, Моисей,
Waaa-ay, do-own, in Eeejup laa-an!	На землю древнюю Египта,
An' te-el O-le Faa-ro-o Ter let mah-peee-pul go!"	И моему народу путь От слуг очисти Фараона.

"Rhett, Captain Randall was lying to me, just like all the men do-trying to keep the truth from us women for fear we'll faint.	- Ретт, капитан Рэндл лгал мне? Как лгут все мужчины - все стараются скрыть правду от женщин, боятся, что мы упадем в обморок.
Or was he lying?	Или он не лгал?
Oh, Rhett, if there's no danger, why are they digging these new breastworks?	Но если опасность нам не грозит, зачем они возводят новые укрепления?

Is the army so short of men they've got to use darkies?"	О Ретт, неужели в армии так мало солдат, что им понадобились негры?
Rhett clucked to the mare.	Ретт причмокнул, погоняя кобылу.

"The army is damned short of men.	- Конечно, в армии чертовски не хватает солдат.
Why else would the Home Guard be called out?	Для чего бы иначе понадобилось призывать внутреннее охранение?
And as for the entrenchments, well, fortifications are supposed to be of some value in case of a siege.	Ну, а что до рытья окопов, то, по-видимому, они должны сослужить службу в случае осады.
The General is preparing to make his final stand here."	Генерал готовится занять свои последние рубежи здесь.
"A siege!	- В случае осады?
Oh, turn the horse around.	О, поворачивайте обратно!

I'm going home, back home to Tara, right away."	Я возвращаюсь домой, домой, в Тару, немедленно.
"What ails you?"	- Какая муха вас укусила?
"A siege!	- Осада!
Name of God, a siege!	Боже милостивый, осада!
I've heard about sieges!	Я знаю, что такое осада!
Pa was in one or maybe it was his Pa, and Pa told me-"	Папа был в осаде... Или, может быть, это был папин папа, но папа рассказывал мне...
"What siege?"	- О какой осаде вы говорите?

"The siege at Drogheda when Cromwell had the Irish, and they didn't have anything to eat and Pa said they starved and died in the streets and finally they ate all the cats and rats and even things like cockroaches.	- Об осаде Дрохеды Кромвелем, когда ирландцам там совсем нечего было есть, и папа говорил, что они умирали с голоду прямо на улицах и под конец съели всех кошек и крыс и разных насекомых, вроде тараканов.
And he said they ate each other too, before they surrendered, though I never did know whether to believe that or not.	Он говорил, что они даже ели друг друга, пока не сдались, только я никогда не знала, можно ли этому верить.
And when Cromwell took the town all the women were- A siege!	А когда Кромвель взял город, то всех женщин... Осада!
Mother of God!"	Матерь божья!

"You are the most barbarously ignorant young person I ever saw.	- Вы просто дикарка - такой невежественной женщины я, право, еще не встречал.
Drogheda was in sixteen hundred and something and Mr. O'Hara couldn't possibly have been alive then.	Осада Дрохеды - ведь это было в семнадцатом столетии, и мистер О'Хара едва ли мог быть свидетелем ее.
Besides, Sherman isn't Cromwell."	К тому же Шерман не Кромвель...
"No, but he's worse!	- Нет, он еще хуже!
They say-"	Говорят...

"And as for the exotic viands the Irish ate at the siege-personally I'd as soon eat a nice juicy rat as some of the victuals they've been serving me recently at the hotel.	- Что же касается экзотических блюд, которыми питались ирландцы во время осады, то я, пожалуй, предпочту хорошую сочную крысу тому варево, какое мне на днях подали здесь в гостинице.
I think I shall have to go back to Richmond.	Нет, надо возвращаться в Ричмонд.
They have good food there, if you have the money to pay for it."	Там можно хорошо поесть, были бы деньги.
His eyes mocked the fear in her face.	- Он с насмешкой глядел на ее испуганное лицо.

Annoyed that she had shown her trepidation, she cried:	Раздосадованная тем, что он стал свидетелем ее растерянности, она воскликнула:
"I don't see why you've stayed here this long!	- А я вообще не понимаю, почему вы все еще здесь!
All you think about is being comfortable and eating and-and things like that."	Вам же на все наплевать, лишь бы самому жилось с удобствами и можно было хорошо поесть и.., ну, и всякое такое.
"I know no more pleasant way to pass the time than in eating and er-things like that," he said.	- По-моему, вкусно поесть "и всякое такое" - это одно из самых приятных времяпрепровождении на свете, - сказал Ретт.

"And as for why I stay here-well, I've read a good deal about sieges, beleaguered cities and the like, but I've never seen one.	- А почему я торчу здесь? Так, видите ли, я немало читал про осажденные города, но собственными глазами еще ни разу этого не видел.
So I think I'll stay here and watch.	Вот и решил остаться здесь и понаблюдать.
I won't get hurt because I'm a noncombatant and besides I want the experience.	Мне ничего не угрожает, так как я не военнообязанный, а набраться впечатлений интересно.
Never pass up new experiences, Scarlett.	Никогда не упускайте случая испытать нечто новое, Скарлетт.
They enrich the mind."	Это расширяет кругозор...

"My mind's rich enough."	- У меня достаточно широкий кругозор.
"Perhaps you know best about that, but I should say- But that would be ungallant.	- Вероятно, вам лучше знать, но я бы сказал... Впрочем, это не совсем галантно.
And perhaps, I'm staying here to rescue you when the siege does come.	А может быть, я остаюсь здесь, чтобы спасти вас, если город действительно будет осажден.
I've never rescued a maiden in distress.	Мне еще никогда не приходилось спасать прекрасных дам от гибели.
That would be a new experience, too."	Это тоже будет совсем новое впечатление.

She knew he was teasing her but she sensed a seriousness behind his words.	Она знала, что он просто шутит, но в его голосе ей почудилась серьезная нотка.
She tossed her head.	Она тряхнула головой.
"I won't need you to rescue me.	- Я не нуждаюсь в том, чтобы вы меня спасали.
I can take care of myself, thank you."	Я сумею сама позаботиться о себе, мерси.

"Don't say that, Scarlett!	- Не говорите так, Скарлетт.
Think of it, if you like, but never, never say it to a man.	Думайте так, если вам нравится, но никогда, никогда не говорите этого мужчине.
That's the trouble with Yankee girls.	Это беда всех женщин-северянок.

They'd be most charming if they weren't always telling you that they can take care of themselves, thank you.	Они были бы обольстительны, если бы постоянно не говорили, что умеют постоять за себя, мерси.
Generally they are telling the truth, God help them.	И ведь в большинстве случаев они говорят правду, спаси их господи и помилуй.
And so men let them take care of themselves."	И конечно, мужчины оставляют их в покое.
"How you do run on," she said coldly, for there was no insult worse than being likened to a Yankee girl.	- Интересно, до чего вы еще договоритесь, -холодно произнесла Скарлетт, так как сравнение с женщинами-янки были худшим из оскорблений.
"I believe you're lying about a siege.	- А насчет осады, я думаю, вы лжете.

You know the Yankees will never get to Atlanta."	Сами знаете, что янки никогда не подойдут к Атланте.
"I'll bet you they will be here within the month.	- Предлагаю вам пари, что они будут здесь не позднее как через месяц.
I'll bet you a box of bonbons against-" His dark eyes wandered to her lips.	Ставлю коробку конфет, а с вас потребую... - Он скользнул взглядом по ее губам.
"Against a kiss."	- С вас потребую поцелуй.
For a last brief moment, fear of a Yankee invasion clutched her heart but at the word "kiss," she forgot about it.	На миг страх перед вторжением янки снова сжал ее сердце, но тут же растаял при слове "поцелуй".

This was familiar ground and far more interesting than military operations.	Теперь она снова почувствовала себя в своей стихии, и это было куда интересней, чем обсуждение всяких там военных операций.
With difficulty she restrained a smile of glee.	Она с трудом сдержала торжествующую улыбку.
Since the day when he gave her the green bonnet, Rhett had made no advances which could in any way be construed as those of a lover.	С того памятного дня, когда Ретт подарил ей зеленую шляпку, в его поведении больше не было ни малейшего намека на любовное ухаживание.

He could never be inveigled into personal conversations, try though she might, but now with no angling on her part, he was talking about kissing.	Как бы она ни старалась, ей ни разу не удалось втянуть его в сколько-нибудь игривую беседу, и вот теперь, без всяких поощрений с ее стороны, он вдруг заговорил о поцелуях.
"I don't care for such personal conversation," she said coolly and managed a frown.	- Я не желаю разговаривать с вами о таких интимных вещах, - холодно сказала она и сурово нахмурилась.
"Besides, I'd just as soon kiss a pig."	- И если на то пошло, я скорее поцелую хрюшку.

"There's no accounting for tastes and I've always heard the Irish were partial to pigs-kept them under their beds, in fact.	- О вкусах не спорят, и я действительно слышал не раз, что ирландцы и впрямь питают особое пристрастие к свиньям.., даже держат их у себя под кроватью.

But, Scarlett, you need kissing badly.	Но, Скарлетт, вам же до смерти хочется целоваться.
That's what's wrong with you.	Вот ведь в чем ваша беда.

All your beaux have respected you too much, though God knows why, or they have been too afraid of you to really do right by you.	Все ваши поклонники или относятся к вам с чрезмерным уважением - совершенно непонятно, кстати, почему, - или же слишком робеют перед вами и потому не могут вести себя так, как вам бы хотелось.
The result is that you are unendurably uppity.	Это сделало вас невыносимо чванливой.
You should be kissed and by someone who knows how."	Нужно, чтобы вас кто-то целовал. Ну и конечно, тот, кто умеет это делать.
The conversation was not going the way she wanted it.	Разговор принимал совсем не тот оборот, какого она ждала.
It never did when she was with him.	С Реттом всегда получалось так.

Always, it was a duel in which she was worsted.	Всегда возникало нечто вроде словесного поединка, из которого он неизменно выходил победителем.
"And I suppose you think you are the proper person?" she asked with sarcasm, holding her temper in check with difficulty.	- И себя вы, по-видимому, считаете самой подходящей для этого персоной? - ядовито спросила она, с трудом обуздывая нараставшую в ней злость.
"Oh, yes, if I cared to take the trouble," he said carelessly.	- Да, вполне, если, конечно, мне придет охота взять на себя труд, - небрежно отвечал он.
"They say I kiss very well."	- Говорят, я знаю в этом толк.

"Oh," she began, indignant at the slight to her charms. "Why, you..." But her eyes fell in sudden confusion.	- О, вы... - начала она, глубоко уязвленная таким пренебрежением к ее чарам, - Да вы просто... -неожиданно она смешалась и смущенно потупилась.
He was smiling, but in the dark depths of his eyes a tiny light flickered for a brief moment, like a small raw flame.	Ретт улыбался, но в глубине его темных глаз вдруг жарко полыхнуло что-то.
"Of course, you've probably wondered why I never tried to follow up that chaste peck I gave you, the day I brought you that bonnet-"	- Вы, вероятно, удивлены, почему я, подарив вам шляпку и целомудренно чмокнув вас в щечку, никогда больше не возобновлял своей попытки...
"I have never-"	- Я об этом даже и не...

"Then you aren't a nice girl, Scarlett, and I'm sorry to hear it.	- В таком случае вы не настоящая светская дама, Скарлетт, и я очень огорчен.
All really nice girls wonder when men don't try to kiss them.	Настоящие светские дамы всегда бывают удивлены, если мужчины не стараются их поцеловать.
They know they shouldn't want them to and they know they must act insulted if they do, but just the same, they wish the men would try... Well, my dear, take heart.	Они знают, что не должны этого желать и должны делать вид, что оскорблены, если кто-то позволит себе такое, и тем не менее они хотят, чтобы попытка была сделана... Ну, ничего, дорогая, не унывайте.

Some day, I will kiss you and you will like it.	Когда-нибудь я поцелую вас, и вам это будет приятно.

But not now, so I beg you not to be too impatient."	Но не сейчас, так что запаситесь терпением.
She knew he was teasing but, as always, his teasing maddened her.	Она понимала, что он шутит, и, как всегда, это выводило ее из себя.
There was always too much truth in the things he said.	В его шутках была слишком большая доля правды.
Well, this finished him.	Ладно, на этом их отношения кончаются.
If ever, ever he should be so ill bred as to try to take any liberties with her, she would show him.	Если когда-нибудь, когда-нибудь он будет настолько невоспитан, что попробует позволить себе какие-то вольности, она ему покажет.
"Will you kindly turn the horse around, Captain Butler?	- Не будете ли вы так любезны повернуть обратно, капитан Батлер?

I wish to go back to the hospital."	Я хочу возвратиться в госпиталь.
"Do you indeed, my ministering angel?	- Вы в самом деле этого хотите, мой прелестный ангел?
Then lice and slops are preferable to my conversation?	Значит, тазы с помоями и насекомые вам приятнее беседы со мной?
Well, far be it from me to keep a pair of willing hands from laboring for Our Glorious Cause."	Что ж, ни в коей мере не хотел бы я помешать двум прилежным ручкам трудиться во славу Нашего Доблестного Дела.
He turned the horse's head and they started back toward Five Points.	- Ретт повернул кабриолет, и они покатили в сторону Пяти Углов.

"As to why I have made no further advances," he pursued blandly, as though she had not signified that the conversation was at an end, "I'm waiting for you to grow up a little more. You see, it wouldn't be much fun for me to kiss you now and I'm quite selfish about my pleasures.	- Что же до того, почему я не делал вам больше авансов, - как ни в чем не бывало продолжал Ретт, словно не заметив ее нежелания поддерживать разговор, - так это потому, что я жду, когда вы немного повзрослеете, не думаю, чтобы ваш поцелуй доставил мне сейчас ни с чем не сравнимое наслаждение, а я настолько эгоистичен, что ценю свои удовольствия превыше всего.
I never fancied kissing children."	Целоваться же с маленькими девочками мне как-то никогда не казалось увлекательным.

He smothered a grin, as from the corner of his eye he saw her bosom heave with silent wrath.	Он подавил усмешку, заметив краем глаза, как бурно вздымается ее грудь: она явно была вне себя от бешенства.
"And then, too," he continued softly, "I was waiting for the memory of the estimable Ashley Wilkes to fade."	- Ну и к тому же, - негромко добавил он, - я жду, когда воспоминание о достопочтенном Эшли Уилксе несколько померкнет.
At the mention of Ashley's name, sudden pain went through her, sudden hot tears stung her lids.	При упоминании имени Эшли боль внезапно пронзила все ее существо и слезы обожгли веки.
Fade?	Померкнет?

The memory of Ashley would never fade, not if he were dead a thousand years.	Воспоминание об Эшли никогда не может померкнуть. Даже если он умрет, она будет помнить его, проживи она хоть сто лет.
She thought of Ashley wounded, dying in a far-off Yankee prison, with no blankets over him, with no one who loved him to hold his hand, and she was filled with hate for the well-fed man who sat beside her, jeers just beneath the surface of his drawling voice.	Ей подумалось, что, быть может, Эшли умирает сейчас от ран где-то там, далеко, далеко, в плену у янки, и у него нет даже одеяла, чтобы укрыться, и нет возле нега никого, кто бы его пожалел, кто подержал бы его руку в своей руке, и она почувствовала прилив острой ненависти к этому сытому, благополучному человеку, сидевшему рядом с ней и лениво цедившему фразы, в которых она, как всегда, улавливала насмешку.

She was too angry to speak and they rode along in silence for some while.	Она не могла произнести ни слова от душившей ее злобы, и некоторое время они ехали молча.
"I understand practically everything about you and Ashley, now," Rhett resumed.	- Мне теперь, в сущности, ясно все, что касается вас и Эшли, - снова заговорил Ретт.
"I began with your inelegant scene at Twelve Oaks and, since then, I've picked up many things by keeping my eyes open.	- После той не слишком пристойной сцены в Двенадцати Дубах я наблюдал за вами и сделал кой-какие выводы.
What things?	Какие именно?

Oh, that you still cherish a romantic schoolgirl passion for him which he reciprocates as well as his honorable nature will permit him.	А то, что вы еще лелеете в своей душе детскую романтическую любовь к этому человеку и он отвечает вам взаимностью - в той мере, в какой ему позволяет это его благородная возвышенная натура.
And that Mrs. Wilkes knows nothing and that, between the two of you, you've done her a pretty trick.	А миссис Уилкс находится в полном неведении о происходящем, и вы здорово водите ее за нос.
I understand practically everything, except one thing that piques my curiosity. Did the honorable Ashley ever jeopardize his immortal soul by kissing you?"	Мне ясно все, за исключением одного, и это чрезвычайно бередит мое любопытство: отважился ли благородный Эшли поцеловать вас с риском погубить свою бессмертную душу?

A stony silence and an averted head were his answers.	Ответом послужило гробовое молчание и повернутая к нему затылком голова.
"Ah, well, so he did kiss you.	- Ага, прекрасно, значит, все-таки отважился.
I suppose it was when he was here on furlough.	Вероятно, это произошло, когда он приезжал сюда в отпуск.
And now that he's probably dead you are cherishing it to your heart.	И теперь, поскольку благородный Эшли, возможно, уже мертв, вы благоговейно храните этот поцелуй в своем сердце.
But I'm sure you'll get over it and when you've forgotten his kiss, I'll-"	Но я не сомневаюсь, что это у вас пройдет, и когда воспоминание о его поцелуе изгладится из вашей памяти, я...

She turned in fury.	Вне себя от ярости Скарлетт повернулась к нему.

"You go to-Halifax," she said tensely, her green eyes slits of rage.	- Подите вы к дьяволу! - прошипела она сквозь зубы, и ее зеленые, сощуренные от ненависти глаза сверкнули, как два узких лезвия, на перекошенном злобой лице.
"And let me out of this carriage before I jump over the wheels.	- Остановите кабриолет, иначе я спрыгну на ходу.
And I don't ever want to speak to you again."	Я знать вас больше не желаю.

He stopped the carriage, but before he could alight and assist her she sprang down.	Ретт осадил лошадь, но прежде чем он успел сойти и помочь Скарлетт, она спрыгнула на землю.
Her hoop caught on the wheel and for a moment the crowd at Five Points had a flashing view of petticoats and pantalets.	Кринолин зацепился за колесо, и на мгновение глазам всех прохожих на площади Пяти Углов открылось зрелище нижних юбок и панталон.
Then Rhett leaned over and swiftly released it.	В ту же секунду Ретт наклонился и отцепил платье.
She flounced off without a word, without even a backward look, and he laughed softly and clicked to the horse.	Скарлетт, не проронив ни слова, даже не обернувшись, бросилась прочь. Ретт негромко рассмеялся и тронул вожжами лошадь.

CHAPTER XVIII	Глава 18
For the first time since the war began, Atlanta could hear the sound of battle.	Впервые с начала войны в Атланте стал слышен грохот орудий.
In the early morning hours before the noises of the town awoke, the cannon at Kennesaw Mountain could be heard faintly, far away, a low dim booming that might have passed for summer thunder.	В ранние часы утра, когда город еще не пробуждался от сна, со стороны горы Кеннесоу стали долетать слабые раскаты канонады - глухой гул, который можно было принять за далекую летнюю грозу.
Occasionally it was loud enough to be heard even above the rattle of traffic at noon.	Но временами орудийная стрельба, перекрывая городской шум, была слышна и в полдень.

People tried not to listen to it, tried to talk, to laugh, to carry on their business, just as though the Yankees were not there, twenty-two miles away, but always ears were strained for the sound.	Люди старались не прислушиваться к ней, старались разговаривать, смеяться, продолжать свои повседневные дела, не думать о том, что янки там, в двадцати двух милях от города, но ухо невольно ловило звуки боя.
The town wore a preoccupied look, for no matter what occupied their hands, all were listening, listening, their hearts leaping suddenly a hundred times a day.	И у всех были напряженные лица: чем бы ни были заняты руки, уши прислушивались и сердце уходило в пятки сотни раз на дню.
Was the booming louder?	Канонада стала слышней?

Or did they only think it was louder?	Или это просто кажется?
Would General Johnston hold them this time?	Остановит их на этот раз генерал Джонстон?
Would he?	Остановит ли?
Panic lay just beneath the surface.	Панический страх готов был прорваться наружу.
Nerves which had been stretched tighter and tighter each day of the retreat began to reach the breaking point.	Каждый новый день отступления истощал натянутые нервы, и казалось, они вот-вот не выдержат.

No one spoke of fears. That subject was taboo, but strained nerves found expression in loud criticism of the General.	Все таили свой страх про себя, проявлять его считалось недопустимым, но внутреннее напряжение находило выход в громкой критике генерала.
Public feeling was at fever heat.	Страсти достигали апогея.
Sherman was at the very doors of Atlanta.	Шерман стоял у ворот Атланты.
Another retreat might bring the Confederates into the town.	Еще одно отступление могло отбросить конфедератов на улицы города.
Give us a general who won't retreat!	Дайте нам генерала, который бы не отступал!
Give us a man who will stand and fight!	Дайте нам такого, который бы стоял и сражался!

With the far-off rumbling of cannon in their ears, the state militia, "Joe Brown's Pets," and the Home Guard marched out of Atlanta, to defend the bridges and ferries of the Chattahoochee River at Johnston's back.	Под далекие глухие раскаты канонады милиция штата - "любимчики Джо Брауна" - и войска внутреннего охранения маршем прошли через Атланту, направляясь на оборону мостов и переправ на реке Чаттахучи в тылу у генерала Джонстона.
It was a gray, overcast day and, as they marched through Five Points and out the Marietta road, a fine rain began to fall.	День был пасмурный, хмурый, и когда они промаршировали у Пяти Углов и вышли на улицу Мариетты, начал моросить дождь.

The whole town had turned out to see them off and they stood, close packed, under the wooden awnings of the stores on Peachtree Street and tried to cheer.	Весь город высыпал поглядеть, как они уходят: все стояли, сбившись в кучки под тентами магазинов на Персиковой улице, и пытались подбадривать воинов напутственными криками.
Scarlett and Maybelle Merriwether Picard had been given permission to leave the hospital and watch the men go out, because Uncle Henry Hamilton and Grandpa Merriwether were in the Home Guard, and they stood with Mrs. Meade, pressed in the crowd, tiptoeing to get a better view.	Скарлетт и Мейбелл Мерриуэзер-Пикар получили разрешение отлучиться из госпиталя, чтобы проводить уходящие войска, поскольку дядя Г енри и дедушка Мерриуэзер находились в частях внутреннего охранения, и теперь они обе стояли вместе с миссис Мид в гуще толпы, приподымаясь на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Scarlett, though filled with the universal Southern desire to believe only the pleasantest and most reassuring things about the progress of the fighting, felt cold as she watched the motley ranks go by.	Скарлетт, несмотря на общую для всех южан готовность верить лишь тому, что обнадеживает и вселяет бодрость, чувствовала, что у нее холодеет все внутри при виде разношерстных марширующих колонн.
Surely, things must be in a desperate pass if this rabble of bombproofers, old men and little boys were being called out!	Видно, положение стало совсем отчаянным, если уж поставили под ружье этих никудышных тыловиков - дряхлых стариков и мальчишек!

To be sure there were young and able-bodied men in the passing lines, tricked out in the bright uniforms of socially select militia units, plumes waving, sashes dancing.	Попадались, конечно, и молодые, здоровые мужчины - эти выглядели нарядно в яркой форме отборных частей милиции: на шляпах колыхались перья, длинные концы кушаков развевались на марше.
But there were so many old men and young boys, and the sight of them made her heart contract with pity and with fear.	Но стариков и совсем желторотых юнцов было так много, что сердце Скарлетт сжималось от жалости и страха.

There were graybeards older than her father trying to step jauntily along in the needlefine rain to the rhythm of the fife and drum corps.	Так много седобородых мужчин старше ее отца старались бодро шагать в ногу под моросящим дождем под дробь полкового барабана и свист дудок!
Grandpa Merriwether, with Mrs. Merriwether's best plaid shawl laid across his shoulders to keep out the rain, was in the first rank and he saluted the girls with a grin.	Дедушка Мерриуэзер в лучшей шотландской шали миссис Мерриуэзер, накинутой от дождя на плечи, шагал в первом ряду и широко улыбался, приветствуя женщин.
They waved their handkerchiefs and cried gay good-bys to him; but Maybelle, gripping Scarlett's arm, whispered:	Мейбелл прошептала Скарлетт на ухо, сжав ейру[к]у:

"Oh, the poor old darling!	- Несчастный старик!
A real good rainstorm will just about finish him!	Первый же хороший ливень прикончит его, бедняжку!
His lumbago-"	С таким ишиасом...
Uncle Henry Hamilton marched in the rank behind Grandpa Merriwether, the collar of his long black coat turned up about his ears, two Mexican War pistols in his belt and a small carpetbag in his hand.	Дядя Г енри Г амильтон маршировал в следующем ряду колонны: два пистолета времен Мексиканской войны за поясом, воротник длинного черного сюртука поднят, в руке небольшой саквояж.

Beside him marched his black valet who was nearly as old as Uncle Henry, with an open umbrella held over them both.	Рядом с ним вышагивал его черный слуга, почти такой же старый, как сам дядя Генри, держа над его и своей головой раскрытый зонтик.
Shoulder to shoulder with their elders came the young boys, none of them looking over sixteen.	Плечом к плечу со стариками шли юноши - все с виду не старше шестнадцати лет.

Many of them had run away from school to join the army, and here and there were clumps of them in the cadet uniforms of military academies, the black cock feathers on their tight gray caps wet with rain, the clean white canvas straps crossing their chests sodden.	Многие из них бросили школу, чтобы пойти на фронт, некоторые были в форме военных училищ - черные перышки на их маленьких серых кепи обвисли под дождем, белоснежные полотняные перевязки на груди промокли насквозь и потемнели.

Phil Meade was among them, proudly wearing his dead brother's saber and horse pistols, his hat bravely pinned up on one side. Mrs. Meade managed to smile and wave until he had passed and then she leaned her head on the back of Scarlett's shoulder for a moment as though her strength had suddenly left her.	Среди последних находился и Фил Мид: в лихо сдвинутой набекрень шапочке с саблей и кавалерийскими пистолетами покойного брата за поясом, он промаршировал мимо миссис Мид, и она с трудом улыбнулась и помахала ему рукой, а потом, когда силы на мгновение оставили ее, припала головой к плечу Скарлетт.
Many of the men were totally unarmed, for the Confederacy had neither rifles nor ammunition to issue to them.	Многие из рекрутов были вообще без оружия, ибо у Конфедерации не осталось больше ни винтовок, ни патронов и она ничем не могла их снабдить.

These men hoped to equip themselves from killed and captured Yankees.	Они надеялись добыть себе оружие у пленных или убитых янки.
Many carried bowie knives in their boots and bore in their hands long thick poles with iron-pointed tips known as "Joe Brown pikes."	Кое у кого за голенищем был охотничий нож, а в руке - длинный тяжелый шест с железным наконечником, получивший название - "пика Джона Брауна".

The lucky ones had old flintlock muskets slung over their shoulders and powder-horns at their belts.	У некоторых счастливцев висел за спиной старинный кремневый мушкет, а на поясе рог с порохом.
Johnston had lost around ten thousand men in his retreat.	Во время своего отступления Джонстон потерял около десяти тысяч солдат.

He needed ten thousand more fresh troops.	Ему требовалось десять тысяч свежего пополнения.
And this, thought Scarlett frightened, is what he is getting!	Так вот, в испуге подумала Скарлетт, кого он получит!
As the artillery rumbled by, splashing mud into the watching crowds, a negro on a mule, riding close to a cannon caught her eye.	Когда, грохоча и обрызгивая грязью собравшуюся толпу, по улице потянулась артиллерия, Скарлетт бросилась в глаза фигура негра, ехавшего верхом на муле рядом с одной из пушек.
He was a young, saddle-colored negro with a serious face, and when Scarlett saw him she cried:	Это был молодой негр с лицом цвета седельной кожи, и, вглядевшись в его хмурые черты, Скарлетт воскликнула:
"It's Mose!	- Это же Моз!

Ashley's Mose!	Моз, слуга Эшли!
Whatever is he doing here?"	Почему он здесь?
She fought her way through the crowd to the curb and called: "Mose!	- Она пробилась сквозь толпу к обочине и крикнула: - Моз!
Stop!"	Постой!
The boy seeing her, drew rein, smiled delightedly and started to dismount.	Молодой негр увидел ее, натянул поводья, радостно улыбнулся и начал спешиваться.
A soaking sergeant, riding behind him, called:	Промокший до нитки сержант, ехавшим позади него, закричал:
"Stay on that mule, boy, or I'll light a fire under you!	- Куда! Ни с места, парень, не то на костер пойдешь!

We got to git to the mountain some time."	Нам надо скорей добраться до гор!
Uncertainly, Mose looked from the sergeant to Scarlett and she, splashing through the mud, close to the passing wheels, caught at Moses' stirrup strap.	Моз в нерешительности переводил взгляд с сержанта на Скарлетт, и она, хлюпая по грязи, бросилась к нему и ухватилась за стремя.
"Oh, just a minute, Sergeant!	- Минутку, сержант!
Don't get down, Mose.	Не спешивайся, Моз!
What on earth are you doing here?"	Боже мой, как ты очутился здесь?
"Ah's off ter de war, agin, Miss Scarlett.	- Я снова иду на войну, мисс Скарлетт.

Dis time wid Ole Mist' John 'stead ob Mist' Ashley."	Только теперь не с мистером Эшли, а со старым господином, с мистером Джоном.
"Mr. Wilkes!"	- С мистером Уилксом?
Scarlett was stunned.	- Скарлетт остолбенела.
Mr. Wilkes was nearly seventy.	Мистеру Уилксу было без малого семьдесят лет.
"Where is he?"	- А где он?

"Back wid de las' cannon, Miss Scarlett.	- Позади, с последней пушкой, мисс Скарлетт.
Back dar!"	Там, позади.
"Sorry, lady.	- Прошу прощения, леди.
Move on, boy!"	Двигай, парень!

Scarlett stood for a moment, ankle deep in mud as the guns lurched by.	Скарлетт неподвижно стояла, по щиколотку в грязи, мимо нее ползли орудия.
Oh, no! She thought.	"Нет же, нет! - пронеслось у нее в уме.
It can't be.	- Не может этого быть!
He's too old.	Он слишком стар.
And he doesn't like war any more than Ashley did!	И так же ненавидит войну, как Эшли!"
She retreated back a few paces toward the curb and scanned each face that passed.	Она отступила на несколько шагов назад к обочине и стала пристально всматриваться в лица проезжавших мимо.

Then, as the last cannon and limber chest came groaning and splashing up, she saw him, slender, erect, his long silver hair wet upon his neck, riding easily upon a little strawberry mare that picked her way as daintily through the mud holes as a lady in a satin dress.	И когда среди грохота и всплесков грязи показался передок последнего орудия, она увидела прямую стройную фигуру верхом на рыжей кобыле: длинные серебристые волосы мокрыми прядями падали на шею, всадник держался уверенно и грациозно; маленькая рыжая кобылка осторожно и изящно ступала по грязным выбоинам дороги, словно светская дама в платье со шлейфом.
Why-that mare was Nellie!	Боже мой, так ведь это же Нелли!
Mrs. Tarleton's Nellie!	Нелли - кобыла миссис Тарлтон!
Beatrice Tarleton's treasured darling!	Ее любимица, ее сокровище!

When he saw her standing in the mud, Mr. Wilkes drew rein with a smile of pleasure and, dismounting, came toward her.	Когда мистер Уилкс увидел стоящую на обочине Скарлетт, лицо его озарилось улыбкой, он натянул поводья, спешился и шагнул к ней.
"I had hoped to see you, Scarlett.	- Я очень хотел повидаться с вами, Скарлетт.
I was charged with so many messages from your people.	Ваши родные надавали мне уйму поручений.
But there was no time.	Но возможности не представилось.
We just got in this morning and they are rushing us out immediately, as you see."	Мы прибыли сюда утром, и нас, как видите, сразу направляют на фронт.

"Oh, Mr. Wilkes," she cried desperately, holding his hand.	- О, мистер Уилкс! - в полном отчаянии вскричала Скарлетт, сжимая ему руку.
"Don't go!	- Останьтесь здесь!
Why must you go?"	Почему вы должны ехать на фронт?
"Ah, so you think I'm too old!" he smiled, and it was Ashley's smile in an older face.	- А-а, так вы считаете, что я слишком стар? - с улыбкой сказал мистер Уилкс, и в старческих чертах его лица Скарлетт узнала улыбку Эшли.

"Perhaps I am too old to march but not to ride and shoot.	- Даже если я слишком стар, чтобы маршировать, то еще могу сидеть в седле и стрелять.

And Mrs. Tarleton so kindly lent me Nellie, so I am well mounted.	А миссис Тарлтон была столь добра, что одолжила мне свою Нелли, и лошадь подо мной хоть куда.
I hope nothing happens to Nellie, for if something should happen to her, I could never go home and face Mrs. Tarleton.	Будем надеяться, что с Нелли не случится ничего худого, иначе я никогда не смогу возвратиться домой и взглянуть миссис Тарлтон в глаза.
Nellie was the last horse she had left."	Нелли - все, что у нее осталось, и вот она отдала мне ее - свою последнюю лошадь.
He was laughing now, turning away her fears.	- Он говорил легко, весело, стараясь развеять страхи Скарлетт.

"Your mother and father and the girls are well and they sent you their love.	- Ваша матушка и ваш отец и сестры - все в добром здравии и шлют вам привет.
Your father nearly came up with us today!"	Ваш папенька едва не отправился вместе с нами на фронт.
"Oh, not Pa!" cried Scarlett in terror.	- Папа? Как же так! - вскричала Скарлетт.
"Not Pa!	- Папа?
He isn't going to the war, is he?"	Он же не может!
"No, but he was.	- Да, конечно, однако собирался.
Of course, he can't walk far with his stiff knee, but he was all for riding away with us.	Маршировать-то он с его покалеченным коленом, безусловно, не может, однако вознамерился присоединиться к нам - верхом.

Your mother agreed, providing he was able to jump the pasture fence, for, she said, there would be a lot of rough riding to be done in the army.	Ваша матушка дала согласие при условии, что сначала он возьмет барьер - перепрыгнет через ограду выгона, потому как, сказала она, в армии придется брать еще и не такие препятствия.
Your father thought that easy, but-would you believe it? When his horse came to the fence, he stopped dead and over his head went your father!	Ваш папенька решил, что это ему раз плюнуть, но, можете себе представить, когда он подскакал к ограде, лошадь вдруг стала как вкопанная и он кубарем перелетел через ее голову.
It's a wonder it didn't break his neck!	Чудом не сломал себе шею!
You know how obstinate he is.	Но вы же знаете, какой он упрямец.

He got right up and tried it again.	Вскочил и тут же погнал лошадь на изгородь снова.
Well, Scarlett, he came off three times before Mrs. O'Hara and Pork assisted him to bed.	Так вот, душенька, лошадь сбрасывала его три раза, пока миссис О'Хара и Порк не уложили беднягу в постель.
He was in a taking about it, swearing that your mother had 'spoken a wee word in the beast's ear.'	Он был совершенно вне себя и уверял, что ваша матушка "наслала порчу на эту скотину".
He just isn't up to active service, Scarlett. You need have no shame about it.	Нет, он не годен для действующей армии, Скарлетт, и вам нечего этого стыдиться.

After all, someone must stay home and raise crops for the army."	В конце концов, кто-то же должен оставаться дома и растить для армии хлеб.

Scarlett had no shame at all, only an active feeling of relief.	А Скарлетт и не испытывала ни малейшего стыда - только огромное облегчение.
"I've sent India and Honey to Macon to stay with the Burrs and Mr. O'Hara is looking after Twelve Oaks as well as Tara... I must go, my dear.	- Я отправил Индию и Милочку в Мейкон к Бэррам, и теперь мистер О'Хара приглядывает и за Двенадцатью Дубами тоже... Ну, мне надо двигаться дальше, дорогая.
Let me kiss your pretty face."	Позвольте поцеловать вашу прелестную щечку.

Scarlett turned up her lips and there was a choking pain in her throat.	Чувствуя в горле комок, Скарлетт подставила ему губы для поцелуя.
She was so fond of Mr. Wilkes.	Она всегда была очень привязана к мистеру Уилксу.
Once, long ago, she had hoped to be his daughter-in-law.	Когда-то - о, как это было давно! - она мечтала стать его снохой.
"And you must deliver this kiss to Pittypat and this to Melanie," he said, kissing her lightly two more times.	- А этот поцелуй передайте от меня Питтипэт, а этот Мелани, - сказал мистер Уилкс, еще дважды слегка коснувшись губами ее щеки.
"And how is Melanie?"	- А как чувствует себя Мелани?
"She is well."	- Спасибо, хорошо.

"Ah!"	- Ах, как хотелось бы мне увидеть моего первого внука!
His eyes looked at her but through her, past her as Ashley's had done, remote gray eyes looking on another world. "I should have liked to see my first grandchild. Good-by, my dear."	- Взор его задумчивых серых глаз был устремлен на Скарлетт, но - совершенно так же, как это бывало с Эшли, - он, казалось, видел не ее, а сквозь нее прозревал какие-то далекие, только ему ведомые миры. - Прощайте, моя дорогая.
He swung onto Nellie and cantered off, his hat in his hand, his silver hair bare to the rain.	Джон Уилкс вскочил в седло и поскакал прочь. Он все еще держал шляпу в руке, и дождь мочил его серебряные волосы.

Scarlett had rejoined Maybelle and Mrs. Meade before the import of his last words broke upon her.	Скарлетт направилась обратно к Мейбелл и миссис Мид, и только тут истинный смысл его последних слов проник в ее сознание.
Then in superstitious terror she crossed herself and tried to say a prayer.	Охваченная суеверным страхом, она торопливо перекрестилась и зашептала молитву.
He had spoken of death, just as Ashley had done, and now Ashley-No one should ever speak of death!	В его словах было предчувствие смерти, так же, как когда-то в словах Эшли, и вот теперь Эшли... Никогда нельзя говорить о смерти!
It was tempting Providence to mention death.	Поминать смерть - это искушать судьбу!

As the three women started silently back to the hospital in the rain, Scarlett was praying:	В молчании возвращаясь вместе с Мейбелл и миссис Мид под моросящим дождем в госпиталь, Скарлетт молилась про себя:
"Not him, too, God.	"Не дай ему умереть, господи!
Not him and Ashley, too!"	Только бы не он и не Эшли!"

The retreat from Dalton to Kennesaw Mountain had taken from early May to mid-June and as the hot rainy days of June passed and Sherman failed to dislodge the Confederates from the steep slippery slopes, hope again raised its head.	Отступление из Далтона до горы Кеннесоу продолжалось от начала мая до середины июня, и когда потянулись жаркие дождливые июньские дни, а Шерману все еще не удалось выбить конфедератов с их позиций на крутых, скользких горных склонах, надежда снова возродилась в сердцах южан.
Everyone grew more cheerful and spoke more kindly of General Johnston.	Все повеселели, все с большим теплом стали отзываться о генерале Джонстоне.

As wet June days passed into a wetter July and the Confederates, fighting desperately around the entrenched heights, still held Sherman at bay, a wild gaiety took hold of Atlanta.	Когда же дождливые июньские дни сменились еще более дождливыми июльскими, а конфедераты, оказывая отчаянное сопротивление из своих высоких укрытий, все еще продолжали сдерживать Шермана и отражать его атаки, безудержное ликование охватило Атланту.
Hope went to their heads like champagne.	Надежда, словно глоток шампанского, кружила голову.
Hurrah!	Ура!
Hurrah!	Ура!
We're holding them!	Мы их остановили!

An epidemic of parties and dances broke out.	В городе началась повальная эпидемия балов.
Whenever groups of men from the fighting were in town for the night, dinners were given for them and afterwards there was dancing and the girls, outnumbering the men ten to one, made much of them and fought to dance with them.	Как только в Атланту, хотя бы на одну ночь, прибывала с фронта группа воинов, в их честь устраивались обеды, а затем - танцы, и девицы - а их на каждого воина приходилось не меньше десятка - спорили за право потанцевать с храбрецами.

Atlanta was crowded with visitors, refugees, families of wounded men in the hospitals, wives and mothers of soldiers fighting at the mountain who wished to be near them in case of wounds.	Атланта была наводнена пришлым людом: беженцами, семьями раненых, лежавших в госпиталях, женами и матерями солдат, сражавшихся в горах, - женщины стремились быть возле своих близких на случай, если их ранят.
In addition, bevies of belles from the country districts, where all remaining men were under sixteen or over sixty, descended upon the town.	И вдобавок ко всему целые стаи юных красоток со всей округи, где не осталось ни одного мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти с лишним лет, хлынули в город.

Aunt Pitty disapproved highly of these last, for she felt they had come to Atlanta for no reason at all except to catch husbands, and the shamelessness of it made her wonder what the world was coming to.	Тетушка Питти отзывалась об этих особах с крайним неодобрением, считая, что они слетелись в Атланту с единственной целью - поймать жениха, и перед лицом такого бесстыдства она не переставала с изумлением вопрошать: куда идет мир?
Scarlett disapproved, too.	Скарлетт была с ней согласна.

She did not care for the eager competition furnished by the sixteen-year-olds whose fresh cheeks and bright smiles made one forget their twice-turned frocks and patched shoes.	Ей было совсем не по душе соперничество этих шестнадцатилетних, розовощеких, чьи сияющие улыбки заставляли забывать о том, что на них дважды перелицованные платья и залатанные туфельки.
Her own clothes were prettier and newer than most, thanks to the material Rhett Butler had brought her on the last boat he ran in, but, after all, she was nineteen and getting along and men had a way of chasing silly young things.	Платья самой Скарлетт были новее и наряднее, чем у многих дам, благодаря Ретту Батлеру, который привез ей из своего последнего плавания новые ткани, но, как ни верти, ей уже сравнялось девятнадцать, и годы не шли вспять, а мужчины всегда предпочитают охотиться за глупыми молоденькими девчонками.

A widow with a child was at a disadvantage with these pretty minxes, she thought.	Вдова, да еще с ребенком, находится в незавидном положении по сравнению с такими юными вертушками, думала Скарлетт.
But in these exciting days her widowhood and her motherhood weighed less heavily upon her than ever before.	Впрочем, в эти будоражащие дни всеобщего ликования она меньше чем когда-либо ощущала тяжесть своего вдовства и материнства.
Between hospital duties in the day time and parties at night, she hardly ever saw Wade.	Днем - работа в госпитале, вечером - танцы. У нее почти не оставалось времени для Уэйда.
Sometimes she actually forgot, for long stretches, that she had a child.	Порой она вообще подолгу не вспоминала о том, что у нее есть сын!

In the warm wet summer nights, Atlanta's homes stood open to the soldiers, the town's defenders.	Жаркими влажными летними ночами двери всех домов в Атланте были распахнуты настежь для воинов - защитников города.
The big houses from Washington Street to Peachtree Street blazed with lights, as the muddy fighters in from the rifle pits were entertained, and the sound of banjo and fiddle and the scrape of dancing feet and light laughter carried far on the night air.	Все богатые дома - от улицы Вашингтона до Персиковой улицы - сияли огнями; там принимали перепачканных окопной грязью солдат, и в тихом ночном воздухе далеко разносились звуки банджо и скрипок, топот танцующих ног, веселые взрывы смеха.
Groups hung over pianos and voices sang lustily the sad words of	Люди группами собирались вокруг фортепьяно, и все увлеченно пели

"Your Letter Came but Came Too Late" while ragged gallants looked meaningly at girls who laughed from behind turkey-tail fans, begging them not to wait until it was too late.	"Письмо твое пришло, ах, слишком поздно", а оборванные, но галантные кавалеры бросали многозначительные взгляды на девиц, которые в ответ хихикали, прикрываясь веерами из индюшачьих перьев и давая понять, что не следует тянуть, не то будет слишком поздно.
None of the girls waited, if they could help it.	Сами девушки, когда это от них зависело, не откладывали теперь дела в долгий ящик.
With the tide of hysterical gaiety and excitement flooding the city, they rushed into matrimony.	Захваченные в водоворот истерического веселья и всеобщего возбуждения, они очертя голову вступали в браки.

There were so many marriages that month while Johnston was holding the enemy at Kennesaw Mountain, marriages with the bride turned out in blushing happiness and the hastily borrowed finery of a dozen friends and the groom with saber banging at patched knees.	Не счесть свадеб, сыгранных в тот месяц, когда генерал Джонстон удерживал неприятеля у горы Кеннесоу! Счастливые, стыдливо разрумянившиеся невесты венчались в наспех одолженных у десятка подружек подвенечных нарядах. Сабли женихов постукивали о заплатанные штаны.
So much excitement, so many parties, so many thrills!	Не счесть восторгов, не счесть волнений, не счесть балов!

Hurrah!	Ура!
Johnston is holding the Yanks twenty-two miles away!	Г енерал Джонстон удерживает неприятеля в двадцати двух милях от города!
Yes, the lines around Kennesaw Mountain were impregnable.	Да, позиции конфедератов на подступах к горе Кеннесоу были неприступны.
After twenty-five days of fighting, even General Sherman was convinced of this, for his losses were enormous.	После двадцати пяти дней боев генералу Шерману пришлось в этом убедиться, ибо потери он понес огромные.

Instead of continuing the direct assault, he swung his army in a wide circle again and tried to come between the Confederates and Atlanta.	И тогда, прекратив лобовую атаку, он снова произвел широкий обходной маневр и сделал попытку вклиниться между армией конфедератов и Атлантой.
Again, the strategy worked.	Его стратегия снова дала результаты.
Johnston was forced to abandon the heights he had held so well, in order to protect his rear.	Дабы защитить свой тыл, Джонстон был вынужден оставить горные выси, на которых он так хорошо укрепился.

He had lost a third of his men in that fight and the remainder slogged tiredly through the rain across the country toward the Chattahoochee River.	В этих боях он потерял треть своих людей; остатки его истощенной армии отступили под дождем к реке Чаттахучи.
The Confederates could expect no more reinforcements, whereas the railroad, which the Yankees now held from Tennessee south to the battle line, brought Sherman fresh troops and supplies daily.	Конфедератам не приходилось больше рассчитывать на подкрепление, в то время как к Шерману по железной дороге, которая теперь от самого Теннесси до линии огня находилась в руках янки, ежедневно прибывали свежие части и продовольствие.

So the gray lines went back through the muddy fields, back toward Atlanta.	В результате серые линии были отброшены еще дальше в сторону Атланты.
With the loss of the supposedly unconquerable position, a fresh wave of terror swept the town.	После потери этих считавшихся неприступными позиций по городу прокатилась новая волна паники.
For twenty-five wild, happy days, everyone had assured everyone else that this could not possibly happen.	В период двадцатипятидневного безудержного веселья все заверяли друг друга, что нового отступления больше уж никак не может произойти.
And now it had happened!	И вот оно произошло!

But surely the General would hold the Yankees on the opposite bank of the river.	Но, без сомнения, генерал не позволит янки переправиться через реку на другой берег.

Though God knows the river was close enough, only seven miles away!	Однако что говорить, река совсем близко - в каких-нибудь семи милях от города!

But Sherman flanked them again, crossing the stream above them, and the weary gray files were forced to hurry across the yellow water and throw themselves again between the invaders and Atlanta. They dug in hastily in shallow pits to the north of the town in the valley of Peachtree Creek.	Но Шерман снова обошел конфедератов с фланга, переправившись через реку выше по течению, и изумленные серые шеренги поспешили броситься в мутную желтую воду, чтобы стать живым заслоном между захватчиками и Атлантой, и наспех зарылись в неглубокие окопы в долине Персикового ручья к северу от города.
Atlanta was in agony and panic.	Охваченная паникой Атланта агонизировала.
Fight and fall back!	Бои и отступления!
Fight and fall back!	Бои и отступления!

And every retreat was bringing the Yankees closer to the town.	И с каждым новым отступлением янки все ближе к городу.
Peachtree Creek was only five miles away!	Долина Персикового ручья всего в пяти милях от Атланты!
What was the General thinking about?	О чем думает генерал?
The cries of	Крик
"Give us a man who will stand and fight!" penetrated even to Richmond.	"Дайте нам генерала, который бы сражался и не отступал!" достиг Ричмонда.
Richmond knew that if Atlanta was lost, the war was lost, and after the army had crossed the Chattahoochee, General Johnston was removed from command.	В Ричмонде понимали, что с потерей Атланты война будет проиграна, и когда армия отступила за Чаттахучи, генерал Джонстон был отстранен от командования.

General Hood, one of his corps commanders, took over the army, and the town breathed a little easier.	Во главе армии стал генерал Худ, один из корпусных командиров, и город вздохнул свободнее.
Hood wouldn't retreat.	Худ не будет отступать.
Not that tall Kentuckian, with his flowing beard and flashing eye!	Кто-кто, только не этот высоченный кентуккиец с развевающейся бородой и огненным взглядом!
He had the reputation of a bulldog.	Худ был известен своей бульдожьей хваткой.
He'd drive the Yankees back from the creek, yes, back across the river and on up the road every step of the way back to Dalton.	Он прогонит янки, загонит их за реку и будет гнать все дальше и дальше той же дорогой обратно до самого Далтона.

But the army cried:	Но из армии долетал другой крик:
"Give us back Old Joe!" for they had been with Old Joe all the weary miles from Dalton and they knew, as the civilians could not know, the odds that had opposed them.	"Верните нам старину Джо!", ибо солдаты проделали со стариной Джо весь путь, милю за милей, от Далтона, и в армии знали то, чего не могло знать гражданское население, - против каких превосходящих сил противника вели они бои.
Sherman did not wait for Hood to get himself in readiness to attack.	А Шерман не стал ждать, пока генерал Худ приведет свои войска в боевую готовность для наступления.

On the day after the change in command, the Yankee general struck swiftly at the little town of Decatur, six miles beyond Atlanta, captured it and cut the railroad there. This was the railroad connecting Atlanta with Augusta, with Charleston, and Wilmington and with Virginia.	На другой же день после назначения нового командующего армией Шерман совершил быстрый решительный бросок, ударил по маленькому городку Декейтеру в шести милях от Атланты, захватил его и перерезал железную дорогу, соединявшую Атланту с Огастой, Чарльстоном, Уилмингтоном и Виргинией.
Sherman had dealt the Confederacy a crippling blow.	Это был сокрушительный удар.
The time had come for action!	Настало время действовать решительно.
Atlanta screamed for action!	Атланта призывала к действию!

Then, on a July afternoon of steaming heat, Atlanta had its wish.	Наконец в один изнуряюще знойный июльский день после полудня ее желание осуществилось.
General Hood did more than stand and fight.	Генерал Худ не только сражался и не отступал.
He assaulted the Yankees fiercely at Peachtree Creek, hurling his men from their rifle pits against the blue lines where Sherman's men outnumbered him more than two to one.	Он поднял свои серые цепочки из окопов у Персикового ручья и бросил в яростную атаку на вдвое превосходящие их численностью синие мундиры Шермана.

Frightened, praying that Hood's attack would drive the Yankees back, everyone listened to the sound of booming cannon and the crackling of thousands of rifles which, though five miles away from the center of town, were so loud as to seem almost in the next block.	Перепуганное население прислушивалось к гулу канонады и треску тысяч ружейных залпов, доносившихся столь явственно, словно бой шел в соседнем квартале, а не в пяти милях от центра города, и молило господа, чтобы атака Худа отбросила янки назад.

They could hear the rumblings of the batteries, see the smoke which rolled like low-hanging clouds above the trees, but for hours no one knew how the battle was going.	Все слышали залпы орудий, видели клубы дыма, нависшие над верхушками деревьев, но проходил за часом час, а о том, как развивается бой, можно было только строить догадки.
By late afternoon the first news came, but it was uncertain, contradictory, frightening, brought as it was by men wounded in the early hours of the battle.	Лишь на исходе дня начали поступать первые вести - противоречивые, неопределенные, устрашающие; их приносили те, кто был ранен в начале сражения и теперь добрался до города.

These men began straggling in, singly and in groups, the less seriously wounded supporting those who limped and staggered.	Поодиночке и группами появлялись они на улицах - менее тяжело раненные помогали тем, кто еле волочил ноги.
Soon a steady stream of them was established, making their painful way into town toward the hospitals, their faces black as negroes' from powder stains, dust and sweat, their wounds unbandaged, blood drying, flies swarming about them.	И вот уже через весь город по направлению к госпиталям непрерывной струей стал литься людской поток: черные от порохового дыма, грязи и пота лица, зияющие, неперевязанные раны, сгустки засохшей крови и над ними мухи, тучи мух.

Aunt Pitty's was one of the first houses which the wounded reached as they struggled in from the north of the town, and one after another, they tottered to the gate, sank down on the green lawn and croaked:	Дом тетушки Питти первым попадался им на пути на северной окраине города, и один за другим они добирались до калитки, тяжело опускались на лужайку перед домом и хрипло взывали:
"Water!"	- Пить!

All that burning afternoon, Aunt Pitty and her family, black and white, stood in the sun with buckets of water and bandages, ladling drinks, binding wounds until the bandages gave out and even the torn sheets and towels were exhausted.	В душном послеполуденном мареве тетушка Питти и все ее домочадцы, белые и черные, стояли во дворе с ведрами воды и бинтами, черпая чешками воду и перевязывая раны, пока не иссякли все бинты и не были разорваны на полосы последние простыни и полотенца.

Aunt Pitty completely forgot that the sight of blood always made her faint and she worked until her little feet in their too small shoes swelled and would no longer support her.	Тетушка Питти, забыв о том, что она не выносит вида крови и всегда при этом лишается чувств, усердно оказывала помощь раненым, пока ее маленькие ножки в чрезмерно узких ботиночках не отекли так, что уже отказывались ее держать.
Even Melanie, now great with child, forgot her modesty and worked feverishly side by side with Prissy, Cookie and Scarlett, her face as tense as any of the wounded.	Даже Мелани, отбросив стыдливость, несмотря на свой заметно округлившийся живот, лихорадочно трудилась бок о бок с Присси, кухаркой и Скарлетт, и лицо ее казалось таким же напряженным, как у тех, за кем она ухаживала.

When at last she fainted, there was no place to lay her except on the kitchen table, as every bed, chair and sofa in the house was filled with wounded.	И когда она внезапно потеряла сознание, ее пришлось положить на кухонный стол, так как все кровати, кушетки и даже кресла были заняты ранеными.
Forgotten in the tumult, little Wade crouched behind the banisters on the front porch, peering out onto the lawn like a caged, frightened rabbit, his eyes wide with terror, sucking his thumb and hiccoughing.	Позабытый всеми в этой суматохе маленький Уэйд, присев на корточки, выглядывал из-за перил веранды, словно испуганный кролик из клетки: круглыми от страха глазами он обводил лужайку, сосал большой палец и икал.

Once Scarlett saw him and cried sharply:	Скарлетт, случайно скользнув по нему взглядом, резко прикрикнула:
"Go play in the back yard, Wade Hampton!" but he was too terrified, too fascinated by the mad scene before him to obey.	- Ступай на задний двор, Уэйд Хэмптон! Поиграй там! - Но он был так испуган и так заворожен никогда не виданной картиной, что не исполнил приказа матери.
The lawn was covered with prostrate men, too tired to walk farther, too weak from wounds to move.	Вся лужайка была заполнена распростертыми телами людей, слишком уставших, чтобы брести дальше, слишком обессилевших от ран, чтобы сдвинуться с места.

These Uncle Peter loaded into the carriage and drove to the hospital, making trip after trip until the old horse was lathered.	Дядюшка Питер укладывал их одного за другим в коляску и отвозил в госпиталь, повторяя эти поездки до тех пор, пока взмыленная лошадь не стала.
Mrs. Meade and Mrs. Merriwether sent their carriages and they, too, drove off, springs sagging beneath the weight of the wounded.	Миссис Мид и миссис Мерриуэзер тоже прислали свои экипажи. Нагрузив экипажи ранеными так, что провисали рессоры, их отправляли в госпиталь.
Later, in the long, hot summer twilight, the ambulances came rumbling down the road from the battle field and commissary wagons, covered with muddy canvas.	Позднее, когда долгие душные летние сумерки стали спускаться на город, по дороге загрохотали санитарные повозки и интендантские фургоны с заляпанным грязью брезентовым верхом.

Then farm wagons, ox carts and even private carriages commandeered by the medical corps.	А за ними потянулись и обычные повозки и тележки, запряженные быками, и даже чьи-то элегантные экипажи, приспособленные для нужд медицинской службы.
They passed Aunt Pitty's house, jolting over the bumpy road, packed with wounded and dying men, dripping blood into the red dust.	Доверху нагруженные ранеными и умирающими, они проезжали мимо дома тетушки Питти, подпрыгивая на ухабистой дороге, орошая кровью красную дорожную пыль.
At the sight of the women with buckets and dippers, the conveyances halted and the chorus went up in cries, in whispers:	И при виде женщин с ведрами и черпаками транспорт приостанавливался, и вопли и чуть слышный шепот сливались в единый хор:
"Water!"	- Пить!

Scarlett held wobbling heads that parched lips might drink, poured buckets of water over dusty, feverish bodies and into open wounds that the men might enjoy a brief moment's relief.	Скарлетт, поддерживая мотавшиеся из стороны в сторону головы, подно- сила воду к запекшимся губам, выливала ковши воды на открытые раны, на запыленные, горев- шие как в лихорадке те- ла, стремясь принести раненым хоть минутное облегчение.
She tiptoed to hand dippers to ambulance drivers and of each she questioned, her heart in her throat:	Поднявшись на цыпочки, она протя- гивала ковш с водой воз- ницам и срывающимся голосом задавала каждо- му один и тот же вопрос:
"What news?	- Что там?
What news?"	Как?
From all came back the answer:	И всякий раз слышала в ответ:

"Don't know fer sartin, lady.	- Кто его знает, леди.
It's too soon to tell."	Пока что трудно сказать.
Night came and it was sultry.	Наступила душная ночь, не принеся прохлады.
No air moved and the flaring pine knots the negroes held made the air hotter.	Жар от сосновых факелов, которые держали негры, еще сильнее накалял недвижный воздух.
Dust clogged Scarlett's nostrils and dried her lips.	Пыль оседала у Скарлетт на губах, заползала в нос.
Her lavender calico dress, so freshly clean and starched that morning, was streaked with blood, dirt and sweat.	Ее ситцевое платье, выстиранное и накрахмаленное утром, насквозь пропиталось потом, грязью, кровью.

This, then, was what Ashley had meant when he wrote that war was not glory but dirt and misery.	Вот что, значит, хотел сказать Эшли, когда писал: война - это не триумфальное шествие, а страдания и грязь!
Fatigue gave an unreal, nightmarish cast to the whole scene.	От усталости все теряло реальность, проплывая перед глазами, как в страшном сне.
It couldn't be real- or it was real, then the world had gone mad.	Не может быть, чтобы это происходило на самом деле, - ведь если так, значит, мир сошел с ума!
If not, why should she be standing here in Aunt Pitty's peaceful front yard, amid wavering lights, pouring water over dying beaux?	Иначе почему она стоит здесь, в тихом палисаднике тетушки Питти, среди мерцающих огней, и охлаждает водой тела своих умирающих поклонников?

For so many of them were her beaux and they tried to smile when they saw her.	Да, среди этих людей их было немало - тех, кто ухаживал за ней когда-то, - и все они, узнавая ее, пытались ей улыбнуться.
There were so many men jolting down this dark, dusty road whom she knew so well, so many men dying here before her eyes, mosquitoes and gnats swarming their bloody faces, men with whom she had danced and laughed, for whom she had played music and sung songs, teased, comforted and loved-a little.	Немало их - тех, с кем она танцевала, шутила, кому играла на фортепьяно и пела романсы, кого завлекала дразнила, поощряла, любила.., чуть-чуть... Немало их пришло сюда с окровавленными, искусанными москитами лицами, пришло, ковыляя по пыльной дороге, и немало умирало у нее на глазах.

She found Carey Ashburn on the bottom layer of wounded in an ox cart, barely alive from a bullet wound in his head.	Под грудой тел на дне повозки, запряженной волами, Скарлетт обнаружила полуживого Кэйри Эшберна, раненного в голову.
But she could not extricate him without disturbing six other wounded men, so she let him go on to the hospital.	Но вытащить его оттуда, не потревожив шести других раненых, она не смогла, и его отвезли в госпиталь.
Later she heard he had died before a doctor ever saw him and was buried somewhere, no one knew exactly.	Потом она узнала, что он умер, прежде чем к нему подоспел доктор, и его похоронили где-то - никто толком не знал где.

So many men had been buried that month, in shallow, hastily dug graves at Oakland Cemetery.	Слишком много воинов было опущено в неглубокие, наспех вырытые могилы на Оклендском кладбище за этот месяц.
Melanie felt it keenly that they had not been able to get a lock of Carey's hair to send to his mother in Alabama.	Мелани ужасно сокрушалась по поводу того, что они не могли послать хотя бы прядь волос Кэйри его матери в Алабаму.
As the hot night wore on and their backs were aching and their knees buckling from weariness, Scarlett and Pitty cried to man after man:	Жаркая ночь все длилась и длилась, у Скарлетт и тетушки Питти разламывало спину и колени подгибались от усталости, и каждому вновь прибывшему раненому они задавали один и тот же вопрос:
"What news?	- Ну что там?
What news?"	Как?

And as the long hours dragged past, they had their answer, an answer that made them look whitely into each other's eyes.	И после долгих-долгих часов ожидания услышали наконец ответ, заставивший их, побелев от ужаса, поглядеть друг на друга:
"We're falling back."	- Мы отступаем.
"We've got to fall back."	- Мы вынуждены отступать.
"They outnumber us by thousands."	- Нас сотни, а их тысячи.
"The Yankees have got Wheeler's cavalry cut off near Decatur.	- Янки отрезали кавалерию Уилл ера под Декейтером.
We got to reenforce them."	Мы должны идти к нему на выручку.

"Our boys will all be in town soon."	- Наши скоро будут в городе.
Scarlett and Pitty clutched each other's arms for support.	Скарлетт и тетушка Питти вцепились друг в друга, чтобы не упасть.
"Are-are the Yankees coming?"	- Значит.., значит, янки придут сюда?

"Yes'm, they're comin' all right but they ain't goin' ter git fer, lady."	- Да, мам, они таки придут, только они охотятся не за дамами.
"Don't fret, Miss, they can't take Atlanta."	- Нет, нет, не пугайтесь, мисс, они не возьмут Атланту.
"No, Ma'm, we got a million miles of breastworks 'round this town."	- Конечно, нет, мэм, вокруг города окопов понарыто, почитай, на миллион миль.

"I heard Old Joe say it myself:	- Я сам слышал, как старина Джо сказал:
' I can hold Atlanta forever."	"Я могу держать Атланту до скончания века".
"But we ain't got Old Joe.	- Так у нас же нет теперь старины Джо.
We got-"	У нас...
"Shut up, you fool!	- Заткнись, дурак!
Do you want to scare the ladies?"	Ты что - хочешь напугать дам до полусмерти?
"The Yankees will never take this place, Ma'm." "Whyn't you ladies go ter Macon or somewheres that's safer?	- Янки никогда не возьмут города, мэм. - А почему бы вам, леди, не перебраться в Мейкон или еще куда, где безопасней?
Ain't you got no kinfolks there?"	Неужели у вас нет там родственников?

"The Yankees ain't goin' ter take Atlanta but still it ain't goin' ter be so healthy for ladies whilst they're tryin' it."	- Взять-то Атланту они не возьмут, но все ж таки для дам будет тут тяжеловато, когда янки попрут.
"There's goin' ter be a powerful lot of shellin'."	- Палить по городу будут крепко.

In a warm steaming rain the next day, the defeated army poured though Atlanta by thousands, exhausted by hunger and weariness, depleted by seventy-six days of battle and retreat, their horses starved scarecrows, their cannon and caissons harnessed with odds and ends of rope and strips of rawhide.	Наутро под теплым, парным дождем побежденная армия хлынула через город: толпы изнемогающих от голода и усталости людей, измотанных боями и отступлениями, длившимися семьдесят шесть дней, и с ними - заморенные, скелетоподобные лошади, тянувшие пушки и зарядные ящики, кое-как - обрывками веревок или сыромятных ремней - прикрученные к лафетам.
But they did not come in as disorderly rabble, in full rout.	И все же это не было беспорядочным бегством разгромленной армии.

They marched in good order, jaunty for all their rags, their torn red battle flags flying in the rain.	Войска маршировали походным строем; невзирая на свои лохмотья, они сохраняли бодрый вид, шли с развернутыми алыми боевыми знаменами, исхлестанными дождем.
They had learned retreating under Old Joe, who had made it as great a feat of strategy as advancing.	Они прошли школу отступлений под командованием старины Джо, научившим их превращать отступление в стратегический маневр, не менее важный, чем наступление.
The bearded, shabby files swung down Peachtree Street to the tune of	Обросшие бородами, оборванные, они маршировали по Персиковой улице, распевая

"Maryland! My Maryland!" and all the town turned out to cheer them.	"Мериленд мой, Мериленд", и весь город высыпал на улицы, чтобы их приветствовать.
In victory or defeat, they were their boys.	С победой ли, с поражением пришли они - это были их солдаты.

The state militia who had gone out so short a time before, resplendent in new uniforms, could hardly be distinguished from the seasoned troops, so dirty and unkempt were they.	Милицию штата, еще недавно щеголявшую своим новым обмундированием, а теперь грязную и обтрепанную, было не отличить от испытанных в боях войск.
There was a new look in their eyes.	Даже выражение глаз у солдат стало иным.

Three years of apologizing, of explaining why they were not at the front was behind them now. They had traded security behind the lines for the hardships of battle.	Ведь за спиной у каждого было три года унизительных самооправданий, объяснений, почему они не на фронте, но теперь они сменили тыловой покой на фронтовые опасности и обрели самоуважение.
Many of their number had traded easy living for hard death.	Многие из них отдали привольное житье за смерть под пулями.
They were veterans now, veterans of brief service, but veterans just the same, and they had acquitted themselves well.	Зато оставшиеся в живых стали теперь ветеранами, хотя и в чрезмерно короткий срок, и чувствовали, что исполнили свой долг.

They searched out the faces of friends in the crowd and stared at them proudly, defiantly.	Вглядываясь в толпу, отыскивая знакомые лица, они смотрели уверенно и гордо.
They could hold up their heads now.	Они могли высоко держать голову теперь.
The old men and boys of the Home Guard marched by, the graybeards almost too weary to lift their feet, the boys wearing the faces of tired children, confronted too early with adult problems.	Шли старики и юноши из войск внутреннего охранения - седобородые старцы едва волочили ноги от усталости, у юношей были озабоченные лица детей, поставленных перед слишком серьезной для них задачей.

Scarlett caught sight of Phil Meade and hardly recognized him, so black was his face with powder and grime, so taut with strain and weariness.	Скарлетт увидела среди них Фила Мида и с трудом узнала его - так почернело от порохового дыма и грязи его лицо, таким оно было напряженным и усталым.
Uncle Henry went limping by, hatless in the rain, his head stuck through a hole in a piece of old oilcloth.	Бок о бок с ним, прихрамывая, ковылял дядюшка Г енри, с непокрытой, невзирая на дождь, головой, торчавшей из дыры, проделанной в клеенке, которую он накинул себе на плечи.
Grandpa Merriwether rode in on a gun carriage, his bare feet tied in quilt scraps.	Дедушка Мерриуэзер ехал, сидя на лафете; голые ноги его были обмотаны обрывками одеяла.

But search though she might, she saw no sign of John Wilkes.	Но сколько ни искала Скарлетт глазами Джона Уилкса, его нигде не было видно.
Johnston's veterans, however, went by with the tireless, careless step which had carried them for three years, and they still had the energy to grin and wave at pretty girls and to call rude gibes to men not in uniform.	А ветераны армии Джонстона маршировали с видом бравым и беспечным, храня свой боевой дух и на третий год войны; они ухмылялись, и подмигивали хорошеньким девушкам, и отпускали грубоватые шуточки по адресу мужчин, еще не надевших военной формы.

They were on their way to the entrenchments that ringed the town-no shallow, hastily dug trenches, these, but earthworks, breast high, reinforced with sandbags and tipped with sharpened staves of wood.	Они направлялись к укреплениям, опоясывавшим город, - не мелким, наспех вырытым стрелковым гнездам, а земляным укреплениям почти в рост вышиной, обложенным мешками с песком, утыканным поверху острыми деревянными кольями.

For mile after mile the trenches encircled the town, red gashes surmounted by red mounds, waiting for the men who would fill them.	Миля за милей тянулись вокруг города эти укрепления, зияя красными щелями окопов и красными насыпями брустверов, готовые принять тех, кому надлежало их заполнить.

The crowd cheered the troops as they would have cheered them in victory.	Толпа приветствовала отступавшие войска так, словно они возвращались с победой.
There was fear in every heart but, now that they knew the truth, now that the worst had happened, now that the war was in their front yard, a change came over the town.	В каждом сердце притаился страх, но теперь, когда все уже знали правду, когда худшее уже свершилось, когда война подошла вплотную к их жилищам, с городом произошла перемена.
There was no panic now, no hysteria. Whatever lay in hearts did not show on faces.	Больше не было места панике, истерическим воплям - что бы ни гнездилось в сердцах, не находило отражения на лицах.
Everyone looked cheerful even if the cheer was strained.	Все старались казаться веселыми, даже если это веселье было напускным.

Everyone tried to show brave, confident faces to the troops.	Каждый старался уверенно и храбро смотреть в лицо отступавшим солдатам.
Everyone repeated what Old Joe had said, just before he was relieved of command:	И каждый повторял про себя слова старины Джо, сказанные накануне того дня, как его отстранили от командования:
"I can hold Atlanta forever."	"Я могу держать Атланту до скончания века".
Now that Hood had had to retreat, quite a number wished, with the soldiers, that they had Old Joe back, but they forebore saying it and took courage from Old Joe's remark:	Теперь, когда и генералу Худу пришлось отступить, у многих зародилось то же желание, что и у солдат, - желание вернуть старину Джо. Но никто не решался высказать свою мысль вслух, все пытались лишь почерпнуть уверенность в словах старины Джо:

"I can hold Atlanta forever!"	"Я могу держать Атланту до скончания века".
Not for Hood the cautious tactics of General Johnston.	Осторожная тактика генерала Джонстона была совсем не по душе генералу Худу.
He assaulted the Yankees on the east, he assaulted them on the west.	Он атаковал янки с востока, он атаковал их с запада.
Sherman was circling the town like a wrestler seeking a fresh hold on an opponent's body, and Hood did not remain behind his rifle pits waiting for the Yankees to attack.	Шерман кружил вокруг Атланты, как боксер, выискивающий незащищенное место на теле противника, и Худ не стал сидеть в своих укрытиях, дожидаясь, пока янки его атакуют.

He went out boldly to meet them and savagely fell upon them.	Он храбро вышел им навстречу и обрушился на них яростно.
Within the space of a few days the battles of Atlanta and of Ezra Church were fought, and both of them were major engagements which made Peachtree Creek seem like a skirmish.	Несколько дней шли бои за Атланту и за Эзра-Черч, и по сравнению с этими битвами сражение у Персикового ручья представлялось уже ничтожной стычкой.
But the Yankees kept coming back for more.	Однако противнику, казалось, все было нипочем.
They had suffered heavy losses but they could afford to lose.	Он понес тяжелые потери, но, видимо, мог себе это позволить.

And all the while their batteries poured shells into Atlanta, killing people in their homes, ripping roofs off buildings, tearing huge craters in the streets.	И все это время батареи северян сыпали снаряды на город, убивали людей в их жилищах, срывали крыши со зданий, вырывали глубокие воронки в мостовых.
The townsfolk sheltered as best they could in cellars, in holes in the ground and in shallow tunnels dug in railroad cuts.	Люди укрывались как могли - в погребах, в канавах, в неглубоких туннелях на железнодорожных переездах.
Atlanta was under siege.	Атланта была в осаде.

Within eleven days after he had taken command, General Hood had lost almost as many men as Johnston had lost in seventy-four days of battle and retreat, and Atlanta was hemmed in on three sides.	За одиннадцать первых дней командования генерал Худ потерял почти столько же людей, сколько генерал Джонстон за семьдесят четыре дня боев и отступлений, и Атланта была осаждена уже с трех сторон.
The railroad from Atlanta to Tennessee was now in Sherman's hands for its full length.	Железная дорога, связывающая Атланту с Теннесси, находилась теперь на всем своем протяжении в руках Шермана.

His army was across the railroad to the east and he had cut the railroad running southwest to Alabama.	Его войска обложили железную дорогу, ведущую на восток, и перерезали железную дорогу, ведущую на юго-запад, к Алабаме.
Only the one railroad to the south, to Macon and Savannah, was still open.	И только одна-единственная железная дорога - на юг, к Мейкону и Саванне, - еще действовала.
The town was crowded with soldiers, swamped with wounded, jammed with refugees, and this one line was inadequate for the crying needs of the stricken city.	Атланта была наводнена беженцами, забита войсками, заполнена ранеными, и эта единственная дорога не могла удовлетворить неотложных нужд страждущего города.

But as long as this railroad could be held, Atlanta could still stand.	И все же пока эта дорога была в руках южан, Атланта могла держаться.
Scarlett was terrified when she realized how important this line had become, how fiercely Sherman would fight to take it, how desperately Hood would fight to defend it.	Скарлетт обуял ужас, когда она поняла, какое значение приобрела эта дорога, как яростно Шерман будет стараться ее захватить и как отчаянно будет биться за нее Худ.
For this was the railroad which ran through the County, through Jonesboro.	Ведь это та дорога, что проходит через графство и через Джонсборо.
And Tara was only five miles from Jonesboro!	А Тара всего в пяти милях от Джонсборо!

Tara seemed like a haven of refuge by comparison with the screaming hell of Atlanta, but Tara was only five miles from Jonesboro!	Отсюда, из этого воющего ада, Тара казалась убежищем, тихой гаванью, но она была всего в пяти милях от Джонсборо!
Scarlett and many other ladies sat on the flat roofs of stores, shaded by their tiny parasols, and watched the fighting on the day of the battle of Atlanta.	В день битвы за Атланту Скарлетт и еще некоторые из дам, забравшись на плоские кровли складов, защитившись своими крошечными зонтиками от солнца, наблюдали за сражением.

But when shells began falling in the streets for the first time, they fled to the cellars, and that night the exodus of women, children and old people from the city began.	Но когда первые снаряды стали рваться на улицах города, все бросились в погреба, и в эту же ночь началось повальное бегство женщин, детей и стариков из Атланты.

Macon was their destination and many of those who took the train that night had already refugeed five and six times before, as Johnston fell back from Dalton.	Целью их был Мейкон, и многие из тех, кто заполнил вагоны той ночью, уже и раньше проделывали этот путь - проделывали при каждом новом отступлении генерала Джонстона, когда он все дальше и дальше откатывался от Далтона.

They were traveling lighter now than when they arrived in Atlanta.	Но ехали они теперь не так, как возвращались в Атланту, а налегке.
Most of them carried only a carpetbag and a scanty lunch done up in a bandana handkerchief.	У многих с собой был лишь ручной саквояж да скудный завтрак в пестром бумажном носовом платке.
Here and there, frightened servants carried silver pitchers, knives and forks and a family portrait or two which had been salvaged in the first fight.	И только кое-где можно было увидеть испуганных слуг с серебряной утварью и семейными портретами в руках, уцелевшими после первого бегства.
Mrs. Merriwether and Mrs. Elsing refused to leave.	Миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг уехать отказались.

They were needed at the hospital and furthermore, they said proudly, they weren't afraid and no Yankees were going to run them out of their homes.	Госпиталь нуждался в их помощи, и к тому же, гордо заявили они, никакие янки их не испугают и не заставят бежать из родного дома.
But Maybelle and her baby and Fanny Elsing went to Macon.	Но Мейбелл с ребенком и Фэнни Элсинг уехали в Мейкон.
Mrs. Meade was disobedient for the first time in her married life and flatly refused to yield to the doctor's command that she take the train to safety.	Миссис Мид впервые за всю свою супружескую жизнь выказала неповиновение и наотрез отказалась подчиниться требованию доктора и сесть в поезд.
The doctor needed her, she said.	Она ему еще понадобится, заявила миссис Мид.

Moreover, Phil was somewhere in the trenches and she wanted to be near by in case...	Да и Фил где-то здесь, в окопах, и ей нужно быть поблизости на случай, если...
But Mrs. Whiting went and many other ladies of Scarlett's circle.	А миссис Уайтинг уехала, да и многие другие из знакомых Скарлетт дам.
Aunt Pitty, who had been the first to denounce Old Joe for his policy of retreat, was among the first to pack her trunks.	Тетушка Питти, раньше всех осудившая генерала Джонстона за его стратегию отступлений, раньше всех уложила теперь свои сундуки.
Her nerves, she said, were delicate and she could not endure noises.	Ее слабые нервы, заявила она, не выносят громких звуков.

She feared she might faint at an explosion and not be able to reach the cellar.	От грохота взрывов она может лишиться чувств и не добраться до погреба.
No, she was not afraid.	Вовсе нет, она ничуть не боится.
Her baby mouth tried to set in martial lines but failed.	Она попыталась придать своему детскому ротику воинственное выражение, но попытка не увенчалась успехом.
She'd go to Macon and stay with her cousin, old Mrs. Burr, and the girls should come with her.	Она уедет в Мейкон к своей старенькой кузине миссис Бэрр, и девочки должны поехать с ней.
Scarlett did not want to go to Macon.	Скарлетт совсем не улыбалось ехать в Мейкон.

Frightened as she was of the shells, she'd rather stay in Atlanta than go to Macon, for she hated old Mrs. Burr cordially.	Она хотя и боялась бомбежек, но все же предпочитала оставаться в Атланте, чем ехать в Мейкон к старой миссис Бэрр, которую терпеть не могла.
Years ago, Mrs. Burr had said she was "fast" after catching her kissing her son Willie at one of the Wilkes' house parties.	Несколько лет назад, на одной из вечеринок в доме Уилксов, миссис Бэрр случайно увидела, как Скарлетт целуется с ее сыном Уилли, и назвала Скарлетт "вертихвосткой".
No, she told Aunt Pitty, I'll go home to Tara and Melly can go to Macon with you.	"Нет, - заявила Скарлетт тетушке Питти, - я поеду домой, в Тару, а Мелли пускай едет с вами".
At this Melanie began to cry in a frightened, heartbroken way.	Услыхав это, Мелани испугалась и горько расплакалась.

When Aunt Pitty fled to get Dr. Meade, Melanie caught Scarlett's hand in hers, pleading:	Тетушка Питти бросилась за доктором Мидом, а Мелани схватила Скарлетт за руку и взмолилась:
"Dear, don't go to Tara and leave me!	- Дорогая, не уезжай, не покидай меня!
I'll be so lonely without you.	Мне будет так одиноко без тебя!
Oh, Scarlett, I'd just die if you weren't with me when the baby came!	Ах, Скарлетт, я просто умру, если тебя не будет со мной, когда придет мой срок!
Yes-Yes, I know I've got Aunt Pitty and she is sweet.	Да, да, я знаю, тетя Питти обо мне позаботится и она - сама доброта.

But after all, she's never had a baby, and sometimes she makes me so nervous I could scream.	Но ведь у нее никогда не было детей, и порой она так действует мне на нервы, что хочется визжать.
Don't desert me, darling.	Не оставляй меня, дорогая.
You've been just like a sister to me, and besides," she smiled wanly, "you promised Ashley you'd take care of me.	Мы же с тобой как сестры, и притом, - тут она выдавила из себя лукавую улыбку, - ты пообещала Эшли позаботиться обо мне.
He told me he was going to ask you."	Он сказал, что попросит тебя об этом.
Scarlett stared down at her in wonderment.	Скарлетт глядела на нее в полном изумлении.

With her own dislike of this woman so strong she could barely conceal it, how could Melly love her so?	Почему Мелани так к ней привязана, в то время как сама она с трудом ее выносит и порой не в силах этого скрыть?
How could Melly be so stupid as not to guess the secret of her love of Ashley?	Как может Мелани быть так глупа, чтобы не догадаться, что она любит Эшли?
She had given herself away a hundred times during these months of torment, waiting for news of him.	Ведь за эти мучительные месяцы ожидания вестей от него она тысячу раз выдавала себя!
But Melanie saw nothing, Melanie who could see nothing but good in anyone she loved... Yes, she had promised Ashley she would look out for Melanie.	А Мелани ничего не видит, да и вообще не в состоянии видеть ничего дурного в тех, кого любит... Да, она действительно обещала Эшли позаботиться о Мелани.

Oh, Ashley!	О, Эшли, Эшли!
Ashley! you must be dead, dead these many months! And now your promise reaches out and clutches me!	Быть может, его давно уже нет в живых, а это обещание связывает ей теперь руки!
"Well," she said shortly,	- Ладно, - сказала она сухо.

"I did promise him that and I don't go back on my promises.	- Я правда обещала ему и слово свое сдержу.
But I won't go to Macon and stay with that old Burr cat.	Но в Мейкон я не поеду и жить с этой старой ведьмой, миссис Бэрр, не стану.
I'd claw her eyes out in five minutes.	Все равно я через пять минут выцарапала бы ей глаза.

I'm going home to Tara and you can come with me.	Я вернусь домой, в Тару, и увезу тебя с собой.
Mother would love to have you."	Мама будет очень тебе рада.
"Oh, I'd like that!	- Ах, как чудесно!
Your mother is so sweet.	Твоя мама такая милая!
But you know Auntie would just die if she wasn't with me when the baby came, and I know she won't go to Tara.	Но тетя Питти просто умрет, если не будет возле меня, когда маленькому придет время появиться на свет, а в Тару она не поедет, я знаю.
It's too close to the fighting, and Auntie wants to be safe."	Это слишком близко к линии фронта, а она хочет быть там, где поспокойнее.

Dr. Meade, who had arrived out of breath, expecting to find Melanie in premature labor at least, judging by Aunt Pitty's alarmed summoning, was indignant and said as much.	Прибежал запыхавшийся доктор Мид, заключив из испуганного лепета тети Питти, что у Мелани по меньшей мере начались преждевременные роды, сильно вознегодовал и не почел нужным это скрывать.
And upon learning the cause of the upset, he settled the matter with words that left no room for argument.	Узнав же причину расстройства, разом решил их спор.
"It's out of the question for you to go to Macon, Miss Melly.	- Не может быть и речи о том, чтобы вам ехать в Мейкон, мисс Мелли.

I won't answer for you if you move.	Если вы тронетесь с места, я ни за что не отвечаю.
The trains are crowded and uncertain and the passengers are liable to be put off in the woods at any time, if the trains are needed for the wounded or troops and supplies.	Поезда переполнены, идут не по расписанию, пассажиров могут в любую минуту высадить и бросить в лесу, если вагоны потребуются для перевозки раненых, переброски войск или для других военных нужд.
In your condition-"	В вашем положении...
"But if I went to Tara with Scarlett-"	- А если я поеду в Тару со Скарлетт...
"I tell you I won't have you moved.	- Повторяю, я не разрешаю вам сниматься с места.

The train to Tara is the train to Macon and the same conditions prevail. Moreover, no one knows just where the Yankees are now, but they are all over everywhere.	До Тары идет такой же поезд, что и до Мейкона, и условия будут совершенно те же, да и никому не известно, где находятся сейчас янки, они могут быть где угодно.
Your train might even be captured.	Могут даже захватить поезд.
And even if you reached Jonesboro safely, there'd be a five-mile ride over a rough road before you ever reached Tara. It's no trip for a woman in a delicate condition.	И даже если вы благополучно доберетесь до Джонсборо, оттуда до Тары еще пять миль по скверной проселочной дороге - путешествие не для женщины в интересном положении.

Besides, there's not a doctor in the County since old Dr. Fontaine joined the army."	К тому же там во всей округе нет врача с тех пор, как старик Фонтейн ушел на фронт.

"But there are midwives-"	- Но ведь есть повивальные бабки...
"I said a doctor," he answered brusquely and his eyes unconsciously went over her tiny frame.	- По-моему, я сказал: нет врача, - резко повторил доктор, окидывая безжалостным взглядом хрупкую фигурку Мелани.
"I won't have you moved.	- Я запрещаю вам отправляться в путь.
It might be dangerous.	Это опасно.
You don't want to have the baby on the train or in a buggy, do you?"	Вам, верно, не захочется рожать в вагоне или на дороге? А?

This medical frankness reduced the ladies to embarrassed blushes and silence.	Беззастенчивая откровенность эскулапа заставила дам покраснеть и смущенно прикусить язык.
"You've got to stay right here where I can watch you, and you must stay in bed.	- Вам надлежит оставаться здесь и притом лежать в постели.
No running up and down stairs to cellars.	А я буду вас наблюдать, и никакой беготни по лестнице в погреб.
No, not even if shells come right in the window.	Даже если снаряд влетит в окно.
After all, there's not so much danger here.	В конце концов, здесь пока еще не так опасно.

We'll have the Yankees beaten back in no time... Now, Miss Pitty, you go right on to Macon and leave the young ladies here."	Мы скоро прогоним янки отсюда... Так что, мисс Питти, езжайте-ка в Мейкон, а эти молодые дамы останутся здесь.
"Unchaperoned?" she cried, aghast.	- Без старшей в доме? - в ужасе воскликнула старая дама.
"They are matrons," said the doctor testily.	- Они взрослые, замужние женщины, -раздраженно сказал доктор.
"And Mrs. Meade is just two houses away.	- И миссис Мид через два дома отсюда.
They won't be receiving any male company anyway with Miss Melly in her condition.	А поскольку мисс Мелли в положении, они так или иначе не станут принимать у себя в доме мужчин.

Good Heavens, Miss Pitty!	Да боже милостивый, мисс Питти!
This is war time.	Ведь сейчас война!
We can't think of the proprieties now.	Нам теперь не до соблюдения Приличий.
We must think of Miss Melly."	Надо думать о здоровье мисс Мелли.
He stamped out of the room and waited on the front porch until Scarlett joined him.	Громко стуча башмаками, он направился к двери, но на веранде приостановился, поджидая Скарлетт.
"I shall talk frankly to you, Miss Scarlett," he began, jerking at his gray beard.	- Я буду говорить с вами напрямик, мисс Скарлетт, - сказал он, теребя седую бородку.

"You seem to be a young woman of common sense, so spare me your blushes.	- Мне сдается, что вы - женщина, не лишенная здравого смысла, так что избавьте меня от ваших стыдливых ужимок.
I do not want to hear any further talk about Miss Melly being moved.	Я не желаю больше слышать ни про какой отъезд мисс Мелли.

I doubt if she could stand the trip.	Я сомневаюсь, чтобы она могла выдержать дорогу.

She is going to have a difficult time, even in the best of circumstances-very narrow in the hips, as you know, and probably will need forceps for her delivery, so I don't want any ignorant darky midwife meddling with her.	Даже при самых благоприятных условиях родить ей будет нелегко при ее, как вы, вероятно, знаете, узком тазе. Весьма возможно, что потребуется накладывать щипцы, поэтому я не желаю, чтобы какая-нибудь неграмотная повивальная бабка вмешивалась в это дело.
Women like her should never have children, but-Anyway, you pack Miss Pitty's trunk and send her to Macon.	Женщинам с ее сложением вообще не следовало бы рожать, но... Словом, уложите-ка пожитки мисс Питти и отправьте ее в Мейкон.
She's so scared she'll upset Miss Melly and that won't do any good.	Она так напугана, что будет только зря волновать мисс Мелли, а Мелли это вредно.

And now, Miss," he fixed her with a piercing glance,	И затем вот что, моя дорогая.
"I don't want to hear about you going home, either.	- Он умолк, и Скарлетт почувствовала на себе его пронизывающий взгляд, - О вашем отъезде я не желаю слышать тоже.
You stay with Miss Melly till the baby comes.	Вы останетесь с мисс Мелли до тех пор, пока младенец не появится на свет!
Not afraid, are you?"	Вы ведь не боитесь, не так ли?
"Oh, no!" lied Scarlett, stoutly.	- Конечно, нет, - храбро солгала Скарлетт.
"That's a brave girl.	- Вот и молодчина.

Mrs. Meade will give you whatever chaperonage you need and I'll send over old Betsy to cook for you, if Miss Pitty wants to take her servants with her.	Миссис Мид постарается по возможности опекать вас, и если мисс Питти захочет забрать с собой слуг, я пошлю к вам мою старуху Бетси - она будет вам стряпать.
It won't be for long.	Ждать осталось недолго.
The baby ought to be here in another five weeks, but you never can tell with first babies and all this shelling going on.	Ребенок должен появиться на свет через пять недель, но при первых родах, да еще при этой стрельбе, ничего нельзя знать наверняка.
It may come any day."	Может случиться и со дня на день.

So Aunt Pittypat went to Macon, in floods of tears, taking Uncle Peter and Cookie with her.	И тетушка Питти отбыла в Мейкон, проливая потоки слез и прихватив с собой дядюшку Питера и кухарку.
The carriage and horse she donated to the hospital in a burst of patriotism which she immediately regretted and that brought on more tears.	Лошадь и коляску она в приливе патриотических чувств пожертвовала госпиталю, о чем тотчас же пожалела, отчего слезы снова хлынули ручьем.
And Scarlett and Melanie were left alone with Wade and Prissy in a house that was much quieter, even though the cannonading continued.	А Мелани и Скарлетт остались одни с Уэйдом и Присси в притихшем, невзирая на непрекращавшуюся канонаду, доме.
CHAPTER XIX	Глава 19

In those first days of the siege, when the Yankees crashed here and there against the defenses of the city, Scarlett was so frightened by the bursting shells she could only cower helplessly, her hands over her ears, expecting every moment to be blown into eternity.	В эти первые дни осады, когда янки то тут, то там обрушивались на южан, разрывы снарядов наводили на Скарлетт такой ужас, что она всякий раз зажимала уши руками, съеживалась в беспомощный комочек и ждала, что с минуты на минуту ее разорвет на куски и прах развеет по ветру.
When she heard the whistling screams that heralded their approach, she rushed to Melanie's room and flung herself on the bed beside her, and the two clutched each other, screaming	Заслышав еще далекий свист снаряда, она влетала в спальню Мелани, бросалась рядом с ней на кровать, и, тесно прижавшись друг к другу, вскрикивая:
"Oh!	"Ой!

Oh!" as they buried their heads in the pillows.	Ой!", они зарывались головой в подушки.
Prissy and Wade scurried for the cellar and crouched in the cobwebbed darkness, Prissy squalling at the top of her voice and Wade sobbing and hiccoughing.	А Присси с Уэйдом спускалась в погреб, забивалась там, скорчившись, в угол, среди мрака и паутины, и выла в голос, а Уэйд икал и всхлипывал.
Suffocating under feather pillows while death screamed overhead, Scarlett silently cursed Melanie for keeping her from the safer regions below stairs.	Задыхаясь в жарком пуху подушек, слыша визг смерти у себя над головой, Скарлетт безмолвно проклинала Мелани, по милости которой она не могла спуститься вниз, где было безопаснее.

But the doctor had forbidden Melanie to walk and Scarlett had to stay with her.	Но доктор запретил Мелани вставать с постели, а Скарлетт - оставлять ее одну.
Added to her terror of being blown to pieces was her equally active terror that Melanie's baby might arrive at any moment.	К страху быть разорванной на куски снарядом примешивался не менее отчаянный страх, что у Мелани в любую минуту могут начаться роды.
Sweat broke out on Scarlett with clammy dampness, whenever this thought entered her mind.	Стоило Скарлетт подумать об этом, и спина у нее становилась липкой от пота.
What would she do if the baby started coming?	Ну что ей делать, если Мелани начнет рожать?

She knew she'd rather let Melanie die than go out on the streets to hunt for the doctor when the shells were falling like April rain.	Скарлетт чувствовала, что она скорее даст Мелани умереть, чем отважится выйти на улицу, чтобы позвать доктора, когда снаряды сыплются там с неба, как апрельский дождь.
And she knew Prissy could be beaten to death before she would venture forth.	И она знала также, что Присси можно избить до полусмерти, но и она не высунет носа на улицу.
What would she do if the baby came?	Так что же делать, если у Мелани начнутся роды?

These matters she discussed with Prissy in whispers one evening, as they prepared Melanie's supper tray, and Prissy, surprisingly enough, calmed her fears.	Как-то вечером, собирая на поднос ужин для Мелани, Скарлетт шепотом поделилась своими опасениями с Присси, и, к ее удивлению, негритянка помогла рассеяться страхам.
"Miss Scarlett, effen we kain git de doctah w'en Miss Melly's time come, doan you bodder.	- А что ж тут такого, мисс Скарлетт, не пужайтесь, без доктора обойдемся. А я-то на что? Я эти дела знаю.
Ah kin manage.	Мамка-то моя кто - повивальная бабка.
Ah knows all 'bout birthin'. Ain' mah ma a midwife?	И я тож, как вырасту, буду детей принимать - а то нет?

Ain' she raise me ter be a midwife, too?	Меня мамка учила.
Jes' you leave it ter me."	Так что положьтесь на меня.
Scarlett breathed more easily knowing that experienced hands were near, but she nevertheless yearned to have the ordeal over and done with.	Скарлетт облегченно вздохнула, узнав, что опытные руки придут ей на помощь, но тем не менее ей страстно хотелось, чтобы это испытание поскорее осталось позади.

Mad to be away from exploding shells, desperate to get home to the quiet of Tara, she prayed every night that the baby would arrive the next day, so she would be released from her promise and could leave Atlanta.	Сходя с ума от страха при каждом разрыве снаряда, она всем существом своим отчаянно рвалась домой, в тихую обитель Тары, и каждую ночь, отходя ко сну, молилась о том, чтобы ребенок появился на свет на следующий день и она, освободившись от своего обещания, могла покинуть Атланту.
Tara seemed so safe, so far away from all this misery.	Тара казалась таким надежным, таким далеким от всех этих ужасов и бедствий пристанищем.
Scarlett longed for home and her mother as she had never longed for anything in all her life.	Никогда еще Скарлетт не желала ничего так страстно, как очутиться сейчас под родительским кровом, возле матери.

If she were just near Ellen she wouldn't be afraid, no matter what happened.	Рядом с Эллин она не знала бы страха, что бы ни произошло.
Every night after a day of screeching ear-splitting shells, she went to bed determined to tell Melanie the next morning that she could not stand Atlanta another day, that she would have to go home and Melanie would have to go to Mrs. Meade's.	После целого дня, наполненного воем и оглушительным грохотом рвущихся снарядов, она ложилась спать с твердым намерением наутро сказать Мелани, что не может больше выдержать ни единого дня этой жизни, что она уезжает домой, а Мелани пусть перебирается к миссис Мид.

But, as she lay on her pillow, there always rose the memory of Ashley's face as it had looked when she last saw him, drawn as with an inner pain but with a little smile on his lips:	Но как только ее голова опускалась на подушку, перед глазами у нее возникало лицо Эшли: бледное, напряженное, словно от какой-то невысказанной боли, но с легкой улыбкой на губах - таким она видела его в миг их последней встречи...
"You'll take care of Melanie, won't you?	"Вы позаботитесь о Мелани, я могу надеяться?
You're so strong...	Вы такая сильная, Скарлетт.
Promise me."	Обещайте мне".
And she had promised.	И она пообещала.
Somewhere, Ashley lay dead.	А Эшли уже нет в живых.

Wherever he was, he was watching her, holding her to that promise.	Где-то в чужом краю он лежит в земле. Но и оттуда он наблюдает за ней, не позволяет ей нарушить данное ему слово.
Living or dead, she could not fail him, no matter what the cost.	И живому ли, мертвому, она будет ему верна, чего бы это ей ни стоило.
So she remained day after day.	Так день убегал за днем, а Скарлетт оставалась в Атланте.

In response to Ellen's letters, pleading with her to come home, she wrote minimizing the dangers of the siege, explaining Melanie's predicament and promising to come as soon as the baby was born.	В своих ответах на письма Эллин, умолявшей ее возвратиться домой, она старалась преуменьшать опасности осадного положения, описывала состояние Мелани и кончала обещанием приехать, как только младенец появится на свет.

Ellen, sensitive to the bonds of kin, be they blood or marriage, wrote back reluctantly agreeing that she must stay but demanding Wade and Prissy be sent home immediately.	Эллин, всегда чувствительная к узам родства -будь то кровным или сводным, - против воли соглашалась с ее доводами, но настойчиво требовала, чтобы Присси с Уэйдом немедленно были отправлены домой.
This suggestion met with the complete approval of Prissy, who was now reduced to teethchattering idiocy at every unexpected sound.	Это требование получило самое жаркое одобрение со стороны Присси, у которой теперь при каждом неожиданном звуке зубы начинали выбивать дробь, и она тупела до полного идиотизма.

She spent so much time crouching in the cellar that the girls would have fared badly but for Mrs. Meade's stolid old Betsy.	Почти целый день она сидела, сжавшись в комочек в погребе, и если бы не старуха Бетси, наши дамы начали бы пухнуть с голоду.
Scarlett was as anxious as her mother to have Wade out of Atlanta, not only for the child's safety, but because his constant fear irritated her.	Скарлетт не менее Эллин рада была бы отправить Уэйда домой, и не столько ради его безопасности, сколько потому, что вечный страх, в котором пребывал ребенок, действовал ей на нервы.
Wade was terrified to speechlessness by the shelling, and even when lulls came he clung to Scarlett's skirts, too terrified to cry.	Взрывы снарядов приводили Уэйда в состояние безмолвного ужаса, и даже в минуты затишья он все время цеплялся за юбку Скарлетт, настолько испуганный, что не мог даже плакать.

He was afraid to go to bed at night, afraid of the dark, afraid to sleep lest the Yankees should come and get him, and the sound of his soft nervous whimpering in the night grated unendurably on her nerves.	Вечером он боялся ложиться в постель, боялся темноты, боялся уснуть, чтобы ночью его не похитили янки, а негромкое жалобное хныканье ребенка во сне сводило Скарлетт с ума.
Secretly she was just as frightened as he was, but it angered her to be reminded of it every minute by his tense, drawn face.	Она и сама была напугана не меньше, чем он, но ее злило, что его осунувшееся, испуганное личико беспрерывно напоминало ей об этом.
Yes, Tara was the place for Wade.	Да, разумеется, Уэйду место в Таре!

Prissy should take him there and return immediately to be present when the baby came.	Нужно отправить его туда с Присси, а затем Присси тут же должна возвратиться обратно, чтобы быть возле Мелани, когда придет срок.
But before Scarlett could start the two on their homeward journey, news came that the Yankees had swung to the south and were skirmishing along the railroad between Atlanta and Jonesboro.	Но не успела Скарлетт снарядить двух путешественников в путь, как разнеслась весть, что войска янки повернули на юг и ведут теперь бои вдоль железной дороги между Атлантой и Джонсборо.

Suppose the Yankees should capture the train on which Wade and Prissy were riding- Scarlett and Melanie turned pale at the thought, for everyone knew that Yankee atrocities on helpless children were even more dreadful than on women.	А что, если янки захватят поезд, на котором поедут Уэйд и Присси? При одной мысли об этом Скарлетт и Мелани побелели - ведь каждому было известно, какие зверства учиняют янки над беззащитными детишками - хуже даже, чем над женщинами.

So she feared to send him home and he remained in Atlanta, a frightened, silent little ghost, pattering about desperately after his mother, fearing to have her skirt out of his hand for even a minute.	И Скарлетт побоялась отослать ребенка домой. Он остался в Атланте и ковылял за ней по дому, боясь хоть на миг выпустить из ручонки ее юбку -маленький, испуганный, безмолвный, как привидение.

The siege went on through the hot days of July, thundering days following nights of sullen, ominous stillness, and the town began to adjust itself.	День за днем осажденный город плавился в июльском зное, а душными ночами громыхание пушек сменялось зловещей тишиной, и мало-помалу жизнь в Атланте стала входить в колею.
It was as though, the worst having happened, they had nothing more to fear.	И снова всем стало казаться, что теперь, когда случилось самое страшное, бояться больше нечего.
They had feared a siege and now they had a siege and, after all, it wasn't so bad.	Все со страхом ждали осады, и вот город уже осажден, а жизнь в конце концов идет своим чередом.
Life could and did go on almost as usual.	Идет почти что по-прежнему.

They knew they were sitting on a volcano, but until that volcano erupted there was nothing they could do.	Все понимали, что живут на вулкане, но пока вулкан не начал извергаться, они, в сущности, ничего предпринять не могли.
So why worry now?	Так чего же попусту тревожиться?
And probably it wouldn't erupt anyway.	Быть может, извержения еще и, не произойдет.
Just look how General Hood is holding the Yankees out of the city!	Вон ведь как генерал Худ сдерживает янки, не подпускает их к городу!
And see how the cavalry is holding the railroad to Macon!	А кавалерия не подпускает их к дороге на Мейкон!

Sherman will never take it!	Шерману никогда ею не овладеть!
But for all their apparent insouciance in the face of falling shells and shorter rations, for all their ignoring the Yankees, barely half a mile away, and for all their boundless confidence in the ragged line of gray men in the rifle pits, there pulsed, just below the skin of Atlanta, a wild uncertainty over what the next day would bring.	Но под напускной беспечностью перед угрозой рвущихся снарядов, под притворным безразличием к полуголодному существованию и к янки, стоявшим в полумиле от города, в сердцах жителей Атланты, несмотря на всю безграничность их веры в людей в изодранных серых мундирах, заполнявших окопы, неосознанно тлела тревожная неуверенность в завтрашнем дне.

Suspense, worry, sorrow, hunger and the torment of rising, falling, rising hope was wearing that skin thin.	И под бременем голода, горя, страха, среди мучительных всплесков и спадов надежды тревога эта точила души.
Gradually, Scarlett drew courage from the brave faces of her friends and from the merciful adjustment which nature makes when what cannot be cured must be endured.	Скарлетт же, глядя на суровые лица своих друзей, мало-помалу обрела мужество, спасительный инстинкт самосохранения дал ей силы приспособиться к обстоятельствам, согласно пословице: чему быть, того не миновать.
To be sure, she still jumped at the sound of explosions but she did not run screaming to burrow her head under Melanie's pillow.	Конечно, она и сейчас еще вздрагивала при каждом залпе, но уже не кидалась к Мелани -зарыться головой в подушки.

She could now gulp and say weakly:	Теперь, сдерживая волнение, она только произносила дрогнувшим голосом:
"That was close, wasn't it?"	- Это, кажется, где-то близко, да?
She was less frightened also because life had taken on the quality of a dream, a dream too terrible to be real.	Страх ее ослабел еще и потому, что все стало представляться ей в каком-то призрачном, нереальном свете, как во сне - слишком страшном сне, чтобы он мог быть явью.
It wasn't possible that she, Scarlett O'Hara, should be in such a predicament, with the danger of death about her every hour, every minute.	Казалось невероятным, чтобы все это на самом деле происходило с ней, Скарлетт О'Хара, чтобы смерть действительно подстерегала ее каждый час, каждую минуту.

It wasn't possible that the quiet tenor of life could have changed so completely in so short a time.	У нее еще не укладывалось в сознании, что спокойное течение жизни могло претерпеть такие изменения в столь короткий срок.

It was unreal, grotesquely unreal, that morning skies which dawned so tenderly blue could be profaned with cannon smoke that hung over the town like low thunder clouds, that warm noontides filled with the piercing sweetness of massed honeysuckle and climbing roses could be so fearful, as shells screamed into the streets, bursting like the crack of doom, throwing iron splinters hundreds of yards, blowing people and animals to bits.	Казалось невозможным - чудовищным и невозможным, - что чистая голубизна предрассветного неба будет осквернена черным дымом орудий, который грозовым облаком повиснет над городом, что солнечный полдень, напоенный таким пронзительным ароматом жимолости и вьющихся роз, может таить в себе смертельную угрозу, что улицы могут оглушать воем снарядов, несущих гибель, разрывающих людей и всякую живую тварь на куски.

Quiet, drowsy afternoon siestas had ceased to be, for though the clamor of battle might lull from time to time, Peachtree Street was alive and noisy at all hours, cannon and ambulances rumbling by, wounded stumbling in from the rifle pits, regiments hurrying past at double-quick, ordered from the ditches on one side of town to the defense of some hard-pressed earthworks on the other, and couriers dashing headlong down the street toward headquarters as though the fate of the Confederacy hung on them	Не стало тихих, дремотных часов послеобеденного покоя, ибо даже если грохот битвы порой затихал, Персиковая улица во все часы дня полнилась шумом: гремели влекомые куда-то пушки; ехали санитарные фургоны; брели раненые, приковылявшие из окопов; убыстренным шагом проходили войсковые части, перебрасываемые на оборону укреплений из одного конца города в другой; сломя голову, словно от их проворства зависела судьба Конфедерации, скакали в штаб вестовые.

The hot nights brought a measure of quiet but it was a sinister quiet. When the night was still, it was too still- as though the tree frogs, katydids and sleepy mockingbirds were too frightened to raise their voices in the usual summer-night chorus.	Жаркими ночами наступало временное затишье, но тишина эта была зловещей - слишком глубокой, слишком полной, словно и древесные лягушки, и узкокрылые кузнечики, и сонные пересмешники - все были слишком испуганы, чтобы слить свои голоса в привычном летнем ночном хоре.
Now and again, the quiet was broken sharply by the crack-cracking of musket fire in the last line of defenses.	Лишь время от времени звук одиночного выстрела где-то из последней линии обороны нарушал тишину.

Often in the late night hours, when the lamps were out and Melanie asleep and deathly silence pressed over the town, Scarlett, lying awake, heard the latch of the front gate click and soft urgent tappings on the front door.	И не раз глубокой ночью, когда Мелани спала, все огни в доме были потушены и над городом стояла мертвая тишина, Скарлетт, лежа без сна, слышала скрип отодвигаемой щеколды на калитке, а следом за этим тихий, настойчивый стук в парадную дверь.

Always, faceless soldiers stood on the dark porch and from the darkness many different voices spoke to her.	Какие-то безликие люди в военной форме поднимались на крыльцо, и чужие, самые разные голоса взывали к ней из мрака.

Sometimes a cultured voice came from the shadows:	Порой выступавшая вперед тень изъяснялась изысканно вежливо:
"Madam, my abject apologies for disturbing you, but could I have water for myself and my horse?"	- Мадам, глубоко сожалею, что отважился потревожить вас, но не позволите ли мне напиться и напоить коня?
Sometimes it was the hard burring of a mountain voice, sometimes the odd nasals of the flat Wiregrass country to the far south, occasionally the lulling drawl of the Coast that caught at her heart, reminding her of Ellen's voice.	Порой слышалась отрывистая, грубоватая горская речь, порой непривычный, чуть гнусавый говор долинных жителей далекого южного Уайтграсса, а порой певучие, протяжные звуки чужого голоса заставляли сжиматься сердце Скарлетт, воскрешая в памяти прибрежные города и образ Эллин.

"Missy, I got a pardner here who I wuz aimin' ter git ter the horsepittle but looks like he ain't goin' ter last that fer.	- Барышня, у меня тут дружок, хотел дотащить его до госпиталя, да боюсь, далековато, как бы он раньше не загнулся.
Kin you take him in?"	Может, оставите его у себя?
"Lady, I shore could do with some vittles.	- Сударыня, жрать страсть охота.
I'd shore relish a corn pone if it didn't deprive you none."	Мне бы кукурузной лепешки кусочек, ради бога, ежели я вас не обездолю.

"Madam, forgive my intrusion but-could I spend the night on your porch? I saw the roses and smelled the honeysuckle and it was so much like home that I was emboldened-"	- Простите мое вторжение, мадам, но, быть может, вы позволите провести ночь у вас на веранде... Я увидел розы, запахло жимолостью, и это так напомнило мне мой дом, что я отважился...
No, these nights were not real!	Нет, эти ночные видения не могли быть явью.
They were a nightmare and the men were part of that nightmare, men without bodies or faces, only tired voices speaking to her from the warm dark.	Ей привиделся страшный сон, и все эти люди - без лица, без плоти, люди-голоса, усталые голоса, звучащие из душного мрака, - были просто частью кошмара.

Draw water, serve food, lay pillows on the front porch, bind wounds, hold the dirty heads of the dying.	Напои их, дай поесть, постели им на веранде, перевяжи раны, поддержи облепленную грязью голову умирающего!
No, this could not be happening to her!	Нет, это не могло происходить с нею наяву!
Once, late in July, it was Uncle Henry Hamilton who came tapping in the night.	Однажды, в конце июля, призрак, постучавший ночью в дверь, оказался дядей Генри Гамильтоном.
Uncle Henry was minus his umbrella and carpetbag now, and his fat stomach as well.	Дядей Генри - только без зонта, без саквояжа и без брюшка.

The skin of his pink fat face hung down in loose folds like the dewlaps of a bulldog and his long white hair was indescribably dirty.	Розовые щеки его обвисли и болтались, словно бульдожий подгрудок, и длинные седые волосы были неописуемо грязны.
He was almost barefoot, crawling with lice, and he was hungry, but his irascible spirit was unimpaired.	По нему ползали вши, он был почти совсем бос, голоден, но все так же несгибаем духом.

Despite his remark: "It's a foolish war when old fools like me are out toting guns," the girls received the impression that Uncle Henry was enjoying himself.	- Старые дураки, вроде меня, палят из старых пушек - идиотская война, - сказал он, но и Скарлетт и Мелани чувствовали, что он по-своему получает от этой войны удовольствие.

He was needed, like the young men, and he was doing a young man's work.	В нем нуждались, как в молодом, и он делал то же, что и молодые.
Moreover, he could keep up with the young men, which was more than Grandpa Merriwether could do, he told them gleefully.	Да, ни в чем не отставал от молодых - куда там до него дедушке Мерриуэзеру, весело сообщил он.
Grandpa's lumbago was troubling him greatly and the Captain wanted to discharge him.	Дедушку совсем замучил ишиас, и капитан хотел даже отправить его домой.
But Grandpa wouldn't go home.	Но дедушка отказался наотрез.

He said frankly that he preferred the Captain's swearing and bullying to his daughter-in-law's coddling, and her incessant demands that he give up chewing tobacco and launder his beard every day.	Он прямо сказал, что ему легче выносить проклятия и брань капитана, чем слащавые заботы снохи и ее неотвязные просьбы, чтобы он перестал жевать табак и мыл бороду с мылом каждый день.
Uncle Henry's visit was brief, for he had only a four-hour furlough and he needed half of it for the long walk in from the breastworks and back.	Дядя Г енри пробыл у них недолго, так как получил увольнительную всего на четыре часа -половину этого времени он добирался из окопов и столько же ему предстояло добираться обратно.

"Girls, I'm not going to see you all for a while," he announced as he sat in Melanie's bedroom, luxuriously wriggling his blistered feet in the tub of cold water Scarlett had set before him.	- Дорогие мои, я теперь не так скоро увижусь с вами, - заявил он, сидя в спальне Мелани и с наслаждением болтая натруженными ступнями в тазу с холодной водой, поставленном перед ним Скарлетт.
"Our company is going out in the morning."	- Нашу роту сегодня утром выводят из окопов.
"Where?" questioned Melanie frightened, clutching his arm.	- Куда? - с испугом спросила Мелани, хватая его за руку.
"Don't put your hand on me," said Uncle Henry irritably.	- Что ты в меня вцепилась! - сварливо буркнул дядя Генри.
"I'm crawling with lice.	- По мне вши ползают.

War would be a picnic if it wasn't for lice and dysentery.	Война была бы чудесным пикником, кабы не вши и не дизентерия.
Where'm I going?	Куда нас отправляют?
Well, I haven't been told but I've got a good idea.	Видишь ли, мне об этом не докладывали, но догадываться я могу.
We're marching south, toward Jonesboro, in the morning, unless I'm greatly in error."	Если я еще кое-что понимаю, то сегодня утром мы двинемся маршем на юг, к Джонсборо.
"Oh, why toward Jonesboro?"	- Господи, почему к Джонсборо?
"Because there's going to be big fighting there, Missy.	- Потому что там состоится большое сражение, мисс.

The Yankees are going to take the railroad if they possibly can.	Янки всеми силами будут стараться захватить железную дорогу.

And if they do take it, it's good-by Atlanta!"	А уж если они ее захватят, прости-прощай Атланта!
"Oh, Uncle Henry, do you think they will?"	- Ой, дядя Генри, неужели вы считаете, что это может произойти?
"Shucks, girls!	- Вздор, мои дорогие!
No!	Никогда!
How can they when I'm there?"	Как это может произойти, когда там буду я.
Uncle Henry grinned at their frightened faces and then, becoming serious again:	- Дядюшка Г енри ухмыльнулся, глядя на их испуганные лица, потом стал серьезен.

"It's going to be a hard fight, girls. We've got to win it.	- Это будет суровая битва, девочки, и мы должны ее выиграть.
You know, of course, that the Yankees have got all the railroads except the one to Macon, but that isn't all they've got.	Вам, конечно, известно, что янки захватили все железные дороги, кроме Мейконской? Но это еще не все.
Maybe you girls didn't know it, but they've got every road, too, every wagon lane and bridle path, except the McDonough road.	Вы, возможно, не знаете, что они держат в своих руках и все тракты, и проселочные дороги, и даже верховые тропы - все, за исключением Мак-Доновской.
Atlanta's in a bag and the strings of the bag are at Jonesboro.	Атланта - в мешке, и тесемки мешка затягиваются у Джонсборо.

And if the Yankees can take the railroad there, they can pull up the strings and have us, just like a possum in a poke.	Если янки сумеют захватить и эту дорогу, они затянут тесемки и поймают нас в мешок, как опоссума.
So, we don't aim to let them get that railroad... I may be gone a while, girls.	Так что мы не намерены отдавать им дорогу... Словом, мы, быть может, не скоро увидимся, детки.
I just came in to tell you all good-by and to make sure Scarlett was still with you, Melly."	Вот я и пришел попрощаться с вами и убедиться, что Скарлетт не оставила тебя, Мелани.
"Of course, she's with me," said Melanie fondly.	- Ну конечно, она здесь, со мной, - с нежностью в голосе проговорила Мелани.

"Don't you worry about us, Uncle Henry, and do take care of yourself."	- Вы не тревожьтесь о нас, дядя Генри, берегите себя.
Uncle Henry wiped his wet feet on the rag rug and groaned as he drew on his tattered shoes.	Дядюшка Генри вытер мокрые ноги о лоскутный коврик и со стоном напялил свои разваливающиеся башмаки.
"I got to be going," he said.	- Мне пора, - сказал он.
"I've got five miles to walk.	- Надо еще отшагать пять миль.
Scarlett, you fix me up some kind of lunch to take.	Скарлетт, заверни-ка мне с собой чего-нибудь поесть.
Anything you've got."	Ну, что найдется.

After he had kissed Melanie good-by, he went down to the kitchen where Scarlett was wrapping a corn pone and some apples in a napkin.	Поцеловав на прощание Мелани, он спустился на кухню, где Скарлетт заворачивала в салфетку несколько яблок и кукурузную лепешку.

"Uncle Henry-is it-is it really so serious?"	- Дядя Генри, дела в самом деле так... так плохи?
"Serious?	- Так плохи?
God'lmighty, yes!	Черт побери, да!
Don't be a goose.	Не будь гусыней.
We're in the last ditch."	Армия при последнем издыхании.
"Do you think they'll get to Tara?"	- Вы думаете, они доберутся до Тары?

"Why-" began Uncle Henry, irritated at the feminine mind which thought only of personal things when broad issues were involved.	- Ну, знаешь ли... - начал было дядюшка Генри, раздраженный этой особенностью женского ума, способного думать лишь о собственных интересах, когда на карту поставлено кое-что поважнее.
Then, seeing her frightened, woebegone face, he softened.	Однако, поглядев на удрученное, испуганное лицо Скарлетт, старик смягчился.
"Of course they won't.	- Конечно, нет.
Tara's five miles from the railroad and it's the railroad the Yankees want.	Тара в пяти милях от железной дороги, а янки нужна только дорога.
You've got no more sense than a June bug, Missy."	Ты, душечка, смыслишь в этих делах не больше, чем табуретка.

He broke off abruptly.	- Он помолчал.
"I didn't walk all this way here tonight just to tell you all good-by.	- Я притопал ночью не затем, чтобы просто сказать вам обеим "до свиданья".
I came to bring Melly some bad news, but when I got up to it I just couldn't tell her.	Я принес Мелли тяжелую весть, но, поглядев на нее, просто не смог ничего ей сообщить.
So I'm going to leave it to you to do."	Так что придется тебе взять это на себя.
"Ashley isn't-you haven't heard anything-that he's-dead?"	- Неужели Эшли?.. Вы что-нибудь узнали? Он... он умер?

"Now, how would I be hearing about Ashley when I've been standing in rifle pits up to the seat of my pants in mud?" the old gentleman asked testily.	- Вовсе нет. Откуда бы я мог узнать про Эшли, стоя по самый зад в грязи в окопах? - раздраженно ответствовал старый джентльмен.
"No.	- Нет.
It's about his father.	Это его отец.
John Wilkes is dead."	Джона Уилкса больше нет с нами.
Scarlett sat down suddenly, the half-wrapped lunch in her hand.	Скарлетт опустилась на стул, уронив сверток с едой на колени.
"I came to tell Melly- but I couldn't.	- Я пришел, чтобы сообщить об этом Мелани, и не смог.

You must do it.	Придется это сделать тебе.
And give her these."	И вот, передай ей.
He hauled from his pockets a heavy gold watch with dangling seals, a small miniature of the long dead Mrs. Wilkes and a pair of massive cuff buttons.	Дядюшка Генри достал из кармана небольшую миниатюру покойной миссис У илкс, пару золотых запонок и массивные золотые часы с цепочкой, на которой покачивались, позвякивая, брелоки.

At the sight of the watch which she had seen in John Wilkes' hands a thousand times, the full realization came over Scarlett that Ashley's father was really dead.	Узнав часы, сколько раз виденные ею в руках старого Джона Уилкса, Скарлетт наконец осознала, что отца Эшли больше нет в живых.

And she was too stunned to cry or to speak.	Это оглушило ее, и она сидела не шевелясь, не в силах произнести ни слова.
Uncle Henry fidgeted, coughed and did not look at her, lest he catch sight of a tear that would upset him.	Дядюшка Г енри кашлянул и поерзал на стуле, не решаясь поглядеть на нее, боясь увидеть слезы и совсем расстроиться.
"He was a brave man, Scarlett.	- Он был храбрый человек, Скарлетт.
Tell Melly that.	Передай это Мелли.
Tell her to write it to his girls.	Скажи, чтобы она написала его дочкам.
And a good soldier for all his years.	И хороший солдат, несмотря на свои годы.
A shell got him.	Его убило снарядом.
Came right down on him and his horse.	Угодило прямехонько в него и в лошадь.

Tore the horse's- I shot the horse myself, poor creature.	Лошадь я пристрелил сам, бедняжку.
A fine little mare she was.	Славная была кобылка.
You'd better write Mrs. Tarleton about that, too.	Напиши-ка, пожалуй, и миссис Тарлтон про ее лошадку.
She set a store on that mare.	Она в этой кобыле души не чаяла.
Wrap up my lunch, child.	Ну, давай, заворачивай мою еду, девочка.
I must be going.	Мне пора обратно.
There, dear, don't take it so hard.	Полно, полно, не принимай это так близко к сердцу.

What better way can an old man die than doing a young man's work?"	Какой еще смерти может пожелать себе старик, как не плечом к плечу с молодыми парнями?
"Oh, he shouldn't have died!	- Нет, он не должен был умереть!
He shouldn't have ever gone to the war.	И совсем не должен был идти на войну!
He should have lived and seen his grandchild grow up and died peacefully in bed.	Он должен был жить, и растить внука, и мирно умереть в своей постели!
Oh, why did he go?	Господи, зачем он пошел на фронт!
He didn't believe in secession and he hated the war and-"	Он не считал, что Юг должен отделиться, и ненавидел войну и...

"Plenty of us think that way, but what of it?"	- Многие из нас мыслят совершенно так же, но что из того?
Uncle Henry blew his nose grumpily.	- Дядюшка Генри сердито высморкался.
"Do you think I enjoy letting Yankee riflemen use me for a target at my age?	- Думаешь, мне, в моем возрасте, доставляет большое удовольствие подставлять лоб под пули?
But there's no other choice for a gentleman these days.	Но в нашем положении у джентльмена нет выбора.

Kiss me good-by, child, and don't worry about me.	Поцелуй меня на прощание, детка, и не тревожьтесь обо мне.
I'll come through this war safely."	Я вернусь с этой войны целым и невредимым.

Scarlett kissed him and heard him go down the steps into the dark, heard the latch click on the front gate.	Скарлетт поцеловала старика и слышала, как он в темноте затопал вниз по лестнице и как звякнула щеколда калитки.
She stood for a minute looking at the keepsakes in her hand.	С минуту она стояла не двигаясь, глядя на вещи, оставшиеся на память о Джоне Уилксе.
And then she went up the stairs to tell Melanie.	Потом поднялась наверх к Мелани.
At the end of July came the unwelcome news, predicted by Uncle Henry, that the Yankees had swung around again toward Jonesboro.	В конце июля пришла дурная весть - предсказания дядюшки Г енри сбылись, янки повернули на Джонсборо.

They had cut the railroad four miles below the town, but they had been beaten off by the Confederate cavalry; and the engineering corps, sweating in the broiling sun, had repaired the line.	Они перерезали железную дорогу в четырех милях от города, но были отброшены кавалерией конфедератов, и инженерные войска под палящим солнцем восстановили путь.
Scarlett was frantic with anxiety.	Скарлетт сходила с ума от тревоги.
For three days she waited, fear growing in her heart.	Три дня прошли в томительном ожидании, в снедавшем сердце страхе.
Then a reassuring letter came from Gerald.	Затем пришло ободряющее письмо от Джеральда.
The enemy had not reached Tara.	Неприятельские войска не дошли до Тары.

They had heard the sound of the fight but they had seen no Yankees.	Шум сражения был слышен, но они не видели ни одного янки.
Gerald's letter was so full of brag and bluster as to how the Yankees had been driven from the railroad that one would have thought he personally had accomplished the feat, single handed.	Джеральд так хвастливо, с таким упоением описывал, как конфедераты очистили железную дорогу от янки, словно он сам, собственноручно и единолично, одержал эту победу.
He wrote for three pages about the gallantry of the troops and then, at the end of his letter, mentioned briefly that Carreen was ill.	На трех страницах он возносил хвалу храбрым войскам конфедератов и лишь в конце письма коротко обмолвился о том, что Кэррин больна.
The typhoid, Mrs. O'Hara said it was.	По мнению миссис О'Хара, у нее тиф.

She was not very ill and Scarlett was not to worry about her, but on no condition must she come home now, even if the railroad should become safe.	Болезнь протекает не тяжело, у Скарлетт нет оснований для тревоги, только она ни под каким видом не должна возвращаться домой, даже если ехать станет безопасно.
Mrs. O'Hara was very glad now that Scarlett and Wade had not come home when the siege began.	Миссис О'Хара теперь очень рада тому, что Скарлетт и Уэйд не возвратились домой, когда началась осада Атланты.
Mrs. O'Hara said Scarlett must go to church and say some Rosaries for Carreen's recovery.	Миссис О'Хара просит Скарлетт сходить в церковь, помолиться о том, чтобы Кэррин скорее выздоровела.

Scarlett's conscience smote her at this last, for it had been months since she had been to church.	Читая эти строки, Скарлетт почувствовала угрызения совести: ведь она уже который месяц не посещала храма.

Once she would have thought this omission a mortal sin but, somehow, staying away from church did not seem so sinful now as it formerly had.	Прежде она сочла бы это смертным грехом, но теперь такое небрежение почему-то перестало казаться ей непростительным.
But she obeyed her mother and going to her room gabbled a hasty Rosary.	Однако под влиянием письма она тотчас поднялась к себе в комнату и наспех прочитала

When she rose from her knees she did not feel as comforted as she had formerly felt after prayer.	"Отче наш", но, встав с колен, не испытала на этот раз того успокоения, которое обычно приносила ей молитва.
For some time she had felt that God was not watching out for her, the Confederates or the South, in spite of the millions of prayers ascending to Him daily.	Последнее время у нее появилось ощущение, что господь не печется о ней больше - ни о ней, ни о конфедератах, ни о Юге, невзирая на все ежечасно возносимые ему молитвы.
That night she sat on the front porch with Gerald's letter in her bosom where she could touch it occasionally and bring Tara and Ellen closer to her.	В тот вечер Скарлетт сидела на веранде с письмом Джералда, засунутым за корсаж, время от времени нащупывая его и тем как бы приближая к себе Тару и Эллин.

The lamp in the parlor window threw odd golden shadows onto the dark vine-shrouded porch, and the matted tangle of yellow climbing roses and honeysuckle made a wall of mingled fragrance about her.	Горевшая в гостиной лампа бросала призрачные золотые отблески на темную, увитую диким виноградом веранду, аромат вьющихся роз и жимолости окружал Скарлетт словно стеной.
The night was utterly still.	Тишина вечера казалась бездонной.
Not even the crack of a rifle had sounded since sunset and the world seemed far away.	После заката солнца не прогремело ни единого выстрела, даже ружейного, и весь мир будто отодвинулся куда-то далеко-далеко.

Scarlett rocked back and forth, lonely, miserable since reading the news from Tara, wishing that someone, anyone, even Mrs. Merriwether, were with her.	Покачиваясь в качалке, Скарлетт перебирала в уме известия, полученные из Тары, и чувствовала себя несчастной и бесконечно одинокой; появись сейчас хоть одна живая душа, пусть даже миссис Мерриуэзер, она была бы ей рада.
But Mrs. Merriwether was on night duty at the hospital, Mrs. Meade was at home making a feast for Phil, who was in from the front lines, and Melanie was asleep.	Но миссис Мерриуэзер дежурила в этот вечер в госпитале, а миссис Мид готовила дома торжественный ужин для Фила, приехавшего на побывку с передовой. Мелани спала.
There was not even the hope of a chance caller.	Никакой надежды, что заглянет хоть случайный прохожий.

Visitors had fallen off to nothing this last week, for every man who could walk was in the rifle pits or chasing the Yankees about the countryside near Jonesboro.	Уже неделю никто не наведывался в их дом, ибо каждый мужчина, способный держаться на ногах, либо сидел в окопах, либо сражался с янки под Джонсборо.
It was not often that she was alone like this and she did not like it.	Такое полное одиночество было непривычным для Скарлетт, и оно угнетало ее.
When she was alone she had to think and, these days, thoughts were not so pleasant.	Оставаясь одна, она невольно начинала предаваться размышлениям, а думы ее были слишком тягостными в эти дни.
Like everyone else, she had fallen into the habit of thinking of the past, the dead.	Как у всех людей, у нее появилась потребность вспоминать прошлое и тех, кого уже не стало.

Tonight when Atlanta was so quiet, she could close her eyes and imagine she was back in the rural stillness of Tara and that life was unchanged, unchanging.	В этот вечер, среди окружавшего ее безмолвия, стоило Скарлетт закрыть глаза, и она легко переносилась мыслями в Тару, и ей казалось, что она снова там, в сельской тиши, и жизнь течет как прежде, не меняясь.
But she knew that life in the County would never be the same again.	И вместе с тем что-то говорило ей, что и там прежняя жизнь не вернется никогда.
She thought of the four Tarletons, the red-haired twins and Tom and Boyd, and a passionate sadness caught at her throat.	Она вспоминала четырех братьев Тарлтонов - и рыжеволосых близнецов, и Тома с Бойдом, - и острая жалость теснила ей грудь.
Why, either Stu or Brent might have been her husband.	Ведь любой из близнецов, Сью или Брент, мог бы стать ее мужем.

But now, when the war was over and she went back to Tara to live, she would never again hear their wild halloos as they dashed up the avenue of cedars.	Но теперь, когда кончится война и она возвратится домой, их неистовое "Эге-гей!" уже не донесется к ней из-за поворота кедровой аллеи.
And Raiford Calvert, who danced so divinely, would never again choose her to be his partner.	И Рейфолд Калверт, который так божественно танцевал, никогда уже не пригласит ее на вальс.
And the Munroe boys and little Joe Fontaine and-	И мальчики Манро, и маленький Джо Фонтейн, и...
"Oh, Ashley!" she sobbed, dropping her head into her hands.	- Ах, Эшли! - всхлипнула она, уронив голову на руки.

"I'll never get used to you being gone!"	- Никогда, никогда не свыкнусь я с мыслью, что вас больше нет!
She heard the front gate click and she hastily raised her head and dashed her hand across her wet eyes.	Скрипнула калитка, и Скарлетт, вскинув голову, поспешно утерла рукой слезы.
She rose and saw it was Rhett Butler coming up the walk, carrying his wide Panama hat in his hand.	Она поднялась с качалки и увидела, что Ретт Батлер с широкополой соломенной шляпой в руке направляется по тропинке к дому.
She had not seen him since the day when she had alighted from his carriage so precipitously at Five Points.	Она не видела его ни разу с того дня, когда выпрыгнула из его кабриолета у Пяти Углов.

On that occasion, she had expressed the desire never to lay eyes on him again.	Тогда она заявила, что знать его больше не желает.
But she was so glad now to have someone to talk to, someone to divert her thoughts from Ashley, that she hastily put the memory from her mind.	Но сейчас ей так нестерпимо хотелось перемолвиться словом хоть с кем-нибудь, чтобы как-то отвлечься от мыслей об Эшли, что она постаралась выбросить это воспоминание из головы.
Evidently he had forgotten the contretemps, or pretended to have forgotten it, for he settled himself on the top step at her feet without mention of their late difference.	А Ретт, по-видимому, тоже забыл об их размолвке или, по крайней мере, делал вид, что забыл, и как ни в чем не бывало опустился на верхнюю ступеньку лестницы у ее ног.

"So you didn't refugee to Macon!	- Так вы, значит, не сбежали в Мейкон!
I heard that Miss Pitty had retreated and, of course, I thought you had gone too.	Я слышал, что мисс Питти уехала, и, естественно, полагал, что и вы с ней тоже.

So, when I saw your light I came here to investigate.	А сейчас увидел огонек и решил зайти, справиться.
Why did you stay?"	Почему же вы остались?
"To keep Melanie company.	- Из-за Мелани.
You see, she-well, she can't refugee just now."	Она... Ну, вы понимаете.., она не может никуда ехать сейчас.

"Thunderation," he said, and in the lamplight she saw that he was frowning.	- Тысяча чертей!
"You don't mean to tell me Mrs. Wilkes is still here?	Уж не хотите ли вы сказать, что миссис Уилкс тоже здесь? - воскликнул он, и в неярких отблесках лампы Скарлетт увидела, каким хмурым стало его лицо.
I never heard of such idiocy.	- Что за безумие!
It's quite dangerous for her in her condition."	Это крайне опасно в ее состоянии.
Scarlett was silent, embarrassed, for Melanie's condition was not a subject she could discuss with a man.	Скарлетт молчала в замешательстве: не могла же она обсуждать состояние Мелли с мужчиной!

She was embarrassed, too, that Rhett should know it was dangerous for Melanie.	Ее смущало и то, что Ретт говорил так, словно мог что-то понимать в таких делах.
Such knowledge sat ill upon a bachelor.	Это было совсем не к лицу холостому мужчине.
"It's quite ungallant of you not to think that I might get hurt too," she said tartly.	- Не слишком-то любезно с вашей стороны, что вы даже не подумали обо мне - для меня ведь это тоже может быть опасно, - язвительно заметила она наконец.
His eyes flickered with amusement.	Он лукаво прищурился.
"I'd back you against the Yankees any day."	- Ну, я в любых условиях поставлю на вас против янки.

"I'm not sure that that's a compliment," she said uncertainly.	- Уж не знаю, принять это за комплимент или как,- неуверенно сказала она.
"It isn't," he answered.	- Ни в коем случае, - сказал он.
"When will you stop looking for compliments in men's lightest utterances?"	- Когда же вы наконец перестанете по каждому пустячному поводу ждать от мужчин комплиментов?
"When I'm on my deathbed," she replied and smiled, thinking that there would always be men to compliment her, even if Rhett never did.	- На смертном одре, - сказала она и улыбнулась, думая о том, чти всегда найдутся мужчины, которые будут расточать ей комплименты, даже если Ретт никогда этого не делает.

"Vanity, vanity," he said.	- Ох, это женское тщеславие! - вздохнул Ретт.
"At least, you are frank about it."	- Однако ценю вашу прямоту.
He opened his cigar case, extracted a black cigar and held it to his nose for a moment.	Он достал портсигар, вынул черную сигару, поднес к носу, понюхал.

A match flared, he leaned back against a post and, clasping his hands about his knees, smoked a while in silence.	Чиркнула спичка. Прислонившись к перилам, обхватив руками колени, он некоторое время молча курил.
Scarlett resumed her rocking and the still darkness of the warm night closed about them.	Скарлетт снова стала тихонько покачиваться в качалке, и ночь окутала их своим мраком и тишиной.

The mockingbird, which nested in the tangle of roses and honeysuckle, roused from slumber and gave one timid, liquid note.	Пересмешник, пробудившись от дремоты где-то в лабиринте жимолости и вьющихся роз, издал одну робкую, мелодичную ноту и снова умолк, словно передумав.
Then, as if thinking better of the matter, it was silent again. From the shadow of the porch, Rhett suddenly laughed, a low, soft laugh.	Из темноты внезапно долетел негромкий смех Ретта.
"So you stayed with Mrs. Wilkes!	- И вы, значит, остались здесь из-за миссис Уилкс!
This is the strangest situation I ever encountered!"	Более странную ситуацию трудно себе представить!

"I see nothing strange about it," she answered uncomfortably, immediately on the alert.	- Не вижу в этом ничего странного, - возразила она, мгновенно внутренне ощетинившись.
"No?	- Не видите?
But then you lack the impersonal viewpoint.	Значит, вы не умеете взглянуть на вещи со стороны.
My impression has been for some time past that you could hardly endure Mrs. Wilkes.	У меня уже давно сложилось впечатление, что вы с трудом переносите миссис Уилкс.
You think her silly and stupid and her patriotic notions bore you.	Вы считаете ее глупой и бесцветной, а ее патриотические чувства нагоняют на вас тоску.

You seldom pass by the opportunity to slip in some belittling remark about her, so naturally it seems strange to me that you should elect to do the unselfish thing and stay here with her during this shelling.	Вы никогда не упускаете случая обмолвиться каким-нибудь уничижительным словечком по ее адресу, и мне, естественно, кажется загадочным, как это вы решились на такой бескорыстный поступок и остались с ней в осажденном городе.
Now, just why did you do it?"	Ну, признайтесь, почему вы это сделали?
"Because she's Charlie's sister-and like a sister to me," answered Scarlett with as much dignity as possible though her cheeks were growing hot.	- Потому что она сестра Чарли и, значит, все равно что и мне сестра, - с большим, как ей казалось, достоинством ответила Скарлетт, чувствуя, что у нее зарделись щеки.

"You mean because she's Ashley's Wilkes' widow."	- Вы хотите сказать: потому что она вдова Эшли?
Scarlett rose quickly, struggling with her anger.	Скарлетт вскочила, стараясь подавить закипавший в ней гнев.
"I was almost on the point of forgiving you for your former boorish conduct but now I shan't do it.	- Я уже готова была простить вам невоспитанность, которую вы допустили в прошлый раз, но теперь не прощу.
I wouldn't have ever let you come upon this porch at all, if I hadn't been feeling so blue and-"	Я бы никогда не позволила вам переступить этот порог, если бы не чувствовала себя в эту минуту такой несчастной...

"Sit down and smooth your ruffled fur," he said, and his voice changed. He reached up and taking her hand pulled her back into her chair.	- Сядьте, успокойтесь и не ершитесь, - сказал он совсем другим тоном и, потянув ее за руку, заставил опуститься в качалку.
"Why are you blue?"	- Почему вы несчастны?
"Oh, I had a letter from Tara today.	- Я сегодня получила письмо из дома.
The Yankees are close to home and my little sister is ill with typhoid and-and-so now, even if I could go home, like I want to, Mother wouldn't let me for fear I'd catch it too.	Янки там, совсем близко, и моя младшая сестра больна тифом, и... и... Словом, если бы я теперь и захотела поехать домой, мама не позволит мне из боязни, что я заражусь.
Oh, dear, and I do so want to go home!"	О господи, а мне так хочется домой!

"Well, don't cry about it," he said, but his voice was kinder.	- Полно, не стоит из-за этого плакать, - сказал Ретт, и голос у него подобрел.
"You are much safer here in Atlanta even if the Yankees do come than you'd be at Tara.	- Здесь, в Атланте, вам безопаснее, чем дома, даже если янки возьмут город.
The Yankees won't hurt you and typhoid would."	Ну, что вам янки, а вот тиф может вас и не пощадить.
"The Yankees wouldn't hurt me!	- Как это - что мне янки!
How can you say such a lie?"	Да как вы осмеливаетесь говорить такую ересь!
"My dear girl, the Yankees aren't fiends.	- Дорогое дитя, янки вовсе не исчадия ада.

They haven't horns and hoofs, as you seem to think.	У них нет ни рогов, ни копыт, как вам, должно быть, это представляется.
They are pretty much like Southerners-except with worse manners, of course, and terrible accents."	Они в общем-то мало чем отличаются от южан, если, конечно, не считать плохих манер и чудовищного произношения.
"Why, the Yankees would-"	- Но ведь янки же меня...
"Rape you?	- Изнасилуют?
I think not.	Не обязательно.
Though, of course, they'd want to."	Хотя, понятно, такое желание может у них возникнуть.

"If you are going to talk vilely I shall go into the house," she cried, grateful that the shadows hid her crimson face.	- Если вы будете говорить гадости, я уйду в дом! -воскликнула Скарлетт, благодаря небо за то, что тьма скрывает ее пылающие щеки.
"Be frank. Wasn't that what you were thinking?"	- Скажите откровенно: разве вы не это имели в виду?
"Oh, certainly not!"	- Разумеется, нет!
"Oh, but it was!	- Разумеется, это!
No use getting mad at me for reading your thoughts.	Не к чему злиться на меня за то, что я разгадал ваши мысли.
That's what all our delicately nurtured and pure-minded Southern ladies think.	Ведь именно так думают все наши чистые, деликатные дамы-южанки.

They have it on their minds constantly.	У них это не выходит из головы.

I'll wager even dowagers like Mrs. Merriwether..."	Бьюсь об заклад, что даже такие почтенные вдовы, как миссис Мерриуэзер...
Scarlett gulped in silence, remembering that wherever two or more matrons were gathered together, in these trying days, they whispered of such happenings, always in Virginia or Tennessee or Lousiana, never close to home.	Скарлетт ахнула про себя, припомнив, как всякий раз, когда в эти дни тяжких испытаний несколько матрон собирались вместе, они неизменно принимались шепотом сообщать друг другу о подобных происшествиях, и всегда оказывалось, что это было либо в Виргинии, либо в Теннесси, либо в Луизиане, словом, где-то далеко от родных мест.

The Yankees raped women and ran bayonets through children's stomachs and burned houses over the heads of old people.	Там янки насиловали женщин, подымали младенцев на штыки и сжигали дома вместе с их обитателями.
Everyone knew these things were true even if they didn't shout them on the street corners.	Конечно, все знали, что так бывает, хотя и не кричали об этом на всех перекрестках.
And if Rhett had any decency he would realize they were true.	И если у Ретта есть хоть капля порядочности, он не может не знать, что это правда.
And not talk about them.	И не должен заводить таких разговоров.
And it wasn't any laughing matter either.	А тем более - это не предмет для шуток.

She could hear him chuckling softly.	Она слышала, как он тихонько посмеивается.
Sometimes he was odious.	Временами он вел себя просто чудовищно.
In fact, most of the time he was odious.	В сущности, почти всегда.
It was awful for a man to know what women really thought about and talked about.	Это отвратительно - мужчина не должен догадываться, о чем думают и говорят между собой женщины.
It made a girl feel positively undressed.	Иначе начинаешь чувствовать себя перед ним раздетой.
And no man ever learned such things from good women either.	Ни один мужчина не обсуждает такие вещи с порядочными женщинами.

She was indignant that he had read her mind.	Скарлетт злило, что Ретт прочитал ее мысли.
She liked to believe herself a thing of mystery to men, but she knew Rhett thought her as transparent as glass.	Ей хотелось казаться загадкой для мужчин, но она понимала, что Ретт видит ее насквозь, словно она из стекла.
"Speaking of such matters," he continued, "have you a protector or chaperon in the house?	- Раз уж у нас зашла об этом речь, - продолжал Ретт, - есть тут в доме кто-нибудь, кто бы заботился о вас и опекал?
The admirable Mrs. Merriwether or Mrs. Meade?	Достопочтенная миссис Мерриуэзер или миссис Мид?
They always look at me as if they knew I was here for no good purpose."	Они всегда поглядывают на меня так, словно уверены, что я являюсь сюда с самыми дурными намерениями.

"Mrs. Meade usually comes over at night," answered Scarlett, glad to change the subject.	- Миссис Мид обычно навещает нас по вечерам, -сказала Скарлетт, обрадованная тем, что разговор перешел в другое русло.
"But she couldn't tonight.	- Но сегодня она не могла.

Phil, her boy, is home."	Ее сын вернулся домой на побывку.
"What luck," he said softly, "to find you alone."	- Какая удача, - негромко произнес Ретт, - застать вас одну.
Something in his voice made her heart beat pleasantly faster and she felt her face flush.	Что-то в его голосе заставило сердце Скарлетт забиться сильнее от приятного предчувствия, и кровь прилила у нее к щекам.

She had heard that note in men's voices often enough to know that it presaged a declaration of love.	Она не раз слышала такие нотки в голосе мужчин и знала, что за этим обычно следует объяснение в любви.
Oh, what fun!	О, вот было бы здорово!
If he would just say he loved her, how she would torment him and get even with him for all the sarcastic remarks he had flung at her these past three years.	Если только он признается ей в любви, тут-то уж она помучит его, тут-то она сведет с ним счеты за все насмешки, которыми он изводил ее целых три года.
She would lead him a chase that would make up for even that awful humiliation of the day he witnessed her slapping Ashley.	Она хорошо поводит его за нос! Она постарается вознаградить себя даже за то невыносимое унижение, которое ей пришлось испытать по его милости в тот памятный день, когда она дала пощечину Эшли.

And then she'd tell him sweetly she could only be a sister to him and retire with the full honors of war.	А потом скажет - очень вежливо и дружелюбно, -что не питает к нему никаких чувств, кроме сестринских, и удалится в полном блеске своей победы.
She laughed nervously in pleasant anticipation.	Она нервически хмыкнула в приятном предвкушении того, что последует дальше.
"Don't giggle," he said, and taking her hand, he turned it over and pressed his lips into the palm.	- Перестаньте хихикать, - сказал Ретт, взял ее руку, повернул ладонью вверх и поцеловал.

Something vital, electric, leaped from him to her at the touch of his warm mouth, something that caressed her whole body thrillingly.	Прикосновение его теплых губ обожгло ее, и трепет пробежал по телу.
His lips traveled to her wrist and she knew he must feel the leap of her pulse as her heart quickened and she tried to draw back her hand.	Его губы продвинулись выше, к запястью... Она знала, что они ощущают неистовое биение ее пульса, и попыталась выдернуть руку.
She had not bargained on this-this treacherous warm tide of feeling that made her want to run her hands through his hair, to feel his lips upon her mouth.	Это совсем не входило в ее расчеты - этот предательский жар в груди и желание взлохматить ему волосы, почувствовать его губы на своих губах.

She wasn't in love with him, she told herself confusedly.	"Я ведь ни капельки не влюблена в него, - в смятении пронеслось у нее в голове.
She was in love with Ashley.	- Я люблю Эшли".
But how to explain this feeling that made her hands shake and the pit of her stomach grow cold?	Почему же так дрожат у нее руки и холодеет под ложечкой?
He laughed softly.	Она услышала его тихий смех.
"Don't pull away!	- Не вырывайтесь!
I won't hurt you!"	Я не сделаю вам ничего дурного!

"Hurt me?	- Попробуйте только!

I'm not afraid of you, Rhett Butler, or of any man in shoe leather!" she cried, furious that her voice shook as well as her hands.	Я нисколько не боюсь вас, Ретт Батлер! Еще не родился тот мужчина, которого бы я испугалась! -воскликнула она, досадуя на себя за то, что голос у нее так же предательски дрожит, как и руки.
"An admirable sentiment, but do lower your voice.	- Восхитительная уверенность в себе! Но не кричите слишком громко.
Mrs. Wilkes might hear you.	Миссис Уилкс может услышать.
And pray compose yourself."	И прошу вас, успокойтесь.
He sounded as though delighted at her flurry.	- Казалось, ее растерянность и гнев забавляют его.

"Scarlett, you do like me, don't you?"	- Я вам нравлюсь, Скарлетт, признайтесь?
That was more like what she was expecting.	Это было уже больше похоже на то, чего она ждала.
"Well, sometimes," she answered cautiously.	- Ну, иногда, немножко, - осторожно сказала она.
"When you aren't acting like a varmint."	- Когда вы не ведете себя как подонок.
He laughed again and held the palm of her hand against his hard cheek.	Он снова рассмеялся и прижал ее ладонь к своей твердой щеке.
"I think you like me because I am a varmint.	- А ведь я, сдается мне, нравлюсь вам именно потому, что я подонок.

You've known so few dyed-in-the-wool varmints in your sheltered life that my very difference holds a quaint charm for you."	Вам в вашей упорядоченной жизни встречалось так мало истинных, отъявленных подонков, что именно это качество странным образом и притягивает вас ко мне.
This was not the turn she had anticipated and she tried again without success to pull her hand free.	Разговор снова принимал неожиданный оборот, и она опять сделала безуспешную попытку вырвать ру[к]у.
"That's not true!	- Неправда!
I like nice men-men you can depend on to always be gentlemanly."	Мне нравятся благовоспитанные мужчины, такие, на которых можно положиться, что они всегда будут вести себя как джентльмены.

"You mean men you can always bully.	- Вы хотите сказать: мужчины, которыми вы можете вертеть, как вам заблагорассудится.
It's merely a matter of definition.	Впрочем, в сущности, это одно и то же.
But no matter."	Но не важно.
He kissed her palm again, and again the skin on the back of her neck crawled excitingly.	Он снова поцеловал ее ладонь. И снова по спине у нее приятно по-ползли мурашки.
"But you do like me.	- И все же я нравлюсь вам.
Could you ever love me, Scarlett?"	А могли бы вы полю-бить меня, Скарлетт?
"Ah!" she thought, triumphantly.	"Наконец-то! - промелькнула торже-ствующая мысль.

"Now I've got him!"	- Теперь он мне попался!"
And she answered with studied coolness:	И с наигранной холодностью она ответила:

"Indeed, no.	- Конечно, нет.
That is-not unless you mended your manners considerably."	Во всяком случае, пока вы не измените своего поведения.
"And I have no intention of mending them.	- Но я не имею ни малейшего намерения его менять.
So you could not love me?	Следовательно, вы не можете полюбить меня.
That is as I hoped.	Я, собственно, на это и рассчитывал.

For while I like you immensely, I do not love you and it would be tragic indeed for you to suffer twice from unrequited love, wouldn't it, dear?	Так как, видите ли, хотя меня неудержимо влечет к вам, я вас тем не менее не люблю, и было бы поистине жестоко заставлять вас вторично страдать от неразделенной любви. Не так ли, моя дорогая?
May I call you 'dear,' Mrs. Hamilton?	Вы позволите мне называть вас "дорогая", миссис Гамильтон?
I shall call you 'dear' whether you like it or not, so no matter, but the proprieties must be observed."	Впрочем, я ведь буду называть вас "дорогая", даже если вам это не очень нравится, так что, в общем-то, все равно, я спрашиваю это просто для соблюдения приличий.
"You don't love me?"	- Вы не любите меня?
"No, indeed.	- Разумеется, нет.

Did you hope that I did?"	А вы думали, что я вас люблю?
"Don't be so presumptuous!"	- Слишком много вы о себе воображаете!
"You hoped!	- Ну ясно, думали!
Alas, to blight your hopes!	Как больно мне разрушать ваши иллюзии!
I should love you, for you are charming and talented at many useless accomplishments.	Мне следовало бы полюбить вас, потому что вы очаровательны и обладаете множеством восхитительных и никчемных дарований!
But many ladies have charm and accomplishments and are just as useless as you are.	Но на свете много столь же очаровательных, столь же одаренных и столь же никчемных дам, как вы.
No, I don't love you.	Нет, я вас не люблю.

But I do like you tremendously- for the elasticity of your conscience, for the selfishness which you seldom trouble to hide, and for the shrewd practicality in you which, I fear, you get from some not too remote Irish-peasant ancestor."	Но вы нравитесь мне безмерно - мне нравится эластичность вашей совести и ваших моральных правил, нравится ваш эгоизм, который вы весьма редко даете себе труд скрывать, нравится ваша крепкая жизненная хватка, унаследованная, боюсь, от какого-то не очень далекого ирландского предка-крестьянина.
Peasant!	Крестьянина!
Why, he was insulting her!	Да это же просто оскорбительно!
She began to splutter wordlessly.	От возмущения она пролепетала что-то бессвязное.

"Don't interrupt," he begged, squeezing her hand.	- Не прерывайте меня! - попросил он, стиснув ей руку.
"I like you because I have those same qualities in me and like begets liking.	- Вы нравитесь мне потому, что я нахожу в вас так много черт, которые сродни мне, а сродство притягательно.
I realize you still cherish the memory of the godlike and woodenheaded Mr. Wilkes, who's probably been in his grave these six months.	Я вижу, что вы все еще чтите память богонравного и пустоголового мистера Уилкса, вероятнее всего уже полгода покоящегося в могиле.
But there must be room in your heart for me too.	Но в вашем сердце должно найтись местечко и для меня, Скарлетт.

Scarlett, do stop wriggling! I am making you a declaration.	Перестаньте вырываться, я делаю вам предложение.
I have wanted you since the first time I laid eyes on you, in the hall of Twelve Oaks, when you were bewitching poor Charlie Hamilton.	Я возжелал вас с первой же минуты, сразу, как только увидел в холле в Двенадцати Дубах, где вы обольщали беднягу Чарли Гамильтона.
I want you more than I have ever wanted any woman-and I've waited longer for you than I've ever waited for any woman."	Я хочу обладать вами - ни одной женщины я не желал так, как вас, и ни одной не ждал так долго.
She was breathless with surprise at his last words.	От неожиданности у нее перехватило дыхание.

In spite of all his insults, he did love her and he was just so contrary he didn't want to come out frankly and put it into words, for fear she'd laugh.	Несмотря на все его оскорбительные слова, он все же любит ее и просто из упрямства не хочет открыто признаться в этом - боится, что она станет смеяться над ним.
Well, she'd show him and right quickly.	Ну, вот теперь она ему покажет, сейчас он у нее получит.
"Are you asking me to marry you?"	- Вы предлагаете мне стать вашей женой?
He dropped her hand and laughed so loudly she shrank back in her chair.	Он выпустил ее руку и расхохотался так громко, что она вся съежилась в своем кресле-качалке.
"Good Lord, no!	- Упаси боже, нет!

Didn't I tell you I wasn't a marrying man?"	Разве я не говорил вам, что не создан для брака?
"But-but-what-"	- Но... но... так что же...
He rose to his feet and, hand on heart, made her a burlesque bow.	Он поднялся со ступеньки и, приложив руку к сердцу, отвесил ей шутовской поклон.
"Dear," he said quietly, "I am complimenting your intelligence by asking you to be my mistress without having first seduced you."	- Дорогая, - сказал он мягко, - отдавая должное вашему природному уму и потому не пытаясь предварительно соблазнить вас, я предлагаю вам стать моей любовницей!
Mistress!	Любовницей!
Her mind shouted the word, shouted that she had been vilely insulted.	Это слово обожгло ей мозг, оно было оскорбительно, как плевок в лицо.

But in that first startled moment she did not feel insulted. She only felt a furious surge of indignation that he should think her such a fool.	Но в первое мгновение она даже не успела почувствовать себя оскорбленной - такое возмущение вызвала в ней мысль, что он считает ее непроходимой дурой.

He must think her a fool if he offered her a proposition like that, instead of the proposal of matrimony she had been expecting.	Конечно, он считает ее полной идиоткой, если вместо предложения руки и сердца, которого она ждала, предлагает ей это!

Rage, punctured vanity and disappointment threw her mind into a turmoil and, before she even thought of the high moral grounds on which she should upbraid him, she blurted out the first words which came to her lips-	Ярость, уязвленное тщеславие, разочарование привели ее ум в такое смятение, что, уже не заботясь о высоких нравственных принципах, которые он попрал, она выпалила первое, что подвернулось ей на язык:
"Mistress!	- Любовницей?
What would I get out of that except a passel of brats?"	Что за радость получу я от этого, кроме кучи слюнявых ребятишек?
And then her jaw dropped in horror as she realized what she had said.	И умолкла, ужаснувшись собственных слов, прижав платок к губам.

He laughed until he choked, peering at her in the shadows as she sat, stricken dumb, pressing her handkerchief to her mouth.	А он рассмеялся - он смеялся прямо до упаду, вглядываясь в темноте в ее растерянное, помертвевшее лицо.
"That's why I like you!	- Вот почему вы мне нравитесь!
You are the only frank woman I know, the only woman who looks on the practical side of matters without beclouding the issue with mouthings about sin and morality.	Вы - единственная женщина, позволяющая себе быть откровенной. Единственная женщина, умеющая подойти к вопросу поделовому, не пускаясь в дебри туманных рассуждении о нравственности и грехе.
Any other woman would have swooned first and then shown me the door."	Всякая другая сначала бы упала в обморок, а затем указала бы мне на дверь.

Scarlett leaped to her feet, her face red with shame.	Скарлетт вскочила с кресла, сгорая от стыда.
How could she have said such a thing!	Как это у нее вырвалось, как могла она сказать такую вещь!
How could she, Ellen's daughter, with her upbringing, have sat there and listened to such debasing words and then made such a shameless reply?	Как могла она, получившая воспитание у Эллин, сидеть и слушать эти унизительные речи, да еще с таким бесстыдством отвечать на них!
She should have screamed.	Она должна была бы закричать.
She should have fainted.	Упасть в обморок.
She should have turned coldly away in silence and swept from the porch.	Или молча, холодно встать и уйти.

Too late now!	Ах, теперь уже поздно!
"I will show you the door," she shouted, not caring if Melanie or the Meades, down the street, did bear her.	- Я и укажу вам на дверь! - выкрикнула она, уже не заботясь о том, что Мелани или Миды у себя в доме могут ее услышать.
"Get out!	- Убирайтесь вон!
How dare you say such things to me!	Как вы смеете делать мне такие предложения!
What have I ever done to encourage you-to make you suppose...	Что это я такое себе позволила... как вы могли вообразить... Убирайтесь!
Get out and don't ever come back here.	Я не желаю вас больше видеть!

I mean it this time.	Никогда! Все кончено на этот раз.

Don't you ever come back here with any of your piddling papers of pins and ribbons, thinking I'll forgive you. I'll-I'll tell my father and he'll kill you!"	И не вздумайте являться сюда с вашими несчастными пакетиками с булавочками, с ленточками, все равно я никогда вас не прощу... Я... я все, все расскажу папе, и он убьет вас!
He picked up his hat and bowed and she saw in the light of the lamp that his teeth were showing in a smile beneath his mustache.	Он поднял с пола свою шляпу, поклонился, и она увидела, как в полумраке, под темной полоской усов, блеснули в улыбке его зубы.
He was not ashamed, he was amused at what she had said, and he was watching her with alert interest.	Он явно не был пристыжен, все это только забавляло его, и ее слова пробуждали в нем лишь любопытство.
Oh, he was detestable!	Боже, как он мерзок!

She swung round on her heel and marched into the house.	Она резко повернулась и направилась в дом.
She grabbed hold of the door to shut it with a bang, but the hook which held it open was too heavy for her. She struggled with it, panting.	Ей хотелось с треском захлопнуть за собой дверь, но дверь держалась на крюке, крюк заело в петле, и она, задыхаясь, старалась приподнять его.
"May I help you?" he asked.	- Разрешите вам помочь? - спросил Ретт.
Feeling that she would burst a blood vessel if she stayed another minute, she stormed up the stairs. And as she reached the upper floor, she heard him obligingly slam the door for her.	Чувствуя, что, пробудь она здесь еще секунду, ее хватит удар, Скарлетт бросилась вверх по лестнице и уже на площадке услышала, как Ретт аккуратно притворил за ней дверь.
CHAPTER XX	Глава 20

As the hot noisy days of August were drawing to a close the bombardment abruptly ceased.	Когда жаркий август с бесконечным грохотом канонады подходил к концу, шум боя внезапно стих.
The quiet that fell on the town was startling.	Тишина, в которую погрузился город, казалась пугающей.
Neighbors met on the streets and stared at one another, uncertain, uneasy, as to what might be impending.	При встречах на улице люди неуверенно, с беспокойством смотрели друг на друга, не зная, что их ждет.
The stillness, after the screaming days, brought no surcease to strained nerves but, if possible, made the strain even worse.	Тишина после дней, наполненных визгом снарядов, не принесла облегчения натянутым нервам - напряжение словно бы даже усилилось.

No one knew why the Yankee batteries were silent; there was no news of the troops except that they had been withdrawn in large numbers from the breastworks about the town and had marched off toward the south to defend the railroad.	Никто не знал, почему умолкли батареи неприятеля; никто ничего не знал и о судьбе войск - известно было только, что много солдат поднято из окопов, опоясывающих город, и переброшено к югу для обороны железной дороги.
No one knew where the fighting was, if indeed there was any fighting, or how the battle was going if there was a battle.	Никто не знал, где шли теперь бои, если они вообще шли, и на чьей стороне перевес в войне, если она еще идет.
Nowadays the only news was that which passed from mouth to mouth.	Новости передавались теперь из уст в уста.

Short of paper, short of ink, short of men, the newspapers had suspended publication after the siege began, and the wildest rumors appeared from nowhere and swept through the town.	Не стало бумаги, не стало типографской краски, не стало рабочих. Газеты с начала осады не выходили, и самые дикие слухи возникали невесть откуда и расползались по городу.

Now, in the anxious quiet, crowds stormed General Hood's headquarters demanding information, crowds massed about the telegraph office and the depot hoping for tidings, good tidings, for everyone hoped that the silence of Sherman's cannon meant that the Yankees were in full retreat and the Confederates chasing them back up the road to Dalton.	В наступившей внезапно тишине толпы людей начали осаждать главный штаб генерала Худа, требуя информации; толпы собирались у телеграфа и на вокзале в надежде хоть что-нибудь узнать, получить хоть какую-то добрую весть -ведь каждому хотелось верить: умолкнувшие пушки Шермана говорит о том, что янки бегут, войска конфедератов гонят их назад к Далтону.
But no news came.	Но вестей не было.

The telegraph wires were still, no trains came in on the one remaining railroad from the south and the mail service was broken.	Молчали телеграфные провода, не шли поезда по единственной оставшейся в руках конфедератов дороге на юг, почтовая связь была прервана.
Autumn with its dusty, breathless heat was slipping in to choke the suddenly quiet town, adding its dry, panting weight to tired, anxious hearts.	Август с его пыльной безветренной жарой, казалось, задался целью задушить внезапно примолкший город, обрушив весь свой изнуряющий зной на усталых, истерзанных людей.

To Scarlett, mad to hear from Tara, yet trying to keep up a brave face, it seemed an eternity since the siege began, seemed as though she had always lived with the sound of cannon in her ears until this sinister quiet had fallen.	Из Тары не было писем, и Скарлетт сходила с ума, хоть и старалась не подавать виду, - казалось, целая вечность прошла с тех пор, как началась осада; казалось всю свою жизнь Скарлетт жила под неумолчный грохот пушек, пока внезапно не пала на город эта зловещая тишина.
And yet, it was only thirty days since the siege began.	А ведь всего тридцать дней минуло с начала осады.
Thirty days of siege!	Всего тридцать дней!

The city ringed with red-clay rifle pits, the monotonous booming of cannon that never rested, the long lines of ambulances and ox carts dripping blood down the dusty streets toward the hospitals, the overworked burial squads dragging out men when they were hardly cold and dumping them like so many logs in endless rows of shallow ditches.	Тридцать дней в городе, окруженном красными зияющими рвами окопов, не смолкала канонада, тридцать дней вереницы санитарных фур и запряженных волами повозок тянулись к госпиталям, окропляя пыльные мостовые кровью, а похоронные взводы, еле держась на ногах от усталости, волокли на кладбище еще не успевшие остыть трупы и сваливали их, словно поленья, в наспех вырытые неглубокие канавы, тянувшиеся бесконечными рядами одна за другой.

Only thirty days! And it was only four months since the Yankees moved south from Dalton!	И всего четыре месяца, как янки двинулись на юг от Далтона!
Only four months!	Всего четыре месяца!
Scarlett thought, looking back on that far day, that it had occurred in another life.	Скарлетт вспоминала этот далекий день, и ей казалось, что это было где-то в другой жизни.
Oh, no! Surely not just four months.	Нет, не может быть, чтобы всего четыре месяца!
It had been a lifetime.	С тех пор прошла целая жизнь.
Four months ago!	Четыре месяца назад!

Why, four months ago Dalton, Resaca, Kennesaw Mountain had been to her only names of places on the railroad.	Да ведь четыре месяца назад Далтон, Резака, гора Кеннесоу были лишь географическими названиями или станциями железных дорог.
Now they were battles, battles desperately, vainly fought as Johnston fell back toward Atlanta.	А потом они стали местами боев, отчаянных, безрезультатных боев, отмечавших путь отступления войск генерала Джонстона к Атланте.
And now, Peachtree Creek, Decatur, Ezra Church and Utoy Creek were no longer pleasant names of pleasant places.	А теперь и долина Персикового ручья, и Декейтер, и Эзра-Черч, и долина ручья Ютой уже не звучали как названия живописных сельских местностей.

Never again could she think of them as quiet villages full of welcoming friends, as green places where she picnicked with handsome officers on the soft banks of slow-moving streams.	Никогда уже не воскреснут они в памяти как тихие селения, полные радушных, дружелюбных людей, или зеленые берега неспешно журчащих ручьев, куда отправлялась она на пикники в компании красивых офицеров.

These names meant battles too, and the soft green grasses where she had sat were cut to bits by heavy cannon wheels, trampled by desperate feet when bayonet met bayonet and flattened where bodies threshed in agonies... And the lazy streams were redder now than ever Georgia clay could make them.	Теперь эти названия говорили лишь о битвах: нежная зеленая трава, на которой она сиживала прежде, исполосована колесами орудий, истоптана сапогами, когда штык встречался там со штыком, примята к земле трупами тех, кто корчился на этой траве в предсмертных муках... И ленивые воды ручьев приобрели такой багрово-красный оттенок, какого не могла придать им красная глина Джорджии.
Peachtree Creek was crimson, so they said, after the Yankees crossed it.	Говорили, что Персиковый ручей стал совсем алым после того, как янки переправились на другой берег.

Peachtree Creek, Decatur, Ezra Church, Utoy Creek.	Персиковый ручей, Декейтер, Эзра-Черч, ручей Ютой.
Never names of places any more.	Никогда уже эти названия не будут означать просто какое-то место на земле.
Names of graves where friends lay buried, names of tangled underbrush and thick woods where bodies rotted unburied, names of the four sides of Atlanta where Sherman had tried to force his army in and Hood's men had doggedly beaten him back.	Теперь это места могил, где друзья покоятся в земле, это кустарниковые поросли и лесные чащи, где гниют тела непогребенных, это четыре предместья Атланты, откуда Шерман пытался пробиться к городу, а солдаты Худа упрямо отбрасывали его на исходные позиции.

At last, news came from the south to the strained town and it was alarming news, especially to Scarlett.	Наконец, в измученный неизвестностью город проникла весть - тревожная весть, особенно для Скарлетт.
General Sherman was trying the fourth side of the town again, striking again at the railroad at Jonesboro.	Генерал Шерман снова ведет наступление, снова старается перерезать железную дорогу у Джонсборо.
Yankees in large numbers were on that fourth side of the town now, no skirmishing units or cavalry detachments but the massed Yankee forces.	Теперь янки сосредоточились с этой стороны Атланты и вместо отдельных кавалерийских налетов готовят большой массированный удар.

And thousands of Confederate troops had been withdrawn from the lines close about the city to hurl themselves against them.	Войска конфедератов, покинув линию обороны, в свою очередь, готовятся всей своей мощью обрушиться па противника.
And that explained the sudden silence.	Этим и объяснялось наступившее затишье.
"Why Jonesboro?" thought Scarlett, terror striking at her heart at the thought of Tara's nearness.	"Почему именно у Джонсборо? - думала Скарлетт, и сердце ее сжималось при мысли о том, как близко это от Тары.
"Why must they always hit Jonesboro?	- Почему они все время стремятся туда?
Why can't they find some other place to attack the railroad?"	Не могут они разве перерезать железную дорогу где-нибудь в другом месте?"

For a week she had not heard from Tara and the last brief note from Gerald had added to her fears.	Уже неделю из Тары не было вестей, а последняя коротенькая записочка от Джералда только усилила ее тревогу.
Carreen had taken a turn for the worse and was very, very sick.	Кэррин стало хуже, она очень, очень тяжело больна.
Now it might be days before the mails came through, days before she heard whether Carreen was alive or dead.	А теперь бог весть еще когда доставят новую почту, бог весть когда сможет она узнать, жива ли Кэррин.
Oh, if she had only gone home at the beginning of the siege, Melanie or no Melanie!	Ах, почему, почему не уехала она домой, как только началась осада, махнув рукой на Мелани!

There was fighting at Jonesboro- that much Atlanta knew, but how the battle went no one could tell and the most insane rumors tortured the town.	Под Джонсборо идут бои - это было все, что стало известно, но как разворачиваются события на поле боя, не мог сказать никто, и самые дикие слухи терзали город.
Finally a courier came up from Jonesboro with the reassuring news that the Yankees had been beaten back.	Наконец из Джонсборо прискакал вестовой с утешительным известием: янки отброшены от железной дороги.
But they had made a sortie into Jonesboro, burned the depot, cut the telegraph wires and torn up three miles of track before they retreated.	Однако им удалось ворваться в Джонсборо - они сожгли вокзал, перерезали телеграфные провода и при отступлении взорвали железнодорожные пути на протяжении трех миль.

The engineering corps was working like mad, repairing the line, but it would take some time because the Yankees had torn up the crossties, made bonfires of them, laid the wrenched-up rails across them until they were red hot and then twisted them around telegraph poles until they looked like giant corkscrews.	Инженерные войска работают как одержимые, восстанавливая железнодорожную колею, но на это потребуется время, так как янки выдрали из земли шпалы, сложили из них костер, навалили поверх выдранные рельсы, раскалили их докрасна, а потом обвили ими телеграфные столбы, превратив их в подобие гигантских штопоров.
These days it was so hard to replace iron rails, to replace anything made of iron.	А где сейчас достанешь новые рельсы, где сейчас достанешь какой-нибудь металл!

No, the Yankees hadn't gotten to Tara.	Нет, янки не дошли до Тары.
The same courier who brought the dispatches to General Hood assured Scarlett of that.	Тот же самый вестовой, который привез депеши генералу Худу, заверил в этом Скарлетт.
He had met Gerald in Jonesboro after the battle, just as he was starting to Atlanta, and Gerald had begged him to bring a letter to her.	На другой день после сражения, как раз перед отъездом в Атланту, он встретил в Джонсборо Джералда, и тот попросил передать ей письмо.

But what was Pa doing in Jonesboro?	Но что понадобилось папе в Джонсборо?
The young courier looked ill at ease as he made answer.	Молодой офицер, отвечая на ее вопрос, отвел в сторону глаза.

Gerald was hunting for an army doctor to go to Tara with him.	Джералд пытался найти в военных частях врача, который мог бы поехать с ним в Тару.
As she stood in the sunshine on the front porch, thanking the young man for his trouble, Scarlett felt her knees go weak.	Стоя на залитой солнцем веранде и произнося слова благодарности за хлопоты, которые взял на себя этот офицер, Скарлетт почувствовала, что у нее слабеют колени.
Carreen must be dying if she was so far beyond Ellen's medical skill that Gerald was hunting a doctor!	Кэррин умирает, иначе Джералд не стал бы искать доктора, доверился бы искусному врачеванию Эллин!

As the courier went off in a small whirlwind of red dust, Scarlett tore open Gerald's letter with fingers that trembled.	Когда молодой офицер ускакал, подняв облачко красной пыли, она дрожащими пальцами вскрыла конверт.
So great was the shortage of paper in the Confederacy now that Gerald's note was written between the lines of her last letter to him and reading it was difficult.	В Конфедерации иссякли запасы бумаги, и Джералд написал свое послание между строчек ее последнего письма к нему; прочесть его было нелегко.
"Dear Daughter, Your Mother and both girls have the typhoid.	"Дорогая дочка, твоя мать и обе сестры больны тифом.
They are very ill but we must hope for the best.	Они очень тяжело больны, но мы должны надеятся на лучшее.

When your mother took to her bed she bade me write you that under no condition were you to come home and expose yourself and Wade to the disease.	Когда мама слегла, она попросила меня написать тебе, чтобы ты ни под каким видом не приезжала домой, не подвергала себя и Уэйда опасности подхватить заразу.
She sends her love and bids you pray for her."	Она шлет тебе привет и просит помолиться за нее".
"Pray for her!"	"Помолиться за нее!"
Scarlett flew up the stairs to her room and, dropping on her knees by the bed, prayed as she had never prayed before.	Скарлетт вихрем взлетела по лестнице к себе в спальню, упала на колени возле кровати и взмолилась господу так горячо, как никогда еще не молилась за всю свою жизнь.

No formal Rosaries now but the same words over and over:	Она не читала привычных молитв, просто повторяла снова и снова:
"Mother of God, don't let her die!	- Матерь божья, не дай ей умереть!
I'll be so good if you don't let her die!	Я всегда буду хорошей, только не дай ей умереть!
Please, don't let her die!"	Не дай ей умереть!.

For the next week Scarlett crept about the house like a stricken animal, waiting for news, starting at every sound of horses' hooves, rushing down the dark stair at night when soldiers came tapping at the door, but no news came from Tara. The width of the continent might have spread between her and home instead of twentyfive miles of dusty road.	Всю следующую неделю Скарлетт в ожидании вестей металась по дому, словно раненое животное, вздрагивала, услыхав стук копыт, опрометью сбегала ночью по лестнице, если какой-нибудь солдат стучался в дверь, но из Тары вестей больше не было, и ей мнилось, будто весь континент, во всю свою ширь, лег между нею и родным домом, хотя она и знала, что до поместья всего двадцать пять миль пыльной дороги.

The mails were still disrupted, no one knew where the Confederates were or what the Yankees were up to. No one knew anything except that thousands of soldiers, gray and blue, were somewhere between Atlanta and Jonesboro.	Почта по-прежнему не работала, и никто не знал, где теперь войска конфедератов и где янки и что они замышляют, и только одно понимали все: тысячи солдат в серых мундирах и тысячи в синих сражаются где-то между Атлантой и Джонсборо.
Not a word from Tara in a week.	А из Тары не было вестей уже неделю.
Scarlett had seen enough typhoid in the Atlanta hospital to know what a week meant in that dread disease.	Скарлетт достаточно нагляделась в госпитале на тифозных больных и понимала, что может случиться при этой болезни за неделю.

Ellen was ill, perhaps dying, and here was Scarlett helpless in Atlanta with a pregnant woman on her hands and two armies between her and home.	Эллин больна, быть может, умирает, а она торчит здесь, в Атланте, с беременной женщиной на руках, и две армии отделяют ее от родного дома.
Ellen was ill-perhaps dying.	Эллин больна - быть может, умирает.
But Ellen couldn't be ill!	Но как это могло случиться!
She had never been ill.	Эллин же никогда не хворает.
The very thought was incredible and it struck at the very foundations of the security of Scarlett's life.	Все это было настолько невообразимо, что выбило почву из-под ног и создавало ощущение зыбкости.

Everyone else got sick, but never Ellen.	Кто угодно мог заболеть, только не она.
Ellen looked after sick people and made them well again.	Эллин ухаживала за больными - и они выздоравливали.
She couldn't be sick.	Она не может заболеть.
Scarlett wanted to be home.	Скарлетт рвалась домой.
She wanted Tara with the desperate desire of a frightened child frantic for the only haven it had ever known.	Она рвалась в Тару с отчаянием испуганного ребенка, видящего перед собой лишь одну всегда надежную, тихую пристань.
Home!	Домой!

The sprawling white house with fluttering white curtains at the windows, the thick clover on the lawn with the bees busy in it, the little black boy on the front steps shooing the ducks and turkeys from the flower beds, the serene red fields and the miles and miles of cotton turning white in the sun!	В невысокий белый дом с развевающимися белыми занавесками на окнах, с густо поросшей клевером лужайкой, над которой неумолчно гудят пчелы, с маленьким черным сорванцом на ступеньках веранды, деловито охраняющим цветочные клумбы от уток и индюшат, к безмятежному покою красной земли и белоснежных хлопковых плантаций, миля за милей белеющих под солнцем!
Home!	Домой!

If she had only gone home at the beginning of the siege, when everyone else was refugeeing!	Почему не уехала она домой в начале осады, когда все спасались бегством из города!
She could have taken Melanie with her in safety with weeks to spare.	Ничего бы не случилось, если бы она увезла с собой и Мелани, столько времени еще было впереди!
"Oh, damn Melanie!" she thought a thousand times.	"О черт бы ее побрал! - в сотый раз подумала Скарлетт.
"Why couldn't she have gone to Macon with Aunt Pitty?	- Почему не могла она уехать с тетей Питти в Мейкон!
That's where she belongs, with her own kinfolks, not with me.	Ее место там, с ее родными, а вовсе не со мной.

I'm none of her blood.	Я же ей не кровная родня.
Why does she hang onto me so hard?	Чего она так за меня уцепилась?
If she'd only gone to Macon, then I could have gone home to Mother.	Уехала бы в Мейкон, а я бы поехала домой, к маме.
Even now-even now, I'd take a chance on getting home in spite of the Yankees, if it wasn't for this baby.	Даже сейчас, да, даже сейчас я бы еще могла пробраться домой, плюнув на янки, если бы не этот ребенок у нее в животе.
Maybe General Hood would give me an escort.	Генерал Худ дал бы мне сопровождающего.

He's a nice man, General Hood, and I know I could make him give me an escort and a flag of truce to get me through the lines.	Г енерал Худ очень воспитанный человек, я наверное уговорила бы его дать мне сопровождающего и белый флаг, чтобы я могла пересечь линию фронта.
But I have to wait for this baby!...	Так нет же - я должна сидеть тут и ждать появления этого младенца!..
Oh, Mother! Mother! Don't die!...	О мамочка, мама, не умирай!..
Why don't this baby ever come?	Почему Мелани все никак не может родить?

I'll see Dr. Meade today and ask him if there's any way to hurry babies up so I can go home-if I can get an escort.	Сегодня же пойду к доктору Миду и спрошу, нет ли какого-нибудь способа ускорить это дело, чтобы я могла уехать домой.., если мне удастся раздобыть сопровождающего.
Dr. Meade said she'd have a bad time.	Доктор Мид сказал, что роды будут тяжелые.
Dear God! Suppose she should die!	Боже милостивый, а вдруг она умрет!
Melanie dead.	Вдруг Мелани умрет.
Melanie dead.	Умрет.
And Ashley-No, I mustn't think about that, it isn't nice.	И Эшли... Нет, об этом нельзя думать, это скверно.

But Ashley-No, I mustn't think about that because he's probably dead, anyway.	Но ведь Эшли... Нет, не хочу об этом думать, его же все равно, наверное, уже нет в живых.
But he made me promise I'd take care of her.	И он взял с меня слово, что я позабочусь о ней.
But-if I didn't take care of her and she died and Ashley is still alive-No, I mustn't think about that.	Но... но если я не очень буду заботиться о ней и она умрет, а Эшли все еще жив... Нет, я не должна так думать.

It's sinful.	Это грешно.
And I promised God I'd be good if He would just not let Mother die.	А я обещала господу быть хорошей, если он не даст маме умереть.

Oh, if the baby would only come.	Господи, хоть бы этот ребенок родился, наконец!
If I could only get away from here-get home-get anywhere but here."	Хоть бы уж я могла выбраться отсюда, уехать домой.., куда угодно, только подальше отсюда!"
Scarlett hated the sight of the ominously still town now and once she had loved it. Atlanta was no longer the gay, the desperately gay place she had loved.	Она возненавидела этот зловеще притихший город, который так полюбился ей когда-то... Да он и не был похож на ту веселую, бесшабашно веселую Атланту, которая ее очаровала.

It was a hideous place like a plaguestricken city so quiet, so dreadfully quiet after the din of the siege.	Эти страшные, погруженные в безмолвие, словно по ним прошла чума, улицы, такие тихие, такие чудовищно тихие после грохота канонады.
There had been stimulation in the noise and the danger of the shelling.	В шуме боя, в чувстве опасности было что-то бодрящее.
There was only horror in the quiet that followed.	Наступившая тишина таила в себе только безмерный ужас.
The town seemed haunted, haunted with fear and uncertainty and memories.	Г ород казался населенным призраками -призраками страха, тревоги, воспоминаний.

People's faces looked pinched and the few soldiers Scarlett saw wore the exhausted look of racers forcing themselves on through the last lap of a race already lost.	У людей заострились лица, а те солдаты, что попадались Скарлетт на глаза, были похожи на выдохшихся бегунов, которые заставляют себя сделать отчаянный рывок на финишной прямой, когда состязание уже безнадежно проиграно.
The last day of August came and with it convincing rumors that the fiercest fighting since the battle of Atlanta was taking place.	Наступили последние дни августа, и стали доходить упорные слухи о жесточайших боях, каких еще не было за все время битвы за Атланту.
Somewhere to the south.	Бои шли где-то на юге.

Atlanta, waiting for news of the turn of battle, stopped even trying to laugh and joke.	В городе уже никто не пытался улыбаться или шутить - все напряженно ждали исхода боев.
Everyone knew now what the soldiers had known two weeks before-that Atlanta was in the last ditch, that if the Macon railroad fell, Atlanta would fall too.	Теперь и здесь все понимали то, что на фронте поняли две недели назад: дни Атланты сочтены; если дорога на Мейкон будет отрезана, Атланта падет.
On the morning of the first of September, Scarlett awoke with a suffocating sense of dread upon her, a dread she had taken to her pillow the night before.	Утром первого сентября Скарлетт проснулась с гнетущим чувством страха, который поселился в ней накануне вечером, лишь только она опустила голову на подушку.
She thought, dulled with sleep:	Еще одурманенная сном, она подумала:

"What was it I was worrying about when I went to bed last night?	"Из-за чего я так встревожилась вчера, ложась спать?
Oh, yes, the fighting.	Да, сражение.
There was a battle, somewhere, yesterday!	Вчера где-то произошла большая битва!
Oh, who won?"	Боже мой, кто же победил?"

She sat up hastily, rubbing her eyes, and her worried heart took up yesterday's load again.	Она сразу села в постели, протирая глаза, и тяжесть снова сдавила ее сердце.

The air was oppressive even in the early morning hour, hot with the scorching promise of a noon of glaring blue sky and pitiless bronze sun.	Воздух был душен даже в эти утренние часы, предвещая палящий полуденный зной, -раскаленное солнце в беспощадной, сверкающей синеве небес.
The road outside lay silent.	Улица за окном безмолвствовала.
No wagons creaked by. No troops raised the red dust with their tramping feet.	Ни скрипа колес в тишине, ни топота марширующих ног, подымающих красную пыль.

There were no sounds of negroes' lazy voices in neighboring kitchens, no pleasant sounds of breakfasts being prepared, for all the near neighbors except Mrs. Meade and Mrs. Merriwether had refugeed to Macon.	Из соседних домов не доносилось певучих негритянских голосов, из кухонь не тянуло аппетитным запахом утренней стряпни: все соседи, за исключением миссис Мид и миссис Мерриуэзер, уехали в Мейкон.
And she could hear nothing from their houses either.	Но и из этих двух домов не долетало ни звука.

Farther down the street the business section was quiet and many of the stores and offices were locked and boarded up, while their occupants were somewhere about the countryside with rifles in their hands.	Дальше, в торговой части улицы, тоже было тихо: магазины и конторы закрыты, заколочены досками, а их владельцы рассыпались по округе с винтовками в руках.

The stillness that greeted her seemed even more sinister this morning than on any of the mornings of the queer quiet week preceding it. She rose hastily, without her usual preliminary burrowings and stretchings, and went to the window, hoping to see some neighbor's face, some heartening sight.	В это утро тишина показалась Скарлетт еще более грозной, чем накануне, чем во все зловеще тихие дни минувшей недели; ей уже не захотелось, как прежде, понежиться, потянуться, зарыться поглубже в подушки, она торопливо поднялась с постели и подошла к окну в надежде увидеть хоть чье-то знакомое лицо, хоть что-нибудь, что могло бы поднять ее дух.
But the road was empty.	Но улица была пустынна.

She noted how the leaves on the trees were still dark green but dry and heavily coated with red dust, and how withered and sad the untended flowers in the front yard looked.	Ей бросилось в глаза, что все еще зеленая листва деревьев пожухла под толстым слоем красной пыли, а цветы перед домом увяли без ухода.
As she stood, looking out of the window, there came to her ears a far-off sound, faint and sullen as the first distant thunder of an approaching storm.	"Гроза!" - подумалось ей, и, как у всякой сельской жительницы, следом пришла с детства привычная мысль:
"Rain," she thought in the first moment, and her country-bred mind added, "we certainly need it."	"Да, дождь нам сейчас необходим".

But, in a split instant:	Но в следующую секунду она уже поняла:
"Rain?	"Дождь?
No!	Нет!
Not rain!	Какой там дождь!
Cannon!"	Это пушки!"
Her heart racing, she leaned from the window, her ear cocked to the far-off roaring, trying to discover from which direction it came.	С бьющимся сердцем она перегнулась через подоконник, ловя ухом далекий гул, стараясь определить, с какой стороны он доносится.

But the dim thundering was so distant that, for a moment, she could not tell.	Но глухие раскаты были слишком далеки.

"Make it from Marietta, Lord!" she prayed.	"О господи! - взмолилась она. - Хоть бы из Мариетты!
"Or Decatur.	Или из Декейтера!
Or Peachtree Creek.	Или с Персикового ручья!
But not from the south!	Только бы не с юга!
Not from the south!"	О, лишь бы не с юга!"
She gripped the window still tighter and strained her ears and the far-away booming seemed louder.	Она крепче ухватилась за раму окна, напрягая слух. Далекие раскаты стали слышней.
And it was coming from the south.	И они доносились с южной стороны города.
Cannon to the south!	Пушки с юга!

And to the south lay Jonesboro and Tara- and Ellen.	А там, к югу от города, - Джонсборо и Тара и... Эллин!
Yankees perhaps at Tara, now, this minute!	Может быть, сейчас, сию минуту, янки уже в Таре!
She listened again but the blood thudding in her ears all but blurred out the sound of far-off firing.	Она снова прислушалась, но кровь стучала у нее в висках, заглушая все звуки.
No, they couldn't be at Jonesboro yet.	Нет, это но из Джонсборо.
If they were that far away, the sound would be fainter, more indistinct.	Стрельба была бы слышна слабее, не так отчетливо: Джонсборо слишком далеко от Атланты.

But they must be at least ten miles down the road toward Jonesboro, probably near the little settlement of Rough and Ready.	Но янки, должно быть, милях в десяти отсюда по дороге на Джонсборо, может быть, у маленького селения Рафэнд-Реди.
But Jonesboro was scarcely more than ten miles below Rough and Ready.	Впрочем, оттуда до Джонсборо тоже едва будет десять миль.
Cannon to the south, and they might be tolling the knell of Atlanta's fall.	Пушки били с юга. Быть может, это был похоронный звон, возвещавший конец Атланты.

But to Scarlett, sick for her mother's safety, fighting to the south only meant fighting near Tara.	Но Скарлетт, теряя голову при мысли о грозящей ее матери опасности, понимала лишь одно: стреляют с юга - значит, близко от Тары.
She walked the floor and wrung her hands and for the first time the thought in all its implications came to her that the gray army might be defeated.	Ломая руки, она принялась ходить по комнате из угла в угол, и впервые за всю войну мысль о том, что армия конфедератов может потерпеть поражение, явилась ей во всем сбоем ужасном значении.

It was the thought of Sherman's thousands so close to Tara that brought it all home to her, brought the full horror of the war to her as no sound of siege guns shattering windowpanes, no privations of food and clothing and no endless rows of dying men had done.	Сознание, что солдаты Шермана, быть может, подходят к Таре, заставило ее впервые подумать о возможности столь страшного исхода войны, охватить разумом весь ужас происходящего, сделало то, чего не могли сделать ни рев снарядов, от которого разлетались стекла в окнах, ни голод, ни отсутствие одежды, ни сотни умиравших на ее глазах людей.

Sherman's army within a few miles of Tara!	Солдаты Шермана в нескольких милях от Тары!

And even if the Yankees should be defeated, they might fall back down the road to Tara.	И если даже их побьют, они, отступая, могут выйти к Таре.
And Gerald couldn't possibly refugee out of their way with three sick women.	И куда укрыться тогда Джералду с тремя больными женщинами на руках!
Oh, if she were only there now, Yankees or not.	О, если бы только ей очутиться сейчас дома, с ними, пусть бы даже там были янки!
She paced the floor in her bare feet, her nightgown clinging to her legs and the more she walked the stronger became her foreboding.	Босиком, в ночной рубашке, путавшейся между ног, она металась по комнате, а страшное предчувствие беды все крепло и крепло.

She wanted to be at home.	Она хочет домой, домой!
She wanted to be near Ellen.	К Эллин!
From the kitchen below, she heard the rattle of china as Prissy prepared breakfast, but no sound of Mrs. Meade's Betsy.	Снизу, из кухни, донесся звон посуды: Присси готовила завтрак. Но Бетси, кухарки миссис Мид, не было слышно.
The shrill, melancholy minor of Prissy was raised,	Тонкий, пронзительный голос Присси затянул уныло:

"Jes' a few mo' days, ter tote de wee-ry load..." The song grated on Scarlett, its sad implications frightening her, and slipping on a wrapper she pattered out into the hall and to the back stairs and shouted:	- "Еще день, ото дня свою ношу нести..." Ее пение действовало Скарлетт на нервы, печальные слова тревожно бередили душу, и, накинув капот, она выбежала на площадку лестницы, отворила дверь на черный ход и крикнула:
"Shut up that singing, Prissy!"	- Присси! Заткнись, перестань выть!
A sullen "Yas'm" drifted up to her and she drew a deep breath, feeling suddenly ashamed of herself.	- Да, мэм, - угрюмо прозвучало в ответ, и Скарлетт глубоко вздохнула, устыдясь своей внезапной вспышки.
"Where's Betsy?"	- Где Бетси?

"Ah doan know.	- Не знаю.
She ain' came."	Не пришла.
Scarlett walked to Melanie's door and opened it a crack, peering into the sunny room.	Скарлетт направилась к спальне Мелани, приотворила дверь и заглянула в залитую солнцем комнату.
Melanie lay in bed in her nightgown, her eyes closed and circled with black, her heart-shaped face bloated, her slender body hideous and distorted.	Мелани в ночной рубашке лежала в постели, глаза у нее были закрыты, под глазами - черные круги, отекшее личико утратило свой нежный, напоминавший сердечко овал, стройное тело стало уродливо бесформенным.
Scarlett wished viciously that Ashley could see her now.	Поглядел бы Эшли на нее сейчас, мелькнула у Скарлетт злорадная мысль.

She looked worse than any pregnant woman she had ever seen.	Ни одна беременная женщина не казалась Скарлетт такой безобразной, как Мелани.
As she looked, Melanie's eyes opened and a soft warm smile lit her face.	Словно почувствовав на себе взгляд, Мелани открыла глаза, и слабая приветливая улыбка озарила ее лицо.

"Come in," she invited, turning awkwardly on her side.	- Входи же, - позвала она, неуклюже поворачиваясь на бок.
"I've been awake since sun-up thinking, and, Scarlett, there's something I want to ask you."	- Я проснулась на заре и все время думала, и знаешь, Скарлетт, я хочу попросить тебя кое о чем.

She entered the room and sat down on the bed that was glaring with harsh sunshine.	Скарлетт вошла в спальню и присела на залитую нестерпимо ярким солнцем постель.
Melanie reached out and took Scarlett's hand in a gentle confiding clasp.	Мелани взяла руку Скарлетт и мягко, доверчиво ее пожала.
"Dear," she said, "I'm sorry about the cannon.	- Дорогая, - сказала она, - я слышала стрельбу и очень расстроилась.
It's toward Jonesboro, isn't it?"	Это со стороны Джонсборо?
Scarlett said "Um," her heart beginning to beat faster as the thought recurred.	- Угу, - пробормотала Скарлетт, и сердце у нее снова болезненно заколотилось.
"I know how worried you are.	- Я понимаю, как ты тревожишься.

I know you'd have gone home last week when you heard about your mother, if it hadn't been for me.	Я знаю, ты бы уехала домой еще на прошлой неделе, когда узнала, что твоя мама больна.
Wouldn't you?"	Ты осталась только из-за меня, верно?
"Yes," said Scarlett ungraciously.	- Верно, - безжалостно подтвердила Скарлетт.
"Scarlett, darling. You've been so good to me.	- Скарлетт, дорогая, ты так добра ко мне.
No sister could have been sweeter or braver.	Родная сестра не могла бы быть добрее и самоотверженнее тебя.
And I love you for it.	И я еще больше люблю тебя за это.
I'm so sorry I'm in the way."	Мне очень больно, что я стою у тебя на пути.

Scarlett stared.	Скарлетт смотрела на нее молча.
Loved her, did she?	"Она любит меня?
The fool! "And Scarlett, I've been lying here thinking and I want to ask a very great favor of you." Her clasp tightened.	Вот идиотка!" - Послушай, Скарлетт, я лежала и думала и решила обратиться к тебе с очень большой просьбой - Она снова, крепче, сжала ее-ру[к]у.
"If I should die, will you take my baby?"	- Если я умру, ты возьмешь моего ребенка?
Melanie's eyes were wide and bright with soft urgency. "Will you?"	Широко раскрытые, лихорадочно блестевшие глаза Мелани были устремлены на нее с нежной и настойчивой мольбой.
Scarlett jerked away her hand as fear swamped her.	Скарлетт выдернула руку, чувствуя, как ее охватывает страх.

Fear roughened her voice as she spoke.	От неожиданности и испуга голос ее прозвучал грубо.
"Oh, don't be a goose, Melly.	- Не будь идиоткой, Мелли!
You aren't going to die.	Ты не умрешь.

Every woman thinks she's going to die with her first baby. I know I did."	Каждой женщине, когда она ждет первого ребенка, кажется, что она умрет Я знаю, со мной тоже так было.
"No, you didn't.	- Нет, неправда.
You've never been afraid of anything.	Ты никогда ничего не боишься.
You are just saying that to try to cheer me up.	Ты это говоришь, просто чтобы подбодрить меня.

I'm not afraid to die but I'm so afraid to leave the baby, if Ashley is-Scarlett, promise me that you'll take my baby if I should die. Then I won't be afraid.	А я не боюсь умереть, но боюсь за маленького, если Эшли... Скарлетт, обещай, что ты возьмешь себе моего ребенка, если я умру" Тогда я не буду бояться смерти.
Aunt Pittypat is too old to raise a child and Honey and India are sweet but-I want you to have my baby.	Тетушка Питти слишком стара, чтобы воспитать ребенка, а Милочка и Индия - они очень хорошие, только... Я хочу, чтобы моего малютку взяла ты.
Promise me, Scarlett.	Обещай мне, Скарлетт.
And if it's a boy, bring him up like Ashley, and if it's a girl-dear, I'd like her to be like you."	Если это будет мальчик, воспитай его похожим на Эшли, а если девочка... Я хочу, чтобы она была похожа на тебя, дорогая.

"God's nightgown!" cried Scarlett, leaping from the bed.	- Тысяча чертей! - вне себя воскликнула Скарлетт, вскакивая с постели.
"Aren't things bad enough without you talking about dying?"	- Неужели мало нам несчастий, чтобы ты еще толковала о смерти!
"I'm sorry, dear.	- Прости меня, дорогая.
But promise me.	Но дай слово.
I think it'll be today.	Мне кажется, все должно совершиться сегодня.
I'm sure it'll be today.	Я чувствую, что сегодня.
Please promise me."	Пожалуйста, обещай.

"Oh, all right, I promise," said Scarlett, looking down at her in bewilderment.	- Ладно. Обещаю, - сказала Скарлетт, в полном замешательстве глядя на нее сверху вниз.
Was Melanie such a fool she really didn't know how she cared for Ashley?	"Неужели Мелани в самом деле так глупа, неужели она не понимает, что я люблю Эшли?
Or did she know everything and feel that because of that love, Scarlett would take good care of Ashley's child?	Или она все понимает и потому-то и думает, что я позабочусь о его ребенке?"

Scarlett had a wild impulse to cry out questions, but they died on her lips as Melanie took her hand and held it for an instant against her cheek.	Скарлетт с трудом подавила бешеное желание задать ей этот вопрос - он уже готов был слететь у нее с языка, но тут Мелани снова взяла ее руку и приложила к своей щеке.
Tranquillity had come back into her eyes.	Взгляд ее стал спокоен.
"Why do you think it will be today, Melly?"	- Почему ты думаешь, что это будет сегодня, Мелли?
"I've been having pains since dawn-but not very bad ones."	- У меня с рассвета начались схватки, правда еще не очень сильные.
"You have?	- Вот оно что!

Well, why didn't you call me?	Почему же ты не позвала меня?

I'll send Prissy for Dr. Meade."	Я сейчас пошлю Присси за доктором Мидом.
"No, don't do that yet, Scarlett.	- Нет, пока не надо, Скарлетт.
You know how busy he is, how busy they all are.	Ты знаешь, сколько у него дел, как они все там заняты работой.
Just send word to him that we'll need him some time today.	Просто сообщи ему, что он может нам понадобиться сегодня.
Send over to Mrs. Meade's and tell her and ask her to come over and sit with me.	И пошли за миссис Мид, попроси ее прийти, посидеть со мной.
She'll know when to really send for him."	Она будет знать, когда настанет время посылать за доктором.
"Oh, stop being so unselfish.	- Да перестань ты разыгрывать из себя святую.

You know you need a doctor as much as anybody in the hospital.	Сама знаешь, что доктор нужен тебе не меньше, чем им там в госпитале.
I'll send for him right away."	Я пошлю за ним сейчас же.
"No, please don't.	- Ну пожалуйста, не надо.
Sometimes it takes all day having a baby and I just couldn't let the doctor sit here for hours when all those poor boys need him so much.	Иногда это длится целый день, и я не могу, чтобы доктор часами сидел здесь, в то время как он нужен всем этим беднягам в госпитале.
Just send for Mrs. Meade.	Пошли только за миссис Мид.
She'll know."	Она поймет, когда потребуется доктор.

"Oh, all right," said Scarlett.	- Что ж, будь по-твоему, - сказала Скарлетт.
CHAPTER XXI	Глава 21
After sending up Melanie's breakfast tray, Scarlett dispatched Prissy for Mrs. Meade and sat down with Wade to eat her own breakfast.	Как только Присси отнесла завтрак Мелани, Скарлетт тут же отправила ее за миссис Мид, а сама села завтракать с Уэйдом.
But for once she had no appetite.	Но кусок не шел ей в горло.
Between her nervous apprehension over the thought that Melanie's time was approaching and her unconscious straining to hear the sound of the cannon, she could hardly eat.	Она со страхом думала о том, что Мелани пришло время родить, и, бессознательно прислушиваясь к отдаленному грохоту орудий, впервые в жизни почувствовала, что у нее совсем нет аппетита.

Her heart acted very queerly, beating regularly for several minutes and then thumping so loudly and swiftly it almost made her sick at her stomach.	И с сердцем творилось что-то странное: несколько минут оно билось нормально, а потом вдруг делало отчаянный толчок, и тогда у нее начинало тоскливо сосать под ложечкой.
The heavy hominy stuck in her throat like glue and never before had the mixture of parched corn and ground- up yams that passed for coffee been so repulsive.	Она с трудом глотала густую клейкую мамалыгу, и никогда еще напиток из жареной кукурузы и молотого батата, сходивший теперь за кофе, не казался ей таким омерзительным.

Without sugar or cream it was bitter as gall, for the sorghum used for "long sweetening" did little to improve the taste.	Без сахара, без сливок это пойло было горьким, как желчь, а "подслащивание" с помощью сорго не очень-то помогало.
After one swallow she pushed her cup away.	Сделав глоток, она отодвинула чашку.

If for no other reason she hated the Yankees because they kept her from having real coffee with sugar and thick cream in it.	Янки лишили ее удовольствия пить настоящий кофе с сахаром и сливками, и одного этого было уже достаточно, чтобы она возненавидела их всей душой.

Wade was quieter than usual and did not set up his every morning complaint against the hominy that he so disliked.	Уэйд вел себя сегодня как-то тише обычного и не хныкал, как всегда по утрам, отказываясь есть мамалыгу.
He ate silently the spoonfuls she pushed into his mouth and washed them down with noisily gulped water.	Он молча жевал ненавистную кашу, которую она ложку за ложкой совала ему в рот, и громко чмокал, запивая ее водой.
His soft brown eyes followed her every movement, large, round as dollars, a childish bewilderment in them as though her own scarce-hidden fears had been communicated to him.	Его большие, карие, круглые, как долларовые монеты, глаза с детской тревогой следили за каждым движением матери, словно ее затаенные страхи передались ему.

When he had finished she sent him off to the back yard to play and watched him toddle across the straggling grass to his playhouse with great relief.	Когда с завтраком было покончено, Скарлетт отправила его во двор играть и с облегчением проследила за тем, как он проковылял по примятой траве к своему игрушечному домику.
She arose and stood irresolutely at the foot of the stairs.	Она встала из-за стола и, подойдя к лестнице на второй этаж, остановилась в нерешительности.
She should go up and sit with Melanie and distract her mind from her coming ordeal but she did not feel equal to it.	Надо было подняться к Мелани, посидеть с ней, постараться отвлечь ее от мыслей о предстоящем испытании, но у нее не хватало сил подвигнуть себя на это.

Of all days in the world, Melanie had to pick this day to have the baby!	Надо же было Мелани выбрать именно такой день из всех дней в году, чтобы начать рожать!
And of all days to talk about dying!	Да еще толковать о смерти!
She sat down on the bottom step of the stairs and tried to compose herself, wondering again how yesterday's battle had gone, wondering how today's fighting was going.	Она присела на нижнюю ступеньку лестницы и постаралась взять себя в руки. Мысли ее обратились к вчерашней битве, и снова встал вопрос: каков же был ее исход?
How strange to have a big battle going on just a few miles away and to know nothing of it!	Как странно, что где-то рядом, всего в нескольких милях, идет бой, а до них не доходит никаких вестей!

How strange the quiet of this deserted end of town in contrast with the day of the fighting at Peachtree Creek!	Какая необычная тишина царит на этом обезлюдевшем конце города, как не похоже это на то, что творилось здесь во время битвы за Персиковый ручей!
Aunt Pitty's house was one of the last on the north side of Atlanta and with the fighting somewhere to the far south, there were no reinforcements going by at double-quick, no ambulances and staggering lines of walking wounded coming back.	Сражение шло где-то к югу, далеко от города, а ведь дом тетушки Питтипэт был последним на северной окраине города, и воинские части, спешившие на подкрепление, не проходили ускоренным маршем по этой улице, и санитарные кареты не проезжали по ней, и не ковыляли возвращавшиеся с линии огня раненые.

She wondered if such scenes were being enacted on the south side of town and thanked God she was not there.	Вероятно, все это происходило сейчас на южной окраине, подумала Скарлетт и возблагодарила бога за то, что она этого не видит.

If only everyone except the Meades and the Merriwethers had not refugeed from this north end of Peachtree!	Если бы только еще все живущие в их конце Персиковой улицы не убежали из города - все, кроме Мидов и Мерриуэзеров!
It made her feel forsaken and alone.	Ей стало так одиноко здесь теперь.

She wished fervently that Uncle Peter were with her so he could go down to headquarters and learn the news.	Останься дома хотя бы дядюшка Питер, она послала бы его сейчас в штаб узнать, какие вести с фронта.
If it wasn't for Melanie she'd go to town this very minute and learn for herself, but she couldn't leave until Mrs. Meade arrived.	Впрочем, если бы не Мелани, она сама, ни минуты не медля, бросилась бы в город и все разузнала. Но пока миссис Мид не пришла, оставить Мелани нельзя.
Mrs. Meade.	Миссис Мид.
Why didn't she come on?	Почему она не идет?
And where was Prissy?	И куда подевалась Присси?

She rose and went out onto the front porch and looked for them impatiently, but the Meade house was around a shady bend in the street and she could see no one.	Скарлетт встала, вышла на веранду и в нетерпеливом ожидании стала вглядываться в даль, но дом Мидов не был виден из-за деревьев за изгибом улицы, а улица была пустынна.
After a long while Prissy came into view, alone, switching her skirts from side to side and looking over her shoulder to observe the effect.	Наконец вдали показалась Присси: она шла одна, не спеша, словно прогуливаясь, и, покачивая бедрами, оглядывала через плечо свои развевающиеся сзади юбки.
"You're as slow as molasses in January," snapped Scarlett as Prissy opened the gate.	- Что ты тащишься как старая черепаха! -накинулась на нее Скарлетт, когда Присси вошла в калитку.

"What did Mrs. Meade say?	- Что сказала миссис Мид?
How soon will she be over here?"	Скоро она придет?
"She warn't dar," said Prissy.	- Ее там нету, - сказала Присси.
"Where is she?	- А где же она?
When will she be home?"	Когда вернется домой?

"Well'm," answered Prissy, dragging out her words pleasurably to give more weight to her message. "Dey Cookie say Miss Meade done got wud early dis mawnin' dat young Mist' Phil done been shot an' Miss Meade she tuck de cah'ige an' Ole Talbot an' Betsy an' dey done gone ter fotch him home.	- Так понимаете, мэм, - сказала Присси, наслаждаясь своей важной миссией и невыносимо растягивая слова, - кухарка говорит, миссис Мид -она уехала утром раным-рано, потому как молодого мистера Фила ранило, и миссис Мид взяла кабриолет и этого старика Талбота, и Бетси, и поехала за мистером Филом - привезти домой.
Cookie say he bad hurt an' Miss Meade ain' gwine ter be studyin' 'bout comin' up hyah."	Кухарка говорит, он сильно ранен, и миссис Мид к нам не придет.
Scarlett stared at her and had an impulse to shake her.	Скарлетт захотелось схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть.

Negroes were always so proud of being the bearers of evil tidings.	Почему черные слуги всегда с таким торжественным видом приносят дурные вести?
"Well, don't stand there like a ninny.	- Ладно. Не стой тут как идиотка.

Go down to Mrs. Merriwether's and ask her to come up or send her mammy.	Ступай к миссис Мерриуэзер и попроси ее прийти или прислать свою няньку.
Now, hurry."	Давай, живо.
"Dey ain' dar, Miss Scarlett.	- Да их там нет никого, мисс Скарлетт.
Ah drapped in ter pass time of de day wid Mammy on mah way home.	Я по дороге заходила туда, посидеть с ихней нянюшкой.

Dey's done gone.	Так они все ушли.
House all locked up.	И дом заперли.
Spec dey's at de horsepittle."	Видать, в госпитале они.
"So that's where you were so long!	- Так вот ты где болталась!
Whenever I send you somewhere you go where I tell you and don't stop to 'pass any time' with anybody.	Когда я тебя куда-нибудь посылаю, изволь идти куда ведено, а не "посидеть с нянюшкой".
Go-"	Ступай...
She stopped and racked her brain.	Она задумалась.
Who was left in town among their friends who would be helpful?	Кто же из знакомых остался в городе, кто мог бы ей помочь?

There was Mrs. Elsing.	Миссис Элсинг.
Of course, Mrs. Elsing didn't like her at all these days but she had always been fond of Melanie.	Эта дама, правда, сильно невзлюбила ее в последнее время, но зато она всегда очень нежно относилась к Мелани.
"Go to Mrs. Elsing's, and explain everything very carefully and tell her to please come up here.	- Ступай к миссис Элсинг, толково объясни ей все и вежливо попроси прийти сюда.
And, Prissy, listen to me.	И слушай меня внимательно. Присси.
Miss Melly's baby is due and she may need you any minute now.	Мисс Мелли сегодня должна родить, и ты можешь понадобиться каждую минуту.

Now you hurry right straight back."	Так что быстро - туда и обратно.
"Yas'm," said Prissy and, turning, sauntered down the walk at snail's gait.	- Хорошо, мэм, - сказала Присси, повернулась и медленно-медленно, нехотя поплелась к калитке.
"Hurry, you slow poke!"	- Живее, ты, мешок с трухой!
"Yas'm."	- Да, мэм.
Prissy quickened her gait infinitesimally and Scarlett went back into the house.	Присси сделала вид, что прибавила шагу, и Скарлетт вернулась в дом.
She hesitated again before going upstairs to Melanie.	Снова она постояла в нерешительности, прежде чем подняться к Мелани.

She would have to explain to her just why Mrs. Meade couldn't come and the knowledge that Phil Meade was badly wounded might upset her.	"Придется сказать ей, почему миссис Мид не может прийти, и она, конечно, разволнуется, узнав, что Фил Мид серьезно ранен.
Well, she'd tell a lie about it.	Ладно, что-нибудь совру".
She entered Melanie's room and saw that the breakfast tray was untouched.	Она вошла в спальню к Мелани и увидела на подносе нетронутый завтрак.

Melanie lay on her side, her face white.	Мелани лежала на боку, в лице ни кровинки.

"Mrs. Meade's over at the hospital," said Scarlett.	- Миссис Мид в госпитале, - сказала Скарлетт.
"But Mrs. Elsing is coming.	- Но придет миссис Элсинг.
Do you feel bad?"	Тебе плохо?
"Not very," lied Melanie.	- Не очень, - солгала Мелани.
"Scarlett, how long did it take Wade to get born?"	- Скарлетт, как долго у тебя это было, с Уэйдом?
"Less than no time," answered Scarlett with a cheerfulness she was far from feeling.	- Раз - и готово, - с наигранной бодростью отвечала Скарлетт.
"I was out in the yard and I didn't hardly have time to get into the house.	- Я была во дворе и едва успела добежать до дома.

Mammy said it was scandalous-just like one of the darkies."	Мамушка сказала: "Позор, да и только!
"I hope I'll be like one of the darkies too," said Melanie, mustering a smile which suddenly disappeared as pain contorted her face.	Прямо как простая негритянка!" - Хорошо бы и у меня было, как у негритянки, - сказала Мелани с вымученной улыбкой, которая тут же погасла. Лицо ее исказилось от боли.
Scarlett looked down at Melanie's tiny hips with none too sanguine hopes but said reassuringly:	Скарлетт скользнула взглядом по безнадежно узким бедрам Мелани, но сказала ободряюще:
"Oh, it's not really so bad."	- Право же, это совсем не так страшно.
"Oh, I know it isn't.	- Да я понимаю.
I'm afraid I'm a little coward.	Верно, я просто трусиха.

Is-is Mrs. Elsing coming right away?"	А... а миссис Элсинг скоро придет?
"Yes, right away," said Scarlett.	- Скоро, скоро, - сказала Скарлетт.
"I'll go down and get some fresh water and sponge you off.	- Я пойду, достану свежей воды из колодца и оботру тебя губкой.
It's so hot today."	Жара сегодня.
She took as long a time as possible in getting the water, running to the front door every two minutes to see if Prissy were coming.	Доставая воду, она медлила как могла - тянула время - и поминутно бегала поглядеть, не идет ли Присси.

There was no sign of Prissy so she went back upstairs, sponged Melanie's perspiring body and combed out her long dark hair.	Но Присси не было видно, и в конце концов Скарлетт опять поднялась к Мелани, обтерла губкой ее потное тело и расчесала длинные темные волосы.
When an hour had passed she heard scuffing negro feet coming down the street, and looking out of the window, saw Prissy returning slowly, switching herself as before and tossing her head with as many airy affectations as if she had a large and interested audience.	Прошел час, и наконец с улицы долетел звук шаркающих по земле подошв, и, выглянув из окна, Скарлетт увидала Присси: девчонка шла неторопливо, снова, как в прошлый раз, вертя головой во все стороны и охорашиваясь, с таким видом, словно выступала на сцене.

"Some day, I'm going to take a strap to that little wench," thought Scarlett savagely, hurrying down the stairs to meet her.	"Когда-нибудь я отлуплю эту негодяйку", - в бешенстве подумала Скарлетт, сбегая по ступенькам ей навстречу.
"Miss Elsing ober at de horsepittle.	- Миссис Элсинг в госпитале.

Dey Cookie 'lows a whole lot of wounded sojers come in on de early train.	Ихняя кухарка говорит: поезд утром привез много раненых солдатиков.
Cookie fixin' soup ter tek over dar.	Она варит суп, понесет туда.
She say-"	Она говорит...

"Never mind what she said," interrupted Scarlett, her heart sinking.	- Не важно, что она говорит, - оборвала ее Скарлетт, чувствуя, как у нее упало сердце.
"Put on a clean apron because I want you to go over to the hospital.	- Надень чистый фартук, пойдешь в госпиталь.
I'm going to give you a note to Dr. Meade, and if he isn't there, give it to Dr. Jones or any of the other doctors.	Отнесешь записку доктору Миду, а если его там нет, отдай ее доктору Джонсу или другому доктору.
And if you don't hurry back this time, I'll skin you alive."	И если не вернешься быстро, я шкуру с тебя спущу.
"Yas'm."	- Да, мэм.

"And ask any of the gentlemen for news of the fighting.	- И спроси кого-нибудь из джентльменов, как там дела на фронте.
If they don't know, go by the depot and ask the engineers who brought the wounded in.	А если они ничего не знают, добеги до вокзала, расспроси машинистов, которые привозят раненых.
Ask if they are fighting at Jonesboro or near there."	Спроси, где идут бои - далеко ли от Джонсборо.
"Gawdlmighty, Miss Scarlett!" and sudden fright was in Prissy's black face.	- Господи помилуй, мисс Скарлетт! - Черное лицо Присси неожиданно исказилось от страха.
"De Yankees ain' at Tara, is dey?"	- А в Таре тоже янки?
"I don't know.	- Почем я знаю.

I'm telling you to ask for news."	Говорят тебе - расспроси.
"Gawdlmighty, Miss Scarlett!	- Господи помилуй! Мисс Скарлетт!
Whut'll dey do ter Maw?"	Что они сделают с моей мамкой?
Prissy began to bawl suddenly, loudly, the sound adding to Scarlett's own uneasiness.	И Присси вдруг завыла в голос, чем окончательно вывела Скарлетт из себя.
"Stop bawling!	- Перестань реветь!
Miss Melanie will hear you.	Напугаешь миссис Мелли!
Now go change your apron, quick."	Ступай смени фартук, живо!

Spurred to speed, Prissy hurried toward the back of the house while Scarlett scratched a hasty note on the margin of Gerald's last letter to her-the only bit of paper in the house.	Подхлестнутая окриком, Присси скрылась в доме, а Скарлетт торопливо нацарапала записку на полях письма Джералда - единственного клочка бумаги, сыскавшегося в доме.
As she folded it, so that her note was uppermost, she caught Gerald's words, "Your mother-typhoid-under no condition-to come home-" She almost sobbed.	Когда она складывала записку так, чтобы ее послание оказалось на виду, ей невольно бросились в глаза слова, нацарапанные рукой Джералда, - "мама слегла.., тиф.., ни под каким видом не приезжай домой..." - и к горлу подступил комок.

If it wasn't for Melanie, she'd start home, right this minute, if she had to walk every step of the way.	Если бы не Мелани, она сейчас же, сию минуту бросилась бы домой, добралась бы до дому хоть пешком.
Prissy went off at a trot, the letter gripped in her hand, and Scarlett went back upstairs, trying to think of some plausible lie to explain Mrs. Elsing's failure to appear.	Зажав письмо в руке, Присси на этот раз припустилась чуть не бегом, а Скарлетт поднялась наверх, наспех придумывая, как бы ей половчее соврать, почему не пришла миссис Элсинг.
But Melanie asked no questions.	Но Мелани ни о чем ее не спросила.

She lay upon her back, her face tranquil and sweet, and the sight of her quieted Scarlett for a while.	Она лежала на спине, лицо ее казалось умиротворенно-спокойным. И у Скарлетт немного отлегло от сердца.
She sat down and tried to talk of inconsequential things, but the thoughts of Tara and a possible defeat by the Yankees prodded cruelly.	Она села и стала говорить о разных пустяках, но мысль о Таре и о том, что янки могут одержать победу, безжалостно сверлила ее мозг.

She thought of Ellen dying and of the Yankees coming into Atlanta, burning everything, killing everybody.	Скарлетт думала об умирающей Эллин, о рвущихся в Атланту янки, которые начнут всех резать и все жечь.
Through it all, the dull far-off thundering persisted, rolling into her ears in waves of fear.	Мысли текли под далекие глухие раскаты канонады, неустанно звучавшие в ушах, обдавая ее волнами страха.
Finally, she could not talk at all and only stared out of the window at the hot still street and the dusty leaves hanging motionless on the trees.	И она наконец умолкла, уперев невидящий взгляд в окно на недвижную пыльную листву деревьев над жаркой, тихой улицей.

Melanie was silent too, but at intervals her quiet face was wrenched with pain.	Мелани молчала тоже - лишь время от времени ее спокойное лицо сводила судорога боли.
She said, after each pain:	И всякий раз после схватки она говорила:
"It wasn't very bad, really," and Scarlett knew she was lying.	- Знаешь, не так уж это и больно. - И Скарлетт понимала, что она лжет.
She would have preferred a loud scream to silent endurance.	А ей было бы легче, если бы Мелани выла от боли, а не терпела так, молча.

She knew she should feel sorry for Melanie, but somehow she could not muster a spark of sympathy.	Она знала, что должна бы пожалеть Мелани, но не испытывала к ней ни капли сочувствия.
Her mind was too torn with her own anguish.	Собственные тревоги раздирали ее мозг.

Once she looked sharply at the pain-twisted face and wondered why it should be that she, of all people in the world, should be here with Melanie at this particular time-she who had nothing in common with her, who hated her, who would gladly have seen her dead.	Кинув взгляд на перекошенное болью лицо, она вдруг подумала: надо же было так случиться, чтобы из всех людей на свете именно она оказалась прикованной здесь к Мелани в эти ужасные минуты, хотя по существу они совсем чужие друг другу, и она ненавидит Мелани и в душе даже желает ей смерти!
Well, maybe she'd have her wish, and before the day was over too.	Что ж, быть может, ее желание исполнится, и быть может, еще до исхода дня.

A cold superstitious fear swept her at this thought.	При этой мысли суеверный страх ознобом пробежал у нее по коже.

It was bad luck to wish that someone were dead, almost as bad luck as to curse someone.	Желать кому-то смерти - это не приводит к добру, это почти так же опасно, как кого-нибудь проклясть.
Curses came home to roost, Mammy said.	Проклятие падает на голову проклинающего, говаривала Мамушка.
She hastily prayed that Melanie wouldn't die and broke into feverish small talk, hardly aware of what she said.	Скарлетт торопливо прочла про себя молитву, чтобы бог сохранил Мелани жизнь, а вслух лихорадочно залепетала первое, что подвернулось на язык.

At last, Melanie put a hot hand on her wrist.	Прошло несколько минут, и Мелани положила горячую руку на ее запястье.
"Don't bother about talking, dear.	- Не старайся занимать меня беседой, дорогая.
I know how worried you are.	Я знаю, как у тебя тревожно на душе.
I'm so sorry I'm so much trouble."	Мне больно, что я причиняю тебе столько хлопот...
Scarlett relapsed into silence but she could not sit still.	Скарлетт примолкла, но сидеть спокойно она не могла.
What would she do if neither the doctor nor Prissy got there in time?	Что ей делать, если ни доктор, ни Присси не поспеют вовремя?

She walked to the window and looked down the street and came back and sat down again.	Она подошла к окну, поглядела на улицу, снова опустилась на стул.
Then she rose and looked out of the window on the other side of the room.	Потом встала и выглянула в другое окно -напротив.
An hour went by and then another.	Прошел час, за ним второй.
Noon came and the sun was high and hot and not a breath of air stirred the dusty leaves.	Был уже полдень, солнце стояло в зените и палило нещадно, и ни малейшее дуновение ветерка не шевелило пыльной листвы.
Melanie's pains were harder now.	У Мелани участились схватки.

Her long hair was drenched in sweat and her gown stuck in wet spots to her body.	Ее длинные волосы взмокли от пота, на рубашке, там, где она прилипла к телу, обозначились темные пятна.
Scarlett sponged her face in silence but fear was gnawing at her.	Скарлетт молча освежала ее лицо мокрой губкой, но ее грыз страх.
God in Heaven, suppose the baby came before the doctor arrived!	Господи, а что, если роды начнутся прежде, чем придет доктор?
What would she do?	Что тогда делать?
She knew less than nothing of midwifery.	Она же ничего в этом не смыслит!

This was exactly the emergency she had been dreading for weeks.	Вот этого она и боялась все эти дни.
She had been counting on Prissy to handle the situation if no doctor should be available. Prissy knew all about midwifery. She'd said so time and again.	Она отчасти полагалась на Присси, в случае, если нельзя будет раздобыть доктора, ведь Присси обучена принимать роды, она это говорила не раз.

But where was Prissy?	Но где она. Присси?
Why didn't she come?	Почему не возвращается?
Why didn't the doctor come?	И почему не приходит доктор?

She went to the window and looked again.	Скарлетт снова подошла к окну и поглядела на улицу.
She listened hard and suddenly she wondered if it were only her imagination or if the sound of cannon in the distance had died away.	Она напряженно прислушивалась, и внезапно ей показалось... Нет, верно, это ей почудилось... Ей показалось, что грохот канонады стал глуше, отдаленней.
If it were farther away it would mean that the fighting was nearer Jonesboro and that would mean-	Если так, значит, бои идут ближе к Джонсборо и, значит...
At last she saw Prissy coming down the street at a quick trot and she leaned out of the window.	Наконец, еще раз высунувшись из окна, она увидела Присси, вприпрыжку спешившую к дому.

Prissy, looking up, saw her and her mouth opened to yell.	Подняв голову и заметив Скарлетт, Присси широко разинула рот, собираясь что-то крикнуть.
Seeing the panic written on the little black face and fearing she might alarm Melanie by crying out evil tidings, Scarlett hastily put her finger to her lips and left the window.	Черное лицо было перекошено страхом, и, боясь, что Присси своим криком встревожит Мелани, Скарлетт поспешно приложила палец к губам и отошла от окна.
"I'll get some cooler water," she said, looking down into Melanie's dark, deep-circled eyes and trying to smile.	- Пойду принесу воды похолоднее, - сказала она, глядя в темные, запавшие глаза Мелани и стараясь улыбнуться.

Then she hastily left the room, closing the door carefully behind her.	И быстро вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь.
Prissy was sitting on the bottom step in the hall, panting.	Присси, запыхавшаяся, сидела в холле на нижней ступеньке лестницы.
"Dey's fightin' at Jonesboro, Miss Scarlett!	- Они в Джонсборо, мисс Скарлетт!
Dey say our gempmums is gittin' beat.	Говорят, наших жентмунов бьют.
Oh, Gawd, Miss Scarlett!	Ой, беда! Мисс Скарлетт!
Whut'll happen ter Maw an' Poke?	Что теперь будет с ма и Порком?
Oh, Gawd, Miss Scarlett!	Ой, беда!

Whut'll happen ter us effen de Yankees gits hyah?	А что, как янки придут сюда?
Oh, Gawd-"	Ой, беда!
Scarlett clapped a hand over the blubbery mouth.	Скарлетт зажала ей рот рукой, заглушив причитания.
"For God's sake, hush!"	- Замолчи ты, бога ради!
Yes, what would happen to them if the Yankees came- what would happen to Tara?	Да, что будет с ними, если придут янки? Что будет с Тарой?
She pushed the thought firmly back into her mind and grappled with the more pressing emergency.	Страшным усилием воли Скарлетт заставила эту мысль уйти на время куда-то вглубь, чтобы обратиться к самым неотложным делам.

If she thought of these things, she'd begin to scream and bawl like Prissy.	Если только она начнет об этом думать, то завизжит и завоет от страха, как Присси.
"Where's Dr. Meade?	- Где доктор Мид?
When's he coming?"	Когда он придет?
"Ah ain' nebber seed him, Miss Scarlett."	- Да я его не видала, мисс Скарлетт.
"What!"	- Что?!
"No'm, he ain' at de horsepittle.	- Не видала, мэм. Его нет в госпитале.
Miss Merriwether an' Miss Elsing ain' dar needer.	Миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг тоже нет.

A man he tole me de doctah down by de car shed wid the wounded sojers jes' come in frum Jonesboro, but Miss Scarlett, Ah wuz sceered ter go down dar ter de shed-dey's folkses dyin' down dar. Ah's sceered of daid folkses-"	Говорят, он в сарае, на путях, туда раненых привезли из Джонсборо. А я, мисс Скарлетт, побоялась идти туда, там, говорят, мертвяки... Я мертвяков боюсь...
"What about the other doctors?"	- А другие доктора?
"Miss Scarlett, fo' Gawd, Ah couldn' sceercely git one of dem ter read yo' note.	- Ей-богу, мисс Скарлетт, я не могла никак дать им почитать, что вы написали.
Dey wukin' in de horsepittle lak dey all done gone crazy.	Они все там как с ума посходили.

One doctah he say ter me, 'damn yo' hide!	Один доктор сказал: "Поди ты к черту!
Doan you come roun' hyah bodderin' me 'bout babies w'en we got a mess of men dyin' hyah.	Не вертись под ногами! Какие еще младенцы, когда тут прорва людей помирает!
Git some woman ter he'p you.'	Позови какую ни на есть бабку, она поможет".
An' den Ah went aroun' an' about an' ask fer news lak you done tole me an' dey all say 'fightin' at Jonesboro' an' Ah-"	Тогда я пошла и стали всех спрашивать, как вы мне велели. - что слыхать, а все как есть в одну душу: "В Джонсборо бои, бои в Джонсборо", и тогда я...
"You say Dr. Meade's at the depot?"	- Ты говоришь, доктор Мид на вокзале?
"Yas'm. He-"	- Да, мэм. Он...

"Now, listen sharp to me.	- Ну, слушай меня внимательно.
I'm going to get Dr. Meade and I want you to sit by Miss Melanie and do anything she says.	Я пойду за доктором Мидом, а ты сиди с мисс Мелани и делай все, что она тебе велит.
And if you so much as breathe to her where the fighting is, I'll sell you South as sure as gun's iron.	И посмей только, сказать ей, где идут бои, я тебя продам перекупщикам, богом клянусь!
And don't you tell her that the other doctors wouldn't come either.	И не говори ей, что другой доктор тоже не может прийти.
Do you hear?"	Поняла?
"Yas'm."	- Да, мэм.
"Wipe your eyes and get a fresh pitcher of water and go on up.	- Вытри глаза, набери свежей воды в кувшин и ступай наверх.

Sponge her off. Tell her I've gone for Dr. Meade."	Скажи мисс Мелани, что я пошла за доктором Мидом.

"Is her time nigh, Miss Scarlett?"	- Ей уже скоро родить, мисс Скарлетт?
"I don't know.	- Не знаю.
I'm afraid it is but I don't know.	Боюсь, что скоро, но, впрочем, не знаю.
You should know.	Тебе лучше знать.
Go on up."	Ступай наверх.
Scarlett caught up her wide straw bonnet from the console table and jammed it on her head.	Скарлетт схватила с подзеркальника свою широкополую соломенную шляпу, нахлобучила ее кое-как на голову.

She looked in the mirror and automatically pushed up loose strands of hair but she did not see her own reflection.	Бросив отсутствующий взгляд в зеркало, она машинально поправила выбившуюся прядь.
Cold little ripples of fear that started in the pit of her stomach were radiating outward until the fingers that touched her cheeks were cold, though the rest of her body streamed perspiration.	Мелкая, холодная дрожь страха, зародившегося где-то под ложечкой, расползалась по всему покрытому жаркой испариной телу и отозвалась в кончиках похолодевших пальцев, когда они коснулись горячей щеки.
She hurried out of the house and into the heat of the sun.	Скарлетт торопливо вышла из дома под слепящее солнце.

It was blindingly, glaring hot and as she hurried down Peachtree Street her temples began to throb from the heat.	Она быстро шла по Персиковой улице, и кровь стучала у нее в висках от зноя.
From far down the street she could hear the rise and fall and roar of many voices.	Издали, то нарастая, то затихая, доносился гул голосов.
By the time she caught sight of the Leyden house, she was beginning to pant, for her stays were tightly laced, but she did not slow her gait.	Вскоре она почувствовала, что ей трудно дышать от туго затянутого корсета, но не умерила шага.
The roar of noise grew louder.	Голоса звучали все громче.

From the Leyden house down to Five Points, the street seethed with activity, the activity of an anthill just destroyed.	В конце улицы, ближе к Пяти Углам, царило странное оживление, как в разворошенном муравейнике.
Negroes were running up and down the street, panic in their faces; and on porches, white children sat crying untended.	Негры с искаженными от страха лицами метались туда-сюда. Белые ребятишки, плача, сидели без присмотра на крылечках.
The street was crowded with army wagons and ambulances filled with wounded and carriages piled high with valises and pieces of furniture.	Улица была забита военными фургонами, санитарными каретами с ранеными и всякого рода повозками, доверху нагруженными мебелью, сундуками, баулами.

Men on horseback dashed out of side streets pell-mell down Peachtree toward Hood's headquarters.	Какие-то верховые, выскакивая из боковых проездов, устремлялись к штабу Худа.
In front of the Bonnell house, old Amos stood holding the head of the carriage horse and he greeted Scarlett with rolling eyes.	Перед домом Боннеллов, держа под уздцы впряженную в коляску лошадь, стоял старик Амос, и при виде Скарлетт глаза у него округлились.
"Ain't you gone yit, Miss Scarlett?	- Вы что ж - еще не уехали, мисс Скарлетт?
We is goin' now.	Мы вот собрались.

Ole Miss packin' her bag."	Старая мисс упаковывает пожитки.
"Going?	- Собрались?
Where?"	Куда?

"Gawd knows, Miss.	- А кто его знает, мисс.
Somewheres.	Куда-нибудь.
De Yankees is comin'!"	Янки подходят!
She hurried on, not even saying good-by.	Скарлетт поспешила дальше, даже не попрощавшись.
The Yankees were coming!	Янки подходят!
At Wesley Chapel, she paused to catch her breath and wait for her hammering heart to subside.	Возле часовни Уэсли она приостановилась, чтобы перевести дыхание и унять неистово колотившееся сердце.
If she did not quiet herself she would certainly faint.	Надо успокоиться, иначе она потеряет сознание.

As she stood clutching a lamp post for support, she saw an officer on horseback come charging up the street from Five Points and, on an impulse, she ran out into the street and waved at him.	Она стояла, ухватившись за фонарный столб, и увидела офицера, скакавшего верхом от Пяти Углов. Не раздумывая, она выбежала на середину улицы и замахала рукой.
"Oh, stop!	- Постойте!
Please, stop!"	Пожалуйста, остановитесь!
He reined in so suddenly the horse went back on its haunches, pawing the air.	Рывком натянув поводья, офицер поднял лошадь на дыбы.

There were harsh lines of fatigue and urgency in his face but his tattered gray hat was off with a sweep.	Усталое, прорезанное глубокими складка-ми лицо его выдавало страшное напряжение, но когда он увидел Скар-летт, потрепанная серая шляпа тотчас слетела у него с головы.
"Madam?"	- Мадам?
"Tell me, is it true?	- Скажите, это правда?
Are the Yankees coming?"	Янки подходят?
"I'm afraid so."	- Боюсь, что так.
"Do you know so?"	- Вы это точно знаете?
"Yes, Ma'm. I know so.	- Да, мадам. Я это знаю.

A dispatch came in to headquarters half an hour ago from the fighting at Jonesboro."	Полчаса назад в штаб прибыла депеша с линии огня из Джонсборо.
"At Jonesboro?	- Из Джонсборо?
Are you sure?"	Вы уверены?
"I'm sure.	- Уверен, мадам.
There's no use telling pretty lies, Madam.	Нет смысла тешить себя красивыми иллюзиями, мадам.
The message was from General Hardee and it said:	Депеша была от генерала Харди, и в ней говорилось:

' I have lost the battle and am in full retreat."	"Я проиграл битву и отвожу войска".
"Oh, my God!"	- О боже!

The dark face of the tired man looked down without emotion.	Офицер поглядел на нее, и на угрюмом усталом лице его не отразилось никаких чувств.
He gathered the reins again and put on his hat.	Он собрал поводья и надел шляпу.
"Oh, sir, please, just a minute.	- О, сэр, прошу вас, еще минуту.
What shall we do?"	Что же нам теперь делать?
"Madam, I can't say.	- Затрудняюсь ответить, мадам.
The army is evacuating Atlanta soon."	Армия покидает Атланту.
"Going off and leaving us to the Yankees?"	- Покидает? А нас бросает на произвол судьбы?
"I'm afraid so."	- Боюсь, что так, мадам.

The spurred horse went off as though on springs and Scarlett was left standing in the middle of the street with the red dust thick upon her ankles.	Он пришпорил коня, и его как ветром сдуло, а Скарлетт осталась стоять посреди улицы, утонув по щиколотку в красной пыли.
The Yankees were coming.	Янки подходят.
The army was leaving.	Армия покидает город.
The Yankees were coming.	Янки подходят.
What should she do?	Что же делать?
Where should she run?	Куда бежать?
No, she couldn't run.	Нет, бежать нельзя.
There was Melanie back there in the bed expecting that baby.	Там Мелани, она ждет ребенка.

Oh, why did women have babies?	Господи, зачем женщины производят на свет детей!
If it wasn't for Melanie she could take Wade and Prissy and hide in the woods where the Yankees could never find them.	Не будь Мелани, она взяла бы Уэйда и Присси и спряталась бы с ними в лесу, и янки никогда не нашли бы их там.
But she couldn't take Melanie to the woods.	Но Мелани нельзя увезти в лес.
No, not now.	Сейчас нельзя.
Oh, if she'd only had the baby sooner, yesterday even, perhaps they could get an ambulance and take her away and hide her somewhere.	О, если бы она родила раньше, хотя бы вчера, быть может, их посадили бы в какую-нибудь санитарную карету и увезли и спрятали бы где-нибудь.

But now-she must find Dr. Meade and make him come home with her.	А теперь... Теперь надо разыскать доктора Мида и заставить его пойти к Мелани.
Perhaps he could hurry the baby.	Может быть, он сделает что-нибудь, чтобы она скорее родила.
She gathered up her skirts and ran down the street, and the rhythm of her feet was	Скарлетт подобрала юбки и побежала по улице, и в топоте ее шагов ей слышалось:
"The Yankees are coming!	"Янки подходят!

The Yankees are coming!"	Янки подходят!"

Five Points was crowded with people who rushed here and there with unseeing eyes, jammed with wagons, ambulances, ox carts, carriages loaded with wounded.	На площади Пяти Углов было полно народу, и все бежали куда-то, не видя друг друга, протискиваясь между санитарными фургонами, повозками, запряженными волами, и экипажами, которые везли раненых.
A roaring sound like the breaking of surf rose from the crowd.	Глухой гул волнами перекатывался над толпой, словно на берегу в час прибоя.
Then a strangely incongruous sight struck her eyes.	И тут странное, немыслимое зрелище предстало глазам Скарлетт.

Throngs of women were coming up from the direction of the railroad tracks carrying hams across their shoulders.	Со стороны вокзала надвигалась толпа женщин с окороками на плечах.
Little children hurried by their sides, staggering under buckets of steaming molasses.	А за женщинами, сгибаясь под тяжестью банок с черной патокой, едва поспевали ребятишки.
Young boys dragged sacks of corn and potatoes.	Мальчишки постарше тащили мешки с картофелем и кукурузой.
One old man struggled along with a small barrel of flour on a wheelbarrow.	Какой-то старик катил на тачке бочонок муки.

Men, women and children, black and white, hurried, hurried with straining faces, lugging packages and sacks and boxes of food- more food than she had seen in a year.	Мужчины, женщины, дети торопливо шагали, изнемогая под грузом мешков, ящиков, паке- тов с провизией - такого количества провизии Скарлетт не доводилось видеть за целый год.
The crowd suddenly gave a lane for a careening carriage and through the lane came the frail and elegant Mrs. Elsing, standing up in the front of her victoria, reins in one hand, whip in the other.	Внезапно толпа расту- пилась, давая дорогу мчавшемуся, кренясь то на один, то на другой бок, кабриолету. В каб- риолете хрупкая, эле- гантная миссис Элсинг, с хлыстом в руке, стоя правила лошадью.

She was hatless and white faced and her long gray hair streamed down her back as she lashed the horse like a Fury.	Бледная, без головного убора, с длинными седыми волосами, струившимися вдоль спины, она неистово стегала лошадь и была похожа на фурию.
Jouncing on the back seat of the carriage was her black mammy, Melissy, clutching a greasy side of bacon to her with one hand, while with the other and both feet she attempted to hold the boxes and bags piled all about her.	На сиденье ее черная нянька Мелисси, подскакивая на ухабах, одной рукой прижимала к себе кусок жирной свиной грудинки, а другой рукой и ногами старалась удержать на месте гору ящиков и мешков, наваленных в кабриолет.
One bag of dried peas had burst and the peas strewed themselves into the street.	Один из мешков лопнул, и сушеные бобы сыпались на мостовую.

Scarlett screamed to her, but the tumult of the crowd drowned her voice and the carriage rocked madly by.	Скарлетт закричала, пытаясь окликнуть миссис Элсинг, но голос ее утонул в шуме толпы, и кабриолет промчался мимо.
For a moment she could not understand what it all meant and then, remembering that the commissary warehouses were down by the railroad tracks, she realized that the army had thrown them open to the people to salvage what they could before the Yankees came.	Смысл происходящего не сразу дошел до сознания Скарлетт, но она тут же вспомнила, что военные провиантские склады расположены возле вокзала, и поняла: армия открыла их, чтобы население могло воспользоваться кто чем сумеет, пока янки не вошли в город.

She pushed her way swiftly through the crowds, past the packed, hysterical mob surging in the open space of Five Points, and hurried as fast as she could down the short block toward the depot.	Она стала проталкиваться сквозь толпу испуганных, растерянно мечущихся людей и, выбравшись на свободное пространство, припустилась со всех ног самым коротким путем к вокзалу.
Through the tangle of ambulances and the clouds of dust, she could see doctors and stretcher bearers bending, lifting, hurrying.	Наконец, в клубах пыли она стала различать среди санитарных фургонов двигающиеся, склоняющиеся над ранеными фигуры санитаров с носилками и докторов.
Thank God, she'd find Dr. Meade soon.	Слава тебе господи, сейчас она разыщет доктора Мида!

As she rounded the corner of the Atlanta Hotel and came in full view of the depot and the tracks, she halted appalled.	Но, завернув за угол гостиницы "Атланта", откуда уже хорошо были видны подъездные пути и депо, она замерла на месте, пораженная открывшейся ее глазам картиной.
Lying in the pitiless sun, shoulder to shoulder, head to feet, were hundreds of wounded men, lining the tracks, the sidewalks, stretched out in endless rows under the car shed.	Под беспощадно палящим солнцем - кто плечом к чьему-то плечу, кто головой к чьим-то ногам -сотни и сотни раненых заполняли все пространство на железнодорожных путях и платформах. Их ряды под навесом депо уходили в бесконечность.
Some lay stiff and still but many writhed under the hot sun, moaning.	Некоторые лежали молча и совершенно неподвижно, другие метались и стонала.

Everywhere, swarms of flies hovered over the men, crawling and buzzing in their faces, everywhere was blood, dirty bandages, groans, screamed curses of pain as stretcher bearers lifted men.	И над всей этой кровью, грязными повязками, зубовным скрежетом, проклятьями, вырывавшимися из груди раненых, когда санитары перекладывали их с носилок на землю, -мухи, тучи мух вились в воздухе, жужжали, ползали по лицам.
The smell of sweat, of blood, of unwashed bodies, of excrement rose up in waves of blistering heat until the fetid stench almost nauseated her.	В знойном воздухе стоял запах пота, крови, немытых тел, кала, мочи. Смрад накатывал на Скарлетт волнами, и минутами ей казалось, что ее сейчас стошнит.

The ambulance men hurrying here and there among the prostrate forms frequently stepped on wounded men, so thickly packed were the rows, and those trodden upon stared stolidly up, waiting their turn.	Санитары с носилками сновали туда и сюда среди распростертых на земле почти вплотную друг к другу тел, нередко наступая на раненых, а те стоически молчали, глядя вверх, - ждали, когда у санитаров дойдут руки и до них.
She shrank back, clapping her hand to her mouth feeling that she was going to vomit.	Скарлетт попятилась, зажав рот ладонью, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.
She couldn't go on.	Она не могла сделать дальше ни шагу.

She had seen wounded men in the hospitals, wounded men on Aunt Pitty's lawn after the fighting at the creek, but never anything like this.	Немало перевидала она раненых - и в госпиталях и на лужайке перед домом тети Питти, после битвы у Персикового ручья, - но ничто, ничто не шло в сравнение с этим!
Never anything like these stinking, bleeding bodies broiling under the glaring sun.	Кровоточащие, смердящие тела прямо под палящим солнцем - нет, такого она еще не видела!

This was an inferno of pain and smell and noise and hurry-hurry-hurry!	Это был подлинный ад - страдания, крики, зловоние и... Скорей! Скорей! Скорей!
The Yankees are coming!	Янки подходят!

The Yankees are coming!	Янки подходят!
She braced her shoulders and went down among them, straining her eyes among the upright figures to distinguish Dr. Meade.	Скарлетт распрямила плечи и ступила туда, в гущу тел, пере бегая глазами с одной стоявшей на ногах фигуры на другую, ища доктора Мида.
But she discovered she could not look for him, for if she did not step carefully she would tread on some poor soldier.	И тут же поняла, что ничего у нее не выйдет, так как надо было смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь беднягу.

She raised her skirts and tried to pick her way among them toward a knot of men who were directing the stretcher bearers.	Она подобрала юбки и стала осторожно пробираться между лежавшими на земле телами, направляясь к группе мужчин, стоявших поодаль и отдававших распоряжения санитарам с носилками.
As she walked, feverish hands plucked at her skirt and voices croaked:	На пути чьи-то руки судорожно хватали ее за юбку, она слышала хриплые восклицания:
"Lady-water!	- Леди, пить!
Please, lady, water!	Леди, пожалуйста, пить!
For Christ's sake, water!"	Бога ради, леди, пить!

Perspiration came down her face in streams as she pulled her skirts from clutching hands.	Пот струился по ее лицу, она старалась вырваться из цеплявшихся за ее юбку рук.
If she stepped on one of these men, she'd scream and faint.	Если - казалось ей - она нечаянно наступит на одного из этих людей, то завизжит и потеряет сознание.

She stepped over dead men, over men who lay dull eyed with hands clutched to bellies where dried blood had glued torn uniforms to wounds, over men whose beards were stiff with blood and from whose broken jaws came sounds which must mean:	Она перешагивала через мертвых и через раненых, лежавших неподвижно с остекленелыми глазами, зажимая руками рваные раны в животе, с присохшими к ним обрывками окровавленной одежды, и повсюду были торчавшие колом от запекшейся крови бороды, раздробленные челюсти, разорванные рты, откуда неслись нечленораздельные звуки, означавшие, должно быть!
"Water!	Пить!
Water!"	Пить!

If she did not find Dr. Meade soon, she would begin screaming with hysteria.	Если она сейчас же не разыщет доктора Мида, у нее начнется истерика.
She looked toward the group of men under the car shed and cried as loudly as she could:	Она бросила взгляд в сторону группы мужчин, стоявших под навесом, и закричала что было мочи:
"Dr. Meade!	- Доктор Мид!
Is Dr. Meade there?"	Есть здесь доктор Мид?
From the group one man detached himself and looked toward her.	Один из мужчин обернулся, отделился от группы и поглядел в ее сторону.

It was the doctor. He was coatless and his sleeves were rolled up to his shoulders. His shirt and trousers were as red as a butcher's and even the end of his iron-gray beard was matted with blood.	Это был Доктор Мид: без сюртука, рукава рубашки закатаны по локоть, и штаны, и рубашка алы от крови, как у мясника, и даже кончик седеющей бороды - в крови.
His face was the face of a man drunk with fatigue and impotent rage and burning pity.	Он был словно пьяный - пьяный от смертельной усталости, жгучего сострадания и бессильной злобы.
It was gray and dusty, and sweat had streaked long rivulets across his cheeks.	На серых от пыли щеках струйки пота проложили извилистые борозды.
But his voice was calm and decisive as he called to her.	Но голос его, когда он обратился к вей, звучал спокойно и решительно:

"Thank God, you are here.	- Слава богу, что вы пришли.
I can use every pair of hands."	Мне дорога сейчас каждая пара рук.
For a moment she stared at him bewildered, dropping her skirts in dismay.	На мгновение она замерла, глядя на него н растерянности, выпустив из руки подол.
They fell over the dirty face of a wounded man who feebly tried to turn his head to escape from their smothering folds.	Подол упал на грязное лицо какого-то раненого, и тот беспомощно завертел головой, стараясь высвободиться от душивших его оборок.
What did the doctor mean?	О чем он толкует - этот доктор?

The dust from the ambulances came into her face with choking dryness, and the rotten smells were like a foul liquid in her nostrils.	От пыли летевшей из-под колес санитарных повозок, у нее защекотало в горле, в носу стало липко от омерзительного зловония.
"Hurry, child!	- Скорей сюда, детка!
Come here."	Скорей!
She picked up her skirts and went to him as fast as she could go across the rows of bodies.	Она подобрала юбки и торопливо направилась к ному, снова перешагивая через распростертые тела.
She put her hand on his arm and felt that it was trembling with weariness but there was no weakness in his face.	Она схватила доктора за руку и почувствовала, как дрожит его рука от напряжения и усталости, хотя лицо сохраняло твердость.
"Oh, Doctor!" she cried.	- Ах, доктор! - воскликнула она.

"You must come. Melanie is having her baby." He looked at her as if her words did not register on his mind.	- Вы должны пойти к нам - Мелани рожает, Он поглядел на нее так, словно ее слова не доходили до его сознания.
A man who lay upon the ground at her feet, his head pillowed on his canteen, grinned up companionably at her words.	Какой-то раненый, лежавший на земле, с походным котелком под головой, добродушно ухмыльнулся, услыхав ее слова:
"They will do it," he said cheerfully.	- Ну, с этим-то они умеют справляться, -одобряюще произнес он.
She did not even look down but shook the doctor's arm.	Скарлетт даже не поглядела на него, она потрясла доктора за плечо.
"It's Melanie.	- Мелани!
The baby.	У нее ребенок!

Doctor, you must come.	Доктор, вы должны пойти!
She-the-" This was no time for delicacy but it was hard to bring out the words with the ears of hundreds of strange men listening.	Она.., у нее... - Сейчас было не до околичностей, но среди этих сотен мужских ушей слова не шли у Скарлетт с языка.
"The pains are getting hard.	- У нее сильные схватки.
Please, Doctor!"	Доктор, прошу вас!
"A baby?	- Что?

Great God!" thundered the doctor and his face was suddenly contorted with hate and rage, a rage not directed at her or at anyone except a world wherein such things could happen.	Рожает? Да черт побери! - внезапно вскипел доктор, и лицо его исказилось от ярости - ярости, направленной не на Скарлетт, а на весь мир, в котором могут твориться такие дела.
"Are you crazy?	- Вы что, рехнулись?
I can't leave these men.	Как я могу оставить этих людей?
They are dying, hundreds of them.	Они умирают сотнями?
I can't leave them for a damned baby.	Я не могу оставить их ради растреклятого ребенка.

Get some woman to help you.	Раздобудьте какую-нибудь женщину, она поможет.
Get my wife."	Позовите мою жену.
She opened her mouth to tell him why Mrs. Meade could not come and then shut it abruptly.	Скарлетт открыла было рот, хотела сказать ему, почему миссис Мид не может прийти, и осеклась.
He did not know his own son was wounded!	Он даже не знает, что его собственный сын ранен!
She wondered if he would still be here if he did know, and something told her that even if Phil were dying he would still be standing on this spot, giving aid to the many instead of the one.	Промелькнула мысль: остался ли бы доктор тут, знай он об этом, и что-то подсказало ей - да, если бы даже Фил умирал, доктор остался бы на своем посту, чтобы оказывать помощь многим, а не одному.

"No, you must come, Doctor.	- Вы должны пойти к ней, доктор.
You know you said she'd have a hard time-" Was it really she, Scarlett, standing here saying these dreadful indelicate things at the top of her voice in this hell of heat and groans?	Вы сами говорили, что у нее будут тяжелые роды... - Да неужели и вправду она, Скарлетт, стоит тут, среди всего этого ада, среди стонов и воплей, и во всеуслышание произносит такие ужасные, грубые слова?
"She'll die if you don't come!"	- Она умрет, если вы не придете!
He shook off her hand roughly and spoke as though he hardly heard her, hardly knew what she said.	Доктор резко выдернул руку из вцепившихся в нее пальцев и сказал так, словно не расслышал ее слов или не понял их значения.
"Die?	- Умрет?

Yes, they'll all die-all these men.	Да они все умрут - все эти люди.
No bandages, no salves, no quinine, no chloroform.	Нет бинтов, нет йода, нет хинина, нет хлороформа.
Oh, God, for some morphia!	О господи, хоть бы чуточку морфия!

Just a little morphia for the worst ones.	Хотя бы для самых тяжелых!
Just a little chloroform.	Хоть немного хлороформа!;
God damn the Yankees!	Будь прокляты янки!
God damn the Yankees!"	Будь они прокляты!

"Give um hell, Doctor!" said the man on the ground, his teeth showing in his beard.	- Провалиться бы им в преисподнюю, доктор! -сказал лежавший у их ног человек, и оскал его зубов блеснул над спутанной бородой.
Scarlett began to shake and her eyes burned with tears of fright.	Скарлетт начала дрожать всем телом, и от страха на глазах у нее выступили слезы.
The doctor wasn't coming with her.	Доктор не пойдет с нею к Мелани.
Melanie would die and she had wished that she would die.	И Мелани умрет. А она только что желала ей смерти.
The doctor wasn't coming.	Нет, доктор не пойдет.
"Name of God, Doctor!	- Во имя господа бога, доктор!

Please!"	Ну, пожалуйста!
Dr. Meade bit his lip and his jaw hardened as his face went cool again.	Доктор закусил губу, на скулах его заиграли желваки, он овладел собой.
"Child, I'll try.	- Дитя мое, я постараюсь.
I can't promise you.	Обещать не могу, но постараюсь.
But I'll try. When we get these men tended to.	После того, как мы сделаем что можем для этих людей.
The Yankees are coming and the troops are moving out of town.	Янки подходят, и наши войска покидают город.
I don't know what they'll do with the wounded.	Я не знаю, как янки могут поступить с ранеными.
There aren't any trains.	Поезда не ходят.

The Macon line has been captured...	Дорога на Мейкон в руках янки.
But I'll try. Run along now.	Но я постараюсь... А вы ступайте пока.
Don't bother me.	Не мешайте мне работать.
There's nothing much to bringing a baby.	Принять ребенка не такое уж сложное дело.
Just tie up the cord... "	Надо только перевязать пуповину...
He turned as an orderly touched his arm and began firing directions and pointing to this and that wounded man.	Санитар тронул его за руку, и он, отвернувшись от Скарлетт, начал быстро отдавать распоряжения, указывая то на одного, то на другого раненого.

The man at her feet looked up at Scarlett compassionately.	Лежавший на земле человек поглядел на Скарлетт с сочувствием.
She turned away, for the doctor had forgotten her.	Она повернулась к нему спиной, но доктор уже позабыл про нее.
She picked her way rapidly through the wounded and back to Peachtree Street.	Она снова начала торопливо пробираться между ранеными - назад к Персиковой улице.

The doctor wasn't coming.	На доктора надежды нет.
She would have to see it through herself.	Ей придется справляться самой.
Thank God, Prissy knew all about midwifery.	Еще слава богу, что Присси знает все по части акушерства.

Her head ached from the heat and she could feel her basque, soaking wet from perspiration, sticking to her.	Г олова у нее разламывалась от жары, и она чувствовала, что мокрый от пота лиф прилип к телу.
Her mind felt numb and so did her legs, numb as in a nightmare when she tried to run and could not move them.	Мозг ее отупел, и ноги стали как ватные - словно в страшном сне, когда знаешь, что надо бежать, и не можешь сдвинуться с места.
She thought of the long walk back to the house and it seemed interminable.	Обратный путь до дома представился ей бесконечным.
Then, "The Yankees are coming!" began to beat its refrain in her mind again.	А потом в голове у нее опять завертелся знакомый припев: "Янки подходят!"

Her heart began to pound and new life came into her limbs.	Сердце заколотилось сильней, и тело стало возвращаться к жизни.
She hurried into the crowd at Five Points, now so thick there was no room on the narrow sidewalks and she was forced to walk in the street.	Убыстрив шаг, она слилась с толпой у Пяти Углов - народу здесь было столько, что ей пришлось сойти с узкого тротуара на мостовую.
Long lines of soldiers were passing, dust covered, sodden with weariness.	Ряд за рядом проходили солдаты - покрытые пылью, едва волоча ноги от усталости.
There seemed thousands of them, bearded, dirty, their guns slung over their shoulders, swiftly passing at route step.	Казалось, им не будет конца - этим бородатым, грязным людям с винтовками за спиной, двигавшимся мимо походным маршем.

Cannon rolled past, the drivers flaying the thin mules with lengths of rawhide.	Ездовые сыромятными бичами погоняли тощих мулов, тащивших орудия.
Commissary wagons with torn canvas covers rocked through the ruts.	Провиантские фургоны с изодранным в клочья брезентовым верхом подпрыгивали на выбоинах мостовой.
Cavalry raising clouds of choking dust went past endlessly.	Поднимая клубы пыли, нескончаемой, чередой проезжала конница.
She had never seen so many soldiers together before.	Никогда еще Скарлетт не доводилось видеть сразу такого количества военных.
Retreat!	Отступление!
Retreat!	Отступление!
The army was moving out.	Армия покидала город.

The hurrying lines pushed her back onto the packed sidewalk and she smelled the reek of cheap corn whisky.	Ее оттеснили обратно на запруженный людьми тротуар, и она ощутила резкий тошнотворный запах дешевого кукурузного виски.
There were women in the mob near Decatur Street, garishly dressed women whose bright finery and painted faces gave a discordant note of holiday.	В толпе на углу Декейтерской улицы стояли несколько пестро разодетых женщин, чьи празднично яркие одеяния и размалеванные лица бросались в глаза своим грубым несоответствием с окружающим.

Most of them were drunk and the soldiers on whose arms they hung were drunker.	Почти все они были пьяны, а солдаты, на которых они висли, схватив их под руку, - и того пьянее.

She caught a fleeting glimpse of a head of red curls and saw that creature, Belle Watling, heard her shrill drunken laughter as she clung for support to a one-armed soldier who reeled and staggered.	Мелькнули огненно-рыжие завитки волос, прозвучал резкий хмельной смех, и Скарлетт узнала это жалкое создание - Красотку Уотлинг, прильнувшую к подгулявшему однорукому солдату, с трудом державшемуся на ногах.

When she had shoved and pushed her way through the mob for a block beyond Five Points the crowd thinned a little and, gathering up her skirts, she began to run again.	Кое-как пробившись туда, где за квартал от Пяти Уг- лов толпа начала редеть, Скарлетт подхватила юбки и снова припустилась бе- гом.
When she reached Wesley Chapel, she was breathless and dizzy and sick at her stomach.	Добежав до часовни Уэсли, она вдруг почувствовала, что у нее перехватило ды- хание, голова кружится и ее мутит.
Her stays were cutting her ribs in two.	Корсет впивался ей в реб- ра, не давая дышать.

She sank down on the steps of the church and buried her head in her hands until she could breathe more easily.	Она опустилась на ступени паперти и, уронив голову на руки, постаралась отдышаться.
If she could only get one deep breath, way down in her abdomen.	Хоть бы удалось вздохнуть поглубже.
If her heart would only stop bumping and drumming and cavorting.	Хоть бы сердце перестало так колотиться и выделывать эти невероятные скачки!
If there were only someone in this mad place to whom she could turn.	Хоть бы в этом обезумевшем городе нашелся один-единственный человек, к которому она могла бы обратиться, за помощью!

Why, she had never had to do a thing for herself in all her life.	Никогда на протяжении всей жизни не приходилось ей ни о чем заботиться самой.
There had always been someone to do things for her, to look after her, shelter and protect her and spoil her.	Рядом всегда был кто-то, кто все делал за нее, оберегал ее, опекал, баловал.
It was incredible that she could be in such a fix.	Просто невозможно было поверить, что она вдруг попала в такую переделку.
Not a friend, not a neighbor to help her.	И ни соседей, ни друзей - никого, чтобы помочь ей в беде.

There had always been friends, neighbors, the competent hands of willing slaves.	Прежде всегда были друзья, соседи, умелые руки услужливых рабов.
And now in this hour of greatest need, there was no one.	А сейчас, в эту самую тяжелую в ее жизни минуту, - никого.
It was incredible that she could be so completely alone, and frightened, and far from home.	Как это могло случиться, что она оказалась совсем одна, вдали от родного гнезда, перепуганная насмерть?
Home!	Тара!
If she were only home, Yankees or no Yankees.	О, если бы только она могла очутиться дома, пусть даже там янки!

Home, even if Ellen was sick.	Пусть даже у Эллин тиф!

She longed for the sight of Ellen's sweet face, for Mammy's strong arms around her.	Лишь бы увидеть ее родное лицо, ощутить объятия крепких Мамушкиных рук!
She rose dizzily to her feet and started walking again.	Пошатываясь, она поднялась на ноги и зашагала дальше.
When she came in sight of the house, she saw Wade swinging on the front gate.	Подойдя к дому, она увидела Уэйда, катавшегося на калитке.
When he saw her, his face puckered and he began to cry, holding up a grubby bruised finger.	При ее появлении лицо его жалобно сморщилось, и он захныкал, показывая ей ссадину на грязном пальце.

"Hurt!" he sobbed.	- Больно! - всхлипнул он.
"Hurt!"	- Больно!
"Hush!	- Замолчи!
Hush! Hush!	Замолчи сейчас же!
Or I'll spank you.	Не то я тебя отшлепаю.
Go out in the back yard and make mud pies and don't move from there."	Ступай на задний двор, поиграй там в песочек и не смей оттуда отлучать-ся никуда!
"Wade hungwy," he sobbed and put the hurt finger in his mouth.	- Есть хочу! - заскулил он и сунул поцарапанный палец в рот.
"I don't care.	- Не выдумывай!

Go in the back yard and-" She looked up and saw Prissy leaning out of the upstairs window, fright and worry written on her face; but in an instant they were wiped away in relief as she saw her mistress.	Ступай на задний двор и... Скарлетт подняла голову и увидела Присси, высунувшуюся из окна верхнего этажа: озабоченность и страх были написаны на ее лице, но при виде хозяйки она сразу приободрилась.
Scarlett beckoned to her to come down and went into the house.	Скарлетт помахала ей рукой, чтобы она спускалась вниз, и вошла в дом.
How cool it was in the hall.	Как прохладно было в холле.

She untied her bonnet and flung it on the table, drawing her forearms across her wet forehead.	Она развязала ленты шляпы, кинула ее на подзеркальник и провела рукой по вспотевшему лбу.
She heard the upstairs door open and a low wailing moan, wrenched from the depths of agony, came to her ears. Prissy came down the stairs three at a time.	Наверху отворилась дверь, и до Скарлетт долетел протяжный, жалобный, исполненный жестокой муки стон Присси сбежала с лестницы, прыгая через две ступеньки.
"Is de doctah come?"	- Доктор пришел?
"No.	- Нет.
He can't come."	Он не может.

"Gawd, Miss Scarlett!	- Господи, мисс Скарлетт!
Miss Melly bad off!"	Мисс Мелани совсем худо!
"The doctor can't come.	- Доктор не может прийти.
Nobody can come.	Никто не может.
You've got to bring the baby and I'll help you."	Тебе придется принимать ребенка. Я тебе помогу.

Prissy's mouth fell open and her tongue wagged wordlessly.	Присси онемела, разинув рот, напрасно силясь что-то произнести.
She looked at Scarlett sideways and scuffed her feet and twisted her thin body.	Она затопталась на месте, искоса поглядывая на Скарлетт.

"Don't look so simple minded!" cried Scarlett, infuriated at her silly expression.	- Что ты корчишь из себя идиотку! - прикрикнула на нее Скарлетт, взбешенная ее дурацким поведением.
"What's the matter?"	- Что с тобой?
Prissy edged back up the stairs.	Присси попятилась обратно к лестнице.
"Fo' Gawd, Miss Scarlett-" Fright and shame were in her rolling eyes.	- Господи помилуй! Мисс Скарлетт... -Растерянность и стыд были в ее вытаращенных от страха глазах.
"Well?"	- Ну, в чем дело?
"Fo' Gawd, Miss Scarlett!	- Господи помилуй, мисс Скарлетт!
We's got ter have a doctah.	Надо, чтоб пришел доктор.

Ah- Ah-Miss Scarlett, Ah doan know nuthin' 'bout bringin' babies.	Я... я.., мисс Скарлетт, я этих делов не знаю.
Maw wouldn' nebber lemme be 'round folkses whut wuz havin' dem."	Мать меня близко не подпускала, когда ей случалось принимать ребенка.
All the breath went out of Scarlett's lungs in one gasp of horror before rage swept her.	Скарлетт ахнула: от ужаса у нее перехватило дыхание. Затем ею овладела ярость.
Prissy made a lunge past her, bent on flight, but Scarlett grabbed her.	Присси попыталась проскользнуть мимо нее и пуститься наутек, но Скарлетт схватила ее за-ру[к]у.
"You black liar-what do you mean?	- Ах ты, черномазая лгунья! Что ты мелешь?

You've been saying you knew everything about birthing babies.	Ты же говорила, что всему обучена.
What is the truth?	Ну, отвечай правду!
Tell me!"	Говори!
She shook her until the kinky head rocked drunkenly.	- Она тряхнула ее так, что курчавая черная голова беспомощно закачалась из стороны в сторону.
"Ah's lyin', Miss Scarlett!	- Я соврала, мисс Скарлетт!
Ah doan know huccome Ah tell sech a lie.	Сама не знаю, чего это на меня нашло.
Ah jes' see one baby birthed, an' Maw she lak ter wo' me out fer watchin'."	Я только разочек видела, как это бывает, и ма выдрала меня, чтоб не подглядывала.

Scarlett glared at her and Prissy shrank back, trying to pull loose.	Скарлетт в ярости молча смотрела на нее, и Присси вся сжалась, пытаясь вырваться.
For a moment her mind refused to accept the truth, but when realization finally came to her that Prissy knew no more about midwifery than she did, anger went over her like a flame.	Какое-то мгновение мозг Скарлетт еще отказывался признать открывшуюся ей истину, но как только она с полной ясностью осознала, что Присси смыслит в акушерстве не больше, чем она сама, бешеная злоба обожгла ее как пламя.

She had never struck a slave in all her life, but now she slapped the black cheek with all the force in her tired arm.	Еще ни разу в жизни не подымала Скарлетт руки на раба, но сейчас, собрав остатки сил, она с размаху отвесила своей черной служанке пощечину.
Prissy screamed at the top of her voice, more from fright than pain, and began to dance up and down, writhing to break Scarlett's grip.	Присси пронзительно взвизгнула - больше с испугу, чем от боли, - и запрыгала на месте, стараясь вырваться из рук хозяйки.
As she screamed, the moaning from the second floor ceased and a moment later Melanie's voice, weak and trembling, called:	Когда Присси завизжала, доносившиеся сверху стоны оборвались, и секундой позже послышался слабый, дрожащий голосок Мелани:
"Scarlett?	- Скарлетт?
Is it you?	Это ты?

Please come!	Пожалуйста, поднимись ко мне!
Please!"	Пожалуйста!
Scarlett dropped Prissy's arm and the wench sank whimpering to the steps.	Скарлетт выпустила руку Присси, и девчонка, всхлипывая, повалилась на ступеньки лестницы.
For a moment Scarlett stood still, looking up, listening to the low moaning which had begun again.	С минуту Скарлетт стояла неподвижно, прислушиваясь к тихим стонам, которые снова стали доноситься из комнаты Мелани.

As she stood there, it seemed as though a yoke descended heavily upon her neck, felt as though a heavy load were harnessed to it, a load she would feel as soon as she took a step.	И пока она стояла там, он почудилось, что на плечи ее легло ярмо, которое придавит ее к земле своей тяжестью, стоит ей ступить хоть шаг.
She tried to think of all the things Mammy and Ellen had done for her when Wade was born but the merciful blurring of the childbirth pains obscured almost everything in mist.	Она пыталась припомнить, чем старались ей помочь Мамушка и Эллин, когда она рожала Уэйда, но все расплывалось как в тумане, милосердно изглаженное из памяти муками родовых схваток.

She did recall a few things and she spoke to Prissy rapidly, authority in her voice.	Вес же кое-что ей удалось вспомнить, и она быстро, решительно начала давать указания Присси:
"Build a fire in the stove and keep hot water boiling in the kettle.	- Ступай, затопи плиту, поставь на огонь котел с водой.
And bring up all the towels you can find and that ball of twine.	Приноси все полотенца, какие сыщутся, и моток шпагата.
And get me the scissors. Don't come telling me you can't find them.	И ножницы, И не говори, что не можешь ничего найти!
Get them and get them quick.	Быстро достань и принеси мне.
Now hurry."	Ну, живо!

She jerked Prissy to her feet and sent her kitchenwards with a shove.	Она рывком подняла Присси на ноги и толкнула ее к кухонной двери.
Then she squared her shoulders and started up the stairs.	Потом распрямила плечи и начала подниматься по лестнице.

It was going to be difficult, telling Melanie that she and Prissy were to deliver her baby.	Нелегкая ей предстояла задача - сообщить Мелани, что она сама с помощью Присси будет принимать у нее роды.
CHAPTER XXII	Глава 22
There would never again be an afternoon as long as this one. Or as hot.	Возможно ли, чтобы день мог быть так долог, чтобы послеполуденные часы тянулись без конца и чтобы была такая удушающая жара?

Or as full of lazy insolent flies.	И столько мух, назойливых ленивых мух.
They swarmed on Melanie despite the fan Scarlett kept in constant motion. Her arms ached from swinging the wide palmetto leaf.	Они тучами вились над Мелани, невзирая на то, что Скарлетт не переставая махала пальмовой ветвью, так что у нее даже онемели руки.
All her efforts seemed futile, for while she brushed them from Melanie's moist face, they crawled on her clammy feet and legs and made her jerk them weakly and cry:	Однако все ее усилия, казалось, были тщетны: стоило ей согнать мух с потного лица Мелани, как они уже ползали по ее липким от пота ногам, и ноги беспомощно дергались, и Мелани восклицала:
"Please!	- Пожалуйста!
On my feet!"	Сгони их с ног!

The room was in semigloom, for Scarlett had pulled down the shades to shut out the heat and brightness.	Скарлетт опустила жалюзи, чтобы защититься от зноя и нестерпимого сверкания солнца, и комната была погружена в полумрак.
Pin points of sunlight came in through minute holes in the shades and about the edges.	Лишь по краям жалюзи и сквозь узкие щелки в них проникали лучики света.
The room was an oven and Scarlett's sweat-drenched clothes never dried but became wetter and stickier as the hours went by.	Комната превратилась в жарко натопленную печь, и насквозь пропотевшее платье Скарлетт становилось с каждым часом все более влажным и липким.

Prissy was crouched in a corner, sweating too, and smelled so abominably Scarlett would have sent her from the room had she not feared the girl would take to her heels if once out of sight.	От Присси, скорчившейся в углу, нестерпимо разило потом, и Скарлетт давно выставила бы ее за дверь, если бы не боялась, что девчонка, выйдя из-под ее надзора, тотчас удерет.
Melanie lay on the bed on a sheet dark with perspiration and splotched with dampness where Scarlett had spilled water. She twisted endlessly, to one side, to the other, to left, to right and back again.	Мелани лежала на темных от пота и пролитой воды простынях и крутилась в постели, поворачиваясь то на правый бок, то на левый, то на спину, и снова - то туда, то сюда.

Sometimes she tried to sit up and fell back and began twisting again.	Временами она пыталась приподняться и сесть, но тотчас падала на подушки и опять начинала вертеться с боку на бок.
At first, she had tried to keep from crying out, biting her lips until they were raw, and Scarlett, whose nerves were as raw as the lips, said huskily:	Сначала она старалась не кричать и так искусала губы, что они стали кровоточить, пока наконец Скарлетт, у которой уже кровоточили нервы, не прошипела:
"Melly, for God's sake, don't try to be brave.	- Бога ради, Мелли, перестань геройствовать.
Yell if you want to.	Кричи, если хочется кричать.
There's nobody to hear you but us."	Никто же, кроме нас с тобой, не услышит.

As the afternoon wore on, Melanie moaned whether she wanted to be brave or not, and sometimes she screamed.	Послеполуденные часы ползли, и Мелани, как ни крепилась, все же начала стонать, а порой и вскрикивать.
When she did, Scarlett dropped her head into her hands and covered her ears and twisted her body and wished that she herself were dead.	Тогда Скарлетт закрывала лицо руками, затыкала уши и, покачиваясь из стороны в сторону, мечтала умереть.
Anything was preferable to being a helpless witness to such pain.	Что угодно, лишь бы не быть беспомощной свидетельницей этих мук!

Anything was better than being tied here waiting for a baby that took such a long time coming.	Что угодно, лишь бы не сидеть здесь как на привязи, ожидая, когда появится этот ребенок, который никак не хочет появляться на свет.
Waiting, when for all she knew the Yankees were actually at Five Points.	Ждать и ждать, в то время как янки скорее всего уже у Пяти Углов!
She fervently wished she had paid more attention to the whispered conversations of matrons on the subject of childbirth.	Она горько сожалела, что в свое время не прислушивалась более внимательно к словам матрон, когда они перешептывались, обсуждая чьи-нибудь роды.
If only she had!	Ах, почему она этого не делала!

If only she had been more interested in such matters she'd know whether Melanie was taking a long time or not.	Проявляй она больше интереса к таким вещам, ей было бы яснее сейчас, затянулись у Мелани роды или нет.
She had a vague memory of one of Aunt Pitty's stories of a friend who was in labor for two days and died without ever having the baby.	Ей смутно припомнился рассказ тетушки Питти о какой-то ее приятельнице, которая рожала двое суток и в конце концов умерла, так и не разрешившись от бремени.
Suppose Melanie should go on like this for two days!	Что, если у Мелани это тоже будет длиться двое суток?
But Melanie was so delicate.	Но она же такого хрупкого сложения!

She couldn't stand two days of this pain.	Ей не выдержать долго этих мук.
She'd die soon if the baby didn't hurry.	Она умрет, если ребенок не поторопится появиться на свет.
And how could she ever face Ashley, if he were still alive, and tell him that Melanie had died-after she had promised to take care of her?	И как тогда она, Скарлетт, поглядит в глаза Эшли - если, конечно, он еще жив, - как сообщит ему, что Мелани умерла, - ведь она же дала ему слово позаботиться о ней!
At first, Melanie wanted to hold Scarlett's hand when the pain was bad but she clamped down on it so hard she nearly broke the bones.	Первое время Мелани, в минуты особенно сильных схваток, держала руку Скарлетт и сжимала ее с такой силой, что хрустели суставы.

After an hour of this, Scarlett's hands were so swollen and bruised she could hardly flex them.	Через час руки Скарлетт вспухли, побагровели, и она едва могла ими по-шевелить.
She knotted two long towels together and tied them to the foot of the bed and put the knotted end in Melanie's hands.	Тогда она взяла два длинных полотенца, перекинула через изножье кровати, связала концы узлом и вложила узел в руки Мелани.

Melanie hung onto it as though it were a life line, straining, pulling it taut, slackening it, tearing it.	И Мелани вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг; она то изо всей силы тянула за полотенца, то отпускала их, то словно бы пыталась разорвать их в клочья.

Throughout the afternoon, her voice went on like an animal dying in a trap.	И кричала, как затравленный, попавший в капкан зверек, - час за часом, час за часом.
Occasionally she dropped the towel and rubbed her hands feebly and looked up at Scarlett with eyes enormous with pain.	Иногда она выпускала из рук полотенца, бессильно терла ладонь о ладонь и поднимала на Скарлетт огромные, расширенные мукой глаза.
"Talk to me.	- Поговори со мной.
Please talk to me," she whispered and Scarlett would gabble something until Melanie again gripped the knot and again began writhing.	Пожалуйста, поговори со мной, - еле слышно шептала она, и Скарлетт принималась болтать что попало, пока Мелани не начинала снова извиваться на постели, вцепившись в полотенца.

The dim room swam with heat and pain and droning flies, and time went by on such dragging feet Scarlett could scarcely remember the morning.	Сумеречная комната плавилась в зное, стонах, жужжании мух, и так томительно-тягуче ползли минуты, что Скарлетт казалось, будто утро отодвинулось куда-то в необозримую даль.
She felt as if she had been in this steaming, dark, sweating place all her life.	Будто она всю жизнь просидела здесь, в этой влажной, душной полутьме.
She wanted very much to scream every time Melanie did, and only by biting her lips so hard it infuriated her could she restrain herself and drive off hysteria.	Всякий раз, как Мелани вскрикивала, Скарлетт хотелось закричать тоже, и она так закусывала губы, что боль заставляла ее опомниться, и она цепенела на грани истерики.

Once Wade came tiptoeing up the stairs and stood outside the door, wailing.	Один раз она слышала, как Уэйд на цыпочках прокрался по лестнице наверх и остановился за дверью, хныча:
"Wade hungwy!"	- Есть хочу!
Scarlett started to go to him, but Melanie whispered:	Скарлетт направилась было к двери, но Мелани взмолилась топотом:
"Don't leave me.	- Не уходи.
Please.	Пожалуйста.
I can stand it when you're here."	Вез тебя я этого но вынесу.
So Scarlett sent Prissy down to warm up the breakfast hominy and feed him.	И Скарлетт велела Присси спуститься вниз, разогреть оставшуюся от завтрака мамалыгу и накормить ребенка.

For herself, she felt that she could never eat again after this afternoon.	Сама она, думалось ей, после сегодняшних испытаний никогда больше не сможет проглотить ни кусочка.
The clock on the mantel had stopped and she had no way of telling the time but as the heat in the room lessened and the bright pin points of light grew duller, she pulled the shade aside. She saw to her surprise that it was late afternoon and the sun, a ball of crimson, was far down the sky.	Часы на камине остановились, и Скарлетт не имела ни малейшего представления о том, который теперь был час, но когда жара в комнате начала спадать, и пробивавшиеся снаружи лучи потускнели, она подняла жалюзи и, к своему удивлению, увидела, что день уже клонится к вечеру и багровый шар солнца стоит низко над землей.

Somehow, she had imagined it would remain broiling hot noon forever.	Ей почему-то все казалось, что этому палящему полдню никогда не будет конца.
She wondered passionately what was going on downtown.	Она сгорала от желания узнать, что происходит в городе.
Had all the troops moved out yet?	Все ли войска уже оставили его?.
Had the Yankees come?	Вошли ли в город янки?
Would the Confederates march away without even a fight?	Неужели конфедераты сдадут город без боя?

Then she remembered with a sick dropping in her stomach how few Confederates there were and how many men Sherman had and how well fed they were.	И сердце ее упало, когда она подумала о том, как мало осталось конфедератов и как много солдат у Шермана, сытых солдат!
Sherman!	Шерман!
The name of Satan himself did not frighten her half so much.	Это имя нагоняло на нее такой страх, словно в этом человеке воплотился сам сатана.
But there was no time for thinking now, as Melanie called for water, for a cold towel on her head, to be fanned, to have the flies brushed away from her face.	Но времени для раздумий не было: Мелани просила пить, просила сменить мокрое полотенце на лбу, помахать на нее, отогнать мух, садившихся на лицо.

When twilight came on and Prissy, scurrying like a black wraith, lit a lamp, Melanie became weaker.	Когда совсем стемнело и Присси, черным призраком мельтешившая по комнате, зажгла лампу, Мелани начала слабеть.
She began calling for Ashley, over and over, as if in a delirium until the hideous monotony gave Scarlett a fierce desire to smother her voice with a pillow.	И призывать к себе Эшли - снова и снова призывать его, словно в бреду, пока жуткая монотонность ее призывов не породила у Скарлетт желания заткнуть ей рот подушкой.
Perhaps the doctor would come after all.	Может быть, доктор все же в конце концов придет?
If he would only come quickly!	О господи, если бы только он поскорее пришел!

Hope raising its head, she turned to Prissy, and ordered her to run quickly to the Meades' house and see if he were there or Mrs. Meade.	Снова в душе ее затеплилась надежда, и она велела Присси сбегать к Мидам, посмотреть, нет ли дома доктора или миссис Мид.
"And if he's not there, ask Mrs. Meade or Cookie what to do.	- А если доктора нет, спроси у миссис Мид или у кухарки, что нужно делать.
Beg them to come!"	Попроси кого-нибудь прийти.
Prissy was off with a clatter and Scarlett watched her hurrying down the street, going faster than she had ever dreamed the worthless child could move.	Присси с грохотом скатилась с лестницы, и Скарлетт видела в окно, как она мчится по улице с совершенно неожиданной для этой нерасторопной девчонки быстротой.

After a prolonged time she was back, alone.	Отсутствовала она довольно долго и вернулась одна.
"De doctah ain' been home all day.	- Доктора нет дома целый день.
Sont wud he mout go off wid de sojers.	Думают, может, он ушел с солдатами.
Miss Scarlett, Mist' Phil's 'ceased."	Мисс Скарлетт, мистер Фил преставился.

"Dead?"	- Умер?
"Yas'm," said Prissy, expanding with importance.	- Да, мэм. - Присси раздувалась от важности, сообщая эту весть.
"Talbot, dey coachman, tole me.	- Тальбот, ихний кучер, сказал.
He wuz shot-"	Его ранили...

"Never mind that."	- Ладно, давай по делу.
"Ah din' see Miss Meade.	- А миссис Мид я не видала.
Cookie say Miss Meade she washin' him an' fixin ter buhy him fo' de Yankees gits hyah.	Кухарка сказала, миссис Мид обмывает его и убирает, хочет похоронить, пока нет янки.
Cookie say effen de pain get too bad, jes' you put a knife unner Miss Melly's bed an' it cut de pain in two."	Кухарка сказала: если мисс Мелли будет шибко больно, надо положить нож под кровать, и нож разрежет боль пополам.
Scarlett wanted to slap her again for this helpful information but Melanie opened wide, dilated eyes and whispered:	Скарлетт едва удержалась, чтобы не закатить ей еще одну оплеуху в ответ на этот полезный совет, но тут Мелани открыла огромные, расширенные от страха глаза и прошептала:

"Dear-are the Yankees coming?"	- Дорогая... Янки подходят?
"No," said Scarlett stoutly.	- Нет, - твердо сказала Скарлетт.
"Prissy's a liar."	- Присси выдумывает.
"Yas'm, Ah sho is," Prissy agreed fervently.	- Да, мэм. Я выдумываю, - горячо подтвердила Присси.
"They're coming," whispered Melanie undeceived and buried her face in the pillow.	- Они подходят, - прошептала Мелани, не поддавшись на обман, и уткнулась лицом в подушку.
Her voice came out muffled.	Голос ее доносился теперь еле слышно.

"My poor baby. My poor baby." And, after a long interval: "Oh, Scarlett, you mustn't stay here.	- Мое несчастное дитя... Мое несчастное дитя... -И после долгого молчания она пробормотала: -Ох, Скарлетт, тебе нельзя оставаться здесь.
You must go and take Wade."	Уходи и возьми с собой Уэйда.
What Melanie said was no more than Scarlett had been thinking but hearing it put into words infuriated her, shamed her as if her secret cowardice was written plainly in her face.	Мелани лишь произнесла вслух то, о чем думала сама Скарлетт, но Скарлетт это взбесило - ей было стыдно, словно Мелани прочла трусливые мысли на ее лице.
"Don't be a goose.	- Не будь идиоткой.
I'm not afraid.	Я ничего не боюсь.

You know I won't leave you."	Ты же знаешь, что я тебя не оставлю.
"You might as well.	- И напрасно.
I'm going to die."	Все равно я умру.
And she began moaning again.	- И она снова застонала.
Scarlett came down the dark stairs slowly, like an old woman, feeling her way, clinging to the banisters lest she fall.	Медленно, словно старуха, Скарлетт спустилась ощупью по темной лестнице, цепляясь за перила, чтобы не упасть.

Her legs were leaden, trembling with fatigue and strain, and she shivered with cold from the clammy sweat that soaked her body.	Ноги у нее одеревенели и подгибались от усталости и напряжения, и ее трясло от холодного липкого пота, насквозь пропитавшего одежду.
Feebly she made her way onto the front porch and sank down on the top step.	Кое-как добралась она до веранды и опустилась на ступеньки.
She sprawled back against a pillar of the porch and with a shaking hand unbuttoned her basque halfway down her bosom.	Прислонившись спиной к столбу, она дрожащей рукой расстегнула пуговки лифа на груди.

The night was drenched in warm soft darkness and she lay staring into it, dull as an ox.	Теплая, мягкая тишина ночи обступила ее со всех сторон, и она полулежала, отупело, словно больная буйволица, глядя во мрак.
It was all over.	Все было позади.
Melanie was not dead and the small baby boy who made noises like a young kitten was receiving his first bath at Prissy's hands.	Мелани не умерла, и крошечный, попискивавший, как котенок, младенец мужского пола получил свое первое омовение из рук Присси.
Melanie was asleep.	Мелани уснула.

How could she sleep after that nightmare of screaming pain and ignorant midwifery that hurt more than it helped?	Как могла она спать после всего этого кошмара, после этих страшных криков, страданий, неумелого акушерства, больше причинявшего мук, чем приносившего пользы?
Why wasn't she dead?	Как могла она все это выдержать и не умереть?
Scarlett knew that she herself would have died under such handling.	Скарлетт ни минуты не сомневалась, что, будь она на месте Мелани, ее бы уже не было в живых.
But when it was over, Melanie had even whispered, so weakly she had to bend over her to hear:	А Мелани, когда все было кончено, даже нашла в себе силы пролепетать еле слышно, так что пришлось наклониться к самому ее лицу:

"Thank you."	"Спасибо".
And then she had gone to sleep.	И уснула.
How could she go to sleep?	Как могла она уснуть?
Scarlett forgot that she too had gone to sleep after Wade was born.	У Скарлетт совсем стерлось в памяти, что она тоже, родив Уэйда, сразу уснула.
She forgot everything.	Она вообще забыла все.

Her mind was a vacuum; the world was a vacuum; there had been no life before this endless day and there would be none hereafter- only a heavily hot night, only the sound of her hoarse tired breathing, only the sweat trickling coldly from armpit to waist, from hip to knee, clammy, sticky, chilling.	В голове у нее была странная пустота, и мир вокруг был пуст. Ничего не было прежде - до этого бесконечного дня, - и ничего не будет потом. Только тяжелый, теплый мрак ночи, только звук рвущегося из груди хриплого дыхания, только холодные, щекочущие струйки пота, сбегающие из подмышек на талию, с бедер на колени - холодящие, клейкие, липкие.

She heard her own breath pass from loud evenness to spasmodic sobbing but her eyes were dry and burning as though there would never be tears in them again.	Она почувствовала, как ее громкое ровное дыхание перешло в судорожные всхлипывания, но глаза были сухи, их жгло, и казалось, что им никогда уже не пролить ни одной слезы.

Slowly, laboriously, she heaved herself over and pulled her heavy skirts up to her thighs.	Медленно, с трудом она наклонилась и, подхватив свои пышные юбки, задрала их до самых бедер.
She was warm and cold and sticky all at the same time and the feel of the night air on her limbs was refreshing.	Ей было жарко, и свежий ночной воздух был приятен телу, хотя от холодного липкого пота ее слегка пробирала дрожь.

She thought dully what Aunt Pitty would say, if she could see her sprawled here on the front porch with her skirts up and her drawers showing, but she did not care.	Тупо промелькнула мысль: что бы сказала тетя Питти, увидев ее, лежащую здесь, на ступеньках, задрав юбки так, что все панталоны на виду? Но ей было наплевать.
She did not care about anything.	Ей было наплевать на все.
Time had stood still.	Время остановилось.
It might be just after twilight and it might be midnight.	Быть может, солнце только что село, а быть может, уже давно за полночь.
She didn't know or care.	Она не знала, ей было все равно.
She heard sounds of moving feet upstairs and thought	Она услышала звук шагов на лестнице и подумала:

"May the Lord damn Prissy," before her eyes closed and something like sleep descended upon her.	"Чтобы черт унес Присси!" - глаза у нее слипались, она погружалась в тяжкое забытье.
Then after an indeterminate dark interval, Prissy was beside her, chattering on in a pleased way.	Пролетело мгновение черного провала в сон, и до ее сознания дошло, что Присси стоит возле нее и что-то лопочет, очень довольная собой.
"We done right good, Miss Scarlett.	- Как у нас здорово все получилось, мисс Скарлетт.
Ah specs Maw couldn' a did no better."	Мамка и та, поди, не справилась бы лучше.

From the shadows, Scarlett glared at her, too tired to rail, too tired to upbraid, too tired to enumerate Prissy's offenses-her boastful assumption of experience she didn't possess, her fright, her blundering awkwardness, her utter inefficiency when the emergency was hot, the misplacing of the scissors, the spilling of the basin of water on the bed, the dropping of the new born baby. And now she bragged about how good she had been.	Скарлетт смотрела на нее из темноты и от усталости не могла ни прогнать, ни выбранить девчонку, укорить за все ее бесчисленные грехи -за глупое бахвальство своими якобы познаниями, за трусость, неумелость, неуклюжесть, за полную никчемность в решающие минуты, за опрокинутый на постель таз с водой, за засунутые куда-то ножницы, за то, что она уронила новорожденного, а теперь стоит и похваляется своими успехами.
And the Yankees wanted to free the negroes!	И янки еще хотят освободить негров!

Well, the Yankees were welcome to them.	Ну и на здоровье, берите их себе!
She lay back against the pillar in silence and Prissy, aware of her mood, tiptoed away into the darkness of the porch.	Она молча прислонилась к столбу, и Присси, почувствовав ее настроение, неслышно растворилась во мраке веранды.
After a long interval in which her breathing finally quieted and her mind steadied, Scarlett heard the sound of faint voices from up the road, the tramping of many feet coming from the north.	Текли минуты, дыхание Скарлетт стало ровнее, в голове прояснилось, и она услышала доносившиеся с северного конца улицы негромкие голоса и топот сапог.
Soldiers!	Солдаты!

She sat up slowly, pulling down her skirts, although she knew no one could see her in the darkness.	Она медленно приподнялась и оправила юбки, хотя и понимала, что никто не может увидеть ее в этой тьме.
As they came abreast the house, an indeterminate number, passing like shadows, she called to them. "Oh, please!"	Когда они - несчетная процессия теней -приблизились к дому, она окликнула их.
A shadow disengaged itself from the mass and came to the gate.	Одна тень отделилась от общей массы, подошла к калитке.
"Are you going?	- Вы уходите?
Are you leaving us?"	Вы нас покидаете?

The shadow seemed to take off a hat and a quiet voice came from the darkness.	Ей показалось, что тень сняла шляпу, и негромкий голос прозвучал из мрака:
"Yes, Ma'm. That's what we're doing.	- Да, мэм. Да, мы уходим.
We're the last of the men from the breastworks, 'bout a mile north from here."	Наш отряд последним оставил укрепления -примерно в миле к северу от города.
"Are you-is the army really retreating?"	- Значит, вы.., значит, армия в самом деле отступает?
"Yes, Ma'm. You see, the Yankees are coming."	- Да, мэм. Янки подходят.
The Yankees are coming!	Янки подходят!
She had forgotten that.	А ведь она об этом забыла!

Her throat suddenly contracted and she could say nothing more.	Спазма сдавила ей горло, и она не могла произнести больше ни слова.
The shadow moved away, merged itself with the other shadows and the feet tramped off into the darkness.	Тень удалилась, слилась с другими тенями, и стук сапог стал замирать во мраке.
"The Yankees are coming!	"Янки подходят!
The Yankees are coming!" That was what the rhythm of their feet said, that was what her suddenly bumping heart thudded out with each beat.	Янки подходят!" - выбивали дробь их шаги, громко выстукивало ее сердце.
The Yankees are coming!	Янки подходят!

"De Yankees is comin'!" bawled Prissy, shrinking close to her.	- Янки подходят! - взвизгнула Присси, сжавшись в комочек возле Скарлетт.
"Oh, Miss Scarlett, dey'll kill us all!	- Ой, мисс Скарлетт, они нас всех убьют!
Dey'll run dey baynits in our stummicks!	Выпустят кишки!
Dey'll-"	Они...
"Oh, hush!"	- Замолчи! - крикнула Скарлетт.
It was terrifying enough to think these things without hearing them put into trembling words.	Это были ее мысли - облеченные в слова, произносимые дрожащим голосом, они становились еще ужасней.
Renewed fear swept her.	Снова ею овладел страх.

What could she do?	Что же делать?

How could she escape?	Как спастись?
Where could she turn for help?	К кому броситься за помощью?
Every friend had failed her.	Все друзья покинули ее.
Suddenly she thought of Rhett Butler and calm dispelled her fears.	И тут она вспомнила про Ретта Батлера, и страх немного отступил, от сердца отлегло.
Why hadn't she thought of him this morning when she had been tearing about like a chicken with its head off?	Как это она не подумала о нем утром, когда носилась по городу, точно курица с отрезанной головой?

She hated him, but he was strong and smart and he wasn't afraid of the Yankees.	Пусть он ей ненавистен, но он сильный, ловкий и не боится янки.
And he was still in town.	И он здесь, в городе.
Of course, she was mad at him. But she could overlook such things at a time like this.	Конечно, она зла на него, он говорил совершенно непозволительные вещи, когда они виделись в последний раз, но в такую минуту, как сейчас, на это можно посмотреть сквозь пальцы.
And he had a horse and carriage, too.	А у него есть лошадь и экипаж.
Oh, why hadn't she thought of him before!	Как же это она не подумала о нем раньше!

He could take them all away from this doomed place, away from the Yankees, somewhere, anywhere.	Он может увезти их из этого обреченного города, подальше от янки, куда-нибудь, куда угодно.
She turned to Prissy and spoke with feverish urgency.	Повернувшись к Присси, она заговорила - быстро, лихорадочно, настойчиво:
"You know where Captain Butler lives-at the Atlanta Hotel?"	- Ты знаешь, где живет капитан Батлер? В гостинице "Атланта". Знаешь?
"Yas'm, but-"	- Да, мэм, только...
"Well, go there, now, as quick as you can run and tell him I want him.	- Так вот беги туда со всех ног и скажи ему, что он мне нужен.

I want him to come quickly and bring his horse and carriage or an ambulance if he can get one.	Чтобы он поскорее пригнал сюда свою лошадь с коляской или с санитарным фургоном, если сможет его раздобыть.
Tell him about the baby.	Скажи ему, что у нас новорожденный.
Tell him I want him to take us out of here.	Скажи, что я хочу, чтобы он увез нас отсюда.
Go, now.	Ступай.
Hurry!"	Быстрей.
She sat upright and gave Prissy a push to speed her feet.	Она выпрямилась и подтолкнула Присси.
"Gawdlmighty, Miss Scarlett!	- Боже милостивый! Мисс Скарлетт!
Ah's sceered ter go runnin' roun' in de dahk by mahseff!	Темнотища, боязно одной-то!

Spose de Yankees gits me?"	Ну, как янки схватят?
"If you run fast you can catch up with those soldiers and they won't let the Yankees get you.	- Беги быстрей, нагонишь этих солдат, и они не дадут тебя в обиду.

Hurry!"	Ну же, беги!
"Ah's sceered!	- Я боюсь!
Sposin' Cap'n Butler ain' at de hotel?"	А вдруг капитана там нету?
"Then ask where he is.	- Тогда спроси, где он.
Haven't you any gumption?	Неужто ты и этого сообразить не в состоянии?

If he isn't at the hotel, go to the barrooms on Decatur Street and ask for him.	Если его нет в гостинице, ступай в бар на Декейтерской, спроси там.
Go to Belle Watling's house.	Сбегай к Красотке Уотлинг, у нее поищи.
Hunt for him.	Найди его.
You fool, don't you see that if you don't hurry and find him the Yankees will surely get us all?"	Не понимаешь ты, что ли, идиотка, что мы все попадем в лапы к янки, если ты не разыщешь капитана?
"Miss Scarlett, Maw would weah me out wid a cotton stalk, did Ah go in a bahroom or a ho' house."	- Мисс Скарлетт, мамка отстегает меня стеблем хлопчатника, если я войду в бар или в дом этой шлюхи.
Scarlett pulled herself to her feet.	Скарлетт усилием воли заставила себя встать.

"Well, I'll wear you out if you don't.	- А если ты не пойдешь, я отстегаю тебя сама.
You can stand outside in the street and yell for him, can't you?	Можешь не входить в дом, покричи ему, поняла?
Or ask somebody if he's inside.	Иди спроси кого-нибудь, там капитан или нет.
Get going."	Ступай!
When Prissy still lingered, shuffling her feet and mouthing, Scarlett gave her another push which nearly sent her headlong down the front steps.	Присси все еще медлила, переминаясь с ноги на ногу и строя рожи, и Скарлетт дала ей такого пинка, что девчонка чуть не слетела с лестницы кувырком.
"You'll go or I'll sell you down the river.	- Отправляйся немедленно, или я продам тебя с торгов.

You'll never see your mother again or anybody you know and I'll sell you for a field hand too.	Ни матери, ни кого из своих больше не увидишь, будешь работать на плантации.
Hurry!"	Ну, бегом!
"Gawdlmighty, Miss Scarlett-"	- Боже милостивый! Мисс Скарлетт...
But under the determined pressure of her mistress' hand she started down the steps.	Но неумолимая рука хозяйки заставила ее спуститься по ступенькам с веранды.
The front gate clicked and Scarlett cried:	Скрипнула калитка, и Скарлетт крикнула вслед:
"Run, you goose!"	- Бегом, дурная!

She heard the patter of Prissy's feet as she broke into a trot, and then the sound died away on the soft earth.	Она услышала частый стук подошв, когда Присси припустилась рысцой, и вскоре мягкая земля поглотила эти звуки.
CHAPTER XXIII	Глава 23
After Prissy had gone, Scarlett went wearily into the downstairs hall and lit a lamp.	Отослав Присси, Скарлетт устало побрела в холл и зажгла лампу.

The house felt steamingly hot, as though it held in its walls all the heat of the noontide.	В доме стояла удушающая жара, словно весь полуденный зной остался в его стенах.
Some of her dullness was passing now and her stomach was clamoring for food.	Состояние оцепенения мало-помалу покидало Скарлетт, и у нее засосало под ложечкой от голода.

She remembered she had had nothing to eat since the night before except a spoonful of hominy, and picking up the lamp she went into the kitchen.	Она вспомнила, что не ела ничего с прошлого вечера, кроме ложки мамалыги, и, взяв лампу, прошла в кухню.
The fire in the oven had died but the room was stifling hot.	Огонь в плите погас, но от жары все еще нечем было дышать.
She found half a pone of hard corn bread in the skillet and gnawed hungrily on it while she looked about for other food.	На сковородке лежала половина черствой кукурузной лепешки, и Скарлетт, жадно вгрызаясь в нее зубами, стала шарить по кухне в поисках еще какой-нибудь еды.

There was some hominy left in the pot and she ate it with a big cooking spoon, not waiting to put it on a plate.	В горшке нашлось немного мамалыги, и Скарлетт принялась есть большой разливной ложкой прямо из горшка.
It needed salt badly but she was too hungry to hunt for it.	Мамалыга была сильно недосолена" но от голода у Скарлетт не хватило терпения поискать соли.
After four spoonfuls of it, the heat of the room was too much and, taking the lamp in one hand and a fragment of pone in the other, she went out into the hall.	Проглотив четыре ложки мамалыги, Скарлетт почувствовала, что жара душит ее, и, взяв в одну руку лампу, в другую - остатки лепешки, вернулась в холл.
She knew she should go upstairs and sit beside Melanie.	Она донимала, что нужно подняться наверх и добыть с Мелани.

If anything went wrong, Melanie would be too weak to call.	Если там что-нибудь неладно, у Мелани не хватит сил позвать.
But the idea of returning to that room where she had spent so many nightmare hours was repulsive to her.	Но, одна мысль о той комнате, где она провела эти страшные часы, приводила ее в содрогание.
Even if Melanie were dying, she couldn't go back up there.	Она не в силах была заставить себя пойти туда.
She never wanted to see that room again.	Она хотела бы никогда больше не переступать порога этой комнаты.
She set the lamp on the candle stand by the window and returned to the front porch.	Поставив лампу на консоль возле окна, она прошла на веранду.

It was so much cooler here, and even the night was drowned in soft warmth.	Здесь на нее повеяло прохладой, хотя ночь была теплой, безветренной и неподвижный ночной воздух пронизан теплом.
She sat down on the steps in the circle of faint light thrown by the lamp and continued gnawing on the corn bread.	Скарлетт опустилась на ступеньки в круге света, отбрасываемого лампой, и снова принялась грызть лепешку.
When she had finished it, a measure of strength came back to her and with the strength came again the pricking of fear.	Когда голод был утолен, силы начали понемногу возвращаться к ней, но одновременно возродился и ужалил страх.

She could hear a humming of noise far down the street, but what it portended she did not know.	Какой-то неясный гул доносился с другого конца улицы, и она не знала, что он предвещает.

She could distinguish nothing but a volume of sound that rose and fell.	Различить что-либо в этом гуле было невозможно, он просто то нарастал, то замирал.
She strained forward trying to hear and soon she found her muscles aching from the tension.	Она наклонилась вперед, прислушиваясь, и вскоре почувствовала, что мускулы у нее заныли от напряжения.
More than anything in the world she yearned to hear the sound of hooves and to see Rhett's careless, self-confident eyes laughing at her fears.	Всем своим существом она желала сейчас одного: услышать стук копыт, поймать беззаботный, самоуверенный взгляд Ретта, прочесть в нем насмешку над ее страхом.

Rhett would take them away, somewhere.	Ретт увезет их отсюда куда-нибудь.
She didn't know where.	Безразлично куда.
She didn't care.	Ей было все равно.
As she sat straining her ears toward town, a faint glow appeared above the trees.	Она сидела, прислушиваясь к звукам, долетавшим из города, и вдруг увидела, что небо над верхушками деревьев заалело.
It puzzled her.	Это ее озадачило.
She watched it and saw it grow brighter.	Зарево разгоралось у нее на глазах.

The dark sky became pink and then dull red, and suddenly above the trees, she saw a huge tongue of flame leap high to the heavens.	Из бледно-розового небо стало багровым. И вскоре огромный язык пламени взвился над деревьями.
She jumped to her feet, her heart beginning again its sickening thudding and bumping.	Скарлетт вскочила на ноги. Снова противно заныло и заколотилось сердце.
The Yankees had come!	Янки в городе!
She knew they had come and they were burning the town.	Они пришли и жгут город.
The flames seemed to be off to the east of the center of town.	Горело, по-видимому, где-то к востоку от центра.

They shot higher and higher and widened rapidly into a broad expanse of red before her terrified eyes.	Языки пламени взмывали все выше и выше, множились, захватывали все большее пространство неба перед ее испуганным взором.
A whole block must be burning.	Похоже было, что горит целый квартал.
A faint hot breeze that had sprung up bore the smell of smoke to her.	Теплое дуновение ветра повеяло ей в лицо, принеся с собой запах дыма.
She fled up the stairs to her own room and hung out the window for a better view.	Она Сбросилась наверх к себе в спальню и распахнула окно.

The sky was a hideous lurid color and great swirls of black smoke went twisting up to hand in billowy clouds above the flames.	Зловещее огненное зарево расползалось по всему небу, и огромные клубы черного дыма, крутясь, взвивались вверх, нависая над языками! пламени.
The smell of smoke was stronger now.	Запах дыма становился все ощутимее.

Her mind rushed incoherently here and there, thinking how soon the flames would spread up Peachtree Street and burn this house, how soon the Yankees would be rushing in upon her, where she would run, what she would do. All the fiends of hell seemed screaming in her ears and her brain swirled with confusion and panic so overpowering she clung to the window sill for support.	Беспорядочные мысли проносились в голове Скарлетт: как скоро может огонь перекинуться на Персиковую улицу?.. Дом сгорит.., сюда вернутся янки.., куда бежать.., что делать... Голова у нее кружилась, в ушах стоял такой гул, словно все демоны преисподней с воем слетелись в дом; все перепуталось в ее охваченном паникой мозгу, и она ухватилась за подоконник, боясь упасть.
"I must think," she told herself over and over.	"Надо собраться с мыслями, - твердила она себе снова и снова.

"I must think."	- Надо собраться с мыслями".
But thoughts eluded her, darting in and out of her mind like frightened humming birds.	Но мысли проносились как испуганные птицы и ускользали от Нее.
As she stood hanging to the sill, a deafening explosion burst on her ears, louder than any cannon she had ever heard.	Она стояла, вцепившись в подоконник, и вдруг услышала страшный взрыв, более оглушительный, чем все орудийные залпы.
The sky was rent with gigantic flame.	Огромный столб пламени взвился к небу.
Then other explosions.	Еще взрыв и еще.

The earth shook and the glass in the panes above her head shivered and came down around her.	Земля заходила ходуном, стекла в окнах лопнули, и комнату засыпало осколками.
The world became an inferno of noise and flame and trembling earth as one explosion followed another in earsplitting succession.	Взрыв следовал за взрывом, земля сотрясалась, и вокруг бушевал ад огня.
Torrents of sparks shot to the sky and descended slowly, lazily, through blood-colored clouds of smoke.	Фонтаны искр взмывали к небу и медленно, лениво оседали на землю, прорезая кроваво-красные облака дыма.

She thought she heard a feeble call from the next room but she paid it no heed.	Ей почудилось, что из соседней спальни донесся слабый стон, но она не обратила на него внимания.
She had no time for Melanie now.	Теперь ей было уже не до Мелани.
No time for anything except a fear that licked through her veins as swiftly as the flames she saw.	Ничего не существовало для нее больше - только страх, жгучий страх, пробегавший по жилам.
She was a child and mad with fright and she wanted to bury her head in her mother's lap and shut out this sight.	Она снова стала ребенком - обезумевшим от страха ребенком, которому надо уткнуться головой в колени матери и ничего не видеть, не слышать.
If she were only home!	О, если бы очутиться дома!

Home with Mother.	С мамой!
Through the nerve-shivering sounds, she heard another sound, that of fear-sped feet coming up the stairs three at a time, heard a voice yelping like a lost hound.	Среди душераздирающего грохота взрывов она внезапно уловила другие звуки - топот гонимых страхом ног, взбегающих по лестнице, и прерывистые всхлипы, похожие на лай отставшей гончей.
Prissy broke into the room and, flying to Scarlett, clutched her arm in a grip that seemed to pinch out pieces of flesh.	Присси влетела в спальню, бросилась к Скарлетт и так вцепилась ей в руку, что чуть не расцарапала кожу в кровь.

"The Yankees-" cried Scarlett.	- Янки? - вскричала Скарлетт.

"No'm, its our gempmums!" yelled Prissy between breaths, digging her nails deeper into Scarlett's arm.	- Нет, мэм, наши жент- муны! - задыхаясь, вы- крикнула Присси, еще глубже запуская ногти в руку Скарлетт.
"Dey's buhnin' de foun'ry an' de ahmy supply depots an' de wa'houses an', fo' Gawd, Miss Scarlett, dey done set off dem sebenty freight cahs of cannon balls an' gunpowder an', Jesus, we's all gwine ter buhn up!"	- Они подожгли завод, и военные склады, и те, что с продуктами, господи, мисс Скар- летт, они подожгли семьдесят вагонов с яд- рами и порохом,- и, как бог свят, мы все сгорим тоже!

She began yelping again shrilly and pinched Scarlett so hard she cried out in pain and fury and shook off her hand.	Она снова начала прерывисто всхлипывать, и ногти ее так впились в тело Скарлетт, что та вскрикнула от боли и со злостью отпихнула девчонку от себя.
The Yankees hadn't come yet!	Значит, янки еще не вошли в город!
There was still time to get away!	Значит, еще можно спастись!
She rallied her frightened forces together.	Она старалась подавить свой страх.

"If I don't get a hold on myself," she thought, "I'll be squalling like a scalded cat!" and the sight of Prissy's abject terror helped steady her.	"Если я сейчас же не возьму себя в руки, то начну визжать, как ошпаренная кошка", - сказала она себе. Зрелище животного страха, владевшего Присси, помогло ей обрести почву под ногами.
She took her by the shoulders and shook her.	Она схватила Присси за плечи и тряхнула.
"Shut up that racket and talk sense.	- Перестань выть и говори толком!
The Yankees haven't come, you fool!	Янки же еще не пришли, идиотка!
Did you see Captain Butler?	Видела ты капитана Батлера?
What did he say?	Что он сказал?
Is he coming?"	Придет он?

Prissy ceased her yelling but her teeth chattered.	Присси перестала всхлипы- вать, но зубы у нее вы- бивали дробь.
"Yas'm, ah finely foun' him.	- Да, мэм, я под конец нашла его.
In a bahroom, lak you told me.	В баре, как вы говори- ли.
He-"	Он...
"Never mind where you found him.	- Не важно, где ты его нашла.
Is he coming?	Придет он?
Did you tell him to bring his horse?"	Ты сказала ему взять лошадь?
"Lawd, Miss Scarlett, he say our gempmums done tuck his hawse an' cah'ige fer a amberlance."	- Ой, нет, мисс Скар- летт, он говорит, и ло- шадь и коляску наши жентмуны забрали в госпиталь.

"Dear God in Heaven!"	- О боже!
"But he comin'-"	- Но он придет.
"What did he say?"	- А что он сказал?
Prissy had recovered her breath and a small measure of control but her eyes still rolled.	Присси перевела дыхание и как будто немного успокоилась, но глаза ее все еще вылезали из орбит от страха.

"Well'm, lak you tole me, Ah foun' him in a bahroom.	- Я все сделала, как вы сказали, мэм: нашла его в баре.
Ah stood outside an' yell fer him an' he come out.	Постояла снаружи, покликала, он и вышел.

An' terreckly he see me an' Ah starts tell him, de sojers tech off a sto' house down Decatur Street an' it flame up an' he say Come on an' he grab me an' we runs ter Fibe Points an' he say den: What now?	Увидал меня, я стала ему говорить, а тут солдаты взорвали склад на Декейтерской, огонь сразу - во! - и он говорит: "Пошли!" - и схватил меня, и мы побежали к Пяти Углам, и там он говорит: "Ну, что еще?
Talk fas'.	Говори живо!"
An' Ah say you say, Cap'n Butler, come quick an' bring yo' hawse an' cah'ige.	А я говорю, что вы говорили, чтоб он поскорей пришел и пригнал лошадь с коляской.
Miss Melly done had a chile an' you is bustin' ter get outer town.	У мисс Мелли, говорю, ребеночек, и мисс Скарлетт хочет скорей вон из города.

An' he say: Where all she studyin' 'bout goin'?	А он говорит: "Куда это она надумала ехать?"
An' Ah say: Ah doan know, suh, but you is boun' ter go fo' de Yankees gits hyah an' wants him ter go wid you.	А я говорю: "Не знаю, сэр, только вам надо поскорей прийти, потому как янки придут, а она хочет, чтобы вы увезли ее".
An' he laugh an' say dey done tuck his hawse."	А он смеется и говорит: "А у меня забрали лошадь!"
Scarlett's heart went leaden as the last hope left her.	Сердце у Скарлетт упало: последняя надежда покидала ее.
Fool that she was, why hadn't she thought that the retreating army would naturally take every vehicle and animal left in the city?	Какая же она дура, как она не подумала о том, что отступающая армия, конечно, уведет с собой всех оставшихся в городе лошадей и заберет все повозки!

For a moment she was too stunned to hear what Prissy was saying but she pulled herself together to hear the rest of the story.	Оглушенная этой мыслью, она на какой-то миг перестала даже слышать, что говорит Присси, но тут же овладела собой.
"An' den he say, Tell Miss Scarlett ter res' easy.	- А он тогда говорит: "Скажи мисс Скарлетт -пусть не тревожится.
Ah'll steal her a hawse outer de ahmy crall effen dey's ary one lef.	Я украду для нее лошадь, пусть хоть последнюю во всей армии".
An' he say, Ah done stole hawses befo' dis night.	И еще он так сказал: "Мне не впервой красть лошадей.
Tell her Ah git her a hawse effen Ah gits shot fer it.	Скажи ей: я добуду лошадь, даже если в меня будут стрелять".

Den he laugh agin an' say, Cut an' run home.	Потом опять засмеялся и говорит: "Ну, беги домой!"
An' befo' Ah gits started Ker-bboom!	А тут опять ка-ак: бу-ум!
Off goes a noise an' Ah lak ter drap in mah tracks an' he tell me twain't nuthin' but de ammernition our gempmums blown' up so's de Yankees don't git it an'-"	И я чуть не упала на дорогу, а он говорит, не надо пугаться, это наши жентмуны жгут арт.., аре.., ну, чтоб не достались янки, и...
"He is coming?	- Так он придет?

He's going to bring a horse?"	И пригонит лошадь?
"So he say."	- Вроде так.
She drew a long breath of relief.	Скарлетт с облегчением перевела дух.

If there was any way of getting a horse, Rhett Butler would get one.	Если есть хоть малейшая возможность достать лошадь, он достанет.
A smart man, Rhett.	На то он и Ретт Батлер.
She would forgive him anything if he got them out of this mess.	И она простит ему все его прегрешения, если он вызволит ее отсюда.
Escape!	Бежать!
And with Rhett she would have no fear.	И раз с ними будет Ретт Батлер, ей нечего бояться.
Rhett would protect them.	Ретт не даст их в обиду.
Thank God for Rhett!	Благодарение небу, что есть на свете Ретт!

With safety in view she turned practical.	Забрезжившая надежда на спасение заставила ее вернуться к насущным делам.
"Wake Wade up and dress him and pack some clothes for all of us.	- Разбуди Уэйда, одень его и собери нам всем немного вещей в дорогу.
Put them in the small trunk.	Уложи все в маленький сундучок.
And don't tell Miss Mellie we're going.	И не говори мисс Мелани, что мы уезжаем.
Not yet.	Пока молчи.
But wrap the baby in a couple of thick towels and be sure and pack his clothes."	Заверни ребенка в две мохнатые простыни и не забудь уложить его пеленки.

Prissy still clung to her skirts and hardly anything showed in her eyes except the whites.	Присси все еще цеплялась за ее юбку и выкатывала белки глаз.
Scarlett gave her a shove and loosened her grip.	Скарлетт отпихнула ее, высвободила юбки.
"Hurry," she cried, and Prissy went off like a rabbit.	- Живо! - прикрикнула она, и Присси, как испуганный кролик, шмыгнула за дверь.

Scarlett knew she should go in and quiet Melanie's fear, knew Melanie must be frightened out of her senses by the thunderous noises that continued unabated and the glare that lighted the sky.	Скарлетт понимала, что надо пойти успокоить Мелани, которая, верно, сходит с ума от страха, слыша этот чудовищный непрекращающийся грохот, видя полыхающее в небе зарево.
It looked and sounded like the end of the world.	Ей, должно быть, чудится, что настал конец света.
But she could not bring herself to go back into that room just yet.	Но Скарлетт все еще не могла заставить себя переступить порог этой комнаты.

She ran down the stairs with some idea of packing up Miss Pittypat's china and the little silver she had left when she refugeed to Macon.	Она спустилась вниз и решила упаковать фарфор и кое-какое серебро, которые мисс Питтипэт не взяла с собой, уезжая в Мейкон.
But when she reached the dining room, her hands were shaking so badly she dropped three plates and shattered them.	Но у нее так дрожали руки, что в столовой она уронила на пол три тарелки, и они разбились вдребезги.

She ran out onto the porch to listen and back again to the dining room and dropped the silver clattering to the floor.	Она выбежала на веранду послушать, не едет ли Ретт, вернулась в столовую, уронила серебро, и оно со звоном рассыпалось по полу.
Everything she touched she dropped.	Она роняла все, за что бы ни взялась.
In her hurry she slipped on the rag rug and fell to the floor with a jolt but leaped up so quickly she was not even aware of the pain.	Зацепилась за лоскутный коврик и полетела на пол, но тут же вскочила, даже не почувствовав боли от ушиба.

Upstairs she could hear Prissy galloping about like a wild animal and the sound maddened her, for she was galloping just as aimlessly.	Она слышала, что Присси носится наверху по комнатам как угорелая, и это бесило ее, потому что она сама столь же бессмысленно бегала взад-вперед.
For the dozenth time, she ran out onto the porch but this time she did not go back to her futile packing.	В десятый раз выглянув на веранду, она не вернулась в столовую продолжать свое никчемное занятие, а опустилась на ступеньки.
She sat down.	Она была просто не в состоянии ничего упаковать!
It was just impossible to pack anything.	Не в состоянии ничего делать!

Impossible to do anything but sit with hammering heart and wait for Rhett.	Оставалось только сидеть и ждать появления Ретта, слыша, как отчаянно колотится сердце.
It seemed hours before he came.	Прошли, казалось, часы, а его все не было.
At last, far up the road, she heard the protesting screech of unoiled axles and the slow uncertain plodding of hooves.	Наконец на дороге послышался негодующий скрип несмазанных колес и медленный неровный топот копыт.
Why didn't he hurry?	Почему он не торопится?
Why didn't he make the horse trot?	Почему не пустит лошадь рысью?

The sounds came nearer and she leaped to her feet and called Rhett's name.	Звуки стали слышны отчетливее, и Скарлетт, вскочив на ноги, окликнула Ретта.
Then, she saw him dimly as he climbed down from the seat of a small wagon, heard the clicking of the gate as he came toward her.	Она смутно видела, как он спрыгнул на землю с небольшой повозки, слышала, как скрипнула калитка, и он появился на дорожке.
He came into view and the light of the lamp showed him plainly.	Он направился к ней, и теперь она уже хорошо видела его при свете лампы.

His dress was as debonaire as if he were going to a ball, well-tailored white linen coat and trousers, embroidered gray watered-silk waistcoat and a hint of ruffle on his shirt bosom.	Он был одет щегольски, словно собрался на бал: на нем был безукоризненного покроя белый полотняный костюм, серый муаровый, расшитый шелком жилет и в меру пышная гофрированная манишка.
His wide Panama hat was set dashingly on one side of his head and in the belt of his trousers were thrust two ivory-handled, longbarreled dueling pistols. The pockets of his coat sagged heavily with ammunition.	Широкополая шляпа была лихо сдвинута набекрень, за поясом виднелись два длинноствольных дуэльных пистолета с рукоятками, инкрустированными слоновой костью, и нечто тяжелое - видимо, патроны оттягивало карманы его сюртука.

He came up the walk with the springy stride of a savage and his fine head was carried like a pagan prince.	В его упругой кошачьей походке было что-то первобытно-дикарское, и посадкой красивой головы он походил на вождя какого-то языческого племени.
The dangers of the night which had driven Scarlett into panic had affected him like an intoxicant.	Эта страшная ночь, вогнавшая Скарлетт в панику, подействовала на него как глоток хмельного вина.
There was a carefully restrained ferocity in his dark face, a ruthlessness which would have frightened her had she the wits to see it.	В смуглом лице притаилась хорошо скрытая от глаз беспощадность, которая напугала бы Скарлетт, будь она более проницательна и умей читать, в его взгляде.

His black eyes danced as though amused by the whole affair, as though the earth-splitting sounds and the horrid glare were merely things to frighten children.	В темных глазах Ретта плясали веселые искорки, словно веет происходившее сильно его забавляло, словно адский грохот и зловещее зарево могли напугать только детишек.
She swayed toward him as he came up the steps, her face white, her green eyes burning.	Когда он поднялся на веранду, Скарлетт подалась вперед навстречу ему - зеленые глаза ее лихорадочно горели на бледном лице.

"Good evening," he said, in his drawling voice, as he removed his hat with a sweeping gesture.	- Добрый вечер, - сказал он, как всегда манерно растягивая слова, и, сняв шляпу, отвесил ей элегантный поклон.
"Fine weather we're having.	- Отличная погода, не правда ли?
I hear you're going to take a trip."	Я слышал, вы собираетесь в дорогу?
"If you make any jokes, I shall never speak to you again," she said with quivering voice.	- Если вы будете насмехаться, я не стану с вами разговаривать, - произнесла она дрожащим голосом.

"Don't tell me you are frightened!"	- Да вы, никак, напуганы? Я просто не верю своим глазам!
He pretended to be surprised and smiled in a way that made her long to push him backwards down the steep steps.	- Изобразив на лице крайнее удивление, он улыбнулся так, что Скарлетт захотелось спихнуть его с лестницы.
"Yes, I am!	- Да, я напугана!
I'm frightened to death and if you had the sense God gave a goat, you'd be frightened too.	До смерти напугана. И если бы господь и обделил вас мозгами, вы бы испугались тоже.
But we haven't got time to talk.	Но у нас нет времени для болтовни.
We must get out of here."	Надо убираться отсюда.

"At your service, Madam.	- Я к вашим услугам, мадам.
But just where were you figuring on going?	Но куда предполагаете вы направиться?
I made the trip out here for curiosity, just to see where you were intending to go.	Меня привело сюда обыкновенное любопытство -интересно было узнать, куда вы собрались?
You can't go north or east or south or west.	Вы не можете поехать ни на север, ни на юг, ни на восток, ни на запад.
The Yankees are all around.	Повсюду янки.

There's just one road out of town which the Yankees haven't got yet and the army is retreating by that road.	Только одна дорога из города ими пока еще не захвачена, и по этой дороге отступает армия.

And that road won't be open long.	Но и эта дорога недолго будет в наших руках.
General Steve Lee's cavalry is fighting a rear-guard action at Rough and Ready to hold it open long enough for the army to get away.	Кавалерия генерала Ли ведет арьергардные бои под Рафэнд-Реди, стараясь удержать дорогу до тех пор, пока вся армия не отойдет.

If you follow the army down the McDonough road, they'll take the horse away from you and, while it's not much of a horse, I did go to a lot of trouble stealing it.	Если вы последуете по этой дороге за армией, у вас тут же отберут лошадь, и хотя это животное не многого стоит, мне не так-то просто было его украсть.
Just where are you going?"	Так куда же вы направляетесь?
She stood shaking, listening to his words, hardly hearing them.	Она стойла, вся дрожа, и слушала его, но слова почти не доходили до ее сознания.
But, at his question she suddenly knew where she was going, knew that all this miserable day she had known where she was going.	Однако, когда он задал свой вопрос, что-то прояснилось у нее в голове, и она внезапно поняла, что на протяжении всего этого злосчастного дня знала, куда ей надо уехать.

The only place.	Только туда.
"I'm going home," she said.	- Я поеду домой, - сказала она.
"Home?	- Домой?
You mean to Tara?"	Вы хотите сказать - в Тару?
"Yes, yes!	- Да, да!
To Tara!	В Тару!
Oh, Rhett, we must hurry!"	О, Ретт, нам надо спешить!
He looked at her as if she had lost her mind.	Он посмотрел на нее так, словно сомневался, в своем ли она уме.
"Tara?	- В Тару?
God Almighty, Scarlett!	Бог с вами, Скарлетт!

Don't you know they fought all day at Jonesboro?	Вы что, не знаете, что под Джонсборо целый день шли бои?
Fought for ten miles up and down the road from Rough and Ready even into the streets of Jonesboro?	На пространстве в десять миль вдоль дороги, от Раф-энд-Реди вплоть до самого Джонсборо и даже на улицах, города!
The Yankees may be all over Tara by now, all over the County.	Янки, может быть, уже орудуют в Таре сейчас, а может быть, и во всем графстве.
Nobody knows where they are but they're in that neighborhood.	Достоверно никому не известно, где они, но во всяком случае, где-то там, рядом.
You can't go home!	Вам нельзя ехать домой.

You can't go right through the Yankee army!"	Вы напоретесь прямо на армию янки!
"I will go home!" she cried.	- Я хочу домой! - воскликнула она.
"I will!	- И поеду!
I will!"	Поеду!

"You little fool," and his voice was swift and rough.	- Вы просто дурочка! - решительно, грубо сказал он.
"You can't go that way.	- Не можете вы ехать в этом направлении.
Even if you didn't run into the Yankees, the woods are full of stragglers and deserters from both armies.	Если даже вы не напоретесь на янки, в лесах полно бродяг и дезертиров из обеих армий.

And lots of our troops are still retreating from Jonesboro.	И часть наших войск еще продолжает отступать от Джонсборо.
They'd take the horse away from you as quickly as the Yankees would.	Они, как и янки, не постесняются забрать у вас лошадь.
Your only chance is to follow the troops down the McDonough road and pray that they won't see you in the dark.	Вам остается только одно: ехать по следам нашей отступающей армии и молят бога, чтобы никто не заметил вас под покровом ночи.
You can't go to Tara.	А в Тару вам нельзя.
Even if you got there, you'd probably find it burned down.	Даже если вы туда доберетесь, там, скорее всего, найдете только пепелище.
I won't let you go home.	Я не позволю вам ехать домой.

It's insanity."	Это безумие.
"I will go home!" she cried and her voice broke and rose to a scream.	- Нет, я поеду домой! - закричала она, и голос ее сорвался.
"I will go home!	- Я поеду домой!
You can't stop me!	Вы не можете мне помешать!
I will go home!	Я поеду домой!
I want my mother!	Я хочу к маме!
I'll kill you if you try to stop me!	Я убью вас, если вы будете мне мешать!
I will go home!"	Я хочу домой!
Tears of fright and hysteria streamed down her face as she finally gave way under the long strain.	Страшное напряжение этих суток прорвалось наружу истерическими рыданиями, слезы ярости и страха катились по ее лицу.

She beat on his chest with her fists and screamed again:	Она замолотила кулаками по его груди, вскрикивая снова и снова:
"I will!	- Я хочу домой!
I will!	Домой!
If I have to walk every step of the way!"	Я пойду пешком! Всю дорогу!
Suddenly she was in his arms, her wet cheek against the starched ruffle of his shirt, her beating hands stilled against him.	И вдруг почувствовала себя в его объятьях -мокрая щека прижата к его крахмальной манишке, усмиренные кулаки притиснуты к его груди.
His hands caressed her tumbled hair gently, soothingly, and his voice was gentle too.	Его руки нежно, успокаивающе гладили ее растрепанные волосы, голос тоже звучал нежно.

So gentle, so quiet, so devoid of mockery, it did not seem Rhett Butler's voice at all but the voice of some kind strong stranger who smelled of brandy and tobacco and horses, comforting smells because they reminded her of Gerald.	Так мягко, так нежно, без тени насмешки, словно это был голос не Ретта Батлера, а какого-то совсем незнакомого ей большого, сильного мужчины, от которого так знакомо пахло бренди, табаком и лошадьми - совсем как от Джералда.
"There, there, darling," he said softly.	- Ну полно, полно, дорогая, - ласково говорил Ретт.
"Don't cry.	- Не плачьте.
You shall go home, my brave little girl.	Вы поедете домой, моя маленькая храбрая девочка.
You shall go home.	Вы поедете домой.
Don't cry."	Перестаньте плакать.

She felt something brush her hair and wondered vaguely through her tumult if it were his lips.	Она почувствовала какое-то легкое прикосновение к своим волосам и смятенно подумала, что, верно, он коснулся их губами.
He was so tender, so infinitely soothing, she longed to stay in his arms forever.	Она хотела бы никогда не покидать его объятий -они были так надежны, так нежны.
With such strong arms about her, surely nothing could harm her.	Под защитой этих сильных рук с ней не может приключиться никакой беды.
He fumbled in his pocket and produced a handkerchief and wiped her eyes.	Достав из кармана платок, он утирал ей слезы.

"Now, blow your nose like a good child," he ordered, a glint of a smile in his eyes, "and tell me what to do.	- Ну, а теперь высморкайтесь, как настоящая пай-девочка, - приказал он, а глаза его улыбались.- И скажите мне, что надо делать.
We must work fast."	Мешкать нельзя.
She blew her nose obediently, still trembling, but she could not think what to tell him to do.	Она послушно высморкалась, но ее все еще трясло, и она не могла собраться с мыслями.
Seeing how her lip quivered and her eyes looked up at him helplessly, he took command.	Заметив, как дрожат ее губы и какой беспомощный подняла она на него взгляд, он начал распоряжаться сам.
"Mrs. Wilkes has had her child?	- Миссис Уилкс только что разрешилась от бремени?

It will be dangerous to move her-dangerous to drive her twenty-five miles in that rickety wagon.	Брать ее с собой опасно, опасно везти двадцать пять миль в тряской повозке.
We'd better leave her with Mrs. Meade."	Лучше Оставить ее с миссис Мид.
"The Meades aren't home.	- Миды уехали.
I can't leave her."	Я не могу ее оставить.
"Very well.	- Решено.
Into the wagon she goes.	Значит - в повозку.
Where is that simple-minded little wench?"	Где эта маленькая чер-ная балбеска?
"Upstairs packing the trunk."	- Наверху, укладывает сундук.
"Trunk?	- Сундук?

You can't take any trunk in that wagon.	В эту повозку нельзя впихнуть никакой сундук.
It's almost too small to hold all of you and the wheels are ready to come off with no encouragement.	Вы и сами-то там едва поместитесь, да и колеса могут отлететь.
Call her and tell her to get the smallest feather bed in the house and put it in the wagon."	Позовите девчонку и скажите, чтобы она взяла самую маленькую пуховую перинку, какая сыщется в доме, и отнесла в повозку.
Still Scarlett could not move.	Но Скарлетт еще никак не могла найти в себе силы сдвинуться с места.

He took her arm in a strong grasp and some of the vitality which animated him seemed to flow into her body.	Ретт крепко взял ее за плечо, и ей показалось, что излучаемая им жизненная сила переливается в ее тело.
If only she could be as cool and casual as he was!	О, если бы они могла быть такой хладнокровной, такой беспечной, как он!
He propelled her into the hall but she still stood helplessly looking at him.	Он подтолкнул ее к холлу, но она не двинулась, все так же беспомощно глядя на него.
His lip went down mockingly:	Губы его насмешливо искривились:

"Can this be the heroic young woman who assured me she feared neither God nor man?"	- Где же та героическая молодая леди, которая заверяла меня, что не боится ни бога, ни черта?
He suddenly burst into laughter and dropped her arm.	Внезапно он расхохотался и выпустил ее плечо.
Stung, she glared at him, hating him.	Уязвленная, она бросила на него, ненавидящий взгляд.
"I'm not afraid," she said.	- Я не боюсь, - сказала она.
"Yes, you are.	- Боитесь, боитесь.
In another moment you'll be in a swoon and I have no smelling salts about me."	Того и гляди, упадете в обморок, а у меня нет При себе нюхательных солей.

She stamped her foot impotently because she could not think of anything else to do- and without a word picked up the lamp and started up the stairs.	Не найдясь что ответить, она от беспомощности сердито топнула ногой, молча взяла лампу и стала подниматься по лестнице.
He was close behind her and she could hear him laughing softly to himself. That sound stiffened her spine.	Он шел за ней следом, и она слышала, как он тихонько посмеивался про себя, и это заставило ее распрямить плечи.
She went into Wade's nursery and found him sitting clutched in Prissy's arms, half dressed, hiccoughing quietly.	Она прошла в детскую и увидела, что Уэйд, полуодетый, сидит скорчившись на коленях Присси и тихонько икает.
Prissy was whimpering.	А Присси скулит.

The feather tick on Wade's bed was small and she ordered Prissy to drag it down the stairs and into the wagon.	На кровати Уэйда лежала маленькая перинка, и Скарлетт велела Присси снести ее вниз и положить в повозку.
Prissy put down the child and obeyed.	Присси спустила ребенка с коленей и отправилась выполнять приказ.
Wade followed her down the stairs, his hiccoughs stilled by his interest in the proceedings.	Уэйд побрел следом за ней и, заинтересовавшись происходящим, перестал икать.

"Come," said Scarlett, turning to Melanie's door and Rhett followed her, hat in hand.	- Идемте, - сказала Скарлетт, подходя к двери спальни Мелани, и Ретт последовал за ней с шляпой в руке.

Melanie lay quietly with the sheet up to her chin.	Мелани лежала тихо, укрытая простыней до подбородка.
Her face was deathly white but her eyes, sunken and black circled, were serene.	На белом, словно неживом, лице просветленно сияли запавшие, обведенные темными кругами глаза.
She showed no surprise at the sight of Rhett in her bedroom but seemed to take it as a matter of course.	Мелани не выказала удивления, увидав входящего к ней в спальню Ретта.
She tried to smile weakly but the smile died before it reached the corners of her mouth.	Она восприняла это как должное и попыталась даже слабо улыбнуться, но улыбка угасла, едва тронув губы.
"We are going home, to Tara," Scarlett explained rapidly.	- Мы едем ко мне домой, в Тару, - быстро заговорила Скарлетт.

"The Yankees are coming.	- Янки подходят.
Rhett is going to take us.	Ретт отвезет нас.
It's the only way, Melly."	Другого выхода нет, Мелли.
Melanie tried to nod her head feebly and gestured toward the baby.	Мелани попыталась кивнуть и показала на младенца.
Scarlett picked up the small baby and wrapped him hastily in a thick towel.	Скарлетт взяла на руки крошечное тельце и завернула в мохнатую простыню.
Rhett stepped to the bed.	Ретт шагнул к постели.
"I'll try not to hurt you," he said quietly, tucking the sheet about her.	- Постараюсь не причинить вам боли, - сказал он тихо, подтыкая под нее простыню.

"See if you can put your arms around my neck."	- Сможете вы обнять меня за шею?
Melanie tried but they fell back weakly.	Мелани подняла было руки, но они бессильно упали.
He bent, slipped an arm under her shoulders and another across her knees and lifted her gently.	Ретт наклонился, просунул одну руку под плечи Мелани, другую - под колени и осторожно поднял ее.
She did not cry out but Scarlett saw her bite her lip and go even whiter.	Мелани не вскрикнула, но Скарлетт видела, как она закусила губу и еще больше помертвела.
Scarlett held the lamp high for Rhett to see and started toward the door when Melanie made a feeble gesture toward the wall.	Скарлетт высоко подняла лампу, освещая Ретту дорогу, и тут рука Мелани сделала слабое движение в направлении стены.

"What is it?" Rhett asked softly.	- В чем дело? - мягко спросил Ретт.
"Please," Melanie whispered, trying to point. "Charles."	- Пожалуйста, - прошептала Мелани, пытаясь указать на что-то, - Чарльз.
Rhett looked down at her as if he thought her delirious but Scarlett understood and was irritated.	Ретт внимательно поглядел на нее, думая, что она бредит, но Скарлетт поняла и внутренне вскипела.

She knew Melanie wanted the daguerreotype of Charles which hung on the wall below his sword and pistol.	Мелани хотела взять с собой дагерротипный портрет Чарльза, висевший на стене под его саблей и пистолетом.
"Please," Melanie whispered again, "the sword."	- Пожалуйста! - снова зашептала Мелани. - И саблю.

"Oh, all right," said Scarlett and, after she had lighted Rhett's careful way down the steps, she went back and unhooked the sword and pistol belts.	- Хорошо, хорошо, - сказала Скарлетт и, посветив Ретту, пока он осторожно спускался с лестницы, вернулась в спальню и сняла со стены саблю и портупею с пистолетом в кобуре.
It would be awkward, carrying them as well as the baby and the lamp.	Нести все это вместе с младенцем и лампой было не очень-то с руки.
That was just like Melanie, not to be at all bothered over nearly dying and having the Yankees at her heels but to worry about Charles' things.	Как похоже на Мелани: сама еле дышит, янки, того и гляди, ворвутся в город, а у нее первая забота - о вещах Чарльза!

As she took down the daguerreotype, she caught a glimpse of Charles' face.	Снимая дагерротип со стены, Скарлетт скользнула взглядом по лицу Чарльза.
His large brown eyes met hers and she stopped for a moment to look at the picture curiously.	Его большие карие глаза смотрели на нее с портрета, и она приостановилась на миг, с любопытством вглядываясь в его черты.
This man had been her husband, had lain beside her for a few nights, had given her a child with eyes as soft and brown as his.	Этот человек был ее мужем и несколько ночей делил с ней ложе, и она родила ему ребенка с таким же кротким взглядом больших карих глаз.
And she could hardly remember him.	И все же она почти не помнила его лица.

The child in her arms waved small fists and mewed softly and she looked down at him.	Младенец у нее на, руках выпростал крошечные кулачки и тихонько захныкал, и она наклонилась к нему.
For the first time, she realized that this was Ashley's baby and suddenly wished with all the strength left in her that he were her baby, hers and Ashley's.	Впервые до ее сознания дошло, что этот ребенок -сын Эшли, и внезапно со всей страстью; на какую еще было способно ее истерзанное существо, она возжелала, чтобы это был ее ребенок - ее ребенок и Эшли.
Prissy came bounding up the stairs and Scarlett handed the child to her.	Присси вприпрыжку взбежала по лестнице.

They went hastily down, the lamp throwing uncertain shadows on the wall.	Скарлетт передала ей младенца, и они стали торопливо спускаться одна за другой, а лампа отбрасывала на стену их странно колеблющиеся тени.
In the hall, Scarlett saw a bonnet and put it on hurriedly, tying the ribbons under her chin.	В холле Скарлетт увидела чепец, поспешно нахлобучила его себе на голову и завязала ленты под подбородком.
It was Melanie's black mourning bonnet and it did not fit Scarlett's head but she could not recall where she had put her own bonnet.	Этот траурный чепец Мелани был не совсем впору Скарлетт, но припомнить, где ее собственная шляпа, Скарлетт не могла.

She went out of the house and down the front steps, carrying the lamp and trying to keep the saber from banging against her legs.	Она вышла из дома, взяла лампу и спустилась с веранды, стараясь, чтобы сабля не била ее по ноге.

Melanie lay full length in the back of the wagon, and, beside her, were Wade and the towel-swathed baby.	Мелани, вытянувшись, лежала на дне повозки и рядом с ней - Уэйд и закутанный в простыню младенец.
Prissy climbed in and took the baby in her arms.	Присси забралась в повозку и взяла младенца на руки.
The wagon was very small and the boards about the sides very low.	Повозка была тесная, с низкими бортиками.

The wheels leaned inward as if their first revolution would make them come off.	Колеса как-то странно кривились внутрь, и казалось, они вот вот соскочат с осей.
She took one look at the horse and her heart sank.	Скарлетт поглядела на лошадь, и сердце ее упало.
He was a small emaciated animal and he stood with his head dispiritedly low, almost between his forelegs.	Это было жалкое, изнуренное создание. Лошадь стояла, низко свесив голову.
His back was raw with sores and harness galls and he breathed as no sound horse should.	Спина у нее была стерта упряжью в кровь, и, услышав ее дыхание, Скарлетт подумала, что ни одна здоровая лошадь так дышать не может.

"Not much of an animal, is it?" grinned Rhett.	- Не слишком шикарный выезд, да? - с усмешкой заметил Ретт.
"Looks like he'll die in the shafts.	- Как бы она не пала в оглоблях.
But he's the best I could do.	Но ничего лучшего я раздобыть не мог.
Some day I'll tell you with embellishments just where and how I stole him and how narrowly I missed getting shot.	Когда-нибудь я расскажу вам, слегка, конечно, все приукрасив, где и как я ее украл и как в меня едва не всадили пулю.
Nothing but my devotion to you would make me, at this stage of my career, turn horse thief-and thief of such a horse.	Только неизменная преданность вам могла подвигнуть меня в моем почтенном возрасте сделаться конокрадом, да к тому же польститься на эту клячу.

Let me help you in."	Позвольте помочь вам подняться в экипаж.
He took the lamp from her and set it on the ground.	Он взял у нее лампу и поставил на землю.
The front seat was only a narrow plank across the sides of the wagon.	Козлы представляли собой просто узкую доску, положенную поперек повозки.
Rhett picked Scarlett up bodily and swung her to it.	Ретт поднял Скарлетт на руки и посадил на эту доску.
How wonderful to be a man and as strong as Rhett, she thought, tucking her wide skirts about her.	Как чудесно быть мужчиной, да еще таким сильным, как Ретт, подумала Скарлетт, оправляя юбки.

With Rhett beside her, she did not fear anything, neither the fire nor the noise nor the Yankees.	Когда Ретт был рядом, она ничего не боялась: ни пожаров, ни взрывов, ни янки.
He climbed onto the seat beside her and picked up the reins.	Он взобрался на козлы рядом с ней и взял вожжи.
"Oh, wait!" she cried.	- Ох, постойте! - воскликнула она.
"I forgot to lock the front door."	- Я забыла запереть парадную дверь.

He burst into a roar of laughter and slapped the reins upon the horse's back.	Ретт расхохотался и хлестнул лошадь вожжой.
"What are you laughing at?"	- Чему вы смеетесь?

"At you-locking the Yankees out," he said and the horse started off, slowly, reluctantly.	- Смеюсь над вами - вы хотите преградить путь янки с помощью замка? - сказал он, и лошадь медленно, неохотно тронулась с места.
The lamp on the sidewalk burned on, making a tiny yellow circle of light which grew smaller and smaller as they moved away.	Оставленная лампа продолжала гореть, отбрасывая на землю желтое пятно света, которое все уменьшалось и уменьшалось по мере того, как их повозка удалялась от дома.
Rhett turned the horse's slow feet westward from Peachtree and the wobbling wagon jounced into the rutty lane with a violence that wrenched an abruptly stifled moan from Melanie.	Ретт гнал по Персиковой улице на запад свою заморенную клячу: повозку немилосердно трясло на колдобинах, и у Мелани порой вырывались сдавленные стоны.

Dark trees interlaced above their heads, dark silent houses loomed up on either side and the white palings of fences gleamed faintly like a row of tombstones.	Темные, молчаливые дома маячили где-то по обеим сторонам улицы, темные ветви деревьев сплетались над головой. Светлые столбы изгородей, словно могильные надгробья, неясно белея, выступали из темноты.
The narrow street was a dim tunnel, but faintly through the thick leafy ceiling the hideous red glow of the sky penetrated and shadows chased one another down the dark way like mad ghosts.	Узкая улица казалась уходящим во мрак тунелем, но сквозь густой лиственный шатер над головой просвечивали грозные багровые сполохи, и черные пятна теней, словно обезумевшие призраки, метались по земле.

The smell of smoke came stronger and stronger, and on the wings of the hot breeze came a pandemonium of sound from the center of town, yells, the dull rumbling of heavy army wagons and the steady tramp of marching feet.	Все явственней и явственней становился запах дыма, а с жарким дуновением ветра все слышней делались долетавшие из центра города, как из преисподней, крики, глухой грохот армейских фургонов и тяжелый топот марширующих ног.
As Rhett jerked the horse's head and turned him into another street, another deafening explosion tore the air and a monstrous skyrocket of flame and smoke shot up in the west.	Когда Ретт, натянув вожжи, свернул на другую улицу, новый оглушительный взрыв потряс воздух и чудовищный язык пламени и дыма взвился на западном краю неба.

"That must be the last of the ammunition trains," Rhett said calmly.	- Должно быть, взорвался последний вагон с боеприпасами, - спокойно произнес Ретт.
"Why didn't they get them out this morning, the fools!	- Почему они не угнали его сегодня утром, идиоты!
There was plenty of time.	Времени было предостаточно.
Well, too bad for us.	Что ж, тем хуже для нас.
I thought by circling around the center of town, we might avoid the fire and that drunken mob on Decatur Street and get through to the southwest part of town without any danger.	Я рассчитывал, отклонившись от центра города, проехать подальше от пожарищ и всего этого пьяного сброда на Декейтерской улице и, не подвергая вас опасности, выбраться из города юго-западной окраиной.

But we've got to cross Marietta Street somewhere and that explosion was near Marietta Street or I miss my guess."	Но нам так или иначе придется пересечь где-то улицу Мариетты, а, насколько я понимаю, взрыв произошел неподалеку оттуда.

"Must-must we go through the fire?" Scarlett quavered.	- Нам что же - нужно будет пробиваться сквозь огонь? - дрожащим голосом спросила Скарлетт.
"Not if we hurry," said Rhett and, springing from the wagon, he disappeared into the darkness of a yard.	- Надеюсь, нет, если поторопимся, - сказал Ретт, соскочил с повозки и скрылся в глубине какого-то двора.
When he returned he had a small limb of a tree in his hand and he laid it mercilessly across the horse's galled back.	Он вернулся оттуда с отломанной от дерева веткой, которой принялся безжалостно погонять лошадь.

The animal broke into a shambling trot, his breath panting and labored, and the wagon swayed forward with a jolt that threw them about like popcorn in a popper.	Животное припустилось неровной рысцой, хриплое дыхание с шумом вырывалось у него из ноздрей, повозку швыряло из стороны в сторону, и всех ехавших в ней подбрасывало, как кукурузные зерна на раскаленной сковороде.
The baby wailed, and Prissy and Wade cried out as they bruised themselves against the sides of the wagon.	Заплакал младенец. Присси и Уэйд заревели во всю мочь, больно стукаясь о края повозки.
But from Melanie there was no sound.	Но Мелани не издала ни звука.

As they neared Marietta Street, the trees thinned out and the tall flames roaring up above the buildings threw street and houses into a glare of light brighter than day, casting monstrous shadows that twisted as wildly as torn sails flapping in a gale on a sinking ship.	Когда они уже подъезжали к улице Мариетты, деревья поредели, и от объятых огнем зданий и бушевавшего в вышине пламени на улице стало светло, как днем, а пляшущие тени метались, словно разодранные бурей паруса тонущего корабля.
Scarlett's teeth chattered but so great was her terror she was not even aware of it.	У Скарлетт от страха зуб на зуб не попадал, но сама она этого даже не замечала.

She was cold and she shivered, even though the heat of the flames was already hot against their faces.	Ее трясло как в ознобе, хотя жар полыхал ей в лицо.
This was hell and she was in it and, if she could only have conquered her shaking knees, she would have leaped from the wagon and run screaming back the dark road they had come, back to the refuge of Miss Pittypat's house.	Ад разверзся, и если бы дрожащие ноги ей повиновались, она выскочила бы из повозки и с визгом бросилась бы обратно во мрак, обратно под спасительную крышу дома мисс Питтипэт.

She shrank closer to Rhett, took his arm in fingers that trembled and looked up at him for words, for comfort, for something reassuring.	Она теснее прижалась к Ретту, вцепилась трясущимися пальцами в его рукав и молча всматривалась в его лицо, ожидая хоть слова ободрения.
In the unholy crimson glow that bathed them, his dark profile stood out as clearly as the head on an ancient coin, beautiful, cruel and decadent.	В алых отблесках огня профиль Ретта - красивый, жесткий, насмешливый - вырисовывался четко, как на античных монетах.
At her touch he turned to her, his eyes gleaming with a light as frightening as the fire.	Когда она прижалась к нему, он обернулся, и блеск его глаз обжег ее, испугал, как вырвавшееся наружу пламя.

To Scarlett, he seemed as exhilarated and contemptuous as if he got strong pleasure from the situation, as if he welcomed the inferno they were approaching.	Скарлетт казалось, что он полон какого-то презрительного и бесшабашного ликования, словно все происходящее доставляет ему только радость и он с упоением спешит навстречу аду, к которому они с каждой минутой приближались.

"Here," he said, laying a hand on one of the long-barreled pistols in his belt. "If anyone, black or white, comes up on your side of the wagon and tries to lay hand on the horse, shoot him and we'll ask questions later.	- Держите, - сказал он, вытаскивая один из двух заткнутых у него за пояс длинноствольных пистолетов, - и если только кто-нибудь - белый ли, черный ли - приблизится с вашей стороны к повозке и попробует остановить лошадь, стреляйте в него, а разбираться будем потом.
But for God's sake, don't shoot the nag in your excitement."	Только упаси вас бог - не подстрелите при этом нашу клячу.
"I-I have a pistol," she whispered, clutching the weapon in her lap, perfectly certain that if death stared her in the face, she would be too frightened to pull the trigger.	- Я... У меня есть оружие, - прошептала Скарлетт, сжимая в руке лежавший у нее на коленях пистолет и твердо зная, что даже перед лицом смерти побоится спустить курок.

"You have?	- Есть оружие?
Where did you get it?"	Откуда вы его взяли?
"It's Charles'."	- Это Чарльза.
"Charles?"	- Чарльза?
"Yes, Charles-my husband."	- Ну да, Чарльза - моего мужа.
"Did you ever really have a husband, my dear?" he whispered and laughed softly.	- А у вас в самом деле был когда-то муж, малютка? - негромко проговорил Ретт и рассмеялся.
If he would only be serious!	Хоть бы уж он перестал смеяться!
If he would only hurry!	Хоть бы скорее увез ИХ отсюда!
"How do you suppose I got my boy?" she cried fiercely.	- А откуда же, по-вашему, у меня ребенок? - с вызовом спросила она.

"Oh, there are other ways than husbands-"	- Ну, муж - это не единственная возможность...
"Will you hush and hurry?"	- Замолчите и поезжайте быстрей!
But he drew rein abruptly, almost at Marietta Street, in the shadow of a warehouse not yet touched by the flames.	Но он внезапно натянул вожжи, почти у самой улицы Мариетты, возле стены еще не тронутого огнем склада.
"Hurry!"	- Скорей же!
It was the only word in her mind. Hurry!	- Это было единственное, о чем она могла думать:- Скорей!
Hurry!	Скорей!
"Soldiers," he said.	- Солдаты! - произнес он.

The detachment came down Marietta Street, between the burning buildings, walking at route step, tiredly, rifles held any way, heads down, too weary to hurry, too weary to care if timbers were crashing to right and left and smoke billowing about them.	Они шли по улице Мариетты, мимо пылающих зданий, шли походным строем, насмерть измученные, таща как попало винтовки, понуро опустив головы, уже не имея сил прибавить шагу, не замечая ни клубов дыма, ни рушащихся со всех сторон горящих обломков.

They were all ragged, so ragged that between officers and men there were no distinguishing insignia except here and there a torn hat brim pinned up with a wreathed "C. S. A."	Шли ободранные, в лохмотьях, неотличимые один от другого, солдаты от офицеров, - если бы у последних обтрепанные поля шляп не были пришпилены к тулье кокардой армии конфедератов.

Many were barefooted and here and there a dirty bandage wrapped a head or arm.	Многие были босы, у кого голова в бинтах, у кого рука.
They went past, looking neither to left nor right, so silent that had it not been for the steady tramp of feet they might all have been ghosts.	Они шли, не глядя по сторонам, безмолвные как привидения, и лишь топот ног по мостовой нарушал тишину.
"Take a good look at them," came Rhett's gibing voice, "so you can tell your grandchildren you saw the rear guard of the Glorious Cause in retreat."	- Поглядите на них внимательно, - услышала Скарлетт голос Ретта. - Потом будете рассказывать своим внукам, что видели арьергард Нашей Великой Армии в момент ее отступления.

Suddenly she hated him, hated him with a strength that momentarily overpowered her fear, made it seem petty and small.	Внезапно она почувствовала к нему острую ненависть - такую всепоглощающую, что на какой-то миг это чувство заглушило даже страх -жалкий, презренный страх, как показалось ей в эту минуту.
She knew her safety and that of the others in the back of the wagon depended on him and him alone, but she hated him for his sneering at those ragged ranks.	Она знала, что и ее собственная безопасность, и безопасность всех остальных - тех, кто там, у нее за спиной в этой повозке, - в его руках, и только в его, и все же она не могла не испытывать к нему ненависти за издевательские слова об этих несчастных в лохмотьях.

She thought of Charles who was dead and Ashley who might be dead and all the gay and gallant young men who were rotting in shallow graves and she forgot that she, too, had once thought them fools.	Промелькнула мысль о мертвом Чарльзе, об Эшли, который, быть может, тоже уже мертв, о всех веселых, храбрых юношах, гниющих в наспех вырытых могилах, и она забыла, что сама когда-то называла их про себя дураками.
She could not speak, but hatred and disgust burned in her eyes as she stared at him fiercely.	Она не произнесла ни слова, только в бессильном бешенстве поглядела на Ретта, и взгляд ее горел ненавистью и презрением.

As the last of the soldiers were passing, a small figure in the rear rank, his rifle butt dragging the ground, wavered, stopped and stared after the others with a dirty face so dulled by fatigue he looked like a sleepwalker.	Уже проходили последние ряды колонны, когда какая-то маленькая фигурка с волочащейся по земле винтовкой покачнулась и стала, глядя вслед уходящим. Скарлетт увидела отупевшее от усталости лицо, бессмысленное, как у лунатика.
He was as small as Scarlett, so small his rifle was almost as tall as he was, and his grime-smeared face was unbearded.	Солдат был не выше ее ростом - не больше, казалось, своей винтовки. И лицо - безусое, перепачканное грязью.

Sixteen at the most, thought Scarlett irrelevantly, must be one of the Home Guard or a runaway schoolboy.	"Лет, верно, шестнадцать, - пронеслось у Скарлетт в уме, - верно, из внутреннего охранения, а может, просто сбежавший из дому школьник".
As she watched, the boy's knees buckled slowly and he went down in the dust.	Она продолжала наблюдать за ним, и в этот миг у мальчишки подогнулись колени и он повалился ничком на землю.
Without a word, two men fell out of the last rank and walked back to him.	Двое мужчин молча вышли из последнего ряда колонны и направились к нему.

One, a tall spare man with a black beard that hung to his belt, silently handed his own rifle and that of the boy to the other.	Один - высокий, худой, с черной бородой почти до пояса - все так же молча протянул свою винтовку и винтовку упавшего другому.

Then, stooping, he jerked the boy to his shoulders with an ease that looked like sleight of hand.	Затем наклонился и с ловкостью фокусника закинул тело мальчишки себе на плечо.
He started off slowly after the retreating column, his shoulders bowed under the weight, while the boy, weak, infuriated like a child teased by its elders, screamed out:	Не спеша, чуть согнувшись под своей ношей, он зашагал следом за удалявшимся отрядом, а мальчишка яростно выкрикивал, точно рассерженный ребенок:
"Put me down, damn you!	- Отпусти меня, черт бы тебя побрал!
Put me down!	Отпусти меня!
I can walk!"	Я могу идти!

The bearded man said nothing and plodded on out of sight around the bend of the road.	Бородатый не произнес ни слова в ответ и вскоре скрылся за поворотом дороги.
Rhett sat still, the reins lax in his hands, looking after them, a curious moody look on his swarthy face.	Ретт сидел неподвижно, опустив вожжи, и глядел им вслед. Смуглое лицо его было странно задумчиво.
Then, there was a crash of falling timbers near by and Scarlett saw a thin tongue of flame lick up over the roof of the warehouse in whose sheltering shadow they sat.	Внезапно раздался треск рушащихся бревен, и узкий язык пламени взвился над кровлей склада, в тени которого стояла их повозка.

Then pennons and battle flags of flame flared triumphantly to the sky above them.	Огненные вымпелы и стяги торжествующе взвились к небу у них над головой.
Smoke burnt her nostrils and Wade and Prissy began coughing.	Дым разъедал ноздри, Уэйд и Присси раскашлялись.
The baby made soft sneezing sounds.	Младенец чуть слышно посапывал.
"Oh, name of God, Rhett!	- Боже милостивый, Ретт!
Are you crazy?	Вы что - совсем рехнулись?
Hurry!	Чего мы стоим?
Hurry!"	Гоните! Гоните же скорей!

Rhett made no reply but brought the tree limb down on the horse's back with a cruel force that made the animal leap forward.	Ретт, не отвечая, безжалостно хлестнул лошадь хворостиной, и она рванулась вперед.
With all the speed the horse could summon, they jolted and bounced across Marietta Street.	Повозка, дико раскачиваясь из стороны в сторону, опять затряслась по улице Мариетты, пересекая ее наискось.
Ahead of them was a tunnel of fire where buildings were blazing on either side of the short, narrow street that led down to the railroad tracks.	Перед ними открылся недлинный, узкий, похожий на огненное ущелье проулок, который вел к железнодорожным путям.
They plunged into it.	Все здания по обеим его сторонам горели, и повозка ринулась туда.

A glare brighter than a dozen suns dazzled their eyes, scorching heat seared their skins and the roaring, cracking and crashing beat upon their ears in painful waves.	Их обдало испепеляющим жаром, ослепило сверканием тысячи раскаленных солнц, оглушило чудовищным треском и грохотом.
For an eternity, it seemed, they were in the midst of flaming torment and then abruptly they were in semidarkness again.	Какие-то, подобные вечности, мгновения они находились в центре огненного вихря, затем внезапно их снова обступил полумрак.
As they dashed down the street and bumped over the railroad tracks, Rhett applied the whip automatically.	Когда они неслись по горящей улице и с грохотом пересекали железнодорожное полотно, Ретт молча, размеренно нахлестывал лошадь.

His face looked set and absent, as though he had forgotten where he was.	Лицо его было сосредоточенно и замкнуто, мысли, казалось, бродили где-то далеко.
His broad shoulders were hunched forward and his chin jutted out as though the thoughts in his mind were not pleasant.	И невеселые, как видно, были это мысли - так ссутулились его широкие плечи, так твердо были сжаты челюсти.
The heat of the fire made sweat stream down his forehead and cheeks but he did not wipe it off.	Жаркий пот струями стекал со лба и щек, но он его словно не замечал.

They pulled into a side street, then another, then turned and twisted from one narrow street to another until Scarlett completely lost her bearings and the roaring of the flames died behind them.	Он свернул в какую-то боковую улочку, затем в другую, и повозка так пошла колесить из одного узкого проулка в другой, что Скарлетт совершенно утратила всякое представление о том, где они находятся, а рев пожара замер уже далеко позади.
Still Rhett did not speak.	И по-прежнему Ретт не произносил ни слова.
He only laid on the whip with regularity.	Только размеренно, методично нахлестывал лошадь.

The red glow in the sky was fading now and the road became so dark, so frightening, Scarlett would have welcomed words, any words from him, even jeering, insulting words, words that cut.	Багровые сполохи огня гасли в небе, и путь беглецов уходил в такой мрак, что Скарлетт рада была бы услышать от Ретта хоть единое слово - даже насмешливое, даже язвительное, обидное.
But he did not speak.	Но он молчал.
Silent or not, she thanked Heaven for the comfort of his presence.	Ладно, пусть молчит - все равно она благословляла небо за то, что он здесь и она под его защитой.

It was so good to have a man beside her, to lean close to him and feel the hard swell of his arm and know that he stood between her and unnamable terrors, even though he merely sat there and stared.	Хорошо, когда рядом мужчина, когда можно прижаться к нему, почувствовать крепость его плеча и знать, что между нею и безмолвным ужасом, наползающим из мрака, есть он. Даже если он молчит и лишь неотрывно смотрит вперед.
"Oh, Rhett," she whispered clasping his arm,	- О, Ретт! - прошептала она, сжимая его руку.
"What would we ever have done without you?	- Что бы мы делали без вас!
I'm so glad you aren't in the army!"	Какое счастье, что вы не в армии!

He turned his head and gave her one look, a look that made her drop his arm and shrink back.	Он повернулся и посмотрел ей в глаза - посмотрел так, что она выпустила его руку и невольно отшатнулась.

There was no mockery in his eyes now.	В его взгляде не было больше насмешки.
They were naked and there was anger and something like bewilderment in them.	Только откровенная злоба и что-то похожее на растерянность.
His lip curled down and he turned his head away.	Потом презрительная усмешка искривила его рот, и он отвернулся.

For a long time they jounced along in a silence unbroken except for the faint wails of the baby and sniffles from Prissy. When she was able to bear the sniffling noise no longer, Scarlett turned and pinched her viciously, causing Prissy to scream in good earnest before she relapsed into frightened silence.	Еще долгое время они продолжали ехать в полном молчании, подскакивая на рытвинах, и лишь жалобное попискивание младенца и сопение Присси нарушали тишину, пока Скарлетт, потеряв терпение, не ущипнула служанку со всей мочи, отчего та дико взвизгнула и испуганно примолкла.
Finally Rhett turned the horse at right angles and after a while they were on a wider, smoother road.	Наконец Ретт круто свернул куда-то вправо, и вскоре они выехали на широкую, довольно ровную дорогу.

The dim shapes of houses grew farther and farther apart and unbroken woods loomed wall-like on either side.	Неясные очертания, каких-то строений стали попадаться все реже и реже, а за ними по обеим сторонам темной стеной стоял лес;
"We're out of town now," said Rhett briefly, drawing rein, "and on the main road to Rough and Ready."	- Вот мы и выбрались из города, - сухо сказал Ретт, натягивая вожжи. - Это основная дорога на Раф-энд-Реди.
"Hurry.	- Так поехали же скорей!
Don't stop!"	Не останавливайтесь!
"Let the animal breathe a bit." Then turning to her, he asked slowly: "Scarlett, are you still determined to do this crazy thing?"	- Пусть это животное немного передохнет, - сказал Ретт и, повернувшись к Скарлетт, спросил с расстановкой выговаривая слова: - Вы твердо решились на этот безумный шаг, Скарлетт?

"Do what?"	- На какой?
"Do you still want to try to get through to Tara?	- Вы по-прежнему хотите пробираться домой?
It's suicidal.	Это же самоубийство.
Steve Lee's cavalry and the Yankee Army are between you and Tara."	Между вами и Тарой находится армия янки и кавалерия Стива Ли.
Oh, Dear God!	О, великий боже!
Was he going to refuse to take her home, after all she'd gone through this terrible day?	Уж не хочет ли он теперь, после всех чудовищных испытаний, через которые она прошла, отступиться от нее и не везти домой?
"Oh, yes! Yes!	- Да, да, конечно, хочу!
Please, Rhett, let's hurry.	Ретт, умоляю, поехали скорее!

The horse isn't tired."	Лошадь не так уж устала.
"Just a minute.	- Обождите.
You can't go down to Jonesboro on this road.	Ехать по этой дороге до самого Джонсборо нельзя.
You can't follow the train tracks.	Она идет вдоль железнодорожного пути.

They've been fighting up and down there all day from Rough and Ready on south.	А за железную дорогу к югу от Раф-энд-Реди весь день сегодня шли бои.
Do you know any other roads, small wagon roads or lanes that don't go through Rough and Ready or Jonesboro?"	Вы знаете какие-нибудь другие дороги, небольшие проселки, тропы, которыми можно миновать Раф-энд-Реди и Джонсборо?

"Oh, yes," cried Scarlett in relief.	- Знаю! - обрадованно воскликнула Скарлетт.
"If we can just get near to Rough and Ready, I know a wagon trace that winds off from the main Jonesboro road and wanders around for miles.	- Не доезжая до Раф-энд-Реди есть проселок, он ответвляется от главной дороги на Джонсборо и тянется дальше на много миль.
Pa and I used to ride it.	Мы часто катались там верхом.
It comes out right near the MacIntosh place and that's only a mile from Tara."	Эта дорога выводит прямо к усадьбе Макинтошей, а оттуда всего миля до Тары.
"Good.	- Ну что ж.
Maybe you can get past Rough and Ready all right.	Может быть, вам удастся объехать Раф-энд-Реди стороной.

General Steve Lee was there during the afternoon covering the retreat.	Генерал Стив Ли целый день прикрывал там отступление.
Maybe the Yankees aren't there yet.	Возможно, янки еще и не прорвались туда.
Maybe you can get through there, if Steve Lee's men don't pick up your horse."	Может быть, вам повезет и вы проскользнете, если солдаты Ли не отберут у вас лошадь.
"I can get through?"	- Мне... Я проскользну?
"Yes, YOU."	- Да, вы.
His voice was rough.	- Голос его звучал резко.
"But Rhett-You-Aren't going to take us?"	- Но, Ретт.., а вы... Разве вы не отвезете нас?
"No.	- Нет.
I'm leaving you here."	Здесь я вас покидаю.

She looked around wildly, at the livid sky behind them, at the dark trees on either hand hemming them in like a prison wall, at the frightened figures in the back of the wagon- and finally at him.	Не веря своим ушам, она в растерянности поглядела вокруг - на сумрачное, лиловато-синее небо позади, на темные стволы деревьев, обступавшие их, словно тюремная стена, со всех сторон, на испуганные фигуры в повозке и - на него.
Had she gone crazy?	Может быть, она не в своем уме?
Was she not hearing right?	Или ослышалась?
He was grinning now.	А он теперь уже откровенно усмехался.
She could just see his white teeth in the faint light and the old mockery was back in his eyes.	Она видела, как белеют в полумраке его зубы, а в глазах блеснула привычная насмешка.

"Leaving us?	- Вы нас покидаете?
Where-where are you going?"	Куда же.., куда вы уходите?
"I am going, dear girl, with the army."	- Я ухожу вместе с армией, моя дорогая.
She sighed with relief and irritation.	Она перевела дух - с досадой, но и с облегчением.

Why did he joke at this time of all times?	Нашел время шутить!
Rhett in the army!	Ретт - в армии!

After all he'd said about stupid fools who were enticed into losing their lives by a roll of drums and brave words from orators-fools who killed themselves that wise men might make money!	Не он ли вечно насмехался над дураками, которые позволили увлечь себя барабанным боем и трескучей болтовней ораторов и сложили голову на поле боя, чтобы те, кто поумнее, могли набивать себе карманы!
"Oh, I could choke you for scaring me so!	- Так бы, кажется, и задушила вас - зачем вы меня пугаете!
Let's get on."	Ну, поехали!
"I'm not joking, my dear.	- Я вовсе не шучу, моя дорогая.
And I am hurt, Scarlett, that you do not take my gallant sacrifice with better spirit.	И я очень огорчен, Скарлетт, что вы так дурно восприняли мой героический порыв.

Where is your patriotism, your love for Our Glorious Cause?	Где же ваш патриотизм и ваша преданность нашему Доблестному Делу?
Now is your chance to tell me to return with my shield or on it.	Я даю вам возможность напутствовать меня: "Возвращайтесь со щитом или на щите!"
But, talk fast, for I want time to make a brave speech before departing for the wars."	Но поспешите, ибо я должен еще произнести небольшой, исполненный благородной отваги спич, прежде чем отбыть на поле брани.
His drawling voice gibed in her ears.	Его тягучая речь резала ей слух.
He was jeering at her and, somehow, she knew he was jeering at himself too.	Он издевается над ней! Но вместе с тем она почему-то чувствовала, что он издевается и над собой тоже.

What was he talking about?	О чем это он толкует?
Patriotism, shields, brave speeches?	Патриотизм.., со щитом или на щите.., поле брани?
It wasn't possible that he meant what he was saying.	Не всерьез же он все это говорит?

It just wasn't believable that he could talk so blithely of leaving her here on this dark road with a woman who might be dying, a new-born infant, a foolish black wench and a frightened child, leaving her to pilot them through miles of battle fields and stragglers and Yankees and fire and God knows what.	Не может же он так беспечно заявлять о том, что хочет покинуть ее здесь, на этой темной дороге, покинуть вместе с новорожденным младенцем, с женщиной, которая, быть может, вот-вот умрет, с дурой-негритянкой и насмерть перепуганным ребенком и предоставить ей самой тащить их всех по полям сражений, где кругом янки, и дезертиры, и стрельба, и бог весть что еще?
Once, when she was six years old, she had fallen from a tree, flat on her stomach.	Когда-то, шестилетней девчонкой, она однажды свалилась с дерева - упала плашмя, прямо на живот.

She could still recall that sickening interval before breath came back into her body.	Она и сейчас еще помнит это ужасное мгновение, пока к ней не возвратилась способность дышать.
Now, as she looked at Rhett, she felt the same way she had felt then, breathless, stunned, nauseated.	И вот теперь она смотрела на Ретта и вдруг ощутила то же самое: перехватило дыхание, закружилась голова.., оглушенная, она ловила воздух ртом.

"Rhett, you are joking!"	- Ретт! Вы шутите?
She grabbed his arm and felt her tears of fright splash down her wrist.	Она вцепилась в его локоть и почувствовала, как слезы капают у нее из глаз на скрюченные пальцы.
He raised her hand and kissed it arily.	Он взял ее руку и слегка прикоснулся к ней губами.

"Selfish to the end, aren't you, my dear?	- До конца верны себе в своем эгоизме, моя дорогая?
Thinking only of your own precious hide and not of the gallant Confederacy.	Все мысли только о собственной драгоценной шкуре, а не о нашей славной Конфедерации?
Think how our troops will be heartened by my eleventh-hour appearance."	Подумайте о том, как вдохновит наши доблестные войска мое внезапное появление в их рядах в последнюю решающую минуту!
There was a malicious tenderness in his voice.	- Голос его звучал вкрадчиво и ехидно.
"Oh, Rhett," she wailed, "how can you do this to me?	- О, Ретт! - всхлипнула она. - Как можете вы так поступать со мной?

Why are you leaving me?"	Почему вы покидаете меня?
"Why?" he laughed jauntily.	- Почему? - Он беспечно рассмеялся.
"Because, perhaps, of the betraying sentimentality that lurks in all of us Southerners.	- Возможно, из-за проклятой чертовой сентиментальности, которая таится в каждом из нас, южан.
Perhaps- perhaps because I am ashamed.	А возможно.., возможно, потому, что мне стыдно.
Who knows?"	Как знать!
"Ashamed?	- Стыдно?
You should die of shame.	Разумеется, вы должны сгорать со стыда!
To desert us here, alone, helpless-"	Бросить нас здесь одних, беспомощных...

"Dear Scarlett!	- Дорогая Скарлетт!
You aren't helpless.	Уж вы-то не беспомощны!
Anyone as selfish and determined as you are is never helpless.	Человек столь себялюбивый и столь решительный ни в каком положении не окажется беспомощным.
God help the Yankees if they should get you."	Я не позавидую тем янки, которые попадутся на вашем пути.
He stepped abruptly down from the wagon and, as she watched him, stunned with bewilderment, he came around to her side of the wagon.	Он соскочил на землю - Скарлетт в испуге смотрела на него онемев - и подошел к повозке с того края, где сидела она.
"Get out," he ordered.	- Слезайте! - приказал он.

She stared at him.	Она молча смотрела на него во все глаза.
He reached up roughly, caught her under the arms and swung her to the ground beside him.	Он грубо взял ее под мышки и, приподняв с козел, опустил на землю рядом с собой.
With a tight grip on her he dragged her several paces away from the wagon.	Затем решительно потянул прочь от повозки в сторону.

She felt the dust and gravel in her slippers hurting her feet.	Она чувствовала, как песок и камешки, набившиеся в туфли, больно колют ей ступни.
The still hot darkness wrapped her like a dream.	Душная тишина ночи обволакивала ее, как в тяжком сне.

"I'm not asking you to understand or forgive.	- Я не стану просить вас ни понять меня, ни простить.
I don't give a damn whether you do either, for I shall never understand or forgive myself for this idiocy.	Мне, в общем-то, безразлично, будет ли это доступно вашему пониманию, так как я сам никогда не пойму и не прощу себе этого идиотского поступка.
I am annoyed at myself to find that so much quixoticism still lingers in me.	Меня бесит мое еще не изжитое до конца донкихотство.
But our fair Southland needs every man.	Но наш прекрасный Юг нуждается сейчас в каждом мужчине.
Didn't our brave Governor Brown say just that?	Ведь кажется, именно так заявил наш отважный губернатор Браун?
Not matter.	Впрочем, это не важно.

I'm off to the wars."	Я ухожу на войну.
He laughed suddenly, a ringing, free laugh that startled the echoes in the dark woods.	- Внезапно он расхохотался - звонко, от души, разбудив эхо в глубине темного леса. -
"'I could not love thee, Dear, so much, loved I not Honour more.' That's a pat speech, isn't it?	"Тебя любить не мог бы я столь сильно, когда б превыше не любил я Честь". note 6 Очень подходящие к случаю слова, не так ли?
Certainly better than anything I can think up myself, at the present moment.	И уж конечно, лучше всего, что я мог бы придумать сам в такую, как сейчас, минуту.
For I do love you, Scarlett, in spite of what I said that night on the porch last month."	Ведь я люблю вас, Скарлетт, невзирая на то, что сказал вам когда-то ночью, месяц назад, у вас на веранде.

His drawl was caressing and his hands slid up her bare arms, warm strong hands.	В медлительной речи его звучала ласка, и его теплые, сильные руки сжали ее голые локти.
"I love you, Scarlett, because we are so much alike, renegades, both of us, dear, and selfish rascals.	- Я люблю вас, Скарлетт, потому что мы с вами такие родственные души. Мы оба отступники, моя дорогая, и низкие себялюбцы.
Neither of us cares a rap if the whole world goes to pot, so long as we are safe and comfortable."	Плевать мы хотели на все на свете - лишь бы нам самим было хорошо, а там пропади все пропадом.
His voice went on in the darkness and she heard words, but they made no sense to her.	Его голос продолжал долетать до нее из мрака, она слышала слова, но они звучали бессмысленно.

Her mind was tiredly trying to take in the harsh truth that he was leaving her here to face the Yankees alone.	Ее усталый мозг старался воспринять жестокую истину - Ретт покидает ее здесь, оставляет на произвол янки.
Her mind said:	В мозгу стучало:
"He's leaving me. He's leaving me."	"Он покидает меня: Он покидает меня".
But no emotion stirred.	Но мысль эта не пробуждала в ней никаких эмоций.

Then his arms went around her waist and shoulders and she felt the hard muscles of his thighs against her body and the buttons of his coat pressing into her breast.	А потом она почувствовала его руки вокруг своей талии, вокруг своих плеч, ощутила твердые мускулы его бедер, и пуговицы его сюртука впились ей в грудь.

A warm tide of feeling, bewildering, frightening, swept over her, carrying out of her mind the time and place and circumstances.	Жаркая тревожная волна поднялась со дна ее души, сметая все, заставляя забыть, где она и что с ней происходит.
She felt as limp as a rag doll, warm, weak and helpless, and his supporting arms were so pleasant.	Она почувствовала, что слабеет, что беспомощна, как тряпичная кукла, в его руках, а эти руки были так успокоительно надежны.
"You don't want to change your mind about what I said last month?	- Вы не хотите изменить своего решения? Помните, о чем я говорил вам месяц назад?
There's nothing like danger and death to give an added fillip.	Опасность, близость смерти - что еще может придать такую остроту ощущениям?

Be patriotic, Scarlett.	Будьте же настоящей патриоткой, Скарлетт.
Think how you would be sending a soldier to his death with beautiful memories."	Сумейте дать сладостные воспоминания вашему воину, посылая его на смерть.
He was kissing her now and his mustache tickled her mouth, kissing her with slow, hot lips that were so leisurely as though he had the whole night before him. Charles had never kissed her like this.	Он целовал ее. Она чувствовала шершавость его усов на своих губах, его поцелуй был долгим, неспешным, его горячие губы медлили, прильнув к ее губам, словно впереди у него была еще целая ночь, Чарльз никогда не целовал ее так.

Never had the kisses of the Tarleton and Calvert boys made her go hot and cold and shaky like this.	И никогда от поцелуев Тарлтонов или братьев Калвертов не творилось с ней такого: ее обдавало то жаром, то холодом, колени у нее слабели и ноги подкашивались.
He bent her body backward and his lips traveled down her throat to where the cameo fastened her basque.	Он слегка отклонил ее назад, и его губы скользнули по ее шее ниже, туда, где вырез лифа был застегнут тяжелой камеей.
"Sweet," he whispered.	- Радость моя, - шептал он.
"Sweet."	- О, моя радость!

She saw the wagon dimly in the dark and heard the treble piping of Wade's voice.	Как в тумане, возникли перед ней на мгновение неясные очертания повозки, и она услышала тоненький дрожащий голосок Уэйда:
"Muvver!	- Мама!
Wade fwightened!"	Мне страшно!
Into her swaying, darkened mind, cold sanity came back with a rush and she remembered what she had forgotten for the moment-that she was frightened too, and Rhett was leaving her, leaving her, the damned cad.	Резкий, холодный луч здравого смысла внезапно вспыхнул в ее усталом, затуманенном мозгу, и в памяти сразу воскресло то, что на какой-то миг изгладилось из сознания: ей тоже страшно, безумно страшно, а Ретт покидает ее, негодяй, подлец!

And on top of it all, he had the consummate gall to stand here in the road and insult her with his infamous proposals.	И к тому же у него еще хватает наглости, стоя здесь, посреди дороги, оскорблять ее, делать ей гнусные предложения!

Rage and hate flowed into her and stiffened her spine and with one wrench she tore herself loose from his arms.	Гнев, ненависть придали ей силы, и, резко оттолкнув его, она вырвалась из кольца объятий.

"Oh, you cad!" she cried and her mind leaped about, trying to think of worse things to call him, things she had heard Gerald call Mr. Lincoln, the MacIntoshes and balky mules, but the words would not come.	- Ох, ну и подлец же вы! - воскликнула она, в бессильном бешенстве тщетно стараясь припомнить все самые страшные ругательства, какими Джералд осыпал мистера Линкольна, или Макинтошей, или своих упрямых мулов, но никакие бранные слова не шли ей на ум.
"You low-down, cowardly, nasty, stinking thing!"	- Вы жалкий трус, мерзкое ничтожество!
And because she could not think of anything crushing enough, she drew back her arm and slapped him across the mouth with all the force she had left.	- И, не находя больше достаточно уничтожающих слов, она из последних сил ударила его с размаху по лицу, и удар пришелся по губам.

He took a step backward, his hand going to his face.	Он отступил на шаг назад и поднес к губам руку.
"Ah," he said quietly and for a moment they stood facing each other in the darkness.	- Вот как, - проговорил он, и с минуту они молча стояли в темноте, глядя друг на друга.
Scarlett could hear his heavy breathing, and her own breath came in gasps as if she had been running hard.	Скарлетт слышала его тяжелое дыхание и свое -такое учащенное, словно она бежала бегом.
"They were right!	- Правду говорили про вас!
Everybody was right!	Все говорили правду!
You aren't a gentleman!"	Вы - не джентльмен!

"My dear girl," he said, "how inadequate."	- Слабо, моя дорогая, - произнес он, - очень слабо.
She knew he was laughing and the thought goaded her.	Она понимала, что он снова смеется над ней, и эта мысль еще подхлестнула ее.
"Go on!	- Ступайте прочь!
Go on now!	Прочь от меня!
I want you to hurry.	Уходите, слышите?
I don't want to ever see you again.	Я не желаю вас больше видеть.
I hope a cannon ball lands right on you.	Никогда.
I hope it blows you to a million pieces.	Я буду счастлива, если вас разорвет снарядом! На тысячи кусков!
I-"	Я...

"Never mind the rest.	- Не утруждайте себя подробностями.
I follow your general idea.	Основная мысль ваша мне ясна.
When I'm dead on the altar of my country, I hope your conscience hurts you."	Когда я сложу голову на алтарь отечества, вам, боюсь, придется испытать легкий укол совести.
She heard him laugh as he turned away and walked back toward the wagon.	Он снова рассмеялся, повернулся и зашагал обратно к повозке.
She saw him stand beside it, heard him speak and his voice was changed, courteous and respectful as it always was when he spoke to Melanie.	Там он остановился, и она слышала, как изменился его голос, когда он, как всегда почтительно и учтиво, обратился к Мелани:

"Mrs. Wilkes?"	- Миссис Уилкс!

Prissy's frightened voice made answer from the wagon.	Послышался испуганный лепет Присси:
"Gawdlmighty, Cap'n Butler!	- Господи боже, капитан Батлер!
Miss Melly done fainted away back yonder."	Мисс Мелли вот уж сколько лежит вся помертвелая!
"She's not dead?	- Она жива?
Is she breathing?"	Дышит?
"Yassuh, she breathin'."	- Да, сэр. Дышать-то дышит.
"Then she's probably better off as she is.	- Так даже лучше для нее.

If she were conscious, I doubt if she could live through all the pain.	Приди она в сознание, ей труднее было бы переносить боль.
Take good care of her, Prissy.	А ты получше позаботься о ней, Присси.
Here's a shinplaster for you.	Вот, возьми себе эту маленькую монетку.
Try not to be a bigger fool than you are."	И если можешь, старайся не быть большей дурой, чем ты есть на самом деле.
"Yassuh.	- Да, сэр.
Thankee suh."	Спасибо, сэр.
"Good-by, Scarlett."	- Прощайте, Скарлетт.
She knew he had turned and was facing her but she did not speak.	Она знала, что он обернулся и смотрит на нее, но не проронила ни слова.

Hate choked all utterance.	Ненависть сковала ей язык.
His feet ground on the pebbles of the road and for a moment she saw his big shoulders looming up in the dark.	Послышался хруст камешков под его ногами, и на мгновение в полутьме проглянули очертания его широких плеч.
Then he was gone.	И вот он скрылся из глаз.
She could hear the sound of his feet for a while and then they died away.	Какое-то время до нее еще долетал звук его шагов. Затем и шаги замерли вдали.
She came slowly back to the wagon, her knees shaking.	Она медленно побрела назад к повозке. Колени у нее подгибались.

Why had he gone, stepping off into the dark, into the war, into a Cause that was lost, into a world that was mad?	Почему он ушел, скрылся во мраке, ушел на войну, которая уже проиграна, ушел туда, где царят безумие и хаос?
Why had he gone, Rhett who loved the pleasures of women and liquor, the comfort of good food and soft beds, the feel of fine linen and good leather, who hated the South and jeered at the fools who fought for it?	Почему он ушел, он, Ретт, так любивший наслаждения, женщин, вино, добрую еду и мягкую постель, тонкое белье и щегольскую обувь? Он, презиравший Юг и всех идиотов, которые за него сражались?

Now he had set his varnished boots upon a bitter road where hunger tramped with tireless stride and wounds and weariness and heartbreak ran like yelping wolves.	И вот теперь он сам избрал этот путь, чтобы шагать в своих надраенных сапогах по дорогам голода, ран, изнурительных переходов и опасностей, подстерегающих солдата на каждом шагу, как лязгающие зубами волки.

And the end of the road was death.	А в конце этого пути стояла смерть.
He need not have gone.	Он не должен был никуда уходить.
He was safe, rich, comfortable.	Он богат, мог жить в довольстве, ничто ему не угрожало.

But he had gone, leaving her alone in a night as black as blindness, with the Yankee Army between her and home.	Но он ушел и оставил ее одну в этой черной, слепой ночи, с притаившимися где-то янки, одну, вдали от дома.
Now she remembered all the bad names she had wanted to call him but it was too late.	Теперь ей сразу пришли на память все те бранные слова, которые она хотела бросить ему в лицо, но было уже поздно.
She leaned her head against the bowed neck of the horse and cried.	Она прислонилась головой к шее лошади и заплакала.
CHAPTER XXIV	Глава 24

The bright glare of morning sunlight streaming through the trees overhead awakened Scarlett.	Яркий свет солнечных лучей, пробившихся сквозь листву, разбудил Скарлетт.
For a moment, stiffened by the cramped position in which she had slept, she could not remember where she was.	От неудобного положения, в котором ее сморил сон, тело у нее занемело, и она не сразу припомнила, что с ней произошло.
The sun blinded her, the hard boards of the wagon under her were harsh against her body, and a heavy weight lay across her legs.	Солнце слепило глаза, спину ломило от лежания на твердых досках, ноги придавливала какая-то тяжесть.

She tried to sit up and discovered that the weight was Wade who lay sleeping with his head pillowed on her knees.	Она попыталась сесть и поняла, что эта тяжесть -голова Уэйда, покоящаяся у нее на коленях.
Melanie's bare feet were almost in her face and, under the wagon seat, Prissy was curled up like a black cat with the small baby wedged in between her and Wade.	Босые ноги Мелани почти касались ее лица, Присси, похожая на черную кошку, свернулась клубочком на дне повозки, уместив младенца между собой и Уэйдом.
Then she remembered everything.	И тут Скарлетт вспомнила все.
She popped up to a sitting position and looked hastily all around.	Она выпрямилась, села и торопливо осмотрелась вокруг.

Thank God, no Yankees in sight!	Слава богу, янки нигде не было видно!
Their hiding place had not been discovered in the night.	И за эту ночь никто не обнаружил их повозки.

It all came back to her now, the nightmare journey after Rhett's footsteps died away, the endless night, the black road full of ruts and boulders along which they jolted, the deep gullies on either side into which the wagon slipped, the fear-crazed strength with which she and Prissy had pushed the wheels out of the gullies.	Теперь перед ней уже отчетливо встал весь этот страшный, похожий на чудовищный кошмар путь, проделанный ими после того, как шаги Ретта замерли вдали, - вся эта бесконечная ночь, черный проселок, рытвины, разбитые колеи, камни, глубокие канавы по сторонам дороги, куда порой съезжала повозка, и как она и Присси, гонимые страхом, из последних сил тянули за колеса, толкали повозку, помогая лошади выбриться на дорогу.

She recalled with a shudder how often she had driven the unwilling horse into fields and woods when she heard soldiers approaching, not knowing if they were friends or foes-recalled, too, her anguish lest a cough, a sneeze or Wade's hiccoughing might betray them to the marching men.	Вспомнилось, как, заслышав приближающихся солдат, дрожа от страха, не зная, кто они, эти идущие мимо, - друзья или враги, сгоняла она упиравшуюся лошадь с дороги в поле или в лес, как замирала от ужаса при мысли, что чей-нибудь кашель, чиханье или икота Уэйда могут их выдать.

Oh, that dark road where men went by like ghosts, voices stilled, only the muffled tramping of feet on soft dirt, the faint clicking of bridles and the straining creak of leather!	О, эта черная дорога, по которой, словно привидения, двигались безмолвные тени, нарушая тишину лишь негромким стуком сапог по земле, позвякиванием уздечек, поскрипыванием сбруи!
And, oh, that dreadful moment when the sick horse balked and cavalry and light cannon rumbled past in the darkness, past where they sat breathless, so close she could almost reach out and touch them, so close she could smell the stale sweat on the soldiers' bodies!	О, это страшное мгновение, когда измученная кляча внезапно заартачилась и стала, и мимо них по дороге прошел конный отряд, таща за собой легкие орудия, - прошел так близко, что ей казалось, - стоит протянуть руку, и она коснется их! Так близко, что она слышала едкий запах потных солдатских тел!

When, at last, they had neared Rough and Ready, a few camp fires were gleaming where the last of Steve Lee's rear guard was awaiting orders to fall back.	Когда они добрались наконец до Раф-энд-Реди, впереди - там, где последний заслон генерала Ли стоял в ожидании приказа к отступлению, -замелькали редкие бивачные огни.
She had circled through a plowed field for a mile until the light of the fires died out behind her.	С милю Скарлетт гнала лошадь прямо по пашне, огибая расположение войск, пока огни лагеря не скрылись из глаз, оставшись позади.
And then she had lost her way in the darkness and sobbed when she could not find the little wagon path she knew so well.	И тут она окончательно заплуталась в темноте и долго плакала, потому что ей никак не удавалось выехать на узкий, так хорошо знакомый проселок.

Then finally having found it, the horse sank in the traces and refused to move, refused to rise even when she and Prissy tugged at the bridle.	А когда она все же нашла его, лошадь упала в упряжи и не пожелала сделать больше ни шагу, не пожелала подняться, сколько они с Присси ни пихали ее и ни тянули под уздцы.
So she had unharnessed him and crawled, sodden with fatigue, into the back of the wagon and stretched her aching legs.	Тогда Скарлетт распрягла лошадь, забралась, взмокшая от пота, в глубину повозки и вытянула гудевшие от усталости ноги.
She had a faint memory of Melanie's voice before sleep clamped down her eyelids, a weak voice that apologized even as it begged:	Ей смутно припомнилось, что, когда у нее уже слипались глаза, до нее долетел голос Мелани - чуть слышный шепот, в котором были и мольба и смущение:

"Scarlett, can I have some water, please?"	- Скарлетт, можно мне глоточек воды?
She had said:	Пожалуйста!
"There isn't any," and gone to sleep before the words were out of her mouth.	- Воды нет... - пробормотала она и уснула, не договорив.
Now it was morning and the world was still and serene and green and gold with dappled sunshine.	А теперь было утро, и мир вокруг был торжественно тих - зеленый, золотой от солнечных бликов в листве.
And no soldiers in sight anywhere.	И поблизости никаких солдат.

She was hungry and dry with thirst, aching and cramped and filled with wonder that she, Scarlett O'Hara, who could never rest well except between linen sheets and on the softest of feather beds, had slept like a field hand on hard planks.	Г орло у нее пересохло от жажды, ее мучил голод, занемевшие ноги сводила судорога, все тело ныло, и ей просто не верилось, что это она, Скарлетт О'Хара, привыкшая спать только на льняных простынях и пуховых перинах, могла уснуть, как черная рабыня, на голых досках.
Blinking in the sunlight, her eyes fell on Melanie and she gasped, horrified.	Щурясь от солнца, она поглядела на Мелани и испуганно ахнула.
Melanie lay so still and white Scarlett thought she must be dead.	Мелани лежала так неподвижно и была так бледна, что показалась Скарлетт мертвой.

She looked dead.	Никаких признаков жизни.
She looked like a dead, old woman with her ravaged face and her dark hair snarled and tangled across it. Then Scarlett saw with relief the faint rise and fall of her shallow breathing and knew that Melanie had survived the night.	Лежала мертвая старая женщина с изнуренным лицом, полускрытым за спутанными прядями черных волос... Но вот Скарлетт уловила чуть заметный шелест дыхания и поняла, что Мелани удилось пережить эту ночь.
Scarlett shaded her eyes with her hand and looked about her.	Прикрываясь рукой от солнца, Скарлетт поглядела по сторонам.

They had evidently spent the night under the trees in someone's front yard, for a sand and gravel driveway stretched out before her, winding away under an avenue of cedars.	По-видимому, они провели ночь в саду под деревьями чьей-то усадьбы, так как впереди, извиваясь между двумя рядами кедров, убегала вдаль посыпанная песком и галькой подъездная аллея.
"Why, it's the Mallory place!" she thought, her heart leaping with gladness at the thought of friends and help.	"Да ведь это же усадьба Мэллори!" - подумала вдруг Скарлетт, и сердце у нее подпрыгнуло от радости при мысли, что она у друзей и получит помощь.
But a stillness as of death hung over the plantation.	Но мертвая тишина царила вокруг.

The shrubs and grass of the lawn were cut to pieces where hooves and wheels and feet had torn frantically back and forth until the soil was churned up.	Цветущие кусты и трава газона - все было истоптано, истерзано, выворочено из земли колесами, копытами лошадей, ногами людей.
She looked toward the house and instead of the old white clapboard place she knew so well, she saw there only a long rectangle of blackened granite foundation stones and two tall chimneys rearing smoke-stained bricks into the charred leaves of still trees.	Скарлетт поглядела туда, где стоял такой знакомый, светлый, обшитый тесом дом, и увидела длинный прямоугольник почерневшего гранитного фундамента и две высокие печные трубы, проглянувшие сквозь пожухлую, обугленную листву деревьев.

She drew a deep shuddering breath.	Вся дрожа, она с трудом перевела дыхание.
Would she find Tara like this, level with the ground, silent as the dead?	А что, если такой же - безмолвной, мертвой -найдет она и Тару, - что, если и ее сровняли с землей?
"I mustn't think about that now," she told herself hurriedly.	"Я не буду думать об этом сейчас, - поспешно сказала она себе.
"I mustn't let myself think about it.	- Я не должна об этом думать.
I'll get scared again if I think about it."	Не то опять сойду с ума от страха".
But, in spite of herself, her heart quickened and each beat seemed to thunder:	Но независимо от ее воли, сердце мучительно колотилось, и каждый удар звучал как набат:

"Home!	"Домой!
Hurry!	Скорей!
Home!	Домой!
Hurry!"	Скорей!"
They must be starting on toward home again.	Надо ехать дальше - до- мой.
But first they must find some food and water, especially water.	Но прежде надо най- ти чего-нибудь поесть и хоть глоток воды - в первую очередь воды.
She prodded Prissy awake.	Она растолкала Присси.
Prissy rolled her eyes as she looked about her.	Та, выпучив глаза, огля- дывалась по сторонам.

"Fo' Gawd, Miss Scarlett, Ah din' spec ter wake up agin 'cept in de Promise Lan'."	- Господи боже, мисс Скарлетт! Я уж думала, что проснусь на том свете!
"You're a long way from there," said Scarlett, trying to smooth back her untidy hair.	- Ты туда еще не скоро попадешь, - сказала Скарлетт, пытаясь кое-как пригладить растрепавшиеся волосы.
Her face was damp and her body was already wet with sweat.	И лицо, и все тело у нее были еще влажными от пота.
She felt dirty and messy and sticky, almost as if she smelled bad.	Она казалась себе невыносимо грязной, липкой, неприбранной, ей даже почудилось, что от нее дурно пахнет.

Her clothes were crushed and wrinkled from sleeping in them and she had never felt more acutely tired and sore in all her life.	За ночь платье невообразимо измялось, и никогда еще не чувствовала она себя такой усталой и разбитой.
Muscles she did not know she possessed ached from her unaccustomed exertions of the night before and every movement brought sharp pain.	От неистового напряжения этой ночи болели даже такие мускулы, о существовании которых она и не подозревала, и каждое движение причиняло страдания.
She looked down at Melanie and saw that her dark eyes were opened.	Скарлетт поглядела на Мелани и увидела, что она открыла глаза.

They were sick eyes, fever bright, and dark baggy circles were beneath them.	Совсем больные глаза, отекшие, обведенные темными кругами, пугающие своим лихорадочным блеском.
She opened cracking lips and whispered appealingly:	Растрескавшиеся губы дрогнули, послышался молящий шепот:
"Water."	- Пить!
"Get up, Prissy," ordered Scarlett.	- Вставай, Присси! - сказала Скарлетт.
"We'll go to the well and get some water."	- Пойдем к колодцу, достанем воды.
"But, Miss Scarlett! Dey mout be hants up dar. Sposin' somebody daid up dar?"	- Мисс Скарлетт, как же мы... Может, там мертвяки, а может, духи убитых!..

"I'll make a hant out of you if you don't get out of this wagon," said Scarlett, who was in no mood for argument, as she climbed lamely down to the ground.	- Я из тебя самой вышибу дух, если ты тотчас не вылезешь из повозки, - сказала Скарлетт, отнюдь не расположенная к пререканиям, и сама кое-как, с трудом спустилась на землю.
And then she thought of the horse.	И только тут она вспомнила про лошадь.

Name of God!	Боже правый, а что, если эта кляча за ночь пала?
Suppose the horse had died in the night!	Когда ее распрягали, было похоже, что ей пришел конец.
He had seemed ready to die when she unharnessed him.	Скарлетт бросилась к передку повозки и увидела лежавшую на боку лошадь.

She ran around the wagon and saw him lying on his side. If he were dead, she would curse God and die too.	Если лошадь сдохла, она сама умрет тут же на месте, послав небесам свое проклятие!
Somebody in the Bible had done just that thing.	Кто-то там, в Библии, уже поступил однажды точно так же.
Cursed God and died.	Проклял бога и умер.
She knew just how that person felt.	Сейчас она понимала, что, должно быть, чувствовал тот человек.
But the horse was alive- breathing heavily, sick eyes half closed, but alive.	Но лошадь была жива - она дышала тяжело, полузакрытые глаза слезились, но она еще жила.
Well, some water would help him too.	Ладно, глоток воды придаст ей сил.

Prissy climbed reluctantly from the wagon with many groans and timorously followed Scarlett up the avenue.	Присси с большой неохотой и громкими стонами выбралась из повозки и, боязливо озираясь, поплелась следом за Скарлетт но аллее.
Behind the ruins the row of whitewashed slave quarters stood silent and deserted under the overhanging trees.	Беленные известкой хижины рабов - молчаливые, опустевшие - стояли в тени деревьев позади пепелища.
Between the quarters and the smoked stone foundations, they found the well, and the roof of it still stood with the bucket far down the well.	Г де-то между этими хижинами и еще дымившимся фундаментом дома нашелся колодец - и даже с уцелевшей крышей, и на веревке висело спущенное вниз ведро.

Between them, they wound up the rope, and when the bucket of cool sparkling water appeared out of the dark depths, Scarlett tilted it to her lips and drank with loud sucking noises, spilling the water all over herself.	С помощью Присси Скарлетт вытянула ведро из колодца, и, когда из темной глуби показалась прохладная, поблескивавшая на солнце вода, она наклонила ведерко, прильнула к краю губами и шумно, захлебываясь, принялась глотать воду, проливая ее на себя.
She drank until Prissy's petulant:	Она пила и пила, пока не услышала жалобно-ворчливый голос Присси:
"Well, Ah's thusty, too, Miss Scarlett," made her recall the needs of the others.	- Мне тоже хотца попить, мисс Скарлетт! Это заставило Скарлетт очнуться и вспомнить, что она здесь не одна.

"Untie the knot and take the bucket to the wagon and give them some.	- Отвяжи веревку, отнеси ведро в повозку и напои всех.
And give the rest to the horse.	Остальное отдай лошади.
Don't you think Miss Melanie ought to nurse the baby?	Как ты думаешь, мисс Мелани может покормить младенца?
He'll starve."	Он же умрет с голоду.
"Law, Miss Scarlett, Miss Melly ain' got no milk-ain' gwine have none."	- Г осподи, мисс Скарлетт, да у мисс Мелли нет же молока. Да у нее и не будет.

"How do you know?"	- Откуда ты знаешь?
"Ah's seed too many lak her."	- Я много повидала таких, как она.

"Don't go putting on any airs with me.	- Не морочь мне голову!
A precious little you knew about babies yesterday.	Много ты понимала вчера, когда надо было принимать ребенка!
Hurry now.	Ладно, беги!
I'm going to try to find something to eat."	Я попробую найти чего-нибудь поесть.
Scarlett's search was futile until in the orchard she found a few apples.	Поиски Скарлетт долго оставались безуспешными, пока, наконец, в фруктовом саду она не обнаружила немного яблок.
Soldiers had been there before her and there was none on the trees. Those she found on the ground were mostly rotten.	Солдаты побывали здесь раньше нее, и на деревьях яблок не было, но она подобрала несколько полусгнивших - в траве.

She filled her skirt with the best of them and came back across the soft earth, collecting small pebbles in her slippers.	Выбрав те, что получше, она сложила их в подол и побрела обратно по мягкой земле, чувствуя, как мелкие камешки набираются в ее легкие туфли.
Why hadn't she thought of putting on stouter shoes last night?	Как это не подумала она вчера надеть какие-нибудь башмаки покрепче?
Why hadn't she brought her sun hat?	Почему не взяла свою шляпу от солнца?
Why hadn't she brought something to eat?	Не захватила какой-нибудь еды в дорогу?
She'd acted like a fool.	Она вела себя как круглая, идиотка.

But, of course, she'd thought Rhett would take care of them.	Впрочем, она же думала, что Ретт, конечно, позаботится обо всем.
Rhett!	Ретт!
She spat on the ground, for the very name tasted bad.	Она ожесточенно сплюнула на землю, словно само это имя оставляло мерзкий привкус во рту.
How she hated him!	Как она ненавидит его!
How contemptible he had been!	Как гнусно он с ней поступил!
And she had stood there in the road and let him kiss her-and almost liked it.	А она еще стояла там, на дороге, и позволяла ему целовать себя, и ей это даже нравилось!
She had been crazy last night.	Должно быть, она потеряла рассудок тогда, ночью.
How despicable he was!	Но какой же он низкий, презренный человек!

When she came back, she divided up the apples and threw the rest into the back of the wagon.	Она вернулась к повозке, оделила всех яблоками, а оставшиеся бросила в повозку.
The horse was on his feet now but the water did not seem to have refreshed him much.	Лошадь поднялась на ноги, но вода, казалось, не особенно освежила ее.
He looked far worse in the daylight than he had the night before.	Теперь, при свете дня, вид у лошади был ужасней, чем ночью.
His hip bones stood out like an old cow's, his ribs showed like a washboard and his back was a mass of sores.	Кости крупа выпирали, как у старой коровы, ребра напоминали стиральную доску, а на спине не было живого, неисхлестанного места.

She shrank from touching him as she harnessed him. When she slipped the bit into his mouth, she saw that he was practically toothless.	Впрягая лошадь в повозку, Скарлетт с трудом заставляла себя прикасаться к этой кляче, а надевая удила, заметила, что у лошади попросту не осталось ни единого зуба.
As old as the hills!	Да она стара, как эти холмы!
While Rhett was stealing a horse, why couldn't he have stolen a good one?	Раз уж Ретт взялся красть, так мог бы украсть что-нибудь и получше!
She mounted the seat and brought down the hickory limb on his back.	Она взобралась на сиденье и хлестнула лошадь веткой гикори.

He wheezed and started, but he walked so slowly as she turned him into the road she knew she could walk faster herself with no effort whatever.	Кляча засопела, захрипела и тронулась с места, но, свернув на знакомый проселок, Скарлетт увидела, что без особого труда быстрее дошла бы пешком - так медленно двигалось это животное.
Oh, if only she didn't have Melanie and Wade and the baby and Prissy to bother with!	Ах, если бы все они - и Мелани, и Уэйд, и младенец, и Присси - не висели у нее на шее!
How swiftly she could walk home!	Она бы мигом добралась домой.
Why, she would run home, run every step of the way that would bring her closer to Tara and to Mother.	Да, она бы побежала бегом, бегом всю дорогу -домой, к маме!

They couldn't be more than fifteen miles from home, but at the rate this old nag traveled it would take all day, for she would have to stop frequently to rest him.	До дома оставалось не больше пятнадцати миль, но старая кляча тащилась так медленно и ей так часто приходилось давать отдых, что на это путешествие у них мог уйти целый день.
All day!	Еще целый день!
She looked down the glaring red road, cut in deep ruts where cannon wheels and ambulances had gone over it.	Скарлетт смотрела на слепящую глаза красную ленту дороги, изрезанную глубокими колеями, оставленными колесами орудий и санитарных фургонов.
It would be hours before she knew if Tara still stood and if Ellen were there.	Пройдет еще не один час, прежде чем она увидит своими глазами, что Тара по-прежнему стоит на месте и Эллин там.

It would be hours before she finished her journey under the broiling September sun.	Еще не один час тряслись им под палящим сентябрьским солнцем.
She looked back at Melanie who lay with sick eyes closed against the sun and jerked loose the strings of her bonnet and tossed it to Prissy.	Она снова бросила взгляд на Мелани - та лежала, опустив опухшие веки, жмурясь от солнца. Скарлетт дернула за ленты чепца, распустила узел под подбородком и кинула чепец Присси.
"Put that over her face.	- Накрой мисс Мелани лицо.
It'll keep the sun out of her eyes."	Солнце бьет ей прямо в глаза.

Then as the heat beat down upon her unprotected head, she thought:	- Но, сняв чепец, она тотчас почувствовала, как ей припекает голову, и подумала:
"I'll be as freckled as a guinea egg before this day is over."	"К концу дня я буду вся в веснушках, пятнистая, что твое кукушкино яйцо".

She had never in her life been out in the sunshine without a hat or veils, never handled reins without gloves to protect the white skin of her dimpled hands.	Никогда еще не приходилось ей бывать под открытым небом без шляпы или без шарфа, никогда ее холеные ручки не держали вожжей без перчаток.

Yet here she was exposed to the sun in a broken-down wagon with a broken-down horse, dirty, sweaty, hungry, helpless to do anything but plod along at a snail's pace through a deserted land.	И вот теперь она сидит на самом солнцепеке в этой разбитой колымаге, запряженной подыхающей клячей, - сидит грязная, потная, голодная, и ничего ей не остается другого, как тащиться со скоростью улитки по этой обезлюдевшей земле.
What a few short weeks it had been since she was safe and secure!	А всего несколько недель назад она благополучно жила под надежным кровом!
What a little while since she and everyone else had thought that Atlanta could never fall, that Georgia could never be invaded.	Ведь еще так недавно она, как и все вокруг, считала, что Атланта никогда не будет сдана и нога неприятеля не ступит на землю Джорджии.

But the small cloud which appeared in the northwest four months ago had blown up into a mighty storm and then into a screaming tornado, sweeping away her world, whirling her out of her sheltered life, and dropping her down in the midst of this still, haunted desolation.	Но маленькое облачко, появившееся на северо-западе каких-нибудь четыре месяца назад, превратилось в мощную грозовую тучу, породившую невиданной силы ураган, и он смел с лица земли мир, в котором она жила, разрушил ее упорядоченную жизнь и зашвырнул ее сюда, в этот притихший, опустошенный, населенный призраками край.
Was Tara still standing?	Существует ли еще на свете Тара?
Or was Tara also gone with the wind which had swept through Georgia?	Или и ее тоже смело этим ураганом, пронесшимся над Джорджией?

She laid the whip on the tired horse's back and tried to urge him on while the waggling wheels rocked them drunkenly from side to side.	Скарлетт стегнула измученную лошадь по спине в тщетной попытке заставить ее быстрее тащить раскачивавшуюся из стороны в сторону на разболтанных колесах повозку.
There was death in the air.	Смерть была рядом, ее присутствие ощущалось в воздухе.
In the rays of the late afternoon sun, every well-remembered field and forest grove was green and still, with an unearthly quiet that struck terror to Scarlett's heart.	В нечернеющих лучах клонившегося к закату солнца знакомые поля, знакомые зеленые рощи расстилались перед глазами Скарлетт неестественно молчаливые, тихие, вселяя в сердце страх.

Every empty, shell-pitted house they had passed that day, every gaunt chimney standing sentinel over smoke-blackened ruins, had frightened her more.	При виде каждого опустевшего, пробитого снарядом дома, мимо которого проезжали они в тот день, при виде каждого остова печной трубы, торчавшего словно часовой над закопченными руинами, страх все глубже и глубже заползал в ее душу.
They had not seen a living human being or animal since the night before.	С прошлой ночи им не попалось на пути ни единого живого существа - ни человека, ни животного.

Dead men and dead horses, yes, and dead mules, lying by the road, swollen, covered with flies, but nothing alive.	Только трупы - трупы людей, трупы лошадей, трупы мулов... С раздутыми животами, они валялись у дорог, и мухи тучами вились над ними, а вокруг ни души.
No far-off cattle lowed, no birds sang, no wind waved the trees.	Ни щебета птиц, ни далекого мычания стада, ни шелеста ветра в листве.
Only the tired plop-plop of the horse's feet and the weak wailing of Melanie's baby broke the stillness.	Только глухие удары усталых лошадиных копыт по земле да слабое попискивание новорожденного нарушали тишину.
The countryside lay as under some dread enchantment.	Печать какого-то странного, словно колдовского оцепенения лежала на всем.

Or worse still, thought Scarlett with a chill, like the familiar and dear face of a mother, beautiful and quiet at last, after death agonies.	И холодок пробежал у Скарлетт по спине, когда ей подумалось, что эта земля - как любимое, прекрасное лицо матери, тихое, успокоившееся наконец после перенесенных смертных мук.
She felt that the once-familiar woods were full of ghosts.	Ей чудилось, что эти знакомые леса полны призраков.
Thousands had died in the fighting near Jonesboro.	Тысячи солдат пали в боях под Джонсборо.

They were here in these haunted woods where the slanting afternoon sun gleamed eerily through unmoving leaves, friends and foes, peering at her in her rickety wagon, through eyes blinded with blood and red dust-glazed, horrible eyes.	Их души - души друзей и души врагов - глядели на нее оттуда, из этих заколдованных рощ, сквозь пронизанную косыми вечерними лучами солнца зловещe недвижную листву - слепыми, багровыми от крови и красной пыли, страшными, остекленелыми глазами глядели на нее в ее разбитой повозке.
"Mother! Mother!" she whispered.	- Мама! мама! - беззвучно прошептала Скарлетт.
If she could only win to Ellen!	О, если бы только добраться до Эллин!

If only, by a miracle of God, Tara were still standing and she could drive up the long avenue of trees and go into the house and see her mother's kind, tender face, could feel once more the soft capable hands that drove out fear, could clutch Ellen's skirts and bury her face in them.	Если бы только каким-нибудь чудом Тара осталась целой и невредимой и она могла бы, миновав длинную подъездную аллею, войти в дом и увидеть доброе, нежное лицо Эллин, ощутить мягкое прикосновение ее чудотворных рук, мгновенно отгоняющее всякий страх, могла бы припасть к ее коленям, зарыться в них лицом!
Mother would know what to do.	Мама знала бы, что нужно делать.
She wouldn't let Melanie and her baby die.	Она не дала бы Мелани и ее младенцу умереть.

She would drive away all ghosts and fears with her quiet "Hush, hush."	"Тихо, тихо!" - спокойно произнесла бы она, и все страхи и призраки развеялись бы как дым.
But Mother was ill, perhaps dying.	Но мама больна, быть может, умирает.
Scarlett laid the whip across the weary rump of the horse.	Скарлетт снова стегнула хворостиной истерзанный круп лошади.
They must go faster!	Во что бы то ни стало надо ехать быстрее.
They had crept along this never-ending road all the long hot day.	Целый день тащатся они в самое пекло по этому проселку, и ему не видно конца.

Soon it would be night and they would be alone in this desolation that was death.	Скоро стемнеет, а они по-прежнему будут одни среди этой пустыни, где витает смерть.
She gripped the reins tighter with hands that were blistered and slapped them fiercely on the horse's back, her aching arms burning at the movement.	Скарлетт покрепче ухватила вожжи стертыми до волдырей руками и с яростью принялась понукать лошадь, не обращая внимания на ломоту в плечах.

If she could only reach the kind arms of Tara and Ellen and lay down her burdens, far too heavy for her young shoulders-the dying woman, the fading baby, her own hungry little boy, the frightened negro, all looking to her for strength, for guidance, all reading in her straight back courage she did not possess and strength which had long since failed.	Лишь бы добраться до отчего дома, до теплых объятий Эллин и сложить со своих слабых плеч эту слишком тяжелую для нее ношу: умирающую женщину, полуживого младенца, своего изголодавшегося сынишку, перепуганную негритянку - всех, ищущих в ней защиты, опоры, всех, кто, глядя на ее прямую спину, продолжает уповать на ее силу и отвагу, не понимая, что она давно их утратила.

The exhausted horse did not respond to the whip or reins but shambled on, dragging his feet, stumbling on small rocks and swaying as if ready to fall to his knees.	Измученное животное не отзывалось ни на вожжи, ни на хворостину и все так же медленно тащилось, еле передвигая ноги, спотыкаясь, когда под копыта попадали большие камни, и шатаясь при этом так, что, казалось, того и гляди, рухнет на землю.
But, as twilight came, they at last entered the final lap of the long journey.	Но вот, в сумерках, они все же добрались до последнего поворота, за которым их долгое путешествие должно было прийти к концу.
They rounded the bend of the wagon path and turned into the main road.	Свернув с проселка, они снова выехали на большую дорогу.
Tara was only a mile away!	До Тары оставалась всего миля пути!

Here loomed up the dark bulk of the mock-orange hedge that marked the beginning of the MacIntosh property.	Впереди проглянула темная масса живой изгороди - плотная стена диких апельсиновых деревьев, отмечавшая начало владений Макинтошей.
A little farther on, Scarlett drew rein in front of the avenue of oaks that led from the road to old Angus MacIntosh's house.	Вскоре Скарлетт остановила лошадь на дубовой аллее, ведущей от дороги к дому старика Энгуса Макинтоша.
She peered through the gathering dusk down the two lines of ancient trees.	В сгущающихся сумерках она вглядывалась в даль между двумя рядами старых дубов.
All was dark.	Всюду темно.
Not a single light showed in the house or in the quarters.	Ни единого огонька ни в окнах дома, ни вокруг.

Straining her eyes in the darkness she dimly discerned a sight which had grown familiar through that terrible day-two tall chimneys, like gigantic tombstones towering above the ruined second floor, and broken unlit windows blotching the walls like still, blind eyes.	Когда глаза привыкли к темноте, она различила ставшую уже знакомой на протяжении всего этого страшного дня картину: очертания двух высоких печных труб, возносящихся вверх, как гигантские надгробия, над руинами второго этажа, безмолвно глядящими в пустоту незрячими проемами выбитых окон.
"Hello!" she shouted, summoning all her strength.	- Хэлло! - собрав остатки сил, крикнула она.
"Hello!"	- Хэлло!

Prissy clawed at her in a frenzy of fright and Scarlett, turning, saw that her eyes were rolling in her head.	Присси в ужасе вцепилась ей в руку, и, обернувшись, Скарлетт увидела ее вытаращенные от страха глаза.
"Doan holler, Miss Scarlett!	- Не кричите, мисс Скарлетт!
Please, doan holler agin!" she whispered, her voice shaking.	Пожалуйста, не кричите, - зашептала она срывающимся голосом.
"Dey ain' no tellin' WHUT mout answer!"	- Мало ли что может отозваться!
"Dear God!" thought Scarlett, a shiver running through her.	"Боже милостивый! - подумала Скарлетт, и дрожь прошла у нее по телу.
"Dear God!	- Боже милостивый!
She's right.	А ведь она права.

Anything might come out of there!"	Мало ли что может появиться оттуда, с пепелища!"
She flapped the reins and urged the horse forward.	Она подергала вожжи, трогая лошадь с места.
The sight of the MacIntosh house had pricked the last bubble of hope remaining to her.	При виде дома Макинтошей последний еще теплившийся в ее душе огонек надежды угас.
It was burned, in ruins, deserted, as were all the plantations she had passed that day.	Дом был разорен, сожжен, покинут - как и все прочие усадьбы, мимо которых они сегодня проезжали.
Tara lay only half a mile away, on the same road, right in the path of the army.	Тара находилась всего в полумиле отсюда, по той же дороге, прямо на пути неприятельской армии.

Tara was leveled, too!	Ее, конечно, тоже сровняли с землей.
She would find only the blackened bricks, starlight shining through the roofless walls, Ellen and Gerald gone, the girls gone, Mammy gone, the negroes gone, God knows where, and this hideous stillness over everything.	Она найдет там только груду обгорелых кирпичей, да звезды, мерцающие над обвалившейся кровлей, да тишину - такую же страшную, как повсюду, могильную тишину. И ни Эллин, ни Джералда, ни сестер, ни Мамушки, ни негров - бог весть где они теперь!
Why had she come on this fool's errand, against all common sense, dragging Melanie and her child?	Что толкнуло ее на этот безумный шаг? И зачем, вопреки здравому смыслу, потащила она с собой Мелани с младенцем?

Better that they had died in Atlanta than, tortured by this day of burning sun and jolting wagon, to die in the silent ruins of Tara.	Для них было бы лучше умереть в Атланте, чем, промучившись весь день в тряской повозке, под палящим солнцем, найти смерть среди безмолвных руин Тары.
But Ashley had left Melanie in her care.	Но Эшли поручил Мелани ее заботам.
"Take care of her."	"Позаботьтесь о ней", - сказал он.
Oh, that beautiful, heartbreaking day when he had kissed her good-by before he went away forever!	О, этот неповторимо прекрасный и мучительный день, когда он поцеловал ее, прежде чем расстаться с ней навсегда!
"You'll take care of her, won't you?	"Вы ведь позаботитесь о ней, верно?
Promise!"	Обещайте мне!"

And she had promised.	И она пообещала.

Why had she ever bound herself with such a promise, doubly binding now that Ashley was gone?	Зачем связала она себя этим обещанием, вдвойне тягостным теперь, когда Эшли ушел из ее жизни?
Even in her exhaustion she hated Melanie, hated the tiny mewing voice of her child which, fainter and fainter, pierced the stillness.	Даже в эти минуты, измученная до предела, она находила в себе силы ненавидеть Мелани и жалобный, писклявый голосок ее ребенка, все реже и слабее нарушавший тишину.

But she had promised and now they belonged to her, even as Wade and Prissy belonged to her, and she must struggle and fight for them as long as she had strength or breath.	Но она связала себя словом, и теперь и Мелани и младенец неотторжимы от нее так же, как Уэйд и Присси, и она должна бороться за них из последних сил, до последнего дыхания.
She could have left them in Atlanta, dumped Melanie into the hospital and deserted her.	Она могла бы оставить Мелани в Атланте, сунуть ее в госпиталь и бросить там на произвол судьбы.
But had she done that, she could never face Ashley, either on this earth or in the hereafter and tell him she had left his wife and child to die among strangers.	Но после этого как взглянула бы она Эшли в глаза на этой земле, да и на том свете, как призналась бы ему, что оставила его жену и ребенка умирать на руках у чужих людей?

Oh, Ashley!	О, Эшли!
Where was he tonight while she toiled down this haunted road with his wife and baby?	Где был он этой ночью, когда она мучилась с его женой и ребенком на темных, лесных, населенных призраками дорогах?
Was he alive and did he think of her as he lay behind the bars at Rock Island?	Жив ли он и думал ли о ней в эти минуты, изнывая за тюремной решеткой Рок-Айленда?
Or was he dead of smallpox months ago, rotting in some long ditch with hundreds of other Confederates?	Или его уже давно нет в живых и тело его гниет в какой-нибудь канаве вместе с телами других погибших от оспы конфедератов?

Scarlett's taut nerves almost cracked as a sudden noise sounded in the underbrush near them.	Нервы Скарлетт были натянуты как струна, и она едва не лишилась чувств, когда в придорожных кустах внезапно раздался шорох.
Prissy screamed loudly, throwing herself to the floor of the wagon, the baby beneath her.	Присси пронзительно взвизгнула и бросилась ничком на дно повозки, придавив собой младенца.
Melanie stirred feebly, her hands seeking the baby, and Wade covered his eyes and cowered, too frightened to cry.	Мелани слабо пошевелилась, шаря вокруг себя, ища свое дитя, а Уэйд сжался в комочек и зажмурил глаза, утратив даже голос от страха.

Then the bushes beside them crashed apart under heavy hooves and a low moaning bawl assaulted their ears.	Потом кусты раздвинулись, затрещав под тяжелыми копытами, и всех их оглушило протяжное, жалобное мычание.
"It's only a cow," said Scarlett, her voice rough with fright.	- Да это же корова, - хриплым с перепугу голосом проговорила Скарлетт.
"Don't be a fool, Prissy.	- Не валяй дурака. Присси.
You've mashed the baby and frightened Miss Melly and Wade."	Ты чуть не задавила ребенка и напугала мисс Мелани и Уэйда.
"It's a ghos'," moaned Prissy, writhing face down on the wagon boards.	- Это привидение! - визжала Присси, корчась от страха на дне повозки.

Turning deliberately, Scarlett raised the tree limb she had been using as a whip and brought it down across Prissy's back.	Обернувшись на сиденье, Скарлетт подняла хворостину, служившую ей кнутом, и огрела Присси по спине.

She was too exhausted and weak from fright to tolerate weakness in anyone else.	Она сама была так перепугана и чувствовала себя такой беспомощной, что испуг и беспомощность Присси вывели ее из себя.
"Sit up, you fool," she said, "before I wear this out on you."	- Сейчас же сядь на место, идиотка, - сказала она.- Пока я не обломала о тебя хворостину.

Yelping, Prissy raised her head and peering over the side of the wagon saw it was, indeed, a cow, a red and white animal which stood looking at them appealingly with large frightened eyes.	Хлюпая носом, Присси подняла голову, выглянула из повозки и увидела, что это и в самом деле корова: пятнистое, бело-рыжее животное стояло и смотрело на них большими, испуганными глазами.
Opening its mouth, it lowed again as if in pain.	Широко разинув рот, корова замычала снова, словно от боли.
"Is it hurt?	- Может, она ранена?
That doesn't sound like an ordinary moo."	Коровы обычно так не мычат.
"Soun' ter me lak her bag full an' she need milkin' bad," said Prissy, regaining some measure of control.	- Похоже, она давно не доена, вот и мычит, -сказала Присси, понемногу приходя в чувство.

"Spec it one of Mist' MacIntosh's dat de niggers driv in de woods an' de Yankees din' git."	- Верно, это Макинтошева корова. Негры небось угнали ее в лес, и она не попалась янки на глаза.
"We'll take it with us," Scarlett decided swiftly.	- Мы заберем ее с собой, - мгновенно решила Скарлетт.
"Then we can have some milk for the baby."	- И у нас будет молоко для маленького.
"How all we gwine tek a cow wid us, Miss Scarlett?	- Как это мы заберем корову, мисс Скарлетт?
We kain tek no cow wid us.	Мы не можем забрать корову.
Cow ain' no good nohow effen she ain' been milked lately.	Какой с нее толк, раз она давно не доена?

Dey bags swells up and busts. Dat's why she hollerin'."	Вымя у нее раздулось - того и гляди, лопнет.
"Since you know so much about it, take off your petticoat and tear it up and tie her to the back of the wagon."	- Ну, раз ты так все знаешь про коров, тогда снимай нижнюю юбку, порви ее и привяжи корову к задку повозки.
"Miss Scarlett, you knows Ah ain' had no petticoat fer a month an' did Ah have one, Ah wouldn' put it on her fer nuthin'.	- Мисс Скарлетт, так у меня ж почитай месяц как нет нижней юбки, а когда б и была, я бы ни-почем не стала вязать корову.
Ah nebber had no truck wid cows.	Я совсем не умею с коровами.
Ah's sceered of cows."	Я их боюсь.
Scarlett laid down the reins and pulled up her skirt.	Скарлетт бросила вожжи и задрала подол.

The lacetrimmed petticoat beneath was the last garment she possessed that was pretty-and whole.	Обшитая кружевами нижняя юбка была единственным оставшимся у нее красивым и к тому же нерваным предметом туалета.
She untied the waist tape and slipped it down over her feet, crushing the soft linen folds between her hands.	Скарлетт развязала тесемки на талии и спустила юбку, безжалостно стягивая ее за шелковистые льняные оборки.

Rhett had brought her that linen and lace from Nassau on the last boat he slipped through the blockade and she had worked a week to make the garment.	Ретт привез ей льняное полотно и кружева из Нассау, когда ему в последний раз удалось прорваться на своем судне сквозь блокаду, и она целую неделю не покладая рук шила это юбку.

Resolutely she took it by the hem and jerked, put it in her mouth and gnawed, until finally the material gave with a rip and tore the length.	Без малейшего колебания она взялась за подол, дернула, пытаясь его разорвать, потом перекусила зубами шов, материя поддалась, и она оторвала длинную полосу.
She gnawed furiously, tore with both hands and the petticoat lay in strips in her hands.	Она яростно продолжала орудовать и руками и зубами, пока юбка не превратилась в груду длинных тряпок.
She knotted the ends with fingers that bled from blisters and shook from fatigue.	Тогда она связала все тряпки концы с концами, хотя натруженные вожжами пальцы были стерты в кровь и руки у нее дрожали от усталости.

"Slip this over her horns," she directed.	- Ступай, привяжи корову за рога, - приказала она Присси.
But Prissy balked.	Но та заартачилась.
"Ah's sceered of cows, Miss Scarlett.	- Я страх как боюсь коров, мисс Скарлетт.
Ah ain' nebber had nuthin' ter do wid cows.	Я не умею с коровами. Ни в жисть не умела.
Ah ain' no yard nigger.	Я ж не из тех негров, что при скотине.
Ah's a house nigger."	Я из тех, что по дому.
"You're a fool nigger, and the worst day's work Pa ever did was to buy you," said Scarlett slowly, too tired for anger.	- Ты из тех черномазых, дурнее которых нет на свете, и будь проклят тот день, когда отец тебя купил, - устало проговорила Скарлетт, не находя в себе сил даже хорошенько рассердиться.

"And if I ever get the use of my arm again, I'll wear this whip out on you."	- И как только я немножко отдохну, ты у меня отведаешь кнута.
There, she thought, I've said "nigger" and Mother wouldn't like that at all.	"Ну вот, - подумала она, - я сказала "из черномазых" - маме бы это очень не понравилось".
Prissy rolled her eyes wildly, peeping first at the set face of her mistress and then at the cow which bawled plaintively.	Присси, страшно вращая белками, поглядела на суровое лицо своей хозяйки, потом - на жалобно мычавшую корову.
Scarlett seemed the less dangerous of the two, so Prissy clutched at the sides of the wagon and remained where she was.	Скарлетт показалась ей все же менее опасной, чем корова, и она не тронулась с места, вцепившись руками в край повозки.

Stiffly, Scarlett climbed down from the seat, each movement of agony of aching muscles.	Скарлетт с трудом слезла с козел - от каждого движения ломило все тело.
Prissy was not the only one who was "sceered" of cows.	Присси была здесь не единственным лицом, которое "страх как боялось" коров.
Scarlett had always feared them, even the mildest cow seemed sinister to her, but this was no time to truckle to small fears when great ones crowded so thick upon her.	Скарлетт тоже всегда их боялась; даже в кротчайшем из этих созданий ей чудилось что-то зловещее, но сейчас не время было поддаваться глупым страхам, когда по-настоящему грозные опасности надвигались со всех сторон.

Fortunately the cow was gentle.	По счастью, корова оказалась на редкость спокойной.
In its pain it had sought human companionship and help and it made no threatening gesture as she looped one end of the torn petticoat about its horns.	Страдания заставляли ее искать помощи и сочувствия у людей, и она не сделала попытки боднуть Скарлетт, когда та принялась обрывками юбки вязать ей рога.
She tied the other end to the back of the wagon, as securely as her awkward fingers would permit.	Другой конец этой самодельной веревки она очень неумело, однако довольно крепко прикрутила к задку повозки.

Then, as she started back toward the driver's seat, a vast weariness assailed her and she swayed dizzily. She clutched the side of the wagon to keep from falling.	Потом направилась обратно к козлам, но, внезапно почувствовав дурноту, пошатнулась и ухватилась за край повозки.
Melanie opened her eyes and, seeing Scarlett standing beside her, whispered:	Мелани открыла глаза, увидела стоявшую возле нее Скарлетт и прошептала:
"Dear-are we home?"	- Дорогая.., мы уже дома?
Home!	Дома!
Hot tears came to Scarlett's eyes at the word.	Жаркие слезы навернулись у Скарлетт на глазах при звуках этого слова.
Home.	Дома!

Melanie did not know there was no home and that they were alone in a mad and desolate world.	Мелани не понимает, что нет больше никакого дома, что они совершенно одни в одичалом, обезумевшем мире.
"Not yet," she said, as gently as the constriction of her throat would permit, "but we will be, soon.	- Нет еще, - сказала она насколько могла спокойнее, несмотря на стоявший в горле комок, -но скоро приедем.
I've just found a cow and soon we'll have some milk for you and the baby."	Сюда забрела корова, и теперь для тебя и для маленького будет молоко.
"Poor baby," whispered Melanie, her hand creeping feebly toward the child and falling short.	- Несчастный малютка... - прошептала Мелани. Рука ее потянулась было к младенцу и тут же бессильно упала.

Climbing back into the wagon required all the strength Scarlett could muster, but at last it was done and she picked up the lines.	Чтобы снова взобраться на козлы, потребовалось немало усилий, по наконец Скарлетт справилась и с этой задачей и взяла вожжи.
The horse stood with head drooping dejectedly and refused to start.	Лошадь стояла, свесив голову, и не трогалась с места.
Scarlett laid on the whip mercilessly.	Скарлетт безжалостно стегнула ее хворостиной.
She hoped God would forgive her for hurting a tired animal.	"Бог меня простит, - промелькнуло у нее в голове, - за то, что я бью это измученное животное.
If He didn't she was sorry.	А не простит, что поделаешь".

After all, Tara lay just ahead, and after the next quarter of a mile, the horse could drop in the shafts if he liked.	В конце концов, до Тары осталось каких-нибудь четверть мили, а там лошадь может тут же лечь хоть прямо в оглоблях.

Finally he started slowly, the wagon creaking and the cow lowing mournfully at every step.	Наконец лошадь медленно тронулась с места, повозка заскрипела, а корова при каждом шаге издавала горестное мычание.
The pained animal's voice rasped on Scarlett's nerves until she was tempted to stop and untie the beast.	Голос несчастного животного так действовал Скарлетт на нервы, что она уже готова была остановить повозку и отвязать корову.

What good would the cow do them anyway if there should be no one at Tara?	Какой, в конце концов, толк от коровы, если они не найдут ни одной живой души на плантации?
She couldn't milk her and, even if she could, the animal would probably kick anyone who touched her sore udder.	Сама она не умела доить, да если бы и умела, разве корова подпустит сейчас к своему больному, набухшему вымени!
But she had the cow and she might as well keep her.	Нет, раз у нее есть корова, надо ее сохранить.
There was little else she had in this world now.	Быть может, это единственное, что принадлежит ей на всей земле.

Scarlett's eyes grew misty when, at last, they reached the bottom of a gentle incline, for just over the rise lay Tara!	Глаза Скарлетт затуманились, когда они приблизились к невысокому пологому холму, за которым лежала Тара.
Then her heart sank.	И тут сердце ее упало.
The decrepit animal would never pull the hill.	Околевающему животному никак, конечно, не одолеть подъема на холм.
The slope had always seemed so slight, so gradual, in days when she galloped up it on her fleet-footed mare.	Когда-то этот склон казался ей таким пологим, подъем таким легким - она галопом взлетала на холм на своей быстроногой кобыле.
It did not seem possible it could have grown so steep since she saw it last.	Откуда взялась теперь эта крутизна?

The horse would never make it with the heavy load.	Лошадь нипочем не потянет наверх груженую повозку.
Wearily she dismounted and took the animal by the bridle.	Она устало слезла с козел и взяла лошадь под уздцы.
"Get out, Prissy," she commanded, "and take Wade.	- Вылезай, Присси, - скомандовала она, - и бери Уэйда!
Either carry him or make him walk.	Неси его или заставь идти.
Lay the baby by Miss Melanie."	А маленького положи возле мисс Мелани.
Wade broke into sobs and whimperings from which Scarlett could only distinguish:	Уэйд засопел носом, расхныкался, и Скарлетт с трудом разобрала:
"Dark-dark-Wade fwightened!"	- Темно... Я боюсь... Темно...

"Miss Scarlett, Ah kain walk.	- Мисс Скарлетт, я не могу пешком, ноги стерты.
Mah feets done blistered an' dey's thoo mah shoes, an' Wade an' me doan weigh so much an'-"	Пальцы вон из башмаков вылезают... От меня с Уэйдом какая тяжесть...
"Get out!	- Вылезай!
Get out before I pull you out!	Вылезай сейчас же, пока я тебя силком не вытащила!

And if I do, I'm going to leave you right here, in the dark by yourself.	А тогда берегись - оставлю тебя здесь одну, в темноте.
Quick, now!"	Ну, живо!

Prissy moaned, peering at the dark trees that closed about them on both sides of the road-trees which might reach out and clutch her if she left the shelter of the wagon.	Присси взвыла, вглядываясь в лесную тьму по обеим сторонам дороги, словно боясь, что - выйди она из своего укрытия в повозке - и деревья надвинутся на нее и задушат.
But she laid the baby beside Melanie, scrambled to the ground and, reaching up, lifted Wade out.	Но все же ей пришлось положить младенца рядом с Мелани, спуститься на землю и, приподнявшись на цыпочки, вытащить из повозки Уэйда.
The little boy sobbed, shrinking close to his nurse.	Мальчик заплакал и прижался к своей няньке.

"Make him hush. I can't stand it," said Scarlett, taking the horse by the bridle and pulling him to a reluctant start.	- Уйми его, я не могу этого слышать, - сказала Скарлетт, взяла лошадь под уздцы и потянула за собой.
"Be a little man, Wade, and stop crying or I will come over there and slap you."	- Ну же, Уэйд, будь маленьким мужчиной, перестань реветь, не то я сейчас тебя отшлепаю.
Why had God invented children, she thought savagely as she turned her ankle cruelly on the dark road-useless, crying nuisances they were, always demanding care, always in the way.	"И зачем только господу богу понадобилось создавать детей! - со злостью подумала она, когда на неровной дороге у нее подвернулась нога. - На что они - эти бессмысленные, нудные, вечно требующие заботы существа, которые только и делают, что путаются под ногами?"

In her exhaustion, there was no room for compassion for the frightened child, trotting by Prissy's side, dragging at her hand and sniffling-only a weariness that she had borne him, only a tired wonder that she had ever married Charles Hamilton.	Измученная до предела, она не испытывала жалости к испуганному ребенку, ковылявшему рядом с Присси, ухватив ее за руку, и не переставая шмыгавшему носом, не испытывала ничего, кроме недоумения: как могло случиться, что она его родила? И еще большее изумление порождала в ее утомленном мозгу мысль о том, что она когда-то была женой Чарльза Гамильтона.
"Miss Scarlett," whispered Prissy, clutching her mistress' arm, "doan le's go ter Tara.	- Мисс Скарлетт, - зашептала Присси, хватая ее за руку. - Не надо ходить в Тару.
Dey's not dar.	Их там нету.

Dey's all done gone.	Они все ушли.
Maybe dey daid-Maw an' all'm."	А может, померли. И моя мамка небось, и все...
The echo of her own thoughts infuriated her and Scarlett shook off the pinching fingers.	Этот отголосок ее собственных мыслей окончательно взбесил Скарлетт, и она оттолкнула цеплявшуюся за нее руку.
"Then give me Wade's hand.	- Давай сюда Уэйда.
You can sit right down here and stay."	А сама оставайся. Сиди здесь.
"No'm! No'm!"	- Ой нет, нет!
"Then HUSH!"	- Тогда замолчи!
How slowly the horse moved!	До чего же медленно тащится эта кляча!

The moisture from his slobbering mouth dripped down upon her hand.	Рука Скарлетт стала мокрой от стекавшей изо рта лошади слюны.

Through her mind ran a few words of the song she had once sung with Rhett-she could not recall the rest:	Внезапно ей вспомнился обрывок песенки, которую она распевала когда-то с Реттом:
"Just a few more days for to tote the weary load-"	Еще день, еще два свою ношу нести. Следующей строчки она не помнила.

"Just a few more steps," hummed her brain, over and over, "just a few more steps for to tote the weary load." Then they topped the rise and before them lay the oaks of Tara, a towering dark mass against the darkening sky.	"Еще шаг, еще шаг, - жужжало у нее в мозгу, - по дорогам брести..." Но вот они поднялись на перевал и увидели внизу, вдали, дубы усадьбы Тара - высокие темные кущи, возносившиеся к потемневшему небу.
Scarlett looked hastily to see if there was a light anywhere.	Скарлетт напряженно всматривалась - не мелькнет ли где в просвете ветвей огонек.
There was none.	Но всюду было темно.
"They are gone!" said her heart, like cold lead in her breast.	"Там нет никого, - подсказало ей сердце, и свинцовая тяжесть сдавила грудь.
"Gone!"	- Никого!"

She turned the horse's head into the driveway, and the cedars, meeting over their heads cast them into midnight blackness.	Она направила лошадь в подъездную аллею, и ветви кедров, сомкнувшись над головой, погрузили все в полночный мрак.
Peering up the long tunnel of darkness, straining her eyes she saw ahead-or did she see?	Вглядываясь во тьму, напрягая зрение, она увидела впереди... Увидела?
Were her tired eyes playing her tricks?-the white bricks of Tara blurred and indistinct.	Уж не обманывают ли ее глаза? Меж деревьев неясно проглянули светлые стены дома.
Home!	Ее дома!
Home!	Ее родного дома!

The dear white walls, the windows with the fluttering curtains, the wide verandas-were they all there ahead of her, in the gloom?	Дорогие ее сердцу белые стены, окна с развевающимися занавесками, просторные веранды - неужели и вправду все это встанет сейчас там, впереди, из темноты?
Or did the darkness mercifully conceal such a horror as the MacIntosh house?	Или милосердная ночь просто не спешит открыть ее глазам такую же страшную картину разорения, как та, какую она видела в поместье Макинтошей?
The avenue seemed miles long and the horse, pulling stubbornly at her hand, plopped slower and slower.	Казалось, аллее не будет конца, и лошадь, сколько ни тянула Скарлетт ее за уздцы, упрямо замедляла шаг.
Eagerly her eyes searched the darkness.	Скарлетт впивалась глазами во мрак.

The roof seemed to be intact.	Ей показалось, что она видит неразрушенную крышу.
Could it be-could it be-? No, it wasn't possible.	Неужели... Неужели... Нет, конечно, ей это просто почудилось.
War stopped for nothing, not even Tara, built to last five hundred years.	Война же не пощадила ничего, не могла она пощадить и их дом, хоть он был построен на века.
It could not have passed over Tara.	Война не могла миновать их жилище.

Then the shadowy outline did take form.	Но туманные очертания начинали вырисовываться яснее.
She pulled the horse forward faster.	Скарлетт сильнее потянула лошадь вперед.

The white walls did show there through the darkness.	Да, белые стены отчетливо проглянули из темноты.
And untarnished by smoke.	Не обугленные, не опаленные огнем.
Tara had escaped!	Тара уцелела!
Home!	Ее родной очаг!
She dropped the bridle and ran the last few steps, leaped forward with an urge to clutch the walls themselves in her arms.	Скарлетт отпустила уздечку и ринулась к дому, раскинув руки, словно стремясь заключить его в объятия.

Then she saw a form, shadowy in the dimness, emerging from the blackness of the front veranda and standing at the top of the steps.	И тут она увидела какую-то тень: выступив из мрака, тень остановилась на ступеньках крыльца.
Tara was not deserted.	Значит, дом не безлюден.
Someone was home!	В нем, кто-то есть!
A cry of joy rose to her throat and died there.	Крик радости, готовый сорваться с ее губ, внезапно замер.
The house was so dark and still and the figure did not move or call to her.	Дом был странно темен, странно тих, а фигура на ступеньках неподвижна и безмолвна.
What was wrong?	Что-то было не так.

What was wrong?	Не так, как прежде.
Tara stood intact, yet shrouded with the same eerie quiet that hung over the whole stricken countryside.	Дом стоял целый, нетронутый, но от него веяло такой же жуткой мертвой тишиной, как от всего лежавшего в руинах края.
Then the figure moved.	Но вот темная фигура на ступеньках пошевелилась.
Stiffly and slowly, it came down the steps.	И неспешно, тяжело стала спускаться вниз.
"Pa?" she whispered huskily, doubting almost that it was he.	- Папа? - хрипло прошептала Скарлетт, все еще не веря своим глазам.
"It's me-Katie Scarlett.	- Это я - Кэти-Скарлетт.
I've come home."	Я вернулась домой.

Gerald moved toward her, silent as a sleepwalker, his stiff leg dragging.	Джералд молча, медленно, словно лунатик, направился на ее голос, волоча негнущуюся ногу.
He came close to her, looking at her in a dazed way as if he believed she was part of a dream.	Он подошел совсем близко и стал, оцепенело глядя на нее - так, словно ему мнилось, что он видит ее во сне.
Putting out his hand, he laid it on her shoulder.	Он протянул руку и положил ей на плечо.
Scarlett felt it tremble, tremble as if he had been awakened from a nightmare into a half-sense of reality.	Скарлетт почувствовала, как дрожит его рука: казалось, он медленно пробуждался от какого-то тягостного сна и постепенно начинал осознавать происходящее.

"Daughter," he said with an effort.	- Дочка, - проговорил он как бы через силу.
"Daughter."	- Дочка.
Then he was silent.	И умолк.
Why- he's an old man! thought Scarlett.	"Боже, да он же совсем старик!" - пронеслось у Скарлетт в голове.
Gerald's shoulders sagged.	Плечи Джералда, никли сутуло.
In the face which she could only see dimly, there was none of the virility, the restless vitality of Gerald, and the eyes that looked into hers had almost the same fear-stunned look that lay in little Wade's eyes.	В лице, которое Скарлетт лишь смутно различала в полумраке, - ни следа былой, бьющей через край жизненной силы; в глазах, смотревших сейчас на нее в упор, - почти такое же отупело-испуганное выражение, как у маленького Уэйда.

He was only a little old man and broken.	Перед ней стоял дряхлый старичок, развалина.
And now, fear of unknown things seized her, leaped swiftly out of the darkness at her and she could only stand and stare at him, all the flood of questioning dammed up at her lips.	Страх перед чем-то невидимым сжал ее сердце, наползая на нее оттуда, из мрака, и она стояла и смотрела на отца онемев, с тысячей невысказанных вопросов на устах.
From the wagon the faint wailing sounded again and Gerald seemed to rouse himself with an effort.	Из повозки - в который уже раз - донесся слабый жалобный плач, и Джеральд с усилием стряхнул с себя оцепенение.

"It's Melanie and her baby," whispered Scarlett rapidly.	- Это Мелани со своим младенцем, - торопливо зашептала Скарлетт.
"She's very ill-I brought her home."	- Она совсем больна. Я привезла ее к нам.
Gerald dropped his hand from her arm and straightened his shoulders.	Джеральд снял руку с ее плеча и выпрямился.
As he moved slowly to the side of the wagon, there was a ghostly semblance of the old host of Tara welcoming guests, as if Gerald spoke words from out of shadowy memory.	Когда он медленно зашагал к повозке, в нем словно бы возродилось что-то от прежнего хлебосольного хозяина поместья, встречающего гостей, и он произнес слова, всплывшие из темных закоулков памяти:
"Cousin Melanie!"	- Кузина Мелани!

Melanie's voice murmured indistinctly.	Голос Мелани что-то неясно прошелестел в ответ.
"Cousin Melanie, this is your home.	- Добро пожаловать, кузина Мелани.
Twelve Oaks is burned.	Двенадцать Дубов сожгли.
You must stay with us."	Мы рады принять вас под наш кров.
Thoughts of Melanie's prolonged suffering spurred Scarlett to action.	Мысль о том, сколько пришлось выстрадать Мелани, заставила Скарлетт очнуться и начать действовать.

The present was with her again, the necessity of laying Melanie and her child on a soft bed and doing those small things for her that could be done.	Жизнь брала свое - надо было уложить Мелани и младенца в хорошую постель и сделать массу всяких мелких необходимых вещей.
"She must be carried.	- Она не может идти.
She can't walk."	Ее надо отнести в дом.

There was a scuffle of feet and a dark figure emerged from the cave of the front hall.	Послышался шум шагов, и темная фигура появилась в дверном проеме на пороге холла.
Pork ran down the steps.	Порк сбежал по ступеням крыльца.
"Miss Scarlett!	- Мисс Скарлетт!

Miss Scarlett!" he cried.	Мисс Скарлетт! - воскликал он.
Scarlett caught him by the arms.	Скарлетт схватила его за плечи.
Pork, part and parcel of Tara, as dear as the bricks and the cool corridors!	Порк - неотъемлемая частица Тары, свой, как стены этого дома, как его прохладные коридоры!
She felt his tears stream down on her hands as he patted her clumsily, crying:	Он неуклюже поглаживал ее руки - она чувствовала на них его слезы - и приговаривал плача:
"Sho is glad you back!	- Воротилась! Вот радость-то!
Sho is-"	Вот радость-то!
Prissy burst into tears and incoherent mumblings:	Присси тоже расплакалась, невнятно бормоча:
"Poke!	- Порк!

Poke, honey!"	Порк! Хороший!
And little Wade, encouraged by the weakness of his elders, began sniffling:	А Уэйд, воодушевленный тем, что взрослые вдруг расчувствовались, сразу принялся канючить:
"Wade thirsty!"	- Пить хочу!
Scarlett caught them all in hand.	Но Скарлетт быстро поставила все на свое место:
"Miss Melanie is in the wagon and her baby too.	- Там, в повозке, мисс Мелани с младенцем, Порк.
Pork, you must carry her upstairs very carefully and put her in the back company room.	Ее надо очень осторожно отнести наверх и устроить в комнате для гостей.

Prissy, take the baby and Wade inside and give Wade a drink of water.	Присси, возьми младенца, отнеси в дом и отведи туда Уэйда, дай ему попить.
Is Mammy here, Pork?	А Мамушка дома, Порк?
Tell her I want her."	Скажи ей, что она мне нужна.
Galvanized by the authority in her voice, Pork approached the wagon and fumbled at the backboard.	Решительный голос Скарлетт, казалось, сразу вдохнул в Порка силы. Он тотчас направился к повозке и пошарил у задней стенки.

A moan was wrenched from Melanie as he half-lifted, half-dragged her from the feather tick on which she had lain so many hours.	Мелани застонала, когда он приподнял ее и потащил с перины, на которой она недвижно пролежала столько часов кряду.
And then she was in Pork's strong arms, her head drooping like a child's across his shoulder.	И вот он уже держал ее на своих сильных руках, и она, как ребенок, опустила голову ему на плечо.
Prissy, holding the baby and dragging Wade by the hand, followed them up the wide steps and disappeared into the blackness of the hall.	Присси следом за ним поднялась по широким ступеням крыльца, неся на одной руке младенца, другой таща за собой Уэйда, и они скрылись в глубине темного холла.

Scarlett's bleeding fingers sought her father's hand urgently.	Натруженные пальцы Скарлетт судорожно стиснули руку отца.

"Did they get well, Pa?"	- Они поправились, па?
"The girls are recovering."	- Девочки поправляются.
Silence fell and in the silence an idea too monstrous for words took form.	Голос его оборвался, и в наступившем молчании мысль, слишком страшная, чтобы дать ей облечься в слова, начала заползать в сознание Скарлетт.
She could not, could not force it to her lips.	Она не могла, не могла заставить себя задать этот вопрос.

She swallowed and swallowed but a sudden dryness seemed to have stuck the sides of her throat together.	Она сглотнула слюну, попыталась сглотнуть еще раз, но во рту и в горле внезапно так пересохло, что она едва могла дышать.
Was this the answer to the frightening riddle of Tara's silence?	Значит, вот почему в доме такая мертвая тишина?
As if answering the question in her mind Gerald spoke.	И, словно угадав ее невысказанный вопрос, Джералд заговорил.
"Your mother-" he said and stopped.	- Твоя мать... - вымолвил он и умолк.
"And-Mother?"	- Мама?..
"Your mother died yesterday."	- Она вчера скончалась.

Her father's arm held tightly in her own, Scarlett felt her way down the wide dark hall which, even in its blackness, was as familiar as her own mind.	Крепко сжимая руку отца, Скарлетт вступила в просторный холл, каждый уголок которого знала как свои пять пальцев.
She avoided the high-backed chairs, the empty gun rack, the old sideboard with its protruding claw feet, and she felt herself drawn by instinct to the tiny office at the back of the house where Ellen always sat, keeping her endless accounts.	Даже в полном мраке она не наткнулась ни на одно из кресел с высокими спинками, не задела ни пустой подставки для ружей, ни разлапистых ножек старого серванта: непреодолимая сила влекла ее к маленькому кабинетику в глубине дома, где изо дня в день сидела Эллин, проверяя бесконечные счета.

Surely, when she entered that room, Mother would again be sitting there before the secretary and would look up, quill poised, and rise with sweet fragrance and rustling hoops to meet her tired daughter.	И ей казалось, что вот сейчас она переступит порог этой комнаты - и Эллин, как всегда, будет сидеть там за секретером; она поднимет на нее глаза, гусиное перо замрет в ее руке, и, шурша кринолином, она встанет, чтобы заключить измученную дочь в свои нежные, душистые объятия.
Ellen could not be dead, not even though Pa had said it, said it over and over like a parrot that knows only one phrase:	Эллин не могла умереть, сколько бы ни твердил это отец, словно попугай, заучивший одну фразу:

"She died yesterday-she died yesterday-she died yesterday." Queer that she should feel nothing now, nothing except a weariness that shackled her limbs with heavy iron chains and a hunger that made her knees tremble.	"Она скончалась вчера, она скончалась вчера, вчера..." Как страшно, что она ничего не чувствует сейчас - только усталость - тяжелую, как кандалы, и голод, от которого подкашиваются ноги.
She would think of Mother later.	Она подумает о маме потом.
She must put her mother out of her mind now, else she would stumble stupidly like Gerald or sob monotonously like Wade.	Она не должна сейчас о ней думать, не то еще начнет бессмысленно причитать, как Джералд, или реветь надрывно на одной ноте, как Уэйд.

Pork came down the wide dark steps toward them, hurrying to press close to Scarlett like a cold animal toward a fire.	Порк спустился по темной лестнице, спеша навстречу Скарлетт, - так замерзшее животное тянется к огню.
"Lights?" she questioned.	- Почему нет света, Порк? - спросила Скарлетт.
"Why is the house so dark, Pork?	- Почему в доме темно?
Bring candles."	Принеси свечей.
"Dey tuck all de candles, Miss Scarlett, all 'cept one we been usin' ter fine things in de dahk wid, an' it's 'bout gone.	- Да они ж забрали все свечи, мисс Скарлетт, только одну оставили, - если надо поискать что в темноте. Да и это уже не свеча - почитай, огарок.

Mammy been usin' a rag in a dish of hawg fat fer a light fer nussin' Miss Careen an' Miss Suellen."	Когда нужно поухаживать за мисс Кэррин и мисс Сьюлин, Мамушка делает фитиль из тряпки, опускает в плошку с жиром, и он горит.
"Bring what's left of the candle," she ordered.	- Принеси мне огарок, - распорядилась Скарлетт.
"Bring it into Mother's-into the office."	- Поставь его в мамином.., в маленьком кабинете.
Pork pattered into the dining room and Scarlett groped her way into the inky small room and sank down on the sofa.	Порк торопливо направился в столовую, а Скарлетт под руку с отцом ощупью прошла в маленькую, бездонно темную комнатку и опустилась на софу.

Her father's arm still lay in the crook of hers, helpless, appealing, trusting, as only the hands of the very young and the very old can be.	Рука Джералда - безвольная, беспомощная - все еще лежала на сгибе ее руки, лежала доверчиво, как рука ребенка или дряхлого старика.
"He's an old man, an old tired man," she thought again and vaguely wondered why she could not care.	"Он совсем старый стал. Усталый и старый", -снова подумала Скарлетт и мимолетно удивилась про себя - почему это ее не трогает?
Light wavered into the room as Pork entered carrying high a halfburned candle stuck in a saucer.	Замерцал огонек - Порк вошел, высоко держа в руке огарок свечи, укрепленный на блюдце.

The dark cave came to life, the sagging old sofa on which they sat, the tall secretary reaching toward the ceiling with Mother's fragile carved chair before it, the racks of pigeonholes, still stuffed with papers written in her fine hand, the worn carpet-all, all were the same, except that Ellen was not there, Ellen with the faint scent of lemon verbena sachet and the sweet look in her up-tilted eyes.	Темное тесное пространство ожило: продавленная софа, на которую она присела с отцом, высокий, почти под потолок секретер с множеством отделений, заполненных всевозможными бумагами, исписанными красивым тонким почерком Эллин, ее изящное резное кресло перед секретером, потертый ковер - все, все было как прежде, не было только самой Эллин, и легкого аромата сухих духов лимонной вербены, и мягкого взгляда темных, с узким разрезом глаз.

Scarlett felt a small pain in her heart as of nerves numbed by a deep wound, struggling to make themselves felt again.	Скарлетт почувствовала, как к сердцу ее подкрадывается боль, - словно нанесенная ей глубокая рана, оглушившая ее, притупившая сначала все чувства, теперь давала о себе знать.
She must not let them come to life now; there was all the rest of her life ahead of her in which they could ache.	Она не должна позволить этой боли разрастись сейчас. Впереди у нее еще целая жизнь, через которую она пронесет эту боль.
But, not now!	Да, только не сейчас.
Please, God, not now!	"Господи, помоги мне! Только не сейчас!"

She looked into Gerald's putty-colored face and, for the first time in her life, she saw him unshaven, his once florid face covered with silvery bristles.	Она поглядела на Джералда и заметила, что впервые в жизни видит его небритым. Еще недавно такое румяное, цветущее лицо приобрело землистый оттенок и было покрыто седой щетиной.
Pork placed the candle on the candle stand and came to her side.	Порк поставил свечу на подставку и подошел к Скарлетт.
Scarlett felt that if he had been a dog he would have laid his muzzle in her lap and whined for a kind hand upon his head.	Ей вдруг почудилось, что сейчас он положит голову ей на колени, ожидая, чтобы она погладила его, как старого верного пса.
"Pork, how many darkies are here?"	- Порк, сколько у нас осталось негров?

"Miss Scarlett, dem trashy niggers done runned away an' some of dem went off wid de Yankees an'-"	- Мисс Скарлетт, эти негодные негры разбежались, а одни так даже подались вместе с янки...
"How many are left?"	- Так сколько же осталось?
"Dey's me, Miss Scarlett, an' Mammy.	- Вот я, мисс Скарлетт, да Мамушка.
She been nussin' de young Misses all day.	Она целыми днями выхаживает молодых барышень.
An' Dilcey, she settin' up wid de young Misses now.	А Дилси сидит с ними сейчас, ночью.
Us three, Miss Scarlett."	Так что трое нас, мисс Скарлетт.
"Us three" where there had been a hundred.	"Трое нас" - это вместо ста рабов.

Scarlett with an effort lifted her head on her aching neck.	Скарлетт с трудом подняла голову - шея нестерпимо ныла.
She knew she must keep her voice steady.	Она знала, что голос у нее должен быть твердым.
To her surprise, words came out as coolly and naturally as if there had never been a war and she could, by waving her hand, call ten house servants to her.	И сама изумилась, как естественно и спокойно прозвучали ее слова - словно не было никакой войны и она мгновением руки могла собрать вокруг себя десяток слуг.
"Pork, I'm starving.	- Порк, я умираю с голоду.
Is there anything to eat?"	Есть что-нибудь в доме?
"No'm. Dey tuck it all."	- Нет, мэм. Они забрали все.

"But the garden?"	- Ну, а в огороде?
"Dey tuhned dey hawses loose in it."	- Они пасли там своих лошадей.
"Even the sweet potato hills?"	- Даже на холмах, где растет сладкий картофель?
Something almost like a pleased smile broke his thick lips.	Некое подобие довольной улыбки шевельнуло толстые губы.
"Miss Scarlett, Ah done fergit de yams.	- Я-то, мисс Скарлетт, совсем было и позабыл про яме.
Ah specs dey's right dar.	Думается, там все цело.
Dem Yankee folks ain' never seed no yams an' dey thinks dey's jes' roots an'-"	Янки же никогда не сажают яме. Пр-ихнему, это так - дикое чевой-то, и...

"The moon will be up soon.	- Скоро взойдет луна.

You go out and dig us some and roast them.	Ступай, накопай картофеля и пожарь.
There's no corn meal?	А кукурузной муки совсем не осталось?
No dried peas?	Или сушеных бобов?
No chickens?"	А кур?
"No'm. No'm. Whut chickens dey din' eat right hyah dey cah'ied off 'cross dey saddles."	- Нет, мэм, нет. Каких кур они не поели, тех привязали к седлам и увезли.
They-They-They- Was there no end to what "They" had done?	Они... Они... Они... Видно, нет и не будет конца тому, что "они" тут сотворили!

Was it not enough to burn and kill?	Неужели убивать и жечь - этого им мало?
Must they also leave women and children and helpless negroes to starve in a country which they had desolated?	Надо было еще оставить женщин, детей и беспомощных негров умирать с голоду на этой разоренной земле.
"Miss Scarlett, Ah got some apples Mammy buhied unner de house.	- Мисс Скарлетт, у меня есть немного яблок -Мамушка спрятала в подпол.
We been eatin' on dem today."	А сегодня мы их ели.
"Bring them before you dig the potatoes.	- Сначала принеси яблок, а потом пойди нарой картофеля.
And, Pork-I-I feel so faint.	И, Порк, постой.., я.., я что-то очень ослабела.

Is there any wine in the cellar, even blackberry?"	В погребе не осталось вина? Может, хоть ежевичного?
"Oh, Miss Scarlett, de cellar wuz de fust place dey went."	- Ох, мисс Скарлетт, они перво-наперво в погреб-то и полезли.
A swimming nausea compounded of hunger, sleeplessness, exhaustion and stunning blows came on suddenly and she gripped the carved roses under her hand.	Скарлетт вдруг почувствовала, что ее мутит: голод, бессонная ночь, усталость и страшные известия - все сказалось сразу, и она ухватилась за резной подлокотник софы, стараясь преодолеть головокружение.

"No wine," she said dully, remembering the endless rows of bottles in the cellar.	- Значит, нет вина, - произнесла она тупо, и перед взором ее воскресли бесчисленные ряды бутылок в отцовском погребе.
A memory stirred.	Что-то еще шевельнулось в памяти.
"Pork, what of the corn whisky Pa buried in the oak barrel under the scuppernong arbor?"	- Порк, а кукурузное виски в дубовом бочонке, которое папа закопал под беседкой?
Another ghost of a smile lit the black face, a smile of pleasure and respect.	И снова по темному лицу проползло нечто похожее на улыбку - радостную и исполненную уважения.

"Miss Scarlett, you sho is de beatenes' chile!	- Мисс Скарлетт, до чего ж у вас шустрые глазки!
Ah done plum fergit dat bah'l.	Я ведь напрочь забыл про тот бочонок.
But, Miss Scarlett, dat whisky ain' no good.	Только, мисс Скарлетт, это виски пить негоже.
Ain' been dar but 'bout a year an' whisky ain' no good fer ladies nohow."	Оно ведь почитай что еще и года не лежит, и опять же виски - это ж не для леди.
How stupid negroes were!	Порк - как все негры!

They never thought of anything unless they were told.	Нет чтобы пошевелить мозгами - что им скажут, то и твердят.

And the Yankees wanted to free them.	А янки еще надумали их освобождать.
"It'll be good enough for this lady and for Pa.	- Сейчас оно будет в самый раз и для леди, и для ее папы.
Hurry, Pork, and dig it up and bring us two glasses and some mint and sugar and I'll mix a julep."	Живее, Порк, откопай бочонок и принеси два стакана, немного мяты и сахара, и я приготовлю джулеп note 7.
"Miss Scarlett, you knows dey ain' been no sugar at Tara fer de longes'.	Порк поглядел на нее с укоризной. - Мисс Скарлетт, будто вы не знаете, какой же у нас сахар, мы о нем и думать позабыли.
An' dey hawses done et up all de mint an' dey done broke all de glasses."	И мяту всю лошади поели, а они перебили все стаканы.

If he says "They" once more, I'll scream.	"Если он еще раз скажет "они", я завизжу.
I can't help it, she thought, and then, aloud:	Я просто не выдержу", - подумала Скарлетт, а вслух приказала:
"Well, hurry and get the whisky, quickly.	- Ладно, ступай, принеси виски.
We'll take it neat."	Мы выпьем неразбавленного.
And, as he turned: "Wait, Pork. There's so many things to do that I can't seem to think... Oh, yes.	- И когда он уже собрался идти, добавила: -Постой, Порк, надо еще сделать так много, что "я как-то не могу собраться с мыслями... Да, вот что: я привела лошадь и корову.

I brought home a horse and a cow and the cow needs milking, badly, and unharness the horse and water him.	Корова мучается, давно не доена, а лошадь надо распрячь и напоить.
Go tell Mammy to look after the cow. Tell her she's got to fix the cow up somehow.	Ступай, скажи Мамушке, чтобы она занялась коровой, чтоб уж как-нибудь с ней управилась.
Miss Melanie's baby will die if he doesn't get something to eat and-"	Ребенок мисс Мелани умрет, если его не покормить, а...
"Miss Melly ain'-kain-?"	- Мисс Мелани.., того.., она не может?..
Pork paused delicately.	- Порк тактично умолк.
"Miss Melanie has no milk."	- Да, у мисс Мелани нет молока.

Dear God, but Mother would faint at that!	- Господи, мама упала бы в обморок от этих слов!
"Well, Miss Scarlett, mah Dilcey ten' ter Miss Melly's chile.	- Так, мисс Скарлетт, моя Дилси может покормить ребеночка мисс Мелани.
Mah Dilcey got a new chile herseff an' she got mo'n nuff fer both."	Дилси только-только родила, и молока у нее хватит на двоих.
"You've got a new baby, Pork?"	- Так у тебя тоже новорожденный, Порк?
Babies, babies, babies. Why did God make so many babies?	Младенцы, младенцы, младенцы... Зачем господу богу столько младенцев?
But no, God didn't make them.	Впрочем, это же не бог их творит.
Stupid people made them.	Их творят глупые люди.

"Yas'm, big fat black boy.	- Да, мэм, большой толстый черный мальчик.
He-"	Он...
"Go tell Dilcey to leave the girls. I'll look after them. Tell her to nurse Miss Melanie's baby and do what she can for Miss Melanie.	- Ступай, скажи Дилси, что я сама поухаживаю за сестрами, а она пусть покормит ребенка мисс Мелани и сделает для нее все что нужно.
Tell Mammy to look after the cow and put that poor horse in the stable."	А Мамушке вели заняться коровой и отведи эту несчастную лошадь на конюшню.
"Dey ain' no stable, Miss Scarlett.	- Конюшни нет, мисс Скарлетт.
Dey use it fer fiah wood."	Они растащили ее на костры.
"Don't tell me any more what 'They' did.	- Перестань перечислять мне, что "они" сделали.

Tell Dilcey to look after them.	Скажи Дилси, чтобы позаботилась о мисс Мелани и ребенке.
And you, Pork, go dig up that whisky and then some potatoes."	А сам ступай, принеси виски и ямса.
"But, Miss Scarlett, Ah ain' got no light ter dig by."	- Мисс Скарлетт, как же его копать в темноте-то?
"You can use a stick of firewood, can't you?"	- Возьми полено, отколи лучину, ты что, не понимаешь?
"Dey ain' no fiah wood-Dey-"	- Откуда ж полено? Они все дрова...
"Do something...	- Придумай что-нибудь.
I don't care what. But dig those things and dig them fast.	Не желаю ничего слушать... Накопай, и все, и поживее.
Now, hurry."	Поворачивайся!

Pork scurried from the room as her voice roughened and Scarlett was left alone with Gerald.	В голосе Скарлетт послышались резкие ноты, и Порк поспешно скрылся за дверью, а она осталась вдвоем с Джералдом.
She patted his leg gently.	Скарлетт ласково погладила его по колену.
She noted how shrunken were the thighs that once bulged with saddle muscles.	Как он отощал. А ведь какие у него были крепкие шенкеля!
She must do something to drag him from his apathy-but she could not ask about Mother.	Надо как-то вывести его из этой апатии. Только спрашивать его об Эллин - это выше ее сил.
That must come later, when she could stand it.	Это потом, когда она соберется с духом.

"Why didn't they burn Tara?"	- Почему все-таки они не сожгли дом?
Gerald stared at her for a moment as if not hearing her and she repeated her question.	Джералд молча смотрел на нее, словно не расслышав вопроса, и она задала его снова.
"Why-" he fumbled, "they used the house as a headquarters."	- Почему? - Он пробормотал что-то бессвязное. Потом - более внятно: - Они тут расположили свой штаб.
"Yankees-in this house?"	- Штаб янки? В нашем доме?
A feeling that the beloved walls had been defiled rose in her.	Она почувствовала, что дорогие ей стены оп-ганены.

This house, sacred because Ellen had lived in it, and those-those-in it.	Этот священный для нее дом, в котором жила Эллин, и здесь.., эти...
"So they were, Daughter.	- Да, дочка, янки.
We saw the smoke from Twelve Oaks, across the river, before they came.	Сначала мы увидели дым за рекой, над Двенадцатью Дубами, а потом пришли они.
But Miss Honey and Miss India and some of their darkies had refugeed to Macon, so we did not worry about them.	Но мисс Индия и мисс Милочка уже уехали в Мейкон и взяли с собой кое-кого из негров, так что мы за них не тревожились.
But we couldn't be going to Macon.	Ну, а мы в Мейкон уехать не могли.

The girls were so sick-your mother-we couldn't be going.	Девочки были очень больны.., и твоя мама.., и мы не могли уехать.
Our darkies ran-I'm not knowing where.	Негры все разбежались - кто куда.
They stole the wagons and the mules.	Забрали фургоны и мулов.
Mammy and Dilcey and Pork-they didn't run.	А Мамушка и Дилси и Порк - эти остались.
The girls-your mother-we couldn't be moving them."	Мы не могли тронуться с места.., из-за девочек.., из-за твоей мамы...
"Yes, yes." He mustn't talk about Mother.	- Да, да... - Только бы он не говорил о маме.
Anything else.	О чем угодно, лишь бы не о ней!

Even that General Sherman himself had used this room, Mother's office, for his headquarters. Anything else.	Лишь бы не о ней... Даже если сам генерал Шерман сделал эту комнату своей штаб-квартирой...
"The Yankees were moving on Jonesboro, to cut the railroad.	- Янки шли на Джонсборо, старались перерезать железную дорогу.
And they came up the road from the river-thousands and thousands-and cannon and horses-thousands.	Они шли от реки - их были тысячи... И тысячи лошадей и орудий.
I met them on the front porch."	Я встал на пороге.

"Oh, gallant little Gerald!" thought Scarlett, her heart swelling, Gerald meeting the enemy on the stairs of Tara as if an army stood behind him instead of in front of him.	"О, храбрый маленький Джералд!" - подумала Скарлетт, и сердце ее наполнилось гордостью. Джералд, встречающий неприятеля, стоя на пороге с таким видом, словно за спиной у него не пустой дом, а целое войско.
"They said for me to leave, that they would be burning the place.	- Они и сказали, что сожгут дом и чтобы я убирался, пока цел.
And I said that they would be burning it over my head.	А я сказал, что они могут сжечь его только вместе со мной.
We could not leave-the girls-your mother were-"	Мы не могли уйти - девочки.., и твоя мама...
"And then?"	- Ну, а потом?

Must he revert to Ellen always?	- Перестанет он когда-нибудь возвращаться все к тому же...
"I told them there was sickness in the house, the typhoid, and it was death to move them.	- Я сказал им, что в доме тиф... Что больных.., нельзя трогать, они умрут.
They could burn the roof over us.	Что пусть жгут дом вместе с нами.

I did not want to leave anyway-leave Tara-"	Да и не будь здесь никого, я все равно бы не ушел... Не покинул бы Тару...
His voice trailed off into silence as he looked absently about the walls and Scarlett understood.	Голос его замер, невидящим взглядом он обвел стены, но Скарлетт поняла.

There were too many Irish ancestors crowding behind Gerald's shoulders, men who had died on scant acres, fighting to the end rather than leave the homes where they had lived, plowed, loved, begotten sons.	За спиной Джералда стояли сонмы его ирландских предков, умиравших за клочок скудной земли, которую они возделывали своим трудом, боровшихся до конца за свой кров, под которым они жили, любили, рожали сыновей.
"I said that they would be burning the house over the heads of three dying women.	- Я сказал: пусть жгут дом вместе с тремя умирающими женщинами.
But we would not leave.	Но мы отсюда не уйдем.
The young officer was-was a gentleman."	Молодой офицер.., он оказался джентльменом...

"A Yankee a gentleman?	- Янки? Джентльме-ном?
Why, Pa!"	Что с тобой, папа!
"A gentleman.	- Да, джентльменом.
He galloped away and soon he was back with a captain, a surgeon, and he looked at the girls-and your mother."	Он ускакал и вскоре вернулся с капитаном -военным врачом, и тот осмотрел девочек и.., твою маму.
"You let a damned Yankee into their room?"	- И ты позволил прокля-тому янки переступить порог их спальни?
"He had opium.	- У него был опиум.
We had none.	А у нас его не было.
He saved your sisters.	Он спас жизнь твоим сестрам.
Suellen was hemorrhaging.	Сьюлин погибала от по-тери крови.

He was as kind as he knew how.	Этот врач был необыкновенно добр.
And when he reported that they were-ill- they did not burn the house.	И когда он доложил, что здесь.., больные, янки не стали жечь дом.
They moved in, some general, his staff, crowding in.	Какой-то генерал со своим штабом разместился тут, они заняли весь дом.
They filled all the rooms except the sick room.	Все комнаты, кроме той.., с больными.
And the soldiers-"	А солдаты...
He paused again, as if too tired to go on.	Его голос снова замер, казалось, силы покинули его.

His stubbly chin sank heavily in loose folds of flesh on his chest.	Небритый, обвислый подбородок тяжелыми складками лег на грудь.
With an effort he spoke again.	Но, сделав над собой усилие, он заговорил опять:
"They camped all round the house, everywhere, in the cotton, in the corn.	- Солдаты раскинули свой лагерь вокруг дома. Они были повсюду - на хлопковом поле, на кукурузном.
The pasture was blue with them.	Выгон стал синим от их мундиров.

That night there were a thousand campfires.	В ту же ночь зажглись тысячи бивачных огней.

They tore down the fences and burned them to cook with and the barns and the stables and the smokehouse.	Они разобрали изгороди, йотом амбары, и конюшни, и коптильню - жгли костры и готовили себе еду.
They killed the cows and the hogs and the chickens-even my turkeys."	Зарезали коров, свиней, кур.., даже моих индюков.
Gerald's precious turkeys.	Его любимых индюков!
So they were gone.	Так, значит, их тоже нет.
"They took things, even the pictures-some of the furniture, the china-"	- Они все забрали, даже портреты.., почти всю мебель, посуду.
"The silver?"	- А серебро?

"Pork and Mammy did something with the silver-put it in the well-but I'm not remembering now," Gerald's voice was fretful.	- Порк и Мамушка припрятали его куда-то... Кажется, в колодец.., не помню точно. - В голосе Джералда вдруг прорвалось раздражение.
"Then they fought the battle from here-from Tara-there was so much noise, people galloping up and stamping about.	- Янки вели сражение отсюда, из Тары... Шум, гам, вестовые скакали взад-вперед.
And later the cannon at Jonesboro-it sounded like thunder-even the girls could hear it, sick as they were, and they kept saying over and over:	А потом заговорили пушки Джонсборо - это было как гром. И девочкам в их комнате, конечно, было слышно, и они, бедняжки, все просили:
'Papa, make it stop thundering." "And-and Mother?	"Папа, сделай что-нибудь, мы не можем выдержать этого грохота!" - А.., а мама?

Did she know Yankees were in the house?"	Она знала, что янки у нас в доме?
"She-never knew anything."	- Она все время была без сознания...
"Thank God," said Scarlett.	- Слава богу! - сказала Скарлетт.
Mother was spared that.	Мама этого не видела.
Mother never knew, never heard the enemy in the rooms below, never heard the guns at Jonesboro, never learned that the land which was part of her heart was under Yankee feet.	Мама так и не узнала, что в доме внизу - враги, не слышала пушек Джонсборо, не подозревала о том, что сапог янки топчет дорогую ее сердцу землю.

"I saw few of them for I stayed upstairs with the girls and your mother.	- Я и сам мало кого из них видел, все время был наверху с девочками и с твоей матерью.
I saw the young surgeon mostly.	Видел больше молодого врача.
He was kind, so kind, Scarlett.	Он был добр, очень добр, Скарлетт.
After he'd worked all day with the wounded, he came and sat with them.	Провозится целый день с ранеными, а потом приходит сюда и сидит возле девочек.
He even left some medicine.	Он даже оставил нам лекарств.

He told me when they moved on that the girls would recover but your mother-She was so frail, he said-too frail to stand it all.	Когда янки уходили, он сказал мне, что девочки поправятся, но твоя мама... Слишком хрупкий организм, сказал он... Слишком хрупкий, чтобы все это выдержать.
He said she had undermined her strength... "	Силы подорваны, сказал он...

In the silence that fell, Scarlett saw her mother as she must have been in those last days, a thin power of strength in Tara, nursing, working, doing without sleep and food that the others might rest and eat.	В наступившем молчании Скарлетт отчетливо увидела перед собой мать, увидела такой, какой она, наверно, была в эти последние дни до болезни, - единственный несокрушимый, хоть и хрупкий, оплот дома: день и ночь в трудах, в уходе за больными, без сна, без отдыха, без пищи, чтобы остальные могли есть и спать.
"And then, they moved on.	- А потом они ушли.
Then, they moved on."	Потом они ушли.
He was silent for a long time and then fumbled at her hand.	Джералд долго молчал, затем неуклюже поискал ее руку.

"It's glad I am you are home," he said simply.	- Я рад, что ты вернулась домой, - сказал он.
There was a scraping noise on the back porch.	У заднего крыльца раздались шаркающие звуки.
Poor Pork, trained for forty years to clean his shoes before entering the house, did not forget, even in a time like this.	Бедняга Порк, приученный за сорок лет никогда не входить в дом, не вытерев башмаков, соблюдал порядок даже теперь.
He came in, carefully carrying two gourds, and the strong smell of dripping spirits entered before him.	Он вошел, бережно неся две тыквенные бутыли, и сильный запах пролитого спирта проник в комнату раньше него.
"Ah spilt a plen'y, Miss Scarlett.	- Расплескалось малость, мисс Скарлетт.

It's pow'ful hard ter po' outer a bung hole inter a go'de."	Больно уж не с руки наливать в них из бочонка.
"That's quite all right, Pork, and thank you."	- Ничего, Порк, спасибо.
She took the wet gourd dipper from him, her nostrils wrinkling in distaste at the reek.	- Она взяла у него мокрую бутыль и невольно поморщилась от отвращения, когда запах виски ударил ей в нос.
"Drink this, Father," she said, pushing the whisky in its strange receptacle into his hand and taking the second gourd of water from Pork.	- Выпей, папа, - сказала она, передавая Джералду этот необычный винный сосуд и беря вторую бутыль - с водой - из рук Порка.

Gerald raised it, obedient as a child, and gulped noisily.	Джералд послушно, как дитя, поднес горлышко ко рту и громко отхлебнул.
She handed the water to him but he shook his head.	Скарлетт протянула ему бутыль с водой, но он отрицательно покачал головою.
As she took the whisky from him and held it to her mouth, she saw his eyes follow her, a vague stirring of disapproval in them.	Беря у него бутыль с виски и прикладывая горлышко к губам, Скарлетт заметила, что он следит за ней глазами и в них промелькнуло нечто близкое к неодобрению.
"I know no lady drinks spirits," she said briefly.	- Я знаю, что леди не пьют крепких напитков, -сухо сказала она.

"But today I'm no lady, Pa, and there is work to do tonight."	- Но на сегодня забудь, что я леди, папа, сегодня мне надо заняться делами.
She tilted the dipper, drew a deep breath and drank swiftly.	Она сделала глубокий вдох, запрокинула бутыль и быстро глотнула.

The hot liquid burned down her throat to her stomach, choking her and bringing tears to her eyes.	Жгучий напиток обжег ей горло, она почувствовала, что задыхается, и на глазах у нее выступили слезы.
She drew another breath and raised it again.	Она снова глубоко втянула в себя воздух и снова поднесла бутыль к губам.

"Katie Scarlett," said Gerald, the first note of authority she had heard in his voice since her return, "that is enough.	- Кэти-Скарлетт, - произнес Джералд, и впервые с момента своего возвращения она уловила в его голосе властные отцовские нотки, - довольно.
You're not knowing spirits and they will be making you tipsy."	Ты не привыкла к спиртному и можешь захмелеть.
"Tipsy?"	- Захмелеть?
She laughed an ugly laugh.	- Она рассмеялась, и смех прозвучал грубо.
"Tipsy?	- Захмелеть?
I hope it makes me drunk. I would like to be drunk and forget all of this."	Я хотела бы напиться вдрызг - так, чтобы забыть про все на свете.

She drank again, a slow train of warmth lighting in her veins and stealing through her body until even her finger tips tingled.	Она сделала еще глоток, и тепло пробежало у нее по жилам, разлилось по всему телу - она почувствовала его даже в кончиках пальцев.
What a blessed feeling, this kindly fire.	Какое блаженное ощущение дает этот благословенный огненный напиток!
It seemed to penetrate even her ice-locked heart and strength came coursing back into her body.	Казалось, он проник даже в ее оледеневшее сердце и тело начало возрождаться к жизни.

Seeing Gerald's puzzled hurt face, she patted his knee again and managed an imitation of the pert smile he used to love.	Перехватив ошеломленный, страдальческий взгляд Джерадда, она потрепала его по колену и постаралась изобразить на яйце капризно-дерзкую улыбку, против которой он всегда был безоружен.
"How could it make me tipsy, Pa?	- Как могу я захмелеть, па?
I'm your daughter.	Разве я не твоя дочка?
Haven't I inherited the steadiest head in Clayton County?"	Разве я не получила в наследство самую крепкую голову во всем графстве Клейтон?
He almost smiled into her tired face.	Он вгляделся в ее усталое лицо, и она уловила на его губах даже некое подобие улыбки.

The whisky was bracing him too. She handed it back to him.	Виски взбодрило и его... Она снова протянула ему бутыль.
"Now you're going to take another drink and then I am going to take you upstairs and put you to bed."	- А сейчас можешь глотнуть еще разок, после чего я помогу тебе подняться наверх и уложу бай-бай.
She caught herself.	Она прикусила язык.
Why, this was the way she talked to Wade-she should not address her father like this.	Нельзя разговаривать с отцом, как с ребенком, как с Уэйдом. Так не годится.
It was disrespectful.	Это неуважительно.
But he hung on her words.	Однако Джералд обрадовался ее словам.

"Yes, put you to bed," she added lightly, "and give you another drink-maybe all the dipper and make you go to sleep.	- Ну да, уложу тебя бай-бай, - бодро повторила Скарлетт, - и дам выпить еще глоточек, может быть, даже целый ковшик, и убаюкаю, и ты уснешь.
You need sleep and Katie Scarlett is here, so you need not worry about anything.	Тебе нужно выспаться, а Кэти-Скарлетт вернулась домой, и, значит, не о чем больше тревожиться.
Drink."	Пей.
He drank again obediently and, slipping her arm through his, she pulled him to his feet.	Джералд послушно сделал еще глоток, и Скарлетт, взяв его под руку, помогла ему встать.
"Pork... "	- Порк...

Pork took the gourd in one hand and Gerald's arm in the other.	Порк взял тыквенную бутылку в одну руку, другой подхватил Джералда.
Scarlett picked up the flaring candle and the three walked slowly into the dark hall and up the winding steps toward Gerald's room.	Скарлетт подняла повыше горящую свечу, и они втроем медленно направились через темный холл к полукруглой лестнице, ведущей в комнату хозяина.
The room where Suellen and Carreen lay mumbling and tossing on the same bed stank vilely with the smell of the twisted rag burning in a saucer of bacon fat, which provided the only light.	В спальне, где Сьюлин и Кэррин лежали в одной постели, разметавшись и что-то бормоча во сне, стоял удушливый смрад от единственного источника света - тряпичного фитиля в блюдце со свиным салом.

When Scarlett first opened the door the thick atmosphere of the room, with all windows closed and the air reeking with sick-room odors, medicine smells and stinking grease, almost made her faint.	Когда Скалетт отворила дверь в эту комнату с наглухо закрытыми окнами, в лицо ей пахнуло таким тяжелым, спертым воздухом больничной палаты - запахом лекарств и зловонного сала, -что она едва не лишилась чувств.
Doctors might say that fresh air was fatal in a sick room but if she were to sit here, she must have air or die.	Доктора могут, конечно, утверждать, что свежий воздух опасен для больных, но если ей предстоит пробыть какое-то время здесь, то она должна дышать, чтобы не умереть.

She opened the three windows, bringing in the smell of oak leaves and earth, but the fresh air could do little toward dispelling the sickening odors which had accumulated for weeks in this close room.	Скарлетт распахнула все три окна, и в комнату ворвался запах дубовой листвы и земли. И все же свежему воздуху было не под силу сразу взять верх над тошнотворным запахом, неделями застаивавшимся в непроветриваемой комнате.

Carreen and Suellen, emaciated and white, slept brokenly and awoke to mumble with wide, staring eyes in the tall four-poster bed where they had whispered together in better, happier days.	Кэррин и Сьюлин, бледные, исхудалые, лежали на большой кровати с пологом на четырех столбиках, в которой они так весело шептались когда-то, в более счастливые времена; сон их был беспокоен, они то и дело просыпались и что-то бессвязно бормотали, уставясь в пространство широко открытыми, невидящими глазами.
In the corner of the room was an empty bed, a narrow French Empire bed with curling head and foot, a bed which Ellen had brought from Savannah.	В углу стояла пустая кровать - узкая кровать в стиле французского ампира с резным изголовьем и изножьем, которую Эллин привезла с собой из Саванны.

This was where Ellen had lain.	Здесь, на этой кровати, лежала она во время болезни.

Scarlett sat beside the two girls, staring at them stupidly.	Скарлетт села возле постели сестер, тупо на них глядя.
The whisky taken on a stomach long empty was playing tricks on her.	Выпитое на голодный желудок виски вытворяло с ней скверные шутки.
Sometimes her sisters seemed far away and tiny and their incoherent voices came to her like the buzz of insects. And again, they loomed large, rushing at her with lightning speed.	Сестры то уплывали куда-то далеко-далеко и становились совсем крошечными, а их бессвязное бормотание - едва слышным, не громче комариного писка, то вдруг начинали расти и со страшной скоростью надвигаться на нее.

She was tired, tired to the bone.	Она устала, смертельно устала.
She could lie down and sleep for days.	Лечь бы и проспать несколько дней кряду.
If she could only lie down and sleep and wake to feel Ellen gently shaking her arm and saying:	Если бы можно было уснуть и, проснувшись, почувствовать мягкое прикосновение руки Эллин к своему плечу, услышать ее голос:
"It is late, Scarlett.	"Уже поздно, Скарлетт.
You must not be so lazy."	Нельзя быть такой лентяйкой".
But she could not ever do that again.	Но так уже не будет никогда.

If there were only Ellen, someone older than she, wiser and unweary, to whom she could go!	О, если бы Эллин была рядом! Если бы рядом был кто-то и старше и умнее и не такой смертельно усталый, как она, кто-то, кто мог бы ей помочь!
Someone in whose lap she could lay her head, someone on whose shoulders she could rest her burdens!	Кто-то, кому можно уткнуться головой в колени и переложить тяжкую ношу со своих плеч на его плечи!
The door opened softly and Dilcey entered, Melanie's baby held to her breast, the gourd of whisky in her hand.	Бесшумно отворилась дверь, и вошла Дилси, держа ребенка Мелани у груди и бутылку виски в руке.

In the smoky, uncertain light, she seemed thinner than when Scarlett last saw her and the Indian blood was more evident in her face.	В тусклом колеблющемся свете ночника она показалась Скарлетт похудевшей, а примесь индейской крови стала словно бы более заметной.
The high cheek bones were more prominent, the hawk-bridged nose was sharper and her copper skin gleamed with a brighter hue.	Широкие скулы обозначились резче, ястребиный нос заострился, а бронзовый оттенок кожи проступил отчетливее.
Her faded calico dress was open to the waist and her large bronze breast exposed.	Ее линялое ситцевое платье было расстегнуто до самого пояса, и большие смуглые груди обнажены.

Held close against her, Melanie's baby pressed his pale rosebud mouth greedily to the dark nipple, sucking, gripping tiny fists against the soft flesh like a kitten in the warm fur of its mother's belly.	Ребенок Мелани жадно насыщался, припав крошечным бледно-розовым ротиком к темному соску. Младенческие кулачки упирались в мягкую плоть, словно лапы котенка - в теплую шерсть материнского живота.
Scarlett rose unsteadily and put a hand on Dilcey's arm.	Скарлетт, пошатываясь, поднялась на ноги и положила руку на плечо Дилси.
"It was good of you to stay, Dilcey."	- Как хорошо, что ты осталась с нами, Дилси.

"How could I go off wid them trashy niggers, Miss Scarlett, after yo' pa been so good to buy me and my little Prissy and yo' ma been so kine?"	- Как же я могла уйти с этими негодными неграми, мисс Скарлетт, когда ваш папенька такой был добрый и, купил меня и мою Присси, и ваша маменька тоже была всегда такая добрая?
"Sit down, Dilcey.	- Сядь, Дилси.
The baby can eat all right, then?	Значит, ребенок берет грудь, все в порядке?
And how is Miss Melanie?"	А как мисс Мелани?

"Nuthin' wrong wid this chile 'cept he hongry, and whut it take to feed a hongry chile I got.	- Да с ребенком все в порядке, просто голодный он, а чем накормить голодного ребенка - этого у меня хватит.
No'm, Miss Melanie is all right.	И мисс Мелани в порядке, мэм.
She ain' gwine die, Miss Scarlett. Doan you fret yo'seff.	Она не умрет, мисс Скарлетт, не бойтесь.
I seen too many, white and black, lak her.	Я таких, как она, перевидала немало - и белых и черных.
She mighty tired and nervous like and scared fo' this baby.	Она просто уж больно устала, замучилась и больно боится за маленького.

But I hesh her and give her some of whut was lef in that go'de and she sleepin'."	Но я ее успокоила и дала ей выпить, что тут оставалось, в этой бутылке, и теперь она уснула.
So the corn whisky had been used by the whole family!	"Вот как, значит, кукурузное виски сослужило службу всему семейству! - подумала Скарлетт, подавляя желание истерически расхохотаться.
Scarlett thought hysterically that perhaps she had better give a drink to little Wade and see if it would stop his hiccoughs-And Melanie would not die.	- Пожалуй, стоит дать и Уэйду, может, он перестанет икать?..

And when Ashley came home-if he did come home... No, she would think of that later too.	И Мелани не умрет... И когда Эшли вернется.., если он вернется..." Нет, об этом она тоже не будет думать сейчас... Потом, потом.
So much to think of-later!	Так много всего, о чем придется подумать.., потом.
So many things to unravel-to decide.	Столько всего надо распутать, столько всего нужно решить.
If only she could put off the hour of reckoning forever!	О, если бы можно было отодвинуть все это от себя навсегда!

She started suddenly as a creaking noise and a rhythmic "Ker-bunk-ker-bunk-" broke the stillness of the air outside.	Внезапно она испуганно вздрогнула от скрипучих ритмичных звуков, нарушивших тишину за окном.
"That's Mammy gettin' the water to sponge off the young Misses.	- Это Мамушка - достает воды, чтоб обтереть барышень.
They takes a heap of bathin'," explained Dilcey, propping the gourd on the table between medicine bottles and a glass.	Их нужно часто обтирать, - пояснила Дилси, устанавливая тыквенную бутылку на столе и подпирая ее пузырьками с лекарством и стаканами.
Scarlett laughed suddenly.	Скарлетт неожиданно рассмеялась.

Her nerves must be shredded if the noise of the well windlass, bound up in her earliest memories, could frighten her.	Должно быть, нервы у нее совсем развинтились, если скрип колодезного ворота, знакомый ей с младенческих лет, мог так ее напугать.
Dilcey looked at her steadily as she laughed, her face immobile in its dignity, but Scarlett felt that Dilcey understood.	Дилси внимательно на нее поглядела. Ничто не отразилось на ее спокойном, исполненном достоинства лице, но Скарлетт почувствовала, что Дилси все поняла.
She sank back in her chair.	Скарлетт снова откинулась на спинку стула.
If she could only be rid of her tight stays, the collar that choked her and the slippers still full of sand and gravel that blistered her feet.	Надо бы хоть расшнуровать корсет, расстегнуть воротник, который душил ее, вытряхнуть из туфель песок и камешки, от которых горели ноги.

The windlass creaked slowly as the rope wound up, each creak bringing the bucket nearer the top.	Неспешно поскрипывал ворот, обвиваясь веревкой и с каждым оборотом все выше поднимая ведерко с водой.
Soon Mammy would be with her-Ellen's Mammy, her Mammy.	Скоро она придет сюда - та, что вынянчила и Эллин, и ее.
She sat silent, intent on nothing, while the baby, already glutted with milk, whimpered because he had lost the friendly nipple.	Скарлетт сидела молча, словно бы отрешившись на миг от всего, а младенец, насытившись молоком, потерял полюбившийся ему сосок и захныкал.

Dilcey, silent too, guided the child's mouth back, quieting him in her arms as Scarlett listened to the slow scuffing of Mammy's feet across the back yard.	Дилси, такая же молчаливая, как Скарлетт, снова приложила младенца к груди, тихонько его покачивая. Скарлетт прислушивалась к медленному шарканью Мамушкиных ног на заднем дворе.
How still the night air was!	Как недвижен и тих воздух ночи!
The slightest sounds roared in her ears.	Малейший звук громом отдавался в ушах.
The upstairs hall seemed to shake as Mammy's ponderous weight came toward the door.	Лестница в холле, казалось, заходила ходуном под тяжестью грузного тела, когда Мамушка со своей ношей стала подниматься наверх.

Then Mammy was in the room, Mammy with shoulders dragged down by two heavy wooden buckets, her kind black face sad with the uncomprehending sadness of a monkey's face.	И вот она появилась в дверях: две деревянные бадейки, полные воды, оттягивали ей плечи, доброе темное лицо было печально -недоуменно-печально, как лицо старой мартышки.
Her eyes lighted up at the sight of Scarlett, her white teeth gleamed as she set down the buckets, and Scarlett ran to her, laying her head on the broad, sagging breasts which had held so many heads, black and white.	При виде Скарлетт глаза ее засветились радостью, белые зубы блеснули в улыбке, она поставила бадейки, и Скарлетт, вскочив, бросилась к ней и припала головой к широкой, мягкой груди, к которой в поисках утешения припадало столько голов - и черных и белых.

Here was something of stability, thought Scarlett, something of the old life that was unchanging.	"Вот то немногое надежное, что осталось от прежней жизни, что не изменилось", - пронеслось у Скарлетт в голове.
But Mammy's first words dispelled this illusion.	Но первые же слова Мамушки развеяли эту иллюзию.
"Mammy's chile is home!	- Наша доченька воротилась домой!

Oh, Miss Scarlett, now dat Miss Ellen's in de grabe, whut is we gwine ter do?	Ох, мисс Скарлетт, опустили мы мисс Эллин в могилку, и как теперь жить-то будем, ума не приложу!
Oh, Miss Scarlett, effen Ah wuz jes' daid longside Miss Ellen!	Ох, мисс Скарлетт, одного хочу - поскорее лечь рядом с мисс Эллин!

Ah kain make out widout Miss Ellen.	Куда ж я без нее!
Ain' nuthin' lef now but mizry an' trouble.	Только горе да беда кругом.
Jes' weery loads, honey, jes' weery loads."	Знай одно - свою ношу нести...
As Scarlett lay with her head hugged close to Mammy's breast, two words caught her attention, "weery loads."	Скарлетт стояла, припав головой к Мамушкиной груди; последние слова Мамушки поразили ее слух: "Знай одно - свою ношу нести".
Those were the words which had hummed in her brain that afternoon so monotonously they had sickened her.	Именно эти слова монотонно стучали у нее в мозгу весь вечер, сводя ее с ума.

Now, she remembered the rest of the song, remembered with a sinking heart:	И сейчас у нее захолонуло сердце, когда она вспомнила, откуда они:
"Just a few more days for to tote the weary load!	Еще день, еще два свою ношу нести
No matter, 'twill never be light!	И не ждать ниоткуда подмоги.
Just a few more days till we totter in the road-"	Еще шаг, еще шаг по дорогам брести...
"No matter, 'twill never be light"-she took the words to her tired mind.	"И не ждать ниоткуда подмоги..." - эта строчка всплыла теперь в усталой памяти.
Would her load never be light?	Неужели ее ноша никогда не станет легче?

Was coming home to Tara to mean, not blessed surcease, but only more loads to carry?	И возвращение домой - это не благословенное утоление всех печалей, а еще новый груз ей на плечи?
She slipped from Mammy's arms and, reaching up, patted the wrinkled black face.	Она выскользнула из объятий Мамушки и погладила ее по морщинистой щеке.
"Honey, yo' han's!"	- Ласточка моя, что с вашими ручками!
Mammy took the small hands with their blisters and blood clots in hers and looked at them with horrified disapproval.	- Мамушка взяла ее маленькие, натруженные, все в волдырях и ссадинах руки и глядела на них с ужасом и осуждением.

"Miss Scarlett, Ah done tole you an' tole you dat you kin allus tell a lady by her han's an'-yo' face sunbuhnt too!"	- Мисс Скарлетт, уж я ли не говорила вам, я ли вам не говорила, что настоящую леди всегда можно узнать по рукам... А личико-то у вас совсем потемнело от загара!
Poor Mammy, still the martinet about such unimportant things even though war and death had just passed over her head!	Бедная Мамушка, ей все еще бередят душу эти пустяки, хотя над головой ее прогремела война и она смотрела в глаза смерти!
In another moment she would be saying that young Misses with blistered hands and freckles most generally didn't never catch husbands and Scarlett forestalled the remark.	Того и гляди, она, пожалуй, скажет, что молодой даме с волдырями на пальцах и веснушками на носу никогда не заполучить жениха!

"Mammy, I want you to tell me about Mother.	Скарлетт поспешила ее опередить: - Мамушка, расскажи мне про маму.

I couldn't bear to hear Pa talk about her."	Я не могу слышать, как о ней рассказывает папа.
Tears started from Mammy's eyes as she leaned down to pick up the buckets.	Слезы брызнули из глаз Мамушки; она наклонилась и подняла бадейки с водой.
In silence she carried them to the bedside and, turning down the sheet, began pulling up the night clothes of Suellen and Carreen.	Молча поставила их возле кровати, откинула простыню и начала стаскивать ночные рубашки с Кэррин и Сьюлин.

Scarlett, peering at her sisters in the dim flaring light, saw that Carreen wore a nightgown, clean but in tatters, and Suellen lay wrapped in an old negligee, a brown linen garment heavy with tagging ends of Irish lace.	Скарлетт смотрела на своих сестер в тусклом, мерцающем свете ночника и видела, что рубашка у Кэррин, хотя и чистая, но уже превратилась в лохмотья, а на Сьюлин - старый пеньюар из небеленого полотна, пышно отделанный ирландским кружевом.
Mammy cried silently as she sponged the gaunt bodies, using the remnant of an old apron as a cloth.	Мамушка, молча роняя слезы, обтирала мокрой губкой исхудалые девичьи тела, а вместо полотенца пускала в ход обрывок старого передника.

"Miss Scarlett, it wuz dem Slatterys, dem trashy, no-good, low-down po'-w'ite Slatterys dat kilt Miss Ellen.	- Мисс Скарлетт, это все Слэттери, эта никудышная, жалкая белая голытьба, дрянные, подлые людишки! Это они сгубили мисс Эллин.
Ah done tole her an' tole her it doan do no good doin' things fer trashy folks, but Miss Ellen wuz so sot in her ways an' her heart so sof she couldn' never say no ter nobody whut needed her."	Уж сколько я ей толковала, сколько толковала -нечего с ними связываться, одно зло от них, да уж больно она добрая была, никому не могла отказать в помощи.
"Slatterys?" questioned Scarlett, bewildered.	- Слэттери? - с недоумением переспросила Скарлетт.
"How do they come in?"	- А они здесь при чем?

"Dey wuz sick wid disyere thing," Mammy gestured with her rag to the two naked girls, dripping with water on their damp sheet.	- На них там напала эта самая хворь. - Мамушка показала тряпкой, с которой стекала вода, на обнаженные тела сестер.
"Ole Miss Slattery's gal, Emmie, come down wid it an' Miss Slattery come hotfootin' it up hyah affer Miss Ellen, lak she allus done w'en anything wrong.	- Эмми, старшая дочка мисс Слэттери, слегла, и мисс Слэттери принеслась как угорелая сюда, за мисс Эллин. Она ж всегда этак, случись у них чего.
Why din' she nuss her own?	Почему бы ей самой-то не повозиться со своими?
Miss Ellen had mo'n she could tote anyways.	Мисс Эллин и так еле на ногах держалась.

But Miss Ellen she went down dar an' she nuss Emmie.	А все ж таки пошла туда и ухаживала за Эмми.
An' Miss Ellen wuzn' well a-tall herseff, Miss Scarlett.	А сама-то она уже тогда больна была.
Yo' ma hadn' been well fer de longes'.	Ваша мама, мисс Скарлетт, уже давно была больна.
Dey ain' been too much ter eat roun' hyah, wid de commissary stealin' eve'y thing us growed.	Есть-то почитай что нечего было, что ни вырастим - все забирали для солдат.
An' Miss Ellen eat lak a bird anyways.	А мисс Эллин ела как птичка.

An' Ah tole her an' tole her ter let dem w'ite trash alone, but she din' pay me no mine.	И уж сколько я ей ни толковала, сколько ни толковала - бросьте вы возиться с этой белой голытьбой, да разве она меня слушала.
Well'm, 'bout de time Emmie look lak she gittin' better, Miss Carreen come down wid it.	А когда Эмми пошла вроде на поправку, слегла мисс Кэррин.
Yas'm, de typhoy fly right up de road an' ketch Miss Carreen, an' den down come Miss Suellen.	Да, мэм, тиф пошел дальше и пришел сюда, и мисс Кэррин слегла, а за ней и мисс Сьюлин.
So Miss Ellen, she tuck an' nuss dem too.	Ну, тут мисс Эллин принялась выхаживать их.

"Wid all de fightin' up de road an' de Yankees 'cross de river an' us not knowin' whut wuz gwine ter happen ter us an' de fe'el han's runnin' off eve'y night, Ah's 'bout crazy.	За рекой - янки, кругом стрельба, негры с полей что ни день бегут, и никто не знает, что с нами будет. Я думала - ума решусь.
But Miss Ellen jes' as cool as a cucumber. 'cept she wuz worried ter a ghos' 'bout de young Misses kase we couldn' git no medicines nor nuthin'.	А мисс Эллин - ну хоть бы что, такая ж, как всегда. Только о дочках очень тревожилась, что нету у нас ни лекарств, ничего.
An' one night she say ter me affer we done sponge off de young Misses 'bout ten times, she say,	И как-то раз - мы в ту ночь почитай что раз десять обтирали их, бедняжек, - она и говорит мне:

'Mammy, effen Ah could sell mah soul, Ah'd sell it fer some ice ter put on mah gals' haids. '	"Мамушка, я бы, - говорит, - продала бы, кажется, душу дьяволу за кусочек льда, чтобы положить на лоб моим дочкам".
"She wouldn't let Mist' Gerald come in hyah, nor Rosa nor Teena, nobody but me, kase Ah done had de typhoy.	Она сюда никого не пускала - ни мистера Джералда, ни Розу, ни Тину, никого, только меня, потому как я-то тифом раньше переболела.
An' den it tuck her, Miss Scarlett, an' Ah seed right off dat 'twarnt no use."	А потом он свалил и ее, и я сразу увидала, мисс Скарлетт, что тут уж ничем не поможешь.
Mammy straightened up and, raising her apron, dried her streaming eyes.	Мамушка выпрямилась и вытерла фартуком слезы.

"She went fas', Miss Scarlett, an' even dat nice Yankee doctah couldn' do nuthin' fer her.	- Ее сразу скрутило, и даже этот добряк -доктор-янки - ничего поделать не мог.
She din' know nuthin' a-tall.	Она, мисс Скарлетт, не понимала ничего.
Ah call ter her an' talk ter her but she din' even know her own Mammy."	Я, бывало, кличу ее, кличу, говорю с ней, а она даже и не узнает своей Мамушки.
"Did she-did she ever mention me-call for me?"	- А про меня.., она вспоминала? Звала меня?
"No, honey.	- Нет, ласточка.
She think she is lil gal back in Savannah.	Она думала, что она опять в Саванне, опять девочка еще.
She din' call nobody by name."	И не звала никого.

Dilcey stirred and laid the sleeping baby across her knees.	Дилси пошевелилась и опустила уснувшего ребенка себе на колени.
"Yes'm, she did.	- Нет. Она звала, мэм.
She did call somebody."	Одного человека звала.
"You hesh yo' mouf, you Injun-nigger!"	- Цыц ты! Заткни свою краснокожую пасть!

Mammy turned with threatening violence on Dilcey.	- Мамушка, дрожа от возмущения, повернулась к Дилси.
"Hush, Mammy!	- Тише, Мамушка, тише!
Who did she call, Dilcey?	Кого она звала, Дилси?
Pa?"	Папу?

"No'm. Not yo' pa.	- Нет, мэм. Не вашего папеньку.
It wuz the night the cotton buhnt-"	Это было в ту ночь, когда жгли хлопок...
"Has the cotton gone-tell me quickly!"	- Так хлопок сожгли? Весь?.. Что ты молчишь?
"Yes'm, it buhnt up.	- Да, мэм, сгорел он.
The sojers rolls it out of the shed into the back yard and hollers,	Солдаты вытащили его из-под навеса на задний двор, подожгли и все кричали:
'Here the bigges' bonfiah in Georgia,' and tech it off."	"Во какой у нас костер - самый большой во всей Джорджии!"

Three years of stored cotton- one hundred and fifty thousand dollars, all in one blaze!	Урожай хлопка за три года - сто пятьдесят тысяч долларов, - все спалили одним махом!
"And the fiah light up the place lak it wuz day-we wuz scared the house would buhn, too, and it wuz so bright in this hyah room that you could mos' pick a needle offen the flo'.	- Светло было как днем. Даже здесь, наверху, в комнатах так стало светло - нитку можно было продеть в иголку.
And w'en the light shine in the winder, it look lak it wake Miss Ellen up and she set right up in bed and cry out loud, time and again:	Мы страсть как боялись, что и дом загорится. И когда в окнах-то засветилось, мисс Эллин села на постели и громко-громко крикнула - раз и потом другой:
' Feeleep!	"Филипп!
Feeleep!'	Филипп!"

I ain' never heerd no sech name but it wuz a name and she wuz callin' him."	Я такого имени отродясь не слыхала, но только это было чье-то имя и она, значит, звала кого-то.
Mammy stood as though turned to stone glaring at Dilcey but Scarlett dropped her head into her hands.	Мамушка, окаменев, приросла к месту. Она сверлила глазами Дилси, а Скарлетт молча закрыла лицо руками.
Philippe-who was he and what had he been to Mother that she died calling him?	Кто такой этот Филипп, какое отношение имел он к Эллин, почему призывала она его в свой смертный час?
The long road from Atlanta to Tara had ended, ended in a blank wall, the road that was to end in Ellen's arms.	Долгий путь от Атланты до Тары, который должен был привести ее в объятия Эллин, пришел к концу, и перед Скарлетт воздвиглась глухая стена.

Never again could Scarlett lie down, as a child, secure beneath her father's roof with the protection of her mother's love wrapped about her like an eiderdown quilt.	Никогда уже больше не уснет она безмятежно, как ребенок, под отчим кровом, окруженная любовью и заботами Эллин, ощущая их на себе, словно мягкое пуховое одеяло.
There was no security or haven to which she could turn now.	Не было больше тихой пристани, и все казалось ненадежным и непрочным.

No turning or twisting would avoid this dead end to which she had come.	И не было пути ни назад, ни в сторону - тупик, глухая стена.
There was no one on whose shoulders she could rest her burdens.	И ношу свою она не могла переложить на чьи-то другие плечи.

Her father was old and stunned, her sisters ill, Melanie frail and weak, the children helpless, and the negroes looking up to her with childlike faith, clinging to her skirts, knowing that Ellen's daughter would be the refuge Ellen had always been.	Отец стар и не в себе от горя; сестры больны; Мелани чуть жива; дети беспомощны, а кучка негров взирает на нее с детской доверчивостью, ходит за ней по пятам, твердо зная, что старшая дочь Эллин будет для всех столь же надежным оплотом, каким была ее мать.
Through the window, in the faint light of the rising moon, Tara stretched before her, negroes gone, acres desolate, barns ruined, like a body bleeding under her eyes, like her own body, slowly bleeding.	За окном всходила луна, и в ее тусклом свете перед взором Скарлетт, подобная обескровленном телу (ее собственному, медленно кровоточащему телу), лежала обезлюдевшая, выжженная, разоренная земля.

This was the end of the road, quivering old age, sickness, hungry mouths, helpless hands plucking at her skirts.	Вот он, конец пути: старость, болезни, голодные рты, беспомощные руки, цепляющиеся за ее подол.
And at the end of this road, there was nothing-nothing but Scarlett O'Hara Hamilton, nineteen years old, a widow with a little child.	И она, Скарлетт О'Хара Гамильтон, вдова девятнадцати лет от роду, одна, одна с малюткой-сыном.
What would she do with all of this?	Так что же ей теперь делать?
Aunt Pitty and the Burrs in Macon could take Melanie and her baby.	Конечно, тетушка Питти и Бэрры в Мейконе могут взять к себе Мелани с младенцем.

If the girls recovered, Ellen's family would have to take them, whether they liked it or not.	Если сестры поправятся, родные Эллин должны будут - пусть даже им это не очень по душе -позаботиться о них.
And she and Gerald could turn to Uncle James and Andrew.	А она и Джералд могут обратиться за помощью к дядюшкам Джеймсу и Эндрю.
She looked at the thin forms, tossing before her, the sheets about them moist and dark from dripping water.	Скарлетт поглядела на два исхудалых тела, разметавшиеся на потемневших от пролитой воды простынях.
She did not like Suellen. She saw it now with a sudden clarity.	Она не испытывала любви к Сьюлин и сейчас внезапно поняла это с полной отчетливостью.
She had never liked her.	Да, она никогда ее не любила.

She did not especially love Carreen-she could not love anyone who was weak.	Не так уж сильно привязана она и к Кэррин - все слабые существа не вызывали в ней симпатии.
But they were of her blood, part of Tara.	Но они одной с ней плоти и крови, они частица Тары.
No, she could not let them live out their lives in their aunts' homes as poor relations.	Нет, не может она допустить, чтобы они жили у тетушек, на положении бедных родственниц.
An O'Hara a poor relation, living on charity bread and sufferance!	Чтобы кто-то из О'Хара жил у кого-то из милости, на чужих хлебах!
Oh, never that!	Нет, этому не бывать!
Was there no escape from this dead end?	Так неужели нет выхода из этого тупика?

Her tired brain moved so slowly.	Ее усталый мозг отказывался соображать.
She raised her hands to her head as wearily as if the air were water against which her arms struggled.	Она медленно, словно воздух был плотным, как вода, подняла руки и поднесла их к вискам.
She took the gourd from between the glass and bottle and looked in it.	Потом взяла тыквенную бутыль, установленную между стаканами и пузырьками, и заглянула в нее.
There was some whisky left in the bottom, how much she could not tell in the uncertain light.	На дне оставалось еще немного виски - при этом тусклом свете невозможно было понять сколько.
Strange that the sharp smell did not offend her nostrils now.	Странно, что резкий запах виски уже не вызывал в ней отвращения.

She drank slowly but this time the liquid did not burn, only a dull warmth followed.	Она сделала несколько медленных глотков, но виски на этот раз не обожгло ей горло - просто тепло разлилось по всему телу, погружая его в оцепенение.
She set down the empty gourd and looked about her.	Она положила на стол пустую бутылку и поглядела вокруг.

This was all a dream, this smoke-filled dim room, the scrawny girls, Mammy shapeless and huge crouching beside the bed, Dilcey a still bronze image with the sleeping pink morsel against her dark breast- all a dream from which she would awake, to smell bacon frying in the kitchen, hear the throaty laughter of the negroes and the creaking of wagons fieldward bound, and Ellen's gentle insistent hand upon her.	Все это сон: душная, тускло освещенная комната; два тощих тела на кровати; Мамушка - огромное, бесформенное нечто, примостившееся возле; Дилси - неподвижное бронзовое изваяние с розовым комочком, уснувшим у ее темной груди... Все это сон, и когда она проснется, из кухни потянет жареным беконом, за окнами прозвучат гортанные голоса негров, заскрипят колеса выезжающих в поле повозок, а рука Эллин мягко, но настойчиво тронет ее за плечо.

Then she discovered she was in her own room, on her own bed, faint moonlight pricking the darkness, and Mammy and Dilcey were undressing her.	А потом она увидела, что лежит у себя в комнате, на своей кровати, в окно льется слабый свет луны и Мамушка с Дилси раздевают ее.
The torturing stays no longer pinched her waist and she could breathe deeply and quietly to the bottom of her lungs and her abdomen.	Она была уже избавлена от мук, причиняемых тугим корсетом, и могла легко и свободно дышать всей грудью.

She felt her stockings being stripped gently from her and heard Mammy murmuring indistinguishable comforting sounds as she bathed her blistered feet. How cool the water was, how good to lie here in softness, like a child.	Она чувствовала, как с нее осторожно стягивают чулки, слышала невнятное, успокаивающее бормотание Мамушки, обмывавшей ее натруженные ступни... Как прохладна вода, как хорошо лежать здесь, на мягкой постели, и чувствовать себя ребенком!
She sighed and relaxed and after a time which might have been a year or a second, she was alone and the room was brighter as the rays of the moon streamed in across the bed.	Она глубоко вздохнула и закрыла глаза... Пролетело какое-то мгновение, а быть может, вечность, и она уже была одна, и в комнате стало светлее, и луна заливала сиянием ее постель.

She did not know she was drunk, drunk with fatigue and whisky.	Она не понимала, что сильно захмелела -захмелела от усталости и от виски.

She only knew she had left her tired body and floated somewhere above it where there was no pain and weariness and her brain saw things with an inhuman clarity.	Ей казалось просто, что она как бы отделилась от своего измученного тела и парит где-то высоко над ним, где нет ни страданий, ни усталости, и голова у нее необычайно светла, и мозг работает со сверхъестественной ясностью.
She was seeing things with new eyes for, somewhere along the long road to Tara, she had left her girlhood behind her.	Она теперь смотрела на мир новыми глазами, ибо где-то не долгом и трудном пути к родному дому она оставила позади свою юность.

She was no longer plastic clay, yielding imprint to each new experience.	Ее душа уже не была податливой, как глина, восприимчивой к любому новому впечатлению.
The clay had hardened, some time in this indeterminate day which had lasted a thousand years.	Она затвердела - это произошло в какую-то неведомую секунду этих бесконечных, как вечность, суток.
Tonight was the last time she would ever be ministered to as a child.	Сегодня ночью в последний раз кто-то обходился с нею как с ребенком.
She was a woman now and youth was gone.	Юность осталась позади, она стала женщиной.
No, she could not, would not, turn to Gerald's or Ellen's families.	Нет, она не может и не станет обращаться ни к братьям Джералда, ни к родственникам Эллин.

The O'Haras did not take charity.	О'Хара не принимают подаяний.
The O'Haras looked after their own.	О'Хара умеют сами позаботиться о себе.
Her burdens were her own and burdens were for shoulders strong enough to bear them.	Ее ноша - это ее ноша и, значит, должна быть ей по плечу.
She thought without surprise, looking down from her height, that her shoulders were strong enough to bear anything now, having borne the worst that could ever happen to her.	Глядя на себя откуда-то сверху и словно бы со стороны, она без малейшего удивления подумала, что теперь ее плечи выдержат все, раз они выдержали самое страшное.

She could not desert Tara; she belonged to the red acres far more than they could ever belong to her.	Она не покинет Тару. И не только потому, что эти акры красной земли принадлежат ей, а потому, что она сама - всего лишь их частица.
Her roots went deep into the blood-colored soil and sucked up life, as did the cotton.	Она, подобно хлопку, корнями вросла в эту красную, как кровь, почву и питалась ее соками.
She would stay at Tara and keep it, somehow, keep her father and her sisters, Melanie and Ashley's child, the negroes.	Она останется в поместье и найдет способ сохранить его и позаботиться об отце, и о сестрах, и о Мелани, и о сыне Эшли, и о неграх.
Tomorrow-oh, tomorrow!	Завтра... Ох, это завтра.

Tomorrow she would fit the yoke about her neck.	Завтра она наденет на шею ярмо.
Tomorrow there would be so many things to do.	Завтра столько всего нужно будет сделать.

Go to Twelve Oaks and the MacIntosh place and see if anything was left in the deserted gardens, go to the river swamps and beat them for straying hogs and chickens, go to Jonesboro and Lovejoy with Ellen's jewelry-there must be someone left there who would sell something to eat.	Нужно пойти в Двенадцать Дубов и в усадьбу Макинтошей и поискать, не осталось ли чего-нибудь в огородах, а потом поглядеть по заболоченным местам у реки, не бродят ли там разбежавшиеся свиньи и куры. И нужно поехать в Джонсборо и Лавджой, отвезти мамины драгоценности - может, там остался кто-нибудь, у кого удастся выменять их на продукты.

Tomorrow-tomorrow- her brain ticked slowly and more slowly, like a clock running down, but the clarity of vision persisted.	Завтра... завтра - все медленнее отсчитывало у нее в мозгу, словно в часах, у которых завод на исходе; но необычайная ясность внутреннего зрения оставалась.
Of a sudden, the oft-told family tales to which she had listened since babyhood, listened half-bored, impatient and but partly comprehending, were crystal clear.	И неожиданно ей отчетливо припомнились все семейные истории, которые она столько раз слушала в детстве - слушала нетерпеливо, скучая и не понимая до конца.

Gerald, penniless, had raised Tara; Ellen had risen above some mysterious sorrow; Grandfather Robillard, surviving the wreck of Napoleon's throne, had founded his fortunes anew on the fertile Georgia coast; Great-grandfather Prudhomme had carved a small kingdom out of the dark jungles of Haiti, lost it, and lived to see his name honored in Savannah. There were the Scarletts who had fought with the Irish Volunteers for a free Ireland and been hanged for their pains and the O'Haras who died at the	О том, как Джералд, не имея ни гроша за душой, стал владельцем Тары; как Эллин оправилась от таинственного удара судьбы; как дедушка Робийяр сумел пережить крушение наполеоновской империи и заново разбогател на плодородных землях Джорджии; как прадедушка Прюдом создал небольшое королевство, проникнув в непролазные джунгли на Гаити, все потерял и вернул себе почет и славу в Саванне; о бесчисленных безымянных Скарлетт, сражавшихся бок о бок с ирландскими инсурген-

All had suffered crushing misfortunes and had not been crushed.	Все они понесли сокрушительные потери и не были сокрушены.
They had not been broken by the crash of empires, the machetes of revolting slaves, war, rebellion, proscription, confiscation.	Их не сломил ни крах империи, ни мачете в руках взбунтовавшихся рабов, ни опала, ни конфискация имущества, ни изгнание.
Malign fate had broken their necks, perhaps, but never their hearts.	Злой рок мог сломать им хребет, но не мог сломить их дух.
They had not whined, they had fought.	Они не жаловались - они боролись.
And when they died, they died spent but unquenched.	И умирали, исчерпав себя до конца, но не смирившись.

All of those shadowy folks whose blood flowed in her veins seemed to move quietly in the moonlit room.	Все эти призраки, чья кровь текла в ее жилах, казалось, неслышно заполняли залитую лунным светом комнату.
And Scarlett was not surprised to see them, these kinsmen who had taken the worst that fate could send and hammered it into the best.	И Скарлетт не испытывала удивления, видя перед собой своих предков, которым суждено было нести такой тяжкий крест и которые перекраивали судьбу на свой лад.
Tara was her fate, her fight, and she must conquer it.	Тара была ее судьбой, ее полем битвы, и она должна эту битву выиграть.

She turned drowsily on her side, a slow creeping blackness enveloping her mind.	Словно в полусне она повернулась на бок, и сознание ее стало медленно погружаться во мрак.
Were they really there, whispering wordless encouragement to her, or was this part of her dream?	В самом ли деле они все пришли сюда, эти тени, чтобы безмолвно шепнуть ей слова ободрения, или это сон?

"Whether you are there or not," she murmured sleepily, "good night- and thank you."	- Здесь вы или вас нет, - пробормотала она засыпая, - все равно спасибо вам и - спокойной ночи.
CHAPTER XXV	Глава 25

The next morning Scarlett's body was so stiff and sore from the long miles of walking and jolting in the wagon that every movement was agony.	На следующее утро все тело у Скарлетт так ломило от долгой непривычной ходьбы и езды в тряской повозке, что каждое движение причиняло нестерпимую боль.
Her face was crimson with sunburn and her blistered palms raw.	Лицо было обожжено солнцем, и ладони в волдырях.
Her tongue was furred and her throat parched as if flames had scorched it and no amount of water could assuage her thirst.	Во рту и в горле пересохло, она умирала от жажды и никак не могла утолить ее, сколько бы ни пила воды.

Her head felt swollen and she winced even when she turned her eyes.	Голова была словно налита свинцом, и малейшее движение глазами заставляло морщиться от боли.
A queasiness of the stomach reminiscent of the early days of her pregnancy made the smoking yams on the breakfast table unendurable, even to the smell.	Тошнота, совсем как в первые месяцы беременности, подкатывала к горлу, и даже запах жареного ямса, поданного к столу на завтрак, был непереносим.
Gerald could have told her she was suffering the normal aftermath of her first experience with hard drinking but Gerald noticed nothing.	Джералд мог бы объяснить ей, что после крепкой выпивки накануне она впервые стала жертвой обычного состояния похмелья, но Джералд не замечал ничего происходившего вокруг.

He sat at the head of the table, a gray old man with absent, faded eyes fastened on the door and head cocked slightly to hear the rustle of Ellen's petticoats, to smell the lemon verbena sachet.	Он сидел во главе стола - старый седой человек с отсутствующим взгля-дом, - сидел, уставившись выцветшими глазами на дверь, чуть наклонив голову набок и стараясь уловить шелест платья Эллин, вдохнуть запах сухих духов лимонной вербены.
As Scarlett sat down, he mumbled:	Когда Скарлетт села за стол, он пробормотал:
"We will wait for Mrs. O'Hara.	- Мы подождем миссис О'Хара.
She is late."	Она задержалась.

She raised an aching head, looked at him with startled incredulity and met the pleading eyes of Mammy, who stood behind Gerald's chair.	Скарлетт подняла разламывающуюся от боли голову и поглядела на него, не веря своим ушам, но встретила молящий взгляд стоявшей за стулом Джералда Мамушки.
She rose unsteadily, her hand at her throat and looked down at her father in the morning sunlight.	Тогда она встала пошатываясь, невольно поднесла руку ко рту и при ярком утреннем свете вгляделась в лицо отца.
He peered up at her vaguely and she saw that his hands were shaking, that his head trembled a little.	Он устремил на нее ничего не выражающий взгляд, и она увидела, что руки у него дрожат и даже голова слегка трясется.

Until this moment she had not realized how much she had counted on Gerald to take command, to tell her what she must do, and now-Why, last night he had seemed almost himself.	До этой минуты она не отдавала себе отчета в том, до какой степени подсознательно рассчитывала на Джералда, полагая, что он возьмет на себя руководство хозяйством и будет указывать ей, что следует делать. Но теперь... А ведь прошлой ночью он как будто совсем пришел в себя.
There had been none of his usual bluster and vitality, but at least he had told a connected story and now-now, he did not even remember Ellen was dead.	Правда, от прежней живости и бахвальства не осталось и следа, но, по крайней мере, он вполне связно рассказывал о различных событиях, а теперь... Теперь он даже не сознает, что Эллин нет в живых.

The combined shock of the coming of the Yankees and her death had stunned him.	Двойной удар - ее смерть и приход янки -потрясли его рассудок.
She started to speak, but Mammy shook her head vehemently and raising her apron dabbed at her red eyes.	Скарлетт хотела было что-то сказать, но Мамушка неистово замотала головой и утерла покрасневшие глаза краем передника.
"Oh, can Pa have lost his mind?" thought Scarlett and her throbbing head felt as if it would crack with this added strain.	"Неужели папа совсем лишился рассудка? -пронеслось у Скарлетт в уме, и ей показалось, что голова у нее сейчас лопнет от этого нового обрушившегося на нее удара.
"No, no. He's just dazed by it all.	- Нет, нет, он просто оглушен.

It's like he was sick.	Просто болен.
He'll get over it.	Это пройдет. Он поправится.
He must get over it.	Должен поправиться.
What will I do if he doesn't?-I won't think about it now.	А что я буду делать, если не пройдет? Я не стану думать об этом сейчас.
I won't think of him or Mother or any of these awful things now.	Не стану думать ни о чем, ни о маме, ни обо всех этих ужасах сейчас.
No, not till I can stand it.	Не стану думать, пока... Пока я еще не в силах этого выдержать.
There are too many other things to think about-things that can be helped without my thinking of those I can't help."	Столько есть всего, о чем надо подумать. Зачем забивать себе голову тем, чего уже не вернешь, - надо думать о том, что еще можно изменить".

She left the dining room without eating, and went out onto the back porch where she found Pork, barefooted and in the ragged remains of his best livery, sitting on the steps cracking peanuts.	Она встала из-за стола, не притронувшись к завтраку, вышла на заднее крыльцо и увидела Порка: босой, в лохмотьях, оставшихся от его парадной ливреи, он сидел на ступеньках и щелкал орешки арахиса.
Her head was hammering and throbbing and the bright, sunlight stabbed into her eyes.	В голове у Скарлетт стоял гул и звон, солнце немилосердно резало глаза.

Merely holding herself erect required an effort of will power and she talked as briefly as possible, dispensing with the usual forms of courtesy her mother had always taught her to use with negroes.	Даже держаться прямо было ей сейчас нелегко, и она заговорила сухо, коротко, отбросив все правила вежливого обращения с неграми, на которых всегда настаивала ее мать.

She began asking questions so brusquely and giving orders so decisively Pork's eyebrows went up in mystification.	Она начала задавать вопросы в такой резкой форме и так повелительно отдавать распоряжения, что у Порка от удивления глаза полезли на лоб.

Miss Ellen didn't never talk so short to nobody, not even when she caught them stealing pullets and watermelons.	Мисс Эллин никогда не разговаривала так ни с кем из слуг, даже если заставала их на месте преступления - с украденной дыней или цыпленком.
She asked again about the fields, the gardens, the stock, and her green eyes had a hard bright glaze which Pork had never seen in them before.	Скарлетт снова принялась расспрашивать про плантации, про фруктовый сад, огород, живность, и в ее зеленых глазах появился такой жесткий блеск, какого Порк никогда прежде не замечал.
"Yas'm, dat hawse daid, lyin' dar whar Ah tie him wid his nose in de water bucket he tuhned over.	- Да, мэм, эта лошадь сдохла - прямо там, где я ее привязал. Ткнулась мордой в ведерко с водой и опрокинула его.
No'm, de cow ain' daid.	Нет, мэм, корова жива.

Din' you know?	Вам не докладывали?
She done have a calf las' night.	Она отелилась ночью.
Dat why she beller so."	Потому и мычала так.
"A fine midwife your Prissy will make," Scarlett remarked caustically.	- Да, отличная повивальная бабка получится из твоей Присси, - едко проронила Скарлетт.
"She said she was bellowing because she needed milking."	- Она ведь утверждала, что корова мычит, потому что давно не доена.
"Well'm, Prissy ain' fixin' ter be no cow midwife, Miss Scarlett," Pork said tactfully.	- Так ведь Присси не готовили в повивальные бабки для скота, мисс Скарлетт, - деликатно напомнил Порк.

"An' ain' no use quarrelin' wid blessin's, 'cause dat calf gwine ter mean a full cow an' plen'y buttermilk fer de young Misses, lak dat Yankee doctah say dey' need."	- И, как говорится, спасибо за то, что бог послал, -эта телочка вырастет в хорошую корову, и у нас будет полно молока, масла и пахтанья для молодых мисс, а доктор-янки говорил, что молодым мисс большая от него польза.
"All right, go on.	- Ну, ладно, давай дальше.
Any stock left?"	Скот какой-нибудь остался?
"No'm. Nuthin' 'cept one ole sow an' her litter.	- Нет, мэм. Только одна старая свинья с поросятами.

Ah driv dem inter de swamp de day de Yankees come, but de Lawd knows how we gwine git dem.	Я загнал их всех на болото, когда понаехали янки, а нынче где их искать - бог весть.
She mean, dat sow."	Она пугливая была, свинья эта.
"We'll get them all right.	- Все равно их надо разыскать.
You and Prissy can start right now hunting for her."	Возьми с собой Присси и отправляйся, пригони их домой.
Pork was amazed and indignant.	Порк был немало удивлен и сразу вознегодовал.
"Miss Scarlett, dat a fe'el han's bizness.	- Мисс Скарлетт, это работа для негров с плантации.

Ah's allus been a house nigger."	А я всю жизнь служил при господах.
A small fiend with a pair of hot tweezers plucked behind Scarlett's eyeballs.	Два маленьких дьяволенка с раскаленными докрасна вилами, казалось, глянули на Порка из зеленых глаз Скарлетт.
"You two will catch the sow-or get out of here, like the field hands did."	- Ты и Присси вдвоем сейчас же пойдете и поймаете эту свинью, или - вон отсюда, к тем, что сбежали.
Tears trembled in Pork's hurt eyes.	Слезы обиды навернулись на глаза Порка.
Oh, if only Miss Ellen was here!	Ох.., если бы мисс Эллин была жива!

She understood such niceties and realized the wide gap between the duties of a field hand and those of a house nigger.	Она разбиралась в этих тонкостях, понимала разницу в обязанностях дворовой челяди и рабов с плантации.
"Git out, Miss Scarlett?	- Вон отсюда, говорите, мисс Скарлетт?
Whar'd Ah git out to, Miss Scarlett?"	Куда же мне идти?
"I don't know and I don't care.	- Не знаю и знать не хочу.
But anyone at Tara who won't work can go hunt up the Yankees.	Но каждый, кто не желает делать то, что надо, может отправляться к янки.
You can tell the others that too."	Передай это и всем остальным. - Слушаюсь, мэм.

"Now, what about the corn and the cotton, Pork?"	- Ну, а что с кукурузой и хлопком?
"De cawn?	- С кукурузой?
Lawd, Miss Scarlett, dey pasture dey hawses in de cawn an' cah'ied off whut de hawses din' eat or spile.	Боже милостивый, мисс Скарлетт, они же пасли лошадей на кукурузном поле, а то, что лошади не съели и не вытоптали, они увезли с собой.
An' dey driv dey cannons an' waggins 'cross de cotton till it plum ruint, 'cept a few acres over on de creek bottom dat dey din' notice.	И они гоняли свои пушки и фургоны по хлопковым полям и погубили весь хлопок. Уцелело несколько акров, внизу у речки - видать, они не приметили.

But dat cotton ain' wuth foolin' wid, 'cause ain' but 'bout three bales over dar."	А какой от них прок - там больше трех тюков не наберется.
Three bales.	Три тюка!
Scarlett thought of the scores of bales Tara usually yielded and her head hurt worse.	Скарлетт припомнилось бессчетное множество тюков хлопка, которые ежегодно приносил урожай, и сердце ее заныло.
Three bales.	Три тюка.
That was little more than the shiftless Slatterys raised.	Почти столько, сколько выращивали эти никудышные лентяи Слэттери.
To make matters worse, there was the question of taxes.	А ведь еще налог.

The Confederate government took cotton for taxes in lieu of money, but three bales wouldn't even cover the taxes.	Правительство Конфедерации взимало налоги вместо денег хлопком. Три тюка не покроют даже налога.

Little did it matter though, to her or the Confederacy, now that all the field hands had run away and there was no one to pick the cotton.	Конфедерации же нет дела до того, что все рабы разбежались и хлопок собирать некому.
"Well, I won't think of that either," she told herself.	"Ладно, и об этом не стану думать сейчас, - сказала себе Скарлетт.
"Taxes aren't a woman's job anyway.	- Налоги - это не женская забота, в конце концов.

Pa ought to look after such things, but Pa- I won't think of Pa now.	Об этом должен заботиться отец. Но он... О нем я тоже сейчас не буду думать.
The Confederacy can whistle for its taxes.	Получит Конфедерация наш хлопок, когда рак на горе свистнет.
What we need now is something to eat." "Pork, have any of you been to Twelve Oaks or the MacIntosh place to see if there's anything left in the gardens there?"	Сейчас главное для нас - что мы будем есть?" -Порк, был кто-нибудь из вас в Двенадцати Дубах или в усадьбе Макинтошей? Там могло остаться что-нибудь на огородах.
"No, Ma'm! Us ain' lef Tara.	- Нет, мэм. Мы из Тары ни ногой.
De Yankees mout git us."	Боялись, как бы не напороться на янки.

"I'll send Dilcey over to MacIntosh. Perhaps she'll find something there.	- Я пошлю Дилси к Макинтошам, может быть, она раздобудет там что-нибудь поесть.
And I'll go to Twelve Oaks."	А сама схожу в Двенадцать Дубов.
"Who wid, chile?"	- С кем же вы пойдете, барышня?
"By myself.	- Ни с кем.
Mammy must stay with the girls and Mr. Gerald can't-"	Мамушка должна остаться с сестрами, а мистер Джералд не может...
Pork set up an outcry which she found infuriating.	Порк страшно раскудахтался, чем привел ее в немалое раздражение.

There might be Yankees or mean niggers at Twelve Oaks. She mustn't go alone.	В Двенадцати Дубах могут быть янки или беглые негры - ей нельзя идти туда одной.
"That will be enough, Pork.	- Ладно, хватит, Порк.
Tell Dilcey to start immediately.	Скажи Дилси, чтобы она отправлялась немедленно.
And you and Prissy go bring in the sow and her litter," she said briefly, turning on her heel.	А ты и Присси пригоните сюда свинью с поросятами, - повторила свой приказ Скарлетт и повернулась к Порку спиной.

Mammy's old sunbonnet, faded but clean, hung on its peg on the back porch and Scarlett put it on her head, remembering, as from another world, the bonnet with the curling green plume which Rhett had brought her from Paris.	Старый Мамушкин чепец, выцветший, но чистый, висел на своем месте на заднем крыльце, и Скарлетт нахлобучила его на голову, вспомнив при этом как что-то привидевшееся в давнем сне шляпку с пушистым зеленым пером, которую Ретт привез ей из Парижа.
She picked up a large split-oak basket and started down the back stairs, each step jouncing her head until her spine seemed to be trying to crash through the top of her skull.	Она взяла большую плетеную корзину и стала спускаться по черной лестнице, каждый шаг отдавался у нее в голове так, словно что-то взламывало ей череп изнутри.

The road down to the river lay red and scorching between the ruined cotton fields.	Дорога, сбегавшая к реке, - красная, раскаленная от зноя, - пролегала между выжженных, вытоптанных хлопковых полей.
There were no trees to cast a shade and the sun beat down through Mammy's sunbonnet as if it were made of tarlatan instead of heavy quilted calico, while the dust floating upward sifted into her nose and throat until she felt the membranes would crack dryly if she spoke.	Ни одного дерева на пути, чтобы укрыться в тени, и солнце так немилосердно жгло сквозь Мамушкин чепец, словно он был не из плотного, простеганного ситца на подкладке, а из прокрахмаленной кисеи, и от пыли так щекотало в носу и в горле, что Скарлетт казалось - она закаркает, как ворона, если только откроет рот.

Deep ruts and furrows were cut into the road where horses had dragged heavy guns along it and the red gullies on either side were deeply gashed by the wheels.	Вся дорога была искромсана подковами лошадей и колесами тяжелых орудий, и даже в красных канавах по обочине видны были следы колес.
The cotton was mangled and trampled where cavalry and infantry, forced off the narrow road by the artillery, had marched through the green bushes, grinding them into the earth.	Кусты хлопка лежали сломанные, втоптанные в землю, - там, где, уступая дорогу артиллерии, кавалерия или пехота шла через поле.

Here and there in the road and fields lay buckles and bits of harness leather, canteens flattened by hooves and caisson wheels, buttons, blue caps, worn socks, bits of bloody rags, all the litter left by the marching army.	Повсюду валялись куски сбруи, пряжки, куски подошв, окровавленные лохмотья, синие кепи, солдатские котелки, сплющенные конскими копытами и колесами орудий, - все то, что, пройдя, оставляет позади себя армия.
She passed the clump of cedars and the low brick wall which marked the family burying ground, trying not to think of the new grave lying by the three short mounds of her little brothers.	Скарлетт миновала небольшую кедровую кущу и невысокую кирпичную ограду, которой было обнесено их семейное кладбище, стараясь не думать о свежей могиле рядом с тремя невысокими холмиками, где покоились ее маленькие братишки.

Oh, Ellen-She trudged on down the dusty hill, passing the heap of ashes and the stumpy chimney where the Slattery house had stood, and she wished savagely that the whole tribe of them had been part of the ashes.	О, Эллин! Она спустилась с холма, прошла мимо кучи обгорелых бревен и невысокой печной трубы на месте бывшего дома Слэттери, исступленно, с неистовой злобой желая, чтобы все их племя превратилось в золу.
If it hadn't been for the Slatterys-if it hadn't been for that nasty Emmie who'd had a bastard brat by their overseer-Ellen wouldn't have died.	Если бы не Слэттери, если бы не эта мерзавка Эмми со своим ублюдком, прижитым от управляющего, Эллин была бы жива.
She moaned as a sharp pebble cut into her blistered foot.	Она застонала, когда острый камешек больно вонзился в волдырь на ноге.

What was she doing here?	Зачем она здесь?
Why was Scarlett O'Hara, the belle of the County, the sheltered pride of Tara, tramping down this rough road almost barefoot?	Зачем она, Скарлетт О'Хара, первая красавица графства, гордость Тары, всеми лелеемая и оберегаемая, тащится по этой пыльной дороге чуть ли не босиком?
Her little feet were made to dance, not to limp, her tiny slippers to peep daringly from under bright silks, not to collect sharp pebbles and dust.	Ее маленькие ножки созданы для паркета, а не для этих колдобин, ее крошечные туфельки должны кокетливо выглядывать из-под блестящего шелка юбки, а не собирать острые камешки и дорожную пыль.

She was born to be pampered and waited upon, and here she was, sick and ragged, driven by hunger to hunt for food in the gardens of her neighbors.	Она рождена для того, чтобы ей служили, холили ее и нежили, а вместо этого голод пригнал ее сюда, измученную, в отрепьях, рыскать по соседским огородам в поисках овощей.
At the bottom of the long hill was the river and how cool and still were the tangled trees overhanging the water!	У подножия пологого холма протекала речка, и какой прохладой и тишиной веяло оттуда, что ветви деревьев низко нависли над водой.
She sank down on the low bank, and stripping off the remnants of her slippers and stockings, dabbled her burning feet in the cool water.	Скарлетт присела на некрутом берегу, скинула стоптанные туфли, стянула драные чулки и погрузила горевшие как в огне ступни в прохладную воду.

It would be so good to sit here all day, away from the helpless eyes of Tara, here where only the rustle of leaves and the gurgle of slow water broke the stillness.	Хорошо бы сидеть так весь день, вдали от устремленных на нее беспомощных взоров, сидеть и слышать в тишине только шелест листьев да журчание медленно бегущей воды!
But reluctantly she replaced her shoes and stockings and trudged down the bank, spongy with moss, under the shady trees.	Но она, хоть и через силу, снова надела чулки и туфли и побрела дальше вдоль мшистого, мягкого, как губка, берега, держась в тени деревьев.
The Yankees had burned the bridge but she knew of a footlog bridge across a narrow point of the stream a hundred yards below.	Янки сожгли мост, но она знала, что там, где ярдах в ста ниже по течению русло сужалось, есть мостки - перекинутые через речку бревна.

She crossed it cautiously and trudged uphill the hot halfmile to Twelve Oaks.	Она осторожно перебралась на другой берег и под палящим солнцем стала подниматься на холм - до Двенадцати Дубов оставалось полмили.
There towered the twelve oaks, as they had stood since Indian days, but with their leaves brown from fire and the branches burned and scorched.	Все они - двенадцать дубов - стоят, как стояли еще со времен индейцев, только искривились обнаженные ветви, потемнела, пожухла опаленная огнем листва.
Within their circle lay the ruins of John Wilkes' house, the charred remains of that once stately home which had crowned the hill in white-columned dignity.	А за ними лежат руины дома Джона Уилкса -почерневшие остатки белоколонного особняка, так величаво венчавшего вершину холма.

The deep pit which had been the cellar, the blackened field-stone foundations and two mighty chimneys marked the site.	Черная яма, бывшая прежде погребом, обугленный каменный фундамент и две солидные дымовые трубы указывали на то, что здесь раньше жили люди.
One long column, half-burned, had fallen across the lawn, crushing the cape jessamine bushes.	И одна колонна, длинная, полуобгоревшая, лежала поперек газона, придавив капитально куст жасмина.
Scarlett sat down on the column, too sick at the sight to go on.	Скарлетт опустилась на колонну, слишком потрясенная, чтобы найти в себе силы сделать еще хоть шаг.
This desolation went to her heart as nothing she had ever experienced.	Картина этого разорения поразила ее в самое сердце - сильнее, чем все, что она видела до сих пор.

Here was the Wilkes pride in the dust at her feet.	Гордость рода Уилксов лежала у ее ног, обращенная в прах.

Here was the end of the kindly, courteous house which had always welcomed her, the house where in futile dreams she had aspired to be mistress.	Вот какой конец нашел добрый, гостеприимный дом, где ее всегда так радушно принимали, дом, хозяйкой которого рисовала она себя в несбывшихся мечтах.
Here she had danced and dined and flirted and here she had watched with a jealous, hurting heart how Melanie smiled up at Ashley.	Здесь она танцевала, кружила мужчинам головы, обедала, здесь, сжигаемая ревностью, с истерзанным сердцем, наблюдала, как Эшли смотрит на улыбающуюся ему Мелани.

Here, too, in the cool shadows of the trees, Charles Hamilton had rapturously pressed her hand when she said she would marry him.	И здесь в прохладной тени дуба Чарльз Гамильтон, не помня себя от счастья, сжал ее руки, когда она сказала, что согласна стать его женой.
"Oh, Ashley," she thought,	"О, Эшли! - пронеслось у нее в голове.
"I hope you are dead!	- Быть может, это к лучшему, если вас нет в живых!
I could never bear for you to see this."	Страшно подумать, что вам доведется когда-нибудь это увидеть!"
Ashley had married his bride here but his son and his son's son would never bring brides to this house.	Эшли привел сюда молодую жену, но ни его сыну, ни его внуку уже не суждено ввести в этот дом свою новобрачную.

There would be no more matings and births beneath this roof which she had so loved and longed to rule.	Не будут больше греметь здесь свадьбы, женщины не будут больше рожать детей под этим кровом, который был ей так дорог и под которым она так страстно мечтала править.
The house was dead and to Scarlett, it was as if all the Wilkeses, too, were dead in its ashes.	От дома остался обгорелый труп, и Скарлетт казалось, что весь род Уилксов погребен под грудами золы.
"I won't think of it now.	- Я не стану думать об этом сейчас.
I can't stand it now.	Я сейчас не выдержу.
I'll think of it later," she said aloud, turning her eyes away.	Подумаю потом, - громко произнесла она, отводя глаз" в сторону.

Seeking the garden, she limped around the ruins, by the trampled rose beds the Wilkes girls had tended so zealously, across the back yard and through the ashes to the smokehouse, barns and chicken houses.	Она обошла пепелище и направилась к огороду, мимо вытоптанных розовых клумб, за которыми так заботливо ухаживали сестры Уилкс. Миновала задний двор, сгоревшие амбары, коптильню и птичник.
The split-rail fence around the kitchen garden had been demolished and the once orderly rows of green plants had suffered the same treatment as those at Tara.	Изгороди из кольев, которой был обнесен огород, не было, и аккуратные ряды зеленых грядок подверглись такому же опустошению, как и огород в Таре.

The soft earth was scarred with hoof prints and heavy wheels and the vegetables were mashed into the soil.	Мягкая земля была изрыта следами подков и тяжелыми колесами орудий, и все растения втоптаны в грунт.
There was nothing for her here.	Искать здесь было нечего.

She walked back across the yard and took the path down toward the silent row of whitewashed cabins in the quarters, calling	Она пошла назад и на этот раз выбрала тропинку, спускавшуюся к молчаливым рядам беленых хижин, время от времени громко выкрикивая на ходу:
"Hello!" as she went.	- Хэлло!
But no voice answered her.	Но никто не откликался.

Not even a dog barked.	Даже собачьего лая не раздалось в ответ.
Evidently the Wilkes negroes had taken flight or followed the Yankees.	По-видимому, все негры Уилксов разбежались или ушли с янки.
She knew every slave had his own garden patch and as she reached the quarters, she hoped these little patches had been spared.	Скарлетт знала, что у каждого негра был свой маленький огородик, и она направилась туда в надежде, что война пощадила хоть эти жалкие клочки земли.

Her search was rewarded but she was too tired even to feel pleasure at the sight of turnips and cabbages, wilted for want of water but still standing, and straggling butter beans and snap beans, yellow but edible.	Ее поиски увенчались успехом, но она была уже так измучена, что не испытала радости при виде репы и кочанов капусты - вялых, сморщившихся без поливки, но все же державшихся на грядках, -и стручков фасоли и бобов, пожелтевших, но еще годных в пищу.
She sat down in the furrows and dug into the earth with hands that shook, filling her basket slowly.	Она села между грядок и дрожащими руками принялась выкапывать овощи из земли, и мало-помалу ее корзина стала наполняться.
There would be a good meal at Tara tonight, in spite of the lack of side meat to boil with the vegetables.	Сегодня дома у них будет хорошая еда, хотя и без кусочка мяса.

Perhaps some of the bacon grease Dilcey was using for illumination could be used for seasoning.	Впрочем, немного свиного сала, которое Дилси использует для светильников, можно будет пустить на подливку.
She must remember to tell Dilcey to use pine knots and save the grease for cooking.	Не забыть сказать Дилси, что лучше жечь пучки смолистых сосновых веток, а сало использовать в пищу.
Close to the back step of one cabin, she found a short row of radishes and hunger assaulted her suddenly.	Возле крыльца одной из хижин она наткнулась на небольшую грядку редиски и внезапно почувствовала лютый голод.
A spicy, sharp-tasting radish was exactly what her stomach craved.	При мысли о сочном остром вкусе редиски ее желудок требовательно взалкал.

Hardly waiting to rub the dirt off on her skirt, she bit off half and swallowed it hastily.	Кое-как обтерев редиску юбкой, она откусила половину и проглотила, почти не жуя.
It was old and coarse and so peppery that tears started in her eyes.	Редиска была старая, жесткая и такая едкая, что у Скарлетт на глазах выступили слезы.
No sooner had the lump gone down than her empty outraged stomach revolted and she lay in the soft dirt and vomited tiredly.	Но лишь только этот неудобоваримый комок достиг желудка, как тот взбунтовался, Скарлетт бессильно упала ничком на мягкую грядку, и ее стошнило.

The faint niggery smell which crept from the cabin increased her nausea and, without strength to combat it, she kept on retching miserably while the cabins and trees revolved swiftly around her.	Слабый запах негритянского жилья наползал на нее из хижины, усиливая тошноту, и она даже не пыталась ее подавить и продолжала устало отрыгивать, пока все - и хижина, и деревья - не завертелось у нее перед глазами.
After a long time, she lay weakly on her face, the earth as soft and comfortable as a feather pillow, and her mind wandered feebly here and there.	Она долго лежала так, ослабев, уткнувшись лицом в землю, как в мягкую, ласковую подушку, а мысли блуждали вразброд.

She, Scarlett O'Hara was lying behind a negro cabin, in the midst of ruins, too sick and too weak to move, and no one in the world knew or cared.	Это она, Скарлетт О'Хара, лежит позади негритянской хижины в чужом разоренном поместье, и ни одна душа в целом свете не знает об этом, и никому нет до нее дела.
No one would care if they did know, for everyone had too many troubles of his own to worry about her.	А если бы и узнал кто, то всем было бы наплевать, потому что у каждого слишком много своих забот, чтобы печься еще и о ней.

And all this was happening to her, Scarlett O'Hara, who had never raised her hand even to pick up her discarded stockings from the floor or to tie the laces of her slippers-Scarlett, whose little headaches and tempers had been coddled and catered to all her life.	И все это происходит с ней, Скарлетт О'Хара, которая никогда не давала себе труда завязать тесемки на туфельках или подобрать с пола сброшенные с ног чулки, с той самой Скарлетт О'Хара, чьим капризам привыкли потакать все, с которой все нянчились, которую все старались ублажить.
As she lay prostrate, too weak to fight off memories and worries, they rushed at her like buzzards waiting for death.	Она лежала плашмя, не имея сил отогнать от себя ни воспоминания, ни заботы, обступившие ее со всех сторон, словно стая грифов, учуявших смерть.
No longer had she the strength to say:	Теперь у нее не было сил даже сказать себе:

"I'll think of Mother and Pa and Ashley and all this ruin later-Yes, later when I can stand it."	"Сейчас я не стану думать ни о маме, ни об отце, ни об Эшли, ни обо всем этом разорении... Я подумаю потом, когда смогу".
She could not stand it now, but she was thinking of them whether she willed it or not.	Думать об этом сейчас было выше се сил, но она не могла заставить себя не думать.
The thoughts circled and swooped above her, dived down and drove tearing claws and sharp beaks into her mind.	Мысли против воли кружились в мозгу как хищные птицы, когтили его, вонзали в него свои клювы.

For a timeless time, she lay still, her face in the dirt, the sun beating hotly upon her, remembering things and people who were dead, remembering a way of living that was gone forever-and looking upon the harsh vista of the dark future.	Казалось, протекла вечность, пока она недвижно лежала, уткнувшись лицом в землю, палимая беспощадным солнцем, вспоминая тех, кто ушел из жизни, и жизнь, которая ушла навсегда, и заглядывая в темную бездну будущего.
When she arose at last and saw again the black ruins of Twelve Oaks, her head was raised high and something that was youth and beauty and potential tenderness had gone out of her face forever.	Когда она наконец встала и еще раз окинула взглядом черные руины Двенадцати Дубов, голова ее была поднята высоко, но что-то неумолимо изменилось в лице - словно какая-то частица юности, красоты, нерастраченной нежности тоже ушла из него навсегда.

What was past was past.	Прошлого не вернуть.
Those who were dead were dead.	Мертвых не воскресить.

The lazy luxury of the old days was gone, never to return.	Дни беззаботного веселья остались позади.
And, as Scarlett settled the heavy basket across her arm, she had settled her own mind and her own life.	И, беря в руки тяжелую корзину, Скарлетт мысленно взяла в руки и свою судьбу, решение было принято.
There was no going back and she was going forward.	Пути обратного нет, и она пойдет вперед.

Throughout the South for fifty years there would be bitter-eyed women who looked backward, to dead times, to dead men, evoking memories that hurt and were futile, bearing poverty with bitter pride because they had those memories.	Минет, быть может, лет пятнадцать, а женщины Юга с застывшей навеки горечью в глазах все еще будут оглядываться назад, воскрешая в памяти канувшие в небытие времена, канувших в небытие мужчин, поднимая со дна души бесплодно-жгучие воспоминания, дабы с гордостью и достоинством нести свою нищету.
But Scarlett was never to look back.	Но Скарлетт не оглянется назад.

She gazed at the blackened stones and, for the last time, she saw Twelve Oaks rise before her eyes as it had once stood, rich and proud, symbol of a race and a way of living.	Она посмотрела на обугленный фундамент, и в последний раз усадебный дом воскрес перед ее глазами - богатый, надменный дом, символ высокого родства и образа жизни.
Then she started down the road toward Tara, the heavy basket cutting into her flesh.	Она отвернулась и зашагала по дороге к Таре; тяжелая корзина оттягивала ей руку.
Hunger gnawed at her empty stomach again and she said aloud:	Голод снова начал терзать ее пустой желудок, и она произнесла громко:

"As God is my witness, as God is my witness, the Yankees aren't going to lick me.	- Бог мне свидетель, бог свидетель, я не дам янки меня сломить.
I'm going to live through this, and when it's over, I'm never going to be hungry again.	Я пройду через все, а когда это кончится, я никогда, никогда больше не буду голодать.
No, nor any of my folks.	Ни я, ни мои близкие.
If I have to steal or kill-as God is my witness, I'm never going to be hungry again."	Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать.

In the days that followed, Tara might have been Crusoe's desert island, so still it was, so isolated from the rest of the world.	Шли дни, и Тара все больше становилась похожей на необитаемый остров Робинзона Крузо - такая здесь царила тишина, такой отрезанной от всего мира казалась усадьба.
The world lay only a few miles away, but a thousand miles of tumbling waves might have stretched between Tara and Jonesboro and Fayetteville and Lovejoy, even between Tara and the neighbors' plantations.	А мир был в нескольких милях, но так далек, словно тысячи миль грохочущих океанских валов отделяли этот островок от Джонсборо и Фейетвилла, от Лавджоя и даже от соседних плантаций.

With the old horse dead, their one mode of conveyance was gone, and there was neither time nor strength for walking the weary red miles.	После того как старая лошадь сдохла, вместе с ней было утрачено и последнее средство сообщения с окружающим миром, а мерять ногами красную землю ни у кого не было ни сил, ни времени.

Sometimes, in the days of backbreaking work, in the desperate struggle for food and the never-ceasing care of the three sick girls, Scarlett found herself straining her ears for familiar sounds- the shrill laughter of the pickaninnies in the quarters, the creaking of wagons home from the fields, the thunder of Gerald's stallion tearing across the pasture, the crunching of carriage wheels on the drive and the gay voices of neighbors dropping	Порой в разгар изнурительной работы ради куска хлеба и неустанного ухода за тремя больными, в минуты отчаянного напряжения Скарлетт с удивлением ловила себя на том, что невольно напрягает слух, ожидая услышать привычные звуки: пронзительный смех негритят, скрип возвращающихся с поля телег, ржание верхового жеребца Джералда, скачущего через выгон, шуршание гравия под колесами на подъездной аллее и веселые голоса соседей, заглянувших провести вечерок и поделиться новостями.

But she listened in vain.	Но разумеется, сколько бы она ни прислушивалась, все было напрасно.
The road lay still and deserted and never a cloud of red dust proclaimed the approach of visitors.	Дорога лежала тихая, пустынная, и ни разу не заклубилось на ней облачко красной пыли, возвещая приезд гостей.
Tara was an island in a sea of rolling green hills and red fields.	Тара была островом среди зеленых волнообразных холмов и красных вспаханных полей.
Somewhere was the world and families who ate and slept safely under their own roofs.	Где-то существовал другой мир и другие люди, у них была еда и надежный кров над головой.

Somewhere girls in thrice-turned dresses were flirting gaily and singing	Где-то девушки в трижды перекроенных платьях беззаботно кокетничали и распевали
"When This Cruel War Is Over," as she had done only a few weeks before.	"В час победы нашей", как распевала она дама еще так недавно.
Somewhere there was a war and cannon booming and burning towns and men who rotted in hospitals amid sickening-sweet stinks.	И где-то она еще шла, эта война, и гремели пушки, и горели города, и люди умирали в госпиталях, пропитанных тошнотворно-сладким запахом гангренозных тел.

Somewhere a barefoot army in dirty homespun was marching, fighting, sleeping, hungry and weary with the weariness that comes when hope is gone.	И босые солдаты в грязной домотканой одежде маршировали, сражались и спали вповалку, усталые и голодные, разуверившиеся и потому павшие духом.
And somewhere the hills of Georgia were blue with Yankees, well-fed Yankees on sleek corn-stuffed horses.	И где-то зеленые холмы Джорджии стали синими от синих мундиров янки, сытых янки, на гладких, откормленных кукурузой конях.
Beyond Tara was the war and the world.	За пределами Тары простирался весь остальной мир и шла война.

But on the plantation the war and the world did not exist except as memories which must be fought back when they rushed to mind in moments of exhaustion.	Здесь же, на плантации, и весь мир и война существовали только в воспоминаниях, с которыми приходилось сражаться, когда они в минуты изнеможения осаждали мозг.
The world outside receded before the demands of empty and half- empty stomachs and life resolved itself into two related thoughts, food and how to get it.	Все, из чего складывалась прежняя жизнь, отступало перед требованиями пустых или полупустых желудков, и все помыслы сводились к двум простым и взаимосвязанным понятиям: еда и как ее добыть.
Food!	Еда!

Food!	Еда!
Why did the stomach have a longer memory than the mind?	Почему память сердца слабее памяти желудка?
Scarlett could banish heartbreak but not hunger and each morning as she lay half asleep, before memory brought back to her mind war and hunger, she curled drowsily expecting the sweet smells of bacon frying and rolls baking.	Скарлетт могла совладать со своим горем, но не со своим желудком, и каждое утро, прежде чем война и голод всплывали в ее сознании, она, проснувшись, но еще в полудреме, замирала, свернувшись клубочком в сладком ожидании, что сейчас в окно потянет запахом жареной грудинки и свежевыпеченных булочек.

And each morning she sniffed so hard to really smell the food she woke herself up.	И каждое утро, с силой потянув воздух носом, улавливала запах той пищи, которая теперь ждала ее при пробуждении.
There were apples, yams, peanuts and milk on the table at Tara but never enough of even this primitive fare.	На стол в Таре подавались яблоки, яме, арахис и молоко. Но даже этой примитивной еды никогда не было вдосталь.
At the sight of them, three times a day, her memory would rush back to the old days, the meals of the old days, the candle-lit table and the food perfuming the air.	А видя ее трижды в день, Скарлетт невольно уносилась мыслями к прежним дням, к столу, освещенному огнями свечей, к блюдам, источавшим аромат.

How careless they had been of food then, what prodigal waste!	Как беспечно относились они тогда к пище, как были расточительны!
Rolls, corn muffins, biscuits and waffles, dripping butter, all at one meal.	Булочки, кукурузные оладьи, бисквиты, вафли, растопленное масло - и все это только к завтраку.
Ham at one end of the table and fried chicken at the other, collards swimming richly in pot liquor iridescent with grease, snap beans in mountains on brightly flowered porcelain, fried squash, stewed okra, carrots in cream sauce thick enough to cut.	А потом блюдо с ветчиной - на одном конце стола, блюдо с жареными цыплятами - на другом, и тут же тушеная капуста в горшочке, обильно залитая соусом, отливающим жиром, горы фасоли в сметанном соусе, таком густом, что его можно резать ножом.

And three desserts, so everyone might have his choice, chocolate layer cake, vanilla blanc mange and pound cake topped with sweet whipped cream.	И три десерта, чтобы каждый мог выбрать, что ему больше по вкусу: слоеный шоколадный пирог, ванильное бланманже или торт со взбитыми сливками.
The memory of those savory meals had the power to bring tears to her eyes as death and war had failed to do, and the power to turn her ever-gnawing stomach from rumbling emptiness to nausea.	При воспоминании об этих яствах слезы выступали у нее на глазах, остававшихся сухими перед лицом войны и перед лицом смерти, и тошнота подымалась к горлу из пустого, вечно урчащего от голода желудка.

For the appetite Mammy had always deplored, the healthy appetite of a nineteen-year-old girl, now was increased fourfold by the hard and unremitting labor she had never known before.	Ибо аппетит - предмет постоянных сокрушении Мамушки, - аппетит здоровой девятнадцатилетней женщины четырехкратно возрос вследствие неустанной, тяжелой и совсем непривычной для нее работы.
Hers was not the only troublesome appetite at Tara, for wherever she turned hungry faces, black and white, met her eyes.	Но не только ее собственный аппетит доставлял Скарлетт мучения: отовсюду на нее глядели голодные лица - белые и черные.

Soon Carreen and Suellen would have the insatiable hunger of typhoid convalescents.	Скоро и Кэррин и Сьюлин тоже станут испытывать неуемный голод, как все идущие на поправку тифозные больные.
Already little Wade whined monotonously:	Уже и Малыш Уэйд начинал уныло канючить:
"Wade doan like yams.	- Не хочу ямса!
Wade hungwy."	Есть хочу!
The others grumbled, too:	Да и остальные все чаще подавали голос:
"Miss Scarlett, 'ness I gits mo' to eat, I kain nuss neither of these chillun."	- Мисс Скарлетт, если я чего-нибудь не поем, у меня не будет молока для маленьких.

"Miss Scarlett, ef Ah doan have mo' in mah stummick, Ah kain split no wood."	- Мисс Скарлетт, не могу я колоть дрова на пустой желудок.
"Lamb, Ah's perishin' fer real vittles."	- Птичка моя, я уж и ног не таскаю без еды-то.
"Daughter, must we always have yams?"	- Доченька, неужели у нас нечего поесть, кроме ямса?
Only Melanie did not complain, Melanie whose face grew thinner and whiter and twitched with pain even in her sleep.	Одна только Мелани не жаловалась, хотя день ото дня становилась все худее и бледнее и судорога боли пробегала у нее по лицу даже во сне.
"I'm not hungry, Scarlett.	- Я совсем не голодна, Скарлетт.
Give my share of the milk to Dilcey.	Отдаю мою порцию молока Дилси.

She needs it to nurse the babies.	Оно ей нужнее для младенцев.
Sick people are never hungry."	Больные ведь никогда не бывают голодны.
It was her gentle hardihood which irritated Scarlett more than the nagging whining voices of the others.	Вот эта ее неназойливая мужественность особенно раздражала Скарлетт - больше, чем надоедливые хныканья всех остальных.
She could-and did-shout them down with bitter sarcasm but before Melanie's unselfishness she was helpless, helpless and resentful.	На них можно было прикрикнуть - что она и делала, - но самоотверженность Мелани ее обезоруживала и потому злила.

Gerald, the negroes and Wade clung to Melanie now, because even in her weakness she was kind and sympathetic, and these days Scarlett was neither.	И Джералд, и негры, и Уэйд тянулись к Мелани, поскольку она, даже больная и слабая, всегда была добра и отзывчива, у Скарлетт же в эти дни не находилось ни того ни другого.
Wade especially haunted Melanie's room.	Особенно Уэйд - он просто не вылезал из комнаты Мелани.
There was something wrong with Wade, but just what it was Scarlett had no time to discover.	С Уэйдом вообще творилось что-то неладное, но что именно - разбираться в этом Скарлетт сейчас было недосуг.

She took Mammy's word that the little boy had worms and dosed him with the mixture of dried herbs and bark which Ellen always used to worm the pickaninnies.	Она приняла на веру слова Мамушки, что у ребенка, дескать, глисты, и пичкала его отваром из сухих трав и коры, которым Эллин всегда лечила от глистов негритят.
But the vermifuge only made the child look paler.	Но от этого глистогонного снадобья личико Уэйда становилось только все бледнее и бледнее.

These days Scarlett hardly thought of Wade as a person. He was only another worry, another mouth to feed.	Скарлетт же воспринимала его в те дни не столько как маленькое человеческое существо, сколько как еще одну обузу, еще один рот, который надо накормить.

Some day when the present emergency was over, she would play with him, tell him stories and teach him his A B C's but now she did not have the time or the soul or the inclination.	Когда-нибудь потом, когда все эти бедствия останутся позади, она будет играть с ним, и рассказывать сказки, и учить его азбуке, но пока у нее не было на это ни времени, ни желания.
And, because he always seemed underfoot when she was most weary and worried, she often spoke sharply to him.	А поскольку ей казалось, что он вечно вертится под ногами именно тогда, когда она особенно устала или озабочена, она нередко бывала с ним резка.
It annoyed her that her quick reprimands brought such acute fright to his round eyes, for he looked so simple minded when he was frightened.	Ей действовало на нервы, что от ее окриков в его округлившихся глазах появлялось выражение страха, ибо малейший испуг делал его похожим на слабоумного.

She did not realize that the little boy lived shoulder to shoulder with terror too great for an adult to comprehend.	Она не понимала, что это маленькое существо жило среди постоянного кошмара, сущности которого даже мозг взрослого не смог бы постичь до конца.
Fear lived with Wade, fear that shook his soul and made him wake screaming in the night. Any unexpected noise or sharp word set him to trembling, for in his mind noises and harsh words were inextricably mixed with Yankees and he was more afraid of Yankees than of Prissy's hants.	Страх прочно поселился в Уэйде, страх томил его душу и заставлял испуганно вскрикивать по ночам, Уэйд начинал дрожать от каждого резкого слова или внезапного шума, ибо в его сознании все это было неотделимо от слова "янки", а янки он боялся больше, чем привидений, которыми пугала его Присси.

Until the thunders of the siege began, he had never known anything but a happy, placid, quiet life.	До первых дней осады, до первого залпа орудий жизнь Уэйда была спокойной, размеренной, счастливой.
Even though his mother paid him little attention, he had known nothing but petting and kind words until the night when he was jerked from slumber to find the sky aflame and the air deafening with explosions.	И хотя мать уделяла ему не слишком много внимания, он не привык слышать ничего, кроме добрых и ласковых слов, вплоть до той ночи, когда его внезапно разбудили, вытащили из кроватки, и он увидел небо в огне и услышал сотрясший воздух взрыв.

In that night and the day which followed, he had been slapped by his mother for the first time and had heard her voice raised at him in harsh words.	В эту ночь и в последовавший за ней день он впервые испытал удар материнской руки и впервые услышал от матери грубое слово.
Life in the pleasant brick house on Peachtree Street, the only life he knew, had vanished that night and he would never recover from its loss.	Его жизнь в уютном кирпичном доме на Персиковой улице - а другая была ему неведома -оборвалась в ту ночь навсегда, и ему уж не суждено было оправиться от этой потери.

In the flight from Atlanta, he had understood nothing except that the Yankees were after him and now he still lived in fear that the Yankees would catch him and cut him to pieces.	Во время бегства из Атланты он понял только одно - за ним гонятся янки, - страх, что они найдут его и разорвут на части, прочно угнездился в его душе.

Whenever Scarlett raised her voice in reproof, he went weak with fright as his vague childish memory brought up the horrors of the first time she had ever done it.	И всякий раз, когда Скарлетт, делая ему замечание, повышала голос, он холодел от страха, потому что в его неокрепшем детском мозгу мгновенно вставали картины той страшной ночи, когда он впервые услышал ее грубый окрик.

Now, Yankees and a cross voice were linked forever in his mind and he was afraid of his mother.	Теперь ее сердитый голос на веки вечные был связан для него с ужасным словом "янки", и он стал бояться матери.
Scarlett could not help noticing that the child was beginning to avoid her and, in the rare moments when her unending duties gave her time to think about it, it bothered her a great deal.	Скарлетт не могла не заметить, что ребенок начал ее избегать, и в те редкие минуты, когда она среди своих бесконечных дел позволяла себе задуматься над этим, его поведение вызывало в ней немалую досаду.

It was even worse than having him at her skirts all the time and she was offended that his refuge was Melanie's bed where he played quietly at games Melanie suggested or listened to stories she told.	Это было даже хуже его прежнего вечного цепляния за ее юбку, и ее задевало за живое то, что он искал прибежища на постели у Мелани, где тут же принимался спокойно играть в любую игру, какую бы она ни предложила, или слушать ее рассказы.
Wade adored "Auntee" who had a gentle voice, who always smiled and who never said:	Уэйд обожал свою тетю, у которой был такой тихий голос и которая всегда улыбалась и никогда не говорила:
"Hush, Wade!	"Замолчи!
You give me a headache" or	У меня от тебя голова разламывается" или

"Stop fidgeting, Wade, for Heaven's sake!"	"Бога ради, перестань вертеться под ногами!"
Scarlett had neither the time nor the impulse to pet him but it made her jealous to see Melanie do it.	У Скарлетт не было ни времени, ни охоты нянчиться с ним, но когда это делала Мелани, в ней пробуждалась ревность.
When she found him one day standing on his head in Melanie's bed and saw him collapse on her, she slapped him.	Увидав однажды, как он кувыркается через голову на постели Мелани, падая при этом прямо на нее, Скарлетт в сердцах отвесила ему подзатыльник.
"Don't you know better than to jiggle Auntee like that when she's sick?	- Ты что - совсем очумел? Разве можно так прыгать на тетю - ты же знаешь, что тетя больна!

Now, trot right out in the yard and play, and don't come in here again."	Ступай сейчас же во двор, играй там, и чтоб больше я тебя здесь не видела!
But Melanie reached out a weak arm and drew the wailing child to her.	Но Мелани тонкой, как плеть, рукой притянула к себе плачущего ребенка.
"There, there, Wade.	- Полно, полно, Уэйд.
You didn't mean to jiggle me, did you?	Ты же не хотел прыгнуть на меня, правда?
He doesn't bother me, Scarlett.	Он мне нисколько не мешает, Скарлетт.
Do let him stay with me.	Позволь ему побыть со мной.
Let me take care of him.	Позволь мне поиграть с ним.

It's the only thing I can do till I get well, and you've got your hands full enough without having to watch him."	Это же единственное, что я могу делать, пока не поправлюсь, а у тебя достаточно хлопот и без него.

"Don't be a goose, Melly," said Scarlett shortly.	- Не дури, Мелли, - сухо сказала Скарлетт.
"You aren't getting well like you should and having Wade fall on your stomach won't help you.	- Ты и так слишком туго идешь на поправку, а если Уэйд будет прыгать у тебя на животе, лучше тебе от этого не станет.
Now, Wade, if I ever catch you on Auntee's bed again, I'll wear you out.	И если я еще раз застану тебя, Уэйд, у тети на постели, ты получишь от меня хорошую трепку.
And stop sniffling.	И перестань шмыгать носом.

You are always sniffling.	Вечно ты носом шмыгаешь.
Try to be a little man."	Постарайся быть мужчиной.
Wade flew sobbing to hide himself under the house.	Уэйд убежал в слезах и спрятался под домом.
Melanie bit her lip and tears came to her eyes, and Mammy standing in the hall, a witness to the scene, scowled and breathed hard.	Мелани закусила губу, и у нее тоже выступили слезы на глазах, а Мамушка, наблюдавшая эту сцену, нахмурилась и жарко задышала.
But no one talked back to Scarlett these days.	Но никто не осмеливался перечить Скарлетт в эти дни.

They were all afraid of her sharp tongue, all afraid of the new person who walked in her body.	Все боялись ее острого языка и этого нового злого существа, которое, казалось, в нее вселилось.
Scarlett reigned supreme at Tara now and, like others suddenly elevated to authority, all the bullying instincts in her nature rose to the surface.	Скарлетт безраздельно властвовала теперь в имении, и, как это нередко бывает, столь внезапно полученная власть развязала все дремавшие в ней дурные инстинкты.
It was not that she was basically unkind. It was because she was so frightened and unsure of herself she was harsh lest others learn her inadequacies and refuse her authority.	Не будучи от природы злой, она вместе с тем была так напугана и так не уверена в себе, что становилась грубой, боясь, как бы ее несостоятельность не обнаружилась и не пошатнула ее авторитета.

Besides, there was some pleasure in shouting at people and knowing they were afraid.	А кроме того, прикрикнуть и увидеть, что тебя боятся, было иной раз даже приятно.
Scarlett found that it relieved her overwrought nerves.	Это давало облегчение донельзя напряженным нервам.
She was not blind to the fact that her personality was changing.	Она и сама замечала иной раз, что характер у нее меняется.
Sometimes when her curt orders made Pork stick out his under lip and Mammy mutter:	Порой, видя, как после какого-нибудь ее не допускающего возражений приказа у Порка обиженно выпячивается губа, или слыша, как Мамушка бормочет себе под нос:

"Some folks rides mighty high dese days," she wondered where her good manners had gone.	"До чего же некоторые воображать здесь стали...", она удивлялась на самое себя: где же ее хорошие манеры и воспитанность?
All the courtesy, all the gentleness Ellen had striven to instill in her had fallen away from her as quickly as leaves fall from trees in the first chill wind of autumn.	Всю мягкость, всю учтивость, которые постоянно старалась привить ей Эллин, - все как ветром сдуло, сдуло, словно листья с веток при первом холодном дыхании осени.
Time and again, Ellen had said:	Как часто говорила ей Эллин:

"Be firm but be gentle with inferiors, especially darkies."	"Будь тверда, но неизменно вежлива с теми, кто тебе служит, особенно с неграми".

But if she was gentle the darkies would sit in the kitchen all day, talking endlessly about the good old days when a house nigger wasn't supposed to do a field hand's work.	Но если она будет с ними вежлива, они так целый день и просидят на кухне, вспоминая доброе старое время, когда дворовую челядь не посылали работать в поле.
"Love and cherish your sisters.	"Люби своих сестер, береги их.
Be kind to the afflicted," said Ellen.	Будь всегда добра к недужным и скорбящим, -говорила Эллин.
"Show tenderness to those in sorrow and in trouble."	- Помогай людям в беде".
She couldn't love her sisters now.	Но она не могла сейчас любить своих сестер.

They were simply a dead weight on her shoulders.	Они камнем, висели у нее на шее.
And as for cherishing them, wasn't she bathing them, combing their hair and feeding them, even at the expense of walking miles every day to find vegetables?	Что касается заботы о них, то разве она не купает их, не расчесывает им волосы? Разве она не кормит их, хотя для этого ей приходится ежедневно отмерять пешком милю за милей, чтобы принести горстку овощей?
Wasn't she learning to milk the cow, even though her heart was always in her throat when that fearsome animal shook its horns at her?	Разве не научилась она доить корову, хотя душа у нее каждый раз уходит в пятки, стоит этому рогатому чудовищу, уставясь на нее, помотать годовой?
And as for being kind, that was a waste of time.	Ну, а стараться быть к сестрам доброй - это пустая трата времени.

If she was overly kind to them, they'd probably prolong their stay in bed, and she wanted them on their feet again as soon as possible, so there would be four more hands to help her.	Если она будет чересчур к ним добра, они еще, пожалуй, долго проваляются в постели, в то время как ей нужно, чтобы они побыстрее встали на ноги и в ее хозяйстве прибавилось две пары рук.
They were convalescing slowly and lay scrawny and weak in their bed.	Поправлялись они медленно и все еще лежали в постели - совсем слабые, тощие.
While they had been unconscious, the world had changed.	А пока они находились без сознания, мир вокруг них изменился неузнаваемо.
The Yankees had come, the darkies had gone and Mother had died.	Пришли янки, убежали негры, умерла их мать.

Here were three unbelievable happenings and their minds could not take them in.	Этому невозможно было поверить, и их разум отказывался эти три факта принять.
Sometimes they believed they must still be delirious and these things had not happened at all.	Порой им казалось, что ничего не произошло, -просто у них продолжается бред.
Certainly Scarlett was so changed she couldn't be real.	Не могла же Скарлетт в самом деле так измениться.

When she hung over the foot of their bed and outlined the work she expected them to do when they recovered, they looked at her as if she were a hobgoblin.	Когда она, облокотясь о спинку кровати, принималась втолковывать, какую работу намерена поручить им, лишь только они поправятся, сестры смотрели на нее как на чудовище.

It was beyond their comprehension that they no longer had a hundred slaves to do the work.	У них не умещалось в голове, что на плантации больше нет той сотни рабов, которая эту работу выполняла.
It was beyond their comprehension that an O'Hara lady should do manual labor.	У них не умещалось в голове, что благородные девушки из семьи О'Хара должны заниматься грубым физическим трудом.

"But, Sister," said Carreen, her sweet childish face blank with consternation. "I couldn't split kindling!	- Но, сестричка, дорогая, - пролепетала как-то раз Кэррин, и ее нежное детское личико стало совсем белым от страха, - я же не могу щепать лучину!
It would ruin my hands!"	Что будет с моими руками!
"Look at mine," answered Scarlett with a frightening smile as she pushed blistered and calloused palms toward her.	- А ты погляди на мои, - сказала Скарлетт и с жесткой улыбкой поднесла к глазам сестры свои загрубевшие, покрытые волдырями и мозолями ладони.
"I think you are hateful to talk to Baby and me like this!" cried Suellen.	- По-моему, это гадко - так разговаривать с малышкой, да и со мной тоже, - вскричала Сьюлин.

"I think you are lying and trying to frighten us.	- По-моему, ты все лжешь и нарочно стараешься нас запугать.
If Mother were only here, she wouldn't let you talk to us like this!	Послушала бы тебя мама! Она бы не позволила так с нами разговаривать!
Split kindling, indeed!"	Щепать лучину! Еще чего не хватало!
Suellen looked with weak loathing at her older sister, feeling sure Scarlett said these things just to be mean.	Сьюлин с бессильной злобой поглядела на старшую сестру, ни секунды не сомневаясь, что Скарлетт говорит все это лишь для того, чтобы их позлить.

Suellen had nearly died and she had lost her mother and she was lonely and scared and she wanted to be petted and made much of.	Сьюлин только что была на краю смерти и потеряла мать. Она чувствовала себя ужасно одинокой, и ей было страшно и хотелось, чтоб ее жалели, ласкали и баловали.
Instead, Scarlett looked over the foot of the bed each day, appraising their improvement with a hateful new gleam in her slanting green eyes and talked about making beds, preparing food, carrying water buckets and splitting kindling.	А вместо этого Скарлетт каждый день, став в ногах кровати, с каким-то новым, гадким блеском в зеленых, чуть раскосых глазах с удовлетворением отмечала, что сестры идут на поправку, и принималась перечислять их обязанности: стелить постели, стряпать, таскать воду из колодца, щепать лучину.

And she looked as if she took a pleasure in saying such awful things.	И можно было подумать, что ей даже доставляет удовольствие сообщать им все эти чудовищные вещи.
Scarlett did take pleasure in it.	А Скарлетт и вправду делала это не без удовольствия.

She bullied the negroes and harrowed the feelings of her sisters not only because she was too worried and strained and tired to do otherwise but because it helped her to forget her own bitterness that everything her mother had told her about life was wrong.	Она держала в страхе всех негров и тиранила сестер не только потому, что напряжение, усталость, заботы не оставляли в ее душе места для участливости, а еще и потому, что таким способом Она срывала на других накопившуюся в сердце горечь: ведь все внушенные матерью представления о жизни оказались ложными.
Nothing her mother had taught her was of any value whatsoever now and Scarlett's heart was sore and puzzled.	Все, чему учила ее Эллин, обернулось совершенно непригодным теперь, и душа Скарлетт была смятена и уязвлена.

It did not occur to her that Ellen could not have foreseen the collapse of the civilization in which she raised her daughters, could not have anticipated the disappearings of the places in society for which she trained them so well.	Ей не приходило в голову, что Эллин не могла предусмотреть крушение мира, в котором она жила и растила своих дочерей, не могла предугадать, что у них уже не будет того положения в обществе, к которому она их так искусно готовила.
It did not occur to her that Ellen had looked down a vista of placid future years, all like the uneventful years of her own life, when she had taught her to be gentle and gracious, honorable and kind, modest and truthful.	Скарлетт не понимала, что Эллин, уча ее быть доброй, мягкой, уступчивой, честной, правдивой и скромной, видела впереди вереницу мирных, небогатых событиями лет, во всем подобных ее собственной размеренной жизни.

Life treated women well when they had learned those lessons, said Ellen.	Судьба вознаграждает женщин, которые живут по этим законам, говорила Эллин.
Scarlett thought in despair:	И охваченная отчаянием Скарлетт думала:
"Nothing, no, nothing, she taught me is of any help to me!	"Все, все, чему она меня учила, ничем, ну, ничем не может мне помочь теперь!
What good will kindness do me now?	Какая мне польза от того, что я буду доброй?
What value is gentleness?	Что мне это даст, если я буду мягкой, уступчивой?
Better that I'd learned to plow or chop cotton like a darky.	Куда больше было бы толку, если бы она научила меня пахать или собирать хлопок, как негры.

Oh, Mother, you were wrong!"	О, мама, ты была не права!"
She did not stop to think that Ellen's ordered world was gone and a brutal world had taken its place, a world wherein every standard, every value had changed.	Она не понимала, что упорядоченный мир Эллин рухнул, вытесненный иным миром, со своими грубыми законами, с иными мерками и ценностями.
She only saw, or thought she saw, that her mother had been wrong, and she changed swiftly to meet this new world for which she was not prepared.	Она видела только - так ей казалось, - что ее мать была не права, и в ней стремительно совершались перемены, жизненно необходимые, чтобы во всеоружии встретить этот новый мир, для которого она не была подготовлена.

Only her feeling for Tara had not changed.	Неизменной осталась только ее любовь к Таре.
She never came wearily home across the fields and saw the sprawling white house that her heart did not swell with love and the joy of homecoming.	Всякий раз, когда она, усталая, возвращалась домой с плантации и перед ней возникало знакомое невысокое белое здание, сердце ее преисполнялось любовью и радостью от приближения к родному очагу.

She never looked out of her window at green pastures and red fields and tall tangled swamp forest that a sense of beauty did not fill her.	И всякий раз, когда, выглянув из окна, она видела зеленые пастбища, и красную пахоту, и высокую громаду темного тонкоствольного девственного леса, у нее захватывало дух от красоты этой земли.

Her love for this land with its softly rolling hills of bright-red soil, this beautiful red earth that was blood colored, garnet, brick dust, vermilion, which so miraculously grew green bushes starred with white puffs, was one part of Scarlett which did not change when all else was changing.	Только эта частица ее души, только любовь к отчему краю с его грядой мягких, округлых красных холмов, к этой прекрасной, плодородной земле - то алой, как кровь, то густо-багряной, то кирпично-тусклой, то киноварно-пурпурной, из года в Год творящей чудо - зеленые кусты, осыпанные, белыми пушистыми клубочками, -только эта любовь не претерпела изменений.
Nowhere else in the world was there land like this.	Ведь нигде на всей планете не было земли, подобной этой.

When she looked at Tara she could understand, in part, why wars were fought.	И тогда ей казалось, что она начинает понимать, почему происходят войны.
Rhett was wrong when he said men fought wars for money.	Ретт был не прав - неверно это, будто люди ведут войны ради денег.
No, they fought for swelling acres, softly furrowed by the plow, for pastures green with stubby cropped grass, for lazy yellow rivers and white houses that were cool amid magnolias.	Нет, они сражаются за эти холмистые просторы, возделанные плугом, за эти зеленые луга с ощетинившейся после покоса травой, за ленивые желтые реки и белые прохладные дома в тени магнолий.

These were the only things worth fighting for, the red earth which was theirs and would be their sons', the red earth which would bear cotton for their sons and their sons' sons.	Только за это и стоит сражаться - за красную землю, которая принадлежит им и будет принадлежать их сыновьям, за красную землю, которая родит хлопок для их сыновей и внуков.

The trampled acres of Tara were all that was left to her, now that Mother and Ashley were gone, now that Gerald was senile from shock, and money and darkies and security and position had vanished overnight.	Вытоптанная земля Тары - вот все, что у нее осталось теперь, когда не стало Эллин, не стало Эшли, а Джералд впал в детство, не перенеся удара, и деньги, негры, положение, уверенность в будущем - все сгинуло в одну ночь.

As from another world she remembered a conversation with her father about the land and wondered how she could have been so young, so ignorant, as not to understand what he meant when he said that the land was the one thing in the world worth fighting for.	Ей припомнился разговор с отцом, припомнился как что-то происходившее в другом измерении, и ей показалось странным, как могла она быть так молода и так глупа, чтобы не понять смысла его слов: земля - единственное на свете, за что стоит бороться.

"For 'tis the only thing in the world that lasts... and to anyone with a drop of Irish blood in them the land they live on is like their mother... 'tis the only thing worth working for, fighting for, dying for."	"Ибо она - единственное, что вечно... и для того, в чьих жилах есть хоть капля ирландской крови, земля - это то же, что мать... Это единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться и умереть".
Yes, Tara was worth fighting for, and she accepted simply and without question the fight.	Да, за Тару стоило бороться, и она просто, без колебаний включилась в эту борьбу.
No one was going to get Tara away from her.	Она не позволит никому отнять у нее Тару.

No one was going to set her and her people adrift on the charity of relatives.	Никому не удастся заставить ее и ее близких скитаться по свету и жить из милости у родственников.
She would hold Tara, if she had to break the back of every person on it.	Она не выпустит имения из своих рук, даже если для этого придется изнурить работой и себя, и всех здесь живущих.
CHAPTER XXVI	Глава 26
Scarlett had been at Tara two weeks since her return from Atlanta when the largest blister on her foot began to fester, swelling until it was impossible for her to put on her shoe or do more than hobble about on her heel.	Скарлетт уже вторую неделю жила дома, когда на ноге у нее загноился самый большой из натертых за время дороги волдырей, нога распухла, надеть башмак стало невозможно, и она еле-еле ковыляла, наступая только на пятку.

Desperation plucked at her when she looked at the angry sore on her toe.	Вид нарыва приводил ее в отчаяние.
Suppose it should gangrene like the soldiers' wounds and she should die, far away from a doctor?	А что, если у нее начнется гангрена, как у раненых? Доктора здесь нет, и она умрет.
Bitter as life was now, she had no desire to leave it.	Жизнь ее сейчас была не сладка, но расставаться с ней у Скарлетт вовсе не было охоты.
And who would look after Tara if she should die?	И кто позаботится о Таре, если ее не станет?

She had hoped when she first came home that Gerald's old spirit would revive and he would take command, but in these two weeks that hope had vanished.	Первые дни Скарлетт еще надеялась, что Джеральд возвратится к жизни и возьмет бразды правления в свои руки, но прошли недели, и она поняла, что эта надежда несбыточна.
She knew now that, whether she liked it or not, she had the plantation and all its people on her two inexperienced hands, for Gerald still sat quietly, like a man in a dream, so frighteningly absent from Tara, so gentle.	Теперь ей стало ясно: судьба имения и всех живущих в нем - в ее неопытных руках, ибо Джеральд был вое так же тих, молчалив, погружен в себя, и его отсутствующий взгляд нагонял на нее страх.
To her pleas for advice he gave as his only answer:	Когда она обращалась к нему за советом, у него на все был один ответ:

"Do what you think best, Daughter."	- Сделай так, как считаешь лучше, доченька.
Or worse still,	А порой и того хуже:
"Consult with your mother, Puss."	- Спроси лучше у мамы, котенок.
He never would be any different and now Scarlett realized the truth and accepted it without emotion- that until he died Gerald would always be waiting for Ellen, always listening for her.	Мало-помалу Скарлетт поняла, что он останется таким уже навсегда и до конца дней своих вечно будет ждать появления Эл-Аин, вечно будет прислушиваться, не раздадутся ли ее шаги, -поняла и бесстрастно примирилась с этой мыслью.
He was in some dim borderline country where time was standing still and Ellen was always in the next room.	Джералд жил в каком-то своем мире, где время остановилось, а Эллин всегда находилась в соседней комнате.

The mainspring of his existence was taken away when she died and with it had gone his bounding assurance, his impudence and his restless vitality.	Казалось, смерть Эллин отняла у него силу, и он сразу утратил и свою хвастливую самоуверенность, и напористость, и свое неугомонное жизнелюбие.

Ellen was the audience before which the blustering drama of Gerald O'Hara had been played.	Эллин О'Хара была для него тем зрительным залом, перед которым он разыгрывал увлекательный спектакль под названием "Жизнь Джералда О'Хара".

Now the curtain had been rung down forever, the footlights dimmed and the audience suddenly vanished, while the stunned old actor remained on his empty stage, waiting for his cues.	Теперь же огни рампы потухли, занавес опустился навечно, зрительный зал внезапно куда-то исчез, и старый актер остался как громом пораженный, один на пустых подмостках, тщетно ожидая очередной реплики.
That morning the house was still, for everyone except Scarlett, Wade and the three sick girls was in the swamp hunting the sow.	В то утро в доме было очень тихо, так как все, кроме Скарлетт, трех лежавших в постели больных и Уэйда, отправились на поиски бродившей по болоту свиньи.

Even Gerald had aroused a little and stumped off across the furrowed fields, one hand on Pork's arm and a coil of rope in the other.	Даже Джералд вдруг как-то приободрился и с мотком веревок на плече заковылял через вспаханное поле, опираясь на руку Порка.
Suellen and Careen had cried themselves to sleep, as they did at least twice a day when they thought of Ellen, tears of grief and weakness oozing down their sunken cheeks.	Сьюлин и Кэррин, наплакавшись вволю, уснули; так повторялось по меньшей мере два-три раза на дню: они принимались вспоминать Эллин, и слезы слабости и скорби начинали струиться по их исхудалым щекам.

Melanie, who had been propped up on pillows for the first time that day, lay covered with a mended sheet between two babies, the downy flaxen head of one cuddled in her arm, the kinky black head of Dilcey's child held as gently in the other.	Мелани, которую в этот день впервые посадили в постели, подперев подушками и покрыв чиненой-перечиненой простыней, одной рукой поддерживала льняную головку своего младенца, а другой - и не менее нежно - черную курчавую -Дилсиного малютки.
Wade sat at the bottom of the bed, listening to a fairy story.	В ногах у нее сидел Уэйд и слушал сказку.

To Scarlett, the stillness at Tara was unbearable, for it reminded her too sharply of the deathlike stillness of the desolate country through which she had passed that long day on her way home from Atlanta.	Тишина, царившая в доме, невыносимо тяготила Скарлетт, слишком живо напоминая ей мертвую тишину опустошенной страны, через которую пробиралась она в долгий-долгий день бегства из Атланты.
The cow and the calf had made no sound for hours.	Хоть бы корова или теленок замычали - так нет, молчат часами!

There were no birds twittering outside her window and even the noisy family of mockers who had lived among the harshly rustling leaves of the magnolia for generations had no song that day.	За окном не раздавалось щебета птиц, и даже шумное суматошное семейство пересмешников, из поколения в поколение жившее в глухо шелестящей кроне магнолии, примолкло в этот день.

She had drawn a low chair close to the open window of her bedroom, looking out on the front drive, the lawn and the empty green pasture across the road, and she sat with her skirts well above her knees and her chin resting on her arms on the window sill.	Скарлетт придвинула низкое кресло поближе к распахнутому окну своей спальни и, задрав подол платья выше колен, опершись локтями о подоконник, сидела, глядя на подъездную аллею, на газон, на пустынный зеленый выгон за дорогой.

There was a bucket of well water on the floor beside her and every now and then she lowered her blistered foot into it, screwing up her face at the stinging sensation.	На полу возле кресла стояла бадейка с колодезной водой, и время от времени она опускала в нее воспаленную ступаю, кривясь от жгучей боли.
Fretting, she dug her chin into her arm.	Так она сидела, уткнувшись подбородком в руки.
Just when she needed her strength most, this toe had to fester.	Именно теперь, когда ей нужно напрячь все силы, этот палец взял да нагноился!
Those fools would never catch the sow.	Разве эти идиоты сумеют когда-нибудь поймать свинью!

It had taken them a week to capture the pigs, one by one, and now after two weeks the sow was still at liberty.	Поросят и тех они ловили по одному целую неделю, а свинья вот уже вторую неделю гуляет себе на свободе.
Scarlett knew that if she were just there in the swamp with them, she could tuck up her dress to her knees and take the rope and lasso the sow before you could say Jack Robinson.	Скарлетт была уверена, что пойди она с ними на болото, ей стоило бы только подоткнуть повыше подол, взять в руки веревку, и она в два счета заарканила бы эту свинью.
But even after the sow was caught-if she were caught?	Ну, а что потом, после того, как свинья будет поймана, - если она будет поймана?
What then, after she and her litter were eaten?	Что потом, когда они съедят и свинью, и ее приплод?

Life would go on and so would appetites.	Жизнь-то будет продолжаться, а следовательно, не кончится и потребность в еде.
Winter was coming and there would be no food, not even the poor remnants of the vegetables from the neighbors' gardens.	Надвигается зима, когда еды взять будет неоткуда, придут к концу даже несчастные остатки овощей с соседских огородов.
They must have dried peas and sorghum and meal and rice and-and-oh, so many things.	Надо запасти сушеных бобов, и сорго, и муки, и рису, и... и... Да мало ли чего еще.
Corn and cotton seed for next spring's planting, and new clothes too.	Кукурузных и хлопковых семян для весеннего посева и из одежды кое-чего.

Where was it all to come from and how would she pay for it?	Откуда все это взять и чем" расплачиваться?
She had privately gone through Gerald's pockets and his cash box and all she could find was stacks of Confederate bonds and three thousand dollars in Confederate bills.	Она тайком обшарила у Джералда карманы, залезла в его шкатулку, но не обнаружила ничего, кроме пачки облигаций и трех тысяч долларов купюрами Конфедерации.
That was about enough to buy one square meal for them all, she thought ironically, now that Confederate money was worth almost less than nothing at all.	На это, пожалуй, все они могли бы один раз сытно пообедать, подумала она с иронией, ведь теперь эти деньги почти ничего не стоят.

But if she did have money and could find food, how would she haul it home to Tara?	Но будь даже у нее деньги и возможность купить на них продуктов, как доставить их сюда, в Тару?
Why had God let the old horse die?	Почему господь допустил, чтобы старая кляча издохла?
Even that sorry animal Rhett had stolen would make all the difference in the world to them.	Будь у них хотя бы эта несчастная, сворованная Реттом скотина - все было бы подспорье!

Oh, those fine sleek mules which used to kick up their heels in the pasture across the road, and the handsome carriage horses, her little mare, the girls' ponies and Gerald's big stallion racing about and tearing up the turf-Oh, for one of them, even the balkiest mule!	А какие прекрасные, гладкие мулы брыкались у них на выгоне за дорогой! А какие красавицы были их упряжные лошади, и ее маленькая кобылка, и сестринские пони, и большой жеребец Джералда! Как он скакал, как летела у него из-под копыт земля! Ах, если бы сейчас хоть одного мула сюда - хоть самого что ни на есть упрямого!
But, no matter-when her foot healed she would walk to Jonesboro.	Ладно, когда нога у нее заживет, она пойдет пешком в Джонсборо.

It would be the longest walk she had ever taken in her life, but walk it she would.	Ей еще никогда не доводилось совершать столь длинное путешествие пешком, но она его совершит.
Even if the Yankees had burned the town completely, she would certainly find someone in the neighborhood who could tell her where to get food.	Если даже янки выжгли дотла весь город, она, конечно, разыщет кого-нибудь и разузнает, где можно добыть продуктов.
Wade's pinched face rose up before her eyes.	Заострившееся личико Уэйда вдруг возникло у нее перед глазами.
He didn't like yams, he repeated; wanted a drumstick and some rice and gravy.	Он все время твердит, что не любит ямса, все просит куриную ножку и риса с подливкой.

The bright sunlight in the front yard suddenly clouded and the trees blurred through tears.	Залитый ярким солнечным светом сад внезапно потускнел, и деревья поплыли перед ее затуманившимся взором.
Scarlett dropped her head on her arms and struggled not to cry.	Скарлетт уронила голову на руки, стараясь сдержать слезы.
Crying was so useless now.	Плакать бесполезно теперь.
The only time crying ever did any good was when there was a man around from whom you wished favors.	От слез может быть толк, когда рядом мужчина, от которого нужно чего-то добиться.
As she crouched there, squeezing her eyes tightly to keep back the tears, she was startled by the sound of trotting hooves.	Она сидела, сжавшись в комочек, крепко зажмурив глаза, стараясь не разрыдаться, и в эту минуту до нее долетел стук копыт.

But she did not raise her head.	Но она не подняла головы.
She had imagined that sound too often in the nights and days of these last two weeks, just as she had imagined she heard the rustle of Ellen's skirts. Her heart hammered, as it always did at such moments, before she told herself sternly:	Ей так часто чудилось, что она слышит этот звук, чуть не каждый день и каждую ночь, - так же, как чудился ей шорох платья Эллин... И как всегда, сердце ее в этот миг заколотилось, прежде чем она успела мысленно сказать себе:
"Don't be a fool."	"Не будь дурой".
But the hooves slowed down in a startlingly natural way to the rhythm of a walk and there was the measured scrunch-scrunch on the gravel.	Но быстрый стук копыт стал замедляться, лошадь перешла с галопа на шаг, и это, и ритмичный хруст гравия - все было слишком реально.

It was a horse-the Tarletons, the Fontaines!	Кто-то подъехал верхом - может быть, от Тарлтонов или Фонтейнов?
She looked up quickly.	Скарлетт подняла глаза.
It was a Yankee cavalryman.	В кавалерийском седле сидел янки.

Automatically, she dodged behind the curtain and peered fascinated at him through the dim folds of the cloth, so startled that the breath went out of her lungs with a gasp.	Еще не осознав случившегося, она уже спряталась за занавеской и как завороженная смотрела на всадника сквозь дымчатые складки шелка, затаив дыхание от неожиданности и испуга.

He sat slouched in the saddle, a thick, rough-looking man with an unkempt black beard straggling over his unbuttoned blue jacket.	Он мешковато сидел в седле - плотный мужчина в полурасстегнутом синем мундире; у него было грубое лицо и неопрятная черная борода.
Little close-set eyes, squinting in the sun glare, calmly surveyed the house from beneath the visor of his tight blue cap.	Маленькие, близко посаженные глаза, щурясь от солнца, спокойно разглядывали дом из-под козырька жесткого синего кепи.

As he slowly dismounted and tossed the bridle reins over the hitching post, Scarlett's breath came back to her as suddenly and painfully as after a blow in the stomach.	Когда он медленно спешился и закинул поводья на коновязь. Скарлетт наконец смогла вздохнуть - но так болезненно И резко, словно после удара под ложечку.
A Yankee, a Yankee with a long pistol on his hip!	Янки! Янки с большущим пистолетом на боку!
And she was alone in the house with three sick girls and the babies!	А она одна в доме с тремя больными и с маленькими детишками!

As he lounged up the walk, hand on holster, beady little eyes glancing to right and left, a kaleidoscope of jumbled pictures spun in her mind, stories Aunt Pittypat had whispered of attacks on unprotected women, throat cuttings, houses burned over the heads of dying women, children bayoneted because they cried, all of the unspeakable horrors that lay bound up in the name of "Yankee."	Пока он не спеша шагал по дорожке, держа одну руку на кобуре, зыркая маленькими бусинками глаз вправо и влево, калейдоскоп беспорядочных видений закружился перед мысленным взором Скарлетт: перерезанные горла, надругательства над беззащитными женщинами, о которых шепотом повествовала тетушка Питтипэт, дома, обращенные в пепел вместе с умирающими людьми, дети, вздетые на штыки, чтобы не пищали, - все неописуемые ужасы, таящиеся в слове "янки".

Her first terrified impulse was to hide in the closet, crawl under the bed, fly down the back stairs and run screaming to the swamp, anything to escape him.	Ее первым побуждением было спрятаться в чулане, заползти под кровать, спуститься по черной лестнице и броситься к болоту, зовя на помощь, - что угодно, лишь бы убежать.
Then she heard his cautious feet on the front steps and his stealthy tread as he entered the hall and she knew that escape was cut off.	Но тут скрипнули ступеньки крыльца под осторожной ступней, затем она услышала, как солдат крадучись вошел в холл, и поняла, что путь к отступлению отрезан.
Too cold with fear to move, she heard his progress from room to room downstairs, his steps growing louder and bolder as he discovered no one.	Оцепенев от страха, она прислушивалась к его передвижениям из комнаты в комнату, и шаги звучали все громче, все увереннее, по мере того как он убеждался, что дом пуст.

Now he was in the dining room and in a moment he would walk out into the kitchen.	Вот он прошел в столовую и сейчас, верно, направился на кухню.
At the thought of the kitchen, rage suddenly leaped up in Scarlett's breast, so sharply that it jabbed at her heart like a knife thrust, and fear fell away before her overpowering fury.	При мысли о кухне ярость полоснула Скарлетт по сердцу как ножом и страх отступил.

The kitchen! There, over the open kitchen fire were two pots, one filled with apples stewing and the other with a hodgepodge of vegetables brought painfully from Twelve Oaks and the MacIntosh garden-dinner that must serve for nine hungry people and hardly enough for two.	Там, на кухне, на открытом очаге стояли два горшка - один с печеными яблоками, другой с похлебкой из овощей, раздобытых с таким трудом на огороде в Двенадцати Дубах и у Макинтошей, -скудный обед, которому надлежало утолить голод девяти людей и которого, в сущности, едва могло хватить на двоих.

Scarlett had been restraining her appetite for hours, waiting for the return of the others and the thought of the Yankee eating their meager meal made her shake with anger.	Скарлетт уже несколько часов усмиряла свой разыгравшийся аппетит, дожидаясь возвращения тех, кто ушел на болото, и при мысли, что янки съест их жалкую еду, ее затрясло от злобы.
God damn them all!	Будь они все прокляты!
They descended like locusts and left Tara to starve slowly and now they were back again to steal the poor leavings.	Они налетели на Тару как саранча, опустошили ее и оставили людей медленно погибать с голоду, а теперь вернулись, чтобы отнять последние жалкие крохи!
Her empty stomach writhed within her.	Ее пустой желудок свело судорогой.

By God, this was one Yankee who would do no more stealing!	"Богом клянусь, уж этому-то янки больше не удастся ничего украсть!"
She slipped off her worn shoe and, barefooted, she pattered swiftly to the bureau, not even feeling her festered toe.	Она скинула со здоровой ноги истрепанную туфлю и босиком подошла к бюро, не чувствуя даже боли от нарыва.
She opened the top drawer soundlessly and caught up the heavy pistol she had brought from Atlanta, the weapon Charles had worn but never fired.	Бесшумно выдвинув верхний ящик, она вынула оттуда тяжелый пистолет - привезенный из Атланты пистолет Чарльза, из которого ему так ни разу и не довелось выстрелить.

She fumbled in the leather box that hung on the wall below his saber and brought out a cap. She slipped it into place with a hand that did not shake.	Она пошарила в кожаном патронташе, висевшем на стене под саблей, достала патрон и недрогнувшей рукой вложила его в патронник.
Quickly and noiselessly, she ran into the upper hall and down the stairs, steadying herself on the banisters with one hand and holding the pistol close to her thigh in the folds of her skirt.	Затем быстро и все так же бесшумно проскользнула на галерею, окружавшую холл, и стала спускаться по лестнице, держась одной рукой за перила, сжимая в другой руке пистолет, прикрытый у бедра складками юбки.

"Who's there?" cried a nasal voice and she stopped on the middle of the stairs, the blood thudding in her ears so loudly she could hardly hear him.	- Кто здесь? - раздался громкий гнусавый окрик, и она замерла на середине лестницы, чувствуя, как кровь стучит у нее на висках, заглушая этот голос.
"Halt or I'll shoot!" came the voice.	- Стой, стрелять буду!
He stood in the door of the dining room, crouched tensely, his pistol in one hand and, in the other, the small rosewood sewing box fitted with gold thimble, gold-handled scissors and tiny goldtopped acorn of emery.	Он появился в дверях столовой, весь подобравшись, как для прыжка: в одной руке у него был пистолет, в другой - маленькая шкатулка розового дерева с швейными принадлежностями: золотым наперстком, корундовым желудем с золотой шапочкой для штопки и ножницами с позолоченными колечками.

Scarlett's legs felt cold to the knees but rage scorched her face.	У Скарлетт ноги стали ледяными от ужаса, но лицо ее было искажено яростью.
Ellen's sewing box in his hands.	Шкатулка Эллин у него в руках!

She wanted to cry:	Ей хотелось крикнуть:
"Put it down!	"Положи!
Put it down, you dirty-" but words would not come.	Сейчас же положи ее на место, ты, грязная...", но язык ей не повиновался.

She could only stare over the banisters at him and watch his face change from harsh tenseness to a half-contemptuous, half-ingratiating smile.	Она просто стояла и смотрела на янки и увидела, как напряженная настороженность его лица сменилась полунахальной, полуигривой ухмылкой.
"So there is somebody ter home," he said, slipping his pistol back into its holster and moving into the hall until he stood directly below her.	- Да тут кто-то есть, в этом доме, - сказал он и, пряча пистолет в кобуру, шагнул через порог прямо к ней и остановился под лестницей.
"All alone, little lady?"	- Ты что ж - совсем одна здесь, малютка?

Like lightning, she shoved her weapon over the banisters and into the startled bearded face. Before he could even fumble at his belt, she pulled the trigger.	Быстрым, как молния, движением она вскинула руку с пистолетом над перилами, целясь в ошеломленное бородатое лицо, и, прежде чем солдат успел расстегнуть кобуру, спустила курок.
The back kick of the pistol made her reel, as the roar of the explosion filled her ears and the acrid smoke stung her nostrils.	Отдачей ее качнуло назад, в ушах стоял грохот выстрела, и от кислого порохового дыма защекотало в носу.
The man crashed backwards to the floor, sprawling into the dining room with a violence that shook the furniture.	Солдат повалился навзничь, прямо на порог столовой, под тяжестью его падения задрожал пол и мебель.

The box clattered from his hand, the contents spilling about him.	Шкатулка "выпала из его руки, и все содержимое рассыпалось по полу.
Hardly aware that she was moving, Scarlett ran down the stairs and stood over him, gazing down into what was left of the face above the beard, a bloody pit where the nose had been, glazing eyes burned with powder.	Почти не сознавая, что она делает, Скарлетт сбежала с лестницы и стала над ним, глядя на то, что осталось от его лица - на красную впадину над усами там, где был нос, на остекленелые, обожженные порохом глаза.
As she looked, two streams of blood crept across the shining floor, one from his face and one from the back of his head.	Две струйки крови медленно змеились по полу: одна стекала с лица, другая выползала из-под головы.
Yes, he was dead.	Он был мертв.

Undoubtedly.	Сомнений быть не могло.
She had killed a man.	Она убила человека.
The smoke curled slowly to the ceiling and the red streams widened about her feet.	Дым медленно поднимался к потолку, красные ручейки расползались у ее ног.

For a timeless moment she stood there and in the still hot hush of the summer morning every irrelevant sound and scent seemed magnified, the quick thudding of her heart, like a drumbeat, the slight rough rustling of the magnolia leaves, the far-off plaintive sound of a swamp bird and the sweet smell of the flowers outside the window. She had killed a man, she who took care never to be in at the kill on a hunt, she who could not bear the squealing of a hog at slaughter or the squeak of a rabbit in a snare.	Минуту, равную вечности, она стояла неподвижно, и все звуки, все запахи, разлитые в теплом летнем воздухе, приобрели вдруг какую-то несообразность и, казалось, многократно усилились: частый стук ее сердца, похожий на барабанную дробь, жесткий глухой шелест магнолии за окном, далекий жалобный крик болотной птицы, сладкий аромат цветов, летящий из сада. s Она убила человека - она, всегда, даже на охоте, старавшаяся не видеть, как убивают зверя, не выносившая визга свиньи под ножом или писка кролика в силке.

Murder! she thought dully.	"Это убийство, - тупо думала она.
I've done murder.	- Я совершила убийство.
Oh, this can't be happening to me!	Нет, это происходит не со мной".
Her eyes went to the stubby hairy hand on the floor so close to the sewing box and suddenly she was vitally alive again, vitally glad with a cool tigerish joy.	В глаза ей бросилась короткопалая волосатая рука на полу, близко-близко от шкатулки для рукоделия, и внезапно жизнь вернулась к ней, возродилась с необычайной силой, и чувство радости, жестокой, звериной радости, охватило ее.

She could have ground her heel into the gaping wound which had been his nose and taken sweet pleasure in the feel of his warm blood on her bare feet.	Ей захотелось наступить на кровавую вмятину носа, почувствовать теплую кровь на своей босой ступне.
She had struck a blow of revenge for Tara-and for Ellen.	Она совершила возмездие - за Тару, за Эллин.
There were hurried stumbling steps in the upper hall, a pause and then more steps, weak dragging steps now, punctuated by metallic clankings.	Наверху на галерее раздались торопливые, неуверенные шаги... На секунду все замерло, затем шаги возобновились, но теперь стали медленными, шаркающими, с металлическим постукиванием.

A sense of time and reality coming back to her, Scarlett looked up and saw Melanie at the top of the stairs, clad only in the ragged chemise which served her as a nightgown, her weak arm weighed down with Charles' saber.	Ощущение времени и реальности происходящего возвратилось к Скарлетт, она подняла голову и увидела Мелани. В рваном пеньюаре, служившем ей ночной сорочкой, Мелани стояла на лестнице, сжимая тяжелую саблю Чарльза в немощной руке.
Melanie's eyes took in the scene below in its entirety, the sprawling blue-clad body in the red pool, the sewing box beside him, Scarlett, barefooted and gray-faced, clutching the long pistol.	Взгляд Мелани, казалось, сразу охватил представшую ей картину, страшную суть случившегося: распростертое в кровавой луже тело в синем мундире, шкатулочку на полу возле него и Скарлетт, босиком, с большим пистолетом в руке, с посеревшим лицом.

In silence her eyes met Scarlett's.	В напряженной тишине их глаза встретились.
There was a glow of grim pride in her usually gentle face, approbation and a fierce joy in her smile that equaled the fiery tumult in Scarlett's own bosom.	Всегда такое кроткое лицо Мелани было исполнено мрачной гордости. Одобрение и свирепая радость - сродни огню, горевшему в груди Скарлетт, - сверкнули в ее улыбке.
"Why-why-she's like me!	"Что это... Что это? Да ведь она такая же, как я!

She understands how I feel!" thought Scarlett in that long moment.	Она чувствует то же, что и я! - пронеслось, в голове Скарлетт в эту долгую-долгую секунду.
"She'd have done the same thing!"	- Она бы поступила так же!"

With a thrill she looked up at the frail swaying girl for whom she had never had any feelings but of dislike and contempt.	Взволнованно смотрела она на пошатывающуюся Мелани, к которой никогда не испытывала ничего, кроме презрения и неприязни.
Now, struggling against hatred for Ashley's wife, there surged a feeling of admiration and comradeship.	А сейчас, заглушая ненависть к этой женщине - к жене Эшли, - в душе Скарлетт зарождалось чувство восхищения и сродства.

She saw in a flash of clarity untouched by any petty emotion that beneath the gentle voice and the dovelike eyes of Melanie there was a thin flashing blade of unbreakable steel, felt too that there were banners and bugles of courage in Melanie's quiet blood.	Ей, очистившейся в этот миг прозрения от всяких мелких чувств, за голубиной кротостью глаз и нежностью голоса Мелани открылась твердая, как сталь клинка, воля и мужество воина.
"Scarlett!	- Скарлетт!
Scarlett!" shrilled the weak frightened voices of Suellen and Carreen, muffled by their closed door, and Wade's voice screamed	Скарлетт! - резко нарушили тишину слабые, испуганные голоса Сьюлин и Кэррин, приглушенные затворенной дверью, и тут же следом раздался вопль Уэйда:

"Auntee!	- Тетя Мелли!
Auntee!"	Тетя!
Swiftly Melanie put her finger to her lips and, laying the sword on the top step, she painfully made her way down the upstairs hall and opened the door of the sick room.	Мелани быстро приложила палец к губам, опустила саблю на пол, с мучительными усилиями пересекла галерею и отворила дверь в комнату больных.
"Don't be scared, chickens!" came her voice with teasing gaiety.	- Ну, чего вы переполошились, цыплята! - долетел оттуда ее спокойный шутливый голос.
"Your big sister was trying to clean the rust off Charles' pistol and it went off and nearly scared her to death!"...	- Ваша сестрица хотела снять ржавчину с пистолета Чарльза, а он возьми да выстрели и напугал ее до полусмерти!..

"Now, Wade Hampton, Mama just shot off your dear Papa's pistol! When you are bigger, she will let you shoot it."	Слышишь, Уэйд Хэмптон, мама выстрелила на пистолета твоего дорогого папы, и когда ты подрастешь, она и тебе даст из него пострелять.
"What a cool liar!" thought Scarlett with admiration.	"Как хладнокровно она лжет! - с восхищением подумала Скарлетт.
"I couldn't have thought that quickly.	- Я бы нипочем так быстро не сообразила.
But why lie?	Только зачем лгать?
They've got to know I've done it."	Пусть бы знали, что я это сделала".

She looked down at the body again and now revulsion came over her as her rage and fright melted away, and her knees began to quiver with the reaction.	Она снова взглянула на распростертое у ее ног тело, и вдруг злоба и страх, утихнув, уступили место отвращению, и у нее задрожали колени.
Melanie dragged herself to the top step again and started down, holding onto the banisters, her pale lower lip caught between her teeth.	А Мелани уже снова приплелась к лестнице и стала спускаться, держась рукой за перила, закусив бескровную губу.

"Go back to bed, silly, you'll kill yourself!" Scarlett cried, but the half-naked Melanie made her painful way down into the lower hall.	- Марш назад в постель, дурочка, ты же себя уложишь, в могилу! - воскликнула Скарлетт, но полураздетая Мелани продолжала, хоть и с трудом, спускаться в холл.
"Scarlett," she whispered, "we must get him out of here and bury him.	- Скарлетт! - прошептала она. - Его же надо убрать отсюда и закопать.
He may not be alone and if they find him here-" She steadied herself on Scarlett's arm.	Может, он был не один, и если остальные обнаружат его здесь... - Она Оперлась о плечо Скарлетт.
"He must be alone," said Scarlett.	- Он был один, - сказала Скарлетт.
"I didn't see anyone else from the upstairs window.	- Я не видела больше никого из окна.

He must be a deserter."	Он, верно, дезертир.
"Even if he is alone, no one must know about it.	- Даже если он был один, никто не должен ничего знать.
The negroes might talk and then they'd come and get you.	Негры могут проболтаться, и тогда придут янки и заберут тебя.
Scarlett, we must get him hidden before the folks come back from the swamp."	Скарлетт, нам надо спрятать его, пока все наши не вернулись с болота.
Her mind prodded to action by the feverish urgency of Melanie's voice, Scarlett thought hard.	Лихорадочная настойчивость Мелани подействовала на Скарлетт; она стала напряженно размышлять.

"I could bury him in the corner of the garden under the arbor-the ground is soft there where Pork dug up the whisky barrel.	- Я могу закопать его в углу сада под беседкой -там земля мягче, Порк недавно выкопал отту-да бочонок виски.
But how will I get him there?"	Но как я перетащу его туда?
"We'll both take a leg and drag him," said Melanie firmly.	- Мы потащим вместе: ты за одну ногу, я за другую, - твердо сказа-ла Мелани.
Reluctantly, Scarlett's admiration went still higher.	Против воли Скарлетт почувствовала, что ее восхищение Мелани растет.
"You couldn't drag a cat.	- Ты не в состоянии кошку за лапу пота-щить, -сердито сказала она.

I'll drag him," she said roughly.	- Я сама его потащу.
"You go back to bed.	А ты ложись в постель.
You'll kill yourself.	Ты себя доконаешь.
Don't dare try to help me either or I'll carry you upstairs myself."	И не вздумай мне помогать, не то я отнесу тебя наверх на руках.
Melanie's white face broke into a sweet understanding smile.	Бледное лицо Мелани расцвело нежной улыбкой.
"You are very dear, Scarlett," she said and softly brushed her lips against Scarlett's cheek.	- Ты такая хорошая, Скарлетт, - сказала она и легонько коснулась губами ее щеки.

Before Scarlett could recover from her surprise, Melanie went on: "If you can drag him out, I'll mop up the-the mess before the folks get home, and Scarlett-"	И, не дав Скарлетт опомниться, прибавила: - Если ты сможешь его оттащить, я тем временем приберу тут.., эту лужу.., пока наши не вернулись.
"Yes?"	И знаешь что, Скарлетт...
"Do you suppose it would be dishonest to go through his knapsack?	- Ну? - Как ты считаешь, это будет очень бесчестно - заглянуть к нему в ранец?
He might have something to eat."	Может, найдем что-нибудь поесть?

"I do not," said Scarlett, annoyed that she had not thought of this herself.	- Отнюдь не считаю, - сказала Скарлетт, раздосадованная тем, что не подумала об этом сама.
"You take the knapsack and I'll go through his pockets."	- Погляди в ранце, а я погляжу в карманах.
Stooping over the dead man with distaste, she unbuttoned the remaining buttons of his jacket and systematically began rifling his pockets.	Нагнувшись над убитым и преодолевая отвращение, она расстегнула все пуговицы на мундире и принялась методично обшаривать карманы.
"Dear God," she whispered, pulling out a bulging wallet, wrapped about with a rag.	- Боже милостивый! - прошептала она, вытаскивая толстый бумажник, завернутый в тряпку.

"Melanie-Melly, I think it's full of money!"	- Мелани... Мелли, по-моему, тут куча денег!
Melanie said nothing but abruptly sat down on the floor and leaned back against the wall.	Мелани ничего не ответила. Она внезапно опустилась на пол и Прислонилась спиной к стене.
"You look," she said shakily.	- Ты погляди, - проговорила она дрогнувшим голосом.
"I'm feeling a little weak."	- А у меня что-то немного закружилась голова.
Scarlett tore off the rag and with trembling hands opened the leather folds.	Скарлетт сорвала тряпку и дрожащими руками раскрыла кожаный бумажник.
"Look, Melly-just look!"	- Взгляни, Мелли! Ты только взгляни!

Melanie looked and her eyes dilated.	Мелани перевела взгляд, и глаза у нее расширились.
Jumbled together was a mass of bills, United States greenbacks mingling with Confederate money and, glinting from between them, were one ten-dollar gold piece and two five-dollar gold pieces.	Бумажник был, набит мятыми купюрами -зелеными федеративными вперемежку с банкнотами Конфедерации, - и среди них поблескивали две пятидолларовые золотые монеты и одна монета в десять долларов.
"Don't stop to count it now," said Melanie as Scarlett began fingering the bills.	- Да перестань ты их пересчитывать, - сказала Мелани, видя, что Скарлетт перебирает пальцами деньги.
"We haven't time-"	- У нас нет времени...

"Do you realize, Melanie, that this money means that we'll eat?"	- Ты понимаешь, Мелани, ведь это значит, что мы будем сыты!
"Yes, yes, dear.	- Да, да, дорогая.
I know but we haven't time now.	Я понимаю, но сейчас нам не до того.

You look in his other pockets and I'll take the knapsack."	Погляди в других карманах, а я погляжу в ранце.
Scarlett was loath to put down the wallet.	Скарлетт никак не могла заставить себя расстаться с бумажником.
Bright vistas opened before her-real money, the Yankee's horse, food!	Ослепительные видения открывались ее взору: деньги, настоящие деньги, лошадь этого янки, много еды!

There was a God after all, and He did provide, even if He did take very odd ways of providing.	Есть все же бог, в конце концов, и он проявил о ней заботу, хотя и весьма странным способом.
She sat on her haunches and stared at the wallet smiling.	Она сидела на корточках и, улыбаясь, смотрела на бумажник.
Food!	Будет еда!
Melanie plucked it from her hands- "Hurry!" she said.	Мелани вырвала бумажник у нее из рук. " - Давай скорей! - сказала она.
The trouser pockets yielded nothing except a candle end, a jackknife, a plug of tobacco and a bit of twine.	В карманах штанов не оказалось ничего, кроме огарка свечи, большого складного ножа, куска жевательного табака и обрывка шпагата.

Melanie removed from the knapsack a small package of coffee which she sniffed as if it were the sweetest of perfumes, hardtack and, her face changing, a miniature of a little girl in a gold frame set with seed pearls, a garnet brooch, two broad gold bracelets with tiny dangling gold chains, a gold thimble, a small silver baby's cup, gold embroidery scissors, a diamond solitaire ring and a pair of earrings with pendant pear-shaped diamonds, which even their unpracticed eyes could tell were well	Из ранца же Мелани извлекла небольшую пачку кофе, которую она с наслаждением понюхала, точно это были духи, одну сухую галету и -изменившись в лице - миниатюрный портрет маленькой девочки в золотой, усыпанной мелким жемчугом рамке; за этим последовали: гранатовая брошь, два массивных золотых браслета с тоненькими золотыми цепочками, свисавшими с запоров, золотой наперсток, маленькая серебряная детская чашечка, золотые ножницы для рукоделия, кольцо с большим бриллиантом и серьги с бриллиантовыми подвесками грушевидной формы, в каждой из которых, даже на неопытный взгляд Скарлетт и Мелани, было не меньше чем

"A thief!" whispered Melanie, recoiling from the still body.	- Вор! - пролепетала Мелани, отшатнувшись от неподвижного тела.
"Scarlett, he must have stolen all of this!"	- Скарлетт, он же все это украл!
"Of course," said Scarlett.	- Конечно! - сказала Скарлетт.
"And he came here hoping to steal more from us."	- И забрался сюда в надежде обворовать и нас.
"I'm glad you killed him," said Melanie her gentle eyes hard.	- Я очень рада, что ты убила его, - сказала Мелани, и взгляд ее стал жестким.
"Now hurry, darling, and get him out of here."	- А теперь, дорогая, скорее тащи его отсюда.

Scarlett bent over, caught the dead man by his boots and tugged.	Скарлетт наклонилась, ухватилась за обутые в сапоги ноги убитого и потянула.
How heavy he was and how weak she suddenly felt.	До чего же он был тяжел и какой неожиданно слабой показалась она себе!
Suppose she shouldn't be able to move him?	Что, если у нее не хватит сил сдвинуть его с места?

Turning so that she backed the corpse, she caught a heavy boot under each arm and threw her weight forward.	Она повернулась к трупу спиной, подхватила его ноги под мышки и, наклонившись всем телом вперед, сделала шаг.
He moved and she jerked again.	Труп сдвинулся, и она рывками поволокла его за собой.

Her sore foot, forgotten in the excitement, now gave a tremendous throb that made her grit her teeth and shift her weight to the heel.	Нарыв на пальце, про который она от волнения совсем позабыла, напомнил о себе такой острой, пульсирующей болью, что она скрипнула зубами и переступила на пятку.
Tugging and straining, perspiration dripping from her forehead, she dragged him down the hall, a red stain following her path.	Напрягая все силы, она потащила труп через холл, оставляя позади красную полосу. Пот выступил у нее на лбу.
"If he bleeds across the yard, we can't hide it," she gasped.	- Если он зальет кровью двор, мы не сможем уничтожить следы, - еле выдохнула она.

"Give me your shimmy, Melanie, and I'll wad it around his head."	- Дай мне твой пеньюар, Мелли, я закутаю ему голову.
Melanie's white face went crimson.	Бледное лицо Мелани стало пунцовым.
"Don't be silly, I won't look at you," said Scarlett.	- Не будь дурочкой, я не стану на тебя смотреть, - сказала Скарлетт.
"If I had on a petticoat or pantalets I'd use them."	- На мне нет ни нижней юбки, ни панталон, не то я бы сняла.

Crouching back against the wall, Melanie pulled the ragged linen garment over her head and silently tossed it to Scarlett, shielding herself as best she could with her arms.	Сжавшись в комочек у стены, Мелани стянула через голову рваное полотняное одеяние и молча перебросила его Скарлетт, старательно прикрывая свою наготу руками.
"Thank God, I'm not that modest," thought Scarlett, feeling rather than seeing Melanie's agony of embarrassment, as she wrapped the ragged cloth about the shattered face.	"Какое счастье, что я не наделена такой непомерной стыдливостью", - подумала Скарлетт, оберты-вая рваным пеньюаром изуродованную голову солдата и не столько видя, сколько чувствуя, какие муки испытывает от своей наготы Мелани.

By a series of limping jerks, she pulled the body down the hall toward the back porch and, pausing to wipe her forehead with the back of her hand, glanced back toward Melanie, sitting against the wall hugging her thin knees to her bare breasts.	Рывками потащила она труп через холл, добралась до заднего крыльца и, остановившись, чтобы вытереть пот со лба, оглянулась на Мелани, все еще сидевшую у стены, подтянув острые колени к обнаженной груди.
How silly of Melanie to be bothering about modesty at a time like this, Scarlett thought irritably.	"Как это глупо - страдать в такую минуту из-за своей застенчивости, - с раздражением подумала Скарлетт.

It was just part of her nicey-nice way of acting which had always made Scarlett despise her. Then shame rose in her.	- Конечно, это все от ее непомерной благовоспитанности..." В Скарлетт это всегда возбуждало только презрение... И тут ей неожиданно стало стыдно.
After all-after all, Melanie had dragged herself from bed so soon after having a baby and had come to her aid with a weapon too heavy even for her to lift.	Ведь что ни говори.., что ни говори, а Мелани вылезла из постели, хотя еще не оправилась после родов, схватила тяжеленную саблю и бросилась ей, Скарлетт, на выручку.

That had taken courage, the kind of courage Scarlett honestly knew she herself did not possess, the thin-steel, spun-silk courage which had characterized Melanie on the terrible night Atlanta fell and on the long trip home.	На это требовалось особое мужество - такое, каким сама Скарлетт, если признаться честно, не обладала: крепкая, как шелковая пряжа, несокрушимая, как сталь, сила духа, проявленная Мелани еще на долгом-долгом пути домой в страшную ночь падения Атланты.
It was the same intangible, unspectacular courage that all the Wilkeses possessed, a quality which Scarlett did not understand but to which she gave grudging tribute.	Это скромное, не бросающееся в глаза мужество, отличавшее всех Уилксов, было чуждо Скарлетт, но она, хоть и против воли, отдавала ему, должное.

"Go back to bed," she threw over her shoulder.	- Ложись в постель, - бросила она через плечо.
"You'll be dead if you don't.	- Ты же отправишься на тот свет, если не ляжешь.
I'll clean up the mess after I've buried him."	Я закопаю его, а потом все здесь приберу.
"I'll do it with one of the rag rugs," whispered Melanie, looking at the pool of blood with a sick face.	- Я вытру это - лоскутным ковриком, - сказала Мелани, с перекошенным лицом глядя на лужу крови.
"Well, kill yourself then and see if I care!	- Ладно, вгоняй себя в гроб, мне-то что!

And if any of the folks come back before I'm finished, keep them in the house and tell them the horse just walked in from nowhere."	И если кто-нибудь вернется с болота раньше, чем я управлюсь, не выпускай их из дома и скажи, что к нам приблудилась лошадь - забрела неизвестно откуда.
Melanie sat shivering in the morning sunlight and covered her ears against the sickening series of thuds as the dead man's head bumped down the porch steps.	Мелани осталась сидеть, вся дрожа, в теплых утренних лучах солнца и только закрыла ладонями уши, когда голова убитого стала со стуком пересчитывать ступеньки крыльца.
No one questioned whence the horse had come.	Никто не спросил, откуда взялась лошадь.

It was so obvious he was a stray from the recent battle and they were well pleased to have him.	И так было ясно, что она отбилась после сражения от какого-нибудь отряда, и все были ей только рады.
The Yankee lay in the shallow pit Scarlett had scraped out under the scuppernong arbor.	Янки лежал в земле, в неглубокой яме, которую Скарлетт вырыла под беседкой.
The uprights which held the thick vines were rotten and that night Scarlett hacked at them with the kitchen knife until they fell and the tangled mass ran wild over the grave.	Подпорки, державшие густые виноградные плети, подгнили. Скарлетт ночью подрубила их кухонным ножом, и они повалились бесформенной грудой на свежена-сыпанную яму.

The replacing of these posts was one bit of repair work Scarlett did not suggest and, if the negroes knew why, they kept their silence.	Наводя порядок а имении, Скарлетт не трогала только эти подпорки, не требовала, чтобы их поставили на место, и если негры и догадывались, что тому причиной, они держали язык за зубами.
No ghost rose from that shallow grave to haunt her in the long nights when she lay awake, too tired to sleep.	Призрак убитого ни разу не встал из своей могилы-ямы, чтобы потревожить ее покой, когда она долгими ночами лежала без сна, так измотавшись за день, что все попытки уснуть были тщетны.
No feeling of horror or remorse assailed her at the memory.	Она не испытывала ни угрызений совести, ни страха.

She wondered why, knowing that even a month before she could never have done the deed.	И сама изумлялась - почему? Ведь еще месяц назад она никак не смогла бы совершить того, что совершила.
Pretty young Mrs. Hamilton, with her dimple and her jingling earbobs and her helpless little ways, blowing a man's face to a pulp and then burying him in a hastily scratched-out hole!	Прелестная юная миссис Г амильтон с ее обворожительными ямочками на щеках и по-детски беспомощными ужимками, позвякивая сережками, одним выстрелом превратила лицо человека в кровавое месиво, а потом закопала труп в наспех вырытой собственными руками яме!
Scarlett grinned a little grimly thinking of the consternation such an idea would bring to those who knew her.	И Скарлетт мрачно усмехнулась, думая о том, какой ужас обуял бы всех ее знакомых, доводись им это узнать.

"I won't think about it any more," she decided.	"Не стану больше об этом думать, - говорила она себе.
"It's over and done with and I'd have been a ninny not to kill him.	- Теперь все позади, и я была бы слабоумной идиоткой, если бы не выстрелила в него.
I reckon-I reckon I must have changed a little since coming home or else I couldn't have done it."	Но верно.., верно, я все-таки немножко не та, что раньше: до возвращения в Тару я бы этого сделать не смогла".
She did not think of it consciously but in the back of her mind, whenever she was confronted by an unpleasant and difficult task, the idea lurked giving her strength:	Она не отдавала себе в этом отчета, однако в глубине сознания у нее уже прочно засела мысль, придававшая ей сил всякий раз, когда она сталкивалась с какой-нибудь сложной или непонятной проблемой:

"I've done murder and so I can surely do this."	"Если я могла убить, значит, это-то уж я и подавно смогу".
She had changed more than she knew and the shell of hardness which had begun to form about her heart when she lay in the slave garden at Twelve Oaks was slowly thickening.	Но совершившаяся в ней перемена была глубже, чем ей представлялось. С той минуты, когда она лежала, уткнувшись лицом в грядку за негритянскими хижинами в Двенадцати Дубах, сердце ее день ото дня все более ожесточалось, одеваясь в черствость, как в броню.
Now that she had a horse, Scarlett could find out for herself what had happened to their neighbors.	Теперь, когда у нее появилась лошадь, Скарлетт могла наконец узнать, что делается у соседей.

Since she came home she had wondered despairingly a thousand times:	После возвращения домой она уже тысячу раз задавала себе в отчаянии вопрос:
"Are we the only folks left in the County?	"Неужели мы единственные оставшиеся в живых во всей округе?
Has everybody else been burned out?	Неужели все остальные поместья сожжены дотла?
Have they all refugeed to Macon?"	Или все успели спастись в Мейкон?"

With the memory of the ruins of Twelve Oaks, the MacIntosh place and the Slattery shack fresh in her mind, she almost dreaded to discover the truth.	Вспоминая руины Двенадцати Дубов, усадьбы Макинтошей и домишко Слэттери, она страшилась узнать правду.
But it was better to know the worst than to wonder.	Но лучше уж узнать самое скверное, чем терзаться в неведения.

She decided to ride to the Fontaines' first, not because they were the nearest neighbors but because old Dr. Fontaine might be there.	И Скарлетт решила поехать прежде всего к Фонтейнам " - не столько потому, что они были ближайшими соседями, сколько потому, что рассчитывала на помощь доктора Фонтейна.

Melanie needed a doctor.	Мелани нуждалась в докторе.
She was not recovering as she should and Scarlett was frightened by her white weakness.	Она все еще не оправилась после родов, и ее слабость и бледность пугали Скарлетт.
So on the first day when her foot had healed enough to stand a slipper, she mounted the Yankee's horse.	И как только больной палец на ноге немного зажил и ей удалось натянуть туфлю, она тут же оседлала лошадь янки.

One foot in the shortened stirrup and the other leg crooked about the pommel in an approximation of a side saddle, she set out across the fields toward Mimosa, steeling herself to find it burned.	Поставив одну ногу в укороченное стремя, другую закинув на луку мужского (за неимением дамского) седла, она пустила лошадь через поля по направлению к Мимозе, заранее приготовившись бесстрастно взглянуть на пепелище.
To her surprise and pleasure, she saw the faded yellow-stucco house standing amid the mimosa trees, looking as it had always looked.	К ее радости и удивлению, выцветший желтый оштукатуренный дом все так же стоял среди мимоз, и вид у него был совсем как прежде.

Warm happiness, happiness that almost brought tears, flooded her when the three Fontaine women came out of the house to welcome her with kisses and cries of joy.	Теплая волна прихлынула к сердцу Скарлетт, и слезы счастья едва не навернулись ей на глаза, когда три женщины с радостными приветствиями выбежали из дома и принялись ее целовать.
But when the first exclamations of affectionate greeting were over and they all had trooped into the dining room to sit down, Scarlett felt a chill.	Но как только первые изъявления дружеских чувств утихли и все расселись в столовой, по спине Скарлетт пробежал холодок.

The Yankees had not reached Mimosa because it was far off the main road. And so the Fontaines still had their stock and their provisions, but Mimosa was held by the same strange silence that hung over Tara, over the whole countryside.	Янки не дошли до Мимозы, так как она лежала в стороне от главной дороги, и у Фонтейнов сохранился весь скот и все запасы продовольствия, но над усадьбой нависла та же гнетущая тишина, что и над Тарой, что и над всей округой.
All the slaves except four women house servants had run away, frightened by the approach of the Yankees.	Все негры, за исключением четырех женщин, прислуживавших в доме, разбежались, испуганные приближением янки.

There was not a man on the place unless Sally's little boy, Joe, hardly out of diapers, could be counted as a man.	В доме не осталось ни одного мужчины, если, конечно, не считать Джо, сынишки Салли, едва вышедшего из пеленок.
Alone in the big house were Grandma Fontaine, in her seventies, her daughter-in-law who would always be known as Young Miss, though she was in her fifties, and Sally, who had barely turned twenty.	Женщины жили одни: бабушка Фонтейн, которой шел восьмой десяток, ее сноха, которую все еще именовали Молодой Хозяйкой, хотя ей уже перевалило за пятьдесят, и Салли, которой только что сравнялось двадцать.
They were far away from neighbors and unprotected, but if they were afraid it did not show on their faces.	До ближайших поместий далеко, беззащитность женщин бросалась в глаза, но если им и было страшно, то они не подавали виду.

Probably, thought Scarlett, because Sally and Young Miss were too afraid of the porcelain-frail but indomitable old Grandma to dare voice any qualms.	Возможно, подумалось Скарлетт, они не жалуются, потому что слишком боятся фарфорово-хрупкой, но несгибаемой бабушки Фонтейн.
Scarlett herself was afraid of the old lady, for she had sharp eyes and a sharper tongue and Scarlett had felt them both in the past.	Скарлетт сама побаивалась этой старой дамы с весьма острым глазом и не менее острым языком, в чем ей не раз приходилось убеждаться в прошлом.
Though unrelated by blood and far apart in age, there was a kinship of spirit and experience binding these women together.	И хотя этих женщин не связывали кровные узы, а разница в возрасте была очень внушительной, совместно перенесенные испытания сроднили их.

All three wore home-dyed mourning, all were worn, sad, worried, all bitter with a bitterness that did not sulk or complain but, nevertheless, peered out from behind their smiles and their words of welcome.	Все три носили черные траурные, домашним способом перекрашенные платья, все были истощены, озабочены, печальны, и хотя ни одна из них не держалась хмуро и угрюмо, ни одна не произнесла ни слова жалобы, за их улыбками и радушными приветствиями угадывалась внутренняя горечь;
For their slaves were gone, their money was worthless, Sally's husband, Joe, had died at Gettysburg and Young Miss was also a widow, for young Dr. Fontaine had died of dysentery at Vicksburg.	Ведь их рабы разбежались, деньги обесценились, Джо, муж Салли, умер в Геттисберге, и Молодая Хозяйка тоже овдовела, так как доктор Фонтейн-младший скончался от дизентерии в Виксберге.

The other two boys, Alex and Tony, were somewhere in Virginia and nobody knew whether they were alive or dead; and old Dr. Fontaine was off somewhere with Wheeler's cavalry.	Двое других мальчиков Фонтейн, Алекс и Тони, находились где-то в Виргинии, и об их судьбе ничего не было известно, а старый доктор Фонтейн ушел с кавалерией Уиллера.
"And the old fool is seventy-three years old though he tries to act younger and he's as full of rheumatism as a hog is of fleas," said Grandma, proud of her husband, the light in her eyes belying her sharp words.	- Этому старому дураку уже стукнуло семьдесят три, а он все пыжится, хочет казаться молодым, хотя набит ревматизмом с головы до пят не хуже, чем боров блохами, - сказала бабушка, и в глазах ее блеснула гордость за мужа, которую она пыталась замаскировать резкостью своих слов.

"Have you all had any news of what's been happening in Atlanta?" asked Scarlett when they were comfortably settled.	- Доходят до вас какие-нибудь вести из Атланты?- спросила Скарлетт, как только они уселись в столовой.
"We're completely buried at Tara."	- Мы в Таре как" в глухой темнице.
"Law, child," said Old Miss, taking charge of the conversation, as was her habit, "we're in the same fix as you are.	- Да что ты, детка, - сказала старая дама, как всегда завладевая разговором. - Мы в таком же положении, как и вы.
We don't know a thing except that Sherman finally got the town."	Знаем только, что Шерман в конце концов все-таки взял город.
"So he did get it.	- Так.

What's he doing now?	А что он делает теперь?
Where's the fighting now?"	Где он сейчас ведет сражение?

"And how would three lone women out here in the country know about the war when we haven't seen a letter or a newspaper m weeks?" said the old lady tartly.	- Да откуда три одинокие женщины, заточенные здесь, в поместье, могут знать о том, что делается на войне, когда уже невесть сколько времени мы не получаем ни писем, ни газет? - ворчливо сказала старая дама.
"One of our darkies talked to a darky who'd seen a darky who'd been to Jonesboro, and except for that we haven't heard anything.	- Одна из наших негритянок перемолвилась словом с негритянкой, которая видела негритянку, которая побывала в Джонсборо, - вот единственный способ, каким доходят до нас вести.

What they said was that the Yankees were just squatting in Atlanta resting up their men and their horses, but whether it's true or not you're as good a judge as I am.	Янки будто бы расположились в Атланте как у себя дома, чтобы дать отдых солдатам и лошадям, - так нам было сказано, а уж верно это или нет, мне известно не больше, чем тебе.
Not that they wouldn't need a rest, after the fight we gave them."	Хотя, конечно, отдых им, я думаю, необходим после такой трепки, какую мы им задали.
"To think you've been at Tara all this time and we didn't know!" Young Miss broke in.	- И подумать только, что вы все это время были у себя в имении, а мы ничего об этом не знали! -воскликнула Молодая Хозяйка.
"Oh, how I blame myself for not riding over to see!	- Простить себе не могу, что не поехала поглядеть, как там у вас!

But there's been so much to do here with most all the darkies gone that I just couldn't get away.	Но после того как негры разбежались, здесь столько навалилось дел - просто невозможно было вырваться.
But I should have made time to go.	И все же следовало бы выкроить время.
It wasn't neighborly of me.	Не по-соседски получилось.
But, of course, we thought the Yankees had burned Tara like they did Twelve Oaks and the MacIntosh house and that your folks had gone to Macon.	Но мы, конечно, думали, что янки сожгли Тару, как они сожгли Двенадцать Дубов и дом Макинтошей, а вы все перебрались в Мейкон.
And we never dreamed you were home, Scarlett."	Нам и в голову не приходило, что вы остались дома, Скарлетт.

"Well, how were we to know different when Mr. O'Hara's darkies came through here so scared they were popeyed and told us the Yankees were going to burn Tara?" Grandma interrupted.	- А как мы могли подумать иначе, когда ваши негры забежали сюда с вытаращенными от ужаса глазами и сказали, что янки хотят сжечь Тару? -вмешалась бабушка.
"And we could see-" Sally began.	- И мы даже видели... - начала было Салли.
"I'm telling this, please," said Old Miss shortly.	- Не перебивай меня, сделай милость, - оборвала ее старая дама.
"And they said the Yankees were camped all over Tara and your folks were fixing to go to Macon.	- Они рассказали, что янки разбили свой лагерь у вас на плантации, а вы все готовились бежать в Мейкон.

And then that night we saw the glare of fire over toward Tara and it lasted for hours and it scared our fool darkies so bad they all ran off.	- И в ту же ночь мы увидели зарево как раз над вашим поместьем. Оно полыхало не один час и так напугало наших дурных негров, что они все тут же дали деру.
What burned?"	А что у вас там горело?

"All our cotton-a hundred and fifty thousand dollars worth," said Scarlett bitterly.	- Хлопок - весь хлопок, на сто пятьдесят тысяч долларов, - с горечью сказала Скарлетт.
"Be thankful it wasn't your house," said Grandma, leaning her chin on her cane.	- Скажи спасибо, что не дом, - изрекла старая дама, уперев подбородок в сложенные на палке руки.

"You can always grow more cotton and you can't grow a house.	- Хлопок всегда можно вырастить, а попробуй вырасти дом.
By the bye, had you all started picking your cotton?"	Кстати, вы уже начали собирать хлопок?
"No," said Scarlett, "and now most of it is ruined.	- Нет, - сказала Скарлетт. - Да он почти весь погиб, вытоптан.
I don't imagine there's more than three bales left standing, in the far field in the creek bottom, and what earthly good will it do?	На самом дальнем поле у ручья осталось еще немного - тюка на три, может, наберется, не больше, а что толку?
All our field hands are gone and there's nobody to pick it."	Все наши негры с плантации разбежались, собирать некому.

"Mercy me, all our field hands are gone and there's nobody to pick it!" mimicked Grandma and bent a satiric glance on Scarlett.	- Нет, вы только ее послушайте: "Все негры с плантации разбежались, собирать некому!" -передразнила Скарлетт старая дама, бросая на нее уничтожающий взгляд.
"What's wrong with your own pretty paws, Miss, and those of your sisters?"	- А на что же у вас эти хорошенькие ручки, барышня, и ручки ваших двух сестричек?
"Me?	- У меня?
Pick cotton?" cried Scarlett aghast, as if Grandma had been suggesting some repulsive crime.	Чтобы я собирала хлопок? - обомлев от возмущения, вскричала Скарлетт, словно бабушка предложила ей совершить какую-то дикую непристойность.

"Like a field hand?	- Чтобы я работала, как негритянка, на плантации?
Like white trash?	Как эта белая голытьба?
Like the Slattery women?"	Как девчонки Слэттери?
"White trash, indeed!	- Белая голытьба, слыхали!
Well, isn't this generation soft and ladylike!	Да, уж воистину вы - утонченное, изнеженное поколение!

Let me tell you, Miss, when I was a girl my father lost all his money and I wasn't above doing honest work with my hands and in the fields too, till Pa got enough money to buy some more darkies.	Позвольте мне доложить вам, голубушка, что, когда я была девчонкой, мой отец потерял все до последнего гроша, и пока он не скопил немного денег, чтобы принанять негров, я не считала для себя зазорным честно выполнять любую грубую работу, хотя бы и на плантации.
I've hoed my row and I've picked my cotton and I can do it again if I have to.	Я и мотыгой землю рыхлила, и хлопок собирала, а ежели понадобится, то и сейчас могу.
And it looks like I'll have to.	И похоже, что придется.
White trash, indeed!"	Белая голытьба, скажет тоже!

"Oh, but Mama Fontaine," cried her daughter-in-law, casting imploring glances at the two girls, urging them to help her smooth the old lady's feathers.	- Но маменька! - вскричала ее сноха, бросая молящие взоры на Скарлетт и Салли в надежде, что они помогут ей умиротворить разгневанную старую даму.
"That was so long ago, a different day entirely, and times have changed."	- Это же было давно, в другие совсем времена, жизнь ведь так меняется.
"Times never change when there's a need for honest work to be done," stated the sharp-eyed old lady, refusing to be soothed.	- Ничего не меняется, когда приходит нужда честно потрудиться, - заявила проницательная и несгибаемая старая дама, не поддавшись на увещевания.

"And I'm ashamed for your mother, Scarlett, to hear you stand there and talk as though honest work made white trash out of nice people.	- Послушала бы твоя маменька, Скарлетт, как ты стоишь тут и заявляешь, что честный труд - это не для порядочных людей, а для белой голытьбы!
'When Adam delved and Eve span'-" To change the subject, Scarlett hastily questioned:	"Когда Адам пахал, а Ева пряла..." note 8 Стремясь перевести разговор на другое, Скарлетт торопливо спросила:
"What about the Tarletons and the Calverts?	- А что слышно о Тарлтонах и Калвертах?
Were they burned out?	Их усадьбы тоже сожгли?
Have they refugeed to Macon?"	А сами они схоронились в Мейконе?

"The Yankees never got to the Tarletons.	- Янки не дошли до Тарлтонов.
They're off the main road, like we are, but they did get to the Calverts and they stole all their stock and poultry and got all the darkies to run off with them-" Sally began.	Их усадьба тоже ведь, как наша, в стороне от главной дороги. А вот до Калвертов они добрались, и угнали весь их скот, и порезали птицу, а негров забрали с собой... - принялась рассказывать Салли.
Grandma interrupted.	Но бабушка не дала ей закончить.
"Hah!	- Ха!
They promised all the black wenches silk dresses and gold earbobs-that's what they did.	Они наобещали негритянкам шелковых платьев да золотых побрякушек - вот чем они их заманивали.

And Cathleen Calvert said some of the troopers went off with the black fools behind them on their saddles.	И Кэтлин Калверт рассказывала, что, когда янки уходили, она видела у некоторых из них за седлом этих черномазых идиоток.
Well, all they'll get will be yellow babies and I can't say that Yankee blood will improve the stock."	Ну что ж, вместо платьев и сережек солдаты наградят их цветными младенцами, и я не думаю, чтобы кровь янки особенно улучшила их породу.
"Oh, Mama Fontaine!"	- Ой, бабушка Фонтейн!
"Don't pull such a shocked face, Jane.	- Не делай, пожалуйста, постного лица, Джейн.
We're all married, aren't we?	Мне кажется, мы все здесь были замужем, или я ошибаюсь?

And, God knows, we've seen mulatto babies before this."	И видит бог, нам не привыкать стать любоваться на крошечных мулатиков.
"Why didn't they burn the Calverts' house?"	- А почему янки не сожгли усадьбу Калвертов?

"The house was saved by the combined accents of the second Mrs. Calvert and that Yankee overseer of hers, Hilton," said Old Miss, who always referred to the ex-governess as the "second Mrs. Calvert," although the first Mrs. Calvert had been dead twenty years.	- Их дом уцелел благодаря северному акценту второй миссис Калверт и ее управляющего Хилтона, - сказала старая дама, никогда не называвшая бывшую гувернантку Калвертов иначе, как "вторая миссис Калверт", хотя первая жена мистера Калверта скончалась двадцать лет тому назад.

"'We are staunch Union sympathizers,'" mimicked the old lady, twanging the words through her long thin nose. "Cathleen said the two of them swore up hill and down dale that the whole passel of Calverts were Yankees.	- "Мы стойкие сторонники Федерации", - иронически прогнусавила бабушка, подражая выговору северян, - Кэтлин говорит, они оба клялись и божились, что весь калвертовский выводок - чистокровные янки.
And Mr. Calvert dead in the Wilderness!	Это в то время, как мистер Калверт сложил голову где-то в джунглях!
And Raiford at Gettysburg and Cade in Virginia with the army!	А Рейфорд под Г еттисбергом, а Кэйд сражается в Виргинии!
Cathleen was so mortified she said she'd rather the house had been burned.	Кэтлин говорит, лучше бы они сожгли дом, чем сносить такое унижение.

She said Cade would bust when he came home and heard about it.	Кэйд, говорит она, сойдет с ума, если узнает об этом, когда вернется домой.
But then, that's what a man gets for marrying a Yankee woman-no pride, no decency, always thinking about their own skins... How come they didn't burn Tara, Scarlett?"	Вот что значит - взять в жены янки. У них же ни гордости, ни чувства приличия - на первом месте забота о собственной шкуре... А как это они пощадили вашу усадьбу, Скарлетт?
For a moment Scarlett paused before answering.	Скарлетт секунду помедлила с ответом.
She knew the very next question would be:	Она знала, что следующим вопросом будет:
"And how are all your folks?	"А как все ваши?

And how is your dear mother?" She knew she could not tell them Ellen was dead.	Как здоровье дорогой Эллин?" - и понимала: у нее не хватит духу сказать им, что Эллин нет в живых.
She knew that if she spoke those words or even let herself think of them in the presence of these sympathetic women, she would burst into a storm of tears and cry until she was sick.	Ведь если она произнесет эти слова, если допустить, чтобы они разбередили ей душу в присутствии этих участливых, сердобольных женщин, ей уже не сдержать слез: они будут литься и литься, пока ей не станет плохо.
And she could not let herself cry.	Но этого нельзя допустить.

She had not really cried since she came home and she knew that if she once let down the floodgates, her closely husbanded courage would all be gone.	Ни разу после возвращения домой не позволила она себе выплакаться как следует, а если хоть раз дать волю слезам, от ее так старательно взращенного в себе мужества не останется и следа.
But she knew, too, looking with confusion at the friendly faces about her, that if she withheld the news of Ellen's death, the Fontaines would never forgive her.	Но, глядя в смятении на дружеские лица Фонтейнов, Скарлетт понимала, что эти люди не простят ей, если она утаит от них смерть Эллин.

Grandma in particular was devoted to Ellen and there were very few people in the County for whom the old lady gave a snap of her skinny fingers.	Особенно - бабушка, редко кого дарившая своей благосклонностью и пренебрежительным взмахом сухонькой ручки умевшая показать, что знает цену почти каждому из жителей графства, и вместе с тем искренне привязанная к Эллин.
"Well, speak up," said Grandma, looking sharply at her.	- Ну, что же ты молчишь? - произнесла бабушка, уставя на нее пронзительный взгляд.
"Don't you know, Miss?"	- Ты что - не знаешь, как это получилось?
"Well, you see, I didn't get home till the day after the battle," she answered hastily.	- Видите ли, дело в том, что я вернулась домой лишь на другой день после сражения, - торопливо начала объяснять Скарлетт.

"The Yankees were all gone then.	- Янки тогда уже ушли.
Pa-Pa told me that- that he got them not to burn the house because Suellen and Carreen were so ill with typhoid they couldn't be moved."	А папа.., папа сказал, что он убедил янки не жечь дом, потому что Сьюлин и Кэррин лежали в тифу, и их нельзя было трогать.
"That's the first time I ever heard of a Yankee doing a decent thing," said Grandma, as if she regretted hearing anything good about the invaders.	- Впервые в жизни слышу, чтобы янки поступали как порядочные люди, - сказала бабушка, явно недовольная тем, что ей сообщают что-то хорошее о захватчиках.
"And how are the girls now?"	- Ну, а сейчас девочки как?

"Oh, they are better, much better, almost well but quite weak," answered Scarlett.	- Уже лучше, много лучше, они почти поправились, только очень слабы, - сказала Скарлетт.
Then, seeing the question she feared hovering on the old lady's lips, she cast hastily about for some other topic of conversation. "I-I wonder if you could lend us something to eat?	И, чувствуя, что страшивший ее вопрос вот-вот сорвется у бабушки с языка, она еще торопливей перевела разговор на другое: - Я.., я хотела спросить, но можете ли вы одолжить нам немного продуктов?
The Yankees cleaned us out like a swarm of locusts.	Янки сожрали все подчистую, как саранча.
But, if you are on short rations, just tell me so plainly and-"	Но если у вас самих туго, то вы, пожалуйста, скажите мне прямо, без всяких стеснений и...

"Send over Pork with a wagon and you shall have half of what we've got, rice, meal, ham, some chickens," said Old Miss, giving Scarlett a sudden keen look.	- Пришли Порка с повозкой, и вы получите половину всего, что у нас есть: риса, муки, свинины, немножко цыплят, - сказала старая дама и как-то странно поглядела на Скарлетт.
"Oh, that's too much!	- Нет, зачем же, это слишком много!
Really, I-"	Право же, я...
"Not a word!	- Молчи!
I won't hear it.	Не желаю ничего слушать.
What are neighbors for?"	Для чего же тогда соседи?

"You are so kind that I can't-But I have to be going now.	- Вы так добры, что я просто не знаю... Но мне пора.
The folks at home will be worrying about me."	Дома начнут беспокоиться.

Grandma rose abruptly and took Scarlett by the arm.	Бабушка внезапно поднялась и взяла Скарлетт под ру[к]у.
"You two stay here," she commanded, pushing Scarlett toward the back porch.	- Вы обе оставайтесь здесь, - распорядилась она и подтолкнула Скарлетт к заднему крыльцу.
"I have a private word for this child.	- Мне нужно перемолвиться словечком с этой малюткой.

Help me down the steps, Scarlett."	Помоги-ка мне спуститься с лестницы, Скарлетт.
Young Miss and Sally said good-by and promised to come calling soon.	Молодая Хозяйка и Салли попрощались со Скарлетт, пообещав в самое ближайшее время приехать ее проведать.
They were devoured by curiosity as to what Grandma had to say to Scarlett but unless she chose to tell them, they would never know.	Они сгорали от любопытства, но вместе с тем знали: если бабушка сама не найдет нужным поведать им, какой разговор состоялся у нее со Скарлетт, они никогда этого не узнают.
Old ladies were so difficult, Young Miss whispered to Sally as they went back to their sewing.	"Старухи трудный народ", - прошептала Молодая Хозяйка на ухо Салли, когда они обе принялись за прерванное шитье.

Scarlett stood with her hand on the horse's bridle, a dull feeling at her heart.	Скарлетт стояла, держа лошадь под уздцы, тупая боль сдавила ее сердце.
"Now," said Grandma, peering into her face, "what's wrong at Tara?	- Ну, - сказала бабушка, пронзая ее взглядом, - что там еще случилось у тебя дома?
What are you keeping back?"	Что ты от нас скрываешь?
Scarlett looked up into the keen old eyes and knew she could tell the truth, without tears.	Скарлетт поглядела в зоркие старые глаза и поняла, что она может сказать бабушке Фонтейн всю правду без утайки в не заплакать.
No one could cry in the presence of Grandma Fontaine without her express permission.	Никто ее отважится заплакать в присутствии бабушки Фонтейн без ее недвусмысленно выраженного поощрения.

"Mother is dead," she said flatly.	- Мама умерла, - сказала Скарлетт просто.
The hand on her arm tightened until it pinched and the wrinkled lids over the yellow eyes blinked.	Рука, опиравшаяся на руку Скарлетт, так напряглась, что сделала ей больно, сморщенные веки, задрожав, прикрыли желтые глаза.
"Did the Yankees kill her?"	- Янки убили ее?
"She died of typhoid.	- Она умерла от тифа.
Died-the day before I came home."	За день до моего возвращения.
"Don't think about it," said Grandma sternly and Scarlett saw her swallow.	- Перестань об этом думать, - приказала бабушка, и Скарлетт увидела, как она сглотнула подкативший к горлу комок.
"And your Pa?"	- А как отец?

"Pa is-Pa is not himself."	- Папа.., папа не в себе.
"What do you mean?	- Как это понять?
Speak up.	Говори ясней.
Is he ill?"	Он болен?

"The shock-he is so strange-he is not-"	- Это потрясло его... Он какой-то странный.., не в себе...
"Don't tell me he's not himself.	- Что значит - не в себе?
Do you mean his mind is unhinged?"	Ты хочешь сказать, что он повредился умом?
It was a relief to hear the truth put so baldly.	Было большим облегчением услышать, что кто-то смело называет вещи своими именами.

How good the old lady was to offer no sympathy that would make her cry.	Как хорошо, что эта старая женщина не пытается выражать ей сочувствие, иначе она бы разревелась.
"Yes," she said dully, "he's lost his mind.	- Да, - сказала она глухо, - он лишился рассудка.
He acts dazed and sometimes he can't seem to remember that Mother is dead.	Он живет все время как во сне, а временами словно бы даже не помнит, что мама умерла.
Oh, Old Miss, it's more than I can stand to see him sit by the hour, waiting for her and so patiently too, and he used to have no more patience than a child.	О, миссис Фонтейн, это выше моих сил - видеть, как он часами сидит, поджидая ее, так терпеливо-терпеливо, а ведь всегда был нетерпелив, как ребенок.

But it's worse when he does remember that she's gone.	Но еще хуже, когда он вдруг вспомнит, что ее не стало.
Every now and then, after he's sat still with his ear cocked listening for her, he jumps up suddenly and stumps out of the house and down to the burying ground.	То сидит за часом час, прислушиваясь, не раздадутся ли ее шаги, то вдруг как вскочит, выбежит из дома и - прямо на кладбище.
And then he comes dragging back with the tears all over his face and he says over and over till I could scream:	А потом приплетется обратно, лицо все в слезах, и ну твердить снова и снова, да так, что хочется завизжать:

'Katie Scarlett, Mrs. O'Hara is dead.	"Кэти-Скарлетт, миссис О'Хара умерла, твоя мама умерла!"
Your mother is dead,' and it's just like I was hearing it again for the first time.	И эти его слова, сколько бы он их ни повторял, звучат для меня так, словно я их слышу впервые.
And sometimes, late at night, I hear him calling her and I get out of bed and go to him and tell him she's down at the quarters with a sick darky.	А иногда по ночам он начинает ее звать, и тогда я вскакиваю с постели, иду к нему и говорю, что она пошла проведать заболевшую негритянку.
And he fusses because she's always tiring herself out nursing people.	И он начинает ворчать, что она не жалеет себя, выхаживая больных.

And it's so hard to get him back to bed.	И уложить его обратно в постель бывает нелегко.
He's like a child.	Он совсем как ребенок.
Oh, I wish Dr. Fontaine was here!	О, если бы доктор Фонтейн был здесь!
I know he could do something for Pa!	Я уверена, что он как-нибудь помог бы папе.
And Melanie needs a doctor too.	И Мелани тоже нужен доктор.
She isn't getting over her baby like she should-"	Она плохо поправляется после родов...
"Melly-a baby?	- Мелли родила?
And she's with you?"	Она с вами?

"Yes."	- Да.
"What's Melly doing with you?	- А почему она здесь?
Why isn't she in Macon with her aunt and her kinfolks?	Почему не в Мейконе у своих родственников, у тетки?
I never thought you liked her any too well, Miss, for all she was Charles' sister.	Мне всегда казалось, что вы не слишком-то к ней расположены, мисс, хотя она и доводится родной сестрой Чарли.
Now, tell me all about it."	Ну-ка, объясни, как это произошло.
"It's a long story, Old Miss.	- Это очень длинная история, миссис Фонтейн.
Don't you want to go back in the house and sit down?"	Может быть, мы вернемся в дом и вы присядете?

"I can stand," said Grandma shortly.	- Я прекрасно могу слушать стоя, - отрезала бабушка.
"And if you told your story in front of the others, they'd be bawling and making you feel sorry for yourself.	- А если ты начнешь рассказывать при них, они расхныкаются, разжалобят тебя и доведут до слез.
Now, let's have it."	Ну, а теперь выкладывай.

Scarlett began haltingly with the siege and Melanie's condition, but as her story progressed beneath the sharp old eyes which never faltered in their gaze, she found words, words of power and horror.	Скарлетт начала, запинаясь, описывать осаду Атланты и состояние Мелани, и по мере того как под острым, пронзительным взглядом старой дамы, ни на минуту не сводившей с нее глаз, текло ее повествование и развертывались события, она находила нужные слова для описания пережитых ею ужасов.
It all came back to her, the sickeningly hot day of the baby's birth, the agony of fear, the flight and Rhett's desertion.	Все живо воскресло в ее памяти: одуряющий зной того памятного дня, когда начались роды, ее отчаянный страх, их бегство и вероломство Ретта.

She spoke of the wild darkness of the night, the blazing camp fires which might be friends or foes, the gaunt chimneys which met her gaze in the morning sun, the dead men and horses along the road, the hunger, the desolation, the fear that Tara had been burned.	Она описала эту сумасшедшую, полную призраков ночь, мерцание бивачных огней - то ли в стане конфедератов, то ли у неприятеля, обгорелые печные трубы, возникшие перед ней на рассвете, трупы людей и лошадей вдоль дороги, разоренный край, голод, ужас при мысли, что и Тара лежит в развалинах.
"I thought if I could just get home to Mother, she could manage everything and I could lay down the weary load.	- Мне казалось, что надо только добраться домой, к маме, и она как-то сумеет все уладить, и я сброшу с плеч эту ношу.

On the way home I thought the worst had already happened to me, but when I knew she was dead I knew what the worst really was."	Возвращаясь домой, я думала: самое страшное уже позади. Но, узнав, что мама умерла, я поняла: вот оно - самое страшное.
She dropped her eyes to the ground and waited for Grandma to speak.	Она опустила глаза и умолкла, ожидая, что скажет бабушка Фонтейн.
The silence was so prolonged she wondered if Grandma could have failed to comprehend her desperate plight.	"Верно, до нее не дошло, чего я натерпелась", - мелькнула у Скарлетт мысль - слишком уж долгим показалось ей наступившее молчание.

Finally the old voice spoke and her tones were kind, kinder than Scarlett had ever heard her use in addressing anyone.	Но вот старая дама заговорила, и голос ее звучал необычайно тепло - никогда еще Скарлетт не слыхала, чтобы бабушка Фонтейн так тепло говорила с кем-нибудь.
"Child, it's a very bad thing for a woman to face the worst that can happen to her, because after she's faced the worst she can't ever really fear anything again.	- Дитя мое, это очень плохо для женщины -познать самое страшное, потому что тогда она перестанет вообще чего бы то ни было бояться.
And it's very bad for a woman not to be afraid of something.	А это скверно, когда у женщины нет страха в душе.

You think I don't understand what you've told me- what you've been through?	Ты думаешь, я ничего не поняла из твоего рассказа, не поняла, каково тебе пришлось?
Well, I understand very well.	Нет, я поняла, все поняла.
When I was about your age I was in the Creek uprising, right after the Fort Mims massacre- yes," she said in a far-away voice, "just about your age for that was fifty-odd years ago.	Примерно в твоем возрасте я видела бунт индейцев - это было после резни в форте Миме. Да, примерно в твоем возрасте, - повторила она каким-то отрешенным тоном, - ведь это было пятьдесят с лишним лет назад.

And I managed to get into the bushes and hide and I lay there and saw our house burn and I saw the Indians scalp my brothers and sisters.	Мне удалось заползти в кусты и спрятаться: я лежала там и видела, как горел наш дом и как индейцы снимали скальпы с моих братьев и сестер.
And I could only lie there and pray that the light of the flames wouldn't show up my hiding place.	А я лежала в кустах и могла только молиться богу, чтобы сполохи пожара не открыли индейцам меня в моем укрытии.
And they dragged Mother out and killed her about twenty feet from where I was lying.	А они выволокли из дома мою мать и убили ее в двадцати шагах от меня.
And scalped her too.	И с нее тоже сняли скальп.

And ever so often one Indian would go back to her and sink his tommyhawk into her skull again.	И один индеец несколько раз подходил к ней и снова и снова ударял ее томагавком по голове.
I-I was my mother's pet and I lay there and saw it all. And in the morning I set out for the nearest settlement and it was thirty miles away.	А я.., я, мамина любимица, лежала там, в кустах, и видела все это... Наутро я направилась к ближайшему жилью, а оно было за тридцать миль от нашего дома.
It took me three days to get there, through the swamps and the Indians, and afterward they thought I'd lose my mind... That's where I met Dr. Fontaine.	Я шла туда трое суток, пробираясь болотами, прячась от индейцев, и потом все думали, что я лишусь рассудка... Вот тут-то я и встретила доктора Фонтейна.

He looked after me... Ah, well, that's been fifty years ago, as I said, and since that time I've never been afraid of anything or anybody because I'd known the worst that could happen to me.	Он лечил меня... Да, да, пятьдесят лет минуло с тех пор, но с той минуты я уже никогда не боялась никого и ничего, потому что самое страшное, что могло случиться со мной, уже случилось.
And that lack of fear has gotten me into a lot of trouble and cost me a lot of happiness.	И то, что я больше никогда не знала страха, принесло мне в жизни много бед.

God intended women to be timid frightened creatures and there's something unnatural about a woman who isn't afraid... Scarlett, always save something to fear-even as you save something to love... "	Бог предназначил женщине быть скромным, боязливым существом, а если женщина ничего не боится, в этом есть что-то противное природе... Нужно сохранить в себе способность чего-то бояться, Скарлетт.., так же, как способность любить.
Her voice trailed off and she stood silent with eyes looking back over half a century to the day when she had been afraid.	Г олос ее замер, она стояла молча, и взгляд ее был обращен к тому дню, полстолетия назад, когда она в последний раз испытала страх.
Scarlett moved impatiently.	Скарлетт нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

She had thought Grandma was going to understand and perhaps show her some way to solve her problems.	Она надеялась, что бабушка поймет, как ей сейчас трудно, и, может быть, даже укажет какой-то выход.
But like all old people she'd gotten to talking about things that happened before anyone was born, things no one was interested in.	А вместо этого она, как все старики, принялась толковать о том, что произошло, когда никого еще и на свете не было, и что сейчас не может никого интересовать.
Scarlett wished she had not confided in her.	Скарлетт пожалела, что разоткровенничалась с ней.

"Well, go home, child, or they'll be worrying about you," she said suddenly.	- Ладно, поезжай домой, дитя мое, а то там переполошатся, - неожиданно сказала бабушка.
"Send Pork with the wagon this afternoon... And don't think you can lay down the load, ever.	- И сегодня же после обеда пришли Порка с повозкой... И не воображай, что когда-нибудь сможешь сбросить свою ношу с плеч.
Because you can't.	Потому что ты не сможешь.
I know."	Я знаю.
Indian summer lingered into November that year and the warm days were bright days for those at Tara.	Бабье лето затянулось в этом году до ноября, дни стояли теплые, и у обитателей Тары немного посветлело на душе.

The worst was over.	Самое страшное осталось позади.
They had a horse now and they could ride instead of walk.	Теперь у них была лошадь, и можно было ездить, а не ходить пешком.
They had fried eggs for breakfast and fried ham for supper to vary the monotony of the yams, peanuts and dried apples, and on one festal occasion they even had roast chicken.	На завтрак появилась яичница и на ужин -жареная свинина, и это вносило приятное разнообразие в меню из ямса, арахиса и сушеных яблок, а один раз они даже устроили себе праздник с помощью жареного цыпленка.

The old sow had finally been captured and she and her brood rooted and grunted happily under the house where they were penned.	Старую свинью в конце концов удалось изловить, и она вместе со своим потомством весело похрюкивала и зарывалась в землю в подполе, куда их упрятали.
Sometimes they squealed so loudly no one in the house could talk but it was a pleasant sound.	Иной раз поросята поднимали такую шумную возню, что никто в доме не слышал друг друга, но шум этот был приятен.

It meant fresh pork for the white folks and chitterlings for the negroes when cold weather and hog-killing time should arrive, and it meant food for the winter for all.	Он напоминал о том, что когда придут холода и настанет время резать свиней, у господ будет свежая свинина, а у негров - требуха, и значит, едой на зиму обеспечены все.
Scarlett's visit to the Fontaines had heartened her more than she realized.	Посещение Фонтейнов укрепило дух Скарлетт больше, чем она сама это понимала.

Just the knowledge that she had neighbors, that some of the family friends and old homes had survived, drove out the terrible loss and alone feeling which had oppressed her in her first weeks at Tara.	Сознание, что где-то есть соседи, что кто-то из старых друзей уцелел и уцелели их дома, развеяло чувство одиночества и невозвратимой утраты, угнетавшее ее первые недели по возвращении домой.
And the Fontaines and Tarletons, whose plantations had not been in the path of the army, were most generous in sharing what little they had.	И Фонтейны и Тарлтоны, чьи плантации лежали в стороне от пути, по которому шли войска, щедро делились своими небольшими запасами продуктов.

It was the tradition of the County that neighbor helped neighbor and they refused to accept a penny from Scarlett, telling her that she would do the same for them and she could pay them back, in kind, next year when Tara was again producing.	Сосед должен помогать соседу - таков был неписаный закон этого края, - и никто не соглашался взять у Скарлетт ни единого пенни. Она бы сделала то же самое для них, говорили ей; она все возместит им на будущий год натурой, когда ее плантации начнут давать урожай.
Scarlett now had food for her household, she had a horse, she had the money and jewelry taken from the Yankee straggler, and the greatest need was new clothing.	Теперь у Скарлетт была еда для всех ее домочадцев, была лошадь, были деньги и драгоценности, взятые у дезертира-янки, и на первый план выступила потребность в одежде.

She knew it would be risky business sending Pork south to buy clothes, when the horse might be captured by either Yankees or Confederates.	Она понимала, что послать Порка на юг, чтобы купить одежду, было рискованно - янки или свои же конфедераты могли отнять у него лошадь.
But, at least, she had the money with which to buy the clothes, a horse and wagon for the trip, and perhaps Pork could make the trip without getting caught.	Но так или иначе, деньги на приобретение одежды и лошадь с повозкой для поездки у нее были и оставалась надежда, что Порк благополучно возвратится домой.
Yes, the worst was over.	Да, худшее осталось позади.

Every morning when Scarlett arose she thanked God for the pale-blue sky and the warm sun, for each day of good weather put off the inevitable time when warm clothing would be needed.	Каждое утро Скарлетт благодарила бога за ясное голубое небо и теплое солнце, ибо каждый погожий день отодвигал неотвратимую минуту, когда без теплой одежды уже не обойтись.

And each warm day saw more and more cotton piling up in the empty slave quarters, the only storage place left on the plantation. There was more cotton in the fields than she or Pork had estimated, probably four bales, and soon the cabins would be full.	И с каждым теплым днем росли груды хлопка в опустевших негритянских хижинах -единственное место на плантации, где теперь можно было хранить собранный хлопок, которого в поле оказалось даже больше, чем предполагал Порк, - его, по-видимому, могло набраться тюка четыре, и скоро все хижины будут забиты им до отказа.
Scarlett had not intended to do any cotton picking herself, even after Grandma Fontaine's tart remark.	Скарлетт не намеревалась собирать хлопок сама, даже после язвительной отповеди бабушки Фонтейн.

It was unthinkable that she, an O'Hara lady, now the mistress of Tara, should work in the fields.	Ей казалось просто невообразимым, чтобы она, Скарлетт О'Хара, ныне полновластная хозяйка поместья, пошла работать в поле.
It put her on the same level with the snarly haired Mrs. Slattery and Emmie.	Она тем самым поставила бы себя в один ряд с голодранкой миссис Слэттери и ее Эмми.
She had intended that the negroes should do the field work, while she and the convalescent girls attended to the house, but here she was confronted with a caste feeling even stronger than her own.	Скарлетт рассчитывала, что собирать хлопок будут негры, а она вместе с выздоравливающими сестрами займется домашним хозяйством, однако тут ей пришлось столкнуться с кастовым чувством еще более сильным, чем ее собственное.

Pork, Mammy and Prissy set up outcries at the idea of working in the fields.	При одном упоминании о работе в поле Порк, Мамушка и Присси подняли страшный крик.
They reiterated that they were house niggers, not field hands.	Они твердили одно: "Мы - домашняя челядь, мы не для полевых работ".
Mammy, in particular, declared vehemently that she had never even been a yard nigger.	Мамушка особенно яростно утверждала, что она никогда не работала даже на усадьбе, не то что на плантации.

She had been born in the Robillard great house, not in the quarters, and had been raised in Ole Miss' bedroom, sleeping on a pallet at the foot of the bed.	Она и родилась-то в барском доме у самих Робийяров, а не в негритянской хижине, и выросла прямо в спальне у Старой Хозяйки -спала на полу на тюфячке в ногах ее кровати.
Dilcey alone said nothing and she fixed her Prissy with an unwinking eye that made her squirm.	Одна только Дилси не произнесла ни слова и в упор, не мигая, так поглядела на Присси, что та съежилась под ее взглядом.
Scarlett refused to listen to the protests and drove them all into the cotton rows.	Скарлетт не пожелала слушать их возмущенные протесты и отвела всех на хлопковое поле.

But Mammy and Pork worked so slowly and with so many lamentations that Scarlett sent Mammy back to the kitchen to cook and Pork to the woods and the river with snares for rabbits and possums and lines for fish.	Но Мамушка и Порк работали так медленно и так при этом причитали, что Скарлетт не выдержала и отослала Мамушку на кухню заниматься стряпней, а Порка снарядила в лес с силком и на речку с удочкой - добывать кроликов и опоссумов и удить рыбу.
Cotton picking was beneath Pork's dignity but hunting and fishing were not.	Собирать хлопок было ниже его достоинства, а охота и рыбная ловля самолюбия не ущемляли.
Scarlett next had tried her sisters and Melanie in the fields, but that had worked no better.	После этого Скарлетт попыталась вывести в поле своих сестер и Мелани, но и от них толку было мало.

Melanie had picked neatly, quickly and willingly for an hour in the hot sun and then fainted quietly and had to stay in bed for a week.	Мелани охотно, аккуратно и быстро проработала под солнцем час, а затем беззвучно лишилась чувств, после чего ей неделю пришлось пролежать в постели.
Suellen, sullen and tearful, pretended to faint too, but came back to consciousness spitting like an angry cat when Scarlett poured a gourdful of water in her face.	Сьюлин - угрюмая, со слезами на глазах -попыталась тоже упасть в обморок, но мгновенно пришла в себя и зашипела как ошпаренная кошка, когда Скарлетт плеснула ей в лицо водой из тыквенной бутылки.
Finally she refused point-blank.	Кончилось тем, что Сьюлин наотрез отказалась работать.

"I won't work in the fields like a darky!	- Не стану я работать в поле, как негритянка!
You can't make me.	Ты не можешь меня принудить.
What if any of our friends ever heard of it?	Что, если кто-нибудь из наших друзей узнает об этом?
What if-if Mr. Kennedy ever knew?	Что, если.., если мистер Кеннеди услышит?
Oh, if Mother knew about this-"	Господи, да если б мама...
"You just mention Mother's name once more, Suellen O'Hara, and I'll slap you flat," cried Scarlett.	- Ты только помяни еще раз маму, Сьюлин О'Хара, и я тебя отхлестаю по щекам! - вскричала Скарлетт.

"Mother worked harder than any darky on this place and you know it, Miss Fine Airs!"	- Мама работала на этой плантации побольше любой негритянки, и ты знаешь это, госпожа белоручка!
"She did not!	- Неправда!
At least, not in the fields.	Во всяком случае, не в поле!
And you can't make me.	И меня ты не заставишь!
I'll tell Papa on you and he won't make me work!"	Я пожалуюсь на тебя папе, и он не велит мне работать.
"Don't you dare go bothering Pa with any of our troubles!" cried Scarlett, distracted between indignation at her sister and fear for Gerald.	- Посмей только беспокоить отца своими глупостями! - прикрикнула на нее Скарлетт, исполненная страхом за Джералда и злобы на сестру.

"I'll help you, Sissy," interposed Carreen docilely.	- Я помогу тебе, сестричка, - кротко сказала Кэррин.
"I'll work for Sue and me too.	- Я и работаю за Сью и за себя.
She isn't well yet and she shouldn't be out in the sun."	Она еще не поправилась, ей вредно быть на солнце.
Scarlett said gratefully: "Thank you, Sugarbaby," but looked worriedly at her younger sister.	- Спасибо тебе, малышка, - благодарно сказала Скарлетт, не без тревоги, однако, поглядев на младшую сестру.

Carreen, who had always been as delicately pink and white as the orchard blossoms that are scattered by the spring wind, was no longer pink but still conveyed in her sweet thoughtful face a blossomlike quality.	Задумчивое личико Кэррин, прежде такое бело-розовое и нежное, как лепестки цветущих яблонь, кружимые в воздухе весенним ветерком, утратило теперь все оттенки розового, сохранив лить сходство с бледным цветком.
She had been silent, a little dazed since she came back to consciousness and found Ellen gone, Scarlett a termagant, the world changed and unceasing labor the order of the new day.	После того как Кэррин пришла в себя и обнаружила, что Эллин больше нет, что Скарлетт превратилась в фурию и весь мир изменился неузнаваемо, а непрестанный труд сделался законом их существования, она стала молчалива я жила, казалось, как в тумане.

It was not in Carreen's delicate nature to adjust herself to change.	Хрупкая натура Кэррин никак не могла приме-ниться к новому образу жизни.

She simply could not comprehend what had happened and she went about Tara like a sleepwalker, doing exactly what she was told.	Ее разум не в состо-янии был охватить всего, что произошло вокруг, и она, словно лунатик, бродила по усадьбе, послушно вы-полняя указания Скар-летт.
She looked, and was, frail but she was willing, obedient and obliging.	Она была очень слаба - и с виду, да и по су-ществу, - но покорна, старательна и услуж-лива.

When she was not doing Scarlett's bidding, her rosary beads were always in her hands and her lips moving in prayers for her mother and for Brent Tarleton.	В те минуты, когда она не была занята какой-нибудь порученной ей работой, ее пальцы перебирали четки, а губы шептали молитвы: она молилась о матери и о Брейте Тарлтоне.
It did not occur to Scarlett that Carreen had taken Brent's death so seriously and that her grief was unhealed.	Скарлетт и не предполагала, что смерть Брента будет для нее таким ударом и что ее печаль неисцелима.
To Scarlet, Carreen was still "baby sister," far too young to have had a really serious love affair.	Для Скарлетт Кэррин все еще была "малышка" -слишком еще дитя, чтобы у нее мог быть настоящий роман.

Scarlett, standing in the sun in the cotton rows, her back breaking from the eternal bending and her hands roughened by the dry bolls, wished she had a sister who combined Suellen's energy and strength with Carreen's sweet disposition.	Стоя под солнцем между рядами хлопка, чувствуя, как от бесконечных наклонов и выпрямлений разламывается спина и горят загрубевшие мозолистые ладони, Скарлетт подумала о том, как хорошо было бы иметь сестру, в которой сила и настойчивость Сьюлин сочеталась бы с мягкостью Кэррин.
For Carreen picked diligently and earnestly.	Ведь Кэррин собирала хлопок так исправно и прилежно.
But, after she had labored for an hour it was obvious that she, and not Suellen, was the one not yet well enough for such work.	Однако через час уже стало ясно, что это не Сьюлин, а Кэррин недостаточно еще оправилась для такой работы.

So Scarlett sent Carreen back to the house too.	И Скарлетт отослала домой и ее.
There remained with her now in the long rows only Dilcey and Prissy.	Теперь между длинных рядов хлопчатника трудились только Скарлетт, Дилси и Присси.
Prissy picked lazily, spasmodically, complaining of her feet, her back, her internal miseries, her complete weariness, until her mother took a cotton stalk to her and whipped her until she screamed.	Присси собирала хлопок лениво, с прохладцей и не переставала жаловаться на боль в ногах, ломоту в спине, схватки в животе и усталость, пока мать не кинулась на нее со стеблем хлопчатника и не отстегала так, что та подняла страшный визг.

After that she worked a little better, taking care to stay far from her mother's reach.	После этого работа стала спориться у нее лучше, но она старалась держаться на безопасном расстоянии от матери.
Dilcey worked tirelessly, silently, like a machine, and Scarlett, with her back aching and her shoulder raw from the tugging weight of the cotton bag she carried, thought that Dilcey was worth her weight in gold.	Дилси работала молча, неутомимо, как машина, и Скарлетт, которая уже едва могла разогнуть спину и натерла себе плечо тяжелой сумкой, куда собирала хлопок, подумала, что такие работники, как Дилси, на вес золота.
"Dilcey," she said, "when good times come back, I'm not going to forget how you've acted.	- Дилси, - сказала она, - когда вернутся хорошие времена, я не забуду, как ты себя показала в эти дни.

You've been mighty good."	Ты молодчина.
The bronze giantess did not grin pleasedly or squirm under praise like the other negroes.	Лицо бронзовой великанши не расплылось от ее похвалы в довольной ухмылке и не сморщилось от смущения, как у других негров.
She turned an immobile face to Scarlett and said with dignity:	Оно осталось невозмутимым. Дилси повернулась к Скарлетт и сказала с достоинством:
"Thankee, Ma'm. But Mist' Gerald and Miss Ellen been good to me.	- Спасибо, мэм. Но мистер Джеральд и миссис Эллин всегда были очень добры ко мне.

Mist' Gerald buy my Prissy so I wouldn' grieve and I doan forgit it.	Мистер Джералд купил мою Присси, чтобы я не тосковала по ней, и я этого не забыла.
I is part Indian and Indians doan forgit them as is good to them.	Я ведь наполовину индианка, а наш народ не забывает тех, кто делает нам добро.
I sorry 'bout my Prissy.	Но я недовольна моей Присси.
She mighty wuthless.	От нее мало толку.
Look lak she all nigger lak her pa.	Похоже, она чистая негритянка, в отца пошла.
Her pa was mighty flighty."	Отец-то ведь у нее был большой шалопай.

In spite of Scarlett's problem of getting help from the others in the picking and in spite of the weariness of doing the labor herself, her spirits lifted as the cotton slowly made its way from the fields to the cabins.	Хотя Скарлетт, в сущности, не получила помощи ни от кого, кроме Дилси, и ей самой пришлось взяться за сбор хлопка, она, невзирая на усталость, воспряла духом, видя, как хлопок медленно, но неуклонно перекочевывает с плантации в хижины.
There was something about cotton that was reassuring, steadying.	В хлопке было что-то придававшее ей уверенность - какая-то надежность.

Tara had risen to riches on cotton, even as the whole South had risen, and Scarlett was Southerner enough to believe that both Tara and the South would rise again out of the red fields.	Тара разбогатела на хлопке, как и весь Юг, а Скарлетт была в достаточной мере южанкой, чтобы верить: и Тара, да и весь Юг снова подымут голову над красными просторами земли.
Of course, this little cotton she had gathered was not much but it was something.	Конечно, хлопка она собрала не так уж много, но все же это кое-что.
It would bring a little in Confederate money and that little would help her to save the hoarded greenbacks and gold in the Yankee's wallet until they had to be spent.	Она выручит за него немного конфедератских денег, и это даст ей возможность приберечь зеленые купюры и золото из бумажника янки до тех пор, когда без них нельзя будет обойтись.

Next spring she would try to make the Confederate government send back Big Sam and the other field hands they had commandeered, and if the government wouldn't release them, she'd use the Yankee's money to hire field hands from the neighbors.	Весной она постарается вызволить Большого Сэма и других рабов с плантации, которых мобилизовало правительство Конфедерации, а если их не отпустят, тогда на деньги янки она купит рабов у кого-нибудь в округе.
Next spring, she would plant and plant... She straightened her tired back and, looking over the browning autumn fields, she saw next year's crop standing sturdy and green, acre upon acre.	И весной будет сеять и сеять... Распрямив натруженную спину, она окинула взглядом побуревшие к осени поля и увидела перед собой уходящие вдаль акр за акром зеленые всходы будущего урожая.
Next spring!	Весной!

Perhaps by next spring the war would be over and good times would be back.	Быть может, к весне война кончится и снова настанут хорошие времена.
And whether the Confederacy won or lost, times would be better.	И победит ли Конфедерация или потерпит поражение, все равно жизнь станет легче.
Anything was better than the constant danger of raids from both armies.	Будь что будет, лишь бы не жить в вечном страхе, что тебя оберет до нитки та или другая армия.
When the war was over, a plantation could earn an honest living.	Когда война кончится, плантация их прокормит.
Oh, if the war were only over!	О, лишь бы только кончилась война!

Then people could plant crops with some certainty of reaping them!	Тогда можно будет бросать в землю семена, не боясь, что не доведется снять урожай!
There was hope now.	Надежда забрезжила впереди.
The war couldn't last forever.	Война не может длиться вечно.
She had her little cotton, she had food, she had a horse, she had her small but treasured hoard of money.	У Скарлетт было немножко хлопка, у нее была лошадь и небольшая, но драгоценная кучка денег.
Yes, the worst was over!	Да, худшие времена остались позади!
CHAPTER XXVII	Глава 27

On a noonday in mid-November, they all sat grouped about the dinner table, eating the last of the dessert concocted by Mammy from corn meal and dried huckleberries, sweetened with sorghum.	Как-то в полдень они сидели за обеденным столом, поглощая новоизобретенный Мамушкой пудинг из кукурузной муки и сушеной черники, подслащенный сорго.
There was a chill in the air, the first chill of the year, and Pork, standing behind Scarlett's chair, rubbed his hands together in glee and questioned:	Была середина ноября, в воздухе уже чувствовалась прохлада - первая предвестница зимы, - и Порк, стоявший за стулом Скарлетт, вопросил, довольно потирая руки:
"Ain' it 'bout time fer de hawg killin', Miss Scarlett?"	- А не приспело ли время заколоть свинью, мисс Скарлетт?

"You can taste those chitlins already, can't you?" said Scarlett with a grin.	- Что, у тебя уже слюнки потекли? Небось спишь и видишь требуху? - с усмешкой спросила Скарлетт.
"Well, I can taste fresh pork myself and if the weather holds for a few days more, we'll-"	- Да я и сама не прочь отведать свежей свининки, и если погода продержится еще несколько дней, пожалуй, мы...
Melanie interrupted, her spoon at her lips,	Мелани перебила ее, замерев с ложкой у рта:
"Listen, dear!	- Слышишь, дорогая?
Somebody's coming!"	Кто-то едет!
"Somebody hollerin'," said Pork uneasily.	- Кричит кто-то, - встревоженно сказал Порк.

On the crisp autumn air came clear the sound of horse's hooves, thudding as swiftly as a frightened heart, and a woman's voice, high pitched, screaming:	В хрустком осеннем воздухе уже отчетливо был слышен стук копыт - частый, как толчки испуганного сердца, - и высокий женский голос, срывающийся на отчаянный вопль:
"Scarlett!	- Скарлетт!

Scarlett!"	Скарлетт!
Eye met eye for a dreadful second around the table before chairs were pushed back and everyone leaped up.	Скрестились испуганные взгляды, и в следующее мгновение все вскочили, отодвигая стулья.

Despite the fear that made it shrill, they recognized the voice of Sally Fontaine who, only an hour before, had stopped at Tara for a brief chat on her way to Jonesboro.	Несмотря на испуг, исказивший голос, его узнал каждый: кричала, звала на помощь Салли Фонтейн, всего час назад заглянувшая к ним по дороге в Джонсборо перемолвиться словечком.
Now, as they all rushed pell-mell to crowd the front door, they saw her coming up the drive like the wind on a lathered horse, her hair streaming behind her, her bonnet dangling by its ribbons.	Все бросились, толкая друг друга, к входной двери и увидели, что Салли - растрепанная, шляпа болтается за спиной - вихрем мчится на взмыленной лошади по подъездной аллее к дому.

She did not draw rein but as she galloped madly toward them, she waved her arm back in the direction from which she had come.	Не осаживая коня, Салли бешеным галопом подскакала прямо к крыльцу и, махнув рукой назад, туда, откуда примчалась, крикнула:
"The Yankees are coming!	- Янки идут!
I saw them!	Я их видела!
Down the road!	На дороге!
The Yankees-"	Янки!
She sawed savagely at the horse's mouth just in time to swerve him from leaping up the front steps.	Одним рывком она подняла лошадь на дыбы у самых ступеней крыльца, пустила ее в три прыжка по газону и, словно на охоте, перемахнула через четырехфутовую живую изгородь.

He swung around sharply, covered the side lawn in three leaps and she put him across the four-foot hedge as if she were on the hunting field. They heard the heavy pounding of his hooves as he went through the back yard and down the narrow lane between the cabins of the quarters and knew she was cutting across the fields to Mimosa.	До них донесся глухой стук копыт - сначала с заднего двора, потом с неширокой дороги между хижинами негров, - и они поняли, что Салли поскакала прямиком через поля к свое усадьбе.

For a moment they stood paralyzed and then Suellen and Carreen began to sob and clutch each other's fingers. Little Wade stood rooted, trembling, unable to cry.	С минуту все стояли оцепенев, а затем Сьюлин и Кэррин начали всхлипывать и цепляться друг за друга, а Уэйд, широко разинув рот и весь дрожа, стоял как пригвожденный к месту, но не издал ни звука.
What he had feared since the night he left Atlanta had happened.	То, чего он все время со страхом ждал еще с той ночи, когда они бежали из Атланты, случилось.
The Yankees were coming to get him.	Янки пришли, чтобы схватить его.
"Yankees?" said Gerald vaguely. "But the Yankees have already been here."	- Янки? - беспомощно произнес Джералд, - Но янки уже были здесь.

"Mother of God!" cried Scarlett, her eyes meeting Melanie's frightened eyes.	- Матерь божья! - воскликнула Скарлетт, перехватив испуганный взгляд Мелани.
For a swift instant there went through her memory again the horrors of her last night in Atlanta, the ruined homes that dotted the countryside, all the stories of rape and torture and murder.	На миг все ужасы их бегства из Атланты ожили перед ее мысленным взором: руины домов, пепелища.., а затем - и все то, что передавалось из уст в уста: убийства, истязания, насилия.

She saw again the Yankee soldier standing in the hall with Ellen's sewing box in his hand.	Она снова увидела перед собой солдата-янки, стоявшего в холле со шкатулочкой Эллин в руках...
She thought:	"Я умру, - подумала она.
"I shall die. I shall die right here.	- Я сейчас умру, прямо здесь, на месте.
I thought we were through with all that.	Я думала, все это позади.
I shall die.	Я умру.
I can't stand any more."	Я больше не выдержу".

Then her eyes fell on the horse saddled and hitched and waiting for Pork to ride him to the Tarleton place on an errand.	И тут в глаза ей бросилась лошадь - лошадь под седлом, стоявшая у коновязи в ожидании Порка, который должен был отправиться верхом с каким-то поручением к Тарлтонам.
Her horse!	Ее лошадь!
Her only horse!	Ее единственная лошадь!
The Yankees would take him and the cow and the calf.	Янки уведут ее! И корову, и теленка!
And the sow and her litter-Oh, how many tiring hours it had taken to catch that sow and her agile young!	И свинью со всеми поросятами... Сколько ушло времени и сил, чтобы словить эту свинью и ее быстроногое, верткое племя!

And they'd take the rooster and the setting hens and the ducks the Fontaines had given her.	А янки заберут и свинью, и кур-несушек, и петуха, и уток, которыми поделились с ними Фонтейны.
And the apples and the yams in the pantry bins.	И яблоки, и яме, и бобы из кладовой.
And the flour and rice and dried peas.	И муку, и рис, и сушеный горох.
And the money in the Yankee soldier's wallet.	И бумажник солдата-янки со всеми деньгами.
They'd take everything and leave them to starve.	Они возьмут все и оставят их подыхать с голоду.

"They shan't have them!" she cried aloud and they all turned startled faces to her, fearful her mind had cracked under the tidings.	- Ничего они не получат! - громко воскликнула Скарлетт, и все ошалело поглядели на нее - уж не рехнулась ли она с испугу?
"I won't go hungry!	- Я не стану больше голодать!
They shan't have them!"	Ничего они не получат!
"What is it, Scarlett?	- Что с тобой, Скарлетт?
What is it?"	О чем ты?
"The horse!	- Лошадь!
The cow!	Корову!
The pigs!	Свинью! Поросят!
They shan't have them!	Они их не получат.

I won't let them have them!"	Я не допущу!

She turned swiftly to the four negroes who huddled in the doorway, their black faces a peculiarly ashen shade.	Она повернулась к четырем неграм, столпившимся в дверях, - лица их были пепельно-серыми от страха.
"The swamp," she said rapidly.	- В болото! - коротко сказала она.
"Whut swamp?"	- В какое болото?
"The river swamp, you fools!	- К реке, дурни!
Take the pigs to the swamp.	Гоните свинью и поросят к реке в болото.
All of you.	Вы все гоните их туда.
Quickly.	Живей!

Pork, you and Prissy crawl under the house and get the pigs out.	Порк и Присси, полезайте в подпол, вытащите поросят.
Suellen, you and Carreen fill the baskets with as much food as you can carry and get to the woods.	Сьюлин и Кэррин, возьмите корзины, положите в них продукты - все, что влезет, и унесите в лес.
Mammy, put the silver in the well again.	Мамушка, опусти серебро обратно в колодец.
And Pork!	Да вот еще, Порк!
Pork, listen to me, don't stand there like that!	Слушай меня, Порк, не стой как болван!
Take Pa with you.	Уведи отсюда папу.
Don't ask me where!	Куда, куда!

Anywhere!	Куда хочешь!
Go with Pork, Pa.	Ступай с Порком, па.
That's a sweet pa."	Вот хороший па, вот умник.
Even in her frenzy she thought what the sight of bluecoats might do to Gerald's wavering mind.	В смятении, в суматохе она все же успела подумать о том, какое воздействие может оказать вид синих мундиров на помутившийся рассудок Джералда.

She stopped and wrung her hands and the frightened sobbing of little Wade who was clutching Melanie's skirt added to her panic. "What shall I do, Scarlett?" Melanie's voice was calm amid the wailing and tears and scurrying feet.	И примолкла на секунду, в растерянности ломая руки. А тут испуганно захныкал Уэйд, ухватившись за юбку Мелани, и она почувствовала, что теряет над собой власть - А я чем могу помочь, Скарлетт? - услышала она среди воплей, всхлипываний и топота шагов спокойный голос Мелани.

Though her face was paper white and her whole body trembled, the very quietness of her voice steadied Scarlett, revealing to her that they all looked to her for commands, for guidance.	Лицо Мелани было белее мела, ее трясло как в лихорадке, но этот спокойный голос помог Скарлетт прийти в себя: она поняла, что все надеются на нее и ждут от нее указаний.
"The cow and the calf," she said quickly.	- Корову и теленка, - быстро сказала она.
"They're in the old pasture.	- Они на старом выгоне.
Take the horse and drive them into the swamp and-"	Возьми лошадь и загони их в болота и...

Before she could finish her sentence, Melanie shook off Wade's clutches and was down the front steps and running toward the horse, pulling up her wide skirts as she ran.	Она еще не договорила, как Мелани, оторвав ручонку Уэйда от своей юбки, сбежала по ступенькам, подхватила на бегу подол и устремилась к лошади.
Scarlett caught a flashing glimpse of thin legs, a flurry of skirts and underclothing and Melanie was in the saddle, her feet dangling far above the stirrups.	Мелькнули худые ноги в облаке широких нижних юбок, и Мелани уже была в седле.

She gathered up the reins and clapped her heels against the animal's sides and then abruptly pulled him in, her face twisting with horror.	Ноги ее далеко не доставали до стремян, но она собрала поводья, замолотила по бокам лошади пятками и вдруг с искаженным от ужаса лицом снова резко ее осадила.
"My baby!" she cried.	- Мой малютка! - вскричала она.
"Oh, my baby!	- О боже, мой малютка!
The Yankees will kill him!	Янки убьют его!
Give him to me!"	Принеси его мне!
Her hand was on the pommel and she was preparing to slide off but Scarlett screamed at her.	Ухватившись одной рукой за луку, она готова была соскочить с седла, но Скарлетт крикнула:
"Go on!	- Скачи!

Go on!	Скачи!
Get the cow!	Угони корову!
I'll look after the baby!	Я позабочусь о ребенке!
Go on, I tell you!	Скачи, говорю тебе!
Do you think I'd let them get Ashley's baby?	Неужели ты думаешь, я позволю им тронуть ребенка Эшли?
Go on!"	Скачи же!
Melly looked despairingly backward but hammered her heels into the horse and, with a scattering of gravel, was off down the drive toward the pasture.	Мелани бросила через плечо последний, исполненный отчаяния взгляд, снова замолотила пятками и, рассыпая каскады гравия, умчалась по аллее в сторону выгона.

Scarlett thought: "I never expected to see Melly Hamilton straddling a horse!" and then she ran into the house.	"Вот уж не ожидала, что увижу Мелли Гамильтон в седле по-мужски!" - мельком подумала Скарлетт и бросилась в дом.
Wade was at her heels, sobbing, trying to catch her flying skirts.	Уэйд бежал за ней по пятам, всхлипывая, стараясь уцепиться за ее развевающийся подол.
As she went up the steps, three at a bound, she saw Suellen and Carreen with split-oak baskets on their arms, running toward the pantry, and Pork tugging none too gently at Gerald's arm, dragging him toward the back porch.	Взбегая в холле по лестнице, прыгая через две ступеньки, она видела, как Сьюлин и Кэррин с плетеными корзинами в руках спешили к кладовой, а Порк не слишком почтительно тащил Джералда под руку к заднему крыльцу.

Gerald was mumbling querulously and pulling away like a child.	Джералд что-то бормотал ворчливо, как ребенок, и пытался вырваться.
From the back yard she heard Mammy's strident voice:	С заднего двора долетел скрипучий голос Мамушки:

"You, Priss!	- Да ну же. Присси!
You git unner dat house an' han' me dem shoats!	Полезай в подпол, передавай мне поросят!
You knows mighty	Ты что - не понимаешь?
well Ah's too big ter crawl thoo dem lattices.	Мне же туда с моим брюхом не пролезть!
Dilcey, comyere an' mek dis wuthless chile- "	Дилси, поди сюда, вели этой балбеске...

"And I thought it was such a good idea to keep the pigs under the house, so nobody could steal them," thought Scarlett, running into her room.	"А мне-то казалось, я так здорово придумала спрятать свиней в под-пол, чтоб их не украли, -подумала Скарлетт, вбегая в свою спальню.
"Why, oh, why didn't I build a pen for them down in the swamp?"	- Почему, ну почему я не построила для них загона на болоте?"
She tore open her top bureau drawer and scratched about in the clothing until the Yankee's wallet was in her hand.	Она рывком выдвину-ла верхний ящик бюро и, порывшись в плат-ках и косынках, выта-щила бумажник.

Hastily she picked up the solitaire ring and the diamond earbobs from where she had hidden them in her sewing basket and shoved them into the wallet.	Торопливо достала кольцо с солитером и бриллиантовые подвески из своей корзинки с рукоделием и сунула их в бумажник.
But where to hide it?	А где его спрятать?
In the mattress?	В матраце?
Up the chimney?	В печной трубе?
Throw it in the well?	Бросить в колодец?
Put it in her bosom?	Засунуть себе в корсаж?
No, never there!	Нет, только не это!

The outlines of the wallet might show through her basque and if the Yankees saw it they would strip her naked and search her.	Толстый бумажник может быть заметен, и тогда янки начнут ее обыскивать и разденут догола.
"I shall die if they do!" she thought wildly.	"И тогда я умру!" - с отчаянием подумала она.
Downstairs there was a pandemonium of racing feet and sobbing voices.	Снизу доносился суматошный топот ног, голоса, чьи-то всхлипывания.
Even in her frenzy, Scarlett wished she had Melanie with her, Melly with her quiet voice, Melly who was so brave the day she shot the Yankee.	Среди всего этого смятения Скарлетт пожалела, что рядом с ней нет Мелани. Нет Мелли с ее тихим голосом, Мелли, которая проявила такую отвагу, когда был убит солдат янки.

Melly was worth three of the others.	Мелли стоит десятерых.
Melly-what had Melly said?	Мелли... Что Мелли ей сказала?
Oh, yes, the baby!	Ах да! Ребенок!
Clutching the wallet to her, Scarlett ran across the hall to the room where little Beau was sleeping in the low cradle.	Прижимая к груди бумажник, Скарлетт бросилась в другую комнату, где малютка Бо спал в своей низенькой кроватке.
She snatched him up into her arms and he awoke, waving small fists and slobbering sleepily.	Она взяла его на руки, и он проснулся и захныкал спросонок, размахивая крошечными кулачками.
She heard Suellen crying:	Она услышала громкий голос Сьюлин:

"Come on, Carreen!	- Идем, Кэррин!

Come on!	Идем!
We've got enough.	Хватит, набрали!
Oh, Sister, hurry!"	Ну же, сестренка, поторапливайся!
There were wild squealings, indignant gruntings in the back yard and, running to the widow, Scarlett saw Mammy waddling hurriedly across the cotton field with a struggling young pig under each arm.	С заднего двора доносился отчаянный поросячий визг и возмущенное хрюканье, и, подбежав к окну, Скарлетт увидела Мамушку с извивающимся поросенком под каждой подмышкой, ковылявшую что было сил через хлопковое поле.
Behind her was Pork also carrying two pigs and pushing Gerald before him.	Следом за ней спешил Порк, тоже с двумя поросятами, подталкивая идущего впереди него Джералда.

Gerald was stumping across the furrows, waving his cane.	Джералд, спотыкаясь, брел по бороздам и размахивал тростью.
Leaning out of the window Scarlett yelled:	Скарлетт высунулась из окна и крикнула:
"Get the sow, Dilcey!	- Уведи свинью, Дилси!
Make Prissy drive her out.	Заставь Присси выгнать ее наружу.
You can chase her across the fields!"	Угони ее подальше!
Dilcey looked up, her bronzed face harassed. In her apron was a pile of silver tableware. She pointed under the house.	Дилси подняла голову: бронзовое лицо ее было встревожено, она держала за края передник, в котором лежала груда столового серебра.

"The sow done bit Prissy and got her penned up unner the house."	- Свинья укусила Присси и не выпускает ее из подпола.
"Good for the sow," thought Scarlett.	"Ай да свинья!" - подумала Скарлетт.
She hurried back into her room and hastily gathered from their hiding place the bracelets, brooch, miniature and cup she had found on the dead Yankee.	Она метнулась к себе обратно в комнату и достала из тайничка браслеты, брошь, миниатюру и серебряную чашечку, найденные в ранце убитого янки.
But where to hide them?	Куда все это спрятать?

It was awkward, carrying little Beau in one arm and the wallet and the trinkets in the other.	На руках у нее был малютка Бо, в одной руке зажат бумажник, в другой - эти безделушки.
She started to lay him on the bed.	Она положила младенца на постель.
He set up a wail at leaving her arms and a welcome thought came to her.	Он сразу расплакался, и тут ее осенило.
What better hiding place could there be than a baby's diaper?	Лучшего места, чем детские пеленки, не придумаешь.

She quickly turned him over, pulled up his dress and thrust the wallet down the diaper next to his backside.	Она быстро перевернула Бо на животик, распеленала и сунула бумажник под его подгузник.
He yelled louder at this treatment and she hastily tightened the triangular garment about his threshing legs.	От такого обращения он разревелся еще громче, засучил ножками, и она торопливо запеленала его снова.

"Now," she thought, drawing a deep breath, "now for the swamp!"	"Ну, теперь, - подумала она, переведя дыхание, -теперь - к болоту!"

Tucking him screaming under one arm and clutching the jewelry to her with the other, she raced into the upstairs hall.	Подхватив одной рукой заходившегося в плаче младенца, другой рукой прижимая к груди драгоценности, она выбежала на верхнюю площадку в холл.
Suddenly her rapid steps paused, fright weakening her knees.	Внезапно шаги ее замедлились, колени подогнулись от страха.
How silent the house was!	Как тихо стало в доме!
How dreadfully still!	Какая страшная, мертвенная тишина!
Had they all gone off and left her?	Неужели все ушли и оставили ее?
Hadn't anyone waited for her?	Неужели никто не подумал о ней?

She hadn't meant for them to leave her here alone.	Она не ждала, что они все уйдут, бросят ее здесь одну.
These days anything could happen to a lone woman and with the Yankees coming-	В эти дни с одинокой женщиной может случиться все что угодно... Придут янки...
She jumped as a slight noise sounded and, turning quickly, saw crouched by the banisters her forgotten son, his eyes enormous with terror.	Какой-то негромкий звук заставил ее подскочить от страха. Резко обернувшись, она увидела своего всеми позабытого сынишку.
He tried to speak but his throat only worked silently.	Он сидел на ступеньках, прижавшись к перилам, и пытался что-то произнести, но только беззвучно разевал рот и смотрел на нее круглыми от ужаса глазами.

"Get up, Wade Hampton," she commanded swiftly.	- Встань, Уэйд Хэмптон, - приказала она.
"Get up and walk.	- Вставай и иди за мной.
Mother can't carry you now."	Мама не может тебя сейчас нести.
He ran to her, like a small frightened animal, and clutching her wide skirt, buried his face in it.	Точно маленький испуганный зверек, он бросился к ней и зарылся лицом в ее широкую юбку.
She could feel his small hands groping through the folds for her legs.	Она чувствовала, как он, путаясь в пышных складках, пытается ухватиться за ее ногу.

She started down the stairs, each step hampered by Wade's dragging hands and she said fiercely:	Она начала спускаться с лестницы, но его цепляющиеся руки мешали ей, и она сердито крикнула:
"Turn me loose, Wade!	- Отпусти мою юбку, Уэйд!
Turn me loose and walk!"	Отпусти и спускайся вниз сам!
But the child only clung the closer.	- Но ребенок только теснее прижимался к ней.
As she reached the landing, the whole lower floor leaped up at her.	Она спускалась вниз, а снизу все словно бы устремлялось ей навстречу.
All the homely, well-loved articles of furniture seemed to whisper:	Все с детства знакомые, любимые вещи, казалось, шептали ей в уши:
"Good-by!	"Прощай!

Good-by!" A sob rose in her throat.	Прощай" Рыдания подступили у нее к горлу.

There was the open door of the office where Ellen had labored so diligently and she could glimpse a corner of the old secretary.	Дверь в маленький кабинет, где всегда так усердно трудилась Эллин, была приотворена, и Скарлетт бросился в глаза угол старинного секретера.
There was the dining room, with chairs pushed awry and food still on the plates.	В столовой стулья были сдвинуты с мест, некоторые опрокинуты, на столе - тарелки с недоеденной едой.
There on the floor were the rag rugs Ellen had dyed and woven herself.	На полу - лоскутные коврики, которые Эллин сама красила и сама плела.

And there was the old portrait of Grandma Robillard, with bosoms half bared, hair piled high and nostrils cut so deeply as to give her face a perpetual well-bred sneer.	На стене - портрет бабушки Робийяр: высокая прическа, полуобнаженная грудь. Сильно вырезанные ноздри придавали лицу выражение утонченной надменности.
Everything which had been part of her earliest memories, everything bound up with the deepest roots in her:	Все овеянное бессчетностью воспоминаний детства, все - кровная часть ее души - шептало ей:
"Good-by!	"Прощай, Скарлетт О'Хара!
Good-by, Scarlett O'Hara!"	Прощай!"

The Yankees would burn it all-all!	Придут янки и все сожгут!
This was her last view of home, her last view except what she might see from the cover of the woods or the swamp, the tall chimneys wrapped in smoke, the roof crashing in flame.	В последний раз окинула Скарлетт взглядом родительский дом. Потом из болота под прикрытием леса ей суждено будет увидеть только, как рухнет охваченная огнем кровля и из облаков дыма выплывут очертания печных труб.
"I can't leave you," she thought and her teeth chattered with fear.	"Я не могу уйти отсюда, - подумала она, и у нее застучали зубы от страха.
"I can't leave you.	- Я не могу покинуть тебя, дом.
Pa wouldn't leave you.	Папа бы не ушел.

He told them they'd have to burn you over his head.	Он ведь сказал им: жгите его вместе со мной.
Then, they'll burn you over my head for I can't leave you either.	Пусть теперь сожгут тебя вместе со мной, потому что я тоже не могу тебя покинуть.
You're all I've got left."	Ты - последнее, что у меня есть".
With the decision, some of her fear fell away and there remained only a congealed feeling in her breast, as if all hope and fear had frozen.	И когда решение было принято, страх сразу куда-то отступил, и осталось только леденящее чувство в груди, словно страх и погибшие надежды застыли там холодным сгустком.

As she stood there, she heard from the avenue the sound of many horses' feet, the jingle of bridle bits and sabers rattling in scabbards and a harsh voice crying a command:	Так она продолжала стоять, пока не услышала стук копыт на подъездной аллее, позвякивание уздечек и резкий голос, отдающий команду:
"Dismount!"	- Спешиться!
Swiftly she bent to the child beside her and her voice was urgent but oddly gentle.	Тогда, быстро наклонившись к ребенку, прижавшемуся к ее ногам, она проговорила настойчиво, но необычно для нее мягко и нежно:
"Turn me loose, Wade, honey!	- Отпусти мою юбку, Уэйд, сыночек!

You run down the stairs quick and through the back yard toward the swamp. Mammy will be there and Aunt Melly.	Беги скорей вниз и через задний двор к болоту -там Мамушка и тетя Мелли.
Run quickly, darling, and don't be afraid."	Беги скорей, милый, и ничего не бойся.
At the change in her tone, the boy looked up and Scarlett was appalled at the look in his eyes, like a baby rabbit in a trap.	Услышав эти, такие непривычно ласковые слова, Уэйд поднял голову, и Скарлетт ужаснулась, увидев его глаза - глаза кролика, попавшего в силок.
"Oh, Mother of God!" she prayed.	"О, матерь божия! - взмолилась она.
"Don't let him have a convulsion!	- Не допусти его до припадка!

Not-not before the Yankees.	Нет, нет, только не перед янки!
They mustn't know we are afraid."	Они не должны знать, что мы их боимся!"
And, as the child only gripped her skirt the tighter, she said clearly:	И, чувствуя, как Уэйд лишь крепче вцепился в ее подол, произнесла твердо:
"Be a little man, Wade.	- Будь мужчиной, малыш.
They're only a passel of damn Yankees!"	Подумаешь, свора проклятых янки!
And she went down the steps to meet them.	И она стала спускаться с лестницы им навстречу.
Sherman was marching through Georgia, from Atlanta to the sea.	Шерман вел свои войска через Джорджию от Атланты к морю.

Behind him lay the smoking ruins of Atlanta to which the torch had been set as the blue army tramped out.	Позади лежали дымящиеся руины Атланты: покидая город, синие мундиры предали его огню.
Before him lay three hundred miles of territory virtually undefended save by a few state militia and the old men and young boys of the Home Guard.	Впереди на триста миль простиралась ставшая по существу беззащитной полоса земля, ибо остатки милиции и старики и подростки из войск внутреннего охранения явно в счет не могли.
Here lay the fertile state, dotted with plantations, sheltering the women and children, the very old and the negroes.	Впереди лежали плодородные земли - плантации, служившие приютом женщинам, детям, старикам, неграм.

In a swath eighty miles wide the Yankees were looting and burning.	Янки шли, прочесывая пространства шириной в восемьдесят миль, все сжигая по дороге грабя.
There were hundreds of homes in flames, hundreds of homes resounding with their footsteps.	Сотни домов стояли объятые пламенем, в сотнях домов раздавался стук сапог.
But, to Scarlett, watching the bluecoats pour into the front hall, it was not a countrywide affair.	Но Скарлетт, глядя, как синие мундиры заполняют холл, не думала о том, что такова участь всего края.
It was entirely personal, a malicious action aimed directly at her and hers.	Для нее это было чисто личное дело - злодеяние, направленное умышленно против нее и ее близких.

She stood at the foot of the stairs, the baby in her arms, Wade pressed tightly against her, his head hidden in her skirts as the Yankees swarmed through the house, pushing roughly past her up the stairs, dragging furniture onto the front porch, running bayonets and knives into upholstery and digging inside for concealed valuables.	Когда янки ввалились в дом, она стояла в холле возле лестницы, держа на руках младенца, а из складок юбки торчала головка Уэйда, прижавшегося к ее ногам. Одни солдаты, толкая друг друга, бросились вверх во лестнице, другие стали вытаскивать мебель на крыльце вспарывать штыками и ножами обивку кресел, ища спрятанные драгоценности.
Upstairs they were ripping open mattresses and feather beds until the air in the hall was thick with feathers that floated softly down on her head.	Наверху они тоже вспарывали тюфяки и перины, я вскоре в воздухе замелькали, поплыли пушинки и стали, кружась, мягко опускаться на пол, на волосы Скарлетт.

Impotent rage quelled what little fear was left in her heart as she stood helpless while they plundered and stole and ruined.	И бессильная ярость заглушала остатки страха в ее сердце, когда она беспомощно глядела, как вокруг, нее грабят и рушат.
The sergeant in charge was a bow-legged, grizzled little man with a large wad of tobacco in his cheek. He reached Scarlett before any of his men and, spitting freely on the floor and her skirts, said briefly:	Сержант - кривоногий, маленький, седоватый, с куском жевательного табака за щекой - подошел к Скарлетт, опередив своих солдат, смачно сплюнул на пол и частично ей на подол и сказал:
"Lemme have what you got in yore hand, lady."	- Дайте-ка сюда, что это тут у вас, барышня.

She had forgotten the trinkets she had intended to hide and, with a sneer which she hoped was as eloquent as that pictured on Grandma Robillard's face, she flung the articles to the floor and almost enjoyed the rapacious scramble that ensued.	Она забыла, что все еще держит в руке безделушки, которые хотела спрятать, я с усмешкой - достаточно презрительной, как казалось ей, чтобы не посрамить бабушки Робийяр, - швырнула их на пол, и последовавшая из-за них алчная схватка солдатни доставила ей своего рода злорадное удовольствие.
"I'll trouble you for thet ring and them earbobs."	- Еще, если позволите, вот это колечко и сережки.

Scarlett tucked the baby more securely under her arm so that he hung face downward, crimson and screaming, and removed the garnet earrings which had been Gerald's wedding present to Ellen.	Скарлетт покрепче зажала младенца под мышкой, так что он оказался вниз лицом, отчего стал пунцовым и пронзительно завизжал, и отстегнула свадебный подарок Джералда - гранатовые серьги Эллин.
Then she stripped off the large sapphire solitaire which Charles had given her as an engagement ring.	Потом сняла с пальца кольцо с большим сапфиром - подарок Чарльза в день помолвки.
"Don't throw um.	- Не бросайте.
Hand um to me," said the sergeant, putting out his hands.	Давайте их сюда, - сказал сержант, протягивая руку.

"Them bastards got enough already.	- Эти шельмы уже хорошо успели поживиться.
What else have you got?"	Ну, что у вас есть еще?
His eyes went over her basque sharply.	- Его зоркий взгляд скользнул по ее корсажу.
For a moment Scarlett went faint, already feeling rough hands thrusting themselves into her bosom, fumbling at her garters.	На мгновение у Скарлетт остановилось сердце. Она уже чувствовала, как грубые руки касаются ее груди, распускают шнуровку.
"That is all, but I suppose it is customary to strip your victims?"	- Больше у меня ничего нет, но у вас, кажется, положено обыскивать свои жертвы?

"Oh, I'll take your word," said the sergeant good-naturedly, spitting again as he turned away.	- Ладно, поверю вам на слово, - добродушно ответил сержант и отвернулся, сплюнув еще разок.
Scarlett righted the baby and tried to soothe him, holding her hand over the place on the diaper where the wallet was hidden, thanking God that Melanie had a baby and that baby had a diaper.	Скарлетт вернула ребенка в нормальное положение и стала успокаивать его, покачивая; рука ее нащупала припеленутый бумажник, и она возблагодарила бога за то, что у Мелани есть ребенок, а у ребенка - пеленки.

Upstairs she could hear heavy boots trampling, the protesting screech of furniture pulled across the floor, the crashing of china and mirrors, the curses when nothing of value appeared.	В верхних комнатах слышен был топот сапог, негодующий скрип передвигаемой мебели, звон разбиваемого фарфора я зеркал, грубая брань, изрыгаемая, когда ничего не удавалось обнаружить.
From the yard came loud cries:	С заднего двора неслись громкие кряки:
"Head um off!	- Гони их сюда!
Don't let um get away!" and the despairing squawks of the hens and quacking and honking of the ducks and geese.	Не упусти! - И отчаянное кудахтанье кур, кряканье уток и гогот гусей.

A pang went through her as she heard an agonized squealing which was suddenly stilled by a pistol shot and she knew that the sow was dead.	Скарлетт вся сжалась, словно от боли, когда услышала неистовый визг резко оборвавший его выстрел, я поняла, что свинью убили.
Damn Prissy!	Черт бы побрал Присси!
She had run off and left her.	Она убежала и бросила свинью.
If only the shoats were safe!	Хоть бы уж поросята уцелели!
If only the family had gotten safely to the swamp!	Только бы все благополучно добрались до болота!
But there was no way of knowing.	Но ничего же ведь не известно.

She stood quietly in the hall while the soldiers boiled about her, shouting and cursing.	Она недвижно стояла в холле, а мимо нее с криком, с руганью бегали солдаты.
Wade's fingers were in her skirt in a terrified grip.	Уэйд не разжимал вцепившихся в ее юбку скрюченных от страха пальчиков.
She could feel his body shaking as he pressed against her but she could not bring herself to speak reassuringly to him.	Она чувствовала, как он дрожит всем телом, прижимаясь к ней, но не могла заставить себя поговорить с ним, успокоить его.
She could not bring herself to utter any word to the Yankees, either of pleading, protest or anger.	Не могла заставить себя произвести ни слова, не могла обрушиться на янки ни с гневом, ни с мольбами, ни с угрозами.

She could only thank God that her knees still had the strength to support her, that her neck was still strong enough to hold her head high.	Могла только благодарить бога за то, что хотя еще держат ее и у нее хватает сил стоять с высоко поднятой головой.
But when a squad of bearded men came lumbering down the steps, laden with an assortment of stolen articles and she saw Charles' sword in the hands of one, she did cry out.	Но когда кучка бородатых солдат с грохотом спустилась по лестнице, таща награбленное добро, какое подвернулось им под руку, и она увидела в руках одного из них саблю Чарльза, с губ ее против воли сорвался кряк.
That sword was Wade's.	Эта сабля принадлежала теперь Уэйду.

It had been his father's and his grandfather's sword and Scarlett had given it to the little boy on his last birthday.	Это была сабля его отца, а прежде - деда, и Скарлетт подарила ее сыну в этом году в день его рождения.
They had made quite a ceremony of it and Melanie had cried, cried with tears of pride and sorrowful memory, and kissed him and said he must grow up to be a brave soldier like his father and his grandfather.	Они устроили тогда маленькую торжественную церемонию, и Мелани расплакалась - от гордости, от умиления, от грустных воспоминаний, -поцеловала Уэйда я сказала, что он должен вырасти храбрым солдатом, как его отец и дедушка.

Wade was very proud of it and often climbed upon the table beneath where it hung to pat it.	Уэйд очень гордился этим подарком и ча- стенько залезал на стол, над которым висела на стене сабля, чтобы погла- дить ее.
Scarlett could endure seeing her own possessions going out of the house in hateful alien hands but not this-not her little boy's pride.	Скарлетт нашла в себе силы молча смотреть на то, как чужие, нена- вистные руки выносят из дома принадлежащие ей вещи, любые вещи, но только не это - не пред- мет гордости ее малень- кого сынишки.
Wade, peering from the protection of her skirts at the sound of her cry, found speech and courage in a mighty sob. Stretching out one hand he cried:	Уэйд, выглядывавший из-за юбок, услыхал ее крик, обрел голос и от- вагу и громко, горестно всхлипнул, указывая ру- чонкой на саблю:

"Mine!"	- Моя!
"You can't take that!" said Scarlett swiftly, holding out her hand too.	- Этого вы не можете взять! - решительно сказала Скарлетт, протягивая к сабле руку.
"I can't, hey?" said the little soldier who held it, grinning impudently at her.	- Не могу? Вот как? - произнес невысокий солдат, державший саблю, и нагловато ухмыльнулся ей в лицо.
"Well, I can!	- Еще как могу!
It's a Rebel sword!"	Это сабля мятежника!
"It's-it's not.	- Нет.., нет.
It's a Mexican War sword.	Она сохранилась с Мексиканской войны.
You can't take it. It's my little boy's.	Вы не имеете права ее брать - это сабля моего маленького сына.

It was his grandfather's!	Она принадлежала его деду.
Oh, Captain," she cried, turning to the sergeant, "please make him give it to me!"	О, капитан! - воскликнула Скарлетт, оборачиваясь к сержанту. - Пожалуйста, прикажите вашему солдату вернуть мне саблю.
The sergeant, pleased at his promotion, stepped forward.	Сержант, довольный неожиданным повышением в чине, шагнул вперед.
"Lemme see thet sword, Bub," he said.	- Дай-ка мне глянуть на эту саблю, Боб, - сказал он.
Reluctantly, the little trooper handed it to him.	Невысокий солдат нехотя протянул ему саблю.
"It's got a solid-gold hilt," he said.	- Тут эфес из чистого золота, - сказал он.

The sergeant turned it in his hand, held the hilt up to the sunlight to read the engraved inscription.	Сержант повертел саблю в руках, луч солнца упал на эфес, на выгравированную на нем надпись, и он громко прочел ее вслух:

"'To Colonel William R.	- "Полковнику Уильяму Р.
Hamilton,'" he deciphered. "'From His Staff.	Гамильтону. От штаба полка.
For Gallantry.	За храбрость.
Buena Vista.	Буэна-Виста.
1847."	1847".
"Ho, lady," he said,	- Ого! - воскликнул сержант.
"I was at Buena Vista myself."	- Я сам дрался при Буэна-Виста, леди.

"Indeed," said Scarlett icily.	- Да ну? - холодно произнесла Скарлетт.
"Was I?	- А как же!
Thet was hot fightin', lemme tell you.	Жаркое было дело, доложу я вам.
I ain't seen such hot fightin' in this war as we seen in thet one.	В эту войну я таких схваток не видал, как в ту.
So this sword was this little tyke's grandaddy's?"	Так эта сабля принадлежала деду этого мальца?
"Yes."	- Да.

"Well, he can have it," said the sergeant, who was satisfied enough with the jewelry and trinkets tied up in his handkerchief.	- Ну, пусть она останется у него, - сказал сержант, удовлетворенный доставшимися ему драгоценностями и безделушками, которые он увязал в носовой платок.
"But it's got a solid-gold hilt," insisted the little trooper.	- Но эфес же из чистого золота, - никак не мог успокоиться солдат-коротышка.
"We'll leave her thet to remember us by," grinned the sergeant.	- Мы оставим ей эту саблю на память о нас, -усмехнулся сержант.
Scarlett took the sword, not even saying "Thank you."	Скарлетт взяла у него саблю, даже не поблагодарив.

Why should she thank these thieves for returning her own property to her?	Почему она должна благодарить этих грабителей, если они возвращают ей ее собственность?
She held the sword against her while the little cavalryman argued and wrangled with the sergeant.	Она стояла, прижав саблю к груди, а кавалерист-коротышка все еще спорил и пререкался с сержантом.

"By God, I'll give these damn Rebels something to remember me by," shouted the private finally when the sergeant, losing his good nature, told him to go to hell and not talk back.	- Ну, черт побери, эти проклятые мятежники еще меня попомнят! - выкрикнул под конец солдат, когда сержант, потеряв терпение, сказал, чтобы он перестал ему перечить и проваливал ко всем чертям.
The little man went charging toward the back of the house and Scarlett breathed more easily.	Солдат отправился шарить по задним комнатам, а Скарлетт с облегчением перевела дух.
They had said nothing about burning the house.	Янки ни словом не обмолвились о том, чтобы сжечь дом.

They hadn't told her to leave so they could fire it.	Не сказали ей убираться вон, пока они его не подожгли.

Perhaps-perhaps-The men came rambling into the hall from the upstairs and the out of doors.	Быть может.., быть может... Солдаты продолжали собираться в холле - одни спускались из верхних комнат, другие входили со двора.
"Anything?" questioned the sergeant.	- Есть что-нибудь? - спросил сержант.
"One hog and a few chickens and ducks."	- Одна свинья, несколько кур и уток.
"Some corn and a few yams and beans.	- Немного кукурузы, ямса и бобов.

That wildcat we saw on the horse must have given the alarm, all right."	Эта дикая кошка верхом на лошади, которую мы видели на дороге, успела их тут предупредить, будьте уверены.
"Regular Paul Revere, eh?"	- Рядовой Пол Ривер, что у тебя?
"Well, there ain't much here, Sarge.	- Да почти что ничего, сержант.
You got the pickin's.	Нам остались одни объедки.
Let's move on before the whole country gets the news we're comin'."	Поехали быстрей дальше, пока вся округа не прознала, что мы здесь.
"Didja dig under the smokehouse?	- А ты смотрел под коптильней?
They generally buries things there."	Они обычно там все закапывают.

"Ain't no smokehouse."	- Да нет тут коптильни.
"Didja dig in the nigger cabins?"	- А в хижинах негров пошарил?
"Nothin' but cotton in the cabins.	- Там ничего, окромя хлопка.
We set fire to it."	Мы его подожгли.
For a brief instant Scarlett saw the long hot days in the cotton field, felt again the terrible ache in her back, the raw bruised flesh of her shoulders.	Скарлетт мгновенно припомнились долгие дни на хлопковом поле под палящим солнцем, невыносимая боль в пояснице, натертые плечи... Все понапрасну.
All for nothing. The cotton was gone.	Хлопка больше не было.

"You ain't got much, for a fac', have you, lady?"	- Чтой-то у вас нет ничего, а, леди?
"Your army has been here before," she said coolly.	- Ваши солдаты уже побывали здесь до вас, -холодно сказала Скарлетт.
"That's a fac'.	- Верно.
We were in this neighborhood in September," said one of the men, turning something in his hand.	Мы тоже были в этих краях еще в сентябре, -сказал один из солдат, вертя что-то в пальцах.
"I'd forgot."	- А я и позабыл.
Scarlett saw it was Ellen's gold thimble that he held.	Скарлетт увидела, что он разглядывает золотой наперсток Эллин.

How often she had seen it gleaming in and out of Ellen's fancy work.	Как часто поблескивал он на пальце Эллин, занятой рукодельем!
The sight of it brought back too many hurting memories of the slender hand which had worn it.	Вид наперстка воскресил рой мучительных воспоминаний о тонких бледных руках с этим наперстком на пальце.

There it lay in this stranger's calloused dirty palm and soon it would find its way North and onto the finger of some Yankee woman who would be proud to wear stolen things. Ellen's thimble!	А теперь он лежал на грязной, мозолистой ладони этого чужого человека и скоро отправится в путь на север, где какая-нибудь янки будет щеголять этой краденой вещью - наперстком Эллин!

Scarlett dropped her head so the enemy could not see her cry and the tears fell slowly down on the baby's head.	Скарлетт опустила голову, чтобы враги не увидели ее слез, и они тихонько покатились по щекам и закапали на личико младенца.
Through the blur, she saw the men moving toward the doorway, heard the sergeant calling commands in a loud rough voice.	Сквозь застилавшую глаза пелену она видела, как солдаты двинулись к выходу, слышала, как сержант громким, хриплым голосом отдавал команду.
They were going and Tara was safe, but with the pain of Ellen's memory on her, she was hardly glad.	Янки уходили, дом остался цел, но истерзанная воспоминаниями об Эллин Скарлетт уже не находила в себе сил радоваться.

The sound of the banging sabers and horses' hooves brought little relief and she stood, suddenly weak and nerveless, as they moved off down the avenue, every man laden with stolen goods, clothing, blankets, pictures, hens and ducks, the sow.	Удалявшееся позвякивание сабель и стук копыт не принесли ей облегчения, и она стояла, совсем вдруг обессилев, равнодушная ко всему, и слышала, как они отъезжают, нагрузившись краденым, - увозят одежду, одеяла, картины, кур, уток, свинью...
Then to her nostrils was borne the smell of smoke and she turned, too weak with lessening strain, to care about the cotton.	Потом в носу у нее защекотало от дыма и запаха гари, и она безучастно обернулась: ей уже не было дела до хлопка, страшное напряжение сменилось апатией.

Through the open windows of the dining room, she saw smoke drifting lazily out of the negro cabins.	В открытые окна столовой она видела дым, медленно ползущий из негритянских хижин.
There went the cotton.	Это разлетался по ветру хлопок.
There went the tax money and part of the money which was to see them through this bitter winter.	Это разлетались по ветру деньги, которые должны были пойти в уплату налогов и прокормить их в зимние холода.
There was nothing she could do about it either, except watch.	А ей оставалось только смотреть, как они тают, спасти их она не могла.
She had seen fires in cotton before and she knew how difficult they were to put out, even with many men laboring at it.	Ей доводилось видеть и раньше, как горит хлопок, и она знала - справиться с этим огнем нелегко, даже если за дело берутся мужчины.

Thank God, the quarters were so far from the house!	Хорошо еще, что хижи- ны расположены вдали от дома.
Thank God, there was no wind today to carry sparks to the roof of Tara!	И хорошо еще, что нет ветра: ни одна искра не долетит до крыши.
Suddenly she swung about, rigid as a pointer, and stared with horror- struck eyes down the hall, down the covered passageway toward the kitchen.	Внезапно она оберну- лась и замерла; все тело ее напряглось, словно у пойнтера, делающего стойку. Расширенными от ужаса глазами она смотрела в глубь крыто- го перехода, ведущего в кухню.
There was smoke coming from the kitchen!	Из кухни тянуло дымом!

Somewhere between the hall and the kitchen, she laid the baby down.	На бегу, где-то между холлом и кухней, она положила младенца на пол.

Somewhere she flung off Wade's grip, slinging him against the wall.	Вырвалась из цепких ручонок Уэйда, отпихнув его к стене, вбежала в полную дыма кухню и попятилась, сразу закашлявшись.
She burst into the smoke-filled kitchen and reeled back, coughing, her eyes streaming tears from the smoke.	Дым ел глаза, и слезы потекли у нее по щекам.
Again she plunged in, her skirt held over her nose.	Но она ринулась вперед, прикрыв нос и рот подолом юбки.

The room was dark, lit as it was by one small window, and so thick with smoke that she was blinded, but she could hear the hiss and crackle of flames.	В кухне, слабо освещенной одним маленьким оконцем, ничего нельзя было разглядеть из-за густых клубов дыма, но Скарлетт услышала шипение и потрескивание огня.
Dashing a hand across her eyes, she peered squinting and saw thin lines of flame creeping across the kitchen floor, toward the walls.	Прищурившись, прикрывая глаза рукой, она всматривалась в дымовую завесу и увидела языки пламени, расползавшиеся по полу, ползущие к стенам.

Someone had scattered the blazing logs in the open fireplace across the whole room and the tinder-dry pine floor was sucking in the flames and spewing them up like water.	Кто-то вытащил из топившегося очага горящие поленья, разбросал их по всей кухне, и сухой, как трут, сосновый пол мгновенно занялся, заглатывая огонь, как воду.
Back she rushed to the dining room and snatched a rag rug from the floor, spilling two chairs with a crash.	Скарлетт метнулась обратно в столовую и схватила ковер, с грохотом опрокинув при этом два стула.
"I'll never beat it out-never, never!	"Мне же нипочем не затушить пожара... Нипочем, нипочем!
Oh, God, if only there was someone to help!	О господи, если бы кто-нибудь помог!

Tara is gone-gone!	Пропал дом.., пропал!
Oh, God!	О боже мой, боже мой!
This was what that little wretch meant when he said he'd give me something to remember him by!	Вот что этот коротконогий мерзавец держал на уме, когда сказал, что мы его еще попомним!
Oh, if I'd only let him have the sword!"	Ах, зачем я не отдала ему сабли!"
In the hallway she passed her son lying in the corner with his sword.	Пробегая по переходу, она заметила своего сынишку - он забился в угол, прижимая к себе саблю.
His eyes were closed and his face had a look of slack, unearthly peace.	Глаза у него были закрыты и личико застыло в каком-то расслабленном, неестественном покое.
"My God!	"Господи!

He's dead!	Он умер!
They've frightened him to death!" she thought in agony but she raced by him to the bucket of drinking water which always stood in the passageway by the kitchen door.	Умер от страха!" - промелькнула у нее порожденная отчаянием мысль, но она побежала дальше - в конец перехода, где возле кухонной двери всегда стояла бадья с питьевой водой.
She soused the end of the rug into the bucket and drawing a deep breath plunged again into the smoke-filled room slamming the door behind her.	Она сунула ковер в бадью и, набрав побольше воздуха в легкие, ринулась снова в темную от дыма кухню, плотно захлопнув за собой дверь.

For an eternity she reeled and coughed, beating the rug against the lines of fire that shot swiftly beyond her.	Целую, как ей показалось, вечность она, кашляя, задыхаясь, кружилась по кухне. Била и била мокрым ковром по струйкам огня, змеившимся вокруг нее.
Twice her long skirt took fire and she slapped it out with her hands.	Дважды загорался подол ее длинной юбки, и она тушила его голыми руками.
She could smell the sickening smell of her hair scorching, as it came loose from its pins and swept about her shoulders.	Ее одурял тошнотворный запах паленых волос, выпавших из прически вместе со шпильками и рассыпавшихся по плечам.

The flames raced ever beyond her, toward the walls of the covered runway, fiery snakes that writhed and leaped and, exhaustion sweeping her, she knew that it was hopeless.	Но куда бы она ни повернулась, языки пламени тотчас взвивались у нее за спиной, все ближе и ближе к стенам, к крытому переходу, ведущему в дом. Огненные змейки вились, плясали вокруг нее, и, теряя силы, она понимала, что все ее усилия тщетны.
Then the door swung open and the sucking draft flung the flames higher.	Отворилась дверь, и ворвавшийся поток воздуха сильнее раздул пламя.
It closed with a bang and, in the swirling smoke, Scarlett, half blind, saw Melanie, stamping her feet on the flames, beating at them with something dark and heavy.	Дверь со стуком захлопнулась, и в водовороте дыма Скарлетт, полуослепшая от слез, увидела Мелани: она затаптывала ногами огонь и колотила по горящему полу чем-то темным и тяжелым.

She saw her staggering, heard her coughing, caught a lightning- flash glimpse of her set white face and eyes narrow to slits against the smoke, saw her small body curving back and forth as she swung her rug up and down.	Скарлетт видела, как ее шатает, слышала ее кашель, на мгновение сквозь серую пелену проглянуло ее бледное, напряженное лицо с за- жмуренными от дыма глазами.
For another eternity they fought and swayed, side by side, and Scarlett could see that the lines of fire were shortening.	Протекла еще целая веч- ность, пока они вдвоем, бок о бок, боролись с ог- нем, и наконец Скарлетт стала замечать, что ог- ненных змей становится меньше, что они слабе- ют.

Then suddenly Melanie turned toward her and, with a cry, hit her across the shoulders with all her might.	И тут Мелани неожиданно повернулась к ней, вскрикнула и со всей силы ударила ее ковром по спине.
Scarlett went down in a whirlwind of smoke and darkness.	Скарлетт покачнулась и полетела куда-то в дымный мрак.
When she opened her eyes she was lying on the back porch, her head pillowed comfortably on Melanie's lap, and the afternoon sunlight was shining on her face.	Открыв глаза, она увидела, что лежит на заднем крыльце, голова ее покоится на коленях у Мелани, и лучи послеполуденного солнца заливают ей лицо.
Her hands, face and shoulders smarted intolerably from burns.	Руки, лицо, плечи нестерпимо жгло.

Smoke was still rolling from the quarters, enveloping the cabins in thick clouds, and the smell of burning cotton was strong.	Хижины негров все еще были окутаны клубами дыма, дым продолжал обволакивать все вокруг, и в воздухе стоял удушливый запах горелого хлопка.
Scarlett saw wisps of smoke drifting from the kitchen and she stirred frantically to rise. But she was pushed back as Melanie's calm voice said:	Скарлетт увидела клочья дыма, выползавшие из кухни, и вскочила было, порываясь броситься туда, но Мелани удержала ее, сказав спокойно:

"Lie still, dear.	- Лежи тихо, дорогая.
The fire's out."	Пожар потушен.

She lay quiet for a moment, eyes closed, sighing with relief, and heard the slobbery gurgle of the baby near by and the reassuring sound of Wade's hiccoughing.	С минуту она лежала неподвижно, закрыв глаза, с облегчением дыша, и слышала где-то рядом мирное посапывание Бо и привычную для уха икоту Уэйда.
So he wasn't dead, thank God!	Значит, он жив, слава тебе господи!
She opened her eyes and looked up into Melanie's face.	Она открыла глаза и поглядела на Мелани.
Her curls were singed, her face black with smut but her eyes were sparkling with excitement and she was smiling.	Волосы у нее опалило огнем, лицо было черным от сажи, но глаза возбужденно сверкали, и она улыбалась.

"You look like a nigger," murmured Scarlett, burrowing her head wearily into its soft pillow.	- Ты похожа на негритянку, - пробормотала Скарлетт, устало зарываясь глубже головой в то, что служило ей подушкой.
"And you look like the end man in a minstrel show," replied Melanie equably.	- А ты - на персонаж из "Минстрел шоу". note 9
"Why did you have to hit me?"	- Зачем ты меня ударила?
"Because, my darling, your back was on fire.	- Затем, моя дорогая, что у тебя все платье на спине занялось.

I didn't dream you'd faint, though the Lord knows you've had enough today to kill you... I came back as soon as I got the stock safe in the woods. I nearly died, thinking about you and the baby alone.	Я не думала, что ты потеряешь сознание, хотя, видит бог, ты столько сегодня натерпелась, что можно было и на тот свет отправиться... Я побежала домой, как только привязала в лесу наших животных, и чуть не умерла со страху, думая о том, что ты с малюткой осталась здесь одна.
Did-the Yankees harm you?"	Эти.., янки не обидели тебя?
"If you mean did they rape me, no," said Scarlett, groaning as she tried to sit up.	- Ты хочешь сказать: не обесчестили ли они меня? Нет, - заверила ее Скарлетт и застонала, попытавшись сесть.

Though Melanie's lap was soft, the porch on which she was lying was far from comfortable.	Если голова ее покоилась относительно удобно -на коленях Мелани, то телу лежать на полу было далеко не так приятно.
"But they've stolen everything, everything.	- Но они украли все, все.
We've lost everything- Well, what is there to look so happy about?"	У нас ничего больше нет... Интересно, чему это ты так радуешься?
"We haven't lost each other and our babies are all right and we have a roof over our heads," said Melanie and there was a lilt in her voice.	- Мы не потеряли друг друга и наших детей, и у нас есть крыша над головой, - сказала Мелани, и голос ее звучал радостно и звонко.

"And that's all anyone can hope for now... Goodness but Beau is wet!	- О большем в наши дни не приходится и мечтать... Господи, Бо, кажется, лежит мокрый!
I suppose the Yankees even stole his extra diapers.	А янки, верно, прихватили заодно и пеленки?
He-Scarlett, what on earth is in his diaper?"	Ой, Скарлетт! Что это у него тут?

She thrust a suddenly frightened hand down the baby's back and brought up the wallet.	Она испуганно сунула руку под пеленку и извлекла оттуда бумажник.

For a moment she looked at it as if she had never seen it before and then she began to laugh, peal on peal of mirth that had in it no hint of hysteria.	С минуту она так смотрела на него, словно видела этот предмет впервые, потом расхохоталась -неудержимо, почти истерически.
"Nobody but you would ever have thought of it," she cried and flinging her arms around Scarlett's neck she kissed her.	- Ни один человек на свете, кроме тебя, не мог бы до этого додуматься! - воскликнула она и, обвив руками шею Скарлетт, поцеловала ее.
"You are the beatenest sister I ever had!"	- Ты самое поразительное существо на свете, ни у кого нет такой сестры, как ты.

Scarlett permitted the embrace because she was too tired to struggle, because the words of praise brought balm to her spirit and because, in the dark smoke-filled kitchen, there had been born a greater respect for her sister-in-law, a closer feeling of comradeship.	Скарлетт не противилась этим объятиям: она была еле жива от усталости, похвала приятно льстила ее самолюбию, а потом - в сизой от дыма кухне - в ее душе укрепилось чувство уважения к золовке и зародилось нечто похожее на дружескую близость.
"I'll say this for her," she thought grudgingly, "she's always there when you need her."	"Одного у нее не отнимешь, - не могла не признаться себе Скарлетт, - когда нужна помощь, Мелани всегда тут как тут".
CHAPTER XXVIII	Глава 28
Cold weather set in abruptly with a killing frost.	Внезапно резко похолодало и наступили морозы.

Chilling winds swept beneath the doorsills and rattled the loose windowpanes with a monotonous tinkling sound.	Студеным ветром тянуло из-под всех дверей, и стекла, расшатавшиеся в рамах, монотонно дребезжали.
The last of the leaves fell from the bare trees and only the pines stood clothed, black and cold against pale skies.	С деревьев облетала последняя листва, и только сосны, не потеряв своего убранства, холодными, темными громадами высились на фоне бледного неба.
The rutted red roads were frozen to flintiness and hunger rode the winds through Georgia.	Изрытая колдобинами красная глина дорог обледенела, и голод простер свои крыла над Джорджией.
Scarlett recalled bitterly her conversation with Grandma Fontaine.	Скарлетт не без горечи вспоминала свой последний разговор с бабушкой Фонтейн.

On that afternoon two months ago, which now seemed years in the past, she had told the old lady she had already known the worst which could possibly happen to her, and she had spoken from the bottom of her heart.	В тот день - два месяца назад, - который, казалось, отодвинулся куда-то в далекое прошлое, она сказала старой даме - и сказала от чистого сердца, - что самое худшее уже позади.
Now that remark sounded like schoolgirl hyperbole.	Теперь это стало ребяческим преувеличением.

Before Sherman's men came through Tara the second time, she had her small riches of food and money, she had neighbors more fortunate than she and she had the cotton which would tide her over until spring.	Пока солдаты Шермана не прошли вторично через Тару, у нее еще были ее маленькие сокровища - немного продуктов и немного денег, были соседи, которым больше повезло, чем ей, и хлопок, который помог бы продержаться до весны.

Now the cotton was gone, the food was gone, the money was of no use to her, for there was no food to buy with it, and the neighbors were in worse plight than she.	Теперь не было ни хлопка, ни продуктов, деньги утратили свое значение, так как на них ничего нельзя купить, а соседи терпели не меньшую нужду, чем она.

At least, she had the cow and the calf, a few shoats and the horse, and the neighbors had nothing but the little they had been able to hide in the woods and bury in the ground.	У нее, на худой конец, все же осталась корова с теленком, лошадь и несколько поросят, а у соседей и того не было - всего какие-то крохи провизии, которые они успели зарыть или спрятать в лесу.
Fairhill, the Tarleton home, was burned to the foundations, and Mrs. Tarleton and the four girls were existing in the overseer's house.	Усадьбу Тарлтонов - Прекрасные Холмы - янки сожгли дотла, и миссис Тарлтон с четырьмя дочерьми переселилась в дом управляющего.
The Munroe house near Lovejoy was leveled too.	Дом Манро, расположенный в окрестностях Лавджоя, тоже сровняли с землей.

The wooden wing of Mimosa had burned and only the thick resistant stucco of the main house and the frenzied work of the Fontaine women and their slaves with wet blankets and quilts had saved it.	В Мимозе сгорело деревянное крыло дома, главная же часть здания уцелела благодаря толстой штукатурке и отчаянной борьбе с огнем, в которую вступили все женщины Фонтейн и негры.
The Calverts' house had again been spared, due to the intercession of Hilton, the Yankee overseer, but there was not a head of livestock, not a fowl, not an ear of corn left on the place.	Только усадьбу Калвертов янки пощадили и на этот раз: снова спасло вмешательство управляющего Хилтона, уроженца Севера, однако ни единой животины, ни единого початка кукурузы на плантации не осталось.

At Tara and throughout the County, the problem was food.	Перед Тарой, как и перед всей округой, стояла одна задача: как добыть еду?
Most of the families had nothing at all but the remains of their yam crops and their peanuts and such game as they could catch in the woods.	У большинства семей не было ничего, кроме остатков последнего урожая ямса и арахиса, да еще дичь, которую они приносили из лесу.
What they had, each shared with less fortunate friends, as they had done in more prosperous days.	И каждый делился всем, что у него было, с теми, у кого было еще меньше, как это делалось всегда в более благополучные времена.
But the time soon came when there was nothing to share.	Но очень скоро делиться стало нечем.

At Tara, they ate rabbit and possum and catfish, if Pork was lucky.	В дни, когда Порку сопутствовала удача, в Таре питались кроликами, или опоссумами, или зубаткой.
On other days a small amount of milk, hickory nuts, roasted acorns and yams.	В остальное время довольствовались капелькой молока, орехами гикори, жареными желудями и ямсом.
They were always hungry.	И чувство голода не покидало их никогда.
To Scarlett it seemed that at every turn she met outstretched hands, pleading eyes.	Скарлетт казалось, что она не может шагу ступить, чтобы не увидеть протянутые к ней руки, с мольбой устремленный на нее взгляд.

The sight of them drove her almost to madness, for she was as hungry as they.	И это сводило ее с ума, ведь она была голодна не меньше других.

She ordered the calf killed, because he drank so much of the precious milk, and that night everyone ate so much fresh veal all of them were ill.	Она приказала зарезать теленка, так как он поглощал слишком много драгоценного молока, и в этот вечер все в Таре заболели, объевшись парной телятиной.
She knew that she should kill one of the shoats but she put it off from day to day, hoping to raise them to maturity.	Скарлетт знала, что следует заколоть хотя бы одного поросенка, но все откладывала это и откладывала, надеясь вырастить из поросят полноценных свиней.
They were so small.	Поросята были еще такие крошечные.

There would be so little of them to eat if they were killed now and so much more if they could be saved a little longer.	Какой толк заколоть их сейчас - там и есть-то почти нечего; а если дать им подрасти, тогда совсем другое будет дело.
Nightly she debated with Melanie the advisability of sending Pork abroad on the horse with some greenbacks to try to buy food.	Ночь за ночью обсуждала она с Мелани, послать или не послать Порка верхом на лошади, дав ему денег, чтобы он попытался купить каких-нибудь продуктов.
But the fear that the horse might be captured and the money taken from Pork deterred them.	И все никак не могла на это решиться, боясь, что у него отнимут и лошадь и деньги.
They did not know where the Yankees were.	Никому же не было известно, где сейчас янки.

They might be a thousand miles away or only across the river.	Они могли быть за тысячу миль от Тары или за рекой.
Once, Scarlett, in desperation, started to ride out herself to search for food, but the hysterical outbursts of the whole family fearful of the Yankees made her abandon the plan.	Однажды Скарлетт, обуреваемая отчаянием, начала сама собираться в дорогу на поиски пропитания, но истерические вопли всех домочадцев заставили ее отказаться от своей затеи.
Pork foraged far, at times not coming home all night, and Scarlett did not ask him where he went.	Порк рыскал по окрестностям, порой забирался, как видно, далеко, так как возвращался только под утро, и Скарлетт не спрашивала его, где он пропадал.

Sometimes he returned with game, sometimes with a few ears of corn, a bag of dried peas.	Иногда он приносил дичь, иногда несколько початков кукурузы или мешок сухого гороха.
Once he brought home a rooster which he said he found in the woods.	Как-то раз притащил домой петуха и утверждал, что поймал его в лесу.
The family ate it with relish but a sense of guilt, knowing very well Pork had stolen it, as he had stolen the peas and corn.	Они с превеликим аппетитом, но и не без чувства вины прикончили этого петуха, ибо все отлично понимали: петуха Порк украл, так же как горох и кукурузу.

One night soon after this, he tapped on Scarlett's door long after the house was asleep and sheepishly exhibited a leg peppered with small shot.	Вскоре после этого как-то ночью он постучался к Скарлетт, когда весь дом уже спал, и смущенно показал ей свою ногу с порядочным зарядом дроби в икре.
As she bandaged it for him, he explained awkwardly that when attempting to get into a hen coop at Fayetteville, he had been discovered.	Пока она накладывала повязку, он сконфуженно объяснил, что его накрыли при попытке проникнуть в Фейетвилле в чей-то курятник.

Scarlett did not ask whose hen coop but patted Pork's shoulder gently, tears in her eyes.	Скарлетт не спросила, чей это был курятник, -только ласково потрепала Порка по плечу, и на глаза у нее навернулись слезы.

Negroes were provoking sometimes and stupid and lazy, but there was loyalty in them that money couldn't buy, a feeling of oneness with their white folks which made them risk their lives to keep food on the table.	Негры ужасно раздражали ее порой, но ведь такую преданность не купишь ни за какие деньги! Теперь все они - и белые и черные - стали как бы членами одной семьи, и негры могли рискнуть жизнью ради того, чтобы на столе для всех была еда.
In other days Pork's pilferings would have been a serious matter, probably calling for a whipping.	В другие времена к мелким кражам Порка следовало бы отнестись более серьезно, быть может, он даже заслуживал хорошей взбучки.
In other days she would have been forced at least to reprimand him severely.	В другие времена Скарлетт по меньшей мере должна была бы его строго отчитать.

"Always remember, dear," Ellen had said, "you are responsible for the moral as well as the physical welfare of the darkies God has intrusted to your care.	"Никогда не забывай, дорогая, - говорила Эллин, -что ты несешь ответственность не только за физическое, но и за нравственное здоровье черных рабов, которых бог вверил твоему попечению.
You must realize that they are like children and must be guarded from themselves like children, and you must always set them a good example."	Ты должна понимать, что они как дети и за ними нужен глаз да глаз, как за детьми, и ты обязана во всем подавать им хороший пример".
But now, Scarlett pushed that admonition into the back of her mind.	Но сейчас Скарлетт старалась не вспоминать о наставлениях Эллин.

That she was encouraging theft, and perhaps theft from people worse off than she, was no longer a matter for conscience.	Поощряя воровство, жертвами которого, быть может, становились люди, терпевшие еще большую нужду, чем она сама, Скарлетт не испытывала угрызений совести.
In fact the morals of the affair weighed lightly upon her.	Нравственная сторона этого поступка не тревожила ее.
Instead of punishment or reproof, she only regretted he had been shot.	Вместо того чтобы дать Порку взбучку или хотя бы усовестить его, она только пожалела, что в него угодили из дробовика.
"You must be more careful, Pork.	- Ты должен быть осторожнее, Порк.
We don't want to lose you.	Мы не хотим потерять тебя.

What would we do without you?	Что нам тогда делать?
You've been mighty good and faithful and when we get some money again, I'm going to buy you a big gold watch and engrave on it something out of the Bible.	Ты всегда был хорошим, преданным слугой, и когда мы снова раздобудем немножко денег, я куплю тебе большие золотые часы и велю выгравировать на них что-нибудь из Библии.
' Well done, good and faithful servant."	К примеру: "За верную и преданную службу".
Pork beamed under the praise and gingerly rubbed his bandaged leg.	Порк расплылся в довольной улыбке и потрогал свою забинтованную ногу.
"Dat soun' mighty fine, Miss Scarlett.	- До чего ж хорошо вы это сказали, мисс Скарлетт.

W'en you speckin' ter git dat money?"	А когда вы думаете раздобыть эти деньги?

"I don't know, Pork, but I'm going to get it some time, somehow."	- Не знаю, Порк, но так или иначе, я их непременно раздобуду.
She bent on him an unseeing glance that was so passionately bitter he stirred uneasily,	- Она смотрела на него невидящим взглядом, в котором была такая неистовая горечь и боль, что он беспокойно поежился.
"Some day, when this war is over, I'm going to have lots of money, and when I do I'll never be hungry or cold again.	- Когда-нибудь, после того как кончится война, у меня будет много, очень много денег, и я уже никогда больше не буду знать ни голода, ни холода.
None of us will ever be hungry or cold.	И никто из моих близких и слуг.

We'll all wear fine clothes and have fried chicken every day and-"	Мы все будем носить красивые платья, и каждый день есть жареных цыплят, и...
Then she stopped.	Она не договорила.
The strictest rule at Tara, one which she herself had made and which she rigidly enforced, was that no one should ever talk of the fine meals they had eaten in the past or what they would eat now, if they had the opportunity.	Одно из строжайших правил, установленных ею самой в Таре, за неукоснительным выполнением которого она неусыпно следила, гласило: никто и никогда не должен вспоминать про вкусные блюда, какие он когда-то едал, или мечтать вслух о том, что ему сейчас хотелось бы съесть, будь у него такая возможность.
Pork slipped from the room as she remained staring moodily into the distance.	Порк тихонько выскользнул из комнаты, а она все еще стояла, хмуро глядя в пространство.

In the old days, now dead and gone, life had been so complex, so full of intricate and complicated problems.	В те, прежние, безвозвратно канувшие в прошлое времена жизнь была так разнообразна, так полна сложных, волнующих проблем!
There had been the problem of trying to win Ashley's love and trying to keep a dozen other beaux dangling and unhappy.	Как завоевать любовь Эшли, не потеряв ни одного из поклонников, как заставить их по-прежнему ходить за нею по пятам с убитым видом?

There had been small breaches of conduct to be concealed from her elders, jealous girls to be flouted or placated, styles of dresses and materials to be chosen, different coiffures to be tried and, oh, so many, many other matters to be decided!	Как скрыть от старших маленькие погрешности по части приличий? Как поддразнить или задобрить ревнивых подружек, какую материю выбрать на платье и каким фасоном сшить, какой прическе отдать предпочтение... О, сколько еще всевозможных задач, которые необходимо было решить!
Now life was so amazingly simple.	Теперь жизнь удивительно упростилась.

Now all that mattered was food enough to keep off starvation, clothing enough to prevent freezing and a roof overhead which did not leak too much.	Теперь важно было только иметь достаточно пищи, чтобы не умереть с голоду, достаточно одежды, чтобы не окоченеть от холода, да крышу над головой, которая не слишком бы сильно протекала.
It was during these days that Scarlett dreamed and dreamed again the nightmare which was to haunt her for years.	В эти дни Скарлетт впервые начал посещать кошмар, преследовавший ее потом долгие годы.

It was always the same dream, the details never varied, but the terror of it mounted each time it came to her and the fear of experiencing it again troubled even her waking hours.	Это всегда был один и тот же сон, ничто в нем не менялось, только страх от раза к разу возрастал и даже в часы бодрствования мучил ее ожиданием ночи, когда кошмар повторится снова.

She remembered so well the incidents of the day when she had first dreamed it.	Ей глубоко запали в память все события того дня, которые предшествовали этому кошмару.
Cold rain had fallen for days and the house was chill with drafts and dampness.	Холодные дожди шли уже неделю, и дом продувало насквозь сырыми сквозняками.

The logs in the fireplace were wet and smoky and gave little heat.	Мокрые поленья в камине дымили, не давая тепла.
There had been nothing to eat except milk since breakfast, for the yams were exhausted and Pork's snares and fishlines had yielded nothing.	С утра в доме уже не было никакой еды, кроме молока, так как запасы ямса иссякли, а силки и удочки Порка не принесли на сей раз добычи.
One of the shoats would have to be killed the next day if they were to eat at all.	На следующий день предстояло заколоть одного из поросят, иначе все в доме опять останутся без еды.
Strained and hungry faces, black and white, were staring at her, mutely asking her to provide food.	Истощенные, голодные лица - белые и черные -смотрели на Скарлетт изо всех углов, безмолвно взывая о пище.

She would have to risk losing the horse and send Pork out to buy something.	Было ясно, что придется, рискуя потерей лошади, послать Порка купить продуктов.
And to make matters worse, Wade was ill with a sore throat and a raging fever and there was neither doctor nor medicine for him.	И к довершению всех несчастий Уэйд лежал в жару и жаловался на боль в горле, а ни доктора, ни лекарств не было.
Hungry, weary with watching her child, Scarlett left him to Melanie's care for a while and lay down on her bed to nap.	Г олодная, измученная, Скарлетт отлучилась ненадолго от посмели Уэйда, предоставив его заботам Мелани, и прилегла вздремнуть.
Her feet icy, she twisted and turned, unable to sleep, weighed down with fear and despair.	Раздираемая страхом и отчаянием, она ворочалась с боку на бок, чувствуя, как заледенели у нее ноги, и напрасно стараясь уснуть.

Again and again, she thought:	Одна и та же мысль без конца сверлила мозг:
"What shall I do?	"Что же мне делать?
Where shall I turn?	Куда броситься?
Isn't there anybody in the world who can help me?"	Неужели на всем свете нет никого, кто бы мне помог?"
Where had all the security of the world gone?	Как могло сразу рухнуть все, что казалось таким надежным, таким прочным?
Why wasn't there someone, some strong wise person to take the burdens from her?	Почему нет возле нее какого-нибудь сильного мудрого человека, который снял бы с ее плеч эту ношу?
She wasn't made to carry them.	Она не в силах больше ее тащить.

She did not know how to carry them.	Не для того она родилась на свет.
And then she fell into an uneasy doze.	И тут она заснула тяжелым, неспокойным сном.
She was in a wild strange country so thick with swirling mist she could not see her hand before her face.	Ей снилось, что она в какой-то чужой стране; ее несло и кружило в вихре тумана, столь густого, что ей не было видно даже своих рук.
The earth beneath her feet was uneasy.	Земля зыбилась и уплывала у нее из-под ног.

It was a haunted land, still with a terrible stillness, and she was lost in it, lost and terrified as a child in the night.	Все вокруг было призрачно и жутко. И тихо, сверхъестественно тихо, и она чувствовала себя потерянной и испуганной, как ребенок, заблудившийся в лесу.

She was bitterly cold and hungry and so fearful of what lurked in the mists about her that she tried to scream and could not.	Ее мучил голод, она дрожала от холода и так боялась чего-то притаившегося где-то рядом, в тумане, что ей хотелось закричать, но она не могла.
There were things in the fog reaching out fingers to pluck at her skirt, to drag her down into the uneasy quaking earth on which she stood, silent, relentless, spectral hands.	Какие-то существа тянулись к ней из тумана, чьи-то руки молча, безжалостно старались ухватить ее за подол и утянуть за собой куда-то глубоко-глубоко в зыблющуюся под ногами землю.
Then, she knew that somewhere in the opaque gloom about her there was shelter, help, a haven of refuge and warmth.	И тут она вдруг поняла, что где-то среди этого тусклого полумрака есть теплое, надежное пристанище, есть тихая гавань.

But where was it?	Но где?
Could she reach it before the hands clutched her and dragged her down into the quicksands?	Сможет ли она туда добраться, пока эти руки не утянули ее за собой в зыбучие пески?
Suddenly she was running, running through the mist like a mad thing, crying and screaming, throwing out her arms to clutch only empty air and wet mist.	Внезапно она увидела, что бежит - бежит, словно обезумевшая, сквозь этот туман, и бежит, и плачет, и кричит, и, раскинув руки, старается уцепиться за что-нибудь, но встречает повсюду только пустоту и влажный туман.
Where was the haven?	Где же это пристанище?
It eluded her but it was there, hidden, somewhere.	Оно ускользало от нее, но оно было где-то здесь, скрытое от нее туманом.

If she could only reach it!	Если бы только найти его!
If she could only reach it she would be safe!	Она была бы спасена тогда!
But terror was weakening her legs, hunger making her faint.	Но от страха у нее подгибались колени, и голова кружилась от голода.
She gave one despairing cry and awoke to find Melanie's worried face above her and Melanie's hand shaking her to wakefulness.	Она отчаянно вскрикнула, открыла глаза и увидела наклонившееся над ней встревоженное лицо Мелани, которая трясла ее за плечо, стараясь разбудить.

The dream returned again and again, whenever she went to sleep with an empty stomach.	Сон этот повторялся снова и снова всякий раз, когда она ложилась спать на голодный желудок.
And that was frequently enough.	А это случалось куда как часто.
It so frightened her that she feared to sleep, although she feverishly told herself there was nothing in such a dream to be afraid of.	Она так боялась повторения этого сна, что не решалась заснуть, хотя и не переставала лихорадочно твердить себе, что ничего страшного в этом сне нет.
There was nothing in a dream about fog to scare her so.	Абсолютно ничего - ну, туман, что же тут страшного?

Nothing at all-yet the thought of dropping off into that mist-filled country so terrified her she began sleeping with Melanie, who would wake her up when her moaning and twitching revealed that she was again in the clutch of the dream.	Совершенно нечего бояться... И тем не менее мысль о том, что она опять окажется среди этого тумана в каком-то неизвестном краю, нагоняла на нее такой страх, что она стала ночевать в спальне Мелани, чтобы та могла разбудить ее, если она опять начнет стонать и метаться во власти этого кошмара.
Under the strain she grew white and thin.	Нервное напряжение сказалось на ней: она похудела, сошел румянец.

The pretty roundness left her face, throwing her cheek bones into prominence, emphasizing her slanting green eyes and giving her the look of a prowling, hungry cat.	В лице ее уже не было прежней приятной округлости: впалые щеки, резкая линия скул и косо разрезанные зеленые глаза придавали ей сходство с голодной одичавшей кошкой.
"Daytime is enough like a nightmare without my dreaming things," she thought desperately and began hoarding her daily ration to eat it just before she went to sleep.	"Жизнь и днем достаточно похожа на кошмар, чтобы они мучили меня еще по ночам!" - с отчаянием думала она и начала отделять часть своего дневного рациона, чтобы съесть перед сном.

At Christmas time Frank Kennedy and a small troop from the commissary department jogged up to Tara on a futile hunt for grain and animals for the army.	В сочельник Фрэнк Кеннеди с небольшим продовольственным отрядом притрусил в Тару в тщетной надежде найти хоть немного зерна и мяса для армии.
They were a ragged and ruffianly appearing crew, mounted on lame and heaving horses which obviously were in too bad condition to be used for more active service.	Тощие, оборванные солдаты были похожи на бродяг, и лошади под ними - увечные, со вздутыми животами - явно попали в этот отряд потому, что не годились для боевых действий.

Like their animals the men had been invalided out of the front-line forces and, except for Frank, all of them had an arm missing or an eye gone or stiffened joints.	Люди, так же как их лошади, - все, за исключением Фрэнка, - были списанные в запас калеки - кто без руки, кто без глаза, кто с негнущейся ногой.
Most of them wore blue overcoats of captured Yankees and, for a brief instant of horror, those at Tara thought Sherman's men had returned.	Почти на всех были синие мундиры, снятые с убитых янки, и на какую-то секунду обитатели Тары оцепенели от ужаса, думая, что к ним опять нагрянули солдаты Шермана.

They stayed the night on the plantation, sleeping on the floor in the parlor, luxuriating as they stretched themselves on the velvet rug, for it had been weeks since they had slept under a roof or on anything softer than pine needles and hard earth.	Отряд заночевал в Таре; разместившись в гости- ной на полу, все с насла- ждением вытянулись на мягком ковре - ведь из ме- сяца в месяц они спали под открытым небом и на голой земле, хорошо еще, если усыпанной сосновы- ми иглами.

For all their dirty beards and tatters they were a well-bred crowd, full of pleasant small talk, jokes and compliments and very glad to be spending Christmas Eve in a big house, surrounded by pretty women as they had been accustomed to do in days long past.	Несмотря на свои лохмотья и грязные бороды, это были хорошо воспитанные люди, они мило болтали и шутили, отпускали комплименты и страшно радовались, что им довелось провести сочельник в большом доме, среди красивых женщин, совсем как в былые времена.

They refused to be serious about the war, told outrageous lies to make the girls laugh and brought to the bare and looted house the first lightness, the first hint of festivity it had known in many a day.	Они отказывались вести серьезные разговоры о войне и что-то врали напропалую, стараясь рассмешить дам и принести в этот разграбленный, опустошенный дом хоть чуточку праздничного веселья и радости.

"It's almost like the old days when we had house parties, isn't it?" whispered Suellen happily to Scarlett.	- Все почти совсем как прежде, когда к нам съезжались гости, верно? - радостно шепнула Сьюлин на ухо Скарлетт.

Suellen was raised to the skies by having a beau of her own in the house again and she could hardly take her eyes off Frank Kennedy.	Сьюлин была на седьмом небе от счастья, снова принимая у себя своего поклонника, и не сводила глаз с Фрэнка Кеннеди.
Scarlett was surprised to see that Suellen could be almost pretty, despite the thinness which had persisted since her illness.	Скарлетт с удивлением обнаружила, что Сьюлин может казаться почти хорошенькой, невзирая на ужасную болезненную худобу.
Her cheeks were flushed and there was a soft luminous look in her eyes.	Щеки у нее разрумянились, взгляд смягчился, глаза блестели.

"She really must care about him," thought Scarlett in contempt.	"Похоже, она в самом деле неравнодушна к нему, - со снисходительным презрением подумала Скарлетт.
"And I guess she'd be almost human if she ever had a husband of her own, even if her husband was old fuss-budget Frank."	- И пожалуй, может стать почти нормальным человеком, если обзаведется мужем, - хотя бы такой старой интендантской крысой, как Фрэнк".
Carreen had brightened a little too, and some of the sleep-walking look left her eyes that night.	Даже Кэррин немного повеселела в этот вечер и уже не смотрела на всех отрешенным взглядом.

She had found that one of the men had known Brent Tarleton and had been with him the day he was killed, and she promised herself a long private talk with him after supper.	Выяснилось, что один из солдат знал Брента Тарлтона, даже видел его в самый день гибели, и Кэррин решила после ужина подробно поговорить с этим солдатом с глазу на глаз.
At supper Melanie surprised them all by forcing herself out of her timidity and being almost vivacious.	А за ужином Мелани удивила всех: она нашла в себе силы побороть свою застенчивость и была необычно оживлена.

She laughed and joked and almost but not quite coquetted with a one-eyed soldier who gladly repaid her efforts with extravagant gallantries.	Она смеялась, и шутила, и, можно сказать, почти что кокетничала с одноглазым солдатом, который в ответ из кожи лез вон, стараясь проявить галантность.
Scarlett knew the effort this involved both mentally and physically, for Melanie suffered torments of shyness in the presence of anything male.	Скарлетт понимала, каких душевных и физических усилий стоило это Мелани, испытывавшей в присутствии любого мужчины мучительные приступы застенчивости.
Moreover she was far from well.	К тому же она ведь еще далеко не оправилась после болезни.

She insisted she was strong and did more work even than Dilcey but Scarlett knew she was sick.	Правда, она упрямо утверждала, что вполне окрепла, и в работе оставляла позади себя даже Дилси, но Скарлетт знала, что Мелани еще больна.
When she lifted things her face went white and she had a way of sitting down suddenly after exertions, as if her legs would no longer support her.	Стоило ей поднять что-то тяжелое, как лицо ее белело, а иной раз после какого-нибудь физического напряжения она так неожиданно опускалась на землю, словно у нее подкашивались ноги.
But tonight she, like Suellen and Carreen, was doing everything possible to make the soldiers enjoy their Christmas Eve.	Но сегодня Мелани, так же как Кэррин и Сьюлин, прилагала все усилия к тому, чтобы солдаты не скучали в сочельник.

Scarlett alone took no pleasure in the guests.	Одна только Скарлетт не была рада гостям.
The troop had added their ration of parched corn and side meat to the supper of dried peas, stewed dried apples and peanuts which Mammy set before them and they declared it was the best meal they had had in months.	К ужину, состоявшему из арахиса, сушеного гороха и сушеных яблок, тушенных в печи, которые Мамушка торжественно поставила на стол, отряд сделал свой вклад в виде поджаренной кукурузы и ребрышек, и гости заявили, что они уже давненько не едали столь прекрасных блюд.
Scarlett watched them eat and she was uneasy.	А Скарлетт смотрела, как они едят, и ей было не по себе.

She not only begrudged them every mouthful they ate but she was on tenterhooks lest they discover somehow that Pork had slaughtered one of the shoats the day before.	Она не только жалела каждый кусок, который они отправляли в рот, но и чувствовала себя точно на иголках, боясь, как бы кто из гостей не пронюхал ненароком, что Порк накануне заколол поросенка.
It now hung in the pantry and she had grimly promised her household that she would scratch out the eyes of anyone who mentioned the shoat to their guests or the presence of the dead pig's sisters and brothers, safe in their pen in the swamp.	Сейчас поросячья туша висела в кладовой, и Скарлетт угрюмо пригрозила всем своим домочадцам, что выцарапает глаза каждому, кто хоть словом обмолвится об этом перед гостями или посмеет упомянуть о сестрах и братьях покойного, надежно запертых в загоне на болоте.

These hungry men could devour the whole shoat at one meal and, if they knew of the live hogs, they could commandeer them for the army.	Голодные солдаты сожрут поросенка за один присест, а узнав про живых поросят, конфискуют их для армия.
She was alarmed, too, for the cow and the horse and wished they were hidden in the swamp, instead of tied in the woods at the bottom of the pasture.	Она боялась и за корову и за лошадь и жалела, что не угнала их в болото, а привязала на опушке леса у края выгона.
If the commissary took her stock, Tara could not possibly live through the winter.	Если отряд заберет у нее всю живность, никто в доме не протянет до весны.
There would be no way of replacing them.	Восполнить эту потерю будет нечем.

As to what the army would eat, she did not care.	Вопрос о том, чем будет питаться армия, ее не тревожил.
Let the army feed the army-if it could.	Пусть армия сама кормит себя - как сумеет.
It was hard enough for her to feed her own.	А ей и так нелегко прокормить все свои рты.
The men added as dessert some "ramrod rolls" from their knapsacks, and this was the first time Scarlett had ever seen this Confederate article of diet about which there were almost as many jokes as about lice.	На десерт гости преподнесли всем "шомполушки", достав их из ранцев, и Скарлетт впервые увидела своими глазами этот новый вид фронтового довольствия армии конфедератов, по адресу которого было отпущено не меньше шуток, чем по адресу вшей.

They were charred spirals of what appeared to be wood.	Это было нечто спиралевидное, более всего похожее на кусок обугленного дерева.
The men dared her to take a bite and, when she did, she discovered that beneath the smoke-blackened surface was unsalted corn bread.	Г ости настоятельно предлагали Скарлетт отведать кусочек, и когда она наконец отважилась на это, открыла, что под угольно-черной поверхностью скрывается несоленый кукурузный хлеб.

The soldiers mixed their ration of corn meal with water, and salt too when they could get it, wrapped the thick paste about their ramrods and roasted the mess over camp fires.	Солдаты замешивали свою порцию кукурузной муки на воде, добавляли соли (если она у них была), обмазывали шомпола густым тестом и запекали над костром.
It was as hard as rock candy and as tasteless as sawdust and after one bite Scarlett hastily handed it back amid roars of laughter.	Получалось нечто столь же твердое, как леденцы, и столь же безвкусное, как опилки, и Скарлетт, с трудом вонзив в угощение зубы, поспешила под общий хохот отдать его обратно.
She met Melanie's eyes and the same thought was plain in both faces...	Она перехватила взгляд Мелани и прочла в нем свои собственные мысли:

"How can they go on fighting if they have only this stuff to eat?"	"Как могут они сражаться на таком скудном пайке?"
The meal was gay enough and even Gerald, presiding absently at the head of the table, managed to evoke from the back of his dim mind some of the manner of a host and an uncertain smile.	Трапеза тем не менее протекала достаточно весело, и даже Джералд, с несколько отсутствующим видом восседавший во главе стола, ухитрился извлечь из глубин своего затуманенного сознания какие-то обрывки воспоминаний о том, как надлежит вести себя гостеприимному хозяину, и неуверенно улыбался.

The men talked, the women smiled and flattered-but Scarlett turning suddenly to Frank Kennedy to ask him news of Miss Pittypat, caught an expression on his face which made her forget what she intended to say.	Мужчины болтали, женщины расцветали улыбками и всячески старались угодить гостям, но когда Скарлетт неожиданно повернулась к Франку Кеннеди, желая осведомиться у него о здоровье мисс Питтипэт, она тут же забыла о своем намерении, пораженная выражением его лица.

His eyes had left Suellen's and were wandering about the room, to Gerald's childlike puzzled eyes, to the floor, bare of rugs, to the mantelpiece denuded of its ornaments, the sagging springs and torn upholstery into which Yankee bayonets had ripped, the cracked mirror above the sideboard, the unfaded squares on the wall where pictures had hung before the looters came, the scant table service, the decently mended but old dresses of the girls, the flour sack which had been made into a kilt for Wade.	Фрэнк уже не смотрел неотрывно на Сьюлин - его взгляд блуждал по комнате, перебегая с растерянного лица Джералда на голый, не застеленный коврами пол, на камин без привычных безделушек на полке, на вспоротую солдатскими штыками обивку кресел и выпирающие пружины, на разбитое зеркало над сервантом, на прямоугольники невыцветших обоев там, где до прихода грабителей на стенах висели картины, на убогую сервировку стола, на аккуратно починенные, но ветхие платья дам, на сшитую из мешковины одежду Уэйда...

Frank was remembering the Tara he had known before the war and on his face was a hurt look, a look of tired impotent anger.	Франку вспоминался этот дом, каким он знавал его прежде, и на его усталом лице было написано страдание и бессильный гнев.
He loved Suellen, liked her sisters, respected Gerald and had a genuine fondness for the plantation.	Фрэнк любил Сьюлин, ему нравились ее сестры, он с уважением относился к Джералду и был всей душой привязан к этому семейному очагу.

Since Sherman had swept through Georgia, Frank had seen many appalling sights as he rode about the state trying to collect supplies, but nothing had gone to his heart as Tara did now.	После опустошительного набега Шермана на Джорджию перед глазами Франка прошло немало страшных картин, пока он объезжал штат, собирая поставки для армии, но ничто не ранило его сердце так глубоко, как зрелище этого разоренного гнезда.

He wanted to do something for the O'Haras, especially Suellen, and there was nothing he could do.	Фрэнку страстно хотелось сделать что-нибудь для семейства О'Хара, особенно для Сьюлин, но он понимал, что ничем не может им помочь.

He was unconsciously wagging his whiskered head in pity and clicking his tongue against his teeth when Scarlett caught his eye.	И, преисполненный жалости, он в задумчивости покачивал головой и прищелкивал языком, топорща жесткие усы.
He saw the flame of indignant pride in them and he dropped his gaze quickly to his plate in embarrassment.	Неожиданно встретившись глазами со Скарлетт, он заметил, как она возмущенно вспыхнула, понял, что ее гордость задета, и смущенно уставился в тарелку.
The girls were hungry for news.	Дамы горели желанием услышать новости.

There had been no mail service since Atlanta fell, now four months past, and they were in complete ignorance as to where the Yankees were, how the Confederate Army was faring, what had happened to Atlanta and to old friends.	После падения Атланты почта не работала уже четыре месяца, и все в Таре находились в полном неведении о том, где теперь янки, как сражается армия конфедератов, что делается в Атланте и какова судьба знакомых и друзей.

Frank, whose work took him all over the section, was as good as a newspaper, better even, for he was kin to or knew almost everyone from Macon north to Atlanta, and he could supply bits of interesting personal gossip which the papers always omitted.	Фрэнк, который по долгу службы ездил по всей округе, был сам не хуже любой газеты, а в некотором отношении даже лучше, ибо знал почти всех от Мейкона до Атланты, а многим к тому же доводился родственником и мог сообщить немало интересных подробностей и сплетен, которые обычно в газеты не попадают.
To cover his embarrassment at being caught by Scarlett, he plunged hastily into a recital of news.	И теперь, под взглядом Скарлетт, он, чтобы скрыть свое замешательство, торопливо принялся выкладывать новости.

The Confederates, he told them, had retaken Atlanta after Sherman marched out, but it was a valueless prize as Sherman had burned it completely.	Армия конфедератов, сообщил он, снова заняла Атланту, после того как Шерман со своим войском покинул город, но этот трофей уже не имел цены, так как янки сожгли там все, что могло гореть.
"But I thought Atlanta burned the night I left," cried Scarlett, bewildered.	- Но мне казалось, что Атланту выжгли в ту ночь, когда мы оттуда бежали! - недоуменно воскликнула Скарлетт.
"I thought our boys burned it!"	- Мне казалось, наши жгли ее, отступая.
"Oh, no, Miss Scarlett!" cried Frank, shocked.	- О нет, мисс Скарлетт, - запротестовал весьма фраппированный ее словами Фрэнк.

"We'd never burn one of our own towns with our own folks in it!	- Мы никогда не жжем наших городов, если там остались жители.
What you saw burning was the warehouses and the supplies we didn't want the Yankees to capture and the foundries and the ammunition.	Вы видели пожары, но это горели военные и провиантские склады и литейные заводы - их жгли, чтобы они не достались неприятелю.
But that was all.	Только это, и ничего больше.
When Sherman took the town the houses and stores were standing there as pretty as you please.	Когда Шерман занял город, все жилые дома и магазины стояли абсолютно не тронутые огнем.
And he quartered his men in them."	И он разместил в них своих солдат.

"But what happened to the people?	- А как же жители?

Did he-did he kill them?"	Он... он их поубивал?
"He killed some-but not with bullets," said the one-eyed soldier grimly.	- Кое-кого убил, но не пулями, - мрачно ответствовал одноглазый воин.
"Soon's he marched into Atlanta he told the mayor that all the people in town would have to move out, every living soul.	- Как только Шерман занял Атланту, он тотчас заявил мэру, что все население должно покинуть город - чтобы ни единой живой души не осталось.

And there were plenty of old folks that couldn't stand the trip and sick folks that ought not to have been moved and ladies who were-well, ladies who hadn't ought to be moved either.	А в городе было много стариков, которые не выдержали бы переезда, и больных, которых нельзя было трогать с места, и женщин, которые.., ну, словом, которых тоже нельзя было трогать.
And he moved them out in the biggest rainstorm you ever saw, hundreds and hundreds of them, and dumped them in the woods near Rough and Ready and sent word to General Hood to come and get them.	И он выгнал их всех из жилищ в ужасающий ливень, в бурю, выгнал сотни и сотни людей и оставил в лесах под Раф-энд-Реди, а генералу Худу передал, что тот может прийти и забрать их.

And a plenty of the folks died of pneumonia and not being able to stand that sort of treatment."	И очень многие не вынесли столь жестокого обхождения, многие погибли от пневмонии.
"Oh, but why did he do that?	- Но почему же он так поступил?
They couldn't have done him any harm," cried Melanie.	Они ведь не могли причинить ему никакого зла, -вскричала Мелани.
"He said he wanted the town to rest his men and horses in," said Frank.	- Он заявил, что ему нужно очистить город, чтобы дать отдых своим солдатам и лошадям, - отвечал Фрэнк.
"And he rested them there till the middle of November and then he lit out.	- И он дал им отдых до середины ноября, после чего оставил город.

And he set fire to the whole town when he left and burned everything."	А уходя, поджег его, спалил все дотла.
"Oh, surely not everything!" cried the girls in dismay.	- Как, неужели все? - в ужасе воскликнули дамы.
It was inconceivable that the bustling town they knew, so full of people, so crowded with soldiers, was gone.	Это было непредставимо - неужели этого многолюдного, кипучего города, который они так хорошо знали, не стало?
All the lovely homes beneath shady trees, all the big stores and the fine hotels-surely they couldn't be gone!	Не стало красивых домов в густой тени деревьев, не стало больших магазинов и нарядных отелей?

Melanie seemed ready to burst into tears, for she had been born there and knew no other home.	Мелани с трудом удерживалась от слез - ведь в этом городе она родилась, там был ее дом.
Scarlett's heart sank because she had come to love the place second only to Tara.	У Скарлетт тоже защемило сердце, потому что она успела полюбить Атланту - этот город стал для нее второй родиной после Тары.
"Well, almost everything," Frank amended hastily, disturbed by the expressions on their faces. He tried to look cheerful, for he did not believe in upsetting ladies.	- Ну, почти что все, - поспешил смягчить свой удар Фрэнк, обескураженный расстроенными лицами дам, и тут же постарался придать себе веселый вид - он же никак не хотел их огорчить.

Upset ladies always upset him and made him feel helpless.	Это мгновенно повергло в расстройство его самого, и он испытывал чувство ужасной беспомощности.

He could not bring himself to tell them the worst.	Нет, он не мог заставить себя сказать страшную правду.
Let them find out from some one else.	Пускай узнают ее от кого-нибудь другого.

He could not tell them what the army saw when it marched back into Atlanta, the acres and acres of chimneys standing blackly above ashes, piles of half-burned rubbish and tumbled heaps of brick clogging the streets, old trees dying from fire, their charred limbs tumbling to the ground in the cold wind.	Не мог он поведать им о том, что увидела армия конфедератов после своего возвращения в Атланту: ряды печных труб, акр за акром торчавших над пепелищами; улицы, заваленные грудами обгорелых обломков и кирпича; старые деревья, умиравшие от ожогов, роняя на землю обугленные ветви, которые уносило порывами студеного ветра.

He remembered how the sight had turned him sick, remembered the bitter curses of the Confederates when they saw the remains of the town.	Ему вспомнилось, как от этого зрелища дурнота подступила у него к горлу, вспомнилось, какие ожесточенные проклятия срывались с губ конфедератов, когда руины города предстали их глазам.
He hoped the ladies would never hear of the horrors of the looted cemetery, for they'd never get over that.	Приходилось уповать лишь на то, что женщины никогда не узнают об ограблении кладбища, так как это совсем бы их убило.
Charlie Hamilton and Melanie's mother and father were buried there.	Чарльз Г амильтон и родители Мелани были похоронены там.
The sight of that cemetery still gave Frank nightmares.	Фрэнка до сих пор мучили кошмары, в которых перед ним возникало это кладбище.

Hoping to find jewelry buried with the dead, the Yankee soldiers had broken open vaults, dug up graves.	В поисках драгоценностей янки взламывали склепы, раскапывали могилы.
They had robbed the bodies, stripped from the coffins gold and silver name plates, silver trimmings and silver handles.	Они грабили трупы, срывали с гробов серебряные украшения и ручки, золотые и серебряные именные таблички.
The skeletons and corpses, flung helterskelter among their splintered caskets, lay exposed and so pitiful.	Жалкую и страшную картину являли собой скелеты и еще не истлевшие трупы, валявшиеся среди обломков своего последнего земного пристанища.
And Frank couldn't tell them about the dogs and the cats.	Не мог поведать им Фрэнк и об участи кошек и собак.

Ladies set such a store by pets.	Домашние животные играют слишком большую роль в жизни своих хозяек.
But the thousands of starving animals, left homeless when their masters had been so rudely evacuated, had shocked him almost as much as the cemetery, for Frank loved cats and dogs.	А Фрэнк и сам очень любил и кошек и собак, и зрелище сотен погибавших с голоду животных, оставшихся без призора, когда их хозяев так внезапно и жестоко выгнали из города, потрясло Фрэнка почти столь же глубоко, как вид разграбленного кладбища.

The animals had been frightened, cold, ravenous, wild as forest creatures, the strong attacking the weak, the weak waiting for the weaker to die so they could eat them.	Изголодавшиеся, испуганные, замерзавшие от холода животные одичали, более сильные стали нападать на слабых, а слабые ждали, когда издохнут слабейшие, и затем пожирали их трупы.

And, above the ruined town, the buzzards splotched the wintry sky with graceful, sinister bodies.	И над останками вымершего города грациозные стервятники испещряли зимнее небо зловеще черными пятнами.

Frank cast about in his mind for some mitigating information that would make the ladies feel better.	Фрэнк порылся в памяти, ища, каким утешительным сообщением он мог бы сделать приятное женщинам.
"There's some houses still standing," he said, "houses that set on big lots away from other houses and didn't catch fire.	- Кое-какие дома все же уцелели, - сказал он. - Из тех, что стояли особняком на больших земельных участках, вдали от других строений, и огонь до них не добрался.
And the churches and the Masonic hall are left.	И церкви уцелели тоже, и здание масонской ложи.
And a few stores too.	И несколько магазинов.

But the business section and all along the railroad tracks and at Five Points-well, ladies, that part of town is flat on the ground."	Но деловая часть города и все кварталы, прилегающие к железнодорожным путям и к площади Пяти Углов, - все это, увы, сровняли с землей.
"Then," cried Scarlett bitterly, "that warehouse Charlie left me, down on the tracks, it's gone too?"	- Значит, - вскричала Скарлетт, - тот склад возле вокзала, который достался мне в наследство от Чарльза, тоже сгорел?
"If it was near the tracks, it's gone, but-" Suddenly he smiled.	- Если это возле вокзала, то да, по-видимому, но...- Неожиданно лицо Фрэнка расцвело улыбкой.
Why hadn't he thought of it before?	- Как же я запамятовал!

"Cheer up, ladies!	Могу вас порадовать, дамы!
Your Aunt Pitty's house is still standing.	Дом вашей тетушки Питтипэт цел.
It's kind of damaged but there it is."	Немножко его повредило, но в общем он стоит как стоял.
"Oh, how did it escape?"	- Почему же он уцелел?
"Well, it's made of brick and it's got about the only slate roof in Atlanta and that kept the sparks from setting it afire, I guess.	- А он кирпичный и, кажется, единственный в городе под шиферной крышей, ну и, верно, потому не загорелся от искр.

And then it's about the last house on the north end of town and the fire wasn't so bad over that way.	К тому же он - последний дом на северной окраине города, а в том конце пожары не так свирепствовали.
Of course, the Yankees quartered there tore it up aplenty.	Правда, янки, которые были в нем расквартированы, разнесли там внутри все в клочья.
They even burned the baseboard and the mahogany stair rail for firewood, but shucks!	Они даже пустили на топливо плинтусы и лестницу красного дерева, да это все ерунда!
It's in good shape.	Сам дом в хорошем состоянии.
When I saw Miss Pitty last week in Macon-"	Когда на прошлой неделе я видел мисс Питти в Мейконе...
"You saw her?	- Вы видели ее?

How is she?"	Ну, как она?

"Just fine.	- Превосходно!
Just fine.	Ну, просто превосходно!
When I told her her house was still standing, she made up her mind to come home right away. That is-if that old darky, Peter, will let her come.	Когда я сказал ей, что ее дом уцелел, она вознамерилась тотчас вернуться в Атланту.., если, понятно, этот старый негр, дядюшка Питер, не станет возражать.
Lots of the Atlanta people have already come back, because they got nervous about Macon.	Очень многие жители Атланты уже вернулись, потому что чувствовали себя неспокойно в Мейконе.

Sherman didn't take Macon but everybody is afraid Wilson's raiders will get there soon and he's worse than Sherman."	Шерман не взял Мейкона, но все боятся, что уилсоновские молодчики устроят набег на город, а это будет похуже Шермана.
"But how silly of them to come back if there aren't any houses!	- Но это же глупо - возвращаться в город, где почти не уцелело домов.
Where do they live?"	Как они там будут жить?
"Miss Scarlett, they're living in tents and shacks and log cabins and doubling up six and seven families in the few houses still standing.	- Они живут в палатках, в сараях и в сколоченных на скорую руку хижинах, мисс Скарлетт, или ютятся вместе по шесть-семь семей в каждом из уцелевших домов.
And they're trying to rebuild.	И пытаются восстановить город.

Now, Miss Scarlett, don't say they are silly.	И не нужно так говорить, это вовсе не глупо.
You know Atlanta folks as well as I do.	Вы же не хуже меня знаете, что это за народ.
They are plumb set on that town, most as bad as Charlestonians are about Charleston, and it'll take more than Yankees and a burning to keep them away.	Они накрепко прикипели сердцем к своему городу, не меньше, чем чарльстонцы к Чарльстону, и никаким янки, никаким пожарам не оторвать их от Атланты.
Atlanta folks are-begging your pardon, Miss Melly- as stubborn as mules about Atlanta.	Они же.., прошу прощения, мисс Мелли, - упрямы как мулы во всем, что касается Атланты.

I don't know why, for I always thought that town a mighty pushy, impudent sort of place.	Правду сказать, непонятно - почему. Мне этот город всегда казался этаким напористым, нагловатым выскочкой.
But then, I'm a countryman born and I don't like any town.	Ну, да я прирожденный сельский житель и вообще не любитель городов.
And let me tell you, the ones who are getting back first are the smart ones.	И еще скажу вам: те, что приехали первыми, - это и есть самые умные и шустрые.
The ones who come back last won't find a stick or stone or brick of their houses, because everybody's out salvaging things all over town to rebuild their houses.	А те, что приедут последними, не найдут ни бревна, ни камня, ни кирпичика на месте своих домов, так как все тащат кто что может себе на постройку.

Just day before yesterday, I saw Mrs. Merriwether and Miss Maybelle and their old darky woman out collecting brick in a wheelbarrow.	Еще позавчера я видел, как миссис Мерриуэзер и мисс Мейбелл вместе со своей старой негритянкой нагружали кирпичами тачку.

And Mrs. Meade told me she was thinking about building a log cabin when the doctor comes back to help her.	А миссис Мид сказала мне, что намерена построить бревенчатую хижину, как только доктор возвратится и сможет помочь ей в этом деле.

She said she lived in a log cabin when she first came to Atlanta, when it was Marthasville, and it wouldn't bother her none to do it again.	Она жила в такой хижине, когда впервые приехала в Атланту - по-тогдашнему в Мартасвилл, - сказала миссис Мид, - и совсем не прочь снова пожить в такой же.
'Course, she was only joking but that shows you how they feel about it."	Понятно, она шутила, но это только показывает, какое у них там у всех настроение.
"I think they've got a lot of spirit," said Melanie proudly.	- Я считаю, что они очень мужественные люди, - с гордостью произнесла Мелани.
"Don't you, Scarlett?"	- Верно, Скарлетт?

Scarlett nodded, a grim pleasure and pride in her adopted town filling her.	Скарлетт кивнула: мрачная гордость за полюбившийся город переполнила ее сердце.
As Frank said, it was a pushy, impudent place and that was why she liked it.	Да, это был напористый, нагловатый выскочка-город, и этим он импонировал ей.
It wasn't hide-bound and stick-in-themuddish like the older towns and it had a brash exuberance that matched her own.	Он не походил на затянутые в корсет старые города, манерные и ханжеские; жизнь в нем переливалась через край, и этим он тоже был ей люб.
"I'm like Atlanta," she thought.	"Я сама как Атланта, - подумала она.

"It takes more than Yankees or a burning to keep me down."	- Ни пожарам, ни янки меня не сломить".
"If Aunt Pitty is going back to Atlanta, we'd better go back and stay with her, Scarlett," said Melanie, interrupting her train of thought.	- Если тетя Питти возвратится в Атланту, то нам, Скарлетт, тоже надо бы вернуться туда и пожить с ней, - сказала Мелани, прерывая ход ее мыслей.
"She'll die of fright alone."	- Она умрет там со страху одна.
"Now, how can I leave here, Melly?" Scarlett asked crossly.	- Как же я могу все здесь бросить, Мелли? -раздраженно сказала Скарлетт.
"If you are so anxious to go, go.	- Если тебе так не терпится уехать - уезжай.

I won't stop you."	Я тебя не держу.
"Oh, I didn't mean it that way, darling," cried Melanie, flushing with distress.	- Ах, я как-то не подумала об этом, дорогая, -воскликнула Мелани, густо покраснев от смущения.
"How thoughtless of me!	- Как это эгоистично с моей стороны!
Of course, you can't leave Tara and-and I guess Uncle Peter and Cookie can take care of Auntie."	Конечно, ты не можешь оставить Тару, и.., и я думаю, что дядюшка Питер и кухарка сумеют позаботиться о тетушке.
"There's nothing to keep you from going," Scarlett pointed out, shortly.	- Тебе ничто не мешает уехать, - сухо сказала Скарлетт.
"You know I wouldn't leave you," answered Melanie.	- Я не оставлю тебя, ты же знаешь, - сказала Мелани.

"And I-I would be just frightened to death without you."	- И к тому же я умерла бы там со страху бел тебя.
"Suit yourself.	- Ну, как знаешь.
Besides, you wouldn't catch me going back to Atlanta.	Меня, во всяком случае, ничем не заманишь обратно в Атланту.
Just as soon as they get a few houses up, Sherman will come back and burn it again."	Стоит им только построить там несколько домов, как Шерман вернется и снова сровняет с землей весь город.
"He won't be back," said Frank and, despite his efforts, his face drooped.	- Нет, Шерман не вернется, - сказал Фрэнк, и как он ни крепился, лицо его помрачнело.

"He's gone on through the state to the coast.	- Он прошел через весь штат к побережью.
Savannah was captured this week and they say the Yankees are going on up into South Carolina."	На прошлой неделе янки взяли Саванну и, говорят, проникли в глубь Южной Каролины.
"Savannah taken!"	- Саванну взяли?
"Yes.	- Да
Why, ladies, Savannah couldn't help but fall.	Ну видите ли, леди, Саванна не могла выстоять.

They didn't have enough men to hold it, though they used every man they could get-every man who could drag one foot after another.	Ее некому было защищать, хотя они там и поставили под ружье всех от мала до велика - всех мужчин, способных хоть как-то передвигать ноги.
Do you know that when the Yankees were marching on Milledgeville, they called out all the cadets from the military academies, no matter how young they were, and even opened the state penitentiary to get fresh troops?	Вы, кстати, знаете, что когда янки двинулись на Милледжвилл, у нас призвали на фронт всех курсантов из военных училищ, даже из самых младших классов, и открыли тюрьмы, чтобы навербовать свежее пополнение для армии?

Yes, sir, they turned loose every convict who was willing to fight and promised him a pardon if he lived through the war.	Да, друзья, всех заключенных, которые согласны были пойти на фронт, выпустили и обещали им помилование, если они дотянут до конца войны.
It kind of gave me the creeps to see those little cadets in the ranks with thieves and cutthroats."	Меня прямо мороз по коже подирает, как подумаю об этих мальчишках-курсантах в одном строю с ворами и убийцами.
"They turned loose the convicts on us!"	- Как! Всех преступников выпустили на волю, чтоб они могли нас грабить?
"Now, Miss Scarlett, don't you get upset.	- Ничего, мисс Скарлетт, не волнуйтесь.

They're a long way off from here, and furthermore they're making good soldiers.	Они далеко отсюда, и притом показали себя отменными солдатами.
I guess being a thief don't keep a man from being a good soldier, does it?"	Я так понимаю: если человек - вор, это не мешает ему быть хорошим солдатом, не правда ли?
"I think it's wonderful," said Melanie softly.	- По-моему, это было сделано правильно! -негромко сказала Мелани.
"Well, I don't," said Scarlett flatly.	- Ну, а я так не считаю, - решительно заявила Скарлетт.

"There's thieves enough running around the country anyway, what with the Yankees and-" She caught herself in time but the men laughed.	- У нас тут и без них достаточно воров бродит по округе, не говоря уже о янки и... - Вовремя спохватившись, она не закончила фразы, а мужчины рассмеялись.
"What with Yankees and our commissary department," they finished and she flushed.	- Не говоря уже о янки и нашей интендантской службе, - договорил за нее кто-то из гостей, заставив ее покраснеть.
"But where's General Hood's army?" interposed Melanie hastily.	- А где же генерал Худ со своей армией? -поспешила ей на выручку Мелани.
"Surely he could have held Savannah."	- Он ведь мог отстоять Саванну!

"Why, Miss Melanie," Frank was startled and reproachful,	- Ну, что вы, мисс Мелани! - Фрэнк был озадачен, и в голосе его прозвучала укоризна.
"General Hood hasn't been down in that section at all.	- Генерала Худа вовсе и не было на этом участке фронта.
He's been fighting up in Tennessee, trying to draw the Yankees out of Georgia."	Он сражается в Теннесси, пытается оттянуть туда янки из Джорджии.
"And didn't his little scheme work well!" cried Scarlett sarcastically.	- И как же здорово это у него получается! -презрительно воскликнула Скарлетт.

"He left the damn Yankees to go through us with nothing but schoolboys and convicts and Home Guards to protect us."	- Он дал этим чертовым янки пройти через всю нашу территорию, а нам для защиты оставил мальчишек школьного возраста, преступников и стариков из внутреннего охранения.
"Daughter," said Gerald rousing himself, "you are profane.	- Дочка, - внезапно подал голос Джералд, - какие выражения ты себе позволяешь!
Your mother will be grieved."	Твоя мать будет очень огорчена.
"They are damn Yankees!" cried Scarlett passionately.	- Да, да, чертовым янки! - с жаром вскричала Скарлетт.
"And I never expect to call them anything else."	- И не подумаю называть их по-другому!

At the mention of Ellen everyone felt queer and conversation suddenly ceased. Melanie again interposed.	При упоминании об Эллин все почувствовали себя неловко, разговор сразу оборвался, и на этот раз опять выручила Мелани.
"When you were in Macon did you see India and Honey Wilkes?	- А вы, будучи в Мейконе, не повидались с Милочкой и Индией Уилкс?
Did they-had they heard anything of Ashley?"	Может быть.., может быть, у них есть какие-нибудь сведения об Эшли?
"Now, Miss Melly, you know if I'd had news of Ashley, I'd have ridden up here from Macon right away to tell you," said Frank reproachfully.	- Помилуйте, мисс Мелли, - обиженно сказал Франк, - вы же понимаете - узнай я что-нибудь про Эшли, я бы тут же прискакал из Мейкона прямо к вам.

"No, they didn't have any news but-now, don't you fret about Ashley, Miss Melly.	Нет, у них нет о нем вестей, но только вы не тревожьтесь, мисс Мелли.
I know it's been a long time since you heard from him, but you can't expect to hear from a fellow when he's in prison, can you?	Я знаю, вы, конечно, давно ничего о нем не слышали, но какие могут быть вести от человека, когда он в тюрьме?

And things aren't as bad in Yankee prisons as they are in ours.	Однако в тюрьмах у янки дело обстоит далеко не так худо, как у нас.
After all, the Yankees have plenty to eat and enough medicines and blankets.	Что ни говори, еды у них там хоть отбавляй, и одеял, и медикаментов тоже хватает.

They aren't like we are-not having enough to feed ourselves, much less our prisoners."	Нет, у них не то что у нас - мы вот не можем прокормить самих себя, а наших узников и подавно.
"Oh, the Yankees have got plenty," cried Melanie, passionately bitter.	- О да, у янки еды хоть отбавляй! - с горечью воскликнула Мелани.
"But they don't give things to the prisoners.	- Только они не делятся ею с пленными.
You know they don't, Mr. Kennedy.	Вы же это сами знаете, мистер Кеннеди.
You are just saying that to make me feel better.	Вы говорите так, просто чтобы меня успокоить.

You know that our boys freeze to death up there and starve too and die without doctors and medicine, simply because the Yankees hate us so much!	Вы знаете, что наши пленные погибают там от голода и холода и лишены медицинской помощи и лекарств, потому что янки люто нас ненавидят!
Oh, if we could just wipe every Yankee off the face of the earth!	Г осподи, если бы только мы могли стереть с лица земли этих янки!
Oh, I know that Ashley is-"	О, я знаю, что Эшли...
"Don't say it!" cried Scarlett, her heart in her throat.	- Не смей так говорить! - вскричала Скарлетт, у которой стеснило грудь от страха.

As long as no one said Ashley was dead, there persisted in her heart a faint hope that he lived, but she felt that if she heard the words pronounced, in that moment he would die.	Пока никто не произнес вслух, что Эшли мертв, в сердце ее еще теплилась надежда на то, что он жив. Но она чувствовала: как только эти слова будут произнесены, в тот же миг его для нее не станет.
"Now, Mrs. Wilkes, don't you bother about your husband," said the one-eyed man soothingly.	- Полно, миссис Уилкс, не тревожьтесь так о вашем муже, - пытался утешить Мелани одноглазый воин.
"I was captured after first Manassas and exchanged later and when I was in prison, they fed me off the fat of the land, fried chicken and hot biscuits-"	- Я тоже попал в плен после первого боя при Манассасе, а потом меня обменяли. Так пока я был в тюрьме, меня кормили как на убой -жареные цыплята, оладьи...

"I think you are a liar," said Melanie with a faint smile and the first sign of spirit Scarlett had ever seen her display with a man.	- Думаю, что вы врунишка, - с чуть заметной улыбкой произнесла Мелани, и Скарлетт впервые уловила в тоне ее слов, обращенных к мужчине, какой-то намек на игривость.
"What do you think?"	- А сами вы так не думаете?
"I think so too," said the one-eyed man and slapped his leg with a laugh.	- Думаю, - со смехом признался одноглазый воин, хлопнув себя по колену.
"If you'll all come into the parlor, I'll sing you some Christmas carols," said Melanie, glad to change the subject.	- Если вы не прочь перейти в гостиную, я спою вам святочный гимн, - сказала Мелани, желая перевести разговор на другое.

"The piano was one thing the Yankees couldn't carry away.	- Фортепьяно - один из тех немногих предметов, которые янки не могли унести с собой.

Is it terribly out of tune, Suellen?"	Оно ужасно расстроено, как ты считаешь, Сьюлин?
"Dreadfully," answered Suellen, happily beckoning with a smile to Frank.	- Чудовищно! - сказала Сьюлин, радостно улыбаясь и кивком подзывая к себе Фрэнка.
But as they all passed from the room, Frank hung back, tugging at Scarlett's sleeve.	Но когда все направились к двери, Франк, немного поотстав, потянул Скарлетт за рукав.
"May I speak to you alone?"	- Могу я сказать вам два слова наедине?

For an awful moment she feared he was going to ask about her livestock and she braced herself for a good lie.	Ее мгновенно объял страх; решив, что он хочет поговорить о конфискации их живности, она приготовилась к беспардонной лжи.
When the room was cleared and they stood by the fire, all the false cheerfulness which had colored Frank's face in front of the others passed and she saw that he looked like an old man. His face was as dried and brown as the leaves that were blowing about the lawn of Tara and his ginger-colored whiskers were thin and scraggly and streaked with gray.	Когда все вышли из комнаты и они остались вдвоем у камина, напускная веселость, оживлявшая черты Фрэнка, потухла, и Скарлетт увидела перед собой немолодого усталого человека с сухим обветренным лицом цвета опавших листьев и редкими рыжеватыми, уже тронутыми сединой бакенбардами.

He clawed at them absently and cleared his throat in an annoying way before he spoke.	Он безотчетно пощипывал их и смущенно откашливался, приводя этим Скарлетт в великое раздражение.
"I'm sorry about your ma, Miss Scarlett."	- Я жутко расстроился, узнав о смерти вашей маменьки, мисс Скарлетт.
"Please don't talk about it."	- Прошу вас, не надо об этом.
"And your pa-Has he been this way since-?"	- А ваш папенька - это у него с самого...
"Yes-he's-he's not himself, as you can see."	- Да, да, он не в себе, как вы могли заметить.
"He sure set a store by her."	- Он крепко ее любил, что верно, то верно.

"Oh, Mr. Kennedy, please don't let's talk-"	- О, мистер Кеннеди, пожалуйста, не будем...
"I'm sorry, Miss Scarlett," and he shuffled his feet nervously.	- Простите, мисс Скар- летт. - Он нервно по- топтался на месте.
"The truth is I wanted to take up something with your pa and now I see it won't do any good."	- По правде говоря, я хотел обсудить кое-что с вашим папенькой, а теперь вижу, что это никак не получится.
"Perhaps I can help you, Mr. Kennedy.	- Может быть, я могу помочь вам, мистер Кеннеди?
You see-I'm the head of the house now."	Вы видите - глава се- мьи теперь я.
"Well, I," began Frank and again clawed nervously at his beard.	- Так понимаете ли, я... - начал Фрэнк и снова растерянно вцепился в свои бакенбарды.

"The truth is-Well, Miss Scarlett, I was aiming to ask him for Miss Suellen."	- Дело-то, правду сказать, в том... Словом, мисс Скарлетт, я хотел попросить у вашего папеньки руки мисс Сьюлин.
"Do you mean to tell me," cried Scarlett in amused amazement, "that you haven't yet asked Pa for Suellen?	- Вы хотите сказать, - обрадованно воскликнула изумленная Скарлетт, - что еще не говорили с па о Сьюлин?
And you've been courting her for years!"	Хотя ухаживаете за ней уже не первый год!

He flushed and grinned embarrassedly and in general looked like a shy and sheepish boy.	Он покраснел, смущенно улыбнулся и стал совсем похож на робкого, застенчивого подростка.

"Well, I-I didn't know if she'd have me.	- Видите ли.., я... Я не знал, согласится ли она выйти за меня.
I'm so much older than she is and-there were so many good-looking young bucks hanging around Tara-"	Я много старше ее, а в вашем доме вечно толпилось столько красивых молодых людей...
"Hump!" thought Scarlett, "they were hanging around me, not her!" "And I don't know yet if she'll have me.	"Ну да! - подумала Скарлетт. - Только толпились-то они вокруг меня, а не вокруг нее!" -Да я и сейчас не знаю, согласится ли она.
I've never asked her but she must know how I feel.	Я никогда ее не спрашивал, но она, конечно, догадывается о моем чувстве к ней.

I-I thought I'd ask Mr. O'Hara's permission and tell him the truth.	Я... я думал попросить разрешения на наш брак у мистера О'Хара и признаться ему во всем как на духу.
Miss Scarlett, I haven't got a cent now.	У меня нет ни цента, мисс Скарлетт.
I used to have a lot of money, if you'll forgive me mentioning it, but right now all I own is my horse and the clothes I've got on.	Когда-то у меня - да простится мне такая нескромность, - но когда-то у меня была куча денег. Теперь же мой конь и то, что на мне, - вот и все мое достояние.
You see, when I enlisted I sold most of my land and I put all my money in Confederate bonds and you know what they're worth now.	Я, понимаете ли, как только завербовался, продал всю свою землю и все деньги вложил в облигации, а вы сами знаете, много ли они теперь стоят.

Less than the paper they're printed on. And anyway, I haven't got them now, because they burned up when the Yankees burned my sister's house.	Да к тому же у меня их все равно уже нет, так как янки сожгли дом моей сестры и они сгорели вместе с ним.
I know I've got gall asking for Miss Suellen now when I haven't a cent but-well, it's this way.	Я понимаю, что это ужасная наглость с моей стороны просить руки мисс Сьюлин теперь, когда у меня нет ни гроша за душой, но... В общем, я рассудил так.
I got to thinking that we don't know how things are going to turn out about this war.	Я как-то свыкся с мыслью, что никто не знает, что с нами будет, когда война придет к концу.
It sure looks like the end of the world for me.	Мне лично это представляется вроде как концом света.

There's nothing we can be sure of and-and I thought it would be a heap of comfort to me and maybe to her if we were engaged.	Все стало так неверно и ненадежно, вот я и подумал: это было бы огромным утешением для меня, а быть может, и для мисс Сьюлин, если бы мы обручились.
That would be something sure.	Это дало бы нам какую-то уверенность.
I wouldn't ask to marry her till I could take care of her, Miss Scarlett, and I don't know when that will be.	Я, мисс Скарлетт, не буду настаивать на браке, пока не смогу обеспечить мисс Сьюлин, а когда это будет, я и сам не знаю.

But if true love carries any weight with you, you can be certain Miss Suellen will be rich in that if nothing else."	Но если подлинная любовь и преданность имеют какую-то цену в ваших глазах, вы можете с уверенностью считать, что в этом смысле мисс Сьюлин богаче многих.

He spoke the last words with a simple dignity that touched Scarlett, even in her amusement.	Он сказал это так просто и вместе с тем с таким достоинством, что Скарлетт была тронута, хотя его вид и забавлял ее.
It was beyond her comprehension that anyone could love Suellen.	Как можно влюбиться в Сьюлин - было выше ее понимания.

Her sister seemed to her a monster of selfishness, of complaints and of what she could only describe as pure cussedness.	Сестра казалась ей воплощением чудовищного эгоизма, слюнтяйства и мелкого пакостничества.
"Why, Mr. Kennedy," she said kindly, "it's quite all right.	- Ну что ж, мистер Кеннеди, - сказала она ласково.- По-моему, все будет хорошо.
I'm sure I can speak for Pa.	Мне кажется, я могу ответить вам за отца.
He always set a store by you and he always expected Suellen to marry you."	Он всегда был о вас самого высокого мнения и надеялся, что Сьюлин станет вашей женой.
"Did he now?" cried Frank, happiness in his face.	- И он не изменил своего мнения и теперь? - воскликнул Франк, просияв.

"Indeed yes," answered Scarlett, concealing a grin as she remembered how frequently Gerald had rudely bellowed across the supper table to Suellen:	- Разумеется, нет, - отвечала Скарлетт, с трудом подавляя усмешку: ей вдруг вспомнилось, как Джералд не раз бесцеремонно кричал Сьюлин через стол:
"How now, Missy!	"Ну что, мисс?
Hasn't your ardent beau popped the question yet?	Ваш пылкий поклонник все еще вынашивает свое предложение руки и сердца?
Shall I be asking him his intentions?" "I shall ask her tonight," he said, his face quivering, and he clutched her hand and shook it.	Может, мне пора спросить, каковы его намерения?" - Сегодня же вечером я с ней поговорю! - сказал Фрэнк, губы у него задрожали, он схватил руку Скарлетт и с силой ее потряс.

"You're so kind, Miss Scarlett."	- Вы так добры, мисс Скарлетт.
"I'll send her to you," smiled Scarlett, starting for the parlor.	- Я пришлю ее к вам, - с улыбкой сказала Скарлетт, направляясь в гостиную.
Melanie was beginning to play.	Там Мелани уже села за фортепьяно.
The piano was sadly out of tune but some of the chords were musical and Melanie was raising her voice to lead the others in	Это был чудовищно расстроенный инструмент, но некоторые аккорды все же звучали приятно, и когда Мелани запела, остальные подхватили гимн:
"Hark, the Herald Angels Sing!" Scarlett paused.	"Внемлите архангелов пенью..." Скарлетт приостановилась на пороге.

It did not seem possible that war had swept over them twice, that they were living in a ravaged country, close to the border of starvation, when this old sweet Christmas hymn was being sung.	Слушая сладостные звуки этого старинного святочного гимна, невозможно было поверить, что ураган войны дважды едва не смел их с лица земли, что кругом лежит разоренный край, что голодная смерть стоит у них за плечами.
Abruptly she turned to Frank.	Скарлетт резко обернулась к Франку:
"What did you mean when you said it looked like the end of the world to you?"	- Почему вы сказали, что конец войны представляется вам концом света?

"I'll talk frankly," he said slowly, "but I wouldn't want you to be alarming the other ladies with what I say.	- Вам я скажу правду, - медленно проговорил Фрэнк, - но мне бы не хотелось, чтобы мои слова встревожили остальных дам.
The war can't go on much longer.	Война долго не продлится.
There aren't any fresh men to fill the ranks and the desertions are running high-higher than the army likes to admit.	Свежих пополнений нет, а дезертирство из армии все возрастает, хоть мы и не хотим в этом признаваться.

You see, the men can't stand to be away from their families when they know they're starving, so they go home to try to provide for them.	Понимаете, солдаты не в силах сражаться вдали от дома, зная, что их близкие погибают от голода. И они бегут домой, чтобы раздобыть для них пропитание.
I can't blame them but it weakens the army.	Винить их я не могу, но это ослабляет наши ряды.
And the army can't fight without food and there isn't any food.	Да и армия тоже не может сражаться без пищи, а ее нет.
I know because, you see, getting food is my business.	Я это знаю, поскольку, как вы понимаете, добывать продовольствие - это моя служба.

I've been all up and down this section since we retook Atlanta and there isn't enough to feed a jaybird.	После того как мы снова заняли Атланту, я исколесил здесь вдоль и поперек всю округу и не набрал на пропитание даже скворцу.
It's the same way for three hundred miles south to Savannah.	И та же самая картина на триста миль к югу, до самой Саванны.
The folks are starving and the railroads are torn up and there aren't any new rifles and the ammunition is giving out and there's no leather at all for shoes... So, you see, the end is almost here."	Люди мрут с голоду, железнодорожные пути взорваны, боеприпасы на исходе, нового оружия не поступает, нет ни сапог, ни кожи на сапоги... Так что видите, конец уже близок.

But the fading hopes of the Confederacy weighed less heavily on Scarlett than his remark about the scarcity of food.	Но Скарлетт поразило не столько крушение надежд на победу Конфедерации, сколько сообщение об отсутствии продовольствия.
It had been her intention to send Pork out with the horse and wagon, the gold pieces and the United States money to scour the countryside for provisions and material for clothes.	Она ведь собиралась снарядить Порка на поиски продуктов и одежды, дав ему лошадь, повозку, несколько золотых монет и федеральные банкноты.
But if what Frank said was true-	Но если Фрэнк говорит правду...

But Macon hadn't fallen.	Впрочем, Мейкон же не был взят.
There must be food in Macon.	В Мейконе должны быть продукты.
Just as soon as the commissary department was safely on its way, she'd start Pork for Macon and take the chance of having the precious horse picked up by the army.	Как только продоволь-ственный отряд двинется дальше, она рискнет своей драгоценной лошадью и отправит Порка в Мейкон.
She'd have to risk it.	А там будь что будет.
"Well, let's don't talk about unpleasant things tonight, Mr. Kennedy," she said.	- Ладно, не стоит говорить сегодня о таких неприят-ных вещах, мистер Кенне-ди, - сказала Скарлетт.

"You go and sit in Mother's little office and I'll send Suellen to you so you can-well, so you'll have a little privacy."	- Ступайте посидите в мамином маленьком кабинете, а я пошлю к вам Сьюлин, чтобы вы могли.., чтобы дать вам возможность немного побыть с ней наедине.
Blushing, smiling, Frank slipped out of the room and Scarlett watched him go.	Фрэнк покраснел, за-улыбался и выскользнул из ком-наты. Скарлетт смотре-ла ему вслед.
"What a pity he can't marry her now," she thought.	"Жаль, что он не может жениться на ней прямо сейчас, - подумала она.
"That would be one less mouth to feed."	- Одним бы ртом мень-ше".
CHAPTER XXIX	Глава 29

The following April General Johnston, who had been given back the shattered remnants of his old command, surrendered them in North Carolina and the war was over.	В апреле генерал Джонстон, снова принявший на себя командование остатками своей былой армии, сдался на милость победителя в Северной Каролине и тем положил конец войне.
But not until two weeks later did the news reach Tara.	Но весть эта долетела до Тары лишь двумя неделями позже.
There was too much to do at Tara for anyone to waste time traveling abroad and hearing gossip and, as the neighbors were just as busy as they, there was little visiting and news spread slowly.	Дел на плантации было по горло, тратить время на разъезды и собирание новостей никто не имел, ни малейшей возможности, все соседи сами находились в таком же положении, и посещения стали редкими, а известия доходили медленно.

Spring plowing was at its height and the cotton and garden seed Pork had brought from Macon was being put into the ground.	Пахота была в разгаре, огородные семена и семена хлопка, привезенные Порком из Мейкона, ложились в землю.
Pork had been almost worthless since the trip, so proud was he of returning safely with his wagon-load of dress goods, seed, fowls, hams, side meat and meal.	После возвращения из этого путешествия Порк, в сущности, был уже ни на что не годен, так раздувало его от гордости: ведь он вернулся целый и невредимый и привез целую повозку одежды, битой птицы, окороков, мяса, муки и семян.

Over and over, he told the story of his many narrow escapes, of the bypaths and country lanes he had taken on his return to Tara, the unfrequented roads, the old trails, the bridle paths.	Снова и снова пускался он в повествование о том, как на обратном пути избежал множества опасностей, пробираясь глухими вьючными тропами, проселками, давно не езженными дорогами и заброшенными проселками.
He had been five weeks on the road, agonizing weeks for Scarlett.	Он находился в пути пять недель - пять мучительных для Скарлетт недель.
But she did not upbraid him on his return, for she was happy that he had made the trip successfully and pleased that he brought back so much of the money she had given him.	Но когда он возвратился, Скарлетт не проронила ни слова упрека - так была она счастлива, что поездка оказалась успешной, и так рада тому, что довольно много денег Порк привез обратно, не потратив.

She had a shrewd suspicion that the reason he had so much money left over was that he had not bought the fowls or most of the food.	Практическая сметка подсказывала ей, что за птицу и за большую часть провизии Порк вообще ничего не платил, почему и осталось у него столько денег.

Pork would have taken shame to himself had he spent her money when there were unguarded hen coops along the road and smokehouses handy.	Порк посрамил бы самого себя, если бы потратил ее деньги в то время, как по дороге ему то и дело попадались никем не охраняемые птичники и коптильни.

Now that they had a little food, everyone at Tara was busy trying to restore some semblance of naturalness to life.	Теперь, когда в доме появилась кое-какая еда, все в Таре принялись за дело, стараясь вернуть поместью хотя бы некоторое подобие нормального уклада жизни.
There was work for every pair of hands, too much work, never-ending work.	И для каждой пары рук нашлась работа, очень-очень много работы, и работе этой не предвиделось конца.
The withered stalks of last year's cotton had to be removed to make way for this year's seeds and the balky horse, unaccustomed to the plow, dragged unwillingly through the fields.	Пожухлые стебли прошлогоднего хлопка надо было убрать с поля, чтобы приготовить его для нового посева, а не привыкшая к плугу лошадь упиралась и весьма неохотно тащилась по пашне.

Weeds had to be pulled from the garden and the seeds planted, firewood had to be cut, a beginning had to be made toward replacing the pens and the miles and miles of fences so casually burned by the Yankees.	Огород надо было вскопать и засеять. Надо было нарубить дров. Надо было приниматься за возведение загонов и ограды, которая тянулась когда-то милю за милей и которую янки походя сожгли в своих кострах.
The snares Pork set for rabbits had to be visited twice a day and the fishlines in the river rebaited.	Силки, поставленные Порком на кроликов, надо было проверять дважды в день, а на реке насаживать новую наживку на крючки.
There were beds to be made and floors to be swept, food to be cooked and dishes washed, hogs and chickens to be fed and eggs gathered.	Надо было застилать постели, подметать полы, стряпать, мыть посуду, кормить кур и свиней, собирать яйца из-под наседок.

The cow had to be milked and pastured near the swamp and someone had to watch her all day for fear the Yankees or Frank Kennedy's men would return and take her.	Надо было доить корову и пасти ее возле болота, не спуская с нее глаз, так как в любую минуту могли вернуться янки или солдаты Франка Кеннеди и увести ее с собой.
Even little Wade had his duties.	Даже для малыша Уэйда нашлось дело.
Every morning he went out importantly with a basket to pick up twigs and chips to start the fires with.	Каждое утро он с важным видом брал корзинку и отправлялся собирать веточки и щепки на растопку.
It was the Fontaine boys, the first of the County men home from the war, who brought the news of the surrender.	Весть о капитуляции принесли братья Фонтейн, первыми вернувшиеся с войны домой.

Alex, who still had boots, was walking and Tony, barefooted, was riding on the bare back of a mule.	Алекс, у которого все еще чудом держались на ногах сапоги, пришел пешком, а Тони хоть и был бос, но зато ехал верхом на неоседланном муле.
Tony always managed to get the best of things in that family.	Так уж повелось в этой семье, что в более выгодном положении всегда оказывался Тони.
They were swarthier than ever from four years' exposure to sun and storm, thinner, more wiry, and the wild black beards they brought back from the war made them seem like strangers.	За четыре года, проведенных под открытым небом, под солнцем и ветром, оба брата стали еще смуглее, еще худее и жилистей, а неухоженные черные бороды, отросшие на войне, сделали их совсем неузнаваемыми.

On their way to Mimosa and eager for home, they only stopped a moment at Tara to kiss the girls and give them news of the surrender.	Спеша домой, в Мимозу, они лишь на минутку заглянули в Тару - расцеловать своих приятельниц и сообщить им о капитуляции.
It was all over, they said, all finished, and they did not seem to care much or want to talk about it.	Все, конец, с войной покончено, сказали они, и казалось, это их мало трогало и они не особенно были расположены углубляться в эту тему.
All they wanted to know was whether Mimosa had been burned.	Единственно, что их интересовало, это - уцелела Мимоза или ее сожгли.

On the way south from Atlanta, they had passed chimney after chimney where the homes of friends had stood and it seemed almost too much to hope that their own house had been spared.	На своем пути от Атланты к югу они видели только печные трубы там, где стояли прежде дома их друзей, и им уже казалось безумием надеяться на то, что их дом избежал такой же участи.
They sighed with relief at the welcome news and laughed, slapping their thighs when Scarlett told them of Sally's wild ride and how neatly she had cleared their hedge.	Услыхав радостную весть, они вздохнули с облегчением и потом долго смеялись, хлопая себя по ляжкам, когда Скарлетт рассказала им, как Салли вихрем примчалась в Тару, лихо перемахнув верхом через живую изгородь.
"She's a spunky girl," said Tony, "and it's rotten luck for her, Joe getting killed.	- Салли - смелая девчонка, - сказал Тони, - и ужас как ей не повезло, что ее Джо ухлопали.

You all got any chewing tobacco, Scarlett?"	Не найдется ли у вас тут у кого жевательного табачку, Скарлетт?
"Nothing but rabbit tobacco.	- Ничего, кроме самосада.
Pa smokes it in a corn cob."	Па курит его, пользуясь стеблем кукурузного початка.
"I haven't fallen that low yet," said Tony, "but I'll probably come to it."	- Ну, так низко я еще не пал, - сказал Тони. - Но верно, докачусь и до этого со временем.
"Is Dimity Munroe all right?" asked Alex, eagerly but a little embarrassed, and Scarlett recalled vaguely that he had been sweet on Sally's younger sister.	- А как поживает Димити Манро? - волнуясь и смущаясь, спросил Алекс, и Скарлетт смутно припомнила, что он, кажется, был неравнодушен к младшей сестренке Салли.
"Oh, yes.	- Хорошо.

She's living with her aunt over in Fayetteville now.	Она у своей тетушки в Фейетвилле.
You know their house in Lovejoy was burned.	Ведь их дом в Лавджое сожгли.
And the rest of her folks are in Macon."	А вся остальная семья в Мейконе.
"What he means is-has Dimity married some brave colonel in the Home Guard?" jeered Tony, and Alex turned furious eyes upon him.	- Он, собственно, хотел спросить, не выскочила ли Димити замуж за какого-нибудь бравого полковника из войск внутреннего охранения, -посмеиваясь, сказал Тони, и Алекс бросил на него свирепый взгляд.
"Of course, she isn't married," said Scarlett, amused.	- Ну разумеется, нет, - улыбаясь, сказала Скарлетт.

"Maybe it would be better if she had," said Alex gloomily.	- Может, и зря не вышла, - мрачно изрек Алекс.
"How the hell-I beg your pardon, Scarlett.	- Как, черт подери.., прошу прощенья, Скарлетт.

But how can a man ask a girl to marry him when his darkies are all freed and his stock gone and he hasn't got a cent in his pockets?"	Но как может мужчина сделать предложение девушке, когда всех его негров отпустили да свободу, имение разорили и у него нет ни цента в кармане?
"You know that wouldn't bother Dimity," said Scarlett.	- Вы знаете, что это нисколько не волнует Димити, - сказала Скарлетт.

She could afford to be loyal to Dimity and say nice things about her, for Alex Fontaine had never been one of her own beaux.	Она могла отдавать должное Димити и хорошо о ней отзываться, так как Алекс Фонтейн никогда не принадлежал к числу ее поклонников.
"Hell's afire-Well, I beg your pardon again.	- Да чтоб мне сгореть... Ох, еще раз прошу прощенья, Скарлетт.
I'll have to quit swearing or Grandma will sure tan my hide.	Надо мне отвыкнуть от этой привычки, не то бабуля шкуру с меня сдерет.
I'm not asking any girl to marry a pauper.	Но не могу же я предложить девушке выйти замуж за нищего.
It mightn't bother her but it would bother me."	Может быть, ее это и не волнует, но это волнует меня.

While Scarlett talked to the boys on the front porch, Melanie, Suellen and Carreen slipped silently into the house as soon as they heard the news of the surrender. After the boys had gone, cutting across the back fields of Tara toward home, Scarlett went inside and heard the girls sobbing together on the sofa in Ellen's little office.	Пока Скарлетт беседовала с братьями Фонтейнами на переднем крыльце, Мелани, Сьюлин и Кэррин, услышав о капитуляции армии конфедератов, тихонько проскользнули в дом, и когда Фонтейны прямо через поля за домом направились к себе в Мимозу, Скарлетт вошла в холл и услышала рыдания - все трое плакали, сидя на софе в маленьком кабинетике Эллин.

It was all over, the bright beautiful dream they had loved and hoped for, the Cause which had taken their friends, lovers, husbands and beggared their families.	Итак, все было кончено, погибла прекрасная сияющая мечта, погибло Правое Дело, которым они жили, которому отдали своих друзей, мужей, возлюбленных. И свои семейные очаги - на разорение.
The Cause they had thought could never fall had fallen forever.	Права Юга, казавшиеся им незыблемыми на веки веков, теперь стали пустым звуком.
But for Scarlett, there were no tears.	Но Скарлетт не проливала слез.
In the first moment when she heard the news she thought: Thank God!	Когда она узнала про капитуляцию, первой ее мыслью было: "Слава тебе господи!
Now the cow won't be stolen.	Теперь уж никто не заберет корову.

Now the horse is safe.	И лошадь тоже.
Now we can take the silver out of the well and everybody can have a knife and fork.	Теперь можно достать серебро из колодца, и каждый будет есть вилкой и ножом.
Now I won't be afraid to drive round the country looking for something to eat.	Теперь я без боязни могу объехать всю округу и поискать, где можно раздобыть чего-нибудь съестного".
What a relief!	Как гора с плеч!
Never again would she start in fear at the sound of hooves.	Не вздрагивать больше от испуга, заслышав стук копыт!

Never again would she wake in the dark nights, holding her breath to listen, wondering if it were reality or only a dream that she heard in the yard the rattle of bits, the stamping of hooves and the harsh crying of orders by the Yankees. And, best of all, Tara was safe!	Не просыпаться во мраке среди ночи, не прислушиваться затаив дыхание - в самом ли это деле или ей просто почудилось позвякивание упряжки во дворе, топот, резкие голоса янки, отдающих приказы... А главное, самое главное -Тара теперь спасена!
Now her worst nightmare would never come true.	Чудовищный кошмар не повторится больше.

Now she would never have to stand on the lawn and see smoke billowing from the beloved house and hear the roar of flames as the roof fell in.	Теперь уже не придется ей, стоя на лужайке, смотреть, как клубы дыма вырываются из окон любимого отцовского дома, слушать, как бушует пламя и с треском обрушивается внутрь крыша.
Yes, the Cause was dead but war had always seemed foolish to her and peace was better.	Да, Дело, за которое они сражались, потерпело крах, но война всегда казалась Скарлетт нелепостью и, разумеется, любой мир куда лучше.
She had never stood starry eyed when the Stars and Bars ran up a pole or felt cold chills when	Никогда глаза ее не загорались восторгом при виде ползущего вверх по древку звездно-полосатого флага и мурашки не пробегали по телу при звуках
"Dixie" sounded.	"Дикси".

She had not been sustained through privations, the sickening duties of nursing, the fears of the siege and the hunger of the last few months by the fanatic glow which made all these things endurable to others, if only the Cause prospered.	И не пылал в ее душе тот фанатический огонь, который помогал многим переносить во имя Правого Дела и лишения, и тошнотворные обязанности сиделки, и ужасы осады, и голод последних месяцев.
It was all over and done with and she was not going to cry about it.	Все это теперь позади, с этим покончено навсегда, и она не станет это оплакивать.
All over!	Все позади!

The war which had seemed so endless, the war which, unbidden and unwanted, had cut her life in two, had made so clean a cleavage that it was difficult to remember those other care-free days.	Позади война, которой, казалось, не будет конца, которая пришла непрошеная и нежданно-негаданно так рассекла ее жизнь надвое, что она теперь с трудом могла припомнить, что было в те прежние, беззаботные дни.
She could look back, unmoved, at the pretty Scarlett with her fragile green morocco slippers and her flounces fragrant with lavender but she wondered if she could be that same girl.	Оглядываясь назад, она бесстрастно взирала на хорошенькую девчонку Скарлетт О'Хара в изящных зеленых сафьяновых туфельках и пышных, источающих аромат лаванды кринолинах и с недоумением вопрошала себя:, неужели это была она?

Scarlett O'Hara, with the County at her feet, a hundred slaves to do her bidding, the wealth of Tara like a wall behind her and doting parents anxious to grant any desire of her heart.	Неужели это она - та Скарлетт О'Хара, покорительница сердец всего графства, повелительница сотни рабов, наследница богатого поместья, надежно защищенная своим богатством, как щитом, окруженная любовью обожающих родителей, готовых исполнить любое ее желание?
Spoiled, careless Scarlett who had never known an ungratified wish except where Ashley was concerned.	Избалованная, беспечная девчонка, никогда не знавшая ни в чем отказа и не сумевшая только стать женой Эшли.

Somewhere, on the long road that wound through those four years, the girl with her sachet and dancing slippers had slipped away and there was left a woman with sharp green eyes, who counted pennies and turned her hands to many menial tasks, a woman to whom nothing was left from the wreckage except the indestructible red earth on which she stood.	Где-то на крутой извилистой дороге, по которой она брела последние четыре года, эта девчонка с ее надушенными платьями и бальными туфельками незаметно потерялась, оставив вместо себя молодую женщину с жестким взглядом чуть раскосых зеленых глаз, пересчитывающую каждый пенни, не гнушающуюся любой черной работой, женщину, потерявшую все, кроме неистребимой красной земли, на которой она стояла среди обломков.
As she stood in the hall, listening to the girls sobbing, her mind was busy.	Она прислушивалась к всхлипываниям, доносившимся из кабинета Эллин, а в мозгу ее уже творилась работа:

"We'll plant more cotton, lots more.	"Мы посеем еще хлопка, еще много, много хлопка.
I'll send Pork to Macon tomorrow to buy more seed.	Завтра же пошлю Порка в Мейкон купить семян.
Now the Yankees won't burn it and our troops won't need it.	Теперь янки уже не сожгут наш хлопок, и войскам Конфедерации он тоже не нужен.
Good Lord!	Великий боже!
Cotton ought to go sky high this fall!"	Хлопок этой осенью должен взлететь в цене до небес!"

She went into the little office and, disregarding the weeping girls on the sofa, seated herself at the secretary and picked up a quill to balance the cost of more cotton seed against her remaining cash.	Она прошла в кабинет Эллин и, не обращая внимания на плачущих сестер и Мелани, присела к секретеру, взяла гусиное перо и стала подсчитывать, сколько у нее в наличии денег и сколько она сможет прикупить на них семян для посева хлопка.
"The war is over," she thought and suddenly she dropped the quill as a wild happiness flooded her.	"Война окончилась, - снова подумала она и внезапно выронила перо.
The war was over and Ashley-if Ashley was alive he'd be coming home!	Ощущение безмерного счастья затопило ее, -Война окончилась, и Эшли... Если Эшли жив, он возвратится домой.

She wondered if Melanie, in the midst of mourning for the lost Cause, had thought of this.	А думает ли об этом Мелани, оплакивающая сейчас крах Правого Дела?" - вдруг мелькнула у нее мысль.
"Soon we'll get a letter-no, not a letter.	"Скоро мы получим письмо... Нет, не письмо.
We can't get letters.	Почта еще не работает.
But soon-oh, somehow he'll let us know!"	Но скоро... Словом, так или иначе, он скоро даст нам знать о себе!"
But the days passed into weeks and there was no news from Ashley.	Но проходили дни, складываясь в недели, а от Эшли не было вестей.

The mail service in the South was uncertain and in the rural districts there was none at all.	Почта в Южных штатах работала еле-еле, а в сельских местностях не работала вовсе.
Occasionally a passing traveler from Atlanta brought a note from Aunt Pitty tearfully begging the girls to come back.	Время от времени какой-нибудь случайный заезжий человек из Атланты привозил письмецо от тетушки Питти, слезно молившей Мелани и Скарлетт вернуться к ней.

But never news of Ashley.	Но от Эшли вестей не было.
After the surrender, an ever-present feud over the horse smoldered between Scarlett and Suellen.	После капитуляции Юга подспудно тлевшая между Скарлетт и Сьюлин распря из-за лошади вспыхнула с новой силой.

Now that there was no danger of Yankees, Suellen wanted to go calling on the neighbors.	Поскольку теперь опасность нападения янки миновала, Сьюлин возжелала ездить с визитами по соседям.
Lonely and missing the happy sociability of the old days, Suellen longed to visit friends, if for no other reason than to assure herself that the rest of the County was as bad off as Tara.	Тоскуя от одиночества, от утраты прежнего веселого общения с друзьями и знакомыми, Сьюлин страстно рвалась навестить соседей -прежде всего хотя бы для того, чтобы убедиться, что во всех других поместьях дела идут не лучше, чем в Таре.
But Scarlett was adamant.	Но Скарлетт проявила железное упорство.

The horse was for work, to drag logs from the woods, to plow and for Pork to ride in search of food.	Лошадь нужна для дела: возить дрова из леса, пахать. И Порку надо ездить на лошади - искать, где можно купить провизии.
On Sundays he had earned the right to graze in the pasture and rest.	А по воскресеньям коняга заслужила право попастись на выгоне и отдохнуть.
If Suellen wanted to go visiting she could go afoot.	Если Сьюлин припала охота наносить визиты, никто не мешает ей отправиться пешком.
Before the last year Suellen had never walked a hundred yards in her life and this prospect was anything but pleasing.	До прошлого года Сьюлин едва ли хоть раз за всю жизнь прошла пешком более ста ярдов, и предложение Скарлетт совсем не показалось ей заманчивым.

So she stayed at home and nagged and cried and said, once too often:	Она осталась дома, ворчала, плакала и то и дело восклицала:
"Oh, if only Mother was here!" At that, Scarlett gave her the longpromised slap, hitting her so hard it knocked her screaming to the bed and caused great consternation throughout the house.	"О, если бы мама была жива!" - за что в конце концов получила от Скарлетт давно Обещанную затрещину, - которая оказалась настолько крепкой, что опрокинула ее среди неистового визга на постель и вызвала переполох во всем доме.
Thereafter, Suellen whined the less, at least in Scarlett's presence.	После этого у Сьюлин явно поубавилось желания хныкать - во всяком случае, в присутствии Скарлетт.

Scarlett spoke truthfully when she said she wanted the horse to rest but that was only half of the truth.	Скарлетт не соврала, говоря, что хочет, чтобы лошадь отдыхала, но она сказала лишь полуправду.
The other half was that she had paid one round of calls on the County in the first month after the surrender and the sight of old friends and old plantations had shaken her courage more than she liked to admit.	Другая половина правды заключалась в том, что сама Скарлетт в первый же месяц после окончания войны побывала с визитами у всех соседей, и то, что она увидела на знакомых с детства плантациях, в домах у знакомых с детства людей, сильнее поколебало ее мужество, чем ей хотелось бы в этом признаться.

The Fontaines had fared best of any, thanks to Sally's hard ride, but it was flourishing only by comparison with the desperate situation of the other neighbors.	У Фонтейнов - благодаря отчаянной скачке, вовремя предпринятой Салли, - дела шли лучше, чем у других, но их положение казалось благополучным лишь на фоне поголовного бедствия.
Grandma Fontaine had never completely recovered from the heart attack she had the day she led the others in beating out the flames and saving the house.	Бабушка Фонтейн так до конца и не оправилась после сердечного приступа, приключившегося с ней в тот день, когда она возглавила борьбу с пожаром и отстояла от огня свой дом.
Old Dr. Fontaine was convalescing slowly from an amputated arm.	Старый доктор Фонтейн медленно поправлялся после ампутации руки.

Alex and Tony were turning awkward hands to plows and hoe handles.	Тони и Алекс неумело пахали и мотыжили землю.
They leaned over the fence rail to shake hands with Scarlett when she called and they laughed at her rickety wagon, their black eyes bitter, for they were laughing at themselves as well as her.	Перегнувшись через ограду, они пожали Скарлетт руку, когда она приехала их проведать, и отпустили шуточки по адресу ее разваливающейся повозки, но в глубине их темных глаз притаилась горечь: ведь, подсмеиваясь над Скарлетт, они подсмеивались и над собой.
She asked to buy seed corn from them and they promised it and fell to discussing farm problems.	Она попросила их продать ей кукурузных зерен для посева, и они пообещали выполнить ее просьбу и тут же ударились в обсуждение хозяйственных проблем.

They had twelve chickens, two cows, five hogs and the mule they brought home from the war.	Рассказали, что у них двенадцать кур, две коровы, пять свиней и мул, которого они пригнали домой с войны.
One of the hogs had just died and they were worried about losing the others.	Одна из свиней только что сдохла, и они боятся, что за ней могут пасть и другие.
At hearing such serious words about hogs from these ex-dandies who had never given life a more serious thought than which cravat was most fashionable, Scarlett laughed and this time her laugh was bitter too.	Слушая, как эти бывшие денди, для которых модный галстук был едва ли не главным предметом серьезного беспокойства, озабоченно говорят о свиньях, Скарлетт рассмеялась, и в ее смехе тоже прозвучала горькая нотка.

They had all made her welcome at Mimosa and had insisted on giving, not selling, her the seed corn.	Все очень радушно принимали ее в Мимозе и настояли, чтобы она взяла кукурузные семена в подарок, без денег.
The quick Fontaine tempers flared when she put a greenback on the table and they flatly refused payment.	Фонтейновские темпераменты мгновенно вспыхнули как порох, когда она положила зеленую купюру на стол, и братья наотрез отказались принять деньги.
Scarlett took the corn and privately slipped a dollar bill into Sally's hand.	Скарлетт взяла зерна и украдкой сунула долларовую бумажку в руку Салли.

Sally looked like a different person from the girl who had greeted her eight months before when Scarlett first came home to Tara.	Сейчас Скарлетт просто не верилось, что эта Салли - та самая молодая женщина, которая принимала ее восемь месяцев назад, когда она только что возвратилась в Тару.

Then she had been pale and sad but there had been a buoyancy about her.	Та Салли тоже была очень бледна, но дух ее не был сломлен.
Now that buoyancy had gone, as if the surrender had taken all hope from her.	Теперь она казалась мертвой, опустошенной, словно поражение Юга отняло у нее последнюю надежду.

"Scarlett," she whispered as she clutched the bill, "what was the good of it all?	- Скарлетт, - прошептала она, сжимая купюру в руке. - К чему было все это?
Why did we ever fight?	За что мы сражались?
Oh, my poor Joe! Oh, my poor baby!"	О, мой бедный Джо!
"I don't know why we fought and I don't care," said Scarlett.	- Я не знаю, за что мы сражались, и не желаю знать, - сказала Скарлетт.
"And I'm not interested.	- Меня это не интересует.
I never was interested.	И никогда не интересовало.

War is a man's business, not a woman's.	Война - мужское занятие, а не женское.
All I'm interested in now is a good cotton crop.	Меня сейчас интересует только одно - хороший урожай хлопка.
Now take this dollar and buy little Joe a dress.	Возьми этот доллар и ку- пи Джо какую-нибудь одежду.
God knows, he needs it.	Видит бог, она ему не по- мещает.
I'm not going to rob you of your corn, for all Alex and Tony's politeness."	Я не намерена вас гра- бить, как бы Алекс и Тони ни старались быть рыца- рями.

The boys followed her to the wagon and assisted her in, courtly for all their rags, gay with the volatile Fontaine gaiety, but with the picture of their destitution in her eyes, she shivered as she drove away from Mimosa.	Братья проводили ее до повозки, галантно, невзирая на свой оборванный вид, помогли ей взобраться на козлы, пошутили - весело и непринужденно, чисто по-фонтейновски, - но картина их обнищания стояла у Скарлетт перед глазами, когда она покидала Мимозу, и по спине у нее пробегал холодок.
She was so tired of poverty and pinching.	Она сама так устала от нищеты и скаредности!
What a pleasure it would be to know people who were rich and not worried as to where the next meal was coming from!	Как приятно было бы увидеть людей, живущих в довольстве, не тревожась о куске хлеба на завтрашний день!

Cade Calvert was at home at Pine Bloom and, as Scarlett came up the steps of the old house in which she had danced so often in happier days, she saw that death was in his face.	Кэйд Калверт возвратился к себе в Сосновые Кущи, и Скарлетт, поднявшись по ступенькам старого дома, в котором она так часто танцевала в былые счастливые времена, и поглядев Кэйду в лицо, увидала на нем печать смерти.
He was emaciated and he coughed as he lay in an easy chair in the sunshine with a shawl across his knees, but his face lit up when he saw her.	Кэйд страшно исхудал и все время кашлял, полулежа на солнце в кресле, набросив на колени плед, но при виде Скарлетт лицо его просветлело.
Just a little cold which had settled in his chest, he said, trying to rise to greet her.	Небольшая простуда застряла у него где-то в грудной клетке, сказал он, делая попытку подняться Скарлетт навстречу.

Got it from sleeping so much in the rain.	Слишком много приходилось спать под дождем.

But it would be gone soon and then he'd lend a hand in the work.	Но скоро он поправится и вместе со всеми примется за дело.
Cathleen Calvert, who came out of the house at the sound of voices, met Scarlett's eyes above her brother's head and in them Scarlett read knowledge and bitter despair.	Катлин Калверт, заслышав их голоса, вышла из дома на веранду. Глаза ее встретились за спиной брата с глазами гостьи, и Скарлетт прочла в них горькую истину и отчаяние.
Cade might not know but Cathleen knew.	Кэйд, быть может, и не понимал, но Кэтлин понимала.

Pine Bloom looked straggly and overgrown with weeds, seedling pines were beginning to show in the fields and the house was sagging and untidy.	В Сосновых Кущах царило запустение, в них буйствовали сорняки, на полях начала пробиваться молодая сосновая поросль, а дом стоял заброшенный, неопрятный.
Cathleen was thin and taut.	Сама Кэтлин очень похудела и держалась натянуто.
The two of them, with their Yankee stepmother, their four little half-sisters, and Hilton, the Yankee overseer, remained in the silent, oddly echoing house.	Кэтлин и Кэйд жили в этом пустом, странно гулком доме вместе со своей мачехой-янки, четырьмя маленькими единокровными сестренками и Хилтоном - управляющим-янки.

Scarlett had never liked Hilton any more than she liked their own overseer Jonas Wilkerson, and she liked him even less now, as he sauntered forward and greeted her like an equal.	Скарлетт всегда недолюбливала Хилтона, как не любила она и отцовского управляющего Джонаса Уилкерсона, а сейчас, когда Хилтон не спеша направился к ней и приветствовал ее как равный равную, невзлюбила еще пуще.
Formerly he had the same combination of servility and impertinence which Wilkerson possessed but now, with Mr. Calvert and Raiford dead in the war and Cade sick, he had dropped all servility.	Прежде его отличала та же смесь угодливости и нахальства, которая была присуща и Уилкерсону, но теперь, когда мистер Калверт и Рейфорд погибли на войне, а Кэйд был смертельно болен, всю угодливость Хилтона как ветром сдуло.

The second Mrs. Calvert had never known how to compel respect from negro servants and it was not to be expected that she could get it from a white man.	Вторая миссис Калверт никогда не умела поставить себя с неграми-слугами так, чтобы заслужить их уважение, и трудно было ожидать, что она больше преуспеет с белым слугой.
"Mr. Hilton has been so kind about staying with us through these difficult times," said Mrs. Calvert nervously, casting quick glances at her silent stepdaughter.	- Мистер Хилтон был так добр, что не покинул нас в эти трудные времена, - явно нервничая и неуверенно поглядывая на свою молчаливую падчерицу, произнесла миссис Калверт.
"Very kind.	- Чрезвычайно добр.

I suppose you heard how he saved our house twice when Sherman was here.	Вы, вероятно, слышали, как он дважды спас наш дом, когда здесь был генерал Шерман.
I'm sure I don't know how we would have managed without him, with no money and Cade-"	Просто не знаю, что бы мы делали без него, ведь у нас совсем нет денег, и Кэйд...
A flush went over Cade's white face and Cathleen's long lashes veiled her eyes as her mouth hardened.	На бледных щеках Кэйда вспыхнул румянец, а Кэтлин опустила длинные ресницы и сжала губы.
Scarlett knew their souls were writhing in helpless rage at being under obligations to their Yankee overseer.	Скарлетт видела, что их душит бессильный гнев -нелегко им было чувствовать себя в долгу у этого управляющего-янки.

Mrs. Calvert seemed ready to weep.	А миссис Калверт, казалось, вот-вот заплачет.

She had somehow made a blunder.	Опять она совершила какую-то оплошность.
She was always blundering.	Она вечно попадала впросак.
She just couldn't understand Southerners, for all that she had lived in Georgia twenty years.	Прожив в Джорджии двадцать лет, она так и не научилась понимать этих южан.

She never knew what not to say to her stepchildren and, no matter what she said or did, they were always so exquisitely polite to her.	Она никогда не знала, чего не следует говорить своим пасынкам, и вместе с тем, что бы она ни сказала и ни сделала, они были неизменно вежливы с ней.
Silently she vowed she would go North to her own people, taking her children with her, and leave these puzzling stiff-necked strangers.	И она давала в душе обеты богу, что уедет на Север, к родителям, забрав с собой детей, и оставит навсегда этих высокомерных, загадочных и чуждых ей людей.
After these visits, Scarlett had no desire to see the Tarletons.	После таких визитов у Скарлетт отпала охота навещать Тарлтонов.

Now that the four boys were gone, the house burned and the family cramped in the overseer's cottage, she could not bring herself to go.	Все четыре брата погибли ни войне, усадьбу сожгли. Тарлтоны ютились теперь в домике управляющего, и Скарлетт никак не могла заставить себя поехать их проведать.
But Suellen and Carreen begged and Melanie said it would be unneighborly not to call and welcome Mr. Tarleton back from the war, so one Sunday they went.	Но Сьюлин и Кэррин упрашивали ее, и Мелани сказала, что это было бы не по-соседски - не проведать мистера Тарлтона, вернувшегося с войны, - и как-то в воскресенье они все же собрались и поехали.
This was the worst of all.	Это посещение было самым тяжелым из всех.

As they drove up by the ruins of the house, they saw Beatrice Tarleton dressed in a worn riding habit, a crop under her arm, sitting on the top rail of the fence about the paddock, staring moodily at nothing.	Приближаясь к развалинам дома, они увидели Беатрису Тарлтон: в рваной амазонке, с хлыстом под мышкой, она сидела на ограде загона и безучастно смотрела в никуда.
Beside her perched the bow-legged little negro who had trained her horses and he looked as glum as his mistress.	Кривоногий, малорослый чернокожий малый -объездчик лошадей - сидел с ней рядом, и вид у него был не менее угрюмый, чем у нее.

The paddock, once full of frolicking colts and placid brood mares, was empty now except for one mule, the mule Mr. Tarleton had ridden home from the surrender.	Загон, в котором всегда резвились жеребята и стояли спокойно-грациозные породистые кобылы, был пуст, если не считать одного-единственного мула, на котором мистер Тарлтон возвратился с войны домой.
"I swear I don't know what to do with myself now that my darlings are gone," said Mrs. Tarleton, climbing down from the fence.	- Клянусь богом, я просто не знаю, куда себя девать теперь - после того, как не стало моих красавцев, - сказала миссис Тарлтон, соскакивая с изгороди.

A stranger might have thought she spoke of her four dead sons, but the girls from Tara knew her horses were in her mind.	Стороннему человеку могло бы показаться, что она говорит о своих четырех погибших на войне сыновьях, но гости из Тары поняли, что речь идет о лошадях.
"All my beautiful horses dead.	- Все мои красавчики пали.
And oh, my poor Nellie!	И моя бедняжка Нелли!
If I just had Nellie!	Останься у меня хотя бы Нелли!

And nothing but a damned mule on the place.	Ничего, кроме этого проклятого мула.

A damned mule," she repeated, looking indignantly at the scrawny beast.	Проклятого мула, - повторила она, с возмущением глядя на костлявое животное.
"It's an insult to the memory of my blooded darlings to have a mule in their paddock.	- Это же оскорбление памяти моих чистокровных красоток - держать в их загоне мула.
Mules are misbegotten, unnatural critters and it ought to be illegal to breed them."	Мулы - это противоестественные, ублюдочные создания, и следовало бы издать закон, запрещающий их разводить!

Jim Tarleton, completely disguised by a bushy beard, came out of the overseer's house to welcome and kiss the girls and his four red-haired daughters in mended dresses streamed out behind him, tripping over the dozen black and tan hounds which ran barking to the door at the sound of strange voices.	Джим Тарлтон, обросший косматой бородой, делавшей его совершенно неузнаваемым, с громкими приветствиями появился из домика управляющего и расцеловался с дамами, а следом за ним оттуда высыпали и его четыре рыжеволосые дочки в залатанных платьях, спотыкаясь о вертевшихся в ногах черных и пегих собак, которые при звуках чужих голосов всей дюжиной с лаем бросились наружу.

There was an air of studied and determined cheerfulness about the whole family which brought a colder chill to Scarlett's bones than the bitterness of Mimosa or the deathly brooding of Pine Bloom.	И от напускной веселости, проявляемой всем этим семейством, Скарлетт мороз подрал по коже - это было еще страшнее, чем затаенная горечь в глазах обитателей Мимозы или дух смерти, витавший над Сосновыми Кущами.
The Tarletons insisted that the girls stay for dinner, saying they had so few guests these days and wanted to hear all the news.	Тарлтоны настояли, чтобы гостьи остались отобедать, - ведь теперь такие посещения стали редкостью, говорили они, и ужасно хочется узнать какие-нибудь новости.

Scarlett did not want to linger, for the atmosphere oppressed her, but Melanie and her two sisters were anxious for a longer visit, so the four stayed for dinner and ate sparingly of the side meat and dried peas which were served them.	У Скарлетт не было никакой охоты засиживаться в гостях - атмосфера этой семьи действовала на нее угнетающе, - но ее сестрам и Мелани хотелось побыть подольше, и в конце концов они все остались обедать и отведали немножко мяса и сушеных бобов, которыми их потчевали.

There was laughter about the skimpy fare and the Tarleton girls giggled as they told of makeshifts for clothes, as if they were telling the most amusing of jokes.	По поводу скудости угощения было отпущено немало шуток, и сестры Тарлтон так заливались смехом, рассказывая, к каким ухищрениям научились они прибегать, переделывая свои старые туалеты, словно смешнее этого ничего нельзя было придумать.
Melanie met them halfway, surprising Scarlett with her unexpected vivacity as she told of trials at Tara, making light of hardships.	Мелани вторила им, с изумившей Скарлетт шутливостью оживленно повествуя о лишениях и трудностях, которыми полна их жизнь в Таре.
Scarlett could hardly speak at all.	А у Скарлетт слова не шли с языка.

The room seemed so empty without the four great Tarleton boys, lounging and smoking and teasing.	Дом казался ей опустевшим без четырех высоченных братьев Тарлтонов, которые должны были бы сидеть здесь, развалясь в креслах, покуривая сигары и поддразнивая девушек.

And if it seemed empty to her, what must it seem to the Tarletons who were offering a smiling front to their neighbors?	А если она ощущает эту пустоту, то что же должны чувствовать сами Тарлтоны, мужественно разыгрывающие веселую комедию перед своими соседями?
Carreen had said little during the meal but when it was over she slipped over to Mrs. Tarleton's side and whispered something.	Кэррин говорила мало, но когда все встали из-за стола, она подошла к миссис Тарлтон и что-то прошептала ей на ухо.

Mrs. Tarleton's face changed and the brittle smile left her lips as she put her arm around Carreen's slender waist.	Миссис Тарлтон изменилась в лице, вымученная улыбка сползла с ее губ, она протянула руку и обхватила тоненькую талию Кэррин.
They left the room, and Scarlett, who felt she could not endure the house another minute, followed them.	Они вместе вышли из комнаты, и Скарлетт, почувствовав, что она больше ни секунды не может оставаться в этих стенах, последовала за ними.
They went down the path through the garden and Scarlett saw they were going toward the burying ground.	Они пошли по дорожке через сад, и Скарлетт увидела, что их путь ведет к семейному кладбищу.
Well, she couldn't go back to the house now.	Повернуть обратно к дому теперь было уже невозможно.

It would seem too rude.	Это выглядело бы слишком грубо.
But what on earth did Carreen mean dragging Mrs. Tarleton out to the boys' graves when Beatrice was trying so hard to be brave?	Но зачем же Кэррин понадобилось тащить мать к могилам ее сыновей, в то время как Беатриса Тарлтон так, старалась держаться мужественно?
There were two new marble markers in the brick-inclosed lot under the funereal cedars-so new that no rain had splashed them with red dust.	За кирпичной оградой, под темными кедрами, белели два новых мраморных надгробия -настолько новых, что дождь еще ни разу не успел забрызгать их красной глиной.
"We got them last week," said Mrs. Tarleton proudly.	- Мы получили их на прошлой неделе, - с гордостью объяснила миссис Тарлтон.

"Mr. Tarleton went to Macon and brought them home in the wagon."	- Мистер Тарлтон поехал в Мейкон и привез их в фургоне.
Tombstones!	Надгробные плиты!
And what they must have cost!	Сколько же они могли стоить?
Suddenly Scarlett did not feel as sorry for the Tarletons as she had at first.	Сочувствие, которое поначалу испытывала Скарлетт к Тарлтонам, внезапно испарилось.
Anybody who would waste precious money on tombstones when food was so dear, so almost unattainable, didn't deserve sympathy.	Люди, которые могут тратить драгоценные деньги на могильные плиты, в то время как еда так дорога, что к ней не подступиться, не заслуживают симпатии.

And there were several lines carved on each of the stones.	И к тому же на плитах были высечены надписи -по несколько строк на каждой.
The more carving, the more money.	А чем больше слов, тем больше денег.
The whole family must be crazy!	Вся семейка, как видно, рехнулась!
And it had cost money, too, to bring the three boys' bodies home.	А во что еще обошлось им привезти сюда тела трех братьев!

They had never found Boyd or any trace of him.	Тело Бойда так и не нашли.
Between the graves of Brent and Stuart was a stone which read:	Между могилами Брента и Стюарта возвышалось надгробие с надписью:

"They were lovely and pleasant in their lives, and in their death they were not divided."	"Они были добрыми и любящими при жизни и в смерти остались неразлучны".
On the other stone were the names of Boyd and Tom with something in Latin which began	На другом надгробии были высечены имена Бойда и Тома и какая-то латинская надпись, начинавшаяся словами:
"Dulce et-" but it meant nothing to Scarlett who had managed to evade Latin at the Fayetteville Academy.	"Dulce et..." Но Скарлетт это ничего не говорило, так как во время пребывания в Фейетвилльском пансионе ей удалось обойти латынь стороной.
All that money for tombstones!	Отвалить столько денег за могильные плиты!
Why, they were fools!	Нет, они просто идиоты!

She felt as indignant as if her own money had been squandered.	Скарлетт была так возмущена, словно Тарлтоны пустили на ветер ее деньги, а не свои.
Carreen's eyes were shining oddly.	А в глазах Кэррин появился какой-то необычный блеск.
"I think it's lovely," she whispered pointing to the first stone.	- Какие прекрасные слова, - прошептала она, указывая на первое надгробие.
Carreen would think it lovely.	"Понятно, это в ее вкусе.
Anything sentimental stirred her.	Всякая сентиментальность трогает ее до слез".

"Yes," said Mrs. Tarleton and her voice was soft, "we thought it very fitting-they died almost at the same time.	- Да, - сказала миссис Тарлтон. Голос ее потеплел. - Нам казалось, что это очень хорошая надпись, - они ведь погибли почти одновременно.
Stuart first and then Brent who caught up the flag he dropped."	Сначала Стюарт, а потом Брент - он подхватил знамя, выпавшее из рук брата.

As the girls drove back to Tara, Scarlett was silent for a while, thinking of what she had seen in the various homes, remembering against her will the County in its glory, with visitors at all the big houses and money plentiful, negroes crowding the quarters and the well-tended fields glorious with cotton.	На обратном пути Скарлетт была молчалива. Она думала о том, что видела в домах, которые посетила, и невольно возвращалась мыслями к тем временам, когда край этот процветал и в каждом доме было полно гостей, полно черных слуг и полно денег, а на усердно обработанных полях величаво взрастал хлопок.

"In another year, there'll be little pines all over these fields," she thought and looking toward the encircling forest she shuddered.	"Еще через год все эти поля покроются молодой сосновой порослью, - подумала она, глядя на обступивший поля со всех сторон лес, и по телу у нее пробежала дрожь.
"Without the darkies, it will be all we can do to keep body and soul together.	- Без негров мы едва-едва сумеем свести концы с концами.
Nobody can run a big plantation without the darkies, and lots of the fields won't be cultivated at all and the woods will take over the fields again.	Никто не сможет обработать большую плантацию без негров, и много земли останется невозделанной, и скоро на месте полей снова подымутся леса.

Nobody can plant much cotton, and what will we do then?	Никто не сможет посеять много хлопка, и как же мы будем тогда жить?

What'll become of country folks?	Какая участь ждет всех плантаторов?
Town folks can manage somehow.	Г ородские жители как-нибудь устроят свою жизнь.
They've always managed.	Они всегда находили пути.
But we country folks will go back a hundred years like the pioneers who had little cabins and just scratched a few acres-and barely existed.	А плантаторы будут отброшены на сто лет назад, к временам первых пионеров, бревенчатых хижин, крошечных клочков обработанной земли и жизни на грани вымирания".

"No-" she thought grimly,	"Нет, - подумала она мрачно.
"Tara isn't going to be like that.	- Не бывать такому с Тарой.
Not even if I have to plow myself.	Скорее я сама впрягусь в плуг.
This whole section, this whole state can go back to woods if it wants to, but I won't let Tara go.	Вся округа, весь штат может, если им это нравится, зарастать лесами, но в Таре я этого не допущу.
And I don't intend to waste my money on tombstones or my time crying about the war.	Я не стану разбазаривать последние деньги на могильные плиты и тратить время на вздохи по проигранной войне.
We can make out somehow.	Мы как-нибудь выкрутимся.

I know we could make out somehow if the men weren't all dead.	Я знаю, что мы бы все выкрутились, если бы мужчин не перебили на войне.
Losing the darkies isn't the worst part about this.	Потеря негров - это еще не самое худшее из зол.
It's the loss of the men, the young men."	Ужасна потеря мужчин, молодых мужчин.
She thought again of the four Tarletons and Joe Fontaine, of Raiford Calvert and the Munroe brothers and all the boys from Fayetteville and Jonesboro whose names she had read on the casualty lists.	- Она снова подумала о четырех братьях Тарлтонах, о Джо Фонтейне, о Рейфорде Калверте, о братьях Манро и о всех прочих юношах из. Фейетвилла и Джонсборо, чьи имена читала в списках раненых и убитых.

"If there were just enough men left, we could manage somehow but- " Another thought struck her-suppose she wanted to marry again.	- Мы бы как-нибудь справились, если бы уцелело достаточно мужчин, но..." Новая мысль поразила ее: а что, если она захочет снова выйти замуж?
Of course, she didn't want to marry again.	Конечно, ей это ни к чему.
Once was certainly enough.	Одного раза вполне достаточно.
Besides, the only man she'd ever wanted was Ashley and he was married if he was still living.	К тому же единственный человек, за которого она могла бы Пожелать выйти замуж, уже женат и неизвестно, жив ли.

But suppose she would want to marry.	Но что, если ей все-таки захочется выйти замуж?
Who would there be to marry her?	Кто же теперь остался? Кто мог бы жениться на ней?
The thought was appalling.	Мысль эта потрясла ее.
"Melly," she said, "what's going to happen to Southern girls?"	- Мелли, - сказала она, - какая же участь ждет теперь наших женщин-южанок?
"What do you mean?"	- Что ты имеешь в виду?

"Just what I say.	- То, что я сказала.
What's going to happen to them?	Что с ними будет?

There's no one to marry them.	Им же теперь не за кого выйти замуж.
Why, Melly, with all the boys dead, there'll be thousands of girls all over the South who'll die old maids."	Понимаешь, Мелли, после того как всех мужчин перебили, тысячи женщин в Южных штатах обречены будут умереть старыми девами.
"And never have any children," added Melanie, to whom this was the most important thing.	- И бездетными, - добавила Мелани: ей эта сторона вопроса казалась наиболее существенной.

Evidently the thought was not new to Suellen who sat in the back of the wagon, for she suddenly began to cry.	По-видимому, такая мысль уже не раз приходила в голову Сьюлин, сидевшей в глубине повозки, потому что она вдруг расплакалась.
She had not heard from Frank Kennedy since Christmas. She did not know if the lack of mail service was the cause, or if he had merely trifled with her affections and then forgotten her.	Сьюлин не получала вестей от Франка Кеннеди с самого рождества и не знала - плохая ли работа почты тому виной или непостоянство ее возлюбленного, который лишь играл ее чувствами и уже забыл о ней.

Or maybe he had been killed in the last days of the war!	А может быть, он погиб в последние дни войны, что было бы, конечно, все же предпочтительнее, чем оказаться брошенной.
The latter would have been infinitely preferable to his forgetting her, for at least there was some dignity about a dead love, such as Carreen and India Wilkes had, but none about a deserted fiancee.	Погибший возлюбленный придает хотя бы некий ореол значительности своей безутешной невесте -вроде того, какой окружает теперь Кэррин и Индию Уилкс, - в то время как на долю брошенной не достается ничего.
"Oh, in the name of God, hush!" said Scarlett.	- О, бога ради, перестань! - воскликнула Скарлетт.

"Oh, you can talk," sobbed Suellen, "because you've been married and had a baby and everybody knows some man wanted you.	- Да, тебе легко говорить! - всхлипывала Сьюлин.- Ты была замужем, у тебя ребенок, все знают, что был кто-то, кто тебя любил.
But look at me!	А каково мне?
And you've got to be mean and throw it up to me that I'm an old maid when I can't help myself.	И у тебя еще хватает низости бросать мне в лицо, что я старая дева, хотя ты понимаешь, что это не моя вина!
I think you're hateful."	По-моему, это гадко!
"Oh, hush!	- Ну, замолчи!

You know how I hate people who bawl all the time.	Ты знаешь, я терпеть не могу тех, кто вечно хнычет.
You know perfectly well old Ginger Whiskers isn't dead and that he'll come back and marry you.	Ты прекрасно понимаешь, что наш старина Джо-Рыжие-Бакенбарды цел и невредим и скоро вернется и женится на тебе.
He hasn't any better sense.	Он достаточно для этого глуп.
But personally, I'd rather be an old maid than marry him."	Другое дело, что я бы лично предпочла остаться старой девой, чем получить такого мужа.

There was silence from the back of the wagon for a while and Carreen comforted her sister with absent-minded pats, for her mind was a long way off, riding paths three years old with Brent Tarleton beside her. There was a glow, an exaltation in her eyes.	Какое-то время в глубине повозки царило молчание. Кэррин с рассеянным видом утешала сестру, машинально поглаживая ее руку: мыслями она была далеко - на лесной тропе, по которой три года назад скакала верхом с Брентом Тарлтоном, -и в глазах ее появился странный экзальтированный блеск.
"Ah," said Melanie, sadly, "what will the South be like without all our fine boys?	- Ах, - грустно вздохнула Мелани, - не могу себе представить Юг без наших прекрасных юношей!
What would the South have been if they had lived?	А как бы он расцвел, будь они живы!

We could use their courage and their energy and their brains.	Мы должны быть мужественными, энергичными и умными, как они, Скарлетт.
Scarlett, all of us with little boys must raise them to take the places of the men who are gone, to be brave men like them."	Все мы, у кого есть сыновья, должны вырастить их достойными занять место ушедших, вырастить их такими же храбрыми, как те.
"There will never again be men like them," said Carreen softly.	- Таких, как они, уже не будет никогда, - тихо сказала Кэррин.
"No one can take their places."	- Никто не может их заменить.
They drove home the rest of the way in silence,	И весь остаток пути они больше не разговаривали.

One day not long after this, Cathleen Calvert rode up to Tara at sunset.	Как-то, несколькими днями позже, Кэтлин Калверт на закате солнца приехала в Тару.
Her sidesaddle was strapped on as sorry a mule as Scarlett had ever seen, a flop-eared lame brute, and Cathleen was almost as sorry looking as the animal she rode. Her dress was of faded gingham of the type once worn only by house servants, and her sunbonnet was secured under her chin by a piece of twine.	Приехала она, сидя верхом в дамском седле на муле - такой жалкой, хромоногой, вислоухой твари Скарлетт отродясь еще не видала, - да и сама Кэтлин - в платье из вылинявшей полосатой бумажной ткани, которая раньше шла только на одежду для слуг, в шляпе, завязанной под подбородком обрывком шпагата, - являла почти столь же жалкое зрелище.

She rode up to the front porch but did not dismount, and Scarlett and Melanie, who had been watching the sunset, went down the steps to meet her.	Она подъехала к дому, но не спешилась, и Скарлетт с Мелани, стоявшие на крыльце, любуясь закатом, спустились по ступенькам ей навстречу.
Cathleen was as white as Cade had been the day Scarlett called, white and hard and brittle, as if her face would shatter if she spoke.	Кэтлин была так же бледна, как и Кэйд в тот день, когда Скарлетт заезжала их проведать, - бледное, суровое лицо ее казалось застывшим, как фарфоровая маска, словно она дала обет молчания и боялась хоть единым словом его нарушить.
But her back was erect and her head was high as she nodded to them.	Но сидела она на своем муле очень прямо и голову держала высоко.

Scarlett suddenly remembered the day of the Wilkes barbecue when she and Cathleen had whispered together about Rhett Butler.	Скарлетт внезапно вспомнился прием у Уилксов и как они с Кэтлин перешептывались по поводу Ретта Батлера.
How pretty and fresh Cathleen had been that day in a swirl of blue organdie with fragrant roses at her sash and little black velvet slippers laced about her small ankles.	Как свежа и хороша была в тот день Кэтлин в пене голубого органди с душистыми розами у пояса, в маленьких черных бархатных туфельках, зашнурованных крест-накрест вокруг стройных лодыжек.

And now there was not a trace of that girl in the stiff figure sitting on the mule.	Ничто не напоминало прежде грациозной девочки в этой застывшей фигуре, каменно восседавшей на муле.

"I won't get down, thank you," she said.	- Нет, заходить я не буду, спасибо, - сказала она.
"I just came to tell you that I'm going to be married."	- Я заехала только сообщить вам, что выхожу замуж.
"What!"	- Как?
"Who to?"	- За кого же?
"Cathy, how grand!"	- Кэти, какая великолепная новость!
"When?"	- Когда же свадьба?
"Tomorrow," said Cathleen quietly and there was something in her voice which took the eager smiles from their faces.	- Завтра, - сказала Кэтлин, и что-то в ее голосе смело радостные улыбки с их лиц.

"I came to tell you that I'm going to be married tomorrow, in Jonesboro-and I'm not inviting you all to come."	- Я приехала сообщить вам, что венчаюсь завтра в Джонсборо.., и никого из вас не приглашаю на свадьбу.
They digested this in silence, looking up at her, puzzled.	Они проглотили это сообщение молча, озадаченно глядя на Кэтлин.
Then Melanie spoke.	Наконец Мелани заговорила:
"Is it someone we know, dear?"	- Это кто-нибудь, кого мы знаем, моя дорогая?
"Yes," said Cathleen, shortly.	- Да, - ответила Кэтлин.
"It's Mr. Hilton."	- Это мистер Хилтон.
"Mr. Hilton?"	- Мистер Хилтон?

"Yes, Mr. Hilton, our overseer."	- Да, мистер Хилтон, наш управляющий.
Scarlett could not even find voice to say	Скарлетт едва не вскрикнула:
"Oh!" but Cathleen, peering down suddenly at Melanie, said in a low savage voice:	"Ой!", но Кэтлин, упершись взглядом в Мелани, внезапно произнесла негромко, с неистовым отчаянием в голосе:
"If you cry, Melly, I can't stand it.	- Мелли, если ты заплачешь, я этого не выдержу!
I shall die!"	Я умру!
Melanie said nothing but patted the foot in its awkward home-made shoe which hung from the stirrup.	Мелани стояла молча, опустив голову, и только тихонько погладила вдетую в стремя ногу в неуклюжем самодельном башмаке.

Her head was low. "And don't pat me!	- И не надо меня гладить!
I can't stand that either."	Этого я тоже не перенесу.
Melanie dropped her hand but still did not look up.	Рука Мелани упала, но головы она не подняла.
"Well, I must go.	- Ладно, я поехала.
I only came to tell you."	Хотела просто сообщить вам.
The white brittle mask was back again and she picked up the reins.	- Кэтлин натянула поводья, лицо ее снова стало белой фарфоровой маской.

"How is Cade?" asked Scarlett, utterly at a loss but fumbling for some words to break the awkward silence.	- Как Кэйд? - спросила совершенно оторопевшая Скарлетт, беспомощно стараясь чем-то заполнить тягостное молчание.
"He is dying," said Cathleen shortly.	- Он умирает, - коротко сообщила Кэтлин.
There seemed to be no feeling in her voice.	Голос ее звучал холодно, безучастно.
"And he is going to die in some comfort and peace if I can manage it, without worry about who will take care of me when he's gone.	- И я сделаю все, насколько это в моих силах, чтобы он умер спокойно, не тревожась обо мне и понимая, что, когда его не станет, я буду не одна, обо мне позаботятся.

You see, my stepmother and the children are going North for good, tomorrow.	Дело в том, что наша мачеха отбывает завтра с детьми на Север.
Well, I must be going."	Ну, все, мне надо ехать.
Melanie looked up and met Cathleen's hard eyes.	Мелани подняла голову и встретила жесткий взгляд Кэтлин.
There were bright tears on Melanie's lashes and understanding in her eyes, and before them, Cathleen's lips curved into the crooked smile of a brave child who tries not to cry.	Глаза Мелани были полны сочувствия и понимания, а на длинных ресницах блестели слезинки, и внезапно горькая улыбка - совсем как у ребенка, который храбрится, стараясь не заплакать от боли, - искривила губы Кэтлин.

It was all very bewildering to Scarlett who was still trying to grasp the idea that Cathleen Calvert was going to marry an overseer- Cathleen, daughter of a rich planter, Cathleen who, next to Scarlett, had had more beaux than any girl in the County.	От всего этого у Скарлетт голова совсем пошла кругом: она никак не могла освоиться с мыслью, что Кэтлин Калверт выходит замуж за управляющего, - Кэтлин Калверт, дочь богатого плантатора, Кэтлин, у которой было так много поклонников, как ни у одной девушки в графстве, не считая, конечно, самой Скарлетт.
Cathleen bent down and Melanie tiptoed.	Кэтлин наклонилась, Мелани встала на цыпочки.
They kissed.	Они поцеловались.

Then Cathleen flapped the bridle reins sharply and the old mule moved off.	Потом Кэтлин резко дернула поводья, и старый мул тронулся с места.
Melanie looked after her, the tears streaming down her face.	Мелани смотрела ей вслед, слезы струились по ее щекам.
Scarlett stared, still dazed.	Скарлетт все еще никак не могла прийти в себя от изумления.
"Melly, is she crazy?	- Мелли, она что - рехнулась?
You know she can't be in love with him."	Как могла она влюбиться в него?
"In love?	- Влюбиться?
Oh, Scarlett, don't even suggest such a horrid thing!	Боже мой, Скарлетт, какие ужасные мысли приходят тебе в голову!
Oh, poor Cathleen!	Ах, бедная Кэтлин!

Poor Cade!"	Бедный Кэйд!
"Fiddle-dee-dee!" cried Scarlett, beginning to be irritated.	- Да брось ты! - воскликнула Скарлетт, которую все это уже начинало раздражать.

It was annoying that Melanie always seemed to grasp more of situations than she herself did.	Ей было досадно, что Мелани как-то всегда ухитрялась глубже, чем она сама, вникнуть в суть вещей.
Cathleen's plight seemed to her more startling than catastrophic.	Помолвка Кэтлин поразила ее своей неожиданностью, но вовсе не показалась чем-то трагическим.

Of course it was no pleasant thought, marrying Yankee white trash, but after all a girl couldn't live alone on a plantation; she had to have a husband to help her run it.	Конечно, это не большое удовольствие - выходить замуж за янки, за белую шваль, но в конце-то концов девушка не может жить одна-одинешенька на плантации, ей нужен муж, чтобы помочь управиться с хозяйством.
"Melly, it's like I said the other day.	- Вот об этом самом я и толковала тебе, Мелли, на днях.
There isn't anybody for girls to marry and they've got to marry someone."	У девушек теперь нет женихов, и им приходится выходить за кого попало.
"Oh, they don't have to marry!	- Да совершенно не обязательно им выходить замуж!
There's nothing shameful in being a spinster.	Ничего нет постыдного в том, чтобы оставаться незамужней.

Look at Aunt Pitty.	Возьми к примеру хоть тетю Питти.
Oh, I'd rather see Cathleen dead!	Господи, да, по мне, лучше смерть, чем такой брак!
I know Cade would rather see her dead.	И я уверена, что Кэйду тоже легче было бы увидеть Кэтлин мертвой.
It's the end of the Calverts.	Это конец рода Калвертов.
Just think what her- what their children will be.	Подумай только, за кого она.., какие у них будут дети!
Oh, Scarlett, have Pork saddle the horse quickly and you ride after her and tell her to come live with us!"	Послушай, Скарлетт, скорей вели Порку оседлать лошадь, скачи за Кэтлин и скажи - пусть она лучше переходит жить к нам.

"Good Lord!" cried Scarlett, shocked at the matter-of-fact way in which Melanie was offering Tara.	- Еще чего! - вскричала Скарлетт, пораженная тем, как Мелани походя распоряжается ее поместьем.
Scarlett certainly had no intention of feeding another mouth.	У Скарлетт не было ни малейшего намерения кормить еще один рот.
She started to say this but something in Melanie's stricken face halted the words.	Она уже готова! была заявить об этом, но что-то в удрученном лице Мелани заставило ее сдержаться.
"She wouldn't come, Melly," she amended.	- Она же не согласится, Мелани, - подошла она к делу с другой стороны.
"You know she wouldn't.	- Ты сама понимаешь.

She's so proud and she'd think it was charity."	Она слишком горда, для нее это будет то же, что принять милостыню.

"That's true, that's true!" said Melanie distractedly, watching the small cloud of red dust disappear down the road.	- Да, ты права, ты права! - совершенно расстроенная, пробормотала Мелани, глядя, как оседает на дорогу маленькое облачко красной пыли.
"You've been with me for months," thought Scarlett grimly, looking at her sister-in-law, "and it's never occurred to you that it's charity you're living on.	"Ты живешь тут уже который месяц, - угрюмо подумала Скарлетт, глядя на золовку, - и тебе ни разу не пришло в голову, что ведь, в сущности, ты принимаешь от меня подаяние.
And I guess it never will.	И никогда, думаю, и не придет.

You're one of those people the war didn't change and you go right on thinking and acting just like nothing had happened-like we were still rich as Croesus and had more food than we know what to do with and guests didn't matter.	Таких, как ты, не смогла изменить даже война, ты мыслишь и действуешь так, словно ничего не произошло, словно мы по-прежнему богаты как Крез и не знаем, куда девать продукты, и сколько в доме гостит народу, не имеет для нас значения.
I guess I've got you on my neck for the rest of my life.	И похоже, ты будешь сидеть у меня на шее до конца дней моих.
But I won't have Cathleen too."	Но только не с Кэтлин в придачу - нет, покорно благодарю!"
CHAPTER XXX	Глава 30
In that warm summer after peace came, Tara suddenly lost its isolation.	В то жаркое лето после заключения мира Тара перестала быть уединенным островком.

And for months thereafter a stream of scarecrows, bearded, ragged, footsore and always hungry, toiled up the red hill to Tara and came to rest on the shady front steps, wanting food and a night's lodging.	Месяц за месяцем через плантации лился поток страшных, бородатых, оборванных, похожих на пугала людей со стертыми в кровь ногами; они взбирались на красный холм и присаживались отдохнуть на затененном крыльце, моля о пище и о ночлеге.
They were Confederate soldiers walking home.	Солдаты армии конфедератов возвращались домой.

The railroad had carried the remains of Johnston's army from North Carolina to Atlanta and dumped them there, and from Atlanta they began their pilgrimages afoot.	Остатки армии Джонстона перебросили по железной дороге из Северной Каролины в Атланту, выгрузили их там, и они пустились в дальнейшее паломничество пешком.
When the wave of Johnston's men had passed, the weary veterans from the Army of Virginia arrived and then men from the Western troops, beating their way south toward homes which might not exist and families which might be scattered or dead.	Когда волна солдат генерала Джонстона спала, за нею следом побрели измученные ветераны виргинской армии, а за ними - солдаты западных войск; все стремились на юг, к своим домам, которых, быть может, и не существовало более, к своим семьям, давно, быть может, рассеявшимся по свету или погребенным в земле.

Most of them were walking, a few fortunate ones rode bony horses and mules which the terms of the surrender had permitted them to keep, gaunt animals which even an untrained eye could tell would never reach far-away Florida and south Georgia.	Почти все шли пешком, а наиболее удачливые ехали верхом на костлявых лошадях или мулах, которых согласно условиям капитуляции им разрешали сохранить, но бедные животные были настолько истощены, что самому неопытному глазу было ясно: ни одно из них не дотянет до далекой Флориды или Южной Джорджии.
Going home!	Домой!

Going home!	Домой!
That was the only thought in the soldiers' minds.	Одна мысль владела умами всех солдат.

Some were sad and silent, others gay and contemptuous of hardships, but the thought that it was all over and they were going home was the one thing that sustained them.	Некоторые были молчаливы, печальны, другие веселы, полны презрения к лишениям, но и тех и других поддерживала мысль: войне конец, мы возвращаемся домой.
Few of them were bitter.	И мало кто испытывал горечь поражения.
They left bitterness to their women and their old people.	Это выпало на долю женщин и стариков.

They had fought a good fight, had been licked and were willing to settle down peaceably to plowing beneath the flag they had fought.	А солдаты отважно сражались, и теперь им хотелось одного: вернуться к мирному труду землепашцев под флагом страны, за которую шла борьба.
Going home!	Домой!
Going home!	Домой!
They could talk of nothing else, neither battles nor wounds, nor imprisonment nor the future.	Они не могли говорить ни о чем другом - ни о битвах, ни о ранах, ни о плене, ни о будущем.

Later, they would refight battles and tell children and grandchildren of pranks and forays and charges, of hunger, forced marches and wounds, but not now.	Пройдет время, и они начнут вспоминать сражения и рассказывать своим детям и внукам о схватках, атаках, налетах, о шутливых проделках, о голоде, раненых, форсированных маршах... Но не сейчас.
Some of them lacked an arm or a leg or an eye, many had scars which would ache in rainy weather if they lived for seventy years but these seemed small matters now.	У одних не было ноги, у других - руки, у третьих - глаза, и почти у всех были шрамы, которые станут ныть в сырую погоду, если они доживут лет до семидесяти, но все это казалось им сейчас несущественным.
Later it would be different.	Дальше жизнь пойдет по-другому.

Old and young, talkative and taciturn, rich planter and sallow Cracker, they all had two things in common, lice and dysentery.	И одно было общим для всех - для старых и молодых, для разговорчивых и молчаливых, для богатых плантаторов и изможденных бедняков -все равно страдали от дизентерии и вшей.
The Confederate soldier was so accustomed to his verminous state he did not give it a thought and scratched unconcernedly even in the presence of ladies.	Вшивость стала таким неизменным спутником солдат-конфедератов, что они уже машинально и бездумно почесывались даже в присутствии дам.

As for dysentery-the "bloody flux" as the ladies delicately called it-it seemed to have spared no one from private to general.	Что до дизентерии - "кровавой лихорадки", как деликатно называли эту болезнь дамы, - то она, по-видимому, не пощадила никого от рядового до генерала.
Four years of half-starvation, four years of rations which were coarse or green or half-putrefied, had done its work with them and every soldier who stopped at Tara was either just recovering or was actively suffering from it.	Четыре года существования на грани голодной смерти, четыре года на рационе самой грубой, зачастую почти несъедобной пищи сделали свое дело, и каждый солдат, искавший пристанища в Таре, либо страдал этой болезнью, либо только что от нее оправился.

"Dey ain' a soun' set of bowels in de whole Confedrut ahmy," observed Mammy darkly as she sweated over the fire, brewing a bitter concoction of blackberry roots which had been Ellen's sovereign remedy for such afflictions.	- Похоже, во всей армии не сыщется ни одного здорового брюха с крепкими кишками, - мрачно изрекла Мамушка, обливавшаяся потом у очага, готовя горький отвар из корня ежевики, который Эллин считала чудодейственным лекарством от всех желудочных заболеваний.
"It's mah notion dat 'twarn't de Yankees whut beat our gempmum.	- Сдается мне, не янки побили наших жентмунов, а просто, у наших жентмунов кишки не выдержали.
'Twuz dey own innards. Kain no gempmum fight wid his bowels tuhnin' ter water."	Какой жентмун может сражаться, ежели у него в кишках вода?

One and all, Mammy dosed them, never waiting to ask foolish questions about the state of their organs and, one and all, they drank her doses meekly and with wry faces, remembering, perhaps, other stern black faces in far-off places and other inexorable black hands holding medicine spoons.	И одного за другим она поила их всех отваром, не предваряя лечения пустыми вопросами о состоянии желудка, и все, один за другим, покорно, хотя порой и кривясь, пили ее снадобье, вспоминая, быть может, другие суровые черные лица в далеком отсюда краю и другие непреклонные черные руки с ложкой целебного снадобья.
In the matter of "comp'ny" Mammy was equally adamant. No liceridden soldier should come into Tara.	В такой же мере непреклонна была Мамушка и в вопросах "обчества" и неусыпно следила за тем, чтобы ни один обовшивевший солдат не переступил порога Тары.

She marched them behind a clump of thick bushes, relieved them of their uniforms, gave them a basin of water and strong lye soap to wash with and provided them with quilts and blankets to cover their nakedness, while she boiled their clothing in her huge wash pot.	Мамушка препровождала их всех за густые заросли кустарника, где предлагала им разоблачиться, снабжала куском щелочного мыла, лоханкой горячей воды, а также простынями и одеялами - прикрыть наготу, пока она будет кипятить их одежду в огромном стиральном котле.
It was useless for the girls to argue hotly that such conduct humiliated the soldiers.	Женская половина дома горячо протестовала против такого обращения, унижающего честь солдата, но все протесты были бесплодны.

Mammy replied that the girls would be a sight more humiliated if they found lice upon themselves.	Мамушка отвечала на это, что еще большему унижению подвергнутся они сами, если обнаружат на себе вошь.
When the soldiers began arriving almost daily, Mammy protested against their being allowed to use the bedrooms.	Когда солдаты стали появляться на плантации почти ежедневно, запротестовала сама Мамушка: она не желала пускать солдат в спальни.
Always she feared lest some louse had escaped her.	Ее преследовал страх, что какая-нибудь шустрая вошь ускользнет от ее зоркого глаза.
Rather than argue the matter, Scarlett turned the parlor with its deep velvet rug into a dormitory.	Во избежание пререканий Скарлетт превратила в спальню гостиную, устланную мягким ковром.

Mammy cried out equally loudly at the sacrilege of soldiers being permitted to sleep on Miss Ellen's rug but Scarlett was firm.	Мамушка снова подняла крик, протестуя против кощунственного обращения с ковром покойной мисс Эллин, но на сей раз Скарлетт была тверда.
They had to sleep somewhere.	Где-то же солдатам надо спать!

And, in the months after the surrender, the deep soft nap began to show signs of wear and finally the heavy warp and woof showed through in spots where heels had worn it and spurs dug carelessly.	И через несколько месяцев после заключения мира на мягком ворсе ковра стали появляться потертости, а вскоре грубая основа и уток проглянули в тех местах, где прогуливались неосторожный солдатский каблук или шпора.

Of each soldier, they asked eagerly of Ashley.	И у каждого солдата все жадно выспрашивали про Эшли.
Suellen, bridling, always asked news of Mr. Kennedy.	А Сьюлин с достоинством осведомлялась о мистере Кеннеди.
But none of the soldiers had ever heard of them nor were they inclined to talk about the missing.	Но никто из солдат ничего о них не слышал, да и не имел особой охоты распространяться о пропавших без вести.
It was enough that they themselves were alive, and they did not care to think of the thousands in unmarked graves who would never come home.	Им повезло, они уцелели, и им не хотелось думать о тех, кто покоится в безымянных могилах и никогда не вернется домой.

The family tried to bolster Melanie's courage after each of these disappointments.	Вся семья старалась укрепить мужество Мелани после каждого пережитого ею разочарования.
Of course, Ashley hadn't died in prison.	Нет, конечно, Эшли не умер в тюрьме.
Some Yankee chaplain would have written if this were true.	Тюремный капеллан обязательно написал бы им, если бы это случилось.
Of course, he was coming home but his prison was so far away.	Эшли, без сомнения, сейчас возвращается домой, но путь-то ведь далекий.
Why, goodness, it took days riding on a train to make the trip and if Ashley was walking, like these men...	Да боже ты мой, даже на поезде это несколько суток езды, а если он идет пешком, как эти солдатики?..

Why hadn't he written?	"Почему он не пишет?" -
Well, darling, you know what the mails are now-so uncertain and slipshod even where mail routes are re-established.	"Но, дорогая, вы же знаете, как работает почта -через пень колоду, как говорится, хотя железнодорожное сообщение и восстановилось". -
But suppose-suppose he had died on the way home.	"А что, если.., что, если он умер на пути домой?" -
Now, Melanie, some Yankee woman would have surely written us about it!...	"Но послушайте, Мелли, какая-нибудь женщина, пусть даже янки, непременно известила бы нас об этом..." -
Yankee women!	"Какая-нибудь янки?
Bah!...	Хм..." -

Melly, there ARE some nice Yankee women.	"Ах, Мелли, порядочные женщины есть и там.
Oh, yes, there are!	Да, да, есть!
God couldn't make a whole nation without having some nice women in it!	Г осподь бог не мог населить целую страну такими людьми, среди которых не было бы ни единой порядочной женщины!
Scarlett, you remember we did meet a nice Yankee woman at Saratoga that time-Scarlett, tell Melly about her!	Скарлетт, ты помнишь, как мы встретили однажды в Саратоге очень славную женщину-янки? Расскажи про нее Мелани".
"Nice, my foot!" replied Scarlert.	- Славную? Как бы не так! - сказала Скарлетт.

"She asked me how many bloodhounds we kept to chase our darkies with!	- Эта янки спросила меня, сколько гончих собак мы держим, чтобы травить ими наших негров.
I agree with Melly.	Я согласна с Мелли.
I never saw a nice Yankee, male or female.	Я еще не встречала ни одного славного янки - ни женщины, ни мужчины.
But don't cry, Melly!	Но ты не плачь, Мелли.
Ashley'll come home.	Эшли вернется.
It's a long walk and maybe- maybe he hasn't got any boots."	Путь-то далекий, а ведь может.., может, у него нет сапог.
Then at the thought of Ashley barefooted, Scarlett could have cried.	И тут, вообразив себе босоногого Эшли, Скарлетт чуть не расплакалась сама.

Let other soldiers limp by in rags with their feet tied up in sacks and strips of carpet, but not Ashley.	Другие солдаты могли приковылять домой, обернув ноги тряпьем - обрывками ковра или мешковиной, но только не Эшли.
He should come home on a prancing horse, dressed in fine clothes and shining boots, a plume in his hat.	Он должен был возвратиться домой, гарцуя на коне, в красивом мундире и сверкающих сапогах, с пером на шляпе.
It was the final degradation for her to think of Ashley reduced to the state of these other soldiers.	Думать, что Эшли может быть низведен до такого же унизительного состояния, как эти солдаты, было невыносимо для Скарлетт.

One afternoon in June when everyone at Tara was assembled on the back porch eagerly watching Pork cut the first half-ripe watermelon of the season, they heard hooves on the gravel of the front drive.	Как-то в июле, в послеполуденный час все обитатели Тары в полном составе собрались на заднем крыльце дома, с интересом наблюдая, как Порк разрезает первую поспевшую в огороде дыню, и! тут до слуха их долетел стук копыт по гравию подъездной аллеи.
Prissy started languidly toward the front door, while those left behind argued hotly as to whether they should hide the melon or keep it for supper, should the caller at the door prove to be a soldier.	Присси лениво поплелась к переднему крыльцу, в то время как остальные принялись горячо обсуждать, спрятать ли дыню или подать ее на ужин, если окажется, что подъехал какой-нибудь солдат.

Melly and Carreen whispered that the soldier guest should have a share and Scarlett, backed by Suellen and Mammy, hissed to Pork to hide it quickly.	Мелли и Кэррин говорили шепотом, что надо угостить солдата, а Скарлетт, нашедшая поддержку в лице Сьюлин и Мамушки, шипела на ухо Порку, чтобы он поживее спрятал дыню.
"Don't be a goose, girls!	- Не глупите, девочки!
There's not enough for us as it is and if there are two or three famished soldiers out there, none of us will even get a taste," said Scarlett.	Нам самим-то едва достанется по кусочку, а если там два-три голодных солдата, то не видать нам этой дыни как своих ушей, - говорила Скарлетт.

While Pork stood with the little melon clutched to him, uncertain as to the final decision, they heard Prissy cry out.	Порк стоял с дыней в руках, не зная, к какому же они в конце концов придут решению, и тут все услышали возгласы Присси:
"Gawdlmighty!	- Батюшки светы!
Miss Scarlett!	Мисс Скарлетт!
Miss Melly!	Мисс Мелли!

Come quick!"	Идите сюда скорей!
"Who is it?" cried Scarlett, leaping up from the steps and racing through the hall with Melly at her shoulder and the others streaming after her.	- Кто там? - воскликнула Скарлетт и, вскочив со ступенек, бросилась через холл. Мелани бежала за ней по пятам, остальные спешили следом.

Ashley! she thought.	"Эшли! - пронеслось у Скарлетт в голове.
Oh, perhaps- "It's Uncle Peter!	- Или, быть может..." - Это дядюшка Питер!
Miss Pittypat's Uncle Peter!"	Дядюшка Питер от мисс Питти!..
They all ran out to the front porch and saw the tall grizzled old despot of Aunt Pitty's house climbing down from a rat-tailed nag on which a section of quilting had been strapped.	Все выбежали на крыльцо, и глазам их предстала высокая фигура старого седовласого тирана тетушки Питти, слезавшего с тонкохвостой клячи, покрытой вместо седла куском одеяла.

On his wide black face, accustomed dignity strove with delight at seeing old friends, with the result that his brow was furrowed in a frown but his mouth was hanging open like a happy toothless old hound's.	На широком черном лице привычное выражение спокойного достоинства не без борьбы уступало место восторгу от встречи со старыми друзьями, вследствие чего лоб дядюшки Питера прорезали строгие морщины, - а рот расплывался в улыбке, как пасть старой беззубой гончей.
Everyone ran down the steps to greet him, black and white shaking his hand and asking questions, but Melly's voice rose above them all.	Все - и белые, и черные - сбежали по ступенькам ему навстречу, все жали ему руки и засыпали вопросами, но голос Мелани прозвучал отчетливее других:
"Auntie isn't sick, is she?"	- Тетушка не заболела, нет?

"No'm. She's po'ly, thank God," answered Peter, fastening a severe	- Нет, мэм.
look first on Melly and then on Scarlett, so that they suddenly felt guilty but could think of no reason why.	Она держится, храни ее господь, - отвечал дядюшка Питер, бросая такой суровый взгляд сначала на Мелани, затем на Скарлетт, что они сразу почувствовали себя провинившимися, хотя еще не отдавали себе отчета - в чем.
"She's po'ly but she is plum outdone wid you young Misses, an' ef it come right down to it, Ah is too!"	- Она держится, но она шибко в обиде на вас, молодые мисс, и если уж говорить напрямки, так и я тоже!
"Why! Uncle Peter!	- Почему, дядюшка Питер?

What on earth-"	Что мы такое...
"Y'all nee'n try ter 'scuse you'seffs.	- Да уж не прикидывайтесь, будто не знаете!
Ain' Miss Pitty writ you an' writ you ter come home?	Мало, что ли, писала она вам? Писала и писала, просила приехать.
Ain' Ah seed her write an' seed her a-cryin' w'en y'all writ her back dat you got too much ter do on disyere ole farm ter come home?"	Я ж тоже не слепой - видал, как она получит ваше письмо и сидит, слезами обливается. У вас, значит, столько много делов на этой старой ферме, что вам нипочем нельзя воротиться домой?
"But, Uncle Peter-"	- Но, дядюшка Питер...

"Huccome you leave Miss Pitty by herseff lak dis w'en she so scary lak?	- И как это вас угораздило оставить мисс Питти одну-одинешеньку, когда она страх как всего боится?

You know well's Ah do Miss Pitty ain' never live by herseff an' she been shakin' in her lil shoes ever since she come back frum Macom.	Вы же не хуже моего знаете - мисс Питти отродясь не живала одна, а уж нынче, как воротилась из Мейкона, так день и ночь трясется и трясется от страха.
She say fer me ter tell y'all plain as Ah knows how dat she jes' kain unnerstan' y'all desertin' her in her hour of need."	И мне велено сказать вам напрямки: я, дескать, в толк не возьму, как могли они этак покинуть меня в час моих великих испытаний.
"Now, hesh!" said Mammy tartly, for it sat ill upon her to hear Tara referred to as an "ole farm."	- Ладно уж, замолчи! - резко оборвала его Мамушка, задетая за живое тем, что дядюшка Питер окрестил Тару "старой фермой".

Trust an ignorant city-bred darky not to know the difference between a farm and a plantation.	Да где ему - городскому неучу-негру - понимать разницу между фермой и плантацией!
"Ain' us got no hours of need?	- А у нас тут что - не "час испытаний"?
Ain' us needin' Miss Scarlett an' Miss Melly right hyah an' needin' dem bad?	А мы тут как же будем без мисс Скарлетт, без мисс Мелли? Может, они нам нужнее вашего!
Huccome Miss Pitty doan ast her brudder fer 'sistance, does she need any?"	Чего ж это мисс Питти не позовет к себе своего братца, ежели она в такой беде?
Uncle Peter gave her a withering look.	Дядюшка Питер бросил на нее уничтожающий взгляд.

"Us ain' had nuthin' ter do wid Mist' Henry fer y'ars, an' us is too ole ter start now."	- Мы уже почитай сколько лет не знаемся с мистером Генри, и мы слишком старые, чтоб менять теперь наши привычки.
He turned back to the girls, who were trying to suppress their smiles.	- Он повернулся к дамам, которые всеми силами старались сдержать улыбки.

"You young Misses ought ter tek shame, leavin' po' Miss Pitty 'lone, wid half her frens daid an' de other half in Macom, an' 'Lanta full of Yankee sojers an' trashy free issue niggers."	- А вам, молодые мисс, должно быть стыдно: бросили бедную мисс Питти одну, когда у нее половина друзей поперемерла, а другие в Мейконе, а в Атланте полным-полно солдат-янки и вольных голодранцев-ниггеров.

The two girls had borne the castigation with straight faces as long as they could, but the thought of Aunt Pitty sending Peter to scold them and bring them back bodily to Atlanta was too much for their control.	Мелани и Скарлетт смиренно выслушали эту отповедь, но в конце концов не выдержали и расхохотались, припав друг к другу на плечо. Подумать только: тетушка Питти отрядила дядюшку Питера в Тару, чтобы отчитать их и привезти обратно!

They burst into laughter and hung on each other's shoulders for support. Naturally, Pork and Dilcey and Mammy gave vent to loud guffaws at hearing the detractor of their beloved Tara set at naught.	Тут уж и Порк, и Дилси, и Мамушка разразились громким хохотом, радуясь тому, что поноситель их любимой Тары явно посрамлен.
Suellen and Carreen giggled and even Gerald's face wore a vague smile.	Сьюлин и Кэррин хихикали, и даже по лицу Джералда пробежало подобие улыбки.

Everyone laughed except Peter, who shifted from one large splayed foot to the other in mounting indignation.	Смеялись все, за исключением дядюшки Питера, который со все возрастающим гневом досадливо переминался с одной огромной плоской ступни на другую.
"Whut's wrong wid you, nigger?" inquired Mammy with a grin.	- А ты-то для чего, черномазый? - с усмешкой вопросила Мамушка.
"Is you gittin' too ole ter perteck yo' own Missus?"	- Так одряхлел, что не можешь защитить свою хозяйку?
Peter was outraged.	Дядюшка Питер был оскорблен до глубины души.
"Too ole!	- Одряхлел?
Me too ole?	Это я одряхлел?

No, Ma'm! Ah kin perteck Miss Pitty lak Ah allus done.	Нет, мэм! Я не дам мисс Питти в обиду и никогда не давал..
Ain' Ah perteck her down ter Macom when us refugeed?	Не я, что ли, оберегал ее, когда мы с ней удирали в Мейкон?
Ain' Ah perteck her w'en de Yankees come ter Macom an' she so sceered she faintin' all de time?	Не я, что ли, охранял ее, когда туда пришли янки и она так напужалась, что каждую минуту падала в обморок?
An' ain' Ah 'quire disyere nag ter bring her back ter 'Lanta an' perteck her an' her pa's silver all de way?"	Не я, что ли, привез ее обратно в Атланту и всю дорогу берег и ее, и серебро ейного папеньки?

Peter drew himself to his full height as he vindicated himself.	- Произнося эту свою защитительную речь, дядюшка Питер вытянулся во весь рост.
"Ah ain' talkin' about perteckin'.	- Так я ж не о том - мне что, трудно разве о ней позаботиться?
Ah's talkin' 'bout how it LOOK."	Я о том, как на это поглядят.
"How who look?"	- На что - на это.., кто поглядит?
"Ah'm talkin' 'bout how it look ter folks, seein' Miss Pitty livin' 'lone.	- А люди - вот я о чем толкую. Как люди поглядят на то, что мисс Питти живет одна.

Folks talks scan'lous 'bout maiden ladies dat lives by deyseff," continued Peter, and it was obvious to his listeners that Pittypat, in his mind, was still a plump and charming miss of sixteen who must be sheltered against evil tongues.	Люди нехорошее говорят про незамужних дам, ко- торые живут сами по себе, - провозгласил дядюшка Питер, и всем стало ясно, что тетушка Питтипэт в его глазах осталась все той же хорошенькой шестна- дцатилетней девушкой, репутацию которой необ- ходимо было защищать от злых языков.
"An' Ah ain' figgerin' on havin' folks criticize her.	- Л я не хочу, чтобы ее имя трепали в городе.

No, Ma'm... An' Ah ain' figgerin' on her takin' in no bo'ders, jes' fer comp'ny needer.	Нет, мэм. И не хочу я, чтобы она пускала в дом постояльцев, лишь бы не жить одной.
Ah done tole her dat.	Так я ей и сказал.
'Not w'ile you got yo' flesh an' blood dat belongs wid you,' Ah says.	"Нет, - сказал я, - не бывать этому, покамест живы ваши единокровные".
An' now her flesh an' blood denyin' her.	Только, видать, кровные-то родственнички отворачиваются.

Miss Pitty ain' nuthin' but a chile an'-"	Мисс Питти - она совсем как дитя малое и...

At this, Scarlett and Melly whooped louder and sank down to the steps.	При этих словах Скарлетт и Мелани совсем зашлись от смеха и, громко всхлипнув, опустились на ступеньки крыльца.
Finally Melly wiped tears of mirth from her eyes.	Наконец Мелани утерла слезы, набежавшие от смеха на глаза.
"Poor Uncle Peter!	- Бедный дядюшка Питер!
I'm sorry I laughed.	Не сердись, что я смеялась.
Really and truly.	Мне, право, стыдно.
There! Do forgive me.	Прости меня!
Miss Scarlett and I just can't come home now.	Но мы, Скарлетт и я, никак не можем вернуться сейчас домой.

Maybe I'll come in September after the cotton is picked.	Может быть, в сентябре, когда снимем урожай хлопка, я и вернусь.
Did Auntie send you all the way down here just to bring us back on that bag of bones?"	Неужели тетушка заставила тебя проделать весь этот путь для того только, чтобы привезти нас домой на этом тощем животном?
At this question, Peter's jaw suddenly dropped and guilt and consternation swept over his wrinkled black face.	Тут у дядюшки Питера внезапно отвалилась челюсть и на черном морщинистом лице изобразилось смущение и испуг.

His protruding underlip retreated to normal as swiftly as a turtle withdraws its head beneath its shell.	Оскорбление выпяченная нижняя губа вернулась в обычное положение с таким же проворством, с каким черепаха втягивает голову в спасительный панцирь.
"Miss Melly. Ah is gittin' ole, Ah spec', 'cause Ah clean fergit fer de moment whut she sent me fer, an' it's important too.	- Мисс Мелли, видать, стар я стал, гляди-ка, из ума вон, зачем она меня послала, а ведь дело-то важное.
Ah got a letter fer you.	Письмо привез вам.
Miss Pitty wouldn' trust de mails or nobody but me ter bring it an'-"	Мисс Питти не хотела доверить его почте, никому не могла доверить, окромя меня...
"A letter?	- Письмо!
For me?	Мне?

Who from?"	От кого?
"Well'm, it's-Miss Pitty, she says ter me,	- Да дело-то такое, хм... Мисс Питти, значит, говорит мне:
'You, Peter, you brek it gen'ly ter Miss Melly,' an' Ah say-"	"Питер, ты как-нибудь поаккуратней сообщи об этом мисс Мелли" - а я и говорю...
Melly rose from the steps, her hand at her heart.	Мелли поднялась со ступенек, прижав руки к груди.
"Ashley!	- Эшли?
Ashley!	Эшли?
He's dead!"	Он умер?

"No'm! No'm!" cried Peter, his voice rising to a shrill bawl, as he fumbled in the breast pocket of his ragged coat.	- Нет, мэм! Нет! - со всей мочи завопил дядюшка Питер, и голос его сорвался. Он судорожно рылся в нагрудном кармане своей рваной куртки.
"He's 'live!	- Жив он!
Disyere a letter frum him.	Вот оно - письмо!
He comin' home.	Он домой возвращается.
He-Gawdlmighty! Ketch her, Mammy!	Он... Боже милостивый, держи ее, Мамушка!
Lemme-"	Дайте-ка я...

"Doan you tech her, you ole fool!" thundered Mammy, struggling to keep Melanie's sagging body from falling to the ground.	- Убери свои руки, старый осел! - загремела Мамушка, подхватывая сомлевшую Мелани и не давая ей упасть.
"You pious black ape!	- Ах ты, благочестивый старый осел!
Brek it gen'ly!	"Сообщи ей поаккуратней!"
You, Poke, tek her feet.	Порк, бери ее за ноги.
Miss Carreen, steady her haid.	Мисс Кэррин, поддержите ей голову.
Lessus lay her on de sofa in de parlor."	Давайте положим ее на диван в гостиной.

There was a tumult of sound as everyone but Scarlett swarmed about the fainting Melanie, everyone crying out in alarm, scurrying into the house for water and pillows, and in a moment Scarlett and Uncle Peter were left standing alone on the walk.	Все, кроме Скарлетт, суетились вокруг потерявшей сознание Мелани, все что-то испуганно восклицали, кто-то побежал за водой и подушками, и на дорожке перед домом остались только Скарлетт и дядюшка Питер.
She stood rooted, unable to move from the position to which she had leaped when she heard his words, staring at the old man who stood feebly waving a letter.	Скарлетт стояла, ошеломленно глядя на старого негра, беспомощно размахивавшего письмом.

His old black face was as pitiful as a child's under its mother's disapproval, his dignity collapsed.	Его черное старческое лицо жалобно сморщилось, словно у ребенка, которого распекает мать, от чувства собственного достоинства не осталось и следа.
For a moment she could not speak or move, and though her mind shouted:	В первые мгновения Скарлетт не могла двинуться с места, не могла произнести ни слова, и, хотя в мозгу ее звенело:
"He isn't dead!	"Он жив!
He's coming home!" the knowledge brought neither joy nor excitement, only a stunned immobility.	Он возвращается домой!", она не ощущала ни радости, ни волнения - ничего, кроме потрясения и оцепенелости.

Uncle Peter's voice came as from a far distance, plaintive, placating.	Голос дядюшки Питера - жалобный, молящий -доносился к ней откуда-то издалека:
"Mist' Willie Burr frum Macom whut is kin ter us, he brung it ter Miss Pitty.	- Мистер Уилли Бэрр из Мейкона - он нашим сродни - привез мисс Питти письмо-то.
Mist' Willie he in de same jail house wid Mist' Ashley.	Мистер Уилли был в одной тюрьме с мистером Эшли.

Mist' Willie he got a hawse an' he got hyah soon.	Мистер Уилли раздобыл лошадь и добрался быстро.
But Mist' Ashley he a-walkin' an'-"	А мистер Эшли - тот идет пешком...
Scarlett snatched the letter from his hand.	Скарлетт выхватила у него письмо.

It was addressed to Melly in Miss Pitty's writing but that did not make her hesitate a moment.	Она узнала почерк мисс Питти, и письмо было адресовано Мелани, но это не породило в Скарлетт ни секундного колебания.
She ripped it open and Miss Pitty's inclosed note fell to the ground.	Она разорвала конверт, и записочка мисс Питти упала на землю.
Within the envelope there was a piece of folded paper, grimy from the dirty pocket in which it had been carried, creased and ragged about the edges.	Кроме записки, в конверте был еще сложенный в несколько раз листок бумаги - засаленный, замызганный от пребывания в грязном кармане, обтрепанный по краям.
It bore the inscription in Ashley's hand:	Рукою Эшли на нем была сделана надпись:

"Mrs. George Ashley Wilkes, Care Miss Sarah Jane Hamilton, Atlanta, or Twelve Oaks, Jonesboro, Ga."	"Миссис Джордж Эшли Уилкс, через мисс Сару-Джейн Гамильтон, Атланта или Двенадцать Дубов, Джонсборо, Джорджия".
With fingers that shook, she opened it and read:	Дрожащими пальцами Скарлетт развернула листок и прочла:
"Beloved, I am coming home to you-" Tears began to stream down her face so that she could not read and her heart swelled up until she felt she could not bear the joy of it.	"Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе..." Слезы заструились по ее лицу, и она не могла прочесть больше ни строчки, а сердце заколотилось так, что ей казалось - сейчас оно разорвется от переполнявшей его радости.

Clutching the letter to her, she raced up the porch steps and down the hall, past the parlor where all the inhabitants of Tara were getting in one another's way as they worked over the unconscious Melanie, and into Ellen's office.	Прижав письмо к груди, она взлетела на крыльцо и - через холл, мимо гостиной, где все обитатели дома хлопотали, мешая друг другу, вокруг лежавшей в обмороке Мелани, - вбежала в маленький кабинетик Эллин.
She shut the door and locked it and flung herself down on the sagging old sofa crying, laughing, kissing the letter.	Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на ключ и бросилась на старую софу, плача, смеясь, прижимая к губам письмо.
"Beloved," she whispered, "I am coming home to you."	"Любимая, - шептала она, - я возвращаюсь домой, к тебе".

Common sense told them that unless Ashley developed wings, it would be weeks or even months before he could travel from Illinois to Georgia, but hearts nevertheless beat wildly whenever a soldier turned into the avenue at Tara.	Здравый смысл подсказывал всем, что Эшли -если только ему не удастся отрастить крылья - не сможет добраться из Иллинойса в Джорджию раньше как через несколько недель, если не через несколько месяцев, и тем не менее, стоило какому-нибудь солдату показаться в глубине подъездной аллеи, как у каждого начинало бешено колотиться сердце.
Each bearded scarecrow might be Ashley.	Любое бородатое пугало могло обернуться Эшли.

And if it were not Ashley, perhaps the soldier would have news of him or a letter from Aunt Pitty about him.	А если даже это был не Эшли, то кто-то мог принести весть о нем или письмо от тетушки Питти с известием об Эшли.

Black and white, they rushed to the front porch every time they heard footsteps.	И все население дома - и белое, и черное, -заслышав звук шагов, выбегало на крыльцо.
The sight of a uniform was enough to bring everyone flying from the woodpile, the pasture and the cotton patch.	Вид человека в военной форме заставлял каждого бросаться с выгона, с хлопкового поля, от поленницы дров ему навстречу.
For a month after the letter came, work was almost at a standstill.	На какое-то время после получения письма работы на плантации почти остановились.

No one wanted to be out of the house when he arrived. Scarlett least of all.	Никто не хотел оказаться вне дома, когда появится Эшли, а меньше всех - Скарлетт.
And she could not insist on the others attending to their duties when she so neglected hers.	И конечно, она не могла требовать от других, чтобы они занимались своими делами, когда сама забросила все.
But when the weeks crawled by and Ashley did not come or any news of him, Tara settled back into its old routine.	Но шли недели, а Эшли все не было, и не приходило больше никаких о нем вестей, и жизнь на плантации понемногу вошла в обычную колею.
Longing hearts could only stand so much of longing.	Сердечной тоске и напряженному ожиданию тоже ведь положен свой предел.

An uneasy fear crept into Scarlett's mind that something had happened to him along the way.	Однако в душу Скарлетт мало-помалу закрался тревожный страх, что с Эшли случилась какая-то беда по дороге.
Rock Island was so far away and he might have been weak or sick when released from prison.	Рок-Айленд так далеко, а из тюрьмы он мог выйти слабым и больным.
And he had no money and was tramping through a country where Confederates were hated.	Денег у него нет, и край, через который лежит его путь, исполнен ненависти к конфедератам.

If only she knew where he was, she would send money to him, send every penny she had and let the family go hungry, so he could come home swiftly on the train.	Если бы только знать, где он находится, она послала бы ему денег, послала бы все до последнего пенни, заставила бы голодать всю семью, лишь бы он мог быстрее вернуться домой на поезде.
"Beloved, I am coming home to you."	"Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе".
In the first rush of joy when her eyes met those words, they had meant only that Ashley was coming home to her.	В первые мгновения неистовой радости, когда ее глазам предстали эти строки, они означали для нее лишь одно: Эшли возвращается домой, к ней.

Now, in the light of cooler reason, it was Melanie to whom he was returning, Melanie who went about the house these days singing with joy.	Затем, поостыв, она поняла, что Эшли возвращается не к ней, а к Мелани. К Мелани, которая бегает по дому, распевая от радости словно птичка.
Occasionally, Scarlett wondered bitterly why Melanie could not have died in childbirth in Atlanta.	И временами у Скарлетт мелькала горькая мысль: а ведь Мелани могла умереть в Атланте от родов!
That would have made things perfect.	Все бы так превосходно устроилось тогда.

Then she could have married Ashley after a decent interval and made little Beau a good stepmother too.	По истечении приличествующего срока она могла бы выйти замуж за Эшли и стать доброй мачехой малютке Бо.

When such thoughts came she did not pray hastily to God, telling Him she did not mean it.	И когда нечто подобное приходило ей на ум, она уже не спешила испросить у господа прощения, не пыталась уверить его, что у нее не было ничего такого в мыслях.
God did not frighten her any more.	Она утратила страх перед господней карой.
Soldiers came singly and in pairs and dozens and they were always hungry.	Солдаты забредали в дом по одному, по двое, дюжинами, и все - голодные.

Scarlett thought despairingly that a plague of locusts would be more welcome.	Скарлетт в отчаянии говорила себе, что даже нашествие саранчи было бы не столь страшно.
She cursed again the old custom of hospitality which had flowered in the era of plenty, the custom which would not permit any traveler, great or humble, to go on his journey without a night's lodging, food for himself and his horse and the utmost courtesy the house could give.	Она проклинала старый обычай гостеприимства, укоренившийся в эпоху процветания Юра, обычай, согласно которому ни одного заезжего человека - будь он благородного или простого сословия - нельзя отпустить дальше в путь, не накормив " его самого, и его лошадь, не предоставив ему ночлега и не выказав должного радушия.

She knew that era had passed forever, but the rest of the household did not, nor did the soldiers, and each soldier was welcomed as if he were a longawaited guest.	Скарлетт понимала, что прежний уклад жизни канул в прошлое навеки, но все остальные обитатели Тары не могли этого понять, не понимали этого и солдаты, и каждый из них был принят в доме как долгожданный гость.
As the never-ending line went by, her heart hardened.	И поток мимо бредущих не иссякал, а сердце Скарлетт ожесточалось.
They were eating the food meant for the mouths of Tara, vegetables over whose long rows she had wearied her back, food she had driven endless miles to buy.	Солдаты поедали съестные запасы, заготовленные на несколько месяцев впрок, поедали овощи, выращивая которые она гнула спину, продукты, для приобретения которых ей пришлось покрыть не одну милю.

Food was so hard to get and the money in the Yankee's wallet would not last forever.	Продукты эти добывались с великим трудом, а деньги в бумажнике янки таяли быстро.
Only a few greenbacks and the two gold pieces were left now.	Сейчас в нем осталось уже всего несколько зеленых бумажек и только две золотые монеты.
Why should she feed this horde of hungry men?	Почему должна она кормить всю эту ораву голодных мужчин?
The war was over.	Война окончилась.
They would never again stand between her and danger.	Солдатам уже не придется больше грудью защищать ее дом от неприятеля.

So, she gave orders to Pork that when soldiers were in the house, the table should be set sparely.	И она дала распоряжение Порку: когда в доме солдаты, подавать на стол поменьше еды.
This order prevailed until she noticed that Melanie, who had never been strong since Beau was born, was inducing Pork to put only dabs of food on her plate and giving her share to the soldiers.	Распоряжение это оставалось в силе до тех пор, пока она не заметила, что Мелани, все еще не вполне окрепшая после появления на свет Бо, заставляет Порка отдавать ее долю солдатам, а себе берет нечто почти не различимое невооруженным глазом.

"You'll have to stop it, Melanie," she scolded.	- Прекрати это, Мелани, - обрушилась на нее Скарлетт.

"You're half sick yourself and if you don't eat more, you'll be sick in bed and we'll have to nurse you.	- Ты пока еще еле на ногах держишься, и если не станешь есть как следует, то сляжешь совсем, и нам придется за тобой ухаживать.
Let these men go hungry.	Пусть солдаты немного поголодают.
They can stand it.	Они от этого не умрут.
They've stood it for four years and it won't hurt them to stand it a little while longer."	Они выдерживали это четыре года, выдержат и еще.
Melanie turned to her and on her face was the first expression of naked emotion Scarlett had ever seen in those serene eyes.	Мелани поглядела не нее, и Скарлетт впервые увидела откровенный бунт в ее всегда таком ясном взоре.

"Oh, Scarlett, don't scold me!	- Ах, Скарлетт, не брани меня!
Let me do it.	Позволь мне поступать по-своему.
You don't know how it helps me. Every time I give some poor man my share I think that maybe, somewhere on the road up north, some woman is giving my Ashley a share of her dinner and it's helping him to get home to me!"	Всякий раз, когда я отдаю какому-нибудь бедняге свою порцию, и думаю о том, что, быть может, где-то там на Севере какая-то женщина, повстречав моего Эшли на пути, делится с ним своим обедом, и это дает ему силы брести домой, ко мне.
"My Ashley."	"Моего Эшли".
"Beloved, I am coming home to you."	"Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе".

Scarlett turned away, wordless.	Скарлетт молча отвела глаза.
After that, Melanie noticed there was more food on the table when guests were present, even though Scarlett might grudge them every mouthful.	Но после этого разговора Мелани заметила, что на столе стало появляться больше еды, даже если присутствовали посторонние, хотя Скарлетт по-прежнему жалела для них каждый кусок.
When the soldiers were too ill to go on, and there were many such, Scarlett put them to bed with none too good grace.	Если солдаты были слишком больны - а такие забредали к ним частенько - и не могли двинуться дальше, Скарлетт весьма и весьма неохотно предоставляла им постель.
Each sick man meant another mouth to feed.	Каждый больной был лишним ртом, который приходилось кормить.

Someone had to nurse him and that meant one less worker at the business of fence building, hoeing, weeding and plowing.	И кто-то должен был за ним ухаживать - значит, одним работником меньше на прополке, на пахоте, на огороде, на возведении ограды.
One boy, on whose face a blond fuzz had just begun to sprout, was dumped on the front porch by a mounted soldier bound for Fayetteville. He had found him unconscious by the roadside and had brought him, across his saddle, to Tara, the nearest house.	Раз какой-то верховой, направлявшийся в Фейетвилл, оставил у них на крыльце совсем юного парня со светлым пушком над верхней губой: юноша этот валялся у дороги без сознания, и верховой перекинул его через седло и привез в ближайшую усадьбу - в Тару.

The girls thought he must be one of the little cadets who had been called out of military school when Sherman approached Milledgeville but they never knew, for he died without regaining consciousness and a search of his pockets yielded no information.	Все подумали, что это, верно, один из тех курсантов, которые были призваны в армию, когда Шерман повел наступление на Милледжвилл, но узнать наверное им ничего не удалось, так как юноша умер, не приходя в сознание, а содержимое карманов не помогло установить его личность.

A nice-looking boy, obviously a gentleman, and somewhere to the south, some woman was watching the roads, wondering where he was and when he was coming home, just as she and Melanie, with a wild hope in their hearts, watched every bearded figure that came up their walk.	Это был пригожий мальчик, по-видимому, из родовитой семьи, и, быть может, где-то дальше к Югу какая-то женщина день и ночь глядела на дорогу, гадая, скоро ли он вернется домой, -совершенно так же, как Скарлетт и Мелани в безумной надежде вглядывались в каждую бородатую фигуру, появлявшуюся на аллее, ведущей к дому.

They buried the cadet in the family burying ground, next to the three little O'Hara boys, and Melanie cried sharply as Pork filled in the grave, wondering in her heart if strangers were doing this same thing to the tall body of Ashley.	Они похоронили юношу на своем семейном кладбище, рядом с тремя маленькими братьями О'Хара, и пока Порк засыпал могилу, Мелани отчаянно рыдала, думая о том, что, быть может, какой-нибудь чужой человек сделает то же для ее Эшли.
Will Benteen was another soldier, like the nameless boy, who arrived unconscious across the saddle of a comrade.	Так же как и этот безвестный юноша, попал к, ним и Уилл Бентин - он был без сознания, когда однополчанин привез его в Тару, перекинув через луку седла.

Will was acutely ill with pneumonia and when the girls put him to bed, they feared he would soon join the boy in the burying ground.	Уилл погибал от пневмонии, и, укладывая его в постель, женщины со страхом думали, что он разделит участь безымянного солдата, погребенного на их кладбище.
He had the sallow malarial face of the south Georgia Cracker, pale pinkish hair and washed-out blue eyes which even in delirium were patient and mild.	У него было изжелта-бледное малярийное лицо, какие нередко встречаются среди малоимущего населения Южной Джорджии, светлые рыжеватые волосы и почти бесцветные голубые глаза, хранившие кроткое и терпеливое выражение, даже когда он бредил.

One of his legs was gone at the knee and to the stump was fitted a roughly whittled wooden peg.	Одна нога у него была ампутирована до колена, и на культе держался кое-как обструганный деревянный обрубок.
He was obviously a Cracker, just as the boy they had buried so short a while ago was obviously a planter's son.	Всем было ясно, что он из небогатой семьи, - точно так же как никто не сомневался, что юноша, которого они недавно похоронили, явно был сыном какого-нибудь плантатора.
Just how the girls knew this they could not say.	Откуда пришла к ним эта уверенность, никто из женщин не смог бы объяснить.

Certainly Will was no dirtier, no more hairy, no more lice infested than many fine gentlemen who came to Tara.	Уилл был так же грязен и небрит и так же обовшивел, как многие джентльмены из хороших семей, попадавшие к ним в поместье.
Certainly the language he used in his delirium was no less grammatical than that of the Tarleton twins.	А речь его в бреду была отнюдь не менее правильна, чем язык близнецов Тарлтонов.

But they knew instinctively, as they knew thoroughbred horses from scrubs, that he was not of their class.	И все же подобно тому, как они умели мгновенно отличать породистую лошадь от полукровки, так и здесь все инстинктивно почувствовали. Что Уилл - человек не из их среды.

But this knowledge did not keep them from laboring to save him.	Впрочем, это никак не мешало им прилагать все силы к тому, чтобы спасти ему жизнь.
Emaciated from a year in a Yankee prison, exhausted by his long tramp on his ill-fitting wooden peg, he had little strength to combat pneumonia and for days he lay in the bed moaning, trying to get up, fighting battles over again.	Изнуренный годом заключения в тюрьме, измученный длинным переходом на плохо пригнанной деревянной ноге, он уже не имел сил бороться с пневмонией и день за днем в бреду снова и снова переживал все битвы, стонал и пытался вскочить с постели.
Never once did he call for mother, wife, sister or sweetheart and this omission worried Carreen.	Но ни разу за все время не позвал он к своему ложу ни матери, ни жены, ни сестры, ни возлюбленной, и это очень встревожило Кэррин.

"A man ought to have some folks," she said.	- У каждого человека должны быть какие-то близкие, - говорила она.
"And he sounds like he didn't have a soul in the world."	- А у этого словно бы нет ни единой родной души на всем белом свете.
For all his lankiness he was tough, and good nursing pulled him through.	Однако, несмотря на истощение, организм у него оказался крепким, и хороший уход помог ему преодолеть болезнь.
The day came when his pale blue eyes, perfectly cognizant of his surroundings, fell upon Carreen sitting beside him, telling her rosary beads, the morning sun shining through her fair hair.	Настал день, когда в бледно-голубых глазах стало заметно отчетливое восприятие действительности, и взгляд его упал на Кэррин: она сидела возле его постели, перебирая четки, и лучи утреннего солнца играли в ее белокурых волосах.

"Then you warn't a dream, after all," he said, in his flat toneless voice.	- Значит, вы все же не приснились мне, - произнес он своим глуховатым, бесцветным голосом.
"I hope I ain't troubled you too much, Ma'm."	- Надеюсь, я не доставил вам слишком много хлопот, мэм?
His convalescence was a long one and he lay quietly looking out of the window at the magnolias and causing very little trouble to anyone.	Выздоровление его продвигалось туго; день за днем он тихо лежал, глядя на магнолия за окном, и присутствие его почти не ощущалось в доме.
Carreen liked him because of his placid and unembarrassed silences.	Кэррин прониклась к нему симпатией; его тихая необременительная немногословность импонировала ей.

She would sit beside him through the long hot afternoons, fanning him and saying nothing.	И нередко в знойные послеполуденные часы она подолгу молча просиживала у его постели, отгоняя мух.
Carreen had very little to say these days as she moved, delicate and wraithlike, about the tasks which were within her strength.	Кэррин вообще была молчалива в эти дни: тоненькая, хрупкая, она неслышно, как привидение, двигалась по дому, выполняя те работы, которые были ей под силу.
She prayed a good deal, for when Scarlett came into her room without knocking, she always found her on her knees by her bed.	И много молилась, ибо стоило Скарлетт без стука заглянуть к ней в комнату, как она неизменно заставала Кэррин коленопреклоненной возле кровати.

The sight never failed to annoy her, for Scarlett felt that the time for prayer had passed.	Зрелище это всякий раз вызывало досаду у Скарлетт, считавшей, что время молитв прошло.
If God had seen fit to punish them so, then God could very well do without prayers.	Если бог нашел нужным так их покарать, значит, он прекрасно обходится без их молитв.
Religion had always been a bargaining process with Scarlett.	У Скарлетт религия всегда носила характер сделки.
She promised God good behavior in exchange for favors.	Она обычно обещала богу вести себя хорошо в обмен на те или иные его милости.

God had broken the bargain time and again, to her way of thinking, and she felt that she owed Him nothing at all now.	Но бог, по ее мнению, то и дело нарушал условия сделки, и теперь она чувствовала себя свободной от любых обязательств по отношению к нему.
And whenever she found Carreen on her knees when she should have been taking an afternoon nap or doing the mending, she felt that Carreen was shirking her share of the burdens.	И всякий раз, застав Кэррин в молитве на коленях, в то время как той надлежало вздремнуть после обеда или заняться починкой белья, она злилась, считая, что сестра увиливает от участия в совместных трудах.

She said as much to Will Benteen one afternoon when he was able to sit up in a chair and was startled when he said in his flat voice:	Примерно это она и сказала Уиллу Бентину как-то вечером, когда он уже стал вставать с постели, и была немало поражена, услышав в ответ такие, произнесенные бесцветным глуховатым голосом слова:
"Let her be, Miss Scarlett.	- Не трогайте ее, мисс Скарлетт.
It comforts her."	Это приносит ей утешение.
"Comforts her?"	- Утешение?
"Yes, she's prayin' for your ma and him."	- Конечно. Она молится за вашу матушку и за него.
"Who is 'him'?"	- За кого Это - "за него"?

His faded blue eyes looked at her from under sandy lashes without surprise.	Бело-голубые глаза без удивления погля-дели на нее из-под ры-жеватых ресниц.
Nothing seemed to surprise or excite him.	Ничто, по-видимому, не могло ни удивить, ни взволновать Уилла Бентина.
Perhaps he had seen too much of the unexpected ever to be startled again.	Быть может, он ви-дел слишком много неожиданного и непредставимого, чтобы сохранить спо-собность изумляться.
That Scarlett did not know what was in her sister's heart did not seem odd to him.	Ему не казалось стран-ным, что младшая сестра не раскрывала Скарлетт своего серд-ца.

He took it as naturally as he did the fact that Carreen had found comfort in talking to him, a stranger.	Он принимал это как нечто само собой разумеющееся, как и то, что Кэррин нашла возможным делиться с ним, совсем чужим ей человеком.
"Her beau, that boy Brent something-or-other who was killed at Gettysburg."	- За своего поклонника, за этого мальчика -Брента, не знаю, как его фамилия, который погиб при Геттисберге.
"Her beau?" said Scarlett shortly.	- За своего поклонника? - переспросила Скарлетт.
"Her beau, nothing!	- Какая чушь!

He and his brother were my beaux."	И он, и его брат были моими поклонниками.

"Yes, so she told me.	- Да, она мне тоже так говорила.
Looks like most of the County was your beaux.	Похоже, что все юноши во всем графстве были вашими поклонниками.
But, all the same, he was her beau after you turned him down, because when he come home on his last furlough they got engaged.	Но тем не менее он стал ее поклонником, после того как вы отвергли его. Ведь он обручился с мисс Кэррин, когда в последний раз приезжал домой на побывку.
She said he was the only boy she'd ever cared about and so it kind of comforts her to pray for him."	Она говорит, что ей никто никогда не нравился -только он, и она получает успокоение, молясь за него.
"Well, fiddle-dee-dee!" said Scarlett, a very small dart of jealousy entering her.	- Чепуха! - сказала Скарлетт, почувствовав легкий укол ревности.

She looked curiously at this lanky man with his bony stooped shoulders, his pinkish hair and calm unwavering eyes.	Она с любопытством поглядела на этого худосочного человека с костлявыми плечами, сутулой спиной, рыжеватыми волосами и спокойным немигающим взглядом.
So he knew things about her own family which she had not troubled to discover.	Вот, значит, как - ему известны секреты ее семьи, которые сама она не потрудилась узнать.
So that was why Carreen mooned about, praying all the time.	Так вот почему Кэррин бродит по дому как сомнамбула и все время молится богу.
Well, she'd get over it.	Ничего, это пройдет.
Lots of girls got over dead sweethearts, yes, dead husbands, too.	Тысячи девушек забывают своих мертв ых возлюбленных.., да и мертвых мужей тоже.

She'd certainly gotten over Charles.	Она же пережила потерю Чарльза.
And she knew one girl in Atlanta who had been widowed three times by the war and was still able to take notice of men.	А в Атланте она знала одну женщину, которая трижды вдовела за войну и все же не утратила способности интересоваться мужчинами.
She said as much to Will but he shook his head.	Именно эти соображения она и высказала Уиллу, но он покачал головой.
"Not Miss Carreen," he said with finality.	- Мисс Кэррин не такая, - убежденно сказал он.
Will was pleasant to talk to because he had so little to say and yet was so understanding a listener.	Уилл оказался приятным собеседником, потому что сам говорил мало, но умел слушать и понимать.

She told him about her problems of weeding and hoeing and planting, of fattening the hogs and breeding the cow, and he gave good advice for he had owned a small farm in south Georgia and two negroes.	Скарлетт делилась с ним своими сомнениями по части сева, прополки, рыхления почвы, откорма свиней и разведения коров, и он давал ей добрые советы, так как имел небольшую ферму в Южной Джорджии и двух негров.
He knew his slaves were free now and the farm gone to weeds and seedling pines.	Он знал, что теперь его негры получили свободу, а ферма заросла сорняком и молодой сосной.
His sister, his only relative, had moved to Texas with her husband years ago and he was alone in the world.	Его единственная сестра несколько лет назад уехала со своим мужем в Техас, других родственников у него не было, и он остался один как перст на всем белом свете.

Yet, none of these things seemed to bother him any more than the leg he had left in Virginia.	Впрочем, это, казалось, мало волновало его, так же как и потеря ноги, которой он лишился в Виргинии.
Yes, Will was a comfort to Scarlett after hard days when the negroes muttered and Suellen nagged and cried and Gerald asked too frequently where Ellen was.	И после целого дня тяжелой работы, после воркотни негров, нытья и шпилек Сьюлин, после бесконечно повторявшихся вопросов Джералда -где Эллин?
She could tell Will anything.	- Скарлетт отдыхала душой, беседуя с Уиллом. Ему она могла сказать все.

She even told him of killing the Yankee and glowed with pride when he commented briefly:	Она даже рассказала ему, как застрелила янки, и расцвела от гордости, услыхав его немногословную похвалу:
"Good work!"	- Чистая работа!
Eventually all the family found their way to Will's room to air their troubles-even Mammy, who had at first been distant with him because he was not quality and had owned only two slaves.	Мало-помалу все обитатели дома нашли путь в комнату Уилла, все шли к нему со своими тревогами и бедами - все, даже Мамушка, которая поначалу держалась с ним холодно, памятуя, что он невысокого происхождения и владелец всего двух рабов.

When he was able to totter about the house, he turned his hands to weaving baskets of split oak and mending the furniture ruined by the Yankees.	Как только Уилл смог ковылять по дому, он тотчас нашел себе работу - стал плести корзины и чинить поломанную янки мебель.
He was clever at whittling and Wade was constantly by his side, for he whittled out toys for him, the only toys the little boy had.	Кроме того, он очень умело резал по дереву, и Уэйд не отходил от него ни на шаг, так как Уилл вырезал ему всевозможные игрушки - первые в его жизни настоящие игрушки.

With Will in the house, everyone felt safe in leaving Wade and the two babies while they went about their tasks, for he could care for them as deftly as Mammy and only Melly surpassed him at soothing the screaming black and white babies.	Теперь, когда в доме появился Уилл, все, отправляясь по своим делам, уже спокойно оставляли на него Уэйда и двух малюток, ибо он не хуже Мамушки умел позаботиться о них, -разве что только Мелани превосходила его в умении успокоить раскричавшегося белого или черного младенца.
"You've been mighty good to me, Miss Scarlett," he said, "and me a stranger and nothin' to you all.	- Вы были неслыханно добры ко мне, мисс Скарлетт, - сказал однажды Уилл, - а ведь я для вас чужой человек.

I've caused you a heap of trouble and worry and if it's all the same to you, I'm goin' to stay here and help you all with the work till I've paid you back some for your trouble.	Я доставил вам уйму беспокойства и хлопот, и если вы не против, я бы хотел пожить здесь еще и помочь в работе чем смогу, пока не расплачусь с вами хоть немного за вашу заботу обо мне.
I can't ever pay it all, 'cause there ain't no payment a man can give for his life."	Совсем-то расплатиться, до конца, я не смогу никогда, потому как жизнь человеческая слишком дорога - ее ничем не оплатишь.
So he stayed and, gradually, unobtrusively, a large part of the burden of Tara shifted from Scarlett's shoulders to the bony shoulders of Will Benteen.	Итак, Уилл Бентин остался жить в Таре, и как-то незаметно, само собой, значительная часть груза, лежавшего на плечах Скарлетт, переместилась на его костлявые плечи.

It was September and time to pick the cotton.	Настал сентябрь, и пришла пора собирать хлопок.

Will Benteen sat on the front steps at Scarlett's feet in the pleasant sunshine of the early autumn afternoon and his flat voice went on and on languidly about the exorbitant costs of ginning the cotton at the new gin near Fayetteville.	Однажды после полудня, погожим, солнечным днем ранней осени Уилл Бентин, сидя на ступеньках крыльца у ног Скарлетт, неторопливо повествовал своим бесцветным голосом о непомерных ценах за очистку хлопка на новой хлопкоочистительной машине под Фейетвиллом.

However, he had learned that day in Fayetteville that he could cut this expense a fourth by lending the horse and wagon for two weeks to the gin owner.	Однако сегодня в Фейетвилле ему удалось выяснить, что расходы можно будет сократить на четверть, если на две недели предоставить лошадь и повозку в пользование хозяина машины.
He had delayed closing the bargain until he discussed it with Scarlett.	Но заключать сделку он не стал - решил сначала обсудить все со Скарлетт.
She looked at the lank figure leaning against the porch column, chewing a straw.	Она поглядела на долговязого, сухопарого человека, жевавшего соломинку, прислонясь к колонне крыльца.

Undoubtedly, as Mammy frequently declared, Will was something the Lord had provided and Scarlett often wondered how Tara could have lived through the last few months without him.	Несомненно - как частенько утверждала Мамушка - сам бог послал его сюда, и Скарлетт не раз спрашивала себя, что бы все они делали последние несколько месяцев, если бы не Уилл.
He never had much to say, never displayed any energy, never seemed to take much interest in anything that went on about him, but he knew everything about everybody at Tara.	Он всегда был немногословен, никогда не суетился без толку, никогда не проявлял излишнего интереса к тому, что происходило вокруг, но знал решительно все про всех обитателей усадьбы.

And he did things.	И работал не покладая рук.
He did them silently, patiently and competently.	Работал молча, старательно и со знанием дела.
Though he had only one leg, he could work faster than Pork. And he could get work out of Pork, which was, to Scarlett, a marvelous thing.	И хотя у него не было ноги, он работал быстрее, чем Порк, И умел заставить работать Порка, что Скарлетт казалось равносильным чуду.

When the cow had the colic and the horse fell ill with a mysterious ailment which threatened to remove him permanently from them, Will sat up nights with them and saved them.	Когда у коровы сделались колики, а на лошадь напала какая-то таинственная хворь, грозившая унести ее на тот свет, Уилл не отлучался от них ни днем, ни ночью и выходил обеих.

That he was a shrewd trader brought him Scarlett's respect, for he could ride out in the mornings with a bushel or two of apples, sweet potatoes and other vegetables and return with seeds, lengths of cloth, flour and other necessities which she knew she could never have acquired, good trader though she was.	Его умение выторговывать нужную цену вызывало уважение Скарлетт: он мог уехать утром верхом с двумя-тремя бушелями яблок, сладкого картофеля и других овощей и возвратиться с семенами, куском ткани, мукой и другими необходимыми предметами, и она понимала, что ей никогда не удалось бы всего этого раздобыть, как ни лихо научилась она торговаться.

He had gradually slipped into the status of a member of the family and slept on a cot in the little dressing room off Gerald's room. He said nothing of leaving Tara, and Scarlett was careful not to question him, fearful that he might leave them.	Мало-помалу Уилл Бентин стал как бы членом семьи О'Хара и спал на раскладной кровати в маленькой гардеробной, смежной со спальней Джералда, Он больше не заговаривал об отъезде, а Скарлетт, страшась, как бы он их не покинул, тоже старательно обходила эту тему.

Sometimes, she thought that if he were anybody and had any gumption he would go home, even if he no longer had a home.	Порой у нее мелькала мысль, что, не будь он человеком низкого происхождения и обладай хоть крупицей самолюбия, он бы вернулся к родному очагу, даже если этого очага больше не существует.
But even with this thought, she would pray fervently that he would remain indefinitely.	И тут же она принималась мысленно жарко молить судьбу о том, чтобы он оставался с ними как можно дольше.
It was so convenient to have a man about the house.	Насколько же легче жить, когда в доме ость мужчина.
She thought, too, that if Carreen had the sense of a mouse she would see that Will cared for her.	И будь у Кэррин чуть больше мозгов, чем у мыши, думала Скарлетт, она заметила бы, что Уилл к ней неравнодушен.

Scarlett would have been eternally grateful to Will, had he asked her for Carreen's hand.	Скарлетт была бы бесконечно благодарна Уиллу, если бы он посватался к Кэррин.
Of course, before the war, Will would certainly not have been an eligible suitor.	Конечно, до войны Уилла никак нельзя было бы счесть подходящей партией для Кэррин.
He was not of the planter class at all, though he was not poor white.	Он не принадлежал к клану плантаторов, хотя и к белой голытьбе его никто бы тоже не причислил.

He was just plain Cracker, a small farmer, half-educated, prone to grammatical errors and ignorant of some of the finer manners the O'Haras were accustomed to in gentlemen.	Он был просто небогатый фермер, не шибко образованный, говоривший и писавший с грамматическими ошибками и начисто лишенный того светского лоска, который в глазах всех О'Хара был неотъемлемой принадлежностью джентльмена.
In fact, Scarlett wondered if he could be called a gentleman at all and decided that he couldn't.	Сказать по правде, Скарлетт не раз задавала себе этот вопрос - можно ли считать Уилла джентльменом, и пришла к заключению, что нельзя.

Melanie hotly defended him, saying that anyone who had Will's kind heart and thoughtfulness of others was of gentle birth.	Мелани горячо защищала его: человек с таким добрым сердцем, такой внимательный к людям -это врожденный джентльмен, утверждала она.
Scarlett knew that Ellen would have fainted at the thought of a daughter of hers marrying such a man, but now Scarlett had been by necessity forced too far away from Ellen's teachings to let that worry her.	Скарлетт понимала, что Эллин упала бы в обморок при одной мысли, что ее дочь может сочетаться браком с человеком, подобным Уиллу, но это тоже не тревожило Скарлетт: волей-неволей ей слишком часто приходилось пренебрегать заповедями Эллин.
Men were scarce, girls had to marry someone and Tara had to have a man.	Мужчин было мало, а девушкам надо же было выходить за кого-то замуж, да и поместью требовалась мужская рука.

But Carreen, deeper and deeper immersed in her prayer book and every day losing more of her touch with the world of realities, treated Will as gently as a brother and took him as much for granted as she did Pork.	Но Кэррин, все глубже и глубже погружавшаяся в свой молитвенник и с каждым днем все больше терявшая связь с реальным миром, относилась к Уиллу тепло, как к брату, и он стал для нее чем-то столь же привычным, как Норк.

"If Carreen had any sense of gratitude to me for what I've done for her, she'd marry him and not let him get away from here," Scarlett thought indignantly.	"Будь у Кэррин хоть искра благодарности в душе за все, что я для нее сделала, - с горечью думала Скарлетт, - она бы вышла за Уилла замуж и не позволила бы ему уехать от нас.

"But no, she must spend her time mooning about a silly boy who probably never gave her a serious thought."	Так нет, она будет вечно убиваться по этому глупому мальчишке, у которого, верно, и в мыслях-то никогда ничего серьезного по отношению к ней не было".
So Will remained at Tara, for what reason she did not know and she found his businesslike man-to-man attitude with her both pleasant and helpful.	Но так или иначе, Уилл продолжал жить в их доме - по каким причинам, Скарлетт не знала, - и чисто деловые отношения, установившиеся между ними, были ей приятны и вполне ее устраивали.
He was gravely deferential to the vague Gerald but it was to Scarlett that he turned as the real head of the house.	К повредившемуся умом Джералду Уилл проявлял глубочайшую почтительность, но подлинной главой дома была в его глазах Скарлетт.

She gave her approval to the plan of hiring out the horse even though it meant the family would be without any means of transportation temporarily.	Она одобрила его план отдать внаймы лошадь, хотя это на какое-то время лишало их средства передвижения.
Suellen would be especially grieved at this.	Конечно, больше всех это огорчит Сьюлин.
Her greatest joy lay in going to Jonesboro or Fayetteville with Will when he drove over on business.	Ведь самым большим удовольствием для нее было проехаться с Уиллом в Джонсборо или Фейетвилл, когда он отправлялся туда по делам.

Adorned in the assembled best of the family, she called on old friends, heard all the gossip of the County and felt herself again Miss O'Hara of Tara.	Одетая с бору да с сосенки - во все, что оставалось лучшего у женской половины обитателей Тары, - она наносила визиты друзьям, собирала новости со всей округи и начинала снова чувствовать себя мисс О'Хара из поместья Тара.
Suellen never missed the opportunity to leave the plantation and give herself airs among people who did not know she weeded the garden and made beds.	Она никогда не упускала случая удрать с плантации и покрасоваться среди людей, которым не было известно, что она самолично застилает постели и полет огород.

Miss Fine Airs will just have to do without gadding for two weeks, thought Scarlett, and we'll have to put up with her nagging and her bawling.	"Мисс Гордячке придется две недели посидеть дома, - думала Скарлетт, - а нам, хочешь не хочешь, потерпеть ее нытье и воркотню".
Melanie joined them on the veranda, the baby in her arms, and spreading an old blanket on the floor, set little Beau down to crawl.	Мелани с ребенком на руках тоже вышла на крыльцо, расстелила на полу старое одеяльце и посадила на него Бо, чтобы дать ему поползать.
Since Ashley's letter Melanie had divided her time between glowing, singing happiness and anxious longing.	Получив очередное письмо Эшли, Мелани либо радостно распевала, сияя от счастья, либо впадала в состояние беспокойного тоскливого ожидания.

But happy or depressed, she was too thin, too white.	Но и ликующая и подавленная, она пугала своей бледностью и худобой.
She did her share of the work uncomplainingly but she was always ailing.	Без единой жалобы она выполняла свою долю работ, хотя здоровье никак не возвращалось к ней.

Old Dr. Fontaine diagnosed her trouble as female complaint and concurred with Dr. Meade in saying she should never have had Beau.	Старый доктор Фонтейн определил ее болезнь как женское недомогание и в полном согласии с доктором Мидом заявил, что ей вообще не следовало иметь детей.
And he said frankly that another baby would kill her.	Он без стеснения предрек, что еще одни роды убьют ее.

"When I was over to Fayetteville today," said Will,	- Сегодня в Фейетвилле мне попалась на глаза одна весьма занятная штучка, - сказал Уилл.
"I found somethin' right cute that I thought would interest you ladies and I brought it home."	- Я подумал, что вам, сударыня, будет интересно это увидеть, и решил прихватить ее с собой.
He fumbled in his back pants pocket and brought out the wallet of calico, stiffened with bark, which Carreen had made him. From it, he drew a Confederate bill.	- Порывшись в заднем кармане брюк, он вытащил обшитый лыком коленкоровый бумажник, который смастерила для него Кэррин, и достал оттуда денежную купюру Конфедерации.

"If you think Confederate money is cute, Will, I certainly don't," said Scarlett shortly, for the very sight of Confederate money made her mad.	- Если вам кажется, - Уилл, что в деньгах Конфедерации есть что-то занятное, то я никак не разделяю вашего мнения, - резко сказала Скарлетт, так как один вид этих денег приводил ее в исступление.
"We've got three thousand dollars of it in Pa's trunk this minute, and Mammy's after me to let her paste it over the holes in the attic walls so the draft won't get her.	- У папы в сундуке лежит этих бумажек на три тысячи долларов, и Мамушка давно рвется заклеить ими дыры на чердаке, чтобы там не гулял сквозняк.
And I think I'll do it. Then it'll be good for something."	И, пожалуй, я так и сделаю Тогда, по крайней мере, от них будет какой-то толк.

"'Imperious Caesar, dead and turned to clay,'" said Melanie with a sad smile.	- "Державный Цезарь, обращенный в тлен..." -пробормотала Мелани с грустной улыбкой.
"Don't do that, Scarlett.	- Не нужно, Скарлетт, не делай этого.
Keep it for Wade.	Сохрани их для Уэйда.
He'll be proud of it some day."	Он, когда подрастет, будет гордиться ими.
"Well, I don't know nothin' about imperious Caesar," said Will, patiently, "but what I've got is in line with what you've just said about Wade, Miss Melly.	- Насчет державного Цезаря я ничего не слыхал, -терпеливо промолвил Уилл, - а вот то, что вы сказали насчет Уэйда, мисс Мелли, - так ведь и я как раз о том же.
It's a poem, pasted on the back of this bill.	Тут на обороте наклеен стишок.

I know Miss Scarlett ain't much on poems but I thought this might interest her."	Я знаю, мисс Скарлетт не больно жалует стихи, но мне казалось, эти могут прийтись ей по душе.
He turned the bill over.	Он перевернул купюру.
On its back was pasted a strip of coarse brown wrapping paper, inscribed in pale homemade ink.	С оборотной стороны на нее был наклеен кусок оберточной бумаги, исписанный бледными самодельными чернилами.
Will cleared his throat and read slowly and with difficulty.	Уилл откашлялся и неторопливо прочел:
"The name is	- Называется:

'Lines on the Back of a Confederate Note,'" he said.	"Стихи на оборотной стороне денежной купюры Конфедерации":

"Representing nothing on God's earth now And naught in the waters below it-As the pledge of nation that's passed away Keep it, dear friend, and show it. Show it to those who will lend an ear To the tale this trifle will tell Of Liberty, born of patriots' dream, Of a storm-cradled nation that fell."	Это знак, не имеющий больше цены, - Сохрани его, друг дорогой, Это символ когда-то прекрасной страны, Разоренной жестокой рукой. Да поведает он свой печальный рассказ Том, кто память хранит о былом, О земле - колыбели священной для нас, О грозе, полыхавшей огнем. note 10
"Oh, how beautiful! How touching!" cried Melanie.	- О какие прекрасные, какие волнующие слова! -воскликнула Мелани.
"Scarlett, you mustn't give the money to Mammy to paste in the attic.	- Нет, Скарлетт, ты не должна позволять Мамушке заклеивать деньгами щели на чердаке.

It's more than paper-just like this poem said: 'The pledge of a nation that's passed away!'"	Это же не просто бумажки, как правильно сказано в стихах.., это память о той жизни, которая ушла безвозвратно.
"Oh, Melly, don't be sentimental!	- Ах, Мелли, не будь такой сентиментальной!
Paper is paper and we've got little enough of it and I'm tired of hearing Mammy grumble about the cracks in the attic.	Бумага все равно остается бумагой, а у нас ее так мало, и мне надоело слышать Мамушкину воркотню из-за щелей на чердаке.
I hope when Wade grows up I'll have plenty of greenbacks to give him instead of Confederate trash."	А когда Уэйд подрастет, у меня, надеюсь, найдется для него достаточно зеленых банкнот вместо этих никчемных бумажек.

Will, who had been enticing little Beau across the blanket with the bill during this argument, looked up and, shading his eyes, glanced down the driveway.	Уилл, который во время этого разговора приманивал к себе малютку Бо, показывая ему купюру и заставляя ползти по одеялу, поднял голову и, заслонив глаза от солнца рукой, поглядел на подъездную аллею.
"More company," he said, squinting in the sun. "Another soldier."	- К нам еще кто-то пожаловал, - сказал он - Еще один солдат.
Scarlett followed his gaze and saw a familiar sight, a bearded man coming slowly up the avenue under the cedars, a man clad in a ragged mixture of blue and gray uniforms, head bowed tiredly, feet dragging slowly.	Скарлетт посмотрела туда и увидела ставшую привычной картину: бородатый человек в серых и синих лохмотьях - остатках военной формы обеих армий - медленно брел по кедровой аллее, с трудом волоча ноги, понуро опустив голову.

"I thought we were about through with soldiers," she said.	- А я-то думала, что с солдатами уже покончено, -сказала Скарлетт.
"I hope this one isn't very hungry."	- Надеюсь, этот не очень изголодался.
"He'll be hungry," said Will briefly.	- Думаю, что очень, - промолвил Уилл.
Melanie rose.	Мелани поднялась.
"I'd better tell Dilcey to set an extra plate," she said, "and warn Mammy not to get the poor thing's clothes off his back too abruptly and-"	- Пойду велю Дилси поставить еще один прибор, -сказала она. - И надо удержать Мамушку, чтобы она не набрасывалась на этого беднягу прямо с порога, и не стаскивала с него рубище, и не...
She stopped so suddenly that Scarlett turned to look at her.	Она так внезапно умолкла на полуслове, что Скарлетт подняла на нее глаза.

Melanie's thin hand was at her throat, clutching it as if it was torn with pain, and Scarlett could see the veins beneath the white skin throbbing swiftly.	Мелани держалась рукой за горло, словно ее что-то душило, и было видно, как на шее под кожей у нее быстро-быстро бьется голубая жилка.
Her face went whiter and her brown eyes dilated enormously.	Лицо ее совсем побелело, а карие глаза казались неестественно огромными и почти черными от расширившихся зрачков.
She's going to faint, thought Scarlett, leaping to her feet and catching her arm.	"Она сейчас потеряет сознание!" - подумала Скарлетт и, вскочив со ступенек, обхватила ее за плечи.
But, in an instant, Melanie threw off her hand and was down the steps.	Но Мелани отбросила ее руку и в мгновение она сбежала с крыльца.

Down the graveled path she flew, skimming lightly as a bird, her faded skirts streaming behind her, her arms outstretched. Then, Scarlett knew the truth, with the impact of a blow.	Она летела по аллее словно птица, раскинув руки, одна касаясь ступнями гравия, ее линялые юбки развевались... И Скарлетт вдруг все поняла, и это прозрение обрушилось на нее как удар.
She reeled back against an upright of the porch as the man lifted a face covered with a dirty blond beard and stopped still, looking toward the house as if he was too weary to take another step.	Она прислонилась к колонне, чтобы не упасть, и когда солдат поднял заросшее белокурой бородкой лицо и стал, глядя на дом, словно не находя в себе сил сделать еще хоть шаг, у Скарлетт остановилось сердце.

Her heart leaped and stopped and then began racing, as Melly with incoherent cries threw herself into the dirty soldier's arms and his head bent down toward hers.	А затем оно толкнулось о ребра и забилось бешено, когда Мелли с нечленораздельным криком упала в объятия этого оборванного солдата и его голова склонилась к ее лицу.
With rapture, Scarlett took two running steps forward but was checked when Will's hand closed upon her skirt.	Не помня себя, Скарлетт бросилась вниз по ступенькам, но рука Уилла удержала ее, ухватив за юбку.
"Don't spoil it," he said quietly.	- Не надо, не мешайте им, - тихо сказал он.
"Turn me loose, you fool!	- Уберите руку, болван!

Turn me loose!	Уберите руку!
It's Ashley!"	Это ЖР Эшли!
He did not relax his grip.	Но он продолжал удерживать ее за юбку.
"After all, he's HER husband, ain't he?" Will asked calmly and, looking down at him in a confusion of joy and impotent fury, Scarlett saw in the quiet depths of his eyes understanding and pity.	- Ведь это же как-никак ее муж, верно? - мягко проговорил он, и, теряя рассудок от бессильной ярости и непомерного счастья, Скарлетт в смятении взглянула на него и прочла в глубине его глаз понимание и участие.